ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ

1944

ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ВОСПОМИНАНИЯХ
ДОКУМЕНТАХ

ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ 1944

Под редакцией и с предисловием
члена-корреспондента АН СССР
А. М. САМСОНОВА

Издание 2-е
исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1974

Редакционная коллегия серии «Вторая мировая война
в исследованиях, воспоминаниях, документах»

Член-корреспондент АН СССР А. М. САМСОНОВ (председатель),
доктора исторических наук А. Н. ГРЫЛЕВ, Г. Д. КОМКОВ,
В. Т. ФОМИН, кандидаты исторических наук В. М. КОВАЛЬЧУК,
И. И. ЗЕЛКИН (ученый секретарь); В. И. ЗУЕВ

Составители
кандидаты исторических наук

М. М. МАЛАХОВ, В. Н. САМОШЕНКО

О $\frac{11202\text{-}0406}{042(01)}$ -БЗ-78-5-73

© Издательство «Наука», 1974 г.

«Через тягчайшие испытания, каких еще не выпадало на долю никому, сквозь огонь и кровь небывалых по масштабу боев пришел советский народ к своей великой победе».

Л. И. Брежнев. 50 лет великих побед социализма. М., 1967, стр. 20.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Преодолев трудности первого периода войны против фашистской Германии, Советский Союз в 1942—1943 гг. добился коренного перелома в борьбе на фронтах. В 1944 г. Вооруженные Силы СССР, не давая врагу передышки, наносили мощные удары по немецко-фашистским захватчикам. Прочно владея стратегической инициативой, войска советских фронтов продвигались на запад, решая задачу полного изгнания гитлеровских оккупантов из пределов родной земли и выполняя свой интернациональный долг перед порабощенными фашизмом народами Европы. В ходе этого великого освободительного похода Красная Армия приближала день окончательной победы над фашистской Германией.

Предлагаемая вниманию читателей книга «Освобождение Белоруссии» выходит вторым изданием, которое приурочено к 30-летию освобождения белорусского народа от тирании фашистских агрессоров. В ней освещается наступление Красной Армии в 1944 г. на направлении главного удара, прокладывающего путь к границам Восточной Пруссии и Польши, откуда было кратчайшее расстояние к логову фашистского рейха — Берлину. Создана книга непосредственными участниками рассматриваемых событий: выдающимися советскими полководцами, прославленными военачальниками, политработниками, тыловыми и медицинскими работниками. Среди авторов Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, И. Х. Баграмян, Н. И. Крылов, Главные маршалы и маршалы родов войск П. А. Ротмистров, К. А. Вершинин, С. И. Руденко, В. И. Казаков, генералы А. П. Покровский, А. П. Белобородов, И. А. Плиев, А. В. Горбатов, К. Н. Галицкий, П. И. Батов, Н. А. Антипенко, К. Ф. Телегин, И. В. Ковалев, И. И. Людников, В. Т. Обухов, А. С. Бурдейный, М. В. Панов и др. Написан-

ные ими статьи ярко освещают многие важные страницы истории освобождения Белорусской ССР.

В советской историографии знаменитая Белорусская операция раскрывается во многих общих трудах [1], а также в работах, непосредственно ей посвященных или анализирующих отдельные аспекты операции [2]. Анализу Белорусской операции уделяется внимание и в книгах о боевых действиях родов войск [3]. Ее события освещаются в работах, рассказывающих о массовом героизме советских воинов в боях за освобождение Белоруссии. Большой интерес представляют издания, посвященные борьбе белорусских партизан [4].

Следует отметить особенность тех книг, которые написаны непосредственными участниками борьбы Красной Армии с немецко-фашистскими захватчиками. Известно, что далеко не все важные детали этой борьбы можно изучать по материалам архивов; они сохранились лишь в памяти участников. Поэтому описание событий ветеранами войны, подкрепленное изучением документов, помогает восстановить многие ценные для истории факты и углубить анализ нашей вооруженной борьбы против фашистского агрессора, завершившейся победой над гитлеровской Германией.

Напомним и еще об одной особенности воспоминаний участников событий. Военные мемуары не только во многом обогащают и дополняют сведения, содержащиеся в исследовательских трудах, но и усиливают эмоциональное восприятие, а следовательно и воспитательное значение изучения истории минувшей войны. В публикации мемуаров В. И. Ленин видел важное средство политического воспитания масс. Призывая рабочих России собирать воспоминания о героях русской революции 1905—1907 гг., Ленин писал, что брошюра с их жизнеописанием станет «лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут

[1] «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. IV. М., 1962; «Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история». М., 1965; 2-е изд., 1970; «Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк». М., 1970; 2-е изд., 1973; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. X. М., 1973 и др.

[2] *К. А. Маланьин.* Разгром фашистских войск в Белоруссии. М., 1956; «В боях за Белоруссию». Минск, 1960; *М. Малинин.* О действиях 1-го Белорусского фронта в Белорусской операции.— «Военно-исторический журнал», 1961, № 7; *А. Цыкин.* Авиация 16-й воздушной армии при разгроме противника под Бобруйском.— «Военно-исторический журнал», 1962, № 7; *Е. П. Елисеев.* На белостоцком направлении. М., 1971 и др.

[3] «Бронетанковые и механизированные войска Советской Армии». М., 1958; *И. С. Прочко.* Артиллерия в боях за Родину. М., 1957; «Воздушный флот страны Советов». М., 1958 и др.

[4] «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» (июнь 1941 — июль 1944). «Документы и материалы», в трех томах, т. I. Минск, 1967; т. II, кн. 1. Минск, 1973; *В. Е. Лобанок.* Партизаны Витебщины в боях за Родину. Минск, 1959; *П. З. Калинин.* Партизанская республика. Минск, 1963.

учиться по ней как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему» [5].

Советская военно-историческая литература даст общую картину Белорусской операции, включая ее планирование и подготовку, освещает ход вооруженной борьбы фронтов, показывает ее итоги, раскрывает роль и место данной операции в событиях Великой Отечественной войны. Однако ряд важных вопросов истории освобождения Белоруссии, таких, например, как управление войсками в ходе наступления, деятельность политорганов, взаимодействие войск с белорусскими партизанами, помощь освобождаемому населению, работа тыла фронтов, медицинское обслуживание раненых, танко-ремонтная служба и некоторые другие полностью не изучены.

Перед исследователями Белорусской операции стоят во многом еще не решенные задачи. Пока не написаны по этой проблеме истории капитальные труды, мало опубликовано и мемуаров участников событий. Вот почему несомненную актуальность представляют воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, во многом помогающие раскрытию огромного и многообразного содержания грандиозной Белорусской эпопеи.

К достижению этой цели направлены усилия и авторов настоящего сборника. В нем прежде всего освещаются вопросы стратегии, оперативного искусства, тактики, использования родов войск, а также вопросы тылового обеспечения наступающих фронтов, в частности военно-санитарной и танко-ремонтной служб.

Сборник не претендует на полное, всестороннее освещение операции «Багратион», его содержание ограничено в основном лишь рассмотрением вооруженной борьбы, происходившей на территории Белоруссии. Выход книги к знаменательному юбилею не случаен. Советские люди глубоко чтут память о павших героях, о всех участниках боев против фашистских агрессоров. И каждому нашему читателю дороги убедительные свидетельства стойкости и героизма, проявленные советским народом в этой борьбе.

☆

Освобождение Белоруссии началось и проходило в условиях, когда фашистская Германия все еще оставалась сильным и опасным противником. Перед началом летне-осенней кампании 1944 г., как отмечает в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, немецко-фашистские войска сами по себе еще имели все необходимое для ведения упорной обороны на советско-германском фронте (стр. 16). Однако стратегическое искусство их верховного командования и командования групп армий после поражений в Сталинградской и Курской битвах резко понизилось.

[5] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 83.

Немецкое командование плохо учло и то, что Советские Вооруженные Силы «как в количественном, так и особенно в качественном отношении в целом неизмеримо выросли, а войска и командные кадры оперативно-стратегического звена в своем искусстве далеко шагнули вперед, закалились в тяжелейших условиях вооруженной борьбы» (стр. 17).

В статьях Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова и А. М. Василевского дается краткая оценка положения, которое было на советско-германском фронте перед летней кампанией 1944 г., а также общей военно-политической обстановки, сложившейся в Европе под влиянием исторических побед Красной Армии и всего нашего народа.

Победа ковалась не только на фронте, но и в глубоком тылу. Красная Армия один на один сражалась против главных сил фашистской Германии и ее сателлитов, опираясь на растущую поддержку тыла с его плановой социалистической экономикой, морально-политическим единством народов СССР, великой организующей и вдохновляющей деятельностью Коммунистической партии. В тяжелейших условиях войны наша страна увеличивала свою экономическую мощь, и в первом полугодии 1944 г. советская промышленность выпустила, например, тяжелых и средних танков больше, чем германская промышленность.

Советский Союз наглядно показал, что он в состоянии один, своими силами завершить разгром фашистской Германии и освободить от гитлеровских захватчиков не только свои земли, но и оккупированные ими страны Европы. В статье Маршала Советского Союза А. М. Василевского отмечается положительное военно-политическое значение того факта, что наши союзники по антигитлеровской коалиции США и Англия, хотя и с большим опозданием, открыли второй фронт в Европе. Высадка союзных войск на побережье Нормандии началась, как известно, 6 июня. «Советско-германский фронт и после открытия второго фронта в Европе оставался основным и решающим фронтом второй мировой войны. Здесь осуществлялись важнейшие битвы до последнего момента капитуляции фашистов» (стр. 43).

Советское Верховное Главнокомандование располагало всеми необходимыми силами и средствами для организации и проведения крупнейших наступательных операций. Это конкретно показано в публикуемых статьях сборника.

План Белорусской операции (кодовое название — операция «Багратион») был искусно разработан Генеральным штабом. В его основу был положен замысел Верховного Главнокомандования по разгрому и уничтожению главных сил немецко-фашистской группы армий «Центр». Рассмотренный в Ставке 22—24 мая с участием ряда командующих и членов военных советов фронтов, этот план 30 мая был окончательно утвержден.

К проведению Белорусской операции привлекались войска 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов,

авиация дальнего действия, Днепровская военная флотилия и белорусские партизаны. Координация действий фронтов поручалась представителям Ставки Маршалам Советского Союза Г. К. Жукову и А. М. Василевскому.

К началу операции в составе трех Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов имелось 1,4 млн. человек, 31,7 тыс. орудий и минометов, 5200 танков и самоходных орудий и около 5 тыс. боевых самолетов. В противостоящей им вражеской группировке было 800 тыс. человек (с учетом тыловых учреждений и тылов — 1,2 млн. человек), свыше 9,5 тыс. орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий, более 1300 боевых самолетов [6].

Противник, готовясь к летней кампании 1944 г., прилагал отчаянные усилия, чтобы стабилизировать Восточный фронт. Туда направлялись все резервы. По приказу Гитлера на оккупированной советской территории была создана система крепостей и опорных пунктов, которые предписывалось удерживать до конца, даже в случае их окружения. Когда Красная Армия перешла в наступление, враг оказал ожесточенное сопротивление. Почти 70 дней советские войска вели напряженные бои против крупнейшей группировки немецко-фашистских войск — группы армий «Центр».

По характеру боевых действий и содержанию выполненных задач Белорусская операция делится на два этапа: первый — с 23 июня по 4 июля и второй — с 5 июля по 29 августа. На первом этапе войска трех Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов провели Витебско-Оршанскую, Могилевскую, Бобруйскую и Минскую наступательные операции, в ходе которых были разгромлены главные силы группы армий «Центр», освобождены Витебск, Могилев, Орша, Бобруйск, столица Белоруссии Минск и другие города БССР. В стратегическом фронте немецко-фашистских войск образовалась огромная брешь, закрыть ее врагу не удалось. Свыше 100 тыс. солдат и офицеров противника было окружено восточнее Минска.

За 12 дней непрерывных наступательных боев советские войска продвинулись на 225—280 км и вышли на рубеж Полоцк, Браслав, Молодечно, Несвиж. Наступление характеризовалось высокими темпами продвижения, например 3-й гвардейский механизированный Сталинградский, 2-й гвардейский танковый Тацинский, 1-й гвардейский танковый Донской корпуса проходили по 45 км и более в сутки.

В ходе второго этапа были проведены четыре фронтовые операции: Шяуляйская, Вильнюсская, Белостокская и Люблин-Брестская. Советские войска продвинулись на 260—400 км, расширив фронт наступления до 1000 км, завершили уничтожение окруженной группировки немецко-фашистских войск в районе восточ-

[6] «Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история». М., 1970, стр. 348—350.

нее Минска. Они нанесли поражение десяткам дивизий противника, переброшенным в Белоруссию из Западной Европы, а также с других участков советско-германского фронта.

Одной из наиболее важных особенностей в действиях войск на втором этапе Белорусской операции явилось хорошо организованное взаимодействие как внутри фронтов, так и между ними, в том числе с войсками 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, наступавших к северу от Западной Двины, а также с 1-м Украинским фронтом, осуществлявшим в это время Львовско-Сандомирскую операцию. Эти фронты включались в общее наступление тогда, когда удар в Белоруссии уже был завершен окружением крупной группировки врага. С переходом в наступление 3-го и 2-го Прибалтийских и 1-го Украинского фронтов наступление советских войск летом 1944 г. вылилось в общее стратегическое наступление от Балтики до Карпат.

Одновременное наступление ряда советских фронтов лишило немецко-фашистское командование возможности осуществить маневр своими силами вдоль фронта в той степени, в какой это нужно было ему для парирования ударов. Подходившие же резервы из глубины, главным образом из Западной Европы, оказались недостаточными, чтобы восстановить положение гитлеровских войск в Белоруссии, и даже для того, чтобы приостановить наступление советских войск на вновь организованных оборонительных рубежах в оперативной глубине обороны.

Большую помощь наступавшим советским войскам оказали белорусские партизаны. Действуя в прифронтовой полосе и в глубоком тылу, партизаны наносили удары на коммуникациях противника, срывая подвоз подкреплений, вооружения и боеприпасов к линии фронта. В глубоком тылу партизаны Белоруссии организовывали засады против отступавших войск, уничтожали его живую силу, захватывали в плен вражеских солдат и офицеров. Партизаны заняли ряд сел и райцентров и удерживали их до прихода советских войск; во взаимодействии с Красной Армией они участвовали и в освобождении отдельных областных центров. Помощь белорусских партизан наступавшим советским войскам получила высокое признание командования фронтов. О боевой деятельности белорусских партизан и подпольщиков рассказывает в своей статье П. К. Пономаренко, бывший секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, начальник Центрального штаба партизанского движения.

17 июля 1944 г. 60 тыс. немецких солдат и офицеров во главе с 19 генералами под конвоем советских солдат промаршировали по улицам Москвы. Фашисты увидели столицу Советского Союза, но не как победители, а как пленные.

По мере продвижения советских войск на запад сопротивление противника усиливалось. К 29 августа наши войска достигли рубежа западнее Елгава, Добеле, Шяуляй, Сувалки, Остроленка, Пултуск, Прага (Варшавская), Сандомир, Санск.

Красная Армия очистила от немецко-фашистских оккупантов Белорусскую ССР и значительную часть Литвы, начала освобождение территории Польши и создала благоприятные условия для нанесения новых мощных ударов по вражеским группировкам, действовавшим в Советской Прибалтике, Восточной Пруссии и Польше.

В ходе Белорусской операции советские войска разгромили одну из наиболее сильных вражеских группировок — группу армий «Центр». При этом 17 дивизий и 3 бригады были полностью уничтожены, 50 дивизий потеряли более половины своего состава.

Успешное проведение Белорусской операции вызвало новое изменение стратегической обстановки на всем советско-германском фронте. Ликвидация белорусского выступа устранила угрозу флангового удара по войскам 1-го Украинского фронта с севера. Были созданы благоприятные условия для последующих мощных ударов наших войск на центральном направлении, в Прибалтике и Восточной Пруссии. Улучшились условия и для наступления 2-го и 3-го Украинских фронтов в Юго-Восточной Европе.

Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии сильно потряс германскую военную машину. Многие западногерманские генералы и историки сравнивают его с поражением немецких войск под Сталинградом. «В течение лета и осени 1944 г.— писал генерал З. Вестфаль,— немецкую армию постигло величайшее в ее истории поражение, превзошедшее даже сталинградское» [7]. Характеризуя сложившуюся в Белоруссии во второй половине июля обстановку, немецкий генерал Бутлар отмечал: «Разгром группы армий «Центр» положил конец организованному сопротивлению немцев на Востоке» [8]. Следует отметить, что в дальнейшем реакционные буржуазные историки пытались принизить значение Белорусской операции, как и других блестящих побед Красной Армии.

Над гитлеровской Германией надвигалась неотвратимая катастрофа, перспективы ведения дальнейших военных действий для фашистского руководства становились все более мрачными. В то же время перед Красной Армией после победы в Белоруссии открылись еще большие возможности быстрейшего разгрома врага.

Белорусская операция являлась одной из крупнейших стратегических наступательных операций в ходе всей второй мировой войны. Она внесла огромный вклад в развитие советского военного искусства. Организация и осуществление мощных ударов одновременно на шести далеко отстоящих один от другого участках различных фронтов являлись классическим образцом оперативного прорыва фронта противника. Его оборона оказалась раз-

[7] *З. Вестфаль.* Роковые решения. М., 1958, стр. 257.
[8] «Мировая война 1939—1945 гг.». М., 1957, стр. 240.

дробленной на части на фронте в несколько сотен километров, и враг не смог сосредоточить свои резервы для парирования ударов советских войск. Только на двух из шести участков гитлеровцам удалось удержать в своих руках главную полосу в первый день наступления. Но уже на второй и третий день они вынуждены были начать поспешный отход и на этих направлениях.

Весьма ценным являлся опыт организации мощного первоначального удара и непрерывного наращивания его силы в глубине обороны противника путем своевременного ввода в сражение стратегических резервов. Так, в ходе операции Верховное Главнокомандование приняло решение о передаче 1-му Прибалтийскому фронту двух общевойсковых армий (2-й гвардейской и 51-й) в тот момент, когда наступательные возможности фронта заметно снизились. С вводом этих армий в сражение фронт снова начал успешно наступать на шяуляйском и рижском направлениях, а это в свою очередь способствовало активному развитию событий в полосе действий 3-го Белорусского фронта.

Рассматривая наиболее характерные черты военного искусства в Белорусской операции, следует обратить внимание и на такой важный факт, как подготовка и успешное проведение фронтами или усилиями нескольких фронтов последовательных по фронту и по глубине операций в интересах достижения конечной цели всего стратегического наступления. В свою очередь фронтовые операции включали в себя армейские наступательные операции, обычно проводившиеся на глубине 50—150 км.

Оригинальным в Белорусской операции было окружение и уничтожение крупных группировок противника на большом удалении от исходного положения наступавших войск. Так, район окружения противника восточнее Минска находился в 200 км от исходного положения наших войск. При этом следует заметить, что уничтожение окруженных группировок как в районах Витебска и Бобруйска, так и восточнее Минска осуществлялось в короткие сроки. Достигалось это тем, что наступавшие войска одновременно с окружением расчленяли группировки противника на части, лишая их возможности совершать маневр силами и средствами внутри «котла».

В ходе операции «Багратион» советские войска продемонстрировали высокие морально-боевые качества и возросшее мастерство. Политическая сознательность и героизм воинов воспитывались повседневной кропотливой работой командиров и партийно-политической деятельностью политработников — от политрука роты до члена Военного совета армии, фронта. Велика была организующая роль партийных организаций частей, подразделений и в непосредственном решении боевых задач. Коммунисты показывали пример мужества и героизма в боях с врагом. Среди награжденных воинов — участников Белорусской операции значительную часть составляли коммунисты и комсомольцы.

Героизм был массовым. Свыше 402 тыс. солдат, офицеров и генералов были удостоены правительственных наград, а многие из них стали Героями Советского Союза. Большое число соединений и частей, отличившихся в боях за освобождение Белоруссии, получили почетные наименования «Минских», «Гомельских», «Бобруйских», «Витебских» и др.

Население городов и сел Белоруссии с огромной радостью встречало воинов Красной Армии. Отступая, гитлеровцы все, что могли, уничтожали. Многие здания оказались заминированными. Во всех четырех фронтах были созданы специальные отряды для разминирования освобождаемых городов. Один из них — отряд 1-го Белорусского фронта разминировал в Минске Дом правительства, здание ЦК КП(б)Б и окружной Дом офицеров. Всего в столице Белоруссии саперы обезвредили более 300 фугасов, свыше тысячи мин и различных «сюрпризов».

Правительство и Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии переехали из Гомеля, где они временно находились, в Минск.

С первых дней вступления на территорию Белоруссии войска Красной Армии оказывали белорусскому народу широкую помощь в налаживании нормальной жизни. Военные советы фронтов и армий по просьбе белорусского правительства выделяли автомобили, тракторы, горюче-смазочные материалы для народного хозяйства республики. Часть автотранспорта с разрешения Государственного Комитета Обороны фронты передали в постоянное пользование ряду городов и промышленных предприятий Белоруссии. Многие инженерные части помогали местному населению в заготовке лесоматериалов и восстановлении жилого фонда городов и сел. Бригады из воинов-специалистов ремонтировали оборудование фабрик и заводов, намеченных к пуску в первую очередь, а также сельскохозяйственную технику. Политические органы и партийные организации частей и соединений содействовали местным партийным и советским органам в культурном обслуживании трудящихся. Единство советского народа и его армии проявлялось в конкретных делах.

После войны в возрожденном Минске на одной из красивейших площадей города в честь победы над немецко-фашистскими оккупантами воздвигнут величественный монумент, увенчанный орденом Победы. У его подножья всегда свежие цветы. В десятках, сотнях других городов и сел Белоруссии также стоят памятники, обелиски воинам Красной Армии и народным мстителям — партизанам, отдавшим жизнь за свободу и независимость Родины.

Авторы книги «Освобождение Белоруссии» стремились внести свою лепту в увековечение подвига участников Белорусской операции. «Как живые стоят перед глазами воины, которые отдали свою жизнь за Родину в этой тяжелой и славной операции... Сожалею только о том, что пока еще мало написано об их слав-

ных делах, о героических подвигах, которые совершали гвардейцы во имя нашей Родины». Такими словами закончил свою статью К. Н. Галицкий, выражая мысли и чувства авторов настоящего сборника. Некоторые из них уже ушли из жизни. Это — Маршалы Советского Союза К. К. Рокоссовский и Н. И. Крылов, Главный маршал авиации К. А. Вершинин, маршал артиллерии В. И. Казаков, генералы армии К. Н. Галицкий и А. В. Горбатов. генерал-лейтенант медицинской службы Г. П. Столяров.

События, о которых рассказывается в книге, принадлежат истории. Воспоминания их участников тем более примечательны, что они дают некоторое общее представление о выдающихся военно-политических результатах, достигнутых тогда нашей страной в борьбе против фашистской Германии. Как уже отмечалось, мощное наступление Советских Вооруженных Сил проходило на всем протяжении советско-германского фронта. В ходе грандиозной битвы на главном направлении были разгромлены две наиболее сильные стратегические группировки противника: группы армий «Центр» и «Северная Украина».

В результате одержанных в 1944 г. исторических побед Красная Армия вышла к государственной границе СССР на протяжении 950 км, почти полностью изгнав врага из пределов родной земли. Советские войска приступили к освобождению народов Европы от фашистского ига. «Оборонительной» стратегии противника, как и предшествующей ей стратегии «молниеносной войны», было нанесено сокрушительное поражение.

Белорусская стратегическая операция вписала яркую страницу в летопись Великой Отечественной войны, в завоевание победы над мрачными силами нацистской агрессии и порабощения.

Член-корреспондент АН СССР А. М. Самсонов

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Г. К. ЖУКОВ

РАЗГРОМ ФАШИСТСКИХ ВОЙСК В БЕЛОРУССИИ

В течение трех лет белорусский народ изнывал под гнетом вражеской оккупации. Гитлеровцы разграбили и уничтожили все общественное достояние белорусского народа, опустошили города, сожгли 1200 тыс. строений в селах, превратили в развалины 7 тыс. школ; фашисты истребили в Белоруссии более 2 200 тыс. мирных жителей и военнопленных. Не было почти ни одной семьи, которая бы жестоко не пострадала от войны. Но, как ни тяжка была ее доля, Белоруссия не склонила головы перед врагом, народ не упал духом, не опустил руки в борьбе с оккупантами.

Зная, что Красная Армия уже разгромила немецкие войска на Украине, отбросив их далеко на запад, белорусские партизанские силы готовились к решающим операциям.

В Белоруссии в течение войны действовало 374 тыс. хорошо вооруженных партизан, объединенных в крупные отряды, части и соединения. Общее руководство партизанской борьбой осуществляли подпольные организации Коммунистической партии республики под руководством своего Центрального Комитета во главе с первым секретарем П. К. Пономаренко, который одновременно являлся и начальником Центрального штаба партизанского

движения Советского Союза вплоть до января 1945 г., когда в результате освобождения большей части оккупированной территории СССР решением ГКО Центральный штаб партизанского движения был упразднен.

За несколько дней до начала действий Красной Армии по освобождению Белоруссии партизанские отряды под руководством партийных органов республики и областей провели ряд крупных операций по разрушению железнодорожных и шоссейных магистралей и уничтожению мостов, что парализовало вражеский тыл в самый ответственный момент.

22 апреля я был вызван в Москву, в Ставку Верховного Главнокомандования, для обсуждения летне-осенней кампании 1944 г.

Несмотря на то что действия наших войск в зимнюю кампанию 1944 г. заканчивались большими победами, я все же считал, что немецкие войска сами по себе еще имеют все необходимое для ведения упорной обороны на советско-германском фронте. Что же касается стратегического искусства их верховного командования и командования групп армий, то оно после катастрофы в районе Сталинграда, особенно после битвы под Курском, резко понизилось.

В отличие от первого периода войны немецкое командование стало каким-то тяжелодумным, лишенным изобретательности, особенно в сложной обстановке. В решениях чувствовалось отсутствие правильных оценок возможностей своих войск и противника. С отводом своих группировок из-под угрозы фланговых ударов и окружения командование очень часто опаздывало, чем ставило свои войска в безвыходное положение.

Читая послевоенную мемуарную литературу, написанную немецкими генералами и фельдмаршалами, просто невозможно понять их толкование причин провалов, ошибок, просчетов и непредусмотрительности в руководстве войсками.

Большинство авторов во всем обвиняют Гитлера, ссылаясь на то, что он, поставив себя в 1941 г. во главе вооруженных сил Германии и будучи дилетантом в оперативно-стратегических вопросах, как диктатор руководил военными действиями, не слушая советов своих генералов и фельдмаршалов. Думается, что в этом доля правды есть, и, может быть, даже немалая, но, конечно, не в субъективных факторах кроются основные причины провала немецкого руководства вооруженной борьбой.

Высшим руководящим кадрам немецких войск после разгрома под Сталинградом, особенно на Курской дуге, в связи с потерей инициативы пришлось иметь дело с новыми факторами и методами оперативно-стратегического руководства войсками, к чему они не были подготовлены. Столкнувшись с трудностями при вынужденных отходах и при ведении стратегической обороны, командование немецко-фашистских войск не сумело перестроиться.

Оно плохо учло и то, что Красная Армия, Воздушный и Военно-Морской Флот как в количественном, так и особенно в качественном отношении в целом неизмеримо выросли, а войска и командные кадры оперативно-стратегического звена в своем искусстве далеко шагнули вперед, закалились в тяжелейших условиях вооруженной борьбы.

В самолете на пути в Москву, изучая последние данные с фронтов, я еще раз пришел к убеждению в правильности решения Ставки от 12 апреля 1944 г., в котором одной из первоочередных задач на лето 1944 г. ставился разгром группировки немецких войск в Белоруссии. Предварительно нужно было провести ряд крупных ударов на других направлениях с тем, чтобы оттянуть из района Белоруссии максимум стратегических резервов немецких войск.

В успехе можно было не сомневаться. Во-первых, оперативное расположение войск группы армий «Центр» своим выступом в сторону наших войск создавало выгодные условия для глубоких охватывающих ударов под основание выступа. Во-вторых, на направлениях главных ударов мы теперь имели возможность создать преобладающее превосходство над войсками противника.

Белоруссию, особенно те районы, где была расположена группа армий «Центр», я знал хорошо еще по своей прошлой работе в войсках Белорусского военного округа.

Прибыв в Москву, я прежде всего зашел в Генштаб к Алексею Иннокентьевичу Антонову. Он готовил карту военных действий для Верховного Главнокомандующего. Алексей Иннокентьевич сообщил мне сведения о ходе ликвидации противника в Крыму и создании новых резервных войск и материальных запасов к летней кампании. Но он просил не говорить Верховному о том, что познакомил меня с наличием созданных запасов. И. В. Сталин запретил кому бы то ни было давать эти сведения, чтобы мы преждевременно не просили их у Ставки.

Надо сказать, что Верховный Главнокомандующий в последнее время стал более экономно распределять силы и средства, находящиеся в распоряжении Ставки. Он давал их теперь в первую очередь только тем фронтам, которые действительно выполняли решающие операции. Другие фронты средства и силы получали в разумно ограниченных размерах.

Кстати, один из бывших командующих фронтом, выступая на страницах «Военно-исторического журнала» и высказывая свое мнение о работе представителей Ставки, заметил, что «...там, где координировали действия фронтов представители Ставки, туда, в ущерб другим фронтам, направлялись силы и средства».

Но ведь иначе и быть не могло. Там, где координировали действия представители Ставки, именно там, а не где-либо в других районах, и проводились главнейшие операции, которые и нужно было в первую очередь материально обеспечить. Эта практика целиком себя оправдала.

Из кабинета А. И. Антонова я позвонил Верховному. Ответил А. Н. Поскребышев. Он предложил мне отдохнуть.

— Когда товарищ Сталин освободится, я вам позвоню,— сказал он.

Это было полезное и вместе с тем приятное предложение, так как приходилось спать урывками в общей сложности не более 4—5 часов в сутки...

И. В. Сталин пригласил меня к себе на 17 часов.

Позвонив А. И. Антонову, я узнал, что его тоже вызвали к Верховному. И. В. Сталин хотел ознакомиться с последней обстановкой и соображениями Генерального штаба.

Когда я вошел в кабинет Верховного, там уже были А. И. Антонов, командующий бронетанковыми войсками маршал Я. Н. Федоренко и командующий ВВС генерал-полковник А. А. Новиков, а также заместитель Председателя СНК В. А. Малышев.

Поздоровавшись, Верховный спросил, был ли я у Николая Михайловича Шверника.

Я ответил, что нет.

— Надо зайти и получить орден Победы.

Я поблагодарил Верховного Главнокомандующего за такую высокую награду.

— Ну, с чего начнем? — обратился И. В. Сталин к А. И. Антонову.

— Разрешите мне коротко доложить о положении дел на фронтах на 12.00 сегодняшнего дня.

После краткого обзора по всем стратегическим направлениям он высказал соображения Генерального штаба о возможных действиях немецких войск в летней кампании 1944 г. Что касается предложений о характере действий наших войск на летний период, А. И. Антонов не высказал своих соображений. Я понял, что Алексей Иннокентьевич решил их изложить тогда, когда ему это предложит сделать Верховный.

Обращаясь к командующему ВВС А. А. Новикову, И. В. Сталин спросил о состоянии воздушных сил, поинтересовался, хватит ли самолетов, полученных от промышленности, чтобы доукомплектовать воздушные армии фронтов и авиацию дальнего действия. После ответов А. А. Новикова, которые были весьма оптимистичны, Верховный предложил маршалу Я. Н. Федоренко доложить о состоянии бронетанковых войск и возможностях их укомплектования к началу летней кампании.

Чувствовалось, что И. В. Сталин заранее знал цифры, которые докладывались ему, но он, видимо, хотел, чтобы те, кто непосредственно занимается этими вопросами, сами проинформировали присутствующих, прежде чем мы выскажем свои соображения. К такому своеобразному приему в ходе обсуждения вопросов у Верховного мы уже привыкли.

Затем И. В. Сталин не спеша набил свою трубку, раскурил ее и так же не спеша затянувшись, разом выпустил дым.

— Ну, а теперь послушаем Жукова,— сказал он, подойдя к карте, по которой докладывал А. И. Антонов.

А я, тоже не спеша, развернул свою карту, которая по размерам была, правда, несколько меньше карты Генштаба, но отработана не хуже. Верховный подошел к моей карте и стал внимательно ее рассматривать.

Свой доклад я начал с того, что согласился с основными соображениями А. И. Антонова о предполагаемых действиях немецких войск и о тех трудностях, которые они будут испытывать в 1944 г. на советско-германском фронте.

Тут И. В. Сталин остановил меня и сказал:

— И не только это. В июне союзники собираются все же осуществить высадку крупных сил во Франции. Немцам теперь придется воевать на два фронта. Это еще больше ухудшит их положение, с которым они не в состоянии будут справиться.

Излагая свои соображения о плане летней кампании 1944 г., я обратил особое внимание Верховного на группировку противника в Белоруссии, с разгромом которой рухнет устойчивость обороны противника на всем его западном стратегическом направлении.

— А как думает Генштаб? — обратился И. В. Сталин к А. И. Антонову.

— Я согласен,— ответил тот.

Я не заметил, когда Верховный нажал кнопку звонка к А. Н. Поскребышеву. Тот вошел и остановился в ожидании.

— Соедини с Василевским,— сказал И. В. Сталин.

Через несколько минут А. Н. Поскребышев доложил, что А. М. Василевский у аппарата.

— Здравствуйте,— начал И. В. Сталин.— У меня находятся Жуков и Антонов. Вы не могли бы прилететь посоветоваться о плане на лето?.. А что у вас под Севастополем?.. Ну, хорошо, оставайтесь, тогда пришлите лично мне свои предложения на летний период.

Положив трубку, Верховный сказал:

— Через 8—10 дней Василевский обещает покончить с крымской группировкой противника.— Потом добавил: — А не лучше ли начать наши операции с 1-го Украинского фронта, чтобы еще глубже охватить белорусскую группировку и оттянуть резервы противника с центрального направления?

А. И. Антонов заметил, что в таком случае противник легко может осуществлять маневрирование между соседними фронтами. Лучше начать с севера, а затем провести операцию против группы армий «Центр», чтобы освободить Белоруссию.

— Посмотрим, что предложит Василевский,— сказал Верховный. — Позвоните командующим фронтами, пусть они доложат соображения о действиях фронтов в ближайшее время... — И, обращаясь ко мне, продолжал: — Займитесь с Антоновым наметкой плана на летний период. Будете готовы, обсудим еще раз.

Через два-три дня Верховный снова вызвал нас с А. И. Антоновым. После обсуждения плана было решено: первую наступательную операцию провести в июне на Карельском перешейке и петрозаводском направлении, а затем на белорусском стратегическом направлении.

После дополнительной работы с Генштабом 28 апреля я возвратился на 1-й Украинский фронт. В начале мая, когда освобождение Крыма подходило к концу, я послал Верховному предложение передать командование 1-м Украинским фронтом И. С. Коневу, чтобы я мог без задержки выехать в Ставку и начать подготовку к операции по освобождению Белоруссии.

Верховный согласился, но предупредил меня, что 1-й Украинский фронт остается у меня подопечным. Вслед за Белорусской операцией будем проводить операцию на участке 1-го Украинского фронта.

Чтобы не задерживаться, я не стал ждать прибытия на фронт И. С. Конева. Поручив начальнику штаба фронта В. Д. Соколовскому передать Ивану Степановичу мои пожелания и соображения о дальнейших действиях войск фронта, я уехал в Москву.

Возвратившись в Ставку, я встретился с А. М. Василевским, который готовился координировать действия 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Естественно, нам пришлось, как говорится, вновь сесть за общий стол. Вскоре после совещания в Ставке А. М. Василевский прислал Верховному Главнокомандующему свои соображения, в которых давалась краткая оценка общей обстановки и излагались основные предложения на летний период 1944 г.

С какими итогами мы подходили к летней кампании 1944 г.?

Продолжая один на один сражаться с главными силами фашистской Германии и ее сателлитов, зимой 1944 г. Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам тяжелое поражение. Были полностью уничтожены 30 дивизий и 6 бригад, 142 дивизии и 1 бригада потеряли от половины до двух третей боевого состава. Для поддержки своих групп армий немецкому командованию пришлось перебросить на советско-германский фронт 40 дивизий и 4 бригады из Германии и других стран Западной Европы.

Красная Армия освободила колоссальную территорию почти в 330 тыс. квадратных километров, на которой до войны проживало почти 19 млн. человек.

Однако немецко-фашистские войска все еще представляли большую силу.

В июле 1944 г. германская промышленность достигла высшей точки развития за годы войны. За первое полугодие заводы выпустили более 17 тыс. самолетов, около 9 тыс. тяжелых и средних танков. Производство стали было в три раза больше того, что давала советская тяжелая индустрия.

Выжимая последние силы из страны и народа, лихорадочно стремясь отсрочить неминуемое поражение, гитлеровское руководство проводило мобплизацию за мобилизацией, нанося огромный ущерб немецкой нации. В составе армий фашистской Германии насчитывалось 324 дивизии и 5 бригад. По-прежнему основная часть наиболее боеспособных соединений находилась на советско-германском фронте.

Здесь нам противостояло 179 немецких дивизий и 5 бригад, а также 49 дивизий и 18 бригад сателлитов. В этих войсках было 4 млн. человек, они имели 49 тыс. орудий и минометов, 5250 танков и штурмовых орудий, около 2800 боевых самолетов.

В рядах действующей Красной Армии было около 6,5 млн. солдат и офицеров, фронты имели 83,2 тыс. орудий и минометов, 7,7 тыс. танков и САУ, 11,8 тыс. самолетов.

История не знает примеров, чтобы страна, ведя колоссальные освободительные сражения, одновременно восстанавливала столь высокими темпами и в таком масштабе разрушенное хозяйство. Зимой и весной 1944 г. Советский Союз неуклонно увеличивал свою экономическую мощь. В первом полугодии было произведено 16 тыс. самолетов, около 14 тыс. средних и тяжелых танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 90 млн. снарядов, авиабомб, мин.

В конце апреля на совместном заседании Политбюро ЦК партии и Ставки было принято окончательное решение о проведении летней кампании, в том числе и Белорусской операции. А. И. Антонову было дано указание организовать разработку планов фронтовых операций и начать сосредоточение войск и материальных запасов фронтам.

1-му Прибалтийскому фронту придавался 1-й танковый корпус, 3-му Белорусскому — 11-я гвардейская армия и 2-й гвардейский танковый корпус. На правом крыле 1-го Белорусского фронта сосредоточивались 28-я армия, 9-й, 1-й гвардейские танковые корпуса, 1-й механизированный и 4-й гвардейский кавалерийский корпуса; 5-я гвардейская танковая армия (резерв Ставки) сосредоточивалась в полосе 3-го Белорусского фронта.

В середине мая вернулся в Москву А. М. Василевский. В это время в Генштабе заканчивалась разработка проектов всей документации к плану операции «Багратион» (такое кодовое наименование получила Белорусская операция) и ее материально-техническому обеспечению.

20 мая Верховный вызвал в Ставку А. М. Василевского, меня и А. И. Антонова, чтобы окончательно уточнить решение Верховного Главнокомандования по плану летней кампании. Предусматривалось, как я уже упоминал, развернуть наступление сначала в районах Карельского перешейка войсками Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота, а затем — во второй половине июня — в Белоруссии.

После рассмотрения в Ставке плана «Багратион» Верховный приказал вызвать командующих фронтами И. Х. Баграмяна, И. Д. Черняховского и К. К. Рокоссовского, чтобы выслушать их соображения и дать окончательные указания о разработке планов фронтов.

22 мая Верховный Главнокомандующий в моем присутствии принял А. М. Василевского, А. И. Антонова, К. К. Рокоссовского, 23 мая — И. Х. Баграмяна и 24 мая — И. Д. Черняховского. Командующие фронтами, информированные Генштабом о предстоящих операциях, прибыли в Ставку с проектами планов действий вверенных им войск.

Поскольку, как это бывало при подготовке крупных операций, разработки планов в Генштабе и штабах фронтов шли параллельно, а командование фронтов, Генштаб и заместитель Верховного Главнокомандующего поддерживали между собой тесный контакт, проекты планов фронтов полностью соответствовали замыслам Ставки и были тогда же утверждены Верховным Главнокомандующим.

Затем А. М. Василевскому и мне было приказано взять на себя координацию действий войск следующих фронтов: А. М. Василевскому поручались 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский, мне — 1-й и 2-й Белорусские фронты. В помощь мне Ставка посылала на 2-й Белорусский фронт начальника оперативного управления Генштаба генерала С. М. Штеменко с группой офицеров.

4 июня А. М. Василевский выехал в войска, чтобы на месте готовить операцию «Багратион», а я на сутки позже, 5 июня, в 8.00, прибыл на командный пункт 1-го Белорусского фронта.

Существующая в некоторых военных кругах версия о «двух главных ударах» на белорусском направлении силами 1-го Белорусского фронта, на которых якобы настаивал К. К. Рокоссовский перед Верховным, лишена основания. Оба эти удара, проектируемые фронтом, были предварительно утверждены И. В. Сталиным еще 20 мая по проекту Генштаба, т. е. до приезда командующего 1-м Белорусским фронтом в Ставку.

Нелишне здесь заметить также, что в советской военной теории никогда не предусматривалось нанесение одним фронтом двух главных ударов, а если оба удара по своей силе и значению были равноценными, то их обычно называли «мощными ударами», или «ударными группировками». Я подчеркиваю это для того, чтобы не вносилась путаница в оперативно-стратегическую терминологию.

На основе утвержденного оперативно-стратегического плана операции «Багратион» и заявок фронтов Генштабом при участии А. А. Новикова, Н. Н. Воронова, Н. Д. Яковлева, А. В. Хрулева, И. Т. Пересыпкина, Я. Н. Федоренко и других видных специалистов и военачальников был увязан план материально-технического обеспечения войск, принимающих участие в опе-

рации. 31 мая командующие фронтами получили директиву Ставки, во исполнение которой и началась конкретная подготовка войск к действиям в предстоящей операции.

Планом Ставки предусматривалось нанесение трех мощных ударов:

1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов — в общем направлении на Вильнюс;

1-го Белорусского фронта — на Барановичи;

2-го Белорусского фронта во взаимодействии с левофланговой группировкой 3-го Белорусского фронта и правофланговой группировкой 1-го Белорусского фронта — в общем направлении на Минск.

Ближайшей задачей 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов был разгром витебской группировки, ввод в прорыв танковых и механизированных войск и развитие главного удара на запад с охватом своей левофланговой группировкой борисовско-минской группы немецких войск.

1-му Белорусскому фронту ставилась задача разгромить жлобин-бобруйскую группировку и, введя в дело подвижные войска, развивать главный удар на Слуцк — Барановичи, охватывая с юга и юго-запада минскую группировку вражеских войск.

2-й Белорусский фронт должен был нанести удар на могилевско-минском направлении.

Линия переднего края обороны немецких войск группы армий «Центр» к началу наступления проходила от Полоцка на Витебск и далее по линии Орша — Жлобин — Капаткевичи — Житковичи и по р. Припять. Города Полоцк, Витебск, Орша, Могилев находились в руках врага.

Эти крупные города плюс реки Днепр, Друть, Березина, Свислочь и ряд мелких, сильно заболоченных рек и речушек составляли сильную основу глубоко эшелонированной обороны противника, которая прикрывала важнейшее западное варшавско-берлинское стратегическое направление. Несмотря на то что для разгрома группы армий «Центр» Ставка сосредоточивала значительные силы, все же мы считали, что для успеха операции нужна особо тщательная подготовка войск, участвующих в операции «Багратион».

Перед отъездом на фронт мы встретились с А. М. Василевским и самым внимательным образом обсудили все сильные и слабые стороны обороны противника, а также те мероприятия, которые нужно было провести в штабах и войсках. С А. И. Антоновым, временно исполняющим должность начальника Генерального штаба, мы договорились о контроле за сосредоточением войск, материальных запасов и резервов Ставки, а также по вопросам связи и ориентирования нас о мероприятиях Ставки на других направлениях.

Фронтам нужно было в сжатые сроки подать громаднейшее количество материально-технических средств.

По предварительным расчетам Генштаба, для обеспечения операции «Багратион» в войска надлежало направить до 400 тыс. тонн боеприпасов, 300 тыс. тонн горюче-смазочных материалов, до 500 тыс. тонн продовольствия и фуража. Нужно было сосредоточить в заданных районах 5 общевойсковых армий, 2 танковые и одну воздушную армии, а также 1-ю армию Войска Польского. Кроме того, Ставка передала фронтам из своего резерва 5 отдельных танковых, 2 механизированных и 4 кавалерийских корпуса, десятки отдельных полков и бригад всех родов войск и перебазировала 11 авиационных корпусов.

Все это следовало перевезти с большими предосторожностями, чтобы не раскрыть подготовку фронтов к наступлению. Для успеха предстоящей операции это было очень важно, так как, по данным нашей разведки, главное командование немецких войск ожидало первый летний удар с нашей стороны на Украине, а не в Белоруссии. Оно, очевидно, исходило из того, что из-за лесисто-болотистой местности мы не сможем переправить в Белоруссию и использовать здесь надлежащим образом дислоцированные на Украине 4 танковые армии.

Однако противник просчитался.

Согласно плану Ставки, войска 1-го Украинского фронта вступали в действие после того, как войска правого крыла 1-го Белорусского фронта, разгромив бобруйско-минско-слуцкую группировку, должны были выйти на линию Волковыск — Пружаны.

Большое значение Ставка придавала предстоящему удару войск 1-го Белорусского фронта. Сюда и направлялись ею основные силы и средства.

Поскольку на мне лежала обязанность осуществлять координацию действий войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов, а на втором этапе и 1-го Украинского фронта, я буду касаться здесь главным образом действий именно этих фронтов.

Итак, рано утром 5 июня по поручению Верховного я прибыл на временный пункт управления 1-го Белорусского фронта в Дуревичи, где встретился с К. К. Рокоссовским, членом Военного совета Н. А. Булганиным и начальником штаба М. С. Малининым.

После предварительного обсуждения вопросов, связанных с планом операции, мы с К. К. Рокоссовским и командующими армиями, командующими воздушной армией генералом С. И. Руденко, артиллерией фронта генералом В. И. Казаковым, бронетанковыми и механизированными войсками генералом Г. Н. Орлом тщательно обсудили обстановку на правом крыле фронта и договорились по планированию и практическим мероприятиям, связанным с подготовкой предстоящей операции.

При этом особое внимание обращалось на тщательное изучение местности в районе действий, разведку системы обороны противника на всю ее тактическую глубину, а также на подготовку войск, штабов и тылового обеспечения к началу операции.

Последующие двое суток, 6 и 7 июня, мы с командующим фронтом К. К. Рокоссовским, представителем Ставки Н. Д. Яковлевым и генералом В. И. Казаковым тщательно изучали обстановку в районе Рогачев — Жлобин на участках 3-й и 48-й армий. Здесь на наблюдательном пункте командарма А. В. Горбатова заслушали командира 35-го стрелкового корпуса генерала В. Г. Жолудева и командира 41-го стрелкового корпуса В. К. Урбановича. 7 июня такая же работа была проведена на участке 65-й армии. Детально изучили местность и оборону противника на участке 18-го стрелкового корпуса, 69-й и 44-й гвардейских стрелковых дивизий, где планировался главный удар.

Командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский в соответствии с планом Ставки после тщательной доразведки всей обстановки принял решение прорвать оборону противника двумя группировками: одной — севернее Рогачева и другой — южнее Паричи. Этим двум группировкам ставилась ближайшая задача разгромить противостоящего врага и сходящимися ударами обеих групп окружить жлобин-бобруйскую группу и ликвидировать ее.

Освободив Бобруйск, основная группировка войск фронта должна была наступать в общем направлении на Барановичи через Слуцк. Частью сил намечалось развитие удара через Осиповичи, Пуховичи на Минск, взаимодействуя при этом со 2-м Белорусским фронтом. По предварительным нашим подсчетам, для выполнения этих задач войск и средств в составе 1-го Белорусского фронта было достаточно.

В рогачевскую наступательную группировку входили 3-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. В. Горбатова, 48-я армия под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко и 9-й танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск Б. С. Бахарова.

В паричскую группу входили 65-я армия под командованием генерал-лейтенанта П. И. Батова, 28-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. А. Лучинского. Конно-механизированная группа генерал-лейтенанта И. А. Плиева и 1-й гвардейский танковый корпус генерал-майора М. Ф. Панова должны были войти в прорыв южнопаричской группировки.

Действия этих группировок поддерживала 16-я воздушная армия, которой командовал генерал-полковник авиации С. И. Руденко. В оперативное подчинение фронта была придана Днепровская военная флотилия под командованием капитана 1-го ранга В. В. Григорьева.

Главная сложность предстоящего наступления войск 1-го Белорусского фронта, особенно южнопаричской группы, заключалась в том, что им предстояло действовать в труднопреодолимой лесистой и сильно заболоченной местности.

Эти места я знал хорошо, так как прослужил здесь более шести лет и в свое время исходил все вдоль и поперек. В болотах в районе Паричи мне довелось хорошо поохотиться на уток,

которые там гнездились в большом количестве, да и боровой дичи было великое множество.

Как мы и предполагали, немецкое командование меньше всего ожидало в этом районе удара наших войск. Поэтому оборона противника здесь, по существу, была очаговой, сплошной обороны не существовало.

Иначе обстояло дело в районе Рогачева. Там оборона противника была более сильная, а подступы к ней находились под обстрелом его огневой системы.

2-й Белорусский фронт, которым в то время командовал генерал-полковник Г. Ф. Захаров [1] (член Военного совета Л. З. Мехлис, начальник штаба генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов), как я уже говорил, наносил вспомогательный удар на могилевско-минском направлении. Здесь не имелось мощных средств прорыва, чтобы вести наступление одновременно всеми армиями, находящимися в первом эшелоне. Да и не было смысла выталкивать противника из района восточнее Могилева до тех пор, пока ударные кулаки 1-го Белорусского и 3-го Белорусского фронтов не выйдут в глубокий тыл всей группировки противника группы армий «Центр».

По решению генерала Г. Ф. Захарова удар на могилевском направлении наносила усиленная 49-я армия под командованием генерала И. Т. Гришина. Остальным армиям (33-й и 50-й) предстояло вести сковывающие действия и переходить в наступление несколько позже, когда на других направлениях будет сломлено сопротивление обороны противника.

8 и 9 июня мы вместе с генералами Н. Д. Яковлевым, С. М. Штеменко и командованием фронта провели тщательную подготовку операции 2-го Белорусского фронта, который готовил удар на могилевско-минском направлении. Генерал С. М. Штеменко хорошо помог генералу Г. Ф. Захарову, только что вступившему в командование фронтом.

Когда мы прибыли к генералу Г. Ф. Захарову, он вполне обоснованно и четко изложил свое решение на проведение операции. Одновременно мы заслушали соображения и решения командующего воздушной армией К. А. Вершинина, командующих и начальников родов войск фронта.

Планирование операции по целям, задачам и по группировкам, как я помню, особых замечаний не вызвало.

Мы решили утром 9 июня вместе с командующим фронтом Г. Ф. Захаровым, Н. Д. Яковлевым, С. М. Штеменко выехать в 49-ю армию И. Т. Гришина, чтобы лично изучить передний край и глубину обороны противника. В первую очередь мы побывали на наблюдательном пункте командира 70-го стрелкового

[1] Г. Ф. Захаров вступил в командование войсками 2-го Белорусского фронта с 7 июня 1944 г.

корпуса генерала В. Г. Терентьева, который подробно и со знанием обстановки доложил свои соображения.

В конце дня мы имели возможность окончательно сформулировать ближайшие задачи по доразведке огневой системы, планированию артиллерийского наступления, авиационного удара и оперативно-тактическому построению войск для атаки и наступления.

Я счел возможным назначить ответственным за подготовку операции 2-м Белорусским фронтом представителя Генштаба генерала С. М. Штеменко. Сам же занялся в первую очередь подготовкой 1-го Белорусского фронта, которому надлежало выполнить главную роль.

Возвратясь в 3-ю армию генерала А. В. Горбатова, мы застали там командующего фронтом со своими ближайшими помощниками. Я позвонил Верховному и доложил о ходе подготовки фронтов к предстоящим действиям. Отметив, что план перевозки войск и грузов для фронтов в назначенные сроки не выполняется, я просил его обязать наркома путей сообщения позаботиться об этом. В противном случае, сказал я, придется перенести сроки начала операции.

Я предложил Верховному также в предстоящей Белорусской операции использовать всю авиацию дальнего действия, отнеся на более поздние сроки ее действие по объектам, расположенным на территории Германии. Верховный согласился с этим и тут же приказал послать ко мне маршала авиации А. А. Новикова и маршала авиации, командующего авиацией дальнего действия А. Е. Голованова, с которыми мне лично приходилось много работать во всех важнейших предыдущих операциях. Это были знающие командующие, и они хорошо помогали в решении фронтовых задач.

Вместе с А. А. Новиковым, А. Е. Головановым, С. И. Руденко и К. А. Вершининым мы подробно обсудили обстановку, цели, задачи и планы применения воздушных армий и взаимодействие их с авиацией дальнего действия, удары которой нацеливались по штабам, узлам связи оперативных объединений, по резервам и другим важнейшим целям. Кроме того, были рассмотрены вопросы маневра авиации фронтов в общих интересах. Для поддержки действий 3-го Белорусского фронта в распоряжение А. М. Василевского было выделено около 350 тяжелых самолетов.

14 и 15 июня командующий 1-м Белорусским фронтом провел занятия по розыгрышу предстоящей операции в 65-й и 28-й армиях, на которых присутствовали и мы с группой генералов от Ставки.

К розыгрышу были привлечены командиры корпусов, командиры дивизий, командующие артиллерией и начальники родов войск армий. В ходе этих занятий детально отрабатывались задачи стрелковых и танковых соединений, план артиллерийского

наступления и взаимодействия с авиацией. Основное внимание сосредоточивалось на тщательном изучении особенностей характера местности в полосе предстоящих действий войск, организации обороны противника и способов быстрейшего выхода на дорогу Слуцк — Бобруйск. Отсюда с выходом к Бобруйску и захватом его имелась возможность закрыть пути отхода жлобин-бобруйской группировке.

В последующие трое суток такие же занятия были проведены в 3, 48, 49-й армиях. Нам удалось ближе познакомиться с командирами, которые поведут войска на разгром такой крупной группировки противника, какой была находившаяся на важнейшем стратегическом направлении группа армий «Центр». На этих командиров возлагалась большая ответственность — ведь с разгромом группы армий «Центр» решалась задача полного изгнания противника с белорусской земли и восточной части Польши.

В этот же период проводилась большая боевая и политическая подготовка частей и подразделений обоих фронтов, где отрабатывались огневые задачи, тактика и техника атак и наступления во взаимодействии с танками, артиллерией и авиацией в целом, разъяснялись задачи, стоящие перед войсками. Такая подготовка стала теперь обязательной перед каждой крупной операцией, и она целиком себя оправдала. Войска более согласованно и успешно действовали в боях и несли меньше потерь.

Штабы частей, соединений и армий тщательно отрабатывали вопросы управления и связи. Командные и наблюдательные пункты выдвигались вперед, зарывались в землю и оборудовали систему наблюдения и связи; уточнялся порядок их перемещения и управления войсками в процессе преследования противника.

Разведывательные органы фронтов, армий и войск дополнительно тщательно изучали систему огня обороны, расположение технических и оперативных резервов противника, отрабатывали карты и снабжали ими части.

Титаническую работу вели тыловые учреждения и части фронта, обеспечивая быструю и скрытую перевозку и подачу войскам боевой техники, боеприпасов, горючего и продовольствия. Несмотря на большие трудности, все было сделано в срок. Войска обоих фронтов при наступлении, несмотря на сложнейшие условия местности, были своевременно обеспечены всем необходимым для ведения боевых действий.

22 июня оба фронта провели разведку боем. В результате удалось уточнить расположение огневой системы противника непосредственно на его переднем крае и расположение некоторых батарей, которые раньше не были известны.

Всего Белорусская операция должна была охватить огромную территорию — более тысячи километров по фронту, от Западной Двины до Припяти, и до 600 км в глубину, от Днепра до Вислы и Нарева. Предстояло в ожесточенном сражении столкнуться с 1 млн. 200 тыс. солдат и офицеров врага, на вооружении которого

было 9,5 тыс. орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий, 1300 боевых самолетов, преодолеть подготовленную оборону глубиной до 250—270 км.

Наступление советских войск в Белоруссии совпало с третьей годовщиной войны. За три минувших года произошли исторические события. Советский Союз, разгромив в ряде генеральных сражений фашистские войска, завершал освобождение своей Родины от злейшего врага. Вступая в новую битву, наши воины были уверены в разгроме немецкой группы армий «Центр».

Несомненно, ободряло их и то, что союзники 6 июня высадились в Нормандии и открыли второй фронт в Европе. Хотя судьба фашистской Германии была фактически предрешена, советские воины радостно приветствовали открытие второго фронта, понимая, что это ускоряет окончательный разгром фашизма и приближает конец войны.

Генеральное наступление было начато 23 июня войсками 1-го Прибалтийского фронта (командующий генерал-полковник И. Х. Баграмян, член Военного совета генерал Д. С. Леонов, начальник штаба генерал В. В. Курасов), войсками 3-го Белорусского фронта (командующий генерал-полковник И. Д. Черняховский, член Военного совета генерал В. Е. Макаров, начальник штаба генерал А. П. Покровский) и войсками 2-го Белорусского фронта под командованием генерал-полковника Г. Ф. Захарова. На другой день перешли в наступление войска 1-го Белорусского фронта под командованием генерала армии К. К. Рокоссовского.

В тылу врага партизанские отряды, части и соединения начали активные операции, заранее увязанные с действиями фронтов. При штабах фронтов действовали отделы по руководству партизанским движением. Они осуществляли большую работу по связи, материально-техническому обеспечению партизанских частей и координации их действий. Надо сказать, что в Белорусской операции партизанские части и отряды развернули исключительно большую активность. Этому в значительной степени способствовал лесистый характер местности. В этих местах больше, чем где-либо, осталось солдат и офицеров при отступлении наших войск в 1941 г.

С первых же дней наступления в Белоруссии на всех направлениях разгорелись ожесточенные сражения на земле и в воздухе, хотя метеорологические условия несколько ограничивали действия авиации обеих сторон. Через Генеральный штаб я вскоре узнал, что у А. М. Василевского хорошо пошли дела с прорывом обороны противника. Это нас очень обрадовало.

Хорошие результаты были достигнуты и 2-м Белорусским фронтом, где 49-я армия генерала И. Т. Гришина, успешно прорвав оборону на могилевском направлении, с ходу захватила плацдарм на Днепре.

Удар 1-го Белорусского фронта на Паричи развивался в соответствии с планом. 1-й танковый корпус генерала М. Ф. Панова, войдя в прорыв, в первый же день углубил его в сторону Бобруйска до 20 км. Это дало возможность с утра следующего же дня ввести в дело конно-механизированную группу генерала И. А. Плиева.

25 июня группа И. А. Плиева и корпус М. Ф. Панова, сбивая части отступающего противника, начали быстро продвигаться вперед. Уверенно развивали удар 28-я и 65-я армии. Танковые и артиллерийские части, преодолев на паричском направлении лесистый участок, так разворотили и размесили заболоченные места, что они даже для тягачей стали труднопроходимыми.

Инженерные части и бойцы всех родов войск, воодушевленные успехами прорыва, напрягали все силы, чтобы как можно быстрее сделать бревенчатую дорогу. И она вскоре была построена, что значительно облегчило работу тыловых органов.

При подготовке операции была слабо разведана оборона противника на рогачевско-бобруйском направлении, вследствие чего была допущена недооценка силы его сопротивления. В результате этой ошибки 3-й и 48-й армиям был дан завышенный участок прорыва. К тому же армии не имели достаточных средств для обеспечения прорыва. Я, как представитель Ставки, вовремя не поправил командование фронта.

Необходимо отметить и еще одно обстоятельство, которое повлияло на замедление наших действий в этом районе. Когда готовилось решение о прорыве обороны, командующий 3-й армией генерал-лейтенант А. В. Горбатов предложил нанести удар танковым корпусом Б. С. Бахарова несколько севернее — из лесисто-болотистого района, где, по его данным, была очень слабая оборона противника. С А. В. Горбатовым не согласились и приказали ему готовить прорыв на участке, указанном командованием фронта, так как иначе пришлось бы передвигать на север и главный удар 48-й армии.

Началось сражение, прорыв обороны противника развивался медленно. Видя это, А. В. Горбатов обратился с просьбой разрешить ему выполнить свой первоначальный план и нанести удар танковым корпусом севернее. Я поддержал предложение А. В. Горбатова. Операция удалась. Противник был опрокинут, и танкисты Б. С. Бахарова, выигрывая фланг, стремительно двинулись к Бобруйску, отрезая противнику единственный путь отхода через р. Березину.

После этого удачного маневра наших войск немцы начали отход с рубежа Жлобин — Рогачев, но было уже поздно. Единственный мост у Бобруйска 26 июня был в руках танкистов Б. С. Бахарова.

Танковый корпус М. Ф. Панова, выйдя в район северо-западнее Бобруйска, отрезал все пути отхода противнику, находящемуся в самом городе.

Таким образом, 27 июня в районе Бобруйска образовалось два «котла», в которых оказались немецкие войска 35-го армейского и 41-го танкового корпусов общей численностью до 40 тыс. человек.

Мне не довелось наблюдать, как проходила ликвидация противника в Бобруйске, но я видел, как шел разгром немцев юго-восточнее его. Сотни бомбардировщиков 16-й армии С. И. Руденко, взаимодействуя с 48-й армией, наносили удар за ударом по группе противника. На поле боя возникли пожары: горели многие десятки машин, танков, горюче-смазочные материалы. Все поле боя было озарено зловещим огнем. Ориентируясь по нему, подходили все новые и новые эшелоны наших бомбардировщиков, сбрасывавших бомбы разных калибров. Весь этот жуткий «хор» дополнялся артиллерийским огнем 48-й армии.

Немецкие солдаты, как обезумевшие, бросались во все стороны, и те, кто не желал сдаться в плен, тут же гибли. Гибли сотни и тысячи немецких солдат, обманутых Гитлером, обещавшим им молниеносную победу над Советским Союзом. В числе сдавшихся в плен оказался командир 35-го армейского немецкого корпуса генерал Лютцов.

Окончательная ликвидация противника в районе Бобруйска была возложена на 48-ю армию П. Л. Романенко и 105-й стрелковый корпус 65-й армии; 3-й, 65-й армиям, 9-му и 1-му гвардейским танковым корпусам было приказано, не задерживаясь в районе Бобруйска, стремительно наступать в общем направлении на Осиповичи. Город был взят 28 июня. А 29 июня окончательно был очищен от противника и г. Бобруйск.

На Слуцк стремительно наступала 28-я армия генерала А. А. Лучинского и конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева.

После разгрома противника в районе Витебска и Бобруйска фланговые группировки наших войск значительно продвинулись вперед, создавая прямую угрозу окружения всей группы армий «Центр».

Наблюдая и анализируя тогда действия немецких войск и их главного командования в этой операции, мы, откровенно говоря, несколько удивились их грубо ошибочным маневрам, которые обрекали войска на катастрофический исход. Вместо быстрого отхода на тыловые рубежи и выброски сильных группировок к своим флангам, которым угрожали советские ударные группировки, немецкие войска втягивались в затяжные фронтальные сражения восточнее и северо-восточнее Минска.

28 июня Ставка Верховного Главнокомандования после переговоров с А. М. Василевским, мной и командующими фронтами уточнила дальнейшие задачи войск.

1-му Прибалтийскому фронту было приказано освободить Полоцк и наступать на Глубокое, 3-му и 2-му Белорусским фронтам освободить столицу Белоруссии Минск, 1-му Белорусскому

фронту наступать основными силами на слуцко-барановичском направлении, частью сил развивать удар на Минск, охватывая его с юга и юго-запада. Этот конкретный замысел Ставки вытекал из общего плана операции, который преследовал цель окружения всех войск группы армий «Центр» и их полный разгром. Силы и группировка наших войск в полной мере соответствовали поставленным задачам.

Успешное осуществление операции подтверждало дальновидность и растущую зрелость Советского командования, овладевшего оперативно-стратегическим искусством.

К сожалению, мне не удалось в тот момент выйти на прямую связь с А. М. Василевским, чтобы согласовать с ним дальнейшее взаимодействие 3-й армии генерала А. В. Горбатова, 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Эти войска были нацелены на захват Минска и блокирование путей отхода крупной группировки противника. Войска 2-го Белорусского фронта крепко жали на эту группировку, не давая ей возможности оторваться от своих боевых порядков. При параллельном преследовании это являлось положительным фактором.

Назревало полное окружение всей 4-й немецкой армии. Что предпримет в этот решающий момент немецкое главное командование? Это заботило тогда Ставку, Генеральный штаб и всех нас, непосредственно проводивших такую ответственную операцию.

Как и надлежало в подобных случаях, главные усилия все командные инстанции сосредоточили на разведке, с помощью которой можно было определить замысел и практические мероприятия врага. Но как мы ни старались раскрыть и выявить что-нибудь важное в стратегическом руководстве немецкого командования, мы ничего не обнаружили, кроме небольшого усиления особо опасных для них направлений.

По данным белорусских партизан, действовавших в районе Минска, нам стало известно, что сохранившиеся в Минске Дом правительства, здание ЦК партии Белоруссии и окружной Дом офицеров спешно минируются и готовятся к взрыву. Чтобы спасти эти крупные здания, было решено ускорить движение в Минск танковых частей и послать вместе с ними отряды разминирования. Цель заключалась в том, чтобы прорваться в город, не ввязываясь в бой на подступах, и захватить эти правительственные здания.

Задача была блестяще выполнена. Здания были разминированы и сохранены.

На рассвете 3 июля 2-й гвардейский танковый корпус А. С. Бурдейного ворвался в Минск с северо-востока. В середине дня в город вступил 1-й гвардейский танковый корпус 1-го Белорусского фронта под командованием генерала М. Ф. Панова. С севера к городу подошли части 5-й гвардейской танковой армии маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова. Вслед за танковым корпусом М. Ф. Панова к окрестностям Минска подошла 3-я

армия генерала А. В. Горбатова. В то же время наши войска вышли юго-западнее и северо-западнее Минска, отбрасывая на запад подходившие резервы противника.

К исходу 3 июля основная группа соединений 4-й армии немецких войск оказалась отрезанной от путей отхода и зажатой в кольце восточнее Минска. В окружение попали 12, 27, 35-й армейские, 39-й и 41-й танковые корпуса общим количеством более 100 тыс. человек боевого состава.

К концу дня 3 июля Минск был полностью очищен от врага.

Столицу Белоруссии нельзя было узнать. Семь лет я командовал полком в Минске, хорошо знал каждую улицу, все важнейшие постройки, мосты, парки, стадион и театры. Теперь все лежало в руинах, и на месте жилых кварталов остались пустыри, покрытые грудами битых кирпичей и обломков.

Самое тяжелое впечатление производили люди, жители Минска. Большинство их было крайне истощено, измучено, по щекам многих катились слезы...

11 июля, несмотря на оказанное сопротивление, окруженные немецкие войска были разбиты, взяты в плен или уничтожены. В числе 57 тыс. пленных оказалось 12 генералов, из них 3 командира корпуса и 9 командиров дивизий. Еще несколько дней продолжалось вылавливание отдельных групп солдат и офицеров противника, пытавшихся выйти к своим войскам. Но так как немцы быстро отступали, они никак не могли добраться до своих. Большую помощь в очищении территории от противника оказали нам местные жители и партизаны — истинные хозяева белорусских лесов.

Учитывая то, что на западном направлении образовалась брешь, занятая войсками противника лишь на основных направлениях, 4 июля Ставка Верховного Главнокомандования приказала продолжать наступление:

1-му Прибалтийскому — в общем направлении на Шяуляй, правым крылом фронта продвигаясь на Даугавпилс, левым — на Каунас;

3-му Белорусскому — на Вильнюс, частью сил — на Лиду;

2-му Белорусскому — на Новогрудок, Гродно, Белосток;

1-му Белорусскому — на Барановичи, Брест и захватить плацдарм на Западном Буге.

7 июля, в разгар ликвидации главных сил окруженной группировки противника восточнее и юго-восточнее Минска, а передовые эшелоны 1-го Белорусского, 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов уже продвинулись от меридиана Минска далеко на запад и вели бои в районе Вильнюс — Барановичи — Пинск, мне позвонил И. В. Сталин и приказал прилететь в Ставку.

Рано утром 8 июля я прибыл в Москву и, приведя себя в порядок, направился в Наркомат обороны. Перед тем как встретиться с Верховным, мне хотелось глубже уяснить обстановку последних дней.

А. И. Антонов, как всегда собранно и точно, доложил анализ обстановки и мнение Генерального штаба о развитии событий на ближайший период. Слушая его, я испытывал большое чувство удовлетворения: как вырос Генеральный штаб и его руководящий состав в своей оперативно-стратегической квалификации!

Около 13 часов А. И. Антонову позвонил Верховный и спросил, где я. Уточнив ряд вопросов, он приказал А. И. Антонову и мне через час быть у него на даче. Ровно в 14 часов мы прибыли. И. В. Сталин был в хорошем расположении духа, шутил.

Во время нашего разговора по ВЧ позвонил А. М. Василевский и доложил Верховному о последних событиях на участках 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Доклад А. М. Василевского, видимо, был благоприятным, и Верховный еще больше повеселел.

— Я еще не завтракал,— сказал он,— пойдемте в столовую, там и поговорим.

Мы с А. И. Антоновым, хотя и позавтракали, но не отказались от приглашения.

За завтраком речь шла о возможностях Германии вести войну на два фронта — против Советского Союза и экспедиционных сил союзников, высадившихся в Нормандии, а также о роли и задачах советских войск на завершающем этапе войны.

По тому, как сжато и четко высказывал И. В. Сталин свои мысли, было видно, что он глубоко продумал все эти вопросы. Хотя Верховный справедливо считал, что у нас хватит сил самим добить фашистскую Германию, он искренне приветствовал открытие второго фронта в Европе. Ведь это ускоряло окончание войны, что было так необходимо для советского народа.

В том, что Германия окончательно проиграла войну, ни у кого не было сомнения. Вопрос этот был решен на полях сражений советско-германского фронта еще в 1943 — начале 1944 г. Сейчас речь шла о том, как скоро и с какими военно-политическими результатами она будет завершена.

Приехали В. М. Молотов и другие члены Государственного Комитета Обороны.

Обсуждая возможности Германии продолжать вооруженную борьбу, все мы сошлись на том, что она уже истощена и в людских, и в материальных ресурсах, тогда как Советский Союз в связи с освобождением Украины, Белоруссии, Литвы и других районов получит значительное пополнение за счет партизанских частей, за счет людей, оставшихся на оккупированной территории.

А открытие второго фронта заставит, наконец, Германию несколько усилить свои силы на западе.

Возникал вопрос: на что могло надеяться гитлеровское руководство в данной ситуации?

На этот вопрос Верховный ответил так:

— На то же, на что надеется азартный игрок, ставя на карту последнюю монету.

— Гитлер, вероятно, сделает попытку пойти любой ценой на сепаратное соглашение с американскими и английскими правительственными кругами,— добавил В. М. Молотов.

— Это верно,— сказал И. В. Сталин,— но Рузвельт и Черчилль не пойдут на сделку с Гитлером. Свои политические интересы в Германии они будут стремиться обеспечить, не вступая на путь сговора с гитлеровцами, которые потеряли в народе всякое доверие, а изыскивая возможности образования в Германии послушного им правительства.

Затем Верховный спросил меня:

— Могут ли наши войска начать освобождение Польши и безостановочно дойти до Вислы и на каком участке можно будет ввести в дело 1-ю армию Войска Польского, которая уже приобрела все необходимые боевые качества?

— Наши войска не только могут дойти до Вислы,— ответил я,— но и должны захватить хорошие плацдармы на ней, чтобы обеспечить дальнейшие наступательные операции на берлинском стратегическом направлении. Что касается 1-й армии Войска Польского, то ее надо нацелить на Варшаву.

А. И. Антонов целиком поддержал меня. Он доложил Верховному о том, что немецкое командование перебросило большую группу войск, в том числе бронетанковые соединения, для закрытия бреши, образовавшейся в результате действий наших фронтов. Поэтому оно серьезно ослабило свою группировку на участке 1-го Украинского фронта.

Затем Алексей Иннокентьевич доложил о ходе сосредоточения материальных запасов и пополнения на 1-м Украинском фронте и на левом крыле 1-го Белорусского фронта, которые согласно ранее принятому плану готовились к переходу в наступление.

— Вам придется теперь взять на себя координацию действий и 1-го Украинского фронта,— сказал мне Верховный.— Главное свое внимание обратите на левое крыло 1-го Белорусского фронта и 1-й Украинский фронт. Общий план и задачи 1-го Украинского фронта вам известны. План Ставки изменениям не подвергся, а с планом фронта ознакомитесь в Генштабе.

Потом началось обсуждение возможностей войск, координируемых А. М. Василевским.

Я сказал Верховному, что было бы правильнее, если бы мы значительно усилили группу фронтов А. М. Василевского и 2-й Белорусский фронт и поставили задачу А. М. Василевскому отсечь группу армий «Север» и захватить Восточную Пруссию.

— Вы что, сговорились с Василевским? — спросил Верховный.— Он тоже просит усилить его.

— Нет, не сговорились. Но если он так думает, то думает правильно.

— Немцы будут до последнего драться за Восточную Пруссию. Мы можем там застрять. Надо в первую очередь освободить Львовскую область и восточную часть Польши.

Наступление 1-го Украинского фронта, начатое 13 июля на рава-русском направлении, развивалось согласно плану.

18 июля начали наступление войска левого крыла 1-го Белорусского фронта из района Ковеля на Люблин. С этого момента 1-й Белорусский фронт пришел в движение всеми своими армиями. Следует отдать должное командованию, штабу и тыловым учреждениям 1-го Белорусского фронта — на всем протяжении операции они умело и организованно управляли войсками, своевременно обеспечивали их всем необходимым.

В результате мощных ударов четырех фронтов по группе армий «Центр» были разгромлены 3-я танковая армия, 4-я и 9-я общевойсковые немецкие армии. В стратегическом фронте противника была пробита брешь до 400 км по фронту и до 500 км в глубину, которую немецкому командованию быстро закрыть было нечем.

Для немецкого верховного командования во второй половине июля создалась тяжелая обстановка, которая еще больше осложнилась переходом в наступление 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов и нажимом экспедиционных сил союзников на западе.

...Все же я должен сказать, что командование группы армий «Центр» в этой крайне сложной обстановке нашло правильный способ действий. В связи с тем что сплошного фронта обороны у них не было и создать его при отсутствии необходимых сил было невозможно, немецкое командование решило задержать наступление наших войск главным образом короткими контрударами. Под прикрытием этих ударов на тыловых рубежах развертывались в обороне перебрасываемые войска из Германии и с других участков советско-германского фронта.

Ударная группировка левого крыла 1-го Белорусского фронта, наступавшая в составе 47-й, 8-й гвардейской, 69-й, 2-й гвардейской танковой армий, поддерживалась 16-й воздушной армией. Здесь же действовала и 1-я армия Войска Польского, которой командовал генерал-лейтенант З. Берлинг. Форсировав Буг, войска 1-го Белорусского фронта вступили в пределы восточной части Польши, положив начало освобождению польского народа от немецких оккупантов.

23 июля 2-я танковая армия, действуя впереди общевойсковых армий, с ходу освободила г. Люблин, а 24-го, стремительно атакуя (командование армией после ранения генерала С. И. Богданова принял генерал А. И. Радзиевский), своими передовыми частями вышла на Вислу в районе Демблина.

Здесь наши войска освободили узников лагеря смерти — Майданека. Как известно, фашисты истребили в этом лагере около полутора миллионов человек, в том числе стариков, женщин и детей. То, что рассказали мне очевидцы, забыть невозможно. Подробности фашистских зверств в Майданеке, ставшие позднее известными всему миру, были квалифицированы как тягчайшее преступление против человечества.

28 июля войска 1-го Белорусского фронта, разгромив брестскую группу противника, освободили г. Брест и героическую Брестскую крепость, защитники которой первыми приняли на себя в 1941 г. удары врага и прославились массовым героизмом.

Разгром немецкой группы армий «Центр» проходил в тесном взаимодействии с партизанами. В ходе наступления наших войск белорусские партизаны провели ряд операций на железных и шоссейных дорогах, разрушая мосты и важные железнодорожные сооружения. Они пустили под откос около 150 эшелонов с войсками и боевой техникой. Активные действия партизан на тыловых путях немецких войск парализовали деятельность снабжающих органов и перевозки, что еще больше подорвало моральное состояние немецких солдат и офицеров.

8-я гвардейская и 69-я армии, продвигаясь вслед за 2-й танковой армией и другими подвижными частями, 27 июля вышли на Вислу и начали ее энергичное форсирование в районах Магнушева и Пулавы, впоследствии сыгравших историческую роль при освобождении Польши в Висло-Одерской операции.

Немецкое командование, отдавая себе отчет в значении захваченных советскими войсками на Висле плацдармов, бросило против частей 8-й и 69-й армий значительные силы, в том числе танковую дивизию СС «Герман Геринг». За плацдармы разгорелись кровопролитные бои, но, как ни устремлялся противник в яростные атаки, все они были отбиты советскими войсками с большими потерями для немцев.

Надо отдать должное командующим 69-й армией генералу В. Я. Колпакчи и 8-й гвардейской армией генералу В. И. Чуйкову. Они с большим искусством и решительностью руководили сражениями за захват и удержание плацдармов на Висле. Исключительный героизм проявили солдаты и офицеры, которые первыми переправились через Вислу и высадились на ее западном берегу.

На магнушевском плацдарме я разговаривал с ранеными из 220-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии. Вот что рассказал мне один из них.

— Нашей роте было приказано перед рассветом переправиться на западный берег Вислы. Нас было немногим больше пятидесяти человек. Командовал ротой лейтенант В. Т. Бурба. Как только высадились на берегу, нас сразу же обстрелял противник, а затем атаковал. Первую атаку мы отбили, но вслед за нею последовала вторая, а затем и третья. На следующий день нас непрерывно атаковывали вражеские танки и пехота. Последняя атака была особенно ожесточенной. Осталось нас не больше двенадцати человек.

Перед последней атакой противника лейтенант В. Т. Бурба сказал нам: «Ребята, нас осталось мало. К вечеру подойдет подкрепление, а до вечера будем драться до последней капли крови, но врагу своей позиции не сдадим».

Вскоре началась атака танков и до роты пехоты противника. Несколько танков подошли к нам почти вплотную. Командир метнул связку гранат, подбил танк, а под второй бросился сам со связкой гранат в руке. Атаку мы отбили, но наш командир погиб. Из всей роты осталось 6 человек. Вскоре подошло подкрепление. Занятый рубеж мы удержали.

Рассказывая о подвиге своего командира, солдат не смог сдержать слез. Да и я не мог слушать его без волнения и чувства горечи от того, что гибнут такие смелые люди. Вскоре В. Т. Бурбе было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Героический подвиг совершил тогда и солдат 4-й роты того же 220-го полка комсомолец П. А. Хлюстин, который, как и лейтенант В. Т. Бурба, в напряженный момент боя со связкой гранат бросился под вражеский танк, чтобы своей жизнью остановить атаку противника. Комсомольцу П. А. Хлюстину тоже было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

И в первые дни войны и теперь, на ее закате, неизменна была величайшая готовность советского человека к самопожертвованию во имя Родины...

Успешные действия ковельской ударной группировки 1-го Белорусского фронта и быстрый выход ее на Вислу оказали большое влияние на ход Львовско-Сандомирской операции, которая вначале на львовском направлении развивалась не так хорошо, как ожидали командование фронта и Ставка.

В результате блестящего обходного 120-километрового маршманевра танковой армии генерала П. С. Рыбалко и нажима с востока 38, 60-й и с юга 4-й танковой армий противник отошел от Львова на Самбор. 27 июля Львов был освобожден.

27 июля был занят г. Белосток. В этот же день Ставка своей директивой подтвердила наше решение развивать удар 1-го Украинского фронта на Вислу для захвата плацдарма по примеру 1-го Белорусского фронта. Цель его действий — обеспечение последующей наступательной операции по завершению освобождения Польши.

Немецкое командование, израсходовав свои резервы в Белорусской операции, а затем в Львовско-Сандомирской, не могло во время форсирования Вислы оказать 1-му Украинскому фронту надлежащего сопротивления. Войска маршала И. С. Конева твердо встали на сандомирском плацдарме.

Днем 29 июля мне позвонил Верховный и поздравил с награждением второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Затем позвонил Михаил Иванович Калинин и тоже поздравил с награждением, добавив при этом:

— Вчера Государственный Комитет Обороны по инициативе Верховного Главнокомандующего принял решение наградить вас за Белорусскую операцию и за операцию по изгнанию врага из Западной Украины.

В тот памятный для меня день было получено много телеграфных и устных поздравлений от боевых друзей и товарищей. Но самой большой радостью, конечно, было то, что Красная Армия укрепилась на западном берегу Вислы и была готова к выполнению своей освободительной миссии в Польше, а затем и к вторжению в пределы фашистской Германии с тем, чтобы завершить ее разгром.

Командование немецких войск понимало значение захваченных плацдармов на берлинском направлении и делало все возможное, чтобы ликвидировать магнушевский, пулавский и сандомирский плацдармы. К ним были стянуты крупные силы противника, в том числе максимум танковых и моторизованных дивизий, но было уже поздно.

Со своей стороны 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты сосредоточили там столько сил и средств, что немецким войскам оказалось не под силу отбросить их обратно за Вислу.

В итоге двухмесячных боев советские войска разгромили две крупнейшие стратегические группировки немецких войск, освободили Белоруссию, завершили в основном освобождение Украины, очистили бóльшую часть Литвы и восточную часть Польши.

1, 2, 3-й Белорусские и 1-й Прибалтийский фронты в этих сражениях в общей сложности разбили 70 дивизий противника, из коих 30 дивизий были окружены, пленены и уничтожены. В ходе наступления войск 1-го Украинского фронта на львовско-сандомирском направлении было разгромлено более 30 дивизий, 8 дивизий уничтожено.

В Белорусской операции наиболее полно проявилось выработанное у Советского командования всех степеней умение быстро окружать и уничтожать крупные группировки войск противника. Это искусство командования, мастерство и смелость войск привели к краху самой сильной немецкой группировки на берлинском стратегическом направлении.

Разгром групп армий «Центр» и «Северная Украина» противника, захват трех крупных плацдармов на Висле и выход к Варшаве приблизили наши ударные фронты к Берлину, до которого теперь оставалось около 600 км.

Разгром ясско-кишиневской группировки 2-м и 3-м Украинскими фронтами и освобождение Молдавии создали предпосылки выхода из войны Румынии и Венгрии.

Все это, вместе взятое, создавало почву для окончательного развала фашистского блока и разгрома фашистской Германии.

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ О БЕЛОРУССКОЙ ОПЕРАЦИИ

Непрерывные и мощные удары, наносимые Советскими Вооруженными Силами по врагу на советско-германском фронте в 1943 и первой половине 1944 г., в корне потрясли фашистскую Германию.

В результате крупных побед советские войска, развивая наступление на основных направлениях, к началу лета 1944 г. отбросили немецко-фашистские войска на линию Нарва, Псков, Витебск, Коломыя, Яссы, Днепровский лиман, полностью сняли блокаду Ленинграда, освободили Ленинградскую и Калининскую области, часть Белоруссии, почти всю Украину, Молдавию и Крым. На южном участке фронта боевые действия Красной Армии были перенесены уже за пределы СССР на территорию Румынии.

Жестокие поражения, понесенные врагом, разгром его стратегических группировок на флангах советско-германского фронта, окончательная потеря им стратегической инициативы, ухудшение внутреннего положения в стране — все это свидетельствовало о том, что фашистская Германия идет к полной военной катастрофе.

Сложившаяся крайне неблагоприятная для гитлеровской Германии военно-политическая обстановка прежде всего и сильнее всего сказалась на резком обострении кризиса внутри фашистско-

го блока, наметившегося сразу после победы под Сталинградом. Победа советских войск под Курском, вынудившая гитлеровское руководство перебросить в июле — сентябре 1943 г. с запада на советско-германский фронт 14 дивизий и крупные силы истребительной и бомбардировочной авиации, облегчила высадку англо-американских войск в Италии и в конечном счете предрешила поражение в войне и капитуляцию Италии.

Народы Румынии, Венгрии и Финляндии настойчиво требовали прекращения участия своих стран в войне и выхода из нее. В странах, оккупированных нацистами,— во Франции, Польше, Чехословакии, Югославии, Греции и других ширилось национально-освободительное движение, с каждым днем становились все более активными методы борьбы с фашизмом.

К началу лета 1944 г. у народов всего мира уже не было сомнений в том, что Советский Союз в состоянии один, своими собственными силами завершить разгром немецко-фашистской армии на территории самой Германии, и освободить от рабства оккупированные страны Европы. Бесспорно, учитывая это, правители США и Англии под настойчивым требованием народных масс в своих странах решились, наконец, выполняя решение Тегеранской конференции глав трех союзных государств, открыть второй фронт в Европе, приступив в июне 1944 г. к высадке своих войск на побережье северной Франции — в Нормандии.

На Тегеранской конференции глав трех держав, состоявшейся в ноябре 1943 г., вопрос об открытии второго фронта в Европе являлся одним из основных. При обсуждении его советская делегация, возглавляемая И. В. Сталиным, указывала на грубое нарушение Англией и США обязательств об открытии второго фронта в Европе не только в 1942, но и в 1943 г., что привело к затяжке войны и нанесло большой ущерб общей борьбе против фашистского блока. Советская делегация настойчиво требовала, чтобы высадка союзных войск во Франции была осуществлена хотя бы в пределах мая 1944 г. Черчилль, по-прежнему мечтавший вместе со своими единомышленниками в США максимально ослабить и обескровить Советский Союз, против которого фашистское командование бросило все свои основные силы, а собственные силы приберечь и использовать лишь на завершающем этапе войны, и в данном случае возражал против этих советских требований, стремясь вновь отложить решение вопроса о втором фронте в Европе на неопределенное время. Но в Тегеране ему добиться своего не удалось. Президент США Рузвельт, опасаясь, что если и теперь, т. е. после блестящих побед советского народа и его Вооруженных Сил над фашистами в конце 1942 и в начале 1943 г., не произвести высадки американских и английских войск во Франции, то вся Западная Европа будет освобождена Красной Армией, поддержал предложения Сталина, и Черчилль вынужден был согласиться с ним. В результате на конференции было принято решение произвести высадку

войск во Франции в течение мая 1944 г. В ответ на это И. В. Сталин заявил, что русские обязуются к маю организовать большое наступление против немцев в нескольких местах советско-германского фронта, с тем чтобы не дать немцам возможности маневрировать резервами и перебрасывать сколько-нибудь значительные силы с Восточного фронта на запад.

18 апреля 1944 г. Рузвельт и Черчилль сообщили Сталину: «В соответствии с нашими переговорами в Тегеране общая переправа через море произойдет около даты «R», о которой генералам Дину и Бэрроузу недавно было поручено сообщить советскому Генеральному штабу. Мы будем действовать нашими максимальными силами» [1].

22 апреля И. В. Сталин ответил: «Советское Правительство удовлетворено Вашим сообщением, что в соответствии с тегеранским соглашением переправа через море произойдет в намеченный срок, о котором генералы Дин и Бэрроуз уже информировали наш Генеральный штаб, и что Вы будете действовать максимальными силами. Выражаю уверенность в успехе намечаемой операции. Как мы договорились в Тегеране, Красная Армия предпримет к тому же сроку свое новое наступление, чтобы оказать максимальную поддержку англо-американским операциям» [2].

10 апреля 1944 г. действительно глава военной миссии США в Москве генерал Дин и глава английской военной миссии генерал Бэрроуз уведомили меня как начальника Генерального штаба, что английское и американское верховное командование намерено начать операцию по форсированию Ла-Манша 31 мая 1944 г. при возможном отклонении от этого срока на два или три дня в ту или другую сторону, учитывая метеорологические условия.

Фактически, как известно, эта операция началась 6 июня.

Нельзя, конечно, отрицать того военно-политического значения, которое имело для ускорения хода второй мировой войны хотя и столь запоздалое открытие второго фронта в Европе. Высадка союзных войск во Франции прежде всего свидетельствовала об укреплении антигитлеровской коалиции, о решимости довести борьбу против фашистской Германии до полного ее разгрома и разбивала в прах надежды немецко-фашистской клики на раскол антигитлеровской коалиции и ее мечты о заключении с США и Англией компромиссного мира с тем, чтобы с помощью освободившихся на западе сил вновь захватить стратегическую инициативу в свои руки, разгромить Советский Союз и добиться победного конца в войне.

[1] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I. М., 1957, стр. 137.

[2] Там же, стр. 138.

Бесспорно, с открытием второго фронта в Европе стратегическое положение фашистской Германии еще более осложнилось. Но нацистское руководство, испытав на себе всю силу возрастающих ударов Красной Армии, и после открытия второго фронта в Европе по-прежнему все свои основные усилия направляло на борьбу с Советским Союзом. Подтверждением тому является факт, что в самый ответственный период открытия второго фронта, в период высадки англо-американских войск на побережье Нормандии и продолжительной борьбы за плацдарм и на самом плацдарме, несмотря на значительное превосходство высадившихся войск, фашистское командование не перебросило сюда ни одной дивизии с советско-германского фронта. Да оно и не могло этого сделать в связи с мощными и куда более опасными для нацистов ударами, которые наносились по фашистским войскам на советско-германском фронте.

Советско-германский фронт и после открытия второго фронта в Европе оставался основным и решающим фронтом второй мировой войны. Здесь осуществлялись важнейшие битвы до последнего момента капитуляции фашистов. Здесь по-прежнему гитлеровское командование держало свои главные силы.

Попытки буржуазных историков и военных писателей всячески преуменьшить численность немецко-фашистских войск, действовавших на советско-германском фронте в этот период войны, давно и полностью опровергнуты опубликованными историческими документами.

Готовясь к летней кампании 1944 г., гитлеровское руководство одновременно с приведением в порядок своих войск принимало все меры и к тому, чтобы мобилизовать ресурсы своего государства и оккупированных стран Европы для максимального увеличения производства вооружения, боеприпасов и других видов боевой техники. И надо сказать, что к середине 1944 г. ему удалось значительно увеличить производство даже по таким видам вооружения, как самолеты, танки и штурмовые орудия, по сравнению с 1943 г. Но все же этот рост не мог восполнить тех огромных потерь, которые понесли немецко-фашистские армии на советско-германском фронте, не мог уже полностью удовлетворить всех потребностей войны того времени.

В дальнейшем же, как известно, под влиянием резко осложнявшейся фронтовой обстановки, из-за недостатка своей рабочей силы на производстве в связи с многократными мобилизациями для пополнения армии, саботажем и неповиновением иностранных рабочих из оккупированных стран Европы, а также из-за недостатка сырьевых и продовольственных ресурсов возможности расширения производства стали иссякать, и рост производства вооружения и боевой техники со второй половины 1944 г. в фашистской Германии начал падать.

В совершенно иных условиях вступал в завершающий период Великой Отечественной войны Советский Союз,

Грандиозные победы и наступивший в связи с этим коренной перелом в войне все больше и больше сказывались на всех областях жизни нашей страны, особенно на экономике и морально-психологическом состоянии народа и армии. Советский тыл все обильнее снабжал фронт вооружением, техникой, боеприпасами, всем необходимым для наращивания ударов по врагу. На базе ускоренного развития военной промышленности шло перевооружение армии и флота новейшей боевой техникой, созданной творческим трудом советских ученых, конструкторов, техников и рабочих. Вновь были проведены крупные мероприятия по усовершенствованию организационной структуры войск, по формированию новых танковых объединений и соединений, авиационных частей и соединений резерва Верховного Главнокомандования. К началу летней кампании 1944 г. в резерве Ставки находились две общевойсковые, одна танковая и одна воздушная армии. Кроме того, на доукомплектовании — ряд стрелковых, кавалерийских, танковых, механизированных, артиллерийских и авиационных соединений.

В целом Советские Вооруженные Силы значительно окрепли организационно, еще более повысилось их боевое мастерство, возрос моральный дух воинов. Говоря об этом, нельзя не повторить уже известные данные о том, что к началу 1944 г. в составе Вооруженных Сил насчитывалось 2 702 тыс. коммунистов и 2 379 500 комсомольцев. В завершающий период войны 53% всего состава партии страны находилось в армии и на флоте. Каждый четвертый воин здесь был коммунистом [3].

☆

К началу нашего летнего в 1944 г. наступления немецко-фашистские войска занимали в Белоруссии заранее подготовленную и хорошо организованную оборону. Конфигурация фронта здесь представлялась в виде огромного выступа на восток площадью около 250 тыс. кв. км. Выступ образовался в январе — марте 1944 г. в результате разгрома ленинградской группировки противника войсками Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов и освобождения от немецких захватчиков Правобережной Украины, осуществленного примерно в то же время войсками 1, 2 и 3-го Украинских фронтов.

Белорусский выступ, нависая над правым крылом 1-го Украинского фронта, создавал с севера угрозу его коммуникациям в случае дальнейшего наступления этого фронта в западном и северо-западном направлениях. Кроме того, этот выступ уже по своему положению, казалось бы, достаточно прочно обеспечивал или по крайней мере хорошо способствовал обороне фашистами подступов к границам Польши и Восточной Пруссии.

[3] «50 лет Вооруженных Сил СССР». М., 1968, стр. 395.

Поэтому фашистское командование стремилось удержать выступ во что бы то ни стало и уделяло его обороне исключительное внимание. Главная полоса обороны врага проходила по линии Витебск, Орша, Могилев, Рогачев, Жлобин, Бобруйск. Особенно сильно враг укрепил районы Витебска и Бобруйска, т. е. фланги обороны группы. Мощную оборону он также имел на оршанском и могилевском направлениях. Были построены оборонительные рубежи и в оперативной глубине — по берегам рек Днепр, Друть, Березина.

Все инженерные оборонительные сооружения довольно удачно были увязаны с естественными и очень выгодными для обороны условиями местности — реками, озерами, болотами, лесами и т. д. Крупные города гитлеровцы превратили в сильные узлы сопротивления, укрепленные системой хорошо развитых траншей, дотов и дзотов. Города Витебск, Орша, Могилев, Бобруйск, Борисов и Минск приказом Гитлера были объявлены «укрепленными районами», которые должны были обороняться любой ценой.

Фашистский фронт в Белоруссии оборонялся войсками группы армий «Центр», в которую входили 3-я танковая, 4-я, 9-я и 2-я армии. В первой полосе обороны находилось 38 дивизий, во втором эшелоне и в резерве — 14 дивизий с большим количеством усиления, специальных подразделений и команд. Командующим группы армий «Центр» был генерал-фельдмаршал Буш. В задачу этой группировки войск входило: прочно удерживать свои позиции с целью надежно прикрыть такие важные стратегические направления, как восточно-прусское и варшавское.

Построение обороны противника было следующим: 3-я танковая армия обороняла участок фронта от Сиротино до Богушевское (40 км южнее Витебска); 4-я армия оборонялась на фронте Богушевское, Быхов; 9-я армия — южнее Быхова до р. Припять. Южнее Припяти и до Нов. Выжва занимала оборону 2-я армия. От Нов. Выжва до Верба действовали левофланговые соединения 4-й танковой армии группы армий «Северная Украина».

Всего, с учетом части сил 16-й и 4-й танковой армий против 1-го Прибалтийского и трех Белорусских фронтов действовали 63 дивизии и 3 бригады противника. Эта группировка имела 1 млн. 200 тыс. солдат и офицеров, свыше 9,5 тыс. орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий.

К тому времени немецко-фашистское руководство, окончательно утратившее стратегическую инициативу и вынужденное безвозвратно перейти по всему советско-германскому фронту к обороне, делало ставку на затягивание войны, отсрочку окончательного поражения своих войск, военной катастрофы гитлеровской Германии.

Готовясь к летней кампании 1944 г., фашистское командование считало наиболее вероятным, что Красная Армия будет наносить главный удар летом 1944 г. также на юге. В Белоруссии ожидались вспомогательные местные операции сковывающего

характера, которые немцы предполагали отразить силами группы армий «Центр» в пределах главной полосы обороны.

Кроме того, гитлеровская клика была уверена, что советские войска не смогут наступать по всему фронту, поэтому свои основные силы и летом 1944 г. враг держал не в Белоруссии, а на юге. Так, из 22 танковых дивизий, находившихся в это время на Восточном фронте, 20 дивизий были расположены к югу от р. Припять и только две — к северу от нее.

Решение о проведении основных операций с целью разгрома центральной группировки фашистских войск и освобождения Белоруссии летом 1944 г. Советское Верховное Главнокомандование приняло еще при планировании операций на зимний период 1944 г. при обязательном выполнении не позднее апреля задач, поставленных перед войсками 1, 2 и 3-го Украинских фронтов по освобождению от оккупантов Правобережной Украины, а перед войсками 4-го Украинского фронта — по освобождению Крыма. Собственно, с этого времени фактически и началось материальное обеспечение предстоящей летней кампании. Центральный Комитет партии и Государственный Комитет Обороны принимали все меры к своевременному созданию необходимых для нее огромных сил, запасов боевой техники, вооружения, боеприпасов, горючего, снаряжения, продовольствия и всех других материальных ресурсов, требуя от Генерального штаба соответствующих расчетов.

При определении потребных сил для усиления фронтов на период Белорусской операции Генеральный штаб считал возможным привлечь некоторую часть войск за счет тех, которые освободятся к весне в результате проводимых наступательных операций на юге. Разрабатывался Генеральным штабом и проводился в жизнь с разрешения Ставки целый ряд других крупных организационных мероприятий в интересах летних операций, особенно Белорусской. Так, в целях улучшения управления войсками на территории Белоруссии в апреле Западный фронт был разделен на два фронта — 2-й и 3-й Белорусские, а прежний Белорусский был переименован в 1-й Белорусский фронт.

Больших трудов и внимания от Генерального штаба и центральных органов Наркомата обороны потребовала разработка всех расчетов, связанных с предстоящей перегруппировкой войск и с переброской к фронту всего необходимого для операции из глубины страны, выполнение которых в свою очередь было возможно при полном использовании всех видов транспорта, прежде всего железнодорожного. Одновременно Генеральным штабом разрабатывался целый ряд серьезных мероприятий с тем, чтобы во что бы то ни стало скрыть от врага весь этот огромный комплекс подготовительных работ предстоящей операции, проводимый центром и в войсках.

Это — лишь небольшая часть вопросов, над которыми обязан был работать Генеральный штаб с привлечением соответствую-

щих управлений Наркомата обороны, причем, в целях максимального сохранения секретности к выполнению подготовительных работ привлекался лишь крайне ограниченный круг лиц.

К разработке оперативного плана на проведение Белорусской операции и плана на летнюю кампанию 1944 г. в целом Генеральный штаб вплотную приступил с апреля.

В основу плана был положен замысел Верховного Главнокомандования, которым предусматривалось мощными ударами по флангам белорусского выступа — с севера от Витебска в направлении на Борисов, Минск и с юга с фронта Нов. Быхов, Озаричи через Бобруйск также на Минск — разгромить и уничтожить главные силы фашистской группы армий «Центр», находившиеся в середине выступа восточнее Минска.

Предполагалось, что успешное выполнение такого решения позволит Советскому Верховному Главнокомандованию полностью освободить в дальнейшем всю территорию Белоруссии, отбросить все еще нависавший над Москвой и более опасный для нее фронт под Смоленском и Витебском, выходом на побережье Балтийского моря и к границам Восточной Пруссии рассечь стратегический фронт врага, поставив в крайне опасное положение действовавшую в Прибалтике группу армий «Север», создав выгодные предпосылки для нанесения последующих ударов по врагу как в Прибалтике, так и в западных районах Украины и для развития новых более глубоких и решающих операций на наиболее уязвимых для него восточно-прусском и варшавском направлениях.

Для разгрома группы армий «Центр» Ставка считала необходимым привлечь войска:

1-го Прибалтийского фронта — командующий генерал армии И. Х. Баграмян, член Военного совета генерал-лейтенант Д. С. Леонов, начальник штаба генерал-лейтенант В. В. Курасов;

3-го Белорусского фронта — командующий генерал-полковник И. Д. Черняховский, член Военного совета генерал-лейтенант В. Е. Макаров, начальник штаба генерал-лейтенант А. П. Покровский;

2-го Белорусского фронта — командующий генерал-полковник Г. Ф. Захаров, член Военного совета генерал-лейтенант Л. З. Мехлис, начальник штаба генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов.

1-го Белорусского фронта — командующий генерал армии К. К. Рокоссовский, член Военного совета генерал-лейтенант Н. А. Булганин, начальник штаба генерал-полковник М. С. Малинин;

Днепровскую военную флотилию — командующий капитан 1-го ранга В. В. Григорьев, член Военного совета — капитан 1-го ранга П. В. Боярченков;

крупные силы партизан, активно действовавшие в Белоруссии.

Замыслом предусматривался одновременный переход войск этих фронтов в наступление на витебском, богушевском, оршан-

ском, могилевском и бобруйском направлениях с тем, чтобы мощными, неожиданными для врага ударами на этих направлениях раздробить его стратегический фронт обороны, окружить и уничтожить его группировки в районе Витебска и Бобруйска, после чего стремительно развить наступление в глубину, окружить и ликвидировать войска 4-й немецкой армии восточнее Минска и тем самым создать благоприятные условия для развития операции всех четырех фронтов на большую глубину.

По замыслу Верховного Главнокомандования одновременно с подготовкой Белорусской операции, которая должна была явиться основной в летней кампании 1944 г., Генеральным штабом совместно с командованием Ленинградского и Карельского фронтов готовились наступательные операции на Карельском перешейке и в Южной Карелии. Необходимость этих операций вызывалась политическими и военно-стратегическими соображениями. Успех советских войск в этих операциях мог резко повлиять на правящие круги Финляндии и вынудить их к скорейшему и окончательному выходу из войны. Ставкой было принято решение, чтобы эти операции по времени предшествовали Белорусской операции, что неизбежно в значительной мере способствовало бы отвлечению сил противника от нашей основной операции.

Как мы видим, изложенный замысел Белорусской операции был прост и в то же время смел и грандиозен. Простота его заключалась в том, что в основу его было положено решение использовать наиболее выгодные для нас условия конфигурации советско-германского фронта на белорусском театре, заведомо зная, что эти выгодные для нас фланговые направления являются наиболее опасными и ответственными для врага, а следовательно и наиболее защищенными им. О грандиозности замысла свидетельствует прежде всего исключительно важное военно-политическое значение для дальнейшего хода второй мировой войны этой крупнейшей в истории операции, огромный размах и количество одновременно или последовательно предусмотренных планом, казалось бы, совершенно самостоятельных, но вместе с тем тесно связанных между собой стратегическим замыслом фронтовых операций, направленных к достижению одних и тех же, в конечном результате, военно-стратегических задач и политических целей.

Принятие такого военно-стратегического замысла на Белорусскую операцию Верховным Главнокомандованием и его реализация стали возможными в результате блестящих побед над врагом в течение 1942—1943 гг., особенно побед, одержанных зимой 1944 г. и создавших наиболее благоприятные условия для его осуществления. Мощный рост военной экономики нашего социалистического государства позволил советскому народу все обильнее снабжать фронт вооружением, боевой техникой, боеприпасами, горючим и всем необходимым для проведения такой силы удара по врагу.

Замысел Верховного Главнокомандования на летнюю кампанию и на Белорусскую операцию вырабатывался на протяжении длительного времени с учетом итогов проведенных к тому времени наступательных операций на юге советско-германского фронта и операций на белорусском направлении. Начиная с марта 1944 г., после того как войска Белорусского фронта овладели Рогачевом и захватили на правом берегу Днепра между Быховом и Рогачевом плацдарм, а войска Западного и 1-го Прибалтийского фронтов еще глубже охватили с северо-запада и юго-востока Витебск и перерезали железную дорогу Полоцк — Витебск, обсуждение этого замысла приняло более конкретный характер. В течение марта-апреля, т. е. в ходе операций по освобождению Правобережной Украины, замысел на летнюю кампанию и на основную в ней Белорусскую операцию неоднократно обсуждался у Верховного Главнокомандующего.

Не раз обсуждался он с привлечением Г. К. Жукова и меня при вызове нас с фронта в Москву и при участии А. И. Антонова. Основными темами наших бесед при этом являлись — выработка наиболее приемлемого решения для достижения намеченных целей, определение потребных сил и средств для этого, наращивания силы нашего удара в Белоруссии по фронту и в глубину по мере развития наступления, последовательность и время ввода в дело соседних с Белорусскими и 1-м Прибалтийским фронтами остальных фронтов прибалтийского направления и 1-го Украинского фронта, степень потребного усиления их для этой цели и их задачи.

Часто отдельные детали замысла и плана подготавливаемых операций обсуждались И. В. Сталиным во время телефонных разговоров с нами, когда мы находились на фронтах, при этом он нередко ссылался на свои переговоры по этим вопросам с соответствующими командующими войсками фронтов и особенно с К. К. Рокоссовским. Из телефонных разговоров с Верховным на эту тему могу привести хотя бы такие. При организации и проведении операций по освобождению от фашистов Правобережной Украины и Крыма И. В. Сталин неоднократно напоминал мне о необходимости во что бы то ни стало закончить эти операции в апреле с тем, чтобы в мае все внимание уделить подготовке Белорусской операции.

Помню и такой разговор. В начале Крымской операции, находясь при штабе 4-го Украинского фронта, после того как я по телефону доложил И. В. Сталину об успешном развитии операции, в частности о том, что войска фронта освободили уже Джанкой и успешно развивают наступление на Симферополь, наш разговор по инициативе И. В. Сталина перешел на вопросы, связанные с подготовкой летней кампании. Прежде всего он, сообщив мне, что склонен, вопреки возражениям командующего войсками Ленинградского фронта Л. А. Говорова, в интересах предстоящих событий разделить этот фронт вновь на два, оставив за Ленин-

градским фронтом к югу от Финского залива нарвское направление примерно до Гдова, а южнее на псковско-валгском направлении создать новый 3-й Прибалтийский фронт, передав ему из Ленинградского три армии, спросил мое мнение по этому вопросу. Тогда же был задан и другой вопрос, который обсуждался в Ставке,— о разделении Западного фронта, о чем уже говорилось ранее, для удобства управления войсками в период проведения Белорусской операции также на два фронта. Предлагалось на участке к югу от Витебска до Орши включительно выделить 3-й Белорусский фронт, более сильный, с предназначением для решения наиболее активных задач на борисовско-минском направлении, а на могилевском направлении создать 2-й Белорусский фронт. Существующий Белорусский фронт во главе с К. К. Рокоссовским переименовать в этом случае в 1-й Белорусский фронт, предназначив его, как и намечалось ранее, для действий на бобруйско-минском направлении. На должность командующего войсками 2-го Белорусского фронта предлагалось назначить генерал-полковника И. Е. Петрова. Сталин спросил меня, как я отношусь к этим вопросам и кого бы я мог рекомендовать на должность командующего 3-м Белорусским фронтом. Я доложил Верховному Главнокомандующему, что все заданные мне вопросы для меня не новы, что по ним я уже имел неоднократные переговоры с Антоновым и их полностью разделяю. Что касается кандидатуры на должность командующего войсками 3-го Белорусского фронта, то я порекомендовал И. В. Сталину командующего 60-й армией генерал-полковника И. Д. Черняховского, положительные характеристики на которого я уже не раз давал Верховному Главнокомандующему ранее. (Думаю, что моя рекомендация сыграла какую-то роль при окончательном решении этого вопроса.)

Помню и другую беседу по телефону, относящуюся к подготовке Белорусской операции. Она имела место в конце апреля или в первых числах мая в период подготовки войск 4-го Украинского фронта к штурму Сапун-горы и Севастополя. Речь шла о том, что́ необходимо будет оставить из войск 4-го Украинского фронта после окончательной победы над врагом в Крыму для прочной его обороны и что́ можно будет взять из фронта на усиление войск белорусских направлений. И этот вопрос мною уже обсуждался с А. И. Антоновым, и мы считали целесообразным оборону Крыма возложить на войска Приморской армии и Черноморский флот, усилив армию необходимыми средствами и особенно дальнобойной артиллерией за счет фронта, а управление фронта и две армии — 2-ю гвардейскую и 51-ю вывести в резерв Ставки, причем обязательно на территорию Белоруссии, из них одну — в район восточнее Витебска на усиление правого крыла создаваемой там группировки. Это и было доложено мною И. В. Сталину. Он не возражал и приказал мне еще раз обсудить эти вопросы с Антоновым и согласовать окончательно с ним предложения Генерального штаба. Просил также через А. И. Антонова сообщить

свои предложения о начальниках штабов для этих фронтов и наметить из состава войск 4-го Украинского фронта известный мне, наиболее опытный высший командный состав, который полезно будет использовать при проведении Белорусской операции. Забегая вперед, скажу, что впоследствии мною были названы оба командарма фронта — генералы Г. Ф. Захаров и Я. Г. Крейзер, а из командиров корпусов — А. А. Лучинский, П. К. Кошевой и ряд других командиров.

Несколько строк о моих телефонных беседах с А. И. Антоновым. Около 28 месяцев — с января 1943 по февраль 1945 г. я имел удовольствие работать во время войны в Генеральном штабе с дорогим Алексеем Иннокентьевичем. Значительную часть времени я находился вне Генерального штаба, выполняя ответственные задания Верховного Главнокомандования на фронтах. Но где бы я ни был, где бы ни находился, благодаря Алексею Иннокентьевичу, благодаря его безупречной дисциплинированности, примерной тактичности и скромности, установившимися между нами и сохранившимися до последних его дней самыми дружественными взаимоотношениями я всегда своевременно и полностью был информирован обо всех основных событиях, происходящих на фронте, о деятельности Ставки, Генерального штаба и Наркомата обороны в целом, не говоря уже о том, что ни один принципиальный вопрос, подготавливаемый Генеральным штабом, не докладывался Ставке без предварительного рассмотрения и одобрения мною. Этого требовал всегда от лиц, заменявших меня в Генеральном штабе, и сам Верховный Главнокомандующий. Такой порядок в Генеральном штабе был установлен и ранее, еще в бытность начальником штаба глубокоуважаемого Бориса Михайловича Шапошникова, порядок строго выполнялся и поддерживался мною по отношению к нему и после того, как Борис Михайлович вынужден был покинуть этот пост из-за своей болезни, поддерживался до тех пор, пока я не получил указаний от И. В. Сталина не беспокоить, не утруждать Б. М. Шапошникова, а обращаться к нему за советом лишь в исключительных случаях и каждый раз с его разрешения.

Телефонные звонки А. И. Антонова ко мне на фронт и от меня к нему были ежедневно. Можно без преувеличения сказать, что в мартовские — апрельские дни 1944 г., в дни успешного проведения Крымской операции, основным содержанием их являлись вопросы подготовки Белорусской операции. От Антонова мне стало известно, что в первой половине апреля с разрешения Верховного Главнокомандования Генштабом были запрошены по вопросам летней кампании и проведения большой Белорусской операции мнения соответствующих командующих войсками фронтов. Были известны мне и высказанные ими соображения.

В период с 17 по 19 апреля Ставка Верховного Главнокомандования дала директивы всем фронтам северо-западного, западного и юго-западного направлений, за исключением 2-го и

3-го Украинских фронтов, о переходе к жесткой обороне и о создании оборонительных рубежей. Причем в этих директивах Ставка указывала, что переход к обороне является временным мероприятием с целью подготовки войск к последующим активным действиям. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов аналогичные директивы Ставки получили 6 мая.

После освобождения войсками 4-го Украинского фронта Севастополя и после катастрофы, происшедшей с автомашиной при нашей попытке въехать в город, я 11 мая был эвакуирован самолетом в Москву, где некоторое время был вынужден находиться в постели. За эти дни у меня вновь состоялось несколько обстоятельных бесед с Алексеем Иннокентьевичем, причем вопросы, относящиеся к разработке оперативного плана на летний период и тем более плана Белорусской операции, являлись, конечно, основным содержанием этих бесед. 20 мая разработанный Генеральным штабом план Белорусской операции А. И. Антонов представил Верховному Главнокомандующему и, как уже известно, он в ближайшие же дни был рассмотрен в Ставке с участием некоторых командующих войсками фронтов белорусского направления. В план были внесены некоторые поправки, и Генеральный штаб получил указания уточненный план на основе принятых поправок в ближайшие же дни представить на окончательное утверждение Верховного Главнокомандующего. Получив разрешение от врачей, я в последующие дни с Г. К. Жуковым и А. И. Антоновым неоднократно бывал у Верховного Главнокомандующего. Каждый раз при этих встречах мы возвращались к обсуждению отдельных деталей Белорусской операции. В эти же дни всесторонне был рассмотрен вопрос о готовности войск Ленинградского фронта к проведению в начале июня наступательной операции на Карельском перешейке и план операции войск Карельского фронта в Южной Карелии, которая должна была начаться несколькими днями позже операции Ленинградского фронта.

При встрече 30 мая был рассмотрен и окончательно утвержден И. В. Сталиным план Белорусской операции. Исходя из представленных Генеральным штабом расчетов о времени, необходимом на сосредоточение войск и на подготовку операции в целом, было принято решение начать ее 19—20 июня.

В этот же вечер И. В. Сталин, как не раз это было и в прошлом, заявил, что в дальнейшем основная задача Ставки — помочь командованию и войскам фронтов как следует подготовить и провести задуманную операцию, а ГКО и Генштаб обязаны принять меры к тому, чтобы своевременно и полностью обеспечить войска всем необходимым. Он предложил направить на фронты в Белоруссию в качестве представителей Ставки Жукова и автора этих строк и спросил, кто из нас и куда хотел бы отправиться с этой целью. Оба мы ответили, что с большой благодарностью принимаем это предложение, как новое исключитель-

ное доверие партии, и готовы работать там, где нам будет указано. Было принято решение — Маршала Советского Союза Г. К. Жукова направить для координации действий на 1-й и 2-й Белорусские, а меня — на 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский фронты.

В ту же ночь там же, в Ставке, были отработаны нами частные директивы фронтам белорусского направления, в которых давались указания немедленно приступить к подготовке этой большой стратегической операции и ставились конкретные задачи фронтам на первый этап ее проведения. Указанные директивы за подписью Сталина и Жукова были направлены фронтам 31 мая.

Принимая решение на первый этап операции по освобождению Белоруссии и ставя задачи фронтам, Ставка Верховного Главнокомандования намечала следующий план дальнейшего развития операции. Усилия 1-го Прибалтийского фронта направить через Полоцк, Глубокое, Швенченис (Свенцяны) на Шяуляй, отсекая немецкую группу армий «Север» от группы армий «Центр» и выходя на Балтику в районе Клайпеды; войска 3-го Белорусского фронта после разгрома врага в районе Витебска и Орши и удара на Борисов направить через Минск, Молодечно, Вильнюс, Каунас, Лиду и Гродно и вывести к границам Восточной Пруссии; 2-м Белорусским фронтом, сковывая немецкую группу армий «Центр» с востока, нанести удар на Могилев, затем через Столбцы и Новогрудок выйти в районе Волковыск, Белосток. 1-й Белорусский фронт после окружения вместе с войсками 3-го Белорусского фронта группировки противника восточнее Минска должен развивать наступление войсками правого крыла на Слуцк, Барановичи, Слоним, Пружаны, а левого — через Пинск, Кобрин, Брест, Ковель и Хелм на Седлец и Люблин.

В ближайшие же дни вслед за этим я встретился в Генштабе с командующим войсками 3-го Белорусского фронта генерал-полковником И. Д. Черняховским, который прежде всего высказал мне свою неподдельную радость, узнав, что ему придется выполнять ответственнейшую и в то же время первую для него фронтовую операцию при непосредственной моей помощи. Тогда же командующий фронтом был детально и в полной мере ознакомлен с общим замыслом Ставки по операции «Багратион» и с задачами в окончательном их виде, возлагаемыми на войска 3-го Белорусского фронта.

За несколько дней до этого фронтам были даны и другие указания, имевшие отношение к летним наступательным операциям.

27 мая была дана директива Ставки о передаче участка фронта правофланговой 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта 2-му Прибалтийскому фронту с тем, чтобы войска 6-й гвардейской армии были использованы в ударной группировке своего фронта.

29 мая всем командующим фронтами была направлена подробная директива Генерального штаба с указанием основных мероприятий по обеспечению скрытности всех проводимых работ по подготовке летних операций.

В первых числах июня Г. К. Жуков и я получили от И. В. Сталина последние указания по своей работе на фронтах, указания держать его все время в курсе всех происходящих там событий, после чего Верховный Главнокомандующий, пожелав войскам и лично нам успеха, дал разрешение отправиться на фронты.

К началу операции фронты, кроме значительного пополнения находившихся у них войск, должны были дополнительно получить:

3-й Белорусский фронт — 11-ю гвардейскую армию и 2-й гвардейский танковый корпус. Кроме того, за войсками фронта сосредоточивалась в резерве Ставки 5-я гвардейская танковая армия;

1-й Белорусский фронт — 8-ю гвардейскую и 28-ю армии, 2-ю танковую армию, 9-й и 1-й гвардейский танковые, 1-й механизированный, 2-й и 4-й гвардейские кавалерийские корпуса;

1-й Прибалтийский фронт — 1-й танковый корпус;

2-й Белорусский фронт — 81-й стрелковый корпус.

Прибытие в Белоруссию перебрасываемых из Крыма в резерв Ставки 2-й гвардейской и 51-й армий планировалось на последние числа июня.

☆

В соответствии с указаниями Ставки в 16 часов 4 июня я прибыл в штаб 3-го Белорусского фронта, располагавшийся в лесу вблизи от г. Красное Смоленской области, откуда и обязан был организовать координацию боевых действий войск этого и 1-го Прибалтийского фронтов. Для этой цели здесь заранее был подготовлен пункт управления с соответствующими средствами связи, обеспечивавший мне, как начальнику Генерального штаба, постоянную прочную телефонную, телеграфную и радиосвязь со Ставкой, Генеральным штабом и со всеми командующими фронтами и армиями. Со мной прибыли заместитель командующего артиллерией Красной Армии М. Н. Чистяков, заместитель командующего ВВС Ф. Я. Фалалеев и небольшая группа офицеров Генерального штаба.

Вечером того же дня И. Д. Черняховский ознакомил нас с окончательно отработанным командованием фронтовым планом операции, с поставленными по нему армиям задачами и сообщил о проделанной за последнее время командованием фронта работе по подготовке этой операции.

По директиве Ставки фронт обязан был подготовить и провести на первых порах операцию с задачами во взаимодействии с левым крылом 1-го Прибалтийского и войсками 2-го Белорус-

ского фронтов разгромить витебско-оршанскую группировку врага, предусмотрев для этой цели:

один удар силами 39-й и 5-й армий из района Лиозно в направлении Богушевское, Сенно; частью сил этой группировки, обходя Витебск с юго-запада во взаимодействии с левым крылом 1-го Прибалтийского фронта, разгромить витебскую группировку врага и овладеть г. Витебск;

другой удар силами 11-й гвардейской и 31-й армий — вдоль Минской автострады в общем направлении на Борисов; частью сил этой группировки ударом с севера овладеть г. Орша.

Ближайшей задачей фронту ставилось — овладеть рубежом Сенно, Орша, в дальнейшем наступать на Борисов с задачей во взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом разгромить борисовскую группировку противника и выйти на западный берег р. Березины в районе Борисова.

Предлагалось подвижные войска фронта (конницу и танки) использовать для развития успеха в общем направлении на Борисов.

Обеспечение этих операций достигалось наличием во фронте к началу операции 6445 стволов артиллерии и минометов (от 76 мм и выше), 689 установок реактивной артиллерии, 1810 танков и самоходной артиллерии (с учетом 5-й гвардейской танковой армии) и 1864 боевых самолетов.

По решению командующего фронтом ударные группы в армиях фронта должны были составить:

в 39-й армии (командующий генерал-лейтенант И. И. Людников, член Военного совета генерал-майор В. Р. Бойко и начальник штаба генерал-майор М. И. Симиновский) — 84-й и 5-й гвардейский стрелковые корпуса в составе пяти стрелковых дивизий и 28-я танковая бригада;

в 5-й армии (командующий генерал-лейтенант Н. И. Крылов, член Военного совета генерал-майор И. М. Пономарев, начальник штаба генерал-майор Н. Я. Прихидько) — 72-й и 65-й стрелковые корпуса в составе шести стрелковых дивизий, 153-я и 2-я гвардейская танковые бригады;

в 11-й гвардейской армии (командующий генерал-лейтенант К. Н. Галицкий, член Военного совета генерал-майор П. Н. Куликов, начальник штаба генерал-майор И. И. Семенов) — 8-й и 36-й гвардейский стрелковые корпуса в составе пяти стрелковых дивизий и 120-я танковая бригада;

в 31-й армии (командующий генерал-лейтенант В. В. Глаголев, член Военного совета генерал-майор Д. А. Карпенков, начальник штаба генерал-майор М. И. Щедрин) — 71-й и 36-й стрелковые корпуса в составе пяти стрелковых дивизий и 213-я танковая бригада.

Второй эшелон составляли подвижные соединения — 3-й гвардейский механизированный корпус, 3-й гвардейский кавалерийский корпус, а в последующем и 5-я гвардейская танковая ар-

мия; в 11-й гвардейской армии — 2-й гвардейский танковый Тацинский корпус.

По плану, утвержденному командующим фронтом, из артиллерийских и танковых средств фронта для обеспечения успеха на армейских участках прорыва фронта обороны врага привлекались 5764 орудия и миномета, или 80,1% от общего количества стволов, что составляло в среднем артиллерийскую плотность на один километр фронта прорыва до 175 стволов; 1466 танков и САУ, или 80,9% от общего количества, что составляло общую плотность на один километр участка прорыва до 44 единиц. Это позволяло рассчитывать на успех предстоящей операции.

Проверкой было установлено, что командование, политуправление и штаб фронта уделяют серьезное внимание маскировке прибывавших во фронт общевойсковых, танковых, артиллерийских соединений и других специальных войсковых частей и всевозможных воинских грузов в предоперационный период. На станциях выгрузки находились офицеры оперативного управления штаба фронта, которые встречали и сопровождали войска в указанные для них районы сосредоточения, строжайше требуя от них выполнения всех предписанных мер маскировки. Категорически запрещалось командованием фронта: производить перегруппировки и крупные передвижения войск днем; производить рекогносцировки большими группами командного состава; нарушать существовавший до этого режим огня; производить ознакомительные облеты территорий, занятых противником, летному составу новых авиационных частей, прибывающих в состав воздушной армии фронта и т. п. Маскировка районов сосредоточения повседневно проверялась офицерами штаба фронта на самолетах с воздуха. Одновременно с мерами маскировки проводился ряд хорошо продуманных и умело организованных мероприятий с целью дезориентации противника.

Серьезно была организована во фронте и боевая подготовка войск к выполнению предстоящих задач на специально подготовленных, хорошо оборудованных полигонах и учебных полях в тылу, куда для этой цели дивизии и специальные части, предназначенные для прорыва, последовательно и скрытно выводились во вторые эшелоны.

Во всей подготовительной работе чувствовались заботливая рука и мудрый опыт командования и штабов всех степеней, и все это себя в должной мере оправдало.

Доложенный командованием план проведения операции и проводимые фронтом мероприятия у меня и у работавших со мной представителей артиллерии и ВВС вызывали полное одобрение и благодарность.

По плану работы командующего фронтом 5 июня мы принимали участие в рассмотрении им планов проведения операции, доложенных в штабе фронта командующими армиями — 39-й И. И. Людниковым и 31-й В. В. Глаголевым. Особых замечаний

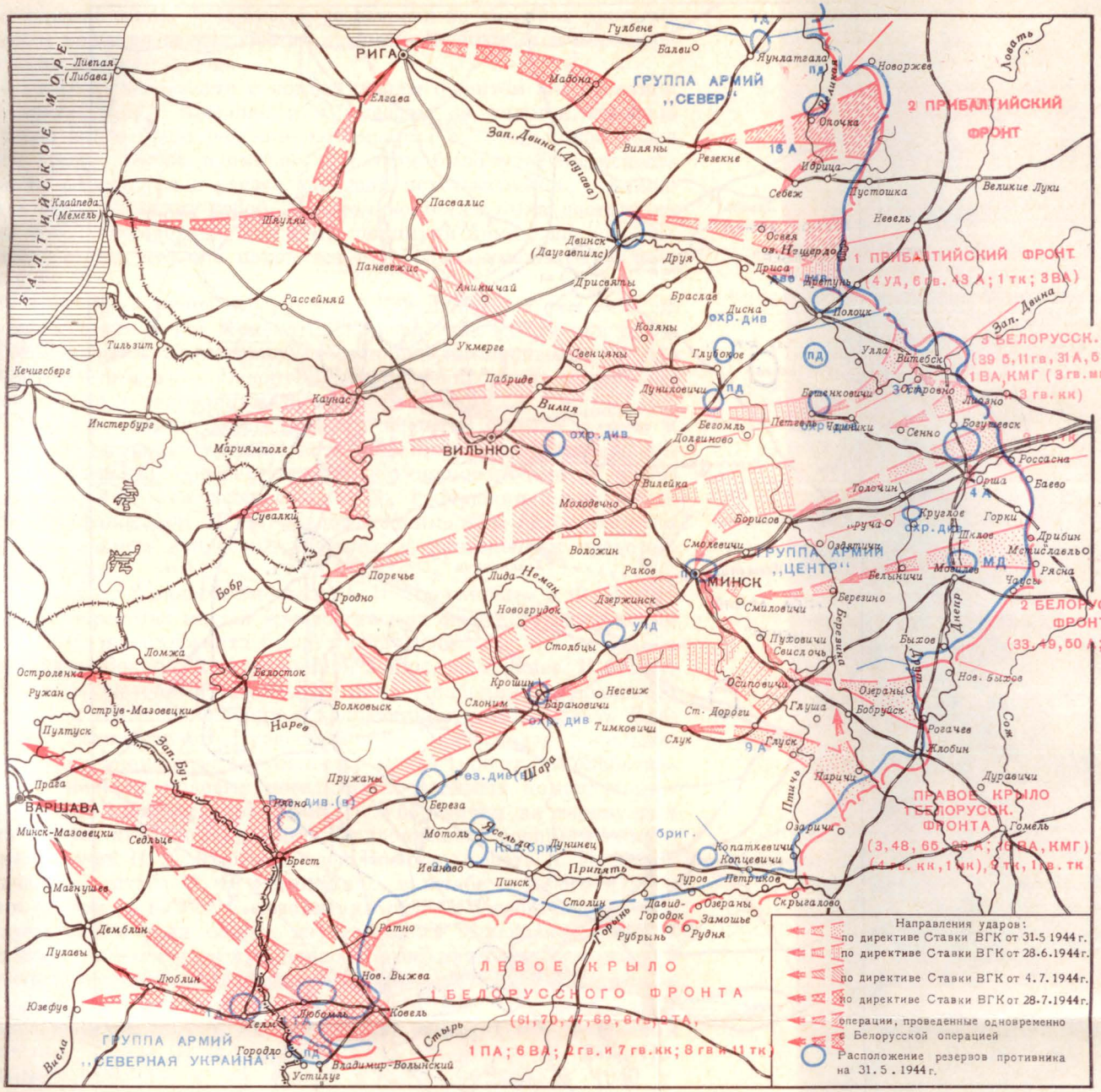
доклады ни у командующего, ни у нас не вызывали, и мы ограничились лишь отдельными указаниями, отложив окончательное рассмотрение основных вопросов до встречи на участках прорыва. В целом решения командующих армиями на прорыв и наступление нами были одобрены.

6 июня с утра вместе с командующим фронтом мы посетили 5-ю армию Н. И. Крылова и с выездом на участок прорыва детально рассмотрели решение командарма и начальников родов войск армии. Особое внимание при этом было уделено использованию артиллерии и увязке действий пехоты, танков, артиллерии и авиации между собой. По всем вопросам была достигнута нами полная договоренность, и мы покинули армию вполне уверенными в том, что она находится в твердых, умелых и надежных руках.

В ночь на 7 июня я доложил Верховному о том, что на 3-м Белорусском и 1-м Прибалтийском фронтах за эти дни никаких изменений в оперативной обстановке не произошло и что подготовка войск в 3-м Белорусском фронте проходит нормально, строго в сроки, установленные фронтовым планом.

7 июня по плану командующего фронтом вместе с ним и Ф. Я. Фалалеевым, а также с командованием 1-й воздушной армии (командующий армией, так хорошо знакомый мне по прежним операциям — генерал-полковник Т. Т. Хрюкин и начальник штаба генерал-майор И. М. Белов) занимались рассмотрением всех авиационных вопросов, связанных с проведением предстоящей операции.

На рассвете 8 июня я вместе с М. Н. Чистяковым и Ф. Я. Фалалеевым перелетел на 1-й Прибалтийский фронт. Командующий и начальник штаба фронта были хорошо известны мне не только по событиям Великой Отечественной войны, но и ранее. В 1937 г. мы были слушателями первого выпуска Академии Генерального штаба. Мои взаимоотношения с начальником штаба фронта Владимиром Васильевичем Курасовым были еще более близкими. Наше первое знакомство состоялось в 1935—1936 гг. на оперативно-стратегических полевых поездках, проводимых командующим Белорусским военным округом И. П. Уборевичем на территории этого округа, куда командование Приволжского военного округа (командующий П. Е. Дыбенко, член Военного совета А. И. Мезис и начальник штаба Н. В. Лисовский), в штабе которого я в то время служил в качестве начальника отдела боевой подготовки, привлекалось в роли одного из армейских управлений. Мне в этом ответственном деле приходилось выполнять роль начальника оперативного отдела этой армии. Оперативный отдел Белорусского округа, выполнявший основную роль при проведении этих поездок, возглавлялся М. В. Захаровым, впоследствии Маршалом Советского Союза. В. В. Курасов, Р. Я. Малиновский, А. П. Покровский работали в то время в этом отделе. В 1940 г. после назначения меня на должность заместителя начальника



Направления ударов советских войск по директивам Ставки Верховного Главнокомандования

Освобождение Белоруссии

Решения командующих фронтами на наступление в Белоруссии

оперативного управления Генштаба по моему предложению на мою прежнюю должность — начальника отдела оперативной подготовки Генштаба был назначен с должности старшего преподавателя Академии Генштаба В. В. Курасов, которому я и передал отдел. В первых числах августа 1941 г. после назначения меня начальником оперативного управления и заместителем начальника Генерального штаба В. В. Курасов был назначен и работал заместителем начальника оперативного управления, отлично помогая мне и начальнику Генерального штаба в эти тяжелые первые месяцы войны. Оставался В. В. Курасов со мной и в крайне трудные октябрьские дни 1941 г. в числе девяти человек, составлявших после эвакуации Генерального штаба основной рабочий аппарат Ставки. В это время он и стал известен Ставке как отличный оперативный работник.

В. В. Курасов и М. Н. Шарохин, работавший в этой же группе оперативного управления, при формировании 3-й и 4-й Ударных армий как наиболее способные оперативные работники по требованию И. В. Сталина были назначены начальниками штабов этих армий. На протяжении последующих двух с лишним лет войны возглавляемые генералом В. В. Курасовым штабы армии и фронтов всегда получали очень высокую оценку Ставки Верховного Главнокомандования и руководства Генерального штаба. Установившимися между нами в тяжелые годы войны дружественными отношениями я крайне дорожу и по сей день.

Весь день 8 июня мы пробыли на КП командующего фронтом генерала армии И. Х. Баграмяна. Заслушали доклады командующего, начальника штаба, начальников родов войск и члена Военного совета фронта по решению на операцию, по ее планированию, о состоянии партийно-политической работы и материальном обеспечении.

По директиве Ставки от 31 мая командованию 1-м Прибалтийским фронтом на первый этап стратегической Белорусской операции приказывалось во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом разгромить витебско-лепельскую группировку противника и выйти на южный берег Западной Двины в районе Чашники, Лепель, для чего силами 6-й гвардейской и 43-й армий прорвать оборону противника в районе юго-западнее Городок (35 км северо-западнее Витебска), нанося один общий удар в направлении Бешенковичи, Чашники.

Войска фронта обязаны были форсировать Западную Двину и овладеть районом Бешенковичи; частью сил во взаимодействии с правым крылом 3-го Белорусского фронта разгромить витебскую группировку противника и освободить г. Витебск, в дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Лепель, прочно обеспечивая главную группировку фронта с полоцкого направления.

В состав 1-го Прибалтийского фронта к началу Белорусской операции входили:

4-я Ударная армия (командующий генерал-лейтенант П. Ф. Малышев, член Военного совета генерал-майор Т. Я. Белик, начальник штаба генерал-майор А. И. Кудряшов);

6-я гвардейская армия (командующий генерал-лейтенант И. М. Чистяков, член Военного совета генерал-майор К. К. Абрамов, начальник штаба генерал-майор В. А. Пеньковский);

43-я армия (командующий генерал-лейтенант А. П. Белобородов, член Военного совета генерал-майор С. И. Шабалов, начальник штаба генерал-майор Ф. Ф. Масленников);

3-я воздушная армия (командующий генерал-лейтенант авиации Н. Ф. Папивин, начальник штаба генерал-майор авиации Н. П. Дагаев);

1-й танковый корпус и ряд других стрелковых, танковых, самоходно-артиллерийских, артиллерийских и инженерных соединений и частей, подчиненных командованию фронта.

Командование фронта, тщательно и всесторонне проанализировав обстановку, выполняя директиву Ставки по разгрому витебской группировки врага, решило взлом тактической обороны врага осуществить, как и было указано, юго-западнее Городок, на 25-километровом фронте, по стыку 16-й армии немецко-фашистской группы армий «Север» и 3-й танковой армии группы армий «Центр». К месту прорыва сосредоточивались две армии фронта — 6-я гвардейская и главные силы 43-й, а также все резервы и 1-й танковый корпус. Главный удар предусматривалось наносить смежными флангами армий в общем направлении на Бешенковичи, Лепель, с ближайшей задачей — прорвать тактическую зону обороны врага и во взаимодействии с 39-й армией 3-го Белорусского фронта окружить и разгромить витебскую группировку врага, а главными силами с ходу форсировать р. Западную Двину и овладеть плацдармом на ее левом берегу.

В дальнейшем командующий предусматривал главными силами фронта развивать наступление на запад, а ударом части сил вдоль правого берега Западной Двины отсечь войска 16-й армии от войск 3-й танковой армии и, разгромив лепельскую группировку, с ходу овладеть Лепелем.

Для выполнения этих задач было решено силы фронта развернуть в одном оперативном эшелоне, имея танковый корпус в качестве подвижной группы. Разработанная фронтом операция предусматривала три этапа. Основным содержанием первого этапа являлся взлом обороны противника на всю глубину тактической зоны. На втором этапе должен был быть осуществлен ввод в прорыв танкового корпуса в направлении на Бешенковичи, форсирование Западной Двины с ходу, с захватом плацдарма на левом ее берегу. Одновременно с этим войска 43-й армии во взаимодействии с 39-й армией 3-го Белорусского фронта должны были окружить и уничтожить витебскую группировку врага. На третьем этапе планировалось форсировать р. Уллу, разгромить лепельскую группировку противника и овладеть районами Ка-

мень и Лепель. Дальнейшее направление действий войск фронта зависело от развития стратегической операции.

Исходя из этого решения, к участку прорыва привлекалось до 75% всех находившихся в составе фронта стрелковых войск, 3760 орудий и минометов, 535 танков и САУ.

В резерве фронта, кроме подвижной группы — 1-го танкового корпуса, оставалась одна стрелковая дивизия на правом крыле ударной группировки.

6-я гвардейская армия для прорыва имела два стрелковых корпуса — 22-й и 23-й — в первом эшелоне и два стрелковых корпуса — 103-й и 2-й гвардейский — во втором.

43-я армия имела два стрелковых корпуса — 1-й и 60-й в первом эшелоне и 92-й стрелковый корпус во втором эшелоне.

Как и на 3-м Белорусском фронте, здесь командованием и штабами всех степеней и войсками в целом была развернута огромная подготовительная работа.

Никаких существенных замечаний или поправок доложенные командованием фронта соображения по проведению операции у нас не вызывали. Были рассмотрены и одобрены и решения командармов.

В ночь на 9 июня в очередном донесении Верховному Главнокомандующему я писал о проделанной за день работе, о том, что подготовка в 1-м Прибалтийском фронте к операции идет вполне успешно. Доложил и о том, что прибытие войск на 3-й Белорусский фронт из-за неудовлетворительной работы железных дорог задерживается, утвержденный план перевозок срывается. В донесении говорилось, что из войск 3-го гвардейского механизированного корпуса В. Т. Обухова прибыло на 9 июня всего лишь 50% состава, тогда как по плану еще 5 июня корпус должен был прибыть полностью.

В эту же ночь мы вернулись на 3-й Белорусский фронт и весь день 9 июня вместе с Черняховским работали в 11-й гвардейской армии Галицкого. Армия производила отличное впечатление, но в связи с ее перегруппировкой на новое направление подготовительная работа в ней, особенно в отношении артиллерии, несколько отставала от других армий. Заслушав решения по проведению операции командарма и командиров корпусов, мы внесли некоторые коррективы и дали дополнительные указания.

Будучи серьезно озабочен задержкой в подвозе войск, предназначенных фронтам, я предложил начальнику главного организационного управления Генерального штаба, моему заместителю генерал-лейтенанту А. Г. Карпоносову прибыть ко мне на фронт. В первом часу ночи на 10 июня доложил Сталину о проделанной за день работе, вновь высказал наше беспокойство по поводу несвоевременного прибытия на фронт предназначенных ему войск. Доложил также и о том, что первое впечатление о И. Д. Черня-

ховском как о командующем фронтом хорошее, работает много, умело и уверенно [4].

10 июня Черняховский продолжал работу в войсках 11-й гвардейской армии. Я занимался подготовкой к операции 3-го гвардейского механизированного и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов. Познакомился с их командирами — В. Т. Обуховым и Н. С. Осликовским.

11 июня занимался с Карпоносовым вопросами железнодорожных перевозок прибывающих войск и всего необходимого войскам фронтов для предстоящей операции. В результате подготовили письмо в НКПС с просьбой во что бы то ни стало ускорить перевозки и закончить их с учетом прибытия войск армии Ротмистрова не позднее 18 июня. Письмо направил с А. Г. Карпоносовым.

12 июня вместе с И. Д. Черняховским проверяли ход работы и сроки окончательной готовности к началу операции 5-й армии Крылова и 39-й армии Людникова. В этот день прибыл на фронт командарм 5-й гвардейской танковой П. А. Ротмистров. Дал ему указания о сосредоточении армии и рекогносцировках районов и направлений. Решили, что основное внимание должно быть уделено оршанско-борисовскому направлению.

13 июня продолжали работу в войсках армий Крылова и Людникова.

В ночь на 14 июня в докладе Сталину писал: «Подготовка к выполнению Вашего задания идет полным ходом, с отработкой мельчайших деталей. Наличные войска к указанному Вами сроку, безусловно, будут готовы. Уверенность в успехе у всех полная. По-прежнему опасения за своевременный подход по железной дороге 4-й и 15-й артиллерийских бригад, кавалерийского корпуса Осликовского, боеприпасов, горючего и соединений Ротмистрова...

Еще раз докладываю, что окончательный срок начала всецело зависит от работы железных дорог; мы со своей стороны сделали и делаем все, чтобы выдержать установленные Вами сроки» [5].

Под утро 14 июня Сталин сообщил, что из-за задержки железнодорожных перевозок вынуждены начало операции перенести на 23 июня.

14 июня закончил вторичную проверку хода подготовки во всех армиях 3-го Белорусского фронта.

Во второй половине дня вместе с М. Н. Чистяковым и Ф. Я. Фалалеевым перелетели на 1-й Прибалтийский фронт.

В течение 15 и 16 июня детально проверяли ход подготовки и материальное обеспечение предстоящих действий 6-й гвардейской и 43-й армий, а также 3-й воздушной армии [6].

[4] Архив МО СССР, оп. 416, д. 31.
[5] Архив МО СССР, оп. 416, д. 168, док. № 31.
[6] Там же, стр. 85.

6-ю гвардейскую армию я отлично знал по Сталинградской и Курской операциям, с 43-й армией непосредственно знакомился впервые.

Хорошее впечатление произвел на меня ее новый командующий генерал-лейтенант А. П. Белобородов, по моей рекомендации сменивший на этом посту генерала К. Д. Голубева. Большим боевым опытом обладали и командиры корпусов 43-й армии, 1-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант Н. А. Васильев, 60-го стрелкового корпуса генерал-майор А. С. Люхтиков, 92-го стрелкового корпуса генерал-майор Н. Б. Ибянский и командующий артиллерией армии генерал-лейтенант Е. В. Щеглов. Афанасий Павлантьевич Белобородов прошел славный боевой путь и был уже известен как смелый и решительный военачальник. Он успешно воевал под Москвой, в Белоруссии, в последующих операциях и позднее в Восточной Маньчжурии. Последний крупный пост, который он занимал — командующий войсками Московского военного округа. Автомобильная катастрофа, серьезно повредив его здоровью, вынудила его оставить кипучую и плодотворную деятельность. В ходе Белорусской операции, несмотря на всю сложность боевой обстановки, молодой командарм А. П. Белобородов очень умело руководил войсками армии, действовавшей на одном из самых ответственных направлений.

Принятое им и доложенное нам решение на осуществление прорыва обороны противника было совершенно правильным, полностью соответствовало обстановке и оправдывало себя в ходе развернувшихся событий.

Средняя плотность артиллерии и минометов на участке прорыва армии составляла 165 стволов на один километр фронта. Наиболее высокая плотность создавалась на смежных флангах 1-го и 60-го стрелковых корпусов. Так, на участке прорыва 334-й стрелковой дивизии 60-го стрелкового корпуса артиллерийская плотность достигала 290 стволов на один километр фронта. Плотность орудий для стрельбы прямой наводкой на участке прорыва составляла до 20 на один километр фронта. Продолжительность артиллерийской подготовки атаки предусматривалась в 2 часа 45 минут, порядок проведения ее особых возражений не вызывал. Правильно было спланировано и использование в интересах как 43-й, так и 6-й гвардейской армий авиации 3-й воздушной армии.

Примерно так же выглядел ход подготовки прорыва обороны врага и на участке 6-й гвардейской армии. Мы ограничились лишь мелкими замечаниями и советами и с полным удовлетворением и благодарностью утвердили решения и порядок подготовки к операции в целом.

В донесении Сталину в ночь на 17 июня я писал:

«Хорошее впечатление производит новый командарм 43-й Белобородов. Отлично работают присланные с юга на фронт командиры корпусов Васильев и Ручкин. Дал указание сохранить за

Васильевым, переведенным с гвардейского на негвардейский корпус, гвардейский оклад. Прошу санкционировать мое распоряжение и дать соответствующие указания тов. Хрулеву.

Подготовка войск обоих фронтов идет вполне нормально и, если погода позволит, к выполнению задания приступим строго в намеченный Вами срок.

По-прежнему несколько нервирует работа железных дорог и вызывает опасения в своевременном сосредоточении некоторых из предназначенных фронтам войск, а также в подаче некоторых видов снабжения, хотя все необходимое для начала операции будем иметь на месте».

В ту же ночь при телефонном разговоре Сталин спросил меня, как это он часто делал, не смогу ли я без особого ущерба для выполняемого задания прибыть на два-три дня в Москву. В связи с чем я уже 17 июня был в Москве.

Вечером 17 июня я и Антонов встретились со Сталиным. Как выяснилось, основным вопросом, по которому я был вызван в Ставку, явились события на севере. Войска Ленинградского фронта во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом в результате ожесточенных боев на Карельском перешейке, нанеся серьезное поражение финским войскам, к тому времени овладели второй полосой обороны врага, имевшей большое количество долговременных огневых сооружений, противотанковых и противопехотных заграждений и, не прерывая наступления, готовились к штурму третьей полосы, расположенной в районе Выборга и по р. Вуоксе. При разговоре мы вспомнили все основные минусы и плюсы, имевшиеся у нас при прорыве линии Маннергейма, и, в частности, при взятии Выборга в советско-финляндском конфликте 1939—1940 гг. Нам было известно, что в результате успешных действий войск Ленинградского фронта финское командование уже перебросило часть своих сил на Карельский перешеек из Южной Карелии. Не сомневались мы и в том, что немецко-фашистское командование с целью спасти Финляндию от окончательного поражения и обеспечить дальнейшее ее участие в войне на стороне фашистской Германии вынуждено будет, несмотря на все трудности, усилить этот участок фронта войсками. Поэтому элемент времени при решении задач, поставленных перед войсками Ленинградского фронта, играл исключительно важную роль.

Сталин, связавшись по телефону с командующим Ленинградским фронтом Л. А. Говоровым, заслушал его детальный доклад о ходе событий и о подготовке к штурму, дал ему целый ряд советов и указаний и после заверений Говорова в том, что и эта ответственная задача будет решена войсками фронта в течение ближайшей недели, удовлетворенный, пожелав успеха и спросив у меня и у Антонова, не имеем ли мы желания поговорить с командующим фронтом, закончил разговор. Тогда же нами было условлено, что после взятия Выборга необходимо будет про-

должить наступление с тем, чтобы выходом войск на рубеж Элисенваара, Иматра, Вийройоки и освобождением при помощи Балтийского флота основных островов Выборгского залива прочно закрепить за собой Выборг, Карельский перешеек в целом и Выборгский залив, а затем перейти на Карельском перешейке к обороне, сосредоточив основное внимание Ленинградского фронта на участии в боях по освобождению Прибалтики.

В тот же вечер у Сталина был рассмотрен вопрос о проведении Карельским фронтом с участием Онежской и Ладожской военных флотилий Свирско-Петрозаводской операции в Южной Карелии. И здесь Сталин также имел разговор по телефону с командующим фронтом К. А. Мерецковым. Заслушав его доклад о готовности войск фронта, он подчеркнул, что благодаря успешным действиям войск Ленинградского фронта Карельский фронт получил наиболее благоприятные условия для выполнения поставленной задачи, и категорически потребовал от командующего начать операцию ни в коем случае не позже 21 июня.

Затем Сталин попросил Антонова доложить последние данные о событиях, происходящих в Нормандии. Войска союзников после высадки продвигались крайне медленно. Обсуждая вопрос о том, как может отразиться высадка англо-американских войск в Нормандии на советско-германском фронте, мы приходили к выводу, что когда Красная Армия начнет Белорусскую операцию и продолжит успешное наступление против Финляндии, гитлеровское командование перебросит часть своих войск с Западного фронта на советско-германский фронт. После обмена мнениями по этому вопросу Верховный назначил мне встречу для доклада всех имеющихся у меня вопросов по подготовке Белорусской операции на вечер 18 июня.

При этой встрече, на которую я прибыл также с А. И. Антоновым, И. В. Сталин внимательно заслушал мой краткий доклад о ходе подготовки войск 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов к выполнению поставленных задач. Все доложенное мною получило полное его одобрение.

При обсуждении детального плана операции особо внимательно остановились на вопросе использования 5-й гвардейской танковой армии на фронте Черняховского. Мною было доложено, что на оршанско-борисовском направлении против войск 11-й гвардейской армии оборона врага в инженерном отношении развита гораздо сильнее, чем на участке 5-й армии Крылова, и группировка войск противника здесь гораздо плотнее. Поэтому не исключена возможность, что наиболее выгодным в ходе операции для ввода танковой армии явится богушевско-борисовское направление. Договорились о том, что основным направлением ввода армии в прорыв и ее дальнейших действий следует считать прежнее, т. е. оршанско-борисовское направление как кратчайшее и более выгодное по условиям местности для маневра. Окончательное же решение этого вопроса предполагалось принять в первые

дни операции в зависимости от полученных результатов, в связи с этим до этого момента танковую армию фронту не передавать, а считать ее за Ставкой, а решение вопроса о времени и месте ее ввода предоставить мне. Было подчеркнуто при этом, что во всех случаях основная задача танковой армии — быстрый выход на р. Березину у Борисова, захват здесь переправ и освобождение города.

Как и всегда при моем докладе, Сталин особенно подробно интересовался настроением, подготовленностью и обеспеченностью войск, а также работой командно-политического и особенно руководящего состава фронтов.

В дни моего пребывания в Москве Г. К. Жуков просил И. В. Сталина начать операцию войск 1-го Белорусского фронта не 23-го, а 24 июня. Сталин спросил мое мнение. Посоветовавшись по телефону с И. Д. Черняховским и И. Х. Баграмяном, я доложил, что мы не только не возражаем против этого предложения Жукова, но и считаем его для фронтов нашего направления также выгодным, так как оно позволит нам в ночь на 23 июня, перед началом операции войсками 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, использовать здесь авиацию дальнего действия, за исключением той ее части, которая будет запланирована в интересах войск 2-го Белорусского фронта.

И. В. Сталин одобрительно отнесся к высказанным мною соображениям, добавив при этом, что я и Черняховский упускаем и еще одну выгодную для нас деталь — войска 3-го Белорусского фронта в этом случае получают по сравнению с войсками 1-го Белорусского фронта лишние сутки в борьбе за Минск. Он обещал сообщить мне окончательное решение после разговора с Г. К. Жуковым.

Эта беседа у Сталина состоялась вечером 19 июня. Кроме работы в Ставке 17, 18, 19 июня, я работал в Генеральном штабе главным образом над вопросами организации связи Генерального штаба с фронтами и армиями, а также доставки всего необходимого войскам в ходе предстоящей операции, восстановления и развития железных дорог, накопления людских пополнений и резервов.

20 июня я вернулся на КП 3-го Белорусского фронта.

21 июня вместе с Черняховским и командующим 1-й воздушной армии занимались вопросами авиационного обеспечения операции фронта, проверяли готовность авиации армии. Закрывая совещание с командирами авиакорпусов, дивизий и начальников политотделов соединений 1-й воздушной армии в этот день, я, между прочим, счел необходимым подчеркнуть, что Белорусская операция по своему замыслу превосходит все ранее проведенные операции. Эта операция будет проводиться на широком фронте и на большую глубину. Страна, партия дали нам все, чтобы мы сумели выполнить поставленную перед нами задачу. Задача авиации — сделать все, чтобы успешно протолкнуть нашу

пехоту через оборонительный рубеж противника, изолировать поле боя от вражеских истребителей и бомбардировщиков, надежно прикрывать наземные войска на поле боя, особенно подвижные, дав им возможность работать нормально. Удары с воздуха должны быть эффективными, действия истребителей — дерзкими, искать и уничтожать врага.

В этот же день по телефону говорил с Г. К. Жуковым о привлечении в ночь на 23 июня основной массы авиации дальнего действия в полосах 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. Вечером этого же дня из 1-го Белорусского фронта ко мне прибыл заместитель командующего авиацией дальнего действия генерал Н. С. Скрипко, с которым по согласованию с командующими фронтами договорились о задачах, выполняемых авиацией дальнего действия в ночь на 23 июня в интересах 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов.

21 июня в 12.45 в донесении Сталину я писал:

«Москва, Семенову [7].

Подготовка войск Батурина [8] и Чернова [9] к выполнению Вашего задания заканчивается. Сегодня в ночь войска выдвигаются в исходное положение. В ночь с 21 на 22 и в течение 22.6 на всех участках будет произведена тщательная разведка боем. В ночь на 23.6 разведку повторим. При благоприятной погоде наступление начнем в строго назначенный Вами срок.

В связи с тем, что Румянцев [10] нуждается в дополнительных сутках, это позволит нам использовать всю авиацию Голованова в ночь перед наступлением на участках Батурина и в основном Чернова, за исключением, конечно, авиации, предназначенной для действий на фронте Зорина [11]. Все эти вопросы сегодня спланировал со Скрипко, хотя от Жарова [12] санкции еще не имею.

В ночь перед началом действий Румянцева вся авиация Голованова может и должна быть использована на фронте Румянцева.

Оперативные перевозки к Чернову должны быть закончены к утру 21.6. Хуже с подачей снабженческих поездов, хотя условия сейчас уже более благоприятны. НКПС и ЦУПВОСО все же в этом отношении остаются неповоротливыми.

Неясен вопрос с авиадивизией ТУ-2, по сообщению тов. Новикова [13], она прибудет лишь 23.6, причем по прибытии поступит в распоряжение Новикова, тогда как я, согласно Вашим указаниям, на первые дни планировал ее у себя и главным образом

[7] И. В. Сталин.
[8] И. Х. Баграмян.
[9] И. Д. Черняховский.
[10] К. К. Рокоссовский.
[11] Г. Ф. Захаров.
[12] Г. К. Жуков.
[13] А. А. Новиков — командующий ВВС, в это время находился с Г. К. Жуковым в 1-м Белорусском фронте.

для помощи Батурину, который не имеет ни одного бомбардировщика.

С утра 21.6 приглашал к себе Новикова, чтобы договориться по всем этим вопросам.

Если будут недоразумения — доложу Вам.

Владимиров [14]». В копии отправлено Г. К. Жукову [15].

В ночь на 22 июня доложил Сталину о проделанной за прошедший день работе и о полной готовности войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов начать операцию 23 июня.

О событиях, имевших место 22 июня в войсках 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, в 1 час 13 минут 23 июня мною было доложено Сталину следующее:

«В течение 22.6.44 войска Батурина и Чернова действиями усиленных батальонов вели разведку с целью подтвердить истинный передний край противника и окончательно проверить его огневую систему.

В результате действий этих батальонов каких-либо изменений в обороне противника не установлено. Характер сопротивления противника, его контратаки и показания пленных говорят о том, что наша пехота занимает исходное положение для наступления непосредственно перед истинным передним краем обороны.

Большинству из действовавших батальонов удалось ворваться в первую, а местами во вторую траншеи противника. Наибольших успехов добился 22-й гв. стрелковый корпус армии Чистякова на фронте Батурина. Выделенные от корпуса три усиленных батальона благодаря внезапности быстро прорвали передний край и к исходу дня при поддержке введенных затем в бой двух стрелковых полков, части артиллерии и одной танковой бригады вклинились в оборону противника до 6 км, расширив фронт прорыва до 9 км.

С целью развития прорыва в течение ночи на 23 июня сюда вводятся все силы 22-го гв. ск и дополнительно 103-й ск.

На остальных участках фронта Батурина, а также и у Чернова работу начнем строго по плану, т. е. артподготовку между 6 и 7 и атаку между 9 и 10 часами.

Погода сегодня была хорошая, на завтра обещают некоторое ухудшение. Есть опасения, что сегодня ночью удар авиации Голованова не состоится.

Владимиров [16]».

Так протекала общая работа на 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах при подготовке их к Белорусской операции. Накануне наступления войска получили боевые приказы и обращения Военных советов, с содержанием которых был ознакомлен весь личный состав частей и соединений. В подразделениях

[14] Псевдоним автора.
[15] Архив МО СССР, д. 168, док. № 7, лл. 51—54.
[16] Там же, док. № 98.

прошли партийные и комсомольские собрания, беседы с коммунистами и комсомольцами.

Все сказанное подтверждает, что основное внимание я уделял в то время 3-му Белорусскому фронту. Объяснялось это тем, что этот фронт, как и 1-й Белорусский, должен был играть в предстоящей операции ведущую роль. К тому же эта очень важная во всех отношениях операция являлась первой фронтовой операцией для командующего фронтом И. Д. Черняховского. Поэтому Верховный Главнокомандующий обращал особое внимание именно на 3-й Белорусский фронт.

На 1-м Прибалтийском фронте я побывал дважды: 8 июня, когда одобрил решение командующего фронтом И. Х. Баграмяна на проведение первого этапа операции, в полной мере соответствующее решениям Ставки; 15 и 16 июня, когда проверил ход подготовки к операции в 6-й гвардейской и 43-й армиях, которые наносили главный удар в полосе фронта. Я вынужден об этом напомнить в связи с появлением необоснованных упреков в мой адрес, высказанных И. Х. Баграмяном на страницах «Военно-исторического журнала» № 4 за 1961 г., в статье «Наступление войск 1-го Прибалтийского фронта в Белорусской операции».

Продолжая рассказ о подготовке к Белорусской операции, необходимо сказать и о той огромной работе, которая проводилась в этот период на 1-м и 2-м Белорусских фронтах.

Войска 1-го Белорусского фронта, получив от Ставки Верховного Главнокомандования на первый этап операции задачу разгромить бобруйскую группировку врага и выйти главными силами в район Пуховичи, Осиповичи, Слуцк, готовили два удара: один из района Рогачева и другой из района юго-западнее Жлобина.

Из района Рогачева должны были наступать в общем направлении на Бобруйск, Осиповичи войска 3-й армии — командующий генерал-лейтенант А. В. Горбатов и 48-й армии — командующий генерал-лейтенант П. Л. Романенко.

Второй удар в общем направлении на Бобруйск и Глуск, Ст. Дороги должны были наносить войска 65-й армии — командующий генерал-лейтенант П. И. Батов и 28-й армии — командующий генерал-лейтенант А. А. Лучинский. После прорыва здесь предусматривалось ввести в действие конно-механизированную группу под командованием генерала И. А. Плиева.

На могилевском направлении готовились к удару войска 49-й армии 2-го Белорусского фронта под командованием генерал-лейтенанта И. Т. Гришина с целью прорвать сильную и глубоко эшелонированную оборону противника и овладеть г. Могилев.

Значительную роль в создании предпосылок для успешного проведения Белорусской операции сыграли партизаны. В соответствии с указаниями Центра белорусские партизаны перед началом операции «Багратион» в период с 20 по 23 июня провели массовое разрушение железных дорог. В результате этой операции партизаны парализовали движение на железных дорогах в

тылу врага, которые вели к важнейшим участкам фронта, и приостановили работу других железнодорожных линий. Поддерживая постоянную связь с командованием наступающих фронтов и армий, своими активными героическими действиями белорусские партизаны оказали неоценимую помощь советским войскам.

☆

На 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах операция началась не совсем так, как нам хотелось бы. Ухудшившаяся погода не позволила нам в ночь на 23 июня использовать авиацию дальнего действия в полной мере.

Накануне мы условились, что первый день операции И. Д. Черняховский проведет на своем фронтовом КП, оборудованном на участке прорыва 11-й гвардейской армии, т. е. на оршанском направлении, я же в зависимости от обстановки — на КП командарма 5-й или 39-й.

Не без волнений, с нетерпением, но в полной уверенности в успехе ожидали войска фронта и мы этого дня. Внимательно следил за ходом событий в этот день и Верховный Главнокомандующий, неоднократно вызывая меня и, по-видимому, еще и других лиц руководящего состава на этих участках фронта к телефону.

Что же принес нам первый день операции, от результатов которого так зависел дальнейший ход событий?

Подводя итоги за 23 июня, вот что я докладывал Сталину в ночь на 24 июня.

«Москва, тов. Семенову. 24.6 2.30.

В соответствии с Вашими указаниями войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов с утра 23.6 перешли в наступление по выполнению поставленных Вами задач.

Испортившаяся в середине дня погода исключила возможность использовать авиацию фронтов на полную мощность.

Основную помощь наступающая пехота получила от хорошо работавшей по ее сопровождению мощной артиллерии. Благодаря отличной работе пехоты на фронте Батурина и правом крыле Чернова половина снарядов, запланированных к расходу на сегодняшний день, осталась в экономии.

Положение войск фронтов к исходу дня следующее:

1. На фронте Батурина войска армий Чистякова и Белобородова решительной атакой прорвали фронт обороны противника и, стремительно преследуя его, к исходу дня, поддержанные танками НПП и полками самоходной артиллерии, расширили фронт прорыва до 32 км, продвинувшись в глубину до 15 км.

В течение суток войсками фронта нанесены серьезные поражения 252-й и 56-й пд противника, оборонявшимся на участке прорыва.

По предварительным данным, войсками фронта захвачено в плен 372 немецких солдата и офицера, 66 орудий, 6 танков, 12 складов, бронепоезд и 2 бронеплощадки. Сбито 11 самолетов.

В настоящее время войска фронта ведут борьбу за преодоление сопротивления противника по линии озер к юго-востоку от Оболь, захватив между ними ряд дефиле.

Левый фланг 43-й армии, заняв ряд населенных пунктов к востоку от оз. Будовище, находится всего лишь в 2 км от р. Зап. Двины.

Наиболее серьезное сопротивление, сопровождаемое контратаками пехоты с танками, противник оказывает нашим войскам, вышедшим на линию Савченки, Ровенец, Лыбадка, Сковородино на полоцком направлении. Все контратаки противника отбиты.

Фронт имеет задачу в течение ночи на 24.6 левым флангом 43-й армии Белобородова выйти на северный берег р. Зап. Двины с тем, чтобы отрезать здесь противнику пути его отхода по северному берегу р. Зап. Двины со стороны Витебска. Правый фланг Белобородова и 6-й гв. армии Чистякова должны будут прочно захватить междуозерные дефиле и тем самым обеспечить ввод в прорыв Буткова [17].

К исходу дня 24.6 войска фронта обязаны захватить Оболь, прочно прикрыться со стороны Полоцка; главными силами выйти на р. Зап. Двину на участке Улла, Бешенковичи и восточнее и вместе с корпусом Буткова захватить плацдармы на южном берегу ее.

2. На фронте Чернова войска армий Людникова и Крылова, прорвав оборону противника, расширили фронт прорыва до 26 км и, продвинувшись в глубину до 13 км, вышли на фронт Слобода (14 км юго-западнее Витебска), Леденки, Савченки, Жуковщина-2-я, Ковали, Рудаки, Бол. Калиновичи. Таким образом, в результате наступления за день войска Людникова перерезали железную дорогу Орша — Витебск, а войска Крылова на богушевском направлении частью сил форсировали р. Лучесу и обеспечили плацдарм на ее южном берегу. На этом направлении в течение дня нанесено серьезное поражение 299-й и 197-й пехотным дивизиям противника.

На 24.6 армия Людникова имеет задачу, решительно развивая наступление в сторону м. Островно навстречу левому крылу 43-й армии Батурина, закрыть 20-километровый коридор со стороны Витебска.

Крылов своими главными силами обязан будет выйти на фронт Мошканы, оз. Серокоротня, прочно обеспечив за собой м. Богушевское, и своим левым флангом соединиться к юго-востоку от оз. Серокоротня с правым флангом войск Галицкого.

При продвижении войск Крылова к западу от р. Лучесы не позднее вечера 24.6 ввести конно-механизированную группу Ос-

[17] 1-й танковый корпус.

ликовского с задачей не позднее 25.6 вырваться в район Сенно, с использованием ее в дальнейшем в зависимости от обстановки или на северо-запад в сторону Бешенковичи или для глубокого обхода Орши с запада.

На оршанском направлении из-за исключительно развитой обороны противника, сильной группировки его войск мы нужного результата не добились.

На этом направлении, отбивая сильные контратаки противника, Галицкому и Глаголеву удалось лишь захватить от четырех до шести траншей противника, углубившись в его оборону от 2 до 4 км, но не прорвав ее окончательно.

На правом фланге армии Галицкого 152-й УР и 31-я гв. сд, использовав заболоченную местность, вклинились в оборону противника от 6 до 9 км, к исходу 23.6 вели бои за м. Бабиновичи, Болтун и на своем фланге овладели х. Брюховские.

По приказанию Чернова это направление с наступлением темноты дополнительно усилено тремя дивизиями Галицкого.

Решение об использовании армии Ротмистрова будет мной доложено Вам 24.6 в зависимости от результатов второго дня операции. В настоящее время она находится всего лишь в одном переходе как от Крылова, так и от Галицкого.

Мои предположения:

1. В связи с осложнившейся обстановкой неизбежен в самое ближайшее время вывод войск противника из района Витебска; необходимые меры принимаем.

2. Успешными действиями Крылова и особенно конно-механизированной группой в юго-западном направлении в ближайшие два-три дня сопротивление противника в районе Орши будет сломлено.

Владимиров, № 51» [18].

С утра 24 июня войска обоих фронтов, выполняя поставленные перед ними задачи, продолжали развивать наступление. Как и в первый день операции, наибольший успех имели войска, наступавшие на витебском и богушевском направлениях, т. е. войска 6-й гвардейской и 43-й армий 1-го Прибалтийского фронта, 39-й и 5-й армий 3-го Белорусского фронта. Уже в первой половине этого дня войска Чистякова и Белобородова, отбивая яростные атаки противника, своими главными силами вышли на северный берег Западной Двины, с ходу приступили к форсированию ее и повели борьбу за плацдармы на южном берегу.

На 3-м Белорусском фронте войска 39-й армии Людникова успешно продолжали наступать, стремясь как можно быстрее выйти на южный берег Западной Двины западнее Витебска с тем, чтобы перерезать шоссе от Витебска на Бешенковичи, а следовательно, и все пути врагу от Витебска на восток, соединиться

[18] Архив МО СССР, ф. 48 А, оп. 2294, д. 7, лл. 64—73.

с войсками 43-й армии Белобородова и замкнуть кольцо окружения витебской группировки врага с юго-запада.

Войска армии Крылова продолжали успешно наступать на Богушевское, преодолевая здесь сопротивление выдвинутых из тыла 14-й и 95-й пехотных дивизий немцев.

На оршанском направлении войска армий Галицкого и Глаголева, встречая упорное сопротивление врага, медленно овладевали его опорными пунктами, и лишь войска правого фланга армии Галицкого, используя в основном успех 5-й армии, более успешно продвигались к северо-западу от Орши.

Около 12 часов 24 июня, обсудив с командующим фронтом сложившуюся обстановку, мы пришли к выводу о целесообразности, используя успех армии Крылова, вывести танковую армию Ротмистрова на богушевское направление с тем, чтобы после преодоления 5-й армией сопротивления врага по линии озер в районе Богушевское в ночь с 25-го на 26 июня направить ее в глубокий обход Орши на Толочин и далее на Борисов. Конно-механизированную группу Осликовского в этом случае решили использовать севернее танковой армии для развития удара из района Сенно в общем направлении на Плещеницы, Молодечно, а частью сил группы помочь 1-му Прибалтийскому фронту в ближайшие дни овладеть Лепелем.

Эти соображения мною были доложены по телефону И. В. Сталину и были одобрены им, он одобрил также мое предложение с 20 часов 24 июня передать 5-ю гвардейскую танковую армию в распоряжение Черняховского для выполнения намеченных задач.

О состоявшемся решении Сталина я немедленно сообщил Черняховскому, после чего мы вызвали П. А. Ротмистрова и поставили ему эти задачи.

В 19.10 была вручена командующему фронтом и командарму 5-й гвардейской танковой моя официальная директива о передаче танковой армии с 20.00 24 июня из резерва Ставки в состав 3-го Белорусского фронта [19].

Необходимо сказать хотя бы вкратце об отличной работе авиации 1-й воздушной армии в первые дни операции при прорыве фронта обороны врага.

В соответствии с фронтовым планом операции основные усилия всей фронтовой авиации в первый день прорыва были сосредоточены на главном фронтовом направлении — оршанском. За 15 минут до начала атаки авиация, несмотря на неудовлетворительную погоду, нанесла массированный бомбардировочный удар по переднему краю обороны немцев на участке прорыва 11-й гвардейской армии. С началом атаки удары бомбардировщиков и штурмовиков были перенесены в непосредственную глубину обороны врага для подавления артиллерийских и минометных батарей, пехоты в траншеях и резервов противника. При

[19] Архив МО СССР, ф. 48 А, оп. 2294, д. 7, л. 74.

продвижении пехоты и танков штурмовая авиация очень успешно сопровождала их, поражая огневые средства и живую силу в траншеях непосредственно впереди наступавшей нашей пехоты.

24 июня во второй половине дня, когда успешно действовавшие войска 5-й армии встретили упорное сопротивление врага у Богушевского, по моей просьбе, несмотря на неблагоприятные метеорологические условия (дождь, облачность 100—300 м, видимость при дожде 1 км), командующий 1-й воздушной армией генерал Хрюкин организовал массированный удар бомбардировщиков и штурмовиков по данному опорному пункту врага. 1-й бомбардировочный авиационный корпус получил эту задачу, находясь уже в воздухе для выполнения ранее полученного задания — удара по Орше. Удар по врагу в районе Богушевского нанесли 90 самолетов Пе-2 и 180 Ил-2. Действия бомбардировщиков и штурмовиков были настолько эффективны, что после удара авиации наземные войска легко овладели Богушевским.

За дальнейшим развитием событий на 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах в течение 24, 25, 26, 27 июня можно проследить из приведенных ниже моих донесений Сталину.

«Москва. Тов. Семенову. 25.6.44. 5.55.

Докладываю: в течение 24.6 войска фронтов Батурина и Чернова продолжали развивать наступление, в результате чего:

1. На фронте Батурина войска армий Чистякова и Белобородова, преодолев сопротивление противника по цепи озер юго-восточнее Оболь, прочно прикрываясь со стороны Полоцка на рубеже Стариновичи, Черемна, Барсуки, Мороз, Подоры, Федьково, главными силами вышли на северный берег р. Зап. Двины на участке Улла, Бешенковичи, Крыжи (30 км сев.-вост. Бешенковичи).

С выходом на реку войска приступили с ходу к форсированию ее и в настоящий момент овладели плацдармами на южном берегу реки частями 270-й стрелковой дивизии непосредственно севернее м. Улла, частями 67-й стрелковой дивизии — в районе Лабейки (10 км юго-вост. м. Улла), частями 51-й стрелковой дивизии — в районе Мал. Щетки, частями 61-й гв. стрелковой дивизии — в районе Перковище, Буй, Голыни (10 км сев. Бешенковичи), перебросив на западный берег реки в этом районе к 24.00 до трех стрелковых полков, и частями 306-й и 179-й сд в районе Саньково (13 км сев.-вост. Бешенковичи), где переправлено к тому же времени шесть стрелковых батальонов. Переправа производится при помощи легких переправочных средств, приняты все меры к подаче в течение ночи тяжелых парков с тем, чтобы 25.6 произвести переправу танков Буткова и артиллерии.

С южного берега реки войска фронта встречают сопротивление как остатков отошедших, так и вновь подведенных частей противника.

Таким образом, войска фронта, отражая яростные атаки вновь подведенной со стороны Оболь 24-й пд противника, на основном

направлении за сутки продвинулись до 25 км, расширив фронт прорыва до 45 км.

В течение дня войсками фронта захвачено 400 пленных, свыше 50 орудий, 230 пулеметов, складов боеприпасов — 9 и продовольственных складов — 3.

Основная задача фронта на 25.6 — борьба за расширение плацдарма и переброска главных сил фронта на западный берег реки Зап. Двины для дальнейшего наступления на Лепель.

Со второй половины дня 24.6 противник начал вывод своих войск из района Витебска. Левофланговые дивизии 43-й армии совместно с правофланговыми дивизиями Людникова ведут бои непосредственно на окраинах города по его очищению.

2. На фронте Чернова армия Людникова к исходу дня своими главными силами вышла на фронт Поречье, что в 5 км северо-восточнее м. Островно, Александрово (1 км юго-вост. Островно), Синницы (2 км сев.-вост. оз. Сарро) и на своем левом фланге, заняв Новоселки, вела бой за свх. Ходцы в дефиле между озерами Ходцы и Липно. Движение по шоссе от Витебска на Бешенковичи огнем 91-й и 19-й стрелковых дивизий прервано.

По показанию наземных войск и авиации, противник, сжигая автомашины и уничтожая материальную часть, пытается отдельными группами уйти на Бешенковичи.

Войска Крылова, продвигаясь своим правым флангом одновременно с войсками Людникова, заняли Госмиро, Дворня, что в 4 км юго-вост. оз. Липно, своим центром после ожесточенного боя в 21.00 захватили Богушевское, на левом фланге овладели Бабиновичи, соединившись здесь с войсками Галицкого.

В районе Богушевское захвачены пленные 14-й и 25-й пд немцев, выдвинутых из резерва с целью создания обороны по линии озер к сев.-зап. и юго-вост. от Богушевское.

Конно-механизированная группа Осликовского подведена к району Богушевское и к сев.-зап. от него, откуда перед рассветом 25.6 и будет брошена в направлении Сенно.

Армия Галицкого, использовав успех на своем правом фланге, продвинулась здесь до 12 км и вышла на линию Леводничи, оз. Орехи, иск. Выдрица; на своем левом фланге вдоль Минской автомагистрали и железной дороги, продвинувшись от 4 до 6 км, овладела Забельница, Завьялы, ст. Осиновка.

Глаголев овладел опорными пунктами Гуры, Батраковицы, Бородинцы, Лапыри.

Основное внимание на фронте Чернова 25.6 уделяется окончательному очищению района Витебск и преодолению сопротивления противника по линии озер в районе Богушевское, с выходом главными силами на линию озер Березовское, Яново, Стайки, Дубровно.

В течение дня войсками фронта захвачено 255 пленных, 65 орудий, 159 пулеметов, 435 автоматов и винтовок, 32 автомашины.

3. В соответствии с Вашим разрешением с 20.00 24.6 Ротмистров поступил в распоряжение Чернова и в данный момент заканчивает перегруппировку с тем, чтобы встать в затылок Крылову.

Если обстановка позволит, Ротмистров с вечера 25.6 будет брошен через Богушевское, Смоляны на Толочин с целью глубокого обхода Орши с запада и дальнейшего движения на Борисов.

Владимиров. № 57».

«Москва. Тов. Семенову. 26.6.44. 12.10.

В течение 25.6 войска Батурина и Чернова продолжали развивать успешное наступление.

6-я гв. и 43-я армии Батурина, приступив в ночь на 25.6 к форсированию р. Зап. Двины, к исходу дня переправили на южный берег семь стрелковых дивизий, часть 1-го тк, захватив плацдарм на участке Бол. Щетки (13 км сев.-зап. Бешенковичи), Будилово (17 км сев.-вост. Бешенковичи), протяжением по фронту 30 км и в глубину 10—12 км.

В 20.00 войска 23-го кв. ск овладели Бешенковичи.

К северу от оз. Сарро части 1-го ск 43-й армии соединились с войсками армии Людникова 3-го Белорусского фронта, завершив, таким образом, окружение витебской группировки противника.

По показаниям пленных в районе Витебска изолировано до пяти пехотных дивизий противника (4-я и 6-я апд, 246, 197 и 206-я пд).

Все попытки противника прорваться на запад и юго-запад в течение дня 25.6 были отбиты.

Наиболее интенсивные действия по прорыву из окружения противник предпринял к утру 26.6 в юго-западном от Витебска направлении.

В данный момент 17, 91, 262-я сд и 28-я тбр Людникова ведут напряженные бои с этим противником в районах Ступицы, Стайки, Хамищево, Волчаково, нанося противнику исключительно большие потери. По предварительным данным, в результате первых атак здесь уничтожено свыше 3000 чел. противника. В настоящее время к этому району дополнительно подходят две сд и одна тбр с правого фланга Крылова.

Категорически потребовал от Чернова ни в коем случае не выпустить окруженного противника и к утру 27.6 закончить ликвидацию.

В 6 часов сегодня г. Витебск полностью очищен войсками Людникова. По неполным данным, в городе захвачено свыше 600 пленных, 9 паровозов, 3 эшелона с военным имуществом, много складов и оружия.

3 мехкорпус группы Осликовского, развивая наступление из района Сенно, к утру 26.6 9-й мбр овладел Черея. Кавкорпус, уничтожая отходящего противника, ведет бой в лесах юго-западнее Алексиничи. 5-я кд в 7.00 овладела м. Смоляны. Конно-ме-

ханизированная группа в дальнейшем наносит удар из района Черея, Лукомль на Мойсеевщина, Плещеницы с тем, чтобы в дальнейшем использовать ее для броска на Молодечно. Осликовскому приказано частью своих сил помочь войскам Батурина в овладении Лепелем.

1-й танковый корпус Буткова направили через Камень на Ушачи в обход Полоцка с юго-запада.

Ротмистров в 9.00 главными силами подходил к Смоляны, имея задачей дня выходом в район Кохапово перерезать шоссейную и железную дороги Минск — Орша. В дальнейшем армия будет брошена вдоль магистрали на Борисов.

Войска Галицкого и Глаголева, продолжая наступление, в данный момент ведут бои на ближайших подступах северо-восточнее и восточнее Орши.

На южном берегу Днепра Глаголев овладел Дубровно.

В ночь на 26.6 противник произвел налет 126 бомбардировщиками на железнодорожный узел и город Смоленск. Сброшено до 450 фугасных бомб, из них некоторые замедленного действия. Разрушены железнодорожные пути; работа железнодорожного узла будет восстановлена к 13 час. сегодня.

Владимиров. № 66» [20].

Таким образом, 26 июня войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов в результате глубокого обходного маневра с флангов окружили витебскую группировку немцев в составе пяти пехотных дивизий и, сжимая кольцо окружения, штурмом овладели областным центром Белоруссии — г. Витебском — важным стратегическим узлом обороны врага на западном направлении.

В ознаменование одержанной победы в 22 часа 26 июня Москва от имени Родины салютовала 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий доблестным войскам 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, участвовавшим в боях за освобождение Витебска. Приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность войсковым соединениям и частям; наиболее отличившимся при этом было присвоено по представлению командования наименование «Витебских». Многие их них были удостоены наград.

При одном из телефонных разговоров со Сталиным в течение 25 июня я обратился к нему с просьбой за отличную работу командующему 3-м Белорусским фронтом генерал-полковнику И. Д. Черняховскому присвоить звание генерала армии. Получил указание направить ему официальное представление, что мною и было сделано. В 14 часов 25 июня мною была послана Сталину телеграмма следующего содержания:

[20] Архив МО СССР, ф. 48 А, оп. 2294, д. 7, лл. 88—94.

«Москва. Тов. Семенову. 25.6 14.00. № 62.

За отличное руководство войсками прошу о присвоении звания генерала армии командующему 3-м Белорусским фронтом генерал-полковнику т. Черняховскому Ивану Даниловичу. Владимиров».

26 июня я уже имел удовольствие приветствовать дорогого Ивана Даниловича в новом звании.

На рассвете 27 июня у меня состоялся очередной разговор по телефону с И. В. Сталиным, во время которого я вкратце доложил об успешном развитии войсками 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов начатой операции и высказал свои соображения о ее дальнейшем течении. Получил указания — информацию о событиях 26 июня подробно изложить в донесении, а все свои соображения на дальнейшее передать Антонову. Вслед за этим последовал немедленный звонок Антонова. Обменявшись мнениями по ходу операции с Алексеем Иннокентьевичем, информировал его о своих соображениях, доложенных Сталину. Прежде всего я повторил свою полную уверенность в том, что в ближайшие дни войска 1-го Прибалтийского фронта овладеют Полоцком и Лепелем, а войска 3-го Белорусского фронта с ходу овладеют плацдармами на западном берегу Березины и освободят Борисов. Сообщил и о том, что есть все основания рассчитывать на освобождение в первых числах июля столицы Белорусской ССР нашими войсками и ликвидацию восточнее Минска оршанско-могилевской группировки врага, оборонявшейся на борисовско-минском направлении. Для дальнейшего развития операции я считал необходимым немедленно усилить войска 1-го Прибалтийского фронта передачей ему из резерва Ставки 2-й гвардейской и 51-й армий. Для более прочного обеспечения основной группировки советских войск, проводящих операцию в Белоруссии с севера, целесообразным было подключение к активным действиям войск 2-го Прибалтийского фронта генерала А. И. Еременко, как это предусматривалось планом, передав ему в этом случае действовавшую на правом крыле 1-го Прибалтийского фронта 4-ю Ударную армию. С выходом войск фронтов И. Х. Баграмяна и И. Д. Черняховского на линию оз. Дрисвяты, оз. Нарочь, Столбцы для дальнейшего развития операции основным направлением для войск Еременко иметь — рижское, для войск Баграмяна — Свенцяны, Каунас, Инстербург и для Черняховского — Минск, Молодечно, Лида, Гродно, Белосток, Ломжа. В этом случае считал целесообразным в дальнейшем разграничительные линии установить: между 2-м и 1-м Прибалтийскими фронтами — р. Зап. Двина и между 1-м Прибалтийским и 3-м Белорусским фронтами — Лепель, ст. Парфьяново, оз. Нарочь, Подбродзе, Кайшадорис, Мариамполь, Даркемен. Исходя из создавшейся обстановки и в связи с решением Верховного Главнокомандующего передать две правофланговые армии из 2-го Бе-

лорусского фронта в 3-й Белорусский, предлагал разграничительную линию между войсками 3-го и 1-го Белорусских фронтов с выходом их на линию Борисов, Осиповичи установить Пуховичи, Столбцы, Слоним, Гайновка, все пункты вкл. для 1-го Белорусского фронта.

27 июня в 13.37 мною было послано следующее донесение Верховному Главнокомандующему о событиях на 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах за 26 июня:

«Москва. Тов. Семенову.

Действия войск Батурина и Чернова за 26.6 развивались строго по плану четвертого дня операции. В результате чего войска фронтов вышли на фронте Батурина — пехота 6-й гв. и 43-й армий на линию иск. Ровное, восточный берег урочища Хороший Остров, Маевка, Оболь, Репинщина на зап. берегу р. Зап. Двины, м. Бочейково, вост. берег р. Уллы, продвинувшись за день от 5 до 25 км.

Пехота 5, 11-й гв. и 31-й армий Чернова к тому же времени вышла на фронт Бол. Ведрень, Трухановичи, Каменьщина, Будна, Тихоны, Застенок, Вязьмичи и к 5.30 27.6 полностью очистили железнодорожный узел и город Оршу. Подвижные части фронтов к тому же времени находились: 1-й тк на фронте Батурина в движении от Богейково на м. Камень, имея задачей к исходу 27.6 выйти в район м. Ушачи; на фронте Чернова — 3-й гв. мк, удерживая Черея,— в движении на м. Лукомль и далее на Лепель; 3-й гв. кк к утру 27.6 главными силами вышел на фронт м. Черея, Обчуга, имея дальнейшей задачей движение на м. Холопеничи.

Армия Ротмистрова главными силами 3-го гв. тк ночевала в районе Толочин, а сильными передовыми отрядами корпуса к утру 27 июня вела бои за Крупки, 29-й тк — в движении через Обчуга на Бобр.

2-й тк Бурдейного, обойдя Оршу с запада, к утру 27 июня вел бой за Староселье.

В течение 27 июня войска фронтов продолжали выполнение задач по утвержденному Вами плану.

В течение 26 и 27 июня серьезное внимание было уделено ликвидации группировок противника в лесах юго-западнее Витебска.

В ликвидации западной группировки противника в районе м. Островно принимали участие две дивизии 60-го ск Батурина и две дивизии от войск Людникова фронта Чернова.

Ликвидация основной группировки непосредственно к юго-западу от Витебска была возложена на главные силы армии Людникова с усилением его двумя дивизиями за счет Крылова.

Сегодня, 27 июня, в 6.00 полностью изолированной этой группировке противника был предъявлен ультиматум о сдаче. Немцы приняли наших парламентеров, попросили срок для ре-

шения до 10 часов и дополнительно после еще полчаса. Обсуждение предъявленных требований происходило на глазах наших бойцов на общих собраниях немцев. В 10.15 наши части, сжимая кольцо окружения, не выдержали и перешли в атаку. В настоящее время немцы, не оказывая сопротивления, массами сдаются в плен. Ликвидация окруженных группировок сегодня будет закончена.

По предварительным данным, к данному моменту уже сдалось до 7 000 солдат и офицеров, среди них 15 полковников и 4 генерала.

Освободившиеся от ликвидации противника части Батурина будут переброшены на усиление полоцкого направления, армия Людникова будет выведена в стык между армиями Крылова и Галицкого для усиления наступления на минском направлении.

Владимиров. № 72» [21].

Говоря о ликвидации окруженной витебской группировки врага и отмечая героизм наших наземных войск, нельзя не сказать и об отличных действиях нашей авиации. В ночь с 25-го на 26-е и в течение 26 июня противник предпринимал отчаянные попытки вырваться из сжимавшегося кольца и уйти на юго-запад. Силами от одного до двух полков пехоты с танками и самоходными орудиями при огневой поддержке не менее десяти артиллерийских батарей немцы неоднократно пытались действовать против наступавших наших войск.

Решением командующего фронтом И. Д. Черняховского к действиям по ликвидации окруженного врага была привлечена фронтовая авиация. В результате интенсивных и беспрерывных бомбардировочных и штурмовых действий авиации 1-й воздушной армии окруженному противнику был нанесен значительный урон в живой силе и технике, что в значительной степени ускорило его капитуляцию.

Возвращаясь к уже сказанному, нельзя не остановиться на событиях этих дней в районе Орши. Как известно, войска 3-го Белорусского фронта, встретив сильное сопротивление противника при наступлении на Оршу с востока, направили свои основные усилия в обход врага с севера. Для немецкого командования, уверенного в крепости оршанских позиций, обход их с флангов, упиравшихся в болота, оказался совершенно неожиданным. Подвижные соединения советских войск, совершавшие обходный маневр, отлично выполнили свою задачу, несмотря на отчаянные попытки врага приостановить их движение.

В ночь с 26-го на 27 июня они подошли к Орше с севера и северо-запада и завязали уличные бои, в то же время советские войска, наступавшие на Оршу с востока, форсировали Днепр и ворвались в центральные кварталы города. К утру 27 июня, как

[21] Архив МО СССР, ф. 48 А, оп. 2294, д. 7, лл. 97—101.

уже было сказано, город был полностью освобожден от врага. Вспоминая эти события, нельзя пройти мимо бессмертного подвига воспитанника ленинского комсомола молодого бойца гвардии рядового Юрия Смирнова. Это произошло вблизи дер. Шалашино, Оршанского района, Витебской области. Гвардии рядовой Юрий Васильевич Смирнов, находясь в танковом десанте, получил тяжелое ранение. Немцы захватили его в плен и намеревались выпытать у него сведения о наших войсках и их основных намерениях. Обычные методы допроса не дали результата. Гитлеровцы подвергли гвардейца пыткам, но он оставался верным воинской присяге и молчал, и тогда фашисты казнили героя. Советские воины, прорвавшие оборону противника севернее Орши, нашли Смирнова в немецком штабном блиндаже. Его голова, руки и ноги были прибиты гвоздями к кресту. Перед ним лежали его комсомольский билет и солдатская книжка. Фашисты тем самым подчеркивали, что убивали его не только за стойкость и мужество, но и за принадлежность к комсомолу. Приближение советских войск вынудило фашистских варваров, совершивших свое чудовищное злодеяние, поспешно бежать, оставив в блиндаже штабные документы и протокол допроса. Гвардии рядовой Смирнов, выдержав нечеловеческие пытки, погиб мученической смертью, но военной тайны врагу не выдал. Указом Президиума Верховного Совета СССР за непоколебимую стойкость и преданность своей Родине гвардейцу Смирнову Юрию Васильевичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Имя этого героя, как и множество других, с благоговением вспоминают советские люди, наша советская молодежь и нет сомнения в том, что с таким же благоговением будут вспоминать о нем и наши потомки.

27 июня мною было направлено И. В. Сталину следующее, подготовленное совместно с начальником Центрального управления военных сообщений Наркомата обороны генерал-лейтенантом технических войск И. В. Ковалевым донесение по вопросам восстановления и развития железных дорог смоленско-минского и витебско-полоцкого направлений.

«Москва. Тов. Семенову, 27.6.44

Докладываю:

1. Железнодорожное направление Смоленск — Минск является единственной магистралью базирования 3-го Белорусского фронта. Установленная НКПС пропускная способность линии Смоленск — Минск (12 пар поездов в сутки) потребностей фронта удовлетворить не может. Минимальная потребность фронта в железнодорожных поездах в период наступательных операций будет составлять 24 пары поездов в сутки, а полная — 36 пар.

Считаю необходимым пропускную способность линии довести до 18 пар — через 5 суток после открытия движения, установленного приказом НКПС; до 24 пар — через 10 суток; до 36 пар — через 45 суток.

Пропускная способность — 24 пары поездов в сутки может быть обеспечена за счет постройки дополнительных разъездов по земляному полотну второго невосстановленного пути.

Для обеспечения пропускной способности — 36 пар поездов необходимо уложить вторые пути на протяжении 350 км от ст. Смоленск до ст. Минск с использованием существующего земляного полотна.

Это потребует дополнительного выделения:

рельсов со скреплениями . . .	400 км,
шпал	640 тыс. штук,
стрелочных переводов	150 комплектов.

Для нормальной эксплуатации линии потребуется дополнительно выделить 100 паровозов и 3000 квалифицированных эксплуатационников основных профессий.

2. Железнодорожное направление Смоленск — Минск — Витебск — Полоцк имеет большое значение в обеспечении воинских перевозок при наступательных операциях Прибалтийских фронтов, а в дальнейшем оно будет одним из основных выходов к Балтийскому морю.

Считаю необходимым пропускную способность этого направления довести до 18 пар поездов на 5 сутки после открытия движения, установленного приказом НКПС.

Прошу Ваших указаний НКПС.

Владимиров».

27 июня мною было также направлено И. В. Сталину ходатайство о присвоении за отличное руководство войсками по выполнению заданий в проводимой операции воинского звания «генерал-полковник» начальнику штаба 1-го Прибалтийского фронта генерал-лейтенанту Владимиру Васильевичу Курасову, командующему артиллерией того же фронта генерал-лейтенанту Николаю Михайловичу Хлебникову, командующему 6-й гвардейской армией генерал-лейтенанту Ивану Михайловичу Чистякову и командующему 5-й армией генерал-лейтенанту Николаю Ивановичу Крылову.

28 июня указанным генералам были присвоены эти высокие звания.

Около 24 часов 27 июня Генеральный штаб за подписью Антонова и Карпоносова поставили меня и командующего 1-м Прибалтийским фронтом в известность о том, что решением Верховного Главнокомандующего 2-я гвардейская армия под командованием генерала Чанчибадзе в составе 11-го гвардейского стрелкового корпуса (2, 32, 33-я гвардейские стрелковые дивизии), 13-го гвардейского стрелкового корпуса (3, 24 и 87-я гвардейские стрелковые дивизии), 54-го стрелкового корпуса (126, 263 и 346-я стрелковые дивизии), 150-й пушечно-артиллерийской бригады, 113-го гвардейского истребительно-противотанкового артиллерий-

ского полка, 1530-го артиллерийского полка ПВО, 483-го минометного полка, трех самоходных артиллерийских полков с частями обслуживания и армейскими тылами из района Дорогобуж походным порядком, имея осью движения Смоленск — Лиозно, к 7 июля прибудет в район Витебска и поступит в распоряжение командующего войсками 1-го Прибалтийского фронта. Тыловые части армии будут прибывать по железной дороге с выгрузкой в районе Лиозно.

В течение 27-го и 28 июня операции на 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах развивались успешно, в соответствии с принятыми решениями.

Из основных событий за эти дни необходимо особо отметить следующее.

На 1-м Прибалтийском фронте войска 6-й гвардейской и 43-й армий в ночь на 28 июня овладели г. Лепель и вышли на фронт Островляне, м. Ворожечь, м. Ушачи, Старое Село, Лепель, продвинувшись за 28 июня от 15 до 25 км. С овладением войсками фронта такими сильными опорными пунктами врага, как Оболь, Камень, фронт получил возможность развивать наступление в северо-западном направлении на Полоцк и в западном направлении в пределы Литовской ССР.

Освобождение Полоцка, в свою очередь, создавало предпосылки для наступления вдоль северного берега Западной Двины на Ригу. Успех в том и другом случае приводил к выходу войск на побережье Балтийского моря, чему такое серьезное внимание придавалось Ставкой при разработке замысла Белорусской операции.

Конно-механизированная группа Осликовского к исходу 28 июня вышла на р. Березину, захватив переправы юго-восточнее м. Бегомль и восточнее Зембии, что в 14 км северо-западнее Борисова.

Все внимание, все усилия командования всех степеней 3-го Белорусского фронта были направлены в эти дни к скорейшему выходу основных войск фронта к Березине, к форсированию ее с ходу с тем, чтобы не позволить врагу изготовиться здесь к обороне.

Хуже в этом отношении протекали события в 5-й гвардейской танковой армии. При данной обстановке исключительно важное значение для фронта и операции в целом имело стремительное развитие наступления этой армии с целью быстрейшего захвата переправ через Березину в районе Борисова и овладения Борисовом. Но, к сожалению, войска 5-й гвардейской танковой армии продвигались почти на уровне передовых частей общевойсковых соединений фронта и к исходу 28.6 продолжали оставаться в районе Крупки (40 км восточнее Борисова), Бобры, встретив сопротивление подошедшей с юга 5-й танковой дивизии немцев.

Общевойсковые армии 3-го Белорусского фронта, овладев 27 июня бастионом обороны фашистов на минском направле-

нии — г. Орша, к исходу 28 июня главными силами вышли на фронт Свядица, Староселье, Хомясничи, м. Бобр, м. Круга, т. е. по существу в район, занимаемый войсками 5-й гвардейской танковой армии.

Около 23 часов 28 июня положение на фронте к этому времени мною было доложено И. В. Сталину, а около 3 часов 29 июня командование 3-го Белорусского фронта и я получили следующую директиву Ставки:

«Лично. Командующему 3-м Белорусским фронтом
тов. Черняховскому.

Члену Военного совета фронта
тов. Макарову.

Товарищу Владимирову.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам 3-го Белорусского фронта с ходу форсировать р. Березину, обходя встречающиеся опорные пункты противника, и развивать стремительное наступление на Минск и правым крылом на Молодечно.

Не позже 7—8.7.44 овладеть во взаимодействии с войсками 2-го Белорусского фронта городом Минск и правым крылом занять Молодечно...

Ставка требует от 5-й гв. танковой армии стремительных и решительных действий, отвечающих сложившейся на фронте обстановке.

3. От пехоты потребовать необходимого напряжения сил с тем, чтобы она по возможности не отставала от действующих впереди танковых и кавалерийских соединений.

4. Об отданных распоряжениях донести.

Сталин.

Антонов. № 220124».

Примерно к этому времени стало известно, что в период боев за Витебск и при ликвидации группировки врага к юго-западу от ст. Витебск захвачены в плен командир 53-го пехотного корпуса генерал-полковник Гольвитцер, его начальник штаба полковник Шмидт, командир 206-й пехотной дивизии этого корпуса генерал-лейтенант Хиттер, три командира полка и четыре командира артдивизиона. В ближайшие дни вслед за этим я, Черняховский, Макаров и Фалалеев произвели допрос пленных фашистских генералов. До допроса их держали отдельно, и каждый из них о пребывании в плену других генералов не знал. Первым нами был допрошен командир корпуса генерал-полковник Гольвитцер. Он считал свое пленение случайным, результатом его неосторожности и непредусмотрительности при посещении подчиненных ему войск корпуса и продолжал полагать, что войска все еще ведут бои в районе Витебска. Он просил информировать его об истинном положении дел на фронте и прежде всего в районе Витебска.

Нашим предложением побеседовать на эту тему с другими пленными генералами он был сильно удивлен. По сообщениям пленных. все происшедшее в первые же дни нашего наступления явилось для них полной неожиданностью и представлялось им совершенно невероятным, так как они считали состояние обороны, особенно в районе Витебска, более чем надежным, прочным и готовились во что бы то ни стало выполнить приказ фюрера — любой ценой отстоять город-крепость. Все они были изумлены огромным количеством разнообразной и первоклассной боевой техники, примененной советской стороной при штурме обороны, героизмом и патриотизмом наших воинов, их высокой боевой выучкой и искусством использования в бою этой мощной техники.

На вопрос о том, как немецкие войска на фронте и они лично относятся к событиям, происходящим на побережье Франции, генералы отвечали, что знают об упорных, затяжных боях с высадившимся противником, но что эти события их да и страну в целом не особенно беспокоят; немецкий народ и тем более его армия с большой тревогой и опасением следят за крайне неблагоприятным и куда более опасным развитием событий на советско-германском фронте.

Противник, стремясь во что бы то ни стало остановить наступление наших войск вводом оперативных резервов, с последних чисел июня значительно усилил сопротивление. Боем было установлено появление на полоцком и лепельском направлениях против войск 1-го Прибалтийского фронта 290, 81 и 212-й пехотных дивизий, отмечавшихся ранее против нашего 2-го Прибалтийского фронта, 24-й пехотной дивизии, 201-й и 221-й охранных дивизий из тыла немецкой группы армий «Центр».

Против войск 3-го Белорусского фронта и главным образом на борисовском направлении противник, по данным всех видов разведки, вновь подбросил до шести пехотных и одну танковую дивизию, из них 253-ю пехотную и 5-ю танковую дивизии из района Ковель, 391-ю и 286-ю охранные, 95-ю и 14-ю пехотные дивизии из непосредственного тыла группы и 260-ю пехотную дивизию от соседей слева.

Несмотря на возросшее сопротивление врага на полоцком направлении, войска 1-го Прибалтийского фронта продолжали успешное наступление. К утру 30 июня 23-й и 22-й стрелковые корпуса 6-й гвардейской армии и танковый корпус Буткова вышли на линию железной дороги Полоцк — Молодечно и очистили ее участок от р. Ушач, что в 10 км юго-западнее Полоцка, до Прозоровки, протяжением около 30 км.

Утром 1 июля войска левого крыла 4-й Ударной армии в составе 100-го и 83-го стрелковых корпусов и войска 22-го и 23-го стрелковых корпусов 6-й гвардейской армии вместе с танковым корпусом Буткова перешли в наступление на Полоцк.

На борисовско-минском направлении войска армии Ротмистрова, связанные переправой через Березину, к утру 30 июня вели

напряженные бои — 29-й танковый корпус армии на северо-восточной и 3-й танковый корпус на юго-восточной окраинах г. Борисов.

Кавалерийский корпус Осликовского только в ночь на 30-е смог перебросить на западный берег Березины свою 6-ю кавалерийскую дивизию в районе Студенки (12 км северо-западнее Борисова), тогда как 3-й механизированный корпус Обухова, переправившись через Березину, продолжал развивать наступление на Плещеницы: к вечеру 29-го его передовые отряды выходили уже в этот район.

Общевойсковые армии 3-го Белорусского фронта за 29 июня, отбрасывая противника, продвинулись вперед от 30 до 40 км, а именно:

войска 5-й армии главными силами вышли на Березину на участке м. Березина, оз. Палик и к утру 30.6 переправили на западный берег реки три стрелковые дивизии. На подходе к Березине 30 июня на участке оз. Палик, г. Борисов находились и главные силы 11-й гвардейской армии.

Действовавший на левом крыле 3-го Белорусского фронта танковый корпус генерала Бурдейного, преодолевая крайне серьезные разрушения на дорогах, к вечеру 29-го вышел в район Ухвала с задачей форсировать Березину в районе Чернявки, что в 30 км юго-западнее Борисова.

Освободившиеся войска 39-й армии генерала Людникова получили указания, сосредоточившись в районе Лепеля, поступить в состав войск 1-го Прибалтийского фронта. Распоряжением Верховного Главнокомандующего войска 51-й армии, прибывающие в район Витебска в составе 1-го гвардейского, 10-го и 63-го стрелковых корпусов (всего девять стрелковых дивизий) с 1 июля из резерва Ставки также передавались в распоряжение командования того же фронта.

Таким образом, 30 июня войска 3-го Белорусского фронта вышли основными силами на Березину и приступили к ее форсированию, расширив плацдарм на западном берегу к исходу 1 июля до 110 км по фронту и до 35 км в глубину.

Все попытки врага оказать упорное сопротивление и во что бы то ни стало остановить на Березине наше наступление были ликвидированы беспримерным мужеством и геройством советских войск.

Потерпевший неудачу на Березине и отброшенный от нее на запад, враг пытался оказать сопротивление войскам 3-го Белорусского фронта на линии Будслав, Долчиково, Логойск, Смолевичи. Для подкрепления разбитых частей противник спешно бросал в бой охранные и другие специальные части и соединения, перебрасываемые с других участков фронта и из глубины, но остановить наступление наших войск не мог. Советские войска стремительно обходили опорные пункты и отрезали пути отхода противнику.

Передовые отряды 3-го гвардейского механизированного корпуса в ночь на 2 июля переправились через р. Вилию и на рассвете ворвались в населенные пункты Вилейка, Куренец, в тот же день заняли г. Красное, перерезав железные дороги Минск — Вильнюс и Минск — Лида, изолировав тем самым минскую группировку врага с северо-запада. Войска левого крыла фронта, форсировав Березину, стремительно двигались на Минск.

Не менее успешно развивались события и на 1-м Белорусском фронте. Оставив часть сил на ликвидацию окруженной бобруйской группировки врага, главные силы фронта успешно продвигались в северо-западном и западном направлениях. Захват 2 июля подвижными войсками фронта таких объектов, как Столбцы, Городея, Несвиж, лишал основные силы группы армий «Центр» последней железнодорожной магистрали на Барановичи и Брест. В особо тяжелом положении в эти дни оказались войска 4-й армии и остатки 3-й танковой и 9-й армий немцев. В то время как войска 3-го и 1-го Белорусских фронтов продолжали глубоко охватывать фланги 4-й армии фашистов и создавали уже непосредственную угрозу Минску, через который пролегали единственные пути, оставшиеся к тому времени в распоряжении центральной группировки врага, находившейся к востоку и в районе Минска, фашистские войска, скованные активными действиями войск 2-го Белорусского фронта, не имея возможности оторваться от них, вели бои еще на Березине. Отсюда быстрейший захват Минска имел для нас исключительно важное значение.

Приведу свое донесение И. В. Сталину от 2 июля.

«Москва. Тов. Семенову. 2.7.44 11.30. № 127 442.

Докладываю: Войска Баграмяна, наступающие северо-западнее р. Зап. Двины, к утру 2.7 вели бой на сев.-восточной окраине Полоцка и далее на северо-восток по линии желдороги Полоцк — Невель, продвинувшись за сутки на 15 км.

Южнее Зап. Двины войска Чистякова частями 23-го ск к тому времени подошли к южной окраине Полоцка. Левое крыло армии Чистякова главными силами вышло на фронт Дисна, Германовичи, захватив авангардом м. Марковщизну.

Войска Белобородова, имея впереди себя 1 тк Буткова, успешно продвигаются вперед и к утру 2.7 главными силами были на подходе к линии Плисса, Крулевщизна, Докшицы. 1 тк овладел 1.7.44 Глубокое и продолжал движение на Воропаево.

Перед фронтом поставлена задача 2.7.44 овладеть Полоцком и крепко закрепить за собой рубеж Дисна, Марковщизна, Глубокое, Крулевщизна, Докшицы.

Войска Чернова продолжают успешно развивать наступление с целью овладеть городом Минск, а войска правого крыла фронта — железнодорожным узлом Молодечно и городом Вилейка.

По только что полученным данным, на рассвете 2.7 Обухов своей танковой бригадой овладел городом Вилейка. Обязан до-

ложить Вам о хорошей работе Обухова на протяжении всей операции...

Вчера сам лично был в Борисове и наблюдал переправу танков Ротмистрова. Мосты у Борисова противником разрушены. Пустили в ход тяжелые танки. К утру 2.7 большая часть танков Ротмистрова переправлена на западный берег реки, и армия, собравшись в лесах к западу от Борисова, с 6.00 начала выдвижение с задачей к исходу дня овладеть Острошицким городком, что 18 км северо-восточнее Минска.

Войска армий Крылова, Галицкого и Глаголева продолжают быстрое выдвижение на запад и главными силами к утру 2.7 были на линии р. Двиноса, м. Хотевичи, Избицк, Молодзи, Жодино (16 км юго-западнее Борисова).

Корпус Бурдейного действует в полосе Глаголева вдоль автомагистрали.

Личный осмотр поля боя говорит о напряженных боях, которые пришлось выдержать танковой армии, начиная от р. Бобр и до р. Березины. Большое количество подбитых и брошенных танков противника позволяет судить о разгроме его 5-й танковой дивизии.

Потери армии Ротмистрова достигают 60 танков.

Ваше указание о передаче от Чернова одной артиллерийской дивизии Батурину и одной бригады БМ 2-му Прибалтийскому фронту принял к исполнению.

Владимиров. № 23».

Преодолевая упорное сопротивление врага, 2-й гвардейский танковый Тацинский корпус 3-го Белорусского фронта в 5 часов утра 3 июля ворвался с северо-востока в Минск, а вслед за этим передовые части 5-й гвардейской танковой армии подошли к северной части города. Тесня противника, танковые части, поддержанные подошедшими войсками 31-й армии Глаголева, отвоевывали у врага квартал за кварталом и пробивались к центру города.

Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта, разбив в районе Пуховичей в течение 1 и 2 июля группировку врага, прикрывавшую подходы к Минску с юго-востока, в середине дня 3 июля также вошли в город, где встретились с войсками 3-го Белорусского фронта. В результате упорных боев к исходу дня Минск был полностью освобожден от врага.

Освобождение от врага Минска на 4—5 суток ранее установленного Ставкой срока, соединение здесь и западнее его войск 3-го и 1-го Белорусских фронтов завершило окружение всей минской группировки врага, в которой оказались основные силы 4-й, остатки 3-й танковой и 9-й немецких армий.

В приказе Верховного Главнокомандующего от 3 июля 1944 г., адресованном командующему войсками 3-го Белорусского фронта генералу армии Черняховскому и командующему войсками

1-го Белорусского фронта Маршалу Советского Союза Рокоссовскому, говорилось:

«Войска 3-го Белорусского фронта при содействии войск 1-го Белорусского фронта в результате глубокого обходного маневра сегодня 3 июля штурмом овладели столицей Советской Белоруссии городом Минском — важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на западном направлении».

Окруженные восточнее Минска войска врага, теснимые войсками 2-го Белорусского фронта, в результате крайне беспорядочного, порою панического отступления, оказались в основном в лесах восточнее Минска. Ликвидация их была возложена на 2-й Белорусский фронт с выделением в помощь ему части сил 1-го и главным образом 3-го Белорусского фронтов.

Основные силы 1-го и 3-го Белорусских фронтов, по договоренности Ставки с ее представителями и командующими указанных фронтов, обязаны были немедленно развивать стремительное наступление на запад, используя ту огромную брешь, которая образовалась на этом направлении в стратегическом фронте фашистов.

Ожесточенные попытки окруженного восточнее Минска врага вырваться из окружения в юго-западном, южном и северном направлениях стоили ему огромных жертв, но были безуспешными.

Забегая вперед, скажу, что ежедневные упорные бои здесь привели в конечном результате к полной капитуляции основных масс окруженных войск врага. Около 38 тыс. войск здесь было взято в плен и с ними вся техника, снаряжение и тылы 4-й немецкой армии во главе с исполнявшим обязанности командующего этой армией генералом Мюллером. Вместе с ним капитулировали еще 11 генералов — командиров корпусов и дивизий и большая группа офицеров.

Докладывая о событиях за 3 июля в донесении Верховному Главнокомандующему от 4 июля, я писал:

«1. Войска Батурина в 6 час. 4.7 овладели г. Полоцк, продолжая развивать дальнейшее наступление на Двинск и в направлении на Ново-Свенцяны, к утру 4.7 вышли на фронт Пшелово (7 км юго-западнее Дриссы), м. Меры, оз. Дрисвяты, ст. Воропаево, м. Дуниловичи, прикрываясь с севера по южному берегу р. Зап. Двины на участке Полоцк. На ст. Воропаево были захвачены большие трофеи.

Считаю необходимым сегодня же передать от Батурина 4-ю Уд. армию Еременко, чтобы все внимание Батурина сосредоточить на наступлении в юго-западном направлении.

2. Войска Чернова, закрепив за собой Минск, также продолжают наступление, встречая наибольшее сопротивление противника в районе Сморгонь, Молодечно.

К исходу 3.7 пехота Крылова вышла на истоки р. Узлы (Узлянка), Куренец, Вилейка, имея впереди себя в районе Сморгони корпус Обухова.

Пехота Галицкого к тому же времени была на фронте Вязы, Радошковичи, имея в районе Молодечно 3-й кав. корпус.

Пехота Глаголева вышла на линию города Минска.

Армия Ротмистрова с рассветом 4.7, преследуя противника, из района Заславль начала выдвижение через Раков на Воложин и далее на Вильно.

Корпус Бурдейного, обеспечивая левое крыло фронта, вышел в район Нов. Двор, Лецковщина, что 10 км юго-западнее Минска

Владимиров. № 100» [22].

Таким образом, 4 июля на несколько дней ранее намеченного срока, не с меньшим, а с гораздо большим успехом, чем предусматривалось планом операции, закончился первый этап Белорусской операции.

Каковы же основные итоги этого этапа и какие выводы из него делало для себя Советское Верховное Главнокомандование?

За 12 дней операции — с 23 июня по 4 июля советские войска продвинулись до 250 км от исходного положения с выходом на фронт оз. Дрисвяты, оз. Нарочь, Вилейка, Молодечно, Столбцы, Несвиж, почти полностью освободили от фашистского ига Белорусскую ССР, а именно: Витебскую, Могилевскую, Полоцкую, Минскую, Бобруйскую, Молодечненскую и Барановичскую области.

Советское Верховное Главнокомандование и Генеральный штаб не без оснований полагали, что за эти дни столь успешных действий советских войск группа армий «Центр» не только понесла катастрофическое поражение, но и фактически перестала существовать как прежний боевой организм, что вынуждены были признать впоследствии немецкие военные историки. Было очевидным и то, что в результате этого поражения в центре германского стратегического фронта образовалась 400-километровая брешь, быстро заполнить которую гитлеровское командование не могло.

Перед Советским командованием встала задача не допустить образования сплошного фронта врага и немедленно развить дальнейшее наступление 1-го Прибалтийского и Белорусских фронтов с тем, чтобы выходом на побережье Балтийского моря поставить под угрозу полной изоляции и окружения фашистскую группу армий «Север», а также вывести советские войска к границам Восточной Пруссии и Польши, являвшимся кратчайшими расстояниями к сердцу фашистской Германии — Берлину.

Стремясь использовать выгодно сложившуюся для нас стратегическую обстановку, Советское Верховное Главнокомандование решило расширить фронт наступления путем привлечения к участию в операции в Прибалтике 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов и в западных областях Украины 1-го Украинского фронта, в результате чего наступление советских войск в дальнейшем развернулось на фронте от Финского залива до Карпат.

[22] Архив МО СССР, ф. 48 А, оп. 2294, д. 7, лл. 134—135.

Надо прямо сказать, что столь успешное выполнение советскими войсками поставленных перед ними задач на первом этапе Белорусской операции привело к коренному изменению всей стратегической обстановки на советско-германском фронте в нашу пользу и открыло перед Советским командованием возможность для нанесения новых мощных ударов по врагу как на западе, так и на юге.

В связи со сложившейся обстановкой и ранее преднамеченным планом 4 июля в адрес командующих 1-го и 2-го Прибалтийских и 3-го Белорусского фронтов поступили следующие директивы Ставки Верховного Главнокомандования.

«Командующему 1-м Прибалтийским фронтом

Тов. Владимирову.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 1-му Прибалтийскому фронту в составе 6-й гвардейской 43, 39, 2-й гвардейской, 51-й армий развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении на Свенцяны, Каунас. Ближайшая задача не позже 10—12 июля овладеть рубежом Двинск, Нов. Свенцяны, Подбродзе. В дальнейшем, прочно обеспечивая себя с севера, наступать на Каупас и частью сил на Паневежис, Шяуляй.

2. Установить с 24.00 4.7.44 следующую разграничительную линию с 3-м Белорусским фронтом: до Константинов прежняя и далее Подбродзе, Подберезе, Кайшадорис, Мариамполь; все пункты для 1-го Прибалтийского фронта включительно.

3. Обеспечение стыка с 3-м Белорусским фронтом возложить на командующего 3-м Белорусским фронтом.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин.

Антонов».

Директива Ставки Верховного Главнокомандования от 4 июля.

«Командующему 1-м Прибалтийским фронтом.

Командующему 2-м Прибалтийским фронтом.

Тов. Владимирову.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Передать из 1-го Прибалтийского фронта 2-му Прибалтийскому фронту 4-ю Ударную армию в составе 14, 83 и 100-го стрелковых корпусов, 155-го укрепрайона — всего десять стрелковых дивизий.

Армию передать к 24.00 4 июля со всеми частями усиления, армейскими тыловыми частями и учреждениями и наличными запасами.

2. Установить с 24.00 4 июля следующую разграничительную линию между 1-м и 2-м Прибалтийскими фронтами: Выровля, Залесье, Прудок, Полоцк, все пункты для 1-го Прибалтийского фронта включительно и далее по р. Зап. Двина.

3. Ответственность за обеспечение стыка с 1-м Прибалтийским фронтом оставить за командующим 2-м Прибалтийским фронтом.

4. Об исполнении донести.

Ставка Верховного Главнокомандования.

И. Сталин.

Антонов».

Войска 3-го Белорусского фронта директивой Ставки от 4 июля были обязаны, нанося главный удар на Вильнюс и другой на Лиду, не позднее 10—12 июля освободить эти города и выйти в дальнейшем на Неман, захватив плацдармы на его западном берегу.

Войска 2-го Белорусского фронта имели задачей после ликвидации группировки врага восточнее Минска, нанося главный удар в направлении г. Новогрудок, выйти на реки Неман и Молчадь, в дальнейшем захватить Волковыск и наступать на Белосток.

На войска правого крыла 1-го Белорусского фронта возлагалось, нанося главный удар на Барановичи, овладеть городами Барановичи и Лунинец и не позднее 10—12 июля выйти на линию Слоним — Пинск. В дальнейшем войска фронта должны были наступать на Брест, захватить его и выйти на Западный Буг, обеспечив за собой плацдарм на его западном берегу. Так начался новый этап Белорусской операции.

Чем же характерно решение Верховного Главнокомандования, которое было положено в основу директив фронтам от 4 июля? Основная особенность этого решения состояла в том, что оно потребовало от войск фронтов иных форм оперативного маневра и по-иному ставило вопросы оперативного взаимодействия между ними. Если на первом этапе операции, когда решались задачи взламывания стратегического фронта обороны противника и необходимо было добиться скорейшего окружения и ликвидации основных группировок врага в районах Витебска, Бобруйска и Минска, Ставка, организуя взаимодействие фронтов, направляла удары их главным образом по сходящимся направлениям; после того как в результате согласованных ударов войск всех четырех фронтов окружение и ликвидация фланговых группировок врага в районах Витебска и Бобруйска и центральной группировки к востоку от Минска были завершены, в стратегическом фронте фашистов образовалась брешь протяжением до 400 км, и встал вопрос об организации немедленного преследования врага и еще большего расширения фронта прорыва, Ставка потребовала от фронтов нанесения ударов по уже расходящимся направлениям, что изложено в директивах Ставки. Войскам 3-го и 2-го Белорусских фронтов, наступавших на центральном направлении, приказывалось продолжать наступление на запад, а войскам фланговых в Белоруссии фронтов — 1-го Прибалтийского — на северо-

запад, а затем на север, а 1-го Белорусского — на юго-запад.

В 11 часов 45 минут 5 июля 1944 г. я направил И. В. Сталину следующее донесение о событиях за 4 июля.

«Докладываю: войска Батурина и Чернова в течение 4.7 продолжали развивать наступление в западном и северо-западном направлениях. В результате к исходу 4.7 положение войск было следующим:

1. У Баграмяна — армия Малышева и 22-й ск после очищения Полоцка продвинулись по северному берегу р. Зап. Двины до 16 км и к утру 5.7 вели бой за овладение железнодорожной станцией Боровуха 1-я.

Армии Чистякова и Белобородова продвинулись за сутки от 4 до 35 км, выйдя к утру 5.7 на линию Слобода (3 км сев.-зап. м. Дрисса), иск. м. Леонполь, ур. Ляс Леонполь, Поташня, м. Меры, Усяны (10 км Зап. Бреслав), м. Опса, м. Козяны, м. Поставы.

Танковый корпус Буткова из района м. Марковщизна повернут на северо-запад в направлении на Двинск.

2. Войска Чернова в течение 4.7 вели бои за овладение важнейшими узлами обороны противника Сморгонь, Молодечно, Красное.

Передовые части Обухова на рассвете 4.7 заняли Молодечно, однако контратакой пехоты и танков противника к 12 часам были потеснены к северу ст. Молодечно. Для овладения Молодечно Галицкий повернул один стрелковый корпус, который к утру 5.7 совместно с Осликовским вел бой юго-восточнее и западнее Молодечно.

Войска фронта, овладев Сморгонь, Красное, Лебедев (8 км зап. Молодечно), Буховщизна (1 км юго-зап. Молодечно, продвинулись за день от 20 до 25 км, выйдя к утру 5.7 на линию Мокщица у оз. Нарочь, Сморгонь, Поташня, Лебедев, юго-западную, северную и северо-восточную окраины Молодечно), м. Красное, Раков, Волма.

Обухов после захвата Сморгонь направлен в общем направлении на Вильно через Солы.

Ротмистров с рубежа м. Раков, Волма направлен на Ольшаны, Яшуны и далее также на Вильно.

Армии фронта продолжают выполнять поставленные задачи.

За 4.7 войсками взято в плен до 4500 немцев.

Владимиров. № 102».

Вместе с Военным советом 1-го Прибалтийского фронта 5 июля нами было направлено И. В. Сталину следующее представление.

«Народному Комиссару Обороны товарищу Сталину.

Выполняя Ваш приказ, войска 1-го Прибалтийского фронта прорвали сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборонительную полосу противника между городами Полоцк, Витебск

на фронте до 36 км и, развивая наступление в общем направлении на Бешенковичи, Камень, Лепель, войска 6-й гв. и 43-й армий, проявляя массовый героизм, стремительно с ходу форсировали серьезную водную преграду — р. Западную Двину шириной 200—220 м на фронте до 75 км и, таким образом, лишили немцев возможности создать фронт обороны на подготовленном для этой цели рубеже на р. Западная Двина.

В результате этих успешных действий войска фронта во взаимодействии с 39-й армией 3-го Белорусского фронта окружили, уничтожили и пленили витебскую группировку немцев в составе пяти пехотных дивизий, штурмом овладели городом Витебск и за 5 дней наступательных и напряженных боев развернули прорыв на фронте свыше 200 км и на глубину 75—95 км.

На десятый день боев глубина прорыва составляет до 200 км.

За героизм, проявленный при форсировании р. Западной Двины, из состава войск 6-й гв. и 43-й армий представляем к присвоению звания Героя Советского Союза: генералов —6, офицеров — 58, сержантов и рядовых — 79, а всего 143 человека.

Список представляем через начальника Главного управления кадров НКО генерал-полковника Голикова и в копии генералу армии Антонову.

Просим представление утвердить.

Владимиров, Баграмян, Леонов. № ок/419».

В один из этих же дней при телефонном разговоре Верховный Главнокомандующий по поступившим к нему просьбам обязал меня в ближайшее же время принять на фронте в удобном для меня месте последовательно главу военной миссии Великобритании в СССР генерала Бэрроуза и главу военной миссии США генерала Дина. Как сообщил И. В. Сталин, цель их посещений начальника Генерального штаба Красной Армии состояла в том, чтобы подробно информировать меня о ходе операции американо-английских войск в Нормандии и лично ознакомиться непосредственно на фронте со столь успешным развитием наступления советских войск в Белоруссии.

Встреча состоялась при штабе 3-го Белорусского фронта в лесу вблизи ст. Красный; с английским генералом Бэрроузом — 6 июля, а с американским генералом Дином — несколькими днями позже. По договоренности с командующим фронтом для каждого из них был устроен штабом выезд на один из участков фронта, а также беседа с находящимися еще во фронте пленными немецкими генералами. В заключение командующий войсками фронта для каждого из них при своем штабе дал обед. Как я уже когда-то писал, генерал Дин при всех встречах обращался с просьбой ко мне как к начальнику Генерального штаба Советских Вооруженных Сил, передаваемой им, как он заявлял, от имени начальника штаба армии США генерала Маршалла, о всемерном ускорении сроков вступления СССР в войну против

Японии. Зная наши возможности и позицию Советского правительства в этом вопросе, я не менее настойчиво отвечал Дину, что до окончательного разгрома гитлеровской Германии об этом не может быть и речи, поскольку преждевременное вступление СССР в войну на Дальнем Востоке привело бы к нежелательному распылению наших военных усилий, отвлекая советские войска с главного, решающего фронта второй мировой войны, где фашистский агрессор еще окончательно не разгромлен. Любая затяжка борьбы против нацистской Германии неизбежно увеличивала бы продолжительность второй мировой войны, а следовательно, вела бы к возрастанию ее тягот для человечества. Несмотря на большие и интересные впечатления, которые генерал Дин получил от посещения некоторых участков нашего фронта, а также от встречи с пленными немецкими генералами и радушного обеда, который устроил в его честь при всей своей занятости командующий фронтом генерал армии И. Д. Черняховский, по нашему мнению, генерал Дин покинул нас и возвратился в Москву с порядочно испорченным настроением.

В 12.35 6 июля было направлено следующее донесение И. В. Сталину об обстановке на фронте:

«1. Войска Батурина в течение 5.7, отражая контратаки подошедших 388-й и 215-й пд противника на своем правом фланге к юго-западу от Друя, продолжали наступление в своих разграничительных линиях и к исходу дня вели бои: 6-я гв. армия на рубеже 10 км восточнее Друя, оз. Обстерно, оз. Укла, оз. Дрисвяты, оз. Бочинь; 43-я армия на фронте м. Видзе, оз. Сквирске, р. Хайштайна, оз. Мал. Швакшта, Константинов; 1-й танковый корпус Буткова приводит себя в порядок в районе оз. Укла.

Приняты меры к ускорению движения 22-го гв. стрелкового корпуса на фронт 6-й гв. армии в районе Дрисвяты для усиления наступления на двинском направлении и 39-й армии на свенцянском направлении для совместного наступления с Белобородовым на Каунас.

Оба указанных объединения будут введены в линию фронта, каждое на своем направлении, к 8.7, с тем, чтобы не позднее утра 9.7 перейти в решительное наступление по овладению Двинском и Каунасом.

С этого же времени будет введен и корпус Буткова на направлении Двинска, с одновременной задачей обеспечения наиболее слабого северного крыла Батурина.

До 9.7 войска фронта продолжают наступление, в частности 6.7 с задачами выйти на фронт р. Запад. Двины южнее м. Краслава, оз. Снуды, м. Дрисвяты, м. Лынтупы.

Происходящее выдвижение правого крыла Батурина вдоль р. Зап. Двина, резкое отставание левого крыла фронта Еременко к северу от р. Зап. Двина вызывает необходимость привлекать все большие и большие силы для пассивного обеспечения фронта Батурина с севера.

Прошу, если возможно, ускорить сроки начала активных действий Еременко.

2. Войска Чернова в течение 5.7 продолжали развивать наступление с основным вниманием вилейскому и лидскому направлениям, а также вынуждены были частью сил Глаголева включиться в ликвидацию окруженной юго-восточнее Минска крупной группировки противника, пытающейся прорваться на Минск.

В результате наступления 3-й мех. корпус Обухова к утру 6.7 вел бой в районе непосредственно восточнее м. Солы; Ротмистров, овладев м. Воложин, к тому же времени был на подходе к линии Крево, Вишнев, имея дальнейшей задачей — удар через Ольшаны на Вильно.

Кавалерийский корпус Осликовского вынуждены использовать для действий в районе Налибокской пущи.

Корпус Бурдейного выдвижением от Минска на запад обеспечивает фланг Чернова с юга и к исходу 5 июля овладел м. Ивинец. Частью сил корпус вместе с левофланговыми войсками Глаголева помогает прикрыть Минск с юго-востока и завершить ликвидацию окруженной здесь группировки противника.

Армии Чернова к исходу 5.7 вышли на фронт:

армия Крылова — 6 км западнее м. Свирь и левым флангом м. Лисичино (5 км зап. Сморгань), форсировав на 25-км участке непосредственно севернее Сморгонь р. Вилия;

армия Галицкого, выдвинувшись своим правым флангом на 18 км к западу от Молодечно, прочно закрепила за собой последний, своим левым флангом на подходе к м. Воложин;

армия Глаголева своим центром вышла в район непосредственно северо-западнее м. Ракув; три его дивизии вместе с корпусом Бурдейного ведут бой юго-восточнее Минска с окруженной группировкой противника.

Основная задача по ликвидации окруженной группировки возложена на армию Крюченкина, которая имеет к данному времени подошедшие в этот район пять стрелковых дивизий.

По показаниям пленных, юго-восточнее Минска захлестнуты остатки восьми-десяти дивизий общей численностью до 18—20 000 человек. Есть данные, что частью своих сил противник пытается прорваться через Самохваловичи на Койданово; необходимы соответствующие мероприятия со стороны Захарова.

По предварительным данным, ликвидация этой группировки проходит успешно. За сегодняшнее утро войсками фронта взято в плен до 2000 человек и большие трофеи.

Вчера был в Минске, впечатление тяжелое, город на три четверти разрушен. Из крупных зданий удалось сохранить Дом правительства, новое здание ЦК, радиозавод, ДКА. Электростанция, вокзал, большинство промышленных предприятий и учреждений были взорваны.

По докладу моих людей вся дорога от Минска до Ракув и далее на Воложин забита брошенной техникой противника.

3. Сегодня, согласно Ваших указаний, встречаюсь с генералом Бэрроузом.

Владимиров. № 105».

33-я армия Крючепкина с 24.00 5 июля распоряжением Верховного Главнокомандующего была передана из 2-го Белорусского фронта в 3-й Белорусский.

Наступление войск Батурина и Чернова в течение 6.7 развивалось по плану.

На фронте Батурина: 6-я гв. армия, успешно преодолевая возросшее сопротивление пехоты и авиации противника, 6.7 захватила м. Друя на южном берегу р. Зап. Двины и, продвинувшись за день вдоль южного берега реки до 20 км, к исходу 6 июля вела бои на линии Друя, иск. Друйск, Зазоны, оз. Даугле, Опса, Нурмишки, Войнюны.

43-я армия, преодолевая огневое сопротивление противника, продвинулась от 14 до 30 км, овладев важным опорным пунктом м. Видзы, м. Комай, м. Константиново. К утру 7.7 бои шли на линии м. Видзы, Новики, оз. Орывела, вост. окраина м. Кодуцишки, вост. окр. Лыптуны.

Армия Людникова, выдвигающаяся на левое крыло фронта, к исходу 6.7 прошла рубеж Дуниловичи.

Войска Чернова в течение 6.7 основными силами 5-й армии форсировали р. Вилию. Наибольшего продвижения добился Крылов, продвинувшись за день до 35 км. Правым флангом Крылов к исходу дня занял Подворпишки в 6 км юго-восточнее Подбродзе — жел. дорога на линии Двинск — Вильно и вышел на линию Подворпишки, Нов. Зверинец, Дубпячки (32—34 км вост. Вильно), иск. Жупраны.

Галицкий главными силами пехоты к исходу 6.7 вышел на рубеж Стрипупы (16 км юго-вост. Ошмяны), м. Вишнев, продвинувшись за день от 8 до 38 км.

3-й гв. механизированный корпус Обухова к исходу 6.7 прошел Шумск (25 км юго-вост. Вильно) и продолжал наступление с задачей не позднее утра 8.7 овладеть Вильно.

Ротмистров совместно с 3-м кавалерийским корпусом, захвативший м. Крево, м. Вишнев, на позициях немецкой обороны 1914—18 гг. в течение ночи на 7.7 выдвигался на Ольшаны в направлении Вильно. В районе Лоек был захвачен в плен командир батальона 170-й пд, только что переброшенной с нарвского направления.

3-й кавалерийский корпус выдвигался к сев.-западу от Налибокской пущи для обеспечения действий фронта с юга — к утру 7.7 вышел в район Пойдзишки, Токайджишки, Яволинка (?) (20—25 км южнее Ошмяны), имея в дальнейшем задачу — движение на Лиду.

Ликвидация окруженной группировки к юго-востоку от г. Минска заканчивалась. За два дня боя было захвачено в плен свыше

5000 немецких солдат и офицеров. Окончательную чистку этого района производили войска Крюченкина, которые к исходу 7 июля главными силами должны были сосредоточиться в районе Минска и западнее с тем, чтобы в ближайшие два дня включиться в боевые действия на левом фланге Чернова в направлении на Лиду.

Войска Глаголева, остановившиеся в районе Минска, срочно выдвигались на запад для присоединения к главным силам армии.

Армия имела задачу во взаимодействии с кавалерийским корпусом и корпусом Бурдейного, не дожидаясь подхода армии Крюченкина, продолжать наступление и овладеть городом и железнодорожным узлом Лида.

В течение последних дней, помимо обычных телефонных разговоров на тему событий проводимой операции, у меня имели место почти ежедневные переговоры с Г. К. Жуковым, А. И. Антоновым и И. В. Сталиным о немедленном подключении к операции на севере войск 2-го и 3-го Прибалтийских и на юге 1-го Украинского фронтов, в соответствии с планом, предусмотренным ранее. Было решено, что войска 1-го Прибалтийского фронта перейдут в наступление с рубежа Новоржева — Пустошки 10 июля, нанося удары на Резекне и совместно с войсками 3-го Белорусского фронта на Даугавпилс. Войска 3-го Прибалтийского фронта по директиве Ставки должны были перейти в наступление 17 июля с ближайшей задачей, прорвав оборону врага, овладеть Псковом. 26 июля должны были возобновить наступление войска Ленинградского фронта на нарвском направлении с тем, чтобы совместно с войсками 3-го Прибалтийского фронта развивать наступление на территории Эстонии. Тогда же было обусловлено основное внимание войск И. Х. Баграмяна направить на шяуляйское направление, использовав для этой цели подходящие из резерва Ставки 51-ю и 2-ю гвардейскую армии, ширину его фронта несколько сократить и предоставить ему несколько суток для перегруппировки и для ввода в сражение подходящих из тыла двух армий при условии, что удар будет возобновлен по врагу не позднее 20 июля.

Войска 1-го Украинского фронта обязаны были перейти в наступление 13 июля. Задача для них оставалась прежняя: использовав успех войск 1-го Белорусского фронта в Белоруссии, нанести решительный удар по немецким и венгерским войскам, входящим в группу «Северная Украина», и окончательно освободить от оккупантов Западную Украину. Для этой цели 1-й Украинский фронт, взаимодействуя с войсками левого крыла 1-го Белорусского фронта, готовился нанести два одновременных мощных удара — один из района Луцка на Раву-Русскую и второй из района Тернополя на Золочев, Львов, Перемышль. В конечном счете в итоге этой операции войска 1-го Украинского фронта должны были выйти на р. Вислу и, захватив здесь плацдарм,

обеспечить для себя наиболее благоприятные условия для развития операции на Силезию.

В ночь на 10 июля командованием соответствующих фронтов была получена директива Ставки Верховного Главнокомандования, по которой координация действий войск 3-го Белорусского, 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов возлагалась на меня.

Информируя Верховного Главнокомандующего о происходящих на фронте событиях, я 12 июля писал:

«Москва. Тов. Семенову. 12.7.44.12.15.№ 128933.

Войска Батурина и Чернова в течение 11.7 продолжали наступать по плану.

У Батурина — Чистяков и Белобородов в основном вышли из межозерных дефиле и к исходу дня находились на линии Прохоровка (на сев. берегу р. Снуды), Рожки, оз. Сите, Мялке (на вост. берегу оз. Дрисвяты), оз. Смольвы, м. Валесишкис, Антальги (8 км зап. Утена), м. Скодуцишки.

Войска Людникова успешно продвигались в течение дня и к исходу 11.7, занимая рубеж южный берег оз. Стирней, М. Гедройце, иск. м. Подбродзе.

Принимаем все меры к тому, чтобы в наикратчайшие сроки окончательно вывести войска Крейзера и Чапчибадзе на линию фронта.

Противник заметно усилил сопротивление перед частями Баграмяна за счет продолжающейся переброски войск с 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов.

У Чернова — Крылов, очистив от противника Вильнюс, главными силами пехоты и Обухова овладел рубежом м. Мейшаголы, ст. Завесы, м. Рудзишки и передовыми частями вел бой за м. Высокий Двор.

Крупные силы танков противника группами в 20, 30 и 70 единиц, непрерывно атаковавшие Обухова в течение 10 июля, 11 июля особой активности не проявляли.

Галицкий и Глаголев к исходу дня 11.7 вышли на рубеж м. Ганушишки, оз. Великое, оз. Бездно, Гишели (10 км зап. Радуж), р. Дитва, продвинувшись за сутки от 15 до 30 км.

Дал указания задержать Обухова и Ротмистрова в занимаемых ими районах с тем, чтобы в ближайшие три дня подтянуть и восстановить материальную часть, а затем использовать Баграмяна в общем направлении на Шяуляй, с задачей, действуя по северному берегу р. Неман, перехватить все коммуникации противника из Прибалтики в Восточную Пруссию.

Осликовский всеми силами вышел в район м. Новый Двор, Василишки. Сегодня возобновил наступление на Старую Руду с тем, чтобы 13.7 внезапной атакой попытаться овладеть Гродно.

2. Сейчас вылетаю к Еременко для работы согласно Ваших указаний. Буду обратно у Баграмяна 13.7.44.

Владимиров. м.134».

В ночь с 13-го на 14 июля 1944 г., находясь в штабе 2-го Прибалтийского фронта, имел очередной телефонный разговор с Верховным Главнокомандующим, во время которого он не согласился с моим предложением передать 5-ю гвардейскую танковую армию 1-му Прибалтийскому фронту. «Нам кажется,— говорил И. В. Сталин,— что усиления Батурина двумя хорошо пополненными и вооруженными 51-й и 2-й гвардейской армиями и 3-м гвардейским механизированным корпусом, для пополнения которого по Вашей просьбе срочно направляются танки, тем более с учетом перехода в наступление войск 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, было бы вполне достаточно для выполнения поставленных перед фронтом, правда, исключительно ответственных задач. Рекомендуем в данный момент этого не делать, оставив Ротмистрова в ведении Чернова». Мои попытки доказать всю выгодность в складывающейся для нас военной обстановке прервать сухопутные коммуникации группы армий «Север» на шяуляйско-рижском, или же шяуляйско-липайском (либавском) направлении силами 1-го Прибалтийского фронта, усилив для этого его и 5-й гвардейской танковой армией, в данном случае ни к чему не привели. Мне было сказано, что в случае необходимости это можно будет сделать и позднее, но надо принять все меры к тому, чтобы выполнить поставленные задачи, не прибегая к передаче армии. В заключение Верховный пожелал войскам и мне дальнейших успехов.

14 июля были получены указания Ставки с 24 часов 15 июля передать: 39-ю армию в составе 84-го и 5-го гвардейского стрелковых корпусов (всего семь стрелковых дивизий) из 1-го Прибалтийского в состав 3-го Белорусского фронта; 3-й гвардейский кавалерийский корпус — из 3-го Белорусского 2-му Белорусскому фронту; 3-й гвардейский механизированный корпус из 3-го Белорусского в состав 1-го Прибалтийского фронта.

В связи с этим изменялись разграничительные линии между фронтами. 14 июля в 14.06 после возвращения из 2-го Прибалтийского фронта на свой узел связи при штабе 1-го Прибалтийского фронта я доложил И. В. Сталину:

«1. Войска тов. Егорова [23] продвинулись в течение 13.7 на 12—15 км, вели бои за преодоление промежуточного рубежа противника, прикрывающего Опочку, Себеж и освейско-двинское направление.

В течение вечера 13.7 и утра 14.7 войскам 10-й гв. и 3-й Ударной армий в ряде мест удалось прорвать этот рубеж и выйти на р. Великую к северу и югу от Опочки. В настоящее время бой идет в городе Опочка.

Левофланговым соединениям Казакова в 20 км к югу от Опочки удалось форсировать р. Великую и захватить плацдарм по ее

[23] А. И. Еременко.

зап. берегу глубиной до 4 км, перерезав шоссейную дорогу Опочка — Себеж. Наступление войск фронта продолжается.

Некоторое затруднение войска фронта испытывают из-за недостатка в автобензине и из-за запоздалого подхода боеприпасов. Предназначенные для корпуса Сахно 140 танков также еще не подошли. Будучи у Егорова, необходимые меры принял.

Армии фронта имеют задачей: 10-я гв. и 3-я Ударная, имея свои основные силы на внутренних флангах, будут развивать наступление в направлении Резекне, чтобы выйти в этот район главными силами 18—19.7. 22-я армия имеет задачу сегодня овладеть Освея и, развивая удар на Дагду, вместе с 4-й Ударной армией не позднее 20.7 выйти на шоссе Резекне, Двинск.

2. Перед войсками Батурина противник оказывает наибольшее сопротивление южнее и юго-западнее Двинска, используя для этой цели переброшенные сюда из Прибалтики свежие пд. В настоящее время на этом участке отмечается пленными до восьми пд немцев, в том числе только что подошедшая 126-я пд. В течение дня противник неоднократно переходил в контратаки.

В помощь Чистякову для ликвидации выступа противника к югу и юго-западу от Двинска привлечен стрелковый корпус в составе четырех стрелковых дивизий от Белобородова, который сегодня одновременно с наступлением Чистякова должен будет нанести удар вдоль шоссе Укмерге, Двинск в общем направлении на Зарасай.

92-й и 1-й стрелковые корпуса Белобородова продолжают развивать наступление в направлении Паневежис, за сутки до утра 14.7 продвинулись от 10 до 20 км и заняли м. Ужпаляй, Килгуны, Добейни, Шавли, что на зап. берегу оз. Рубики.

Войска Людникова на направлении Укмерге, Ионава продвинулись до 12 км, подошли к м. Шешоли, что 15 км юго-вост. Укмерге и заняли м. Ширвижты.

По данным авиации и пленных, противник перед фронтом этих двух армий, по-видимому, отходит за р. Свента, где и готовит рубеж.

В соответствии с Вашими указаниями армия Людникова передается в состав войск Чернова.

Войска Крейзера и Чанчибадзе к вечеру 13.7 главными силами вышли на меридианы Браслав, Дуниловичи. Сегодня продолжают выдвижение в свои районы.

Подробный доклад о дальнейшем их использовании, а также об использовании корпуса Обухова и прибывающего корпуса Васильева сделаем Вам к утру 15.7 особым донесением.

Войска Чернова, развивая наступление, продолжали выдвигаться к р. Неман и к утру 14.7 головными частями достигли восточного берега его — у Галидкого — к северу и югу от Алитус и у Глаголева подошли к Друскеники.

Кавалерийский корпус Осликовского продолжает бои на окраине города Гродно.

В настоящий момент на подходе к г. Гродно 36-й стрелковый корпус Глаголева. С его подходом кавалерийский корпус будет освобожден для выполнения своих задач.

На правом фланге Черпова противник 13.7 ввел в бой до 60 танков и самоходных орудий, по-видимому, 12-ю пд и мотопехоту, предпринял контратаку на м. Евье с севера и, заняв последнее, пытался распространиться в направлении Вильно. Целью этой контратаки, по-видимому, явилась запоздалая попытка противника освободить окруженные в Вильно и в районе Вильно свои гарнизоны.

Силами Крылова и Ротмистрова, находившихся к востоку и юго-востоку от м. Евье, эта танковая группа в настоящее время ликвидируется. За сегодняшнее утро из ее состава уже уничтожено до 30 танков и самоходных орудий. Остальные отошли к западу от м. Евье. М. Евье в руках 29-го танкового корпуса.

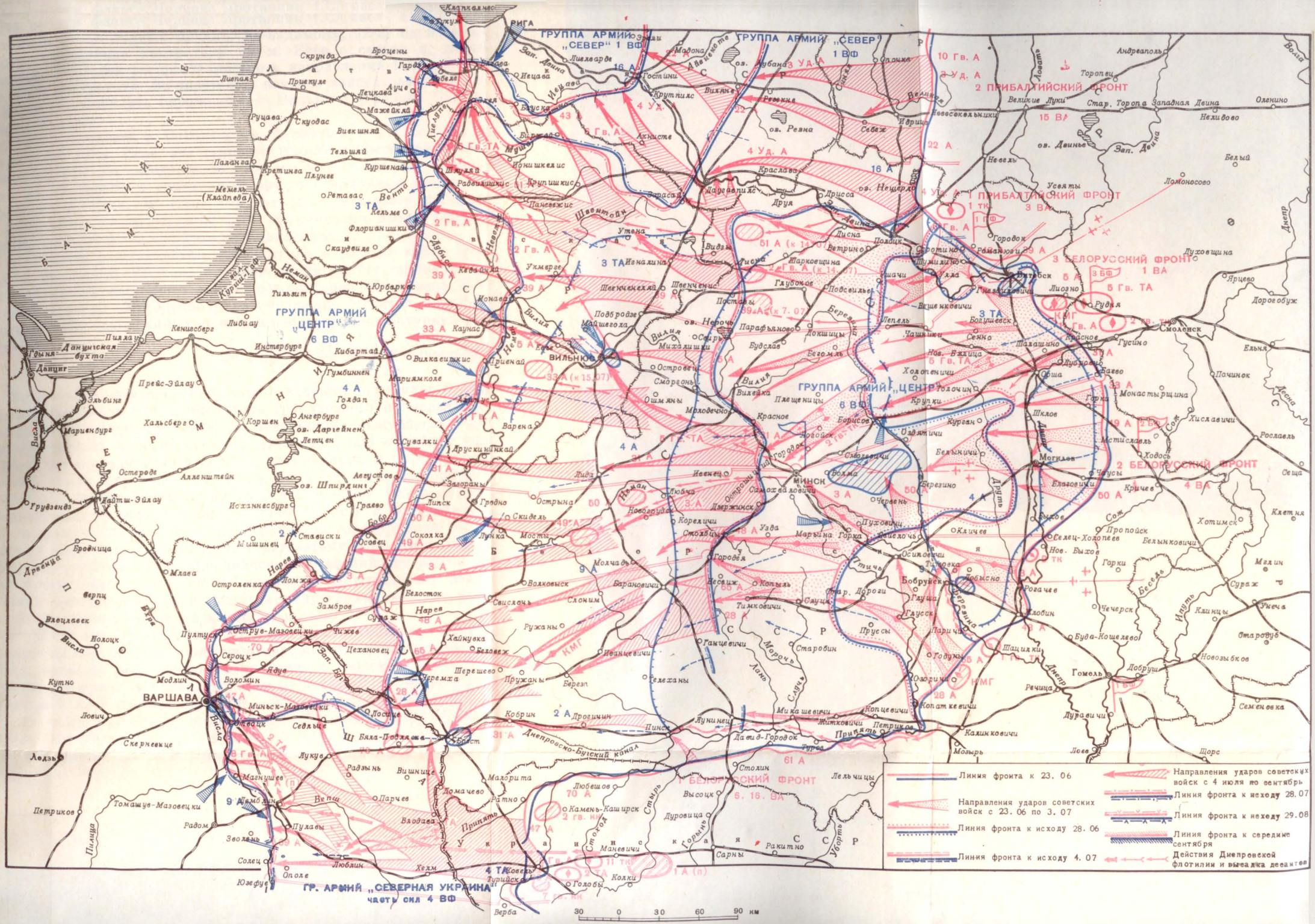
Ротмистров по ликвидации этой группировки имеет задачей сегодня же начать выдвижение на Кошейдары.

3. В связи с оставлением Ротмистрова в составе войск Чернова и передачей Обухова от Чернова Батурину приказал из числа направляемых Вами в мое распоряжение 100 танков Т-34 направить на ст. Молодечно в распоряжение Чернова для Ротмистрова и 90 иностранных танков в распоряжение Батурина для Обухова.

№ 148. 14.7.44.14.40. Владимиров».

Фашистское командование, чтобы закрыть огромную брешь, образовавшуюся в результате столь грандиозного и энергичного наступления советских войск в Белоруссии, вынуждено было спешно снимать и перебрасывать сюда часть сил с других участков советско-германского фронта, из Германии и из оккупированных стран Европы. С 25 июня по 16 июля в Белоруссию прибыло 15 новых немецких дивизий и 2 бригады. Часть из этих дивизий была переброшена из Западной Европы, и, надо сказать, что американо-английское командование не предприняло решительных мер, чтобы противодействовать этому. Высадившиеся во Франции крупные силы американской и английской армий все еще продолжали оставаться на нормандском плацдарме, предоставляя возможность фашистскому командованию свободно перебрасывать часть своих сил с запада на восток.

С 15-го по 19 июля войска 1-го Прибалтийского фронта, продолжая бои на отдельных участках, производили перегруппировку, готовясь возобновить наступление с вводом в бой поступивших во фронт 2-й гвардейской и 51-й армий. 20 июля фронт перешел в наступление, 22 июля войсками фронта был освобожден от врага Паневежис, а 27 июля — Шяуляй. В этот же день войска 2-го Прибалтийского фронта совместно с частями 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта овладели г. Даугавпилс.



Ход боевых действий сторон в операции «Багратион»

Войска 3-го Белорусского фронта вели в это время ожесточенные бои на р. Неман. Противник продолжал подбрасывать свежие силы и, восстановив нарушенное управление войсками, стремился во что бы то ни стало сбросить наши части с плацдармов на западном берегу Немана. Несмотря на сильное переутомление, войска фронта при решительной поддержке авиации 1-й воздушной армии отражали атаки врага. Вместе с советскими авиационными частями в составе 1-й воздушной армии отлично действовал 1-й отдельный истребительный авиационный полк французских летчиков «Нормандия» под командованием майора Дельфино. За героические действия на р. Неман полку было присвоено наименование «Неманский».

Войска 2-го Белорусского фронта к середине июля достигли также р. Неман, а 27 июля овладели Белостоком, выйдя таким образом с юго-востока на ближайшие подступы к Восточной Пруссии.

Войска 1-го Белорусского фронта на своем правом крыле к середине июля вышли на линию Свислочь, Пружаны, на левом крыле готовили запланированную ранее Люблинско-Брестскую операцию, которую успешно начали 18 июля. Вместе с советскими войсками в этой операции приняла активное участие 1-я польская армия. Обходя Брестский укрепленный район врага, главная группировка правого крыла фронта уже 20 июля вышла на широком фронте на Западный Буг и, форсировав его, вступила на территорию Польши. 23 июля войска этого крыла фронта освободили от фашистов Люблин, а 25 июля 2-я танковая армия вслед за ней и войска 1-й польской армии вышли в районе Демблина к Висле. 26 июля войска 1-го Белорусского фронта овладели Брестом.

Используя успех наших войск в Белоруссии и выполняя директивы Ставки, 13 июля войска 1-го Украинского фронта начали Львовско-Сандомирскую операцию и в процессе ее 27 июля освободили от врага Львов, Перемышль и Станислав. 17 июля перешли в наступление войска 3-го Прибалтийского фронта и, прорвав оборону южнее г. Остров, овладели этим городом, а 23 июля освободили Псков и открыли путь к южным районам Эстонии. Развернул наступление и Ленинградский фронт. Его войска 26 июля освободили Нарву.

В условиях создавшейся обстановки после неоднократных бесед с представителями Ставки и командующими войсками Ставка Верховного Главнокомандования в ночь на 28 июля приняла решение на дальнейшее наступление, которое было оформлено и 28 июля передано соответствующим фронтам в виде частных директив.

Решением Ставки усилия фронтов направлялись к тому, чтобы отрезать группу армий «Север» от группы армий «Центр», выйти к границам Восточной Пруссии и на р. Вислу. В директивах предусматривались для войск фронтов следующие задачи,

к выполнению которых они обязывались приступить немедленно.

Для войск 2-го Прибалтийского фронта — не позже 1—2 августа овладеть рубежом Галгауска, Мадежа, Крустпилс (120 км восточнее Риги), в дальнейшем не позднее 10 августа овладеть Ригой и выйти на побережье Рижского залива.

Для 1-го Прибалтийского фронта основная задача — отрезать группировку врага, действующую в Прибалтике, от ее коммуникаций в сторону Восточной Пруссии, для чего после овладения Шяуляем главный удар развивать в общем направлении на Ригу, частью сил левого крыла наступать на Мемель с целью перерезать Приморскую железную дорогу, связывающую Прибалтику с Восточной Пруссией.

Войскам 3-го Белорусского фронта — ударами 39-й и 5-й армий с севера и юга не позже 1—2 августа овладеть Каунасом. В дальнейшем всеми силами фронта наступать к границам Восточной Пруссии и не позднее 10 августа овладеть рубежом Россиены, Юрбург, Эйдкунен, Сувалки, где прочно закрепиться для подготовки к вторжению в Восточную Пруссию, в общем направлении на Гумбинен, Инстербург, Прейсиш Эйлау.

2-му Белорусскому фронту — главный удар наносить в направлении на Ломжа, Остроленка. 8—10 августа овладеть рубежом Августов, Граево, Станиски, Остроленка. Здесь прочно закрепиться для подготовки к вторжению в Восточную Пруссию в общем направлении Млава, Мариенбург. Иметь в виду из района Млава частью сил наступать на Алленштайн.

1-му Белорусскому фронту — после овладения Брестом и Седлецом правым крылом развивать наступление в направлении на Варшаву с задачей не позднее 5—8 августа овладеть предместьем Варшавы — Прагой и захватить плацдарм на западном берегу р. Нарев в районе Пултуск, Сероцк. Левым крылом захватить плацдарм на западном берегу р. Вислы в районе Демблин, Зволень, Солец. Плацдарм использовать для ударов в северо-западном направлении с тем, чтобы свернуть оборону противника по р. Нарев и р. Висле и облегчить форсирование р. Нарев левому крылу 2-го Белорусского фронта и р. Вислы центральным армиям своего фронта. В дальнейшем иметь в виду наступление на Торн и Лодзь.

1-му Украинскому фронту — силами 13-й армии и 1-й гвардейской танковой армии не позже 1—2 августа форсировать Вислу, захватить плацдарм на западном ее берегу на участке Сандомир, устье р. Вислока и, используя их, нанести удар на север с целью помочь 3-й гвардейской армии Гордова форсировать р. Вислу и выйти на ее западный берег. Центром фронта к тому же времени выйти на р. Вислока и овладеть Санок, Дрогобыч, Долина. Силами 1-й гвардейской и 18-й армий захватить и прочно удержать перевалы через Карпатский хребет на направлениях Гуменне, Ужгород, Мукачево с целью выхода в Венгерскую до-

лину. В дальнейшем иметь в виду наступление в общем направлении на Ченстохов и на Краков.

В связи с тем, что к операции, проводимой в Белоруссии силами четырех фронтов, решением Ставки для действий против врага в Прибалтике были подключены 2-й и 3-й Прибалтийские и Ленинградский фронты, а на территории западных областей Украины — 1-й Украинский фронт, в целях удобства в управлении мною и соответствующими командующими фронтами 29 июля были получены директивные указания Ставки, по которым на меня как на начальника Генерального штаба и заместителя Наркома обороны возлагалось не только координирование, но и руководство операциями, проводимыми войсками 2-го и 1-го Прибалтийских и 3-го Белорусского фронтов [24].

В тот же день такие же функции по войскам 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов были возложены на Г. К. Жукова как на заместителя Верховного Главнокомандующего.

Выполняя директиву Ставки от 28 июля, войска 1-го Прибалтийского фронта, изменив направление главного удара с запада на север, 31 июля овладели важнейшим узлом сухопутных коммуникаций, связывающих Прибалтику с Восточной Пруссией — Елгавой, а 3-й механизированный корпус выходом к Рижскому заливу у Клапкалинса к северу от Тукумса прервал эти коммуникации.

С первых чисел августа сопротивление противника, особенно на рижском направлении и в районе Шяуляя, резко возросло. Вечером 2 августа я доложил Верховному, что для выполнения поставленных задач 1-й Прибалтийский фронт нуждается в дополнительном и срочном усилении, при этом я вновь вернулся к вопросу о 5-й гвардейской танковой армии и просил разрешения немедленно перебросить в состав фронта хотя бы еще один корпус 4-й Ударной армии из 2-го Прибалтийского фронта, компенсируя последний подачей не менее двух стрелковых корпусов из резерва Ставки.

Сталин обещал принять срочные меры, а 3 августа А. И. Антонов сообщил мне, что приказано немедленно 5-ю гвардейскую танковую армию из 3-го Белорусского и один стрелковый корпус 4-й Ударной армии из 2-го Прибалтийского передать в состав войск 1-го Прибалтийского фронта с тем, чтобы армию Ротмистрова использовать из района Эйрапола для удара на северо-запад в общем направлении на Кельмы с целью разбить группировку противника, сосредоточивающуюся против Шяуляя. Одновременно он просил сообщить для доклада Верховному о задаче, поставленной в связи с этим Ротмистрову, о времени его передачи в 1-й Прибалтийский, а также о времени передачи и использовании стрелкового корпуса [25].

[24] Архив МО СССР, ф. 132 А, оп. 2642, д. 36, л. 426.
[25] Там же, ф. 48 А, оп. 1795, д. 13, л. 229.

5 августа были получены от Ставки дополнительные указания о немедленной передаче в состав 1-го Прибалтийского фронта из 2-го Прибалтийского фронта 4-й Ударной армии в составе двух стрелковых корпусов с учетом ранее переданного из нее 83-го стрелкового корпуса, перебросив армию на левый берег Западной Двины по имеющимся переправам. Остающийся на правом берегу реки 3-й стрелковый корпус 4-й Ударной армии рекомендовалось включить в состав 22-й армии. От нас требовалось доложить решение по использованию 4-й Ударной армии.

В связи с этим мною вместе с Военным Советом 1-го Прибалтийского фронта 13 августа был послан в Ставку следующий доклад:

«Противник под ударами войск фронта отошел на рубеж Вирзае (15 км юго-зап. Гостини), Тейкани, Капкали и далее на р. Мемель до устья. Этот рубеж противник подготавливал к обороне в течение пяти дней, используя местное население, а теперь развернул на нем для обороны 6—7 пехотных дивизий (132, 87, 225, 58, 81, 61, 215). Выровняв и сократив линию своего фронта, противник получил возможность часть своих сил вывести в резерв. Большинство пленных, захваченных в последних боях, показывает, что немцы сосредоточивают в районе Риги и в лесах южнее группу войск якобы для наступления на Митаву.

По последним данным авиаразведки, в районе Риги и южнее, а также в районе Тельшай и восточнее (к западу от Шяуляй), отмечаются скопления противника. Не исключена возможность попытки противника прорваться из района Риги в направлении Елгава и из района Тельшай в общем направлении Ионишкис с тем, чтобы разорвать кольцо окружения прибалтийской группы немцев и соединить части северной группы армий с войсками центральной группы армий противника.

В связи с этим проводим следующие мероприятия:

1. Не прекращая наступления на фронте 4-й Ударной и 6-й гвардейской армий, немедленно приступить к усилению обороны на митавском направлении.

С этой целью: а) 4-ю Уд. армию усиливаем 103-м ск в составе трех стр. дивизий, доводим ее до девяти сд и поставили перед ней задачу наступать с утра 14.8 на запад и северо-запад вдоль железной дороги Кристпилс, Митава.

б) 6-й гв. армии передаем 22-й гв. ск (четыре стр. дивизии) и 19-й тк из состава 43-й армии, доводим эту армию до десяти стр. дивизий и поставили ей задачу в течение 13.8 подготовить восемь стр. дивизий и 19-й тк для наступления с фронта Скайсткалне, Ракожи в общем направлении Иецава. Начало наступления с утра 14.8;

в) 43-й армии в составе трех ск (60, 92 и 1), восьми стр. дивизий принять правофланговый участок 51-й армии, сменить ее 77, 257 и 91 сд и к утру 15.8 организовать прочную оборону по р. Мемель и р. Лиелупе на участке Крастыни, Сталдепес;

г) 51-й армии приказано за счет сокращения фронта уплотнить боевые порядки на митавском направлении и создать к утру 15.8 недоступную для танков и пехоты оборону по р. Лиелупе на участке Сталдонес, Слока, где развернуть в первом эшелоне четыре сд и во втором — две сд, имея три сд на рубеже Тукумс, Ауце, Круопяй. Основная задача армии — не допустить прорыва рижской группировки противника в юго-западном направлении. С этой целью район г. Митава превращается в мощный укрепленный район.

д) 3-й гв. мк, фронтовой резерв, сосредоточивается в район Калнамуйма (юго-зап. Митавы в 30 км) в готовности к нанесению контрударов на Митава, Ауце и Круопяй.

е) состав и задачи 2-й гв. армии с 1-м танковым корпусом остаются без изменений. Основной задачей армии является прикрыть направление на Шяуляй, превратить Шяуляй в сильный укрепленный район.

Просим утвердить проводимые мероприятия. № 373 13.8.44.

Владимиров, Баграмян, Леонов, Курасов» [26].

14 августа А. И. Антонов сообщил мне и И. Х. Баграмяну, что Верховный Главнокомандующий утвердил проводимые нами мероприятия.

Во второй половине августа во время наступления войск 1-го Прибалтийского фронта противник нанес контрудары силами пяти танковых, одной моторизованной дивизии и одной танковой бригады вдоль приморской дороги из Тукумса на Ригу, на елгавском и шяуляйском направлениях. Войска фронта отразили атаки врага и в конце августа закрепились на рубеже р. Мемель западнее Елгавы и западнее и юго-западнее Добеле.

Войска 3-го Белорусского фронта, выполняя директиву Ставки и преодолевая упорное сопротивление крупной группировки врага, 1 августа овладели Каунасом и вышли в августе с частью войск 1-го Прибалтийского фронта на линию Рассеняй, Сувалки, т. е. к границам Восточной Пруссии. В то же время войска 2-го Белорусского фронта, наступая на Варшаву, завязали бои за предместье Варшавы — Прагу, а войска левого крыла этого фронта в начале августа форсировали Вислу южнее Варшавы и в районе Магнушева и Пулавы, захватив плацдарм на ее левом берегу.

С выходом 1-го Прибалтийского фронта на территорию Прибалтики, войск 2-го и 3-го Белорусских фронтов к границам Восточной Пруссии, а войск 1-го Белорусского фронта на р. Нарев и р. Вислу в конце августа закончилась историческая Белорусская операция, начавшаяся 23 июня.

Огромную помощь советским войскам при проведении операции оказали партизанские отряды и соединения. Несмотря на

[26] Архив МО СССР, ф. 48 А, оп. 1795, д. 449, лл. 543—546.

постоянные жестокие расправы, массовые казни, угон мирного населения в Германию, размах партизанского движения в Белоруссии принял поистине характер всенародного движения. Как известно, в ходе Белорусской операции на территории Белоруссии и северной Украины соединения и части белорусских и украинских партизан освободили и удерживали за собой многие населенные пункты и целые районы, захватили полный контроль над рядом участков важнейших коммуникаций врага, над многими крупными переправами на реках. Сила этого партизанского движения состояла в том, что им руководила Коммунистическая партия, обеспечивающая ему непосредственную и теснейшую связь с белорусским народом. Достаточно напомнить, что численный состав подпольной партийной организации Белоруссии за годы войны к началу Белорусской операции увеличился с 8500 до 25 152 членов и кандидатов в члены партии. В это время на территории оккупированной фашистами Белоруссии активно работали в составе партизанских отрядов и соединений 1113 и 184 территориальные первичные партийные организации, которыми руководили 9 подпольных обкомов, 174 горкома и райкома партии, имевшие постоянную связь с Центральным Комитетом партии. В то же время здесь действовали 10 подпольных обкомов ВЛКСМ, 12 горкомов, 194 райкома, которые объединяли 73 599 членов ВЛКСМ. Как уже говорилось ранее, перед наступлением советских войск по заданию Ставки белорусские партизаны усилили свои удары по тылам врага, заставившие гитлеровское командование дополнительно отвести с фронта ряд соединений для борьбы с ними. Нападая на тылы врага, партизаны все время держали его в напряжении. Только на двух участках железных дорог Вильнюс — Двинск и Молодечно — Вильнюс в период с 23-го по 30 июня партизаны пустили под откос девять немецких эшелонов с живой силой и техникой. В июле их действия еще более возросли. С 5-го по 8 июля белорусские партизаны пустили под откос 60 вражеских эшелонов. Потери, нанесенные врагу белорусскими партизанами, огромны. На протяжении всей операции партизаны всячески помогали нашему командованию и войскам, непрерывно снабжая их достоверными и очень ценными сведениями о группировках противника, громили его штабы, нарушали связь, а иногда и непосредственно действовали в бою совместно с частями Красной Армии. По мере продвижения наших войск многие партизанские отряды вливались в ряды действующей армии.

Выдающаяся победа советских войск в Белорусской операции явилась блестящим примером операции, выполняемой группой фронтов, в которой одна стратегическая задача решалась несколькими фронтами, причем задачи фронтов определялись с таким расчетом, чтобы осуществление их на одном этапе создавало выгодные условия для проведения новых, еще более грандиозных операций в последующем.

Приведенные в статье материалы от начала и до конца свидетельствуют о том, что стратегическое руководство вооруженной борьбой советских войск при проведении этой операции, как и в других крупных операциях Великой Отечественной войны, находилось всецело в руках Ставки Верховного Главнокомандования. Под ее непосредственным руководством, с привлечением Генерального штаба, представителей Ставки, военных советов участвовавших в ней фронтов, командования видов Вооруженных Сил и родов войск, главных и центральных управлений Наркомата обороны были разработаны принятые Ставкой замысел и план проведения этой операции.

Из тех же материалов мы видим, с каким неослабным вниманием следила за ходом операции Ставка, Верховный Главнокомандующий, от начала ее и до конца. Нельзя отрицать того, что успех этой операции, стремительное наступление наших войск, непрерывное наращивание силы их ударов по врагу во многом зависели от своевременного и правильного подключения в сражение соседних фронтов, от хорошо организованного Ставкой взаимодействия войск всех фронтов, участвовавших в операции и, наконец, от той твердой, настойчивой и непрерывной силы воли, которую неизменно чувствовали военные советы и войска фронтов со стороны руководящих органов на протяжении всей операции в борьбе за достижение поставленных целей.

Что касается степени результативности деятельности представителей Ставки при подготовке и в ходе проведения этой операции, то, на мой взгляд, приведенный в статье даже столь односторонний материал уже позволит читателю сделать соответствующие выводы.

Белорусская операция явилась новым, наглядным и неопровержимым доказательством беспредельной преданности советских людей своей советской Родине, партии, их готовности идти на все ради победы над врагом, чтобы достойно отстоять честь, свободу и независимость нашей Отчизны.

Победа в Белоруссии была поистине победой не только Красной Армии, но и всего советского народа. Обеспечив Красную Армию в необходимых для нее количествах первоклассной боевой техникой, снаряжением, боеприпасами, горючим, продовольствием, труженики советского тыла тем самым обеспечили историческую победу и в Белорусской операции.

Вдохновителем и организатором этой победы была Коммунистическая партия Советского Союза.

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

И. Х. БАГРАМЯН

ВОИНЫ-ПРИБАЛТИЙЦЫ В СРАЖЕНИЯХ ЗА БЕЛОРУССИЮ

ПЕРЕД ОПЕРАЦИЕЙ «БАГРАТИОН»

Зимой 1944 г. войска 1-го Прибалтийского фронта, которыми мне выпала честь командовать, вбили опасный для врага клин в оборону его войск между Полоцком и Витебском. Но тогда нам с нашим соседом — Западным фронтом — не удалось из-за отсутствия необходимых сил и средств окружить и уничтожить витебскую группировку противника. Впрочем, не только поэтому. Затишье в боевых действиях почти на всем советско-германском фронте позволяло немецкому командованию маневрировать резервами с других участков и относительно легко парировать наши не обладавшие достаточной мощью удары. Но мы не оставляли надежды при первой же возможности разгромить противостоящую группировку гитлеровцев.

В памятные дни воины 1-го Прибалтийского фронта, в тяжелых кровопролитных боях вступившие на землю Советской Белоруссии, горели желанием как можно скорее прогнать с нашей земли фашистскую нечисть. Помнится, все наши встречи с бойцами и командирами начинались, как правило, с вопросов: когда же мы ударим по врагу? Когда освободим наших братьев белорусов от ненавистной фашистской оккупации?

Три года белорусский народ ждал освобождения. Гитлеровцы, встречая героическое сопротивление советских людей, особенно со стороны многочисленных отрядов и соединений народных мстителей, создали в Белоруссии режим жесточайшего террора. Вся территория республики была покрыта сетью тюрем и концентрационных лагерей. Немецко-фашистские захватчики безуспешно пытались насилиями и жестокими истязаниями запугать и превратить белорусов в послушных рабов.

Особенно страстное нетерпение охватило воинов, когда они весной 1944 г. узнали, что гитлеровцы предприняли крупную карательную экспедицию против белорусских партизан, основавших в тылу оккупантов своего рода партизанскую республику со столицей в г. Ушачи. В этом районе действовало 16 партизанских бригад. Желание помочь доблестным партизанам было настолько велико, что даже мой старый друг начальник штаба фронта генерал В. В. Курасов, обычно всегда трезво оценивавший обстановку, на этот раз не выдержал и начал выдвигать идею немедленного наступления. Но по условиям сложившейся к тому времени обстановки это желание, к сожалению, было неосуществимым: наступила уже весенняя распутица, да и войска фронта еще не были готовы к проведению крупного наступления. Именно в этих неблагоприятно сложившихся для нас условиях гитлеровское командование решило нанести белорусским партизанам решительное поражение, чтобы к началу летней кампании 1944 г. ликвидировать их основные очаги у себя в тылу. Для ликвидации крупных сил партизан в районе Ушачей фашисты привлекли несколько охранных и пехотных дивизий. К счастью, врагу не удалось уничтожить партизанские соединения, действовавшие в этом районе, хотя наши партизаны не раз попадали в тяжелое положение.

На протяжении почти целого месяца партизаны мужественно отбивались от наседавших на них со всех сторон фашистских частей и соединений. Мы бесконечно были рады, когда узнали, что, объединившись под командованием своего прославленного вожака В. Е. Лобанка, они с боями вырвались из окружения.

Мне хорошо помнится, что в эту тяжелую пору Военный совет и штаб нашего фронта принимали все возможные меры, чтобы облегчить положение партизан в районе Ушачей. Наша помощь выражалась главным образом в том, что мы доставляли самолетами некоторые виды вооружения, боеприпасов, взрывчатку, средства радиосвязи, медикаменты и эвакуировали через линию фронта в тыл страны раненых и тяжелобольных партизан. Нередко по просьбе командования партизанских соединений им оказывали поддержку наши штурмовая авиация и ночные бомбардировщики, наносившие удары с воздуха по скоплениям фашистских войск.

Исключительную активность в эти трудные для партизан дни проявил прикомандированный к нашему фронту штаб по руко-

водству партизанским движением во главе с инициативным и дельным Чижиковым. С началом наступления Красной Армии партизаны оказывали войскам неоценимую помощь в наиболее ответственные моменты операции.

Весной 1944 г. в войска фронта все усиливавшимся потоком стало поступать людское пополнение, а также вооружение и боеприпасы. Мы поняли, что наступление не за горами и что можем рассчитывать на выполнение более крупных задач, чем разгром двух основных группировок противника в районах Витебска и Полоцка. И действительно, в начале мая мы получили общую ориентировку на предстоящее наступление. Согласно предложениям Генерального штаба, 1-му Прибалтийскому фронту в операции по освобождению Белоруссии надлежало силами 6, 11-й гвардейских и 43-й армии, 1-го танкового и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов прорвать оборону противника северо-западнее Витебска, форсировать Западную Двину и, прикрываясь со стороны Полоцка 4-й Ударной армией, наступать главными силами в направлении Лепель, Докшицы, Молодечно, а частью сил — в направлении Сенно с целью окружения и уничтожения витебской группировки противника во взаимодействии с войсками 3-го Белорусского фронта.

Мы приступили к детальной подготовке предстоящей операции. Соблюдая надлежащие меры скрытности, строго ограниченная группа генералов и офицеров фронтового управления под руководством Военного совета фронта начала изучать условия проведения операции. Большое внимание при этом уделялось нами уточнению группировки войск противника, выяснению системы огня и инженерного оборудования обороны, выбору участка прорыва. Конечно, не забыты были и такие важные вопросы, как доукомплектование войск личным составом, вооружением и транспортом, организация боевого сплочения частей и соединений, подготовка сети дорог, накопление материальных запасов.

В 20-х числах мая меня и члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта Д. С. Леонова вызвали в Москву. В столицу прибыли также командующие и члены военных советов Белорусских фронтов, войска которых должны были участвовать в операции с целью изгнания немецко-фашистских оккупантов из Белоруссии.

В первый день нашего пребывания в Москве нас пригласили в Генеральный штаб, где в течение дня заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А. М. Василевский и его заместитель генерал армии А. И. Антонов знакомили нас с основным замыслом операции, боевым составом и задачами фронтов. Затем они заслушали и обсудили соображения каждого командующего фронтом, чтобы перед докладом Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину определить окончательный, наиболее приемлемый вариант операции и в соответ-

ствии с ним уточнить роль, боевой состав войск и конкретную задачу каждого фронта.

По первоначальному варианту плана операции, получившей условное наименование «Багратион», цель ее состояла в том, чтобы ликвидировать так называемый белорусский балкон, обороняемый немецко-фашистскими войсками, и выйти на рубеж Дисна, Молодечно, Столбцы, Старобин. Замыслом предусматривался разгром фланговых группировок противника в районах Витебска и Бобруйска, глубокий охват обнажившихся флангов и прорыв центра его позиций с последующим развитием всеми четырьмя фронтами успеха по сходящимся направлениям на Минск. На правом крыле стратегического построения советских войск — с северо-востока на Минск нацеливались 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский фронты при ведущей роли первого фронта. В центре и на левом крыле должны были наступать 2-й и 1-й Белорусские фронты при главенствующей роли последнего фронта.

Таким образом, все четыре фронта, участвовавшие в операции, как видно из приведенного замысла, нацеливались на группу армий «Центр». Группа же армий «Север», обладавшая значительными силами и средствами, могла нанести мощный удар по правому крылу главной группировки советских войск, наступавших по сходящимся направлениям на Минск. Это положение усугублялось еще и тем, что наш сосед справа — 2-й Прибалтийский фронт под командованием генерала армии А. И. Еременко — в соответствии с решением Ставки переходил в наступление против группы армий «Север» значительно позже нас. Поэтому можно было предположить, что по мере продвижения ударной группировки 1-го Прибалтийского фронта на юго-запад его правый фланг неизбежно растянется далеко на восток, по южному берегу Западной Двины, и ему будут противостоять значительные силы 16-й полевой армии противника.

Становилось очевидным, что в таких условиях надежное обеспечение нашей главной группировки в Белоруссии от возможных ударов с севера потребует выделения из состава войск 1-го Прибалтийского фронта сильного прикрытия. Решение этой проблемы вполне естественно накладывало определенный отпечаток на роль и характер действий войск фронта в операции «Багратион».

Именно на обсуждении этого важного вопроса, поднятого по моей инициативе, представители Ставки сосредоточили особое внимание. Поскольку усилия войск 1-го Прибалтийского фронта в операции неизбежно раздваивались, маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский единодушно пришли к выводу, что ведущую роль на первом этапе операции «Багратион» на северном крыле нашей стратегической группировки следует отвести не 1-му Прибалтийскому фронту, как это намечалось предварительным замыслом Генерального штаба, а 3-му Белорусскому фронту, боевой состав которого нуждался в дополнительном усилении.

В результате напряженной работы, проведенной представителями Ставки с участием командующих фронтами, были внесены соответствующие изменения и дополнения в план и замысел операции.

Окончательный вариант замысла операции сводился по существу к следующему. Сначала предусматривалось разгромить фланговые группировки противника, занимавшие белорусский выступ и сконцентрированные в основном в районах Витебска и Бобруйска. Разгром этих группировок, образно говоря, открывал для наших наступавших войск широкие ворота на территорию белорусского выступа. Распахнув их, войска 3-го и 1-го Белорусских фронтов должны были в последующем охватывающими ударами в общем направлении на Минск окружить минскую группировку и освободить столицу Белоруссии. 2-му Белорусскому фронту предстояло фронтальным наступлением в общем направлении Могилев, Минск сковать возможно больше сил из состава группы армий «Центр» и всемерно содействовать осуществлению намеченного для 3-го и 1-го Белорусских фронтов замысла по окружению и уничтожению минской группировки противника.

В связи с этим состав ударных группировок 3-го и 1-го Белорусских фронтов был значительно усилен. По этой же причине нашему соседу слева была передана 11-я гвардейская армия и 3-й гвардейский кавалерийский корпус, включенные по первоначальным наметкам плана операции в состав 1-го Прибалтийского фронта. Кроме того, ему же передавались из резерва Ставки 2-й гвардейский танковый Тацинский, 3-й гвардейский механизированный корпуса и позднее 5-я гвардейская танковая армия.

Значительно изменились и задачи 1-го Прибалтийского фронта. Если по первоначальным наметкам войска фронта должны были после выполнения ближайшей задачи наносить глубокий удар в юго-западном направлении на Молодечно, то теперь им надлежало наступать на запад, в полосе к югу от Западной Двины, чтобы, участвуя главными силами фронта в разгроме войск 3-й танковой армии, частью сил прикрыться с севера от возможных ударов 16-й полевой армии группы армий «Север» во фланг тыла нашей главной группировки.

На следующий день в Ставке, в Кремле, собрался высокоавторитетный и строго ограниченный по составу участников совет. Кроме Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, здесь были Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и А. М. Василевский, назначенные представителями Ставки для координации действий фронтов в операции; заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов; командующие фронтами: генерал армии К. К. Рокоссовский (1-й Белорусский фронт), генерал-полковник И. Д. Черняховский (3-й Белорусский фронт), автор этих строк (1-й Прибалтийский фронт) и соответственно члены военных советов трех перечисленных фронтов:

генерал-лейтенант Н. А. Булганин, генерал-лейтенант В. Е. Макаров, генерал-лейтенант Д. С. Леонов. При обсуждении вопросов использования в предстоящей операции различных родов войск и их материально-технического обеспечения к работе совещания привлекались Главный маршал артиллерии П. Н. Воронов, маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, Главный маршал авиации А. А. Новиков, маршал бронетанковых войск Я. Н. Федоренко, маршал инженерных войск М. П. Воробьев, маршал войск связи И. Т. Пересыпкин и генерал армии А. В. Хрулев.

Уточненный замысел и общие наметки плана Белорусской наступательной операции докладывал генерал армии А. И. Антонов.

В обсуждении плана операции активно участвовали оба представителя Ставки Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и А. М. Василевский. В высказанных ими соображениях речь шла о том, как эффективнее добиться разгрома главных сил группы фашистских армий «Центр», прочно укрепившихся на белорусской земле. Они сделали весьма важное предложение. Поскольку противник в обороне белорусского выступа имел неглубокое, по сути дела одноэшелонное построение войск, без наличия в глубине своего оперативного расположения крупных резервов, Жуков и Василевский совершенно правильно предлагали всем нашим фронтам с началом перехода в наступление ввести в сражение максимум сил и средств, с тем чтобы быстро и решительно расчленить и разгромить основные силы немецко-фашистских войск, вытянутых по всему фронту в один эшелон. Разгром подобным образом главных сил оборонявшегося противника открывал в последующем весьма благоприятные условия для развития стремительного наступления наших войск вплоть до достижения конечной цели операции.

Свое мнение по существу предстоявшего наступления высказали все командующие фронтами. Начали с меня, как с «правофлангового».

Я, как и все участники совещания, в целом выразил удовлетворение основной идеей, заложенной в замысле, и исключительно активными целями операции. Затем кратко доложил Верховному Главнокомандующему свое решение по организации прорыва обороны противника и развитию наступления в оперативной глубине. И. В. Сталин одобрил мое решение, но обратил внимание, что намечаемый участок прорыва обороны противника слишком широк для двух армий. Выслушав мое обоснование для определения такого широкого фронта прорыва, Верховный предложил мне по возвращении на фронт еще раз на местности проанализировать этот вопрос и принять окончательное решение.

Затем со своими предложениями и замечаниями выступили другие командующие фронтами.

Все участники совещания внесли свою лепту в разработку замысла этой выдающейся наступательной операции. Результаты

совещания ярко показали неоценимую пользу коллективного обсуждения оперативных и стратегических замыслов.

Возвратившись с совещания, мы с членом Военного совета фронта генерал-лейтенантом Д. С. Леоновым пригласили к себе для информации о предстоящей задаче начальника штаба фронта генерал-лейтенанта В. В. Курасова, командующего артиллерией генерал-лейтенанта Н. М. Хлебникова, командующего бронетанковыми и механизированными войсками генерал-лейтенанта К. В. Скорнякова, начальника инженерных войск генерал-лейтенанта В. В. Косырева, командующего 3-й воздушной армией генерал-лейтенанта Н. Ф. Папивина, начальника тыла генерал-лейтенанта Д. И. Андреева, начальника оперативного управления генерал-майора Ф. Н. Бобкова и начальника разведки полковника А. А. Хлебова.

Мое сообщение о принятом Ставкой решении наступать доставило собравшимся искреннюю радость. В соответствии с полученными в Ставке указаниями подготовка войск к наступлению возобновилась с новой силой.

31 мая мы получили директиву Ставки Верховного Главнокомандования, согласно которой войскам фронта предстояло во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом «форсировать р. Зап. Двина и овладеть районом Бешенковичи. Частью сил во взаимодействии с правым крылом 3-го Белорусского фронта разгромить витебскую группировку противника и овладеть городом Витебск. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Лепель, прочно обеспечивая главную группировку фронта с полоцкого направления» [1].

Для выполнения этой задачи мы располагали тремя общевойсковыми и одной воздушной армиями, одним отдельным стрелковым и одним танковым корпусами фронтового подчинения. Во главе их стояли испытанные в сражениях генералы и, я бы сказал, по-настоящему талантливые военачальники.

4-й Ударной армией командовал генерал-лейтенант П. Ф. Малышев. Он обладал большой проницательностью, выдержкой и железным упорством в достижении поставленной цели. Участвуя в боях с лета 1941 г., он выдержал тяжелые испытания — кошмар окружений и горечь отступления; не раз находился на волосок от гибели. Петр Федорович Малышев блестяще проявил свои военные способности в последующих боях.

6-ю гвардейскую армию возглавлял герой Курской битвы генерал-лейтенант Иван Михайлович Чистяков — неизменно жизнерадостный, стремительный. Много крови попортили фашистским воякам соединения 6-й гвардейской.

Войсками 43-й армии руководил самый молодой из командармов по возрасту, но не по боевому опыту генерал-лейтенант Афа-

[1] Архив МО СССР, ф. 132 А, оп. 2642, д. 13, л. 214.

насий Павлантьевич Белобородов. Кто не слышал о прославленной стрелковой дивизии генерала Белобородова, ставшей гвардейской в боях под Москвой в 1941 г.? Стройный, подтянутый, небольшого роста, генерал поражал своей неистощимой энергией и смелостью решений.

3-й воздушной армией командовал опытный военачальник генерал Н. Ф. Папивин.

1-й танковый корпус возглавлял испытанный в боях генерал В. В. Бутков.

Стрелковыми корпусами и дивизиями также командовали умудренные боевым опытом генералы и офицеры.

Все первые 20 дней июня штабы и войска напряженно готовились к наступлению. Отлично справились со своей задачей разведчики фронта. К началу операции мы имели точные сведения о составе 16-й полевой армии группы армий «Север» и 3-й танковой армии группы армий «Центр», оборонявшихся перед нами.

Было установлено, что противник в полосе предстоящего наступления фронта располагает 12 дивизиями, 2 дивизионными группами, 10 отдельными охранными полками и свыше 40 батальонами различного назначения. В первом эшелоне оборонялись пять пехотных, авиаполевая дивизии и две дивизионные группы; остальные силы эшелонировались в глубину. Основная часть этих войск группировалась в районе Полоцк — Лепель — Глубокое (70 км северо-западнее Лепеля). Большая часть резервов 3-й танковой армии также находилась в полосе наступления нашего фронта.

Вражеские войска опирались на весьма развитую, преимущественно сплошную траншейную, глубоко эшелонированную оборону, готовившуюся в течение многих месяцев. Кроме второй оборонительной полосы, в глубине противник подготовил рубежи по левому берегу Западной Двины и по линиям Полоцк, Лепель и Даугавпилс (Двинск), оз. Нарочь.

Особенно сильно в инженерном отношении были укреплены Витебск и Полоцк. Насыщенные большим количеством долговременных сооружений, они представляли собой своеобразные крепости, удерживать которые Гитлер приказал любой ценой.

Командованию фронта стало известно, что стык двух групп фашистских армий проходит северо-западнее Витебска. Именно здесь и был намечен наш главный удар.

Много бессонных ночей просидели мы с начальником штаба генералом Курасовым над планом операции, ломая голову над различными проблемами. Перед нами было столько «подводных камней», о которые мог бы разбиться наш наступательный корабль, если не принять надлежащих мер. Не только оборона гитлеровцев, но и сама местность, невыгодная для наступающих, доставляла немало забот. Особенно тревожила Западная Двина, которую войска фронта должны были форсировать в ходе наступ-

ления, а также район между Полоцком и Лепелем, сильно пересеченный лесисто-болотистыми массивами, с многочисленными дефиле и весьма ограниченной сетью дорог.

По установившимся к тому времени взглядам, прочную долговременную оборону противника в благоприятных условиях местности обычно прорывали на сравнительно узком участке (в среднем от 5 до 7 км на армию). Но болотистая местность сама по себе резко снижала возможность развертывания войск и средств их усиления для осуществления прорыва обороны противника. Кроме того, она до предела ограничивала при узких участках прорыва свободу маневра наступавших. Учитывая все это, командование фронта после повторного тщательного изучения местности решило значительно расширить участок прорыва, доведя его до 25 км на две армии.

Главный удар наносился смежными флангами 6-й гвардейской и 43-й армий в общем направлении на Сиротино, Шумилино, Бешенковичи, Лепель. Ближайшая задача — во взаимодействии с 39-й армией 3-го Белорусского фронта частью сил окружить и уничтожить витебскую группировку противника; главными силами с ходу форсировать Западную Двину и овладеть плацдармом на ее левом берегу. В дальнейшем имелось в виду разгромить лепельскую группировку гитлеровцев, развивать наступление главными силами в направлении на Свенцяны, а остальными окружить и уничтожить полоцкую группировку.

К участию в прорыве привлекались четыре стрелковых корпуса 6-й гвардейской армии и два — 43-й, а также 3-я воздушная армия, все резервы и танковый корпус. Таким образом, мы решили сосредоточить к участку прорыва, составлявшего по протяженности лишь 15% всей полосы действий фронта, 75% стрелковых дивизий, все танковые, самоходно-артиллерийские части и 90% артиллерии.

Массирование сил и средств на участке прорыва обеспечило здесь подавляющее превосходство над противником. Ударная группировка фронта превосходила противника в людях в 3 раза, в артиллерии, танках и авиации — в 3—6 раз.

На остальном 135-километровом участке фронта мы оставили всего одну четвертую часть стрелковых дивизий, войска одного укрепленного района и стрелковую бригаду. Но даже из этих более чем скромных сил генералы П. Ф. Малышев (4-я Ударная армия) и А. П. Белобородов (43-я армия) сумели создать два увесистых «кулака» для удара по фашистам.

Выбор направления главного удара оказался, как свидетельствовал потом сам ход наступления, исключительно удачным. Противник сосредоточил свои основные усилия на удержании районов Полоцка и Витебска, а удар последовал в промежутке между ними, там, где враг меньше всего ожидал его.

Командование фронта делало все, чтобы наступление наших войск оказалось внезапным для фашистов. И оно стало таким.

Следуя моим указаниям, штаб фронта под руководством генерала В. В. Курасова сумел не только разработать план операции, четко спланировать большую перегруппировку войск, подготовить в инженерном отношении исходное положение войск для наступления, организовать своевременный и четкий выход войск ударной группы в назначенные районы и рубежи, но и обеспечить скрытное осуществление всех этих мероприятий от наземной и воздушной разведки противника. Это не мог скрыть впоследствии один из участников битвы в Белоруссии гитлеровский генерал К. Типпельскирх. «Особенно неприятным,— писал он,— было наступление северо-западнее Витебска, так как оно в отличие от ударов на остальном фронте явилось полной неожиданностью...» [2].

Славному боевому соратнику В. И. Чапаева генералу Н. М. Хлебникову и его штабу удалось не только скрытно и своевременно сосредоточить к участку прорыва около 4 тыс. орудий и минометов, но и весьма эффективно спланировать мощное подавление всей системы обороны противника во взаимодействии с фронтовой авиацией. Особенно четко действовали в период подготовки операции гвардейские минометчики под командованием генерала Бажанова.

Усилиями неутомимого, оперативно и технически грамотного командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-лейтенанта танковых войск К. В. Скорнякова танковые и самоходно-артиллерийские части и соединения своевременно и организованно заняли свои районы сосредоточения и исходные позиции.

Блестяще справились со своими задачами командующий 3-й воздушной армией генерал-лейтенант Н. Ф. Папивин, опиравшийся на хорошо сколоченный штаб во главе с исключительно работоспособным генералом Н. П. Дагаевым, а также начальник инженерных войск генерал В. В. Косырев, начальник войск связи генерал-майор К. А. Бабкин. Большой важности работу по тыловому обеспечению войск провел штаб и все службы тыла во главе с начальником тыла фронта генерал-лейтенантом Д. И. Андреевым. К началу операции обеспеченность войск фронта была доведена: по боеприпасам — до 4,2 боекомплекта, по дизельному топливу 7,6, авиагорючему —9,2 и автогорючему —4,1 заправки, по продовольствию — 16—22 сутодач.

От организаторской деятельности перечисленных генералов и их подчиненных, от их усилий целиком зависел успех предстоящего наступления. И надо сказать, что все они полностью справились с возложенными на них задачами.

Огромный вклад в подготовку победы внесли наши партийно-политические работники во главе с членом Военного совета генерал-лейтенантом Д. С. Леоновым, которого я всегда считал об-

[2] *К Типпельскирх.* История второй мировой войны. М., 1956, стр. 443.

разцом политического работника. Партийно-политическая работа в войсках имела четкую идейную направленность и конкретность, благодаря чему к началу операции бойцы и командиры жили одним стремлением — поскорее ударить по врагу.

Активно трудился большой отряд агитаторов из числа наиболее авторитетных, прославившихся в боях воинов. Только в одной 6-й гвардейской армии агитаторов было свыше 2,5 тыс. человек, из них 86% — коммунисты и комсомольцы, 64% — награжденные орденами и медалями.

Сохранилась запись беседы бывалого солдата 210-го гвардейского полка Сафронова. Он говорил молодым воинам: «Бой — это такая штука, где душу человека видно насквозь. Если заколебался в бою — конец тебе. Мы, пехота, должны помнить: артиллерийский обстрел — это половина дела; венец всему — рукопашная схватка. Выходит, мы, пехотинцы, венчаем бой и закрепляем успех. Поэтому мы должны отлично владеть своим оружием, быть смелыми, дерзкими и умелыми воинами. Рукопашный бой короткий, и победителем из него выходит тот, кто не только знает технику боя: умеет стрелять, владеет штыком и гранатой, лопатой,— но и у кого нервы крепче. Смелый всегда побеждает. Фашисты боятся смелых, а напуганный враг — наполовину побежден».

С большим вниманием слушали такие бесхитростные рассказы молодые бойцы, и чувствовалось, что они до глубины души трогают их.

Накануне наступления во всех частях прошли короткие митинги с выносом боевых знамен. Высокий боевой накал ощущался в выступлениях бойцов. Наиболее яркие выступления распространялись потом в виде листовок среди личного состава дивизий. И они долго не забывались.

Эти выступления воспламеняли сердца людей лютой ненавистью к врагу. И все воины фронта, от солдата до генерала, с нетерпением ждали часа наступления.

Немало волнения вызвала у нас весть о приезде на фронт представителя Ставки Верховного Главнокомандования Маршала Советского Союза А. М. Василевского. В каждой части бойцы думали: именно к нам-то товарищ Василевский наверняка заглянет. Ну и, конечно, с еще большим старанием готовились к боям.

Александр Михайлович действительно побывал в частях, но больше всего тормошил он нас — командующих и штабы, вникая во все детали плана предстоящего наступления и готовности войск.

Готовностью войск он остался доволен, а план прорыва ему сначала не совсем по душе пришелся. Он считал, что мы наметили слишком широкий участок для прорыва. Но, внимательно выслушав наши доводы, оценив создавшуюся обстановку, Александр Михайлович разрешил ничего в плане не менять.

Нетрудно себе представить, с каким волнением после этого мы стали ожидать наступления. А тут как назло прошли проливные дожди, которые в условиях Белоруссии, где влаги хватало и так, являлись настоящим бедствием для наступавших. К счастью, накануне операции дожди прекратились, погода стала налаживаться.

У нас не было полной уверенности, что нам удалось обмануть противника, и поэтому мы основательно опасались, что фашистское командование, догадавшись о готовящемся ударе, отведет свои главные силы в глубь обороны, оставив впереди только прикрытие.

Чтобы не попасть в ловушку и не выпустить драгоценные боеприпасы по пустому месту, мы решили прощупать врага силами только разведывательных отрядов — передовых батальонов, выделенных от всех дивизий первого эшелона.

ЗА КАЖДУЮ ПЯДЬ — ЖЕСТОКИЙ БОЙ

22 июня, когда чуть рассвело, я с группой командиров прибыл на свой наблюдательный пункт, чтобы руководить боем разведывательных отрядов. Вследствие тумана местность просматривалась плохо. Но вот из-за горизонта прорвалось солнце, и туман начал медленно рассеиваться.

22 июня... Ровно три года назад фашистские полчища вторглись в пределы нашей Советской Родины. Тогда они наступали нагло, самоуверенно. Сейчас они в обороне, пытаются отсидеться. Наша мощь многократно возросла. Мы уже отогнали фашистов далеко на запад, подготовились к тому, чтобы вышвырнуть их из пределов нашего Отечества.

К 5 часам видимость была уже сносной.

Я оглянулся на нетерпеливо посматривавшего на меня командующего артиллерией Н. М. Хлебникова и негромко сказал:

— Пора начинать. Подавайте команду для открытия огня!

Николай Михайлович немедленно подал условный сигнал.

Ровно в 5 часов раздались залпы нашей артиллерии. На 16-й минуте канонада достигла апогея. Генералы Чистяков и Белобородов доложили: батальоны пошли в атаку.

Противник молчал. Что это — то ли нам удалось застать его врасплох, то ли он готовит нам сюрприз? Однако вскоре со стороны переднего края обороны гитлеровцев раздались первые пулеметные очереди, послышались завывания шестиствольных минометов. Огонь все нарастал, и по его интенсивности мы поняли, что главные силы врага находятся на прежнем месте.

Признаться, в то время и в штабе фронта, и в войсках было немало противников проведения разведки боем силами передовых батальонов накануне общего наступления. Поэтому с началом разведки боем некоторые генералы и офицеры стали сомневаться в успехе. Высказывалось даже мнение, что начавшиеся

боевые действия раскроют оборонявшимся наши планы. Я был глубоко убежден в обратном, однако подобные разговоры влияли отнюдь не успокаивающе, и поэтому я с облегчением вздохнул, когда через час в телефонной трубке послышался радостный голос командующего 6-й гвардейской армией:

— Товарищ командующий! Бойцы Ручкина[3] ворвались на первую позицию и громят фашистов в трех опорных пунктах. Захвачены пленные.

Через некоторое время первые пленные были доставлены на наблюдательный пункт. Допрос их подтвердил имевшиеся у нас данные о группировке врага и начертании рубежей его обороны. Пленные заявили, что артиллерийский налет и последовавшую за ним атаку передовых батальонов они приняли за начало общего наступления советских войск.

Минут через десять генерал Белобородов доложил, что и на его участке батальонам 1-го стрелкового корпуса генерала Н. А. Васильева удалось ворваться в первую траншею противника.

К 8 часам утра гитлеровцы оправились от ударов. На нашем наблюдательном пункте беспрерывно звонили телефоны. То один, то другой командарм докладывал о новых контратаках тактических резервов врага. Разгорелся ожесточенный огневой бой за первую оборонительную позицию. То там, то здесь он переходил в яростные рукопашные схватки.

На правом фланге участка прорыва противник все же не смог устоять. И тогда командир 22-го гвардейского стрелкового корпуса неизменно спокойный Архип Иванович Ручкин, видя, что вражеская оборона серьезно нарушена, смело ввел в бой свежие батальоны из состава главных сил. Это и решило успех. Фашисты начали в беспорядке отходить. Преследуя их, батальоны генерала Ручкина вклинились в расположение противника на глубину от 4 до 7 км. Первая полоса обороны гитлеровцев в некоторых местах оказалась прорванной.

На участках корпусов генералов А. Н. Ермакова[4] и Н. А. Васильева бой к концу дня затих на первой позиции. Противники словно замерли в смертельном объятии, не отпуская друг друга.

Стало темнеть. Враг не ослаблял сопротивления. Не только огнем, но и контратаками он стремился выбить наши вклинившиеся подразделения. Командование фронта понимало, что такой активностью противник может замаскировать отвод своих основных сил на подготовленные позиции в глубине обороны. Чтобы не допустить этого, мы двинули вперед подготовленные для ночного боя подразделения, которые в течение всей ночи держали врага, что называется, за горло. А в это время его боевые порядки подвергались непрерывным ударам наших ночных бомбардировщиков По-2.

[3] Генерал А. И. Ручкин — командир 22-го гвардейского стрелкового корпуса.

[4] Командир 23-го гвардейского стрелкового корпуса.

К утру 23 июня начальник разведки полковник А. А. Хлебов доложил мне, что на отдельных участках прорыва фашистские солдаты стали покидать занимаемые позиции. Перед нами снова встала дилемма: начинать запланированную артиллерийскую подготовку или, воспользовавшись растерянностью противника, немедленно ударить всеми силами, поддержав их массированным огнем артиллерии и авиации?

В 4 часа утра, оценив обстановку, мы решили проводить артиллерийскую подготовку только на тех участках, где оборона гитлеровцев не нарушена, а там, где наши войска вторглись в расположение врага, не теряя времени, начать атаку при поддержке огня артиллерии и ударов штурмовой авиации с воздуха.

В 6 часов утра генерал Чистяков доложил, что его 22-й и 23-й гвардейские стрелковые корпуса при поддержке массированного огня артиллерии и штурмовой авиации пошли в атаку.

Часом позднее позвонил генерал Белобородов:

— Васильев и Люхтиков[5] после мощной авиационной и артиллерийской подготовки начали атаку и успешно продвигаются вперед.

Через три часа генерал Чистяков сообщил, что главный узел сопротивления противника в центре участка прорыва — Сиротино — под ударами частей 23-го гвардейского стрелкового корпуса и при поддержке правофланговых дивизий 43-й армии пал.

— Ну, все, кажется, идет по плану,— радостно произнес генерал В. В. Курасов.

Однако успокаиваться было рано. С подходом наступавших войск к железной и шоссейной дорогам, связывающим Полоцк и Витебск, упорство гитлеровцев возросло. Продвижение наших частей замедлилось. Каждая деревушка, каждая высота, каждая пядь земли доставались в результате ожесточенного боя.

Я приказал командующим воздушной армией и артиллерией фронта максимально усилить удары по противнику, закрепившемуся на второй (тыловой) оборонительной полосе. Одновременно распорядился выдвинуть для ввода в прорыв 1-й танковый корпус генерал-лейтенанта В. В. Буткова.

Бойцы и командиры наступавших частей были широко оповещены о большом значении для хода всей операции быстрого прорыва второй оборонительной полосы. По подразделениям мгновенно распространились листовки-«молнии». В них говорилось, что фашисты пытаются удержать линии железной и шоссейной дорог Витебск — Полоцк, чтобы увести свою живую силу и технику. Надо не дать им уйти, надо перерезать врагу пути отхода. Эти обращения сыграли большую мобилизующую роль. Воины действовали стремительно, смело.

[5] Генерал-майор А. С. Люхтиков — командир 60-го стрелкового корпуса 43-й армии.

Наиболее ожесточенный бой разгорелся за крупный опорный пункт противника Шумилино. Здесь, как и при овладении Сиротино, фашисты были буквально ошеломлены метким и точным шквальным огнем реактивной артиллерии генерала Бажанова.

При поддержке артиллерии левофланговые соединения 23-го гвардейского стрелкового корпуса и части 306-й стрелковой дивизии (1-й стрелковый корпус) генерала М. И. Кучерявенко атаковали этот мощный узел вражеской обороны с трех сторон. Однако фашисты продолжали упорно сопротивляться.

Первая трещина в обороне гитлеровцев появилась на участке 935-го стрелкового полка. Первые атаки его подразделений, наступавших на Шумилино с востока, были отбиты. Тогда полковые артиллеристы на руках выкатили орудия в боевые порядки пехоты и ударили прямой наводкой по вражеским дзотам. Огонь противника сразу же резко ослаб. И как раз в это время произошло волнующее событие. Над одним из наиболее высоких домов в тылу врага взвился и заколыхался на ветру красный флаг. Воины, как по команде, вскочили и с криком «ура!» бросились вперед. Их уже ничто не могло остановить.

После боя выяснилось, что в Шумилино незаметно просочилась группа бойцов во главе с сержантом Сахатовым. Отчаянный сержант проник на крышу дома и привязал к трубе красный флаг. Это вызвало огромную панику среди фашистов. Им показалось, что советские войска уже у них в тылу.

Повсюду самоотверженно и умело сражались наши воины. Поэтому и на второй оборонительной полосе противник не выдержал яростных атак. Он в панике отступал к Западной Двине. Гитлеровцев подгоняла с воздуха наша штурмовая авиация.

Преследуя врага, войска 6-й гвардейской и 43-й армий к исходу первого дня наступления на направлении главного удара продвинулись на 15—18 км и полностью прорвали тактическую оборону противника. На очереди была Западная Двина. Эта река к югу от Полоцка является мощной водной преградой. Нашим передовым частям оставалось пройти до нее всего 18—20 км.

Собравшись на командном пункте, мы с генералами Курасовым, Хлебниковым, Папивиным и Скорняковым напряженно думали о том, как упредить гитлеровцев в выходе на этот рубеж. Было над чем задуматься. Только что начальник штаба воздушной армии генерал-майор Н. П. Дагаев доложил, что летчики обнаружили движение к реке с юго-запада многочисленных колонн противника. Да и отходившие фашистские части, если бы им удалось оторваться от нас и переправиться за реку, могли надолго задержать наступавших.

Мелькнула мысль: ускорить ввод танкового корпуса генерала Буткова.

— Куда сейчас вышли его передовые части?— спрашиваю у начальника штаба.

Генерал Курасов моментально отвечает:

— Передовые отряды генерала Буткова находятся в боевых порядках стрелковых дивизий, а главные силы отстали. Вот Федор Николаевич,— Курасов кивнул в сторону стоявшего рядом начальника оперативного управления генерала Ф. Н. Бобкова,— говорит, что колесные машины еле тащатся по непролазной грязи. Даже танки с трудом идут.

После недолгого раздумья пришел к выводу: вводить сейчас корпус неразумно — придется освободить ему и без того малочисленные дороги, а это сразу же затормозит продвижение успешно наступавших стрелковых дивизий и задержит переправочные средства. Кроме того, выход танковых частей к реке ничего не даст, форсировать водную преграду до подхода пехоты они не смогут. Принял решение: внести поправку в план наступления — танковый корпус не вводить, а принять все меры к тому, чтобы стрелковые соединения ускорили темп наступления, не задерживаясь даже ночью. А как только они захватят плацдарм на Западной Двине, начать переправу танкового корпуса.

Генералам Белобородову и Чистякову немедленно были отданы приказания ночью продолжать наступление передовыми частями стрелковых соединений и к утру 24 июня захватить плацдармы на противоположном берегу Западной Двины. Представляя, какая суматоха творится сейчас на дорогах, я предупредил командующих армиями, чтобы они взяли под личный контроль своевременный выход к реке переправочных средств.

Всю ночь ни на час не пришлось сомкнуть глаз. Отовсюду шли тревожные донесения: в кромешной тьме на дорогах образуются «пробки», машины буксуют, тяжелые переправочные средства приходится тянуть буквально на руках. К тому же на пути попадаются отходящие группы гитлеровцев и надо успевать расправляться с ними.

Вот когда я особенно остро почувствовал, как необходимы штатные дорожно-комендантские части. Дело в том, что имевшихся во фронте дорожно-эксплуатационных частей не хватало и поэтому службу регулирования в ряде случаев осуществляли у нас строевые части, выделенные армиями. Едва их соединения проходили — подразделения, регулировавшие движение, снимались и пускались вдогонку за своими частями. Как будут идти следом другие — их уже не интересовало. А будь у нас достаточное количество специальных дорожно-комендантских частей, они регулировали бы движение всей группировки войск и, конечно, порядка было бы больше. Но коль их не хватало, пришлось, скрепя сердце, потребовать от командармов выделить регулировщиков за счет боевых частей.

В 12 часов дня 24 июня Иван Михайлович Чистяков радостно доложил:

— Орлы генерала Ермакова черпают воду из Западной Двины!

— Отлично,— отвечаю,— а плацдарм захватили?

— Захватили, товарищ командующий, не напрасно столько трудились.

Да, к форсированию реки войска фронта готовились тщательно. Учились преодолевать водные преграды не только на табельных, но и на подручных средствах. И вот, несмотря на то что переправочные средства и артиллерия застряли в дороге, вышедшие к Западной Двине подразделения без промедления приступили к форсированию реки. Первым с ходу начал переправу учебный батальон 67-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора А. И. Баксова.

Командир батальона капитан И. П. Украдыженко от скрывавшихся в лесу жителей д. Буй — Глушника, Якуты, Глушнева и Скобовой узнал о наиболее удобных для переправы местах, они же помогли перевезти бойцов на лодках и плотах.

Первыми на вражеский берег высадилась группа смельчаков, состоявшая из коммунистов и комсомольцев. Возглавляли группу старшие лейтенанты Вербицкий, Котляр и лейтенант Александров. Отважные пулеметчики Герасименко, Трифонов, Хмельницкий и Иванишко сумели благополучно переправить станковые пулеметы. Они установили их на самодельные плотики, а затем, захватив с собой конец кабеля под огнем противника вплавь переправились через Западную Двину и подтянули плотики. Пулеметчики помогли группе смельчаков отразить контратаку фашистов и прикрыть огнем переправу главных сил батальона. Через час весь учебный батальон находился уже на противоположном берегу.

Коммунисты и комсомольцы были душой этой блестящей переправы. Вот красноречивые цифры: из 16 человек, представленных в этом батальоне к присвоению звания Героя Советского Союза, 10 человек были коммунистами, а все остальные — комсомольцами.

Горячо поздравив генерала Чистякова с удачным началом, я потребовал ускорить форсирование Западной Двины, пока противник не опомнился. Командарм заверил, что все уже делается: в прибрежных деревнях собираются лодки, вяжутся плоты из бочек и бревен.

Я поинтересовался, как идут дела в 22-м гвардейском и 103-м стрелковом корпусах. Командарм доложил, что соединения генерала Ручкина успешно продвигаются на полоцком направлении, а главные силы генерала Федюнькина увязли в мелких стычках с отходящим противником в болотистых лесах северо-восточнее Улла; передовые части корпуса находятся в 5—6 км от реки. Я приказал передать генералу Федюнькину не ввязываться в лесные бои, немедленно прорываться к Западной Двине и захватить плацдарм в районе Улла. Выслушав меня, генерал Чистяков сказал, что он сейчас же выедет в район уже начавшегося форсирования, а начальника штаба армии генерала В. А. Пеньковского направит в 103-й стрелковый корпус, чтобы помочь «протолкнуть» его к реке. Я высоко ценил этого исключительно

энергичного генерала, но все же меня не покидало беспокойство. Для этого были серьезные основания. Ведь настал момент, когда решалась судьба операции. Я уже говорил, что если бы мы не успели быстро переправиться через Западную Двину, то противник сумел основательно закрепиться на ней, и тогда длительная остановка оказалась бы неизбежной. А это было чревато опасными последствиями. Задержка войск 1-го Прибалтийского фронта поставила бы в таком случае в трудное положение войска 3-го Белорусского фронта, успешно наступавшие на минском направлении навстречу 1-му Белорусскому фронту с целью окружения главных сил 4-й немецкой армии восточнее Минска.

Разобравшись с положением дел в 6-й гвардейской армии, я переключил свое внимание на левофланговую 43-ю армию, которая 1-м и 60-м корпусами успешно развивала наступление в обход Витебска. По последним данным, передовые части этой армии находились уже на подступах к Западной Двине, северо-восточнее Бешенковичей. Связаться с генералом Белобородовым мне не удалось — он выехал в 60-й стрелковый корпус, чтобы на месте проконтролировать организацию форсирования реки с ходу. Я приказал начальнику штаба генерал-майору Ф. Ф. Масленникову передать командующему, что жду немедленного доклада о ходе форсирования.

В это время позвонил Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Выслушав мою информацию о положении войск, он предупредил:

— Учтите, Иван Христофорович, сейчас важнее всего успеть переправиться через Западную Двину правофланговыми соединениями генерала Белобородова. Именно от этого будет зависеть исход окружения витебской группировки. Соединения генерала И. И. Людникова[6] уже обошли Витебск с юго-востока и устремились на Гнездиловичи. Мы имеем сведения, что фашистское командование уже второй раз обратилось к Гитлеру с просьбой разрешить отход из витебского «мешка», пока советские войска не завязали его. Но не Гитлер, а мы должны решить судьбу этой группировки. В любом случае нужно не выпустить фашистов. Это зависит от быстрых действий товарища Белобородова. Окажите ему помощь и добейтесь, чтобы его войска не позже исхода завтрашнего дня не только были на том берегу, но и соединились с войсками товарища Людникова.

После разговора с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским мне удалось наконец связаться с командующим 43-й армией. Генерал Белобородов доложил, что наступление развивается успешно: передовые части 1-го и 60-го стрелковых корпусов прорвались к реке северо-восточнее Бешенковичей и начали форсирование реки с ходу, несмотря на то что артиллерия и тяжелые переправочные средства отстали. Части 92-го стрел-

[6] Командующий 39-й армией 3-го Белорусского фронта.

кового корпуса ворвались на северо-западную окраину Витебска.

Передав командарму разговор с А. М. Василевским, я предупредил, что завтра в первой половине дня нужно во что бы то ни стало соединиться с войсками 39-й армии и замкнуть кольцо окружения вокруг витебской группировки. Я сказал также, что временное отсутствие артиллерии мы восполним на первых порах выделением армии основных сил авиации. Командарм заверил, что завтра его войска выйдут в район Гнездиловичей навстречу 39-й армии.

До конца дня я внимательно следил за ходом событий в районах начавшегося форсирования реки севернее и северо-восточнее Бешенковичей. События там развертывались примерно в такой последовательности. За учебным батальоном 67-й гвардейской стрелковой дивизии, о котором я уже говорил выше, к реке подошел 201-й гвардейский стрелковый полк, которым командовал подполковник Г. А. Иноземцев. И он блестяще осуществил форсирование. Первыми реку преодолели разведчики капитана Прохорова и 25 бойцов во главе со старшим лейтенантом Турушевым.

Закреплению плацдарма способствовала быстрая переправа противотанкового дивизиона майора Лященко. Артиллеристы приняли на себя основную тяжесть первых танковых контратак противника. Столь же стремительно форсировали Западную Двину части 71-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора И. П. Сивакова.

Захваченный дивизиями 23-го гвардейского стрелкового корпуса плацдарм был удержан и расширен, несмотря на непрерывные контратаки врага, пытавшегося сбросить наши войска в реку. Насколько ожесточенно сопротивлялись гитлеровцы, видно на примере 199-го гвардейского стрелкового полка 67-й гвардейской стрелковой дивизии. Лишь за один день 25 июня этот полк отразил 10 контратак пехоты противника, поддержанной танками. Не только артиллеристы, но и пехотинцы смело вступали в единоборство с фашистскими танками. Особенно отличился командир стрелковой роты 219-го гвардейского стрелкового полка 71-й гвардейской стрелковой дивизии старший лейтенант Курзанов. Он лично уничтожил два танка и одно артиллерийское самоходное орудие противника. Много новых героев родилось в этих жестоких боях на левом берегу Западной Двины.

Однако не везде наступление развивалось успешно. Неудача постигла моего старого боевого товарища генерал-майора И. Ф. Федюнькина. Соединения 103-го стрелкового корпуса, наступавшие на стыке между 22-м и 23-м гвардейскими стрелковыми корпусами, хотя и прорвались к Западной Двине в районе Улла, но форсировать ее с ходу не сумели.

О боевых достоинствах Ивана Федоровича Федюнькина я был весьма высокого мнения. Поэтому меня удивила постигшая его неудача. В чем же заключались ее главные причины?

Иногда в годы войны некоторые командиры в оправдание своих упущений выдвигали массу объективных причин: то местность трудная, то метеорологические условия плохие, то противник слишком силен и т. п. И на этот раз имелись, конечно, свои неблагоприятные обстоятельства. Но дело было не только в них.

Неудача с форсированием объяснялась в первую очередь тем, что управление войсками в период преследования противника после успешного прорыва его тактической зоны обороны оказалось не на должной высоте. В результате наступающие потеряли из виду поспешно отходившего врага. Пока передовые части 103-го стрелкового корпуса преодолевали болотистую полосу местности на подступах к Западной Двине, гитлеровцы сумели оторваться и прочно закрепиться на левом берегу реки. Полки первого эшелона 270-й стрелковой дивизии вышли к Западной Двине неорганизованно. Значительная часть сил дивизии была скована боями по ликвидации застрявших в населенных пунктах разрозненных групп гитлеровцев. Артиллерия отстала. Попытки подошедших подразделений переправиться через реку без артиллерийской поддержки оказались безуспешными.

Таким образом, организованность, внезапность и стремительность — эти главные факторы успеха при форсировании водных преград с ходу — отсутствовали.

Нужно было принимать срочные меры, чтобы выправить положение, ускорить преодоление Западной Двины в районе Улла. Я приказал командарму подтянуть к реке основные силы 103-го стрелкового корпуса, и прежде всего артиллерию и табельные переправочные средства; для огневой поддержки войск поставить на прямую наводку часть артиллерии, в том числе часть орудий 46-й зенитно-артиллерийской дивизии РГК, подготовить как можно больше плотов.

Не успел я закончить переговоры с генералом Чистяковым, как позвонил командующий 43-й армией. По веселому тону юношески звонкого голоса генерала Белобородова я догадался: все в порядке. Действительно, передовые части обоих наступавших корпусов его армии успешно форсировали Западную Двину в районах Вяжица и Гнездиловичи.

Находившийся в районе форсирования начальник оперативного отдела штаба 43-й армии полковник В. В. Турантаев, сам храбрый офицер, после возвращения на командный пункт армии с восторгом рассказывал об исключительно высоком боевом порыве всех бойцов и командиров, начавших форсирование реки под ураганным огнем противника.

Успех войск генерала Белобородова чрезвычайно порадовал меня. Теперь между нашими войсками и 39-й армией соседнего фронта был лишь 10-километровый промежуток и оставалось завязать «мешок», в который попала витебская группировка фашистов. Командарм твердо заверил, что завтра, 25 июня, во вто-

рой половине дня войска во что бы то ни стало соединятся с 39-й армией.

Я хорошо представлял себе трудность задачи 43-й армии. Передовые ее части на себе испытывали, как с каждым часом росло сопротивление врага. В оставшемся «коридоре» появлялись все новые и новые части противника, которые пытались расширить его. Поэтому я приказал командующему воздушной армией непрерывно наносить удары с воздуха по прорывавшемуся через «коридор» противнику.

Ночь прошла в хлопотах: мы подтягивали главные силы армий к реке. Не дало уснуть и сообщение о трудностях в эвакуации раненых с захваченных плацдармов. Вдруг гитлеровцам удастся потеснить наши части к реке? Только под утро, когда организацией эвакуации раненых с плацдармов занялся начальник военно-санитарного управления фронта генерал А. И. Бурназян, отличавшийся редкой настойчивостью в достижении поставленной цели и большими организаторскими способностями, я успокоился и, не выдержав, свалился, как убитый, на походную койку. В 8 часов меня разбудили и доложили, что части 246-пехотной дивизии гитлеровцев, яростно контратакуя, пытаются сбросить в Западную Двину переправившиеся части 60-го стрелкового корпуса и там создалось критическое положение.

Вызвав командующего воздушной армией, я приказал ему немедленно направить против контратакующего врага дивизию штурмовиков. К полудню контратаки были отбиты, а в конце дня дивизии 60-го стрелкового корпуса соединились южнее Гнездиловичей с частями 39-й армии 3-го Белорусского фронта.

Это была победа. В витебском «котле» оказалось свыше пяти дивизий и множество отдельных частей и подразделений 3-й немецкой танковой армии. Общее количество фашистских солдат и офицеров, попавших в это пекло, по нашим подсчетам, составляло более 50 тыс. К этому времени части 92-го стрелкового корпуса 43-й армии, ворвавшись в Витебск, очищали от фашистов северо-западную часть города.

Было ясно, что витебская группировка гитлеровцев обречена. У нее оставалось два выхода: или сдаться в плен, или обречь себя на полное уничтожение. Поэтому я приказал генералу Белобородову оставить для участия в ликвидации окруженных лишь часть войск армии, а главными силами развивать успех на Лепель. Представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза А. М. Василевский, одобрив это решение, потребовал от меня развивать наступление на запад всеми силами ударной группировки фронта, не давать противнику использовать подходившие из глубины резервы для организации прочной обороны в полосе многочисленных озер и болотистых речушек на линии Полоцк, Лепель.

К концу 25 июня исход сражения за Западную Двину окончательно определился. 6-я гвардейская армия не только удержала

захваченный плацдарм, но и, введя в сражение из второго эшелона армии часть сил 2-го гвардейского стрелкового корпуса, расширила его до 20 км по фронту и до 10 км в глубину. Был освобожден крупный населенный пункт на левом берегу Западной Двины — Бешенковичи.

Ставка придавала важное значение результатам боев на Западной Двине. Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин дважды лично звонил мне и справлялся о ходе форсирования реки.

Особо отличившихся в этих боях воинов командование фронта представило к званию Героя Советского Союза. Через три-четыре дня был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении этого высокого звания большой группе воинов фронта, в том числе командующим армиями генералам И. М. Чистякову и А. П. Белобородову. Стали генерал-полковниками начальник штаба генерал-лейтенант В. В. Курасов, командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант артиллерии Н. М. Хлебников, командующий 6-й гвардейской армией генерал-лейтенант И. М. Чистяков и командующий 3-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации Н. Ф. Папивин.

Но вернемся к боевым действиям. В связи с наступившим резким переломом в ходе операции командование фронта уточнило армиям их дальнейшие задачи. 4-й Ударной армии предстояло, используя успех 6-й гвардейской армии, наступать в обход Полоцка с севера, 6-й гвардейской армии — частью сил совместно с 4-й Ударной армией окружить и уничтожить полоцкую группировку, а главными силами развивать наступление на Даугавпилс. Главные силы 43-й армии, как я уже упоминал, нацеливались на Лепель, для освобождения которого генералу Белобородову было приказано создать армейскую подвижную группу. Начавшие переправу на захваченный плацдарм части 1-го танкового корпуса я решил направить не на Лепель, как предусматривалось планом, а на Камень и далее на Ушачи, т. е. на северо-запад с целью перехвата железной дороги Полоцк — Молодечно.

В последующие дни войска фронта при поддержке авиации успешно развивали наступление на полоцком и свенцянском направлениях.

Не более двух суток потребовалось частям 43-й и 39-й армий для ликвидации окруженного в районе Витебска противника. И хотя значительным силам окруженных во главе с генералом Писториусом удалось выскочить из «котла», недолго пришлось им гулять по нашим тылам. 60-й стрелковый корпус генерала А. С. Люхтикова настиг их и ликвидировал. В этих боях отличился заместитель командира корпуса по политической части полковник С. П. Васягин.

А в это время 1-й стрелковый корпус и подвижная группа 43-й армии стремительно наступали на Лепель, на подступах к

которому разгорелся ожесточенный бой. И снова бойцы и командиры проявили исключительный героизм. Когда обойденные фашистские части, пытавшиеся пробиться на Лепель, яростно атаковали с тыла части 1-го стрелкового корпуса, наши воины, наступавшие вдоль шоссе Витебск — Лепель, встали на пути гитлеровцев.

Эффективную поддержку пехоте оказали летчики генерала Папивина. Они превратили шоссе Витебск — Лепель из дороги отступления в «дорогу смерти», как назвали ее пленные немцы. Действительно, все шоссе от Камня до Лепеля представляло сплошное кладбище фашистской техники, трупов вражеских солдат и офицеров.

Разгромив прорывавшиеся с востока на запад группы противника, части 1-го стрелкового корпуса и армейской подвижной группы с ходу ворвались в Лепель и к исходу 28 июня полностью очистили его от врага.

Неуемная ярость наполнила сердца воинов 43-й армии, когда они узнали, что в концлагере, устроенном гитлеровцами в Лепеле, гитлеровцы погубили около 40 тыс. наших людей.

Сбивая цеплявшегося за каждую речушку, за каждый населенный пункт противника, войска фронта настойчиво продвигались вперед. Врагу так и не удалось остановить наступавших даже на линии бесчисленных озер между Полоцком и Лепелем.

В этой обстановке Ставка Верховного Главнокомандования приказала войскам фронта главными силами продолжать наступление в западном направлении, а частью сил ударить на Полоцк и овладеть этой важной опорной базой группы армий «Север».

В последующие шесть дней операции, т. е. с 29 июня по 4 июля, наиболее ожесточенные бои разгорелись за г. Полоцк, являвшийся после Витебска самым сильным узлом сопротивления.

Если освобождение Витебска открывало нам путь в северную часть Белоруссии, то с взятием Полоцка ликвидировалось серьезное препятствие на пути в центральную часть Прибалтики. Поэтому немецко-фашистское командование принимало отчаянные попытки, чтобы удержать Полоцк. На подступах к нему была подготовлена оборонительная полоса под грозным наименованием «Тигр». Полоса озер и болот, на линии которых пролегал этот оборонительный рубеж, в сочетании с широко развитой системой полевых, а местами и долговременных укреплений делала оборонительную систему вокруг Полоцка весьма мощный и труднопреодолимой. Сам город также был тщательно подготовлен к круговой обороне. Для усиления находившихся в городе войск противник к 25 июня перебросил две пехотные и охранную дивизии; всего в районе Полоцка действовало к этому времени около шести дивизий.

В период с 29 июня по 1 июля войска фронта упорно пробивались к Полоцку. Чем ближе подходили наши войска к го-

роду, тем ожесточеннее становилось сопротивление. С приближением к Полоцку полосы наступления корпусов постепенно сужались. Поэтому я приказал генералу И. М. Чистякову вывести 103-й стрелковый корпус и направить его для развития успеха 1-го танкового корпуса вдоль левого берега Западной Двины в общем направлении на Даугавпилс. 4-я Ударная армия должна была обходом города с севера обеспечить окружение полоцкого гарнизона фашистских войск. Одновременно я потребовал от командиров 22-го и 23-го гвардейских стрелковых корпусов быстрее прорваться к городу с востока и юга, решительной атакой разгромить противника и освободить Полоцк.

К исходу 1 июля соединения 22-го гвардейского стрелкового корпуса прорвались к восточной окраине Полоцка, тогда как дивизии 23-го гвардейского стрелкового корпуса все еще вели бои в 8—10 км южнее города, преодолевая ожесточенное сопротивление противника на очень тяжелой для наступления лесисто-болотистой местности. К этому времени соединения 2-го гвардейского стрелкового корпуса 6-й гвардейской армии и войска 43-й армии перерезали железную дорогу Полоцк — Молодечно и вышли на рубеж Германовичи, Плисса, Березино.

На фронте 4-й Ударной армии тоже был достигнут значительный успех. В результате ввода переданного армии из резерва Ставки 100-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор Д. В. Михайлов, левофланговые соединения армии продвинулись на 20 км, а их передовые части завязали бои на окраине Полоцка.

Весьма успешно действовали в эти дни части 1-го танкового корпуса. Выйдя в оперативный простор, стремительным ударом 29 июня они овладели г. Ушачи и, пройдя по очень трудной местности около 30 км, двумя бригадами (мотострелковой и танковой) с ходу захватили узел дорог Ветрино. Ликвидация узла сопротивления противника в Ветрино нашими танкистами облегчила частям 23-го гвардейского стрелкового корпуса форсирование р. Ушачи в районе Заскорки.

159-я танковая бригада танкового корпуса в течение 29 июня и ночи на 30 июня прошла около 45 км и утром 30 июня внезапно для противника ворвалась на улицы г. Диспа. Нападение было настолько неожиданным, что противник не сумел оказать организованного сопротивления и поспешно отступил на правый берег Западной Двины, а вслед за ним сумели переправиться с помощью захваченного парома и наши танкисты, которые заняли и удержали на правом берегу реки небольшой плацдарм. Остальные соединения 1-го танкового корпуса, форсировав с ходу р. Мнюту, ударом с тыла содействовали нашим войскам в захвате важных узлов сопротивления в Лужках и Плиссе.

Сохранить высокий темп наступления танковых частей в условиях труднопроходимой местности помогли местные жители. Если танковую часть задерживал мощный опорный пункт противника,

захватить который с ходу не удавалось, то его обычно обходили. В этом деле местные жители оказались неоценимыми помощниками. Бывшие воины 159-й танковой бригады никогда не забудут жительницу д. Попки Ветринского района Марию Андреевну Кошук, которая, несмотря на свой весьма преклонный возраст (ей в то время уже пошел восьмой десяток), с радостью вызвалась вывести танкистов в тыл противника. Наши танкисты стремительно преодолели лесисто-болотистый участок местности и перерезали дорогу отходившим вражеским войскам. За активную помощь нашим войскам в разгроме фашистских захватчиков Мария Андреевна Кошук была награждена медалью «За боевые заслуги».

А. М. Василевский, видя, что Полоцк отвлекает значительные силы нашего фронта, не оставлял меня в покое. Почти каждый наш разговор в эти дни он заканчивал одной и той же фразой: «А с Полоцком нужно быстрее кончать». Мне и самому хотелось поскорее разделаться с полоцкой группировкой противника.

30 июня я с оперативной группой прибыл в расположение 22-го гвардейского стрелкового корпуса, чтобы увязать тесное взаимодействие соединений 4-й Ударной армии, 22-го и 23-го гвардейских стрелковых корпусов, наступавших на Полоцк. Побывав на восточных и юго-восточных подступах к городу, мы пришли к выводу: штурм укрепленного города должен осуществляться одновременно со всех сторон, чтобы не позволить противнику маневрировать силами и средствами. С этой целью было решено возобновить атаки с севера, востока и юга. При этом внимание командующего 4-й Ударной армией и командира 23-го гвардейского стрелкового корпуса было обращено на то, чтобы не допустить отхода противника из Полоцка на северо-запад и запад.

С утра 1 июля дивизии 22-го и 23-го гвардейских стрелковых корпусов перешли в решительную атаку. В течение первых двух дней противник беспрерывно контратаковал. Каждый квадратный метр городской территории наши войска брали с боя. Для поддержки штурма пришлось привлечь значительную часть авиации, в первую очередь штурмовой. Массированные удары по огневым позициям артиллерии и минометов привели к заметному ослаблению огневой мощи противника и вынудили его прекратить контратаки. Ударами бомбардировочной и штурмовой авиации было прервано всякое движение по железной дороге Даугавпилс — Полоцк, что серьезно затруднило дальнейшую переброску сюда подкреплений.

3 июля наступил перелом в нашу пользу. Уже в первой половине дня части 51-й гвардейской стрелковой дивизии 23-го гвардейского корпуса ворвались на южную окраину города. В это же время соединения 22-го гвардейского стрелкового корпуса вели ожесточенный бой в северо-восточной и восточной частях города.

Полоцк, как известно, разделен Западной Двиной на две части. Для успешного завершения ликвидации гарнизона противника необходимо было захватить мосты через реку. Для этого в каждом соединении были подготовлены специальные команды, в состав которых включались опытные саперы.

Когда левобережная часть была освобождена, одна такая команда от 51-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал опытный боевой командир — генерал-майор С. В. Черников, помешала противнику взорвать деревянный мост через реку. Этим обстоятельством воспользовался командир наступавшего здесь стрелкового полка. Он быстро переправил на другой берег несколько подразделений, которые захватили там плацдарм. Подразделения другого полка переправились по взорванным фермам железнодорожного моста и тоже захватили небольшой плацдарм. В течение ночи на 4 июля на правый берег была переправлена вся дивизия, которая с рассветом перешла в атаку навстречу частям 22-го гвардейского стрелкового корпуса, наступавшим с северо-востока и востока. Примерно к 6 часам утра 4 июля город был полностью очищен от противника. Успешному штурму Полоцка во многом способствовало наступление соединений 4-й Ударной армии в обход города с севера с явной угрозой окружения всей полоцкой группировки. Войсками этой армии командовал генерал-лейтенант П. Ф. Малышев, личной храбростью и стойкостью которого я не раз восхищался в годы войны.

Услышав по телефону торжественно звучавшие голоса командиров 22-го и 23-го гвардейских стрелковых корпусов, доложивших об освобождении Полоцка, я облегченно вздохнул: и второй важнейший узел сопротивления противника в полосе наступления фронта был наконец взят нашими войсками. Около шести отборных соединений немецко-фашистских войск было разгромлено в районе Полоцка, уцелевшие части поспешно, в беспорядке отступили на Даугавпилс.

В период с 29 июня по 4 июля главные силы 6-й гвардейской и 43-й армий продвинулись еще на 120—130 км и вышли на рубеж (иск.) Дрисса, Меры, южный берег оз. Дрисвято, м. Опса, северные берега озер Богинское и Нарочь. Среднесуточный темп наступления равнялся 20—22 км.

Следует отметить, что в эти дни 1-й танковый корпус вновь продемонстрировал высокую мобильность и маневренность. 1 июля корпус получил задачу из района южнее Лужков ударить в тыл противнику, оборонявшемуся перед 43-й армией в районе Глубокого, а затем, повернув на запад, наступать вдоль железной дороги на Поставы, содействуя продвижению правофланговых соединений 43-й армии. В течение второй половины дня 1 июля корпус сосредоточил главные силы в районе южнее Лужков и на другой день нанес удар в указанном ему направлении. Выход частей танкового корпуса в тыл противника принудил последнего к отходу.

К исходу 4 июля все ближайшие оперативные резервы противника, находившиеся в полосе наступления войск 1-го Прибалтийского фронта, были перемолоты. Задачи, поставленные фронту Ставкой в директиве от 31 мая, были полностью выполнены.

Таким образом, наступление войск 1-го Прибалтийского фронта с целью освобождения северных областей Белоруссии завершилось весьма удачно. В ходе боевых действий с 23 июня по 4 июля войска фронта нанесли 3-й танковой армии группы армий «Центр» и 16-й армии группы армий «Север» серьезное поражение. Во взаимодействии с 39-й армией они окружили и ликвидировали витебскую группировку противника, а затем решительным штурмом в сочетании с обходным маневром разгромили его полоцкую и лепельскую группировки. Конечная цель Витебско-Полоцкой операции была достигнута даже несколько раньше, чем было указано Ставкой.

За 12 дней наступления войска фронта прошли с боями до 180 км со среднесуточным темпом наступления в 15 км. В отдельные дни темп наступления танковых и механизированных соединений достигал 30—45 км. За этот период они освободили Витебскую и Полоцкую области и вышли к границам Советских республик — Латвии и Литвы. Было освобождено свыше 5 тыс. населенных пунктов, в том числе такие сравнительно крупные административные центры, как Витебск, Полоцк, Бешенковичи, Лепель, Глубокое, Докшицы, Дисна.

В ходе наступления было уничтожено около 40 тыс. солдат и офицеров противника, захвачено в плен свыше 16 тыс., выведено из строя около 600 орудий и минометов, свыше 2 тыс. автомашин, 78 самолетов и большое количество другой боевой техники.

Действуя на стыке двух крупных групп фашистских армий, войска фронта надежно изолировали их друг от друга, исключили возможность группе армий «Север» прийти на помощь войскам группы армий «Центр», подвергавшимся беспощадным ударам Белорусских фронтов.

Воины 1-го Прибалтийского фронта с честью выполнили задачу, поставленную Ставкой Верховного Главнокомандования.

Эти успехи чрезвычайно воодушевляли бойцов и командиров фронта. Не меньше радовались мы и успехам войск других фронтов, особенно нашего соседа слева — 3-го Белорусского фронта, войска которого к этому времени во взаимодействии с войсками К. К. Рокоссовского (с 29 июня — Маршал Советского Союза) овладели Минском и замкнули кольцо окружения вокруг главных сил 4-й немецкой армии из группы «Центр».

Партия и правительство высоко оценили ратные подвиги войск 1-го Прибалтийского фронта: 156 наиболее отличившимся в боях генералам, офицерам, сержантам и солдатам присвоено высокое звание Героя Советского Союза; 74 157 человек награж-

дено орденами и медалями; значительное число офицеров и генералов повышено в воинских званиях.

Успешное проведение Белорусской операции было возможно благодаря массовому героизму и высокому боевому мастерству советских воинов, их неудержимому стремлению во что бы то ни стало очистить от фашистской нечисти последние сотни километров священной советской земли и спасти как можно скорее советских людей.

Если говорить о 1-м Прибалтийском фронте, то успех стремительного наступления его войск в Белорусской операции во многом был обеспечен напряженной деятельностью командования, штабов и политорганов всех степеней как при подготовке операции, так и в ее проведении.

Прежде всего мне хочется отметить удачный выбор направления главного удара и тщательную во всех отношениях подготовку всей операции, особенно прорыва обороны противника с последующим форсированием с ходу крупной водной преграды — Западной Двины.

Организация прорыва обороны противника дает яркий пример максимального сосредоточения сил и средств фронта на решающем направлении, что обеспечило на участке прорыва подавляющее превосходство над противником. Весьма удачно было спланировано и осуществлено подавление обороны врага огнем и ударами артиллерии и штурмовыми действиями авиации. Большой четкостью и организованностью отличались действия войск при выходе в исходное положение для наступления, в процессе атаки и развития наступления вплоть до прорыва обороны противника на всю ее тактическую глубину.

Нельзя не отметить, что важнейшее значение для успеха операции имело скрытое проведение всех многочисленных мероприятий, связанных с подготовкой операции. Противник, безусловно, мог обнаружить все это и своевременно принять надлежащие контрмеры. Однако подготовка удара огромного количества наших войск проводилась столь искусно и скрытно, что немецко-фашистское командование даже не подозревало о готовившемся нами крупном наступлении. В этом был залог нашего успеха.

Общему успеху развития наступления ударной группировки войск фронта в оперативной глубине обороны способствовало также быстрое и умелое форсирование с ходу весьма важной в оперативном отношении водной преграды — Западной Двины. Успех форсирования был обеспечен большой предварительной работой с войсками еще в период подготовки операции. Одновременное форсирование реки на 50-километровом фронте распылило внимание и силы противника и обеспечило ее преодоление нашими войсками в хорошем темпе. И здесь высокая организованность, быстрота и внезапность действия войск сыграли свою положительную роль.

Успешному осуществлению наступления войск фронта помог-

но также весьма эффективное применение войсками в ходе операции разнообразных форм маневра, в том числе и осуществление гибкого маневра силами и средствами как из глубины, так и по фронту.

Весьма характерно, что в ходе операции был успешно осуществлен такой сложный и трудный для выполнения маневр, как окружение крупной группировки противника на стыке двух фронтов. Сомкнув кольцо вокруг 50-тысячной витебской группировки противника, войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов без всякой паузы приступили к ее расчленению на изолированные группы, быстрому их уничтожению или пленению.

Так умело и мужественно сражались советские войска, освобождая Белоруссию от гитлеровцев.

Но на этом наступление войск 1-го Прибалтийского фронта не заканчивалось. Нас ждали еще фронтовые дороги Советской Прибалтики.

С думой о безымянных героях, о незаметных рядовых тружениках войны, вынесших на своих плечах все тяготы жестоких сражений, блестяще осуществлявших наши планы разгрома врага, взялся я за перо, чтобы написать эти воспоминания. Посвящаю этот рассказ памяти бойцов и командиров 1-го Прибалтийского фронта, отдавших свою жизнь ради свободы и счастья славного белорусского народа.

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

К. К. РОКОССОВСКИЙ

НА НАПРАВЛЕНИИ ГЛАВНОГО УДАРА[1]

К весне 1944 г. наши войска на Украине продвинулись далеко вперед. Но тут противник перебросил с запада свежие силы и остановил наступление 1-го Украинского фронта. Бои приняли затяжной характер, и это заставило Генеральный штаб и Ставку перенести главные усилия на новое направление.

Зная обстановку, сложившуюся у соседа справа — Западного фронта, которым командовал генерал В. Д. Соколовский, и у соседа слева — 1-го Украинского фронта, которым теперь командовал генерал армии Г. К. Жуков, заменивший смертельно раненного Н. Ф. Ватутина, мы приходили к выводу, что центр усилий неизбежно будет перенесен на западное направление и предстоящая операция развернется в Белоруссии. Это позволило бы советским войскам кратчайшим путем выйти на очень важные рубежи и открыло в последующем выгодные условия для нанесения ударов по противнику на других направлениях.

Словом, фронт жил в предвидении больших событий. Конечно, для проведения любой крупной операции необходимо время на подготовку. После разгрома неприятеля под Курском войска Центрального фронта, позже переименованного в Белорусский,

[1] Отрывок из книги воспоминаний К. К. Рокоссовского «Солдатский долг» (М., 1968).

прошли с боями огромное расстояние, остро нуждались в пополнении, им нужно было дать дополнительно и технику, и боеприпасы, и горючее; требовалось подтянуть тылы и отставшие базы, организовать подвоз всего, в чем нуждались наши части, соединения и, значит, в первую очередь восстановить разрушенные дороги и провести новые. Это и составляло предмет наших забот. Одновременно укреплялись достигнутые рубежи.

Мы беспокоились, хватит ли у нас времени и поможет ли нам Ставка привести войска фронта в полную боевую готовность. Начальник Генштаба Василевский находился на юге, координируя действия двух Украинских фронтов. Возглавлял в это время Генеральный штаб А. И. Антонов. Я относился к нему с большим уважением, но, при всех его положительных качествах крупного оперативного работника, он редко брался отстаивать какой-либо вопрос перед Верховным Главнокомандующим. Мне приходилось, бывая в Ставке, неоднократно обращаться к нему с просьбами относительно обеспечения намечаемой операции, и ответ был обычно один: «Пусть этот вопрос решит сам товарищ Сталин».

Наконец положение дел стало понемногу проясняться. Такой вывод мы делали из мероприятий Ставки. Первое из них — создание нового фронта между нашим и 1-м Украинским. Этот новый фронт огибал с юга Полесье до Владимир-Волынского, и ему было присвоено название 2-й Белорусский, а наш фронт соответственно стал называться 1-м Белорусским.

В марте Верховный Главнокомандующий пригласил меня к аппарату ВЧ, в общих чертах ориентировал относительно планируемой крупной операции и той роли, которую предстояло играть в ней 1-му Белорусскому фронту. Затем Сталин поинтересовался моим мнением. При разработке операций он и раньше прибегал к таким вот беседам с командующими фронтами. Для нас — сужу по себе — это имело большое значение.

1-му Белорусскому фронту предстояло действовать в общем направлении Бобруйск, Барановичи, Варшава, обходя Полесье с севера. Левым крылом фронт упирался в огромные Полесские болота, что до крайности ограничивало возможность маневра. Для успеха операции требовалось теснейшее взаимодействие с войсками 2-го Белорусского фронта, а мы были разобщены широкой лесисто-болотистой местностью. Вот такие соображения я и высказал Сталину, намекнув при этом, что было бы целесообразнее объединить в один фронт весь участок, занимаемый в данное время двумя Белорусскими фронтами.

Должен сказать, что еще до этого разговора со Сталиным мы у себя обсуждали такой вариант: объединение в одних руках всего участка от Быхова до Владимир-Волынского. Это давало нам огромные преимущества в маневре силами и позволяло смело решиться на организацию удара в обход Полесья как с севера, из района Бобруйска, так и с юга, из района Ковеля. Некоторых

затруднений в управлении войсками можно было, конечно, ожидать, но это нас не смущало. У нас уже имелся опыт управления войсками в не менее сложной обстановке при ликвидации окруженной в Сталинграде группировки противника.

Во всяком случае легче было организовать управление объединенными войсками, чем согласовывать взаимодействие с соседним фронтом при решении одной общей задачи.

Тут как раз в пользу нашего предложения сработал случай: на участке 2-го Белорусского фронта произошла неприятность — противник нанес удар и овладел Ковелем. Сталин предложил мне быстро продумать наш вариант объединения участков обоих фронтов, сообщить в Ставку и скорее выехать к П. А. Курочкину, командующему 2-м Белорусским фронтом, чтобы сообща принять меры для ликвидации прорыва противника. Забегу вперед и скажу сразу: на месте мы убедились, что накануне крупного наступления нам невыгодно начинать частную операцию по освобождению Ковеля, и мы от нее отказались.

Вскоре последовала директива Ставки о передаче нашему фронту всего участка, охватывающего Полесье с юга, и находящихся на нем войск. Общая ширина полосы 1-го Белорусского фронта достигла, таким образом, почти 700 км. Редко в ходе Великой Отечественной войны фронт, имевший наступательную задачу, занимал участок такой протяженности. Разумеется, и войск у нас стало больше. К 20-м числам июня в состав нашего фронта входило десять общевойсковых, одна танковая, две воздушные армии и Днепровская военная флотилия; кроме того, мы имели три танковых, один механизированный и три кавалерийских корпуса.

Затем произошли дальнейшие изменения, в результате которых сложилась та структура фронтов, которая сохранилась до победоносного окончания войны.

По замыслу Ставки, главные действия в летней кампании 1944 г. должны были развернуться в Белоруссии. Для проведения этой операции привлекались войска четырех фронтов (1-й Прибалтийский — командующий И. Х. Баграмян; 3-й Белорусский — командующий И. Д. Черняховский; наш правый сосед 2-й Белорусский фронт — командующий И. Е. Петров [2], наконец, 1-й Белорусский). Ставка сочла возможным ознакомить командующих фронтами с запланированной стратегической операцией в ее полном масштабе. И это было правильно. Зная общий замысел, командующий фронтом имел возможность уяснить место фронта в операции и шире проявить свою инициативу.

До перехода в наступление этой группы фронтов предполагалось провести последовательно операции, вытекающие одна из

[2] И. Е. Петров командовал войсками 2-го Белорусского фронта с 24 апреля по 6 июня 1944 г., после чего передал командование фронтом генералу армии Г. Ф. Захарову.— *Прим. ред.*

другой, сначала Ленинградским фронтом, затем Карельским, вслед за ней начиналась основная Белорусская операция и затем операция 1-го Украинского фронта.

Стремясь удержаться в Белоруссии, германское командование сосредоточило там крупные силы — группу армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал Буш (одна танковая и три полевые армии); в полосе предстоящего наступления наших войск действовала также часть правофланговых дивизий 16-й немецкой армии из группы армий «Север» и танковые дивизии из группы армий «Северная Украина». Всего на фронте от Сиротино до Ковеля к 23 июня было 63 немецкие дивизии и 3 бригады, общей численностью 1 млн. 200 тыс. человек. Противник имел 9635 орудий и минометов, 932 танка и 1342 самолета.

Против войск правого крыла нашего фронта оборонялась 9-я немецкая армия, она преграждала нам путь на Бобруйск. 2-я немецкая армия занимала оборону на протяжении 400 км в Полесье — против центра и левого крыла 1-го Белорусского фронта. На бобруйском направлении, где должны были наступать четыре армии правого крыла нашего фронта (3-я генерал-лейтенанта А. В. Горбатова, 48-я генерал-лейтенанта П. Л. Романенко, 65-я генерал-полковника П. И. Батова и 28-я генерал-лейтенанта А. А. Лучинского), у противника были 131 тыс. человек, 5137 пулеметов, около 2500 орудий и минометов, 356 танков и самоходных установок. Вражеские войска прикрывались с воздуха 700 самолетами. Кроме тактических резервов противник на брестском и ковельском направлениях имел оперативные резервы до 10 пехотных дивизий. Следовательно, против нашего фронта располагалась мощная фашистская группировка...

Мы готовились к боям тщательно.

Окончательно план наступления отрабатывался в Ставке 22 и 23 мая.

Нашему фронту предстояло начать наступление четырьмя правофланговыми армиями. Они окружали и уничтожали бобруйскую группировку врага, овладевали районом Бобруйск, Глуша, Глуск, а затем наступали на бобруйско-минском и бобруйско-барановичском направлениях. Войска левого крыла должны были двинуться вперед лишь после окружения немецких войск в районе Минска и выхода войск правого крыла на рубеж Барановичей.

На западном берегу Днепра севернее Рогачева 3-я армия удерживала небольшой плацдарм. Он был вполне пригоден для действия всех родов войск в направлении на Бобруйск. У генерала П. Л. Романенко в 48-й армии дело обстояло гораздо хуже. Командарм стремился атаковать противника со своих рубежей (его армия занимала полосу к югу от железнодорожной линии Жлобин — Бобруйск вдоль северного берега Березины, имея за рекой небольшой плацдарм). Облазив передний край, я увидел, что здесь наступать просто невозможно. Даже для отдельного

легкого орудия приходилось класть настил из бревен в несколько рядов. Кругом почти сплошные болота с небольшими островками, заросшими кустарником и густым лесом. Никаких условий для сосредоточения танков и тяжелой артиллерии. Поэтому П. Л. Романенко получил приказ перегруппировать основные силы на плацдарм у Рогачева к левому флангу 3-й армии и действовать совместно с ней, а части, оставшиеся на березинском плацдарме, должны были боями приковать к себе как можно больше сил противника и тем способствовать нанесению главного удара.

Войска 65-й и 28-й армий, наносившие второй удар, тоже имели перед собой лесистую, заболоченную местность, которую пересекали притоки р. Припять.

Нелегкое дело предстояло нашим солдатам и офицерам — пройти эти гиблые места, пройти с боями, пройти стремительно. Люди готовили себя к этому подвигу. Пехотинцы невдалеке от переднего края учились плавать, преодолевать болота и речки на подручных средствах, ориентироваться в лесу. Было изготовлено множество «мокроступов» — болотных лыж, волокуш для пулеметов, минометов и легкой артиллерии, построены лодки и плоты. У танкистов — своя тренировка. Помнится, как-то генерал Батов показал мне «танкодром» на болоте в армейском тылу. Часа полтора мы наблюдали, как машина за машиной лезли в топь и преодолевали ее. Вместе с саперами танкисты снабдили каждый танк фашинами, бревнами и специальными треугольниками для прохода через широкие рвы. Не могу не вспомнить добрым словом наших славных саперов, их самоотверженный труд и смекалку. Только за 20 дней июня они сняли 34 тыс. вражеских мин, на направлении главного удара проделали 193 прохода для танков и пехоты, навели десятки переправ через Друть и Днепр. А сколько построено было колесных жердевых и профилированных дорог!..

В этом напряженном труде огромных войсковых масс тон задавали наши коммунисты и комсомольцы. Они были цементирующей силой во всех частях. Служили примером для всех.

В начале 1944 г. у нас были определенные трудности, неизбежные на войне. В ожесточенных боях при наступлении от Курской дуги до Днепра войска понесли потери, образовались бреши в партийных рядах. Вот одна много говорящая цифра: в 1224 ротах не стало партийных организаций по причине героической гибели партийных товарищей в боях за освобождение родной Советской земли. Корни, связывающие партию с народом, с солдатом, нерушимы, и тяга лучших людей в партию была велика. Этот благотворный для войск фронта процесс организовало и возглавило политическое управление, которым руководил генерал-лейтенант С. Ф. Галаджев — большая умница и светлый человек. И к началу Белорусской операции в большинстве подразделений у нас опять были полнокровные, хорошо работающие партийные и комсомольские организации: в ротах пять — десять

коммунистов, десять, а то и двадцать членов ВЛКСМ. Хочется подчеркнуть еще вот что: в партию тогда принимались прежде всего воины, отличившиеся в боях. Отсюда — огромный рост партийного влияния во всех наших боевых делах.

После получения указаний Ставки мне, как командующему, пришлось много заниматься со своим штабом и с командующими армиями.

На месте отрабатывалось все, что было связано с предстоявшим наступлением,— управление войсками и в начале, и в ходе операции, маскировка движения наших войск, подвоз техники и боеприпасов, выбор и оборудование маршрутов и дорог, а также всяческие хитрости, которые бы ввели противника в заблуждение относительно наших намерений.

Особое внимание уделялось разведке — и воздушной, и войсковой всех видов, и радиоразведке. Летчики 16-й воздушной армии произвели полную аэрофотосъемку укреплений противника на бобруйском направлении, карты с полученными данными были немедленно разосланы войскам. Только в армиях правого крыла произвели четыреста поисков, и наши мастера-разведчики притащили больше восьмидесяти «языков» и важные документы.

От штабов всех степеней мы требовали постоянного контроля с земли и с воздуха за тщательной маскировкой всего, что делалось в войсках фронта. Немцы могли увидеть только то, что мы хотели им показать. Части сосредоточивались и перегруппировывались ночью, а днем от фронта в тыл шли железнодорожные эшелоны с макетами танков и орудий. Во многих местах наводили ложные переправы, прокладывали для видимости дороги. На второстепенных рубежах сосредоточивалось много орудий, они производили несколько огневых налетов, а затем их увозили в тыл, оставляя на ложных огневых позициях макеты. Начальник штаба фронта генерал Малинин был неистощим в этом отношении.

С командирами соединений и частей мы проводили занятия в поле и на рельефных картах той местности, на которой им предстояло действовать. Накануне наступления были проведены штабные учения и военные игры на тему «Прорыв обороны противника и обеспечение ввода в бой подвижных соединений». В этой работе принял деятельное участие представитель Ставки по координации действий 1-го и 2-го Белорусских фронтов Г. К. Жуков. Хорошо подготовленный, дружный коллектив штаба фронта имел достаточный опыт в организации управления войсками, и он показал, что способен находить выход из самого затруднительного положения и в подготовке, и в ходе самих боев.

Штабы фронта и армий систематически проверяли ход подготовки войск к наступлению. Представители командования, как правило, участвовали во всех тактических учениях войск в поле, проверяли стрелковую подготовку прибывавшего пополнения, следили за подвозом боеприпасов и продовольствия. Часть

офицеров штаба фронта была постоянно закреплена за армиями, корпусами. Через них обеспечивалась бесперебойная связь, они на месте оказывали войскам помощь в подготовке наступления.

Поскольку боевые действия предстояло вести на двух участках фронта, разделяемых бассейном р. Припять, соответственно организовали и управление войсками.

Основной КП пришлось перевести в Овруч и создать два вспомогательных: для управления войсками правого крыла — в районе Дуравичей, а левого крыла — в районе Сарн.

Наблюдательные пункты максимально приближались к войскам: НП командиров дивизий оборудовались в 500—1000 м, командиров корпусов — в 2 км, командармов — до 3 км от исходного положения для атаки. Для удобства наблюдения в ряде мест были построены наблюдательные вышки.

Предварительно были в основном решены все задачи артиллерийского, авиационного, инженерного обеспечения операции. Тылу фронта предписывалось держать в готовности необходимое количество свободного автотранспорта для переброски войск и техники с одного направления на другое. Такой опыт у нас уже имелся со времени битвы на Курской дуге.

Огромная работа по подготовке к наступлению развернулась во всех звеньях — в армиях, корпусах, дивизиях, полках. Численный состав дивизий был доведен в среднем до 6500 человек. Заодно с нами действовал Белорусский штаб партизанского движения. Устанавливалась тесная связь партизанских отрядов с нашими частями. Партизаны получили от нас конкретные задания, где и когда ударить по коммуникациям и базам немецко-фашистских войск. Они взрывали поезда на железнодорожных магистралях Бобруйск — Осиповичи — Минск — Барановичи — Лунинец и др. Все их удары наносились в тесном взаимодействии с нами и были подчинены интересам предстоявшей операции.

К 20-м числам июня войска фронта заняли исходные позиции. На обоих участках прорыва было обеспечено превосходство над противником в людях в 3—4 раза, в артиллерии и танках в 4—6 раз. Мы располагали сильными подвижными группами, способными окружить вражеские войска. С воздуха наступление прикрывали и поддерживали свыше 2 тыс. самолетов.

Переход инициативы полностью на сторону Красной Армии позволял даже при равном соотношении сил в масштабе фронта идти на риск, создавая на направлениях, где наносился нами основной удар, максимальную группировку сил и средств за счет сильного ослабления второстепенных участков.

В этом было наше огромное преимущество.

Войска были оснащены автотранспортом, тягачами для артиллерии, самоходной артиллерией и другими видами техники, что намного увеличило маневренную способность наших соединений.

Советские труженики хорошо постарались для своих Вооруженных Сил, обеспечивая их всем, что требовалось для победы.

С целью изучения обстановки на ковельском направлении (левое крыло фронта) я с командующими родами войск отправился в Сарны, где был создан наш вспомогательный пункт управления (основной командный пункт фронта находился в Овруче). Добираться в Сарны пришлось на бронепоезде, потому что в лесах еще бродили банды бендеровцев и других фашистских наймитов. Впоследствии мы отправлялись на ВПУ на незаменимых наших У-2.

Четыре армии, стоявшие здесь в первом эшелоне, совершенствовали оборону и начали готовить штабы к будущим боям. Об этих соединениях речь пойдет позже, когда и для них начнется боевая страда. А сейчас хочется рассказать об одной знаменательной встрече. Сюда, на ковельско-люблинское направление, подходила 1-я польская армия. Она была сформирована по просьбе Союза польских патриотов из добровольцев польской национальности.

Взволнованные, ехали мы знакомиться с братьями по оружию. Армией командовал генерал Зигмунд Берлинг, солидный, серьезный, подтянутый командир. По всему облику чувствовалось — старый воин, знающий службу и побывавший в боях. И на самом деле, Берлинг был кадровый польский офицер. Участник боев при вторжении фашистских оккупантов в Польшу, он решил продолжать борьбу с врагом в польских частях, сражавшихся плечом к плечу с воинами Красной Армии.

Генерал доложил о состоянии своего соединения и сразу сказал, что он и его товарищи надеются недолго пробыть во втором эшелоне. Это мне понравилось. Войска армии произвели очень хорошее впечатление. Чувствовались готовность к боевым действиям и горячее желание людей скорее встретиться с врагом, поработившим их отечество. Беседуя с командирами и солдатами, я их заверил, что всем будет дана возможность показать свои способности в бою.

Мы познакомились с другими руководящими товарищами, которые создавали, пестовали это первое крупное объединение будущего Войска Польского. Членом Военного совета армии был генерал Александр Завадский, старый польский революционер, в прошлом шахтер, член Польской рабочей партии, пользовавшийся огромной популярностью у рабочего класса и трудящихся Польши, любимый в войсках, человек глубокого ума, обаятельной простоты и кипучей энергии.

Вторым членом Военного совета был генерал Кароль Сверчевский. Он прошел службу от рядового до генерала у нас, в Красной гвардии и Красной Армии, командовал интернациональной бригадой в республиканской Испании. Впоследствии генерал Сверчевский принял в командование 2-ю армию Войска Польского.

Считаю своим товарищеским долгом назвать в числе первых организаторов вооруженных сил новой Польши начальника штаба В. Корчица, начальника оперотдела В. Стражевского. Штаб был

достаточно хорошо к тому времени сколочен. Особенно плодотворно работали в 1-й польской армии такие офицеры, как Ярошевич, Полторжицкий, Бевзюк, Родкевич, Кеневич, Пщулковский, Юзьвяк, Гуща, Варышак.

Мы провели среди польских товарищей несколько дней, а затем вернулись на правое крыло фронта.

В ночь на 24 июня мы с генералами Телегиным, Казаковым и Орлом поехали в 28-ю армию. Наблюдательный пункт командарма А. А. Лучинского был оборудован в лесу. Тут была построена вышка, поднятая до уровня верхушек мощных сосен. С нее мы и решили наблюдать за развитием сражения на этом участке. Представитель Ставки Г. К. Жуков тоже отправился туда. Уезжая, Георгий Константинович шутя сказал мне, что они с Горбатовым подадут нам руку через Березину и помогут вытащить нас из болот к Бобруйску. А вышло-то, пожалуй, наоборот.

Наступление 1-го Белорусского фронта началось 24 июня. Об этом возвестили мощные удары бомбардировочной авиации на обоих участках прорыва. В течение двух часов артиллерия разрушала оборонительные сооружения противника на переднем крае и подавляла систему его огня. В шесть утра перешли в наступление части 3-й и 48-й армий, а часом позже — обе армии южной ударной группы. Развернулось ожесточенное сражение.

3-я армия на фронте Озеране, Костяшево в первый день добилась незначительных результатов. Дивизии двух стрелковых корпусов этой армии, отбивая яростные контратаки пехоты и танков, овладели лишь первой и второй траншеями на рубеже Озеране, Веричев и вынуждены были закрепиться. С большими трудностями развивалось наступление и в полосе 48-й армии. Широкая болотистая пойма р. Друть крайне замедляла переправу пехоты и особенно танков. Лишь после двухчасового напряженного боя наши части выбили здесь гитлеровцев из первой траншеи, к 12 часам дня они овладели второй траншеей.

Наиболее успешно — и, можно сказать, красиво — развивалось наступление в полосе 65-й армии. При поддержке авиации 18-й стрелковый корпус в первой половине дня прорвал все пять линий траншей противника, к середине дня углубился на 5—6 км, овладев сильными опорными пунктами Раковичи и Петровичи. Это позволило генералу П. И. Батову ввести в прорыв 1-й гвардейский танковый корпус М. Ф. Панова, который стремительно двинулся в тыл паричской группировки немецких войск. Используя успех танкистов, пехота 65-й армии к исходу дня заняла рубеж Грачи, Гомза, Секиричи.

Части 28-й армии, сломив сопротивление врага, вышли к Бродцам, Оспино, Рогу.

Таким образом, в результате первого дня южная ударная группа прорвала оборону противника на фронте до 30 км и в глубину от 5 до 10 км. Танкисты углубили прорыв до 20 км (район

Кнышевичи, Романище). Создалась благоприятная обстановка, которую мы использовали на второй день для ввода в сражение на стыке 65-й и 28-й армий конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева. Она продвинулась к р. Птичь западнее Глуска, местами форсировала ее. Противник начал отход на север и северо-запад.

Теперь — все силы на быстрое продвижение к Бобруйску!

Вечером 24 июня позвонил мне Жуков и с присущей ему прямотой поздравил с успехом, сказав, что руку Горбатову придется подавать нам с южного берега Березины.

К исходу третьего дня генерал Батов был уже на Березине южнее Бобруйска, а войска генерала Лучинского форсировали р. Птичь и овладели Глуском. Южная группа правого крыла фронта вышла на оперативный простор.

В северной ударной группе всю ночь на 25 июня с неослабевающей силой шли бои. Противник неоднократно переходил в контратаки, стремился выбить наши части, вклинившиеся в его оборону, и сбросить их в реку. Достигнуть этого он не мог.

С утра 25 июня после короткой артподготовки части 3-й армии возобновили наступление. Для ускорения прорыва генерал Горбатов в середине дня ввел в бой две танковые бригады, а 26 июня с рубежа Добрицы — полностью 9-й танковый корпус Б. С. Бахарова с задачей прорваться в глубокий тыл противника, захватить район Старицы и перерезать шоссе Могилев — Бобруйск.

16-й воздушной армии было приказано помочь наступлению нашей северной группы. Тысячи тонн бомб обрушились на противника, начавшего отход к Березине.

9-й танковый корпус, прорвавшийся в тылы вражеской группировки, вышел на восточный берег Березины в районе Титовки, а к утру 27 июня перехватил все шоссе и переправы северо-восточнее Бобруйска. Теперь стрелковые части обеих армий северной группы быстрее продвигались вперед, окружая бобруйскую группировку противника с северо-востока.

К этому времени 1-й гвардейский танковый корпус 65-й армии был уже северо-западнее Бобруйска, он отрезал пути отхода на запад пяти дивизиям немецкой армии.

Главные силы фронта должны были идти вперед и вперед — на Осиповичи, Пуховичи и Слуцк. И нам предстояло как можно скорее ликвидировать окруженные войска врага. В Бобруйске это было поручено частям 65-й армии, а юго-восточнее города — 48-й армии.

В кольце диаметром примерно 25 км оказалось до 40 тыс. гитлеровцев. Путь на юг и на запад мы закрыли достаточно прочно, но на севере и северо-западе в первый день окружения врага держали только части танковых корпусов. Этим, видимо, стремился воспользоваться командующий 9-й немецкой армией. 27 июня он приказал командиру 35-го армейского корпуса фон

Лютцову во что бы то ни стало пробиться либо в Бобруйск, либо на север, к Погорелому, на соединение с 4-й армией. Фон Лютцов решил уничтожить всю технику и пробиваться на север. Это фашистскому корпусу не удалось. В поддержку танкистам генерала Бахарова командарм послал 108-ю стрелковую дивизию, она оседлала шоссе на Могилев. На правом крыле наши войска вышли к Березине в районе Свислочи.

В конце дня 27 июня в расположении противника начались массовые взрывы и пожары: гитлеровцы уничтожали орудия, тягачи, танки, сжигали машины; они убивали скот, сожгли дотла все селения. Войска прикрытия, состоявшие из отборных солдат и офицеров, продолжали оказывать упорное сопротивление, даже контратаковали. Однако войска генералов Горбатова и Романенко в тесном взаимодействии с частями 65-й армии все сильнее сжимали кольцо окружения.

В районе Титовки враг предпринял до пятнадцати контратак, стремясь прорваться на север. Вот свидетельство участника событий комдива 108-й генерала П. А. Теремова: «...Самая неистовая атака разыгралась перед фронтом 444-го и 407-го полков. В этом районе были сосредоточены в основном силы нашего артиллерийского полка. Не менее 2 тыс. вражеских солдат и офицеров при поддержке довольно сильного орудийного огня шли на наши позиции. Орудия открыли огонь по атакующим с дистанции семьсот метров, пулеметы — с четырехсот. Гитлеровцы шли. В их гуще разрывались снаряды. Пулеметы выкашивали ряды. Фашисты шли, переступая через трупы своих солдат. Они шли на прорыв, не считаясь ни с чем... Это была безумная атака. Мы видели с НП жуткую картину. Нет, в ней не было и тени воинской доблести. Гитлеровцы были в каком-то полушоковом состоянии. В движении этой огромной массы солдат было скорее животное упорство стада, нежели войска, решившего любой ценой навязать свою волю противнику. Но впечатление тем не менее было внушительное».

Наша авиация обнаружила в районе Дубовки большое скопление немецкой пехоты, танков, орудий и другой техники. Авиации было приказано нанести удар. 526 самолетов поднялись в воздух и в течение часа бомбили врага. Гитлеровцы выбегали из лесов, метались по полянам, многие бросались вплавь через Березину, но и там не было спасения. Вскоре район, подвергшийся бомбардировке, представлял собой огромное кладбище — повсюду трупы и исковерканная разрывами авиабомб техника.

За два дня нашими войсками было уничтожено более 10 тыс. солдат и офицеров противника, до 6 тыс. взято в плен; захвачено 432 орудия, 250 минометов, более тысячи пулеметов. Фашистская группировка юго-восточнее Бобруйска была ликвидирована.

Одновременно шли бои за сам Бобруйск. В городе насчитывалось более 10 тыс. немецких солдат, причем сюда все время

просачивались остатки разбитых восточнее частей. Комендант Бобруйска генерал Гаман сумел создать сильную круговую оборону. Были приспособлены под огневые точки дома, забаррикадированы улицы, на перекрестках врыты танки. Подступы к городу тщательно заминированы.

Во второй половине дня 27 июня части 1-го гвардейского танкового и 105-го стрелкового корпусов атаковали засевшего в городе врага, но успеха не имели. Всю ночь и весь следующий день шли бои. В ночь на 29 июня противник отвел значительную часть сил к центру и сосредоточил крупные силы пехоты и артиллерии в северной и северо-западной частях города. Комендант немецкого гарнизона решил ночью оставить город и прорываться на северо-запад.

После сильного артиллерийского и минометного налета на позиции нашей 356-й стрелковой дивизии двинулись танки, за ними цепи штурмовых офицерских батальонов, а затем вся пехота. Пьяные солдаты и офицеры рвались вперед, несмотря на губительный огонь нашей артиллерии и пулеметов. В ночной темноте завязались рукопашные схватки. В течение часа воины 356-й дивизии героически дрались, сдерживая натиск противника. Ценой огромных потерь гитлеровцам удалось местами вклиниться в оборону дивизии.

С рассветом передовые отряды 48-й армии под прикрытием артиллерии переправились через Березину и вступили в бой на восточной окраине Бобруйска.

К восьми утра полки 354-й стрелковой дивизии захватили вокзал. Немцы, теснимые со всех сторон, еще раз попытались вырваться на северо-запад, снова атаковали славную 356-ю дивизию. Им удалось прорвать ее оборонительный рубеж. В прорыв хлынуло 5 тыс. солдат во главе с командиром 41-го танкового корпуса генералом Гофмейстером, но спастись им не удалось. Наши войска, действовавшие северо-западнее города, ликвидировали и эти бегущие части врага.

65-я армия в тесном взаимодействии с 48-й армией 29 июня полностью овладела г. Бобруйском.

В результате этой операции была взломана очень сильная оборона противника на южном фасе белорусского выступа, и наши войска продвинулись до 110 км. Все это позволяло развивать стремительное наступление на Минск и Барановичи.

В шестидневных боях нами были захвачены и уничтожены 366 танков и самоходных орудий, 2664 орудия разного калибра. Противник оставил на поле боя до 50 тыс. трупов, более 20 тыс. немецких солдат и офицеров было взято в плен.

В окружении и уничтожении бобруйской группировки вражеских войск активно участвовала Днепровская военная флотилия, которой командовал капитан 1-го ранга В. В. Григорьев. Поднявшись вверх по реке за линию фронта, корабли 1-й бригады прорвались к мосту у Паричей, нарушили переправу немецких войск,

вышли на подступы к Бобруйску. За трое суток моряки флотилии переправили с левого берега Березины на правый 66 тыс. наших бойцов.

После окружения и разгрома войсками 1-го Белорусского фронта вражеских частей под Бобруйском, а смежными фронтами — витебско-оршанской и могилевской группировок противника создались благоприятные условия для новых ударов по врагу.

28 июня Ставка возложила на 1-й Белорусский фронт следующую задачу: частью сил наступать на Минск, а главными силами — на Слуцк, Барановичи, чтобы отрезать противнику пути отхода на юго-запад и во взаимодействии с войсками 3-го Белорусского фронта как можно быстрее завершить окружение минской группировки фашистских войск.

В эти дни командиры наших подвижных соединений проявили высокое искусство. 2 июля сильным ударом в центре 1-й гвардейский танковый корпус генерала Панова прорвал оборону 12-й немецкой дивизии и совместно с пехотой 82-й дивизии овладел районом Пуховичей. Конно-механизированная группа генерала Плиева устремилась на Слуцк. На рассвете 2 июля гвардейцы-кавалеристы овладели Столбцами, Гродзей и Несвижем, перерезав коммуникации минской группировки на Барановичи, Брест, Лунинец.

Части 85-го стрелкового корпуса 3-й армии вышли на рубеж Погост, Червень, где соединились с войсками 2-го Белорусского фронта.

Танковый корпус генерала Бахарова, посланный в обход Минска с юга, овладел 2 июля узлом дорог у Любяча и продолжал двигаться вдоль шоссе Слуцк — Минск на север. В этот же день танковые части 3-го Белорусского фронта, овладев Смолевичами, продвинулись к Минску с северо-востока. Так было завершено окружение 4-й армии противника, находившейся восточнее белорусской столицы.

Противник поспешно и в беспорядке отходил по проселочным дорогам и по шоссе Могилев — Минск. Мосты и переправы были взорваны партизанами, во многих местах образовались пробки. Наши летчики беспрерывно бомбили колонны вражеских войск.

После ожесточенных боев к исходу 3 июля столица Белоруссии была полностью очищена от врага.

Тяжелая картина открылась перед глазами воинов-освободителей. Минск лежал в развалинах. Немногие уцелевшие здания заминированы и подготовлены к взрыву. К счастью, их удалось спасти, дело решила стремительность ворвавшихся в город частей. Были разминированы Дом правительства, здание Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии.

Жители города, перенесшие нечеловеческие мучения, восторженно встречали наших героев. Вся страна приветствовала освобождение Минска.

Ликвидация зажатых в минском «котле» немецко-фашистских

войск возлагалась на 2-й Белорусский фронт, для усиления которого от нас ушла 3-я армия.

Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта продолжали стремительное наступление на запад. Разгром противника в районах Витебска, Бобруйска и восточнее Минска привел к тому, что в германском фронте образовался 400-километровый разрыв. Заполнить его в короткий срок немецкое командование не имело сил. 4 июля Ставка потребовала от нас в полной мере использовать это чрезвычайно выгодное обстоятельство. Во исполнение директивы Ставки было решено, не прекращая преследования противника, концентрическим ударом 48-й и 65-й армий в общем направлении на Барановичи окружить барановичскую группировку немцев и уничтожить ее. В этой операции подвижная группа генерала Плиева и мехкорпус генерала Фирсовича охватывали войска противника, действуя на заходящих флангах. В дальнейшем, используя два параллельно идущих шоссе (Слоним — Пружаны и Барановичи — Брест), обе армии развивали успех в направлении Бреста с целью глубокого обхода и окружения — уже совместно с войсками левого крыла нашего фронта — пинской группировки немецко-фашистских войск.

8 июля Барановичи были освобождены. К 16 июля наши соединения вышли на линию Свислочь, Пружаны, продвинувшись за 12 дней на 150—170 км.

Разгром противника в районе Барановичей и на рубеже р. Шары создал угрозу его пинской группировке. Она начала отход. Это ускорило наступление 61-й армии генерала П. А. Белова вдоль северного берега р. Припять.

Оперативное положение войск фронта значительно улучшилось. В начале Белорусской операции наши фланговые группировки были разделены обширными болотами, а теперь Полесье осталось далеко позади. Протяженность линии фронта сократилась почти вдвое.

Пришло время двинуть вперед войска нашего левого крыла. Силы у нас здесь были такие: пять общевойсковых армий, воздушная армия, а из подвижных соединений — танковая армия и два кавалерийских корпуса[3]. Еще с первых чисел июля началась перегруппировка с правого крыла на левое фронтовых средств усиления.

Мы пытливо изучали данные о противнике и местности. За последнее время каких-либо изменений в положении и в поведении вражеских войск не произошло. Все же было принято несколько необычное решение: начать наступление разведкой боем передовых батальонов. Мы хотели убедиться, не оттянул ли противник главные силы на рубеж, расположенный в глубине, оставив перед нами лишь прикрытие. В таком случае он заставил

[3] Вот эти соединения: 70-я армия — командующий генерал-лейтенант В. С. Попов, 47-я — генерал-лейтенант Н. И. Гусев, 8-я гвардейская —

бы нас попусту израсходовать боеприпасы, предназначенные для прорыва основной обороны.

Небезынтересная деталь. В свое время мы отрабатывали с командармами Поповым, Гусевым, Чуйковым и Колпакчи вопрос, как лучше начать наступление. Тогда-то и пришла мысль применить, если так можно сказать, комбинированный прием — начать разведкой передовых батальонов и, если убедимся, что основная линия обороны осталась на прежнем рубеже, двинуть в бой все спланированные силы и средства без перерыва для уточнения задач.

Итак, батальоны начали бой. Нам, небольшой группе генералов, находившихся 18 июля на передовом наблюдательном пункте (основной КП фронта находился в Радошине), были хорошо видны их действия. Поддерживаемые усиленным огнем артиллерии и сопровождаемые танками, они быстро двинулись на позиции противника. Немцы открыли сильный артиллерийский огонь. Наши самолеты небольшими группами атаковали вражеские артиллерийские и минометные позиции. Их встретили в воздухе истребители противника. Он вводил в действие все новые огневые средства.

Нашим стрелкам и отдельным танкам местами удалось ворваться в первые траншеи. Бой достиг большой силы. Исчезает всякое сомнение в том, что мы встретились с главной линией обороны. Ждать больше нельзя. Подана команда приступить к выполнению плана наступления.

Генерал Казаков приказывает открыть огонь. Воздух потрясли залпы из орудий всех калибров...

Наступление левого крыла фронта являлось продолжением операции, начавшейся на бобруйском направлении. Но это отнюдь не означало прекращения действий на правом крыле. Там войска продолжали наступать, продвигаясь к Брестскому укрепленному району. Это было очень важно. На данном этапе решающим направлением для нас стало ковельское, а успешный исход тут во многом обеспечивался тем, что основные резервы противника были брошены на оборону Бреста.

47-я, 8-я гвардейская и 69-я армии получили задачу прорвать фронт противника западнее Ковеля. Осуществив прорыв, общевойсковые армии должны были ввести в сражение танковые соединения и кавалерийские корпуса и во взаимодействии с ними развивать наступление на Седлец и Люблин. Поддерживавшая наземные войска 6-я воздушная армия имела 1465 самолетов.

генерал-лейтенант В. И. Чуйков, 69-я — генерал-лейтенант В. Я. Колпакчи, 2-я танковая — генерал-полковник танковых войск С. И. Богданов, 6-я воздушная — генерал-лейтенант авиации Ф. П. Полынин, 7-й гвардейский кавкорпус — генерал-лейтенант М. П. Константинов, 2-й гвардейский кавкорпус — генерал-лейтенант В. В. Крюков, 1-я польская армия — генерал-лейтенант Зигмунд Берлинг.

18 июля с утра наши части прорвали вражескую оборону на фронте 30 км и продвинулись на 13 км. К 20 июля ударные группировки левого крыла вышли на Западный Буг и, форсировав его в трех местах, вступили на территорию Польши.

Развернувшееся в июле сражение на левом крыле 1-го Белорусского фронта и начавшееся неделей раньше наступление войск нашего соседа слева — 1-го Украинского фронта вылились в стройное взаимодействие двух фронтов на смежных флангах. Нашему успеху в большой степени способствовало то обстоятельство, что, наступая, 1-й Украинский фронт лишил противника возможности подкреплять свои силы на люблинском направлении; точно так же наши боевые действия не позволяли врагу перебрасывать войска против 1-го Украинского фронта. Эта операция, вытекавшая из Белорусской, заблаговременно планировалась Ставкой.

Наступило, наконец, время, когда враг, развязавший войну, стал испытывать все то, что испытали войска Красной Армии в начале войны. Но мы переживали свои неудачи, сознавая, что они в значительной степени объяснялись внезапностью вероломного нападения врага, знали, что они временные, и ни на минуту не теряли веры в победный исход войны. Врагу же пришлось испытать поражения после одержанных побед и без всякой надежды на более или менее благоприятный исход войны, пожар которой он сам разжег.

Катастрофа неумолимо надвигалась. Не помогали немецко-фашистскому командованию и замены одного генерала другим. Из данных разведки нам стало известно, что неудачливого фельдмаршала Буша, командовавшего группой армий «Центр», заменил — по совместительству — Модель, командующий группой армий «Северная Украина». Среди офицеров нашего штаба ходила поговорка: «Модель? Что ж, давай Моделя!» Видимо, кто-то из товарищей переиначил крылатую фразу Чапаева из знаменитого кинофильма — помните ее: «Психическая, говоришь? Давай психическую!..»

С выходом войск правого крыла фронта на рубеж Свислочь, Пружаны и на подступы к Бресту создались условия для окружения брестской группировки противника. Эту задачу должны были выполнить войска 70-й армии во взаимодействии с 28-й армией.

Войскам 47-й армии после форсирования Буга — наступать в юго-западном направлении на Седлец, разгромить противостоящие вражеские части и не допустить отхода к Варшаве немецких войск, находившихся к востоку от рубежа Седлец, Лукув. На этом же направлении сражался 2-й гвардейский кавкорпус Крюкова.

Вместе с тем наступление этих армий обеспечивало успех войскам генералов Чуйкова, Богданова, Берлинга и Колпакчи, устремившихся после форсирования Буга на запад. Они, преодо-

левая сопротивление противника, 22 июля овладели городами Хелм, Влодава и освободили много других населенных пунктов.

2-я танковая армия 23 июля освободила Люблин. 25 июля танкисты вышли к Висле в районе Демблина. Здесь генерал А. И. Радзиевский, сменивший раненого С. И. Богданова, передал свой участок 1-й польской армии, которая наступала за танковой армией. А танкисты получили новую задачу — наступать вдоль правого берега Вислы на север, с ходу захватить предместье Варшавы — Прагу и удерживать ее до подхода 47-й армии. 1-я польская армия должна была форсировать Вислу на демблинском направлении и захватить плацдарм на ее западном берегу.

К 28 июля основные силы фронта на рубеже Брест, Седлец, Отвоцк вынуждены были развернуться фронтом на север, встретив упорное сопротивление вражеских войск. По всему чувствовалось, что на этом участке немецкое командование собрало крупные силы с намерением нанести контрудар в южном направлении восточнее Вислы и не допустить форсирования реки нашими армиями.

Поскольку противник удерживал свою основную группировку восточнее Варшавы, у войск левого крыла фронта была возможность быстро продвинуться к Висле. 27 июля к ней вышла 69-я армия генерала Колпакчи. Ее войска с ходу форсировали реку близ Пулавы и к 29-му овладели плацдармом на западном берегу. 1-я польская армия 31 июля пыталась совершить бросок через Вислу, но неудачно. Однако к этому времени мы могли использовать для борьбы за западный берег всю 8-ю гвардейскую армию.

С утра 1 августа она начала форсирование в районе Магнушев устье р. Пилицы.

В течение дня войска генерала Чуйкова овладели плацдармом на западном берегу Вислы шириной 15 км и глубиной до 10 км. К 4 августа армия сумела навести через реку мосты грузоподъемностью 16 т и один 60-тонный. Василий Иванович Чуйков переправил на плацдарм танки и всю артиллерию. Инженерные войска фронта приступили к наводке деревянного моста на сваях.

Вместе с войсками передвигался и наш фронтовой КП. Как правило, переходил он на новое место, только когда там уже была подготовлена связь со всеми войсками фронта.

Вот и сейчас мы перебрались со своим КП во Влодаву, небольшой городишко на западном берегу Западного Буга; одновременно с этим Малинин и Максименко уже готовили следующий КП в д. Конколевица, недалеко от Седлеца, где еще шли бои.

Как раз перед самым переездом ночью в Радошине отбомбила нас вражеская авиация; к нашему счастью, все обошлось благополучно. Упоминая об этом эпизоде, хочу подчеркнуть, что неприятельская авиация имела специальное задание разыскивать

наши органы управления и подвергать их бомбежке. Со своей стороны мы в долгу перед противником не оставались, и наш командующий 16-й воздушной армией генерал Руденко прилагал все усилия к тому, чтобы нанести удары по органам управления противника. В данный же момент 16-я воздушная армия в основном была занята обеспечением переправ через Вислу.

Очень медленно продвигались на белостокском направлении войска нашего соседа справа — 2-го Белорусского фронта. Перед ними была весьма сильная вражеская группировка. Она была еще способна сдерживать наступление. Но ей не удалось нанести удар по правому крылу войск нашего фронта. В этом была заслуга соединений 2-го Белорусского фронта, и мы ее оценили.

Когда противник увидел, где для него назрела наибольшая угроза, было уже поздно: магнушевский плацдарм прочно заняли войска 8-й гвардейской армии, плацдарм южнее Пулавы тоже прочно удерживала 69-я армия. Немецкое командование предприняло переброску войск из районов восточнее и северо-восточнее Варшавы, атаковало наши плацдармы. Особенно сильному удару подверглись части наших славных гвардейцев.

Данные агентурной, воздушной и радиоразведки подтверждали спешную переброску вражеских войск к магнушевскому плацдарму. Надо было помочь гвардейцам Чуйкова. Обращаемся к нашим боевым друзьям полякам. Передав рубеж по берегу Вислы кавалерийскому корпусу, Зигмунд Берлинг форсированным маршем ведет свои войска на плацдарм. Они занимают оборону на правом фланге 8-й гвардейской армии. Сюда же успеваем переправить танковый корпус 2-й танковой армии.

Все это было сделано вовремя. Противник обрушил на плацдарм удар колоссальной силы. Поздно! Наша оборона здесь оказалась непоколебимой. Многодневные бешеные атаки ничего не дали гитлеровцам, кроме огромных потерь.

Враг бросил в бой свою авиацию. Она пыталась бомбить плацдарм и переправы. Но навстречу десяткам и сотням вражеских бомбардировщиков устремлялись самолеты воздушной армии Руденко. Успешно прикрывали переправы и сильные зенитные средства фронта.

В тяжелых боях крепла дружба советских и польских частей. Воины 1-й польской армии мужественно сражались с немецко-фашистскими захватчиками и заслужили всеобщее уважение.

Группа фронтов под руководством Ставки блестяще осуществила Белорусскую операцию. В результате была разгромлена группа армий «Центр» и нанесено крупное поражение группе армий «Северная Украина», освобождена Белоруссия, большая часть Латвии, значительная часть польских земель к востоку от Вислы. Советские войска форсировали реки Неман, Нарев и подошли к границам Восточной Пруссии. Немецко-фашистские войска потерпели крупное поражение.

1-й Белорусский фронт внес свой вклад в это большое дело.

Успех наших войск в Белорусской операции, на мой взгляд, в значительной мере объясняется тем, что Ставка Верховного Главнокомандования выбрала удачный момент. Советское командование, в руках которого находилась полностью стратегическая инициатива, сумело всесторонне подготовить операцию, обеспечить тесное взаимодействие четырех фронтов.

Благодаря героическим усилиям советского народа, руководимого Коммунистической партией, к началу операции и в ходе ее фронт получал в достаточном количестве вооружение, боеприпасы, продовольствие и всю необходимую технику.

Претворяя в жизнь директиву Ставки, командование и штаб фронта совместно с командующими родами войск и служб, при участии командармов разработали подробный план предстоявшей операции, определили направления главных ударов, поставили конкретные задачи перед каждым соединением.

Учитывая исключительно тяжелые условия лесисто-болотистой местности, в которых предстояло действовать войскам, были проведены большие инженерные работы и налажена необходимая связь.

Служба тыла сумела своевременно подвезти все нужное фронту и создать необходимые запасы боевой техники, вооружения, боеприпасов, продовольствия. В ходе наступления, особенно на первой стадии операции, мы не ощущали перебоев в снабжении.

В ходе операции между штабом фронта, командующими армиями и командирами частей была хорошо организована связь, осуществлялось тесное взаимодействие.

Командующие армиями продемонстрировали исключительно высокий уровень оперативного искусства, широко применяли маневр на окружение крупных группировок врага.

Командиры всех степеней, получившие боевой опыт в предшествовавших сражениях, умело руководили войсками.

Успехом операции мы были обязаны возросшему мастерству, исключительному мужеству, выносливости и массовому героизму наших воинов. Сражаясь в условиях труднопроходимой местности, они были отважны и неутомимы, их не могли остановить ни вражеский огонь, ни болота, ни бесчисленные реки и речушки. Высокую мобильность проявили при этом саперные и инженерные части.

Политические органы, партийные и комсомольские организации сумели сплотить коммунистов и комсомольцев, воодушевить войска на преодоление всех трудностей.

Нельзя обойти молчанием и то обстоятельство, что на протяжении всей Белорусской операции Ставка очень внимательно относилась к нашим предложениям и просьбам, поддерживала любое полезное начинание.

Все это способствовало успеху операции.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
П. К. ПОНОМАРЕНКО

ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ

Белоруссия в числе первых советских республик приняла на себя удары гитлеровских полчищ и стала ареной ожесточенных сражений. На ее рубежах немеркнущей славой покрыли себя советские пограничники, первыми вступившие в смертельный бой с врагом. Герои-пограничники преграждали путь противнику, стараясь задержать его, пока в бой вступят регулярные части Красной Армии.

О силе сопротивления советских воинов на территории Белоруссии свидетельствует тот факт, что когда немецко-фашистские захватчики уже подходили к Смоленску, в их тылу, на пограничном Буге, продолжал сражаться с врагом легендарный гарнизон Брестской крепости. А разве можно забыть, как 100-я дивизия, защищавшая Минск, несколько дней выдерживала бешеный натиск танковой группы Гудериана и уничтожила в боях значительное количество танков противника [1], или как части 1-й мотострелковой дивизии, курсанты Борисовского военного училища и бойцы народного ополчения пять суток защищали г. Борисов, сдерживали натиск танковых войск, стремившихся форсировать р. Березину? Невозможно также забыть и других боев. Две недели фашистские войска не могли сломить героическую

[1] 100-я дивизия была одной из первых дивизий Красной Армии, получивших звание гвардейской.

защиту Могилева. Упорные бои шли под Оршей, Витебском, Полоцком, Гомелем, где враг нес огромные потери, а каждый день его задержки имел огромное значение для развертывания людских и материальных ресурсов страны на отпор врагу.

Вместе с воинами нашей армии на борьбу с вероломным врагом поднялась вся Белоруссия — и стар и млад.

Как и все народы Советского Союза, белорусы внесли весомый вклад в великое дело борьбы за свободу и независимость Советской Родины. Тысячи вражеских парашютистов, сброшенных в наш тыл, были уничтожены населением и бойцами истребительных батальонов, организованных местными органами. Миллионы граждан республики возводили оборонительные сооружения для действующей армии. Народное ополчение, организованное во многих крупных центрах, участвовало в защите своих городов.

Более миллиона белорусов влилось в ряды Советских Вооруженных Сил и сражалось против захватчиков на всех фронтах.

В результате вторжения немецко-фашистских войск над Белоруссией нависла на три, казалось, нескончаемых года черная ночь оккупации. Осуществляя кровавый оккупационный режим, гитлеровцы рассчитывали, что жесточайшим террором им удастся запугать белорусский народ, парализовать его волю к сопротивлению. Фашистские захватчики уничтожили в Белоруссии 2,2 млн. гражданского населения и военнопленных, угнали 380 тыс. юношей и девушек на каторгу в Германию. Вся Белоруссия была покрыта сетью концентрационных лагерей и тюрем.

Но ни дикими зверствами, ни подкупами, ни разжиганием национальной вражды германским фашистам не удалось сломить волю белорусского народа к борьбе против ненавистных оккупантов, за освобождение Советской Родины.

Не страшась лишений, неизбежных жертв, которые несла освободительная борьба, не зная пощады к врагу и его пособникам, мужественный белорусский народ три года вел ожесточенную борьбу с захватчиками. И чем свирепее и бесчеловечнее становился оккупационный режим, тем сильнее разгоралось пламя партизанской и подпольной борьбы.

Организатором и вдохновителем героической борьбы белорусского народа была Коммунистическая партия Белоруссии, насчитывавшая в своих рядах перед войной 75 тыс. человек. Бо́льшая часть ее состава в первые дни войны ушла в действующую армию, другие вступили на путь подпольной борьбы или стали партизанами. Коммунисты, оставшиеся в тылу, не только самоотверженно сражались в первых рядах партизан и подпольщиков, но и вносили в их ряды высокую организацию, дисциплину, неукротимый боевой дух; они поднимали на борьбу народные массы, воспитывали у них идеи патриотизма и социальное сознание, ненависть и непримиримость к врагу и его пособникам. В результате огромной политической и организаторской работы Компартии Белоруссии на оккупированной территории

была создана широкая сеть подпольных партийных организаций: 9 подпольных обкомов, 174 горкома и райкома и около 1300 первичных партийных организаций. В городах и во всех районах действовали также подпольные комитеты комсомола, объединявшие более пяти тысяч первичных комсомольских организаций и групп.

Хотя в ходе боев с оккупантами приходилось нести потери, общая численность коммунистов и комсомольцев в тылу непрерывно росла. В составе партизанских отрядов и подпольных групп насчитывалось более 98 тыс. коммунистов и комсомольцев.

Армия партизан, действовавшая в течение войны в Белоруссии, составляла 374 тыс. человек. Они объединялись в 1108 партизанских отрядов, в большинстве входивших в 199 партизанских бригад. Партизанские отряды и бригады имели скрытые резервы численностью в 400 тыс. человек. Эти резервы принимали участие не только в небольших стычках, но и в крупных боевых действиях, охраняли деревни и семейные лагеря, состоявшие из граждан, бежавших или организованно выведенных из населенных пунктов, когда им угрожало поголовное истребление.

В городах и районных центрах с захватчиками вели борьбу 70 тыс. подпольщиков.

Таким образом, армия активных бойцов — партизан и подпольщиков, поддерживаемых всем населением, составляла 844 тыс. человек.

Применяя все доступные им средства борьбы, партизаны и подпольщики наносили гитлеровским оккупантам и германской военной машине в целом огромный ущерб. Они срывали военно-промышленное производство: организовывали массовый саботаж на предприятиях, порчу машин и продукции, диверсионные акты на заводах и фабриках, электростанциях, бойкот сельскохозяйственных поставок немецким угнетателям; срывали мероприятия гитлеровцев по вербовке и насильному угону населения на рабский труд в гитлеровскую Германию; уничтожали и портили военные и сырьевые запасы оккупантов; разрушали коммуникации врага (разбирали и уничтожали рельсы, взрывали мосты, пускали под откос поезда, портили телеграфную и телефонную связь); оказывали помощь действиям советской авиации над оккупированной гитлеровцами территорией; карали организаторов и исполнителей гитлеровского насилия и террора, а также предателей, помогавших оккупантам; оказывали помощь действующей армии разведывательной информацией о численности и расположении сил, техники и о намерениях врага.

По своим масштабам, политическим и военным результатам народная борьба в тылу немецко-фашистских армий приобрела стратегическое значение и превратилась в один из решающих факторов разгрома врага.

К лету 1944 г. Красная Армия в результате победоносного наступления освободила от оккупантов около полутора миллио-

нов квадратных километров советской территории. Враг был изгнан из пределов Российской Федерации, большинства районов Украины и примерно одной шестой части Белоруссии.

Только в период осенне-зимнего наступления 1943—1944 гг. Советские Вооруженные Силы освободили полностью или частично 36 районов Белоруссии, 36 районных и 2 областных центра — Гомель и Мозырь.

После освобождения Гомеля туда немедленно переехали правительство республики и Центральный Комитет КП(б)Б. Здесь же расположилось командование и штаб 1-го Белорусского фронта.

В связи с освобождением части районов Белоруссии с действующей армией соединилось 44 661 партизан Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей. Значительная часть партизан, действовавших на территории этих областей до их освобождения, была по указанию ЦК КП(б)Б передислоцирована Белорусским штабом партизанского движения в западные области Белоруссии для борьбы в более глубоком тылу захватчиков.

По мере продвижения советских войск на запад росло воодушевление партизан и населения. Испытывая необычайный подъем духа, они готовились не только к радостной встрече с Красной Армией, но и к тому, чтобы ударами по врагу с тыла помочь нашим войскам в разгроме и изгнании захватчиков.

В полосе фронтов Красной Армии к началу летнего наступления 1944 г. находилась фашистская группировка войск, способная при известных условиях если не сорвать, то замедлить крупные наступательные операции наших войск.

К этому времени на территории Белоруссии действовали 272 490 партизан, в большинстве своем объединенных в 150 партизанских бригад и 49 отдельных отрядов, имевших подготовленный резерв в 250 тыс. человек. Кроме того, на территории Белоруссии в это же время вели борьбу с захватчиками более 60 тыс. подпольщиков. Из общей численности партизан 79 480 человек несли охрану семейных лагерей, а также населения деревень, находившихся в партизанских зонах. Следовательно, активное участие в совместных операциях с действующей армией принимали в это время более 191 тыс. партизан и 250 тыс. человек партизанских резервов. Эти огромные силы располагались на территории Белоруссии от линии фронта до государственной границы и занимали удобное положение для нападения на все коммуникации немецко-фашистской армии. Они обладали отличным вооружением, включая противотанковые ружья, минометы и пушки, значительным опытом борьбы, хорошей организацией и налаженной связью с руководящими центрами. На оккупированной территории находились крупные партизанские края: Полоцко-Лепельский, Бегомльско-Борисовский, Кличевский, Сенненско-Оршанский, Ивенецко-Налибокский, Россонско-Освейский, Суражский и другие; они занимали огромные территории. Так, По-

лоцко-Лепельский партизанский край, в котором находилось 16 партизанских бригад численностью до 17 тыс. человек, охватывал территорию в 3245 кв. км. На территории края проживало 80 тыс. жителей. Этот партизанский край находился в непосредственном оперативном тылу 3-й немецкой танковой армии и доставлял ей огромное беспокойство, отрывая ее значительные силы от фронта. Не меньшее беспокойство причиняли врагу и партизаны других краев.

Чтобы ликвидировать угрозу с тыла, немецко-фашистские захватчики весной 1944 г., используя сравнительное затишье на фронтах, пытались крупными силами ликвидировать основные силы партизан, очистить от них оперативные тылы немецких армий. С этой целью они предприняли крупные карательные операции против витебских, минских, могилевских, брестских и полесских партизан, а также против партизан правобережных областей Украины.

Самой крупной явилась карательная операция под кодовым названием «Фрюлингфест» («Праздник весны») против Полоцко-Лепельской зоны. В этой операции участвовала 60-тысячная группировка врага, в которую входили и части шести немецких дивизий с танками и авиацией. Руководил операцией командующий 3-й танковой армией генерал Рейнгард.

Ожесточенные бои партизан против превосходящих сил карателей длились более трех недель. За это время авиация противника (по немецким отчетам) сбросила на партизан более 500 т бомб, их непрерывно атаковали немецкие танки и пехота, но уничтожить партизан фашистскому командованию не удалось. Героически сражаясь, партизаны оказали врагу ожесточенное сопротивление.

Еще перед началом карательной операции, в предвидении наступательных действий противника в партизанской зоне было создано объединенное командование, организована внутренняя радиосвязь. Во время боев партизанам систематически оказывалась помощь с Большой земли. Белорусский штаб партизанского движения и командование 3-го Белорусского фронта снабжали партизан по воздуху боеприпасами и вооружением. Самолеты 3-го Белорусского фронта бомбили немецкие войска, наступавшие на партизан. Кроме того, командование 3-го Белорусского фронта предприняло частную наступательную операцию, чтобы отвлечь силы противника, участвующие в боевых действиях против партизан. И хотя потери партизан были значительными, захватчики понесли еще большие потери. 25 суток партизаны держались против многотысячной группировки врага, после чего они организованно вывели из зоны боевых действий свои силы и основную массу населения в другие районы. Операция не оправдала данного ей гитлеровцами оптимистического названия «Праздник весны».

Вскоре партизаны вернулись в прежнюю зону и участвовали

в разгроме 3-й танковой армии, блокировав все пути подвоза к ней. Эта блокада имела такие масштабы, что, как свидетельствует начальник военных сообщений группы армий «Центр» Г. Теске, 3-я танковая армия могла снабжаться только по линии Витебск — Орша, но и на этой дороге «начиная с середины апреля 1944 года ремонтники уже не могли восстанавливать все поврежденные партизанами места. Дорога оказалась перерезанной» [2].

Многочисленные крупные операции захватчиков против белорусских партизан, проведенные весной 1944 г., не имели успеха и приносили противнику крупные потери и изматывали его войска, что в конечном счете имело большое значение для успеха предстоящего наступления Красной Армии. Тем не менее обстановка для партизан и подпольщиков оставалась чрезвычайно сложной: ввиду сокращения оккупированной территории плотность охранных и фронтовых войск на не освобожденной еще части Белоруссии и Украины значительно возросла.

Только в Белоруссии в этот период борьбой с партизанами и обороной коммуникаций на сравнительно небольшой территории было занято 9 дивизий: 281-я охранная дивизия (район Полоцка), 201-я охранная дивизия (район Лепеля), 286-я охранная дивизия (район Толочино), 221-я охранная дивизия (район Вилейка), 707-я пехотная дивизия особого назначения (район Шацка и район Кирова), 203-я охранная дивизия (район Давид-Городка), 52-я учебно-полевая дивизия особого назначения (район Барановичи), 391-я учебно-полевая дивизия (район Глубокое) и 390-я учебно-полевая дивизия (район Столбцы). Кроме этих дивизий, борьбу с партизанами вели многочисленные (более 100) охранные батальоны, а также располагавшиеся в Белоруссии многочисленные учреждения и части армейских тылов и группы армий — охранные роты и команды, саперные части, аэродромные команды, авиационные части, базы снабжения и т. д. Помимо указанных сил, в борьбу с партизанами было втянуто большинство из 11 дивизий оперативного резерва противника.

Такая концентрация войск противника, конечно, намного усложняла и затрудняла действия партизан в прифронтовой полосе. Но Центральный и республиканские штабы партизанского движения, ЦК КП(б)У и ЦК КП(б)Б еще летом и осенью 1943 г. приняли меры к тому, чтобы развернуть широкие партизанские действия далеко от линии фронта на всю оперативную глубину. С этой целью в западные области Украины и Белоруссии были передислоцированы десятки крупных партизанских бригад. Кроме того, украинскими партизанами были созданы партизанские плацдармы за пределами советской территории, прежде всего в Польше. Это позволило вести партизанскую борьбу, и особенно

[2] *Г. Теске.* Военное значение транспорта.— «Итоги второй мировой войны. Сборник статей». М., 1957, стр. 414.

против коммуникаций, на всей оперативной глубине, растянуло охранные войска противника по всей территории, что создало оперативный простор для партизан. В создавшихся условиях они могли систематически нарушать коммуникации противника и вдали от линии фронта, что особенно резко ухудшало его снабжение.

Необходимо сказать несколько слов об одном огромного значения военно-политическом мероприятии, обострявшем борьбу народных масс с оккупантами.

Несмотря на то что весной 1944 г. большая часть Белоруссии еще не была освобождена и борьба партизан и подпольных организаций против захватчиков с каждым днем становилась ожесточеннее, перед подпольными организациями, партизанскими силами и населением партией была поставлена необычная и сложная военно-экономическая задача.

Исходя из оценки общей военной обстановки, предвидя неизбежное освобождение Белоруссии в 1944 г., Центральный Комитет партии и правительство Белоруссии приняли решение о проведении весеннего сева на оккупированной территории, с тем чтобы добиться засева всего ярового клина. Директивой ЦК КП(б)Б и правительства Белоруссии все партизанские отряды и бригады, подпольные партийные организации и центры обязывались разъяснять эту задачу населению, призвать к ее осуществлению, оказать населению всю возможную организационную, материально-техническую помощь и обеспечить в необходимых случаях вооруженную защиту крестьян во время весеннего сева.

Эта директива была встречена всем населением и партизанами с огромной радостью, так как она стала для всех еще одним чрезвычайно убедительным свидетельством того, что близится час освобождения и что урожай будет собираться на уже освобожденной от захватчиков территории. Но вместе с тем проведение организованно и повсеместно весеннего сева в условиях зверского оккупационного режима представляло собой задачу необычайно сложную.

Трудно найти более яркий пример организующей и вдохновляющей роли партийных организаций, чем организация весеннего сева и руководство им на оккупированной территории Белоруссии весной 1944 г. Все подпольные обкомы и райкомы партии вынесли по этому вопросу конкретные решения, а командиры и комиссары отрядов и бригад издали соответствующие приказы, которыми предусматривались политические, организационные, материально-технические и военные мероприятия по обеспечению весеннего сева, а также намечались планы и сроки сева. Приведем один из документов.

«Постановление Узденского подпольного райкома партии Минской области от 20 апреля 1944 г.

В то время, когда под могучими ударами доблестной Красной Армии гитлеровские полчища откатываются все дальше

на запад, когда победа близка как никогда, проведение весеннего сева в районах, временно оккупированных немецкими захватчиками, приобретает важное хозяйственно-политическое значение. В целях своевременного и доброкачественного засева всего ярового клина в районе подпольный райком КП(б)Б постановляет:

1. Партийным организациям, командирам и комиссарам отрядов до 25 апреля провести среди населения во всех прикрепленных сельсоветах широкую разъяснительную работу по своевременному и доброкачественному проведению весенних полевых работ и обеспечить засев всей площади ярового клина. К каждому населенному пункту прикрепить лучших агитаторов.

2. На период весенних полевых работ с 20 апреля по 10 мая запретить партизанским отрядам пользоваться крестьянскими лошадьми.

3. Обязать командиров и комиссаров отрядов оказать помощь безлошадным крестьянским хозяйствам. На период весенних полевых работ раздать безлошадным хозяйствам не меньше 50% лошадей партизанских отрядов и организовать в деревнях прикрепленных сельсоветов взаимопомощь крестьян.

4. Командирам и комиссарам отрядов организовать раздачу земли крестьян, погибших от немецких палачей, красноармейским, партизанским и другим семьям, которые выехали из своих населенных пунктов в деревни и леса партизанской зоны, и оказать им помощь семенами.

5. Запретить партизанским отрядам проводить заготовку фуража за счет семенных фондов крестьянских хозяйств».

Подпольные организации и партизанские отряды провели широкую политическую работу по вопросу о посевной кампании: были проведены многочисленные собрания крестьян, выпускались листовки, подпольная печать разъясняла населению задачи и призывала всемерно включиться в посевные работы, с тем чтобы засеять всю пахотную землю.

Наряду с разъяснительной работой партизанские бригады и отряды оказывали практическую помощь населению в проведении весеннего сева. Многие отряды и бригады выделили для весенне-полевых работ более 50% имевшихся у них лошадей и запретили отвлекать без особого разрешения с полевых работ крестьянских лошадей. Были приняты также меры по проведению ремонта оставшихся тракторов, снабжения их бензином или вырабатываемым в ряде бригад и отрядов заменителем бензина — скипидаром. Тем, кто не имел своих семян, из запасов партизанских бригад и отрядов выделялось максимально возможное количество зерна. В тех случаях, когда имевшееся у крестьян зерно оказывалось непригодным для сева, партизаны обменивали его на качественные семена. Для ремонта сельскохозяйственного инвентаря партизаны открыли в самые сжатые сроки тысячи кузниц. В ходе сева широко организовывалась взаимопомощь

крестьян и помощь семьям бойцов Красной Армии и партизан, вдовам и женщинам, обремененным детьми и не имеющим работоспособных членов семьи. В качестве организаторов весенней посевной кампании в села и деревни были назначены авторитетные и сведущие люди. Во время весеннего сева была организована вооруженная защита работающих в поле крестьян и партизан. Для этого выделялись вооруженные группы и отряды партизан, устанавливалась сеть постов, патрулей, усиливалась местная самооборона, выставлялись засады и заслоны вблизи гарнизонов противника.

О том, в каких условиях проходил весенний сев, свидетельствует сообщение Минского подпольного обкома партии Центральному комитету партии Белоруссии. В этом сообщении говорилось:

«Немцы пытаются сорвать весенние полевые работы. В деревне Луково Гресского района немцы и полицейские обстреляли крестьян, работавших в поле; в деревне Евсеевичи, этого же района, они забрали у крестьян весь инвентарь и запретили, как и в Копыльском районе, проведение полевых работ. Несмотря на это, крестьяне прилагают все усилия к тому, чтобы больше и лучше засеять, так как знают, что сеют для себя, для своей Советской власти и родной Красной Армии. В целом ряде мест крестьяне полностью засевают специальные земельные участки в фонд Красной Армии. В Узденском районе в день 1-го Мая крестьяне засеяли в фонд Красной Армии 4 гектара. Таких примеров много. Полевые работы в опасных населенных пунктах прикрываются засадами и боевыми группами партизан».

Многочисленные сообщения подпольных партийных органов, партизанских отрядов и бригад говорили о том, что немцы нападают на крестьян, проводящих весенний сев, разгоняют и убивают их. Командир партизанской бригады Н. Н. Розов сообщал, что в районе бригады (в дер. Неживка) 27 апреля 1944 г. немцы убили трех крестьян, пахавших землю. От секретаря Барановичского подпольного обкома комсомола Ф. А. Сурганова 8 мая 1944 г. стало известно, что немцы насильно заставляют крестьян, проживающих вблизи Барановичей и гарнизонов вдоль железных дорог, перепахивать озимые посевы. Из Пинского соединения сообщали, что захватчики в районе своих гарнизонов уничтожают всеми способами посевы.

Такие сведения поступали почти из всех районов Белоруссии. Они свидетельствовали о том, что захватчики уже потеряли надежду удержаться на оккупированной территории. Но чем больше неистовствовали оккупанты, тем сильнее росло стремление партизан и всего населения успешно провести весенний сев и скорее изгнать оккупантов из Белоруссии.

Секретарь Минского подпольного обкома И. А. Бельский сообщал в ЦК КП(б)Белоруссии: «Ваша директива выполнена.., сев, в основном закончен. Сев проходил в исключительно труд-

ных условиях борьбы с немецкими захватчиками, особенно в районах, где немцы во время сева проводили блокировку против партизан. Посевная площадь засеяна. Население горячо встретило помощь партизан и приложило все старание к максимальному засеву площади всеми культурами. Попытки немцев весной запахать озимые провалились». Характерно сообщение Смолевичского подпольного райкома и командования партизанской бригады. В нем говорилось: «Весенний сев по Смолевичскому району окончен. Засеяно 1500 гектаров. Населению бригадой была оказана помощь лошадьми и семенами. Сев прошел организованно. Работы прикрывались бригадой, отбито 9 попыток немцев проникнуть в нашу зону и помешать севу».

Известия о том, что посевная площадь засеяна полностью и в сжатые сроки, поступили также из Брестской и Пинской областей.

Посевная кампания весной 1944 г. превратилась в ожесточенное сражение между захватчиками, пытавшимися сорвать весенний сев, и всем народом, стремившимся засеять всю землю. И в этом необычном сражении, в сражении за хлеб, народ, руководимый партийными организациями, при повсеместной и всемерной поддержке партизан победил.

Выступив с оружием в руках против весеннего сева, имевшего первостепенное жизненное значение для всего населения, захватчики вызвали всенародное сопротивление и вооруженный отпор и потерпели не только военное, но и глубочайшее морально-политическое поражение.

☆

Сочетание ударов фронтов Красной Армии с действиями партизан с тыла учитывалось Ставкой Верховного Главнокомандования как один из факторов первостепенного оперативного значения. Ставка ставила перед партизанами Белоруссии задачу дезорганизации оперативного тыла противника и срыва подвоза его резервов к линии фронта, а также оперативных переброс войск между фронтами.

По указанию и при непосредственной и постоянной помощи ЦК КП(б)Б Белорусский штаб партизанского движения начал самым напряженным образом проводить подготовку к этой операции: согласовывал с фронтами наиболее важные направления ударов по коммуникациям, сроки начала операций и другие вопросы взаимодействия партизанских сил с фронтами.

Командование и штабы 1-го Прибалтийского, 3-го Белорусского, 2-го Белорусского фронтов оказывали огромную помощь в подготовке операций партизан; они выделили необходимое количество взрывчатых веществ, боеприпасов и других средств и обеспечили переброску всего этого партизанам фронтовой авиацией. Только авиацией 1-го Белорусского фронта (командующий воз-

душной армией генерал С. И. Руденко) за короткий период было переправлено в партизанские отряды и бригады, действовавшие на направлении этого фронта, более 128 т взрывчатых веществ и боеприпасов.

Такая всесторонняя подготовка и помощь партизанам позволяли рассчитывать на успешное проведение массовой одновременной операции — «рельсовой войны», к которой подпольные партийные органы и партизаны, соблюдая строжайшую секретность, активно готовились начиная с 8 июня, когда они получили об этом указания ЦК КП(б) Белоруссии и Белорусского штаба партизанского движения.

Сложным оказался вопрос о начале массового проведения этой операции. Дело в том, что командование Красной Армии проводило подготовку к наступлению настолько скрытно от противника, что последний даже не предполагал о наступлении большими силами именно на центральном направлении и ничего не знал о времени начала операции. Более того, исходя из оценки обстановки, немецко-фашистское командование ошибочно предполагало до самого последнего дня, что наступление будет предпринято на южном направлении, в связи с чем там и были сосредоточены крупные резервы. В этих условиях более или менее раннее массовое выступление партизан в тылу группы армий «Центр» могло бы показать противнику, что именно здесь будет наступление, а это позволило бы ему подтянуть резервы и тем самым усложнить наступательные операции Красной Армии. Поэтому было решено нанести массовый рельсовый удар по коммуникациям и линиям связи противника не в ходе подготовки наступательной операции советских войск, а перед самым наступлением.

Директивой ЦК КП(б) Белоруссии от 8 июня 1944 г., переданной подпольным партийным органам, партизанским отрядам и бригадам, ставилась задача нанести всеми силами мощные удары по железнодорожным коммуникациям противника и парализовать его перевозки на линиях Полоцк — Двинск, Полоцк — Молодечно, Орша — Борисов, Минск — Брест, Молодечно — Вильнюс и Вильнюс — Двинск. Первый удар предполагалось нанести одновременно в ночь на 20 июня 1944 г., а в дальнейшем наносить непрерывные удары, добиваясь полного срыва перевозок противника [3].

Насколько оправданным был выбор срока удара, показывает следующее заявление немецкого генерала Типпельскирха. «Последняя неопределенность относительно начала сроков наступления,— пишет он,— рассеялась 20 июня, когда партизанами были предприняты крупные диверсии на железных дорогах Пинск —

[3] Партархив Института истории партии при ЦК КП Белоруссии, ф. 3500, оп. 3, д. 82, л. 45.

Лунинец, Борисов — Орша и Молодечно — Полоцк, то есть как раз на коммуникациях группы армий «Центр». Между 21 и 23 июня четыре русских фронта начали наступление...» [4]

В ночь на 20 июня 1944 г. белорусские партизаны атаковали железнодорожные коммуникации группы армий «Центр» на всем протяжении от линии фронта до государственной границы и нанесли свой знаменитый рельсовый удар.

За одну ночь партизанами было перебито 40 775 рельсов. При этом на такой основной артерии, как Брест — Барановичи — Минск — Орша, было перебито в эту ночь 11 240 рельсов, на линии Брест — Лунинец — Старушки — 3095 рельсов, а на линии Вильнюс — Двинск белорусские партизаны совместно с литовскими партизанами перебили 2375 рельсов.

Каждое партизанское соединение, каждая бригада, каждый отряд стремились наилучшим образом выполнить задание ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения. Об этом свидетельствуют многочисленные факты боевых действий партизан.

Партизаны Могилевского соединения, действовавшие в труднейших условиях вблизи линии фронта, в боевых порядках войск противника, в ночь на 20 июня 1944 г. нанесли удар по важной рокадной линии Витебск — Орша — Могилев, с боями захватили эту линию, разрушили 40 км железнодорожного полотна, взорвали более 5000 рельсов и 2 железнодорожных моста. Разрушения на дороге были настолько значительными, что противник так и не смог ее восстановить. Оставшиеся здесь на перегонах 10 эшелонов стали трофеями Красной Армии.

В ту же ночь партизаны Круглянской бригады под руководством Н. Г. Ильина и С. Ф. Новикова на магистрали Минск — Орша взорвали 1555 рельсов, 2 железнодорожные будки, семафор, разрушили более 13 км телеграфно-телефонной связи. Освейская бригада (командир И. К. Романов, комиссар А. И. Сергушко) на линии Полоцк — Бигосово взорвала 414 рельсов; 2-я Витебская бригада (П. З. Потапенко, В. М. Козловский) на участке Молодечно — Вильнюс уничтожила 614 рельсов; 2-я Дриссенская бригада (И. М. Кухаренко, И. В. Хут) на линии Грулево — Антопово вывела из строя 272 рельса; бригада «За Советскую Белоруссию» (А. Н. Базилевич, Т. А. Молчан) на линии Минск — Борисов взорвала 789 рельсов; 25-я Минская бригада (А. Н. Далидович, А. А. Боровик) на линии Старушки — Уречье уничтожила 967 рельсов; 12-я кавалерийская бригада им. Сталина (В. А. Тихомиров, И. А. Теплинский) на линии Барановичи — Лунинец вывела из строя 763 рельса; бригада им. Александра Невского (Н. Д. Курильчик, В. Т. Меркуль) на линии Житковичи — Калиновка взорвала 524 рельса, бригада им. Пархо-

[4] *К. Типпельскирх.* История второй мировой войны. М., 1956, стр. 442.

менко (А. В. Львов, Н. Б. Храпко) на линии Старушки — Уречье уничтожила 987 рельсов; бригада им. Рокоссовского (А. В. Романов, П. М. Машеров, Ш. Н. Нигомаев) на участке Полоцк — Молодечно уничтожила 1300 рельсов; бригада «Разгром» (Н. К. Балан, И. В. Локтионов) на линии Минск — Орша взорвала 1303 рельса, а бригада им. Чкалова (Н. Н. Розов, И. С. Конопович) на линии Любань — совхоз «Сосны» — 390 рельсов. Успешно действовали и другие бригады.

При нападениях на железнодорожные линии партизанские бригады взрывали рельсы, уничтожали связь, захватывали станции, эшелоны, истребляли немецкую охрану и т. д. Партизанская бригада им. Пономаренко (С. Г. Ганзенко, Г. В. Будай) в ночь на 20 июня 1944 г. взорвала 408 рельсов на участке Негорелое — Колосово. Во время боя за овладение железной дорогой партизанами этой бригады был захвачен отходивший эшелон с живой силой и техникой. Партизаны сожгли 40 вагонов и платформ, подорвали 3 танка, 2 танкетки, бронемашину, 3 автомашины, 6 прожекторных установок, 3 зенитных и 4 самоходных орудия, несколько танковых и авиационных моторов. В ту же ночь Логойская бригада «Вперед» (Ф. Т. Комаров, Н. В. Пронькин) захватила и разгромила железнодорожную станцию Юратишки на линии Лида — Молодечно. Было подорвано 580 рельсов, уничтожены стрелки, пути, семафоры, склады, мастерские, водонапорные башни и сожжен эшелон в составе 20 классных вагонов. На станции было убито значительное количество солдат и офицеров. Два офицера и начальник станции взяты в плен.

В ходе развернувшегося наступления Советской Армии партизаны продолжали выводить из строя коммуникации противника и с 20 по 29 июня 1944 г. подорвали еще более 20 тыс. рельсов.

Белорусская партизанская бригада (С. Н. Иванов, Г. Д. Юркевич) в ночь на 21 июня 1944 г. на магистрали Барановичи — Брест взорвала 929 рельсов, уничтожила 2381 м телефонно-телеграфной связи и мост.

Партизанские бригады Пинского соединения (В. З. Корж, А. Е. Клещев) на дорогах Лунинецкого железнодорожного узла 23 июня взорвали 4912 рельсов, чем совершенно закрыли линии подвоза к правофланговым соединениям группы армий «Центр». Бригады этого соединения: им. Ленина (В. А. Васильев, Н. В. Зиборов), им. Кирова (Ф. И. Лисевич, Г. П. Швец) и им. Куйбышева (В. М. Антонович, Ф. С. Михалкович), выполняя задание командующего 61-й армией генерала П. А. Белова, вели бои за овладение станциями Люща, Бостынь на линии Лунинец — Барановичи и ст. Ловча на линии Лунинец — Жабинка. На участке Люща — Бостынь бригады взорвали 727 рельсов и преградили отход со ст. Люща вражескому бронепоезду, который и был захвачен частями Красной Армии. Партизаны уничтожили 8,5 км 25-проводной линии связи и 25 вагонов на ст. Бостынь.

Партизанская бригада «За Советскую Белоруссию» (А. И. Волынец, А. Ф. Целуйко) на участке Богданов — Полочаны в ночь на 23 июня взорвала 165 рельсов.

208-я партизанская бригада (Е. И. Беспоясов, Р. Н. Щербаков), выполняя задание Военного совета 61-й армии, 4 июля у ст. Парохонск разгромила штаб немецкой воинской части, захватила эту станцию, взорвала 500 рельсов, находящийся на станции эшелон, 3 склада с боеприпасами, провиантом и амуницией и истребила до 200 солдат и офицеров противника.

Партизанская бригада им. Ворошилова (В. Г. Еременко, И. С. Степанов) 26 июня на линии Барановичи — Тимковичи разрушила 8 км железнодорожного полотна, взорвала 923 рельса, железнодорожный мост и разгромила гарнизон ст. Дегтяны. Было взорвано станционное оборудование, сожжено 14 вагонов с продовольствием, много классных вагонов и паровозный тендер, убито 50 человек из железнодорожной охраны, в том числе начальник станции Дегтяны, захвачены трофеи: 2 станковых и ручной пулемет, 27 винтовок, 15 тыс. патронов и прочее вооружение.

Смоленский партизанский полк (И. Ф. Садчиков, А. Ф. Юрьев), действовавший на территории Белоруссии, 26 июня на линии Полоцк — Молодечно взорвал 1070 рельсов. Партизанская бригада им. А. Невского (А. Г. Бойков, И. М. Гавриленко) 28 июня на линии Лида — Молодечно взорвала 400 рельсов. Партизанская бригада им. Первого мая (И. Г. Ковалев, М. И. Ильинич) 26 и 28 июня взорвала на линии Лида — Барановичи 474 рельса.

Партизанская бригада им. ЦК КП(б)Б (Н. Н. Федоров, Б. П. Шуцкий) с 2 по 6 июля 1944 г. произвела большие разрушения полотна в районах станций Солы и Гудогай и 6 июля после шестичасового боя захватила ст. Гудогай. В результате стоявшие на станции четыре эшелона с техникой и продовольствием были отрезаны и захвачены подошедшими частями Красной Армии.

Партизанские отряды и бригады Витебской, Вилейской, северных районов Барановичской и Минской областей, взаимодействовавшие с войсками 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, после 20 июня взорвали еще 11 тыс. рельсов.

Вследствие непрерывных нападений партизан важнейшая для немецкой 3-й танковой армии линия Крулевщизна — Воропаево — Вильно к 27 июня полностью была выведена из строя на участке Крулевщизна — Воропаево протяженностью 53 км. Германское командование приняло срочные и решительные меры к ее восстановлению и вызвало несколько специальных частей. Но партизаны сорвали все попытки восстановить эту дорогу.

Действия брестских, барановичских и пинских партизан значительно затрудняли переброску 4-й и 5-й немецких танковых дивизий с направления Хелм к фронту и 28-й пехотной дивизии из районов группы армий «Север» в группу армий «Центр».

Всего в период «рельсовых» ударов в июне и начале июля 1944 г. белорусские партизаны взорвали более 60 тыс. рельсов, за период с 26 по 29 июня они захватили, разгромили и спустили под откос 147 эшелонов противника. Сотни эшелонов не смогли двигаться, остались на путях и были захвачены Красной Армией. Партизаны дезорганизовали движение, захватили и удерживали до подхода нашей армии десятки железнодорожных станций: Княгинин, Юратишки, Дегтяны, Парохонск, Бостынь, Люща, Ловча, Гудогай, Житковичи, Ловша и другие.

Необходимо отметить, что количество взорванных железнодорожных мостов и других капитальных сооружений было в это время значительно меньше, чем в предшествующий период. Это объясняется тем, что партизаны, следуя указаниям, прибегали к взрыву этих сооружений лишь в исключительных случаях, учитывая не только сложность их восстановления, но и близость советских войск, которым эти сооружения могут понадобиться, а также значение этих сооружений для восстановления народного хозяйства республики.

Поразительный успех «рельсовых» ударов и их значение для Белорусской операции 1944 г. подтверждается многочисленными данными противника. Так, начальник военных сообщений группы армий «Центр» Г. Теске пишет, что «вместе с судьбой центральной стрелы немецкого восточного фронта была решена судьба всего этого фронта, не в последнюю очередь на основе борьбы белорусских партизан против железных дорог» [5]. Вот еще одно его высказывание: «За 24 часа до начала русского наступления партизаны провели в ночь на 20 июня огромнейшую акцию. Было насчитано 10,5 тыс. нарушений пути... Следствием было почти полное нарушение движения больше чем на 24 часа, прежде всего на всех линиях снабжения; материальные потери были настолько велики, что немедленно потребовалось разобрать вторые линии, чтобы добыть рельсы по крайней мере для одного пути» [6]. И далее: «В ночь перед общим наступлением русских на участке группы армий «Центр»... мощный отвлекающий партизанский налет на все важные дороги на несколько дней лишил немецкие войска всякого управления» [7].

Интересным является и свидетельство профессора Гахенгольца, бывшего во время войны офицером оперативного отдела группы армий «Центр». В статье «Разгром группы армий «Центр» он писал: «Начало разгрома группы армий «Центр» было положено действиями 240 тыс. партизан Белоруссии, которые за одну

[5] *H. Teske.* Partisanen gegen die Eisenbahn.– «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1953, Hf. 10, S. 468.

[6] *H. Teske.* Die silbernen Spiegel. Generalstabsdienst unter der Lupe. Heidelberg, 1952, S. 218.

[7] *Г. Теске.* Военное значение транспорта.— «Итоги второй мировой войны. Сборник статей». М., 1957, стр. 407.

ночь (19—20 июня) взорвали все железные дороги западнее Минска в 10 тыс. мест и... прервали транспортную систему...[8].

Начальник германского генштаба сухопутных войск Г. Гудериан пишет об операции партизан от 20 июня, что «эта операция оказала решающее влияние на исход сражения»[9], а Э. Миддельдорф, бывший офицер генштаба, в своей книге, которой предпослано предисловие Хойзингера, пишет: «...В порядке подготовки летнего наступления 1944 г. на центральном участке Восточного фронта в ночь с 19 по 20 июня русскими партизанами было произведено 10 500 взрывов. В результате этого переброска немецких оперативных резервов была задержана на несколько дней»[10].

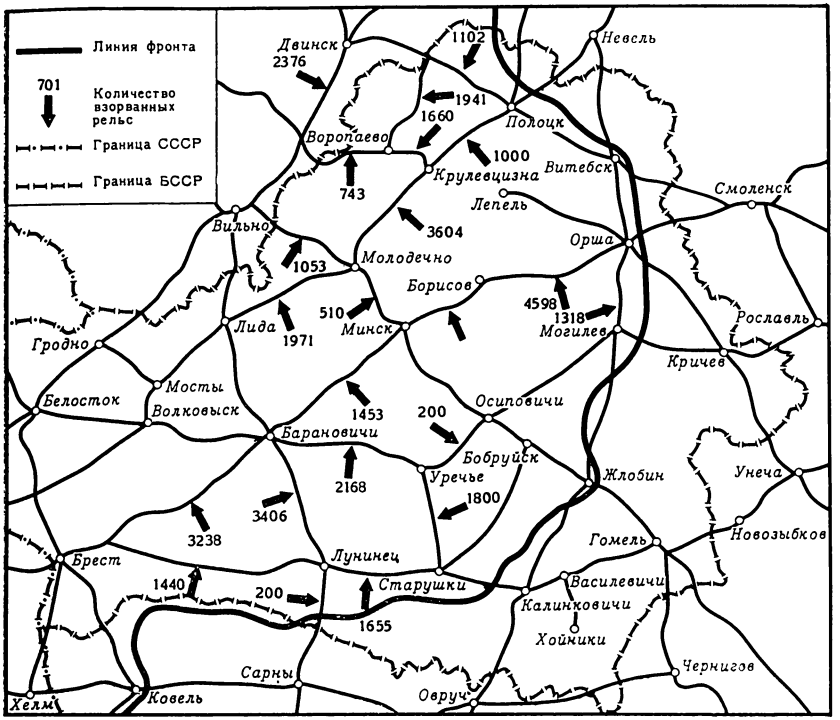
Советское командование высоко оценило эту операцию партизан. Еще в то время маршал Г. К. Жуков сказал автору этих строк о ее значении, поздравил с успешным ее проведением и просил передать об этом белорусским партизанам. Спустя много лет Г. К. Жуков в своих мемуарах писал: «За несколько дней до начала действий Красной Армии по освобождению Белоруссии партизанские отряды под руководством партийных органов республики и областей провели ряд крупных операций по разрушению железнодорожных и шоссейных магистралей и уничтожению мостов, что парализовало вражеский тыл в самый ответственный момент»[11].

Действия белорусских партизан в этот период, особенно на коммуникациях, не были изолированными; они сливались с действиями украинских, ленинградских и прибалтийских партизан, которые также внесли свой вклад в освобождение Белоруссии. Особенно важное значение в этот период имели действия украинских партизан. Зимой и весной 1944 г. партизанские отряды и соединения Украины на оставшейся части оккупированной территории вели ожесточенную борьбу с захватчиками. Совместно с белорусскими партизанами они способствовали разобщению центральной и южной групп немецких армий, препятствовали переброске войск и ресурсов, которую теперь могли осуществлять только путем глубокого обхода через территорию Польши.

Исключительно большое значение имел переход ряда партизанских соединений и отрядов Украины для боевых действий в глубоком тылу врага на территории Польши, где при содействии советских партизан значительно активизировалась борьба и местных партизан.

Согласно решению ЦК КП(б)У в пограничные районы Польши для боевых действий прибыли соединения и отряды под ко-

[8] *П.-А. Jacobsen.* Entscheidungsschlachten des zweiten Weltkrieges. Frankfurt am Main, 1960.
[9] *Г. Гудериан.* Воспоминания солдата. М., 1957, стр. 169.
[10] *Э. Миддельдорф.* Тактика в русской кампании. М., 1958, стр. 344.
[11] *Г. К. Жуков.* Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 567—568.



Рельсовые удары белорусских партизан в июне — июле 1944 г.

мандованием В. П. Чепиги, Г. К. Ковалева, Н. И. Яковлева, М. Я. Неделина, И. А. Прокопюка, В. А. Карасева, Б. Г. Шангина и др.

Германский генеральный штаб в документе № 1690 от 1 марта 1944 г. «Обзор состояния партизанского движения» о действиях украинских партизан на территории Польши писал:

«В результате создавшегося положения на фронте, в северо-западной части полосы группы армий «Юг», сильные, имеющие на вооружении тяжелое оружие и, видимо, включающие в себя часть регулярной армии, партизанские соединения вступили на территорию Польского генерал-губернаторства. Проводя многочисленные акты саботажа, особенно на основных путях подвоза, отряды «Наумов» и «Федоров» сумели пробиться до Сана вблизи Перемышля и Летайска, где и закрепились в лесистой местности вокруг Билгорая. Отсюда они угрожают железнодорожным линиям Перемышль — Люблин и Люблин — Львов, а также ряду военных объектов и промышленных предприятий.

Отмечавшийся ранее крупный очаг партизанского движения в районе Брест-Литовска переместился в район юго-восточнее и

южнее Бреста. Оживленное передвижение у переправ через р. Буг вблизи Влодава также свидетельствует о просачивании советских отрядов в направлении Люблина».

Активными боевыми действиями украинские партизаны дезорганизовали перевозки на железнодорожных линиях Юзефов — Билгорай, Юзефов — Александров, Александров — Билгорай, Билгорай — Тарногруд, Тарногруд — Люблин — Белжец — Любашев, а железнодорожная линия Львов — Варшава (на участке Рава-Русская — Звержинец) была с 20 апреля 1944 г. совершенно выведена из строя. Кроме того, украинские партизаны активизировали борьбу на других железных дорогах Польши.

Общую обстановку на железнодорожных коммуникациях в районах действий украинских партизан довольно верно описал гитлеровский начальник железных дорог в Польше в своем сообщении в главное управление дорог «Восток».

«Число крушений, вызванных в результате применения взрывчатых веществ,— говорится в этом сообщении,— а также количество нападений на станции и железнодорожные сооружения с февраля по май текущего года постоянно увеличивается. В настоящее время партизаны совершают в среднем 10—11 нападений в сутки. На некоторых участках, например, на линии Лукув — Люблин, движение возможно только в отдельные дни и определенные часы: в остальное время этот участок бездействует. Такое же положение и в Билгорайских лесах, где силы нападающих превышают наши силы. Восточная железная дорога не имеет достаточно сил, чтобы защищаться от нападений. В общем силы, которыми мы располагаем в Люблинском дистрикте, слишком малы, чтобы можно было успешно бороться против партизан. Восстановительные поезда, прибывающие к месту нападения, тут же подвергаются обстрелу, мины закладываются даже днем так, что поезда не могут передвигаться ни вперед, ни назад».

Нападения украинских партизан на железнодорожные коммуникации и другие их действия продолжались вплоть до изгнания немецко-фашистских войск с правобережья Вислы.

Украинские партизаны, таким образом, оказали существенную помощь наступавшим Украинским фронтам, поддержали наступление на центральном направлении, способствовали освобождению Белоруссии.

Кроме проведения массированных «рельсовых» ударов, имевших оперативное значение, в Белорусской операции планировалось самое широкое тактическое взаимодействие между партизанскими отрядами и бригадами, с одной стороны, и частями и соединениями Красной Армии — с другой. Это взаимодействие предусматривало совместные операции по взлому линий обороны, захвату узлов обороны и крупных населенных пунктов, преодолению водных рубежей и преград, преграждению путей отхода противника и его преследованию. Само собой разумеется, что

партизанские отряды и бригады должны были добывать и доставлять самую широкую разведывательную информацию штабам фронтов и соединений, особенно о расположении и передвижении соединений и частей противника, характере и состоянии линий и узлов обороны. Ставилась также задача тактического взаимодействия партизанских отрядов и бригад со штурмовой, а также ночной и дневной бомбардировочной авиацией. Партизаны должны были сообщать о местах скопления вражеских сил и техники, а советская авиация — наносить немедленные эффективные удары по этим объектам.

Успехи взаимодействия партизан и регулярных войск зависели от состояния связи, поэтому ей уделялось особое внимание. К началу операции в тылу врага действовало 130 радиостанций, которые обеспечивали регулярную связь ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения со всеми партизанскими бригадами и соединениями. Кроме того, в целях широкого тактического взаимодействия с партизанами штабы фронтов, армий и соединений направляли в партизанские отряды и бригады своих радистов с радиостанциями. Туда же было послано большое число офицеров связи, которые сыграли огромную роль в координации действий партизан и регулярных войск, особенно когда дело переходило от оперативного к тактическому взаимодействию. Следует заметить, что ни в одной другой операции Великой Отечественной войны непосредственная связь и тактическое взаимодействие между партизанами и фронтовыми соединениями и частями не были организованы так широко и четко, как во время Белорусской операции.

Взаимодействуя с советскими войсками, партизанские отряды и соединения непрерывно нападали на отступающие части противника, истребляли и захватывали в плен его солдат и офицеров, вели параллельное преследование врага, нападали на него из бесчисленных засад, наносили тяжелый урон его живой силе, заставляли врага бросать технику и обозы.

Географические условия Белоруссии: большое количество рек с топкими поймами, большинство которых пересекало оперативные направления, а также болота и большие леса, находившиеся под абсолютным контролем партизан, вынуждали вначале вражеские части отступать в основном по дорогам, что, дезорганизуя противника, вызывало огромные скопления его войск, смешивание частей. Это значительно облегчало действия партизан и создавало условия для эффективной работы нашей штурмовой и бомбардировочной авиации. Когда же отступление сделалось сплошным, многие немецкие части были вынуждены двигаться на запад и через леса, где их неизбежно истребляли и захватывали партизаны. Так, витебскими партизанами юго-западнее Лепеля была захвачена в плен большая группа солдат и офицеров 406-го полка 201-й охранной дивизии. Взятый в плен командир этого полка Адольф фон Папен оказался двоюродным братом известного фа-

шистского деятеля Франца фон Папена. Он заявил, что с большой группой солдат пытался лесами пробраться на запад, но часть его группы погибла в боях, многие утонули в Березине, а оставшиеся в живых, в том числе и сам Адольф фон Папен, сдались в плен. 29 и 30 июня партизанская бригада им. Данукалова (В. С. Блохин, Н. Н. Старовойтов) разгромила другой, 601-й полк этой же охранной дивизии, уничтожив 432 и взяв в плен 36 солдат и офицеров. Партизаны захватили при этом все документы штаба полка. Те, кому удалось спастись от партизан этой бригады, рассеялись по лесам, где они были истреблены или выловлены другими партизанскими отрядами. Так партизаны свели свои окончательные счеты с 201-й охранной дивизией, которая с самого начала войны вела борьбу с партизанами Витебской области и запятнала себя кровавыми преступлениями против мирного населения.

Мы, к сожалению, лишены возможности рассказать в этой статье о всех случаях нападения партизан на войска противника (настолько их было много) и вынуждены поэтому ограничиться лишь отдельными примерами, иллюстрирующими характер и значение боевых действий партизан. Так, 30 июня 1944 г. в районе Бегомля Минской области партизанской бригадой «Железняк» (Ф. И. Дернушков, И. Ф. Титков) была уничтожена большая группа солдат и офицеров 6-й авиаполевой дивизии.

В конце июня 1944 г. четыре партизанские бригады: 161-я им. Котовского (А. И. Кудашев, М. С. Полонейчик), 100-я (А. И. Шуба, И. М. Рожков), 121-я (К. Ф. Пущин, М. П. Якименко) и 258-я (Г. Н. Столяров, В. И. Смирнов), в районе северо-западнее Слободки вели бой с крупной немецкой частью, отходившей на запад. В результате ожесточенного боя противник вынужден был в беспорядке бежать, оставив на поле боя более 150 убитых, до 60 подвод с боеприпасами, 3 орудия, 10 автомашин и все повозки штаба 37-й пехотной дивизии. Среди убитых оказался и командир 37-й пехотной дивизии.

Партизанская бригада им. Воронянского (Г. Ф. Покровский, Н. И. Перепечков) 30 июня 1944 г. на рассвете окружила учебный батальон саперной школы в районе Острова, Тарасовки, Вайны.

В результате боя, который длился весь день, батальон был ликвидирован.

3 июля 1944 г. партизанским отрядом им. Кутузова (В. В. Василевский, И. Н. Затюна) в районе дер. Богданово Сенненского района Витебской области было взято в плен 150 немецких солдат и офицеров, в том числе и командир 246-й пехотной дивизии 3-й танковой армии генерал-майор Клаус Мюллер-Бюлов.

Партизанской бригадой им. Щорса (В. К. Дерюго, М. П. Прусак) в середине июля 1944 г. у дер. Слобода была захвачена в плен большая группа немецких солдат и офицеров.

Партизанские отряды и соединения совместно с частями Красной Армии участвовали в штурме и взятии ряда городов и населенных пунктов; во многих случаях партизаны захватывали города, райцентры, важные населенные пункты и железнодорожные станции и удерживали их до подхода частей Красной Армии.

28 июня 1944 г. войска 28-й армии совместно с партизанами Минского соединения овладели районным центром Старые Дороги, а 30 июня — районным центром м. Любань.

29 июня бригада им. Чапаева (Н. А. Шестопалов, Н. А. Емельянов) захватила районный центр Минской области г. Копыль, а затем вместе с частями Красной Армии овладела районным центром Столбцы. В тот же день бригада им. Ворошилова (В. Г. Еременко, И. С. Степанов) захватила районный центр Минской области м. Узда, а партизаны Осиповичского соединения вместе с частями Красной Армии освободили г. Осиповичи. На следующий день, 30 июня, части генерал-лейтенанта А. А. Лучинского и генерал-майора И. А. Плиева при активном участии партизан Минского соединения выбили захватчиков из Слуцка.

1 июля партизанский отряд им. Ворошилова (Н. И. Павлов, Н. А. Семонин), бригады им. Буденного (Г. П. Мысник, В. Е. Крайко) во взаимодействии с отрядом им. А. Невского (Г. Н. Плышевский, З. Ф. Подобудчик), бригады им. Пономаренко (А. Н. Далидович, А. А. Боровик) заняли райцентр м. Старобин, а партизанские бригады «Штурмовая» (И. Л. Фогель, И. Н. Белик) и им. Фрунзе (Э. Л. Смольский, М. В. Черепанов) заняли районный центр Илья.

2 июля 1-я Барановичская бригада (С. Ф. Бубен, Н. Т. Тетерин) ворвалась в м. Кареличи, разгромила там гарнизон и захватила трофеи. Бригада им. Дзержинского (К. Ф. Шашкин, Е. П. Ляхов) овладела районным центром Любча и захватила в нем 150 пленных, 150 винтовок, 7 пулеметов и другие трофеи.

2 июля части 35-й гвардейской танковой бригады генерал-майора А. А. Асланова совместно с партизанской бригадой «Народные мстители» им. Воронянского, действовавшей как танковый десант, овладели областным центром г. Вилейка и районными центрами Молодечно и Сморгонь. В освобождении Сморгони участвовала и 7-я гвардейская механизированная бригада полковника М. И. Родионова, а Молодечно освобождали также части 11-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий.

3 июля 16-я Смоленская партизанская бригада (Н. Г. Шлапаков, Г. Н. Тимошенков), действовавшая на территории Белоруссии, овладела районным центром Свирь, а партизанская бригада им. ЦК КП(б) Белоруссии (Н. Н. Федоров, В. П. Шуцкий) — районным центром г. Островец.

4 июля партизанская бригада «Белорусь» (В. С. Юрковцев, Н. Н. Блажков) захватила районный центр г. Руденск.

6 июля партизанская бригада им. 25-летия БССР (И. Н. Мерз-

ляков, Г. А. Татаров) и 50-я партизанская бригада (В. Н. Гущеня, Н. К. Толкачев) вместе с частями 61-й армии овладели районными центрами Житковичи и Копцевичи.

Кроме того, партизанами были самостоятельно захвачены и удержаны до подхода Красной Армии районные центры Логишин, Куринец, Видзы.

Вместе с частями и соединениями Красной Армии партизаны участвовали в освобождении таких районных центров и городов, как Барановичи, Гродно, Браслав, Гайновка, Докшицы, Лида, Кличев, Лунинец, Плещеницы, Пинск, Смолевичи, Червень, Береза-Картузская и другие населенные пункты.

Действия партизан по захвату населенных пунктов получили высокую оценку фронтового командования. В одном из документов штаба 1-го Белорусского фронта отмечалось: «Находившиеся в глубине обороны опорные пункты, на которых противник рассчитывал задержать войска фронта, оказывались неожиданно для врага занятыми партизанами. Механизированная группа не вела в этом случае бой за овладение ими, а стремилась вперед, за нею форсированным маршем шли стрелковые дивизии; войска противника дробились на мелкие группы и не могли оказывать сопротивление на промежуточных рубежах» [12].

Огромную помощь население и партизаны Белоруссии оказывали наступающей Красной Армии и в том случае, когда захватывали и восстанавливали переправы, мосты на шоссейных и железных дорогах. Это обеспечивало высокие темпы наступления советских войск и позволяло нормализовать снабжение всего огромного фронта.

26 июня 1944 г. для переправы частей 48-й гвардейской стрелковой дивизии четыре бригады Минского соединения: 161-я им. Котовского, 258-я им. Куйбышева, 121-я им. Брагина и 100-я им. Кирова захватили переправу через р. Птичь и мост в районе Березовки Глусского района и сосредоточили в районе хутора Корша 40 лодок, а 37-я партизанская бригада им. Пархоменко и 64-я партизанская бригада им. Чкалова захватили переправу через р. Случь на участке Старобино — Погост.

2-я Минская партизанская бригада обеспечила переправу частей Красной Армии через р. Птичь в районе дер. Крынки и провела большую работу по восстановлению ранее разрушенных грунтовых дорог: Осиповичи — Жиоковичи, Осиповичи — Сутки, Пуховичи — Поречье. На этих дорогах бригада построила 17 мостов длиной от 3 до 6 м каждый, засыпала 74 рва, восстановила 22 моста длиной от 5 до 25 м и разобрала 8 завалов.

Партизанская бригада им. Суворова захватила рубежи на

[12] Записка штаба 1-го Белорусского фронта «О взаимодействии партизан Белоруссии с войсками 1-го Белорусского фронта» от 17 декабря 1945 г. (Копия записки, заверенная начальником штаба фронта генералом М. С. Малининым, находится в архиве автора).

р. Птичь в районе Житень и удерживала их до подхода частей 2-го Белорусского фронта, а 64-я партизанская бригада им. Чкалова захватила и удерживала до подхода наших войск переправу через р. Случь в районе Погост. Там же действовали партизанские бригады Пинского соединения под командованием Дорошко, которые захватили переправы через р. Птичь в районе Ризухов, Поречье, Репань, Гержанова Слобода, и партизанская бригада «Буревестник», которая в течение трех дней в ожесточенных боях удерживала переправу через р. Птичь в районе деревень Подгать и Сомолево.

Нельзя не рассказать и о действиях партизанской бригады «Железняк», которая на р. Березине овладела переправами у населенных пунктов Синичино и Брод и закрепилась вдоль западного берега реки на протяжении 17 км. Бригада отбила все попытки противника форсировать Березину, удержала здесь переправы до подхода 35-й гвардейской танковой бригады генерала А. А. Асланова и обеспечила ее переправу на западный берег.

Действия белорусских партизан получали высокую оценку командиров многих наших частей и соединений. Так, командир 6-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-майор П. П. Брикель в описании взаимодействия с дивизией Белостокского партизанского соединения отмечал: «Силами партизан под руководством генерал-майора Капусты в течение ночи были построены мосты на р. Котра в районе Берты и Новая Рудня, в результате чего 6-я гвардейская кавдивизия с ходу овладела станцией Пожиче, захватив там шесть эшелонов с горючим, танками и другими военными материалами».

Партизаны всех областей Белоруссии при поддержке населения республики помогли Красной Армии преодолеть почти без всякой задержки такие реки, как Березина, Друть, Птичь, Лахва, Случь, Вилия, Котра, Неман, Щара, и многие другие. Сотни тысяч местных жителей и партизан заготовляли и подвозили лес, заделывали ямы и выбоины на дорогах, самостоятельно и вместе с саперами строили мосты, восстанавливали железные дороги, пути, мосты и сооружения, пускали лесопильные заводы и снабжали железные дороги шпалами. Там же, где не было таких заводов или они были полностью разрушены, шпалы изготовлялись вручную. Земляные работы, перешивка пути, восстановление водоснабжения — во всех этих работах вместе с железнодорожными войсками участвовали население и партизаны. Благодаря этому темпы восстановления железных дорог возрастали с каждым днем. В полосе 2-го Белорусского фронта на железнодорожном участке Орша — Минск каждые сутки восстанавливалось по 22,5 км линий, на участке Минск — Вильнюс — по 19,3 км. По данным Центрального управления военных сообщений Красной Армии, темп восстановления железных дорог в полосе 1-го Белорусского фронта составлял около 30 км в сутки.

Героические бойцы железнодорожных войск при огромной помощи населения Белоруссии обеспечили восстановление железных дорог невиданными в истории темпами. Достаточно сказать, что Брест был освобожден 28 июля, а первый поезд прибыл на ст. Брест по восстановленным путям уже 30 июля.

Партизаны решали и другие не менее важные задачи. Одной из таких задач, выполнявшихся в течение всей войны, было спасение Белоруссии и советских военнопленных от истребления и угона в фашистское рабство. Особенно остро этот вопрос стоял в период отступления немецко-фашистских армий, когда они проводили тактику «выжженной земли», заключавшуюся в тотальном уничтожении материальных ресурсов и истреблении населения. Отступая, захватчики в бессильной злобе пытались полностью уничтожить города, промышленные предприятия, железнодорожные сооружения, частное и общественное имущество

Партизаны и подпольщики организовали всюду наблюдательные группы, которые следили за действиями немецких подрывных команд, чтобы своевременно сорвать замыслы врага.

Повсеместно партизанами были выделены боевые группы по уничтожению вражеских минеров и факельщиков. Тысячи предприятий, жилых и общественных зданий удалось таким образом спасти от разрушения, в том числе важнейшие здания в столице республики.

Исключительные меры были приняты для спасения населения и его имущества. Для этого ввели предупредительную службу, организовали самоохрану и охрану деревень. Сотни тысяч мирных жителей, особенно женщины, старики и дети, были выведены партизанами в глухие безопасные места. Белоруссия покрылась огромной сетью лесных семейных лагерей. Тысячи жестоких боев, схваток и стычек выдержали партизаны против захватчиков, пытавшихся истребить население или вывезти в Германию наиболее физически сильных белорусов. Высоко оценивая патриотический подвиг белорусских партизан, «Правда», центральный орган нашей партии, в передовой статье «Слава советским партизанам» от 16 августа 1944 г. писала: «Историческая заслуга партизан Белоруссии перед народом заключается еще и в том, что они спасли сотни тысяч людей от истребления немцами, от угона на гитлеровскую каторгу».

В одном из крупнейших сражений второй мировой войны — Белорусской операции — Красной Армией при помощи партизан и всего населения оккупированных районов врагу было нанесено поражение, результатом которого явилось полное освобождение Белоруссии.

3 июля 1944 г. была освобождена столица Советской Белоруссии — Минск. Сюда немедленно переехали из Гомеля правительство, Президиум Верховного Совета республики и Центральный Комитет КП(б)Б. А 28 июля после освобождения Бреста завершилось полное освобождение Белоруссии.

В республике везде царило ликование. Темная ночь оккупации сменилась светлым радостным днем. Белорусский народ с любовью и благодарностью встречал свою родную Красную Армию, проявлял о ней самую теплую заботу и провожал ее на дальнейший ратный подвиг на запад для завершения разгрома врага и освобождения от его ига народов Европы. Вместе с Красной Армией ушли тысячи освобожденных жителей республики и партизан. Одному из них, бывшему партизану Михаилу Егорову, выпала вскоре честь вместе с грузином Мелитоном Кантария водрузить 1-го Мая 1945 г. в Берлине над рейхстагом Красное Знамя Победы.

Выражением чувств всех воинов явилась телеграмма командования 3-го Белорусского фронта, обращенная к правительству, ЦК КП(б)Б и всему белорусскому народу. В ней говорилось: «Мы гордимся вами, дорогие братья и сестры, вашей мужественной и самоотверженной борьбой в тылу врага. На весь мир пролетела слава о белорусских партизанах, грозных народных мстителях, помогавших Красной Армии ковать победу над гитлеровскими убийцами и душегубами. Спасибо, родные, за помощь нашим войскам. Спасибо от всех бойцов, сержантов, офицеров и генералов 3-го Белорусского фронта за теплый, сердечный прием, за отцовскую и материнскую заботу, которой вы окружили нас в дни тяжелых боев на Белорусской земле».

Командование фронтов и армий, командиры корпусов и дивизий давали исключительно высокую оценку борьбе белорусского народа, его партизан и подпольщиков и их роли в Белорусской операции. Командиры частей и подразделений Красной Армии, непосредственно взаимодействовавшие с партизанами, высоко отзывались о действиях партизанских отрядов и бригад, их командиров, комиссаров, начальников штабов и отдельных партизан, проявивших исключительный героизм.

Командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский в телеграмме Центральному Комитету Компартии Белоруссии писал: «В успешном проведении гигантского сражения за Советскую Белоруссию большую и неоценимую помощь оказали Красной Армии многочисленные отряды белорусских партизан, действующие в тылу врага. По общему плану Верховного Главнокомандования сотни тысяч советских патриотов Белоруссии взялись за оружие для того, чтобы помогать Красной Армии истреблять фашистских захватчиков, мстить немецким разбойникам за все их преступления.

Белорусские партизаны жестоко мстили и беспощадно уничтожали гитлеровцев, враг не имел ни минуты покоя, всюду его настигала партизанская пуля. Только в районе западнее Минск — Лепель — Борисов и северо-восточнее Минска в тылу у врага действовала партизанская армия, насчитывавшая свыше 250 тыс. человек. В дни наступления и разгрома немецко-фашистских войск белорусские партизаны активно помогали насту-

пающим частям Красной Армии захватом переправ, крупных населенных пунктов, железных дорог, ударами по вражеским коммуникациям вместе с частями Красной Армии. Партизаны штурмовали города, преодолевали вражеские узлы сопротивления, удерживали в тылу врага захваченные населенные пункты до прихода наступающих частей Красной Армии». Далее в телеграмме говорилось, что партизаны Белоруссии заслуженно делят с войсками 1-го Белорусского фронта честь одержанной победы в Белоруссии.

Приведем несколько выдержек из других отзывов командиров частей и соединений, непосредственно взаимодействовавших с белорусскими партизанами.

Командир 3-го гвардейского механизированного Сталинградского корпуса генерал-лейтенант В. Т. Обухов дал следующую оценку действий партизанской бригады им. Воронянского: «Героизм и бесстрашие, организованность, дисциплина и самопожертвование партизан являлись образцовым примером для гвардейцев-сталинградцев... Этими качествами и уменпем громить врага я и состав корпуса — гвардейцы-сталинградцы — были восхищены. От р. Березины до г. Сморгони бригада им. Воронянского во многом способствовала блестяще проведенным операциям корпуса».

Командир 3-го гвардейского кавалерийского Гродненского корпуса генерал-лейтенант Н. С. Осликовский, во взаимодействии с которым действовало Белостокское соединение партизан, писал, что в «период боев за город и крепость Гродно партизаны, взаимодействуя с наступающими частями, находясь в их боевых порядках и отдельными группами в разведке, способствовали захвату отдельных опорных пунктов на подступах к городу и выводили на важные объекты, склады с боеприпасами, с горючим, аэродромы, что позволяло с меньшими потерями их захватывать или уничтожать. В целом партизаны в большой степени способствовали выполнению поставленной корпусу задачи».

Командир 1174-го стрелкового полка полковник Долматов писал об отрядах им. Жукова (А. Г. Соболь, И. Т. Стоцкий), им. Буденного, им. С. М. Кирова, участвовавших вместе с полком в разгроме гарнизона и освобождении г. Червень: партизаны «своей смелостью, дерзостью воодушевляли бойцов полка, в результате чего стремительным ударом за короткое время бойцы совместно с партизанскими отрядами ворвались в г. Червень и закрепили его за собой».

Центральный комитет ВКП(б) и правительство Советского Союза высоко оценили самоотверженную борьбу белорусского народа, указав, что эта борьба явилась «серьезным вкладом в общее дело разгрома полчищ немецко-фашистских разбойников» [13].

После освобождения Белоруссии «Правда» 16 августа 1944 г.

[13] «Правда», 1 января 1949 г.

писала: «Отечественная война явилась суровым испытанием для белорусского народа, но ничто не могло поколебать дружбы белорусов со всеми народами Советского Союза. Во время войны белорусский народ со всей силой раскрыл свои лучшие качества — несгибаемую волю, ненависть к врагу, храбрость, любовь к Родине. Война, тяжелые испытания еще больше сплотили белорусский народ вокруг большевистской партии».

☆

Прошло 30 лет со дня освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. За эти годы белорусский народ, руководимый закаленной в боях Коммунистической партией Белоруссии и ее Центральным Комитетом, не только залечил раны, нанесенные вражеской оккупацией его республике, но и обеспечил ее невиданное политическое, экономическое и национальное развитие, расцвет ее хозяйства и культуры.

Подвиг белорусского народа получил высокое признание всех советских людей и нашей партии.

28 декабря 1968 г., выступая в Минске на торжественном заседании ЦК Компартии Белоруссии и Верховного Совета Белорусской ССР, посвященном 50-летию Советской Белоруссии, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев от имени всей партии сказал:

«Никогда не будут забыты беспримерный героизм прославленных белорусских партизан и подпольщиков, их великий вклад в разгром немецко-фашистских оккупантов. Более 440 тысяч партизан и подпольщиков мужественно боролись на белорусской земле в тылу врага, защищая свою Советскую Родину. В их самоотверженной борьбе нашли свое яркое воплощение высокие политические и моральные качества советского народа. Это был не просто стихийный взрыв народного гнева, а настойчивая, упорная, хорошо организованная борьба народа социалистической страны, руководимого боевым авангардом — партией коммунистов. На временно оккупированной территории четко действовали подпольные обкомы, горкомы, и райкомы партии. Не случайно с любовью и уважением называли советские люди Белоруссию партизанской республикой» [14].

[14] «Правда», 29 декабря 1968 г.

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК

А. П. ПОКРОВСКИЙ

3-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ В ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»

Белорусская операция Советских Вооруженных Сил вошла в историю Великой Отечественной войны и второй мировой войны в целом как одна из решающих и блестящих операций по разгрому немецко-фашистских войск.

В итоге этой битвы была уничтожена крупная группировка врага, освобождена Белорусская Советская Социалистическая Республика, значительная часть Литовской Советской Социалистической Республики и союзной нам Польши к востоку от Вислы. Советские войска вышли на широкий простор для проведения завершающих операций на берлинском и восточнопрусском направлениях.

Белорусская операция, как и ряд других наступательных операций Красной Армии, явилась образцом нашего военного искусства.

Во время Великой Отечественной войны каждая крупная наступательная операция по разгрому значительной группировки противника отличалась от других операций своим оригинальным замыслом, формами, размахом и результатами, в этом проявлялось все возрастающее могущество наших Вооруженных Сил, резкое повышение уровня военного искусства и опыта вождения войск всеми звеньями руководства до Ставки Верховного Глав-

нокомандования включительно. Характерной чертой наступательных операций была их взаимная связь по фронту и по глубине, одна операция перерастала в другую, операция на одном направлении открывала возможности для проведения в последующем наступательных действий на других направлениях. Так было и в Белорусской операции, проведение которой стало возможно благодаря успешным сражениям на севере и юге и операциям, указанным ниже.

В 1941 г. гитлеровское руководство, игнорируя печальный опыт прошлого, пыталось использовать центральное направление для своих агрессивных целей, направив сюда главный удар. Результаты оказались потрясающими: под Москвой фашистская военная машина потерпела первое во второй мировой войне сокрушительное поражение, приведшее к провалу плана «молниеносной войны», на котором зиждились все расчеты гитлеровцев. Несмотря на это, немецкое командование, хотя и перенесло военные усилия в 1942 г. на юг нашей страны, стремилось продолжать угрожать сердцу нашей страны — Москве. С этой целью оно держало на московском направлении крупную группировку войск, весьма неохотно перебрасывало отсюда резервы на другие направления, наоборот, при малейшей опасности прорыва фронта нашими войсками на этом направлении противник дополнительно перебрасывал сюда резервы. Примером этого является Погорело-Городищенская операция Западного фронта, проведенная в августе 1942 г. во взаимодействии с левым крылом войск Калининского фронта. Для противодействия наступлению советских войск противник привлек дополнительно до 16 дивизий, из них 3 танковые, и довольно сильную авиацию. О большом внимании, которое немецкое командование уделяло центральному направлению, свидетельствует также тот факт, что оно до весны 1943 г. удерживало с большим упорством ржевско-вяземский выступ, и только крупное поражение под Сталинградом вынудило врага оставить его.

Советское командование пристально следило за поведением противника на центральном направлении, к сожалению, до лета 1943 г. мы не имели здесь достаточных сил и средств для проведения крупных наступательных операций. Положение заметно изменилось к лету 1943 г., когда значительно возросла численность и техническая вооруженность Красной Армии. Западный фронт смог в июле принять активное участие войсками левого крыла в Орловском сражении, а к августу пополнившийся новыми резервами фронт приступил к подготовке Смоленской операции. В августе-сентябре Западный фронт во взаимодействии с войсками Калининского фронта успешно завершил эту операцию, и оба фронта вышли на подступы к Белоруссии.

Противник, помимо 40 дивизий, которые противостояли нашим наступавшим войскам, перебросил сюда еще до 16 дивизий, из них 11 снял с орловского направления. Это еще раз показы-

вало, насколько противник опасался прорыва своей обороны на центральном направлении.

Советское Верховное Главнокомандование, основываясь на успехе наших войск в ходе Орловской и Смоленской операций, видимо, несколько переоценило возможности войск фронтов, действовавших на центральном направлении, поставив перед ними новую, довольно глубокую задачу. Войска 1-го Прибалтийского (бывшего Калининского) и Западного фронтов должны были овладеть рубежом Полоцк — Лепель — Могилев, а Белорусского (бывшего Центрального) выйти на рубеж р. Птичь и в дальнейшем развивать удар на Минск, т. е. на глубину 150—230 км[1].

Несмотря на все попытки фронтов, эта задача была выполнена только частично. Прибалтийскому фронту удалось очистить от противника часть территории севернее Витебска. Войска Западного фронта несколько приблизились к смоленским «воротам» и охватили Витебск с юго-востока, южнее вышли на р. Проню, на подступы к Могилеву. Успешнее наступал Белорусский фронт: ему удалось овладеть Рогачевом, Гомелем, Мозырем и Калинковичами.

На Правобережной Украине, где продолжал осуществляться главный удар, наши войска добились огромных успехов; они освободили значительную территорию, и фронт борьбы южнее Полесья продвинулся далеко на запад на линию: Ковель, Владимир-Волынский, Броды, Тернополь, Черновцы. Успехи были достигнуты и на севере — под Ленинградом и Новгородом. В достижении этих побед немалую роль сыграли войска фронтов, наступавших на западном направлении: они сковали крупную группировку противника в Белоруссии и не позволили ему за ее счет усиливать войска, терпящие поражение на юге и севере стратегического фронта.

В итоге значительного успеха на юге и отсутствия заметного продвижения на западном направлении образовалась весьма сложная конфигурация стратегического фронта. Над нашими главными силами, действовавшими на юге, нависла крупная группировка войск противника, расположенная в Белоруссии. В начертании фронта образовался выступ протяжением по южной границе до 300 км.

В истории крупных войн вообще и Великой Отечественной войны в частности подобные начертания фронтов борьбы отмечались неоднократно, и нередко они имели довольно значительные последствия. В 1941 г. подобная обстановка сложилась в августе-сентябре, когда наши южные фронты вели борьбу с противником на Днепре, а фронты Западного направления — значительно восточнее. Тогда сложившаяся обстановка была использована немецко-фашистским командованием для нанесения удара в тыл

[1] «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 3. М. 1961, стр. 372, 375; т. 4, стр. 25—26, 98—100.

нашему Юго-Западному фронту. Иначе дело обернулось под Сталинградом, где наше командование успешно использовало нависавшее положение Юго-Западного и Воронежского фронтов над группировкой противника, и это привело к победе мирового значения. В 1945 г. в итоге Висло-Одерской операции подобное неблагоприятное положение сложилось справа для 1-го Белорусского фронта: пришлось нависшую опасность ликвидировать проведением Восточно-Померанской операции.

Создавшаяся на западном направлении обстановка, естественно, вызывала большое беспокойство у Советского Верховного Главнокомандования. Крупная группировка противника в Белоруссии, нависавшая над южными фронтами, связывала их дальнейшие действия. Противник мог использовать выгодное положение своих войск для удара по их флангу и тылу. Занимаемый врагом плацдарм позволял базировать на нем значительные силы авиации.

Для выяснения причин невыполнения войсками Западного фронта поставленных задач решением Государственного Комитета Обороны была назначена комиссия, которая сделала выводы о том, что отсутствие успеха в операциях войск Западного фронта объясняется упущениями со стороны фронтового и армейского руководства по организации и ведению боя. На основании выводов комиссии постановлением ГКО была произведена замена ряда руководящих лиц, включая командующего войсками фронта, уменьшен состав фронта, сокращена полоса его действий. Из двух левофланговых армий (33-й и 49-й) и армии соседнего слева фронта (50-й) был образован 2-й Белорусский фронт. Прежний Западный фронт был переименован в 3-й Белорусский фронт. Все это произошло 19 апреля 1944 г. В этот день Ставка издала директиву о переходе обоих фронтов к обороне, двумя днями раньше такое же указание последовало 1-му Белорусскому фронту. Это последнее решение свидетельствовало о том, что Верховное Главнокомандование признало невозможным добиться успеха на западном направлении теми силами и средствами, которые там были.

В то же время было ясно, что дальнейшая задержка с разгромом крупной группировки противника в Белоруссии задерживает крушение всего немецко-фашистского фронта борьбы. Советским войскам настало время выходить широким фронтом на кратчайшее направление к центру фашистского режима — Берлину. И как показали последовавшие вскоре мероприятия, Ставка решила разгромить группировку противника в Белоруссии, перенеся на это направление главные усилия Красной Армии. Такое решение являлось правильным, отвечавшим общей стратегической обстановке того времени.

Что касается причин, приведших к неуспешным операциям войск Западного фронта, то вряд ли их можно объяснить только недочетами по организации и ведению операции и боя. По-види-

мому, основными причинами ограниченных результатов наступления на западном направлении следует считать неблагоприятно сложившуюся обстановку для действовавших здесь фронтов. Группировка противника в Белоруссии к тому времени насчитывала примерно 70 дивизий [2]. Нельзя было игнорировать и сложные природные условия и хорошо подготовленную в инженерном отношении оборону. Войска наших трех фронтов в итоге предыдущих, довольно длительных и тяжелых наступательных операций были утомлены и обессилены, они нуждались в отдыхе, в пополнении людьми, боеприпасами, горючим, танками, орудиями и минометами. Ставка Верховного Главнокомандования сосредоточивая усилия на флангах общего стратегического фронта, выделить достаточные силы и средства для фронтов западного направления, естественно, не могла.

Как сказано выше, был создан новый, 2-й Белорусский фронт. В связи с этим хотелось бы отметить, что вопрос о фронтовом органе управления во время прошлой войны нуждается в дальнейшем исследовании. Если в начале войны у нас было образовано четыре фронта, то летом 1944 г. их стало уже более десяти. Некоторые фронты возникли вследствие расширения общего фронта борьбы, и поэтому их появление вполне закономерно. Однако формирование ряда фронтовых управлений вызывает сомнение [3]. Их образование требовало большого числа квалифицированных командиров, тыловых частей и учреждений, органов связи и частей охраны. К тому же на организацию и сколачивание нового аппарата управления отводилось крайне ограниченное время, это, естественно, отражалось отрицательно на руководстве войсками. Появление фронтов с небольшим составом войск вносило существенное изменение в понятие об их предназначении как оперативно-стратегических организмов. Эти изменения автоматически отражались и на армиях, которые из оперативных объединений превращались в оперативно-тактические, а подчас и просто в тактические. Все это отрицательно сказывалось на управлении войсками.

Такова краткая предыстория Белорусской операции на минском направлении, она поможет изучающим это событие лучше понять сложность и специфику ее подготовки. В заключение о Западном фронте необходимо отметить, что его управление было одним из старейших в Красной Армии. Красные полки фронта отражали нападение интервентов в первые годы существования Советского государства. В первые дни войны фронт принял на себя главный удар немецко-фашистской армии и затем стяжал

[2] «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история». М., 1970, стр. 276.

[3] Суждения автора статьи по этому вопросу не представляются бесспорными. Образование новых фронтов едва ли можно объяснить лишь расширением общего фронта борьбы.— *Прим. ред.*

неувядаемую славу под Москвой, Орлом, Смоленском, в дальнейшем под другим наименованием войска фронта добились выдающихся побед в Белоруссии, Литве и Восточной Пруссии.

Над созданием и подготовкой управления этого фронта много и плодотворно трудились Маршалы Советского Союза А. Н. Егоров, М. Н. Тухачевский и особенно командарм 1-го ранга Н. П. Уборевич. Они вложили немало труда в воспитание и подготовку будущих крупных военачальников: Г. К. Жукова, М. В. Захарова, И. С. Конева, Р. Я. Малиновского, К. А. Мерецкова, А. А. Новикова, К. К. Рокоссовского, В. Д. Соколовского, С. К. Тимошенко, которые также немало сделали для укрепления войск и управления Западного фронта. По окончании Великой Отечественной войны бывшее управление Западного фронта возвратилось в Минск в пункт своей прежней дислокации и стало именоваться управлением Белорусского военного округа.

В огромном историческом прошлом Западного (3-го Белорусского) фронта и Белорусского военного округа содержится немало поучительного материала для воспитания молодых командных кадров и солдат.

☆

15 апреля 1944 г. на командный пункт фронта, расположенный в лесу западнее Смоленска, прибыл новый командующий войсками Западного фронта генерал-полковник Иван Данилович Черняховский. Прием новым командующим и сдача дел генералом армии В. Д. Соколовским произошли быстро, без объезда войск, без проведения традиционного собрания руководящих офицеров управления фронта. Это свидетельствовало о том, что новый командующий стремился сразу же получить свободу действий для самостоятельного изучения войск и личного состава управления.

Как уже отмечалось, 19 апреля были получены директивы о разделении Западного фронта и о переименовании его в 3-й Белорусский, а также о переходе фронта к обороне. При разделении фронта была произведена замена ряда руководящих лиц. Членом Военного совета фронта вместо генерала Л. З. Мехлиса был назначен начальник политического управления фронта генерал В. Е. Макаров, вместо него — заместитель начальника штаба фронта по политчасти генерал С. Б. Казбинцев. Начальниками оперативного управления и разведывательного отдела стали генералы П. И. Иголкин и Е. В. Алешин. Несколько раньше вместо заболевшего генерала И. П. Камеры прибыл новый командующий артиллерией генерал М. М. Барсуков. Некоторые изменения произошли и среди командующих армиями: командовать 1-й воздушной армией стал генерал Т. Т. Хрюкин вместо генерала М. М. Громова, 31-й армией — генерал В. В. Глаголев вместо генерала В. А. Глуздовского.

Я уже писал, что все эти перемещения были сделаны на основании выводов комиссии ГКО, помимо нового командующего войсками фронта. Генералу Черняховскому была чужда порочная практика, когда перемещаемое руководящее лицо перетягивает к новому месту службы некоторых своих сослуживцев. Новый командующий знакомился с каждым из ответственных лиц управления фронта в индивидуальном порядке, ведя спокойный деловой разговор и не упрекая за прошлые ошибки. Беседа обычно заканчивалась кратким указанием первоочередных задач.

Судя по содержанию вопросов, затронутых И. Д. Черняховским во время ознакомления с личным составом управления фронта, мы поняли, что командующий отводит штабу и другим фронтовым органам огромную роль в управлении войсками. В последующем на протяжении почти годичного командования войсками фронта Иван Данилович еще больше убедил нас в этом. На штаб фронта и фронтовые управления он прочно опирался при руководстве войсками. В свою очередь офицеры штаба и управления фронта в целом стремились всеми силами и средствами помочь командующему в работе.

Исследование полководческой деятельности И. Д. Черняховского позволяет утверждать, что 38-летний генерал в совершенстве овладел военным искусством, и поэтому в нашей военной истории он по праву занял место среди лучших полководцев. В подтверждение сказанного можно сослаться на его блестящую деятельность в первые дни, месяцы, а затем и годы Великой Отечественной войны в качестве командира дивизии, корпуса, командующего войсками 60-й армии и наконец войсками 3-го Белорусского фронта. В его личном деле содержится ряд замечательных характеристик, данных Ивану Даниловичу нашими видными военачальниками Маршалами Советского Союза Г. К. Жуковым и К. К. Рокоссовским. Высокая оценка деятельности Черняховского Ставкой Верховного Главнокомандования подтверждается фактом назначения молодого генерала командующим войсками фронта на важное центральное направление. И. Д. Черняховскому было присвоено высокое воинское звание генерала армии, он стал дважды Героем Советского Союза. В приказе Верховного Главнокомандующего от 20 февраля 1945 г., посвященном памяти И. Д. Черняховского, погибшего на поле брани, сказано: «Армия и флот Советского Союза склоняют свои боевые знамена перед гробом Черняховского и отдают честь одному из лучших полководцев Красной Армии».

☆

Выделение двух левофланговых армий во вновь создаваемый 2-й Белорусский фронт не составило большого труда и быстро было завершено. Иное дело с выполнением двух директив о создании глубокой и жесткой обороны; для ее создания и поддержания высокой боеспособности потребовалось привлечь все наличные силы

ослабленных армий. Вместе с тем требовалось развернуть интенсивную оперативную, боевую и политическую подготовку войск, чтобы устранить недочеты, указанные комиссией Государственного Комитета Обороны.

С конца мая, когда стало известно о предстоящем переходе в наступление, надобность в земляных работах крупного масштаба отпала, и войска получили возможность больше времени уделить всем видам подготовки. Особое внимание уделялось усвоению тактики ведения наступательного боя и стрелково-артиллерийскому делу. Несмотря на огромные усилия фронтового и армейских аппаратов, достаточно хорошо подготовиться в тех условиях не удалось.

Качество тактической и огневой подготовки страдало многими недостатками, отчасти они объяснялись тем, что многие командиры подразделений слабо владели методикой организации и ведения занятий. В войсках, прибывавших на усиление фронта, обстояло дело хуже, их сосредоточение затягивалось, поэтому они имели ограниченные возможности для подготовки. На этом вопросе мы остановились потому, что он имел и будет иметь в будущей войне огромное значение. Вряд ли кто из участников Великой Отечественной войны будет отрицать, что выполнение задач, размеры боевых потерь в людях были в большой зависимости от степени подготовки войск и что на нее, как правило, не хватало времени.

По-видимому, недочеты в боевой подготовке явились одной из причин заминок в действиях 11-й гвардейской армии при прорыве обороны противника и 5-й гвардейской танковой армии в глубине обороны противника в бою против 5-й танковой дивизии врага.

Как вывод по затронутому вопросу необходимо пожелать при подготовке будущих операций и боев возможно больше времени уделять всесторонней подготовке войск.

☆

На протяжении месяца новый командующий войсками фронта смог тщательно изучить состояние фронтового управления, подчиненных войск, положение и возможные намерения противника, характер местности и другие данные оперативной и тактической обстановки. Заключение И. Д. Черняховского по итогам изучения совпадало с оценкой штаба фронта. В дальнейшем это значительно облегчило совместную работу.

Оставшиеся в составе фронта 39,5 и 31-я армии за месяц заметно пополнили свой численный состав. К 1 июня лучше других была укомплектована 5-я армия, она насчитывала более 80 тыс. человек, другие армии — примерно по 73 тыс. 4 дивизии состояли более чем из 7 тыс. человек, 12 — имели 5—7 тыс. и 8—4 — 5 тыс.

Сведения о противнике свидетельствовали о том, что он основательно организовал оборону, причем наиболее прочную в полосе автомагистрали и железной дороги Смоленск — Минск. Здесь оборонялись части 78-й штурмовой пехотной дивизии 16-тысячного состава, 25-й моторизованной дивизии тоже с большим численным составом. Противотанковая оборона на этом направлении была усилена зенитной артиллерией. Всего в первой линии противник имел семь дивизий, входивших в 53,6 и 27-й корпуса. Севернее Орши фиксировался стык 3-й танковой и 4-й армий. Особым приказом Гитлера по укреплению «Восточного вала» была установлена система крепостей и опорных пунктов, к ним относились: Витебск, Орша, Борисов, Минск, Могилев, Бобруйск, Слуцк, являвшиеся основой при создании обороны. Наиболее подготовленной в инженерном отношении была главная полоса, состоявшая из двух, а местами из трех позиций с общей глубиной полосы до 6—7 км. Вторая полоса была создана примерно в 12 км от переднего края обороны. Далее в глубине обороны противник создал оборонительные сооружения по берегам рек, в промежутках между озерами и болотами.

При проведении нами предыдущих операций войска противника активно поддерживала авиация 6-го флота, наносившая довольно сильные удары по наступавшим войскам. В воздухе над нашей территорией круглые сутки дежурили самолеты-разведчики.

Командующий и член Военного совета фронта во второй половине мая по вызову Ставки убыли в Москву, в связи с тем, что в это время в Генеральном штабе разрабатывался план летней кампании 1944 г.

Из Ставки генералы Черняховский и Макаров возвратились через несколько дней с картой, на которой было изображено решение командующего на операцию фронта, одобренное Верховным Главнокомандующим, а также с перечнем войск, прибывающих на усиление фронта, количества боеприпасов, горючего и других материальных средств, отпускаемых для проведения операции.

После ознакомления начальника штаба с решением ему было предложено разработать проект графического календарного плана намечаемой операции. К участию в работе было разрешено привлечь только начальника оперативного управления, командующих родами войск и начальника тыла.

31 мая была получена директива Ставки Верховного Главнокомандования, довольно детально излагавшая группировку и задачи войск фронта. В ней указывалось: войскам 3-го Белорусского фронта во взаимодействии с войсками 1-го Прибалтийского и 2-го Белорусского фронтов разгромить вражескую группировку в районе Витебска, Орши и выйти на Березину. Для осуществления этой задачи предлагалось нанести два удара: один — силами 39-й и 5-й армий из района западнее Лиозно на Богушевск, Сенно, частью сил наступать в северо-западном направлении, обхо-

дя Витебск с юго-запада, и во взаимодействии с левым крылом 1-го Прибалтийского фронта овладеть Витебском; второй удар требовалось нанести 11-й гвардейской и 31-й армиями в полосе автомагистрали и железной дороги на Борисов.

Ближайшей задачей фронта являлся выход его войск на рубеж Сенно, Орша, т. е. на глубину от переднего края противника на 35—40 км. В дальнейшем приказывалось наступать на Борисов и выйти на западный берег Березины, таким образом проникнуть в глубину обороны противника примерно на 200 км.

Получили директивы и другие фронты, в которых указывалось: 1-му Прибалтийскому форсировать Западную Двину, совместно с 3-м Белорусским разгромить витебско-лепельскую группировку противника и развивать наступление на Лепель; 2-му Белорусскому во взаимодействии с соседями разгромить группировку противника в районе Могилева и затем выйти на Березину южнее Борисова; 1-му Белорусскому овладеть районом Бобруйск, Глуша, Глуск, силами правого крыла выйти в район Пуховичи, Осиповичи. Как видно из краткого содержания директив, задачи фронтам по глубине были примерно на 100 км меньше, нежели по соображениям Генерального штаба. Причем наибольшую по глубине задачу получил 3-й Белорусский фронт. Такое ограничение общей стратегической и частных фронтовых операций можно объяснить лишь излишней осторожностью Ставки, по-видимому, преувеличивавшей возможности противника и одновременно недооценивавшей возможности наших войск и их фронтового руководства. Отсюда, возможно, появилось стремление к жесткому руководству фронтами путем частных директив. Все это, естественно, ограничивало инициативу и деятельность командующих и фронтовых органов управления по перспективному планированию операций и их обеспечению.

По способу взлома обороны противника Белорусскую операцию следует считать образцом дробления ее мощными фронтальными ударами с последующим проникновением в ее глубину, с одновременным окружением отдельных группировок, образовавшихся в ходе взлома обороны. Выдвинутое на восток расположение группы армий «Центр» создавало предпосылки для осуществления операции по другому замыслу по типу Сталинградской битвы, путем нанесения фланговых ударов по сходящимся направлениям с целью окружения и последующего уничтожения. При таком варианте один удар нужно было нанести с северо-востока со стороны 1-го Прибалтийского фронта и второй с юго-востока со стороны 1-го Белорусского фронта с тем, чтобы сомкнуть эти удары в районе Минска. Этот вариант для своего осуществления требовал более значительных сил не только для прорыва обороны и окружения крупной группировки противника, но и для создания прочного внешнего фронта, способного к немедленному продвижению вперед. Сосредоточить и развернуть такие силы, насыщенные подвижными войсками, и обеспечить их всем необходимым в

тех условиях общей обстановки было немыслимо. Поэтому Ставка Верховного Главнокомандования поступила правильно, избрав более реальный план разгрома центральной группировки немецко-фашистских войск.

☆

Для выполнения поставленных задач армии были значительно усилены войсками и боевой техникой, причем наибольшее усиление получили 1-й и 3-й Белорусские фронты, меньше на первом этапе операции получил 1-й Прибалтийский фронт, еще меньше 2-й Белорусский, как предназначенный для действий на вспомогательном направлении. Всего для усиления четырех фронтов к началу операции прибыло 38 стрелковых дивизий, 12 кавалерийских дивизий, 10 танковых и 2 механизированных корпуса, 18 танковых и 28 самоходно-артиллерийских полков, 4 артиллерийские дивизии и 16 артиллерийских бригад, а также несколько других артиллерийских соединений и частей. Фронты были усилены 23 авиационными дивизиями. В ходе операции 1-й Прибалтийский фронт дополнительно был усилен двумя армиями и несколькими отдельными частями.

Это доказывает, что Ставка учла недостаток в силах и средствах на этом направлении осенью и зимой 1943/44 г. и приняла необходимые меры к усилению фронтов.

Что касается соотношения количества стрелковых дивизий, то к началу операции нашим 118 дивизиям (без учета стрелковых дивизий, входивших в состав войск левого крыла 1-го Белорусского фронта) противник противопоставил в составе 3-й танковой, 4-й и 9-й армий 41 дивизию, в резерве группы армий «Центр» он имел 9 дивизий. Если же учесть, что гитлеровское командование могло привлечь соединения фланговых армий в количестве 11 дивизий, то у противника насчитывалось более 63 дивизий, но значительно большей численности, нежели наши дивизии.

☆

Войскам 3-го Белорусского фронта предстояло нанести удар по самому выпуклому участку обороны противника, взломать наиболее укрепленную часть «Восточного вала» и тем самым открыть смоленские «ворота» для дальнейшего наступления к Березине. Ранее действовавшие здесь 39, 5 и 31-я армии получили, как сказано выше, значительное пополнение людьми и боевой техникой. На усиление фронта прибыли испытанные в сражениях 11-я гвардейская общевойсковая, 5-я гвардейская танковая армии, 2-й гвардейский танковый, 3-й гвардейский механизированный, 3-й гвардейский кавалерийский корпуса, кроме того, прибыли две артиллерийские дивизии и несколько других соединений и частей артиллерии, отдельные танковые и самоходно-артиллерийские полки.

1-я воздушная армия была усилена десятью авиадивизиями и несколькими отдельными полками. В итоге такого усиления численный состав фронта к началу операции был следующим: танков — 1169, самоходно-артиллерийских установок — 641, противотанковых орудий (45- и 57-мм) —1175, орудий (76-мм и выше) — 2893, минометов — 3552, установок реактивной артиллерии — 689, зенитных орудий — 792, самолетов — 1864, автомашин — 16 208. Без учета армейских и фронтовых тыловых учреждений и частей во фронте насчитывалось почти 390 тыс. человек.

При общей ширине полосы, занимаемой войсками 3-го Белорусского фронта, в исходном положении в 140 км эта боевая техника обеспечила следующие плотности на один километр: танков и самоходно-артиллерийских установок — 13, орудий и минометов всех калибров — примерно 55, зенитных орудий — почти 6, реактивных установок — около 5. Что касается плотности стрелковых дивизий, то, поскольку их в составе фронта было 33, на каждую из них приходилось более 4 км.

Если же учесть, что в первом эшелоне была развернута 21 дивизия, то на каждую из них приходилось почти 7 км общего фронта предстоявшего наступления. Таким образом, на каждые три наши дивизии первого эшелона приходилась одна дивизия противника. Однако численность дивизий у противника была от 7 до 9 и даже до 16 тыс., а у нас в среднем 6 тыс. Таким образом, соотношение по дивизиям первого эшелона войск сторон было только около двух к одной в нашу пользу. С учетом вторых эшелонов это соотношение было несколько более 3,5 наших дивизий к одной противника.

☆

Подготовленный проект графического календарного плана операции вначале был рассмотрен и одобрен командующим войсками фронта, затем для его повторного рассмотрения были вызваны командующие и члены военных советов армий с начальниками штабов и командующими артиллерией. План обсуждался в присутствии и при активном участии представителя Ставки Маршала Советского Союза А. М. Василевского.

Оперативное построение фронта в плане предусматривалось следующее: в первом эшелоне все четыре общевойсковые армии, во втором — подвижная группа и 2-й гвардейский танковый корпус. В полосе 3-го Белорусского фронта располагался также резерв Ставки — 5-я гвардейская танковая армия, которая в ходе операции была передана фронту. В качестве подвижной группы было намечено использовать два корпуса — 3-й гвардейский кавалерийский и 3-й гвардейский механизированный. Группу предполагалось ввести в прорыв на участке 5-й армии. 2-й гвардейский танковый корпус предназначался для развития прорыва в полосе 11-й гвардейской армии. Ближайшую задачу общевойско-

вые армии должны были выполнить к исходу третьего дня операции и дальнейшую — к исходу десятого дня.

Общая ширина участков прорыва обороны противника определялась в 33 км, или 23,6% от общей ширины фронта, занимаемого нашими войсками. 5-ю гвардейскую танковую армию было решено подготовить для ввода в прорыв по двум вариантам в зависимости от обстановки: или в полосе железной дороги и автомагистрали на участке 11-й гвардейской армии, или вслед за конно-механизированной группой на участке 5-й армии. Основным вариантом являлся первый. К участию в артиллерийском наступлении привлекалось несколько более 80% артиллерии и минометов фронта, что позволило при общей ширине фронта прорыва в 33 км иметь на 1 км в среднем 175 орудий. Наибольшая плотность была достигнута на участке 11-й гвардейской армии — 212 орудий и наименьшая в 31-й армии — 102 орудия. Наибольшую среднюю плотность на общем фронте прорыва удалось достигнуть на 1-м Белорусском фронте — до 204 орудий и минометов на 1 км фронта.

Проект плана артиллерийского наступления на 3-м Белорусском фронте докладывал командующий артиллерией фронта генерал М. М. Барсуков, опытный артиллерист, участник Великой Отечественной войны с первых ее дней в составе 10-й армии на западной границе. Генерал Барсуков, скупой на слова, отличался огромной работоспособностью и выполнял свои обязанности с особой педантичностью.

Продолжительность артподготовки была определена в 2 часа 20 минут, артиллерийскую поддержку атаки планировалось провести ординарным огневым валом в сочетании с последовательным сосредоточением огня на глубину 1,5—2 км. Артиллерийское обеспечение ввода в прорыв подвижных соединений было решено осуществить путем дополнительного их усиления артиллерией и привлечением армейских групп. Для обеспечения управления артиллерией она в зависимости от обстановки и опыта артиллерийских начальников была распределена на различные группы. Во всех армиях были созданы полковые и армейские группы а в 11-й гвардейской армии — кроме того, дивизионные и корпусные группы. Во всех армиях, за исключением 31-й, имелись группы реактивной артиллерии. Боеприпасами войска фронта были обеспечены по нормам: 82-мм минами —2,6 боекомплекта, 122-мм — 3,9, 76-мм снарядами полковой и дивизионной артиллерии —3,0 и 2,8 боекомплекта, 122-мм —3,2, 152-мм гаубичными — 8,3 боекомплекта. Эти нормы обеспечивали выполнение задач в пределах директивы Ставки от 31 мая и при условии, что противник не сможет оказать упорного сопротивления в глубине своего расположения. Забегая вперед, следует сказать, что наступление наших войск было настолько стремительным и разгром врага был осуществлен так быстро, что противник не был в состоянии организовать стойкое сопротивление на промежуточных рубежах. Од-

нако значительное в сравнении с планом превышение операции по глубине привело в последующем к большим затруднениям с боеприпасами.

План авиационного наступления докладывал командующий 1-й воздушной армией генерал Т. Т. Хрюкин, опытный летчик, крупный организатор боевого использования авиации.

Из общего количества 1864 самолетов на нашем фронте было 767 истребителей, 547 штурмовиков, почти 400 дневных и 81 ночной бомбардировщик. Таким количеством авиации фронт никогда до этого не располагал. План предусматривал предварительную и непосредственную авиационную подготовку наступления и затем его поддержку и сопровождение. Для борьбы с авиацией противника предусматривались боевые действия в воздухе и удары по аэродромам.

Предварительную авиационную подготовку было решено осуществить по обороне противника в полосе 11-й гвардейской армии. Непосредственная авиационная подготовка предусматривалась в полосах всех наступавших армий, кроме 39-й. Намечалось провести ее за 15—30 минут перед атакой, для чего предполагалось осуществить 500 самолето-вылетов бомбардировщиков и штурмовиков и 230 вылетов истребителей. В период авиационной поддержки и сопровождения атакующих войск были намечены действия штурмовой авиации в течение 2—3 часов, при этом наибольшее внимание обращалось на помощь 11-й гвардейской армии. Одновременно бомбардировочная авиация должна была наносить удары по наиболее важным узлам обороны противника. С началом входа в прорыв подвижных групп вся авиация переключалась на их поддержку и обеспечение. Всего за первые три дня операции намечалось произвести около 11 тыс. самолето-вылетов, из них почти 80% — на оршанском направлении. Наземные, особенно подвижные, войска обязывались возможно быстрее захватывать аэродромы, не допуская их разрушения. В свою очередь авиация должна была воспрепятствовать разрушению противником железных и шоссейных дорог. В Белорусской операции, помимо фронтовой авиации, приняли участие 1000 самолетов авиации дальнего действия.

Проект плана по инженерному обеспечению операции докладывал хорошо подготовленный и опытный начальник инженерных войск фронта генерал Н. П. Баранов. Из его доклада следовало, что, помимо войсковых инженерно-саперных частей и подразделений, фронт имеет четыре инженерно-саперные армейские бригады, четыре фронтовые инженерные бригады, понтонно-мостовую бригаду, инженерную бригаду в танковой армии, два инженерно-танковых полка и два огнеметных тоже танковых полка. Кроме того, фронт имел 5-е и 52-е управления оборонительного строительства. Все эти войска позволяли в расчетно-саперных ротах создать плотность более семи единиц на один километр фронта прорыва.

Как при подготовке операции, так и в ходе её планом предусматривалось организовать и вести непрерывную инженерную разведку, подготовить исходные районы для наступления; обеспечить форсирование рек Суходровки, Лучесы, Березины и других менее значительных рек. Для этого фронт имел парков: Н2П — почти три, ДЛП — два, НЛП — шесть и на лодках А-3 — одиннадцать. Кроме того, удалось подготовить для низководных деревянных мостов под грузы в 60 т 860 погонных метров деталей, под грузы в 30 т — 280 и 16 т — 120 погонных метров деталей.

Для подготовки дорожной сети в исходном районе было проверено на разминирование и отремонтировано несколько сотен километров дорог, проложено колонных путей и построено новых дорог 60 км, построено и усилено около 3500 км мостов. Для обеспечения управления войсками намечалось построить необходимое количество командных и наблюдательных пунктов.

Успех в операции в значительной мере зависит от своевременного обеспечения войск боеприпасами, горючим и всеми другими видами материального обеспечения. И. Д. Черняховский это прекрасно понимал. Значительное количество войск с их разнообразной техникой и сложность предстоящей операции потребовали от командующего уделить особое внимание организации и подготовке всех звеньев тыла для успешной работы.

Из состава Военного совета повседневно тыловыми вопросами занимался известный в стране государственный деятель, занимавший до войны пост Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР, генерал И. С. Хохлов. Начальником тыла был неутомимый, опытный генерал В. П. Виноградов, Военными сообщениями руководил энергичный, отлично знающий свое дело генерал А. В. Добряков. Прекрасные и хорошо подготовленные офицеры и генералы были и во главе других органов тыла. Благодаря стараниям работников тыла фронта многие трудности в обеспечении войск удавалось преодолеть. Много внимания тыловым вопросам уделял и представитель Ставки А. М. Василевский. Ему пришлось затратить немало усилий для ускорения прибытия 5-й гвардейской танковой армии, 3-го гвардейского механизированного и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов, боевой техники 11-й гвардейской армии и артиллерии усиления, а также боеприпасов и горючего. Все перечисленное сильно запаздывало, поэтому, несмотря на принятые меры, пришлось срок начала наступления перенести на несколько дней.

Генеральный штаб для подвоза фронту всего необходимого выделил три участка железных дорог: Вязьма — Смоленск — 24 пары поездов, Заказная — Смоленск — 12, 8 пар было предоставлено на участке Брянск — Смоленск. Распорядительная станция находилась на ст. Смоленск. Для подвоза армиям были выделены головные участки по направлениям Смоленск — Витебск и Смоленск — Орша.

К началу операции фронт мог использовать для подвоза 2253 грузовые автомашины общей грузоподъемностью в 6500 т. Это позволяло ежесуточно доставлять войскам нужные им 0,1 боекомплекта, 0,25 заправки горючего и 1700 т продовольствия и некоторое количество других грузов. При удалении баз снабжения от войск не более чем на 200—250 км автотранспорт мог справиться со своей задачей. Иначе говоря, подвоз им материальных средств был обеспечен только до выхода войск на р. Березину.

После рассмотрения вопросов оперативного характера и работы тыла Военный совет фронта определил перечень мероприятий, которые следовало провести с целью повысить боевую готовность войск, укрепить их политико-моральное состояние. Партийно-политическую работу поручено было вести, не раскрывая предстоящего перехода в наступление. Основой ее должно было быть разъяснение важнейших решений Коммунистической партии и Советского правительства, в которых излагались успехи советского народа в тылу и на фронте, приказы Верховного Главнокомандующего, а также задач по окончательному освобождению от врага всей нашей земли и переносу военных действий за ее пределы. Военный совет призвал к укреплению партийных и комсомольских организаций. К концу июня в войсках фронта состояло 162 324 коммуниста. Итогом большой партийно-политической работы среди личного состава был высокий наступательный порыв, столь необходимый для достижения успеха в операции.

В заключение генерал Черняховский потребовал соблюдения строжайшей секретности в подготовке операции. Был указан порядок и сроки доведения задач от высшего звена к низшему, занятия исходного положения войсками, время пристрелки артиллерии, смены командных и наблюдательных пунктов. Было запрещено издавать какие-либо документы по вопросам подготовки операции и пользоваться для этого техническими средствами связи. Вновь прибывавшие войска обязывались пользоваться только подвижными средствами связи, а соединения и части, ранее входившие в состав фронта, при перегруппировках работавшие радиостанции должны были оставлять временно в пунктах прежней дислокации. Письменные директивы фронта на проведение операции было указано подготовить к 20 июня. С получением их армиям разрешалось издать свои приказы или директивы. Командный пункт фронта решено было сменить в ночь на 20 июня, к этому же времени подготовить наблюдательный пункт для командующего севернее автомагистрали, примерно в 2,5 км от переднего края.

Всю работу Военного совета, кратко изложенную выше, генерал Черняховский провел спокойно, уверенно, тактично, но твердо, умело разъясняя возникавшие вопросы. Многие из присутствующих были не новичками, они прошли труднейшие боевые испытания, имена их широко были известны стране и врагу, испытавшему силу ударов руководимых ими войск. Это — коман-

дующие армиями: 11-й гвардейской — К. Н. Галицкий, 31-й — В. В. Глаголев, 5-й — Н. И. Крылов, 39-й — И. И. Людников, 5-й гвардейской танковой — П. А. Ротмистров, 1-й воздушной — Т. Т. Хрюкин, командующие родами войск и начальник тыла.

С такими опытными мастерами военного искусства работу по подготовке операции требовалось вести с большим знанием дела. Здесь недопустимы фразы и слова, произносимые с ударением и на высоких нотах. Требовалось умело, сдержанно выслушивать вопросы и предложения, давать четкие ответы и, не опасаясь за свой авторитет, принимать хорошие советы.

Всем этим в полной мере владел И. Д. Черняховский.

Командующие армиями, родами войск проявили глубокое понимание важности задач и с высокой ответственностью за порученное дело приступили к подготовке операции.

Начался второй этап — наиболее трудный, насыщенный большой практической работой непосредственно в войсках.

Военная история знает немало примеров, когда хорошие решения на проведение операции или боя не достигали успеха лишь потому, что не была проведена их тщательная подготовка сверху донизу. Опыт Великой Отечественной войны еще раз подтвердил этот закон военного искусства, который жизнен и сейчас. Принять решение на операцию и бой, наметить направления ударов и определить группировку войск — это только часть содержания понятия подготовки. Не менее важно осуществить всестороннюю тщательную подготовку войск, боевой техники и обеспечить их всем необходимым для выполнения задачи, а также добиться тесного взаимодействия между частями оперативного построения и боевого порядка.

На протяжении второго этапа подготовки операции командующий войсками, командующие родами войск, начальники служб, офицеры политуправления и штаба фронта ежедневно, после короткого ночного отдыха, работали в поле и непосредственно в войсках. В этот период ими был решен большой круг вопросов. Непосредственно на местности были проверены правильность принятых решений, последние данные о противнике и начертание его переднего края, степень уяснения полученных задач, организовано взаимодействие между фланговыми соединениями соседних армий, отдельными соединениями и родами войск, где нужно, перестроена боевая подготовка и решен ряд других вопросов. Если на первом этапе подготовки операции от командующего войсками фронта требовались большие знания для принятия правильного решения оперативно-стратегического характера, то для работы в войсках, на местности от него требовались знания и опыт мастера тактико-технического профиля высокой квалификации. Генерал Черняховский и в этой области владел прекрасными знаниями и опытом. Представитель Ставки Маршал Советского Союза А. М. Василевский, наблюдая работу молодого командующего войсками, в донесении Верховному Главнокомандующему от 10 июня 1944 г.

писал, что первые впечатления о Чернове (псевдоним Черняховского) хорошие, работает много, умело и уверенно.

☆

При переходе ко второму этапу подготовки операции возник вопрос о роли и месте в это время начальника штаба фронта. Генерал Черняховский решил его, как и предыдущие командующие войсками бывшего Западного, ныне 3-го Белорусского фронта. По его мнению, начальник штаба должен оставаться на командном пункте. Этим решением И. Д. Черняховский вновь проявил глубокое понимание роли начальника штаба фронта и штаба в целом.

После принятия решения на операцию для штаба начался этап большой черновой работы по ее обеспечению и контролю за выполнением указаний командующего. Начальник штаба, оставаясь на командном пункте, поддерживал твердое и непрерывное управление войсками и деловую связь с Генеральным штабом. Он организовывал работу подчиненных ему управлений и отделов и взаимодействие их со штабами родов войск, отдельными фронтовыми управлениями и отделами, уточнял планы их работы, организовывал разведку, топографическое обеспечение операции, намечал места новых командных и наблюдательных пунктов и совместно с начальником связи определял связь всех видов по этапам операции. Как бы ни был подготовлен и энергичен командующий, он не в состоянии на месте, в войсках проверить во всех деталях полностью ход подготовки операции, поэтому начальник штаба по плану, одобренному командующим, должен направлять подчиненных ему офицеров в войска для выполнения определенных заданий. Поздно вечером или ночью, когда командующий и члены Военного совета возвращались на командный пункт, между ними и начальником штаба происходил взаимный обмен мнениями о ходе подготовки операции и намечался план работ на следующий день. Нередко на вечерние встречи с командующим вызывались для докладов и для получения новых указаний командующие родами войск, начальник тыла и другие руководящие лица. Начальника штаба при необходимости сопровождали начальники оперативного управления и разведывательного отдела.

☆

Переход в наступление Ставка назначала трем фронтам на 23 июня, а правому крылу 1-го Белорусского фронта — на следующий день.

20 июня лично мною были написаны директивы отдельно каждой армии, которые по мере готовности рассматривались командующим и членом Военного совета, подписывались ими и направлялись с офицерами связи под надежной охраной для вручения лично командующим армиями. Одновременно копии директив до-

кладывались представителю Ставки и в зашифрованном виде передавались по проводу в Генеральный штаб.

Примерное содержание директив было следующим.

39-я армия. Состав: стрелковых дивизий — 7, танковых бригад — 1. Противник — 6-я апд. 206-я, 197-я и часть 299-й дивизии. Его передний край — Руда, р. Суходровка. Нанести удар с фронта Макарово, Языково на Замосточье, Гнездиловичи, разгромить совместно с войсками 1-го Прибалтийского фронта витебскую группировку противника и на третий день операции овладеть Витебском. Частью сил наступать на Бешенковичи.

5-я армия. Состав: стрелковых дивизий — 9, танковых бригад — 2. Противник — 299-я и 256-я дивизии обороняют подступы к Богушевску и к железной дороге Витебск — Богушевск. Силами восьми дивизий нанести удар с фронта Евременки, Юльково на Богушевск и наступать далее на Сенно, Лукомль, Моисеевщину. К исходу третьего дня овладеть районом Сенно и к исходу десятого дня операции выйти на Березину и на участок оз. Палик и южнее. С выходом на р. Лучесу обеспечить ввод в прорыв конно-механизированной группы.

11-я гвардейская армия. Состав: стрелковых дивизий —9, танковых бригад — 1, танковых полков — 4, танковых корпусов — 1. Противник — 256-я, 78-я пехотные дивизии обороняют подступы к Орше. Передний край — Костеево, Винокорно-1-е и далее по западному берегу р. Черницы, Бабиновичи, р. Верхита, Протасово, Остров-Юрьев, Загвоздино. Удар нанести в полосе автомагистрали на м. Толочин, Борисов. Разгромить оршанско-богушевскую группировку противника и к исходу десятого дня операции выйти на р. Березину в районе Борисова и севернее. Ввести в прорыв 2-й танковый корпус, которому по выходе в район западнее Орши нанести удар на юг и к исходу четвертого дня овладеть Старосельем. Одновременно армии указывалось быть в готовности с утра третьего дня обеспечить ввод в прорыв 5-й гвардейской танковой армии в направлении Борисова. Поддерживают — главные силы 1-й воздушной армии.

31-я армия. Состав: стрелковых дивизий —8, танковых бригад — 1. Противник — части 78-я пехотной и 25-я моторизованная дивизия. Передний край — Загвоздино, Лопыревщина. Удар нанести по обоим берегам р. Днепр на Дубровну, Оршу и далее наступать на Воронцевичи, Выдрицу. К исходу десятого дня выйти на р. Березину у Борисова и южнее.

Конно-механизированная группа. Состав: 3-й кавалерийский корпус, 3-й механизированный корпус. По выходе на р. Лучесу наступать на Богушевск, Сенно, Холопеничи. На шестой день операции захватить переправы на р. Березине северо-западнее Борисова.

Обстановка и условия местности предопределили необходимость сомкнуть участки прорыва попарно — справа 39-й и 5-й армий, слева и южнее — 11-й гвардейской и 31-й армий. Таким об-

разом, подобно 1-му Белорусскому фронту, наш фронт наносил также два удара, примерно равных по силе. По протяженности участки обоих ударов оказались почти равными — по 16—17 км. Промежуток между участками прорыва достигал 40 км. Протяженность участков прорыва в армиях была различная. Так, 39-я армия должна была прорвать оборону противника на 6 км, 31-я — примерно на 7, а 5-я и 11-я гвардейские армии — на 10 км.

В директивах каждой армии указывались разграничительные линии. Отдельно были даны указания о сроках занятия исходного положения и готовности к наступлению. Подобно тому как уже выше было сказано в отношении 5-й армии, были определены ближайшие задачи другим армиям, которые по глубине в 35—40 км совпадали с ближайшей задачей фронта, указанной Ставкой. Совпали по глубине и дальнейшие задачи — выход на р. Березину. Объясняется это ограниченной глубиной фронтовой операции, группировкой противника и взаимным расположением объектов, которыми требовалось овладеть. 5-я гвардейская танковая армия до 20 часов 24 июня оставалась в резерве Ставки, поэтому ей письменной директивы одновременно с общевойсковыми армиями не отдавалось, варианты ее использования предусматривались в устном порядке.

В отношении ширины участков прорыва и возможностей расчленения фронтовых и армейских задач по глубине на других фронтах можно отметить следующее:

1-й Прибалтийский фронт осуществлял прорыв смежными флангами 6-й гвардейской и 43-й армией на участке в 25 км при общей ширине занимаемого фронта в 160 км, или на 15%; фронтовая операция планировалась всего на глубину 80—90 км.

2-й Белорусский фронт проводил по существу армейскую операцию силами 49-й армии на глубину 130 км с прорывом фронта на участке в 12 км при общей ширине фронта, занимаемого тремя армиями, в 160 км, или всего на 7,5%.

1-й Белорусский фронт, как и 3-й Белорусский, наносил два удара двумя армиями в каждом и их смежными флангами с ближайшей задачей уничтожить бобруйскую группировку противника и затем главными силами выйти на линию Пуховичи, Слуцк на глубину в 130 км. Ширина участков прорыва правофланговых армий составляла 15 км, левофланговых 65-й и 28-й армий — 14 км, а всего — 29 км при общей ширине фронта правого крыла до 200 км, или 14%. Таким образом, прорыв обороны противника всеми фонтами намечалось осуществить на шести участках общей шириной в 103 км при фронте, занимаемом 13 армиями, примерно в 630 км, или на 16,3%. Как показали результаты Белорусской операции, прорыв прочной обороны противника на разных участках с такой общей протяженностью оказался достаточным для последующего разгрома его крупной группировки.

Что касается расчленения общих фронтовых задач на ближайшие и дальнейшие, то они из-за малой глубины по существу сов-

падали с армейскими и, наоборот, армейские совпадали с фронтовыми.

Оперативное построение войск 3-го Белорусского фронта, как указано выше, было следующим: первый эшелон составляли четыре общевойсковые армии, второй — конно-механизированная группа и 2-й гвардейский танковый корпус. В полосе нашего фронта также располагался резерв Ставки — 5-я гвардейская танковая армия. Построение общевойсковых армий было в один эшелон. Боевые порядки корпусов и дивизий строились в один и в два эшелона.

На других фронтах применялись подобные нашей и другие формы построения. Так, на 1-м Прибалтийском фронте 6-я гвардейская армия была построена в два эшелона по два стрелковых корпуса в каждом. 49-я армия 2-го Белорусского фронта имела построение в один эшелон, а каждый ее корпус развернулся в два эшелона, дивизии первого эшелона имели все полки рядом. Все четыре армии 1-го Белорусского фронта были построены в один эшелон, во втором эшелоне за левой ударной группой находилась конно-механизированная группа (1-й механизированный, 4-й гвардейский кавалерийский и 1-й гвардейский танковый корпуса); стрелковые корпуса двух армий развертывались в одном эшелоне; и в правофланговой 3-й, и в 65-й армиях один корпус был во втором эшелоне; стрелковые дивизии в большинстве корпусов имели по одному полку во втором эшелоне.

Ширина полосы действий во всех фронтах для корпусов была в пределах от 2,5 до 5 км, а для дивизий — от 1 до 1,5 км.

Таким образом, в оперативном построении и в боевых порядках, а также в определении ширины полос для действий войск не было шаблона, командующие фронтами и армиями, командиры войсковых соединений решали эти вопросы с учетом конкретной обстановки, исходя из общих принципов военного искусства того времени.

На этом можно закончить краткое изложение существа подготовки Белорусской операции.

Усилия, затраченные на эту подготовку, обеспечили большую силу и успех первого удара, чрезвычайно важного для последующих действий.

☆

Правофланговый и центральные фронты начали операцию, как было указано, с утра 23 июня, 1-й Белорусский фронт — днем позже.

Накануне перехода в наступление фронты провели разведку боем передовых батальонов или разведывательных отрядов, их действия поддерживались артиллерией и авиацией. Разведка позволила уточнить начертание переднего края обороны противника, состав его сил и боевых средств, а также группировку артиллерии и степень ее активности. Соответственно полученным данным

в планы артиллерийского, авиационного наступления и действий войск первого эшелона были внесены необходимые изменения.

Разведка 3-го Белорусского фронта обнаружила перед фронтом 5-й армии недостаточно стойкую оборону, и передовые батальоны захватили небольшие плацдармы на р. Суходровке, что позволило в ночь на 23 июня подготовить переправу через эту реку. На оршанском направлении передовые батальоны всюду встретили хорошо организованную, бдительную оборону, и поэтому вклиниться в нее не удалось.

Эти сведения у командующего войсками фронта и штаба породили надежду на успех войск 5-й армии и беспокойство за оршанское направление, вместе с тем они заставили еще раз проверить расчеты на ввод в прорыв 5-й гвардейской танковой армии по второму, северному варианту. Значительный успех имели действия передовых батальонов 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта, там они, поддержанные подразделениями из глубины, к концу дня проникли в оборону противника до 8 км.

23 июня в 6 часов началась артиллерийская подготовка атаки. На участке 39-й армии она продолжалась не более часа вследствие того, что там был обнаружен отход противника с первой позиции, поэтому передовые подразделения армии, не дожидаясь окончания артиллерийской подготовки, перешли в атаку, переросшую в общее наступление армии. К полудню ее войска перерезали железную дорогу Витебск — Орша у ст. Замосточье, нанесли поражение 197-й пехотной дивизии противника, захватив в плен ее командира. Этим первым успехом была создана реальная предпосылка для охвата витебской группировки противника с юга и юго-запада. К исходу первого дня наступления 39-я армия своим левым крылом продвинулась до 15 км. 24 июня войска этой армии, выполняя требование командующего фронтом, продолжали успешно продвигаться и к концу дня во взаимодействии с 43-й армией 1-го Прибалтийского фронта, наступавшей с севера к Западной Двине, перехватили все пути отхода витебской группировки, а на следующий день окончательно завершили окружение и начали расчленять и уничтожать окруженную группировку. 26 июня после упорных боев был полностью очищен от немецко-фашистских войск областной центр Белоруссии Витебск.

Окруженные войска противника оружия не сложили, они стремительно ринулись на прорыв в юго-западном направлении. Примерно 5 тыс. солдат и офицеров удалось прорвать кольцо окружения, однако далеко эта группа уйти не успела. Генерал Черняховский, внимательно следивший за ходом событий, своевременно учел ограниченные возможности левого крыла 39-й армии по уничтожению противника и поэтому приказал командующему 5-й армией частью сил оказать содействие соседу справа. Распоряжение было точно и быстро выполнено; прорвавшийся противник был остановлен и разгромлен. К середине дня 27 июня с витебской группировкой было покончено. В числе 19 тыс. пленных

оказался командир 53-го армейского корпуса, его начальник штаба и командиры 206, 246 и 197-й пехотных дивизий.

В ознаменование победы, образовавшей довольно значительную брешь в группе армий «Центр», был издан приказ Верховного Главнокомандующего, и столица нашей Родины Москва салютовала войскам 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий. 62 соединениям и частям было присвоено почетное наименование «Витебских».

После завершения операции 39-я армия была выведена во второй эшелон фронта и 5 июля по решению Ставки была передана в состав 1-го Прибалтийского фронта, а затем 15 июля возвращена вновь в 3-й Белорусский фронт. На протяжении 10 суток пребывания в другом фронте она большую часть времени также следовала во втором эшелоне и лишь в конце этого срока была привлечена к активным действиям на стыке фронтов, т. е. там, где она могла выполнять задачи и находясь в составе 3-го Белорусского фронта.

5-я армия 3-го Белорусского фронта в тесном взаимодействии с 39-й армией также успешно прорвала оборону противника, расширив образовавшуюся брешь до 50 км. К исходу первого дня наступления войска армии вышли на железную дорогу Витебск — Орша и развивали наступление на Богушевск. Достигнутый успех был использован командующим войсками фронта для ввода в прорыв конно-механизированной группы с утра 24 июня. В этот день был освобожден Богушевск, а 25 июня — Сенно. Конно-механизированная группа, опередив войска 5-й армии, перехватила железную дорогу Орша — Лепель западнее Сенно.

В полосе действий левой группы войск первый день не принес ощутимых результатов. Войска 11-й гвардейской армии продвинулись всего на 2—3 км, а 31-я армия вообще успеха не имела: противник на оршанском направлении оказал весьма упорное сопротивление и к тому же подтянул резервы в составе до двух дивизий. К сожалению, из-за неблагоприятных метеорологических условий наша авиация в этот день работала не в полную силу и не смогла оказать помощь наземным войскам. Создавшуюся обстановку быстро и правильно учли представитель Ставки и командующий войсками фронта — было принято решение о вводе 5-й гвардейской танковой армии по второму варианту в полосе 5-й общевойсковой армии. Войдя в прорыв 26 июня, танковая армия в составе свыше 400 танков устремилась в юго-западном направлении на Толочин, т. е. на коммуникации оршанской группы войск. Эта угроза и успехи по взламыванию обороны противника, которых к этому времени добились 11-я гвардейская и 31-я армии, вынудили врага к отходу на Оршу.

27 июня гарнизон немецко-фашистских войск, оборонявший Оршу, был уничтожен. Так завершилась Оршанская операция, в результате которой были полностью открыты смоленские «ворота» для дальнейшего наступления наших войск в полосе авто-

магистрали и железной дороги. Органы военных сообщений смогли приступить к восстановлению железной дороги на Борисов.

В ознаменование достигнутой победы Москва вновь салютовала войскам 3-го Белорусского фронта.

Основная задача по прорыву обороны противника была выполнена, и войска фронта стремительно продвигались к Березине. Войска должны были вскоре завершить выполнение директивы Ставки от 31 мая. Я, как начальник штаба, а также другие ответственные руководители фронтового аппарата нуждались в новом оперативном ориентировании для планирования и обеспечения дальнейших действий войск. Поэтому при очередном докладе командующему примерно 26 июня я задал ему вопрос: «Что будем делать после форсирования Березины?». В итоге короткого обмена мнениями было решено продолжать наступление, имея основной задачей скорейшее освобождение Минска. Овладение Минском — важным стратегическим объектом, крупным узлом дорог — открывало свободу действий всем четырем фронтам и перекрывало пути отхода противнику с могилевского направления.

Принятое решение соответствовало обстановке, сложившейся у соседних фронтов. Войска 1-го Прибалтийского фронта своим левым флангом успешно громили совместно с 39-й армией витебскую группировку противника; правее ее 43-я армия быстро расширяла плацдармы на южном берегу Западной Двины. Войска 2-го Белорусского фронта прорвали оборону гитлеровцев и выходили к Днепру. Еще левее 1-й Белорусский фронт также прорвал оборону немецко-фашистских войск и, силами 65-й и 28-й армий успешно продвигаясь вперед, охватывал бобруйскую группировку противника с юго-запада и запада.

28 июня Ставка издала новые директивы, в которых фронтам были поставлены следующие задачи. Войскам 1-го Прибалтийского фронта приказывалось наступать на полоцком и свенцянском направлениях, овладеть Полоцком и Глубоким, надежно обеспечить наступление советских войск на минском направлении. Войскам 3-го Белорусского фронта с ходу форсировать Березину, стремительно развивать правым крылом наступление на Молодечно, а левым на Минск, во взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом к 7—8 июля освободить Минск. Войскам фронта вменялось в обязанность не допустить отхода противника на северо-запад. Обращалось особое внимание на стремительность действий 5-й гвардейской танковой армии. Войскам 2-го Белорусского фронта также приказывалось с ходу форсировать Березину, преследовать отходящего противника и во взаимодействии с соседями не позднее 7—8 июля овладеть Минском и выйти на правый берег р. Свислочь. Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта должны были силами 3-й армии и 1-го гвардейского танкового корпуса наступать на Минск, а главными силами, в том числе и конно-механизированной группой, развивать наступление на Слуцк, Барановичи с тем, чтобы перерезать железную дорогу

Минск — Барановичи и воспретить отход противника из-под Минска на юго-запад.

К исходу 28 июня, т. е. к моменту получения новых директив, войска фронтов находились:

1-й Прибалтийский фронт вышел на линию Липники, Заозерье, Лепель (20 км восточнее и южнее Полоцка);

3-й Белорусский, отразив ряд контратак противника, подходил к Березине.

2-й Белорусский фронт, форсировав Днепр и овладев Могилевом, вышел на линию Слободка, Головчин, Вьюн (15—20 км западнее железной дороги Орша — Могилев — Рогачев);

1-й Белорусский фронт вышел на линию р. Свислочь, Осиповичи, Уречье, Любань.

Как видно из содержания новых указаний Ставки, они не включали чего-либо принципиально нового. Общее направление действий каждого из четырех фронтов было предопределено еще в исходном положении, и внести какие-либо изменения на этом этапе операции было невозможно. 3-й Белорусский фронт при условии ограниченных возможностей соседа слева не мог после форсирования Березины своим левым крылом миновать Минск, овладение которым имело первостепенное значение. Его сосед справа больше, чем когда-либо, был обязан обеспечивать операцию от ударов с севера. Что касается направления части сил 1-го Белорусского фронта на Минск, то, как вспоминал бывший его командующий Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский [4], он согласовал его, будучи в Москве в мае, при разработке плана операции с И. Д. Черняховским и, конечно, не без ведома Ставки. Содержание директив вновь указывало на стремление Ставки твердо планировать продвижение фронтов вперед. По сравнению с планом, разработанным Генеральным штабом в мае, было допущено некоторое увеличение операции по глубине лишь для 1-го Прибалтийского и 1-го Белорусского фронтов, в целом же задачи фронтам на продвижение ограничивались 100—150 км. Таким решением фронтовые органы вновь лишались возможности осуществлять перспективное планирование своих действий и своевременно возбуждать ходатайства по их обеспечению.

Для опережения подхода резервов противника и воспрепятствования в создании обороны врага нужны были стремительные, более глубокие действия наших войск.

Сроки овладения Минском, указанные в директивах, как показал ход событий, оказались завышенными, и если бы их формально придерживались фронты, то, возможно, противник не был бы окружен. Уже к 3 июля, когда наши войска освободили Минск, группировка противника подходила к нему с востока, а передовые ее части вышли даже южнее города в район Самохваловичей и ворвались на минский аэродром.

[4] «Военно-исторический журнал», 1964, № 6, стр. 17.

☆

Как сказано выше, командующий войсками 3-го Белорусского фронта, не ожидая новой директивы Ставки, принял решение на овладение Минском и продолжение наступления всеми силами после форсирования Березины. Директива Ставки от 28 июня позволила принятое командующим решение уточнить по объектам и срокам. При выполнении этого решения командующий проявил творческий подход, энергию, он стремился сделать так, чтобы войска возможно быстрее преодолевали все возникавшие трудности и неотступно двигались вперед. Здесь бесспорно сказался его опыт в организации стремительного наступления 60-й армии с Курской дуги к Днепру.

Ивану Даниловичу Черняховскому 26 июня было присвоено высокое звание генерала армии.

Сущность принятых генералом Черняховским новых решений заключалась в следующем: главные силы фронта — 5-я гвардейская танковая, 11-я гвардейская и 31-я армии — форсируют Березину в районе Борисова и наступают: 11-я гвардейская армия, не ввязываясь главными силами в борьбу за Минск, на Молодечно, 5-я гвардейская танковая армия — на Минск, охватывая его с севера и северо-запада, частью сил она атакует противника в городе, 31-я атакует Минск с востока, левее, преодолевая трудную лесисто-болотистую местность, к городу прорывается 2-й гвардейский танковый корпус. Правее этой группировки Березину форсирует 5-я армия и наступает на Вилейку. Опережая главную группировку фронта, конно-механизированная группа после форсирования Березины стремительно наступает на Плещеницы, Вилейку. 1-я воздушная армия обеспечивает форсирование реки, поддерживает войска при наступлении и не допускает подхода резервов противника.

Боевые действия войск фронта во исполнение этих решений развивались достаточно успешно. Конно-механизированная группа, преодолев сопротивление пехотной дивизии противника, форсировала Березину в районе оз. Палик и, наступая по лесисто-болотистой местности, к исходу 30 июня овладела населенным пунктом Плещеницы, а через двое суток, уничтожая выдвигаемые противником эшелоны, прошла почти 100 км, заняла Вилейку, продолжая действовать из-за недостатка горючего отдельными частями и подразделениями, перехватила железную дорогу Минск — Вильнюс в районах Молодечно, Сморгонь.

Успешно проходило форсирование реки и наступление 5-й армии: к 4 июля ее войска вышли на рубеж южнее оз. Нарочь, а к 8 июля — к Вильнюсу.

Значительно труднее проходило форсирование реки в районе Борисова. Здесь войска фронта встретили упорное сопротивление противника, усиленного переброшенной сюда из-под Ковеля 5-й танковой дивизией. Однако 30 июня нашим войскам удалось форсировать реку и на следующий день овладеть Борисовом.

11-я гвардейская армия, развивая наступление, главными силами продвинулась севернее Минска и к 4 июля вышла на рубеж Молодечно и севернее, примыкая правым флангом к 5-й армии. 5-я гвардейская танковая армия 2 июля вышла в район Острошицкого городка и передовыми отрядами завязала бои за северную и северо-восточную окраины Минска. К исходу следующего дня ее части перерезали пути отхода противника на северо-запад.

В этот же день в Минск с востока ворвался 2-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала А. С. Бурдейного. Одновременно к городу подошли передовые отряды 11-й гвардейской, 31-й армий и 3-го гвардейского танкового корпуса генерала И. А. Вовченко из состава 5-й гвардейской танковой армии.

Минск оборонялся остатками трех пехотных и 5-й танковой дивизией, а также несколькими полицейскими полками.

Атаковав противника, наши войска утром 3 июля ворвались в город. В этот же день, несколькими часами позднее, в него вступил 1-й гвардейский танковый корпус 1-го Белорусского фронта под командованием генерала М. Ф. Панова. Еще несколько позднее подошли части 3-й армии того же фронта под командованием генерала А. В. Горбатова. К исходу дня 3 июля Минск был полностью очищен от врага. Соединением войск двух фронтов было завершено окружение крупной группировки противника восточнее Минска.

В ознаменование освобождения Борисова, Вилейки, железнодорожной станции Красное и столицы Белоруссии Минска в Москве прозвучали салюты, отличившимся войскам были присвоены почетные наименования «Борисовских» и «Минских».

В то время, когда в районе Минска проходили описываемые события, войска 1-го Прибалтийского фронта к утру 4 июля очистили от противника Полоцк и вышли на линию Браслав, оз. Нарочь. Войска 2-го Белорусского фронта вели преследование отходившей 4-й армии противника. С утра 5 июля 33-я армия генерала В. Д. Крюченкина, действовавшая на правом фланге этого фронта, по решению Ставки была передана в состав 3-го Белорусского фронта. Войска 1-го Белорусского фронта правым крылом вышли на р. Свислочь южнее Минска, левым крылом — на рубеж Столбцы, Несвиж и южнее.

На этом завершился следующий этап Белорусской операции. За 12 суток войска четырех фронтов разгромили главные силы группы армий «Центр»; и на центральном стратегическом направлении образовалась огромная брешь, используя которую советские войска смогли продолжать победоносное наступление на запад. Окруженная восточнее Минска группировка противника была обречена на уничтожение в ближайшие дни.

Войска 3-го Белорусского фронта во взаимодействии с соседями на четыре дня раньше срока, указанного Ставкой, освободили

от врага столицу БССР Минск и продвинулись в глубину территории республики почти на 300 км (среднесуточный темп наступления составлял 20—25 км).

К началу июля для войск фронтов, действовавших в Белоруссии, сложилась благоприятная стратегическая обстановка, открылись возможности для продолжения наступления в глубину и по фронту. Верховному Главнокомандованию предстояло определить направления действий каждого фронта, его задачи и соответственно распределить силы и средства. Требовалось нанести поражение крупным группировкам врага в Прибалтике, Восточной Пруссии и на главном варшавско-берлинском направлении.

Противник, в свою очередь, стремился возможно быстрее закрыть образовавшуюся брешь и производил крупные перегруппировки своих войск.

События июля и последующих месяцев борьбы на западном направлении представляют интерес и для настоящего времени. В оценке обстановки и последовательности принятия важных решений многое можно понять из высказываний Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова и А. М. Василевского, которые, являясь в то время представителями Ставки на фронтах, по роду своей деятельности обязаны были докладывать Верховному Главнокомандующему свои предложения о предстоящих действиях фронтов.

А. М. Василевский в статье, опубликованной в «Военно-историческом журнале», сообщает, что 27 июня 1944 г. им было внесено предложение в Ставку — усилить 1-й Прибалтийский фронт двумя армиями и нацелить его на Свенцяны, Каунас, Инстербург, 3-й Белорусский фронт направить на Минск, Молодечно, Лида, Гродно, Белосток, Ломжа. 2-му Прибалтийскому фронту отвести рижское направление, усилив его 4-й ударной армией за счет 1-го Прибалтийского фронта [5].

Ниже будет видно, что, согласно решению Ставки, 1-му Прибалтийскому фронту наступать на Восточную Пруссию не пришлось. Его усилия последовательно переносились с каунасского на шяуляйское направление, а затем на Ригу. Взламывать долговременную оборону противника в Восточной Пруссии на главном направлении: Гумбинен, Инстербург, Прейсиш-Эйлау, пришлось войскам 3-го Белорусского фронта.

Маршал Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» пишет о том, что он в июле 1944 г. внес предложение в Ставку о необходимости значительного усиления группы фронтов, руководимых А. М. Василевским, а также об усилении 2-го Белорусского фронта, чтобы поставить им задачу отсечь немецкую группу армий «Север» и захватить Восточную Пруссию. И. В. Сталин отверг эти предложения. Анализируя затем причины малых результатов наступления в октябре 1944 г. Белорус-

[5] «Военно-исторический журнал», 1969, № 10.

ских фронтов, Г. К. Жуков пишет: «Пришлось с сожалением констатировать тот промах, который допустила Ставка, не приняв предложений, сделанных еще летом, об усилении фронтов, действовавших на восточнопрусском направлении. Оно ведь строилось на том, чтобы с ходу сломать оборону противника при успешном развитии Белорусской операции. Теперь вражеская группировка могла серьезно угрожать нашим войскам при наступлении на берлинском направлении» [6].

Вопрос о перерастании Белорусской операции в последующие не менее важные стратегические операции является весьма важным и заслуживает дополнительных исследований. По мнению Г. К. Жукова, часть сил для захвата Восточной Пруссии можно было выделить из состава 1-го Украинского фронта. Вместе с этим генерал С. М. Штеменко в своей книге «Генеральный штаб в годы войны», в главе о планировании Белорусской операции, отмечает, что в 1-м Украинском фронте сил было недостаточно. Необходимо также учитывать, что железные дороги в то время работали с большим напряжением, а это могло явиться большим тормозом для дополнительного сосредоточения войск на западное направление.

Однако если бы было принято предложение Г. К. Жукова, то, вероятно, отпала бы надобность делить Западный фронт на два. Новый фронт можно было создать из прибывающих резервов и поручить ему сковывание минской группировки противника и последующее ее уничтожение.

Бывший Западный фронт, усиленный 5-й гвардейской танковой армией, 3-м гвардейским механизированным, 2-м гвардейским танковым, 3-м кавалерийским корпусами, авиацией и автотранспортом и освобожденный от задач по овладению Вильнюсом и Каунасом, во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом мог быть нацелен на захват Восточной Пруссии.

Однако вернемся к событиям на 3-м Белорусском фронте.

Учитывая благоприятную обстановку, Ставка 4 июля издала третью директиву, которой приказала войскам 3-го Белорусского фронта частью сил совместно со 2-м Белорусским фронтом завершить разгром противника, окруженного восточнее Минска; не позднее 10—12 июля овладеть рубежом Вильнюс, Лида; и, нанося главный удар на Вильнюс, в дальнейшем выйти на Неман, захватив плацдармы на его западном берегу. Войскам 1-го Прибалтийского фронта приказывалось овладеть не позднее 10—12 июля рубежом Даугавпилс, Подбродзе и в дальнейшем развивать наступление главными силами на Каунас и частью сил на Паневежис, Шяуляй. Войскам 2-го Белорусского фронта поручалось частью сил завершить ликвидацию окруженного противника, а главными силами к 13—15 июля овладеть населенным пунктом Новогрудок и выйти на реки Неман и Молчадь, в дальней-

[6] *Г. К. Жуков.* Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 565.

шем наступать на Волковыск, Белосток. Войскам правого крыла 1-го Белорусского фронта приказано было развивать наступление на Барановичи, Брест и не позднее 10—12 числа выйти на рубеж Слоним, р. Шара, Пинск.

Таковы были задачи фронтам на ближайшие 6—8 суток. Обстановка требовала упреждения противника в сосредоточении его резервов и в организации обороны, поэтому в директивах указывались довольно жесткие сроки выполнения задач. 3-му Белорусскому фронту предстояло овладеть крупными объектами, форсировать Неман, преодолеть более 200 км с темпом наступления 25—30 км в сутки. Полоса наступления имела три армейских операционных направления: одно — на Вильнюс, второе — южнее, через Ошмяны на Алитус и третье — на Лиду, Сувалки. Наиболее важным в стратегическом отношении являлось центральное направление, выводящее к границам Восточной Пруссии, сюда следовало бы направить главную группировку войск и прежде всего подвижные соединения. Однако включение в полосу действий фронта Вильнюса, важного политического и стратегического объекта, расположенного на фланге предстоящих действий войск фронта, требовало возможно быстрее овладеть столицей Литвы и тем получить свободу для наступления к границам Восточной Пруссии. Исходя из этого, на Вильнюс нацеливались подвижные войска — 5-я гвардейская танковая армия, 3-й гвардейский механизированный корпус, которые подкреплялись наступлением 5-й общевойсковой армии, а также значительной частью авиации. На второе направление была нацелена 11-я гвардейская армия со 2-м гвардейским танковым корпусом и на третье — 31-я армия и 3-й гвардейский кавалерийский корпус, получившие задачу овладеть г. Лида, а в последующем с войсками 2-го Белорусского фронта — Гродно. Эти задачи были выполнены 9 и 16 июля, после чего 3-й гвардейский кавалерийский корпус вошел в состав этого фронта.

Уничтожение окруженной группировки противника восточнее Минска было возложено на 33-ю армию, поддержать которую поручалось части сил 1-й воздушной армии. В окружении оказалось до 100 тыс. солдат и офицеров, включая несколько генералов из 4-й и частично 9-й армии. Вначале окруженные войска пытались прорваться в западном направлении, после того как это не удалось, были созданы две группы, устремившиеся на запад и юго-запад, когда и эта попытка не удалась, противник пытался выйти из окружения более мелкими группами, одна из которых прорвалась на север и наткнулась на командный пункт 3-го Белорусского фронта в районе Логойска. Подразделения охраны и части 33-й армии быстро уничтожили эту группу.

11 июля разгром окруженной группировки был закончен, и войска 2-го Белорусского фронта и 33-й армии смогли приступить к выполнению других задач. Большую роль в разгроме окруженной группировки сыграла авиация трех фронтов, ее удары причи-

няли врагу большие потери и оказывали деморализующее действие.

Войска правого крыла 3-го Белорусского фронта 5 июля овладели г. Молодечно, а затем, уничтожая встречавшиеся незначительные резервы противника, вышли к 8 июля к столице Литовской ССР Вильнюсу. Попытка овладеть городом с ходу не удалась: 15-тысячный гарнизон немцев оказал упорное сопротивление. Пришлось организовать планомерную атаку со всех направлений. 13 июля сопротивление немецко-фашистских войск было подавлено, и Вильнюс был полностью очищен. По-видимому, овладение Вильнюсом следовало поручить 1-му Прибалтийскому фронту. К сожалению, он был вскоре освобожден и от нанесения главного удара на Каунас с переносом его главных усилий на рижское направление.

После этой операции правое крыло фронта было резко ослаблено передачей 5-й гвардейской танковой армии и 3-го гвардейского механизированного корпуса в состав 1-го Прибалтийского фронта. 5-я общевойсковая армия устремилась на Каунас, которым и овладела 1 августа во взаимодействии с 39-й и 33-й армиями.

11-я гвардейская и 31-я армии успешно продвигались к Неману и 13 июля с ходу начали его форсировать. К 15 июля удалось отвоевать несколько плацдармов, однако сопротивление противника быстро нарастало, он имел уже свыше десяти пехотных и танковых дивизий. Пришлось в наступательных действиях допустить десятидневную паузу для некоторых перегруппировок, накопления боеприпасов и горючего.

28 июля 3-й Белорусский фронт перешел в наступление всеми армиями и продвинулся к 1 августа по западному берегу Немана еще на 50 км. Затем последовали новая пауза и новое наступление с конечным продвижением до укрепленного рубежа Расейняй, Наумиестис, Августов, где с 29 августа войска фронта перешли к обороне.

Таким образом, войска 3-го Белорусского фронта в течение июля достигли новых значительных успехов, продвинувшись вперед еще примерно на 270 км, и вышли к границам Восточной Пруссии. За время этой части Белорусской операции войска шесть раз отмечались благодарственными приказами Верховного Главнокомандующего, в их честь салютовала Москва, частям и соединениям присваивались почетные наименования.

1-й Прибалтийский фронт наступал на северо-запад, на Ригу, при этом он был усилен двумя армиями из резерва Ставки, а также, как сказано выше, 5-й гвардейской танковой армией и 3-м гвардейским механизированным корпусом из состава 3-го Белорусского фронта. Наступление не принесло успеха, и Ставка в конце сентября вновь повернула войска этого фронта на западное направление, где они к 10 октября добились крупных результатов: вышли на побережье Балтийского моря и тем самым пол-

ностью разъединили на суше немецкую группу армий «Север» от группы армий «Центр». Вновь создалась благоприятная обстановка для совместного удара с 3-м Белорусским фронтом по восточнопрусской группировке противника. Ставка издала соответствующую директиву о подготовке удара в общем направлении на Кенигсберг. Однако фактически в октябре наступал опять только один 3-й Белорусский фронт, который поэтому понес значительные потери и добился ограниченных результатов. 1-й Прибалтийский фронт был вновь повернут на север против курляндской группировки противника.

Слева 2-й Белорусский фронт, преодолевая слабое сопротивление противника, успешно наступал на запад. Его войска освободили Новогрудок, Волковыск. Затем после некоторой паузы войска этого фронта освободили Белосток и вышли на подступы к Восточной Пруссии.

Крупных успехов в июле добились и войска 1-го Белорусского фронта. Миновав Полесье, фронт получил возможность действовать всеми силами и приступил к осуществлению Люблинско-Брестской операции, которая завершилась освобождением Брестской области Белорусской ССР и значительной части Польши.

☆

Так закончилась крупнейшая в истории Великой Отечественной и второй мировой войн Белорусская стратегическая операция.

Огромное поражение противника в Белоруссии вынудило его перебросить сюда значительные силы с других направлений для закрытия образовавшейся бреши. Это заметно улучшило для нас оперативно-стратегическую обстановку в Прибалтике и на Украине. Действовавшие там войска перешли в наступление и добились также значительных успехов.

Войска 3-го Белорусского фронта под командованием молодого, талантливого полководца генерала И. Д. Черняховского сделали немало для достижения победы над врагом в Белоруссии. К сожалению, им не удалось с ходу совместно с соседями начать следующую операцию по разгрому противника на территории Восточной Пруссии.

Уже на путях к Неману и Вильнюсу 3-й Белорусский фронт стал ощущать потребность в свежих резервах и недостаток в техническом и материальном обеспечении. На протяжении всей операции вопросам тыла уделялось большое внимание командующим, Военным советом, штабом фронта, командующими родами войск и начальниками служб. В целях срыва планов противника по разрушению дорог авиации и наземным войскам ставились особые задачи. Восстановление железных дорог шло с превышением предварительных расчетов. Так, дорога Орша — Борисов — Минск была восстановлена с темпом 21,2 км при плане в 11 км, с значительным опережением восстановление продолжалось и дальше. Первый поезд в Минск прибыл лишь 10 июля,

в Молодечно — 11-го, в Лиду — 19-го, в Вильнюс — 17-го. Восстановление дороги велось на широком фронте, с боковым завозом материалов двумя железнодорожными бригадами по 11 тыс. человек в каждой, а также специальными формированиями Наркомата путей сообщения, в которые входило 2,5 тыс. человек, и силами местного населения.

И все же перебои с подвозом имели место, они чувствительно отражались на боеспособности войск. Объясняется это несколькими обстоятельствами. Во-первых, прибытие первого поезда еще не означало полной готовности данного участка дороги, требовалось какое-то время для доведения ее до максимально возможной пропускной способности, а войска не ждали — шли вперед; во-вторых, значительные расстояния, на которых работал автотранспорт, привели к истощению ограниченных запасов горючего и к уменьшению количества автомашин; в-третьих, в исходном положении в расчете на упорное и длительное сопротивление противника на огневых позициях был выложен соответствующий запас боеприпасов, который полностью израсходован не был. Для вывоза этого запаса автотранспорту в дальнейшем пришлось покрывать значительные расстояния и затрачивать много времени и горючего. К началу операции фронт был обеспечен всего 3—4 заправками автобензина при норме пробега машины с одной заправкой 150 км.

☆

Заканчивая воспоминания об участии 3-го Белорусского фронта в стратегической операции по разгрому немецко-фашистской группы армий «Центр», необходимо еще раз остановиться на работе штаба фронта.

Деятельность этого органа управления определялась рядом условий. Это прежде всего высокий темп операции и ее глубина, значительно превышающая известные штабу фронта в исходном положении решения Верховного Главнокомандования, быстро меняющаяся обстановка, жесткие принципы управления со стороны Ставки и Генерального штаба.

Все сказанное создавало крайне напряженную обстановку. Штаб постоянно обязан был знать, где противник, что он делает, каковы его силы, где в данный момент находится каждая его дивизия, авиация, артиллерия усиления, поддерживать тесное взаимодействие между ними, знать, что они делают, как обстоит дело с материальным обеспечением, каковы размеры наших потерь и другие данные обстановки. Из всей большой суммы сведений нужно было своевременно выбирать все самое существенное для доклада командующему и Генеральному штабу, держать в курсе последних данных обстановки командующих родами войск и начальников служб, быстро и точно доводить решения командующего до войск и фронтового аппарата. Твердость руководства

операцией со стороны Генерального штаба выражалась и в требовании доносить о ходе ее каждые два часа, помимо этого, представлять оперативную и разведывательную сводки, а в конце суток — итоговое донесение за подписью командующего, члена Военного совета и начальника штаба. Кроме того, требовалось своевременно и исчерпывающе докладывать о ходе операции представителю Ставки или уполномоченному им лицу.

Следует отметить, что у нас с представителями Генерального штаба в ходе операции установились и в дальнейшем поддерживались хорошие деловые отношения, которые сохранились до конца войны.

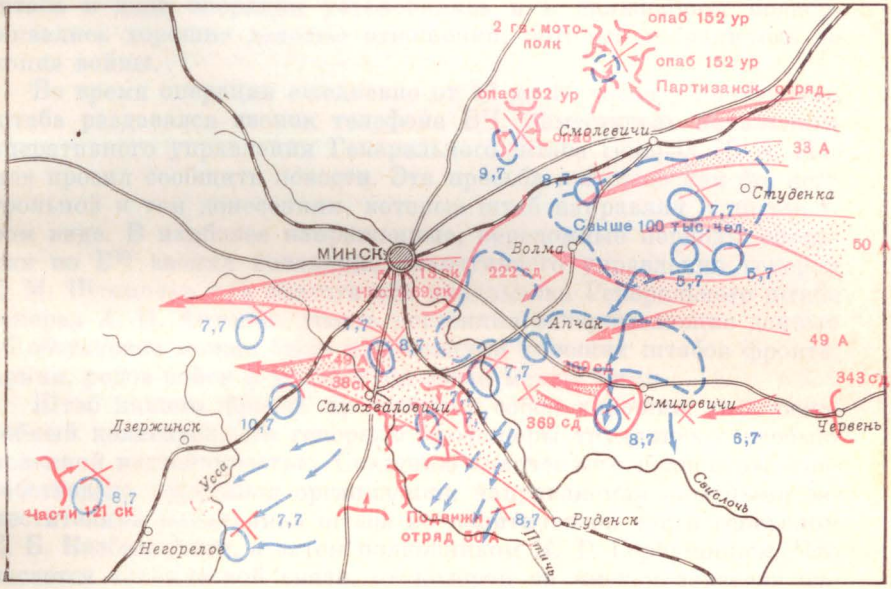
Во время операции ежедневно от 12 до 14 часов у начальника штаба раздавался звонок телефона ВЧ. Заместитель начальника оперативного управления Генерального штаба генерал Н. А. Ломов просил сообщить новости. Эта просьба являлась как бы контрольной к тем донесениям, которые штаб направлял в письменном виде. В наиболее напряженные, переломные периоды операции по ВЧ звонил начальник оперативного управления генерал С. М. Штеменко или заместитель начальника Генерального штаба генерал А. И. Антонов. Иметь постоянно исчерпывающие данные об обстановке можно было при наличии хороших штабов фронта, армии, родов войск и устойчивой связи между ними.

Штаб нашего фронта представлял собой хороший, работоспособный коллектив, его генералы и офицеры трудились с необыкновенной настойчивостью. Созданию сплоченного коллектива способствовала партийная организация, направляемая опытными заместителями начальника штаба по политической части генералом С. Б. Казбинцевым, а затем полковником К. Т. Горбушиным. Что касается технической связи, от которой во многом зависела эффективность нашей работы, то за редким исключением она была довольно устойчивой. Во главе войск связи стоял генерал И. И. Буров, принявший руководство от генерала Н. Д. Псурцева, теперешнего министра связи СССР.

По качеству связь к тому времени уже отставала от требований управления войсками в операции с большим размахом и с высокими темпами. Нужны были беспроводные средства связи, автоматически шифрующие текст. Связь ВЧ только развивалась, имела применение только в высших инстанциях и была проводной.

Для направления офицеров штаба в войска требовались машины с высокой проходимостью, а также летательные аппараты, которым не нужны посадочные площадки.

Важным условием поддержания устойчивой связи в ходе операции было своевременное перемещение командных и наблюдательных пунктов. В войсках 3-го Белорусского фронта их подготовка и смена были хорошо налажены. Во время операции на протяжении 600 км и в течение почти 70 суток командный пункт фронта был перенесен девять раз, это позволяло штабу не отста-



Уничтожение восточнее Минска группировки немецко-фашистских войск

вать от армейских пунктов управления и поддерживать с ними устойчивую связь.

Выбор места командного пункта поручался офицеру оперативного управления и коменданту штаба под непосредственным контролем заместителя начальника штаба фронта по политчасти. Выбранное место докладывалось на утверждение командующему, и затем начиналось его оборудование. В исходном положении командный пункт оборудовался в лесу, в ходе операции — в населенном пункте, предварительно освобожденном от населения.

Перемещение на новое место осуществлялось с разрешения Генерального штаба поэшелонно. Следует заметить, что поддержание хорошего общего порядка и маскировки предохраняли командный пункт от ударов авиации противника.

Штабы армий были давно сложившимися органами управления — надежной опорой своих командующих и штаба фронта. Возглавлялись они опытными, отлично подготовленными генералами: в 39-й армии — М. И. Симиновским, в 5-й — Н. Я. Прихидько, в 11-й гвардейской — И. И. Семеновым, в 31-й — М. И. Щедриным, в 33-й — А. П. Пенчевским, а затем Г. Н. Первенцевым, в 5-й гвардейской танковой — П. И. Калиниченко, 1-й воздушной — А. С. Пронниным, в дальнейшем И. М. Беловым. Штабы родов войск и тыла фронта возглавлялись также опытными офицерами и генералами: штаб артиллерии — М. М. Барсуковым, бронетанковых войск — В. Т. Лазутиным, инженерных войск — А. Ш. Шифриным и тыла — К. Е. Белоусовым.

Огромны были физические и моральные силы, крепка партийная закалка у генералов и офицеров штабов. Казалось, что они всегда бодрствуют, а если и отдыхают, то, по-видимому, «на один глаз и на одно ухо». Они всегда были на своем ответственном посту, готовые исчерпывающе доложить обстановку, помочь командующему быстро принять правильное решение и провести его в жизнь.

Всеми этими качествами генералы и офицеры штабов стали обладать не сразу, они приобретались ими в ходе длительных военных испытаний. Отсюда вывод на будущее — умело и настойчиво готовить штабы в мирное время для напряженной работы в условиях боевой обстановки.

ГЛАВНЫЙ МАРШАЛ АВИАЦИИ

К. А. ВЕРШИНИН

4-я ВОЗДУШНАЯ АРМИЯ В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ

Прошло уже 30 лет со времени Белорусской операции, проведенной летом 1944 г., но не изгладились в памяти события тех дней, мужество и героизм воинов на фронтах, самоотверженный труд нашего народа в тылу.

Как известно, в Белорусской стратегической наступательной операции принимали участие пять воздушных армий фронтовой авиации (3, 1, 4, 16 и 6-я), авиация дальнего действия, несколько истребительных соединений авиации Северного фронта ПВО. Мне, как бывшему командующему 4-й воздушной армией, естественно, хочется поделиться воспоминаниями о боевых действиях частей и соединений этого оперативного объединения.

Весной 1944 г. соединения и части 4-й воздушной армии прикрывали и поддерживали войска отдельной Приморской армии, громившие гитлеровцев в Крыму. С выходом отдельной Приморской армии к Севастополю 4-я воздушная армия вошла в состав 4-го Украинского фронта. Директивой Ставки ВГК от 22 апреля 1944 г. мне было приказано некоторые части и соединения передать в 8-ю воздушную армию 4-го Украинского фронта и с управлением воздушной армии убыть в Белоруссию в состав 2-го Белорусского фронта.

Прибыв в небольшую белорусскую деревушку Быковку, где разместилось управление 4-й воздушной армии, мы сразу же включились в напряженную работу. А она была огромной: надо было почти вновь сколотить в кратчайший срок оперативное объединение, способное решать сложные боевые задачи в условиях, резко отличавшихся от боевых действий на юге.

Необходимо было также организовать прием прибывавших в состав воздушной армии частей и соединений. Из 1-й воздушной армии к нам прибыли три авиационные дивизии: 233-я штурмовая (шад), 309-я истребительная (иад) и 325-я ночная бомбардировочная (нбад). Нужно было детально изучить состояние вновь принятых соединений, что и сделали специальные представители ряда отделов штаба воздушной армии.

Надо сказать, что их доклады вызвали у нас большую озабоченность. Нам стало известно, что 309-я иад на 60% была укомплектована молодыми летчиками, прибывшими из школ. 22 человека из них закончили летную программу только на самолете По-2 и на боевом самолете не летали вовсе. Не лучше обстояло дело и в 233-й шад. В ее составе насчитывалось 32 молодых летчика. В обеих дивизиях летный состав имел длительный перерыв в боевых действиях.

Напрашивался сразу же вывод — надо срочно начать переучивать летный состав, вводить в строй молодых летчиков.

Состояние 325-й нбад меня прямо-таки обрадовало — летный состав имел достаточный опыт боевых действий в ночных условиях. Необходимо было только совершенствовать мастерство экипажей, тренировать их в прицельном бомбометании по точечным целям.

Офицеры и генералы штаба и политического отдела армии провели большую разъяснительную работу во вновь включенных в воздушную армию соединениях и частях, знакомили их с боевым путем армии, пропагандировали ее боевые традиции. Так, состоялось свыше сотни бесед на тему «Боевой путь и традиции 4-й воздушной армии»; для руководящего состава дивизий были прочитаны доклады: «Боевой опыт 4-й воздушной армии и его внедрение в боевую деятельность новых частей», «Бои 4-й воздушной армии на Кубани», «Опыт боев на Керченском полуострове и при освобождении Крыма» и др.

Безусловно, эта работа сыграла положительную роль. Знакомство новичков с историей и традициями 4-й воздушной армии способствовало возникновению у личного состава дружбы и сотрудничества, чувства гордости за героические действия воздушной армии в войне. К началу решающих боев за освобождение Белоруссии все части — и старые и новые — являлись единой боевой семьей, крепкой в моральном и боевом отношениях, готовой выполнить самые сложные задания.

Помимо дивизий, переданных из 1-й воздушной армии, в состав авиационного объединения 2-го Белорусского фронта по моей

просьбе после завершения боев по освобождению Севастополя были возвращены 229-я истребительная дивизия, которой командовал полковник М. Н. Волков, 230-я штурмовая авиационная дивизия (командир дивизии — генерал-майор авиации С. Г. Гетьман), 164-й гвардейский разведывательный авиационный полк (командир полка подполковник А. П. Бардеев) и 46-й гвардейский ночной бомбардировочный авиационный полк под командованием майора Е. Д. Бершанской.

Естественно, что при ограниченном времени особую заботу вызывала своевременность перебазирования прибывавших частей и соединений. В связи с этим мне вспоминается следующий случай.

После освобождения Севастополя 230-я шад начала перебазирование. Как правило, при перебазировании на большое расстояние технический состав доставлялся на новое место железнодорожным транспортом, поэтому затрачивалось очень много времени. На этот раз положение усугублялось еще и тем, что перебазирование осуществлялось на расстояние более 1000 км. Следовало ожидать, что на восстановление боеспособности частей дивизии уйдет много времени. И каково же было мое удивление, когда на вопрос командиру дивизии Семену Григорьевичу Гетьману, когда его соединение готово будет начать боевую деятельность, он ответил, что это будет возможно на второй день после размещения частей на аэродромах в новом районе базирования. Оказалось, что он распорядился поместить в бомболюки Ил-2 по два человека из технического состава и таким образом летный эшелон прибыл вместе с основной массой технического состава. Так, находчивость и смекалка командира дивизии помогли выйти из затруднительного положения.

Но вот перебазирование всех частей и соединений воздушной армии было закончено, началась интенсивная подготовка к предстоявшим боевым действиям.

При подготовке операции нам встретилось немало трудностей. Одной из них являлось своеобразие нового театра военных действий. «После Кубани и Крыма для летного состава здесь было много необычного. Там мы привыкли к четким и ясным ориентирам... Здесь однообразная, хотя и пестрая местность... Ориентироваться здесь было гораздо труднее»,— писала в воспоминаниях М. П. Чечнева, бывший командир эскадрильи 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка.

Учитывая это, мы особенно большое внимание уделили штурманскому обеспечению предстоявших боев. Было организовано изучение района боевых действий, прежде всего с вновь прибывшим летным составом, намечены опорные линейные ориентиры и сделана маркировка наиболее важных населенных пунктов. Мне хочется обратить внимание на последнее мероприятие — маркировку населенных пунктов. Воздушной армией без значительных материальных затрат были построены 28 опознавательных знаков.

Они представляли собой цифры (от 1 до 28), которые выкладывались на открытой местности у южных окраин населенных пунктов. Цифры изготовлялись из подручных средств размером 13×25 м, поэтому хорошо просматривались с высот 200—300 м. Просто? Да, очень просто и дешево. Но как они нам помогли во время прорыва обороны врага на р. Проне.

Помимо опознавательных знаков использовались и другие средства: дымовые шашки, светомаяки, радиотехнические посты (пеленгаторы, приводные станции). Все они были хорошо изучены летным составом.

Главный штурман воздушной армии полковник В. И. Суворов провел инструктивное совещание со штурманами авиадивизий. Особое внимание на совещании было уделено навигационной и бомбардировочной подготовке, тренировке ведущих групп, вводу в боевую практику молодых летчиков, изучению района предстоявших боевых действий, использованию средств земного обеспечения самолетовождения.

Сборы ведущих групп были проведены и в дивизиях. После их окончания ведущие групп произвели по два маршрутных полета с целью ознакомления с районом боевых действий. Каждый полет сопровождался бомбометанием на полигоне. Маршрутные полеты проводились также и в полках.

Большое внимание уделялось обобщению боевого опыта. С этой целью в полках, помимо бесед, состоялись летно-тактические конференции.

Значительная подготовительная работа завершилась летно-тактическим учением. На нем присутствовал командующий войсками 2-го Белорусского фронта генерал-полковник Г. Ф. Захаров. Естественно, что перед началом учения мы волновались: ведь времени было мало, а объем проделанной работы огромен. Но вот волнения позади — группы самолетов четко выполнили задание и последовали на свои аэродромы. Летчики в основном были готовы к выполнению новых задач.

Все же, несмотря на наши огромные усилия, нам не удалось обеспечить 100%-ной готовности летного состава. К началу операции мы имели 528 исправных самолетов, но только 443 боеготовых экипажа. Приходилось заниматься подготовкой летчиков и в ходе операции.

В многочисленных воспоминаниях, опубликованных в послевоенные годы и посвященных нашим славным Военно-Воздушным Силам, довольно широко показывается деятельность боевых частей во время войны. Это вполне оправданно, так как именно они решали основную задачу. Но не следует забывать и о тружениках авиационного тыла, от работы которых многое зависело. Постараюсь показать это на нескольких примерах.

С прибытием на 2-й Белорусский фронт нам пришлось фактически заново создавать тыл воздушной армии. С 1 мая по 23 июня к нам прибыло пять районов авиационного базирования

(РАБ), имевших в своем составе 27 батальонов аэродромного обслуживания. Укомплектование и организационное устройство службы тыла закончилось только накануне операции.

Для подавляющего большинства частей тыла предстоящий район боевых действий был новым, поэтому мы провели ряд мероприятий. Я назову лишь некоторые: инструктивные совещания, сборы начальников РАБ, их заместителей и начальников штабов, сборы начальников отделов и служб РАБ, совещания партийных активов частей тыла.

Одной из первоочередных задач являлась подготовка аэродромной сети. Существовавшая в полосе фронта аэродромная сеть не отвечала потребностям воздушной армии ни по количеству аэродромов, ни по их расположению. В короткий срок было построено 25 новых аэродромов для штурмовой и истребительной авиации и 4 площадки для самолетов По-2. Произвели также ремонт старых аэродромов и площадок. К началу операции мы располагали необходимым количеством аэродромов, но сколько пришлось затратить усилий, чтобы в срок решить эту задачу! В этом заслуга всех работников авиационного тыла, возглавлявшегося заместителем командующего армией по тылу генералом П. В. Коротаевым, а также начальника инженерно-аэродромной службы полковника К. С. Макеева.

Нам пришлось проделать большую работу, чтобы повысить мобильность частей авиационного тыла. Прибывшие в состав 4-й воздушной армии части тыла были укомплектованы автотранспортом всего лишь на 58%, при этом его техническая готовность не превышала 70%. Были приняты самые срочные меры для пополнения автопарка, повышения готовности автотранспорта, а также для налаживания парковой службы. С большим трудом нам удалось довести техническую готовность до 86%, а укомплектованность до 76%. Но при этом острая нехватка по-прежнему ощущалась в автобензоцистернах, что сказалось в ходе операции.

В таких сложных условиях находилась воздушная армия, как, видимо, и многие другие соединения фронта, когда 31 мая 1944 г. 2-й Белорусский фронт получил директиву Ставки ВГК на проведение наступательной операции. Согласно директиве, войска фронта во взаимодействии с 1-м и 3-м Белорусскими фронтами должны были разгромить могилевскую группировку врага и выйти на р. Березину. Ближайшей задачей являлся выход к Днепру и захват плацдарма, дальнейшей — форсирование Днепра главными силами, овладение Могилевом, развитие наступления в общем направлении Березино, Смиловичи. Командующий войсками фронта решил главный удар на могилевском направлении нанести силами 49-й армии под командованием генерал-лейтенанта И. Т. Гришина. Для развития успеха этой армии была создана подвижная группа, в состав которой входили стрелковая дивизия, две танковые бригады, самоходно-артиллерийский полк, штурмовая саперная и истребительно-противотанковая артилле-

рийская бригады. Группа должна была после выхода войск на р. Басю совершить стремительный бросок к Днепру, захватить плацдарм и удерживать его до подхода главных сил. 33-й и 50-й армиям предписывалось удерживать занимаемые рубежи и готовиться к наступлению.

В соответствии с решением командующего войсками фронта основные усилия воздушной армии сосредоточивались в полосе наступления 49-й армии. Перед соединениями воздушной армии [1] были поставлены следующие задачи:

сосредоточенными ударами ночных бомбардировщиков подавлять артиллерию, живую силу и технику противника;

непрерывными бомбардировочно-штурмовыми ударами непосредственно перед фронтом наступающих войск подавлять артиллерию, огневые точки и живую силу;

прикрыть с воздуха ударную группировку фронта;

вести непрерывную воздушную разведку до рубежа р. Днепр;

уничтожать подходящие резервы.

Выполнение этих задач должно было осуществляться так. Авиационную подготовку атаки предусматривалось начинать в ночь накануне наступления. По указанию представителя Ставки ВГК в полосе нашего фронта в ночь на 23 июня должны были нанести бомбардировочные удары два корпуса авиации дальнего действия. Объекты для них были определены в центре участка прорыва. На флангах же должны были действовать самолеты По-2 325-й нбад. Целью таких ударов являлось подавление живой силы, огневых средств, главным образом артиллерии, и техники противника.

Днем непосредственно перед атакой сухопутных войск в полосе главного удара 49-й армии должен был нанести удар 3-й бомбардировочный корпус 16-й воздушной армии 1-го Белорусского фронта. Таким образом, отсутствие в составе 4-й воздушной армии дневных бомбардировщиков обусловило необходимость привлечения части сил авиации дальнего действия из соседней воздушной армии для боевых действий в полосе нашего фронта.

Авиационная поддержка ударной группировки 49-й армии в течение первых двух часов должна была осуществляться массированными действиями 230-й и 233-й штурмовых авиационных дивизий по артиллерии, живой силе и технике противника, расположенным на удалении от 500 м до 3—4 км от переднего края. Для первого удара намечалось использовать 160 самолетов — Ил-2 и 82 истребителя. В последующем вылеты штурмовиков намечалось осуществлять по вызову командования сухопутных войск.

[1] На 23 июня 1944 г. в состав 4-й воздушной армии входили: 229-я иад, 309-я иад, 230-я шад, 233-я шад, 325-я нбад, 164-й гвардейский орап, 46-й нбап — самолетов По-2. В их составе насчитывалось 528 исправных самолетов, из них 293 истребителя и 196 штурмовиков, 39 самолетов По-2.

Прикрытие ударной группировки фронта истребители должны были производить непрерывным патрулированием в воздухе группами из 8—16 самолетов по специально составленному графику.

Для ведения тактической воздушной разведки намечалось привлечь 163-й гвардейский истребительный авиационный полк 229-й истребительной авиационной дивизии, а оперативной — 164-й гвардейский отдельный разведывательный авиационный полк.

Как известно, с рубежа р. Баси предполагалось ввести подвижную группу. Для ее поддержки и прикрытия намечалось использовать 233-ю шад и 309-ю иад, последней командовал полковник В. Н. Вусс.

Таково было в основном решение по использованию авиации на 2-м Белорусском фронте. Однако выполнение этого решения было связано с преодолением большого количества трудностей. Было совершенно ясно, что в условиях данного театра военных действий значительная роль в операции будет принадлежать авиации, как наиболее маневренному и дальнобойному средству воздействия по противнику. Генерал С. М. Штеменко, находившийся во время подготовки этой операции во главе группы офицеров Генерального штаба во 2-м Белорусском фронте, пишет в своих воспоминаниях: «С авиацией мы связывали очень большие надежды буквально на всех направлениях» [2]. Ограниченное число дорог, большие лесные массивы, многочисленные болота — все это способствовало повышению роли авиации, направлявшей свои удары по отходящим войскам противника. Однако, как я уже указывал, состав нашей воздушной армии был ограниченным, у нас вовсе не было дневных бомбардировщиков. Очень мало выделили нам и горючего. Так, мы планировали иметь к началу операции авиабензина на 20 самолето-заправок, фактически же к 22 июня имели только 8. Это обстоятельство серьезно затруднило ведение боевых действий в ходе операции.

Не удалось нам также завезти необходимого количества и нужного ассортимента авиабомб. Противотанковых бомб к 22 июня мы имели только 480 т. В ходе операции мы неоднократно ощущали их недостаток.

Такое положение создалось в связи с тем, что Ставка ВГК имевшиеся у нее силы и средства направляла в первую очередь 1-му и 3-му Белорусским фронтам, призванным решать главную задачу в операции.

С огромным трудом с помощью Сергея Матвеевича Штеменко нам удалось добиться, чтобы для авиационной подготовки в полосе нашего фронта была использована часть авиации дальнего действия и дневных бомбардировщиков соседней 16-й воздушной армии. Окончательное решение по этим вопросам было принято представителем Ставки ВГК Маршалом Советского Союза

[2] *С. М. Штеменко.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968, стр. 253.

Г. К. Жуковым только 19 июня, т. е. за 4 дня до начала операции. Естественно, что это создавало известные трудности в организации боевых действий соединений армии.

В период подготовки операции большое внимание мы уделили воздушной разведке. Летный состав, прибывший из Крыма, не имел опыта ведения детальной ориентировки в лесисто-болотистой пестрой местности, летчики же соединений, переданных из 1-й воздушной армии, еще не научились достаточно хорошо вести воздушную разведку. Но постепенно положение с воздушной разведкой улучшилось.

Качество воздушной разведки возросло после прибытия из Крыма 11 мая 164-го гвардейского отдельного разведывательного авиационного полка, имевшего большой опыт ведения разведки. Уже 13 мая два его экипажа выполнили первые полеты для фотографирования переднего края обороны противника. С 13 мая и до начала операции экипажи 164-го гвардейского отдельного разведывательного авиационного полка сфотографировали по всему фронту оборону противника на глубину от 8 до 12 км, а на направлении главного удара — до 30 км. Общая площадь фотографирования составила более 5000 км^2. Было изготовлено свыше 10 тыс. отпечатков. Командующий войсками фронта в приказе от 13 июня 1944 г. высоко оценил значение воздушной разведки и объявил благодарность командиру полка Герою Советского Союза подполковнику А. П. Бардееву, большой группе летного состава и работников аэрофотослужбы полка.

Помимо 164-го гвардейского отдельного разведывательного авиационного полка в период подготовки операции воздушную разведку вели также специально подготовленные экипажи 233-й шад на самолетах Ил-2. Это была не совсем обычная разведка. Ее целью являлось детальное изучение характера инженерного оборудования местности и вскрытие группировки артиллерии противника в полосе главного удара фронта. Поэтому на борту некоторых самолетов-штурмовиков Ил-2, выделенных для разведки, вместо воздушного стрелка в качестве второго члена экипажа находился офицер-артиллерист или офицер-сапер. Разведка велась одиночными самолетами и парами Ил-2 под сильным прикрытием истребителей.

Благодаря четко организованной разведке, мужеству и отваге разведчиков командование наземных войск получило исчерпывающие данные о противнике. За четыре дня до начала операции в 49-й армии состоялось совещание всех командиров стрелковых корпусов и дивизий, на котором начальник разведывательного отдела штаба 4-й воздушной армии полковник В. Ф. Воронов ознакомил присутствовавших с фотопланшетом вражеской обороны последней съемки и доложил результаты дешифрирования.

В период подготовки операции нас волновали вопросы своевременного перебазирования авиационных частей вслед за наступающими войсками фронта. Я уже отмечал, что местность в

районе предстоявших боевых действий серьезно затрудняла маневр автотранспорта. Малое количество дорог, использование их всеми родами войск могло привести к образованию пробок и отставанию артиллерии. Следовало ожидать, что командующий войсками фронта в ходе операции потребует недостаток артиллерии восполнить действиями авиации. Но ведь была угроза, что и авиация отстанет, поскольку у нас недоставало автотранспорта, аэродромной техники, мобильность которой нередко была низкой.

На основании данных об имевшейся ранее аэродромной сети на временно оккупированной противником территории и разведывательных данных штабом воздушной армии был составлен план подготовки аэродромов. В нем каждому району авиационного базирования указывалась полоса, в пределах которой он должен был своими силами отыскивать пригодные для строительства аэродромов площадки, строить новые и восстанавливать разрушенные противником аэродромы.

Для повышения оперативности работы РАБ при поиске и строительстве аэродромов из состава инженерно-аэродромных батальонов и аэродромно-технических рот было сформировано 9 передовых аэродромно-восстановительных команд, каждая из них состояла из разведывательной и восстановительной групп. Команды насчитывали в своем составе 130—170 человек, имели 7—8 грузовых автомашин, 6—7 тракторов, 2 грейдера и 3—6 катков. В команды входили также минеры с необходимым минно-саперным имуществом.

С целью обеспечения быстрого аэродромного маневра в ходе наступления часть батальонов аэродромного обслуживания была выведена в резерв. Так, из имевшихся на 23 июня 1944 г. 22 батальонов аэродромного обслуживания 16 были заняты обслуживанием авиационных частей, а 6 выведены в резерв. Резервные батальоны, усиленные автотранспортом и средствами механизации аэродромных работ, должны были следовать за наступающими войсками и организовывать прием авиационных частей на захваченных у противника аэродромах.

Все эти меры в определенной степени способствовали совершению аэродромного маневра в ходе операции.

Приближалось время начала операции. Заканчивалась наша подготовка. Несмотря на трудности, боевой дух у личного состава армии был высок. Все горели желанием быстрее громить врага, отомстить за все злодеяния, совершенные гитлеровцами на нашей земле.

Летчицы 46-го гвардейского женского ночного бомбардировочного полка поклялись жестоко отомстить за горе их боевого друга и товарища капитана Зинаиды Горман. На оккупированной белорусской земле остались ее родители и шестилетний сын. Гитлеровские палачи расстреляли родителей Зины, а сына живым закопали в землю.

И вот Белорусская стратегическая наступательная операция — одна из крупнейших в истории Великой Отечественной войны — началась. В ночь на 23 июня в полосе главного удара войск фронта два корпуса авиации дальнего действия нанесли удар.

Вот как вспоминает начало боевых действий 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка, входящего в 325-ю ночную бомбардировочную авиационную дивизию, Герой Советского Союза, впоследствии заслуженный мастер спорта СССР М. П. Чечнева. «Ночью на старт вынесли наше гвардейское знамя. Состоялся митинг. Командир полка гвардии майор Е. Д. Бершанская призвала весь личный состав с честью пронести наше боевое знамя через Белоруссию, бить врага по-гвардейски, так же, как мы били его на Тереке, на Кубани, на Таманском полуострове и в Крыму.

Мы стояли в строю перед своими самолетами. И перед мысленным взором каждой из нас проходили недавние картины боевых эпизодов из пройденного пути нашего полка. В каждом сердце зрела решимость драться с врагом до последнего вздоха и непременно победить».

Всю ночь самолеты По-2 этой дивизии бомбили противника в районах Перелоги, Головичи, Будино, ст. Перевоз, всю ночь на головы фашистских захватчиков сыпались бомбы. 619 самолетовылетов совершила авиация в полосе главного удара в ночь на 23 июня. По 4—5 вылетов на каждый самолет произвели наши летчики за короткую летнюю ночь.

Удары в основном наносились по огневым позициям артиллерии, минометов, по оборонительным сооружениям и живой силе врага. Бомбы падали точно, причиняя значительный ущерб противнику. О высокой эффективности этих ударов сообщали и военнопленные. Один из них, санитар из 377-й пехотной дивизии, показал на допросе: «В результате налета войскам нанесен существенный урон. Из 60 человек роты было убито и ранено во время бомбардировки до половины состава. Я сам лично перевязал 20 человек, раненных осколками бомб».

Массированные действия ночных бомбардировщиков перед участком прорыва в значительной мере помогли сломить стойкость обороны противника и облегчили прорыв оборонительной полосы по р. Проне.

Наступило утро — первое утро новой операции. На 7.00 было запланировано начало артиллерийской подготовки. В 9.00, после удара бомбардировщиков 16-й воздушной армии генерала С. И. Руденко, должна была начаться атака войск 49-й армии и активные боевые действия наших штурмовиков. Но плохая погода в который раз заставила изменить планы. Шел проливной дождь, в низинах стоял туман, видимость упала до 200—300 м. Пришлось перенести на 2 часа начало атаки и соответственно изменить время артподготовки. Но и в 9 часов погода не улучшилась — пришлось начинать артподготовку в сложных погодных условиях.

В 11.00 перешли в атаку сухопутные войска, но без авиационной подготовки и, что хуже всего, без поддержки штурмовиков.

Лишь во второй половине дня погода несколько улучшилась, и первые группы илов в сопровождении истребителей вылетели на штурмовку уже начавших отход вражеских войск. Вначале это были пары, затем четверки и к вечеру более крупные группы штурмовиков. Штурмовики успешно атаковали артиллерию противника, но особенно эффективные удары они наносили по колоннам отходивших вражеских войск. Как говорится, нет худа без добра. Так было и на этот раз. Прошедший сильный дождь вывел из строя проселочные дороги, поэтому отходящие колонны противника устремились на запад по большаку Заложье, Хоньковичи, Сухари — единственной хорошей дороге в районе. А это облегчило ведение борьбы с ними. Более 70 вражеских автомашин было уничтожено к исходу дня нашими экипажами только на этом участке дороги. В районе Большое Щекотово, Хоньковичи звено штурмовиков Ил-2 62-го штурмового авиаполка под командованием старшего лейтенанта Андреева в сопровождении истребителей 172-го истребительного полка атаковало вражескую колонну из 100 автомашин и 20 танков. Удар был чувствительным — 2 танка и 8 автомашин запылали на дороге.

Успешно действовали наши разведчики. В сложных условиях погоды экипажи 163-го гвардейского истребительного авиационного полка непрерывно вели разведку поля боя. Летчиками этого полка старшими лейтенантами С. И. Харламовым и П. М. Батыревым было установлено начало отхода вражеских войск на промежуточный оборонительный рубеж по р. Басе. Экипажи этого же полка обеспечивали нас данными о положении отходящих вражеских войск. Основываясь на данных воздушной разведки, командующий 49-й армией принял меры к развитию успеха.

Немедленно были организованы удары по войскам и технике противника у переправ через р. Басю. Я уже указывал, что основной поток отходящих вражеских войск направлялся по единственной хорошей дороге Заложье — Сухари. Уничтожение переправы через р. Басю у д. Хильковичи парой Ил-2 в составе замечательного мастера штурмовых ударов, впоследствии дважды Героя Советского Союза А. Н. Ефимова и его ведомого М. Н. Бабкина поставило противника в критическое положение.

Окончился первый день операции. Наступающие войска продвинулись на 5—8 км, расширив прорыв до 20 км по фронту. Несмотря на исключительно сложные условия, соединения 4-й воздушной армии оказали посильную помощь ударной группировке войск фронта. За вторую половину дня они произвели более 600 самолето-вылетов. Командующий войсками фронта и Военный совет высоко оценили действия армии, приказав объявить благодарность всему ее летному составу.

На следующий день войска фронта продолжали успешно продвигаться на запад, вышли на р. Басю, форсировали ее и захва-

тили плацдарм. С прорывом промежуточного оборонительного рубежа создались условия для ввода подвижной группы. В 19.00 подвижная группа начала переправу через р. Басю.

24 июня погода была хорошей, и соединения 4-й воздушной армии произвели 873 самолето-вылета. Основные усилия воздушной армии в этот день были направлены на поддержку сухопутных войск при форсировании ими реки и захвате плацдарма, а во второй половине дня — на обеспечение ввода в прорыв подвижной группы.

Противник, используя выгодные условия местности, вел арьергардные бои, пытался сдерживать продвижение советских войск. Наши штурмовики помогали пехоте, артиллерии и танкам преодолевать сопротивление отходящих войск врага. Неоднократно они наносили удары по целям, обозначаемым наземными войсками артиллерийскими дымовыми снарядами или цветными ракетами. Так, три звена самолетов Ил-2 103-го штурмового авиационного полка 230-й штурмовой авиационной дивизии под командой старшего лейтенанта Поликарпова начали штурмовать вражескую колонну на дороге. В это время командир одного из звеньев, старший лейтенант Коваленко, заметил, как над расположением вражеской полевой артиллерии разорвалось несколько снарядов белого дыма. Это артиллеристы указывали цель, препятствовавшую успешному продвижению нашей пехоты. Коваленко повел звено на цель — вражеская артиллерия была подавлена, наши пехотинцы избавились от огня противника.

В условиях быстро меняющейся обстановки важное значение приобретала тактическая грамотность и инициатива ведущих групп. Иногда ведущему группы приходилось выбирать самому цели для удара. Ведущий определял, какие цели представляют наибольшую опасность для наших войск в данное время. В этом отношении весьма характерен вылет трех пар самолетов Ил-2 7-го гвардейского штурмового авиационного полка 24 июня. Командир группы гвардии лейтенант К. А. Аверьянов нашел заданную цель — скопление вражеских танков и приступил к выполнению задачи.

Однако после первой атаки он заметил, что три вражеских самоходных орудия «фердинанд» и другие противотанковые средства открыли интенсивный огонь по нашим 12 атакующим танкам и следовавшим за ними автоматчикам.

По какой цели наносить удар? Ведь обе они важные. Аверьянов правильно решил, что в данный момент «фердинанды» и противотанковые средства врага представляют для наших войск бо́льшую опасность. Атака группы Аверьянова сорвала намерение противника; наши танки и пехота овладели важным опорным пунктом.

25 июня войска фронта продолжали успешно наступать. Соединения воздушной армии, оказывая эффективную поддержку сухопутным войскам, произвели 900 самолето-вылетов. Оборона

противника оказалась прорванной на фронте в 75 км и на 30 км в глубину.

В ночь на 26 июня противник стал отходить на всех участках 2-го Белорусского фронта. Началось преследование врага всеми армиями.

Успехи нашего фронта были высоко оценены Верховным Главнокомандованием. В специальном приказе в числе отличившихся отмечены многие соединения и части воздушной армии: 230-я и 233-я штурмовые авиационные дивизии, 309-я истребительная авиационная дивизия, 325-я ночная бомбардировочная авиационная дивизия, 163-й гвардейский истребительный авиационный полк. Приятно было сознавать, что в достигнутом успехе фронта весомая доля принадлежала нашей воздушной армии. Около трех тысяч вылетов произвели ее соединения и части за это время.

Учитывая неблагоприятную погоду в первый день операции и относительно немногочисленный состав воздушной армии, можно сказать, что летчики успешно справились с возложенными на них задачами.

На следующий день соединения воздушной армии основные усилия направляли на поддержку войск подвижной группы, форсировавших р. Днепр и захвативших плацдарм на его западном берегу. Противник прекрасно понимал важность удержания обороны по этому водному рубежу. К плацдарму потянулись войска, танки и самоходные орудия. Начались упорные бои за удержание плацдарма, отражение сильных контратак врага. С целью достижения тесного взаимодействия с войсками, удерживавшими плацдарм, на КП командующего подвижной группой разместился с радиостанцией командир 233-й шад полковник В. И. Смоловик. Через каждые 10—15 минут над плацдармом появлялись группы штурмовиков в сопровождении истребителей. Горели танки контратакующих вражеских войск, их артиллерия не могла вести эффективный огонь, будучи подавленной меткими ударами нашей авиации. Неоднократные контратаки врага разбивались о стойкость наших войск, надежно прикрытых с воздуха истребителями и поддержанных штурмовиками.

Форсирование советскими войсками Днепра севернее Могилева, безуспешные попытки врага контратаками остановить дальнейшее продвижение наших частей на запад создали серьезную угрозу всей могилевской группировке противника. Не надеясь удержать Могилев, фашистское командование уже с 24 июня начало вывозить из него по железной дороге ценные грузы и тяжелую технику. Перед нами была поставлена новая задача — сорвать перевозки врага по железной дороге, не допустить вывоза награбленного имущества и ценностей из Могилева. Надо сказать, что эта задача тоже была решена нашими летчиками неплохо. Движение железнодорожного транспорта было дезорганизовано, только на станциях Шклов и Копысь скопилось около 500 вагонов и 10 паровозов. Осмотр специальной комиссии установил,

что на ст. Шклов до 25% подвижного состава было выведено из строя и разрушено действиями нашей авиации.

28 июня войска 2-го Белорусского фронта освободили Могилев. В этих боях также участвовали части 4-й воздушной армии.

Положение немецко-фашистских войск в Белоруссии стало катастрофическим. Войска 1-го и 3-го Белорусских фронтов, выйдя на Березину и форсировав ее, глубоко охватили с севера и юга вражескую группировку восточнее Минска. Оборонявшаяся перед 2-м Белорусским фронтом 4-я гитлеровская армия не смогла оторваться от наших войск и отойти к Минску.

В этот же день все фронты, участвовавшие в операции, в том числе и наш, получили новые задачи, выполнение которых должно было привести к освобождению столицы Белоруссии Минска и окружению восточнее ее войск 4-й армии. Не допустить организованного, планомерного отхода противника, сковать его, не дать ему возможности быстро отойти на запад — такова была задача войск фронта и его авиации. Действия нашей авиации с 28 июня по 3 июля по существу приняли характер широкого авиационного преследования отходивших вражеских войск от Днепра до Березины.

Гитлеровским войскам приходилось отступать по лесисто-болотистой местности с крайне ограниченным количеством дорог. Это обстоятельство вынуждало противника отходить по двум-трем основным дорогам, нередко запруживая их колоннами в 2—3, а иногда и в 4 ряда. Основной поток двигался по шоссе Могилев — Минск.

Гитлеровцы несли значительные потери. Особенно большой урон врагу наносили наши соединения на участке этого шоссе от Белыничей до Березины протяженностью в 50 км. Пять деревянных мостов через небольшие речки, большой лесной массив (90% дороги проходило в лесу), 8 км дороги через болото — все это создавало исключительно благоприятные условия для ударов по отходившим колоннам врага.

Практика показала, что наибольший результат достигался в тех случаях, когда штурмовые дивизии получали определенный участок дороги (чаще всего магистрали Могилев — Минск). Командиру дивизии предоставлялась полная самостоятельность в организации своевременных и непрерывных ударов. Тактика сводилась к следующему. С получением боевой задачи командир дивизии высылал группу штурмовиков для ведения воздушной разведки отступающих войск противника. Обнаружив крупную вражескую колонну, ведущий докладывал о ней командиру дивизии и одновременно приступал к штурмовке. При этом штурмовики стремились создать «пробку» на дороге с целью задержать движение вражеской колонны. Как правило, для этого выбирались лесные участки и дороги, проходящие по заболоченной местности, на которых застигнутый штурмовиками противник не мог рассредоточиться и совершить объезд. Действия штурмовиков

всегда вносили панику в ряды врага: солдаты при появлении самолетов разбегались в стороны, вся техника, обозы оставались на дороге. Организованного противодействия зенитных средств врага, как правило, не было, что создавало почти идеальные условия для наших летчиков. В результате удара уничтожалась техника врага, наносились потери живой силе. Иногда первый удар сопровождался разрушением мостов через заболоченные реки. Образовывались «пробки», чем немедленно мы пользовались. Вылетали новые группы штурмовиков и вступали в сражение. Нередко в нем принимали участие и истребители сопровождения, так как вражеские истребители противодействия в воздухе почти не оказывали.

Типичными для штурмовиков являлись боевые действия 230-й шад под командованием генерал-майора авиации С. Г. Гетьмана 29 июня. В 5 часов 48 минут на разведку отходящих войск врага вылетела первая группа в составе 4 самолетов Ил-2, руководимая Героем Советского Союза капитаном И. Л. Карабутом, следом за ней группа младшего лейтенанта Остапенко, затем звено старшего лейтенанта Демакова. Обнаружить вражеские колонны не составляло большого труда — дорог мало и все они под непрерывным наблюдением. Особенно большое скопление было отмечено на участке шоссе Заболотье — Василевщина. О колоннах можно было судить хотя бы по таким данным: только на участке Белыничи — Погост двигалось до 600 транспортных единиц. Эти разведданные немедленно передали с борта экипажей разведчиков по радио, и сразу же был осуществлен штурмовой удар.

В 9 часов 15 минут состоялся вылет новых групп, затем еще и еще — через каждые 8—10 минут. По вражеским колоннам непрерывно били пушки и пулеметы, кругом рвались бомбы и снаряды.

Как я уже отмечал, в этом районе было много небольших мостов. К 15.00 все они были разрушены нашими штурмовиками, движение фактически прекратилось. Образовались огромные скопления на дорогах. В этот день 20 групп 230-й шад вылетали для выполнения задания. Противник понес большие потери. Во второй половине дня ему пришлось свернуть с шоссе на проселочные дороги, которыми он рассчитывал выйти к Березине. Конечно, скорость движения резко уменьшилась. Еще 20 групп самолетов Ил-2 проштурмовали врага. В 21 час летчики 230-й шад и сопровождавшие их истребители 229-й иад закончили боевые действия.

Как только наступала темнота, в небе Белоруссии появлялись неутомимые труженики — самолеты По-2 325-й нбад. Они продолжали дело, начатое штурмовиками. Всю ночь они бомбили врага, не давая ему покоя и нанося ощутимый ущерб. Летчики этой дивизии совершили 797 вылетов с 28 июня по 3 июля 1944 г.

В период авиационного преследования врага неоценимую по-

мощь нам и командованию наземных войск оказывали самолеты-разведчики. Они постоянно информировали о положении своих и вражеских войск, указывали направления отхода противника. Неоднократно по их данным удавалось причинять большой ущерб врагу. Мастерски вели воздушную разведку командир 163-го гвардейского истребительного авиационного полка подполковник П. К. Козаченко и командир звена этого же полка старший лейтенант С. И. Харламов.

3 июля соединения 2-го Белорусского фронта форсировали Березину. Разбитые и деморализованные войска противника, проделавшие путь от Днепра до Березины под непрерывными ударами нашей авиации, не смогли своевременно занять оборону по выгодному рубежу, каким являлась р. Березина. Пока они с большим трудом покрывали это расстояние, войска соседних фронтов оказались уже в их тылу. 3 июля Минск был освобожден, а восточнее его оказалась в окружении 100-тысячная группировка врага.

В том, что крупная группировка противника не смогла избежать окружения, в значительной степени «повинны» наши летчики. Они днем и ночью громили отступающие войска противника. Бывший командующий 4-й армией генерал Курт Типпельскирх сетовал, что «...непрерывные налеты авиации противника причиняли тяжелые потери» [3].

На высокую эффективность действий нашей авиации указывали и другие генералы фашистской армии. «В настоящих операциях русских войск авиация сыграла первостепенную роль. Она повлияла на ход всей кампании на данном участке фронта. Применяемые в большом количестве самолеты-штурмовики явились эффективным средством, нарушившим планомерный отход наших войск... Русская авиация не дала возможности нашим войскам оказать организованное сопротивление на таком мощном естественном рубеже, как река Березина»,— так оценивал боевые действия нашей авиации один из командиров дивизий, попавший в плен 11 июля.

О том же говорили пленные фашистские солдаты. «На лесных дорогах мы подвергались непрерывным атакам штурмовиков, которые наносили нашим колоннам ужасные потери. Так как колонны были очень плотные — по дорогам двигались в 2—3 ряда, потери при налетах часто равнялись 50—60%. Все дороги нашего отступления усеяны трупами. Моральное воздействие авиации огромное. Как только раздавался гул приближавшихся самолетов, солдаты бросали на дорогах автомашины, подводы и бежали прятаться в рожь или в лес. Если машины и подводы съезжали с шоссе, то они вязли в болотах. Устраивались сплошные «пробки»,— так рассказывал один из пленных 677-го рабочего батальона.

[3] *К. Типпельскирх.* История второй мировой войны. М., 1956, стр. 446.

В том, что все представители немецко-фашистских войск — от рядового солдата до командира дивизии и командующего армией — признавали большую роль советской авиации в срыве их замыслов, ничего нет удивительного. Почти 2 тыс. самолето-вылетов в течение 5 суток произвели части и соединения 4-й воздушной армии. В полосе нашего фронта наносили также удары бомбардировщики 16-й воздушной армии под командованием генерала С. И. Руденко. Враг хорошо узнал силу ударов советских летчиков.

Затем частям и соединениям 4-й воздушной армии пришлось принять участие в ликвидации окруженной восточнее Минска группировки противника. Эту задачу воздушной армии пришлось решать в своеобразных условиях. Окруженные войска, пробиваясь на запад отдельными разрозненными группами, выходили в район намеченного базирования наших соединений. Мы не всегда могли поэтому производить перебазирование на ближайшие к фронту аэродромы. Приходилось летать в основном с удаленных аэродромов и действовать на предельном радиусе. Но это вовсе не означало, что мы пассивно ожидали, пока сухопутные войска освободят от врага намеченные районы базирования. Наши передовые батальоны аэродромного обслуживания находились вместе с наземными войсками и готовили освобождаемые аэродромы для боевой деятельности. Но так как сюда же выходили и блуждающие группы неприятеля, то приходилось неоднократно вступать с ними в наземные бои. Об одном мне и хочется рассказать. Утром 6 июля на один из аэродромов недалеко от Минска прибыло до 40% личного состава 444-го батальона аэродромного обслуживания во главе с командиром майором Алексашиным. Батальон должен был в кратчайшее время подготовить аэродром для приема истребителей.

Вначале обстановка в районе аэродрома была спокойной. Но вдруг в 14 часов начался пулеметный, автоматный и даже артиллерийский обстрел. Личный состав батальона немедленно занял оборону, командир выслал разведку. Ее итоги были неутешительными — в этом районе располагалось до 1000 солдат и офицеров противника.

На следующий день положение еще более усложнилось — к аэродрому просочилась группа противника в 3 тыс. человек. Как выяснилось позже, она должна была захватить наш аэродром и обеспечить посадку на нем своих транспортных самолетов. Враг намеревался навести «воздушный мост» к окруженным войскам. Ночью 8 июля над аэродромом появились и первые самолеты — три Ю-52. Они построились в круг, подавая условные знаки. Но аэродром был в наших руках. Фашистские войска, находившиеся в районе аэродрома, подали сигнал: «Аэродром захватить не удалось». Экипажи Ю-52 обстреляли аэродром из турельных пулеметов и улетели на запад.

Одновременно с этим развернулся ожесточенный бой на земле. Фашисты не смогли овладеть аэродромом. Понеся большие поте-

ри (180 убитых, 150 раненых), противник временно прекратил атаки.

Утром на аэродром прилетели самолеты 163-го гвардейского истребительного авиационного полка во главе со своим командиром. В течение первой половины дня обстановка была относительно спокойной. Часть личного состава готовилась к боевым действиям, другие находились в обороне. Но в 15 часов обстановка ухудшилась — в соседних деревнях были обнаружены немцы. Для уточнения данных наземной разведки на самолете Ла-5 вылетел незадолго до этого прибывший в полк заместитель командира 229-й иад полковник А. Г. Маркелов. Он не только подтвердил эти данные, но и проштурмовал вражескую группировку. После посадки Маркелова на штурмовку врага вылетела еще пара самолетов Ла-5. Используя хотя и небольшую поддержку со стороны истребителей, работники батальона аэродромного обслуживания отразили атаки врага. Противнику не удалось захватить аэродром. Личный состав 444-го, а затем и подошедшего 706-го батальонов аэродромного обслуживания проявил подлинное мужество, отвагу и воинское умение при срыве намерений врага.

Такие случаи были не единичными. Об этом красноречиво говорят цифры: в результате наземных боев частей воздушной армии с окруженными группами противника убито около 1000 и пленено свыше 1800 солдат и офицеров. В числе пленных оказался генерал — один из командиров армейских корпусов.

В боях с блуждавшими группировками врага принимали активное участие и наши отважные женщины — летчицы 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка. Они отыскивали противника, бомбили и обстреливали его, а иногда и принимали капитуляцию.

Необходимо было в кратчайший срок ликвидировать окруженную восточнее Минска группировку. Это диктовалось главным образом тем, что противник оказался в районах, через которые проходили основные коммуникации фронта, да и не только нашего, но и соседей.

К ликвидации окруженной группировки противника были привлечены войска 2-го Белорусского и часть сил 3-го Белорусского фронтов. Авиационное обеспечение осуществлялось соединениями 1-й и 4-й воздушных армий и авиации дальнего действия. 33-я армия своим правым флангом отрезала пути отхода противнику на северо-запад, а центром и левым флангом во взаимодействии с соединениями 50-й армии ликвидировала вражескую группировку в районе севернее и северо-восточнее Волма. Войска 49-й армии, продолжая наступление на Апчак, преграждали пути отхода противнику на юг и юго-запад, одновременно ликвидируя его группировки в районе Смиловичей и западнее.

Ликвидация группировки проходила в своеобразных условиях. Группировка не представляла единого целого. Отдельные разобщенные группы метались из стороны в сторону, пытаясь найти

выход из окружения. Это обстоятельство облегчало их уничтожение. Наши войска могли бить врага по частям. Но противник располагался в лесисто-болотистой местности. Отличная маскировка, возможность отдельными группами просачиваться лесами на запад затрудняли наши действия.

Для содействия 49-й армии в быстром поиске и уничтожении врага был выделен 634-й ночной бомбардировочный авиаполк, имевший на вооружении самолеты По-2. Действия этого полка заключались в следующем.

Ширина полосы прочесывания местности войсками 49-й армии равнялась 60 км. Она была поделена на 5 участков — по числу стрелковых дивизий. Размер каждого участка — 10—15 км по фронту, до 30 км в глубину. На каждый участок стрелковых дивизий выделялось по 2 самолета По-2, т. е. одновременно просматривали район окружения 10 экипажей 634-го нбап. Вылеты производились в течение всего дня. Средняя продолжительность каждого полета достигала трех часов, что для По-2 являлось предельным.

Экипажи в первую очередь просматривали лесные массивы, кустарники и посевы. В случае обнаружения врага они устанавливали его численность и стремились как можно быстрее навести на него ближайшие части или подразделения 49-й армии.

К сожалению, на самолетах По-2 радиостанции в то время отсутствовали, поэтому наведение осуществлялось сбрасыванием вымпела, в котором указывалось место и состав обнаруженных групп. Часто для наведения применялась стрельба ракетами в направлении противника. Иногда даже практиковалась посадка самолетов в расположении или поблизости своих войск и личный доклад о наблюдении.

Боевой опыт показал, что такое совместное действие самолетов По-2 и войск 49-й армии полностью себя оправдало. Командование сухопутных войск, штаб воздушной армии постоянно знали о расположении окруженных войск и своевременно принимали надлежащие меры.

Успеху способствовало также хорошо налаженное управление и четко организованное взаимодействие полка со штабом 49-й армии. Боевые действия 634-го ночного бомбардировочного авиационного полка велись с аэродрома, находившегося всего лишь в 7 км от штаба 49-й армии и в 2,5 км от передового командного пункта командующего 4-й воздушной армией. На аэродроме постоянно находился представитель штаба 49-й армии. Он передавал нам боевые задачи, сообщал в свой штаб донесения об итогах боевых действий.

В конце дня представитель 325-й нбад получал от начальника оперативного отдела штаба 49-й армии задачу на следующий день, а также информацию о положении войск: исходный рубеж выступления соединений армии и рубеж, которого они после прочесывания должны достичь в конце дня; район и время больших

привалов; полосы и дороги движения дивизий и ось перемещения их штабов.

К 11 июля окруженные группировки врага были ликвидированы. Посильную помощь сухопутным войскам оказали соединения и части 4-й воздушной армии, произведя при этом 638 самолетовылетов.

На войне было правило: заканчивая боевые действия в одной операции, настраивать себя и своих подчиненных на решение новых, подчас еще более сложных задач. Так было и на этот раз.

4 июля фронт получил директиву Ставки — не позже 12—15 июля овладеть районом Новогрудок и выйти на реки Неман и Молчадь, в дальнейшем овладеть Волковыском и наступать в направлении Белостока.

Сразу же после ликвидации окруженной группировки соединения и части 4-й воздушной армии перебазировались на аэродромы, расположенные ближе к линии фронта. Одновременно продолжались боевые действия против отходящих войск противника, а также велась тактическая и оперативная воздушная разведка. В целом обстановка до середины июля была относительно спокойной.

В районе Гродно войска правого крыла фронта встретили сильное сопротивление врага. Укрепившись на заранее подготовленных рубежах, противник нанес ряд сильных контрударов. Повысилась и активность вражеской авиации. На поддержку войск действовавшей здесь 50-й армии были направлены основные силы воздушной армии. Сопротивление противника в районе Гродно было сломлено. Войска фронта на правом крыле вновь устремились вперед. И опять последовал перенос усилий воздушной армии. 24 июля 3-я армия, действовавшая на левом крыле фронта, вышла к Белостоку, мощному укрепленному району, прикрывавшему подступы к границам Восточной Пруссии — логова прусского милитаризма. Без активной поддержки авиации и усиления войск артиллерией и танками 3-я армия не смогла бы преодолеть вражескую оборону.

4-я воздушная армия на белостокском направлении была подготовлена к боевым действиям в крайне сжатые сроки, по существу в течение двух суток. За это время штабом воздушной армии был составлен план боевого использования, организовано управление частями и соединениями и взаимодействие их с войсками 3-й армии, поставлены боевые задачи.

В точном соответствии с планом в ночь на 26 июля самолеты По-2 325-й нбад начали боевые действия, попутно ведя разведку. 131 вылет произвели они за ночь. С началом атаки войск 3-й армии на вражескую оборону обрушились удары штурмовиков. Только за первые два часа 93 штурмовика в сопровождении 54 истребителей подвергли мощным ударам оборонительные сооружения, войска и технику противника. Враг яростно сопротив-

лялся. Более того — он начал контратаковать, широко применяя танки и самоходные орудия.

Группы штурмовиков по 6—8 Ил-2 непрерывно летали над полем боя и метко разили врага. Их успеху в значительной степени помогало четкое управление со стороны командира 230-й шад генерал-майора авиации С. Г. Гетьмана. Находясь с радиостанцией наведения в боевых порядках 41-го стрелкового корпуса и имея прямую связь с его командиром, Гетьман хорошо знал обстановку, получал заявки на подавление целей, направлял группу самолетов Ил-2 на наиболее важные цели. О масштабах его работы в этот день наглядно свидетельствуют следующие данные: из 45 вылетавших на задания групп штурмовиков 39 групп были перенацелены командиром дивизии на более важные объекты, мешавшие продвижению войск 3-й армии.

638 самолето-вылетов произвели соединения и части воздушной армии 26 июля. Больше десяти танков и самоходных орудий, 20 орудий полевой артиллерии и много другой техники лишился противник благодаря действиям нашей авиации в этот день. Велики были его потери и в живой силе. Боевые действия авиации в значительной мере сказались на успешном штурме частями и дивизиями 3-й армии мощных вражеских укреплений в Белостоке.

Противник не выдержал. В ночь на 27 июля он начал отвод белостокской группировки за р. Нарев. Ночные бомбардировщики в течение всей ночи разрушали переправы на реках Нарев и Супрасль, уничтожали отходящие войска и технику противника, произведя около 100 вылетов. В 6 часов 27 июля войска 3-й армии в тесном взаимодействии с 4-й воздушной армией освободили Белосток.

27 июля в течение всего дня боевые действия не прекращались. 412 вылетов произвели части нашей воздушной армии, уничтожая отходящие вражеские войска, переправы, железнодорожные эшелоны, прикрывая войска 3-й армии от налетов авиации противника.

Командование наземных войск высоко отзывалось о действиях авиации при освобождении Белостока. Так, командующий 3-й армией генерал-полковник А. В. Горбатов указывал: «Отмечаю исключительно большую помощь в боевых действиях за город Белосток, оказанную авиацией 4-й воздушной армии. Ее непрерывные действия днем и ночью не давали противнику покоя, от ее бомбардировочных и особенно штурмовых ударов много уничтожено техники и живой силы противника на дорогах и переправах. Особенно сильное действие авиации было 26 июля на участке основного прорыва. Группы штурмовиков, нацеливаемые генерал-майором авиации Гетьманом и подполковником Баутиным с НП корпусов, наносили удары в непосредственной близости к наступающей пехоте, сопровождая ее, уничтожая врага, непрерывно держали поле боя под своим воздействием».

В одной из стрелковых дивизий, чьи действия поддерживали штурмовики дивизии под командованием генерала Гетьмана, была выпущена в это время даже специальная листовка. В ней писалось: «...С гордостью и восхищением наблюдали мы, пехотинцы, за вашими умелыми и бесстрашными действиями.

Спасибо! От всего сердца благодарим за ваше мужество и геройство, за вашу поддержку!»

28 июля фронт получил новую директиву Ставки. В ней требовалось развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении Ломжа, Остроленка; захватить плацдарм на западном берегу р. Нарев; по выполнении этой задачи прочно закрепиться для подготовки к вторжению в Восточную Пруссию.

При выполнении поставленных задач войска фронта и соединения воздушной армии вновь встретились с большими трудностями. Нам предстояло преодолеть оперативное предполье врага, прикрывавшее подступы к Восточной Пруссии. Лесисто-болотистая местность, большое количество рек способствовали упорному сопротивлению врага на многочисленных промежуточных рубежах. Нельзя было также не учитывать и состояния гитлеровских войск, отходящих к своим государственным границам. В начале августа командующий группой армий «Центр» обратился к войскам со специальным приказом. В нем, в частности, были такие строки: «Враг стоит у границ Восточной Пруссии. Он пытается проникнуть на территорию нашей родины... Теперь ни шагу назад. Никто не должен колебаться. Каждый должен быть на своем месте и отдать все, что может».

Резко возросло противодействие вражеской авиации. В этих условиях весьма необходимым и своевременным было усиление нашей воздушной армии в начале августа двумя авиационными корпусами: 4-м штурмовым и 8-м истребительным. Эти соединения насчитывали в общей сложности 500 самолетов.

Испытывая значительные трудности из-за нехватки танков, боеприпасов и средств материального обеспечения вследствие растяжки коммуникаций в ходе длительного наступления, войска фронта с упорными боями преодолевали предполье. Основной ударной силой по поддержке наземных войск в этих условиях являлась штурмовая авиация. Все ее усилия сосредоточивались на поле боя, причем цели располагались не далее 2—3 км от переднего края своих войск.

Наша воздушная армия возросла по количеству самолетов вдвое, но ей очень не хватало горючего. Армия смогла все же оказать эффективную помощь войскам. Только в августе соединения и части воздушной армии произвели около 14 тыс. самолетовылетов.

Войска фронта, выполнив в основном требования директивы Ставки от 28 июля, 29 августа главными силами перешли к обороне. Примерно к этому же времени завершились наступательные действия и на соседних фронтах. Белорусская стратегическая на-

ступательная операция закончилась блестящей победой Советских Вооруженных Сил. На очереди были новые, еще более ответственные задачи.

Попытаемся подвести некоторые итоги нашей деятельности в Белорусской операции. При этом следует иметь в виду, что роль 4-й воздушной армии, как и войск 2-го Белорусского фронта, составной частью которых она являлась, была скромной. Мы действовали не на главном направлении, располагали значительно меньшим боевым составом, чем соседние 16-я и 1-я воздушные армии. Однако, несмотря на такие обстоятельства, части и соединения 4-й воздушной армии с 23 июня по 29 августа 1944 г. произвели около 28,5 тыс. самолето-вылетов. За это время ими было выведено из строя и уничтожено свыше 200 танков и САУ, 5000 автомашин, около 200 орудий и много другой техники. От действий нашей авиации противник понес также большие потери в живой силе. Одними цифрами трудно, а подчас и невозможно выразить долю участия того или иного рода войск, вида вооруженных сил в операции. Да вряд ли это и нужно. Одно несомненно — войска 2-го Белорусского фронта своими действиями во многом способствовали разгрому группы армий «Центр», освобождению Белоруссии и Восточной Польши. В этом есть доля и наших летчиков. Да и не только их. Самоотверженно трудился весь личный состав воздушной армии.

В организации боевых действий, налаживании управления частями и соединениями большую помощь мне оказывал штаб воздушной армии, возглавляемый генералом А. З. Устиновым, а затем сменившим его генералом А. Н. Алексеевым. Я до сих пор с благодарностью вспоминаю генералов и офицеров штаба, отдававших все силы и знания делу разгрома врага. Штабу воздушной армии впервые пришлось работать в условиях такого глубокого, стремительного и продолжительного наступления войск фронта. За время операции наш штаб перебазировался 7 раз через каждые 3—4 суток. Ни в какой другой наступательной операции, в которой участвовала 4-я воздушная армия в Великой Отечественной войне, ничего подобного не было. И, несмотря на это, управление было устойчивым. Задачи доводились до частей и соединений своевременно, хорошо велась разведка, четко организовывалось взаимодействие с общевойсковыми армиями фронта.

Большая заслуга в том безусловно принадлежала начальникам ведущих отделов штаба полковникам К. Н. Одинцову и В. Ф. Воронову.

В ходе операции офицеры штаба обобщали боевой опыт, доводили его до частей, способствовали развитию оперативного искусства ВВС по вопросам авиационного преследования, уничтожения окруженных группировок противника в лесисто-болотистой местности, авиационной поддержки войск при овладении с ходу сильно укрепленными узлами вражеской обороны, организации и ведения тактической воздушной разведки.

Как я уже указывал, операция проводилась в трудных для нас условиях. Надо обладать исключительным умением и, я бы сказал, талантом, чтобы в этих условиях четко организовать аэродромное и материально-техническое обеспечение. Мой заместитель по тылу генерал П. В. Коротаев приложил максимум усилий для решения сложных задач. Вспоминается мне такой случай.

Войска фронта развивали стремительное наступление на запад. Надо было своевременно восстанавливать разрушенные противником аэродромы, строить новые. Нельзя было допустить отставания авиации. Не хватало аэродромной техники, а имеющаяся обладала малой мобильностью. Но аэродромы строились. От рубежа р. Прони до Белостока частями тыла было восстановлено и построено вновь 50 аэродромов и 39 площадок. Работали днем и ночью, но за 24—40 часов летное поле создавалось. Не хватало автотранспорта, а ведь по сути дела перевозка всего необходимого для жизни и боя осуществлялась главным образом автомашинами. И здесь выход был найден. 50% бортового и весь наливной автотранспорт был организован в колонны по 10—15 машин. Во главе их поставлены опытные офицеры и сержанты. Организованы контрольно-пропускные пункты, выделены диспетчеры. Созданы пункты заправки, питания и ремонта. Четкая, ритмичная работа транспорта — таков итог этого мероприятия.

Нет нужды доказывать необходимость своевременной доставки на аэродромы горючего и смазочных материалов. А ведь этот вопрос тоже решался с трудом. Только находчивость работников ГСМ и автослужбы помогла нам решить эту проблему — на бортовые машины поставили цистерны, и емкость наливного транспорта увеличилась на 220 т.

Многое, очень многое в боевой деятельности авиации зависит от инженерно-авиационной службы. Главный инженер воздушной армии генерал И. П. Осипенко со своими подчиненными много сделал, чтобы выполнить все поставленные перед воздушной армией задачи. Я уже отмечал, что мы имели ограниченное количество самолетов. В этих условиях каждый самолет ценился «на вес золота». Вылет каждого самолета на задание — заслуга, подчас немалая, технического состава, это удар по врагу. Каждый возвращенный ремонтниками в строй самолет — тоже своеобразный подвиг. 3326 отремонтированных самолетов и 637 моторов — таков итог работы неутомимых тружеников в ходе Белорусской операции по состоянию на 30 июля 1944 г.

Хорошо работали во время операции связисты полковника С. А. Лебедева. От успешной работы средств связи и особенно радио в условиях стремительного наступления наших войск и резко меняющейся обстановки зависела непрерывность и устойчивость управления.

В авангарде боев, на решающих участках работы по обеспечению боевых действий были коммунисты и комсомольцы. Где было трудно, туда они направлялись. Заместитель командарма по поли-

тической части генерал Ф. Ф. Веров и начальник политического отдела генерал Ф. И. Жмулев направляли деятельность политорганов, партийных организаций, умело организовывали и осуществляли партийно-политическую работу при подготовке и в ходе операции. Политорганы работали в тесном контакте с командованием. Это позволяло политработникам целеустремленнее строить свою работу на всех этапах Белорусской операции.

Образцы мужества, стойкости и мастерства проявляли политработники, имевшие летные специальности. Такими были М. Н. Волков, И. А. Тараненко, В. В. Исаев и другие. После Белорусской операции они были рекомендованы на командные должности и руководили крупными соединениями. И. А. Тараненко и В. В. Исаев были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Белорусская стратегическая наступательная операция завершилась блистательной победой Советских Вооруженных Сил. В ходе ее советские войска при поддержке авиации нанесли крупное поражение группе немецких армий «Центр», освободили Белорусскую ССР, большую часть Литовской ССР, часть Латвийской ССР. Во время наступательной операции 3, 1, 4, 16 и 6-я воздушные армии и авиация дальнего действия совершили 153 тыс. самолето-вылетов. Такого размаха боевых действий наши ВВС не имели ни в одной операции минувшей войны.

Родина высоко оценила успешные действия советских авиаторов в Белорусской операции. Около 100 авиационных соединений и частей получили почетные наименования. Большое число авиаторов, участников операции награждены орденами и медалями СССР, а лучшим из лучших присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

К. Ф. ТЕЛЕГИН

НА ЗЕМЛЕ БЕЛОРУССКОЙ...

Могучим валом катилось наше победное наступление от Курской дуги до берегов Днепра. Войска Центрального фронта под командованием генерала армии К. К. Рокоссовского (членом Военного совета фронта в это время довелось быть мне), сметая на своем пути остатки разгромленных полчищ врага и освобождая Северную Украину, 22—23 сентября 1943 г. с ходу форсировали Днепр, захватили в районах Чернобыль и Дымер плацдармы и приступили к подготовке штурма столицы Украины — Киева.

Однако 5 октября неожиданно для нас фронт получил новую задачу — повернуть на северо-запад и принять участие в освобождении Советской Белоруссии. Приказ есть приказ. Передали плацдармы и находившиеся на них 60-ю и 13-ю армии 1-му Украинскому фронту и приняли от Брянского фронта 3, 50 и 63-ю армии под командованием генералов А. В. Горбатова, И. В. Болдина и В. Я. Колпакчи. Эти армии находились на рубеже р. Сож и с боями форсировали ее. По существу они поровнялись с правым флангом нашего фронта. Следовательно, никаких крупных переброс войск производить не было необходимости. Это имело большое значение, поскольку обстановка была такова, что нельзя было давать противнику ни минуты передышки.

65-й армией командовал генерал-лейтенант П. И. Батов (члены Военного совета — Н. А. Радецкий, Г. Е. Гришко), 48-й — генерал-лейтенант П. Л. Романенко (члены Военного совета — Н. А. Истомин и Ф. К. Прудников.) На шестой день после получения фронтом новой задачи, 11 октября в сводке Совинформбюро сообщалось о новом оперативном направлении — гомельском.

Так началась новая страница в летописи боевых действий нашего фронта — бои за родную Белоруссию.

Конец 1943 и начало 1944 г. прошли в суровых боях, в которых войска 61-й и 65-й армий форсировали Днепр, овладели белорусскими городами Лось и Речица. 14 января после двухдневных ожесточенных боев войска армий вместе с кавалеристами генерала В. В. Крюкова и М. П. Константинова, танкистами генерала М. Ф. Панова с помощью полесских партизан разгромили крупные силы противника под Мозырем и Калинковичами и освободили эти важные пункты. Воины 11, 63, 3 и 48-й армий, которыми командовали генералы И. И. Федюнинский, В. Я. Колпакчи, А. В. Горбатов и П. Л. Романенко, после многодневных тяжелых боев вынудили гомельскую группировку противника к поспешному отходу. 26 ноября Гомель — областной центр Белоруссии — был полностью освобожден от противника. Развивая наступление, войска 3-й армии прорвали фронт обороны 9-й немецкой армии, форсировали Днепр и 24 февраля 1944 г. овладели г. Рогачевом, создав плацдарм на западном берегу Днепра.

Однако наши наступательные возможности не были безграничными. Выдержав жесточайшее сражение на Курско-Орловской дуге, пройдя с боями свыше 400 км, ряды войск ослабели, воины нуждались в отдыхе, отставали тылы, поэтому фронт мог вести лишь частные операции за улучшение позиций и отражать яростные атаки врага. На плацдармах и южнее фронт закрепился в юго-восточной части Белоруссии, вплотную подошел с востока и юга к знаменитым Мозырско-Пинским болотам и мощному партизанскому краю белорусских патриотов.

С выходом 3, 63 и 11-й армий на Днепр значительно сократилась протяженность фронта на правом крыле. Учитывая это, Ставка решила вывести 11-ю армию в свой резерв.

Перед нами была родная Белоруссия, пережившая немало горя и страданий.

Вот документ начальника штаба 9-го армейского корпуса генерала Векмана от 18 августа 1941 г., взятый у него в районе Малоярославца курсантами Подольского военного училища: «...имеются предприятия (колхозы и совхозы.— *К. Т.*), в которых реквизированы целиком не только крупный рогатый скот, свиньи, овцы, но... все до последней курицы... Реквизирован весь сельскохозяйственный инвентарь, невозможно, например, найти косы. Некоторые солдатские отряды обыскивают каждый двор и, угрожая револьвером, забирают все, что их интересует. Кроме продуктов забирают граммофоны, швейные машины и даже молочные крин-

ки... Запасов зерна или муки почти совершенно нет. В областях и городах наступит форменный голод» [1].

В конце циркуляра Векман призывает солдат к «сдержанности», «благоразумию», но не потому, что в его сознании появился какой-то проблеск человечности. Все объясняется заботой о пропитании своих войск, вторгшихся в Белоруссию, стремлением обеспечить сытую жизнь и в Германии, и сохранить хозяйства для будущих новоявленных господ арийской расы, которые должны были бы воссесть на захваченных землях и овладеть богатством и имуществом белорусского народа.

Но это была непокоренная Белорусь! Не случайно один из фашистских главарей, палач Розенберг, вынужден был признать, что «...население Белоруссии в такой мере заражено большевистским мировоззрением, что для мирного самоуправления не имеется ни организованных, ни персональных условий», что «позитивных элементов, на которые можно было бы опереться, в Белоруссии не обнаружено» [2].

Почти три тяжких года ждал белорусский народ счастливых дней своего освобождения. Он не покорился, не склонил головы на милость победителя. Сотни тысяч белорусов, взяв в руки партизанское оружие, не давали врагу покоя ни днем, ни ночью. Народные мстители уничтожили кровавого палача белорусского народа Вильгельма фон Кубе, комиссара Минска Эренлейтера, заместителя гауляйтера Белоруссии гебитскомиссара Фридриха Фенса, главаря фашистской разведки в Белоруссии барона фон Файта, главного коменданта Барановичей Френча. Десятки тысяч гитлеровских убийц и грабителей нашли себе могилу в Белоруссии.

Теперь советским войскам предстояло очистить от врага всю территорию Белоруссии.

В первый белорусский освобожденный областной центр — г. Гомель прибыли ЦК партии и правительство Белоруссии, чтобы начать налаживать мирную жизнь и мобилизовать усилия народа на борьбу за освобождение всей родной земли.

Первый секретарь ЦК КП(б)Б и глава правительства Белоруссии П. К. Пономаренко, секретарь ЦК П. З. Калинин рассказали Военному совету фронта о партийном подполье и партизанском движении в тылу врага. Многое из их рассказа нас радовало. Во всех областях функционировали подпольные областные и районные партийные и комсомольские комитеты. Действия партизан координировал штаб, возглавляемый П. З. Калининым, который вскоре начал трудиться при штабе нашего фронта, чему мы, конечно, были очень рады.

Следует сказать, что непосредственный контакт с партизанами наладился с конца сентября 1943 г., когда в 61-ю армию была

[1] Архив МО СССР, ф. 135, оп. 41 878, д. 1, лл. 86—96.
[2] «Непокоренная Белорусь». М., 1963, стр. 18.

направлена нами оперативная группа Полесского обкома партии в составе П. А. Левицкого, В. В. Лебедева, П. Г. Яковлевича, Г. В. Ковалева, Е. И. Галькевича, И. И. Строкина, Иващенко и других, а 65-я армия с ноября установила тесную связь с минским партизанским соединением В. И. Козлова, которому по распоряжению Военного совета фронта было передано из армии 500 винтовок, 200 автоматов, 100 ПТР, полмиллиона патронов, пять боекомплектов мин к минометам, 20 т взрывчатки, взрыватели, а также инженерное имущество. В свою очередь из этого соединения, в частности из бригады им. Пархоменко, 37-я гвардейская дивизия получила для пополнения 280 партизан, а затем и всю 1-ю Бобруйскую бригаду в составе 1200 человек [3]. Партизаны реально не раз помогали нам. Когда одно из соединений 65-й армии попало в тяжелое положение и его полк оказался отрезанным, оставаясь в тылу врага, он вместе с партизанами продолжал активно действовать до соединения с частями действующей армии.

Военному совету фронта доставило большую радость провести встречу Нового 1944 года в Гомеле с прославленными руководителями белорусского партийного подполья и командирами партизанских бригад. Какие же это были замечательные люди, сколько в них было мужества, энергии, боевого задора и веры в силы своего народа, его счастливое будущее!

Так восстанавливался тесный контакт со славными белорусскими патриотами, сыгравшими огромную роль и в последующих операциях фронта. Успешной координации действий войск и партизан мы были обязаны организаторской деятельности П. З. Калинина, крепко подружившегося со всеми нами. По его просьбе мы старались удовлетворить все партизанские нужды. За время подготовки Белорусской операции наша авиация сделала 369 самолето-вылетов к партизанам, сбросила с парашютами и доставила на посадочные площадки 166 т боевых грузов, 37 человек руководящего состава, радистов, обратно вывезла 305 больных и раненых партизан и их детей.

15 апреля фронт по указанию Ставки Верховного Главнокомандования перешел к обороне. Войска укрепляли достигнутые рубежи, подтягивали тылы, восстанавливали дороги. Мы жили в предвидении новых больших событий. Командованию фронта, называвшегося теперь 1-м Белорусским, было в общих чертах сообщено о характере дальнейших задач, которые предстоит выполнять войскам фронта.

Апрель и май 1944 г. для командования фронта и штаба прошли в творческих поисках наилучшего решения предстоящих задач, в заботах о приведении в порядок частей, пополнении их личным составом, боевой техникой и предоставлении отдыха.

[3] «Полки идут на запад»». М., 1964, стр. 85.

Прорыв «Восточного вала» противника, выход к Пинским болотам и мощным оборонительным позициям врага в районе Бобруйска и Жлобина, занимаемым им с начала 1942 г., растянутость линии фронта почти на 500 км ставили много нелегких задач.

Тщательно изучались состояние противника и местность перед фронтом. Для этих целей использовались наземная, воздушная, радиоразведка, привлекались партизаны. Огромное внимание было уделено восстановлению и укреплению разведподразделений, сильно ослабленных предыдущими боями. Политорганы направили в эти подразделения лучших коммунистов и комсомольцев, бывалых солдат, усилили воспитательную работу, популяризировали подвиги разведчиков в дивизионных, армейских и фронтовой газетах, издавали специальные листовки. Большое количество писем командование частей и соединений направило на родину героев-разведчиков. Все это сказалось на их успешной работе: 400 поисков разведчиков и захват 80 «языков» дали нам довольно полное представление о характере обороны противника, его силах и средствах. Авиаторы произвели многократную фотосъемку обороны врага и вместе с партизанами систематически предоставляли нам сведения о всяком его передвижении в тактической и оперативной зонах. Такая же работа была проведена и в инженерно-саперных частях. Перед ними были поставлены сложные и трудные задачи: разведать инженерные сооружения и минные поля противника, замаскировать сосредоточения войск, создать ложные позиции артиллерии, танков, ввести противника в заблуждение ложными сосредоточениями, ложными перебросками в тыл и на левый фланг боевой техники, постройкой жердевых и колейных дорог, многочисленных мостов и, наконец, разминировать проходы перед передним краем обороны врага и минные поля в глубине его обороны в ходе наступления.

Забегая вперед, скажу, что только за 20 дней июня саперы сняли 34 465 мин, 76 «сюрпризов», 132 фугаса, проделали 193 прохода для танков и пехоты, навели и подготовили 42 переправы через реки Друть и Днепр, заготовили большое количество деталей для мостов, креплений для жердевых дорог и многое другое, необходимое для преодоления заболоченных мест, в том числе большое количество мокроступов по типу, широко используемому партизанами.

Полученные разведывательные данные легли в основу двух вариантов замысла командующего.

Тщательное изучение противника, его системы обороны и местности привело К. К. Рокоссовского к выводу о целесообразности нанесения мощных ударов с участка Рогачев — Жлобин на Бобруйск — Осиповичи и из района южнее Паричей, вдоль западного берега Березины, на Слуцк в глубокий обход бобруйской группировки противника с юга с последующим наступлением на Минск — Барановичи — Брест. Одновременно предусматривалось, что левое крыло своими активными действиями будет связывать

силы противника, а по выходе правого крыла в район Минска — Барановичей нанесет удар на Брест — Люблин. Для решения этих задач фронт должен был получить дополнительные силы и средства.

Главное в замысле командующего фронтом состояло в том, что второй удар планировался на направлении, откуда противник меньше всего ожидал его и где оборона врага была наиболее уязвима. Наступление же главных сил только с участка Рогачев — Жлобин потребовало бы преодоления наиболее сильной и глубоко эшелонированной обороны там, где противник все время настороже, где у него развитая сеть дорог для маневра и довольно крупные тактические и оперативные резервы. К тому же наш плацдарм севернее Рогачева был невелик, местность не позволяла полностью использовать всю ударную мощь фронта, а это могло повлечь за собой медленный темп развития операции и неоправданные потери в личном составе и боевой технике.

Несколько дней и ночей провели члены Военного совета вместе и порознь в оперативном отделе штаба фронта. Вместе с командующими родами войск и начальниками управлений думали, считали, уточняли, высказывали сомнения, опасения, вносили предложения, советовались с командармами и командирами танковых корпусов. Здесь следует сказать, что Рокоссовский обладал замечательной способностью убедительно обосновывать правильность своих решений, а мы уже хорошо знали, что этот план — плод его больших раздумий, творческих поисков, глубокого анализа всех «за» и «против», трезвого учета сил и возможностей противника и глубокой веры в свои войска. Знали мы также, что он досконально изучил передний край, всесторонне обдумал предложения командармов, членов военных советов, командиров корпусов и дивизий.

Военный совет единодушно принял этот план. Оставалось два сомнения: первое — удастся ли пройти войскам с их тяжелой техникой через болота, и второе — даст ли Ставка дополнительные силы, ибо замысел третьего удара из-под Ковеля лишал возможности что-либо перебросить оттуда на правое крыло.

Принимая на себя ответственность за организацию трех ударов на двух операционных направлениях, Военный совет твердо верил, что слаженный и дружный коллектив фронтового управления и армий, закаленные в боях и умудренные боевым опытом командиры, крепкие, работоспособные политорганы, сотни тысяч коммунистов и комсомольцев, наши солдаты и сержанты сумеют успешно решить и эту трудную задачу.

Во главе фронта стоял один из талантливых, смелых и творческих полководцев, счастливо сочетавший в себе широту оперативного мышления, твердость и решительность в осуществлении замыслов, глубокое проникновение в жизнь войск и понимание их возможностей, удивительную сердечность и теплоту в отношениях с подчиненными.

Военный совет фронта решал свои вопросы в деловой обстановке, над оперативной картой, в оперативном штабе. В него, помимо командующего и автора воспоминаний, входили первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко, член Военного совета по тылу генерал-майор М. М. Стахурский, командующий артиллерией генерал-полковник В. И. Казаков, командующий 16-й воздушной армией генерал-полковник авиации С. И. Руденко.

М. М. Стахурский до войны был ответственным работником на Украине, с начала войны пришел в армию. Во время битвы на Волге был членом Военного совета 24-й армии, а затем во время Курской битвы стал членом Военного совета фронта по тылу. Этот энергичный и опытный хозяйственный работник всю свою большую энергию, опыт хозяйственной работы вкладывал в работу тыла (М. М. Стахурский убыл на 2-й Украинский фронт в мае).

Василий Иванович Казаков был большим знатоком военного дела еще до нападения фашистов на нашу страну. Война сурово учила его с первых дней, начиная с западных границ, а затем и под Москвой, и к моменту битвы на Волге и на Курской дуге это уже был крупный и талантливый артиллерийский военачальник.

Скромный, он нечасто участвовал в коллективных обсуждениях, но сосредоточенно и с напряженным вниманием слушал выступления других, задавал уточняющие вопросы, а затем у себя в штабе с ближайшими помощниками генералами Г. С. Надысевым, В. Г. Поздняковым, И. А. Шамшиным и другими творчески претворял планы и идеи командующего, указания Военного совета в свои планы, расчеты и таблицы. В подготовке этой операции В. И. Казаков и его штаб предложили осуществить двойной огневой вал. Для В. И. Казакова были характерны организованность, исполнительность, стремление лично изучить на месте все, что связано с предстоящей операцией и действиями в ней артиллерии. За это он пользовался большим уважением и авторитетом.

Сергей Игнатьевич Руденко — энергичный, немногословный, удивительно организованный и собранный человек. Опыт командования авиационными соединениями у него был большой — еще с довоенных лет. Благодаря организаторским способностям, широкому оперативному кругозору он уже в 1942 г. стал командующим воздушной армией. Битвы на Волге и на Курской дуге неизмеримо обогатили его опытом не только оборонительных, но и наступательных боев. В этих сражениях С. И. Руденко проявил себя как талантливый военачальник, хорошо понимающий роль авиации в сражении, умелый организатор взаимодействия ее с войсками на поле боя.

Как известно, в воздушных армиях не было военных советов и командующие являлись полными единоначальниками. Это значительно повышало личную ответственность командующего и требовало от него высокой партийной и политической зрелости.

С. И. Руденко обладал всеми этими данными. Он с большим тактом направлял деятельность политорганов, умело опирался на них в решении всех боевых задач, и Военный совет фронта не имел никаких оснований предъявлять ему какие-либо претензии с этой стороны.

Авторитет Сергея Игнатьевича, его чуткость и товарищеское отношение к подчиненным помогли сплотить хороший творческий коллектив ближайших помощников, таких, как заместитель командующего М. М. Косых, начальник штаба П. И. Брайко, заместитель по политчасти А. С. Виноградов, начальник политотдела В. И. Вихров, заместитель по тылу А. С. Кириллов и другие. Этот коллектив умел выполнять поставленные перед ним задачи как-то тихо, без шума, без особых просьб о помощи. В армии изыскивались внутренние возможности, и чаще всего она обходилась своими силами и средствами. За добрые дела командования 16-й воздушной армии, хорошую боевую работу Военный совет фронта неоднократно выражал ему благодарность.

Известие о новом члене Военного совета П. К. Пономаренко было встречено у нас с большим удовлетворением. Это произошло еще в конце марта 1943 г. под Курском, правда, он пробыл во фронте всего несколько дней — его отозвали в Центральный штаб партизанского движения, но связи с фронтом уже не порывал, а с переездом ЦК и правительства Белоруссии в Гомель она стала еще крепче. Пантелеймон Кондратьевич отличался широким кругозором, большим опытом партийного и государственного деятеля, скромностью и общительностью. Он быстро сблизился со всем коллективом фронтового управления. С ним было приятно и легко работать, он помогал устанавливать крепкий деловой контакт с партийными и советскими организациями, партийным подпольем и партизанами в тылу врага. Мы всегда старались выполнить его просьбы о помощи освобожденным районам и делали это безотказно.

Таков был состав Военного совета при вступлении на Белорусскую землю.

Только доброе слово благодарности мог сказать Военный совет и своим ближайшим помощникам — генералам: начальнику штаба М. С. Малинину, начальнику политуправления С. Ф. Галаджеву, командующему бронетанковыми и механизированными войсками Г. Н. Орлу, начальнику тыла Н. А. Антипенко, командующему гвардейскими минометами И. А. Шамшину, начальнику инженерных войск А. И. Прошлякову, начальнику связи П. Я. Максименко, интенданту Н. К. Жижину, начальнику финансового отдела В. Н. Дутову, начальнику дорожного отдела Г. Т. Донцу, начальнику медицинского управления А. Я. Барабанову, начальнику штаба тыла М. К. Шляхтенко, начальнику артснабжения Шабанину, которые, как и многие другие генералы и офицеры, трудились на всем пройденном пути с вдохновением, не щадя себя.

Пока штаб претворял идею командующего в план, неподалеку от переднего края на местности, аналогичной по своим условиям той, где должен был наноситься второй удар, днем и ночью шла напряженная учебно-тренировочная работа. Как говорится, до седьмого пота трудились танкисты, артиллеристы, кавалеристы, пехотинцы, преодолевая заболоченную и лесистую местность. Мы понимали, что особые трудности будут у танкистов и артиллерии на механической тяге. На направлении действий 65-й армии, в полосе которой предполагалось использовать 1-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала М. Ф. Панова, на глубине до 20 км в обороне противника находилось шесть болот шириной до 2 км, многочисленные каналы в 6—8 м ширины, взорванные или подготовленные к взрыву мосты.

Поражала неистощимая энергия С. Ф. Галаджева, трудно было даже сказать, когда он успевал хотя бы немного отдохнуть. Его острый аналитический ум быстро схватывал положение на фронте и сразу же перерабатывал в выводы, конкретные планы, указания, приводившие в действие все звенья большого фронтового партийно-политического организма. Работать с ним было легко. Напоминаний не требовалось, наоборот, он сам активно выдвигал перед Военным советом вопросы, по которым надо было принимать решение, требовалось вмешательство, проявляя при этом настойчивость и партийную принципиальность. Галаджев видел в частностях общее и мог своевременно заострить на этом внимание.

Своим глубоко партийным отношением к делу, настойчивостью и хорошими человеческими качествами он сумел сплотить коллектив работников политуправления, превратив его в высокооперативный и боевой аппарат.

Нельзя не вспомнить с чувством благодарности и членов военных советов и начальников политотделов армий, на которых Военный совет и политуправление фронта опирались во всей своей работе. С некоторыми из них — с Н. А. Радецким и Д. Г. Дубровским, Ф. К. Прудниковым, членами военных советов 65, 61 и 48-й армий,— мы вместе прошли большой боевой путь. У них за плечами был огромный опыт партийно-политической работы в армии. Они отличались большой силой воли, личным мужеством и умением по-ленински работать с массами, использовать все силы партийного воздействия на умы и сердца солдат и командиров. Они всегда умели установить контакт и взаимопонимание с командующими, начальниками штабов и политорганов. И не случайно командующие 65-й армии П. И. Батов и 61-й армии П. А. Белов в своих мемуарах так тепло о них говорят. А с Ф. К. Прудниковым мы выдержали нелегкое испытание в битве под Москвой (он был заместителем начальника политуправления МВО и МЗО). Члены военных советов армий и начальники политорганов всегда были первыми там, где возникала какая-либо трудность, где требовалось поднять дух войск.

Военные советы армий и политорганы получили указания провести слеты танкистов и артиллеристов, воевавших в лесисто-болотистой местности на Калининском, Северо-Западном и Западном фронтах, мобилизовать личный состав на изыскание средств и способов преодоления заболоченных мест, на заготовку фашин, бревен, опорных треугольников, деталей перекидных мостов через каналы и ручьи, тренировку в укладке всех этих средств на танки, тягачи, автомашины и организовать взаимодействие и взаимопомощь с пехотинцами, саперами при преодолении болот.

Побывав в войсках, понаблюдав за учебно-тренировочными занятиями и учениями, мы с командующим К. К. Рокоссовским с огромным удовлетворением отмечали высокий творческий дух командиров, политработников, сержантов и солдат, их уверенность в том, что никакие препятствия не остановят наши войска, которые все преодолеют и задачу выполнят.

До 12 мая весь фронтовой аппарат, командование и штабы правого крыла трудились с напряжением и подъемом над разработкой плана. Его надо было особенно тщательно обосновать.

К началу наступления в составе 1-го Белорусского фронта имелось десять общевойсковых, две воздушные, одна танковая армии, три танковых, один механизированный и три кавалерийских корпуса, Днепровская военная флотилия, четыре укрепленных района по шесть — восемь артиллерийско-пулеметных батальонов. Такой силищи еще никогда не имел фронт.

Период напряженного ожидания окончился. Все ясно понимали, что теперь дело чести командования доказать реальность разработанного нами плана. Начиналась кропотливейшая подготовка к его осуществлению.

Всем хорошо известно, что успех любого дела требует тщательной подготовки. Это особенно важно на войне, когда приходится иметь дело со многими неизвестными, которые может преподнести противник. И вся деятельность людей, отвечающих за успех порученного дела, состоит в том, чтобы свести на нет эти многие неизвестные, предусмотреть их, навязать противнику свою волю, парализовать его возможные контрмеры. Все это в основе своей закладывается в подготовительный период, когда требуется хорошо изучить противника, его систему обороны и возможности, четко определить этапы операции, ее боевое и материальное обеспечение. Именно в этот период необходимо подготовить солдата к тяжелым боям, вдохновить его на подвиги. Всякий шаблон, трафарет здесь недопустимы. Нужны творчество, трезвый расчет, максимальное использование внутренних возможностей, глубокая вера в свои войска.

Белорусская операция намечалась на вторую половину июня. Партия мобилизовала творческую энергию народа на то, чтобы дать Красной Армии в достаточном количестве новое и более совершенное оружие и технику, обеспечить боеприпасами, горючим

и продовольствием, подготовить резервы. Только нашему фронту за 10—15 дней надо было принять до 350 эшелонов, разгрузить и вывезти грузы на исходные позиции скрытно от врага.

Вместе с материальными средствами на фронт столь же могучим потоком шли письма, посылки, подарки от трудящихся, к нашим воинам приезжали делегации, воодушевляя бойцов на подвиги.

Мы преклонялись перед несгибаемой волей нашей партии и советского народа, дававшего нам все необходимое для победы над врагом. Это в огромной степени повышало ответственность всех звеньев фронтового аппарата за разумное и эффективное использование сил и средств. Все были проникнуты единым желанием сделать максимум возможного, чтобы оправдать доверие партии, Советского правительства и народа.

Военный совет четко сформулировал задачи войск фронта и держал под неослабным контролем весь ход подготовки операции.

В период подготовки огромные требования предъявлялись к политорганам и партийным организациям, к каждому коммунисту. Они должны были мобилизовать творческую энергию всего личного состава на успешное завершение подготовки наступления, наращивать боевой порыв в ходе его, влиять на все звенья, от которых зависит успех каждого боя, каждого сражения. В указаниях политорганам армий Военный совет и политуправление фронта потребовали добиться, чтобы каждый коммунист на своем посту проникся глубоким сознанием личной ответственности за исход операции, чтобы политорганы и парторганизации правильно расставили силы, нашли такие формы и методы в работе, которые способствовали бы подъему творческого соревнования у каждого солдата, сержанта и офицера.

Прежде всего необходимо было укрепить партийные и комсомольские организации. За время, прошедшее с начала Курской битвы, части понесли в боях большие потери, распались 1224 партийные и значительное количество комсомольских организаций в ротах, батареях, командах, эскадронах, погибло много политработников, парторгов и комсоргов низового звена. Необходимо было найти внутренние источники пополнения их рядов за счет правильного распределения сил в частях и соединениях, переброски из армейских и фронтовых тылов, приема в партию и комсомол лучших бойцов и командиров, доказавших преданность Родине на полях сражений.

Пришедшие вновь к руководству политработники, парторги, агитаторы нуждались в систематической помощи. С этой целью при политотделах дивизий, армий, при политуправлении фронта были организованы постоянно действующие семинары, на которых помимо ознакомления с практикой организации партийно-политической работы слушателям читались лекции о международном и внутреннем положении, задачах нашего фронта по освобождению Белоруссии.

В соответствии с директивой Главного политического управления от 24 января 1944 г. об улучшении идеологического воспитания офицерских кадров, повышении их идейной закалки в армиях были созданы передвижные парткабинеты, группы лекторов и докладчиков, налажено организованное использование имевшейся литературы. Идейная закалка офицерских кадров способствовала повышению качества всей воспитательной работы, усилению помощи парторганизациям в подготовке нового пополнения их рядов.

К началу операции численность коммунистов на фронте возросла до 250 тыс. человек. Это позволило в каждом подразделении создать крепкие партийные и комсомольские организации.

Во всей партийно-политической работе мы исходили из задач, поставленных на лето и осень 1944 г. Центральным Комитетом Коммунистической партии и Советским правительством,— очистить от фашистских захватчиков всю нашу землю, восстановить государственную границу Советского Союза от Баренцева до Черного моря. В приказе ВГК от 23 февраля 1944 г. указывалось, что «только неуклонно нарастающие в своей силе сокрушительные удары могут сломить сопротивление врага и привести нас к окончательной победе».

Директивами Главного политического управления было определено основное содержание партийно-политической работы, которая включала систематическую пропаганду идей марксизма-ленинизма, революционных и боевых традиций партии, народа, армии, преимуществ общественного и государственного строя СССР, источников силы и могущества Советского государства, решений партии и правительства, наших успехов на фронтах, героических подвигов нашего народа в тылу и воспитание ненависти к врагу.

Надо заметить, что к этому времени политорганы всех степеней накопили богатый опыт, научились быстро ориентироваться в изменяющихся условиях, твердо и неукоснительно выполнять любое задание партии. Был установлен тесный контакт со штабами. От командиров требовалось одно — своевременно ставить конкретные задачи, вовремя информировать об обстановке, о возникших трудностях.

Тесному повседневному сотрудничеству командования и политорганов Военный совет придавал особое значение. В этом отношении у нас был большой и поучительный опыт. Помню, в боях за Речицу фронт понес значительные потери в танках. Это встревожило Военный совет. Посланные на места боев командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал Г. Н. Орел и группа работников политуправления установили, что враг применил не известные нам до тех пор противотанковые «фауст-патроны». В бою было захвачено значительное количество их. Из числа пленных отобрали хорошо знающих технические и боевые свойства «фауст-патронов», спо-

собы их применения. Провели пробные стрельбы по разбитым танкам, показавшие, что это — действительно грозное противотанковое оружие ближнего боя. Штабы бронетанковых войск и артиллерии разработали инструкцию по борьбе с «фаустниками». Политуправление фронта стало душой популяризации средств и способов борьбы с этим новым оружием, пропагандистом его использования против врага. Политорганы издали соответствующие листовки-памятки, возглавили движение за создание в наших частях команд «фаустников». В результате в танковых войсках резко сократились потери, а наши бойцы и командиры успешно применяли захваченное на поле боя оружие против врага.

Во время подготовки Белорусской операции политорганы совместно со штабами распространяли опыт форсирования водных преград, взаимодействия в условиях лесисто-болотистой местности.

В армейских и фронтовой газетах появилась рубрика «Вести из тыла», в которой систематически освещалась трудовая жизнь страны, особенно трудовые подвиги трудящихся Ивановской, Свердловской, Челябинской, Курской, Брянской, Орловской областей и Гомельщины, с которыми фронт поддерживал тесную связь, помещались письма. Вот один из характерных примеров. Госпитали фронта испытывали острую нужду в гипсе. Об этом стало известно нашим шефам. К нам на фронт прибыла делегация рабочих Челябметаллургстроя с двумя вагонами гипса в подарок. Шефы выступили перед воинами с призывом быстрее добить фашистского зверя. Мы передали делегации боевой красный вымпел, который водружался одним из полков над освобожденными селами и городами. За право получить вымпел упорно соревновались бригады и цехи Челябметаллургстроя.

Военный совет специально обсудил вопрос о возросшем значении боевого актива частей в подготовке к предстоящим боям и потребовал от военных советов армий, командиров и политорганов всемерно улучшать воспитательную работу, устраивать слеты, отличившимся присваивать сержантские звания, проверить, все ли воины награждены за совершенные подвиги в прошедших боях, всем ли вручены награды, популяризировать подвиги героев во фронтовой печати. Проведенная большая работа по этому решению значительно укрепила авторитет и влияние на молодых бойцов бывалых воинов.

Специально рассмотрел Военный совет и вопрос о питании воинов на передовых позициях. Работники политуправления и тыла фронта обнаружили крупные недостатки, главным из которых было нарушение регулярного питания бойцов переднего края из кухонь и замена его сухим пайком. Военный совет строго взыскал с виновных.

Будучи в Москве на совещании в Ставке, я обратился с просьбой к И. В. Сталину выделить специальный гостевой фонд продук-

тов для командиров частей и соединений, ибо к каждому из них постоянно приезжали на проверку или инструктаж старшие начальники, фронтовое же гостеприимство не позволяло не угостить чаем, обедом, но делалось это часто за счет пайка самого командира. Не скажу, что присутствовавшие на совещании доброжелательно встретили столь «мелкую» просьбу, но И. В. Сталин признал ее справедливой, поручил начальнику тыла армии А. В. Хрулеву дать необходимые указания. Командиры частей и соединений, военные советы армий были весьма довольны.

Мы знали, что советский народ, работая на оборонных предприятиях, не щадит себя, посылает на фронт огромное количество боевой техники и боеприпасов, но все же возможности этих предприятий были не безграничны. С должным пониманием на фронте были восприняты указания Центрального Комитета партии, Ставки ВГК о всемерной экономии боеприпасов в подготовительный период. В этих целях был установлен жесткий режим огня артиллерии, минометов, автоматического оружия, особенно крупнокалиберного. Огонь разрешалось вести только специально выделенными орудиями, с временных позиций, со строгим лимитом снарядов и мин на каждый день. Это позволило накопить большое количество боеприпасов и скрыть от противника большинство артиллерийских средств, поставленных на огневые позиции, что подтверждалось впоследствии и захваченными картами разгромленных дивизий противника. Сказано мной об этом сухо, но за скупыми строками стоит кропотливый и огромный труд, проделанный всеми звеньями наших славных артиллеристов, минометчиков, пулеметчиков и стрелков.

Военному совету и штабу фронта пришлось приложить немало усилий для обеспечения скрытности сосредоточения войск, особенно на направлении второго удара, через болота. Именно сюда подводилась 28-я армия под командованием генерала А. А. Лучинского, 4-й кавалерийский корпус И. А. Плиева, 1-й гвардейский механизированный Красноградский корпус С. М. Кривошеина, 1-й гвардейский танковый Донской корпус М. Ф. Панова, артиллерийская дивизия прорыва и многие другие части. Строгий приказ о порядке движения к линии фронта проверялся на земле и с воздуха офицерами штаба и политуправления. К месту выгрузки частей были высланы политработники с задачей познакомиться с прибывающими частями и разъяснить им требования Военного совета о мерах скрытности при передвижении, расположении на остановках. Был установлен строгий режим радиомолчания (разрешалось только системе ВНОС), ограничены переговоры по проводной связи о передвижении войск и разрешалось говорить открыто только об оборонительных мероприятиях. Политуправление фронта отпечатало большое количество транспарантов и призывов к связистам о сохранении военной тайны. Они были на всех узлах связи и полевых коммутаторах наклеены на аппараты. Пись-

менные распоряжения на марш разрешены были частям до дивизии, устные — только на один переход. Авиация хотя и готовила передовые аэродромы, но перебазирование на них разрешалось лишь за два-три дня до начала операции.

Огромную работу провели инженерные части под руководством начальника инженерных войск фронта генерал-лейтенанта А. И. Прошлякова. Были изготовлены сотни макетов орудий, танков, которые днем отправлялись по железной дороге в тыл, затем ночью возвращались. Разведывательная авиация противника все это фиксировала, а эшелоны с боевой техникой, идущие к фронту, искусно маскировались под платформы с сеном, строительным лесом или накрывались маскировочными сетями. Эти меры обеспечили полную неожиданность для фашистского командования удара через болота с выходом на Глуск — Осиповичи.

Даже в июне фронтовая и армейская печать продолжала настойчиво помещать призывы к укреплению оборонительных рубежей, их стойкости, сообщения о подразделениях, добившихся лучших результатов в оборудовании своих оборонительных позиций.

Почти пятимесячная оборона фронта и эти призывы не могли не породить у бойцов и офицеров оборонительных настроений и не вызвать недовольства ее длительностью. Приходилось политработникам разъяснять задачи фронта, разумеется, ни в коей мере не раскрывая замысла операции.

Насколько скрытно готовился фронт к наступлению, свидетельствует и такой факт. На фронте у нас было много корреспондентов центральных газет и журналов, фоторепортеров. Народ они беспокойный и дотошный. В мае и особенно в июне они предпринимали всякие ухищрения, чтобы узнать, когда же будем наступать. Но все было безуспешным. Оборона для них — скучный период. Беспокойство журналистов мы понимали — страна ждет новых победных шагов своей армии, она должна сразу же узнать о начале и ходе нового победного сражения. Корреспонденты боялись, что о них забудут и начало наступления они просидят при политуправлении. Некоторые из них выражали недоумение: почему с фронта в тыл уходят эшелоны с танками, артиллерией, почему войска передвигаются к Днепру, в район Стрешина (20 км южнее Жлобина), на левый фланг в район Ковеля, т. е. наши мероприятия по введению противника в заблуждение кое-кто из них принял за чистую монету.

Наконец настало время, когда нетерпение корреспондентов и репортеров надо было удовлетворить. С начальником политуправления мы договорились, что за два дня до начала операции, он пошлет их на главные направления нашего удара, но дня наступления все же не скажет. И вот всех журналистов собрал начальник отдела агитации и пропаганды полковник И. А. Прокофьев. Он предложил им отправиться в армии и дать материал во фронтовую печать о силе и мощи нашей обороны. И. А. Про-

кофьев потом рассказывал, что многие, почувствовав, что это и есть то, о чем они истосковались, не задавая лишних вопросов, поспешно отправились в армии. Конечно, когда они приехали в армии и увидели, что войска занимают исходное положение, они поняли, что скрывалось за заданием освещать мощь нашей обороны.

Так усилиями командования, политорганов, коммунистов была решена одна из важнейших задач, обеспечивших успех операции,— скрытность, сохранение военной тайны.

Во много раз больше, чем когда-либо до этого, пришлось уделить внимания подготовке тыла. Дело заключалось не только в том, что фронт имел необычной ширины полосу с неразвитой сетью дорог. Предстояло принимать колоссальный поток грузов и обеспечить всем необходимым огромное количество войск. С помощью политорганов трудности были преодолены.

Вот некоторые примеры. В конце 1943 г. наши запасы продовольствия истощились, страна переживала огромные трудности. В период движения по Северной Украине, Орловщине и Гомельщине Военный совет обратил внимание на то, что на полях оставалось много неубранного хлеба, сахарной свеклы, табака, овощей. Посоветовавшись с членами военных советов армий, командованием корпусов и руководством тыловыми органами фронта, через начальника тыла фронта Н. А. Антипенко обратились к А. И. Микояну, а затем и правительству УССР за разрешением приступить к уборке оставшегося на полях урожая, а излишки от потребности фронта передать местным органам власти. С большим удовлетворением было принято наше предложение. Фронту отвели Орловскую, Сумскую, Черниговскую и Гомельскую области. В уборке урожая участвовало 27 тыс. воинов, преимущественно старших возрастов. Командование направило 2,5 тыс. офицеров, 2 тыс. автомашин, сформировало команды, создало в них партийные группы. В каждую область был назначен специальный уполномоченный Военного совета. Отведенная территория была распределена по армиям, отдельным корпусам и тыловым учреждениям. Политуправление фронта выделило кино-, радиопередвижки, передвижные библиотеки, организовало выпуск специального вкладыша фронтовой газеты «Красная Армия» и своевременную доставку газет самолетами.

Результат превзошел все наши ожидания. Бойцы трудились с огромным подъемом, в два-три раза перевыполняя дневные задания. Собранных запасов оказалось достаточно для полного обеспечения фронта на несколько месяцев продовольственным и фуражным зерном, сахаром, махоркой, овощами. Только одного зерна было заготовлено 13 607 тыс. пудов (пятимесячная потребность фронта), в гуртах содержалось около 40 тыс. голов крупного рогатого скота. Фронту пришлось обзаводиться собственными передвижными мельницами, крупорушками, махорочной фабрикой в г. Прилуки, сахарным заводом. Большую помощь в этом оказа-

ли фронту нарком пищевой промышленности СССР В. П. Зотов и председатель Президиума Верховного Совета Украины С. Д. Коротченко.

И второй пример. Это решение Военного совета фронта от 25 февраля 1944 г. об оказании помощи в восстановлении народного хозяйства Белоруссии. Фронт выделил 45 тракторов, команду специалистов по ремонту сельскохозяйственного инвентаря, взял на себя обязательство построить высоководный мост через р. Сож в Гомеле, выделить строительную бригаду по ремонту и восстановлению жилых домов, оборудовать детский интернат, детдома и ясли с полным обеспечением на 2000 детей, построить 400 бань, передать 300 племенных лошадей и 2200 жеребят, отнятых у фашистских захватчиков; поместить в своих госпиталях всех жителей, больных тифом, оборудовать 15 больниц, для их обслуживания направить 35 медработников, выделить 350 т керосина, 200 т дизельного топлива, 100 т солидола и многое другое.

Военный совет потребовал от всех частей и тыловых учреждений без ущерба для боевой жизни войск оказывать всемерную помощь в местах своего расположения в подготовке и проведении весенней посевной кампании. В постановлении Военного совета говорилось: «Каждый трактор, каждая лошадь, если позволит обстановка, должны быть использованы на пахоте и севе. Личный состав частей должен принимать активное участие в возделывании колхозных и индивидуальных огородов, в первую очередь семей красноармейцев, офицеров и жертв немецких оккупантов. Военный совет обязывает генералов, офицеров и политорганы добиться, чтобы каждая крупная и мелкая часть, не находящаяся на передовой линии, включилась бы в эту большую работу: пахоту, сев, ремонт сельхозинвентаря, сооружение колхозных построек, отдельных домов, принадлежащих вдовам и сиротам, семьям красноармейцев, офицеров...»

В 61-й армии с октября 1943 г. по март 1944 г. было отремонтировано 105 общественных зданий, более 200 жилых домов колхозников и 250 колхозных конюшен, затрачено на это 27 600 человеко-дней и 6289 коне-дней. Было собрано много вещей для детей семей, пострадавших во время оккупации, ликвидированы эпидемии сыпного тифа, дизентерии. Усилиями воинов армии был восстановлен в Калинковичах детский дом, оборудован и снабжен всем необходимым. В расположении дивизий генералов М. Г. Макарова и П. И. Мощалкова воины выполнили до 40% всех полевых весенних работ и многое другое. ЦК Белоруссии, обкомы, райкомы партии присылали в Военный совет благодарственные письма. Помнят белорусы об этом и сейчас.

Вся подготовительная работа завершилась разъяснением важнейшего документа того времени — сообщения Совинформбюро об итогах трех лет Великой Отечественной войны. Предупрежден-

ное заблаговременно, политуправление фронта в ночь на 22 июня распорядилось все радиоприемники политорганов настроить на прием Москвы. В готовности находились редакции дивизионных, армейских и фронтовых газет. И вот в эфире торжественно звучит голос Левитана.

«Красная Армия, сорвав в первый период Отечественной войны гитлеровские планы молниеносной войны, опрокинула и похоронила в последующий период оборонительную стратегию врага, его расчеты на закрепление захваченных советских территорий. Немецко-фашистская армия оказалась битой и стоит теперь перед полным разгромом».

И далее заявлялось: «Советское государство, основанное на нерушимом братском содружестве народов, в ходе войны окрепло и упрочилось, а фашистское государство, основанное на угнетении народов, не выдержало испытаний войны и стоит перед неминуемой катастрофой».

Военный совет фронта обратился к войскам с призывом нанести сокрушительный удар по врагу, разгромить его и вышвырнуть с территории нашей Родины. Призывные лозунги: «Освободим родную Белоруссию», «Воины! Фашистские палачи мучают и убивают наших советских людей, грабят и уничтожают их имущество. Они ждут твоей помощи и спасения. Спеши вперед! Смерть немецким оккупантам!», «Бойцы! Родина ждет от вас нового подвига. Будьте смелы и отважны в бою, взламывайте оборону врага и гоните вон с нашей земли, не давая передышки»,— увеличивали накал солдатских сердец. Весь партийно-политический аппарат принял участие в разъяснении положений этого документа. Воины с нетерпением ждали той минуты, когда удар авиации и могучий залп «катюш» возвестят о начале сражения.

Во всей подготовке к операции мы постоянно чувствовали заботу, внимание и поддержку со стороны Центрального Комитета партии, Государственного Комитета Обороны. Редко проходил день, чтобы не позвонил по телефону Верховный Главнокомандующий или кто-либо из Ставки ВГК, не поинтересовались ходом подготовки, накоплением предусмотренных запасов. Большую заботу проявлял и начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев, на плечи которого легла труднейшая задача обеспечения фронтов всем запланированным для операции.

К нашему фронту А. В. Хрулев, как мне кажется, был както особенно расположен, и это объяснялось, видимо, тем, что на протяжении длительного времени он убедился, что фронт никогда не запрашивал лишнего и не отказывал в его просьбе кому-то что-то передать, в чем-то помочь. Однажды А. В. Хрулев попросил выручить его и помочь 2-му Белорусскому фронту медицинскими работниками и санитарным транспортом, так как в ближайшие 10—15 дней он не может удовлетворить настойчивых требований Мехлиса. Посоветовавшись с начальником ме-

дицинского управления генералом А. Я. Барабановым, мы пришли к выводу, что на 10—15 дней предстоящей операции можем выделить медицинскую роту усиления с десятком санитарных машин.

Для помощи фронту, координации планов и действий с соседями Ставка ВГК назначила заместителя Верховного Главнокомандующего маршала Г. К. Жукова. Он часто бывал на фронте, по нескольку дней тщательно проверял ход подготовки к операции как в штабах, так и непосредственно на переднем крае, помогал, делился боевым опытом. На фронт были присланы группы работников Генштаба, Главного политического управления и др. Все они глубоко вникали в работу и каких-либо существенных корректив в наши планы и мероприятия не вносили. С ними у нас был полный контакт, их советы, указания, предложения осуществлялись без промедлений. В мае во фронт прибыл Н. А. Булганин в качестве еще одного члена Военного совета.

Приближался день наступления. Последняя проверка боем 23 июня подтвердила, что все идет так, как намечено, оправдываются наши предположения, что борьба предстоит тяжелая, враг всеми силами будет держаться за бобруйский выступ, опираясь на сильные оборонительные позиции.

Сил и средств у нас там было достаточно. Кроме того, Военный совет рассчитывал на помощь белорусских партизан, действовавших в Полесье. Командование разработало четкий план взаимодействия, поставило партизанским бригадам конкретные задачи. По этому плану, включенному в общий план Центрального штаба партизанского движения, 20 июня раздались взрывы в тылу врага, полетели под откос воинские поезда, поднялись в воздух железнодорожные мосты. Народные мстители почти полностью парализовали движение по железнодорожным линиям Минск — Орша, Полоцк — Молодечно, Минск — Брест, Пинск — Брест. Партизанские бригады рапортовали о своей готовности нанести удар по врагу с тыла.

Наконец наступил долгожданный час. В окопах, на артиллерийских позициях, аэродромах, в частях второго эшелона с затаенным дыханием слушали бойцы обращение Военного совета фронта с призывом нанести по врагу сокрушающий удар, освободить родную Белоруссию. Бойцы клялись с честью выполнить эту задачу, горячо целуя боевое знамя, безмолвно проносимое по передовым окопам.

Ночь на 24 июня наполнилась мощным гулом бомбардировщиков авиации дальнего действия и 16-й воздушной армии, сбросивших груз в полосе наступления ударных групп на ближайшие узлы обороны и аэродромы. Не успели затихнуть громовые раскаты взрывов авиационных бомб, как огромной силы огненный смерч многих тысяч орудий и минометов обрушился на позиции врага.

К 10 часам утра поступили первые радостные сообщения из района Паричи — Озаричи: передний край обороны противника прорван, войска успешно продвигаются вперед. Начало беспокоить положение северной ударной группы в районе Рогачев — Жлобин. Там противник оказывал ожесточенное сопротивление, бой шел за первую и вторую траншею; нужна была поддержка авиации, но погода резко ухудшилась, видимость стала плохой. Это повлияло и на эффективность огня артиллерии.

Склонившись над картой, с трубкой ВЧ в руках, сосредоточенный и напряженный, несколько нервничая, К. К. Рокоссовский допытывался у командующих 3-й и 48-й армий о причинах задержки, тут же намечал меры к исправлению положения.

Мне очень нравился стиль его работы. Обычно за несколько часов до начала операции он приходил в штаб, вместе с начальником штаба и начальником оперативного отдела еще раз уточнял наиболее важные вопросы управления войсками, возникавшие в ходе наступления. Лично поддерживал непрерывную связь с командующими армиями, корректировал ход наступления, следил по оперативной карте штаба за продвижением войск, анализировал положение и немедленно принимал четкие решения. Все это тут же штабом оформлялось в оперативные документы: штаб, командующие родами войск, политуправление, органы тыла получали полную ориентировку и знали, что им надо делать.

Итог первого дня радовал. План второго удара через болота и реки целиком оправдал себя. Оборона противника была прорвана на участке шириной в 30 км, до 10 км в глубину, а введенный в прорыв 1-й гвардейский танковый Донской корпус под командованием М. Ф. Панова вклинился в глубину на 20 км. Создавались условия для ввода в прорыв конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева.

Хуже обстояло дело у рогачевской группы, ей с огромным усилием удалось преодолеть р. Друть, овладеть первыми двумя траншеями, продвинувшись на глубину до трех километров. По докладам военных советов и начальников политорганов, бойцы и командиры сражались превосходно, мужественно и смело бросались в атаку, но враг встречал их лавиной огня, непрерывно контратаковал, пытаясь во что бы то ни стало сбросить за р. Друть. Коммунисты и комсомольцы сумели мобилизовать бойцов. Завоеванные позиции были удержаны. 16-я воздушная армия получила приказ оказать помощь северной группе. В полки и батальоны первой линии политуправление направило работников политотделов с заданием разъяснить каждому бойцу необходимость во что бы то ни стало прорвать всю тактическую полосу обороны, дабы не дать противнику возможности вывести свои войска из района Бобруйска и сорвать успех южной группы. В результате третий день ознаменовался общим большим успехом. Северная группа прорвала оборону противника на всю тактическую глубину. К утру 28 июня все пути и переправы

северо-восточнее Бобруйска были перерезаны. Еще более успешно развивалось наступление паричской группы, которой удалось выйти северо-западнее и южнее Бобруйска. Окружение немецко-фашистской группировки в составе 35-го армейского и 41-го танкового корпусов было завершено.

Враг попал еще в один котел — бобруйский. Наши попытки с ходу ворваться в город окончились неудачей. 10-тысячный гарнизон гитлеровцев бешено сопротивлялся. Ведя упорные бои, наши войска все плотнее сжимали стальное кольцо. Враг предпринимал отчаянные попытки вырваться, контратаки следовали одна за другой. Группировке численностью до 5 тыс. человек с танками, самоходками и артиллерией во главе с командиром 41-го танкового корпуса генералом Гофмейстером удалось прорвать разреженные боевые порядки 356-й стрелковой дивизии, но уйти не удалось. Прижатая к Березине группировка гитлеровцев была разгромлена, а Гофмейстер сдался в плен. Особенно ожесточенные бои развернулись в районе д. Титовки, где только в течение одного дня было отбито до 15 контратак противника.

К вечеру 27 июня 526 самолетов 16-й воздушной армии последовательными волнами в течение часа нанесли мощный удар по крупному скоплению противника в районе д. Дубовки. В стане врага возникла невообразимая паника; обезумевшие гитлеровцы метались по полю среди горящей техники, убегали в лес, бросались в Березину. За этот час летчики обрушили на голову врага 11 300 бомб, выпустили 42 тыс. снарядов. Удар был потрясающей силы и мощи, от которого еще долго не могли прийти в себя оставшиеся в живых гитлеровцы.

Ночью 27 июня Военный совет фронта направил войскам специальное обращение, в котором благодарил их за успешные действия, сообщал, что в окружение попали пять пехотных и одна танковая дивизия, что в стане противника началась паника, идут расстрелы солдат, желающих капитулировать, эсэсовские команды жгут и разрушают населенные пункты, уничтожают всех попадающихся им на глаза советских жителей. Военный совет призвал вновь усилить удар, действовать по-сталинградски, решительным ударом разгромить окруженного врага.

Из армий и корпусов стали поступать многочисленные сообщения об огромном боевом подъеме и подвигах воинов. Военный совет 65-й армии докладывал, что в ожесточенном бою за ст. Пильня экипаж танка 15-й гвардейской танковой бригады под командованием лейтенанта Комарова и механика-водителя Бухтуева из 1-го гвардейского танкового Донского корпуса совершил выдающийся подвиг. В единоборстве с вражеским бронепоездом танк был подожжен, Комаров ранен. Тогда Комаров приказал Бухтуеву вести танк на таран, а сам открыл по бронепоезду огонь из пушки. Окутанный сизо-черным дымом, танк на большой скорости врезался в бронепоезд, нанеся ему серьез-

ное повреждение и лишив возможности передвигаться[4]. Командир корпуса и Военный совет армии ходатайствовали о присвоении Комарову и Бухтуеву звания Героя Советского Союза. Военный совет, преклоняясь перед величием духа этих патриотов Родины, их подвигом, поддержал ходатайство. Лейтенант Д. Е. Комаров и сержант М. А. Бухтуев посмертно были удостоены этого высокого звания.

И еще об одном подвиге хочу рассказать. Его совершили наши славные танкисты-гвардейцы. Внезапным налетом на ст. Брожа они отбили 22 вагона с детьми, преимущественно мальчиками, которых пытались отправить в фашистскую неволю. Сколько же было радостных слез у этих 700 измученных и голодных ребят, которых ждала горькая участь рабской неволи.

Наконец, утром 29 июня сопротивление врага было сломлено, и Бобруйск пал. Командир 105-го стрелкового корпуса генерал Д. Ф. Алексеев донес, что город очищен от противника полностью. Одним из первых ворвался в город командир отделения первого батальона 1199-го стрелкового полка старший сержант Печкуров, его влекло страстное желание спасти тех, кто остался жив, спасти от уничтожения то, что еще не уничтожили гитлеровцы. Это был город, где он вырос, учился, работал. И велико было ликование славного воина, когда он водружал красный стяг своего батальона на крыше аэроклуба.

С огромным моральным удовлетворением в этот же день Военный совет подписывал донесение в Ставку о том, что бобруйский «котел» прекратил существование.

Таким образом, в течение шести дней 9-я армия группы армий «Центр» оказалась полностью разгромленной. 41-й танковый и 35-й армейский корпуса (командир последнего генерал-лейтенант барон фон Лютцев был прозван «смоленской лисой» за руководство карательной экспедицией против смоленских партизан в 1942 г.) фактически перестали существовать.

И вновь Военный совет горячо поблагодарил героев-воинов за одержанную победу и призвал их неотступно преследовать, громить и уничтожать гитлеровских разбойников. Теперь уже вперед, к границам Родины!

Попал в плен комендант Бобруйска генерал Гаман, один из отъявленных фашистских палачей, занесенный Государственной комиссией по расследованию фашистских злодеяний в списки военных преступников. Будучи командующим орловским административным округом и комендантом Орла, он отличался крайней жестокостью, за что получил прозвище «обер-мародер». Это по его приказу под угрозой жестокой расправы насильно отнимали детей от матерей и эшелонами отправляли в Германию, а некоторых — в Бобруйск, где у детей выкачивали кровь для раненых гитлеровцев.

[4] *М. Ф. Панов.* Полки идут на Запад. М., 1967, стр. 122.

Вот о чем поведали жители Рогачевского и Бобруйского районов производившей расследование Государственной комиссии по расследованию зверств фашистов, с протоколами которой знакомил нас член этой комиссии Кудрявцев:

«В марте-апреле насильственно отбирали детей у жителей деревень Зеленый Дуб, Широкий Рог, Ухватовка, Козловичи, Лиски, Вилок. Эсэсовцы оцепляли деревни, врывались в дома, захватывали детей и эшелонами отправляли в Бобруйск в лагеря «доноров», где выкачивали из них кровь для раненых. Гибли сотни детей. Фашисты-конвоиры еще в поезде говорили детям: «Мы везем вас на бойню, там у вас высосут всю кровь, и вы умрете». Когда поезд замедлял ход, дети выпрыгивали из вагонов, но их расстреливали из автоматов.

Тех же из детей, в ком теплилась еще жизнь, фашистский палач направлял в лагеря, расположенные на болотах на переднем крае обороны, в районы населенных пунктов Озаричи — Дерт, где они без крова, одежды и пищи умирали в муках и страданиях. Когда в марте 1944 г. этот район был нами освобожден, перед бойцами предстала страшная картина — 33 тыс. человек, среди которых 15 960 детей до 13 лет, остальные женщины, старики. Тифознобольные находились на грани полного физического истощения, более 5 тыс. в тифозном бреду валялись на болоте под дождем и снегом. Видя эту трагедию советских людей, бойцы поклялись, что, если на их пути где-либо повстречаются эти палачи, они спросят с них ответ за все муки, страдания и гибель невинных советских людей».

И вот один из них в наших руках.

Но куда же девались фанфаронство, надменность и напыщенность этого представителя «нового порядка». Угодливость в ответах на все вопросы, заискивающий взгляд, дрожащие руки, сваливание вины за зверства на «директивы вышестоящих» были омерзительны до тошноты.

Воины фронта были горды тем, что и они могли порадовать москвичей и весь советский народ, когда в 60-тысячной колонне пленных, понуря голову шагавших через Москву, были и 32 тыс. захваченных ими под Бобруйском и Минском.

А тем временем по боевым порядкам из рук в руки переходила листовка политуправления фронта «Три „котла“ за шесть дней», которая рассказывала об окружении и ликвидации этих «котлов» под Могилевом, Бобруйском и Витебском, о сокрушительном поражении фашистских войск на всем 700-километровом фронте нашего победного наступления в Белоруссии. Это еще больше окрыляло воинов, придавало новые силы и боевой энтузиазм.

Наступление развивалось. С освобождением Осиповичей открывались ворота на Барановичи и Минск. По докладу политорганов, г. Осиповичи был превращен гитлеровцами в сплошные лагеря и тюрьмы. Тут были лагеря для 18-летних, для военно-

пленных, стариков, женщин и детей от 8 до 15 лет. Гитлеровцы отобрали у матерей всех близнецов и увезли в неизвестном направлении.

Дни 30 июня — 3 июля были отмечены новыми блистательными успехами наших героев: пройден Слуцк, освобождены Столбцы и Городея Барановичской области, Несвиж и Старобино — районные центры Минской области. 3 июля танкисты 2-го гвардейского танкового Тацинского корпуса 3-го Белорусского фронта вместе с подошедшим 1-м гвардейским танковым корпусом генерала М. Ф. Панова ворвались в Минск и совместно с подошедшей пехотой полностью очистили город от врага, замкнув еще одно кольцо вокруг 100-тысячной группировки неприятеля в 200 км от прежней линии фронта. Освобожден Минск, столица родной Белоруссии. Передовая газеты «Правда» писала тогда: «Пали стены еще одного бастиона, сооруженного гитлеровцами для защиты своей разбойничьей крепости». Танкистам Панова и самому Михаилу Федоровичу Панову была послана теплая благодарность Военного совета фронта.

Подводя итоги этих боевых дней, мы как-то невольно стали сопоставлять их с действиями наших союзников на западе, в Нормандии. Прошел уже месяц со дня открытия второго фронта, но, имея превосходство над противником на земле и море, за первые шесть дней наши союзники расширили плацдарм всего на 82 км по фронту и на 21 км в глубину. За то же время (шесть дней) 1-й Белорусский фронт расширил прорыв на 200 км, прошел в глубину на 110 км, разгромив при этом до 10 дивизий противника и захватив почти всю его боевую технику.

Темп наступления англо-американских войск возрос с 4 км в сутки до 15—20 и даже 30, когда Красная Армия стала приближаться к границам Германии.

Преследуя разгромленного врага, преодолевая многочисленные естественные преграды и оборонительные рубежи, войска нашего фронта успешно продвигались на запад. Все громче в боевых порядках звучали призывные голоса коммунистов: «Друзья, вперед! Преследовать раненого фашистского зверя по пятам, не давать ему передышки ни днем ни ночью!», «Освободим родную Белорусскую землю от фашистских захватчиков!», «Воин! Ты видишь своими глазами, что сделали фашистские изверги с нашей цветущей Белоруссией. Ускорь шаг, усиль удар — границы Родины уже недалеко! Добьем фашистского зверя в его берлоге».

Широко использовались такие формы политработы, как вручение боевых наград, грамот, благодарностей Верховного Главнокомандующего непосредственно на поле боя, поздравительных писем командования соединений и частей. Агитмашины в перерывах между боями через окопную говорящую установку доводили до бойцов приказы Верховного Главнокомандующего, сообщали о салютах в Москве в честь одержанных побед. Только в 283-й дивизии командир и начальник политотдела вручили бой-

цам 250 поздравительных писем. Политорганы и парторганизации делали достоянием всего личного состава героические подвиги, сообщая о них в листовках-«молниях», газетах, рассказывая о них во время беседы. Многообразен арсенал средств, форм и методов, использовавшихся политорганами и всеми коммунистами, богат и опыт их, накопленный за три года войны. Бесспорно, это очень помогало нам в выполнении задач, поставленных партией и правительством. И воодушевленные матерью—Родиной, своими успехами, воины как на крыльях летели вперед к заветной цели. Почти каждый день страна славила своих героев салютами в Москве: за освобождение Жлобина; за Осиповичи и Слуцк, за Бобруйск и Минск; Столбцы, Несвиж, Старобино; Ковель, Дзержинск и Житковичи; Барановичи; Слоним и Лунинец; Пинск.

20 июля страну облетела еще одна радостная весть о блистательных победах воинов фронта. Сводка Совинформбюро сообщила, что перешедшие 18 июля из района Ковеля войска 1-го Белорусского фронта прорвали сильно укрепленную оборону противника и за три дня боев продвинулись на 50 км, расширили фронт прорыва до 150 км, освободили более 400 населенных пунктов, в том числе районные центры Волынской области: Любомль, Ратно, Турийск, Мацеев, Заболотье, Головно. Войска вышли на Западный Буг. Под Ковелем сокрушительный удар артиллерии дезорганизовал долговременную оборону противника. Пехота ворвалась в окопы и штыками завершила разгром. Несмотря на плохую погоду, наша авиация наносила непрерывные удары. За три дня штурмовики уничтожили 20 танков, до 400 автомашин, сбили 26 самолетов. В честь отважных воинов вновь в Москве прозвучали орудийные залпы салюта. До конца месяца были освобождены города Холм (Хельм), Влодава, Люблин, Луков, Демблин (крепость Иван-Город), Брест, Седлец. Правое и левое крылья фронта соединились.

Огромной силы удар Красной Армии развалил до основания так тщательно и длительное время готовившуюся глубокую оборону противника. Разряд энергии советского народа и нашей армии, аккумулированный партией, был настолько силен, что привел к катастрофе немецко-фашистскую группу армий «Центр» на главном — варшавско-берлинском направлении.

Наши войска освободили столицы братских республик — Минск и Вильнюс, города Витебск, Могилев, Вилейка, Барановичи, Пинск, Полоцк, Оршу, Бобруйск, Борисов, Жлобин, Ковель, Осиповичи, Гродно, Молодечно, Лида, Слоним, Волковыск, Паневежис.

А в самой Германии вновь раздались похоронные звоны. Вновь была объявлена «тотальная» мобилизация, к работе привлекались мужчины и женщины старше 65 лет, рабочий день увеличился до 12 часов. В Берлине были закрыты все театры, прекратилось издание художественной литературы. В печати и

по радио развернулась кампания против «нытиков», «маловеров», «пораженцев» с требованием «хватать их за шиворот», «дать по зубам», «физически уничтожить». Гиммлер, назначенный Гитлером командующим внутренней армией, со всей жестокостью обрушился на демократическое, антигитлеровское движение.

Тюрьмы, концлагеря, расстрелы — вот ответ Гитлера и его банды на поражение в Белоруссии. Эсэсовские головорезы с рвением выполняли приказ Гитлера, изданный еще 7 февраля 1944 г., которым давалось право офицерам и просто храбрым солдатам без суда и следствия расстреливать на месте неповинующихся и недисциплинированных, оставляющих позиции без приказа высшего командования.

И загулял топор по рядам «доблестной», «непобедимой» армии. 21 июля застрелился генерал-полковник Бек — один из основных организаторов заговора 20 июля, а 8 августа были повешены генерал-фельдмаршал Вицлебен, генерал-полковник Гёпнер, генерал-лейтенант Хазе, генерал-майор Штиф и другие.

А в это время с огромным душевным подъемом наши воины, поцеловав родную землю, перешагнув ее западную границу, вошли на землю братского польского народа, вышли к Висле, захватив два плацдарма на ее западном берегу, подходили к Праге — пригороду Варшавы.

Было бы ошибкой, если бы осталось впечатление от всего сказанного мной, что войска шли триумфальным маршем. Нет, на всем пути шли жестокие бои, враг беспрерывно подбрасывал свежие силы, снимая их из Прибалтики, Норвегии, с Запада, резервы главного командования из самой Германии, усиленно пополнял людьми и техникой разбитые дивизии. За каждый важный населенный пункт, естественную преграду противник дрался с ожесточением, поэтому-то по два дня и две ночи шли сражения под Слуцком, Барановичами, Пинском, Люблином, Хельмом и Луковом, пять суток за Брест. В районе Клещели войска 65-й армии подверглись сильному удару двух танковых и пехотной дивизий, пришлось даже немного отойти, перегруппироваться, подтянуть свежие силы, чтобы разгромить эту сильную группировку. Конно-механизированная группа генерала Плиева в течение нескольких дней сражалась с контратаковавшим противником, отрезавшим ее в районе Янув-Подляски. Такие же упорные бои были при форсировании рек Ясельды, Шары, Западного Буга и многих других. Но сила боевого порыва воинов так была велика, что никакие препятствия уже не могли их остановить, а опыт командования находил путь к преодолению сопротивления противника.

За 35 дней с начала операции правое крыло фронта прошло в глубину до 550 км и вместе с другими фронтами, полностью освободив Белоруссию, вошло в пределы Восточной Польши, вышло на Вислу, а другие фронты — к границам Восточной Пруссии.

В ходе операции Ставка уточнила задачи фронту. 28 июня была поставлена задача 3-му и 1-му Белорусским фронтам не позднее 7—8 июля овладеть Минском и отрезать отходящие главные силы 4-й немецкой армии. Эта задача была выполнена 3 июля.

4 июля перед 1-м Белорусским фронтом ставится задача к 12 июля выйти на рубеж Слоним — Пинск, овладеть городами Барановичи и Лунинец. Но события развиваются настолько быстро, что уже 6 июля Барановичи были окружены и после двухдневного ожесточенного боя освобождены, а подвижные части форсировали р.Шару и к 16 июля вышли на рубеж р. Свислочь — Пружаны, западнее Пинска, пройдя за 12 дней 150—170 км, а 28 июля освободили г. Брест, перешагнули через пограничный Западный Буг и вступили на территорию Польши.

Иными словами, события развивались быстрее, нежели планировалось.

В природе нашей армии, в советском человеке есть такая сила, которая не поддается арифметическим подсчетам в планах и директивах. Эта сила — высокий моральный дух войск, их воинское мастерство, воинская зрелость и мужество командных и политических кадров.

Уже к концу 1942 г. совершился психологический перелом в сознании воинов, укрепилась вера в свои силы, в победу. В последующих сражениях войска проявили такие моральные качества, которые обеспечили выдающиеся победы под Сталинградом, Курском и на Днепре, под Ленинградом и на полях Правобережной Украины. К сражению в Белоруссии, а затем и при выполнении великих и благородных задач освобождения порабощенных народов Европы партия добилась еще большего морального подъема в войсках, вселила в сердца воинов неодолимый боевой наступательный дух.

Великая моральная сила создавалась огромной по объему, разнообразной по формам и методам, глубокой по содержанию партийно-политической работой как в подготовительный период, так и в ходе наступления под грохот разрывов снарядов и авиабомб, под свист пуль, нарастая в своем идейном воздействии на умы и сердца воинов.

Укреплению низовых партийных и комсомольских организаций, воспитанию боевитости, идейной вооруженности было уделено огромное внимание. А задача эта не из легких. За время, прошедшее после Курской битвы, фронт потерял много политработников в полковом, батальонном и ротном звене. Необходимо было найти им замену, подготовить дополнение к работе, создать резервы политработников. Такие силы были найдены: политработников успешно подготовили на сборах, семинарах, систематических инструктивных занятиях.

Жизнь полностью подтвердила мудрость решения Центрального Комитета Коммунистической партии о перестройке первичных партийных и комсомольских организаций с полковых и им равных

на батальонные, замене выборных начал их руководящих органов назначенными парторгами и комсоргами. В ходе боев не было случая, чтобы первичные организации прекращали свою деятельность из-за того, что выбыл руководитель, как это было при выборном начале. Во фронте, в армиях и соединениях были заранее подготовленные резервы парторгов и комсоргов.

Могучая сила идейного влияния на бойцов, личного примера коммунистов в наступлении выражалась в огромной тяге в ряды партии. В стрелковых дивизиях 48-й армии с 24 июня по 20 июля было подано 3116 заявлений о приеме в партию. Общее стремление воинов выразил в своем заявлении младший сержант 102-й стрелковой дивизии Вадюхин: «Мы сражались с врагом, не щадя ни своих сил, ни своей крови, и побеждали. Этим мы завоевали себе право быть в рядах великой партии большевиков. Я видел, как действовал в бою коммунист Рыжиков. Через реку, почти скрываясь в воде, перетаскивал он свое грозное орудие, чтобы вовремя выполнить свою задачу. И он достиг этого своим упорством. Наши пехотинцы получили мощную огневую поддержку и сокрушили врага. Пример коммуниста произвел на меня сильное впечатление. Когда во время прорыва обороны немцев требовалось доставить боеприпасы на огневую позицию, я, несмотря на обстрел, на руках переносил снаряды через реку. Во время боя, когда отстало одно орудие, я под огнем вытащил его на огневую позицию. Всей душой хотел быть похожим на коммуниста Рыжикова. Сейчас я кандидат в члены ВКП(б). Это возлагает на меня большие обязанности — быть примером всем. За прошедший бой я награжден орденом Красного Знамени. Я горжусь этим, горжусь своей парторганизацией, которая воспитала меня. Два моих сына в Красной Армии, оба члены ВКП(б), дочь — комсомолка. Как же мне, их отцу, быть в стороне от нашей родной большевистской партии, когда вся моя семья связала свою судьбу с нею. Бил я немцев в 1914—1918 гг., бью их и сейчас — проклятых захватчиков. Только удары мои сейчас сильнее, ибо я коммунист».

Так тот, кто еще вчера впитывал в себя великие ленинские идеи, воодушевлялся мужеством и героизмом сынов нашей партии, сегодня сам становился под ее знамена на смену павшим и своим партийным словом, боевым призывом воодушевлял рядом идущих, звал на новые подвиги.

О массовом героизме бойцов, командиров и политработников свидетельствует то, что с конца июня по конец августа на нашем фронте было награждено орденами и медалями около 150 тыс. человек.

В этот период стремительного преследования противника особо остро встал вопрос о работе тылов, боевом и материальном обеспечении передовых частей. Линии коммуникаций растянулись, железнодорожное полотно и мосты были сильно разрушены, грунтовые дороги и мосты на них нуждались в исправлении и

укреплении, а восстановление не поспевало за войсками. Достаточно сказать, что на восстановление участка железной дороги Жлобин — Бобруйск (65 км) потребовалось 20 дней, а войска за это время ушли вперед на 350—400 км. К концу операции суточный пробег автотранспорта доходил до 500—750 км, фронт начал задыхаться от недостатка автотранспорта, так как сильно отставали артиллерийские и госпитальные базы, и только помощь Ставки и начальника тыла А. В. Хрулева облегчила положение.

Все это потребовало неимоверного напряжения сил и средств всех тыловых органов, инженерно-саперных частей. На помощь им пришлось переключить значительные силы политорганов, все их резервы. Пришлось взять на строгий учет весь автотранспорт, организовать его в колонны, наладить обслуживание на трассе, разработать график движения, систему поощрений шоферов, усилить среди них воспитательную работу. Трудности были успешно преодолены, потому что члены военных советов армий, начальники политорганов, работники тыла вкладывали в это дело всю энергию, опыт, трудились с творческим подъемом.

Даже когда возникла очень сложная ситуация с обеспечением попавшего в окружение в районе Янув-Подляски 4-го гвардейского кавалерийского корпуса, были изысканы возможности доставки ему самолетами По-2 всего необходимого. Особую трудность представляла доставка горючего, ибо По-2 не был приспособлен для переброски больших емкостей, а мелкой тарой базы фронта не располагали. Тогда мы установили на дорогах специальные контрольные посты во главе с офицерами тыла и политработниками для изъятия у запасливых шоферов всей мелкой тары под горючее, была выделена особая группа уполномоченных Военного совета, наделенных широкими правами, среди которых особой энергией выделялся работник политуправления майор И. П. Баринов. С помощью населения собирали всю мелкую трофейную тару и таким образом из трудного положения вышли. Плацдарм получил необходимое горючее, вражеский заслон был разгромлен, наступление продолжалось.

Было бы непростительно не сказать самого доброго слова о замечательных действиях белорусских партизан, активно помогавших нашему фронту. К началу операции со всеми партизанскими бригадами была установлена тесная связь через офицеров с радиостанциями, заброшено самолетами необходимое вооружение, боеприпасы, согласованы планы, по которым с 20 июня развернулась схватка с врагом в его тылу. Взрывались железнодорожные мосты, виадуки, рельсы, водонапорные башни, под откос летели воинские поезда, громились штабы частей, узлы связи, уничтожались мелкие гарнизоны, и многие тысячи гитлеровцев нашли свою смерть от рук народных мстителей. В борьбе за форсирование рек Случь, Ясельды, Шары, в штурме Пинска, Барановичей, Бреста и во многих других местах партизаны действовали совместно с частями фронта в тесном взаимо-

действии, проявляя огромное мужество, дерзость и воинскую зрелость, достойные преклонения, и их вклад в победу в Белоруссии огромен, их подвиги высоко оценены Советским правительством. Среди Героев Советского Союза — белорусских партизан — достойное место занимают прославленные герои и партизанские вожаки, такие, как В. З. Хоружая, К. С. Заслонов, В. С. Корж, В. И. Козлов, К. П. Орловский, А. Е. Клещев, И. П. Кожар, Т. П. Бумажков, С. А. Вауспшасов, В. Е. Лобанок, С. И. Сикорский, М. Ф. Шмырев, Н. Ф. Королев и другие. За годы войны свыше 100 тыс. партизан и партизанок отмечены другими высокими правительственными наградами.

В свою очередь и партизаны и их руководители должным образом оценивали помощь фронта. Так, в итоговом отчете штаба партизанского движения говорится:

«Командующий 1-м Белорусским фронтом тов. Рокоссовский, члены Военного совета тт. Булганин и Телегин хорошо понимали и ценили значение партизанского движения, оказывали ему помощь вооружением, боеприпасами, диверсионной техникой, автотранспортом для переброски грузов на аэродромы... Такое же чуткое отношение было со стороны начальника штаба т. Малинина и начальника тыла т. Антипенко и других руководящих работников управления фронта» [5].

Радостными и волнующими были встречи наших воинов на земле братского польского народа, вызволенного из-под тяжелого гнета фашистских поработителей. Для населения эта радость была вдвойне, ибо они увидели рядом с советскими бойцами воинов нового возрожденного Войска Польского, прекрасно вооруженного и экипированного, высокодисциплинированного, проникнутого глубоким чувством пролетарского интернационализма и гордого сознанием освободителя своего народа и родной земли. Это были воины сформированной в СССР 1-й польской армии, уже прошедшие суровые боевые испытания и закаленные в схватках с нашим общим врагом под Ленино в Белоруссии, в победоносном наступлении к Днепру и от Ковеля к Висле.

Это были верные сыны польского народа и верные боевые друзья советского воина, скрепившие эту дружбу своей кровью в совместной борьбе с фашистским чудовищем. Сейчас они вошли на свою родную, исстрадавшуюся землю, осыпаемые цветами и орошаемые слезами радости.

Освобождение польского народа Красной Армией совместно с польскими войсками является одной из ярких страниц истории минувшей войны. Она заслуживает серьезного исследования и подробного освещения.

Огромной радостью отозвались в сердцах советских людей победы наших Вооруженных Сил на фронте. Все понимали, что уже близок день полного освобождения Родины, а за этим и

[5] *И. А. Антипенко.* На главном направлении. М., 1968, стр. 181.

полная победа. Это еще больше укрепило единство народа, его сплочение под ленинским знаменем партии, еще выше подняло трудовой энтузиазм. Призывы ЦК партии отдать все силы на помощь родной армии для окончательного разгрома врага вызвали новую мощную волну социалистического соревнования, движения фронтовых бригад, рост производительности труда, десятки миллионов человек участвовали в добровольном сборе средств на техническое вооружение армии и флота.

Радостно было сознавать, что войска фронта закалились и возмужали в боях, накопили опыт ведения боя в сложных условиях, выросли талантливые кадры военачальников, умеющих искусно организовать прорывы обороны врага, взаимодействие родов и видов войск, расчленение, окружение и уничтожение группировок противника. Окрепли организационно и приобрели большой опыт в работе политорганы, окончательно сложившиеся в боевые инициативные и творческие организации партии на фронте. По-боевому перестроились партийные и комсомольские организации, являясь надежной опорой и верными помощниками командования в решении любых самых сложных задач.

Благоприятно складывалась и внешнеполитическая военная обстановка. Поражения на Восточном фронте вызвали глубокую тревогу в гитлеровском руководстве, разлад среди стран фашистского блока. Из гитлеровской коалиции вышла и объявила войну Германии Италия, шла к военной катастрофе профашистская Финляндия, близился конец фашизма в Болгарии. Не оправдались надежды гитлеровских главарей на вступление в войну против СССР Турции и Японии, провалились расчеты и на разлад союзников по антигитлеровской коалиции. В широких масштабах развернулось движение Сопротивления в порабощенных фашизмом странах.

Все эти факты и события широко популяризировались среди личного состава, вызывали высокий боевой порыв.

Успех войск фронта был достигнут в тесном взаимодействии с другими фронтами и в результате блестящего выполнения плана Верховного Главнокомандования, плана последовательного наступления по всему советско-германскому фронту. А успех всеобщего наступления действительно был грандиозен. Если в начале 1944 г. враг стоял у стен Ленинграда, в районе Витебска, Бобруйска, Мозыря, под Житомиром и Днепропетровском, у Перекопа и Херсона, то в конце года он оказался в Восточной Пруссии, за Вислой, Будапештом, Белградом и Софией — в 700 км западнее Ленинграда, Гомеля, Витебска, на 1000 км западнее Днепропетровска и Херсона.

Поражение фашистских войск на центральном варшавско-берлинском направлении оказалось настолько катастрофическим, что для восстановления потребовалось перебросить 28 дивизий из Прибалтики и Южного Крыма, 18 дивизий и 4 бригады — из Германии, Польши, Венгрии, Норвегии и с других участков.

Победное шествие Красной Армии в 1944 г. получило огромный резонанс во всем мире. Например, У. Черчилль, 2 августа, выступая в палате общин, вынужден был признать, что в кампании 1944 г. Красная Армия «...сыграла главную роль и вымотывает кишки из германской армии... В воздухе, на океане и в морях мы можем сохранить наше положение, но не было в мире такой силы, разве что она могла быть создана еще через несколько лет, которая могла бы сломить и сокрушить германскую армию и нанести ей такие колоссальные потери, как это сделали советские армии...» 28 сентября тот же Черчилль в палате общин, скрепя сердце, должен был признать, что «...Россия сковываст и бьет гораздо более крупные силы, чем те, которые противостоят союзникам на Западе», что Советская Россия «на протяжении долгих лет ценой огромных потерь несла основное бремя борьбы на суше» [6].

Наша Родина продемонстрировала великую силу, способную один на один довести победу над фашистской Германией до победного конца и освободить народы Европы от фашистского порабощения.

В победе летом и осенью 1944 г. со всей силой проявилась ленинская мудрость, несгибаемая воля, неутомимый организующий труд нашей Коммунистической партии, мобилизовавшей духовные и материальные силы народа и государства, воспитавшей в воинах высокое чувство патриотизма, мужество, бесстрашие. И благодаря этому была одержана победа над врагом.

Так будет и впредь, если вопреки здравому смыслу, наперекор рассудку и урокам истории кто-либо из новоявленных претендентов на мировое господство попытается напасть на Советский Союз и другие социалистические страны, нарушить наш мирный созидательный труд.

Тридцать лет прошло с той поры. Но в памяти живо встают несгибаемые образы героических бойцов, командиров, политработников, которые своим самоотверженным трудом, потом и кровью, готовностью к самопожертвованию добывали эту победу в жарких схватках на полях сражений. Многие из них отдали жизнь за Родину, многие потеряли здоровье, головы их преждевременно стали седыми, глубокие морщины избороздили лица. Они не щадили себя во имя великой цели — освобождения Родины. Долг воинов-интернационалистов звал их в великий освободительный поход на помощь народам, страдающим под гнетом фашизма.

[6] «Внешняя политика Советского Союза», ч. II. М., 1946—1947, стр. 523, 574.

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Н. И. КРЫЛОВ

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

ПОДГОТОВКА К ПРОРЫВУ

В историю Великой Отечественной войны 1944 год вошел как год изгнания немецко-фашистских полчищ из пределов нашей Отчизны.

Среди грандиозных событий года Белорусская операция занимает особое место как по стратегическим и политическим целям, так и по своему размаху. Достаточно сказать, что операция осуществлялась на гигантской территории — по фронту до 1000 км и в глубину — 600 км. В ней участвовали войска четырех фронтов, авиация дальнего действия, ПВО страны, Днепровская военная флотилия и партизаны Белоруссии, Литвы и Латвии. В результате ее завершения восточный фронт гитлеровцев в его центре был сокрушен, освобождены Белоруссия, большая часть Литвы и почти половина Латвии. Операция создала благоприятные предпосылки для развертывания широких наступательных действий на остальных фронтах Красной Армии.

План Белорусской операции под названием «Багратион», разработанный Ставкой Верховного Главнокомандования, имел главную цель — разгромить одну из наиболее сильных группировок противника на советско-германском фронте — группу армий «Центр», освободить Белоруссию и создать благоприятные усло-

вия для последующих операций по освобождению Литвы, Латвии и союзной нам Польши. План «Багратион» был оригинален по замыслу и его осуществлению. Он состоял из нескольких взаимосвязанных и вытекающих одна из другой операций. Первоначально планировался разгром войсками смежных флангов 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов витебской и силами двух ударных групп войск правого крыла 1-го Белорусского фронта бобруйской группировок противника. Одновременно с этим войска левого крыла 3-го Белорусского и центра 2-го Белорусского фронтов наносили удары в направлении Орши и Могилева. Разгром витебской и бобруйской группировок и прорыв советских войск на Оршу и Могилев открывали перспективу осуществления вслед за этим Минской операции, в которой войска 3-го и 1-го Белорусских фронтов должны были одновременными ударами по сходящимся направлениям на Минск окружить и уничтожить восточнее его главные силы 4-й немецкой армии.

Гитлеровское верховное командование, хотя и не ожидало в Белоруссии большого наступления Красной Армии, все же, придавая важное стратегическое значение белорусскому выступу, создало здесь сильно укрепленную и глубоко эшелонированную оборону. В этой обороне значительно сильнее была развита и в инженерно-фортификационном отношении ее тактическая зона, в особенности в районах Витебска и Бобруйска, где имелось множество рек и болот.

В середине апреля 1944 г. в должность командующего Западным фронтом вступил самый молодой среди командующих фронтами 38-летний генерал-полковник И. Д. Черняховский. И, откровенно говоря, некоторые из нас не без удивления встретили это назначение, думая, справится ли, не вскружится ли голова и по молодости не наломает ли дров. Но вскоре все эти сомнения рассеялись.

Генерал-полковник И. Д. Черняховский сумел быстро разобраться в обстановке, а затем, опираясь на штаб и политуправление, сплотить и направить личный состав управления и войска фронта на напряженную и инициативную работу.

Это был волевой и требовательный полководец, в то же время обаятельный и душевный человек. И. Д. Черняховский очень часто выезжал в войска, на передовые позиции, где беседовал с солдатами и офицерами, интересовался их настроением, нуждами, выяснял готовность частей и соединений к выполнению боевой задачи, особенно в период подготовки наступления. Обладая разносторонними военными знаниями и боевым опытом, И. Д. Черняховский глубоко вникал в оперативные вопросы, быстро оценивал обстановку, умел увидеть в ней главное и принять правильное решение. Его решения отличались оригинальностью, смелостью, они были основаны на глубоком знании людей, сил и средств и на тщательных расчетах.

Под стать командующему фронтом был назначенный в тот же день на пост члена Военного совета фронта генерал В. Е. Макаров, лишь двумя годами старше И. Д. Черняховского. Они удачно дополняли друг друга.

В апреле 1944 г. Западный фронт был переименован в 3-й Белорусский.

Мне в ту пору довелось командовать войсками 5-й армии, входившей в состав фронта.

После возвращения генерал-полковника И. Д. Черняховского и генерал-лейтенанта В. Е. Макарова из Ставки, куда они были вызваны 21 мая, я был приглашен на КП фронта, где И. Д. Черняховский в присутствии В. Е. Макарова и А. П. Покровского — начальника штаба фронта проинформировал меня о предстоящей операции и поставил перед армией задачи, предупредив о строгом соблюдении тайны. К разработке плана операции было приказано допустить крайне ограниченное число лиц — начальников штаба армии, оперотдела, тыла и родов войск. Причем все расчеты они должны были делать лично, никому не перепоручая. Писать только от руки. И никаких черновиков. Разговоры на эту тему по проводам категорически запрещались. Перегруппировки войск должны были производиться только ночью, при соблюдении при этом строжайшей маскировки. «Если будет необходимо со мной переговорить или что-нибудь уточнить — приезжайте. Или позвоните — я сам приеду»,— сказал командующий фронтом. Прощаясь, генерал Черняховский добавил: «На той неделе я у вас буду».

Возвратясь на КП, в Черныши, я вызвал только начальника штаба армии генерала Н. Я. Прихидько, и мы сразу же приступили к изучению поставленной задачи. А задача по своему масштабу, количеству сил и средств, да еще в сложных условиях лесисто-болотистой местности, была чрезвычайно сложной и ответственной.

Для того чтобы правильно нацелить на ее выполнение командующих родами войск, надо было вначале продумать все до деталей и принять предварительное решение. Двое суток мы с начальником штаба, склонившись над картой, оценивали обстановку, изучали противника, свои войска, полосу предстоящего наступления, выявляли особенности в выполнении задачи каждым соединением. И когда первая прикидка была завершена, я начал приглашать к себе по очереди командующих и начальников родов войск. Каждому из них в отдельности был сообщен замысел операции и поставлена задача. Кроме того, им предлагалось сообщить свои соображения о том, что надо сделать, чтобы войска армии прорвали сильную оборону противника на 11-километровом участке Поднивье — Осетки и затем успешно развили наступление в направлении Богушевска, Сенно, оз. Палик, на глубину 130—140 км.

В эти дни под видом строительства второй полосы оборо-

ны в стрелковых корпусах была выведена в резерв на доукомплектование и приведение в порядок часть сил дивизий. Их личный состав строил позиции, обмундировывался и тщательно готовился к прорыву обороны немцев. Подразделения первого эшелона со своими средствами усиления отрабатывали взаимодействие и технику прорыва сильно укрепленной полосы, штурмуя с этой целью специально построенные макеты, воспроизводившие оборону противника на всю ее тактическую глубину, со всеми препятствиями, минными полями, дзотами, НП, бронеколпаками и артиллерийскими позициями. Одновременно с этим командный состав от комвзвода до командарма, одевшись в солдатскую форму, из окопов или из наблюдательных пунктов командиров рот или командиров батарей рассматривали местность по ту сторону Суходровки, с особым вниманием и настойчивостью изучали оборону врага.

На передовой позиции в первой траншее, как правило, находились лишь бойцы суточного наряда наблюдателей и расчеты дежурных огневых средств. В землянках отдыхали подразделения, готовые в любую минуту занять свои окопы. Искусно замаскировавшись, высматривали цель доблестные снайперы, среди которых были снайперы-девушки, в том числе архангельская комсомолка Роза Шанина, уральская комсомолка Евдокия Красноборова, ленинградка Анна Смирнова, москвички Калерия Петрова, Сима Анашкина, Александра Екимова, Лидия Вдовина и Валентина Николаева и десятки их боевых подруг.

Командиры соединений и частей стремились в последние дни перед сражением дать возможность солдатам и офицерам отдохнуть, заполнив отдых культурными мероприятиями: в тени лесов демонстрировались кинофильмы, выступали артисты, в том числе фронтовой ансамбль песни и пляски под руководством заслуженного артиста республики майора А. Ф. Усачева.

Пользуясь относительным затишьем, политорганы армии, соединений и частей широко развернули партийно-политическую и культурную работу.

В эти дни проходили партийные и комсомольские собрания. На них выступали командиры частей, соединений, а также командарм и члены Военного совета армии. Главная заслуга в проведении широкой партийно-политической работы принадлежала начальнику политотдела армии полковнику Н. А. Хватову. Основное внимание было направлено на укрепление партийного состава роты, на создание в ней партийной ячейки, а в батальоне — партийной организации. В армии насчитывалось 597 первичных организаций, около тысячи — ротных и им соответствующих партийных групп.

Значительно возросла партийная прослойка в частях и соединениях. Например, в 277-й стрелковой дивизии коммунисты составляли одну пятую часть всего личного состава на 21 июня 1944 г.— 898 членов ВКП(б) и 479 кандидатов в члены партии.

Всего в армии к этому времени насчитывалось 19 531 коммунист, из них 13 178 членов партии и 6353 кандидата в члены партии. Это была громадная сила, которая цементировала каждый полк, батальон, всю армию.

При политотделе армии работали двухмесячные курсы парторгов, 98 их слушателей были направлены в роты частей первого эшелона. Кроме этого в каждой дивизии, а также и при политотделе армии имелся резерв парторгов рот, который составляли наиболее стойкие, хорошо подготовленные, уже побывавшие в боях коммунисты.

8 июня политотдел армии провел совещание начальников политотделов дивизий и корпусов, на котором был обсужден вопрос: «Задачи политорганов в подготовке войск к наступательным боям». Затем в корпусах, дивизиях и полках состоялись совещания политработников, где командиры и начальники политорганов поставили перед ними конкретные задачи по боевой и политической подготовке частей и соединений к предстоявшему наступлению.

С целью более успешной подготовки войск в морально-политическом отношении и политического обеспечения боевой подготовки к предстоящей операции политработники наряду с изучением марксистско-ленинской теории изучали тактику наступательного боя, оружие, военную технику, наставления и уставы. Надо сказать, что эта военная подготовка во многом помогла политработникам. Их работа стала целеустремленнее, конкретнее, теснее связанной с задачами, решаемыми ротой, полком, дивизией.

Одно из важнейших мероприятий политического обеспечения операции — воспитание у воинов высоких морально-боевых качеств, политической бдительности.

Большую помощь в укреплении боевой мощи войск оказывала армейская газета «Уничтожим врага!», редактором которой был военный журналист полковник П. А. Молчанов. Статьи, очерки, рассказы, публикуемые в газете и раскрывающие боевую жизнь армии, вселяли в воинов всепобеждающий дух и веру в победу, а боевые примеры массового героизма учили побеждать врага малой кровью. Корреспонденты газеты всегда находились там, где готовилось сражение или шли бои с врагом.

Согласно решению командующего войсками 3-го Белорусского фронта, 5-я армия должна была силами восьми стрелковых дивизий во взаимодействии с 39-й армией прорвать оборону противника на участке Карповичи — Высочаны, нанести удар в направлении Богушевск, Сенно, Лукомль, Моисеевщина и во взаимодействии с 11-й гвардейской армией разгромить богушевско-оршанскую группировку гитлеровцев, не допустив ее отхода на запад.

Ближайшей задачей 5-й армии ставилось прорвать оборону на участке Поднивье, Высочаны (11,5 км) и к исходу третьего дня

операции овладеть рубежом оз. Липпо, Новый Оболь, Яново. После форсирования р. Лучесы, ориентировочно с утра второго дня операции, нам надлежало обеспечить ввод в прорыв конно-механизированной группы фронта в направлении Богушевск, Сенно. В дальнейшем армии предлагалось во взаимодействии с конно-механизированной группой и 11-й гвардейской армией развивать наступление в западном направлении и к исходу десятого дня выйти главными силами на р. Березину у оз. Палик и севернее. Для расширения прорыва и свертывания обороны противника к югу приказывалось наступать одной стрелковой дивизией на Бабиновичи, навстречу частям 152-го укрепленного района 11-й гвардейской армии.

Готовность к наступлению устанавливалась к утру 22 июня.

Возвратясь на КП, который размещался в лесу северо-восточнее Чернышей, я, не теряя времени, приступил к окончательной отработке операции, привлекая к этому только начальника штаба и ближайших помощников — командующих родами войск и начальника тыла.

Нами владела одна властная идея — прорвать оборону, разгромить врага и изгнать его со священной земли Белорусской Советской Социалистической Республики.

Армии предстояло прорвать сильно укрепленную, глубоко эшелонированную, прятавшуюся в зарослях и лесах оборону, которая включала в себя поле боя глубиною около 6 км, состоявшее из трех позиций, и вторую полосу обороны, проходившую по западному берегу Лучесы. Все деревни в обеих полосах этой обороны представляли собой опорные пункты, и самый значительный из них — г. Богушевск, превращенный в мощный узел обороны.

В полосе наступления армии оборонялись 299-я пехотная дивизия и 456-й пехотный полк 256-й пехотной дивизии, усиленные тремя резервными пехотными и двумя танковыми батальонами, тринадцатью артиллерийскими и двумя минометными дивизионами и дивизионом штурмовых орудий. Таким образом, против 5-й армии действовало 324 орудия 105—150-мм калибра, 170 минометов, 36 шестиствольных минометов, что в среднем составляло 21,2 ствола на один километр фронта. Кроме того, в боевых порядках противника находилось десятка три танков и несколько бронетранспортеров.

Тактические резервы — 528-й пехотный полк (без одного батальона) и специальные батальоны располагались в глубине 4—6 км на линии Савченки, Гороватка, Шнитки, остальные — на второй полосе обороны. Оперативный резерв составляли две пехотные дивизии и 350-й пехотный полк 221-й пехотной дивизии, который прикрывал Богушевск. Имелась еще, правда, одна дивизия — 14-я пехотная, но она в основном дислоцировалась в районе Сенно. Один ее полк действовал в районе Богушевска, поскольку там располагался штаб 6-го армейского корпуса, а ос-

тальные части дивизии вели активные боевые действия против сеннинской партизанской бригады В. В. Леонова. Поэтому вряд ли они могли оказать сколько-нибудь серьезное влияние на ход боя.

95-я пехотная дивизия противника, дислоцировавшаяся в районе Бешенковичи — Лепель, больше всего тяготела к витебской группировке гитлеровцев, но и она тоже была скована борьбой с партизанами бригад В. Е. Лобанка и В. В. Мельникова Полоцко-Лепельской зоны. Тем не менее мы должны были позаботиться о том, чтобы в ходе развития наступления западнее Богушевска у нас была возможность упредить удар этих сил противника.

Помимо того, что войскам армии следовало прорывать сильную оборону врага, трудности заключались еще и в том, что с первых минут атаки уже надо было форсировать р. Суходровку, за ней — Ордежанку, затем в тот же день на глубине 8—9 км — Лучесу и Серокоротинку. На второй день наступления предстояло преодолеть р. Оболянку, не говоря уже о том, что на этом пространстве еще текло с десяток заболоченных речушек и лежало много топких болот.

Учитывая все это, командующий 5-й армией для нанесения удара на главном направлении выделил 72-й и 65-й стрелковые корпуса, построив их боевой порядок в два эшелона (в первом эшелоне были наиболее сильные — 63, 277, 371-я и 97-я стрелковые дивизии), 215-ю и 184-ю стрелковые дивизии второго эшелона этих корпусов расположил ближе к оси главного удара с таким расчетом, чтобы с форсированием р. Лучесы они могли без какой-либо паузы усилить удар и развить успех своих корпусов. 45-й стрелковый корпус генерал-майора С. Ф. Горохова располагался на левом фланге армии, его 159-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Н. В. Калинин, растянулась на 12-километровом фронте, а две другие стрелковые дивизии (144-я и 338-я) составляли второй эшелон армии. Эти два соединения имелось в виду ввести на втором этапе наступления или использовать для уничтожения противника в случае, если он прорвет фронт окружения 39-й армии под Витебском.

Ближайшей задачей войск армии являлось: используя успешные действия передовых батальонов, после мощной артиллерийской подготовки, прорвать вражескую оборону на участке Поднивье — искл. Осетки, разгромить противостоящего противника, с ходу форсировать р. Лучесу и к исходу первого дня наступления овладеть рубежом Новики, Александрово, Астапенки, оз. Стрешно, Мурашки. С утра второго дня операции обеспечить ввод в прорыв конно-механизированной группы генерал-лейтенанта Н. С. Осликовского с плацдармов на западном берегу Лучесы, на участке Лучковское, Малые Калинковичи.

Штабом армии под руководством неутомимого генерал-майора Н. Я. Прихидько при активном участии командующих артил-

лерией и бронетанковыми и механизированными войсками, начальника инженерных войск и других начальников служб были отработаны планы операции и применения родов войск, их взаимодействие со стрелковыми соединениями и частями. Пожалуй, за всю войну впервые так тщательно отрабатывал армейский штаб план операции. Сама операция армии планировалась на глубину 60 км, до выхода на линию Свитано — Будно, в район Сенно — Немота. Предполагалось осуществить ее в четыре дня при темпе наступления в первый день 15—16 км.

277-я и 371-я стрелковые дивизии, наступавшие на направлении главного удара, получили максимальное количество танков. 277-й стрелковой дивизией командовал генерал-майор С. Т. Гладышев, а 371-й стрелковой дивизией — генерал-майор В. Л. Алексеенко.

На главном же направлении действовал 523-й полк танков-тральщиков под командованием подполковника А. П. Солтера. 513-й полк огнеметных танков, которым командовал подполковник И. А. Емельянов, наступал на самом трудном участке прорыва в составе штурмовых групп нашей 277-й стрелковой дивизии.

Армейская артиллерия более плотно была сосредоточена в полосе наступления 72-го и 65-го стрелковых корпусов. Она состояла из трех групп: группы дальнего действия, группы разрушения и группы реактивной артиллерии. Причем эти группы делились на армейские артиллерийские подгруппы по числу корпусов. И хотя это деление на подгруппы очень осложняло управление ею со стороны командующего артиллерией генерала Ю. М. Федорова, зато облегчало ее использование в ходе боя того корпуса, в полосе которого подгруппа находилась.

Артиллерийская подготовка на направлении главного удара была рассчитана на 2 часа 20 минут, на вспомогательном — на 50 минут. Поддержка атаки пехоты и танков планировалась на 60 минут, на глубину первой позиции противника — 1,5—2 км методом сопровождения атаки огневым валом и последовательного сосредоточения огня.

Расход боеприпасов на четыре дня операции был установлен 4—5 боекомплектов, а на орудия большой мощности — 2—3.

Обеспечение наступления армии с воздуха возлагалось на 3-й истребительный авиационный корпус, 3-ю гвардейскую, 213-ю бомбардировочную и 311-ю штурмовую авиационные дивизии 1-й воздушной армии.

Одна из наиболее трудных задач — подготовка и сосредоточение в заданных районах переправочных средств, форсирование рек, устройство проходов в проволочных заграждениях и в минных полях врага, возведение гатей в топких местах дорог, прокладка в лесу колонных путей, разминирование в глубине вражеской обороны — ложилась на плечи неустанных тружеников войны — саперов.

После того как план операции был полностью отработан, мы приступили к проведению перегруппировки войск. Она осуществлялась точно по графику и только ночью, при полном соблюдении всех видов маскировки и строжайшей бдительности. Днем войска отдыхали в лесах. Все радиостанции молчали. Пища готовилась только ночью, а если это делалось днем, то в удалении от мест расположения войск на 15—25 км.

Заняв новые позиции, дивизии сразу же построили в своем тылу учебные полигоны, создали участки обороны, идентичные тем, которые предстояло им прорывать. А там, где подобные полигоны уже были, привели их в соответствие с действительной обороной противника своего направления. На полигонах командиры полков и дивизий, поочередно выводя батальоны в тыл, отрабатывали с ними прорыв позиций противника с форсированием реки, вплоть до блокировки и уничтожения штурмовыми группами отдельных огневых точек, привлекая к занятиям танки, артиллерию и саперную технику. Надо сказать, что это была серьезная практическая школа для всего личного состава роты, батальона, полка, дивизии.

На переднем крае так же, как и в мае, находились только дежурные подразделения, которые для дезориентации неприятеля совершенствовали оборону и, совершенствуя ее, понемногу продвигали траншеи и ходы сообщения вперед, ближе к р. Суходровке с целью в будущем использовать их как исходные позиции для форсирования реки или атаки.

В звене армия — полк в порядке командирской учебы отрабатывалась на картах и на ящиках с песком, а также на местности тема «Прорыв сильно укрепленной обороны противника с форсированием водной преграды». Конечно, имелись в виду Суходровка и Лучеса. Для решения темы учебы бралась реальная фронтовая обстановка.

Незадолго до начала наступления командование армии провело также занятие с руководящим составом полевого управления армии и командирами корпусов на картах и на ящике с песком, который по своим размерам (5×10 м) скорее был похож на миниатюрный полигон. На нем была воспроизведена вся оперативная обстановка в полосе армии глубиной включительно до Богушевска.

На этом занятии присутствовали командующий войсками фронта генерал-полковник И. Д. Черняховский и член Военного совета фронта генерал-лейтенант В. Е. Макаров. Генерал И. Д. Черняховский высоко оценил занятие.

К половине июня все войска усиления и развития прорыва 5-й армии вышли в свои районы сосредоточения, в том числе и конно-механизированная группа. Ее соединения расположились: 3-й гвардейский механизированный корпус, которым командовал генерал В. Т. Обухов, в составе 7, 8 и 9-й гвардейских механизированных и 35-й гвардейской танковой бригад — в лесах на

линии Хмелево, Чернышн и восточнее их; 3-й гвардейский кавалерийский корпус (командир корпуса генерал Н. С. Осликовский), состоявший из 5-й и 6-й гвардейской и 32-й кавалерийских дивизий — в лесах в районе Выдрия, Добромысль, р. Черница.

Таким образом, в полосе 5-й армии сосредоточились большие силы, способные успешно выполнить задачу, поставленную командующим войсками фронта. Соотношение сил на участке прорыва армии, без учета конно-механизированной группы, было в пользу 5-й армии.

НАКАНУНЕ

В ночь на 20 июня я вместе с оперативной группой штаба перешел на НП, находившийся на безымянной высоте в километре севернее населенного пункта Высокое, в 1,4 км от переднего края противника. Здесь же в 350 м от нас, на высоте 180,9, находился НП командира 72-го стрелкового корпуса генерал-майора А. И. Казарцева.

В этот день перебрались на свои НП все командиры корпусов, дивизий, бригад и полков.

Каждую ночь в сторону расположения противника летели транспортные самолеты У-2, «ночные извозчики», везли взрывчатку и оружие для партизан, которые одновременно с началом нашего наступления должны были своими ударами по тылам врага сковать его резервы. Еще 8 июня штаб партизанского движения Белоруссии, который возглавлял полковник П. З. Калинин, передал всем партизанским бригадам и отрядам оперативный план массированного удара по железнодорожному транспорту. Это был третий сокрушительный удар «рельсовой войны» [1]. В ночь с 19 на 20 июня в тылу врага на всех важных направлениях железных дорог загремели взрывы. И чем ближе к фронту, тем их было больше. За эту ночь белорусские партизаны взорвали 40 775 м рельсов.

В полосе предстоящего наступления войск 5-й армии особенно активно действовали сенненские партизаны под командованием В. В. Леонова, партизаны Полоцко-Лепельской зоны под руководством Героя Советского Союза В. Е. Лобанка и Борисово-Бегомльской зоны, руководимые Героем Советского Союза Р. Н. Мочульским.

В ночь перед общим наступлением русских на участке группы армий «Центр» в конце июня 1944 г. мощный отвлекающий налет на все важные дороги на несколько дней лишил немецкие войска всякого управления, писал в статье «Военное значение

[1] Первый массированный удар совершен с 3 по 15 августа, второй — с 19 по 25 октября 1943 г.

транспорта» бывший полковник гитлеровской армии Герман Теске. За одну ночь партизаны установили около 10,5 тыс. мин и зарядов, из которых удалось обнаружить и обезвредить только 3,5 тыс. Сообщение по многим шоссейным дорогам из-за налетов партизан могло осуществляться только днем и только в сопровождении вооруженного конвоя [2].

В ночь на 22 июня сотрудники редакции армейской газеты «Уничтожим врага!» во главе с полковником П. А. Молчановым не спали: дежурные принимали по радио сообщение Совинформбюро «Три года Отечественной войны Советского Союза». В нем подводились итоги войны, сообщались выводы, страна и Красная Армия мобилизовались на подвиги и разгром врага. А через три часа по дорогам к передовой уже мчались мотоциклы и машины, развозившие газеты с последним сообщением Совинформбюро.

В этот последний перед наступлением день во всех частях и подразделениях армии состоялись собрания и митинги. На них выступали старшие начальники и политработники, в том числе командарм, его заместители, члены Военного совета, начальник политотдела армии. А там, где боевая обстановка не позволяла проводить митинги, устраивались читки газет, проводились беседы. Так, замполит 850-го стрелкового полка майор А. П. Бачурин рано утром вместе с инструктором полка по комсомолу и корреспондентом газеты А. Д. Сысоевым направились в передовой батальон капитана Луева, находившийся на исходном положении и готовившийся к бою. Здесь, в непосредственной близости к противнику, провели беседы и читку газет. В этот же день в редакцию и Военный совет армии были направлены со всех частей письма, в которых воины клялись «уничтожить врага и освободить из фашистской неволи родную Белоруссию».

Утро 22 июня внешне ничем не отличалось от вчерашнего. Над позициями обеих сторон висела тишина, как будто бы все живое вымерло. Лишь кое-где из-за бруствера вражеских траншей на мгновение показывалась верхушка каски немецкого наблюдателя, и тут же на нее обращались десятки глаз с наших наблюдательных пунктов, но никто не стрелял.

Всю эту короткую ночь воины передовых батальонов готовили исходные позиции для атаки, полковые и дивизионные саперы под носом неприятеля делали проходы в минных и проволочных заграждениях, а там, где предстояло форсировать Суходровку, тащили и переправочные средства. Армейские саперы совместно с дивизионными предусмотрительно, на всякий случай, подтягивали детали мостов для танков и тяжелой артиллерии.

Все было искусно замаскировано. Группы воинов подразделений первого удара, которые с сигналом «вперед!» первыми подни-

[2] *Л. Н. Бычков.* Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968, стр. 358.

маются и первыми штурмуют участки позиций и огневые точки противника, отдыхали в траншеях невдалеке от врага под зоркой охраной наших наблюдателей и дежурного наряда переднего края.

Южнее Бураки притаился уже прославившийся при форсировании Суходровки батальон храброго капитана И. П. Луева. За батальоном наблюдал со своего НП на хуторе Бараново комдив 277-й генерал-майор С. Т. Гладышев. Левее располагался передовой батальон 371-й стрелковой дивизии генерал-майора В. Л. Алексеенко, нацеленный на захват одного из самых сильных опорных пунктов — Высочаны. Юго-восточнее Высочанского озера, по берегу Суходровки, в направлении Марьянова, Осетки, Вадвинки, окопались передовые батальоны 97-й и 159-й стрелковых дивизий. На правом фланге армии командир 63-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. М. Ласкин выдвинул два передовых батальона: один от 266-го стрелкового полка, южнее озера, у д. Косачи, поставив ему задачу перехватить важную рокаду — шоссе Витебск — Орша; другой — в направлении хутора Заворотье с целью захватить мост через Суходровку у Старобобылья.

Ровно в 16 часов 22 июня на всю глубину позиции врага обрушился ураганный шквал огня, взметая ввысь столбы земли и обломки огневых точек и блиндажей. Почти полчаса бушевали разрывы снарядов и авиабомб по ту сторону первой линии траншей армии. А в 16 часов 25 минут, после мощного залпа «катюш», двинулись наши передовые батальоны на вражескую оборонительную полосу.

Теперь все командиры — от командира полка до командующего армии — неотрывно смотрели со своих НП туда, где в пороховом дыму, следуя за огневым валом, наступала на позиции врага славная пехота передовых батальонов.

Наиболее успешно действовали батальон под командованием капитана И. П. Луева, слева от него батальон 371-й стрелковой дивизии и справа 11-я армейская рота. Они с ходу выбили гитлеровцев из первой и второй траншей и погнали их на юг — в болота торфоразработок. Еще левее передовые батальоны 97-й и 159-й стрелковых дивизий к этому времени ворвались в первую траншею противника и успешно теснили его ко второй. Значительно медленнее шло наступление на правом фланге 72-го стрелкового корпуса. Здесь батальон 226-го стрелкового полка 63-й стрелковой дивизии сумел ворваться только в первую траншею на развилке дорог, в километре южнее Косачей, но, встреченный сильным огнем, больше продвинуться не мог.

Генерал А. И. Казарцев, наблюдая со своего НП за успешным продвижением батальонов в южном направлении, решил воспользоваться их успехом и ввел здесь в бой первые эшелоны полков 277-й стрелковой дивизии и 291-й стрелковый полк 63-й стрелковой дивизии. Батальон этого полка совместно с батареей 954-го самоходно-артиллерийского полка внезапно ударили по правому флангу 529-го немецкого пехотного полка, в первой же атаке

выбили гитлеровцев из первой и второй траншей, прикрывавших Заворотье, а за ней и мост через Суходровку, и тут же, не давая им опомниться, стремительным броском захватили мост. Затем, надежно его прикрыв, стали наступать на Старобобылье.

Чтобы спасти переправу, командование 299-й пехотной дивизии гитлеровцев в 18 часов перебросило сюда из района Савченки находившийся в резерве батальон 528-го пехотного полка, но он, не достигнув Старобобылья, был остановлен организованным огнем пехоты передового батальона и поддерживающей его артиллерии 63-й стрелковой дивизии. Не менее успешно действовали и батальоны полков 277-й стрелковой дивизии. Они за два часа продвинулись на 2,5 км и завязали упорный бой за рощу в километре северо-западнее Семашкова и за Высочанский бор.

Увидев, что на этом направлении открылась возможность овладеть сильным опорным пунктом Высочаны с тыла, командир 72-го стрелкового корпуса генерал А. И. Казарцев переправил через Суходровку в район Бураки два танковых батальона 153-й танковой бригады во главе с командиром бригады полковником Я. А. Крутий.

Командир 65-го стрелкового корпуса генерал Г. Н. Перекрестов поступил так же, как генерал А. И. Казарцев: с овладением передовыми батальонами вторых траншей неприятеля он ввел в бой стрелковые батальоны полков первого эшелона 371-й и 97-й стрелковых дивизий.

Напуганное успешным продвижением наших частей, командование 299-й пехотной дивизии противника ошибочно приняло бои передовых батальонов за наступление основных сил и поэтому бросило против них большую часть своего резерва: батальон 528-го пехотного полка, строительный и запасный батальоны, танки и штурмовые орудия. Но было уже поздно, поскольку на южный берег Суходровки переправились вторые эшелоны наших стрелковых полков, противотанковая артиллерия, танки и самоходно-артиллерийские установки: в полосе 72-го стрелкового корпуса на участке 277-й стрелковой дивизии переправился 343-й тяжелый самоходно-артиллерийский полк под командованием подполковника С. А. Куликова; в полосе 65-го стрелкового корпуса — батальон 2-й гвардейской танковой бригады (командир бригады полковник Е. Е. Духовной), 395-й тяжелый под командованием полковника С. Г. Буряченко и 953-й легкий (командир майор П. Н. Ельников) самоходно-артиллерийские полки.

Сразу же разгорелись жаркие схватки, доходившие не раз до рукопашной... Гитлеровцы стойко удерживали позиции. Им почти полгода внушали, что если русские прорвут эту линию, то над Германией нависнет смертельная опасность.

Солнце уже опускалось к лесу, а бой не только не затихал, но разгорался все сильнее. Стрелковые полки 277-й стрелковой дивизии, возглавляемые храбрыми офицерами подполковником Д. К. Морозовым и подполковником А. П. Палаженко, вели на-

пряженный штыковой бой с 530-м пехотным полком и 97-м строительным батальоном противника. И в тот момент, когда накал боя достиг высшей точки, гитлеровцы бросили сюда 20 самолетов Ю-87. Самолеты начали ожесточенно бомбить боевые порядки наступавших частей 277-й стрелковой дивизии. Но воины этих полков не только не дрогнули, но продолжали атаковать вместе с танкистами 153-й танковой бригады и 343-го тяжелого самоходно-артиллерийского полка опорные пункты Загорно и Семашково.

За день боя передовые батальоны 5-й армии выполнили стоявшую задачу — захватили первую траншею, овладели второй, а в некоторых местах и третьей траншеей, продвинулись на 2—3 км. К исходу дня части правофланговой 63-й стрелковой дивизии генерала Н. М. Ласкина овладели населенным пунктом Шепечино и северной окраиной Старобобылья; полки 277-й стрелковой дивизии генерала С. Т. Гладышева освободили Семашково и высоту с отметкой 150,7; передовые батальоны 65-го стрелкового корпуса 371-й и 97-й стрелковых дивизий генерала В. Л. Алексеенко и полковника Ф. Ф. Шишова дрались на линии дер. Механики и рощи, что в 1,5 км южнее Высочан; на левом фланге армии 159-я стрелковая дивизия генерала Н. В. Калинина своими передовыми батальонами двух полков вела бои в лесисто-болотистой местности за третью траншею первой позиции 251-й пехотной дивизии.

С наступлением темноты наши передовые батальоны бой не прекратили. Почувствовав, что сопротивление противника ослабло, они еще энергичнее продолжали его теснить.

Командиры частей, соединений, командарм, их штабы, начальники родов войск и служб в эту ночь ни на одну минуту не сомкнули глаз. Столь успешное продвижение передовых батальонов, которое по сути дела переросло в наступление, требовало от командиров всех степеней внести коррективы в свои планы, вновь составить боевые таблицы, уточнить задачи и т. д. В эту же ночь надо было подтянуть как можно ближе всю артиллерию, подвезти к ней боеприпасы, перенацелить авиацию, построить переправы, да не одну, а шесть, причем такие, которые выдержали бы самые тяжелые САУ, танки и орудия большой мощности, проложить колонные пути, подтянуть к передовой врага главные силы ударной группировки войск армии.

Казалось, что невозможно все это сделать за короткую июньскую ночь. И все же все было сделано. К утренним дождливым сумеркам 23 июня за р. Суходровку были выведены пехота, танки и САУ первого эшелона ударной группировки и почти под носом гитлеровцев спрятаны на исходных позициях для атаки. Новые НП командиров, огневые позиции артиллерии и колонные пути были тщательно замаскированы и скрыты от наземного и воздушного наблюдения. С рассветом все замерло, как будто за Суходровкой ничего и не было, за исключением только все еще сражавшихся передовых батальонов.

НАСТУПЛЕНИЕ НАЧАЛОСЬ

Несмотря на ливень, разразившийся еще затемно, артиллерия вовремя начала наступление ураганным огнем орудий и РС. По продолжительности оно было разным: например, в полосе 277-й стрелковой дивизии был произведен короткий, но мощный огневой налет из орудий всех калибров, так как передовые части дивизии уже вели бой за вторую позицию неприятеля.

За десять минут до начала атаки пехоты и танков наша авиация, действуя на малых высотах, нанесла сильный бомбовый удар по огневым позициям артиллерии противника в районах Головатки, Гряды, Шнитки и по штабам 299-й пехотной дивизии и 6-го армейского корпуса.

В это знаменательное утро на громадном 600-километровом пространстве, от оз. Нещедра до Мозыря, советские войска начали историческую битву за освобождение Белоруссии.

Ровно в девять утра поднялись и ринулись в сражение и войска 5-й армии.

Сражение сразу же достигло наивысшего накала. Воины с большим воодушевлением штурмовали позиции неприятеля, который упорно сопротивлялся. Каждая траншея, каждый дзот и капонир брались нашими штурмующими группами в жаркой схватке. Гитлеровцы не выдерживали этих яростных схваток и отступали, но только до следующей траншеи, завала, речки или болота и там, прикрываясь ими, снова с той же силой стремились задержать наступавшие части армии.

Командирам частей и соединений надо было проявить большое искусство в осуществлении маневра на поле боя с тем, чтобы противник не успел создать организованное сопротивление на новых оборонительных рубежах. Командир 277-й стрелковой дивизии генерал С. Т. Гладышев выдвинул свой НП на уровень полка, наступавшего на главном направлении, в район Симашкова. Здесь он поставил задачу на наступление командирам 850-го и 854-го стрелковых полков подполковникам Д. К. Морозову и С. И. Марфенкову, 153-й танковой бригады — полковнику Я. А. Крутий, 343-го тяжелого самоходно-артиллерийского полка — подполковнику С. А. Куликову и другим командирам частей, обеспечивавших наступление стрелковых полков дивизии и танковой бригады.

На подходе к рокадному шоссе Витебск — Орша, на подступах к опорному пункту Осиновка — Барсуки заслоны врага оказали упорное сопротивление нашим передовым танковым десантам. Батальоны 854-го и 850-го стрелковых полков обошли эти заслоны и завязали бой с гарнизоном опорного пункта. В результате ожесточенного боя сопротивление врага в этом опорном пункте было сломлено, а рокадное шоссе Витебск — Орша перерезано нашими войсками. Теперь противник был лишен возможности использовать эту дорогу для маневра сил и средств на поле боя.

Развивая наступление, войска армии устремились к р. Лучесе. Первым вышел к большой излучине реки севернее Ковалей батальон капитана И. П. Луева. Но здесь противник, искусно используя высокий берег реки, сильным огнем прижал к земле батальон. Тогда капитан И. П. Луев быстро организовав разведку Лучесы, нашел брод южнее. Оставив у излучины в кустах для обозначения несколько отделений пехоты и пушек, которые вели интенсивный огонь, основные силы батальона стремительно переправились на западный берег, используя разведанный брод, и неожиданно нанесли удар на Ковали. Уничтожив здесь врага, батальон занял на западном берегу р. Лучесы плацдарм. Точно так же получилось и у Заречья, где передовой подвижный отряд 854-го стрелкового полка, неотступно преследуя отходящего противника, с ходу захватил построенный гитлеровцами мост, занял на западном берегу Лучесы населенный пунт Заречье, прикрыв переправу главных сил дивизии.

Быстрый маневр силами и средствами на поле боя обеспечивал успешное продвижение частей и соединений армии в глубине обороны противника. Вот один из примеров. На рубеже Гряда — Боборыки гитлеровцам удалось остановить продвижение 852-го стрелкового полка 277-й стрелковой дивизии. Генерал С. Т. Гладышев быстро сосредоточил в районе Юшково — Осиновка 153-ю танковую бригаду, 343-й тяжелый самоходно-артиллерийский полк, подтянул сюда артиллерию, ее огнем и бомбовым ударом вызванной авиации накрыл гитлеровские позиции на участке Ивчинки — Боборыки. Затем, посадив пехоту 852-го стрелкового полка на танки и самоходно-артиллерийские установки 153-й танковой бригады и 343-го тяжелого самоходно-артиллерийского полка, организовал этими силами атаку укрепленного пункта врага в дер. Лучковское.

Удар был настолько стремителен, что противник вынужден был в панике отступить. На его плечах наши танки ворвались в Лучковское, здесь они с ходу по уцелевшему мосту, уже подготовленному противником к взрыву, форсировали Лучесу и захватили на ее западном берегу плацдарм.

Противник попытался контратакой частей 14-й пехотной дивизии отбить Лучковское и оттеснить наши части с плацдарма, но тщетно — воины 277-й стрелковой дивизии, 153-й танковой бригады и 343-го тяжелого самоходно-артиллерийского полка ни на шаг не отступили и нанесли врагу большие потери.

Несколько иначе, чем было вначале задумано командиром 72-го стрелкового корпуса генералом А. И. Казарцевым, сложилось наступление 63-й стрелковой дивизии.

По плану операции командир этой дивизии генерал-майор Н. М. Ласкин сосредоточил основные силы на левом фланге — на направлении главного удара корпуса. Но в начале наступления, взаимодействуя с соседом справа, 17-й гвардейской стрелковой дивизией генерала А. П. Квашнина, 291-й стрелковый полк,

энергично поддержанный 368-м легким артполком, успешно прорвал позицию фузелярного батальона 299-й пехотной дивизии немцев, разгромил его, сбил его остатки с шоссе Витебск — Орша, а вслед за этим выбил и батальон 529-го пехотного полка из опорного пункта Шепечино и вышел к речке, что два километра западнее этого селения. Затем командир 291-го стрелкового полка, используя часть пехоты с полковыми самоходками и автомашинами, направил их на Савченки с целью форсировать там Лучесу. Но этих сил для форсирования оказалось недостаточно.

Использовать здесь 277-й стрелковый полк в данный момент не представлялось возможным, так как последний втянулся в бой за отсеченную позицию 529-го пехотного полка и опорный пункт противника в Жуковщине-1.

Генерал Н. М. Ласкин (он следовал за этим полком) взял из своего резерва стрелковую роту 3-го батальона 291-го стрелкового полка, посадил ее на самоходки 954-го легкого самоходно-артиллерийского полка и направил их с бойцом, знающим эти леса, в обход Жуковщины-1 на Савченки.

Танковый десант скрытно лесами вышел к дер. Савченки, внезапной и смелой атакой ворвался в нее по мосту через р. Лучесу, который растерявшиеся гитлеровцы не успели взорвать, разгромил противостоявшего противника. Вслед за этим десантом двинулись 291-й и 226-й стрелковые полки. Используя его успех, они к исходу дня вышли на фронт Савченки — Бодяги, здесь с ходу форсировали Лучесу и захватили большой участок железной дороги Богушевск — Витебск.

346-й стрелковый полк, наступая на левом фланге дивизии в направлении Алеськова, завязал жаркий бой, длившийся дотемна, за узел дорог, в 2 км юго-западнее Гороватки.

Не менее напряженные бои проходили и в полосе наступления 65-го стрелкового корпуса. Здесь упорно оборонялись против наших войск 530-й пехотный полк, специальные части 299-й пехотной дивизии, 550-й штрафной батальон противника, некоторые солдаты которого даже были прикованы к пулеметам.

Наше артиллерийское и авиационное наступление, длившееся здесь более продолжительное время, чем в полосе 72-го стрелкового корпуса, подавило сопротивление неприятеля, и войска корпуса сильными ударами танков, пехоты и самоходок 371-й стрелковой дивизии генерал-майора В. Л. Алексеенко и 2-й гвардейской танковой бригады полковника Е. Е. Духовного прорвали фронт в направлении на Понизовье и Рудаки, а 97-я стрелковая дивизия под командованием полковника Ф. Ф. Шишова, усиленная тяжелым танко-самоходным полком,— на Калиновичи.

Преодолевая труднопроходимую местность, в особенности в полосе 97-й стрелковой дивизии, войска 65-го стрелкового корпуса громили врага, обходя его очаги сопротивления. Во второй половине дня они вышли к Лучесе в районах Рудаков и Калиновичей и там на ее западном берегу захватили плацдармы.

Левофланговый 45-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора С. Ф. Горохова, действуя только одной 159-й стрелковой дивизией, прорвал фронт на участке Осетки — Видвинка и успешно наступал по болотистой местности на Кимбари, сматывая оборону 256-й пехотной дивизии в южном направлении. Навстречу полкам 159-й стрелковой дивизии из района южнее Бабиновичей в такой же лесистой и заболоченной местности наступали на Украицо батальоны 152-го укрепленного района, которые также действовали против обороняющегося противника, но уже в северном направлении.

К исходу дня войска 45-го стрелкового корпуса, громя фланговые части гитлеровцев, вышли на линию южнее Макеево, в междуречье Лучесы и Черницы, а батальоны 152-го укрепленного района — на линию Бабиновичи — Лапицкие хутора. Расстояние между их передовыми группами с каждым часом сокращалось, и к вечеру оно составляло 9—10 км. Это, видимо, напугало командира 256-й пехотной дивизии противника, и он поспешно стал отводить свои полки за р. Лучесу.

Командующий 5-й армией, руководя сражением непосредственно со своего передового НП, каждую минуту был в курсе боевых событий. Темп наступления явно был не тот, какой намечался по плану. Но, видя, с какой отвагой и боевым напором батальоны и полки овладевали позициями противника, у нас создавалась полная уверенность, что они задачу дня выполнят. Там, где приходилось трудно, командарм помогал артиллерией, авиацией и инженерными средствами.

Теперь, когда вся группировка противника была вскрыта и шел к завершению прорыв его главной полосы обороны, когда передовые части дивизий первого эшелона армии подходили к Лучесе, командование армии двинуло к реке все инженерные части, переправочные средства и большую часть артиллерии. Наряду с этим оно предложило командирам стрелковых корпусов генералам А. И. Казарцеву и Г. Н. Перекрестову выдвинуть к Лучесе дивизии вторых эшелонов корпусов, чтобы их свежими силами форсировать реку и еще до подхода немецких оперативных резервов обрушиться на вторую полосу обороны врага, так как с утра 24 июня командующий фронтом наметил ввод в прорыв конно-механизированной группы.

Так и было сделано. К Лучесе в направлении Богушевска подтянулись 215-я и 144-я стрелковые дивизии: первая — к переправам Ковали и Осипово, вторая — к Рудаки и Калиновичи. И там, усиленные танками, самоходно-артиллерийскими установками и артиллерией, они, когда стемнело, вышли к Лучесе.

Трудно было с переправами в полосе 65-го стрелкового корпуса. Здесь они возводились под сильным минометно-артиллерийским огнем и воздействием авиации неприятеля. И когда передовые батальоны 785-го и 449-го стрелковых полков 144-й стрелковой дивизии (командир дивизии полковник А. А. Донец) подошли к

Лучесе, переправы еще не были готовы. Все кругом горело. А на реке и над рекой и вокруг стоял сплошной грохот и гул от разрывов снарядов, мин и авиабомб. И в этом адском грохоте саперы, пехотинцы и даже бойцы специальных подразделений строили мосты, столь необходимые для танков и самоходок.

В дело включились и бойцы 785-го и 449-го стрелковых полков. Их командиры подполковники И. В. Куркин и И. П. Ситко, да и не только они, но и командир дивизии, находились здесь же на реке, руководили работами и в то же время подтягивали к переправе батальоны, танки, самоходки и артиллерию с таким расчетом, чтобы еще затемно переправиться через Лучесу и с рассветом ударить по врагу.

В этот ответственный момент все политработники находились на реке и своим бесстрашным поведением и непосредственным участием в работе воодушевляли воинов на героический труд. Майор А. П. Бачурин из политотдела дивизии, находясь в 449-м стрелковом полку, в районе Осипова, на самом трудном участке постройки моста, подавал личный пример мужества и самоотверженности: он вместе с группой бойцов коммуниста лейтенанта А. А. Соколова, стоя по грудь в кипящей от разрывов воде, забивал сваи. К полуночи мост был готов.

А там, по ту сторону Лучесы, всю ночь шел бой: противник силами резерва 256-й пехотной дивизии ожесточенно контратаковал батальоны, удерживавшие небольшие плацдармы в районах Осипова и Калиновичей. Командир 785-го стрелкового полка подполковник И. В. Куркин, воспользовавшись грохотом артиллерийской дуэли, переправил на ту сторону батальон с целью захватить мосты на шоссе, а также через Лучесу и у оз. Стрешно. Батальон подошел к этим мостам настолько тихо, что даже не всполошил их охраны. По шоссе, ничего не подозревая, неслась к Лучесе легковая машина. И как только она въехала на мост, сержант А. Потанин, лежавший со своим отделением в засаде, бросил в нее гранату, а затем пулеметная очередь скосила выскочивших из машины шофера и немецкого штабного офицера, который вез командирам 456-го и 481-го пехотных полков важный приказ командира 256-й пехотной дивизии. Ночной бой все более разгорался. Командование 6-го армейского корпуса противника ввело в действие последний ближайший резерв пехоты, танков, артиллерии, сюда же был направлен полк 14-й пехотной дивизии.

Вот с этими-то частями противника и завязался бой дивизий полковника А. А. Донца и генерала В. Л. Алексеенко. Теперь гитлеровцы с еще большей силой отстаивали плацдармы, намереваясь сбросить наших воинов в реку, но они выдержали и этот натиск.

☆

За семь ночных часов вся артиллерия 5-й армии сменила огневые позиции и подтянулась ближе к Лучесе, а стрелковые ди-

визии и их танковое и артиллерийское усиление заняли исходное положение для форсирования.

С началом наступления белорусские партизаны в полосе армии еще сильнее развернули боевые действия. Партизанский отряд имени Героя Советского Союза К. С. Заслонова, действовавший в Витебской области, ночью совершил налет на немецкий гарнизон, в рукопашной схватке истребил два взвода гитлеровцев и, захватив большие трофеи, отошел в лес, где перекрыл им пути отхода.

24 июня, с рассветом, на позиции врага обрушился огонь всей артиллерии дивизий, корпусов и армии, а в конце огневого налета бомбардировщики и штурмовики 1-й воздушной армии нанесли удар с воздуха.

Противник был потрясен этой мощью огня, но тем не менее сопротивлялся ожесточенно. В бой была, помимо 14-й дивизии, введена свежая 95-я пехотная дивизия. И все же гитлеровцы не смогли устоять против могучего натиска советских войск. К 13 часам сопротивление врага было сломлено и его части отброшены от р. Лучесы на 5—8 км.

К этому времени стрелковые дивизии 5-й армии вышли на фронт: 63-я — Чадня — Белыки; 227-я — Александрово — железная дорога, один километр западнее Кавязки; 215-я — Кедино — Боровые; 2-я гвардейская танковая бригада и передовые батальоны 144-й стрелковой дивизии — Ског — Аверьково: 371-я — Пастушки — Погребенка. 97-я стрелковая дивизия теснила противника на юг лесами урочища Рудницкого. 159-я стрелковая завершала окружение гарнизонов 256-й пехотной дивизии в лесу западнее Бабиновичей.

В 11 часов 24 июня по приказу генерала И. Д. Черняховского начала выдвижение в прорыв по четырем маршрутам конно-механизированная группа под командованием генерал-лейтенанта Н. С. Осликовского.

3-й гвардейский механизированный корпус, которым командовал генерал-лейтенант танковых войск В. Т. Обухов, двигался двумя маршрутами: 9-я и 7-я гвардейские механизированные бригады быстро продвигались по первому маршруту в полосе 63-й стрелковой дивизии на Лучковское; 8-я гвардейская механизированная и 35-я гвардейская танковая бригады — вторым маршрутом на поселок Лучесы, но вскоре выяснилось, что переправа у этого поселка еще не готова, поэтому бригады были направлены на переправу у Осипова, предназначенную для 3-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Здесь у Осипова колонна переправлялась более двух часов, чем поставила в тяжелое положение правую колонну 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, следовавшую этим маршрутом. Когда 6-я гвардейская кавалерийская дивизия под командованием генерал-майора П. П. Брикеля подошла к основной переправе, то переправа сплошь была забита переправлявшейся 35-й гвардей-

ской танковой бригадой, машинами и обозами тылов частей 5-й армии. Такое большое скопление танков, автомашин и обоза на переправе, конечно, было замечено противником, и он открыл по ней артиллерийский огонь. Генералу Н. С. Осликовскому ничего не оставалось делать, как отдать приказ командиру 6-й гвардейской кавалерийской дивизии переправиться через р. Лучесу в брод юго-восточнее Осипова.

Но противник и здесь обнаружил переправу конницы и открыл по ней огонь. Командир 261-го пушечного артиллерийского полка полковник К. С. Кривошапов, прикрывавший осиповские переправы, повернул на это направление батарею, которой командовал уже не раз отличившийся в боях лейтенант В. С. Алхимов. Искусный артиллерист вскоре обнаружил стрелявшую по броду неприятельскую батарею и открыл по ней огонь, но подавить ее не смог. Тогда он попытался вызвать по ней огонь артиллерийского полка, в это время осколками снаряда был ранен радист младший сержант Ф. А. Комаров в голову и руку. Несмотря на тяжелое ранение, этот сильный духом воин все же нашел в себе силы для того, чтобы подняться и вызвать НП полка. По его вызову и корректировочным данным, которые он сообщил в полк, огонь вражеской батареи и минометов вскоре был подавлен. Благодаря этому мужественному поступку Ф. А. Комарова 6-я гвардейская кавалерийская дивизия еще засветло переправилась и начала продвигаться в направлении речки, чтобы в этом районе форсировать р. Сырокоротинку и развивать наступление на Богушевск. Вскоре ее передовой отряд — 28-й кавалерийский полк обогнал пехоту 215-й стрелковой дивизии, вырвался вперед, перерезал железную дорогу Витебск — Орша и к 20 часам вышел к оз. Кичино, но здесь был остановлен сильным огнем противника.

32-я кавалерийская дивизия под командованием генерал-майора И. П. Калюжного, двигавшаяся южнее, подойдя к переправам у Калиновичей, также попала под сильный минометный и артиллерийский огонь противника. И генерал Н. С. Осликовский был вынужден перевести эту дивизию тоже в район Осипова и переправить ее сразу же за 6-й гвардейской кавалерийской дивизией.

К полудню второго дня наступления на фронте 5-й армии создалось несколько необычное начертание фронта. Правофланговая 63-я стрелковая дивизия, взаимодействуя с соседом справа — с 17-й гвардейской стрелковой дивизией 39-й армии, далеко продвинулась вперед и, наступая севернее р. Оболянки, вела бой на подступах к крупному населенному пункту Мокшаны. Ее сосед слева — 277-я стрелковая дивизия, наступавшая южнее Оболянки, прорвавшись правофланговым полком, зашла далеко на запад за железную дорогу Витебск — Богушевск, левофланговым полком «зацепилась» у Навязки и вынуждена была развернуться фронтом на юго-запад перед отсечной позицией неприятеля по оз. Кичино.

315-я и 144-я стрелковые дивизии, преодолевая упорное сопротивление противника, вплотную подошли к Богушевску, который гитлеровцами был превращен в мощный узел обороны, прикрытый тремя линиями траншей, проволочными и минными заграждениями. Кроме того, на дорогах, проходивших в болотных дефиле, через каждые 100—150 м стояли дерево-земляные брустверы или бункеры, прикрывавшие штурмовые орудия. В самом городе почти в каждом доме и даже в развалинах были оборудованы огневые точки.

Гитлеровцы сильно укрепили населенные пункты, входившие в эту полосу обороны, и упорно дрались за них. Так было на последней позиции Александровка — Заозерное, на которую наступал 850-й стрелковый полк. Здесь противник во второй половине дня три раза контратаковал батальоном пехоты и 12—15 танками, но полк отбил все контратаки, а 3-й батальон под командованием майора Матвеева на плечах врага ворвался в Заозерное, правда, ночью батальон был выбит противником из этого пункта. Командир полка подполковник Д. К. Морозов на этот раз не повел ночью наступление, дал бойцам часок-другой отдохнуть, а сам за это короткое время вместе со штабом подготовил наступление. Подтянув артиллерию, полк рано утром возобновил атаку. Гитлеровцы не выдержали удара наших войск и стали отступать, поджигая дома. Первым в Заозерное снова ворвался третий батальон майора Матвеева.

В этих боях героически сражались командиры батальонов И. П. Луев и В. Г. Матвеев, командиры рот А. Н. Старостенко, А. В. Юрченко, А. А. Дементьев, Н. П. Петров и все их командиры взводов. Смертью храбрых в этом сражении погиб командир взвода шестой роты младший лейтенант Г. Р. Галиакметов. В критический момент, когда гитлеровцы стремились контратакой выбить батальон майора В. Г. Матвеева из Заозерного, солдат И. В. Михайлов, пулеметчик С. Абдурахманов и наводчик 45-мм пушки А. П. Иванов, будучи ранеными, не покинули поле боя, а сражались, пока не отбили последнюю контратаку. За это они были награждены орденами Красной Звезды.

Но как ни сильно был укреплен Богушевск, все же его надо было освобождать и освобождать незамедлительно. Он являлся ключевым опорным пунктом в обороне врага на направлении главного удара армии и 3-го гвардейского кавалерийского корпуса. Своим выгодным расположением он прочно прикрывал межозерье Кичино — Серокоротня, направление на Сенно.

Я приказал мощным артиллерийским огнем и ударами авиации, а затем силами двух стрелковых дивизий, усиленных танками, атаковать этот опорный пункт врага — Богушевск.

За это короткое время генерал А. И. Казарцев передвинул с правого фланга 153-ю танковую бригаду и передал ее на усиление 215-й стрелковой дивизии, сюда же подтянул корпусную артиллерийскую группу.

То же самое сделал и генерал Г. Н. Перекрестов: он тоже подтянул артиллерию в леса восточнее Серокоротня, а 144-ю стрелковую дивизию усилил 2-й гвардейской танковой бригадой. На это направление подтянул часть армейской артиллерии и командующий артиллерией армии генерал Ю. М. Федеров.

И вот, когда вечернее солнце уже спускалось к лесу и огонь противника стал ослабевать, вся артиллерия обрушила свой огонь на узел сопротивления врага — Богушевск. Артиллерийский огонь был настолько губительным, что из-за беспрерывных разрывов и дыма не было видно не только Богушевска, но и вечернего солнца.

В заключение артиллерийского налета авиация 1-го гвардейского бомбардировочного корпуса и 3-й гвардейской бомбардировочной дивизии нанесла сильные бомбовые удары по богушевскому узлу обороны противника.

Затем при поддержке артиллерии и авиации 3-го штурмового авиакорпуса войска армии двинулись на штурм Богушевска: 215-я стрелковая дивизия совместно со 153-й танковой бригадой двумя полками наносила удар из района Бугая на северную окраину Богушевска; 144-я стрелковая дивизия и 2-я гвардейская танковая бригада выдвинулись из района Скога, наступая на Богушевск с востока и юго-востока.

В сражении за Богушевск воины этих частей и соединений проявили исключительную смелость и отвагу. И там, где противник оказывал сопротивление, отважная пехота, ворвавшись в расположение врага, уничтожала его огнем и гранатой в рукопашной схватке. От пехотинцев не отставали и сопровождавшие их расчеты противотанковых пушек.

Бой в Богушевске длился почти всю ночь, лишь к трем часам утра город был полностью очищен от неприятеля. Было захвачено много пленных и трофеев, в том числе два эшелона продовольствия, направляемых в Германию.

Дивизии правого фланга армии (63-я и 277-я), действуя в этот день совместно с бригадами 3-го гвардейского механизированного корпуса, успешно гнали противника на запад. За день они продвинулись на 15—20 км и к исходу дня вышли на р. Оболянку на участке Мокшаны — Кадуково. Таким образом, над богушевской группировкой немцев нависла опасность с севера.

Командование 6-го армейского корпуса противника, напуганное создавшейся обстановкой, стало поспешно отводить из-под Богушевска войска за р. Оболянку, сжигая на своем пути деревни и села.

Воспользовавшись отходом врага, 32-я и 6-я гвардейская кавалерийские дивизии на рассвете 25 июня прорвали фронт остатков 95-й и 299-й пехотных дивизий врага и, преследуя врага в конном строю, начали продвигаться вместе с остальными войсками 3-го гвардейского кавалерийского корпуса на Алексеничи и Вейно.

Одновременно с этим начали быстро передвигаться и бригады 3-го гвардейского механизированного корпуса в направлении на Сенно.

Сосед справа — 39-я армия успешно прорвала фронт южнее Витебска, ее левофланговые дивизии с юга обошли Витебск и к исходу 24 июня завязали бои западнее города — за Островно и Гнездиловичи, отрезав пути отхода витебской группировки противника на Лепель и Сенно.

В это же время на левом крыле 3-го Белорусского фронта — на оршанском направлении дело обстояло не так успешно, как на богушевском. В дефиле между Осинторфскими болотами и Днепром противник создал весьма сильные укрепления, выдвинул сюда большое количество противотанковой артиллерии и решил даже использовать для борьбы с танками 25-ю зенитно-артиллерийскую дивизию РГК. Вследствие этого продвижение войск 11-й гвардейской армии генерал-лейтенанта К. Н. Галицкого было незначительным, в особенности вдоль автомагистрали Москва — Минск.

Командующему фронтом генералу И. Д. Черняховскому на второй день наступления стало ясно, что 5-ю гвардейскую танковую армию, которая уже начала выдвижение вдоль автострады, вводить в прорыв в полосе 11-й гвардейской армии нельзя. По указанию представителя Ставки Верховного Главнокомандования Маршала Советского Союза А. М. Василевского выдвижение 5-й гвардейской танковой армии было приостановлено, и ее танковые корпуса в ночь на 25 июня были направлены в полосу 5-й армии, которая имела наибольший успех во фронтовой операции.

Утром 26 июня, когда войска 5-й армии вели успешные бои на рубеже оз. Березовское, леса западнее Янова, механизированные бригады 3-го гвардейского механизированного корпуса двинулись на штурм Сенно, кавалерия 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, прорвав фронт в районе Узречья — Янова, устремилась на Рясно и Обольцы, танковые корпуса 5-й гвардейской танковой армии двинулись в прорыв: 29-й танковый корпус под командованием генерала Е. И. Фоминых — на р. Бобр — на Обчугу, а 3-й гвардейский танковый корпус, которым командовал генерал И. А. Вовченко,— на автомагистраль Москва — Минск. Во второй половине дня передовые части последнего овладели там г. Толочин.

Наступление войск этой армии с воздуха поддерживали четыре авиационных корпуса и две авиационные дивизии 1-й воздушной армии, которыми руководил генерал-лейтенант авиации В. А. Ушаков.

26 июня с вводом в полосе 5-й армии войск 5-й гвардейской танковой армии сравнительно на узком участке фронта (около 20 км) действовало 1117 танков и самоходно-артиллерийских установок. Такого количества боевых машин на относительно узком фронте ни на Западном, ни на 3-м Белорусском фронтах еще не было.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ВРАГА

С выходом войск армии за линию железнодорожной дороги Витебск — Богушевск в деревни стали приходить советские люди, изгнанные гитлеровцами из фронтовой полосы. Несмотря на грохот и огонь боя, они выходили из ям и погребов, со слезами радости бежали навстречу нашим воинам, обнимали и целовали их. Не менее радостно встречали нас на лесных дорогах партизаны, которых в здешних местах было много.

В полосе наступления войск 5-й армии (от прифронтовых лесов и до Нарочи) активно действовали народные мстители, нередко являясь хозяевами положения на громадном пространстве.

В полосе Сенно — Богушевск, в Сеннинском и Оршанском районах и дальше до самой Березины наводили страх на гитлеровцев партизаны Полоцко-Лепельской зоны [3]; за Березиной была создана Борисово-Бегомльская зона; западнее действовали партизаны Ивенец-Налибокской зоны.

Какие только меры ни принимало гитлеровское командование, включая прочесывание лесов и населенных пунктов сильными карательными экспедициями зимой и весной 1944 г. и перед самым наступлением Красной Армии, но так и не смогло оно уничтожить партизанские силы, подавить в народе дух беспощадной борьбы за вызволение родной Белоруссии из немецко-фашистской неволи.

Апрельско-майская карательная операция гитлеровцев нанесла большой урон партизанским бригадам этих зон.

В Полоцко-Лепельской зоне против 17 тыс. партизан действовало 60 тыс. гитлеровских войск [4].

В конце мая и начале июня 1944 г. немецко-фашистское командование снова предприняло силами 14-й и 95-й пехотных дивизий ряд карательных операций. Вновь запылали пламенем целые селения и хутора. Неделями висели на столбах, вековых березах и специально устроенных виселицах трупы замученных партизан. Посреди деревень и сел под охраной предателей валялись тела расстрелянных людей, среди которых немало было женщин, стариков и детей.

И в этом злодействе повинны не только эсэсовцы и ярые фашисты, но и войсковые командиры, в том числе и генерал Михаэлис — командир 95-й пехотной дивизии, заставлявший своих солдат чинить эти ужасные зверства.

Силы, конечно, были далеко не равные, и партизаны, понеся большие потери, вынуждены были оставить свои зоны и уйти в глушь белорусских лесов и болот. Некоторые из партизанских

[3] Зоной называлась территория, освобожденная партизанами от немецко-фашистских захватчиков и управляемая советскими органами, партийными организациями или партизанским руководством.

[4] «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 4. М., 1962, стр. 154.

отрядов, например имени Ворошилова, имени Суворова, имени Котовского, Богушевской партизанской бригады (командир бригады секретарь подпольного РК КПБ Прохоренко, комиссар Шарипо), пробились отдельными группами в глубокие лесисто-болотистые места Клюковских и соседних с ними лесов и там готовились к совместным действиям с Красной Армией.

Некоторые отряды и соединения партизан отошли западнее, например партизанская бригада имени Заслонова (командир Б. Иванов) отошла за Лукомль, в Столбецкий лес, и оттуда ее отряды наносили удары по отходящему противнику. А один из ее отрядов, имени Александра Невского, остался в прежнем районе. Прорвавшись глухоманью в урочище Чистик, он углубился там в топкие болота [5]. Когда подошли наши части, этот отряд помогал пехоте полковника А. А. Донца и генерала В. Л. Алексеенко, танкистам полковника Е. Е. Духовного и конникам генерала Н. С. Осликовского, выделяя для них проводников, а также участвовал в разгроме окруженной группировки в районе Узречье — Алексеничи. А схватки с врагом здесь развернулись жестокие. Озера, леса и болота были последней надеждой противника задержать в этом районе наше наступление. Обе стороны несли потери. В бою за Алексеничи погиб заместитель командира 2-й гвардейской танковой бригады подполковник Александр Данилович Черняховский — брат командующего фронтом И. Д. Черняховского.

Сеннинская партизанская бригада (командир Леонов, комиссар секретарь подпольного РК КПБ Любимцев), понесшая большие потери в боях в своем районе и преследуемая карателями, вынуждена была отойти еще дальше — к болотам восточнее оз. Палик [6].

Чем дальше продвигались по Белоруссии войска 5-й армии, тем все сильнее чувствовалась боевая помощь партизан, сражавшихся по ту сторону фронта. Встретившись с передовыми частями, они вместе с нами били врага, а затем большая часть партизан пополнила армию.

Партизанские отряды, оставшиеся в лесах фронтовой полосы, в первые же дни наступления наших войск связались с прорвавшимися частями, послали к ним опытных проводников, которые выводили передовые подразделения пехоты и танков по партизанским тропам и путям в тыл неприятеля, а затем вместе с ними громили ненавистного врага.

Так поступило командование партизанского отряда имени Ворошилова (командир В. Т. Рыжиков, комиссар Л. И. Колтунов), находившееся к моменту наступления в непроходимых болотах приречья Ордышовки [7]: они направили навстречу наступавшим полкам 159-й стрелковой дивизии смелых и опытных партизан.

[5] Партархив при Институте истории партии ЦК КП Белоруссии, ф. 3500, оп. 4, д. 36, л. 325.
[6] Там же, л. 257.
[7] Там же, д. 35, л. 173.

И эти отважные следопыты вывели передовые отряды дивизии на Бабиновичи, в тыл 256-й немецкой дивизии, где партизанский отряд В. Т. Рыжикова присоединился к полкам дивизии и вместе с ними участвовал в окружении и уничтожении немецких частей, державших оборону в лесах вдоль р. Черницы. Затем партизаны этого отряда провели полки 159-й стрелковой дивизии через леса, болота и дефиле между озерами Дивенское и Орехи и 26 июня вывели их без потерь к Богушевску.

Город лежал в руинах, видны были следы только что закончившегося сражения. На месте бывшего городского парка культуры и отдыха еще стояла виселица, та самая, на которой фашисты повесили стойкого сына Коммунистической партии — подполковника Воронова, прокурора Богушевска.

Измученные фашистской тиранией люди, затаив дыхание, со слезами на глазах, слушали глубоко волнующие выступления на митинге командиров дивизии и ее воинов. Здесь же на митинге генерал Н. В. Калинин вручил правительственные награды отличившимся в боях, среди которых были капитаны Зиновьев и Белов, награжденные орденом Отечественной войны II степени, старшина Третьяков, сержант Утан и красноармеец Гладышев — орденом Славы III степени.

От имени награжденных выступил сержант Машков. Он в заключение сказал: «В боях с немцами мы оправдаем эти награды, отдадим все силы, а если потребуется и жизнь во имя победы!»

☆

Выйдя на оперативный простор, дивизии свернулись в походные колонны, а вперед выслали сильные подвижные передовые отряды. Эти отряды, сопровождаемые партизанами-проводниками, шли быстро, не отставая от передовых отрядов конно-механизированной группы. К 26 июня войска армии продвинулись вперед на 110—115 км и вышли к рекам Улла и Усвейка.

В это время наш правый сосед — 39-я армия совместно с 43-й армией 1-го Прибалтийского фронта вела бой в районе Островко, Гнездиловичи с прорвавшейся из Витебска группировкой 53-го армейского корпуса противника, которая стремилась пробиться из Бешенковичи и Чашники. Но получив здесь отпор стойко сражавшихся соединений 5-го гвардейского стрелкового корпуса генерала И. С. Безуглова, гитлеровцы начали пробиваться в юго-западном направлении, чем создали для далеко ушедших вперед войск 5-й армии опасное положение. То, чего опасались, свершилось: 26 июня утром группа до 5 тыс. гитлеровцев во главе с генералом Хиттером — командиром 206-й пехотной дивизии — прорвалась на Замошенье, в 20 км юго-западнее Витебска, а другая не менее сильная группа из остатков 4-й авиаполевой, 197-й и 246-й пехотных дивизий ударила в направлении узкого про-

межутка между озерами Сарро и Боровно, намереваясь здесь прорваться на Лепель.

«В 10.50 26 июня,— вспоминает генерал А. И. Казарцев, который в это время находился на своем НП в г. Чашники,— получил по радио следующий приказ командарма-5:

«63-ю стрелковую дивизию с 153-й танковой бригадой и полком самоходно-артиллерийских установок-152 немедленно направить по маршруту Мелешки, совхоз Ходцы и занять полосу обороны на фронте Задорожье, Быково с задачей не подпускать прорвавшуюся группу противника с направления Витебск и контратаками уничтожить ее. Остальные дивизии двигать по ранее заданному маршруту к Березине. Руководство операцией 63-й стрелковой дивизией возлагаю на вас».

Генерал Казарцев повернул полк второго эшелона 63-й стрелковой дивизии, образно выражаясь, по команде «кругом!», часть его посадил на автомашины и перекатами направил к совхозу Ходцы (29 км юго-западнее Витебска), где надежно перекрыл трехкилометровый промежуток между озерами Сарро и Боровко.

В это время основные силы 63-й стрелковой дивизии, передав свою полосу 277-й стрелковой дивизии, совершили 80-километровый марш и к исходу 26 июня вышли к частям их усиления в район Замошенья (19 км юго-западнее Витебска). Здесь они вступили в жестокий бой с рвавшимися на юг группами противника.

Правее на рубеже Ляпино — Песочна уже вела ожесточенные схватки ранее выдвинутая по тревоге командармом-5 184-я стрелковая дивизия под командованием славного сына Калмыкии, в прошлом отличного кавалериста генерал-майора Б. Б. Городовикова.

Слева севернее 63-й стрелковой дивизии, удерживая Жарки и Плиссы, теснила противника к оз. Мошно 251-я стрелковая дивизия 39-й армии.

Сражение с каждым часом становилось ожесточеннее. Гитлеровцы, стремясь любой ценой вырваться из окружения, дрались с исключительным ожесточением. Но они не могли преодолеть созданные нами заслоны.

Войска 39-й и 43-й армий в этот день освободили Витебск и продолжали сужать фронт окружения вокруг группировки противника западнее и юго-западнее города. Весть об освобождении Витебска еще больше воодушевила воинов.

В девять часов утра 27 июня раздался залп «катюш» и всей артиллерии, а затем после короткого, но сильного артиллерийского налета, закончившегося снова залпом «катюш», пехота и танки перешли в атаку.

В 11 часов 45 минут 27 июня врагу был предъявлен ультиматум, через 15 минут гитлеровцы подняли белый флаг, прекратили сопротивление и капитулировали.

В районе оз. Мошно только 184-й и 63-й стрелковыми дивизиями было взято около 3 тыс. пленных.

В этот день передовые части 3-го гвардейского механизированного корпуса на пути к Лепелю овладели большим опорным пунктом Дворец. 277-я и 215-я стрелковые дивизии форсировали р. Усвейку и, преследуя гитлеровцев, заняли районные центры Ляховичи и Лукомль. 144-я и 371-я стрелковые дивизии овладели крупными населенными пунктами Черея и Лисицыно. Передовые отряды 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, преследовавшие противника на левом фланге 5-й армии, вышли юго-западнее оз. Селява.

Противник на всем фронте армии поспешно отступал, стремясь как можно скорее выйти за Березину, оставлял на реках и в дефиле между болотами небольшие отряды прикрытия. И не раз было так, что параллельно движению наших войск двигались на запад колонны немецких частей. Так было в полосе 144-й стрелковой дивизии.

☆

Радости воинов армии не было конца, когда они услышали по радио или прочитали в газетах сообщение от 27 июня:

«Юго-западнее Витебска наши войска завершили ликвидацию окруженной группировки противника в составе 4, 197, 206, 246-й пехотных и 6-й авиаполевой дивизий. Ввиду отчаянного сопротивления большая часть окруженных немецких войск была перебита нашими войсками; при этом противник оставил на поле боя более 20 000 трупов. Остатки этих дивизий приняли ультиматум советского командования о капитуляции, прекратили сопротивление и сложили оружие. По предварительным данным, сдалось в плен свыше 10 000 немецких солдат и офицеров.

Войска 3-го Белорусского фронта, развивая наступление, 27 июня овладели городом и оперативно важным железнодорожным узлом Орша.

На лепельском направлении наши войска с боями продвигались вперед и овладели районным центром Чашники, а также заняли более 200 других населенных пунктов, среди которых крупные населенные пункты Усвея, Усая, Хотино, Батуколово, Камень, Медвецк, Козановка, Лукомль, Лисицыно и железнодорожные станции Вятны, Чашники» [8].

Дальше сообщались не менее радующие успехи других фронтов, действовавших в Белорусской операции: на минском направлении взяты Обчуга и Бобр; на могилевском войска генерала армии Г. Ф. Захарова вышли на восточный берег Днепра от Орши до Могилева; на бобруйском войска генерала армии К. К. Рокоссовского окружили в районе Бобруйска пять пехотных диви-

[8] «Сообщения Советского информбюро», кн. V, стр. 343.

зпй и завязали боп па окраинах города; в Полесье частп армип генерала П. И. Батова взяли Глуск и Карпиловку.

28 июня передовые части 5-й армии близко подошли к Березине. Правофланговая 7-я гвардейская механизированная бригада 3-го гвардейского механизированного корпуса, преследуя части 201-й немецкой охранной дивизии, гнала их в болота оз. Плавно, где с севера со стороны Медведовки и Затиклятья им наносили чувствительные удары отряды — 1-й Смоленской партизанской бригады под командованием командира В. И. Целищевского и комиссара И. Х. Войзудина [9].

Добивать остатки частей витебской группировки, окруженных в лесах между Чашниками и оз. Лукомль, командующий 5-й армии поручил 159-й и 215-й стрелковым дивизиям, которым активно помогали партизаны бригады имени Заслонова.

Теперь предстояла необычайно трудная задача — форсировать р. Березину, широко прикрытую по всей полосе армии непроходимыми лесами, топкими болотами. Топкими были и берега ее притоков.

Учитывая, что войска армии крайне устали, я разрешил соединениям перед форсированием немного отдохнуть, а сам с членом Военного совета генерал-майором И. М. Пономаревым и начальником инженерных войск полковником Я. Я. Лейманом отправился в дивизии, действовавшие на главном направлении, чтобы там на месте еще раз проверить их боеспособность, вместе с командованием дивизий и полков более детально разобраться в обстановке, помочь им в решении весьма трудной и сложной задачи форсирования. Утром 29 июня мы прибыли на КП 277-й стрелковой дивизии. Эта дивизия наступала на бегомльском направлении.

Разведка и передовой отряд дивизии под командованием капитана И. П. Луева к этому времени вышли к Березине, но со стороны Кальника, Бобцов и южнее моста были остановлены организованным огнем противника. Четвертая стрелковая рота 850-го стрелкового полка, которой руководил старший лейтенант Щукин, два часа вела бой за шоссейный мост, но захватить его так и не смогла.

При подходе к Березине батальон капитана И. П. Луева встретил разведчиков одного из отрядов партизанской бригады «Железняк», высланных командованием отряда для встречи частей Красной Армии. Разведчики рассказывали, что Кальник, Бобцы и островок южнее шоссе обороняют 720-й пехотный и 391-й охранный полки, остатки лепельского гарнизона и отошедших из-под Витебска частей. В тылу их, на восточных опушках рощ восточнее Берсеневки, а также в районе Бобцов — немецкая артиллерия.

[9] Партархив при Институте истории партии ЦК КП Белоруссии, ф. 3500, оп. 5, д. 245, лл. 110—111.

Из всего сказанного партизанами было ясно, что в этой сковывающей топкими болотами местности в районе шоссейного моста Березину не удастся форсировать, и как ни трудно, а надо эти места обойти с помощью партизанских следопытов и ударить по противнику с флангов и тыла.

Так и было решено. Командир 277-й стрелковой дивизии вызвал на КП командиров частей и в моем присутствии поставил им следующие задачи: 854-му стрелковому полку наступать вдоль шоссе Лепель — Бегомль и активными действиями сковывать неприятеля; 850-му стрелковому полку начать движение в 2—3 км севернее шоссе, пройти по болотам к Березине и там в районе севернее Кальника внезапно для противника форсировать ее, затем выйти к Берсеневке и оттуда нанести удар в тыл — на Бобцы, чем обеспечить форсирование Березины главными силами дивизии.

В это же утро партизанскими тропами, утопая по колено в болотной жиже, 850-й полк под командованием подполковника Д. К. Морозова двинулся в обход немецкой обороны. На этом направлении Березина имеет четыре заболоченных протока, каждый шириною до 30 км. Первым шел второй батальон. Все оружие, боеприпасы и снаряжение бойцы несли на себе, вплоть до легких переправочных средств. Подойдя к первому же протоку, пришлось делать поплавки из солдатских палаток, набивая их хворостом и связывая в плотики. К основному течению Березины добрались только к вечеру, устали, конечно, очень. На той стороне реки противник беспрерывно постреливал, видимо, чтобы напугать партизан.

Капитан Луев вывел второй батальон на сухие островки, а сам вышел с командирами рот на берег, показал им местонахождение д. Кальник и поставил задачу. После проверки готовности пулеметов старшего лейтенанта Даниленко и минометов лейтенанта Голова капитан Луев приказал начать форсирование. Первыми в воду бросились парторг шестой роты сержант В. Ивьяков и бывалый воин И. Плотников.

Уже густели сумерки, когда стрелковые роты, бесшумно форсировав Березину, словно гром среди ясного дня, ударили по врагу: шестая рота, ведомая бесстрашным старшим лейтенантом А. Старостенко, успешно атаковала с фланга Кальник, пятая рота также неожиданно ударила с севера на Бобцы. Отважно действовали пулеметчик Николай Грицун и автоматчик Федор Замятин. Они огнем пулеметов и гранатами уничтожили два пулеметных расчета, расчистили путь роте к Березине, пятая рота захватила шоссейный мост. Четвертая рота бросилась на Берсеневку и завязала за нее горячий бой.

За батальоном капитана Луева ночью переправились остальные батальоны полка.

Отряды партизанской бригады «Железняк», во главе которой стояли Герой Советского Союза И. Ф. Титков и комиссар

С. С. Минькович, еще 26 июня развернули боевые действия за плацдармы на Березине на 25-километровом участке Кальник — Броды. К моменту подхода советских войск к Березине они устроили в районах возможных бродов и переправ засады и выслали вперед к нашим войскам проводников.

В лесах, примыкающих к р. Березине, в районах Бегомля, Мстижа, Кромовичей, Витуничей, Пустоселья они перекрыли все пути отхода противнику, а на рокаде Бегомль — Зембин и основной дороге Мстиж — Плещеница прекратили движение гитлеровцев.

Партизаны бегомльской бригады «Железняк», захватив переправы через Березину севернее оз. Палик, с подходом частей 35-й гвардейской танковой бригады генерала А. А. Асланова быстро навели два моста, по которым танковая бригада переправилась на противоположный берег. Здесь на участке бригады севернее оз. Палик переправились и 8-я и 9-я гвардейские механизированные бригады, руководимые полковниками Кремером и Горячевым, 3-го гвардейского механизированного корпуса генерала В. Т. Обухова, и сразу же совместно с 35-й гвардейской танковой бригадой они повели наступление на Мстиж и Пусто-Мстиж.

На Мстиж наступала и партизанская бригада «дяди Коли» под командованием И. Г. Лопатина и комиссара Н. Н. Чулицкого. Соединившись с 35-й гвардейской танковой бригадой, она громила врага в Бегомльском районе. На пополнение действующей армии она передала 420 партизан. Сюда же на Мстиж и Пусто-Мстиж наступали полки 144-й стрелковой дивизии, которые в ночь на 30 июня форсировали Березину в районе оз. Палик и южнее.

Первым ее форсировал передовой отряд 3-го батальона майора И. И. Руденко из 449-го стрелкового полка.

Партизанская бригада имени Пономаренко под командованием командира Ф. С. Харламова и комиссара И. Ф. Исаченко до встречи с 144-й стрелковой дивизией вела активные действия против отходивших частей противника. Встретившись 28 июня в районе д. Клетное с полками 144-й стрелковой дивизии, Ф. С. Харламов выделил для них 45 партизан-проводников, прекрасно знавших местность. Когда части дивизии подошли к оз. Палик, партизаны бригады участвовали в наводке, а затем и в постройке мостов через Березину и оз. Палик. С их помощью 30 сентября 144-я стрелковая дивизия успешно форсировала оз. Палик и севернее его Березину, взаимодействуя с бригадами 3-го гвардейского мехкорпуса, выбила остатки 299-й пехотной и части 201-й охранной дивизий из Мстижа и Пусто-Мстижа и в этот же день овладела этими населенными пунктами, чем окончательно перекрыла очень важную для гитлеровцев рокаду на Борисов. Теперь все остатки разбитых частей противника, находившиеся в тылу 5-й армии, двинулись на северо-запад — на Докшицы

и на ст. Парафьяново, куда, используя железную дорогу, отходили немецкие войска из-под Полоцка.

Хотя ни Докшицы, ни ст. Парафьяново не входили в полосу 5-й армии, я все же решил их незамедлительно освободить и таким образом перерезать очень важную теперь для гитлеровцев железнодорожную магистраль на Молодечно, чем обезопасить армию от неожиданных ударов.

Южнее оз. Палик форсировала Березину 371-я стрелковая дивизия, 30 июня во взаимодействии с 8-й гвардейской механизированной бригадой она овладела укрепленными пунктами Боровляны, Лисино, Ступин, а в глубине обороны на рокадной дороге Бегомль — Борисов совместно с 35-й гвардейской танковой бригадой — опорным пунктом противника Завидное.

Еще южнее, уже за пределами разграничительной армии, на участке Звеняты — Бытча форсировал Березину с помощью партизан 3-й гвардейский кавалерийский корпус.

На минском направлении гвардейцы 5-й гвардейской танковой армии завязали бои в восточной части Борисова. 2-й гвардейский танковый корпус генерала А. С. Бурдейного форсировал Березину в районе Чернявки.

В последний, жаркий день июня войска 5-й армии, конно-механизированной группы с помощью партизан Борисово-Бегомльской зоны продвинулись за р. Цну на 25—30 км и там перехватили шоссе Бегомль — Минск.

С выходом подвижных войск 3-го Белорусского фронта к Березине командующий фронтом генерал-полковник И. Д. Черняховский получил директиву Ставки Верховного Главнокомандования на Минскую операцию, в которой ставилась задача максимально использовать выгодно сложившуюся обстановку и совместно с войсками 1-го Белорусского фронта окружить и уничтожить в районе Минска войска 4-й армии врага. Для этого предлагалось стремительно развивать наступление основными силами в направлении Минска и частью сил на Вилейку и Молодечно.

Перед 5-й армией и конно-механизированной группой была поставлена задача энергично, опережая противника, наступать в направлении городов Вилейка и Молодечно, как можно скорее освободить их, отрезав все пути отхода на северо-запад 4-й немецкой армии, окружаемой в районе г. Минска.

После освобождения крупных населенных пунктов — Бегомль, Омнищево, Плещеницы командующий 5-й армией выделил в дивизиях 72-го и 65-го стрелковых корпусов сильные моторизованные передовые отряды и направил их вслед за успешно наступавшей в вилейском и молодечненском направлениях конно-механизированной группой. Не отставали и главные силы этих корпусов.

В течение 1 и 2 июля войска 5-й армии, не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления противника, продвинулись на 50—60 км. К исходу 2 июля передовые части 72-го стрелкового

корпуса, освободив Парафьяново и Будслав, перерезали на этом участке железную дорогу Полоцк — Вилейка, а левофланговый передовой отряд корпуса занял важный узел шоссейных дорог — Долгиново. Передовые части 65-го стрелкового корпуса продвинулись чуть дальше и вышли на линию Жары, 8 км юго-западнее Долгиново — Любча. Конно-механизированная группа еще значительнее опередила эти корпуса.

Позади этих войск остались партизанские бригады Полоцко-Лепельской, Оршанско-Сенненской и Борисово-Бегомльской зон, которые, после того как часть партизан ушла на пополнение Красной Армии, занялись очисткой лесов и болот от прятавшихся в них гитлеровцев и их прислужников.

За 20 дней июня партизанская бригада «Железняк» в междуречье Березины, Цны, Прони, очищая леса и болота Бегомльского района от фашистов, в боевых схватках с остатками 6-й авиаполевой дивизии и других групп противника уничтожила около 400 гитлеровцев, пленила свыше 1000 солдат и офицеров штабов полков, а также штаб 6-й авиаполевой дивизии [10].

Командование группы армий «Центр», намереваясь на реках Нарочь и Уша, а затем на р. Вилия и ее притоках задержать войска 5-й армии и конно-механизированной группы, поспешно создавало на этих реках оборону. Сюда выводились остатки 95-й и 299-й пехотных и 221-й и 285-й охранных дивизий, а также выходившие из-под ударов наших войск отдельные разрозненные группы противника. Лесисто-болотистая местность вдоль рек Нарочь и Уша, от оз. Нарочь до Молодечно создавала хорошие условия для обороны и в то же время большие трудности для наступающих.

К 2 июля противник уже подтянул на р. Вилию 212-ю пехотную дивизию. На юго-восточных подступах к Сморгони он сумел этими силами прикрыть 20-километровый участок, а также и жизненно важную для него магистраль Вильнюс — Молодечно.

В это время войсковая, партизанская и воздушная разведки донесли, что в направлении Беницы и Молодечно двигаются большие колонны войск.

Создавалось такое впечатление, что противник сосредоточивает на узком фронте в районе Молодечно до трех пехотных дивизий, видимо, для нанесения удара вдоль железной дороги Молодечно — Полоцк по далеко зашедшим вперед войскам 5-й армии и конно-механизированной группы.

На левом фланге 5-й армии 16-й гвардейский стрелковый корпус соседней слева 11-й гвардейской армии, нацеленный на Красное, Молодечно, встретил сильное сопротивление противника у Лошицы и Логойска и 2 июля продвинулся только на 5—6 км. Между нашими армиями образовался опасный 30-километровый разрыв.

[10] Партархив при Институте истории партии ЦК КП Белоруссии, ф. 3500, оп. 4, д. 135, л. 217.

В связи со сложившейся обстановкой я позвонил И. Д. Черняховскому и предложил одновременно с нанесением удара на г. Вилейка немедленно ударить левым флангом армии на Красное и Молодечно и освободить эти важные пункты. И. Д. Черняховский согласился.

2 июля войска 5-й армии нанесли удар на Вилейку силами 3-го гвардейского механизированного корпуса (без 8-й гвардейской механизированной бригады) и подвижной группой 65-го стрелкового корпуса. Удар был настолько сильным и неожиданным, что ни один гитлеровец не ушел из города.

8-я гвардейская механизированная бригада сразу же после освобождения д. Старники (25 км восточнее Вилейки) была круто повернута на юг по шоссе Илья — Раков к важному районному центру и железнодорожной станции Красное. К исходу дня она очистила от немцев станцию и районный центр и держалась там до тех пор, пока не подошли передовые части 16-го гвардейского стрелкового корпуса.

3-й гвардейский механизированный корпус в составе 35-й гвардейской танковой и 7-й гвардейской механизированной бригад и два подвижных отряда 65-го стрелкового корпуса в середине дня с ходу захватили переправы через Нарочь, в этот же день переправились через нее и вечером завязали бой за Сморгонь.

9-я гвардейская механизированная бригада еще в г. Вилейке была направлена на Молодечно для совместных действий с 3-м гвардейским кавалерийским корпусом, который, развернувшись фронтом на юг, вел бой с 299-й пехотной дивизией, оборонявшей Молодечно по рубежу р. Уши.

В этот день войска армии облетела радостная весть: танкисты 2-го гвардейского танкового Тацинского корпуса под командованием генерала А. С. Бурдейного ворвались в Минск. 5-я гвардейская танковая армия маршала П. А. Ротмистрова вошла в столицу Белоруссии. Как неудержимо хотелось узнать об этом событии более подробно! И вот в полночь зазвучал в репродукторах торжественный голос Левитана:

«Войска 3-го Белорусского фронта при содействии 1-го Белорусского фронта в результате стремительно проведенной операции с глубоким обходным маневром с флангов 3 июля штурмом овладели столицей Советской Белоруссии городом Минск, а также с боями заняли более 450 других населенных пунктов, среди которых районный центр Минской области город Лагойск, районный центр Вилейской области — Куренец... Наши войска вплотную подошли к городу и железнодорожному узлу Молодечно, где завязали бои на окраинах города».

С освобождением Красной Армией Минска завершилось окружение на большом пространстве более чем 100-тысячной группировки дивизий, корпусов и частей группы армий «Центр».

В этой победе каждый воин 5-й армии чувствовал и свою долю участия. И был горд этим.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ

А. П. БЕЛОБОРОДОВ

ВИТЕБСКИЙ «КОТЕЛ»

ВОЙСКА ГОТОВЯТСЯ К НАСТУПЛЕНИЮ

Прошло тридцать лет с тех пор как отгремели бои в Белоруссии. Для нас же, участников тех событий, они еще и теперь остаются недавними, как вчерашний день! Вспоминается май 1944 г., последний весенний месяц. Надвигалось четвертое военное лето, которое стало летом полного освобождения белорусской земли от немецко-фашистских захватчиков.

В Белорусской операции вместе с другими объединениями Советских Вооруженных Сил принимали участие и войска 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта, которой мне довелось командовать в то время.

29 мая я, член Военного совета С. И. Шабалов и начальник штаба армии были вызваны на командный пункт фронта. Здесь командующий фронтом генерал армии И. Х. Баграмян в присутствии члена Военного совета генерал-лейтенанта Д. С. Леонова, начальника штаба генерал-лейтенанта В. В. Курасова сообщил нам о совещании в Ставке Верховного Главнокомандования, рассказал об общем замысле Белорусской операции, задачах фронта, армии и наших соседей.

43-я армия должна была прорвать оборону противника на участке Ново-Игуменщина, Тошник и ударом в общем направле-

нии на Шумилино, Писарево во взаимодействии с 6-й гвардейской армией овладеть шумилинским узлом сопротивления. В дальнейшем, после форсирования Западной Двины, главными силами развить наступление в общем направлении на Лепель, а частями 92-го стрелкового корпуса совместно с 39-й армией 3-го Белорусского фронта окружить и уничтожить группировку противника, действовавшую в районе Витебска, и овладеть городом.

По окончании заседания Военного совета мы с начальником штаба армии генерал-майором Ф. Ф. Масленниковым зашли к генерал-лейтенанту В. В. Курасову. В землянке Владимира Васильевича застали командующего 6-й гвардейской армией генерал-лейтенанта И. М. Чистякова и его начальника штаба генерал-майора В. А. Пеньковского. Разговор шел главным образом о создании ударной группировки, средствах усиления, порядке и сроках смены выхода войск в районы сосредоточения и в исходное положение для наступления. Обсуждали также вопросы взаимодействия, укомплектования войск. Уточнив все эти вопросы и наметив ориентировочно время передачи участков обороны 6-й гвардейской армии, мы возвратились к себе на командный пункт в район Белянки.

Поздно вечером в штабе состоялось заседание Военного совета, на котором присутствовали командующие родами войск, начальники отделов штаба и политотдела армии. Мы рассказали о задачах войск армии, об изменениях ее состава и о предстоявших перегруппировках. Шел разговор и о мероприятиях, которые могли обеспечить такую организацию перегруппировки и деятельности войск, которая не позволила бы противнику, даже приблизительно, узнать об изменении в группировке войск армии и о подготовке наступательной операции. В заключение было дано указание штабу немедленно начать разработку плана операции.

Все мероприятия по планированию операции и ее обеспечению проходили в строжайшей тайне с привлечением на первом этапе ограниченного круга исполнителей. Была запрещена разработка каких-либо документов по наступлению в штабе армии до 13 июня и в штабах корпусов до 19 июня. Все распоряжения отдавались только устно лично исполнителю. Использование радио и телефонной связи по вопросам предстоявшей операции запрещалось.

Хочется ознакомить читателя с отдельными деталями разработки плана операции. 30 мая на командный пункт армии были приглашены командиры частей и соединений, начальники штабов, командующие артиллерией и начальники инженерной службы корпусов. В присутствии начальников родов войск, начальников политотдела и тыла армии были даны указания о подготовке операции. Кроме замысла операции, присутствовавшим были сообщены планы перегруппировки и боевой подготовки частей и под-

разделений. Начальник политотдела армии полковник С. П. Титов доложил план партийно-политических мероприятий по обеспечению подготовки наступления. Он обратил внимание на идейное и организационное укрепление партийных организаций, на правильную расстановку коммунистов и комсомольцев в ротах, батареях, танковых экипажах и других боевых расчетах; вся политическая работа должна проводиться на основе боевых задач.

В заключение генерал-майор Ф. Ф. Масленников доложил календарный план подготовки операции. Планом предусматривалось закончить рекогносцировку в корпусах 5 июня, в дивизиях и полках — 9 июня, в батальонах и ротах — 11 июня. Перегруппировку и укомплектование войск намечалось закончить к 15 июня, а планирование боя в корпусах — 5 июня. Боевую подготовку в соответствии с полученными задачами приказывалось начать с 1 июня. Требовалось все передвижения войск, подвоз боеприпасов и продовольствия производить только ночью. С целью дезинформации противника решили ускорить оборонительные работы на переднем крае, проводить ложные передвижения подразделений.

Сложность подготовки и ведения операции заключалась в том, что войска армии должны были последовательно решить несколько весьма ответственных задач, а именно: провести перегруппировку войск и создать ударную группу, прорвать заблаговременно подготовленную оборону противника, форсировать Западную Двину, создать во взаимодействии с соседними армиями внутренний и внешний фронты окружения, уничтожить крупные вражеские силы в районе Витебска и овладеть им.

Между тем наши возможности лимитировались лесисто-болотистой местностью со многими озерами, отсутствием развитой сети грунтовых дорог, ограниченностью транспортных и табельных переправочных средств. Все это создавало известные трудности, преодоление которых требовало значительных усилий. Было решено в первую очередь провести соответствующие инженерные работы, чтобы обеспечить своевременную перегруппировку войск и сосредоточение артиллерии усиления и танков; организовать их боевую подготовку и взаимодействие на основе полученных задач; создать необходимые запасы продовольствия, фуража, артиллерийских снарядов, горючего; наладить медицинское обеспечение в предстоявших боях.

Большую помощь в разработке плана операции и в обеспечении войск армии всем необходимым для наступления оказывал нам Военный совет и штаб фронта.

Командующий фронтом каждый день интересовался подготовкой армии к наступлению, по мелочам он нас не тревожил, предоставлял командующим армиями известную инициативу действий в рамках выполняемых задач, поддерживал все ценное и полезное для разгрома врага. Припоминается такой случай. Нам было нужно перегруппировать и подтянуть из глубины на участок

прорыва до 70% боевого состава армии в условиях малого количества дорог, в сжатые сроки, при соблюдении полной тайны. Мы после изучения задач единодушно пришли к выводу, что без тщательно организованной комендантской службы и службы регулирования этот весьма важный вопрос вряд ли удастся своевременно решить. Но в армии не хватало частей регулирования. Обратились к командованию фронта с ходатайством разрешить временно поставить на регулирование движения и комендантскую службу стрелковую дивизию из резерва 43-й армии. Генерал армии И. Х. Баграмян поддержал нашу инициативу и удовлетворил просьбу. Это позволило нам организовать постоянную и бессменную комендантскую службу, исключавшую всякие нарушения требований маскировки войск в ходе их перегруппировки.

Командующий фронтом И. Х. Баграмян в июне приезжал в армию три раза. 6 июня он посетил дивизии 1-го и 60-го стрелковых корпусов, детально ознакомился с ходом подготовки их к наступлению, а затем на командном пункте армии в присутствии командиров корпусов и командиров 334, 235, 306 и 179-й стрелковых дивизий, 10-й и 39-й гвардейских танковых бригад заслушал мое решение, уточнил ряд вопросов по взаимодействию с 6-й гвардейской армией, подвижной группой фронта и авиацией. В заключение потребовал ускорить строительство дорог и подвоз боеприпасов.

Дня за три перед наступлением командующий фронтом И. Х. Баграмян и член Военного совета Д. С. Леонов вновь прибыли в войска армии, проверили ее готовность и дали ей положительную оценку.

Проделанная в армии и во фронте работа позволила подготовить операцию скрытно для противника.

По уточненным разведданным перед войсками армии противник создал развитую, преимущественно сплошную, траншейную, глубоко эшелонированную оборону, приспособленную к лесисто-болотистой местности, озерам и рекам. Позиции главной полосы обороны были насыщены множеством средств поражения. Мы хорошо понимали, что только тщательная подготовка и учет всех особенностей предстоящих боев могли обеспечить успех. Все это предъявляло серьезные требования к управлению войсками армии и планированию операции. Однако мы были уверены, что успешно решим все сложные задачи, стоящие перед войсками 43-й армии в предстоящей операции.

В армии сложился дружный, опытный коллектив управления: члены Военного совета генерал-майоры С. И. Шабалов и Н. Л. Осин, начальник штаба генерал-майор Ф. Ф. Масленников, командующий артиллерией генерал-майор артиллерии Е. В. Щеглов, начальник инженерных войск генерал-майор А. А. Колмаков, командующий бронетанковыми и механизированными войсками полковник В. Б. Меньшов; начальник связи полковник Н. П. Захаров, начальник тыла генерал-майор И. В. Саф-

ронов, начальник оперативного отдела штаба армии полковник В. В. Турантаев и начальник разведки полковник П. Ш. Шиошвили; начальник автомобильного отдела армии полковник И. И. Удовиков. В войсках служило много опытных генералов и офицеров, прошедших боевую закалку в боях. К ним прежде всего следует отнести командиров стрелковых корпусов и дивизий: генерал-лейтенанта Н. А. Васильева; генерал-майоров А. С. Люхтикова, Н. Б. Ибянского, П. А. Диброва, И. Л. Луцкевича, полковников М. М. Шкурина, К. М. Байдака, М. И. Кучерявенко. Из командиров полков и батальонов в первую очередь хочется назвать подполковника А. И. Беспятова, майоров Н. Б. Борисова, М. Е. Волошина, Л. В. Кудаковского, капитана Н. П. Луговского. Они все обладали большим опытом управления соединениями, частями и подразделениями.

Одним словом, на них можно было возложить важные и трудные задачи.

К началу подготовки операции сменился руководящий состав корпусов. В состав армии вошли: управление 60-го стрелкового корпуса генерал-майора А. С. Люхтикова, 357-я стрелковая дивизия генерал-майора А. Г. Кудрявцева. Танковое усиление составляли 10-я гвардейская танковая бригада полковника Н. В. Волкова и 39-я гвардейская танковая бригада под командованием полковника И. П. Калинина. С командованием этих соединений и их штабами надо было познакомиться более близко, определить возможности их войск и в какой степени они готовы к управлению войсками в бою.

Одним из важнейших условий успеха любой операции является всестороннее и точное знание всех данных о противостоящем противнике. Военный совет, штаб и политотдел 43-й армии принимали все меры, чтобы как можно лучше подготовиться к операции. Прежде всего мы решили уточнить данные о немецко-фашистских войсках и их обороне, о характере местности в полосе наступления.

Было установлено круглосуточное наблюдение за противником на всем фронте армии, фиксировались малейшие изменения в его группировке и системе огня. Разведчики ночью проникали во вражеский тыл, прощупывали каждый клочок земли перед передним краем обороны, обнаруживали минные поля противника, проволочные и другие препятствия, уточняли место огневых точек, начертание траншей, определяли границы опорных пунктов и стыки фашистских частей и соединений; инструментальная артиллерийская разведка засекала неприятельскую артиллерию.

Разведкой в армии руководил полковник П. Ш. Шиошвили, хороший организатор, отличный знаток своего дела, он всегда знал обстановку и был готов дать любую справку о противнике и его возможных действиях. Полковник П. Ш. Шиошвили и офицеры разведывательного отдела умело организовали свою работу, что позволило сравнительно точно определить группировку про-

тивника перед фронтом армии. Например, в ходе прорыва тактической зоны вражеской обороны перед нами действовали соединения, отмечавшиеся ранее армейской разведкой, и только при подходе к Западной Двине были обнаружены части 24-й пехотной дивизии и 909-й штурмовой бригады, переброшенные из-под Полоцка. Однако подход в полосу армии вражеских резервов такой силы предусматривался нашей разведкой и мы были готовы к этому. Исчерпывающие сведения о противнике обеспечили возможность целеустремленно спланировать операцию, готовить войска к наступлению и успешно парировать все его удары.

После тщательного изучения и оценки своих войск и противника, его обороны, местности и наличия сил и средств план операции принимал все более конкретные очертания. Уже к 6 июня были точно определены участки прорыва, силы и средства, привлекаемые для наступления, план их использования. Было решено двумя стрелковыми корпусами и двумя танковыми бригадами при поддержке почти всей артиллерии армии прорвать вражескую оборону на шестикилометровом участке фронта, обеспечив здесь подавляющее превосходство над противником. На остальном фронте решили обороняться одним стрелковым корпусом, который должен быть готов нанести удары на второй день операции в направлении пос. Старое Село, Витебск.

Для выполнения этого замысла оперативное построение армии было определено так: две дивизии и укрепленный район с двумя истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками, одним танковым полком должны были вести активную оборону на фронте 53 км, а шесть дивизий и две танковые бригады сосредоточивались на участке прорыва, образуя ударную группу, имевшую четыре дивизии в первом эшелоне и две — во втором.

Второй эшелон и резерв были у нас в те дни предметом серьезных забот и тревог. По опыту войны мы знали, что современная армейская наступательная операция по окружению противника немыслима без танкового или механизированного корпуса, а его в армии не было. Приданные армии две танковые бригады и два самоходно-артиллерийских полка по условиям местности и характеру обороны нужно было использовать во взаимодействии со стрелковыми дивизиями для прорыва обороны немецко-фашистских войск в высоких темпах, чтобы упредить какой-либо маневр витебской группировки немцев. Часть танков и самоходно-артиллерийских установок выделялась в стрелковые подразделения, которые предназначались для штурма отдельных опорных пунктов.

Учитывая особенность обороны противника, заключавшуюся в том, что вторая полоса и армейский рубеж по Западной Двине были слабо заняты войсками, а главные силы сосредоточивались на первой полосе обороны, все силы нашей армии развертывались в одном эшелоне, а корпуса и дивизии строили в два эшелона. Это позволило использовать основные силы армии для

прорыва тактической обороны, быстрого выхода к Западной Двине и окружения витебской группировки.

Недостаточное количество в армии танков компенсировалось сильной артиллерией. Артиллерийская плотность на участке прорыва составляла 165 орудий и минометов, из них тяжелых — 73 ствола на один километр фронта. Во время подготовки операции особое внимание уделялось планированию использования артиллерии и отработке взаимодействия ее с пехотой и танками. Работу по подготовке артиллерии к наступлению возглавил командующий артиллерией армии генерал-майор Е. В. Щеглов, опытный артиллерист и хороший организатор. Необходимо отметить и слаженную работу штаба артиллерии. В планировании артиллерийского огня участвовали командующие артиллерией корпусов и дивизий.

Учитывая своеобразные условия предстоящего наступления и трудности с подвозом боеприпасов, артиллеристы планировали огонь в основном по выявленным целям, которые становились известными каждому исполнителю — командиру батареи и орудия. Заранее были созданы артиллерийские группы поддержки стрелковых полков первого эшелона за счет дивизионной артиллерии полков РГК. Причем состав групп определялся в зависимости от возможного усиления батальонов первого эшелона не менее чем дивизионом артиллерии и дивизионом минометов.

На случай контратак противника часть армейской артиллерии, корпусных и дивизионных групп была подготовлена к ведению неподвижного заградительного огня на флангах наших атакующих войск.

В плане артиллерийского обеспечения операции обращалось внимание на то, чтобы достичь высокой массированности огня на участке прорыва. В течение 1 часа 30 минут артиллерийской подготовки на направлении главного удара намечалось использовать до 75% всей артиллерии армии, сосредоточиваемой на 10% общей протяженности линии фронта армии. Ввиду большой насыщенности обороны противника огневыми средствами для стрельбы прямой наводкой было выделено до 20 орудий на один километр фронта.

При наступлении войскам армии предстояло форсировать Западную Двину и преодолеть ряд мелких рек с большими заболоченными поймами. Множество болот и озер могли приковать наступавшие части и подразделения к дорогам, лишить их свободы маневра. Чтобы избежать этого, по предложению начальника инженерных войск армии генерал-майора А. А. Колмакова было решено: помимо обычной подготовки исходного района к наступлению, строительства дорог, разминирования местности и других работ, заблаговременно изготовить в частях специальные деревянные колеи для настила на заболоченных, труднопроходимых участках. Войска обучались постройке плотов, мостиков из подручных материалов и другим простейшим инженерным работам.

Чтобы обеспечить маневр войск и быстрое преодоление ими рек и дефиле, подразделения и части 5-й штурмовой инженерно-саперной бригады полковника Н. К. Стечишина и 28-й инженерно-саперной бригады полковника И. И. Короткова придавались 1-му и 60-му стрелковым корпусам, а также танковым бригадам. 5-я бригада распределялась повзводно по стрелковым и танковым батальонам. Значительные силы инженерно-саперных бригад были зарезервированы для подготовки десантных средств и обслуживания паромных переправ.

Несмотря на трудности, связанные с неблагоприятными условиями местности, подготовка к наступлению в инженерном отношении была в основном закончена к намеченному сроку.

Армия после прорыва тактической обороны противника должна была наступать в двух направлениях — на юго-восток и на запад к Западной Двине. В связи с этим нам предстояло организовать управление и взаимодействие войск внешнего и внутреннего фронтов окружения, для чего требовалось найти наиболее рациональные формы управления и экономного расходования наличных средств радио- и проводной связи. На этом этапе необходимо было со знанием дела организовать бой, не допустить нарушения взаимодействия, сохранить четкое управление соединениями и частями.

Дальнейшие события показали, что основное нам удалось выполнить. В этом большая заслуга принадлежит офицерам оперативного отдела штаба армии, во главе которого стоял опытный, обладающий высокой культурой штабной работы полковник В. В. Турантаев, и связистам, возглавляемым начальником связи армии полковником Н. П. Захаровым, проявившим большие организаторские способности и максимум заботы, чтобы обеспечить надежное управление в период подготовки и в ходе операции.

Было решено в период прорыва и действий в тактической глубине обороны противника руководство боем осуществлять с наблюдательного пункта, на котором при командарме находились: группа офицеров оперативного и разведывательного отделов штаба армии, командующие артиллерией, бронетанковыми и механизированными войсками, начальник инженерных войск.

Управление войсками левого фланга армии при окружении и освобождении Витебска должен был осуществлять заместитель командующего армией генерал-лейтенант А. И. Лопатин с командного пункта 92-го стрелкового корпуса. Антона Ивановича я помню хорошо. Это был твердый и решительный человек. Он умел глубоко вникать в порученную работу, действовать смело и уверенно.

Светлые воспоминания остались у меня и о замечательном коллективе связистов армии, которые, умело организовав свою службу, надежно обеспечивали связью управление войсками армии в ходе наступления. Связь была организована так, чтобы командующий армией мог в любой момент соединиться с на-

блюдательным или командным пунктом всех подчиненных ему войск до стрелкового батальона включительно. Это позволило мне и штабу своевременно реагировать на изменение обстановки и бесперебойно руководить операцией.

Хочется также отметить четкие действия работников армейского и войскового тыла. Самоотверженной работой и использованием всех видов транспорта, умелой маскировкой проводимых мероприятий они обеспечили своевременный подвоз к линии фронта необходимых для боя материальных средств.

Работу по материально-техническому и медицинскому обеспечению операции возглавлял член Военного совета по тылу генерал-майор Н. Л. Осин, который умело осуществлял руководство тылом и проявил незаурядные способности в этой области. В условиях 43-й армии осуществить подвоз было очень сложно, и от работников тыла требовались огромные усилия, чтобы доставить необходимые грузы на передовую к войскам. Трудности объяснялись недостаточной сетью дорог в полосе 43-й армии. Постоянной заботой Военного совета армии являлось устройство грунтовых дорог и увеличение их пропускной способности. В этом мы добились определенных успехов: было построено около 160 км новых дорог. Особенно мне хочется вспомнить добрым словом работу автомобильного отдела армии, хотя бы потому, что самоотверженные действия автомобилистов, этих тружеников войны, часто забывают авторы воспоминаний.

В отделе работали опытные, инициативные, прошедшие суровую школу войны, офицеры. Любая задача им была по плечу. Возглавлял отдел и всю нелегкую автомобильную службу армии кадровый офицер-автомобилист, в совершенстве знавший свое дело, активный участник битвы под Москвой полковник И. И. Удовиков.

Незаурядный организаторский талант, высокая внутренняя дисциплина и собранность помогали И. И. Удовикову успешно выходить победителем из, казалось бы, безвыходных положений. Выполнить задачу по доставке войскам в период подготовки операции необходимого количества боеприпасов, горючего и продовольствия, имея в своем распоряжении лишь один автомобильный батальон, было нелегко. При этом нельзя умолчать и о том, что часть машин батальона была передана в распоряжение начальника инженерных войск армии, заготовлявшего материалы для предстоящего форсирования Западной Двины.

Однако работа оставшихся в распоряжении И. И. Удовикова автомашин была спланирована и осуществлялась настолько четко и технически грамотно, что, несмотря на недостаток автотранспорта, задачи подвоза были успешно выполнены. Непосредственно в войска было подвезено до 2,5 комплектов боеприпасов, 9—10 суточных дач продовольствия и фуража, 3 заправки горюче-смазочных материалов. Кроме того, на армейских складах к началу операции находились: боекомплект артиллерийских

снарядов и мин, одна заправка горючего и 4—5 суточных дач продфуража.

Автоотдел армии проделал также огромную работу по ремонту автомашин в войсках. К началу наступления во всех дивизиях армии почти 100% автомобильного парка было в строю.

Забегая вперед, скажу, что и в ходе наступления автомобилисты оказались на высоте. Не было ни одного случая срыва или невыполнения в срок подвоза войскам всего необходимого для жизни и боя. Более того, по мере продвижения армии вперед автоотдел проводил большую работу по сбору и использованию трофейных автомобилей. Уже в районе Лепеля было собрано около 50 грузовых дизельных автомобилей, половина из которых сразу же была пущена в ход. Впоследствии в армии был сформирован из многочисленных дизельных трофейных автомобилей и успешно работал целый автобат — 112 машин, большая часть из которых имела прицепы.

После войны И. И. Удовиков, уже в звании генерала, занимал ряд ответственных постов по авто-тракторной службе в военных округах и в центральном аппарате.

Разработка плана операции и ее подготовка проходили в напряженной, но сравнительно спокойной обстановке. В эти дни мы всегда ощущали большую помощь представителя Ставки Маршала Советского Союза А. М. Василевского, генерала армии И. Х. Баграмяна, генерал-лейтенанта В. В. Курасова, генерал-лейтенанта Д. С. Леонова, генерал-лейтенанта артиллерии Н. М. Хлебникова, генерал-лейтенанта танковых войск К. В. Скорнякова и других руководящих работников управления фронта. Они не докучали нам мелочной опекой, не дергали зря, а твердо и спокойно направляли нашу работу в нужное русло, оказывали помощь советом и действием.

Для помощи войскам в подготовке к операции в каждую дивизию из армии были направлены офицеры. В те дни на нашем командном пункте было пусто. Не только члены Военного совета, но и все руководящие работники штаба и политотдела находились в войсках, где шла напряженная учеба, тренировки в штурме опорных пунктов, в преодолении водных преград, болот. На переднем крае, где ни на минуту не прекращалась разведка вражеской обороны, и, наконец, там, где строились переправочные средства, создавались запасы всех видов снабжения.

Нельзя было упустить и такой важный вопрос, как подготовка командного состава и штабов. Она проводилась на специальных учениях, где командиры могли тщательно ознакомиться с методами организации взаимодействия, отработать способы ведения и управления боем, научиться эффективно использовать вооружение и боевую технику.

Со штабами стрелковых корпусов, дивизий и полков проводились учения на тему «Прорыв укрепленной полосы обороны противника и преследование его с форсированием водной прегра-

ды в глубине обороны». На учениях искали формы взаимодействия, наиболее отвечавшие условиям боя в лесисто-болотистой местности с форсированием реки, закрепляли навыки командиров и штабов по управлению боем, уточняли оперативно-тактическую обстановку и задачи соединений и частей в предстоявшем наступлении. Учения заканчивались показом практических действий стрелковых батальонов при прорыве позиционной обороны противника в условиях лесисто-болотистой местности, развитии успеха на глубину 4—6 км и форсировании рек. Выявленные недостатки устранялись тут же на месте. Это позволило Военному совету проверить умение командиров стрелковых дивизий и полков управлять боем и осуществлять взаимодействие при прорыве вражеской обороны в высоких темпах.

От командиров частей и подразделений требовалось проведение тренировок по овладению опорными пунктами, форсированию рек. Развернулась напряженная боевая учеба частей и подразделений в обстановке, максимально приближенной к действительности. На местности, оборудованной по типу немецкой обороны, шла тренировка рот, батальонов и полков в стремительной атаке и быстром развитии прорыва обороны противника в глубину, в штурме опорных пунктов, форсировании крупных водных преград в ходе преследования, во взаимодействии всех родов войск.

Политические органы и партийные организации активно обеспечивали боевую подготовку, требовали от коммунистов и комсомольцев личным примером, авангардной ролью на всех этапах обучения воздействовать на воинов. Они широко развернули в частях и соединениях партийно-политическую работу, направляя ее на повышение бдительности воинов, на воспитание у них высокого наступательного порыва. До сознания каждого солдата и командира доводилось, что всегда надо быть начеку, отлично знать оружие и боевую технику, владеть ими в совершенстве и находиться в постоянной боевой готовности.

Первостепенное внимание уделялось укреплению партийных и комсомольских организаций, правильной расстановке коммунистов и комсомольцев в частях и подразделениях, созданию полнокровных партийных и комсомольских организаций. К началу наступления в войсках армии было создано 638 первичных, 1244 ротные и им равные партийные организации. Кроме того, в армии имелось 517 первичных, 917 ротных и им равных комсомольских организаций. Создание партийных и комсомольских организаций в ротах, батареях и отдельных взводах было одним из важных условий повышения боеспособности подразделений и частей.

В середине июня в армию вместе с командующим фронтом прибыли представитель Ставки Маршал Советского Союза А. М. Василевский, маршал артиллерии М. Н. Чистяков и генерал-полковник авиации Ф. Я. Фалалеев. Представитель Ставки

в деталях ознакомился с ходом перегруппировки, сосредоточения войск и их боевой подготовки, с обеспечением частей боеприпасами, с оценкой обстановки в полосе армии и нашим решением на наступление. Его особенно интересовали вопросы планирования окружения и разгрома витебской группировки противника, организации взаимодействия с соседними армиями и прежде всего с 39-й армией 3-го Белорусского фронта, договоренность об определении рубежа и времени встречи при окружении, разработке сигналов опознавания. Вместе с тем А. М. Василевский уделил большое внимание отработке решения по использованию танков, артиллерии и их инженерного обеспечения, организации взаимодействия между соединениями армии и авиацией фронта. Он также интересовался бытом войск, при встречах с солдатами и офицерами спрашивал, регулярно ли они получают горячую пищу, письма, газеты и книги. Если же получал отрицательные ответы, тут же ставил перед нами конкретные задачи устранения этих недостатков. А. М. Василевский предупредил нас, что бои будут чрезвычайно напряженными, враг попытается предпринять все возможное, чтобы отстоять свои позиции, войска надо готовить к трудным боям. Представитель Ставки выразил удовлетворение подготовкой войск к операции.

Накал учебы соединений и частей не ослабевал ни на один день. В частях и соединениях широко использовался боевой опыт предшествующих наступательных боев в лесисто-болотистой местности. Поэтому полевые занятия были для войск хорошей школой мастерства. Как показали батальонные и полковые учения, части и подразделения добились четкого взаимодействия пехоты с артиллерией и саперами. Особенно наглядно эти качества продемонстрировали на учениях воины батальонов 179-й стрелковой дивизии, которыми командовали майоры М. Е. Волошин и Н. Б. Борисов.

Помню, преодолев за полтора часа полосу обороны на глубину пяти километров, первый батальон 234-го стрелкового полка под командованием майора М. Е. Волошина вышел к водной преграде. Командир дивизии М. М. Шкурин приказал форсировать реку. Командир батальона незамедлительно принял решение лучшим пловцам (они находились в подразделении на особом учете) под прикрытием пулеметного огня переправиться через реку и захватить плацдарм на противоположном берегу, остальным воинам преодолеть реку на плотах. Батальону понадобилось всего 40 минут, чтобы сделать плоты и переправиться через реку шириной 70 м. При этом пехотинцы подготовили плоты для ведения огня на плаву. Они соорудили упоры, скамейки, и можно было стрелять сидя, чем достигалось устойчивое положение стреляющего.

Неплохие результаты показали на учениях воины 306-й, 145-й и других стрелковых дивизий. Однако Военный совет решил еще раз проверить готовность войск к наступлению, деятельность шта-

бов и эффективность огня артиллерии. С этой целью на заключительной стадии обучения было проведено показное полковое учение с боевой стрельбой и привлечением нескольких звеньев штурмовой авиации на специально оборудованном по типу немецкой обороны участке местности. К сожалению, сейчас не могу вспомнить номера полка и его командира. Однако помню, что учением руководили генерал-майор Ф. Ф. Масленников и командующий артиллерией армии генерал-майор Е. В. Щеглов. Это учение позволило войскам и штабам наглядно увидеть, где мог укрыться от артиллерийского удара противник, куда нужно нацеливать удар пехоты после переноса огня артиллерией. К тому же можно было довольно точно судить об эффективности удара авиации и артиллерии и потерях оборонявшихся. Результаты учения окончательно убедили нас в готовности войск армии к наступлению.

Мы эти выводы доложили Военному совету фронта. С 19 по 21 июня штаб фронта произвел проверку и согласился с нашими соображениями.

НАШ СОЮЗНИК — ВНЕЗАПНОСТЬ

К 22 июня подготовка к операции была закончена. Нас теперь беспокоило, собственно, одно: не узнал ли враг о готовящемся наступлении и не изменил ли свою группировку и систему огня в обороне? Чтобы увериться в том, что главные силы противника занимают прежние позиции, было решено произвести разведку боем с задачей не только уточнить и дополнить имеющиеся данные о противнике, но и захватить на переднем крае обороны важные опорные пункты, с потерей которых нарушилась бы ее устойчивость. Наконец, перед разведкой боем стояла задача вынудить вражеское командование подтянуть свои тактические резервы к переднему краю обороны.

Утром 22 июня после 20-минутной артиллерийской подготовки и при поддержке авиации началась разведка боем на всем фронте армии с тем, чтобы скрыть от врага направление главного удара. Она в полосе армии проводилась специально подготовленными передовыми батальонами, выделенными по числу дивизий первого эшелона.

Наибольший успех обозначился в полосе 306-й и 179-й стрелковых дивизий 1-го стрелкового корпуса. Здесь в течение дня выделенные для разведки боем подразделения вклинились в оборону противника от 0,5 до 1,5 км, овладев местами первой позицией главной полосы его обороны. В полосе 60-го и 92-го стрелковых корпусов армии противник контратаками восстановил свое положение, но израсходовал на это часть тактических резервов. Наступление передовых батальонов оказалось для противника неожиданным, а внезапность, как известно,— добрый союзник.

Еще во время действий разведки определение момента перехода главных сил в наступление явилось предметом особой заботы командования армии. 6-я гвардейская уже ввела часть сил своей ударной группировки, продвинулась на 5—6 км и была близка к прорыву главной полосы обороны противника. К тому же от штаба фронта нам стало известно, что противник подтянул на ее участок из-под Полоцка одну пехотную дивизию и до двух бригад штурмовых орудий. На участке же нашей армии, чтобы добиться дальнейшего успеха, надо было ввести дополнительные силы. Все же, несмотря на некоторые трудности, Военный совет после тщательного анализа результатов разведки и положения на участке правого соседа решил ввести главные силы с утра 23 июня. Командование фронта одобрило наше решение.

В связи с успешными действиями разведки боем нам пришлось внести некоторые изменения в первоначальный план операции. Наиболее радикальные изменения были внесены в график артиллерийского наступления. Было решено проводить артиллерийскую подготовку в полном объеме только на тех участках, где вражеская оборона не была нарушена, а там, где наши войска вклинились в его расположение, перестроить ее. Поэтому артиллерийское обеспечение перехода в атаку главных сил армии осуществлялось разными способами: в полосе 306-й дивизии, где завершался прорыв главной полосы, артиллерия сопровождение атаки осуществляла методом последовательного сосредоточения огня, в полосе 179-й стрелковой дивизии — огневым валом со второй и третьей траншей; в полосе 60-го стрелкового корпуса наступление началось после артиллерийской подготовки.

Наступление...

В его подготовку всегда вкладываются все силы, ум, воинское мастерство и организаторские способности большого круга людей. Поэтому наступления всегда ждешь с волнением. И, пожалуй, больше всего — перехода главных сил в атаку. От того как начнется атака, во многом зависит успех всей операции. Особенно тревожны последние часы и минуты перед наступлением. В эти часы я не мог усидеть на командном пункте, меня тянуло к войскам, в окопы, траншеи частей, которым предстояло первыми начать атаку. Может быть, это объяснялось тем, что хотелось перед боем проверить готовность войск, побеседовать с непосредственными исполнителями замыслов и планов, подбодрить их.

В ночь с 22 на 23 июня мы с генералом С. И. Шабаловым побывали в 179-й стрелковой дивизии, беседовали с ее командиром М. М. Шкуриным не только о прорыве, но и о форсировании Западной Двины. Командир дивизии доложил, что после прорыва тактической зоны вражеской обороны в авангард для преследования противника выделен 234-й стрелковый полк, а для захвата плацдарма на левом берегу Западной Двины — рота автоматчиков этого полка. Командир роты автоматчиков ка-

питан А. Ф. Чинков имел богатый опыт боевых действий в сложных условиях. Поэтому М. М. Шкурин высказал уверенность, что он справится с ответственным заданием.

Затем мы посетили 306-ю стрелковую дивизию генерал-майора М. И. Кучерявенко, отличавшегося строгой подтянутостью, подчеркнутой аккуратностью в больших и малых делах. В этой дивизии тоже было все в порядке, и мы со спокойной душой возвратились на наблюдательный пункт армии, оборудованный в населенном пункте Ветхи.

23 июня в наступление перешли главные силы армии. К концу дня они прорвали оборону противника на 8—10 км в глубину и 20 км по фронту.

Наиболее упорное сопротивление враг оказывал в районе д. Шумилино, где наступали 306-я и 179-я стрелковые дивизии. Деревня являлась как бы ключом вражеской обороны в тактической глубине. Немецко-фашистское командование понимало, что с потерей его обороняющимся не удержать вторую полосу обороны и нашим частям открывается путь к Западной Двине. Поэтому-то оно создало здесь сильный узел обороны с развитой круговой системой траншей и опорных пунктов, заранее расположило до трех батальонов 56-й пехотной дивизии, а в ходе боя подтянуло сюда и другие силы. Все это и обусловило ожесточенность боев.

Командир 1-го стрелкового корпуса гвардии генерал-лейтенант Н. А. Васильев решил вначале ворваться в Шумилино кратчайшим путем. Однако овладеть с ходу прочной, разветвленной цепью опорных пунктов и инженерных сооружений не удалось. Опираясь на развитую оборону, гитлеровцы контратаками пехоты с танками и штурмовыми орудиями при поддержке массированного огня артиллерии отбивали атаки частей корпуса. Бои могли принять затяжной характер.

Это встревожило Военный совет. Я с начальником оперативного отдела штаба полковником В. В. Турантаевым прибыл на наблюдательный пункт 1-го стрелкового корпуса, где встретил генерала Васильева с оперативной группой офицеров штаба. Наблюдательный пункт был выбран и оборудован умело. Отсюда хорошо просматривалась вражеская оборона.

Выслушав доклад командира корпуса, я решил атакой части сил сковать противника с фронта в районе д. Шумилино, а главными силами обойти его: 306-й дивизией с запада, а 179-й дивизией с востока и юго-востока.

Этот маневр проводился в условиях ожесточенного сопротивления фашистов. Наши наступавшие части встречались с трудностями на каждом шагу. Гитлеровцы при организации боя, надо сказать прямо, умело использовали выгодные для обороны условия местности, стойко и упорно дрались за каждый метр земли. Многочисленные инженерные заграждения прикрывались многослойным огнем.

Чтобы подавить врага, требовался мощный удар артиллерии. В корпусе было немало опытных артиллеристов, которые зарекомендовали себя умелыми организаторами боевых действий артиллерии и хорошо руководили массированными огневыми ударами. И на этот раз артиллеристы корпуса сумели быстро организовать массированный огонь и обеспечили перелом в ходе борьбы за Шумилино.

В боях в районе Шумилина особенно отличился 935-й стрелковый полк 306-й стрелковой дивизии. Хорошо обученным полком, готовым выполнить любое ответственное задание командования, командовал подполковник А. И. Беспятов. Алексей Иванович — участник многих боев, кавалер двух орденов Красного Знамени, ордена Отечественной войны I степени — славился мужеством, высокими организаторскими способностями, воинским мастерством, умением стремительно атаковать, вовремя применить необходимый маневр и твердо управлять боем своих подразделений. Этот полк, преодолевая ожесточенное сопротивление врага во взаимодействии с другими полками дивизии, подошел с северо-запада к д. Шумилино и перерезал пути отхода противника с этого направления.

За образцовое управление боем, отличное выполнение приказа по разгрому врага в районе Шумилина и успешное форсирование полком Западной Двины подполковнику Алексею Ивановичу Беспятову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 г. было присвоено звание Героя Советского Союза.

Не менее напряженные бои в это время развернулись в полосе 179-й стрелковой дивизии, командиром которой был полковник М. М. Шкурин. Волевой, хорошо подготовленный офицер, он отличался высокой дисциплиной, выдержкой, организованностью, умением работать с людьми, способностью вести маневренный бой.

Чтобы не допустить окружения своих сил в районе д. Шумилино, враг усилил сопротивление на участке этой дивизии, а также 60-го стрелкового корпуса, перебросив часть сил с центрального участка своей обороны перед фронтом армии. Трудности наступления на участке 179-й дивизии возросли еще и в связи с тем, что из-за множества болот артиллерия и танки отстали и части дивизии были вынуждены вести наступление без достаточной артиллерийской и танковой поддержки.

В этой обстановке полковник М. М. Шкурин, учитывая, что оборона противника была организована по принципу опорных пунктов, потребовал от частей и подразделений не тратить сил и времени на атаку их с фронта, а стремиться овладеть вражескими опорными пунктами, широко применяя обходы и охваты.

Мне отчетливо запомнились маневренные действия первого стрелкового батальона 234-го стрелкового полка. Батальон дол-

жен был прорвать сильно укрепленную оборону немцев и, преследуя врага во взаимодействии с другими частями дивизии, овладеть Шумилино. Командир батальона майор М. Е. Волошин во время артиллерийской подготовки скрытно вывел роты на рубеж атаки. Тем временем саперы проделали проходы в проволочных и минных заграждениях, а разведчики изучили пути подходов к вражескому опорному пункту. Раздался залп реактивной артиллерии, послуживший сигналом к атаке. Роты поднялись и вслед за огневым валом цепью устремились в атаку, ведя огонь из автоматов. Расчищая себе путь огнем и гранатами, бойцы левофланговой роты подошли к опорному пункту. Гитлеровцы сосредоточили огонь на этом фланге и прижали роту к земле. Но вторая стрелковая рота старшего лейтенанта коммуниста В. Ф. Цимбаленко атаковала немцев справа. Ударила по гитлеровцам и рота, действовавшая в центре. Враг заметался с фланга на фланг, но тиски неумолимо сжимались.

На помощь пехотинцам пришла авиация, которая нанесла точный удар по врагу. Искусно действовали артиллеристы, прямой наводкой били они по обнаруженным целям, умело маневрировали огнем и колесами. В этом бою особенно отличился командир орудия 619-го артиллерийского полка сержант коммунист Н. И. Филоненко. Его орудие наступало в боевых порядках стрелковой роты. Во время одной из многочисленных контратак гитлеровцам, имевшим на этом участке численное превосходство, удалось вплотную подойти к орудию. Но никто из расчета не подумал об отходе. Артиллеристов становилось все меньше и меньше. Наступил момент, когда у орудия остался один Филоненко. Вот немцы уже атакуют с тыла. Повернув пушку, сержант встретил противника огнем. Он отбил шесть атак, а затем орудие было подбито снарядом. Филоненко был контужен. Полуоглушенный Филоненко, укрывшись за щитом пушки, выстрелами из винтовки отбивался от наседавшего врага.

Подошедшее подкрепление отбросило фашистов. Пехотинцы насчитали вокруг орудия десятки трупов гитлеровцев. Сам Н. И. Филоненко после оказания ему медицинской помощи продолжал наступать вместе с пехотинцами. За этот подвиг и форсирование Западной Двины сержанту Николаю Ивановичу Филоненко Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 г. было присвоено звание Героя Советского Союза.

Враг на подступах к д. Шумилино неоднократно переходил в контратаки силами пехоты и танков, наносил массированный огонь по наступающим ротам, но они продолжали штурм, проявляя высокую боевую выучку и героизм. В решающий момент майор М. Е. Волошин появлялся в боевых порядках своих бойцов. Еще выше поднимался их наступательный порыв. Роты ворвались в один из населенных пунктов, находившийся на пути к Шумилино. Напряженные бои разыгрались на улицах и в домах. Большинство фашистов было истреблено, значительная часть

их сдалась в плен и только некоторым удалось спастись бегством. Развивая наступление, 179-я стрелковая дивизия обошла Шумилино с востока и юго-востока и соединилась с 306-й стрелковой дивизией, а к 14 часам части 1-го стрелкового корпуса полностью овладели д. Шумилино. Путь к Западной Двине и в тыл витебской группировки немецко-фашистских войск оказался открытым.

О падении вражеского узла сопротивления противника в Шумилино я по телефону доложил командующему фронтом генералу армии И. Х. Баграмяну. Он одобрительно отозвался о действиях войск. Это мы немедленно сообщили войскам. Благодарность командующего фронтом наполнила радостью наши сердца, вдохновила солдат и офицеров на новые подвиги.

Вскоре я посетил 234-й стрелковый полк. Командир части подполковник Е. Т. Жгутов показал мне район боев. Кругом валялись подбитая техника, трупы гитлеровцев. Особенно много их валялось в траншеях, прикрывавших подступы к Шумилино с запада. Здесь, как мне сказали, прошли роты стрелкового батальона майора М. Е. Волошина.

Увидев эту картину, я еще раз убедился, что бой проходил исключительно ожесточенно. Замысел его был осуществлен талантливо. Основой успеха явились точный командирский расчет, высокий наступательный порыв войск, их маневр, сопровождение атакующих лавиной огня всех видов.

В то время, когда шли бои за Шумилино, наступавшая на правом фланге 60-го стрелкового корпуса 334-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Н. М. Мищенко, овладела опорным пунктом Хотилово, а его левофланговая 235-я стрелковая дивизия полковника И. Л. Луцкевича выбила противника из населенного пункта Дворище, перерезала железную дорогу Витебск — Шумилино и начала развивать успех вдоль этой дороги на Новики.

Я неоднократно бывал в этих дивизиях, беседовал с Н. М. Мищенко и с И. Л. Луцкевичем, наблюдал их в бою. Это были опытные, волевые, энергичные командиры дивизий. Умелым руководством боевыми действиями подчиненных частей в сложной обстановке они завоевали большой авторитет. Мне нравилось, что они хорошо знали противостоящего противника и твердо управляли своими частями. Покидая части 60-го стрелкового корпуса, я был твердо убежден, что они с честью справятся с поставленными перед ними задачами.

С овладением Шумилино и Хотилово открылся путь к продвижению наших войск к Западной Двине. Теперь важно было не дать противнику закрепиться на позициях, оборудованных им ранее по линии озер Мошно, Лесковичи.

Об этом у нас в середине дня 23 июня шла речь с командующим фронтом И. Х. Баграмяном. Он сказал, что хотя враг дезорганизован, но легко не будет сдавать свои позиции. Не-

мецко-фашистское командование еще попытается не допустить дальнейшего развития наступления войск фронта. Необходимо предупредить возможные действия противника по восстановлению обороны. Для чего главным силам 6-й гвардейской и 43-й армий незамедлительно следует перейти в преследование, подтянуть артиллерию, танки, восстановить нарушенное взаимодействие внутри боевых порядков дивизий, не допустить ослабления четкого взаимодействия, управления соединениями и частями. Свои указания командующий фронтом закончил, как помнится, так: «Держите локтевую связь с частями левого фланга 6-й гвардейской армии, требуйте от частей при преследовании стремительных действий, чтобы они не давали гитлеровцам возможности закрепиться на подготовленных рубежах, особенно на оборудованном ими рубеже по линии озер Мошно, Лесковичи, прикрывающем подступы к Западной Двине».

Разговор этот происходил на наблюдательном пункте армии в районе высоты 173,9 в присутствии генералов Е. В. Щеглова, А. А. Колмакова, полковников В. Б. Меньшова, Н. П. Захарова, В. В. Турантаева, П. Ш. Шиошвили и небольшой группы офицеров штаба. После отъезда командующего фронтом мы обсудили обстановку. Речь шла в первую очередь об отставании танков, артиллерии, недостатке боеприпасов. Предлагались мероприятия по ликвидации этих и других недостатков, способных помешать своевременному подходу к Западной Двине и форсированию ее с ходу. Выслушав мнения и предложения присутствовавших, я решил создать передовые отряды пехоты, посадить их на машины, усилить танками и самоходной артиллерией. Командиры соединений получали широкую инициативу в рамках поставленных им задач. Им не указывались точно пункты форсирования, а позволялось форсировать реку в своей полосе там, где передовые подразделения вышли к реке, широко используя для этого подручные средства.

Войска были подготовлены к тому, что бои за реку будут чрезвычайно тяжелыми и что многое будут решать наступательный порыв, инициатива, быстрота и маневренность действий передовых частей и подразделений.

Своеобразие обстановки сказалось и на формах политической работы. Как-то по пути к Западной Двине я увидел группу автоматчиков, остановившихся на привал и слушавших, как я узнал после, рассказ парторга роты сержанта И. М. Ищенко о задачах коммунистов и комсомольцев. Главная задача коммунистов и комсомольцев, говорил он, стремиться первыми выйти к реке и сразу же форсировать ее. Не рассчитывайте, что гитлеровцы оставят какие-то переправочные средства. Поэтому все умеющие хорошо плавать пусть подготовятся переплыть реку, сохранив оружие готовым к бою. Остальным нужно сразу же взяться за вязку плотов из бревен и досок. Это была рота автоматчиков 234-го стрелкового полка.

При преодолении Западной Двины Военный совет армии стремился шире растянуть фронт форсирования, сохраняя резервы в своих руках. Одновременно мы расширяли и общий фронт наступления. С этой целью 24 июня перешли в наступление части 92-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор Николай Болеславович Ибянский. Это делалось для того, чтобы быстрее расшатать оборону противника и иметь силы для наращивания ударов на плацдарме.

В течение 24 июня наши передовые части вышли на широком фронте к Западной Двине и овладели плацдармами на вражеском берегу. Части 60-го стрелкового корпуса передовыми подразделениями подошли к населенному пункту Гнездиловичи, оказались в тылу противника, действовавшего в районе Витебска, и в 3—5 км от наступавшего навстречу 5-го гвардейского стрелкового корпуса 39-й армии 3-го Белорусского фронта.

Наступление наземных войск активно поддерживала 3-я воздушная армия под командованием генерал-лейтенанта Н. Ф. Папивина. Авиация вела бои в воздухе, действовала над полем боя и наносила удары по коммуникациям и тылам противника.

Немецко-фашистское командование, сознавая, что над витебской группировкой нависла угроза окружения, пыталось любой ценой задержать наше продвижение. Оно стало срочно перебрасывать в этот район свежие силы, направив против нас из оперативного резерва 201-ю охранную дивизию, 280-й полк 95-й пехотной дивизии и штурмовой батальон резерва 3-й танковой армии, а также подразделения 4-й авиаполевой дивизии непосредственно из Витебска. Для спасения витебско-лепельской группировки гитлеровское командование, как теперь стало известно из трофейных документов, перебросило из группы армий «Север» против ударной группировки 1-го Прибалтийского фронта 24-ю пехотную дивизию, 245-ю и 909-ю штурмовые бригады. Однако этот заранее предвиденный Советским командованием маневр противника был парализован вводом в сражение новых сил и наступлением соединений левого фланга 4-й Ударной армии 1-го Прибалтийского фронта.

Форсирование Западной Двины было связано с большими трудностями. Войска выходили к реке с ожесточенными боями. Дорог было недостаточно, а имевшиеся размокли от дождя. Это осложняло продвижение артиллерии, танков и штатных переправочных средств. Поэтому для форсирования Западной Двины вначале пришлось использовать лишь те средства, которые удалось найти на самой реке. Примерно в таких же условиях действовали и части 6-й гвардейской армии, которые с трудными боями подходили к реке.

Мне пришлось наблюдать, как передовые подразделения и отдельные группы смельчаков, подойдя к реке, тут же, не раздумывая, нередко под сильным огнем противника, смело бросались в воду и вступали в бой на вражеском берегу. Первым героям,

переправившимся через реку, было неимоверно тяжело. На них враг обрушил всю мощь своего огня, танки и штурмовые орудия, а на отдельных участках — авиацию. Они же располагали лишь винтовками, автоматами, пулеметами, гранатами да противотанковыми ружьями. Мы в этот момент не могли их поддержать. Основная масса артиллерии, танки были еще на подходе к реке.

Военный совет, штаб армии принимали неотложные меры, чтобы исправить положение, усилить поддержку воинам, сражавшимся на вражеском берегу. Было решено для поддержки подразделений, ведущих бои на плацдармах, использовать приданную армии авиацию. Штаб армии быстро договорился с командиром 332-й штурмовой авиационной дивизии полковником М. И. Тихомировым о нанесении штурмового удара. Вскоре штурмовики нанесли удар по опорным пунктам противника в районах Шарылина, Заборья и Гнездиловичей. Не успели развеяться дым и пыль от авиационного удара, как подошли танки, артиллерия и открыли огонь. Дышать стало легче.

Трудности не сломили боевого духа наших солдат, сержантов и офицеров. В первых рядах находились коммунисты. Равняясь на них, воины проявили массовый героизм и инициативу.

В начале июля при подписании наградных листов я от командира 235-й стрелковой дивизии генерал-майора Ивана Лукича Луцкевича узнал, что в районе д. Гринево по собственной инициативе плацдарм захватили минометчики третьего стрелкового батальона 801-го стрелкового полка. Здесь, обойдя противника, сдерживавшего батальон, к реке первым подошел минометный взвод под командованием лейтенанта В. П. Симона. Он с парторгом роты старшим сержантом Ф. И. Каменевым и рядовым И. С. Килюшек, не ожидая подхода пехоты, на бревнах и других подручных средствах начал переправу через Западную Двину. На минометчиков враг обрушил шквал ружейно-пулеметного и артиллерийского огня. Но плот с отважными воинами подошел к берегу. Лейтенант Симон первым выскочил на берег с гранатой в руке и с возгласом «Вперед, за мной!» устремился на врага. За ним последовали Каменев и Килюшек. Смелой атакой они уничтожили трех автоматчиков и пулеметный расчет гитлеровцев. Отразив несколько контратак, Симон и его боевые товарищи обеспечили переправу всего взвода, который быстро занял круговую оборону. Были установлены минометы, выкопаны ячейки, переправлены мины. Враг, пытаясь отбросить смельчаков-минометчиков с плацдарма, предпринимал атаку за атакой. Взвод встречал его огнем из минометов, автоматов и винтовок, не раз пускались в ход гранаты. Попытки гитлеровцев ликвидировать плацдарм разбились о стойкость и мужество наших отважных воинов. Они держались на плацдарме до тех пор, пока весь батальон не переправился через реку. С этого плацдарма наши части нанесли новый удар по врагу и двинулись вперед. На-

сколько тяжелыми были здесь бои, можно судить по тому, что подступы к позициям взвода лейтенанта Симона были усеяны вражескими трупами.

За проявленные мужество и героизм при исполнении воинского долга весь состав минометного взвода был отмечен правительственными наградами. Лейтенант В. П. Симон, старший сержант Ф. И. Каменев и рядовой И. С. Килюшек были удостоены звания Героя Советского Союза.

При форсировании Западной Двины и захвате плацдарма 24 июня отличилась рота автоматчиков 234-го стрелкового полка 179-й стрелковой дивизии. Этой ротой командовал капитан А. Ф. Чинков, которого я знал как человека беззаветной храбрости, изумительной находчивости и выдержки.

...Рота коммуниста А. Ф. Чинкова получила задачу форсировать Западную Двину, овладеть плацдармом на противоположном берегу в районе населенного пункта Вяжище и обеспечить переправу своего полка. Командир роты капитан А. Ф. Чинков при подходе к реке приказал командирам отделений старшему сержанту В. И. Аверченко и сержантам И. М. Ищенко и Н. И. Романюку быстро построить из подручных материалов плоты, а сам с красноармейцем коммунистом Овсянниковым и старшиной коммунистом Кудрявцевым вплавь и на подручных средствах первым переправился на вражеский берег. Бросок через реку трех смелых воинов был настолько стремительным и неожиданным для гитлеровцев, что они не успели даже открыть огонь. И только при выходе на берег враг опомнился и открыл огонь. Вслед за ними на плотах из бревен устремились на левый берег реки отделения В. И. Аверченко, И. М. Ищенко и Н. И. Романюка. С выходом на берег они немедленно атаковали гитлеровцев и выбили их из окопов, чем обеспечили переправу всего личного состава роты.

Гитлеровцы, ошеломленные, сбитые с толку неожиданным появлением наших автоматчиков, в панике отступили к д. Вяжище, где у них был подготовлен опорный пункт. Рота не давала врагу передышки. В мокрой одежде, продрогшие, советские воины по команде капитана Чинкова развернулись в цепь и повели наступление на деревню.

Гитлеровцы открыли сильный огонь из пулеметов, автоматов, орудий и минометов. Обстановка усложнилась. Тогда командир роты направил отделение сержанта Романюка для атаки опорного пункта справа, а отделению Аверченко приказал атаковать противника с тыла. В результате согласованной и стремительной атаки с нескольких направлений противник был выбит из д. Вяжище. Рота, развивая успех, вышла на шоссе Витебск — Бешенковичи.

А в это время на плацдарм, захваченный автоматчиками, высаживались все новые и новые группы воинов других подразделений полка. Они, распространяясь вдоль берега, выбивали фа-

шистов из траншей, окопов и опорных пунктов, расширяя плацдарм для главных сил дивизии.

Рота автоматчиков под командованием капитана А. Ф. Чинкова нанесла фашистам чувствительный удар. Она уничтожила много вражеских солдат и офицеров, захватила 66 пленных, разнообразное вооружение и боевую технику. За успешные действия по прорыву вражеской обороны и форсирование Западной Двины многие воины роты были награждены орденами и медалями. Родина высоко оценила умелое руководство боем, личное мужество и воинское мастерство капитана А. Ф. Чинкова, старшего сержанта В. И. Аверченко и сержантов Н. И. Романюка и И. М. Ищенко, присвоив им звание Героя Советского Союза.

Тяжелые бои за плацдармы шли и на других участках фронта. С передового наблюдательного пункта армии было видно, как над рекой бушует огонь. Гитлеровцы из всех видов оружия обстреливали наш берег и зеркало реки. Напряжение боя возрастало. В воздухе вновь появилась наша авиация. Она штурмует позиции врага. Огонь его несколько слабеет. На наблюдательный пункт поступают донесения, что в полосе 306-й стрелковой дивизии группы разведчиков проникли на вражеский берег, а за ними и передовые части. При этом советские воины проявили массовый героизм и отвагу.

Вот несколько примеров. Помощник командира взвода роты связи старшина Н. Е. Соловьев вместе с передовой стрелковой ротой вышел к Западной Двине. Старшина одним из первых бросился в воду с телефонным аппаратом и кабелем, уложенным на поплавок из плащ-палатки. Привязав к поясу провод, смельчак поплыл через реку. Вот он уже на середине реки, но в это время рядом разрывается снаряд, поплавок опрокидывается, телефонный аппарат несколько намок. Соловьев решает вернуться обратно и сделать более устойчивый плот. Через несколько минут он смастерил плотик, под артиллерийским огнем форсировал реку и вовремя дал связь. За этот подвиг старшине Н. Е. Соловьеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

На другом участке к Западной Двине с ожесточенными боями прорвался 801-й стрелковый полк 235-й стрелковой дивизии. Впереди действовала стрелковая рота, которой командовал смелый и опытный офицер — капитан Х. Г. Галиев, не раз отличавшийся в боях. Под стать ему был и парторг роты 22-летний сержант В. Н. Фокин. Как выяснилось позже, В. Н. Фокин вместе с сержантом Белохвостовым вплавь, первыми в роте преодолели реку и захватили у противника две исправные лодки и плот. Все это через несколько минут было ими доставлено в роту. На этих средствах взвод старшего лейтенанта Митрофанова под вражеским огнем форсировал реку и обеспечил переправу всей роты. В бою за плацдарм роте пришлось преодолеть большие трудности. Плацдарм был сильно заболочен. Зыбкая почва проваливалась под ногами. Противник, обороняясь на господствующих высотах,

держал под огнем все зеркало реки и болото, но советские воины не останавливались. В первых рядах отважных воинов сражался и Виктор Фокин. За мужество, отвагу и воинское мастерство сержант В. Н. Фокин получил звание Героя Советского Союза.

Все попытки врага сбросить советские части в Западную Двину разбились о стойкость наших воинов. Благодаря мужеству и высокому воинскому мастерству передовые подразделения 1-го и 60-го стрелковых корпусов отстояли захваченные плацдармы и обеспечили форсирование реки главными силами.

«КОТЕЛ» ЗАХЛОПНУТ

За два дня операции войска 43-й армии выполнили задачу третьего дня и в ночь на 25 июня приступили к форсированию Западной Двины главными силами. Необходимо подчеркнуть организованность в деятельности понтонных частей, которые сумели быстро организовать переправу танков и артиллерии. Так, командир батальона 5-й штурмовой инженерно-саперной бригады майор В. Е. Балакин, продвигая свой батальон за боевыми порядками пехоты, на рассвете 25 июня спустил на воду понтоны и переправил на вражеский берег дивизион артиллерии и до роты танков.

Начался последний этап Витебской операции, во время которого войска армии во взаимодействии с 39-й армией 3-го Белорусского фронта завершили окружение и ликвидацию витебской группировки противника. Действия осложнялись тем, что войскам армии пришлось вести бои на внешнем и внутреннем фронтах окружения при значительном разрыве между ними. В связи с этим было принято решение организовать вспомогательный пункт управления на левом берегу Западной Двины в районе восточнее Ржавки и с него организовать управление войсками, наступавшими на Лепель.

Мне хотелось бы подчеркнуть сложность обстановки, в которой в это время работал тыл. С одной стороны, с подходом войск к Западной Двине растянулись пути подвоза, дорог в полосе наступления армии было крайне недостаточно. К тому же они были разбиты наступавшими войсками, что сильно затрудняло продвижение автотранспорта. И все же тыловики, прилагая титанические усилия, преодолели трудности и справились со своей задачей и на этом этапе операции. В этом большая заслуга принадлежала поистине неутомимому начальнику тыла генерал-майору И. В. Сафронову.

Подлинными героями и энтузиастами своего дела были и работники медицинской службы. Они делали все, чтобы скорее поставить на ноги раненого или заболевшего воина — защитника нашей Родины. Только за первые дни операции они эвакуирова-

ли с поля боя и оказали квалифицированную медицинскую помощь более чем двум тысячам воинов. Особо хотелось бы отметить плодотворную деятельность армейского хирурга подполковника медицинской службы Г. Ф. Николаева. Георгий Федорович запомнился мне энергичным и неутомимым работником, умелым организатором, влюбленным в свою профессию человеком. Он умел в самые тяжелые моменты боевой обстановки организовать первую хирургическую помощь раненым и работать в сложнейших условиях.

В связи с форсированием Западной Двины передовыми частями армии немецко-фашистское командование еще в ночь на 25 июня начало отвод своих войск из района Витебска на запад и юго-запад. Чтобы обеспечить их отвод, оно стремилось во что бы то ни стало удержать за собой дорогу Витебск — Бешенковичи. Этим определился ожесточенный характер боев 25—27 июня.

Нашей первостепенной задачей в создавшейся обстановке было как можно быстрее форсировать Западную Двину главными силами и в высоких темпах вести наступление навстречу войскам 39-й армии 3-го Белорусского фронта с тем, чтобы замкнуть кольцо окружения вокруг витебской группировки противника. На этом и сосредоточили все свое внимание Военный совет, штаб и политотдел 43-й армии.

Для участия в окружении и уничтожении врага в районе Витебска от 43-й армии были выделены 60-й, 92-й стрелковые корпуса и 179-я стрелковая дивизия 1-го стрелкового корпуса. На внешнем фронте наступали 306-я и 357-я стрелковые дивизии и армейская подвижная группа в составе 10-й и 39-й гвардейских танковых бригад.

25 июня вновь развернулись ожесточенные бои за расширение плацдармов на левом берегу Западной Двины и за завершение окружения витебской группировки противника. В этот день части армии освободили Бешенковичи, перерезав на нескольких участках шоссе Витебск — Бешенковичи, а 179-я стрелковая дивизия (234-й стрелковый полк) овладела населенным пунктом Задорожье и соединилась с передовыми частями 19-й гвардейской стрелковой дивизии 39-й армии. Окружение противника в районе Витебска завершилось, витебский «котел» был захлопнут.

В этих боях массовый героизм проявили воины 234-го стрелкового полка подполковника Е. Т. Жгутова. Здесь вновь отличился первый стрелковый батальон майора М. Е. Волошина. Стремительно продвигаясь, отражая яростные контратаки врага, батальон первым соединился с частями 19-й гвардейской стрелковой дивизии и захлопнул крышку витебского «котла».

А вот еще запомнившиеся мне имена воинов, которые при выходе в район Задорожья были в числе первых. Это командир пулеметного расчета младший сержант Г. С. Лебедев и рядовой Азимов Роза. Расчет Г. С. Лебедева, преследуя противника, находился все время в боевых порядках своей роты. При подходе

к шоссе Бешенковичи — Витебск немцы, стремясь задержать наших бойцов, предприняли контратаку, пулеметчики заняли удобную позицию на фланге контратакующих и огнем с близкого расстояния начали расстреливать гитлеровцев. Неожиданный фланговый огонь ошеломил фашистов. Они заметались, стали искать укрытия, но их везде настигали пули отважных воинов. Пулеметчики помогли стрелкам отразить врага и успешно продолжать наступление.

Бесстрашным воином проявил себя и комсомолец Азимов Роза, наводчик ручного пулемета 1124-го стрелкового полка 334-й стрелковой дивизии, уроженец г. Джала-Абад Киргизской ССР. Огнем ручного пулемета он умело прикрывал продвижение товарищей, одним из первых форсировал Западную Двину и вышел на шоссе Бешенковичи — Витебск — на рубеж встречи с частями 39-й армии. Младший сержант Г. С. Лебедев и рядовой Азимов Роза за боевые дела, проявленное мужество и отвагу получили высокое звание Героя Советского Союза. Их имена навсегда вошли в боевую историю 334-й стрелковой дивизии.

Не могу не рассказать и о высоком воинском мастерстве и массовом героизме воинов стрелкового батальона 1124-го стрелкового полка 334-й стрелковой дивизии, которым командовал гвардии капитан Н. П. Луговской. Этот батальон при выходе к Западной Двине в районе д. Гринево ночью заготовил себе поплавки, сделал плотики. Командир батальона от разведки знал, что на вражеском берегу установлены пулеметы, орудия, на соснах прячутся снайперы и автоматчики, весь берег реки изрыт траншеями с множеством огневых средств.

Учитывая это, капитан Н. П. Луговской решил начать форсировать всем батальоном сразу на широком фронте, чтобы преодолеть водную преграду в минимально короткий срок и обрушиться на противника всеми наличными силами. Офицер разумно организовал взаимодействие с приданной артиллерией, которая должна была открыть огонь прямой наводкой по выявленным огневым целям противника.

На рассвете 25 июня капитан Н. П. Луговской положил на плот телефонный аппарат, взял с собой двух автоматчиков и первым спустился в воду. Тут же по сигналу из-за деревьев, кустов, кочек, из оврагов вышли воины рот, неся десятки плотиков, лодок и бревен и тихо спустили их на воду. Застигнутые врасплох, гитлеровцы не сразу обнаружили переправу батальона. Они опомнились только тогда, когда наши подразделения выплыли уже на середину реки. И тут фашисты открыли ураганный огонь. Мины и снаряды рвались в воде. Волны переворачивали плоты, и многие вынуждены были добираться до берега вплавь. Артиллеристы, поддерживавшие батальон, подавляя вражеские орудия и пулеметы, помогали пехотинцам овладеть плацдармом.

Переправившихся воинов становилось все больше, они объединялись в группы, отделения, взводы, поднимаясь с земли,

лезли на высокий обрыв, цепляясь за корни деревьев, кусты, врывались в траншеи врага. Как ни сопротивлялся противник, он не смог устоять против дружного натиска батальона. Отбросив врага от берега, батальон обходным маневром через густой лес вышел на шоссе Витебск — Бешенковичи в районе южнее Теребетовки соединился с частями 39-й армии 3-го Белорусского фронта.

Наступающим пришлось отбить несколько контратак врага, поддержанных танками и самоходными орудиями. При отражении последней контратаки фашистов батальон потерял своего смелого и мужественного командира. Он пал смертью храбрых в тот момент, когда трехдневные напряженные бои армии увенчались окружением витебской группировки немецко-фашистских войск. За образцовое выполнение боевых заданий командования при прорыве обороны, форсировании Западной Двины и завершении окружения противника капитану Николаю Петровичу Луговскому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

При форсировании реки и расширении плацдарма отличились многие воины 334-й стрелковой дивизии. Хотелось бы отметить разведчиков 1124-го стрелкового полка сержанта Н. А. Титова, рядового В. В. Белкова, помощника командира пулеметного взвода старшего сержанта В. Г. Федотова, командира отделения автоматчиков сержанта И. Г. Червякова, рядового И. Г. Королева, лейтенанта А. Н. Аксенова.

В борьбе с врагом геройски сражались воины и других дивизий. Так, в боях за Старое Село отличилось стрелковое отделение старшего сержанта Н. А. Никонова из 732-го стрелкового полка 235-й стрелковой дивизии. Оно первым ворвалось в деревню. Будучи раненным, комсомолец Никонов продолжал руководить боем. Отделение отбило несколько вражеских атак и удержало деревню до подхода других подразделений роты. За этот бой Николаю Андреевичу Никонову присвоено звание Героя Советского Союза.

Расскажу еще об одном герое — командире взвода 806-го стрелкового полка лейтенанте И. М. Касатонове. Взвод наступал в лесу, на фланге батальона. Вскоре высланные к дороге разведчики донесли, что фашисты под конвоем угоняют на запад советских людей. Взвод во главе с офицером Касатоновым броском перерезал дорогу и неожиданной атакой разогнал конвой, освободив 30 советских граждан. При преследовании конвоя бойцы ворвались в лагерь, перебили охрану и освободили еще 190 человек.

В ходе дальнейшего наступления, когда противник, прижатый к Западной Двине, отчаянно сопротивлялся, взвод лейтенанта Касатонова вышел лесом во фланг гитлеровцам и внезапно атаковал их. Фашисты разбежались, бросив две исправные пушки. Бойцы взвода быстро развернули трофейные орудия, выпустили по врагу 150 снарядов и не дали ему закрепиться на левом

берегу Западной Двины, чем обеспечили переправу батальона. За воинское мастерство, умелое управление взводом, доблесть, мужество лейтенант Иван Михайлович Касатонов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Оказавшись к середине дня 25 июня в окружении, противник сосредоточил в районе Гнездоловичи, Будилово пехоту, танки и артиллерию с намерением прорваться через слабые боевые порядки 234-го стрелкового полка и пробиться на запад вдоль шоссе Витебск — Бешенковичи. Он нанес сильные удары на внутреннем фронте окружения, в результате чего сложилась тревожная обстановка.

Чтобы не дать врагу уйти из «котла», требовалось усилить войска внутреннего фронта. Быстро сманеврировать силами с внешнего фронта не представлялось возможным из-за разрушенных фашистами дорог и нехватки автотранспорта. Все же и в этих условиях во второй половине дня нам удалось перебросить в район Задорожья армейский резерв — 712-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк и 14 танков. Кроме того, к концу дня сюда же подошли 417-й стрелковый полк 156-й стрелковой дивизии, 28-я гвардейская пушечная артиллерийская бригада, гаубичный артиллерийский и минометный полки 60-го стрелкового корпуса. Этот маневр силами и средствами позволил разрядить напряженную обстановку, создавшуюся в районе Задорожья.

26 июня 60-й и 92-й стрелковые корпуса во взаимодействии с 39-й армией 3-го Белорусского фронта вели напряженные бои с целью рассечения и ликвидации витебской группировки противника. При этом основное внимание было обращено на разгром врага, действовавшего перед 60-м стрелковым корпусом и 179-й стрелковой дивизией, что лишало его возможности выйти из окружения. Удар наносился на Теребетовку, Старо Село, Островну. 92-й стрелковый корпус должен был наступать 204-й стрелковой дивизией на Дорогокупово, а 145-й — на северную окраину Витебска для соединения в этих районах с частями 39-й армии. Остальные силы армии в это время развивали наступление на Лепель. Противник беспрерывно контратаковал, стремясь вырваться из окружения. Но участь его была уже предрешена.

Гитлеровцы пытались вырваться из окружения. Только 26 июня они предприняли 22 контратаки силами от одного до двух полков с танками при огневой поддержке 10—12 батарей. В результате ожесточенных боев и ценой огромных потерь часть вражеской группировки прорвалась из окружения в район лесов у оз. Мошно, угрожая нашему тылу. Часть этой, сравнительно небольшой, до 1000 человек, но хорошо вооруженной группировки с танками начала движение в сторону населенного пункта Ржавка. Восточнее его был расположен ВПУ 43-й армии, где находился и я. Выход противника к Ржавке мог бы принести нам немало неприятностей. Пришлось срочно навстречу противнику

выслать прикрытие от 179-й стрелковой дивизии и 35-го отдельного полка связи. Как показали последующие события, этого оказалось достаточно, чтобы не допустить прорвавшегося противника к ВПУ и переправам через Западную Двину.

В ночь на 26 июня правофланговые части 39-й армии 3-го Белорусского фронта форсировали Западную Двину и во взаимодействии с 92-м стрелковым корпусом 43-й армии полностью овладели Витебском.

Первым из частей 43-й армии в Витебск с севера ворвался 599-й стрелковый полк 145-й стрелковой дивизии. Этот полк под командованием подполковника Д. И. Серебрянникова в упорных уличных боях очистил несколько кварталов города. Здесь отличилась стрелковая рота, которой командовал старший лейтенант А. Ш. Темиров. Его рота одной из первых в полку вошла в Витебск и после тяжелого боя, умело применив маневр, захватила несколько домов, уничтожив до 80 гитлеровцев и захватив трофеи: 7 пулеметов, 2 пушки и 30 автоматов.

В жарких боях на улицах Витебска смело действовала батарея 759-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка под командованием старшего лейтенанта А. М. Емельянова. Батарея, поддерживая наступление первого стрелкового батальона 599-го стрелкового полка, не допустила выхода из окружения автоколонны врага и отбивала его контратаки в уличных боях.

Стремительно и инициативно действовала 7-я стрелковая рота 729-го стрелкового полка. Ротой командовал капитан С. Ф. Чернышев, который в наступательных боях за Витебск проявил высокое мужество, воинское мастерство, смелость и отвагу. Его рота первой на своем участке ворвалась в город. За мужество, умение управлять боем роты и инициативу Сергей Федорович Чернышев был награжден орденом Красного Знамени.

Примером воинской доблести и мастерства являются действия пулеметного расчета сержанта Чижова из 599-го стрелкового полка. Пулеметчики в результате смелого налета не дали гитлеровцам уничтожить мост через Западную Двину. Умелым маневром расчет вырвался вперед, подбежав к мосту, огнем пулемета уничтожил группу вражеских подрывников и оборвал горящий шнур. Подошедшие саперы извлекли 1,5 т взрывчатки.

Подобных примеров можно привести сотни.

Утром 27 июня остатки окруженной группировки гитлеровцев приняли ультиматум Советского командования о капитуляции и сдались в плен. В боях за Витебск фашисты потеряли 20 тыс. убитыми, более 10 тыс. пленными, много вооружения и техники.

За время Витебской операции войска 43-й армии прорвали глубоко эшелонированную оборону в условиях лесисто-болотистой и озерной местности, форсировали ряд рек и продвинулись на 110—120 км. Во взаимодействии с 6-й гвардейской и 39-й армиями они окружили и разгромили витебскую группировку противника.

Большое значение в успешном завершении операции имело то, что нам удалось сохранить в тайне масштабы готовящегося наступления, обучать войска в условиях, приближенных к обстановке боевых действий, вести активную партийно-политическую работу, направленную на воспитание воинов в духе беспредельной преданности Коммунистической партии, Советской Родине. Кропотливая организаторская и воспитательная работа командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций позволила найти путь к сердцу каждого воина. В бою решающее значение имел личный пример коммунистов и комсомольцев, их умение в критическую минуту боя воодушевить воинов и повести за собой. Важным фактором наступательного подъема и укрепления моральной стойкости в бою являлась работа командиров, политработников, коммунистов и комсомольцев, информировавших войска о победах на соседних участках и о героях боев.

Личный состав глубоко понимал свой воинский долг и проявлял чудеса героизма. Отважно и мужественно сражались воины всех родов войск — пехотинцы, артиллеристы, танкисты, саперы, связисты. Вспоминается, как много труда вложили пехотинцы, артиллеристы и танкисты в решение хотя бы одной проблемы — общими усилиями ликвидировать паузу между концом подавления врага артиллерией и началом атаки наших пехоты и танков. Новые приемы боевых действий рождались в результате тесного творческого содружества всех родов войск.

Большую помощь наземным войскам оказала авиация. Она подавляла артиллерию, бомбила противника в районах скопления и на дорогах, прикрывала переправы через Западную Двину.

Теплые чувства оставила у меня и боевая работа инженерных войск. Сколько инициативы, находчивости, изобретательности проявили саперы, чтобы обеспечить боевые действия армии.

Невозможен был бы успех наступления без важного труда работников снабженческих органов и медицинского обеспечения.

Боевые дела войск 43-й армии были отмечены правительственными наградами. Звание Героя Советского Союза получил 51 человек. Орденами и медалями было награждено 4899 человек.

Уже 30 лет прошло с той поры. Годы многое унесли из памяти — встречи, названия населенных пунктов, волнения тех дней, но перед глазами зримо стоят картины тех трудных боев с жестоким и сильным врагом. Не изгладится также из памяти изумительная воинская доблесть, смелость и мужество воинов 43-й армии, с которыми мне пришлось участвовать в боях по освобождению Белоруссии. Наши воины, воспитанные Коммунистической партией, не жалея сил, не щадя себя, стремились как можно быстрее освободить временно оккупированные районы своей Родины. Теперь приятно и радостно сознавать, что на освобожденной советской земле строится коммунизм. Это — лучший памятник воинам, погибшим в борьбе за Отчизну.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ

А. В. ГОРБАТОВ

3-я АРМИЯ В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ

ЧАСТНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Общему наступлению войск 1-го Белорусского фронта в июне 1944 г. в Белоруссии предшествовал ряд частных операций, четыре из них были осуществлены по инициативе командования 3-й армии [1].

Во второй половине октября 1943 г. армии фронта вели бои местного значения: 48-я армия — между Днепром и Сожем, 11, 63 и 3-я армии — на рубеже р. Сож, а 50-я армия — на р. Проне. 3-я армия имела на р. Сож небольшие плацдармы.

Я в то время командовал войсками 3-й армии. Однажды во время моего очередного доклада командующему фронтом К. К. Рокоссовскому он спросил:

— А как дело обстоит с боями местного значения, не удалось ли еще на каком-либо участке выйти на западный берег р. Сож?

[1] 3, 63 и 50-я армии Брянского фронта в начале 1944 г. были переданы в Центральный, а затем в 1-й Белорусский фронт.

— Нет, подходящего плацдарма пока занять не удалось,— ответил я.— Река, товарищ командующий, глубокая, пойма широкая, берег крутой и высокий, а дивизии, как вам известно малочисленны. Снарядов и мин в армии менее $^1/_5$ боекомплекта. В таких условиях начинать бой нецелесообразно, мы понесем большие потери, а успеха не добьемся. По моему мнению,— продолжал я докладывать,— можно предпринять активные действия в полосе нашего правого соседа — 50-й армии. В 10—15 км севернее г. Пропойска река не такая широкая, там имеются хорошие подходы и брод. Полагаю, что если противника атаковать внезапно, то можно захватить плацдарм больше тех, которые мы имеем. Если бы полоса нашей армии увеличилась километров на 15 за счет 50-й армии, то мы могли бы там поактивничать даже при условии, что 50-я армия выведет с этого участка войска.

Поскольку речь шла об увеличении полосы нашей армии, командующий, не задумываясь, согласился, и на другой день мы получили приказ на проведение операции.

Осуществив необходимую перегруппировку и сосредоточение войск, 25 октября войска армии внезапно атаковали противника и захватили плацдарм до шести километров по фронту и трех километров в глубину. В этот день наши части потерь почти не имели. Однако уже на второй день боя сопротивление противника резко возросло, нашим войскам приходилось отбивать многочисленные контратаки. Плацдарм удалось углубить лишь на один километр, а потерь было в два раза больше, чем накануне. Из опроса пленных нам стало известно, что противник значительно усилил это направление за счет резервов, в том числе тех, которые нацелил против 50-й и 3-й армий.

В этой обстановке я принял решение перейти к жесткой обороне.

Результаты боя и это решение доложил командующему фронтом. Он остался доволен результатами, согласился с моим решением и рекомендовал принять меры к тому, чтобы противник продолжал думать, что мы не отказались от дальнейших активных действий с захваченного плацдарма.

Выполняя это указание командующего, в лесах в районе плацдарма мы жгли костры, четырьмя танками создавали шум моторов, отдельными орудиями с новых огневых позиций производили пристрелку перед плацдармом и осуществляли многие другие мероприятия с целью ввести противника в заблуждение в отношении наших дальнейших планов.

Видимо, противник поверил в серьезность наших намерений, активизировал свои действия, осуществил сильные огневые налеты по ложным объектам. Местность перед плацдармом ночью он непрерывно освещал.

Дней через семь мне доложили о сосредоточении в районе Рудни вражеских войск, вероятно, для того, чтобы ликвидировать

наш маленький плацдарм на западном берегу р. Сож, а может быть, и для чего-нибудь более серьезного.

Я выехал на наблюдательный пункт. Мне доложили, что позавчера хорошо видели, как два батальона, каждый примерно по 300 человек, спускались с бугорка в трех километрах за д. Рудня. Повторилось это и на следующий день.

— А в какое время это происходило?— спросил я.

— За 20—30 минут до наступления темноты, возможно, они подходили и при темноте.

Я приказал вести тщательное наблюдение и о всем замеченном немедленно докладывать. Приказ был передан в роте, расположившейся за рекой.

Вернувшись в штаб, я собрал своих помощников и, сообщив им то, что слышал от наблюдателей, предложил оценить эти сведения.

Мнения были разные: одни утверждали, что противник подводил войска, видимо, не только вечером, но и в темноте, другие предполагали, что командование противника меняет войска в районе д. Рудня, и т. д.

Затем я сообщил свое мнение: если бы противник намеревался осуществить какие-то боевые действия, он не показал бы батальоны за 20—30 минут до темноты, а подводил бы их с наступлением темноты.

Более вероятно, что он показывает один и тот же батальон, двигая его вокруг этой высотки, стараясь ввести нас в заблуждение относительно своих сил в этом районе.

Вскоре мы убедились в правильности этих выводов. Одна из дивизий, оборонявшаяся против нас, была засечена перед войсками, находившимися за Днепром.

Я попросил командующего фронтом уменьшить полосу 3-й армии, вернув полоску в 15 км обратно 50-й армии. На вопрос К. К. Рокоссовского, почему я прошу об этом, доложил, что просьба объясняется следующими соображениями: командующий 50-й армией начнет выводить на плацдарм две дивизии, и противник посчитает, что мы усиливаем свои войска и собираемся продолжить наступление с плацдарма, а в это время незаметно для противника все три дивизии 3-й армии будут выведены с плацдарма. Затем, оставив в обороне по р. Сож два полка, остальные силы армии перейдут в наступление с целью выхода к Днепру. Дивизии армии попытаются освободить Довск, чтобы отрезать путь отступления противнику, занимающему Гомель и прилегающий к нему район. Командующий фронтом согласился и спросил, когда мы планируем начать наступление.

— Числа 25 ноября,— ответил я.

— А нельзя ли ускорить дня на три, так как противник сильно нажимает на войска, что за Днепром?

— Можем начать и 22 ноября, если фронтовые транспортные средства срочно подвезут нам боеприпасы...

Так по инициативе командования 3-й армии зародилась новая операция, вторая по счету.

О ней и пойдет ниже речь.

Началась она 22 ноября 1943 г. с южного плацдарма площадью 2 × 2,5 км. В ночь перед наступлением на этом небольшом, но густо заросшем ивняком плацдарме были сосредоточены полки первых эшелонов четырех стрелковых дивизий. Две дивизии наступали на запад, а две другие сворачивали боевые порядки противника вдоль реки к северу и югу, часть их сил находилась в обороне по р. Сож. В первый день операции войска должны были сосредоточиться на западном берегу р. Сож, а с утра второго дня развивать наступление на запад. Сплошной лес на восточном берегу реки и кустарник на плацдарме скрывали от врага перегруппировку армии к югу и сосредоточение на плацдарме. Кроме уже имевшегося моста к плацдарму, на заблаговременно забитых сваях было построено еще два моста и наведены штурмовые мостики из заготовленных деталей. Учитывая трудности в переброске артиллерии на высокий берег, решили переправить специально подготовленные артиллерийские расчеты с офицерами, чтобы полностью использовать захваченные у врага артиллерию, минометы и боеприпасы для стрельбы по нему.

На рассвете, после десятиминутного мощного артиллерийского налета, наши войска быстро преодолели нейтральное пространство и в течение первого часа овладели двумя вражескими траншеями и деревнями Костюковичи, Салабута и Студенец. Наступление развивалось успешно. За день наступавшие войска армии захватили плацдарм в 20 км по фронту и 14—17 км глубиной. Несмотря на слабую укомплектованность, войска добились поставленной цели и понесли при этом незначительные потери. Потери противника были бо́льшими. Захваченные пленные показали на допросе, что они совсем не ожидали нашего наступления на этом участке.

Штаб фронта в этот день нас не тревожил. «Вероятно, не верят в наше мероприятие»,— высказал мнение начальник штаба армии генерал М. В. Ивашечкин.

Когда командующий фронтом узнал результаты первого дня наступления, он был приятно удивлен и сказал:

— Так, развивайте успех, жмите, сколько хватит сил! Это отлично, просто изумительно!

И мы делали все возможное, чтобы добиться еще больших результатов. Войска армии продолжали продвигаться вперед, хотя сопротивление противника все усиливалось за счет ввода в бой свежих резервов, подтягиваемых немецко-фашистским командованием из глубины и снимаемых с других участков фронта.

На третий день наступления командир 362-й стрелковой дивизии генерал В. Н. Далматов доложил:

— Пропойск не входит в полосу нашей армии, но мы можем его освободить.

В 13 часов того же дня дивизия очистила от врага Пропойск, а к исходу дня — и деревни Шеломы и Ржавку.

283-я стрелковая дивизия под командованием отважного и расчетливого полковника В. А. Коновалова, преодолевая сопротивление и контратаки противника, к 17 часам третьего дня наступления вышла к Днепру, овладев населенным пунктом Селец-Холопеев. Таким образом, боевые порядки противника до Днепра были рассечены, и он лишился рокадного шоссе, идущего от Могилева на Довск, Гомель, Рогачев.

Четыре дивизии армии наступали по расходящимся направлениям, не имея связи между собой, кроме как по радио. Лишь три дивизии имели тактическое взаимодействие. Они наступали в юго-западном направлении, их целью было овладеть Довском, узлом шоссейных дорог, чтобы отрезать путь отхода противнику, занимавшему Гомель и его район, и вынудить его оставить город. Ему не осталось иного выхода, как перебрасывать войска против нашей группировки к местечку Довск. Положение нашей армии становилось исключительно сложным, можно сказать, опасным, фронт армии растянулся и достигал более 100 км. Резерв армии был уже израсходован, между армией и правым соседом образовался разрыв в 35 км, артиллерийских снарядов и мин оставалось менее $^1/_3$ боекомплекта, дороги были почти непроходимы, подвоз крайне затруднен. В этих условиях мы широко использовали боеприпасы, захваченные у противника.

Оценивая сложившуюся обстановку, мы понимали, что уже достигнут большой успех, что противник не может удержать район Гомеля и будет вынужден отступать, но, оставив этот район, он обрушит на нас крупные силы. Не исключалась также возможность удара с севера по шоссе от Могилева. Беспокоил нас и огромный разрыв с 50-й армией, которая еще не перешла в наступление своим левым флангом. Успокаивали же мы себя тем, что без риска на войне не обойтись (а наш риск мы считали обоснованным), что наши соседи своими действиями улучшат общее положение, в частности положение на флангах нашей армии. Надеялись мы, как оказалось, не напрасно, вскоре правый сосед подтянул свой левый фланг, а левый сосед — 63-я армия, используя наш успех перенесла усилия на свой правый фланг, облегчив положение 3-й армии. Боясь за правый фланг армии — могилевское направление, 362-й дивизии было приказано оставить один полк в с. Хачинка до подхода соседа, а остальными силами сосредоточиться в д. Большая Зимница — это был резерв армии, крайне необходимый в такой сложной обстановке.

На четвертый день боя 283-я стрелковая дивизия овладела населенным пунктом Обидовичи на берегу Днепра, но в то же время под ударами частей подошедшей из района Орши 95-й пехотной дивизии противника после ожесточенного боя, в котором было подбито восемь танков, была вынуждена оставить Селец-Холопеев.

121-я стрелковая дивизия овладела районным центром Корма у нашей левой границы на р. Сож и продвинулась к западу на десять километров.

Противник начал отход из Гомеля и его района, не допустив наши войска к Довску. На пятый день операции в Москве был дан салют в честь освободителей Гомеля. Нашей 283-й дивизии, 584-му истребительному и 295-му гвардейскому артиллерийским полкам было присвоено наименование «Гомельских». Хотя соединения и части 3-й армии находились далеко от Гомеля, но их роль в освобождении города по заслугам была оценена высоко.

269-я стрелковая дивизия, совершив по инициативе командира дивизии, исключительно храброго и инициативного полковника А. Ф. Кубасова, сложный маневр, в ночном бою овладела м. Журавичи, Хотовней и вышла к р. Гутлянке. Про таких офицеров, как Алексей Федорович Кубасов, говорят, что они проявляют творчество и здоровую инициативу, выполняют задачу с малыми потерями.

На этом наступление войск армии закончилось.

В результате проведенной операции к 2 декабря 1943 г. войска 3-й армии вышли к Днепру на фронте от Селец-Холопеев до Гадиловичи. Правый сосед — 50-я армия, продвинувшись своим левым флангом на 35 км, находилась в 15 км от Днепра; левый сосед — 63-я армия продвинулась в своих границах на 45 км, не дойдя до Днепра лишь 6—12 км. Здесь, на восточном берегу Днепра, противник удерживал плацдарм в 46 км по фронту, который прикрывал города Рогачев, Жлобин и железную дорогу, идущую по западному берегу Днепра. Улучшилось положение и 65-й армии, находящейся за Днепром. Мы уже упоминали, что наступление войск 3-й армии содействовало освобождению Гомеля и ряда его районов. Потерь 3-я армия имела немного, а пленных, вооружения и других трофеев захватила много.

Этому успеху способствовали не только правильная оценка обстановки, правильный выбор участка и времени для наступления и самоотверженные действия войск в ходе боев, но и то, что войска левого крыла фронта уже находились за Днепром, что предварительно был захвачен плацдарм на р. Проне, приковавший к себе значительную часть резервов противника.

Мы вполне могли быть довольны своими успехами. Но мы понимали, что, как только окрепнет лед, нам надо захватить плацдарм за Днепром, который мог бы облегчить общее наступление. Для этой цели был выбран участок в излучине реки за с. Шапчинцы.

Войска правого фланга армии еще не вышли за Днепр, на их пути противник удерживал так называемый бховский боевой участок площадью 10×12 км, ограниченный с юга р. Бобровкой, с севера р. Ухлясть, с запада Днепром, а с востока населенными пунктами Узники и Палки. Этот участок имел важное зна-

чение для обеспечения нормальной работы железной дороги Жлобин — Могилев. Кроме того, враг постоянно угрожал нападением с этого участка вдоль шоссе Могилев — Гомель. Поэтому вполне понятно, что мы стремились как можно быстрее ликвидировать этот участок, к тому же, из различных источников нам стало известно, что участок обороняется одной 267-й пехотной дивизией, штаб которой находится в д. Прибор.

Получив разрешение на проведение этой операции, мы начали ее готовить.

В первую очередь был подготовлен специальный отряд, основу которого составлял лыжный батальон, предназначавшийся для уничтожения штаба 267-й дивизии противника. Отряд готовил генерал П. П. Собенников — мой заместитель. В отряде имелись группы захвата, охранения и резерв. Личный состав отряда учился ходить по азимуту, отвечать по-немецки на оклики, усваивал систему сигналов и способов распознавания своих и чужих и т. д.

После некоторого отдыха в полночь 4 января 1944 г. отряд под командованием капитана Тайвавхайнена выступил и начал продвигаться по долине Днепра. Впереди отряда шли проводник — местный крестьянин А. В. Загришев и переводчик. Связь со штабом армии обеспечивал исключительно храбрый майор Левченко. При подходе к д. Прибор немецкий часовой окликнул наших дозорных: «Кто идет»?

— Офицер,— был ответ по-немецки.

Часовой был снят, началось уничтожение штаба, радиостанций, автомашин. Жители деревни были выселены, мы это знали. Спустя 40 минут после начала боя штаб дивизии противника перестал существовать, отряд направился к югу по намеченному пути. На сборный пункт не явилось 18 человек, из них 12 позднее догнали отряд.

С рассветом 4 января соединения армии атаковали противника с востока и юга: 267-я пехотная дивизия врага понесла большие потери и оставила этот участок. Войска армии во всей полосе вышли к Днепру, а правый сосед, подтянув свой фланг еще на 8 км, не дошел до реки лишь 7 км.

После этой операции в первом эшелоне армии в обороне мы оставили три дивизии, а пять были выведены во второй эшелон с целью подготовки их к захвату плацдарма на западном берегу Днепра. На этом закончилась наша третья частная операция.

В долине реки, там, где Днепр своим изгибом подходил близко к нашей обороне, мы забили сваи в двух местах и уже заготовили верхнее строение. Но в это время противник контратаковал войска 65-армии за Днепром. Нужно было ее усилить, но свободных сил у командующего фронтом не было. Где взять? Конечно, у 3-й армии, поскольку у нее в это время во втором эшелоне было пять дивизий и она вышла на Днепр. У нас взяли три дивизии. Пытаться захватить плацдарм на западном берегу Днепра оставшимися двумя дивизиями не имело смысла, ибо если

бы нам и удалось его захватить, используя внезапность, то удержать его мы не смогли бы.

63-я армия, стремясь выйти на Днепр, много раз переходила в наступление, но успеха не имела.

Однажды я спросил разрешения у командующего фронтом приехать к нему для доклада. Он разрешил, но предупредил, что усилить армию даже полком не может.

Прибыв в штаб фронта, я обратил внимание К. К. Рокоссовского и начальника штаба фронта генерала М. С. Малинина на то, что 63-я армия, желая прогнать противника с плацдарма, много раз наступала, много людей потеряла, но не продвинулась и на $^1/_2$ км, и все потому, что у нее имеется лишь пять дивизий и один 115-й укрепленный район (УР). У нас к тому времени тоже было пять дивизий. Вполне сознавая необычность своего предложения, я все же попросил командующего фронтом объединить войска и полосы обеих армий под моим командованием. Не пройдет и десяти дней, как мы перейдем в наступление, заверил я, и не только прогоним противника с его плацдарма на восточном берегу Днепра, но и захватим еще больший плацдарм на западном берегу.

Такое необычное в практике взаимоотношений между командармами предложение поразило даже К. К. Рокоссовского, привыкшего к самым разнообразным планам и замыслам.

Улыбнувшись и помедлив с ответом, он обратился к М. С. Малинину:

— А что, если поверить обещанию товарища Горбатова и согласиться с его предложением?

М. С. Малинин ответил:

— Нужно сначала послушать соображения товарища Горбатова.

Развивая свои соображения, я указал на то, что, когда у нас было восемь дивизий, мы намеревались захватить плацдарм против с. Шапчинцы. Для этого в изгибе реки мы уже забили сваи и заготовили лес. Если же фронт подчинит 3-й армии войска 63-й армии, то можно будет решить бóльшую задачу: форсировать Днепр ближе к плацдарму противника у населенных пунктов Свержень и Кистени, в течение 2—3 дней захватить Рогачев, расположенный в тылу плацдарма противника, что вынудит его оставить плацдарм без боя. В этом случае наши войска выйдут на р. Друть и севернее населенного пункта Новый Быхов. В первом эшелоне будут форсировать Днепр пять стрелковых дивизий 3-й армии, а развивать успех — пять дивизий 63-й армии.

— А кто же у вас будет оборонять 85-километровый фронт?— спросил командующий.

— Против плацдарма противника можно оставить в обороне лишь 115-й УР, а по Днепру — запасный армейский полк, заградительный батальон и роту. Кроме того, намерен просить вас сузить полосу армии на 7 км, передав их 50-й армии с тем,

чтобы она поставила на этот участок одну стрелковую дивизию и прочно обеспечила бы наш фланг по шоссе от Могилева по восточному берегу. А еще лучше, если бы 50-я армия, хотя бы небольшими силами, зацепилась за западный берег Днепра в то время, когда мы приступим к форсированию реки. Что касается нашего левого соседа — 48-й армии,— продолжал я,— то она должна своими действиями удерживать перед собой противника, не допустив переброски его против нас. На перегруппировку войск и подготовку удара потребуется не менее 10 суток. За это время мы сможем незаметно для противника завершить подготовку к наступлению.

На этом мой доклад был окончен.

— Все ваши просьбы будут удовлетворены,— ответил командующий,— продолжайте подготовку, а я договорюсь с Москвой о ликвидации 63-й армии.

Вернувшись в армию, я сообщил Военному совету и своим помощникам о результатах поездки. Обещание, данное командующему, показалось всем слишком большим. Большое, ответил я, не значит невыполнимое. Будем готовиться к большим делам.

13 февраля мы получили телеграмму, в которой сообщалось, что войска 63-й армии передаются в наше подчинение. В тот же день командующий позвонил мне и рекомендовал подготовку сократить с 10 до 8 дней и начать наступление 21 февраля. Свое пожелание он мотивировал тем, что 23 февраля — праздник Красной Армии и в честь знаменательного дня желательно освободить Рогачев.

В случае удачи по этому поводу будет дан салют, обещал он.

18 февраля 1944 г. нами была получена директива фронта. В ней указывалось: начать наступление 21 февраля силами не менее 7 стрелковых дивизий на участке Свержень — Кистени, прочно обороняя остальной фронт, 22-го освободить Рогачев и Новый Быхов, 23-го — Жлобин, выйти на рубеж в 45 км за Днепром и развивать наступление на Бобруйск.

Ознакомившись с директивой, всегда сдержанный член Военного совета армии генерал И. П. Коннов не вытерпел и сказал: «Да, верна поговорка «аппетит приходит во время еды». Ведь не указали, каким количеством прочно оборонять 85-километровый фронт, а для семи дивизий захватить плацдарм в 90 км по фронту и в 45 км глубиной с форсированием Днепра, Друти и Добысны — задача необычная и очень сложная.

Взгляды присутствующих были устремлены на меня.

Обращаясь к начальнику штаба армии, я сказал: приказ есть приказ, поскольку наши задачи, поставленные соединениям, расходятся с данной директивой, нужно их привести в соответствие, а все остальное оставить без изменения.

Что было нам известно о противнике?

Из опроса пленных мы узнали, что перед нашими войсками обороняются 31, 296, 6 и 211-я пехотные дивизии противника,

в Бобруйске находится еще одна пехотная дивизия, которая может принять участие в операции на второй день; там же находится 150 бомбардировщиков и 30 истребителей.

Передний край вражеской обороны проходил по высокому берегу Днепра, в том числе там, где мы намеревались форсировать реку, так как считали, что немцы здесь меньше всего ожидают нашего удара. Первая позиция врага состояла из трех траншей, имелись минные поля и проволочные заграждения. Вторая позиция проходила в пяти километрах от первой и состояла из двух траншей. На р. Друть была подготовлена вторая полоса обороны противника.

Из-за сильной оттепели на реке образовались полыньи, лед местами отошел от берегов. Начало вскрытия реки предсказывали 15 марта.

Предстояла серьезная операция, многое нужно было предусмотреть, и не только при захвате плацдарма, но и при удержании его. Прокладывались колонные пути к реке, почти вся артиллерия была поставлена на новые огневые позиции, как можно ближе к берегу. Проведено совещание с командирами корпусов и дивизий и их заместителями.

Мы отдавали себе отчет, насколько рискованно идти за Днепр всеми десятью дивизиями при крайне ослабленной обороне на остальном 85-километровом фронте, но мы верили в свои силы, в успешный исход операции. Правда, я особенно опасался возможного удара противника с севера. Но после того как на этот участок была поставлена одна из дивизий 50-й армии, эта опасность миновала.

20 февраля подготовка была закончена. Запасный полк занял оборону на широком фронте по Днепру, перед плацдармом немцев находился 115-й укрепленный район.

К 6 часам 21 февраля войска армии заняли исходное положение в 200 м от противника за Днепром. Два лыжных батальона были подняты в 23 часа, в час ночи тронулись в путь по долине р. Днепр, чтобы на рассвете захватить Рогачев и удержать его до подхода войск армии.

Естественно, как всегда перед наступлением, мне не спалось, я долго прислушивался, стараясь понять, удалось ли отряду незаметно проникнуть в тыл немцев. Но вот в два часа началась беспорядочная стрельба, послышались взрывы гранат, к небу взвились ракеты. Так же внезапно все прекратилось через 10—15 минут. Я подумал: наши выдержали и, не открывая огня, проникли в тыл. Действительно, в 3 часа 30 минут мне доложили, что от начальника лыжного отряда получен сигнал, означающий, что отряд в тылу противника. Я подошел к домику, где отдыхал член Военного совета фронта К. Ф. Телегин. У него тишина, и горел слабый свет. Я вернулся в соседний дом, чтобы отдохнуть.

В 6 часов 30 минут я был уже на ногах, мне доложили, что войска заняли исходное положение, а из лыжного отряда по-

ступило донесение: на окраине города отряд встречен организованным огнем врага, отошел на дороги, чтобы не допустить подхода резервов противника.

Едва начало рассветать, как раздался грохот 800 орудий. Через 15 минут, когда огонь был перенесен в глубину, наши войска атаковали позиции немцев. Выйдя на противоположный берег, саперы немедленно приступили к устройству въездов нашей артиллерии и машин на крутой берег. Менее чем через час был получен сигнал об овладении войсками траншеей и населенным пунктом на противоположном берегу. Воины ликовали. Генерал Телегин сказал: «Это прекрасно!»

Особенно упорно противник оборонял д. Кистени. Чем дальше продвигались наши войска, тем сильнее он сопротивлялся. Наша артиллерия частично находилась в движении, а та, которая продолжала стоять на прежних позициях, вела огонь на предельной дистанции. Противник же снарядов не жалел.

В этой обстановке большую помощь наступавшим войскам оказали заранее подготовленные нами артиллерийские расчеты, которые успешно вели огонь по врагу из захваченных у него орудий и минометов.

Поднявшийся на западный берег Днепра 36-й танковый полк с большим трудом с ходу атаковал противника в с. Мадоры, но 6 его танков из 16 были подбиты, и полк отошел в боевые порядки наших войск.

Получено было новое донесение лыжного отряда, что он ведет бой с подходящими с запада гитлеровцами и имеет пленных. Решение перехватить пути отхода из Рогачева было правильным, так как противник, видимо, успел предупредить рогачевский гарнизон о появлении в тылу нашего отряда. Внезапность была утеряна, и поэтому атаковать Рогачев в этой обстановке не имело смысла.

Много неприятностей наступавшим войскам причиняла немецкая авиация.

За первый день войска армии захватили плацдарм в 14 км по фронту и 5 км в глубину, но тактическую оборону противника прорвать не удалось. Объяснялось это главным образом отставанием нашей артиллерии, отсутствием танков и слабой авиационной поддержкой наступавших войск.

К исходу третьего дня наступления наши войска овладели Рогачевом и вышли на р. Друть. В ходе боев к войскам армии присоединилось до 5 тыс. партизан. Противника отбросили за р. Друть, где он начал закрепляться.

24 февраля в честь наших войск в Москве был дан салют.

Следующий день операции характеризовался яростными контратаками врага. Тем не менее все они были отбиты, и наши войска захватили небольшой плацдарм за р. Друть 11 км по фронту и 3 км в глубину. Был захвачен также плацдарм у г. Рогачева.

За четыре дня операции мы достигли немалых результатов. Без потерь ликвидировали плацдарм противника на восточном берегу Днепра, овладели плацдармом на западном берегу Днепра площадью 60×30 км и небольшим плацдармом на р. Друть, освободили г. Рогачев, перерезали железную дорогу Жлобин — Могилев, захватили 18 танков и 5 самоходок, 22 бронемашины, 170 орудий и минометов, 2106 винтовок, 300 пулеметов, 102 автомашины и много других трофеев, взяли в плен много солдат и офицеров врага.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 26 февраля 1944 г. 120-й гвардейской, 169-й и 269-й дивизиям, 13-й зенитной артиллерийской дивизии, 40-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригаде, 554-му армейскому пушечному артиллерийскому полку, 286-му армейскому минометному полку, 36-му и 160-му танковым полкам, 2-й штурмовой инженерной бригаде, 48-му понтонно-мостовому батальону, 9-му гвардейскому инженерному батальону, 141-й отдельной огнеметной роте было присвоено наименование «Рогачевских».

Оценив создавшуюся обстановку, Военный совет армии решил перейти к прочной обороне. Однако с этим решением не был согласен командующий фронтом. Он требовал продолжать наступление на Бобруйск. Это был первый случай, когда мы разошлись во мнениях с таким авторитетным и уважаемым в войсках военачальником, как К. К. Рокоссовский. Вмешалась Ставка и решила, что правы мы. Я побаивался, что после этого у нас с К. К. Рокоссовским испортятся отношения. Но не таков был Константин Константинович. Он по-прежнему ровно и хорошо относился ко мне.

Еще будучи в течение пяти лет солдатом царской армии, я привык к дисциплине и сам требовал, чтобы приказы выполнялись безоговорочно, но в данном случае я сознательно пошел на невыполнение приказа, поскольку полагал, что лучше мне одному ответить, если я окажусь неправ, нежели подставить войска армии под удар, понести неоправданные потери и потерять плацдарм за Днепром. Представив письменное объяснение К. К. Рокоссовскому о мотивах своего поступка, я просил его доложить это объяснение Верховному Главнокомандующему. Просьба моя была удовлетворена. Я полагал, что буду переведен на другой фронт, но из Москвы последовало указание остаться мне на своем посту.

Зная, что перед нами крупные силы противника, в том числе подошедшие три танковые и три пехотные дивизии, мы были настороже. Спешно окапывались, создавали глубокую оборону с фланкирующими огнями. Оборонявшимся на плацдарме за Друтью частям было указано, что их основная задача — не допустить вклинения противника с фронта. Обеспечение флангов поручалось войскам, оборонявшимся на восточном и западном берегах. К 28 февраля через р. Друть к плацдарму были построены два

свайных моста. Артиллерийские группы произвели тщательную пристрелку подступов к плацдарму.

Наши опасения за этот участок полностью оправдались. 1 марта после мощной и длительной артиллерийской подготовки противник предпринял атаки: три днем и две ночью. Все они были отражены с большими для гитлеровцев потерями. Между населенными пунктами Озеряне и Веричев враг в двух местах врывался в нашу первую траншею, но рукопашной схваткой был выбит, оставил в траншее 83 убитых и раненых.

На следующий день противник повторил мощную и длительную артподготовку, после чего снова предпринял атаку при поддержке авиации. Много раз разрушались мосты, но неутомимые саперы под руководством опытного и требовательного генерала Б. А. Жилина, несмотря на губительный огонь противника, быстро их восстанавливали.

Бои не прекращались и ночью. В ночь на 3 марта после сильной артподготовки противник атаковал боевые позиции наших войск. Вот заревели танки, еще не обогнав пехоты, они включили фары (вероятно, из боязни подавить своих, и стали видны плотные пехотные цепи. Со своей наблюдательной вышки, находившейся на восточном берегу р. Друть, я наблюдал этот бой. Насчитав 50 танков, я бросил считать, так как их было значительно больше. Море огневых всплесков переливалось над полем. С большой тревогой я вслушивался и вглядывался в ночную тьму. Выдержат ли наши славные защитники?

Фашистские танки, обогнав свою пехоту, выключили свет: ни пехоты, ни танков нам не стало видно, но треск стрелкового оружия и огонь артиллерии не уменьшались. Вдруг на всем фронте наступления фары снова зажглись, почти одновременно, как по команде, и хотя это были отдельные короткие вспышки света, притом направленные в сторону противника, все же удалось разглядеть вражескую пехоту, но уже отступавшую. Вздох облегчения вырвался у нас. Немцы отступают! Атака отбита!

От имени Военного совета армии по телефону я поблагодарил славных стрелков, пулеметчиков, артиллеристов и саперов с большим успехом.

Через два часа немецко-фашистские войска снова перешли в наступление, но уже с меньшим количеством танков. Наши воины, воодушевленные предыдущими успехами, отбили как эту, так и последующие за ней атаки с еще большими потерями для немцев. Так продолжалось три дня подряд. Я подумал, как хорошо, что мы вовремя перешли к обороне.

Командующий фронтом объявил благодарность всем защитникам плацдарма.

Все эти ночи мы почти не спали, так было и в четвертую ночь. А на рассвете этого дня тысячи глаз были обращены на поле боя, чтобы увидеть его после напряженных сражений. Сначала в утренней мгле можно было различить лишь силуэты

подбитых танков, а затем уже и трупы немецких солдат и офицеров.

Много было интересных эпизодов. Один из них закончился 23 года спустя после войны. Ефрейтор Мефодий Сорока в этих боях подбил три танка, а затем, будучи раненным, попал в госпиталь. Его представили к награде, но орден Отечественной войны нашел его лишь через много лет.

Несравнимо больше, чем за р. Друть, мы боялись за северное направление, за весь плацдарм за Днепром. Опасались, как бы немцы не начали наступления против наших войск по восточному или западному берегу Днепра. Мы торопились построить двухкилометровый высоководный мост, обеспечить себя на плацдарме продуктами и боеприпасами на 50 суток — на период разлива реки. Все это мы смогли сделать благодаря предприимчивости и работоспособности заместителя командарма по тылу генерала М. П. Еремина, начальника инженерных войск фронта А. И. Прошлякова и Б. А. Жилина.

Когда же противник предпринял попытку нанести удар по нашим войскам со стороны Быхова, он получил по заслугам и больше на этом участке активные действия не возобновлял. В заключение необходимо заметить, что захваченный войсками армии плацдарм на западном берегу Днепра сыграл большую роль в последующем наступлении в Белоруссии летом 1944 г.

ОБЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Времени для подготовки предстоящего летнего наступления в Белоруссии было достаточно — $3^1/_2$ месяца. Штаб армии и командиры соединений хорошо изучили оборону противника. Она состояла из заранее подготовленных оборонительных рубежей по рекам Друть, Добрица, Добысна, Ола и Березина. Все они неглубокие, но очень заболоченные. Особенно сильная оборона была перед нашим плацдармом за р. Друть. Глубина ее здесь достигала 7 км. Перед первой и второй траншеями имелись сплошные минные поля. Позиции прикрывались проволочными заграждениями в шесть кольев. Многие огневые точки находились под металлическими колпаками.

Несколько слабее была оборона на участке между Хомичами и Ректой, но в этом месте пойма р. Друть более заболочена, поросла камышом и имеет много протоков. Не особенно сильной была оборона немецко-фашистских войск также и между реками Днепр и Друть.

В состав армии входили 35, 40, 41, 42, 46 и 80-й стрелковый, 9-й танковый и артиллерийский корпуса. Мы создали рельефный план нашей полосы до р. Березины. На нем проводили занятия с командирами корпусов, дивизий и их заместителями. Командиры корпусов и дивизий в свою очередь проводили заня-

тия со своими подчиненными на таких же планах, но уже тех полос, в которых они должны были наступать.

Большую работу проводили политотделы, партийные и комсомольские организации, командиры частей и соединений. Они беседовали с воинами, изучали их запросы и интересы. Нередко беседы проводили партизаны, тысячи которых влились в армию. Они рассказывали о том, как тяжело живется под игом фашистов советским людям, как враг измывается над местным населением, рассказывали наиболее интересные эпизоды о партизанских действиях. Все это вызывало у наших воинов еще большую ненависть к фашистским захватчикам и восхищение подвигами народных мстителей.

На основе тщательного изучения обстановки, особенностей вражеской обороны и характера местности, на которой предстояло действовать войскам армии, мною было принято следующее предварительное решение: оборону противника на фронте в 15 км между Озеряне и Рогачевом прорвать тремя стрелковыми корпусами, которые должны затем уничтожить противостоящие вражеские войска и захватить плацдармы на Березине севернее Бобруйска. 80-й стрелковый корпус получил задачу форсировать на десятикилометровом фронте между Хомичи и Ректы самую заболоченную часть реки, выйти на шоссе Могилев — Бобруйск и обеспечить ударную группировку войск армии от возможного удара с севера. 40, 46-й стрелковые и 9-й танковый корпуса составляют второй эшелон армии с целью использования их на правом фланге армии. Промежуток между Днепром и Друтью в 30 км должен был оборонять запасный армейский полк фронтом на север. Артиллерийский корпус и армейскую артиллерию решили использовать для обеспечения прорыва и наступления первых трех корпусов. Действиями всей артиллерии руководил командующий артиллерией армии генерал Семенов.

Чтобы успешно воплотить в жизнь это решение, потребовалась огромная и напряженная работа полевого управления армии, командиров соединений, частей и их штабов, партийно-политического аппарата и большой ратный труд всего личного состава частей и соединений армии. Громадную работу провела тыловая служба под руководством генерала М. П. Еремина. Ведь одних только боеприпасов к нам поступало 30 вагонов каждый день, не говоря уже о многом другом, столь необходимом для восьми корпусов и отдельных частей.

Высокая дисциплинированность войск особенно видна при сосредоточениях, перегруппировках, занятии исходного положения и маскировках. Неутомимые офицеры штаба поднимались на самолете на рассвете, днем и ночью, контролировали маскировку — не видно ли где дыма костров, излишней пыли на дорогах — и всюду видели порядок.

Много труда и энергии вложили в подготовку войск армии к наступлению офицеры и генералы штаба армии: М. В. Ивашеч-

кин, Б. Р. Терпеловский, В. Ф. Грузенберг, а также начальник политотдела Н. Н. Амосов и многие другие. Глядя на их самоотверженный труд, порой казалось, что у нас в армии собраны самые лучшие, самые преданные нашей социалистической Родине люди.

До последнего дня 46-й стрелковый и 9-й танковый корпуса мы оставляли на восточном берегу Днепра.

Незадолго до начала наступления на 1-й Белорусский фронт прибыл из Ставки Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Он побывал на переднем крае обороны нашей армии. Узнав, что у нашего левого соседа лишь два стрелковых корпуса, а у нас шесть, приказал передать левофланговый 42-й стрелковый корпус 48-й армии.

В это время была получена директива фронта на наступление. В ней, в частности, говорилось: «Прорыв произвести двумя стрелковыми корпусами, основной удар наносить с имеющегося плацдарма на р. Друть. Танковый корпус и второй эшелон армии (два стрелковых корпуса) вводить на левом фланге ударной группировки армии. Северное направление между реками Днепр и Друть оборонять усиленным стрелковым корпусом трехдивизионного состава. На р. Березину выйти на девятый день операции».

Эти указания существенно отличались от принятого мною решения, о чем я и доложил командующему фронтом на совещании, созванном им в штабе армии, где были собраны командиры корпусов, дивизий и их заместители. Здесь же присутствовал и маршал Г. К. Жуков. Докладывая свои соображения по директиве фронта и нашему решению, я указал на то, что перед нашим плацдармом у противника имеются сплошные минные поля, проволока в 5—6 рядов, огневые точки в металлических колпаках и бетоне, сильная войсковая и артиллерийская группировка. Нельзя было также исключать и того, что противник, возможно, заметил нашу подготовку к наступлению, а потому еще более усилил это направление. Если все это принять во внимание, то лучше нанести основной удар не с плацдарма, а форсируя реку правее и левее, обходя группировку противника, расположенную перед нашим плацдармом, это на наш взгляд, более отвечает сложившейся обстановке. В первом эшелоне иметь не два, а три корпуса, причем третий корпус должен форсировать самую заболоченную часть реки, где противник не ожидает удара. Для этого мы построили лодки.

Развивая эти мысли, я обратил внимание командующего фронтом и на тот факт, что наступление носит общий характер, следовательно, будет наступать и наш правый сосед, поэтому северное направление между Днепром и Друтью нет смысла оборонять усиленным корпусом трехдивизионного состава, а достаточно для этой цели запасного армейского полка, поскольку возможность контрудара противника на этом участке мы полностью исклю-

чаем. Что же касается использования второго эшелона армии, то его следует вводить все же на правом фланге армии, поскольку это позволит окружать, а не выталкивать хлобинскую группировку противника.

Выход войск армии на Березину мы планируем раньше, чем предусмотрено директивой,— на 6-й день наступления. 46-й стрелковый и 9-й танковый корпуса на плацдарме необходимо сосредоточить не ранее 23 июня. Артиллерийский корпус и армейская артиллерия будут обеспечивать прорыв и наступление двух корпусов. Принимая это решение, мы учитывали, что 42-й стрелковый корпус будет наступать в направлении Рогачев — Бобруйск. После моего доклада был объявлен перерыв.

Во время перерыва Г. К. Жуков спросил у командиров корпусов В. Г. Жолудева и В. К. Урбановича их мнение о решении. Они оба согласились с моим решением.

После перерыва в наше решение было внесено следующее изменение: стрелковый корпус все же приказывалось использовать для обороны северного направления, полагая, что форсирование через заболоченную часть вряд ли будет успешным, кроме того, было решено минометный армейский полк корпусу не придавать.

Затем слово взял Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Он информировал нас об успехах войск на других фронтах, дал ряд практических указаний по подготовке и проведению наступления. И добавил, что обстановка покажет, как быть с ударом вторым эшелоном армии.

В последнюю ночь перед наступлением, как только сгустились сумерки, засветились фары наших автомашин, которые были окопаны на переднем крае обороны. Лучи света, обращенные к востоку, обозначали наш передний край, еще восточнее зажглись костры.

Створ костров и фар обозначал путь нашей авиации и предохранял войска от бомбежки своими самолетами.

Когда настала полная темнота, мы услышали сначала нарастающий шум нашей легкой ночной авиации, идущей поражать огневые позиции и траншеи противника. Потом этот шум сменил гул тяжелых самолетов дальней авиации. Наши артиллеристы изготовились для засечки результатов бомбежки. Самолеты шли волна за волной, вызывая гордость и уверенность в победе у наших солдат и офицеров. Вскоре стали видны сотни огненных фонтанов, послышались взрывы. Всю ночь бомбила наша авиация. Артиллеристы отметили: весь груз сбрасывался точно в намеченных районах.

В эту ночь под шум и грохот бомбежки, в непосредственной близости от противника, зачастую под ружейным и пулеметным огнем труженики-саперы проделали и обозначили сотни проходов в минных полях и проволочных заграждениях для пехоты, танков и артиллерии.

Мы были большими противниками разведки боем [2], проводимой отдельными батальонами, особенно накануне наступления, и не только потому, что эти батальоны почти всегда несут большие потери, но и потому, что их действия настораживают противника и усложняют работу саперов. Главное же, такая разведка предупреждает противника о нашем наступлении, и он может либо усилить угрожаемый участок за счет других, либо отвести свои войска на новые, более выгодные позиции. Но нельзя было не выполнить приказ, единственное, что мы могли сделать,— это провести разведку боем перед самой артподготовкой. Разведка подтвердила, что противник решил упорно обороняться.

В 3 часа 24 июня командиры корпусов доложили, что все находятся на своих местах, проходы в минных полях и проволоке проделаны. Генерал Семенов звонил на основные наблюдательные пункты, сверяя до секунды все часы со своими, чтобы открыть огонь одновременно.

Вопреки моему приказу, многие из генералов и офицеров в эту ночь почти не спали.

Армейский командный пункт находился в 5 км от противника. М. В. Ивашечкин не мог усидеть в штабе армии и находился на вышке моего наблюдательного пункта на берегу р. Друти у плацдарма. Он часто с нетерпением поглядывал на часы, а за десять минут до артподготовки сказал:

— Удивительно медленно движутся стрелки, особенно в последнем получасе.

— Это потому, Макар Васильевич,— ответил я,— что вы много и хорошо поработали со своими помощниками. Если бы вы не успели сделать всего, что надо, то стрелки двигались бы быстрее.

Сигналом к началу артподготовки был залп гвардейских минометов. Вслед за ним загремели выстрелы двух тысяч артиллерийских и минометных стволов. Противник был так ошеломлен, что долгое время молчал и лишь со второго часа начал отвечать слабым артиллерийским огнем.

С НП просматривалась вся долина р. Друть. Мы видели, как саперы под гром артподготовки, несмотря на пулеметный огонь противника, приступили к наводке мостов на заранее забитых сваях и штурмовых мостиков из заблаговременно подготовленных деталей. Сигналом к атаке был второй залп «катюш».

Поскольку наш НП находился близко к реке, было отчетливо видно, как дружно выскочила из окопов наша пехота и пошла ускоренным шагом в наступление, соблюдая указанный интервал в 10—12 шагов, вместо принятых 6—8. Вот через мосты пошли танки, впереди танки с подвешенными полуторатонными тралами,

[2] Это личное мнение автора. По существу вопроса следует заметить, что практика проведения боя передовыми батальонами на войне себя оправдала, с успехом такие батальоны действовали и в Белорусской операции.— *Прим. ред.*

чтобы продублировать работу саперов и проделать дополнительные проходы в минных полях и колючей проволоке. Наступление пехоты и танков надежно обеспечивалось авиацией под руководством молодого, способного и энергичного генерала авиации С. И. Руденко.

Все наше внимание в этот момент было сосредоточено на одном: ворвутся ли с ходу наши цепи в траншеи противника или залягут перед ними из-за сильного ружейно-пулеметного огня противника? Ворвались! Ворвались! Когда же цепи хотя и ненадолго залегали, все находившиеся на НП тревожно без слов переглядывались.

К исходу первого дня 35-й стрелковый корпус своим правым флангом, а 41-й корпус — левым, форсировав реку и преодолев сильное огневое сопротивление, продвинулись на 3—4 км, а наступавшие с плацдарма части продвинулись лишь на один километр, главным образом потому, что перед второй траншеей противника оказались минные поля. 80-й стрелковый корпус, наступая на второстепенном направлении без сильной артподготовки, ограничился лишь одним огневым налетом и продвинулся на 10—12 км; 283-я стрелковая дивизия захватила важный опорный пункт противника в Хомичах с исправным мостом через Друть, что было очень важно.

Таким образом, уже в первый день была видна безошибочность нашего решения: наибольший успех одержан правее и левее плацдарма. Расчеты на успешное продвижение 80-го стрелкового корпуса вполне себя оправдали, 9-й танковый и 46-й стрелковый корпуса приходилось вводить только на правом фланге.

Второй день начался мощной 45-минутной артподготовкой. Первая полоса обороны была прорвана на всем фронте. Части продвинулись на 5—13 км. К полудню я убедился в нецелесообразности держать 40-й стрелковый корпус в обороне северного направления, да еще с мощным усилением. В тот же день была снята с обороны 129-я стрелковая дивизия и сосредоточена у с. Лапичи. 169-ю стрелковую дивизию с корпусным управлением я намеревался снять завтра. 283-я стрелковая дивизия, овладев с. Хомичи, уже отбивала контратаки врага, ей-то и был подчинен запасный полк, поставленный в оборону вместо корпуса.

25 июня успех 1-го Белорусского фронта был отмечен салютом и благодарностью Верховного Главнокомандующего.

На третий день успех наступления превзошел все наши ожидания. Несмотря на то что противник знал о сосредоточении наших сил на правом фланге, понимал, что мы стремимся выйти на шоссе Могилев — Бобруйск, и подготовился к отражению этого удара, натиск 35-го стрелкового корпуса, поддержанный танковой бригадой 9-го танкового корпуса, был таким сильным, что враг был вынужден поспешно отходить. После выхода 35-го стрелкового корпуса на шоссе 9-й танковый корпус на больших скоростях двинулся по шоссе на Бобруйск, но, убедившись, что мост

через Березину разрушен нашей авиацией, временно занял для обороны район Титовки (3 км восточнее Бобруйска), не допуская отхода противника из района Жлобина.

Во время движения по шоссе 9-й танковый корпус освободил пять тысяч советских граждан, угоняемых в Германию, захватил много пленных и вооружения. В этот день 41-й стрелковый корпус, форсировав Добрицу и Добысну, продолжал теснить отступавшего противника. 80-й стрелковый корпус продвигался уступом правее, обеспечивая основную группировку войск армии от удара с севера и отражая контратаки противника. В это время наш правый сосед — 50-я армия теснила противника от р. Прони к Днепру. Левее 48-я армия силами 42-го стрелкового корпуса вышла к р. Добысне; 65-я армия П. И. Батова продвигалась к Бобруйску вдоль западного берега Березины, а 28-я армия А. А. Лучинского устремилась к г. Слуцк.

Интересны показания пленного фельдфебеля. «Наша 20-я танковая дивизия,— заявил он на допросе,— вчера выступила из Бобруйска по шоссе на Рогачев, чтобы остановить ваше наступление, но, пройдя 30 км, получила уведомление, что ваши танки захватили у нас в тылу с. Титовку. Мы повернули с шоссе на проселочную дорогу и пошли в северном направлении, чтобы избежать окружения, но угодили в болото, где увязли не только пушки, но и танки, и попали под сильный огонь вашей артиллерии. У нас началась паника, экипажи выскакивали из танков, а тут подошла ваша пехота, и мы разбежались по кустам».

Каждый из последующих дней был насыщен событиями и резко отличался от предыдущего.

На рассвете четвертого дня 9-й танковый корпус в районе Титовки попал в трудное положение: не допуская отхода противника по шоссе, он сам оказался в полуокружении. Гитлеровцы наступали на него с востока и юга и обстреливали с запада — из Бобруйска. В 6 часов утра тревожные сигналы, поступавшие из корпуса, зазвучали как сигналы бедствия, наши успокоительные ответы по радио не оказывали нужного влияния, сигналы поступали через каждые 30 минут, один тревожнее другого.

Мы приказали командирам 41-го и 40-го стрелковых корпусов ускорить наступление, определили им жесткие сроки установления связи с 9-м танковым корпусом. Авиация получила указание бомбить противника, наседавшего на корпус. Но поскольку разрыв между стрелковым и танковым корпусами был еще большим, мы решили сами ехать к танкистам. Я, член Военного совета И. П. Коннов, командующий бронетанковыми и механизированными войсками полковник Опарин с адъютантами и четырьмя автоматчиками сели в два «виллиса» и добрались до шоссе, в трех километрах от него нашли КП 35-го стрелкового корпуса. Ознакомились наскоро с обстановкой у генерала Жолудева, поехали дальше по шоссе.

Мы понимали, что подвергаем себя громадному риску, но он оказался значительно большим, чем мы предполагали. На первых пяти километрах пути мы не видели ни своих, ни немцев, на шестом километре остановились у взвода с пулеметом, высланного 35-м стрелковым корпусом в качестве прикрытия. Не узнав ничего нового, мы продолжали двигаться со скоростью 40—50 км в час. Вскоре увидели две группы немцев, которые, боязливо оглядываясь, спешили пересечь шоссе в северо-западном направлении. Чем дальше мы ехали, тем большее количество групп противника, пересекавших шоссе впереди нас, мы замечали, иногда видели машины с пушками на прицепе. В двух местах нас обстреляли из кустов. 30 км, которые мы преодолели, показались бесконечно длинными. Назад не вернулись лишь потому, что считали возвращение по той же дороге более опасным. Мы напряженно вглядывались в кусты, надеясь увидеть своих из танкового корпуса. На дороге стояли подбитые, еще дымящиеся немецкие танки и машины, по-видимому, результаты только что закончившегося боя. Но вот, наконец, мы увидели свои танки, пушки которых были обращены в нашу сторону. Удивленные и обрадованные танкисты окружили нас, подъехал и командир танкового корпуса генерал Б. С. Бахаров с начальником политотдела. Мы обняли их, поблагодарили окруживших нас танкистов за вчерашний марш-маневр и за сегодняшнюю стойкую оборону и отправились на командный пункт корпуса.

Командир корпуса выразил удивление: «Ведь мы окружены, как вы могли проехать?» Вид у него был довольно смущенный. «Вероятно, раскаивается за свои тревожные сигналы и видит теперь, что положение корпуса уже не такое плохое»,— подумал я.

Да, ваше положение нелегкое, сказал я, но положение противника значительно хуже.

Когда мы слушали доклад об обстановке, то в тех местах, где начальник штаба по-прежнему несколько сгущал краски, командир корпуса его поправлял. Видно было, что нам удалось поднять дух у многих присутствовавших. Ведь положение танкистов уже стало легче. Я подумал: хорошо, что мы приехали.

Несмотря на то что занятый танкистами район с трех сторон обстреливается вражеской артиллерией, мы слышали от офицеров: «Не дадим немцам отойти!», «Расширим район обороны!», «Будем экономить боеприпасы и стрелять только на поражение!».

Последняя реплика была очень уместна: боеприпасов у танкистов оставалось в обрез.

Мы рассказали, что сейчас стрелковые корпуса армии успешно продвигаются вперед навстречу танкистам.

— Не позднее завтрашнего дня 41-й стрелковый корпус соединится с вами.

Правда, когда я назвал этот срок, некоторые удивились. Но я добавил, что введенная вчера в бой 129-я стрелковая дивизия

уже подходит к Березине на северной окраине Бобруйска. Вслед за ней идет 169-я стрелковая дивизия, а 65-я армия обходит Бобруйск с юго-запада и юга. Завтра, заключил я, город будет окружен.

Связались по радио с командным пунктом армии, сообщили начальнику штаба Ивашечкину о своем благополучном прибытии к танкистам и о намерении сегодня вернуться назад. Выполнить это намерение было совсем не просто, но и оставаться у танкистов долго мы не могли.

За завтраком И. П. Коннов рассказал обо всем виденном нами на шоссе и о том, что два раза нас обстреляли из кустов. Нас просили остаться на ночь и подождать подхода 41-го стрелкового корпуса, но мы решительно отказались, тогда нам предложили взять для прикрытия три танка и пару машин с пехотой. Мы согласились на три танка. Распрощавшись с гостеприимными хозяевами, пожелав танкистам успеха, не без тревоги мы тронулись в обратный путь. Два танка на большой скорости шли впереди нас с открытыми люками, из которых танкисты наблюдали за местностью и за нами, а один танк шел сзади.

На обратном пути мы видели еще больше немцев, они группами и в одиночку перебегали через шоссе, некоторые из них, добежав до середины дороги, так же быстро возвращались обратно и залегали в кустах, ожидая, когда мы проедем. Иногда наши танки открывали огонь. Мы немало удивлялись тому, что за весь путь нас обстреляли лишь в трех местах, и то неорганизованным огнем, по-видимому, отход противника на этом участке происходил стихийно. Однако вряд ли наше возвращение было бы таким благополучным без прикрытия.

Проводив нас до КП 35-го стрелкового корпуса, танкисты, не задерживаясь, вернулись к своим.

Шестой день наступления был замечателен тем, что 129-я стрелковая дивизия, своевременно снятая с обороны северного участка, совершила за три дня марш в 110 км, вышла к Березине, форсировала ее, вошла в связь с частями 65-й армии и тем завершила окружение Бобруйска.

В этот день она захватила более пяти тысяч пленных из числа тех, которые просачивались через шоссе в промежуток между 9-м танковым и 46-м стрелковым корпусами.

35-й стрелковый корпус тоже достиг большого успеха, его дивизии форсировали р. Ольсу. На реки Березина и Ольса мы должны были по директиве выйти на девятый, а мы вышли на шестой день и далеко перешагнули правую армейскую границу, чтобы отрезать отступление противнику, теснимому 50-й армией.

46-й стрелковый корпус вышел на Березину, овладел исправным железнодорожным мостом на этой реке и захватил плацдарм.

80-му стрелковому корпусу было приказано свернуться в колонны и следовать за 46-м стрелковым корпусом во втором эше-

лоне армии, несмотря на то, что разрыв с правым соседом — 50-й армией все увеличивался, но мы были уверены, что противник уже не будет контратаковать наши войска.

41-й стрелковый и 9-й танковый корпуса сначала сжимали кольцо вокруг окруженного противника, а после того как они соединились, им была поставлена задача развивать наступление за р. Березину. Задача уничтожения окруженного противника была возложена на войска 48-й армии.

Приведу один, на мой взгляд, любопытный случай. К одному из батальонов 41-го стрелкового корпуса в сумерках подошла большая группа немцев. В поднятых кверху руках были белые платки. Идущие впереди не имели оружия и кричали: плен, плен! Наши подпустили их шагов на 50. Вдруг первые ряды гитлеровцев расступились, а идущие за ними автоматчики открыли огонь. Мы потеряли 15 человек убитыми и ранеными, умер от ран и подполковник Матвеев, часть немцев прорвалась к лесу и там скрылась. Этот случай свидетельствует о том, что гитлеровцы, попадая в безвыходное положение, проявляли особое коварство, а наши командиры — иногда беспечность.

Об этом случае мы немедленно оповестили все войска. На следующий день несколько меньшая группа гитлеровцев подошла к одному из полков 129-й стрелковой дивизии и повторила вчерашнее. Командир полка приказал бойцам залечь и изготовиться к бою, а немцев остановил в 300 м и велел им подходить по 10 человек. Они этого приказа не выполнили, бросились бежать врассыпную, тогда воины дивизии открыли огонь. Многие гитлеровцы остались лежать на поле, а часть их во главе с генералом была взята в плен.

Шел седьмой день наступления, я проезжал по железнодорожному мосту через Березину, приспособленному противником для автотранспорта, и был поражен увиденной картиной: все поле, примыкавшее к мосту, усеяно трупами гитлеровцев, их было не менее трех тысяч. Здесь большая группа фашистов, не желая сдаваться, неоднократно пыталась прорваться на запад через наше прикрытие, но это им не удавалось. Охранявший мост батальон огнем счетверенных зенитных пулеметов уничтожил фашистов.

Мне вспомнилось старинное выражение: «Трупы врагов пахнут хорошо»,— и я изменил маршрут двум дивизиям второго эшелона, которые направлялись к наведенному мосту у м. Свислочь, чтобы они прошли через железнодорожный мост и посмотрели на работу своих товарищей из первого эшелона. Пройденные ими лишние шесть километров окупятся в будущем, подумал я.

К исходу седьмого дня 35-й стрелковый корпус обошел м. Березино с юго-запада, вышел на шоссе Могилев — Минск в 20 км за нашей правой армейской границей и преградил отход по шоссе противнику, действовавшему против войск 2-го Белорусского фронта.

41-й, 46-й стрелковые и 9-й танковый корпуса успешно продвигались к Минску.

40-й стрелковый корпус вместе с соединениями 65-й и 48-й армий участвовал в освобождении Бобруйска. А через несколько дней был получен приказ о присвоении наименования «Бобруйских» 108, 250, 348-й стрелковым дивизиям, 9-му танковому корпусу (всем его бригадам) и 313-му гвардейскому минометному полку.

3 июля 35-й стрелковый корпус 3-й армии участвовал в освобождении южной части Минска.

Армия продолжала теснить противника на запад. Теперь немцы оказывали упорное сопротивление лишь на выгодных им рубежах и у важных объектов, поэтому темпы продвижения войск достигали 25—30 км в сутки. Каждая дивизия усиленными передовыми отрядами вела параллельное преследование отходившего противника.

Поскольку перед 2-м Белорусским фронтом была поставлена задача уничтожить окруженную минскую группировку противника, а нашим правым соседом оказался 3-й Белорусский фронт, директивой Ставки от 4 июля 3-я армия из 1-го Белорусского фронта была передана во 2-й Белорусский. По распоряжению командующего 1-м Белорусским фронтом в тот же день из состава нашей армии были выведены 9-й танковый, 46-й стрелковый корпуса и управление 80-го стрелкового корпуса с одной дивизией.

Наша армия, переданная 2-му Белорусскому фронту, ощущала острый недостаток во всем необходимом, начиная от боеприпасов, горюче-смазочных материалов и кончая продовольствием. Объяснялось это тем, что наступательные бои продолжались, а подвоз прекратился, так как немцы находились в нашем тылу. Мы послали командованию 2-го Белорусского фронта тревожные донесения и одновременно дали строгие указания командирам соединений не надеяться на улучшение подвоза в ближайшие четыре дня, экономить боеприпасы, шире использовать трофейные боеприпасы и оружие, горюче-смазочные материалы отпускать только на те машины, которые перевозят пушки, минометы, боеприпасы и кухни, продовольствие взять под строгий контроль.

В эти дни пленные из подошедших новых соединений противника, в том числе 12-й танковой дивизии, показали, что 28 июня их дивизия выгрузилась в 20 км северо-западнее Осиповичей с задачей усилить оборону на Березине, но дивизия не успела туда дойти, вступила в бой и понесла большие потери. По показаниям других пленных следовало, что на р. Сервич прибыли новые дивизии, которые дальше этой реки отступать не будут.

Штаб армии предупредил командиров соединений о том, что ввиду быстрого продвижения наших войск заметно возросла недооценка противника: на марше, на привалах и ночевках недопустимо сократились разведка и охранение в надежде, что про-

тивник все равно не контратакует. Эта беспечность могла плохо кончиться, тем более что наши дивизии наступали на отдельных направлениях. Командирам частей было приказано следовать в голове своих колонн, систематически проверять порядок марша, в хвосте батальонов иметь офицера, наблюдавшего за дисциплиной марша, не допускать, чтобы артиллерия двигалась отдельной колонной, на повозках везти только больных и раненых. Разведку и охранение, отмечалось в приказе, должны инструктировать лично начальники штабов, при ночевках иметь дежурные подразделения, на внезапные нападения отвечать активными действиями.

Мы не ошиблись: на р. Сервич противник оказал сильное сопротивление. Правда, и здесь оборона была вскоре прорвана. Первыми форсировали реку гвардейцы 120-й гвардейской стрелковой дивизии, в ночном ожесточенном бою они вынудили противника отойти. В этом бою старый большевик командир дивизии Ян Янович Фогель был, как всегда, впереди. Всегда ему сопутствовало счастье, а в этот раз он получил тяжелое ранение и скончался. Это для нас было большой, трудно восполнимой утратой. Мы потеряли пламенного коммуниста, всеми уважаемого командира. Я. Я. Фогель был похоронен с воинскими почестями в районном центре Дятлово.

Отряд 1961-го самоходно-артиллерийского полка, имевший семь самоходок и несколько машин с пехотой, на подходе к г. Новогрудок был внезапно атакован противником, но возглавлявший отряд подполковник Зирка не растерялся, немедленно организовал ответный огонь из самоходок, спешил пехоту и бросил ее для прочесывания леса. Немцы, встреченные огнем самоходок и контратакой пехоты, стали спешно отходить. Отряд преследовал их по пятам. В результате немцы потеряли 5 пушек (которые так и не успели открыть огонь), 2 бронетранспортера, 45 автомашин с разным грузом и 145 солдат и офицеров. Двое наших воинов были убиты, в том числе комсорг Давтян, и один ранен.

В тот же день при бое за пос. Дворец отличилась 269-я стрелковая дивизия под командованием А. Ф. Кубасова. Совершив 55-километровый марш, ее части захватили мост через реку и удержали его, несмотря на яростные контратаки противника.

Наступление еще продолжалось, но мы могли уже подвести некоторые итоги. За 17 дней армия продвинулась на 350 км, форсировала Березину, Неман и ряд других водных препятствий, участвовала в освобождении Бобруйска и Минска. Войска армии освободили пять тысяч населенных пунктов, среди них много районных центров: Червень, Духовичи, Руденск, Негорелое, Столбцы, Новогрудок, Новоельня, Дятлово, Кареличи, Городище и Дворец. В этих боях противник понес большие потери в людях и боевой технике.

Такие темпы наступления объясняются неслыханным героизмом и боевой выучкой солдат и офицеров, их инициативой и

решительностью действий в бою, умелой организацией воспитательной работы партийных, комсомольских организаций и всеми офицерами. Большую роль сыграли операции, которые армия провела в конце 1943 г. и начала 1944 г. по своей инициативе. О значении захваченного ранее плацдарма за Днепром я уже писал. Если бы мы начали наступление с восточного берега р. Сож, то все было бы сложнее и результат был бы другим. И, наконец, очень помогли нам партизаны Белоруссии. Множество их бригад, отрядов и групп сковывали действия противника, срывали его перевозки, содействовали нашим войскам в форсировании рек. Вливаясь в наши дивизии, народные мстители не просто пополняли их, а умножали героизм и воинскую славу армии.

Когда мы подходили к западной границе многострадальной Белоруссии, наша радость была омрачена новой утратой: был убит исключительно смелый и инициативный командир 35-го стрелкового корпуса Виктор Григорьевич Жолудев. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вот как это было.

После освобождения г. Волковыска наиболее плотная группировка противника оказалась перед правым флангом нашей армии, где находился 35-й стрелковый корпус, поэтому корпус отстал. Рано утром 28 июля я вызвал к телефону генерала Жолудева проинформировал его о маршрутах 40-го и 41-го стрелковых корпусов и спросил, как обстоят дела.

— Плохо,— с горечью ответил Виктор Григорьевич.

— Не отстают ли у вас командиры полков и дивизий от своих боевых порядков? — спросил я.

— Как будто нет.

— Выезжаю к вам и генералу Маслову,— сообщил я.

По приезде на КП мне доложили, что генерал Жолудев уехал в 323-ю стрелковую дивизию. Уточнив маршрут, я поехал следом за ним, чтобы быть на КП и НП этой дивизии. Прибыв на КП, увидел, что офицеры как будто спешно собираются к переезду, командиры корпуса и дивизии были у своих машин. Генерал В. Т. Маслов хотел было доложить обстановку, но я спросил:

— Куда собираетесь ехать?

— На новый НП.

— Дорогу знаете, связь на НП имеется?

—Да,— ответил генерал Маслов.

— На НП я еду с вами,— сказал я и добавил, обращаясь к командиру корпуса.— Езжайте туда на одной машине с товарищем Масловым, а обратно поедете со мною, я еду за вами.

Дороги не было. Сначала въехали в лес, потом повернули назад и поехали по какой-то малозаметной дорожке, потом снова повернули назад. Стало ясно, что командир дивизии дороги не знает. Когда наши машины сблизились на повороте, я слышал, как Жолудев упрекал Маслова за это. Я следовал за ними. Конечно,

тут и моя вина, нужно было остановиться, расспросить, а потом уже и ехать.

Выехали на хорошо укатанную дорогу, на которой справа стояли три отдельных дома, в полкилометре слева тянулся большой лес, а впереди виднелась большая высота. Обычно когда подъезжаешь к занятой нами высоте с тыла, видишь на ней огневые позиции артиллерии, минометы, обозы и людей, а тут не было ничего подобного. В это время мы находились около второго дома. Мы посигналили идущей впереди машине, и я предупредил генералов: не останавливаться, у последнего дома ехать тихо, буду считать до трех, затем выскакивайте из машины и прячьтесь за дом. Своему шоферу приказал: как только мы выскочим из машины, развернитесь налево, быстро уезжайте назад за бугор и там ожидайте нас.

У последнего дома все выскочили из машины и скрылись за домом. В этот момент услыхали стрельбу из четырех нацелепных на наши машины пулеметов. Моя машина, прикрываясь пылью, как дымовой завесой, уходила, а оставшаяся на месте машина командира дивизии была превращена в решето, стекла разбиты.

— Куда вы нас везли? — спросил я, обращаясь к Маслову.

Он молчал, был бел, как полотно. Командир корпуса сказал: «Я тоже говорил ему, что едем не туда, куда нужно».

Немцы находились в хорошо замаскированных окопах метрах в двухстах. В нас они не стреляли, вероятно, хотели взять живыми, но потом мы выскочили из машин...

Наших нигде не было видно, так как дивизии наступали по отдельным направлениям. Немцы в любую минуту могли выйти из окопов и схватить нас. И это была бы довольно богатая добыча: три генерала, три офицера и шофер. Что же делать? До следующего дома было 200—250 м, промежуток засеян рожью. Решили ползти, а остальную полоску, засаженную картофелем, дружно перебежали. Противник нас заметил, открыл огонь, но было уже поздно. Таким же путем добрались до следующего дома. Теперь мы находились от немцев метрах в 400—450, однако и здесь он мог накрыть нас артиллерийским огнем. Дальше начинался подъем, и рожь была редкой, поэтому решили не ползти, а идти быстро, редкой цепью. До гребня высоты оставалось метров 500 и до выступа леса примерно 350, я предупредил своих друзей, что выступ леса мог быть пристрелян, но их все же потянуло к лесу. До сих пор немцы молчали, но как только генералы приблизились к выступу леса, раздался единственный залп из десятка орудий как раз по нашим, подбегавшим к лесу.

Я благополучно скрылся за бугром и подошел к машине. Шофер показал четыре пробоины, которые, правда, не повредили мотора. Мы стали ждать, пока наши покажутся из леса, но они не появлялись. Тогда я послал адъютанта, чтобы выяснить положение. Подъехав затем к лесу, мы узнали, что командир корпу-

са Жолудев убит, а Маслов контужен. Тело Жолудева мы доставили на КП армии, сообщив печальную весть в штаб корпуса. Вот к чему привело отставание командира дивизии от боевых порядков, но могло быть еще хуже. Даже два испытанных в боях генерала видели эту же высоту и ничего подозрительного не заметили, и мы могли оказаться в лапах фашистов.

Когда приехали в штаб армии, узнали новое печальное событие: командующий артиллерией 40-го стрелкового корпуса полковник Медведев, заместитель командира 348-й стрелковой дивизии полковник Праслов и начальник разведывательного отдела 40-го стрелкового корпуса майор Щеймович ехали на одной машине и подорвались на противотанковой мине.

Всех четверых похоронили в г. Волковыске с воинскими почестями. В 1953 г., находясь в этом городе, я пришел к их могилам, на каждой лежали живые цветы. Трудно выразить словами ту грусть, которая охватила меня, когда я возлагал венок и стоял у их могил.

Однако продолжу рассказ.

27 июля был получен приказ Верховного Главнокомандования, в котором выражалась благодарность нашим войскам за освобождение г. Волковыска. Наименование «Волковысских» было присвоено 28-й зенитной дивизии, 44-й артиллерийской противотанковой бригаде, 1311-му истребительно-противотанковому артиллерийскому полку, 475-му минометному полку, 188-му самоходно-артиллерийскому полку и 109-му полку связи.

Утром 26 июля развернулись бои на ближних подступах к Белостоку. На участке прорыва армии действовали 120-я гвардейская, 169-я и 129-я стрелковые дивизии. Здесь же были сосредоточены приданные армии танки и самоходно-артиллерийские установки и артиллерия усиления. После полуторачасового боя нашим войскам удалось прорвать оборону противника на узком участке между озером (юго-восточнее города) и населенным пунктом Куряны. Противник предпринял ряд сильных контратак с целью ликвидировать прорыв и сорвать наступление войск армии. 16 вражеских контратак отразили наши войска в этот день. Особенно яростно противник контратаковал наши части в районе Куряны. В бой вступила батарея противотанковых орудий 160-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона. Батареей командовал старший лейтенант М. М. Зенков, а дивизионом майор А. Н. Кутузов. Несмотря на ранение, Кутузов до конца контратаки руководил боем. Противник понес большие потери и был отброшен на исходные позиции. Но вскоре он вновь контратаковал силами роты пехоты с танками боевой порядок 2-го батальона 556-го стрелкового полка. Командир батальона майор В. В. Семизоров был смертельно ранен. Батальон нес потери. Накал боя возрастал. На поле боя в этот напряженный момент появился командир 556-го полка подполковник П. В. Качура, это воодушевило бойцов батальона, они дружно поднялись в атаку, отбро-

силы противника и во взаимодействии с другими подразделениями овладели опорным пунктом Куряны. Трудно пришлось 336-му гвардейскому стрелковому полку, которым командовал полковник Беляев, и 556-му полку. Прорвав на узком участке вражескую оборону, они подошли к окраине города и вели ожесточенные бои до тех пор, пока соединения генерала Никитина не прорвали фронт с севера и не обошли город с северо-запада и запада. Немцы были вынуждены оставить город. В этом бою большую роль сыграли наши славные летчики под командованием опытнейшего авиатора генерала К. А. Вершинина.

Улицы Белостока были запружены нашими войсками. Вдруг раздался сигнал воздушной тревоги, а затем появились 15 «юнкерсов». Можно себе представить, сколько бед могли натворить эти вражеские стервятники. Но вот загрохотали наши зенитки. Они метко разили врага, и мы с радостью наблюдали, как с секундными дистанциями упали четыре объятых пламенем «юнкерса», а остальные повернули обратно под радостные крики наших солдат и офицеров.

После освобождения Белостока войска 3-й армии вышли к верхнему течению р. Нарев и вместе с другими войсками завершили освобождение многострадального белорусского народа от фашистского порабощения.

С этого рубежа наше наступление проходило более медленно, главным образом потому, что по мере приближения наших войск к границам Восточной Пруссии немецко-фашистские войска оказывали все более сильное сопротивление. В эти дни к нам попало обращение немецкого командования к своим солдатам. Оно гласило:

«Враг стоит у ворот Пруссии, мы еще владеем предпольем, на котором можем защитить священную землю нашего отечества. Наша армия сражается на западе и юге, в таких же условиях, как и мы, родина ждет от нас, что мы удержим предполье, не допустим врага на немецкую землю... Необходимо, чтобы каждый твердо проникся требованием текущего момента».

Да, сказано коротко и ясно, но, несмотря на предполье, наши войска продвигались вперед. 6 августа 1944 г. войска 3-й армии вышли к среднему течению р. Нарев и овладели г. Остроленка.

Сейчас, много лет спустя, невольно задумываешься, в чем же заключалась основная причина успешных действий войск 3-й армии. Ведь армия ни разу не находилась в резерве Ставки, не была и во втором эшелоне фронта, имела малочисленные дивизии и вместе с тем добивалась больших успехов при сравнительно малых потерях в людях и технике.

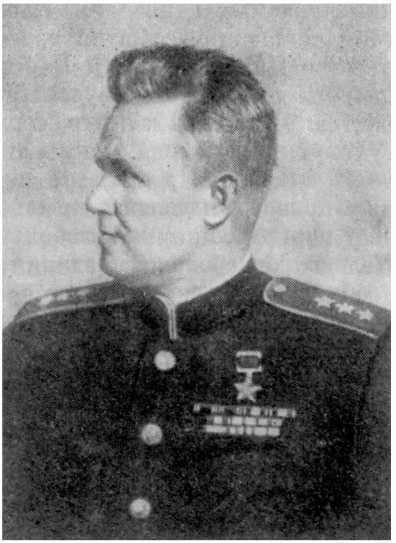
Видимо, это происходило потому, что все командиры и политработники как полевого управления армии, так и находившиеся в войсках, были воспитаны в духе точного и вместе с тем творческого выполнения основных требований советского военного искусства и полевого устава. Они стремились добиваться победы

малыми потерями, создавать решительное превосходство в силах и средствах над противником на главном направлении, обеспечивать твердое взаимодействие всех родов войск, особенно на направлении главного удара, соблюдать маскировку при перегруппировках и сосредоточении сил перед наступлением, атаковать противника внезапно, в наступлении действовать решительно, проявлять творческую инициативу.

Но самое важное, о чем нельзя не сказать, это о замечательном советском солдате, вынесшем на своих плечах всю тяжесть войны, снискавшем себе глубокое уважение всего прогрессивного человечества и обеспечившем отвагой, стойкостью и тяжелым ратным трудом все наши малые и большие успехи в минувшей войне.

МАРШАЛ АВИАЦИИ

С. И. РУДЕНКО



16-я ВОЗДУШНАЯ АРМИЯ В БЕЛОРУССКОЙ ОПЕРАЦИИ

Сейчас, восстанавливая в памяти эпизоды грандиозной битвы, отгремевшей 30 лет назад на земле и в небе Белоруссии, трудно избавиться от ощущения, что операция была нами выиграна еще до того, как о ее начале возвестили авиация и артиллерия. Впрочем, это чувство вполне естественно, когда анализируешь минувшие события и понимаешь, что успех дела был предрешен правильной оценкой обстановки, четким планированием, тщательной подготовкой, решительным осуществлением замысла. О значимости подготовительного периода свидетельствует и то, что потребовал он колоссального напряжения сил, мобильности всех звеньев фронтового организма.

План наступательной операции группы фронтов под кодовым наименованием «Багратион» был утвержден Ставкой Верховного Главнокомандования в конце мая 1944 г., но на 1-м Белорусском фронте, в состав которого входила 16-я воздушная армия, уже шла интенсивная подготовка к предстоящим боевым действиям. И хотя к этому времени у нас за плечами были Москва, Сталинград, Курская дуга, а значит, и основательный опыт организации и ведения крупных наступательных операций, сразу стало ясно, что в новом сражении многие задачи придется решать по-новому. Одной из особенностей был масштаб операции и состав

привлекаемых к ней сил. Кроме того, если в сражении под Курском решающие события разворачивались на сравнительно узком отрезке Центрального и Воронежского фронтов, то здесь в канун наступления 1-й Белорусский фронт занимал участок протяженностью около 700 км, что серьезно затрудняло маневр не только сухопутными войсками, но и авиацией.

И еще одно, далеко не последнее обстоятельство — наступление правого и левого крыльев фронта, разделенных в начальный период обширным заболоченным труднопроходимым районом Полесья, требовало создания двух групп армий, имевших все необходимые средства для самостоятельного прорыва вражеской обороны и развития успеха, включая авиацию. И такие средства были нам предоставлены.

Еще ранее бывший Центральный, а теперь 1-й Белорусский фронт, получив указание Ставки о сосредоточении основных усилий для освобождения Белоруссии, передал 1-му Украинскому фронту 13-ю и 60-ю армии, а от соседнего справа Брянского фронта получил 3, 50 и 63-ю армии. Теперь же, после утверждения плана «Багратион», только на наш фронт прибывали 28-я и 8-я гвардейская, 2-я танковая армии, два танковых, два кавалерийских и механизированный корпуса. Таким огромным количеством людей и боевой техники наш фронт еще никогда не располагал. И это вселяло уверенность в успехе.

Меня как командующего 16-й воздушной армией, естественно, интересовало, какими силами и средствами будем мы прикрывать и поддерживать эту махину с воздуха, расчищать ей путь, когда устремится она вперед на освобождение белорусской земли? Как обеспечить массирование сил авиации на нескольких участках сразу?

Ответов на эти вопросы долго ждать не пришлось. Для поддержки войск фронта, действовавших на его южном крыле, была придана 6-я воздушная армия, возглавляемая генерал-лейтенантом авиации Ф. П. Полыниным. Для усиления 16-й воздушной армии из резерва Ставки Верховного Главнокомандования выделялись двухдивизионные 4-й штурмовой авиакорпус под командованием генерала Г. Ф. Байдукова и 8-й истребительный авиакорпус, командир генерал А. С. Осипенко, а также 300-я штурмовая авиадивизия, возглавляемая полковником Ковалевым.

Особенно обрадовало прибытие генерала Байдукова, с которым меня связывало давнее знакомство еще по 1-й военной школе летчиков на Каче, где два десятка лет назад начинали мы курсантами свой путь в авиации. Внешне это был все тот же Егор — сдержанный, спокойный крепыш с проницательным взглядом светлых глаз. И в то же время передо мной стоял не учлет, а умудренный большим жизненным и летным опытом авиационный командир, один из прославленных представителей плеяды крылатых героев Отчизны. Летчик-испытатель, соратник Валерия Чкалова по трансарктическому перелету в США, боевой генерал — вот

этапы его пути. Нам было о чем вспомнить, а еще более — поговорить о предстоящих боях.

К слову, были у нас здесь и еще однокашники по качинской школе и тоже летчики с большим опытом: командир 3-го бомбардировочного авиакорпуса генерал А. З. Каравацкий, командир 6-го смешанного авиакорпуса генерал И. Д. Антошкин, командир 299-й штурмовой авиадивизии генерал И. В. Крупский, вместе с которым я учился в одном отделении, день в день начал и закончил школу. В каких бы условиях нам ни приходилось встречаться здесь, на фронте, мы находили время, чтобы вспомнить родную Качу, инструкторов, не только давших нам путевку в небо, но и передавших любовь к авиации, к летной профессии, учивших науке побеждать. Ведь многие из них получили боевой опыт, закалку еще в годы гражданской войны, в битвах с белогвардейцами и иностранными интервентами.

Итак, в мае, когда окончательно были определены состав, группировка и направления главных ударов войск фронта, командование и штаб 16-й ВА приступили к детальному планированию боевых действий авиации. Силы нашей воздушной армии, которой предстояло обеспечивать действия войск правого крыла 1-го Белорусского фронта, мы распределили следующим образом. Для поддержки войск, наступавших на рогачевском направлении, выделялись 3-й и 6-й бомбардировочные, 4-й штурмовой и 6-й истребительный авиакорпуса, 282-я и 286-я истребительные авиадивизии. Прорыв вражеской обороны, поддержку и прикрытие войск на паричском направлении должны были обеспечивать 8-й истребительный авиакорпус, 2-я гвардейская, 299-я и 300-я штурмовые авиадивизии, 1-я гвардейская и 283-я истребительные авиадивизии, 271-я ночная бомбардировочная авиадивизия. Всего к началу операции 16-я воздушная армия имела в своем составе 2033 исправных самолета: 297 дневных и 155 ночных бомбардировщиков, 636 штурмовиков, 932 истребителя и 13 штатных разведчиков [1].

Вместе с начальником штаба 16-й ВА генералом П. И. Брайко и начальником оперативного отдела полковником И. И. Островским были разработаны подробные планы базирования частей и соединений в исходном положении и строительства новых аэродромов в 5—10 км от линии фронта. Большой объем работ и дефицит времени диктовали необходимость скорейшего ввода в строй новых аэродромов, и их сооружение началось безотлагательно. Работа эта производилась скрытно, только по ночам, а перед рассветом аэродромная техника укрывалась в лесах. Аэродромы и все их оборудование тщательно маскировались. Кроме аэродромов, было оборудовано достаточное количество связанных между собой телефонными линиями посадочных площадок. На каждую из них посадили по 2—4 истребителя и выделили по пункту наведения. Эти так называемые «засады» истребителей имели

[1] Архив МО СССР, ф. 367, оп. 142206, д. 28, лл. 1—95.

задачей воспрепятствовать полетам разведывательной авиации противника в ближайшей тактической глубине, атаковать вражеских воздушных разведчиков «по-зрячему» или с помощью пунктов наведения.

Надо сказать, что эти засады свою задачу выполнили блестяще: воздушной разведке противника не удалось вскрыть создаваемые у нас ударные группировки. Лишь одиночные самолеты-разведчики, следующие на высоте 8—10 км, прорывались сквозь истребительный заслон в глубь страны, но им едва ли ставилась задача фотографировать передний край, да и немногим из них довелось вернуться обратно после встреч с истребителями ПВО. К тому же, при аэрофотосъемке с такой высоты практически исключалось обнаружение тщательно замаскированных войск, техники, полевых аэродромов. Пожалуй, никто лучше нас самих не знал, насколько скрытно осуществляются маневр войсками, их сосредоточение. Опытные экипажи воздушных разведчиков 16-й ВА систематически облетали районы расположения своих войск, просматривали и фотографировали коммуникации, пункты выгрузки, и, если обнаруживали хотя бы малейшие демаскирующие признаки, их немедленно устраняли.

Вообще маскировка подготовки операции, маневра силами и средствами, которой мы придавали большое значение и в предыдущих сражениях, на этот раз была доведена до высшей степени искусства. Все прибывавшие на фронт войска разгружались далеко в тылу и только ночью, а на день укрывались в лесах. За этим очень внимательно следили представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский и очень строго взыскивали с тех, кто допускал какие-либо просчеты. В связи с этим мне вспоминается случай, когда «пострадавшими» оказались командующий 65-й армией генерал П. И. Батов и я.

Уже на этапе отработки вопросов взаимодействия авиации с наземными войсками я и начальник оперативного отдела с рассветом выехали на КП 65-й армии в район Паричей. Было совсем светло, когда мы заметили, как арьергарды колонн наших частей втягивались в лес. И в это самое время небо прочертил инверсионный след вражеского разведчика. Он шел на восток на большой высоте, а за ним на удалении 12—15 км и значительно ниже гнались два наших истребителя. К нашему огорчению, истребители явно опоздали с вылетом, и рассчитывать на успешный перехват не приходилось (позже я выяснил, что так оно и произошло).

Подъезжая к КП Батова — землянкам, расположенным в поистине дремучем сосновом лесу,— мы еще издали заметили несколько легковых автомашин. Спустившись по крутым ступенькам в землянку КП, мы стали свидетелями сурового разговора маршала Г. К. Жукова с генералом Батовым и членом Военного

совета армии генералом Н. А. Радецким. Оказывается, маршал видел ту же картину, что и мы, и сейчас выяснял, почему не выполняются его указания о строжайшей маскировке, требовал принять к провинившимся самые строгие меры. Пока шел этот разговор, я улыбнулся каким-то своим мыслям, и маршал, который, казалось, до этого совсем нас не замечал, вдруг обернулся и сказал, обращаясь ко мне:

— Чему это вы улыбаетесь? У одного воїскá плохо маскируются, другой позволяет летать над ними разведчикам противника. Вот вы вместе и демаскируете операцию. Немедленно наведите порядок!

Продолжая время от времени высказывать нелестные реплики в наш адрес, маршал тем не менее помог Батову и мне увязать все вопросы взаимодействия. Немного позже сюда приехал командующий фронтом генерал К. К. Рокоссовский и тоже включился в работу, которая совместными усилиями быстро была доведена до конца.

Когда сели за обеденный стол, Батов вдруг обратил внимание, что впервые видит на мне погоны генерал-полковника авиации, и предложил за это тост. В ответ я заметил, что меня уже «поздравил» маршал. Георгий Константинович рассмеялся и пообещал в случае повторения чего-либо подобного «поздравить» как следует. Урок, однако, пошел на пользу, и принятые дополнительные меры обеспечили скрытное сосредоточение войск и боевої техники, а действия разведывательной авиации противника были еще более ограничены нашими истребителями.

Прибывающие на усиление 16-й ВА 4-й штурмовой и 8-ї истребительный авиакорпуса, 300-ю штурмовую авиадивизию мы принимали на тыловых аэродромах, оборудованных в 200—300 км от линии фронта, и там организовали их подготовку к боевым действиям. Как выяснилось, полки были укомплектованы молодым, необстрелянным летным составом. Боевой опыт в 4-м и 8-м корпусах имели лишь командиры полков и эскадрилий, а в 300-й штурмовой авиационной дивизии — только командиры полков. Времени для повышения боеспособности частей оставалось в обрез, поэтому пришлось принимать самые энергичные меры. Были составлены планы интенсивной подготовки полков и эскадрилий в боевых условиях. Особое внимание уделялось обучению и тренировкам ведущих групп, бомбометанию и стрельбам на полигонах. После изучения летным составом района предстоявших боевых действий экипажи выполнили ознакомительные полеты, но без пересечения линии фронта, чтобы противник не обнаружил прибытия новых частей. Дополнительно для детального изучения местности и морально-волевой подготовки летного состава к преодолению огня зенитных средств противника все летчики побывали на передовых позициях наших войск на тех направлениях, на которых должны были действовать их части, и в условиях, максимально приближенных к боевым.

Командование и штаб воздушной армии повседневно контролировали и направляли боевую подготовку молодого летного состава. Я побывал во всех полках 4-го штурмового авиакорпуса и еще раз убедился в высоких организаторских способностях талантливого авиационного командира Г. Ф. Байдукова. Боевая учеба здесь была организована исключительно четко и рационально. И уже заранее было видно, что к началу наступления полки достигнут необходимой боеспособности.

И все же тренировки на тыловых аэродромах, учебные стрельбы и бомбометания не гарантировали высокой эффективности боевых действий молодых летчиков, особенно в решающие часы и дни начала крупной наступательной операции, характерные массированным применением всех видов боевой техники и оружия. А ведь известно, что в первых двух-трех боевых вылетах летчики, как правило, испытывают большие эмоциональные перегрузки, действуют скорее автоматически, чем осознанно, допускают много ошибок, каждая из которых если и не становится роковой, то может привести к невыполнению задания. В дальнейшем летчик обретает уверенность в своих силах, способность к тактически грамотным действиям, все легче ориентируется в наземной и воздушной обстановке, словом, становится настоящим воздушным бойцом.

Учитывая эту психологическую особенность молодых летчиков, мы решили «обстрелять» их в относительно спокойной обстановке затишья на фронте. Для этого из состава 2-й гвардейской и 299-й штурмовых авиадивизий мы назначили опытных ведущих групп, под командованием которых молодые летчики из 4-го штурмового авиакорпуса и 300-й штурмовой авиадивизии сделали по одному-два вылета на штурмовку войск противника. Как показали дальнейшие события, это решение было совершенно верным. Ведущие групп — опытные летчики — личным примером, высоким боевым мастерством, подробным анализом хода выполнения задания оказали большое влияние на своих младших товарищей, на их становление как воздушных бойцов. В течение недели все молодые летчики понюхали пороха, эскадрильи и полки слетались, отработали взаимодействие с истребителями сопровождения и в целом, как подтвердила проведенная командованием воздушной армии строгая проверка, были готовы к грядущим боям.

Не теряли времени и наши опытные боевые части и соединения. Некоторые из них были перебазированы для отдыха (весьма, впрочем, относительного) на тыловые аэродромы и там тщательно готовились к операции. Другие продолжали боевые действия: прикрывали войска от налетов авиации противника, уничтожали живую силу и технику врага, вели разведку его оборонительных рубежей, скоплений и передвижений войск. Третьи находились в боевой готовности к выполнению внезапно возникавших заданий. Очень напряженно работали штабы, органы тыла, инженерно-

авиационная служба и служба связи. Это на их плечах лежали планирование, подготовка и поддержание в боевой готовности авиационной техники, материально-техническое обеспечение операции.

Поистине колоссальный объем работ выполнили тыловые органы 16-й воздушной армии, возглавляемые опытнейшим руководителем, исключительно энергичным генералом А. С. Кирилловым. Последнее качество было далеко не лишним, если учитывать трудности военного времени, острый дефицит некоторых важных предметов снабжения войск, запасных частей. Хорошо изучив за время совместной боевой службы характер и условия деятельности своего заместителя по тылу, я проникся к нему и его подчиненным большим и все возраставшим уважением. Уверен, что такое же чувство питал к ним и весь личный состав армии, когда в самые горячие боевые дни получал все, что необходимо для победы.

Помню, как-то уже на конечной стадии подготовки к наступлению ко мне прибыли чрезвычайно озабоченные и встревоженные генералы А. С. Кириллов и главный инженер армии В. И. Ребров. Они доложили, что для обеспечения боевых действий воздушной армии в операции получено несколько десятков тысяч тонн бензина, но контрольные пробы показали, что октановое число горючего во всех партиях на 2—3 единицы ниже, чем указано в паспортах, и для доведения его до кондиции требуется несколько эшелонов изооктана. Центральный орган снабжения удовлетворить заявку на изооктан отказался, ссылаясь на то, что летать можно и на поставленном нам горючем. При этом сообщалось, что на бензине с пониженным октановым числом проводились экспериментальные полеты. Тяга двигателей оставалась нормальной на всех режимах, цвет пламени на выхлопе был без особенностей и т. д. На этом основании предлагалось генералам Кириллову и Реброву принять доставленное горючее без каких-либо претензий.

Но ведь скоротечный эксперимент не мог дать объективной картины последствий длительного применения низкооктанового бензина, да еще на форсажных режимах. Через 20—30 часов налета пришлось бы снимать нагар с поршней, иначе говоря, прекратить полеты во всей воздушной армии на самой решающей фазе наступательной операции. Допустить такое положение мы не могли. Ссылки на необходимость экономии дорогостоящего и дефицитного изооктана, на что внушительно указывали работники центрального органа снабжения, показались бы кощунственными, если бы нашим наземным войскам пришлось прорывать мощную оборону противника без авиационной поддержки и прикрытия с воздуха. Слишком дорогой могла оказаться цена нашей покладистости, а вернее — неграмотной эксплуатации авиационной техники.

Я подробно доложил наши соображения члену Военного совета фронта генералу К. Ф. Телегину. Константин Федорович вни-

мательно разобрался в вопросе и полностью нас поддержал. Кажется, удалось убедить в справедливости нашей позиции и прибывшего на фронт специально для решения этой проблемы представителя центрального органа снабжения генерала Варшавского. Но тут возникло новое осложнение: оказалось, что показания нашего армейского октаномера на две единицы расходятся с показаниями прибора московского. А до начала операции осталось всего несколько дней...

Звоню в Москву начальнику штаба ВВС генералу С. А. Худякову. Он обещает доложить об этом на заседании Государственного Комитета Обороны. Главный инженер ВВС генерал А. К. Репин также считает, что мы правы. С чувством нарастающей тревоги ждем решения и вдруг... телефонный звонок. Слышу голос генерала Телегина:

— Сергей Игнатьевич! Вопрос не решен, как мне сообщили, ввиду его противоречивости и недостатка доказательств. В 23 часа товарищ Сталин созывает у себя совещание крупных авиационных специалистов, заслушает их мнение. Государственным Комитетом Обороны будет принято соответствующее решение. Как ты считаешь, если позвонит товарищ Сталин, будем настаивать на своем или придется уступить?

Подтверждаю, что никаких сомнений в обоснованности наших требований нет и, несмотря на трудности в стране, горючее должно быть доведено до кондиции. В противном случае есть лишь один выход — уменьшить количество самолето-вылетов в операции, но тогда надо начинать сначала планирование во всех звеньях — от штаба воздушной армии до полка. На это нужна минимум неделя, а ее нет.

— Хорошо,— отвечает Константин Федорович.— Будем держаться до конца.

Нужно ли объяснять, как мучительно долго тянулось время? За что ни возьмусь (дел ведь еще было, как говорят, невпроворот), а в голове одна мысль: как решится вопрос; неужели нас не поймут, не поддержат? Тут еще, как назло, начался налет вражеской авиации на железнодорожный узел Гомель, неподалеку от которого располагались КП и штаб воздушной армии. Мы с генералом П. И. Брайко вышли из дома и наблюдали, как в ночном небе повисла «люстра» светящихся авиабомб, заискрились разрывы зенитных снарядов. Воздух наполнился гулом самолетов, скороговоркой зенитных орудий, грохотом бомб.

И тут меня позвали к телефону. На проводе снова генерал-лейтенант К. Ф. Телегин. Слышу прямо-таки ликующий голос:

— Поздравляю, Сергей Игнатьевич! Верховный Главнокомандующий приказал выделить изооктан и в течение двух суток все горючее привести в соответствие с требованиями.

Конечно, событие, о котором я рассказал, было лишь одним из многих и, возможно, не самым волнующим в ходе планирования операции. Но оно свидетельствует о том, как нелегко по-

рой давалось обеспечение боевых действий всем необходимым, как важно было ничего не упустить, все предусмотреть, до конца отстаивать то, в чем убежден. И тем дороже были одержанные потом победы. Между тем подготовка к операции продолжалась в строгом соответствии с планом. Завершалось оборудование оперативных аэродромов. И хотя требования строжайшей маскировки, производство работ ночью, жесткий лимит времени затрудняли их строительство, все было сделано, оборудовано, укомплектовано без каких-либо скидок. Вскоре прибыли туда батальоны аэродромного обеспечения, завезли все необходимые материально-технические средства, подготовили и расставили свою технику, наладили связь.

В организации материально-технического обеспечения, как и во всей подготовительной работе, большую роль сыграли политорганы, партийные и комсомольские организации. Заместитель командующего воздушной армией по политической части генерал Алексей Сергеевич Виноградов в те дни редко бывал в штабе. Чаще его можно было видеть на том или ином аэродроме беседующим с летчиками или с офицерами и солдатами тыловых частей. 22 июня, накануне операции, в политическом отделе воздушной армии состоялось совещание политработников авиационных соединений, на котором были уточнены все детали предстоящей работы партийно-политического аппарата. После этого совещания политработники разъехались по частям, с тем чтобы на месте осуществлять конкретную помощь командирам в решении боевых задач. Операция началась в обстановке высокого морально-политического подъема. Воины-авиаторы горели страстным желанием выполнить призыв, содержавшийся в обращении Военного совета фронта — «Освободить родную белорусскую землю от немецко-фашистских захватчиков!»

Вот уже на новых аэродромах заняли свои места и развернули работу штабы полков. Побывали здесь и летчики, но... на автомашинах. Они изучили подходы, взлетно-посадочные полосы, стоянки и убыли на тыловые аэродромы, чтобы вернуться сюда уже на своих самолетах лишь накануне начала операции. Только так можно было обеспечить внезапные для врага массированные действия авиации на направлении главного удара фронта. А главных направлений удара у нашего фронта на этот раз было целых два. И, откровенно говоря, командование и штаб воздушной армии беспокоила разобщенность двух ударных группировок, каждой из которых были поставлены решительные задачи.

На первом этапе операции основные усилия сосредоточивались на рогачевском направлении, где уже в первый день в прорыв должен был войти танковый корпус с задачей захватить узел дорог Титовку на восточном берегу р. Березины у Бобруйска и в дальнейшем двигаться на север. В случае успеха в окружение попадала крупная группировка вражеских войск. На паричском же направлении нашим войскам предстояло, прорвав

оборону противника, подвижными группами перерезать дороги на Бобруйск и затем двигаться в западном направлении. При таком характере боевых действий группировка авиации неизбежно разобщалась, требовалось выполнить сложный маневр для быстрого переноса ее усилий в ходе сражения с рогачевского на слуцкое и минское направления. И если основные цели бомбардировщиков какое-то время еще оставались бы в пределах их радиуса действия, то для наращивания усилий штурмовиков и истребителей требовалось их перебазирование. Впрочем, трудности трудностями — на то и война,— а надо было думать о том, как наилучшим образом решать поставленную задачу. Боевые действия 16-й воздушной армии в Белорусской операции и были спланированы с учетом всех ее особенностей, сил и возможностей.

В связи с тем, что на паричском (а затем слуцком и минском) направлении предстояли стремительные действия двух подвижных групп, главная задача авиации состояла в нанесении мощных и своевременных ударов по вражеским войскам и резервам, которые попытались бы задержать продвижение наших частей у оборонительных рубежей или контратаками. В таких условиях эффективность авиационной поддержки войск зависела от постоянной, четко организованной воздушной разведки и включения в подвижные группы авиационных командиров с надежными средствами связи для оперативной постановки конкретных задач авиации в бою и объективной оценки ее действий. Особенно надежно надо было прикрыть весьма уязвимую с воздуха конницу. После тщательной проверки и изучения боевых возможностей частей и соединений воздушной армии было решено для поддержки и прикрытия войск на паричском направлении выделить наиболее боеспособные, имевшие большой фронтовой опыт соединения, возглавляемые энергичными, храбрыми и инициативными командирами. Сюда вошли отличившиеся в сражениях под Сталинградом и Курском 2-я гвардейская штурмовая авиадивизия генерала Г. И. Комарова, 299-я штурмовая авиадивизия полковника И. В. Крупского, 1-я гвардейская истребительная авиадивизия полковника В. В. Сухорябова, а также 283-я истребительная авиадивизия полковника С. Н. Чирвы.

Получив задачу, командиры дивизий и их штабы начали интенсивную подготовку к боевым действиям. Нагрузка на них легла весьма ощутимая, так как помимо решения вопросов чисто авиационных нужно было скоординировать свои планы с планами поддерживаемых подвижных групп, отработать все элементы взаимодействия на разных этапах операции, предусмотреть возможные варианты противодействия войск и авиации противника. Очень сложно было спланировать базирование частей в ходе операции. Так, уже на третий день наступления радиус действия штурмовиков с аэродромов исходного базирования был бы уже на пределе. Значит, для них нужно было готовить посадочные площадки у линии фронта или даже перебазировать штурмовики в

тыл противника на аэродромы, захваченные подвижными группами. В этом случае перебазирование людей, имущества, боеприпасов потребовалось бы осуществлять транспортной авиацией. Понятно, что такие вопросы дивизии решить самостоятельно не могли и им помогали командование и штаб воздушной армии. Нами и было принято решение: по мере продвижения войск ускоренно строить и оборудовать аэродромы для штурмовиков и истребителей и перебазировать их туда по готовности, а начиная со второго или третьего дня операции, если возникнет необходимость, поддерживать войска ударами бомбардировщиков. Оперативным группам предлагалось обеспечить в тылу противника как минимум по одному аэродрому в районе своих боевых действий; для оперативных перевозок использовать самолеты Ли-2 из приданного нам транспортного авиаполка и выделить один-два полка из ночной бомбардировочной авиационной дивизии. Был определен аэродром снабжения и назначены сроки сосредоточения на нем всего необходимого количества боеприпасов, технического и иного имущества.

Планирование боевых действий авиации при прорыве вражеской обороны и действиях наших войск в оперативной глубине противника осуществлялось в непосредственном общении командования 16-й воздушной армии с командующими 3-й армией генералом А. В. Горбатовым и 48-й армией — генералом П. Л. Романенко, с командиром 9-го танкового корпуса генералом Б. С. Бахаровым, войска которых составляли северную группу войск 1-го Белорусского фронта, нацеленную на рогачевское направление. Танковый корпус генерала Бахарова был той подвижной группой 3-й армии, которой предстояло после ввода в прорыв стремительным выходом в район Бобруйска перерезать коммуникации противника.

С Александром Васильевичем Горбатовым мне не впервые доводилось организовывать взаимодействие, и меня всегда привлекало его исключительное понимание роли авиации в бою и сражении, кропотливая, до мелочей, отработка каждого вопроса совместных действий. На его КП я нередко встречал и представителей авиации дальнего действия, соединения которой должны были в ночь перед наступлением нанести массированный удар по объектам в тактической глубине обороны противника, а это, естественно, требовало очень четкой организации управления и наведения. Командованию 16-й воздушной армии также пришлось основательно поработать с офицерами оперативной группы авиации дальнего действия, возглавляемой генералом Н. С. Скрипко, чтобы распределить цели, согласовать время, высоты и направления ударов авиации, порядок взаимного опознавания, оповещения, связи.

Аналогичную работу мы провели и с командованием южной (паричской) ударной группы, которая включала 65-ю армию генерала П. И. Батова, 28-ю армию генерала А. А. Лучинского и

конно-механизированную группу генерала И. А. Плиева. Подвижная группа 65-й армии — 1-й гвардейский танковый корпус генерала М. Ф. Панова — должна была после ввода в прорыв перерезать коммуникации к западу от Бобруйска и лишить войска противника возможностей отхода.

В результате кропотливой совместной работы командиров и штабов всех степеней были полностью согласованы вопросы взаимодействия по этапам операции вплоть до мельчайших деталей. В частности, подвижным группам назначались конкретные аэродромы в тылу противника, которые им предстояло захватить для перебазирования туда нашей штурмовой и истребительной авиации.

Подготовка к операции завершилась однодневным учением, на котором окончательно отрабатывались и уточнялись вопросы маневра авиацией с одного оперативного направления на другое, управления тылового обеспечения и базирования. На учении, помимо руководящего состава 16-й воздушной армии, корпусов и дивизий, присутствовали представители командующего ВВС генералы П. П. Ионов, И. Л. Туркель и Б. В. Стерлигов. Результаты учения подтвердили, что в целом соединения воздушной армии к боевым действиям готовы и способны выполнить возлагаемые на них задачи. Выявленные в ходе проверки отдельные недостатки были немедленно устранены. Об этом я и доложил командующему фронтом генералу армии К. К. Рокоссовскому и командующему ВВС маршалу авиации А. А. Новикову.

Итак, перед началом операции «Багратион» основные силы 16-й воздушной армии были сосредоточены на рогачевском направлении, куда выехал представитель Ставки маршал Жуков с оперативной группой. Управлять боевыми действиями авиации на этом направлении командующий фронтом приказал мне. Сам К. К. Рокоссовский осуществлял руководство войсками южной группировки войск и в его распоряжение прибыл мой заместитель генерал М. М. Косых. На каждом направлении были оборудованы командные пункты воздушной армии, в подвижные группы назначены и посланы авиационные представители. Громадная подготовительная работа, казалось бы, давала уверенность в том, что все предусмотрено, налажено, выверено, что авиация успешно выполнит свои задачи. И все же, помимо естественного волнения, вызванного ожиданием грандиозного сражения, в котором возможны любые «сюрпризы», приготовленные все еще сильным и коварным врагом, было еще одно обстоятельство, которое могло внести в наши планы существенные коррективы. Погода! Уже целую неделю мы жили надеждой, что неблагоприятный долгосрочный прогноз погоды из-за отсутствия объективной информации о метеорологической обстановке в Западном полушарии (что синоптики называли тогда «обрезанной картой») окажется ошибочным и существенного влияния на действия авиации погода не окажет.

22 июня с разведки боем своими передовыми батальонами практически начали операцию войска 1-го Прибалтийского фронта. А на другой день перешли в наступление его главные силы, а также войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов. По поступающим к нам сведениям, метеорологические условия в районах боевых действий наших соседей в целом не помешали авиационной подготовке и поддержке. Это несколько успокаивало. Но вот 23 июня, в канун наступления войск 1-го Белорусского фронта, получили мы прогноз погоды на завтра, и настроение снова упало: на первый день операции синоптики обещали метеоусловия, близкие к нелетным. Во всяком случае даже незначительное ухудшение предсказанной погоды могло лишить войска авиационной поддержки. Перспектива, что и говорить, неутешительная.

Маршал Жуков приказал руководству оперативной группы выехать на командный (он же наблюдательный) пункт 3-й армии 23 июня в 22 часа с таким расчетом, чтобы прибыть туда к началу удара авиации дальнего действия, назначенному на 24 часа. Уже в пути на КП мы убедились, что погода оказалась значительно хуже ожидаемой. Однако пока еще наши воздушные разведчики могли рассмотреть не только землю, но и отдельные объекты противника, что было особенно важно, так как авиация в то время была оснащена только оптическими прицелами, исключавшими бомбометание при густой дымке или из-за облаков.

Наблюдательный пункт генерала А. В. Горбатова расположился на опушке леса в нескольких сотнях метров от переднего края. Среди могучих сосен, в густых кронах лиственных деревьев были искусно замаскированы вышки для скрытного наблюдения за полем боя. Для средств связи и управления в глубине леса были оборудованы блиндажи в несколько накатов. Свои рабочие места мы обжили заранее, так что все здесь было уже знакомо и привычно.

Когда мы прибыли на КП, генерал Горбатов доложил маршалу Жукову обстановку и результаты наблюдения за противником. Генерал Скрипко сообщил, что части авиации дальнего действия — на подходе и нанесут удар точно в назначенное время. Ровно в 24.00 перед нашим передним краем рванула воздух первая серия бомб крупного калибра. Пятисоткилограммовки рвались с таким грохотом, что маршал Жуков приказал уточнить, не близковато ли от наших позиций ложатся бомбы? А грохот все нарастал и, кажется, ежесекундно приближался к нам. Росла и наша тревога... Наконец генералы Горбатов и Скрипко доложили, что по наблюдениям с вышек бомбы ложатся в расположении противника; об этом же донесли командиры стрелковых дивизий. От сердца немного отлегло, но ненадолго — очень уж непривычна для слуха массированная обработка переднего края противника тяжелыми авиабомбами, слишком уж темна ночь, и малейшая ошибка экипажа могла бы нанести тяжелый урон плотной

группировке наших войск и техники, изготовившихся к удару.

Вот уже больше часа продолжается авиационная подготовка, все уже буквально оглохли от неимоверного грохота. А погода все портится, пошел дождь, темень стала непроглядной. И вдруг наступила тишина. Генерал Скрипко доложил: экипажи не видят ни сигналов опознавания, ни целей. Полки авиации дальнего действия с маршрута возвратились на свои базы. Об отсутствии видимости сообщили и экипажи фронтовых бомбардировщиков, просили разрешения прекратить выполнение задачи. А до рассвета оставалось еще часа два...

Оценили метеообстановку. Авиация больше действовать не могла. Маршал Жуков принял решение: начать артподготовку в назначенное время. На какой-то период все потонуло в необыкновенной и все более гнетущей тишине. Нет, все-таки приятнее слушать грохот бомб, чем следить за томительно-медленным движением часовой стрелки и чувствовать, что бессилен ускорить бег времени.

К рассвету облачность начала подниматься, видимость улучшилась, и тогда началась мощнейшая артподготовка. Тысячи и тысячи снарядов обрушились на вражеские позиции. Впереди, за передним краем, закипело, поднялось какое-то месиво из огня, дыма, пыли. Через час метеорным дождем располосовали небо реактивные снаряды дивизионов «катюш». А противник молчал, не отвечал ни артиллерийским, ни минометным огнем. Что он задумал, почему затаился? Может быть, заранее вывел главные силы из-под удара и бросит их в сражение в решающий момент? Чего только не передумаешь в такие минуты...

Но вот артиллерийский вал покатился дальше, послышалось громкое: «Ура!» Наши части ринулись в атаку. И сразу заговорила вражеская артиллерия, в цепях атакующих стали густо ложиться мины. Наши орудия перенесли огонь на артиллерийские позиции врага, но пехота уже прижата к земле, ее продвижение остановлено.

Постепенно погода несколько улучшилась, и над полем боя появились группы наших штурмовиков, а затем и бомбардировщиков.

Но исправить положение они уже не смогли. К полудню стало ясно, что атака захлебнулась, ее надо готовить сначала. Итог первого дня наступления на рогачевском направлении был более чем скромным. Несмотря на все усилия, дальше вторых траншей врага нашим войскам продвинуться не удалось. Да, систему обороны противник здесь подготовил весьма основательно, надо думать, не без учета опыта оборонительного сражения наших войск под Курском. Умело использовал враг и особенности местности, благоприятные для маскировки артиллерийских и минометных позиций, долговременных огневых точек и дзотов, значительная часть которых обнаружила себя лишь с переходом наших войск в наступление.

Казалось бы, такое неудачное начало должно было обескуражить наше командование, заставить отложить наступление, произвести перегруппировку войск. Но тут как раз и проявились мудрость и дальновидность необычного замысла — нанести одновременно два мощных удара. Из поступивших сообщений мы вскоре узнали, что на паричском направлении армии генералов Батова и Лучинского, поддержанные авиацией, взломали вражескую оборону на 30-километровом участке фронта и продвинулись на 10 км. Введенный в прорыв 1-й гвардейский танковый корпус вышел в район Кнышевичей в 20 км от исходного рубежа.

Несмотря на неблагоприятные в целом метеорологические условия, авиация оказала существенную помощь войскам фронта. В первый день наступления был выполнен 3191 самолето-вылет [2]. Днем на заранее намеченные и вновь выявленные вражеские объекты два массированных удара обрушила бомбардировочная авиация. И если на паричском направлении действия авиационных частей и соединений были довольно эффективными, то и на нашем, северном, участке они, несомненно, оказали воздействие на дальнейшее развитие операции, подорвали обороноспособность противостоявшей группировки.

Неудача на нашем направлении заставила командование остаток дня и всю ночь организовывать повторный удар, вновь уточнять вопросы взаимодействия, вносить в планы существенные коррективы. Атака была назначена на раннее утро. Однако и на этот раз решительного перелома добиться не удалось. Несмотря на введение в бой части сил подвижной группы 3-й армии, наши войска с трудом преодолевали исключительно ожесточенное сопротивление противника, наступление развивалось крайне медленно, и уже к 10—11 часам утра стало ясно, что использовать здесь 9-й танковый корпус не следует — в сложившейся обстановке подвижная группа успеха не добьется и лишь понесет большие потери. Ход боев 25 июня это полностью подтвердил: к исходу дня войска 3-й и 48-й армий продвинулись незначительно, так и не прорвав тактическую зону обороны противника.

И тогда маршал Жуков решил ввести танковый корпус в бой правее участка наступления, где вражеская оборона была более растянутой. Правда, там предстояло с ходу форсировать р. Друть, разворачивать танковое соединение на болотистой местности. Но зато, преодолев этот район, танки выходили на оперативный простор в тылу обороняющейся группировки.

Задачу на прорыв обороны противника на новом участке и выход на узел дорог — Титовку (восточнее Бобруйска) — маршал Жуков поставил командиру 9-го танкового корпуса генералу Бахарову лично. Мне маршал указал на особую ответственность авиации за обеспечение прорыва и огневую поддержку боевых

[2] Архив МО СССР, ф. 368, оп. 142 206, д. 28, л. 20; д. 39, л. 18.

действий ударной группы. Дело в том, что на этом участке нашей артиллерии практически не было, а создание достаточно мощной артиллерийской группировки исключалось вследствие дефицита времени. Значит, авиация должна была выполнить двойную работу, причем на усвоение новой задачи и подготовку к ее решению оставались считанные часы.

Здесь же на НП, быстро оценив обстановку, я решил выделить для поддержки танкистов три авиакорпуса: 3-й бомбардировочный генерала А. З. Каравацкого, 4-й штурмовой генерала Г. Ф. Байдукова и 6-й истребительный генерала И. М. Дзусова. Всего два часа понадобилось на принятие решения, согласование вопросов взаимодействия и постановку задач. Под прикрытием темноты 9-й танковый корпус двинулся на исходные рубежи. Одновременно командующим 3-й и 48-й армиями было приказано ввести в бой все резервы и 28 июня окружить бобруйскую группировку противника.

Утром 26 июня по переднему краю и тактической глубине противника мощный удар нанесли 3-й бомбардировочный и частично 4-й штурмовой авиакорпуса, расчищая путь танкистам. 9-й танковый корпус, непрерывно поддерживаемый крупными силами бомбардировщиков и штурмовиков, с ходу прорвал вражескую оборону и неудержимо устремился вперед вслед за огневым валом авиации.

Мы ожидали, что вражеская авиация окажет противодействие наступающим частям, примет меры, чтобы задержать их продвижение. Поэтому боевые порядки наших войск были надежно прикрыты истребителями. Летчики 6-го истребительного авиакорпуса с честью выполнили поставленную задачу, попытки вражеских бомбардировщиков нанести прицельные удары по передовым частям 9-го танкового корпуса успешно отражались — ни один наш танк не был выведен из строя вражеской авиацией. Теперь мы пожинали плоды завоеванного в жестоких битвах господства в воздухе, диктовали врагу свою волю. Наша авиация обеспечивала свободу действий сухопутным войскам, и это во многом способствовало общему успеху.

Невольно вспомнились июнь — июль 1941 г., бои в этом же районе при подавляющем превосходстве гитлеровской авиации. Где они теперь эти наглые, самоуверенные воздушные пираты, которые среди бела дня «утюжили» на бреющем полете забитые беженцами дороги, почти безнаказанно терзали нашу оборону, порождая в неприкрытых войсках «воздухобоязнь»? Великий подвиг совершили советские люди — труженики тыла, сумевшие под руководством Коммунистической партии восстановить и развернуть авиационную промышленность, дать фронту первоклассную авиацию и боевую технику — все, что нужно для боя и победы. Теперь небо войны — наше, и недалек час, когда все советское небо снова будет чистым, как и наша родная, горячо любимая Отчизна.

Уже в ночь на 25 июня гитлеровское командование, учитывая быстрое продвижение войск нашей ударной группы, вышедших на р. Березину и форсировавших р. Птичь, начало отвод своих войск за Березину. Поэтому значительная часть сил воздушной армии обрушила удары на отступавшие вражеские колонны и переправы. В этот день было сделано около трех тысяч самолето-вылетов [3].

27 июня на совещании у командующего фронтом, которое он проводил на КП 65-й армии, начальник штаба фронта генерал М. С. Малинин доложил об итогах трехдневных боев, уточнил обстановку и положение войск. Здесь мы узнали, что минувшей ночью 1-й гвардейский танковый корпус оседлал дороги, ведущие из Бобруйска на запад и северо-запад, и тем самым отрезал пути отхода бобруйской группировке врага. Быстро продвигалась на Слуцк и конно-механизированная группа. Генерал Рокоссовский приказал 3-й и 48-й армиям ликвидировать окруженную юго-восточнее Бобруйска группировку врага, сменить у Титовки 9-й танковый корпус и уплотнить там боевые порядки, так как, судя по всему, именно здесь противник попытается вырваться из окружения и соединиться со своей 4-й армией.

65-й и 28-й армиям было приказано продолжать выполнять поставленную ранее задачу: 1-му гвардейскому танковому корпусу развивать наступление в направлении на Осиповичи — Марьина Горка, а конно-механизированной группе — в общем направлении на Слуцк. Основной задачей авиации оставалось содействие быстрому продвижению наших войск, обеспечение их разведывательными данными и прикрытие их действий с воздуха.

Исходя из сложившейся обстановки, я особо выделил 1-й гвардейский танковый корпус, которому на этом этапе операции предстояло выполнять наиболее ответственную задачу. Надо было усилить группировку авиации, поддерживавшую танкистов. Но как именно? Основные силы наших бомбардировщиков наносили удары по отступающим вражеским колоннам, буквально захлестнувшим участок дороги Могилев — Минск. Задержать врага, нанести ему максимальный урон, не дать выскользнуть из осуществляемого окружения было задачей первостепенной важности. Однако поддержка ударной танковой группировки требовала выделения дополнительных сил, и я принял решение перенацелить сюда не менее дивизии бомбардировщиков. Доложил об этом генералу Рокоссовскому. Командующий фронтом утвердил решение. Одобрил его и маршал авиации А. А. Новиков. Получив последние указания и уточнив все вопросы, я улетел обратно на свой КП, чтобы детально разработать план дальнейших действий воздушной армии.

Не вызывало сомнений, что противник будет усиливать сопротивление, бросать в бой все силы, пытаясь выиграть время, от-

[3] Архив МО СССР, ф. 368, оп. 142 206, д. 49, л. 35.

вести войска на выгодные оборонительные рубежи, пока наши подвижные группы не замкнули второе кольцо окружения в районе Минска.

Во второй половине дня наша воздушная разведка обнаружила юго-восточнее Бобруйска большие колонны вражеской техники, обращенные на север. Значит, гитлеровцы, как и ожидалось, готовятся к прорыву и соединению с 4-й армией. Я немедленно связался с КП 65-й армии и доложил о результатах разведки находящимся там командующему фронтом и маршалу Жукову. Одновременно приказал воздушным разведчикам усилить наблюдение за действиями противника в этом районе и обо всех изменениях немедленно докладывать мне. Вскоре стали поступать сообщения, что скопление вражеских войск в лесах возрастает, колонны на дорогах увеличиваются.

Около 17 часов мне позвонил подполковник М. Н. Кожевников от маршала авиации А. А. Новикова и сообщил, что Военный совет фронта, маршалы Жуков и Новиков придают особое значение воздушной разведке состояния вражеских войск в этом районе. Ведь окруженную здесь группировку должны ликвидировать войска 3-й и 48-й армий, и они к этому готовились. Но теперь стало ясно, что гитлеровское командование решило упредить события и с наступлением темноты рискнет бросить окруженные шесть дивизий на прорыв.

Кожевников сообщил также, что сейчас командование фронта и представители Ставки оценивают обстановку, после чего будет поставлена задача и 16-й воздушной армии. В свою очередь я попросил доложить руководству, что штаб армии готовит удар по противнику с воздуха, но до наступления темноты остается всего четыре часа, и если упустить срок, то эффективность наших действий резко снизится.

Разговор окончился, а напряжение в нашей работе все возрастало. Принимая решение на боевые действия, я исходил из того, что, поскольку противник готовит прорыв, он, безусловно, организует его подготовку и поддержку с воздуха и, очевидно, над полем боя встретятся две большие воздушные группировки. Присутствие вражеской авиации над районом боевых действий было, конечно, нежелательным, она сковала бы свободу маневра наших сухопутных частей, помешала бы нанесению мощного удара по окруженной группировке. Значит, авиацию противника надо было встретить и рассеять еще до ее подхода к этому району.

Для решения всех неожиданно возникших задач силы нужны были немалые и притом немедленно, а у нас практически все корпуса и дивизии задействованы, резерв небольшой. Смотрю текущую справку о динамике боя. Так и есть: на аэродромах самолетов мало, почти все — в воздухе. Как же быстро собрать крупную группировку бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей?

Отдаю приказ командирам корпусов и дивизий: «Все части и подразделения, находящиеся на аэродромах, подготовить для уничтожения живой силы и техники врага в колоннах и скопления в лесу, сделать соответствующую зарядку боеприпасов. Части и подразделения, возвращающиеся на аэродромы, в течение 30 минут подготовить к выполнению той же задачи. О количестве подготовленных самолетов немедленно докладывать мне».

Приказ-то отдал, а на душе неспокойно — ведь для разгрома такой крупной группировки нужны сотни самолетов, тщательно подготовленные к выполнению задачи экипажи, четкие организация массированного удара авиации и управление большими группами самолетов в воздухе.

Обычно на подготовку такой операции требуется значительно больший срок, чем мы располагали сейчас. Но опоздать нельзя — противник уйдет. А задачи частям еще не сформулированы, последних данных о линии фронта нет... Наконец из штаба армии поступает доклад: на аэродромах в готовности 189 самолетов; в течение часа будет подготовлено 360 машин. Это уже хорошо. С такими силами можно начинать операцию.

Снова звонок с КП Батова. Приказание Жукова и Рокоссовского: «Нанести удар по окруженной группировке до наступления темноты. Время удара и вылета, количество самолетов донести». Жду у телефона уточнения линии фронта и одновременно прошу генерала Брайко вызвать к телеграфу командиров корпусов и дивизий, которым буду лично ставить задачу, а экипажам приказать готовиться к удару по окруженной группировке.

Обстоятельства требовали и предварительной информации летного состава о характере объекта действий. По моему указанию генерал Брайко организовал так, что все необходимые сведения были доведены до полков. Командирам корпусов и дивизий безотлагательно сообщались все новые данные о противнике, доставляемые воздушной разведкой.

Но вот, наконец, получена и уточненная линия фронта. Теперь уже на решение осталось буквально несколько минут. Понимаю, что в таких условиях, чем проще организация, тем она надежней, тем большее число самолетов сможет выполнять задачу. Тут же генерал Брайко доложил, что все командиры дивизий и корпусов находятся у телеграфных аппаратов.

Первому поставил задачу командиру 3-го бомбардировочного авиакорпуса генералу Каравацкому, так как его частям дальше других лететь до цели. Приказал частям сразу по готовности нанести удар по окруженной вражеской группировке, колоннам и скоплениям войск юго-восточнее и юго-западнее Титовки. Цели выбирать ведущим группам из наиболее крупных скоплений вражеских войск. Высота бомбометания 1200—1600 м. Одновременно с этих же высот будет наносить удар 6-й бомбардировочный авиакорпус, а от 200 до 1200 м — штурмовики 4-го штурмового авиакорпуса, 2-й гвардейской и 229-й штурмовых авиадивизий. Район

боевых действий будут прикрывать истребители 6-го истребительного авиакорпуса и 1-й гвардейской истребительной авиадивизии на высотах от 500 до 2000 м.

Передал линию фронта, приказал наносить удары не ближе чем 2,5—3 км от нее, чтобы не поразить свои войска. В районе цели занимать только заданные эшелоны и внимательно наблюдать за своими самолетами, чтобы не помешать выполнению задачи другими группами.

Этот же текст для экономии времени я приказал передать дословно остальным командирам соединений как боевую задачу, а сам перешел к аппаратам 6-го истребительного авиакорпуса и 1-й гвардейской авиадивизии, информировал командиров о своем решении и приказал действия нашей авиации прикрывать 1-й гвардейской истребительной авиадивизии на высотах 500—1000 м, а 6-му авиакорпусу — от 1000 до 2000 м, прикрытие осуществлять по внешней линии окружения с целью не допускать авиацию противника к району боевых действий с 18 часов 30 минут до 20 часов 30 минут. По окончании патрулирования истребителям атаковать скопления войск противника. 282-я и 283-я истребительная авиадивизии были оставлены в резерве.

Едва офицеры штаба доложили, что задача всеми понята (а принятие решения, постановка задачи и ее усвоение командирами заняли по существу от 9 до 15 минут), как первые части уже стали подниматься в воздух. Такая оперативность в организации массированных боевых действий авиации была бы немыслима без исключительно четкой работы всех звеньев штаба армии, того взаимопонимания, которое рождается и крепнет в длительном общении единомышленников, прошедших сквозь суровые испытания, познавших горечь временных неудач и радость побед. И если теперь, в середине 1944 г., штаб воздушной армии работал, как хорошо отлаженный часовой механизм, то большая заслуга в этом его руководителя — человека исключительно высокой штабной культуры, завидного трудолюбия, бескомпромиссной требовательности к себе и подчиненным. Я имею в виду начальника штаба 16-й воздушной генерала П. И. Брайко. Пока я ставил задачи командирам, штаб армии, можно сказать, синхронно организовывал управление, давал все необходимые указания по каналам связи, определял порядок донесений о ходе боевых действий. И хотя все это делалось незаметно, как бы помимо меня, я был уверен, что никаких упущений аппарат, возглавляемый Петром Игнатьевичем Брайко, не допустит.

Более 30 минут занял взлет частей воздушной армии, выделенных для разгрома окруженной группировки немецко-фашистских войск. Как и ожидалось, спланированное нами эшелонирование групп самолетов по высотам, их «растяжка» по времени позволили избежать опасного скопления авиации над целью. О том, что произошло дальше, лучше всего расскажет, пожалуй сохранившееся в архиве описание:

«Первые группы нашнх бомбардировщиков появплись в районе цели в 19.15. По ним был открыт сильный зенитный огонь главным образом из пушек «Эрликон». По мере нарастания численности нашей авиации над окруженной группировкой огонь 9-й армии противника начал ослабевать. Группы штурмовиков, появившиеся в районе цели, начали эффективно подавлять зенитные точки противника, обнаруживающие себя ведением огня по бомбардировщикам. Ослабление огня 9-й армии противника происходило от центра нанесения главного удара к периферии кольца окружения. К исходу первого часа нанесения удара огонь 9-й армии почти прекратился и велся лишь отдельными точками на значительном удалении от района боевых действий нашей авиации.

Группы бомбардировщиков, появившиеся в районе цели, с ходу производили бомбометание и в первую очередь по обнаруженным скоплениям на дороге северо-западнее Дубовки, Савичей. Воздействию бомбардировщиков были также подвергнуты прилегающие леса, где находилось значительное скопление живой силы и техники противника. Группы штурмовиков производили бомбардировочно-штурмовые удары по скоплению вражеских войск и техники и в первую очередь по голове огромной колонны, где сосредоточены были танки и самоходные орудия, нанеся этим противнику сокрушительный удар.

Удар нашей авиации был внезапным и сокрушительным по своей силе. Он был отлично организован. Группы самолетов подходили к району цели. Количество авиации в воздухе нарастало. Некоторые группы, дожидаясь своей очереди, делали ложные заходы, с тем чтобы после ухода действовавших групп всей мощью обрушиться на заданную цель.

Благодаря меткости бомбометания и пушечно-пулеметного обстрела в местах скопления вражеской техники образовались крупные пожары и взрывы. В отдельных местах загорелся прилегающий лес. На месте бомбардировочно-штурмовых ударов поднялись на 300—400 м клубы черного дыма (горели автомашины, танки, горючее, подрывались боеприпасы). Дым смешался с пылью.

Противник был охвачен не поддающейся описанию паникой...

Некоторые офицеры и солдаты, ехавшие на автомашинах, пытались спастись, для чего сворачивали машины с дороги в сторону, но попадали при этом на болото или натыкались на мины. Машины застревали, а офицеры и солдаты разбегались куда попало. Машины же и танки, пытавшиеся пробиться вперед по дороге, натыкались на уже поврежденные или горящие машины и танки, образовывались тем самым скопления разбитой и горящей техники.

Обозы и автомашины, которые передвигались по лесам, вынуждены были выезжать на поля, но здесь они попадали под пушечно-пулеметный огонь штурмовиков и истребителей.

К концу первого часа налета основное скопление войск и техники противника было закрыто густыми облаками дыма и пыли, что затрудняло действия авиации.

Из-за создавшейся паники всякое управление войсками в стане врага было потеряно. Уцелевшие гитлеровцы, бросив технику, оружие, повозки, личные вещи, через леса бежали к р. Березине и вплавь под покровом сумерек и ночи переправлялись в одном белье в Бобруйск. Значительная часть их, не достигнув западного берега, утонула.

В создавшейся благоприятной воздушной обстановке приняла участие в штурмовке войск и техники противника группа истребителей, обеспечивающих действия наших бомбардировщиков и штурмовиков.

Удар авиации был закончен в сумерки. К этому времени в местах скопления вражеской техники пылали большие пожары и продолжались взрывы. Всего в течение 1 часа 30 минут было израсходовано 159 т бомб.

Наступавшие наземные войска практически не встретили сопротивления противника. Это свидетельствует о том, что в данном случае авиацией 16-й воздушной армии впервые в ее боевой практике была выполнена самостоятельная операция по уничтожению окруженной группировки противника.

По эффективности действий авиации данный случай, по мнению многих очевидцев, не имеет прецедента в ходе Отечественной войны» [4].

Все эти подробности мы узнали несколько позже. А когда я принимал оперативные донесения о ходе и результатах удара нашей авиации, они, откровенно говоря, казались изрядно преувеличенными. И не потому, что более 500 самолетов не могли нанести врагу такого урона. Могли, конечно. Но ведь операция была спланирована и проведена в такой короткий отрезок времени, что в иных обстоятельствах еще впору было бы ломать голову над оценкой обстановки. Словом, хотя и чувствовал, что удар удался, что враг понес большие потери, но решил не спешить с окончательными выводами, тем более что сами экипажи, принимавшие участие в налете, не могли объективно оценить результаты своих действий, а воздушные разведчики в наступившей темноте различали лишь большие очаги пожаров.

К 21 часу все экипажи, вылетавшие на разгром вражеской группировки, вернулись на свои аэродромы. Командиры доложили: задание выполнено без потерь, с авиацией противника не встречались. Значит, не смогли, а скорее, не успели гитлеровцы организовать противодействие, помочь своим дивизиям вырваться из кольца. Такова цена внезапности на войне.

Пока штаб готовил итоговую сводку за день, я приступил к разработке замысла на завтра, особенно совместных действий с

[4] Архив МО СССР, ф. 368, оп. 6476, д. 399—404, лл. 39—42.

1-м гвардейским танковым корпусом. Только сосредоточился, слышу телефонный звонок. Говорят: «Вас вызывает «Бритва»». Это — позывной маршала Жукова. Вдруг в трубке голос, не пойму чей. Спрашивает без обиняков:

— Ты знаешь, что ты наделал?

Ну, как молния мелькнула мысль, не иначе как в сутолоке да спешке ударили по своим, собственными руками открыли противнику путь из окружения. Неужели все из-за того, что поторопился с решением, не дал командирам и летчикам времени на подготовку к вылету, на изучение района действий, линии фронта...

Все это пронеслось в голове в какие-то секунды, пока мой собеседник выдерживал паузу. Потом слышу:

— Романенко и Горбатов докладывают, что противник сопротивления не оказывает, части армии вышли на Березину, ликвидируют отдельные деморализованные группы врага, а основная масса его людей и техники превращена авиацией в сплошное месиво. Вот это удар! Молодцы!

Тут только и узнал я голос маршала авиации А. А. Новикова. Поблагодарил я его за высокую оценку действий наших летчиков, а потом говорю:

— Знаете, Александр Александрович, если бы у меня было слабое сердце, не избежать инфаркта — так вы напугали меня в начале разговора.

Посмеялись мы, пошутили (теперь-то я был способен воспринимать юмор!), а потом Александр Александрович передал указание маршала Жукова доложить ему фамилии командиров полков и дивизий, наносивших удар,— маршал решил лично их наградить. Забегая немного вперед, скажу: специальная комиссия определила, что в результате действий 16-й воздушной армии по окруженной группировке враг потерял около тысячи солдат и офицеров, до 150 танков и штурмовых орудий, примерно тысячу орудий разного калибра, около 6 тыс. автомашин и тягачей, до 3 тыс. повозок и 1500 лошадей [5]. Все командиры полков, дивизий и корпусов, участвовавших в налете, были поощрены заместителем Верховного Главнокомандующего Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым. Меня маршал также наградил золотыми часами.

Высоко оценил действия 16-й воздушной армии по разгрому окруженной группировки противника и маршал авиации А. А. Новиков. Личному составу соединений и частей, участвовавших в разгроме врага, он направил следующую телеграмму:

«Нашими войсками в результате наступления юго-восточнее Бобруйска была окружена большая группировка противника... которая оказывала упорное сопротивление нашим войскам. Для того чтобы разгромить противника и принудить его к сдаче, 27.6.44 г.

[5] Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2356, д. 256, л. 167.

в период 19.15 — 21.00 авиацией 16-й ВА в количестве 523 самолетов был нанесен массированный бомбово-штурмовой удар по окруженной группировке противника юго-восточнее Бобруйска. В результате успешно проведенного авиационного удара окруженная группировка противника была разбита, а ее остатки в ночь на 28.6. 44 г. были уничтожены и пленены наземными войсками.

В районе, где был нанесен удар авиацией, на поле боя осталось большое количество разбитой техники противника и масса трупов немецких солдат и офицеров.

Таким образом, авиационные части свою задачу выполнили отлично, за что всему летному составу, принимавшему участие в массированном ударе,— летчикам, штурманам, стрелкам-радистам — объявляю благодарность. Телеграмму довести до всего личного состава авиачастей 16-й ВА. Новиков» [6].

28 июня войска 48-й армии довершили разгром деморализованной и рассеянной вражеской группировки. Днем позже был освобожден и г. Бобруйск. За пять дней с начала операции войска нашего фронта прорвали вражескую оборону на участке протяженностью 200 км, окружили и уничтожили его бобруйскую группировку и продвинулись в глубину до 110 км.

Высокий темп нашего наступления, естественно, радовал и в то же время принес, хотя и предусмотренные, но весьма серьезные заботы. Особенно сложным было перебазирование полков и дивизий вслед за наступавшими войсками. Радиус действия штурмовиков и истребителей очень быстро оказывался недостаточным для своевременной и надежной поддержки и прикрытия передовых частей. В период планирования и подготовки операции в состав ударных танковых соединений было включено несколько батальонов аэродромного обслуживания, личный состав которых был специально обучен ведению боевых действий в специфических условиях быстрого продвижения по вражеским тылам, захвату и удержанию аэродромов противника, их подготовке в короткий срок и минимальными техническими средствами для приема и обеспечения самолетов. Каждая из нескольких колонн батальонов аэродромного обслуживания имела с собой запас бензина, масла, продовольствия, оборудования — словом, всего необходимого для обеспечения приема и боевого вылета авиационного полка. Этим же батальонам придавались саперные команды для разминирования захваченных аэродромов. Кроме того, командирам авиационных соединений было приказано совместно с командирами районов аэродромного обслуживания изыскивать и осваивать на освобожденной территории аэродромы в соответствии с их потребностью.

Такая предусмотрительность полностью себя оправдала. Передовые батальоны успешно выполняли поставленные перед ними задачи, и практически наша авиация бесперебойно поддерживала

[6] Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2356, д. 256. лл. 39—40.

наступавшие войска. А ведь только в июле 6 раз пришлось перебазировать соединения штурмовой авиации, по 7—8 раз меняли базирование истребители, 8 раз — ночные и 3—4 раза — дневные бомбардировщики [7]. Непрерывность боевой работы авиации армии достигалась тем, что соединения перебазировались не одновременно, а последовательно, своего рода «перекатом»: пока одни осуществляли аэродромный маневр, другие вели боевые действия, а затем первые приступали к выполнению заданий и прикрывали перебазирование на оперативные аэродромы остальных частей и соединений. Такой порядок требовал очень четкой организации и планирования боевых действий, снабжения непрерывно перемещающихся частей всем необходимым для нормальной боевой работы. А ведь одних только бомб в том же июле части армии израсходовали более 700 т.

28 июня командир 299-й штурмовой дивизии полковник И. В. Крупский, находившийся в боевых порядках конно-механизированной группы, сообщил мне, что аэродром Пастовичи как будто покинут фашистской авиацией, но сам он не может отлучиться со своего подвижного КП и проверить, так ли это. Пастовичи в это время были еще в 70—80 км за линией фронта и такой аэродром нас как нельзя более устраивал. Высланные мною разведчики на Як-1 доложили: аэродром пуст, воронок на полосе не обнаружено, лишь на границе летного поля — штабели бомб.

Ну, а если там все заминировано? Решил послать на место пару По-2 из аэродромного отдела армии с минерами, вооруженными соответствующей техникой. Через 5 часов экипажи вернулись и подтвердили, что враг с приближением нашей ударной группы оставил аэродром по тревоге, заминировать его не успел и летное поле вполне пригодно для приема и выпуска самолетов. Здесь же на аэродроме 1-й гвардейской истребительной авиадивизии, где я принимал доклад экипажей о результатах рекогносцировки, уже стоял в готовности полк транспортных Ли-2. Их быстро загрузили горючим, боеприпасами и другими средствами обеспечения боевых действий авиации. Заняли свои места в фюзеляжах передовые команды и оперативные группы 2-й гвардейской штурмовой и 1-й гвардейской истребительной авиадивизий. Возглавить оперативную группу было поручено командиру 2-й гвардейской штурмовой дивизии генералу Г. И. Комарову. Полтора часа спустя транспортные самолеты под надежным прикрытием истребителей взяли курс на Пастовичи. В тот же день транспортный полк сделал еще два рейса и завершил переброску всего необходимого для боевой работы.

К исходу суток генерал Г. И. Комаров сообщил, что аэродром готов к приему частей и обеспечению их вылетов с утра 29 июня. Так, в тылу врага вступила в строй крупная авиационная база 16-й воздушной армии. Первое время штурмовики и

[7] Архив МО СССР, ф. 368, оп. 142 206, д. 29, лл. 1—49.

истребители использовали ее только в светлое время суток: вылетая с основных аэродромов своего базирования, они выполняли задачу, садились в Пастовичах, весь день вели отсюда боевые действия, а на ночь вновь возвращались на свои точки.

Действия с аэродрома во вражеском тылу двух наших авиационных полков значительно облегчали задачи воздушной армии в наступательной операции. Этот опыт мог пригодиться в дальнейшем и, чтобы изучить его детально, я уже 29 июня вылетел в Пастовичи с истребителями 1-й гвардейской истребительной авиадивизии.

Как мы и ожидали, в условиях стремительного продвижения наших ударных групп и угрозы окружения отступающие части врага не только не пытались атаковать аэродром, но и старательно его обходили, хотя, надо полагать, гитлеровское командование понимало, чем здесь занимается советская авиация. Проявлять беспечность в тылу врага было бы преступлением. Организация обороны аэродрома находилась на должном уровне.

Наступление наших войск продолжалось, и на каждом его этапе соединениям 16-й ВА приходилось решать новые, соответствующие сложившейся обстановке задачи. Так, в конце июня — начале июля значительную часть авиации пришлось выделить для уничтожения как отступавших войск и техники противника, так и его резервов, перебрасываемых с других участков фронта и из оккупированных гитлеровцами государств. Штурмовики и бомбардировщики армии совершали систематические налеты на железнодорожные станции и эшелоны на участках железной дороги Минск — Негорелое — Барановичи — Лунинец. Активную помощь оказали нам и соединения авиации дальнего действия, которые нанесли ряд мощных ударов по крупным железнодорожным узлам противника в полосе наступления войск фронта. В то же время командование и штаб воздушной армии принимали все меры, чтобы обеспечить высокую эффективность поддержки и прикрытия войск фронта, особенно передовых соединений. Именно в эти дни на мое имя поступила такая телеграмма от генерала Бахарова: «За отличное содействие в продвижении 9-го танкового корпуса прошу объявить благодарность командиру 199-й штурмовой авиадивизии Виноградову и всему личному составу вверенной ему дивизии. Штурмовики работали прямо перед танками» [8]. Такие успешные, можно сказать «ювелирные», действия наших штурмовиков не в последнюю очередь объяснялись тем, что еще в канун операции штурмовые соединения были подчинены в оперативном отношении командирам ударных групп, заранее отработали с ними все вопросы взаимодействия, вылетали по вызовам и наводились на цели с подвижных КП, находившихся непосредственно в боевых порядках сухопутных войск.

[8] Архив МО СССР, ф. 368, оп. 6476, д. 399—404, л. 34.

Нельзя не отметить еще одной особенности боевых действий 16-й ВА на этом этапе операции. Я имею в виду оказание широкой помощи соседней 4-й воздушной армии генерала К. А. Вершинина в уничтожении и дезорганизации отступающих войск противника в полосе 2-го Белорусского фронта. С 28 по 30 июня наши бомбардировщики нанесли несколько массированных ударов по вражеским войскам и переправам в районе Березины. А скопления войск и техники восточнее р. Березины уничтожались штурмовиками. Такое тесное взаимодействие двух воздушных армий оказалось весьма плодотворным и способствовало окружению деморализованных и потерявших управление войск 4-й армии врага в лесах восточнее Минска.

В направлении на Минск наступали одновременно войска всех трех Белорусских фронтов. На минском направлении противника преследовали 3-я армия, 1-й гвардейский и 9-й танковый корпуса, а на барановичском — 65-я, 28-я армии и конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева, которая при активной помощи партизан и авиации 30 июня освободила Слуцк, а через два дня — Столбцы, Городею, Несвиж и перерезала пути отхода противника из района Минска на Барановичи и Брест [9].

1-й гвардейский танковый корпус генерала М. Ф. Панова, наступавший на Пуховичи, к исходу 29 июня у р. Свислочь завязал бой с частями пехотных и одной танковой дивизией, переброшенными сюда из Прибалтики. На помощь корпусу была выслана авиация, при поддержке которой ко 2 июля танкисты преодолели вражескую оборону и 3 июля, вслед за войсками 3-го Белорусского фронта, вступили в Минск [10].

К исходу дня столица Советской Белоруссии была полностью очищена от немецко-фашистских оккупантов. С выходом передовых отрядов 2-го Белорусского фронта к восточным и юго-восточным окраинам Минска восточнее города была окружена более чем 100-тысячная группировка немецко-фашистских войск.

Так закончился первый этап Белорусской операции, на котором войска четырех наших фронтов за 11 дней прошли до 280 км, разгромили главные силы группы армий «Центр» и освободили Минск. Высоким темпам наступления (в среднем 20—25 км в сутки) в немалой степени способствовали активные действия авиации воздушных армий, в том числе и 16-й. Четкая организация боевых действий авиационных соединений и частей и их взаимодействие с наземными войсками, надежное управление, наличие достаточных сил и средств позволили нам, например, на второй день Бобруйской операции на 20% снизить напряжение боевых действий авиации армии и в то же время обеспечить выполнение наземными войсками своих задач. В этом нашел свое

[9] «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945», т. 4. М., 1962, стр. 180.
[10] Там же, стр. 181.

отражение принцип экономии сил и средств, который сохранялся даже в условиях нашего превосходства в авиации и ее господства в воздухе. Новым же было то, что экономия эта диктовалась не ограниченностью возможностей, а боевой целесообразностью, подкреплялась точным расчетом. Теперь на уничтожение любого объекта в любое время мы могли назначить практически любой наряд сил, но выделялось лишь столько, сколько требовалось для гарантийного выполнения задачи. Поэтому я, как командующий армией, всегда имел в своем распоряжении необходимый резерв, отсутствие которого, хотя и объяснимое большой напряженностью первых дней операции, создало известные затруднения при организации удара по войскам, окруженным в районе Титовки.

Второй этап Белорусской операции начался 5 июля. Войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов приступили к ликвидации окруженной в районе Минска вражеской группировки, а армии правого крыла 1-го Белорусского фронта получили задачу нанести главный удар на Барановичи — Брест, овладеть городами Барановичи, Лунинец, не позднее 10—12 июля выйти на рубеж Слоним — Пинск, а в дальнейшем освободить Брест и захватить плацдармы на западном берегу р. Западный Буг. Главной задачей 16-й ВА на начальном этапе этого периода являлась поддержка войск, наступавших на Барановичи.

6 и 7 июля войска 48, 65 и 28-й армий при поддержке около 500 бомбардировщиков и большого количества штурмовиков вели бои за овладение г. Барановичи, превращенным противником в мощный узел обороны на брестском направлении. 8 июля город был освобожден, и наши соединения стремительным броском при непрерывном взаимодействии с авиацией форсировали р. Шару и 16 июля вышли на рубеж г. Свислочь (западный) — Пружаны [11].

Об эффективности действий авиации 16-й ВА в этот период свидетельствует следующий документ:

«Отзыв о боевой работе штурмовой авиации в полосе наступления 28-й армии в июле 1944 г.

2-я гвардейская штурмовая авиационная Черниговско-Речицкая Краснознаменная ордена Суворова дивизия в период с 4.7.44 г. по 15.7.44 г. произвела 320 самолето-вылетов на штурмовку и 40 самолето-вылетов на разведку в интересах 28-й армии...

Бомбардировочно-штурмовыми действиями дивизия уничтожала танки, бронемашины, конницу, артиллерию на огневых позициях, автотранспорт и пехоту противника, разбрасывала листовки войскам противника по заданию Военного совета, чем в значительной степени содействовала войскам 28-й армии в разгроме барановичской группировки и в овладении г. Барановичи и круп-

[11] «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4. М., 1962, стр. 189.

ными населенными пунктами Тимковичи, Семежово, Клецк, Синявка, Луховичe, Русиновичe, Кширошин.

Боевые действия экипажей штурмовиков и взаимодействие между армией и штабом штурмовой дивизии было организовано хорошо...

Начальник штаба 28-й армии генерал-майор Рогачевский» [12].

Понятно, что эффективную помощь нашим войскам оказывала не только штурмовая авиация. Исключительное мужество и боевое мастерство проявляли экипажи бомбардировщиков, разведчиков, летчики-истребители. Вот еще два документа, восстанавливающие эпизоды боев за освобождение Белоруссии.

«7 июля 1944 г. в район Десны вылетела группа Ил-2 в сопровождении пяти экипажей Як-9 под командованием коммуниста гвардии капитана Ефремова. В районе цели с преимуществом в высоте появилось 10 ФВ-190 и 10 Ме-109. Несмотря на численное превосходство, наши истребители завязали жестокий, неравный воздушный бой, они не давали немецким истребителям атаковать штурмовиков, принимали на себя их удары и сами дерзко атаковали врага. С двух коротких очередей капитана Ефремова запылал один ФВ-190. Гвардеец-коммунист Жилин зажег второй самолет противника. Немцы не унимались и повторяли одну за другой яростные атаки. Вскоре пошел к земле третий сбитый немецкий самолет, расстрелянный почти в упор капитаном Ефремовым.

Остальные истребители противника, предвидя, чем может кончиться для них этот бой, покинули поле сражения.

Нанеся потери врагу в воздухе и на земле, штурмовики и наши истребители без потерь вернулись на свой аэродром» [13].

«Группа летчиков-истребителей 176-го истребительного авиаполка встретила немецкого разведчика ФВ-189 и атаковала этот самолет. «Рама» пыталась уйти в облачность. Когда атаки летчиков Макаревича, Гломадина и Демина не дали нужного результата, коммунист младший лейтенант Галустян быстро сблизился с фашистским разведчиком и ударом левой плоскости отбил ему правую часть фюзеляжа. ФВ-189 рассыпался в воздухе и врезался в землю. Тов. Галустян выбросился на парашюте» [14].

К середине июля стратегического фронта противника в Белоруссии не существовало, почти вся республика была освобождена. Однако гитлеровское командование не желало мириться с поражением, перебрасывало сюда все новые и новые резервы, стараясь во что бы то ни стало задержать продвижение наших войск, преодолевших уже до 500 км.

Теперь войска 1-го Белорусского фронта оказались в значительно лучшем положении, чем в начале операции, когда его

[12] Архив МО СССР, ф. 368, оп. 6487, д. 375—378, л. 32.
[13] Там же, ф. 233, оп. 2374, д. 32, л. 452.
[14] Там же, л. 454.

северная и южная группировки были разделены обширными болотами Полесья. Протяженность фронта сократилась почти вдвое, в результате чего создался мощный ударный кулак и открылись благоприятные возможности для наступления войск левого крыла фронта на ковельско-люблинском направлении и выхода их на рубеж р. Вислы.

Эта операция, начавшаяся 18 июля, развивалась успешно. 20 июля ударная группировка форсировала Западный Буг и вступила на территорию Польши, затем овладела г. Люблином и вышла к р. Висле.

В это же время 28-я армия при поддержке авиации 16-й ВА подходила к Западному Бугу севернее Бреста, создавая угрозу окружения расположенной здесь крупной вражеской группировки. Сильные контрудары противника несколько замедлили наше продвижение, но 28 июля войска 28-й и 70-й армий освободили Брест и продолжали наступать.

16-я воздушная армия последовательно выполняла все те задачи, которые диктовались обстановкой: вела непрерывную воздушную разведку, поддерживала и прикрывала наступавшие войска, содействовала разгрому контратакующих частей противника, уничтожала скопления его войск и боевой техники, срывала перевозки и выдвижение резервов. Несмотря на усталость, связанную с продолжительностью операции и огромным напряжением, неизбежным при поддержке наступающих войск, когда линия боевого соприкосновения постоянно меняется и необходима максимальная внимательность, чтобы не ударить по своим, наши авиаторы действовали очень самоотверженно и безошибочно, какую бы задачу ни выполняли.

В этот период, как и на всех этапах операции, впереди были коммунисты. Они вели за собой, увлекали на подвиги словом и личным примером однополчан. Старались не отстать от своих старших товарищей и комсомольцы. Об авангардной роли коммунистов и комсомольцев в боях говорят, например, итоги одного дня — 16 июля — в 8-м истребительном авиакорпусе. В этот день летчики корпуса в воздушных боях сбили 11 вражеских самолетов. Все герои этих боев — коммунисты и комсомольцы. Коммунисты Жарков и Крепов сбили по два ФВ-190; по одному самолету врага уничтожили коммунисты Ловягин, Бурбак, Лобенко, Сухиничин, комсомольцы Аникин и Казаков. Парторг эскадрильи старший лейтенант Кочерга уничтожил один Ме-109 (Из политдонесения от 23.7.1944 г. № 01415).

29 июля при нанесении удара по отходящей автоколонне противника отличились группы штурмовиков, возглавляемые гвардии капитаном Гребеньковым и гвардии старшим лейтенантом Поповым. Колонна из 300 автомашин с боеприпасами, артиллерией и живой силой поспешно отступала на Хотыче по дороге Константинув — Корнице Стара. Двумя заходами «илы» уничтожили 45 автомашин, 40 повозок, убили и ранили до сотни солдат

и офицеров, повредили два зенитных орудия. Результаты действий группы Гребенькова и Попова были подтверждены проверкой на месте.

Командир 55-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор А. П. Турчинский, лично наблюдавший за действиями штурмовиков в районе Константинува, также подтвердил исключительно высокую эффективность бомбоштурмовых ударов Ил-2, в результате которых части дивизии овладели г. Константинув, не встретив серьезного сопротивления [15].

28 июля после бомбардировочно-штурмового удара группы Ил-2, ведомой подполковником Лысенко, по войскам и технике противника, окруженным в районе Кжичева, была получена телеграмма: «Подполковнику Токмакову. Ваша группа 11 Ил-2 действовала по скоплениям противника в районе Кжичева (западнее Бреста 12 км), работала отлично. Сообщите должность, звание и фамилию ведущего. Всем экипажам объявите благодарность. Полковник Бойков» [16].

При действиях штурмовиков 299-й штурмовой авиадивизии в районе Седлеца был достигнут высокий эффект и оказана помощь конно-механизированной группе, действовавшей на этом участке. Штурмовиками наносились удары по целям, указанным командованием КМГ. 30 июля генерал И. В. Крупский получил такую телеграмму: «...Личный состав КМГ восхищен отличной работой ваших летчиков в районе Седлеца. Бойцы и офицеры выносят глубокую благодарность за поддержку в бою. Командующий КМГ гвардии генерал-лейтенант Крюков» [17].

С освобождением войсками правого фланга нашего фронта районов Бреста и Седлеца и выходом 2-й танковой армии в конце июля — начале августа на ближайшие подступы к предместью Варшавы — Праге, с захватом войсками левого крыла плацдармов на западном берегу р. Вислы было завершено освобождение от оккупантов Белорусской Советской Социалистической Республики, и грандиозная наступательная операция войск 1-го Белорусского фронта вступила в заключительную фазу. Теперь напряженность боев с каждым днем возрастала, все большее сопротивление оказывала и вражеская авиация, стянутая сюда с других участков. Даже вторжение союзных войск в Нормандию в июне 1944 г. не изменило ориентации гитлеровского командования: основные силы оно по-прежнему направляло на советско-германский фронт. Это давало противнику возможность собирать на решающих направлениях довольно крупные авиационные группировки, борьба с которыми требовала интенсивной воздушной разведки, анализа возможностей врага, постоянного маневра соединениями 16-й ВА. Воздушная обстановка оставалась доста-

[15] Архив МО СССР, ф. 368, оп. 142 206, д. 29, лл. 1—49.
[16] Там же.
[17] Архив МО СССР, ф. 368, оп. 88 694, д. 1, лл. 379—380.

точно сложной в ходе всей операции. И хотя на всем ее протяжении главной задачей воздушной армии оставались поддержка и прикрытие наступающих войск, на борьбу с авиацией противника было затрачено немногим меньше половины всех самолето-вылетов.

Особенно яростное сопротивление вражеская авиация оказывала при форсировании нашими войсками водных рубежей и в боях за захват и удержание плацдармов. В небе на подступах к переправам и плацдармам подчас разгорались настоящие воздушные сражения, и даже при нашем общем господстве в воздухе прикрытие этих важнейших объектов требовало большой гибкости управления и мобилизации всех сил.

Надо иметь в виду и то, что постепенно давали о себе знать и усталость от непрерывных двухмесячных боев, и растянутость коммуникаций, порождающая трудности доставки горючего, боеприпасов, запасных частей. Все чаще для доставки материальных средств авиачастям, танковым корпусам и другим ударным соединениям приходилось привлекать транспортную авиацию, в том числе и авиацию Гражданского Воздушного Флота. Ко всему этому следует сказать, что нуждалась в ремонте и пополнении авиационная техника, необходимо было восполнить потери в личном составе, произвести перегруппировку авиационных частей и соединений.

Несмотря на все трудности, авиаторы 16-й воздушной армии продолжали самоотверженно выполнять боевые задачи, держали инициативу, господствовали в воздухе, обеспечивая продвижение сухопутных войск. Среди личного состава армии царил высокий наступательный порыв. Характерен такой эпизод.

14 августа семерка Ил-2 299-й штурмовой авиадивизии, пролетая над передним краем, сбросила вымпел с двумя ключами и запиской. Вымпел упал в расположении 271-го гвардейского стрелкового полка. Вот что об этом сообщается в донесении политотдела 88-й гвардейской стрелковой дивизии:

«14 августа летчиками штурмовой авиации над расположением 271-го гвардейского стрелкового полка были сброшены ключи и с ними призыв к нашим бойцам и офицерам. В призыве указывается: «Это ключи от Варшавы и фашистского логова Берлина. Надеемся, что вы сумеете открыть ворота этих городов, а мы — ваши друзья — «горбатые», поддержим вас с воздуха. О получении этого призыва и ключей просим сообщить по указанному адресу».

Во всех подразделениях полка были проведены беседы. Было принято письмо к летчикам, в котором бойцы, сержанты и офицеры заверяли, что призыв штурмовиков будет выполнен» [18].

Для 1-го Белорусского фронта операция закончилась в середине сентября, когда была освобождена Прага — предместье Вар-

[18] Архив МО СССР, ф. 368, оп. 88 694, д. 1, л. 384.

шавы. Родина высоко оценила действия авиаторов 16-й воздушной армии в этой одной из крупнейших битв Великой Отечественной войны. За успехи в боях при освобождении Советской Белоруссии от фашистского ига ряд соединений и частей армии был удостоен почетных наименований и награжден орденами.

3-й бомбардировочный авиакорпус получил наименование «Бобруйский» и награжден орденом Суворова II степени; 8-й истребительный авиакорпус также получил наименование «Бобруйский» и награжден орденом Красного Знамени; 196-я штурмовая авиадивизия названа «Жлобинской»; 2-я гвардейская штурмовая авиационная Черниговско-Речицкая дивизия награждена орденом Суворова II степени; 233-й и 352-й истребительные авиаполки получили наименование «Минских»; 431-му и 874-му штурмовым авиаполкам присвоено наименование «Слуцких»; 16-й отдельный разведывательный Сталинградский полк награжден орденом Красного Знамени.

В дни боев за освобождение Советской Белоруссии от фашистской нечисти Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР 15 летчиков-офицеров удостоены высшей награды — звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Только с 24 июня по 1 августа 1944 г. было награждено 1603 воина-авиатора 16-й ВА. В числе награжденных: 869 офицеров, 473 сержанта, 256 рядовых. За период наступления награждены: 591 летчик, 115 штурманов, 189 воздушных стрелков, 184 инженера и техника, 148 водителей автотранспорта, 70 штабных офицеров, 44 политработника и 262 воина разных специальностей [19].

Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии коренным образом изменил стратегическую обстановку на советско-германском фронте, создал благоприятные условия для полного освобождения Прибалтийских республик, облегчил наступление войск 1-го Украинского фронта и открыл путь к полному освобождению Польши, овладению Восточной Пруссией и вклинению в Германию на берлинском стратегическом направлении [20].

Этот успех был достигнут в тесном взаимодействии фронтов, родов войск и видов Вооруженных Сил СССР. Серьезным экзаменом на боевую зрелость была Белорусская операция и для авиаторов 16-й воздушной армии. И этот экзамен командиры и политработники, летчики и штурманы, инженеры и техники, работники штабов и тыловых органов выдержали с честью. Завершающий период Великой Отечественной войны личный состав 16-й воздушной армии встречал во всеоружии боевого опыта, охваченный стремлением быстрее завершить разгром врага.

[19] Архив МО СССР, ф. 368, оп. 88 694, д. 1, лл. 379—380.

[20] «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 4, стр. 199.

ГЛАВНЫЙ МАРШАЛ
БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК

П. А. РОТМИСТРОВ

УДАР НЕБЫВАЛОЙ СИЛЫ

В годы Великой Отечественной войны Советские Вооруженные Силы одержали много выдающихся побед, вошедших в историю нашей Родины как образцы величайшего героизма народа, его армии и высокого воинского мастерства. К числу славных побед над немецко-фашистскими захватчиками относится и победа, одержанная 30 лет назад в Белоруссии.

Значение замечательной по замыслу и исполнению наступательной операции в Белоруссии огромно. Она сыграла выдающуюся роль в ослаблении военной мощи фашистской Германии. Разгром крупной группировки немецко-фашистских войск в Белоруссии в период с 23 июня по 29 августа 1944 г. оказал благоприятное влияние на развертывание дальнейших наступательных операций советских войск не только в Прибалтике, западных областях Украины, Молдавии и Польше, но и на территории Германии. В результате этой операции были освобождены Советская Белоруссия, большая часть Литовской Советской Социалистической Республики и часть союзной нам Польши. Не случайно поэтому военные историки считают смелую, хорошо задуманную Белорусскую операцию одной из самых крупных не только 1944 г., но и всей Великой Отечественной войны.

Группировка сил сторон к началу боевых действий в Белоруссии в общих чертах была следующей. На западном направле-

нии против войск 1-го Прибалтийского фронта, 3-го и 2-го Белорусских фронтов, а также против правого крыла и центра 1-го Белорусского фронта действовала группа армий «Центр». На северо-западном направлении против Ленинградского, 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов оборонялась группа армий «Север». На юго-западном направлении против левого крыла 1-го Белорусского фронта, 1, 2 и 3-го Украинских фронтов оборонялись группы армий «Северная Украина» и «Южная Украина».

Удержанию Белоруссии в своих руках гитлеровское командование придавало большое значение. Группа армий «Центр» прикрывала важнейшие направления на запад и сохраняла в распоряжении гитлеровского командования развитую сеть аэродромов, базируясь на которую немецкая авиация угрожала даже району Москвы. Кроме того, удержание Белоруссии давало возможность гитлеровскому командованию поддерживать оперативно-стратегическое взаимодействие между группами армий «Север», «Центр» и «Северная Украина».

Образовавшийся выступ надежно прикрывал все подступы к границам Восточной Пруссии и Польши. Нависая над правым флангом 1-го Украинского фронта, он создавал угрозу удара по коммуникациям этого фронта с севера в случае его дальнейшего продвижения в западном и северо-западном направлениях. Поэтому противник уделял большое внимание обороне этого района.

Форпостами немецкой обороны, прикрывавшими все основные направления, ведущие в центр Белоруссии, являлись города: Витебск на Западной Двине, Орша, Могилев, Рогачев, Жлобин на Днепре и Бобруйск на Березине. Эти города были превращены в сильные опорные пункты, укрепленные системой траншей, дотов и дзотов. Вследствие этого и главная полоса обороны противника в основном проходила по линии названных выше городов и восточнее нее.

Группа армий «Центр» являлась одной из наиболее крупных стратегических группировок войск противника: в ее состав входили 3-я танковая, 4, 9 и 2-я полевые армии. Наиболее сильные группировки немецко-фашистских войск группы армий «Центр» находились в районе Витебска и Бобруйска.

В резерве группы армий «Центр» и ее армий имелось 11 дивизий, часть которых была скована партизанами или несла охрану тыловых органов, учреждений и коммуникаций. Кроме того, в резерве главного командования сухопутных войск Германии в районе западнее Ковеля находились две танковые дивизии и в районе Могилева — моторизованная дивизия.

Необходимо отметить, что немецко-фашистское командование считало, что Красная Армия летом 1944 г. нанесет свой главный удар на юге страны, а в Белоруссии будет вести лишь вспомогательные боевые действия, которые сможет легко парировать группа армий «Центр». Характеризуя стратегическую обстановку на советско-германском фронте, начальник штаба верховного ко-

мандования вооруженных сил Германии Кейтель указывал: «На Восточном фронте положение стабилизировалось. Можно быть спокойным, так как русские не скоро смогут начать наступление. Исходя из данных о перегруппировке сил противника и общего военного и политического положения, надо считать, что русские, вероятно, свои главные силы сконцентрируют на южном участке фронта. Они теперь не в состоянии одновременно вести бой на нескольких главных направлениях». Исходя из этих соображений, противник, например, большинство своих танковых дивизий держал на львовском направлении.

Может быть, такая уверенность у противника была и потому, что в ходе предшествовавших боевых действий в Белоруссии советскими войсками не было достигнуто сколько-нибудь заметных результатов. Неоднократно пытавшийся наступать Западный фронт не добился в районе Витебска и Орши ощутимых успехов, но заплатил за них дорогой ценой.

Анализ боевых действий войск Западного фронта, проведенный Генеральным штабом, показал, что главная причина неудачных действий зимой 1944 г., помимо сильной обороны противника, заключалась еще и в слабой подготовке к наступлению войск и в ошибках, допущенных командирами разных степеней и рангов в ходе осуществления наступления. Это обстоятельство при разработке Белорусской наступательной операции было учтено. В частности, было принято решение разделить Западный фронт на два фронта, усилив их войсками и в первую очередь танковыми.

К концу мая 1944 г. линия фронта в Белоруссии проходила через оз. Нещердо, северо-восточнее Витебска, юго-восточнее Чаусы, восточнее Жлобина, по правому берегу р. Припять, южнее Пинска, восточнее Ковеля, Верба, образуя огромный выступ, обращенный вершиной на восток. О его значении для воюющих сторон уже говорилось.

Замыслом Белорусской наступательной операции предусматривался одновременный переход в наступление советских войск на витебском, оршанском, могилевском и бобруйском направлениях, окружение и уничтожение фланговых группировок противника в районах Витебска и Бобруйска, развитие ударов по сходящимся на Минск направлениям, окружение и уничтожение основной группировки врага восточнее Минска.

Координация действий фронтов в этой операции была возложена на представителей Ставки Верховного Главнокомандования Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова и А. М. Василевского.

Освещая Белорусскую операцию, нельзя обойти молчанием и такой важный фактор, как партизанская борьба в Белоруссии. Ее размах и целеустремленность сыграли значительную роль в разгроме немецко-фашистских войск на белорусской земле.

Опираясь на них, Центральный Комитет КП(б) Белоруссии, возглавляемый первым секретарем П. К. Пономаренко, действен-

но и оперативно руководил борьбой белорусского народа с немецко-фашистскими захватчиками. Для координации действий партийных органов, работавших в подполье на территории Белоруссии, и партизанских соединений в тыл врага вылетали секретари ЦК КП Белоруссии Н. Е. Авхимович, И. П. Ганенко и другие работники ЦК и Белорусского штаба партизанского движения.

Верными помощниками партии в этой всенародной борьбе были комсомольцы. Еще осенью 1942 г. в тыл врага была переброшена по воздуху группа работников ЦК ЛКСМ Белоруссии во главе с секретарем ЦК К. Т. Мазуровым, которая возглавила руководство деятельностью комсомольских организаций по борьбе с врагом. В 1943 г. в тыл врага вылетал также секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии М. В. Зимянин. Длительное время работал в тылу врага секретарь ЦК комсомола Белоруссии Ф. А. Сурганов.

Находясь в тылу врага и поддерживая тесную связь с партизанскими отрядами, партийные и комсомольские органы и их руководители могли постоянно осуществлять руководство партизанской борьбой, боевой деятельностью подпольных организаций и политической работой среди местного населения. Эта важнейшая партийно-политическая деятельность партийных и комсомольских органов облегчалась тем, что секретари подпольных райкомов партии одновременно являлись и комиссарами партизанских отрядов, а секретари подпольных райкомов комсомола — помощниками комиссаров по комсомольской работе.

Противник, готовясь к летним боям, в частности с целью укрепления тыла группы армий «Центр», бросил против белорусских партизан большое количество войск за счет вторых армейских эшелонов и резервов группы. Проводя такую крупную операцию против белорусских народных мстителей, немецкое командование рассчитывало укрепить тыл и устойчивость обороны своих войск, убедиться в правильности своих выводов, что Советское командование не рискнет здесь проводить в ближайшее время крупную наступательную операцию.

Однако белорусские партизаны, несмотря на все репрессии немцев, продолжали вести бои с противником и удерживать под контролем большие районы.

С началом операции «Багратион» партизаны, тесно взаимодействуя с Красной Армией, наносили удары по противнику с тыла, захватывали мосты, переправы, выгодные рубежи и удерживали их до подхода советских войск.

Ставка Верховного Главнокомандования, исходя из замысла операции, директивами от 31 мая 1944 г. поставила войскам фронтов следующие задачи.

Войска 1-го Прибалтийского фронта во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом должны были разгромить витебско-лепельскую группировку противника, оборонявшуюся в районе Витебск, Лепель, и выйти на южный берег Западной Двины в район Чаш-

ники, Лепель. Основной удар силами 6-й гвардейской и 43-й армий нанести в общем направлении на Бешенковичи. Ближайшей задачей войск фронта являлось форсирование Западной Двины, овладение районом Бешенковичей и уничтожение частью сил во взаимодействии с правым крылом 3-го Белорусского фронта группировки противника в районе Витебска. В дальнейшем главные силы фронта должны были развивать наступление в общем направлении на Лепель, прочно обеспечивая главную группировку с полоцкого направления.

Войскам 3-го Белорусского фронта было приказано во взаимодействии с войсками 1-го Прибалтийского и 2-го Белорусского фронтов разгромить вражескую группировку в районах Витебск, Орша и выйти на Березину. Для осуществления этой задачи фронту предлагалось нанести два удара: один — силами 39-й и 5-й армий из района западнее Лиозно на Богушевск, Сенно (частью сил этой группировки наступать в северо-западном направлении, обходя Витебск с юго-запада, и во взаимодействии с левым крылом 1-го Прибалтийского фронта разгромить группировку противника и овладеть Витебском) и второй — силами 11-й гвардейской и 31-й армий вдоль Минской автомагистрали на Борисов, а частью сил на Оршу с целью овладения этим опорным пунктом врага с севера. Ближайшая задача войск фронта заключалась в овладении рубежом Сенно, Орша. В дальнейшем они должны были наступать на Борисов и выйти на западный берег Березины в районе Борисова.

Войскам 2-го Белорусского фронта ставилась задача во взаимодействии с левым крылом 3-го Белорусского фронта и правым крылом 1-го Белорусского фронта разгромить группировку противника в районе Могилева и выйти на р. Березину. Главный удар силами 11—12 дивизий фронт должен был нанести из района Дрибин, Дедня, Рясна в общем направлении на Могилев, Белыничи. Ближайшая задача фронта состояла в том, чтобы выйти на р. Днепр и захватить плацдарм на его правом берегу; в дальнейшем, после форсирования Днепра, главными силами овладеть Могилевом и развивать наступление на Березино, Смиловичи.

Войска 1-го Белорусского фронта получили приказ правым крылом разгромить вражескую группировку в районе Бобруйска и выйти в район Пуховичи, Слуцк, Осиповичи. Вместе с тем левым крылом фронт должен был удерживать занимаемые рубежи, сковывать активными действиями противостоявшего противника и готовиться к наступлению на люблинском направлении. Для выполнения поставленных задач войскам фронта было приказано нанести два удара: один — силами 3-й, 48-й армий и 9-го танкового корпуса из района Рогачева в общем направлении на Бобруйск, Осиповичи и другой — силами 65-й, 28-й армий и конно-механизированной группы из района нижнего течения Березины в общем направлении на Старые Дороги,

Слуцк. Ближайшая задача войск правого крыла фронта заключалась в том, чтобы окружить и разгромить группировку противника в районе Бобруйска и овладеть районом Бобруйск, Глуша, Глуск, содействуя одновременно частью сил войскам 2-го Белорусского фронта в разгроме группировки врага, действовавшей в районе Могилева. В дальнейшем войска правого крыла 1-го Белорусского фронта должны были развивать наступление с целью выхода в район Пуховичи, Слуцк, Осиповичи.

На авиацию дальнего действия, основные силы которой (свыше 1000 самолетов) были привлечены для участия в операции, возлагались следующие задачи: содействовать удержанию господства в воздухе подавлением авиации противника на ее аэродромах в районах Орши, Минска, Бобруйска, Барановичей, Пинска, Лунинца, Бреста и Белостока; содействовать наступлению войск фронтов срывом перевозок противника. Кроме того, часть сил авиации дальнего действия привлекалась для помощи войскам фронта в прорыве тактической зоны обороны врага.

По решению Ставки Верховного Главнокомандования в ходе подготовки к наступлению 1-му Прибалтийскому фронту был передан 1-й танковый корпус; 3-му Белорусскому фронту — 11-я гвардейская армия, 2-й гвардейский танковый корпус, 3-й гвардейский механизированный, 3-й гвардейский кавалерийский корпуса; 2-му Белорусскому — 81-й стрелковый корпус; 1-му Белорусскому — 28-я и 8-я гвардейская общевойсковые, 2-я танковая армия, 9-й танковый и 1-й гвардейский танковый, 2-й гвардейский кавалерийский корпуса, 1-я польская армия. Кроме того, к началу операции в состав указанных выше фронтов было передано значительное количество отдельных танковых, самоходно-артиллерийских полков и бригад, артиллерийских, минометных и инженерных соединений и частей, а также большое количество маршевого пополнения и боевой техники.

В состав воздушных армий фронтов прибыло 10 авиационных корпусов и 5 авиационных дивизий, имевших в общей сложности 2978 самолетов. В воздушные армии поступило значительное количество самолетов для восполнения потерь в авиационных соединениях.

Для обеспечения операции фронтам отпускались огромные материальные средства. Так, в период подготовки операции был запланирован подвоз четырем фронтам из тыла страны около 400 поездов боеприпасов.

И несмотря на такое усиление фронтов и создание максимально возможных условий для уверенного выполнения поставленных перед нами задач, Ставка на этом стратегическом направлении имела в своем резерве 5-ю гвардейскую танковую, 2-ю гвардейскую и 51-ю армии и ряд других соединений и частей различных родов войск.

Создание во фронтах сильных наступательных группировок войск и сосредоточение на этом важнейшем стратегическом на-

правлении резервов Ставки позволяли рассчитывать на успешное осуществление операции, получившей по предложению И. В. Сталина условное наименование «Багратион» в честь выдающегося нашего соотечественника, прославившего русское оружие в борьбе против иноземных захватчиков в 1812 г.

Белорусскую наступательную операцию условно можно разделить на два основных этапа.

Первый этап (23 июня — 4 июля) — разгром главных сил группы армий «Центр», освобождение столицы Белоруссии — Минска и создание условий для развития наступления на шяуляйском, каунасском, белостокском и варшавском направлениях.

Второй этап (5 июля — 29 августа 1944 г.) — завершение уничтожения окруженной группировки восточнее Минска, развитие наступления, разгром подходивших резервов врага и создание условий для проведения операций с целью разгрома вражеских группировок в Прибалтике, Восточной Пруссии и Польше (к западу от Вислы).

Такая периодизация операции общепринята, но, на мой взгляд, было бы целесообразно в каждом из этих этапов выделить еще по два периода.

Первый этап можно разделить на два периода: с 23 июня по 28 июня и с 29 июня по 4 июля. В первый период был осуществлен прорыв обороны противника и проведены три крупные операции: силами 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов — Витебско-Оршанская операция, 2-м Белорусским фронтом — Могилевская и 1-м Белорусским — Бобруйская операция.

Во второй период войска трех Белорусских фронтов, преследуя противника в общем направлении на Минск, окружили 4-ю немецко-фашистскую армию и освободили столицу Белоруссии Минск, а войска 1-го Прибалтийского фронта освободили Полоцк.

Второй этап слишком большой по времени — 55 дней, поэтому для удобства изучения событий, видимо, его также целесообразно разделить на два периода: первый период — с 5 по 16 июля и второй — с 17 июля по 29 августа.

Для 1-го Прибалтийского фронта 16 июля явилось датой, после которой сопротивление противника значительно возросло и наступление войск фронта на ряде участков начало носить затяжной характер.

3-й Белорусский фронт, пройдя с боями 180—200 км, полностью выполнил поставленные перед ним задачи и в связи с подходом на рубеж р. Неман крупных резервов противника с 16 июля вступил в затяжные бои на плацдармах.

Это же можно сказать и о войсках 2-го Белорусского фронта, вышедших к 16 июля на линию Гродно, Свислочь.

Войска 1-го Белорусского фронта, разгромив группировку противника в районе Барановичей, развивали наступление на брестском направлении. К 16 июля они вышли на линию Свислочь,

Пружаны, создав условия для развития наступления войск левого крыла фронта, начавшегося 18 июля 1944 г.

Прежде чем перейти к рассмотрению боевых действий войск, или, как иначе говорят, к ведению операции, необходимо остановиться хотя бы на некоторых наиболее важных вопросах подготовки операции.

Начнем с вопросов организации управления и связи.

При организации управления был использован богатый опыт, накопленный в предыдущих операциях.

Решения командующих фронтами и армиями доводились до нижестоящих инстанций обычно при личном общении, распоряжения, связанные с подготовкой операции, как правило, отдавались устно, иногда задачи войскам наносились на личные карты подчиненных командиров.

К планированию операций был допущен строго ограниченный круг лиц. Армиям и соединениям обычно отдавались частные директивы и приказы, в которых подробно излагались задачи их войск и давалась краткая информация о задачах соседей. Боевые документы рассылались в армии и соединения за несколько дней до начала наступления. Так, на 3-м Белорусском фронте приказы были подписаны и разосланы общевойсковым армиям и подвижным группам только 20 июня 1944 г., т. е. за три дня до начала наступления.

Вопросы взаимодействия общевойсковых армий, танковых и воздушных соединений отрабатывались с общевойсковыми армиями на глубину армейской операции, с танковыми и воздушными — на всю глубину фронтовой операции, методом проведения оперативных игр на картах, а между родами войск при прорыве тактической зоны обороны — на ящиках с песком или на рельефных крупномасштабных планах. Эти занятия обычно проводили командующие армиями и командиры корпусов.

Значительное внимание уделялось совместным рекогносцировкам общевойсковых командиров с командирами артиллерийских, танковых, авиационных и инженерных соединений и частей.

Большое место в работе командования и штабов занимали контроль и помощь войскам и штабам. Командующие фронтами и армиями, начальники штабов или их представители, как правило, участвовали на командно-штабных учениях в соединениях, на тактических учениях войск в поле и на командирских занятиях.

Организация управления войсками в ходе операции строилась во фронтах и армиях, исходя из задач, условий местности и принятых методов управления в том или ином фронте, армии. Так, в 1-м Прибалтийском фронте полевое управление эшелонировалось на три положения: оперативная группа, штаб и второй эшелон полевого управления фронта. Кроме того, в исходном положении перед началом наступления был организован наблюдательный пункт командующего фронтом.

В 1-м Белорусском фронте в связи с большой протяженностью линии фронта и разделением его широко заболоченной полосой бассейна р. Припять были организованы вспомогательные пункты управления войсками: на правом крыле — в Дуравичах (северо-западнее Гомеля) и на левом — в районе Сарны.

В целях обеспечения устойчивого управления войсками командные и наблюдательные пункты были приближены к войскам.

Важное значение штабы фронтов придавали организации радиосвязи.

Связь штабов фронтов с Генеральным штабом осуществлялась при помощи мощных радиостанций по слуховым каналам и радио — Бодо. Связь между фронтами — по специальным радиосетям. Связь общевойсковых армий и подвижных соединений с авиацией обеспечивалась через авиационных представителей, находившихся со своими средствами связи на наблюдательных или командных пунктах общевойсковых и танковых объединений (соединений).

Радиосвязь штабов фронтов с их армиями осуществлялась как по сетям, так и по радионаправлениям. Такая организация радиосвязи во фронтах обеспечивала двухстороннюю устойчивую и непрерывную связь.

Наряду с организацией проводной и радиосвязи штабы фронтов организовали связь подвижными средствами. Для этой цели, например, в 1-м Прибалтийском фронте было выделено 20 самолетов (По-2), 14 автомашин, 10 мотоциклов и 3 танка. К началу операции все средства связи находились в полной готовности для обеспечения управления войсками.

В период подготовки Белорусской наступательной операции проводилась большая партийно-политическая работа. Как обычно, уделялось большое внимание вопросам укрепления воинской дисциплины и мобилизации состава фронтов на успешное решение задач по завершению освобождения нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков. Кроме того, командованием, политорганами и всеми партийными организациями был осуществлен ряд дополнительных мероприятий, связанных с расстановкой партийных и комсомольских кадров в частях и соединениях, укреплением партийных и комсомольских организаций в частях и подразделениях. Проводилась большая работа по усилению политической и военной бдительности.

При подготовке к операции во всех фронтовых и армейских объединениях были проведены совещания командного и политического состава соединений, на которых обсуждались вопросы усиления партийно-политической работы. Кроме того, в соединениях и частях были организованы семинары пропагандистов частей, секретарей первичных партийных и комсомольских организаций.

Подготовка партийного и комсомольского актива шла и в звене дивизия — полк: проводились совещания партийных и комсомольских активистов, общие собрания коммунистов и комсомоль-

цев, где обсуждались задачи партийных и комсомольских организаций по повышению боевой готовности войск, укреплению дисциплины, ставился вопрос об авангардной роли коммунистов и комсомольцев в бою.

Среди всего личного состава фронтов была проведена большая агитационно-пропагандистская работа, разъяснялись важнейшие документы Коммунистической партии и Советского правительства, в которых характеризовались успехи советского народа в тылу и Вооруженных Сил на фронте, военно-политические итоги трех лет войны Советского Союза против фашистской Германии и ее сообщников, задачи по завершению освобождения всей советской земли и перенесению военных действий за пределы СССР. Учитывалось и то обстоятельство, что в ходе наступления советские войска вступят на территорию союзной нам Польши с целью освобождения ее народа от немецко-фашистского рабства. Это была задача большой политической важности. Успешное ее решение требовало всесторонней, тщательной подготовки и в первую очередь разъяснения нашим воинам политики Советского правительства в отношении Польши.

При проведении агитационно-пропагандистской работы были использованы различные формы и методы: семинары, информации, красноармейские собрания и митинги, лекции и доклады, групповые и индивидуальные беседы, самодеятельность, групповые читки газет, журналов, памяток, выпуск боевых листков, а также товарищеские встречи пехотинцев с танкистами, артиллеристами и летчиками.

Проводя агитационно-пропагандистскую и массово-политическую работу, командиры-единоначальники и политические органы соединений, партийные и комсомольские организации частей и подразделений добивались того, чтобы все солдаты, сержанты и офицеры неустанно совершенствовали боевое мастерство, умело и полностью использовали нашу прекрасную боевую технику в бою с врагом, укрепляли дисциплину и организованность, точно выполняли приказы командиров. Офицерам и генералам всех родов войск разъяснялось, что они должны совершенствовать искусство вождения войск, четко осуществлять взаимодействие в ходе наступления, поднимать на высшую ступень культуру работы штабов и тылов, всемерно улучшать разведку.

Важную роль в политической подготовке личного состава сыграли обращения военных советов фронтов и армий к войскам, тексты которых вручались за несколько часов до начала общего наступления каждому солдату, сержанту и офицеру. В этих обращениях разъяснялись конкретные политические задачи наступательной операции, весь личный состав призывался к образцовому их выполнению. Одновременно с вручением обращений военных советов до всего личного состава частей первого эшелона доводились и боевые приказы их непосредственных командиров.

Проводя все эти мероприятия, командиры, политработники, партийные и комсомольские организации воспитывали весь личный состав в духе беззаветного выполнения воинского долга, создавали высокий наступательный порыв, мобилизовывали на образцовое выполнение конкретных боевых задач в предстоявшем наступлении.

Осуществление этих мероприятий сыграло важную роль в успешном выполнении всех задач, поставленных перед войсками.

Я рассказал лишь о некоторых вопросах, явившихся предметом особой заботы командований фронтов и армий в процессе подготовки войск к наступлению.

Объем проводимых подготовительных мероприятий включал и многие другие важные вопросы, как, например: перегруппировку войск, пополнение их личным составом и боевой техникой, ремонт существовавших и строительство новых дорог и мостов, боевую подготовку войск. Но в рамках одной статьи все это осветить не представляется возможным.

☆

22 июня 1944 г. было последним днем нашей подготовки к проведению Белорусской наступательной операции. К этой операции готовились все от солдата до генерала и готовились с особым энтузиазмом. Мы все хорошо помнили события 22 июня 1941 г., да и сейчас этот день помнят все советские люди. Поэтому нетрудно представить себе, с каким желанием мы все тогда стремились как можно быстрее очистить советскую землю от оккупантов и начать освобождение угнетенных фашизмом народов европейских стран.

И вот началась операция. «Бог» войны — артиллерия — совершенно конкретно «известила» противника о том, что мы собираемся наступать, выбросив на головы гитлеровцев огромное количество металла. В полосе 3-го Белорусского фронта активно действовала и авиация.

Перед этим была проведена во всех фронтах разведка боем, чтобы установить, не отвел ли в последние часы перед наступлением противник свои войска с передовых позиций. Эта задача во всех фронтах была блестяще выполнена. Противник находился на своих позициях, следовательно, наши войска могли начинать атаку по разработанному плану.

23—24 июня был осуществлен прорыв обороны врага одновременно на нескольких участках. Организованный таким образом прорыв был рассчитан на то, чтобы рассечь оборону противника на несколько частей и, рассредоточив таким способом его внимание и усилия, снизить эффективность использования резервов для отражения ударов наших войск на основных направлениях. Прорыв был осуществлен на шести участках при общем протяжении фронта наступления в 500 км.

Командующие фронтами искусно выбрали участки прорыва, создав на них необходимое превосходство над противником в силах и средствах, что обеспечило прорыв обороны противника уже в первый день на некоторых участках на глубину 10—12 км. Из шести намеченных участков прорыва только на двух противнику удалось удержать в своих руках главную полосу в первый день, но на второй или третий день он вынужден был начать отход и на этих участках.

Нанесение ударов, далеко отстоявших один от другого, не позволило противнику сосредоточить тактические резервы для предотвращения прорыва. Вследствие этого в первые два дня противник вынужден был ввести в бой из оперативного резерва три пехотные, танковую и моторизованную дивизии. Все пять дивизий были введены на разных участках. В последующие дни, когда наши войска развивали тактический успех в оперативный, противник ввел еще шесть дивизий, в том числе две танковые. Но это не спасло его от поражения, так как резервы вводились или на широком фронте, или неодновременно.

Даже и при условии одновременного массированного использования всех одиннадцати дивизий на направлении одного или двух участков нашего прорыва решительного изменения хода событий не могло произойти, так как наши войска имели возможность в этот период развивать наступление на других участках фронта.

После прорыва тактической зоны обороны противника и разгрома ближайших его оперативных резервов началось его преследование. Оно осуществлялось начиная с третьего-четвертого дня операции и велось на широком фронте общевойсковыми соединениями, впереди которых и в тесном взаимодействии с ними преследовали противника крупные танковые, механизированные и кавалерийские соединения. Из общевойсковых объединений преследование вели почти все соединения, участвовавшие в прорыве обороны противника.

Войска 3-го и 1-го Белорусских фронтов преследовали противника по параллельным дорогам с целью упредить его выход в район Минска и окружить основные силы немецко-фашистских войск.

Войска 2-го Белорусского фронта осуществляли фронтальное преследование и своими ударами задержали отход противника к Минску, обеспечивая выполнение оперативно-стратегических задач 3-м и 1-м Белорусскими фронтами.

1-й Прибалтийский фронт, перейдя в наступление 23 июня, не только успешно прорвал оборону противника, но более того, во взаимодействии с войсками 3-го Белорусского фронта к исходу третьего дня операции продвинулся в глубину расположения противника до 50 км, успешно форсировал Западную Двину и завершил окружение вражеской группировки противника в районе Витебска.

Войска 3-го Белорусского фронта также в этот день перешли в наступление и нанесли два мощных удара: один — из района западнее Лиозно, на богушевском направлении, другой — южнее, на оршанском направлении. К исходу дня они прорвали вражескую оборону на 25-километровом участке фронта, продвинулись на глубину 10—13 км, перерезали железную дорогу Витебск — Орша, расширив прорыв до 50 км по фронту.

Достигнутый успех в полосе наступления правой ударной группировки войск фронта создавал благоприятные условия для развития успеха операции вводом в прорыв бронетанковых и кавалерийских войск фронта.

Однако для того чтобы вводить в прорыв танковые и механизированные корпуса и тем более танковые армии, требуются не только знания, но и умение. Как ни печально, но тем не менее факт, что единственный танковый корпус, которым располагал 1-й Прибалтийский фронт, был введен в сражение так, что он к исходу первого дня операции не сумел обогнать пехоту. Может быть, в этом был виноват и командир корпуса, но нельзя обойти молчанием и тех, кто вводил танковый корпус в прорыв.

Об этом сейчас автор пишет, в частности, и потому, чтобы рассказать, что он сам пережил при вводе в сражение 5-й гвардейской танковой армии, действовавшей в составе войск 3-го Белорусского фронта. Кстати сказать, командарм, командиры корпусов и бригад хорошо понимали, какое значение для успеха операции имеет ввод в прорыв танковой армии.

Я уже писал о том, какое значение Ставка придавала усилению наступавших войск бронетанковыми войсками. Не считая возможным эту тему широко развивать в небольшой статье, все же, по нашему мнению, следует хотя бы кратко сказать о роли танковых армий в Белорусской операции, потому что в условиях ведения маневренной войны они выполняли очень важную роль.

В воспоминаниях С. М. Штеменко отмечается, что для проведения Белорусской наступательной операции 3-му Белорусскому фронту необходимо было иметь в своем составе танковую армию. Но, как он пишет далее, было желательно, чтобы командующий фронтом лично обратился по этому вопросу к Верховному Главнокомандующему, а Генеральный штаб намеревался просьбу поддержать [1].

В период проведения Белорусской наступательной операции в Красной Армии имелось шесть танковых армий, и Ставка держала их на особо строгом учете.

Большое значение придавал танковым армиям Красной Армии и противник. По свидетельству немецких историков, Гитлер считал, что там, где появляются наши танковые армии, обязательно нужно ждать советского наступления.

[1] *С. М. Штеменко.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968.

Следует сказать, что гитлеровской разведке далеко не всегда удавалось установить дислокации советских танковых армий, вследствие чего их ввод в сражение был в ряде случаев для врага внезапным.

5-я гвардейская танковая армия, которой в ту пору мне довелось командовать, решением Ставки скрытно была переброшена из Румынии в полосу 3-го Белорусского фронта и расположена в таком районе (примерно в 50 км от линии фронта), из которого могла действовать в двух направлениях в зависимости от обстановки. Мы провели необходимые рекогносцировки с командирами корпусов и бригад по обоим направлениям предстоявших боевых действий армии.

Я просил командующего 3-м Белорусским фронтом не торопиться с выдвижением армии до тех пор, пока точно не определится место успеха наступавших войск фронта.

Просьба моя основывалась на имевшемся у нас опыте боевого использования танковой армии в наступательных операциях. Командование армии хорошо знало, что в тех случаях, когда танковой армии ставятся глубокие задачи, следует максимально беречь силы людей, в особенности механиков-водителей, беречь моторесурсы танков и горючее и поэтому ни в коем случае нельзя допускать излишних, не вызванных обстановкой маневров танковых соединений и частей в тылу своих войск, перед вводом их в прорыв. Танковые войска должны прибыть на поле сражения не позже и не раньше установленного времени.

Пример ввода в сражение 5-й гвардейской танковой армии свидетельствует о некоторой торопливости, проявленной командующим фронтом [2].

Армия получила приказ в ночь с 22 на 23 июня выдвинуться вперед в полосе Минского шоссе на 25 км, имея в виду ввести ее в прорыв в полосе 11-й гвардейской армии, т. е. как планировалось по первому варианту. Но, к сожалению, 11-я гвардейская армия вначале успеха не достигла. Успех же обозначился в полосе наступления 5-й армии, которой в то время командовал Н. И. Крылов. В результате пришлось возвращать армию назад в исходное положение, а затем направлять ее для ввода в прорыв, но уже по второму варианту.

Все это, естественно, в последующем не могло не отразиться как на снижении общих темпов наступления, так и на продвижении 5-й гвардейской танковой армии, поскольку на маневр в тылу своих войск армия затратила почти сутки, а противник за это время успел перебросить к участкам прорыва 3-го Белорусского фронта танковую дивизию, которая в условиях белорусских лесов и болот заняла ряд дефиле и доставила нам много

[2] Решение о вводе 5-й гвардейской танковой армии в сражение было принято Ставкой в полном соответствии с обстановкой (см. стр. 71, 72, 76, 82 настоящего издания).— *Прим. ред.*

хлопот. Опережая несколько события, хочу подчеркнуть, что в конечном счете 5-я гвардейская танковая армия, преодолев неудачное начало с вводом ее в сражение, разгромила 5-ю танковую дивизию немцев, форсировала р. Березину и своевременно вышла к Минску, охватив его с севера. Все это могло быть достигнуто лучше, если бы не было допущено ошибок при вводе армии в прорыв.

Однако, несмотря на некоторые шероховатости в организации наступления, в целом наступление всех четырех фронтов протекало успешно. К исходу третьего дня войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов выполнили ближайшие задачи, форсировали Западную Двину и завершили окружение вражеской группировки в районе Витебска. Наша авиация прочно удерживала господство в воздухе.

С 26 по 28 июня войска этих фронтов продолжали успешно развивать наступление в западных направлениях. На шестой день операции, т. е. к исходу 28 июня, оборона противника была прорвана более чем на 200-километровом фронте. Наши войска продвинулись на 150 км. Города Орша и Витебск были освобождены, а их гарнизоны разгромлены. 5-я гвардейская танковая армия, обойдя Оршу с запада, разгромила противника в районе Толочина и развивала наступление на Борисов.

Войска 2-го Белорусского фронта к этому времени форсировали севернее и южнее Могилева Днепр, разгромили противостоявшего противника и освободили Могилев. Активными действиями 2-й Белорусский фронт сковал значительные силы врага и не позволил ему начать организованный отход, что было очень важно, поскольку 1-й и 3-й Белорусские фронты обходили с флангов группировку врага с целью ее окружения и уничтожения.

1-й Белорусский фронт начал наступление правым крылом 24 июня. В ночь накануне наступления была проведена сильная авиационная, а утром — двухчасовая артиллерийская подготовка. Наступление началось успешно. Во второй половине дня в полосе 65-й армии с целью развития успеха был введен 1-й гвардейский танковый корпус, который обеспечил успех наступления. На второй день операции в полосе действий 3-й армии с целью завершения прорыва обороны противника был введен в сражение 9-й танковый корпус, а во второй половине того же дня ввели и конно-механизированную группу. К исходу 28 июня войска правого крыла 1-го Белорусского фронта взломали вражескую оборону на 200-километровом фронте, окружили и разгромили в районе Бобруйска основные силы 9-й армии врага и, продвинувшись на 100—110 км к западу, создали условия для развития наступления на Минск и Барановичи. В ликвидации окруженной бобруйской группировки противника сыграла важнейшую роль и наша авиация.

В итоге шестидневного наступления четырех фронтов были освобождены Витебск, Орша, Могилев, Бобруйск, разгромлены и

пленены крупные группировки врага. Кроме того, в результате стремительного наступления ударных группировок 3-го и 1-го Белорусских фронтов немецко-фашистские войска, действовавшие на минском направлении, оказались глубоко охваченными с севера и юга. Создались благоприятные условия для развития дальнейшего наступления советских войск с целью окружения и уничтожения 4-й немецкой армии.

Нет необходимости все эти события подробно описывать в данной статье. Общеизвестно, что наступление войск 1-го Прибалтийского, 2 и 1-го Белорусских фронтов привело к освобождению 3 июля столицы Белорусской ССР — Минска, хотя вблизи его еще и шли жесточайшие бои.

За 10—11 дней напряженных наступательных боев советские войска продвинулись на запад до 280 км при среднесуточном темпе наступления в 23 км. Подвижные же соединения проходили примерно 45 км в сутки.

В стратегическом фронте врага была образована огромная брешь. 100 тыс. солдат и офицеров противника оказались окруженными восточнее Минска. Попытки вражеского командования закрыть эту брешь отдельными дивизиями, спешно перебрасываемыми с различных направлений, не могли дать сколько-нибудь значительных результатов. В итоге перед нашими войсками, действовавшими в Белоруссии, появилась возможность одновременно с уничтожением окруженной группировки противника начать неотступное преследование остатков разбитых немецко-фашистских войск и развивать дальнейшее стремительное наступление на запад.

В результате успешного завершения первого этапа стратегической наступательной операции и выхода советских войск на рубеж Полоцк, Браслав, Молодечно, Несвиж Советское командование приняло решение о быстрейшей ликвидации окруженной группировки противника восточнее Минска, разгроме его подходивших резервов, продолжении решительного наступления на запад и выходе к нашим западным государственным границам.

С этой целью войска 1-го Прибалтийского фронта были усилены 39-й армией, переданной из 3-го Белорусского фронта, и получили задачу не позже 10—12 июля овладеть рубежом Двинск, Подбродзе. В дальнейшем им было приказано развивать наступление главными силами на Каунас и частью сил на Паневежис, Шяуляй, прочно обеспечивая себя с севера.

3-му Белорусскому фронту, получившему 33-ю армию от 2-го Белорусского фронта, предписывалось частью сил совместно с соединениями 2-го Белорусского фронта завершить разгром окруженных войск врага восточнее Минска, а основными силами не позднее 10—12 июля овладеть рубежом Вильнюс, Лида. В дальнейшем они должны были выйти на р. Неман и захватить плацдарм на его западном берегу.

2-му Белорусскому фронту приказывалось частью сил завершить ликвидацию группировки противника восточнее Минска, а главными силами не позднее 12—15 июля освободить район г. Новогрудок и выйти на реки Неман и Молчадь. В дальнейшем фронту было приказано овладеть Волковыском и наступать на Белосток. Для выполнения поставленной задачи фронт усиливался 3-й армией из состава 1-го Белорусского фронта.

Войскам правого крыла 1-го Белорусского фронта ставилась задача развивать наступление в общем направлении на Барановичи, Брест с ближайшей задачей не позднее 10—12 июля освободить Барановичи, Лунинец и выйти на рубеж Слоним, р. Шара, Пинск. В дальнейшем, перейдя в наступление и левым крылом, войска фронта должны были разгромить противостоявшие силы врага, овладеть Брестом, Люблином и выйти на Вислу, захватив плацдарм на ее левом берегу. Войска левого крыла 1-го Белорусского фронта получили задачу начать Люблинско-Брестскую операцию в начале второй половины июля 1944 г.

Важнейшими фронтовыми операциями второго этапа Белорусской операции являлись: Шяуляйская, Вильнюсская, Белостокская, Люблинско-Брестская.

Придавая большое значение обороне Вильнюса, как столицы Литвы и важного узла дорог, вражеское командование отводило в этот район многие разбитые в предыдущих боях части и соединения 3-й танковой армии. Группировка врага в районе Вильнюса была значительно усилена и за счет вновь прибывших соединений. Поэтому борьба за столицу Литвы была жестокой и заняла шесть суток — с 8 по 13 июля.

Войска 3-го Белорусского фронта после освобождения Минска и Молодечно основные усилия сосредоточили на освобождении Вильнюса, форсировании Немана и захвате плацдармов на его левом берегу.

В обстановке, о которой сказано выше, наступление войск фронта развивалось весьма успешно, хотя бои за крупные города носили весьма ожесточенный, а в ряде случаев и затяжной характер.

Конкретным примером в этом отношении являются действия наших войск по освобождению Вильнюса.

С северо-востока на город наступали войска 5-й общевойсковой армии совместно с 3-м гвардейским механизированным корпусом, а с юго-востока — 5-й гвардейской танковой армии.

Несмотря на то что вильнюсский гарнизон был усилен 600 парашютистами 2-й авиадесантной дивизии и танковой дивизией, судьба окруженных была решена. 13 июля столица Литвы стала свободной.

Здесь я не могу не рассказать читателю о своих переживаниях, связанных с поворотом войск 5-й гвардейской танковой армии на Вильнюс. Дело в том, что армия в это время обходила Вильнюс с юга с целью нанесения удара в общем на-

правлении на Алитус, захвата переправ на Немане и окружения противника в районе Каунаса. В составе армии было только два танковых корпуса, которые наступали в первом эшелоне, второго эшелона, силами которого можно было бы влиять на ход событий, в армии не было. Имелся лишь небольшой резерв — одна отдельная танковая бригада. Поэтому, когда командующий фронтом генерал армии Черняховский приказал по телефону повернуть один из танковых корпусов армии на Вильнюс, я еще раз с большим сожалением вспомнил безрезультатность своего разговора в Москве, когда меня принимал накануне Белорусской операции Верховный Главнокомандующий. Я обратился тогда к И. В. Сталину с просьбой, чтобы в состав 5-й гвардейской танковой армии включили еще один механизированный корпус. Верховный не отказал, но и не сказал ничего конкретно. Видимо, я недостаточно был настойчив. И вот теперь в условиях, когда армия должна была повернуть один танковый корпус на Вильнюс, а другим продолжать выполнять ранее поставленную задачу, я с особенной остротой почувствовал, как был бы сейчас кстати находившийся ранее в моем подчинении замечательный 5-й гвардейский механизированный корпус, которым в то время командовал опытный боевой генерал Скворцов. Если бы этот корпус входил в состав 5-й гвардейской танковой армии, нам было бы легче выполнить поставленные задачи.

Но вернемся к общим событиям, развивавшимся в полосах наступления четырех фронтов. 3-й Белорусский фронт к исходу 16 июля успешно выполнил все поставленные перед ним задачи. Была разгромлена 15-тысячная группировка противника, ведущая бои за столицу Литвы. Был форсирован Неман и освобожден Алитус.

В этот период войска 2-го Белорусского фронта, успешно завершив ликвидацию окруженной группировки противника восточнее Минска, перешли в наступление в направлении Волковыск, Белосток и к 16 июля вышли на линию Гродно, Свислочь.

Войска 1-го Белорусского фронта, развивая преследование противника, подошли к мощному узлу обороны немецко-фашистских войск — г. Барановичи, прикрывавшему белостокское и брестское направления. К утру 8 июля в результате обходного маневра танков и кавалерии и удара с фронта общевойсковых соединений Барановичи были освобождены. Преследуя противника на юго-западном направлении, войска правого крыла фронта овладели г. Слоним и к 16 июня вышли на линию станции Свислочь, Пружаны, Береза. Войска, наступавшие в Полесье в направлении Лунинец, Пинск, к этому времени вышли в район восточнее Янува, а войска левого крыла фронта еще 6 июля очистили от врага Ковель и находились несколько западнее его.

В результате успешных боевых действий советских войск на втором этапе Белорусской операции началось освобождение Литвы; войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов вышли на р. Не-

ман и форсировали ее с ходу. Это был последний крупный водный рубеж на подступах к Восточной Пруссии.

Белорусский народ развернул беспощадную партизанскую войну в тылу противника. Это было массовое всенародное движение. Партизаны истребляли солдат, офицеров, генералов, немецких чиновников и их прихвостней — предателей народа. Гитлеровские войска находились в напряженном состоянии и были вынуждены действовать в условиях непрерывного нарушения связи и подвоза. Не было ни одного учреждения немецко-фашистской армии, которое можно было бы оставить без значительной охраны. Руководимые из единого центра, партизанские соединения и отряды Белоруссии вели борьбу с противником в полной согласованности с действиями Красной Армии.

Решительный разгром группы армий «Центр» и значительное продвижение советских войск в западном направлении создали благоприятные условия для перехода в наступление на многих других направлениях советско-германского фронта. 11 июля перешли в наступление в общем направлении на Резекне войска 2-го Прибалтийского фронта. 13 июля началась Львовско-Сандомирская операция 1-го Украинского фронта. В период с 17 по 24 июля в наступление были включены еще два фронта: Ленинградский — на нарвском направлении и 3-й Прибалтийский — с рубежа р. Великая.

Одновременно с расширением фронта стратегического наступления от Балтийского моря до Карпат Советское командование решило до конца использовать результаты, достигнутые на западном направлении, с целью развития успеха в глубину и в сторону флангов. Для этого решено было использовать стратегические резервы — 2-ю гвардейскую армию под командованием генерал-лейтенанта П. Г. Чанчибадзе и 51-ю армию генерал-лейтенанта Я. Г. Крейзера, которые выдвигались в полосу 1-го Прибалтийского фронта, и сильную группировку войск, созданную на левом крыле 1-го Белорусского фронта. Ввод в действие всех этих сил был осуществлен 18—20 июля.

Таким образом, уже в середине июля наступление развертывалось от Финского залива до предгорий Карпат. Кроме того, на южном крыле советско-германского фронта готовились нанести мощный удар войска 2-го и 3-го Украинских фронтов.

В последнем периоде второго этапа происходило энергичное развитие наступления всех фронтов, участвовавших в Белорусской наступательной операции.

По решению Ставки 1-й Прибалтийский фронт был усилен 2-й гвардейской и 51-й армиями, 3-м механизированным корпусом, переданным из состава 3-го Белорусского фронта, бомбардировочным авиационным корпусом и авиационной дивизией.

Получив усиление, 1-й Прибалтийский фронт с утра 20 июля возобновил наступление, нанося главный удар на шяуляйском направлении. Боевые действия 1-го Прибалтийского фронта были

настолько эффективны, что к концу июля были освобождены Паневежис, Шяуляй, Иелгава, Тукумс, а передовые части фронта выдвинулись на побережье Рижского залива в районе Клапкалнса.

Блестящие действия войск 1-го Прибалтийского фронта под руководством командующего фронтом И. Х. Баграмяна резко ухудшили положение группы армий «Север». Эта группа теперь фактически оказалась изолированной в Прибалтике, лишенной сухопутных коммуникаций с группой армий «Центр» и Германией.

Вели активное наступление войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов, а также войска 1-го Белорусского фронта, о чем мы скажем ниже.

Вражеское командование, стремясь задержать выдвижение Красной Армии к границам фашистской Германии и ликвидировать плацдарм на левом берегу Немана, стянуло и бросило против войск 3-го Белорусского фронта свыше десяти пехотных и танковых дивизий и несколько отдельных бригад. С 16 до 20 июля войска фронта, отражая контратаки и контрудары противника, продолжали расширять плацдармы на Немане. В течение последующих восьми дней продолжались ожесточенные бои с крупными силами врага на левом берегу Немана и одновременно советские войска готовились к возобновлению наступления. Подтянув на плацдарм резервы и артиллерию, пополнив соединения боеприпасами и горючим, войска фронта 28 июля перешли в наступление и к 1 августа продвинулись на 50 км. Вскоре войска фронта освободили Каунас.

В полосе наступления 2-го Белорусского фронта к началу второй половины июля вражескому командованию удалось привести в порядок отходившие войска, подтянуть с тыла и других участков фронта на линию Гродно, Свислочь свыше десяти дивизий, организовать здесь оборону и предпринять ряд контратак и контрударов. Эта причина, а также недостаточное количество танковых войск и отставание артиллерии привели к значительному снижению темпа общего наступления войск 2-го Белорусского фронта.

С вводом в сражение свежих сил сопротивление противника было сломлено. Войска фронта, нанеся поражение подошедшим резервам врага, в течение второй половины июля очистили от него большую часть Августовских лесов, овладели рядом крупных городов, в том числе Белостоком, и к концу июля вышли на ближние подступы к Восточной Пруссии.

Особенно крупные успехи во второй половине июля были достигнуты в полосе 1-го Белорусского фронта. Как уже отмечалось, к югу от Полесья на люблинском направлении была создана мощная ударная группировка.

По решению командующего 1-м Белорусским фронтом войска левого крыла должны были разгромить противостоявшего противника и на третий-четвертый день операции, форсировав За-

падный Буг, развивать наступление в северо-западном и западном направлениях, чтобы к концу июля главными силами выйти на рубеж Луков, Люблин. В первом эшелоне находились 70, 47, 8-я гвардейская и 69-я армии, во втором — 1-я польская армия. Для развития успеха привлекались 2-я танковая армия, 7-й и 2-й гвардейские кавалерийские корпуса. 11-й танковый корпус входил в состав 8-й гвардейской армии, которой командовал генерал-полковник В. И. Чуйков.

На период прорыва обороны противника в оперативное подчинение командующих 47-й и 69-й армиями было передано по одной штурмовой авиационной дивизии, а в подчинение командующего 8-й гвардейской армией — штурмовой авиационный корпус.

Наступление войск левого крыла фронта началось утром 18 июля.

В течение первых трех-четырех дней Люблинско-Брестской операции восьми дивизиям противника были нанесены значительные потери. Советские войска, отбросив остатки разбитых соединений за государственную границу СССР, вступили на территорию союзной нам Польши и создали угрозу для окружения вражеских войск и в районе Бреста.

Для обороны района Бреста — важного узла на варшавском направлении — противник решил использовать остатки соединений 2-й армии, пытался задержать наше наступление на Брест с северо-востока и востока. Кроме того, вражеское командование создало сильные группировки в районах западнее Бельска и Высокого и ударом в направлении Черемхи с севера и юга пыталось задержать наступление главных сил 65-й армии, выходивших к Западному Бугу. Предпринятый противником контрудар вначале имел успех. Врагу удалось 23 июля прорваться в район Черемхи, но в результате мощных ударов артиллерии, танков и авиации, а также флангового удара 28-й армии он вскоре был отброшен назад.

Продолжая наступление, советские войска к 27 июля вышли к Западному Бугу, охватив противника в районе Бреста с севера и северо-запада.

В течение 28 июля войска 28-й и 70-й армий, предпринял наступление с трех направлений, освободили Брест. В лесах западнее Бреста было разгромлено до четырех дивизий противника.

В то время как войска правого крыла и центра вели бои на брестском направлении, войска левого крыла фронта успешно наступали на люблинском направлении.

В течение 21—22 июля все три армии ударной группировки, форсировав Западный Буг, овладели крупным плацдармом на левом берегу реки, достигавшим 80 км по фронту и 50 км в глубину, при этом 7-й гвардейский кавалерийский корпус овладел с ходу г. Холм.

В соответствии со сложившейся обстановкой командующий фронтом уточнил задачи войскам армий и подвижным соединениям и потребовал от них продолжать наступление в еще более высоких темпах.

Переданной Ставкой в состав 1-го Белорусского фронта 2-й танковой армии было приказано с утра 22 июля войти в прорыв в полосе наступления 8-й гвардейской армии и, наступая в общем направлении на Люблин, к исходу 22 июля выйти на р. Вепш, овладеть г. Люблин. 2-я танковая армия выполнила эту задачу и 23 июля во взаимодействии с войсками 8-й гвардейской армии завязала бои за Люблин.

23 июля 1944 г. после ранения командующего армией генерала С. И. Богданова вступил в командование 2-й танковой армией молодой, энергичный, инициативный, смелый генерал, начальник штаба этой армии, генерал-майор А. И. Радзиевский. Ему было в то время 33 года, он закончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и Академию Генерального штаба.

Справедливости ради я обязан отметить, что это, пожалуй, единственный случай, когда начальник штаба армии вступил в должность командующего армией после того, как командарм на длительный срок выходил из строя.

В конкретно сложившихся условиях 2-я танковая армия фактически выполнила все возложенные на нее обязанности в Белорусской операции под руководством А. И. Радзиевского. Более того, генерал А. И. Радзиевский и после окончания этой операции продолжал командовать 2-й танковой армией до 8 января 1945 г.

Вместе с советскими войсками в составе левого крыла 1-го Белорусского фронта наступала 1-я польская армия (командующий генерал-лейтенант Берлинг). Люблин был первым большим польским городом, за освобождение которого непосредственно и повела бои 1-я польская армия. Нет нужды говорить, как горячо встречали польскую армию жители Люблина после изгнания из города немецко-фашистских захватчиков.

Совместные действия советских войск и польской армии символизировали единство двух народов в их борьбе против германского фашизма. В заявлении Наркоминдела СССР, опубликованном 26 июля 1944 г., указывалось: «Советские войска вступили в пределы Польши, преисполненные одной решимостью — разгромить вражеские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической Польши».

В течение всего августа 1944 г. активные боевые действия советских войск не прекращались. Однако они проходили в обстановке значительно возросшего сопротивления противника на всем фронте от Рижского залива до Юзефува.

В полосе наступления 1-го Прибалтийского фронта наиболее напряженные бои развернулись западнее Риги.

К этому же времени войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов, преодолев ряд рубежей обороны врага, вышли на линию Тарту, Гулбене, западнее Мадона, Гостини, севернее Биржай.

Войска 3-го Белорусского фронта в течение первой половины августа отражали сильные контратаки и контрудары противника на рубеже, достигнутом к концу июля. С 29 августа войска фронта по указанию Ставки Верховного Главнокомандования перешли к обороне и приступили к подготовке Восточно-Прусской операции.

Войска 2-го Белорусского фронта, продолжая наступление с целью выхода на линию Августов, Остроленка и захвата плацдармов на р. Нарев, к 22 августа продвинулись на 30—90 км, овладели рядом важных укрепленных пунктов врага, в том числе крепостью Осовец, и вышли на фронт Августов, Осовец, Замбров, западнее Острув-Мазовецки. Войска правого крыла фронта в конце августа начали закрепляться на достигнутом рубеже, а 49-я и 3-я армии во взаимодействии с правым крылом 1-го Белорусского фронта продолжали наступление. К середине сентября они вышли к р. Нарев на фронте Визна, Ружан, овладели городами-крепостями Ломжа, Остроленка и, перейдя к обороне, начали готовиться к вступлению в Восточную Пруссию.

Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта в течение августа во взаимодействии с войсками левого крыла 2-го Белорусского фронта сломили сопротивление противника на рубеже Сураж, Лосице, продвинулись более чем на 100 км к западу и к концу месяца вышли на р. Нарев на фронте Ружан, Сероцк и далее до Праги. Армии левого крыла продолжали ожесточенные бои за расширение и закрепление плацдармов на р. Висле, южнее Варшавы. С 29 августа 1944 г. войска левого крыла фронта перешли к обороне на достигнутых рубежах. В это же время правое крыло во взаимодействии с левым крылом 2-го Белорусского фронта частью сил продолжали наступление. К середине сентября они захватили плацдармы на правом берегу р. Нарев в районе южнее Ружан и севернее Сероцка и предместье Варшавы — Прагу.

В ходе второго этапа операции советские войска полностью выполнили поставленные перед ними задачи. Они продвинулись на глубину 260—400 км, расширив фронт наступления до 1000 км, завершив уничтожение окруженной группировки немецко-фашистских войск в районе восточнее Минска. Красная Армия последовательно разгромила все остатки отходивших соединений группы армий «Центр» и нанесла крупные потери 41 дивизии и 9 бригадам врага, переброшенным из Германии, Норвегии, Италии, Голландии, из групп армий «Север», «Южная Украина», «Северная Украина» и вновь сформированным в тылу группы армий «Центр». Советские войска очистили от немецко-фашистских войск значительную часть Литвы, завершили освобождение Белорусской ССР, начали освобождение Польши и создали бла-

гоприятные условия для нанесения новых мощных ударов по вражеским группировкам, действовавшим в Прибалтике, Восточной Пруссии и Польше.

Наступательные действия советских войск в Белоруссии на втором этапе операции осуществлялись в тесном взаимодействии с войсками 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, наступавшими к северу от Западной Двины, и войсками 1-го Украинского фронта, проводившими в это время Львовско-Сандомирскую операцию. Это привело к тому, что маневр вражеских войск вдоль фронта был крайне затруднен, а подходивших резервов противника из глубины оказалось явно недостаточно для того, чтобы помешать наступлению войск наших фронтов.

Белорусская наступательная операция еще раз продемонстрировала высокую инициативу и активность советских войск, а также беспримерный героизм при разгроме одной из крупнейших группировок немецко-фашистской армии.

В ходе ее осуществления советские войска вновь показали свое полное превосходство над врагом. В операции искусно были применены танки, артиллерия, авиация; непрерывно осуществлялось управление частями, соединениями и объединениями; с большим искусством расчленялись крупные группировки врага и в короткие сроки уничтожались по частям. Поэтому опыт Белорусской наступательной операции по многим вопросам военного искусства не потерял своего значения и сегодня.

Белорусская наступательная операция, учитывая ее многогранность, внесла большой вклад в историю развития советского военного искусства. В статье мы уделили много внимания вопросам боевой техники и ее значению для выигрыша победы. Однако история военного искусства учит, что, как бы ни возрастало значение боевой техники, решающая роль в ведении вооруженной борьбы во всех случаях принадлежит воину, обладающему высокими морально-боевыми качествами, в совершенстве овладевшему боевой техникой, умеющему правильно ее применить.

Все это убедительно показано на конкретных примерах Белорусской операции.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ

И. А. ПЛИЕВ

НА ОСТРИЕ УДАРА

В Белорусской операции мне довелось командовать конно-механизированной группой 1-го Белорусского фронта — объединением весьма своеобразного назначения и состава. Группа, как правило, не вела боевых действий плечом к плечу с другими войсками фронта. Ее задача состояла в том, чтобы после обозначившегося прорыва вражеской обороны вступить в сражение через созданную брешь, нанести мощный удар, вырваться на оперативный простор, а затем, развивая стремительное наступление в большом отрыве от главных сил фронта, внезапными и дерзкими ударами уничтожать живую силу и технику врага, громить его глубокие резервы, органы управления и тылы, нарушать коммуникации. Иными словами, войска нашей КМГ действовали впереди — на острие удара войск фронта.

В состав группы к началу операции входили 4-й гвардейский кавалерийский Кубанский корпус (9-я, 10-я гвардейские, 30-я кавалерийские дивизии), 1-й механизированный корпус (19, 35, 37-я мотострелковые и 219-я танковая бригады) генерал-лейтенанта С. М. Кривошеина и ряд частей усиления. Такое органическое слияние танковых, мотострелковых войск и кавалерии во взаимодействии с авиацией обеспечивало большую по тому времени ударную силу, высокую оперативную, тактическую мо-

бильность и универсальность боевых возможностей группы, что было весьма важно в ходе многодневного рейда по вражеским тылам в трудных условиях лесисто-болотистой местности, при внезапных и резких изменениях боевой обстановки.

В ходе стремительного наступления в Белоруссии группа войск с ожесточенными непрерывными боями прошла около 1000 км. На боевом счету группы многие тысячи уничтоженных гитлеровских солдат и офицеров, сотни подбитых танков, самоходных установок и орудий, богатые боевые трофеи. Но главное, чем гордятся танкисты, мотострелки, конники — все воины группы, это то, что ценою максимального напряжения сил, ценою немалых потерь им удалось ускорить разгром противника в той гигантской битве, которая развернулась летом 1944 г. на земле Белоруссии.

☆

Первый этап наступления группы войск неразрывно связан с реализацией замысла командующего 1-м Белорусским фронтом генерала армии К. К. Рокоссовского по окружению и уничтожению крупной группировки противника в районе Бобруйска.

Для решения этой задачи во фронте были созданы две ударные группы в составе двух армий каждая, которые должны были прорвать оборону противника севернее и юго-западнее Бобруйска и затем нанести удар по сходящимся направлениям. С целью быстрейшего образования внутреннего фронта окружения планировалось использовать танковые корпуса, которые специально для этого были включены в состав армий.

Конно-механизированная группа (КМГ) должна была вводиться в полосе южной ударной группировки — в стыке между 65-й армией под командованием генерал-полковника П. И. Батова и 28-й армией, которой командовал генерал-лейтенант А. А. Лучинский, с задачей развивать успех в общем направлении Глуша (25 км западнее Бобруйска). В дальнейшем конно-механизированная группа должна была действовать в зависимости от обстановки: или в обход группировки врага в районе Бобруйска с запада или в направлении на Слуцк. Предусматривался также вариант удара КМГ из района Глуска на Бобруйск на тот случай, если для создания «котла» потребуются дополнительные силы.

Непосредственная подготовка группы к рейду производилась в районе Кобыльщины, Озаричей, Людвиновки. Мы были уже умудрены опытом нескольких рейдов по тылам противника, а также действий в оперативной глубине обороны противника и в большом отрыве от своих войск, поэтому знали, как тяжело приходится расплачиваться за малейшие упущения в подготовительный период. Дни и ночи, предшествовавшие началу операции, были до предела заполнены сотнями крупных и малых дел, ни одно из которых не было мелким.

Наступление войск 1-го Белорусского фронта началось утром 24 июня после 125-минутной артиллерийской и авиационной подготовки.

В полосе 65-й и 28-й армий прорыв развивался успешно, и уже утром следующего дня конно-механизированная группа начала выдвижение на рубеж ввода. Местность здесь лесистая, болотистая. Дорог было крайне мало, да и те плохие. Перед самым рубежом ввода — заболоченная речушка Тремля с взорванными мостами. Не обошлось без «пробок» на бродах, переправах. В результате на выдвижение группы потребовалось несколько больше времени, чем предусматривалось расчетами. Тем не менее к 16 часам 30 минутам части КМГ прошли уже через боевые порядки войск первого эшелона армий, энергичным ударом преодолели сопротивление арьергардов противника и начали его стремительное параллельное преследование в общем направлении на Глуск, нанося значительные потери частям 35, 36 и 129-й пехотных дивизий гитлеровцев.

К 15 часам 26 июня войска вышли на р. Птичь, на западном берегу которой противник подготовил сильный промежуточный оборонительный рубеж. Несмотря на это, 40-й гвардейский кавалерийский полк (командир подполковник И. И. Головащенко), действовавший в авангарде 10-й гвардейской кавалерийской дивизии, с ходу форсировал реку в районе Подлужья. На захваченном плацдарме полк всю ночь 27 июня успешно отбивал сильные контратаки частей 35-й пехотной дивизии, обеспечивая форсирование реки главными силами, а с утра, поддержанный огнем с восточного берега реки, перешел в атаку, захватил населенный пункт Рыловичи и вынудил противника к отходу в северо-западном направлении.

В ходе развернувшегося преследования подразделения полка смело обошли крупный населенный пункт Глуск с запада и атаковали его совместно с соседями. Гарнизон Глуска был разгромлен, а его остатки, пытавшиеся отойти на северо-восток, были прижаты к реке и взяты в плен.

В этот же день 10-я гвардейская кавалерийская дивизия перерезала дорогу Бобруйск — Слуцк в районе Симановичей, а 35-я мотострелковая бригада 1-го мехкорпуса захватила населенный пункт Глуша. Остальные соединения группы развивали наступление в направлении на Старые Дороги. Таким образом, ко времени, когда был замкнут внутренний фронт окружения вокруг бобруйской группировки гитлеровцев (а это произошло тоже 27 июня), КМГ удалось уже образовать подвижный внешний фронт на значительном удалении от бобруйского «котла», перерезать здесь все основные дороги, ведущие из Бобруйска на запад, сковать и разгромить значительные силы врага, не допуская их использования для усиления бобруйской группировки противника или планомерной организации обороны на новых рубежах.

28 июня бобруйская группировка была уничтожена. В этот же день войска конно-механизированной группы овладели Старыми Дорогами — важным пунктом, открывавшим перспективу развития удара на Слуцк и далее на Барановичи.

В течение всего наступления воины группы проявляли массовый героизм, высокую боевую активность и самоотверженность. Из леса южнее д. Старые Дороги противник внезапно обстрелял из пулемета фланговое подразделение 30-го кавалерийского полка 9-й гвардейской кавалерийской дивизии. Рядовой Степанов заметил вражеский пулемет. Где перебежкой, где ползком он подобрался к пулемету и забросал его ручными гранатами. Пулемет замолчал. Воспользовавшись этим, подразделение стремительным рывком ворвалось в траншеи противника.

В рукопашном бою командир отделения полка младший сержант Винников уничтожил двух немецких солдат и одного офицера, но сам был тяжело ранен. Заметив, что командиру взвода младшему лейтенанту Савченко грозит смертельная опасность, Винников, превозмогая боль и слабость, бросился на помощь командиру и огнем из автомата уничтожил еще двух немецких солдат. Жизнь офицера была спасена.

Разведчик Попов из 138-го кавалерийского полка 30-й кавалерийской дивизии вступил в неравный бой с тремя немецкими солдатами и одним офицером. Автоматной очередью уничтожил двух солдат, ударом приклада убил офицера, одного солдата привел в часть.

И не только из жарких, кровопролитных сражений, но и из таких маленьких, но многочисленных схваток складывались боевые будни группы в рейде.

☆

Разгром бобруйской группировки противника создал благоприятные условия для выполнения 1-м Белорусским фронтом новой, еще более сложной задачи. Теперь, нанося удар частью сил непосредственно на Минск, фронт главные усилия сосредоточивал на направлении Слуцк, Барановичи, чтобы отрезать пути отхода противника на юго-запад, громить его подходящие резервы и не давать ему возможности стабилизировать фронт.

28 июня командующий 1-м Белорусским фронтом отдал распоряжение, в котором потребовал от нашей группы, стремительно преследуя противника в западном направлении, овладеть рубежом Шишицы, Слуцк, Погост.

В 17 часов того же дня задачи были поставлены соединениям КМГ. Замысел состоял в том, чтобы в ходе преследования окружить и уничтожить противника в районе Слуцка. 30-й кавалерийской дивизии предстояло нанести удар по Слуцку с севера, а передовым отрядам овладеть Шишицами. 10-я гвардейская кавалерийская дивизия должна была, преследуя противника вдоль шоссе Бобруйск — Слуцк, атаковать город с северо-востока.

1-му механизированному корпусу, развивая наступление вдоль железной дороги, надлежало нанести удар по городу с юго-востока, одной бригадой захватить Погост, обеспечивая действия группы с юга. 9-я гвардейская кавалерийская дивизия должна была атаковать Слуцк с юго-запада.

Выполняя поставленную задачу, 9-я кавалерийская дивизия уже к 22 часам 28 июня вышла к р. Орессе, на которой все переправы были уничтожены отступающим противником. Для их наводки пришлось привлечь все саперные подразделения дивизии и сотни конников. Форсировав реку, войска группы в течение 29 июня неотступно преследовали противника, выбили его из внешних оборонительных рубежей на подступах к Слуцку, передовыми отрядами подошли к окраинам города с севера, востока и юго-востока.

Передовой отряд 9-й гвардейской кавалерийской дивизии — 32-й кавалерийский полк — подошел к Слуцку еще утром 29 июня. Командир дивизии генерал-майор И. В. Тутаринов немедленно выслал ему в поддержку 151-й танковый полк. Это позволило уже к 10 часам ворваться на юго-восточную окраину города, захватить железнодорожный разъезд и уцелевший мост на р. Случь, по которому затем переправились главные силы 9-й гвардейской кавалерийской дивизии. Однако развить успех в этот день не удалось.

Всю ночь противник освещал местность и вел интенсивный артиллерийский и пулеметно-минометный огонь. С рассветом 30 июня, после мощного артиллерийского налета, войска группы атаковали Слуцк с трех направлений.

Преодолевая отчаянное сопротивление врага, кавалерийские, мотострелковые и танковые части ворвались в город и завязали уличные бои. До полка пехоты при поддержке артиллерии и танков противника контратаковали 9-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию и оттеснили ее к центру города. Но в это время кавалеристам неожиданно помог артиллерийский полк вырвавшейся вперед 15-й стрелковой дивизии, который поддержал казаков огнем орудий прямой наводкой. Контратака противника захлебнулась.

Жаркий бой шел и на северной окраине города, атакованной полками 10-й гвардейской кавалерийской дивизии. Врага приходилось выбивать буквально из каждого дома. Группа гитлеровцев, засевшая в доме, расположенном на одном из перекрестков, оказывала наступающим особенно ожесточенное сопротивление, простреливая улицу огнем из пулеметов и автоматов. Тогда командир отделения второго эскадрона 138-го кавалерийского полка младший сержант Шестеркин с казаками Болтневым и Спнявским пробрались дворами к дому и через окна забросали гитлеровцев гранатами. Шесть солдат было убито, одиннадцать сдалось в плен. Атака продолжалась. С подходом передовых частей 28-й армии сила наших ударов возросла. Вскоре вражеский гар-

низон стал группами отходить из города, оставляя на своем пути большое количество убитых, раненых и разбитой техники. В 11 часов 30 минут 30 июня Слуцк был полностью очищен от врага.

За успешные действия в боях с немецко-фашистскими захватчиками по освобождению г. Слуцка 10-й гвардейской кавалерийской дивизии приказом Верховного Главнокомандующего было присвоено наименование «Слуцкая».

Освобождение Слуцка открыло возможности для нового броска группы в глубокий оперативный тыл противника.

1 июля Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский приказал 4-му гвардейскому кавалерийскому корпусу преследовать противника в направлении Копыль, Бобовня, Городея, Мир и к исходу 3 июля овладеть районом Столбцы, Городея, Несвиж, чтобы перехватить важнейшую коммуникацию Минск — Барановичи и воспрепятствовать отходу на юго-запад группировки противника, теснимой гигантской дугой наступающих фронтов. 1-й механизированный корпус был нацелен на захват Барановичей.

В соответствии с этим распоряжением в 6 часов 1 июля командиры соединений группы получили следующие задачи: 30-я кавалерийская дивизия — к исходу 2 июля овладеть г. Столбцы, 10-я гвардейская кавалерийская дивизия, преследуя противника в направлении Несвиж, Городея,— освободить населенный пункт Мир, 9-я гвардейская кавалерийская дивизия оставалась на первом этапе во втором эшелоне.

Следует отметить, что сопротивление и активность противника заметно возросли. Его авиация все чаще стала появляться над полем боя и наносить по боевым и предбоевым порядкам группы бомбоштурмовые удары. Немецкая воздушная разведка непрерывно следила за нашим продвижением, и, чтобы не допустить ударов авиации, обмануть противника, мы прибегали к различным мерам, разжигали костры перед тем, как оставить места наших коротких ночных привалов, и затем с удовольствием прислушивались к бомбовым ударам противника по этим районам и ожесточенной стрельбе гитлеровских частей, спешно подтягиваемых туда.

Днем двигались в построениях, широко рассредоточенных по фронту и глубине, максимально использовали для маскировки лесные массивы. Неутомимые труженики По-2 периодически облетали места нашего расположения и с небольшой высоты замечали все, что было плохо замаскировано. После такой проверки вражеские самолеты не могли нас обнаружить и разлетались в стороны искать исчезнувших конников. Но бывало и так, что днем уйти от вражеской авиации не удавалось. Тогда все кругом гудело, рвалось. Только быстрый маневр, высокая тактическая подвижность, широкое рассредоточение исключали большие потери от ударов с воздуха.

События на этом этапе развивались так.

Утром 1 июля 30-я Краснознаменная кавалерийская дивизия генерал-майора В. С. Головского, встретив упорное сопротивление, отбивала контратаки пехоты и танков противника в населенном пункте Евсеевичи, сломив сопротивление гитлеровцев, энергично преследовала их и в 16 часов с ходу овладела Бобовней.

10-я гвардейская кавалерийская дивизия, продвигавшаяся по сильно заболоченной местности, только к вечеру смогла подойти к населенному пункту Копыль. Это вынудило ускорить ввод 9-й гвардейской кавалерийской дивизии, которая к исходу дня вышла в район Думичей. Командир дивизии генерал-майор И. В. Тутаринов переправил через р. Выня 151-й танковый полк с десантом и приказал ему к рассвету 2 июля овладеть крупным населенным пунктом Мир.

Стремительно развивая наступление, полк на рассвете нанес внезапный удар по населенному пункту Мир и, разгромив вражеский гарнизон, успешно выполнил задачу. Однако командиру полка, видимо, это показалось недостаточным. Оставив в городе приданные подразделения десанта, он бросил полк на г. Столбцы, куда в это время подходили части 30-й кавалерийской дивизии.

В 10 часов 2 июля 30-я кавалерийская дивизия совместно с 151-м танковым полком атаковала город. Танкисты нанесли удар с юго-запада, а кавалеристы — с юго-востока. Гитлеровцы опомнились только тогда, когда танки уже грохотали на улицах, ведя огонь с ходу. Беспорядочно отстреливаясь, противник отошел на северную окраину, бросая артиллерию и машины. Казаки 138-го кавалерийского полка Сербу и Попов во время атаки ворвались в блиндаж, в котором находились 14 немецких солдат. Сербу бросил одну за другой две гранаты, а затем отважные казаки выскочили из блиндажа. Раздались взрывы, а вслед за ними стоны и крики о сдаче в плен.

В первой половине дня город был освобожден. Лишь небольшим группам противника удалось укрыться в прилегающих лесах. Было уничтожено до батальона пехоты, захвачен бронепоезд, 2 железнодорожных эшелона, 36 зенитных орудий и 5 складов с военным имуществом. Более 300 солдат и офицеров сдались в плен.

Упорные бои разгорелись также за населенные пункты Несвиж и Городея. 128-й танковый полк с десантом в 70 автоматчиков, действуя в авангарде 10-й гвардейской кавалерийской дивизии, в 4 часа 2 июля атаковал Несвиж. Однако противнику удалось остановить наступление. Тогда командир полка решил обойти Несвиж и атаковать его с севера. Как только обозначился обход, противник, опасаясь окружения, оставил населенный пункт. Этот же полк к полудню овладел Городеей.

При взятии Городеи получилось так, что пять гвардейцев-казаков из 10-й гвардейской кавалерийской дивизии вырвались вперед и завязали неравный бой с гитлеровцами. Истекая кровью,

кубанцы бились до последнего. Подмога подоспела уже тогда, когда из пяти казаков в живых осталось двое. Они и рассказали о своих погибших товарищах. Когда у казаков не осталось ни одного патрона, врагам удалось схватить троих. Гитлеровцы стали пытать гвардейцев, но и стона не добились. Первым мученическую смерть принял парторг эскадрона гвардии старший сержант Кравченко. Ему выкололи глаза, его топтали сапогами. Гвардейца Ермилова фашисты поставили к дереву. Гитлеровский офицер стал стрелять, нарочно не попадая в казака. Затем прострелил ему ноги. Гвардеец упал. Но враги не увидели в глазах героя ничего, кроме лютой ненависти. Тогда лежащий Ермилов был раздавлен гусеницами танка. Геройской смертью погиб и третий казак — Тарасов.

В тот же день, 2 июля, сложил свою голову командир 40-го кавалерийского полка 10-й гвардейской кавалерийской дивизии Илья Иванович Головащенко. Приняв полк в ноябре 1942 г. в тяжелых боях под Камыш-Буруном, Головащенко мужественно делил с казаками все опасности и тяготы войны. Это был боевой командир, из тех, которых казаки называли батей. Конники навсегда сохранят в памяти светлый образ умного, храброго и отзывчивого командира, погибшего в боях за освобождение Советской Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

Казаки похоронили героев с почестями. Над их могилами они клялись быть такими же стойкими, самоотверженными, как парторг Кравченко, коммунист Ермилов, беспартийный большевик Тарасов, любимый командир Головащенко. Больше жизни своей они берегли воинскую честь и погибли, как герои, защищая свою Родину.

4-й гвардейский кавалерийский корпус немногим более чем за сутки, несмотря на сильное воздействие авиации противника, прошел с боями около 100 км и освободил Столбцы, Мир, Городею, Несвиж на сутки раньше, чем было приказано командующим фронтом.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Г. К. Жуков внимательно следил за действиями корпуса и, получив донесение о выполнении нами задачи, направил представителей для проверки. Помнится, добраться до нас удалось только одному — полковнику Смирнову — на самолете По-2.

Наши действия на этом этапе были высоко оценены в приказе Верховного Главнокомандующего от 2 июля:

«...Юго-западнее Минска войска 1-го Белорусского фронта стремительным ударом конницы, танковых соединений и пехоты овладели городами и важными узлами коммуникаций Столбцы, Городея и Несвиж, отрезав тем самым пути сообщения немцев из Минска на Брест и Лунинец.

В этом стремительном маневре и боях за города... Столбцы, Городея и Несвиж отличились... кавалерийские соединения ку-

банских казаков генерал-лейтенанта Плиева, генерал-майора Тутаринова, генерал-майора Головского, полковника Поприкайло и других.

...За отличные боевые действия объявляю благодарность.., войскам, участвовавшим в боях за овладение городами... Столбцы, Городея и Несвиж» [1].

В этот же день 3-й гвардейский кавалерийский корпус 3-го Белорусского фронта вышел в район Молодечно и овладел населенным пунктом Красное [2], отрезав пути сообщения гитлеровцев из Минска на Вильнюс и Ригу. Теперь уже все пути отхода минской группировки противника на северо-запад, запад и юго-запад оказались перерезанными. Это создало необходимые условия для быстрого освобождения столицы Белоруссии (3 июля) и полного окружения крупной группировки гитлеровцев в районе Минска (с 4 июля). В кольцо окружения в этом районе попало, как известно, более 20 немецко-фашистских соединений, а также значительное количество других специальных частей врага. Внешний фронт окружения к этому времени был отнесен на подступы к Барановичам. 2-й Белорусский фронт и часть войск 1-го и 3-го Белорусских фронтов приступили к ликвидации окруженного противника, основные же силы этих фронтов устремились к государственной границе.

Нам же нужно было готовиться к отражению атак противника, который, стремясь сохранить условия для оперативного маневра, не мог, конечно, примириться с потерей важнейшей коммуникации. И те самые танкисты, мотострелки и конники, которые еще сутки назад проявляли высокое мастерство в ведении высокоманевренного наступательного боя, с такой же настойчивостью и умением взялись за создание прочной обороны, сосредоточивая усилия прежде всего на удержании Столбцов, Городеи, Несвижа, Мира. Героями дня стали неутомимые труженики — мастера лопаты, минеры, саперы, искусные умельцы, способные в интересах обороны мастерски использовать любую складку местности. Выполнение планов оборонительных работ стало на время главной боевой задачей, и командиры докладывали о числе отрытых окопов, установленных мин и погонных метрах лесных завалов точно так же, как несколько дней тому назад — об уничтоженных гитлеровцах и освобожденных населенных пунктах.

Огромную работу провели в эти дни политорганы, партий-

[1] «Приказы Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина по войскам Красной Армии и Военно-Морского Флота с 25.1.43 г. по 3.9.45 г.». М., 1949, стр. 284—285.

[2] Город Красное 2 июля был взят частями 3-го гвардейского механизированного корпуса (см. стр. 86 и 606—607). Однако гитлеровцы вновь заняли город, который после упорных боев окончательно был освобожден 5 июля 3-м гвардейским кавалерийским корпусом.— *Прим. ред.*

ные и комсомольские организации. Они сумели мобилизовать воинов на упорную самоотверженную оборону, на готовность любой ценой удержать занимаемые рубежи, но не пропустить противника на Барановичи.

Самое серьезное внимание уделялось организации системы огня всех видов, его умелому сочетанию с заграждениями, подготовке быстрого и смелого маневра резервами. Командиры, офицеры штабов и политработники большую часть времени проводили на рубежах обороны, еще и еще раз проверяя ее готовность, способность противостоять ударам противника до подхода главных сил фронта.

Помнится, именно в эти дни нам довелось впервые встретиться с славным партизанским вожаком П. Вершигорой, который, выполняя указание партизанского центра, получал у нас боевую задачу.

Надо сказать, что наше взаимодействие с партизанами на всем протяжении Белорусской операции было безупречным. А воинам группы, которые первыми вступали в районы действий народных мстителей, пожалуй, особенно хорошо было видно, какую огромную силу они представляли. Результаты действий партизан мы видели повсюду. В партизанские зоны, где фашистский оккупационный режим был ликвидирован и была восстановлена Советская власть, противник очень опасался заходить. Дороги на границах зон были перекопаны глубокими рвами, опутаны колючей проволокой. Для обходов использовались тропы, проложенные партизанами по труднопроходимой местности и тщательно контролируемые ими.

С выходом в партизанские зоны наших войск представители партизан встречали их, докладывали об обстановке, выделяли проводников, оказывали другую помощь, пополняли наши ряды за счет партизанской молодежи.

В ходе преследования противника партизаны расчищали нам дороги, снимали мины, показывали тайные тропы для ударов по флангам и тылу противника, захватывали переправы, вели разведку. О всех передвижениях вражеских войск партизаны немедленно сообщали нашему командованию. Разрушая коммуникации и линии связи, партизаны срывали плановые переброски резервов противника к линии фронта, затрудняли отход его частей.

Огромную помощь в борьбе с отходящим противником оказали нам партизаны и на этот раз. Севернее района, занятого группой, простирались обширные болота. Вполне вероятно было, что гитлеровцы попытаются прорваться именно там. Партизаны получили от нас боеприпасы, оружие и приказ: не пропустить через болота ни одного гитлеровца. Последующие события показали, что они эту задачу выполнили с честью.

На рассвете 3 июля до двух батальонов противника с 40 танками атаковали эскадроны 10-й кавалерийской дивизии

в Несвиже. Добившись успеха, противник подошел к Городее. Здесь он наткнулся на 24-й кавалерийский полк. Поддержанный артиллерией дивизии, полк отбросил гитлеровцев. Тогда они, обойдя Городею, двинулись на Столбцы. Другая колонна пехоты с 20 танками двинулась на Столбцы в обход Городеи с севера, но была уничтожена ударом 24-го кавалерийского полка, поддержанного артиллерией.

Контратаки противника с севера и юга не прекращались в течение всего дня, это заставило нас позаботиться об усилении боевого порядка корпуса со стороны Несвижа и освобождении этого населенного пункта. Такую задачу получил 30-й кавалерийский полк 9-й кавалерийской дивизии, усиленный 1815-м самоходным артиллерийским полком. На рассвете 4 июля Несвиж был освобожден. Но вскоре гитлеровцы сильной контратакой вновь захватили Несвиж, однако дальше не прошли — севернее населенного пункта 30-й кавалерийский полк отбил все атаки врага.

В течение 3 июля части 30-й кавалерийской дивизии, оборонявшие Столбцы, несколько раз были атакованы значительными силами противника. Особенно настойчивые атаки проводились с севера, чтобы прорваться на Барановичи.

На следующий день с утра гитлеровцы возобновили атаки на Столбцы, на этот раз одновременно с двух направлений: до полка пехоты с танками и самоходными орудиями наступало с севера и свыше батальона пехоты на бронетранспортерах с 8 самоходными орудиями — с запада. 127-й и 133-й кавалерийские полки, занимавшие круговую оборону в Столбцах, встретили противника организованным огнем. Завязался упорный бой. В 18 часов гитлеровцы дополнительно ввели в бой более полка пехоты с 20 танками. 30-я кавалерийская дивизия оказалась в окружении, кольцо которого неумолимо сжималось.

Командиру 9-й гвардейской дивизии было приказано немедленно выслать на помощь соседу 34-й кавалерийский и танковый полки, туда же из резерва корпуса направлялись два дивизиона гвардейских минометов и истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Огневой налет «катюш», плотный огонь противотанковой артиллерии и последующая дружная атака, предпринятая гвардейцами 34-го кавалерийского полка с танками и силами, находящимися в окружении, внесли перелом в ход боя. Противник, потеряв до трехсот солдат и офицеров, десятки танков и САУ, был отброшен. Его атаки временно прекратились. Остальные дивизии корпуса также удержали занимаемые рубежи до исхода 4 июля — до подхода с востока передовых частей 48, 65 и 28-й армий. Отходящие из Минска войска противника через рубеж, занятый корпусом, так и не прорвались на юго-запад.

☆

4 июля Ставка Верховного Главнокомандования потребовала от командующего 1-м Белорусским фронтом развивать наступление на юго-запад, нанеся главный удар в направлении Барановичи, Брест, овладеть Барановичами, Лунинцом и не позднее 10—12 июля выйти на рубеж Слоним, р. Шара, Пинск. В дальнейшем овладеть Брестом и захватить плацдарм на р. Западный Буг. Ликвидацию барановичской группировки противника командующий фронтом решил осуществить ударом армий с фронта при одновременном охвате подвижными войсками с флангов для окружения противника. Конно-механизированной группе (в составе 4-го гвардейского кавалерийского корпуса и введенного в состав группы 9-го танкового корпуса) было приказано перейти в решительное преследование противника в общем направлении на Полонечка, Столовичи и, взаимодействуя с 1-м механизированным корпусом, по-прежнему наступавшим с юго-востока, овладеть Барановичами.

Группа приступила к выполнению задачи 5 июля, имея в резерве 30-ю кавалерийскую дивизию, которой было приказано продвигаться за левофланговым 9-м танковым корпусом.

Авиация 16-й воздушной армии группами штурмовиков под прикрытием истребителей непрерывно поддерживала действия конно-механизированной группы. Особенно хорошо и своевременно помогли нам штурмовики эффективными ударами по танкам и пехоте при отражении контратак.

Вообще надо сказать, что на всех этапах успешные действия конно-механизированной группы в значительной степени обеспечивались надежным прикрытием и поддержкой нашей авиации. Группе была придана 299-я штурмовая авиационная дивизия. Кроме того, ее действия в разные периоды поддерживало от одного до двух штурмовых авиакорпусов. По 12—16 штурмовиков сопровождали конников и танкистов, подавляя на их пути отдельные очаги сопротивления гитлеровцев. На дорогах, переправах и в других узких местах удары авиации создавали «пробки», срывали планомерный отход врага, превращая его в беспорядочное, часто паническое бегство.

В течение 5 июля, отбивая ожесточенные контратаки 110-й пехотной дивизии, усиленной большим количеством танков, группа пробилась к населенным пунктам Юревичи и Полонечка.

Между тем гитлеровцы непрерывно усиливали барановичскую группировку. Кроме ранее переброшенных в район Барановичей 4-й танковой и 1-й кавалерийской венгерских дивизий и остатков отошедших четырех пехотных дивизий, к 5 июля здесь появились 28-я легкая пехотная дивизия и 3-я кавалерийская бригада.

С утра 6 июля конно-механизированная группа после сильного артиллерийского налета и бомбо-штурмового удара 299-й штурмовой авиационной дивизией возобновила наступление

одновременно всеми соединениями. Пробиваясь с упорными боями в юго-западном направлении, соединения группы к исходу дня продвинулись на глубину до 20 км и перерезали дорогу Барановичи — Новогрудок. А авангардный батальон 95-й танковой бригады вышел на северные подступы Барановичей.

В то же время передовые части 65-й и 28-й армий подходили к городу с востока и юго-востока и находились от него в нескольких километрах. Командующий фронтом возложил освобождение Барановичей на эти армии, а конно-механизированной группе изменил задачу. Теперь она должна была, не ввязываясь в уличные бои в Барановичах, параллельно преследовать противника и к исходу 8 июля овладеть г. Слоним.

Противник, опасаясь обхода конно-механизированной группой всей барановичской группировки с северо-запада, дополнительно выдвинул против 4-го гвардейского кавалерийского корпуса до дивизии пехоты с группой танков и самоходок. Поэтому при переходе в дальнейшее наступление группа встретила сильное сопротивление. Гитлеровцы стремились любой ценой удержать занимаемые рубежи. На всем фронте наступления развернулись упорные бои. На позиции 181-го артиллерийско-минометного полка 9-й гвардейской кавалерийской дивизии прорвалось 18 танков, за которыми следовало более батальона автоматчиков. Артиллеристы замерли у орудий, хладнокровно поджидая врага. Когда танки подошли совсем близко, раздался первый залп. Сразу загорелось 6 танков. Противник не выдержал удара гвардейцев и поспешно отступил. Такие схватки беспрерывно разгорались по всему фронту.

Перелом наметился только к 3 часам 8 июля, когда сопротивление противника в ходе ночных боев было сломлено. Враг, прикрывая Барановичи с севера и широко применяя заграждения, начал отходить перед фронтом группы в западном и юго-западном направлениях. Начало отхода было немедленно замечено нашими разведчиками. Сбивая вражеские части прикрытия, группа стремительно двинулась вперед и к 9 часам перерезала железную дорогу Лида — Барановичи, глубоко охватив с северо-запада барановичскую группировку гитлеровцев. К этому времени главные силы 65-й и 28-й армий завязали бои на восточной и южной окраинах Барановичей. Вскоре этот важный «стратегический перекресток», как немцы называли город еще в первую мировую войну, крупный узел железных и шоссейных дорог был полностью очищен от противника.

За успешные действия в районе Барановичей 9-й гвардейской кавалерийской дивизии приказом Верховного Главнокомандующего было присвоено наименование «Барановичская».

В боях севернее Барановичей 7 июля смертью храбрых погиб на поле боя незадолго перед этим назначенный на должность командира 10-й гвардейской кавалерийской дивизии гвардии полковник Михаил Семенович Поприкайло. Это был мужественный

и храбрый командир, человек большого ума и тонкой души. 9 июля прах полковника Поприкайло был доставлен в Барановичи и похоронен с воинскими почестями.

Прорвавшись в оперативный тыл противника, конно-механизированная группа, набирая темпы и с ходу уничтожая и рассеивая части 48-й пехотной дивизии, стремительно продвигалась на Слоним. Уже к середине дня 9 июля, пройдя до 50 км и форсировав р. Иссу, 4-й кавалерийский корпус вышел на подступы к городу и охватил его с трех сторон.

9-й танковый корпус к 8 часам вышел к р. Иссе в районе Якимовичей. Преодоление болотистой поймы реки и ее форсирование затянулось до 14 часов, после чего корпус тоже устремился к Слониму.

Слоним обороняли отошедшие из Барановичей пехотные и кавалерийские части и подразделения, усиленные танками и артиллерией. Хорошо организованная система огня в сочетании с подготовленными к обороне реками Шара и Исса делали Слоним сильным узлом сопротивления. Группа начала атаку города в 17 часов 9 июля одновременно с трех направлений. Завязались упорные уличные бои, продолжавшиеся всю ночь и утром 10 июля.

138-й кавалерийский полк и дивизион противовоздушной обороны 30-й кавалерийской дивизии, выполняя самостоятельную задачу, в ходе боя оказались отрезанными от остальных частей. С флангов и тыла полк был внезапно атакован двумя батальонами пехоты противника, поддержанными тридцатью танками и бронемашинами. Казаки перешли к обороне. В этот критический для полка момент решающую роль сыграли высокая выдержка, организованность и боевое мастерство офицеров полка, непреклонная воля к победе и храбрость всего личного состава. Все попытки противника прорвать оборону и смять полк танками ни к чему не привели. В ходе боя орудийный расчет сержанта Колычева прямой наводкой подбил три немецких танка, но танки все же ползли на орудие. Расчет вел огонь до последней возможности и погиб под гусеницами вражеских танков.

Высокий образец отваги и находчивости проявил командир отделения 133-го кавалерийского полка этой же дивизии кандидат в члены партии старший сержант Василевский. Действуя со своим отделением в разведке, Василевский заметил замаскированный танк. Около танка находился экипаж. Василевский, подкравшись к экипажу, внезапным окриком «Руки вверх!» заставил немецких танкистов сдаться. В это время сидевший в башне танка вражеский стрелок открыл огонь по отделению. Командир отделения мгновенно бросил в танк гранату, заставив пулемет замолчать. Танк вместе с экипажем достался казакам в качестве заслуженного трофея.

После жестокого боя 10 июля Слоним был освобожден. 30, 32 и 34-му гвардейским кавалерийским полкам 9-й гвардейской кавалерийской дивизии и некоторым другим частям приказом

Верховного Главнокомандующего было присвоено наименование «Слонимских».

После взятия Слонима нас отделяло от государственной границы лишь немногим более 150 км. И все наши помыслы в последующие дни были направлены на то, чтобы побыстрее пройти эти километры и выйти на заветный рубеж.

11—15 июля группа успешно преследовала противника в юго-западном направлении, уничтожая остатки разбитых частей. В ходе преследования нередко возникали скоротечные бои. В одной из таких стычек отважно дрались расчеты орудий коммунистов Джераняна и Алексеева из 181-го артиллерийско-минометного полка 9-й гвардейской кавалерийской дивизии. В разгар боя орудия были внезапно, из-за рощи, атакованы тремя немецкими самоходками «фердинанд» в сопровождении пехоты. Расчеты Джераняна и Алексеева открыли огонь. Дальность стрельбы не превышала 150 м. Однако артиллеристам удалось сделать по четыре выстрела. Одна самоходка загорелась, другие ворвались на огневые позиции и раздавили орудия. Отскочив от орудий, расчеты залегли и открыли огонь из автоматов по вражеской пехоте, следовавшей за «фердинандами». Горстке героев-артиллеристов удалось уничтожить около 30 гитлеровцев. В этой стычке смертью храбрых погиб командир батареи капитан Мисюн.

В целом же в эти дни хотя гитлеровцы кое-где еще и пытались организовать сопротивление, однако уже не проявляли прежней стойкости и при первом решительном ударе обычно обращались в бегство, особенно если войска выходили на их фланги и в тыл.

16 июля Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский поставил войскам фронта новые задачи. Конно-механизированная группа должна была продолжать наступление в юго-западном направлении и овладеть г. Видомля (в 25 км к северу от Бреста), в дальнейшем выйти на р. Западный Буг в районе Ставы (северо-восточнее Янув-Подляски) и захватить переправы через реку. Группа, выполняя задачу, 17 июля овладела г. Видомля. А 30-я и 9-я кавалерийские дивизии совершили смелый стремительный бросок на запад и в этот же день перерезали железную дорогу Белосток — Брест, достигли пограничной р. Западный Буг, форсировали ее и захватили плацдарм уже на польской земле.

Помню, какой радостью светились усталые, запыленные и загорелые лица бойцов на последних километрах длинного боевого пути от Кубани до государственной границы. Колонны конников шли переменным аллюром — рысь — шаг, рысь — шаг. И когда переходили на шаг, гремела песня, лихая кавалерийская песня, с посвистом и задором. Мирные жители пограничных сел и деревень выходили на дорогу, на расписных полотенцах выносили хлеб-соль, как исстари повелось встречать дорогих сердцу воинов-освободителей.

Но вот впереди загремели выстрелы, на полуслове оборвалась

песня. Части с ходу развернулись в боевой порядок, смяли вражеские заслоны. Вскоре показались полуразрушенные доты, заросшие лебедой и чертополохом. И наконец — тихие воды пограничного Буга.

Бойцы пригоршнями пили прозрачную воду, поили лошадей. А пока к реке подходили все новые и новые части, передовые подразделения где вброд, где вплавь переправлялись на правый берег.

Глубоко обойдя Брестский укрепленный район с северо-запада, воины группы первыми на западном стратегическом направлении вышли на государственную границу.

На плацдарме южнее Ставы кавалерийские дивизии подверглись ожесточенным атакам оперативных резервов противника. Завязался ожесточенный, неравный бой, кавалеристы оказались в окружении. Кольцо окружения постепенно сжималось, силы противника увеличивались. Войска 1-го Белорусского фронта находились далеко позади и не могли нам помочь, а остальные части группы были скованы другими силами врага...

Наша оборона опиралась на старый пограничный укрепрайон. Для противодействия ударам противника, которые наносились с различных направлений, из подразделений реактивной, ствольной, зенитной артиллерии, танков и самоходно-артиллерийских установок была создана огневая группа. Нам удавалось ее своевременно перебрасывать на самый угрожаемый участок кольца окружения, и мощь огня этой группы, помноженная на героизм и самоотверженность воинов, позволяла отбивать самые яростные удары.

Очень хорошо помогала нам авиация фронта. Дивизия самолетов По-2 регулярно доставляла по ночам боеприпасы и горючее, обратным рейсом забирала раненых. Но возможности ее были ограниченны. Уже на третий день боеприпасов и горючего стало не хватать. Скопились сотни раненых. Все усилия авиации могли помочь нам продержаться сутки-двое, а обеспечить всем необходимым для более длительной обороны и выхода из окружения она не могла.

Гитлеровцы, сжимая кольцо окружения, забрасывали нас листовками, в которых писали о бесполезности дальнейшего сопротивления и предлагали сдаться в плен, но листовки имели обратное действие. Казаки отвечали массовым героизмом.

На четвертый день положение стало еще более тяжелым. Связь со штабом фронта временно прекратилась. А когда она была восстановлена, то передали, что по указанию Ставки группе предоставляется полная свобода в выборе способов дальнейших действий, лишь бы она сохранила свои силы и боеспособность до подхода главных сил фронта.

Как обычно в такой критической обстановке, вносились десятки предложений. Вести бой в окружении до последнего патрона и бойца в ожидании подхода армий фронта? Но надо было сохранить силы и боеспособность, а надолго нас не хватило бы.

Прорываться на восток, на соединение с войсками фронта? Но противник ожидал от нас именно таких действий и хорошо подготовился к ним, в неравном бою с его превосходящими силами наши дивизии были бы уничтожены.

Было принято решение: прорваться на запад и уходить еще глубже в оперативные тылы врага. В этом было наше спасение. С запада нас сковывали значительные силы гитлеровцев. Надо было их обмануть. Мы решили ввести противника в заблуждение, демонстрируя выход на восток. Результат превзошел самые смелые ожидания. Противник снял с западной стороны кольца основные силы и перебросил их на восточную сторону. Теперь нужно было лишь выбрать ночь потемнее.

И вот такая ночь наступила. Плотная завеса дождя и чернота ночи скрывали человека в двух-трех шагах. Пришлось много потрудиться, чтобы организовать выход из окружения в такую погоду.

Большую работу проделали офицеры штаба 4-го гвардейского кавалерийского корпуса во главе со своим начальником генерал-майором И. Ф. Хлебтовским, который вынес в эти дни на своих крепких плечах нелегкое бремя.

Войска были построены ромбом. В голове и на флангах поставлены лучшие полки. В центре — раненые и все остальные. Выход из окружения начали без огневого налета. Шла обычная перестрелка. Наше охранение и авангарды сбивали заслоны врага. Дивизии, не оставив ни одного раненого, организованно вышли из окружения и углубились в лесные массивы, держа путь на запад.

Гитлеровцы, видимо, решили, что ночью удалось выскользнуть лишь небольшой группе, и, чтобы покончить с окруженными, с утра начали наступление по всему фронту. Густой туман способствовал «успеху» их операции. Много гитлеровцев полегло в этом необычном сражении от своих же бомб, снарядов и пуль. А когда поняли, что бьют сами себя, пустились в преследование, но было уже поздно. Наши дивизии ушли далеко на запад и вновь обрели свободу действий.

Почти шесть суток шли ожесточенные бои, завершившиеся нашей победой. 4-й гвардейский кавалерийский корпус не отступил ни на шаг, не потерял своей боеспособности вопреки заявлениям гитлеровского радио о полном его уничтожении.

21 июля соединения 65-й армии, захватив узел железных дорог Черемха, вышли к Западному Бугу правее 4-го кавалерийского корпуса. 70-я армия 22 июля передовыми частями перерезала шоссе западнее Бреста. Брест оказался в полуокружении. Для его полного окружения от армий требовалось еще одно усилие, чтобы соединиться с конно-механизированной группой в районе Янув-Подляски. Кольцо замкнулось 25 июля. А через три дня после ожесточенных боев войска 28-й и 70-й армий штурмом овладели Брестом.

К исходу 31 июля 1-й Белорусский фронт вышел на линию Сураж, Семятиче, Седлец, восточнее Варшавы и далее по р. Висле до Юзефува. На следующий день на Висле были захвачены мангушевский и пулавский плацдармы.

В дальнейшем в составе 1-го Белорусского фронта танкисты и конники обороняли восточный берег Вислы на участке Карачев (20 км юго-восточнее Варшавы), устье р. Вельче.

22 августа корпус сдал участок обороны 1-й польской дивизии, через двое суток сосредоточился в районе Любартовского, Люблина и приступил к подготовке для переброски по железной дороге в состав 2-го Украинского фронта для нового рейда.

Трудно коротко рассказать о массовом подвиге воинов конно-механизированной группы войск в Белорусской операции. Мой очерк — лишь небольшая дань героическим действиям солдат и офицеров группы на полях Белоруссии.

Я склоняю голову перед памятью навечно оставшихся в белорусской земле бойцов и командиров Красной Армии, погибших за освобождение белорусского народа от немецко-фашистских оккупантов.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ

К. Н. ГАЛИЦКИЙ

ГВАРДЕЙЦЫ 11-Й В БОЯХ ЗА БЕЛОРУССИЮ

В Белорусской операции, проведенной летом 1944 г., мне довелось командовать 11-й гвардейской армией, действовавшей в составе 3-го Белорусского фронта.

Армия прибыла в состав фронта из резерва Ставки Верховного Главнокомандования. Находясь в резерве Ставки в течение полутора месяцев (с 10 апреля по 24 мая), армия располагалась в лесистых районах Невеля. Это время мы использовали для подготовки к новым серьезным боям. Главное внимание было обращено на боевую подготовку и сколачивание частей и подразделений. Учились все — рядовые, сержанты и старшины, офицеры и генералы. Темами занятий были: прорыв сильно укрепленной и глубоко эшелонированной обороны противника, форсирование водных преград, бой в лесу, бой за населенные пункты и др.

Много внимания уделялось обучению только что прибывшего пополнения в количестве 20 тыс. человек, многие из них были слабо обучены. Да и опытным бойцам и командирам всех степеней требовалось постоянно совершенствовать свои знания, изучать новую боевую технику, в частности только что полученную 76-мм пушку образца 1943 г., самоходную артиллерию, автоматы ППС, винтовку с неснимающимся штыком и многое другое.

Процесс изучения техники и ее применения в бою — дело хлопотное и трудное. Никто для нас не создавал специальных полигонов, все надо было освоить в условиях, близких к боевым. Поэтому проводились учения стрелковых подразделений (роты, батальона) и частей с боевыми артиллерийскими стрельбами, совместно с танками, самоходными орудиями, инженерными войсками. На учениях отрабатывались вопросы взаимодействия всех родов войск в бою. Бойцы и офицеры нового пополнения, в значительной части не участвовавшие в боях, были «обстреляны» артиллерией и «обкатаны» танками.

На командирских занятиях и штабных учениях офицерский состав тренировался в организации боя и управлении им.

К началу операции войска армии были укомплектованы, полностью вооружены, обучены и подготовлены к ведению боевых действий. Численность стрелковых дивизий была доведена до 7200—7300 человек.

25 мая командование армии получило распоряжение начальника Генерального штаба о переводе ее в район южнее Лиозно. Переход предлагалось совершить комбинированным способом — стрелковые соединения походным маршем, а танки, артиллерия — на тракторной тяге и вся тяжелая боевая техника — по железной дороге.

С целью выхода на оршанское направление армия совершила из района Невеля в течение 10—12 ночных переходов 300-километровый марш и к 12—13 июня вышла в район сосредоточения — в леса юго-западнее Любовичей. Марш соединений армии проходил в трудных дорожных и метеорологических условиях. В полосе движения армии имелось всего три дороги. Беспрерывно шли дожди. Чтобы скрыть от противника передвижение 100-тысячной армии вдоль фронта, потребовались тщательная организация марша, искусное использование всех возможностей, большое напряжение войск. Южнее Западной Двины полоса движения с севера на юг проходила всего лишь в 30—40 км от линии фронта.

Близость фронта увеличивала опасность нападения вражеской авиации на войска армии во время привалов и марша. Поэтому были приняты меры предупреждения — во всей полосе движения заблаговременно организовали противовоздушную оборону средствами армии. С воздуха марш войск прикрывался истребительной авиацией фронта.

Этот марш явился хорошей тренировкой для наших соединений и частей. Войска прибыли в новый район боеспособными и в полной боеготовности. «Марш частей и соединений армии,— оценивал штаб 3-го Белорусского фронта,— был организован и совершен образцово, и войска своевременно вышли в указанный им район сосредоточения» [1].

[1] Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 48.

Задача на наступление войск 11-й гвардейской армии в Белоруссии была получена нами в ходе марша. Армии предписывалось нанести удар в полосе Минской автомагистрали в направлении Толочин, Борисов. Ближайшая задача — прорвать оборону противника на участке Остров-Юрьев, Кириево (протяжением 10,5 км) и во взаимодействии с войсками 5-й и 31-й армий разгромить оршанско-богушевскую группировку противника. Войска армии к исходу третьего дня должны выйти на рубеж Яново, Молотаны, Ламачин, а в дальнейшем, развивая энергичное наступление вдоль автомагистрали, к исходу десятого дня выйти на Березину в районе Борисова. После выхода на рубеж Забежница, Шалашино в целях развития успеха нам предписывалось ввести в прорыв 2-й гвардейский танковый Тацинский корпус, имея в виду силами этого корпуса из района западнее Орши нанести удар на юг и к исходу четвертого дня овладеть районом Староселье.

Справа в направлении Богушевск, Сенно наступала 5-я армия под командованием генерал-лейтенанта Н. И. Крылова. Сосед слева — 31-я армия, которой командовал генерал-лейтенант В. В. Глаголев, наносила удар по обоим берегам Днепра в направлении Добрны. Она имела задачу к исходу третьего дня овладеть Оршей.

Таким образом, армия должна была наступать вдоль Минской автострады, в полосе фронта шириною около 40 км. До прибытия сюда нашей армии на фронте западнее Добромысль, восточнее Бабиновичи, Протасово, Кириево готовили плацдарм для наступления части 152-го укрепленного района, 88-й и 192-й стрелковых дивизий 31-й армии.

Но как только прибыли на это направление командование и штаб 11-й гвардейской армии, эти дивизии распоряжением командующего 3-м Белорусским фронтом были временно подчинены мне, а 152-й укрепленный район включен в состав армии.

В районе сосредоточения армия была усилена соединениями и частями, прибывшими из резерва Главного командования: 5-м артиллерийским, 2-м гвардейским танковым Тацинским корпусами, 2-й гвардейской штурмовой инженерно-саперной бригадой и другими специальными частями.

Подготовка операции по прорыву глубоко эшелонированной обороны противника требует проведения большой, кропотливой и трудной работы в строго ограниченное время. Чтобы читатель мог представить себе, в чем заключается эта подготовительная работа, я позволю себе вкратце изложить объем работы, который должны были выполнить войска и прежде всего командование армии, командиры соединений и частей, штабы и политорганы в течение 10—15 дней с момента выхода войск в район сосредоточения.

За это время предстояло детально изучить противника, спланировать операцию и организацию боя во всех звеньях коман-

дования армии, организовать на местности взаимодействие всех родов войск, подготовить плацдарм для наступления, организовать управление, произвести смену двух дивизий 31-й армии и развертывание войск 11-й гвардейской в исходном положении и, наконец, создать необходимые запасы боеприпасов, продовольствия, материально-технического снабжения.

Опережая несколько события, следует заметить, что все эти задачи, несмотря на их сложность, были полностью решены.

По данным войсковой и воздушной разведки, радиоразведки, донесениям партизан было установлено, что противник в тактической зоне обороны создал две оборонительные полосы. Первая — на глубине 3—7 км — имела две-три позиции, оборудованные двумя-тремя линиями траншей. Она прикрывалась проволочными заграждениями, минными полями и противотанковым рвом. Вторая полоса обороны, проходившая на удалении 5—12 км от переднего края, была подготовлена слабее, чем первая. Тыловой рубеж обороны проходил по западному берегу р. Оршицы. Таким образом, противник имел 11—14 линий траншей, эшелонированных в глубину на 20—25 км и прикрытых 6—7 рядами проволочных заграждений разного типа и сплошными противотанковыми и противопехотными минными полями [2].

Сильно заболоченная местность вдоль Минской автострады создавала нам дополнительные трудности в применении танков и осуществлении маневра артиллерии колесами и, наоборот, способствовала созданию прочной обороны противника.

Немецко-фашистские войска, используя специальные подразделения, советских военнопленных и местное население, создали большое количество дзотов, дотов и установили бронеколпаки. Многие стрелковые ячейки и пулеметные точки имели броневые щитки. Жилые блиндажи с перекрытием в 5—6 бревенчатых накатов были усилены изнутри броневыми плитами, в зависимости от местности они нередко имели амбразуры для ведения огня. Для укрытия личного состава применялись также «лисьи норы» — глубоко врытые в толщу земли подземные щели. Передний край оборонительного рубежа немцев проходил западнее Добромысль, Бабиновичи, Протасово, Остров-Юрьев, Кириево.

2 июня мы с начальником штаба генералом И. И. Семеновым, командующими и начальниками родов войск генералами П. С. Семеновым, В. И. Зверевым и полковником А. Н. Бурлыга побывали на командных пунктах командиров 88-й и 192-й стрелковых дивизий и коменданта 152-го укрепленного района, где и ознакомились с обороной противника.

На рассвете следующего дня мы вновь прибыли на наблюдательный пункт командира 88-й дивизии, чтобы тут же направиться к первой линии траншей. В течение дня мы исходили всю первую траншею. На намеченном командующим фронтом

[2] Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 68.

участке прорыва видели остовы десятков наших сгоревших в предыдущих боях танков. Эта картина наводила на грустные размышления и напоминала о неудачах на этом направлении зимой 1944 г.

Нами было установлено, что противник с целью повышения устойчивости и живучести оборонительных позиций создал их в комбинации траншейной обороны с системой опорных пунктов. Основные из них — Остров-Юрьев, Осинстрой, Ласырщики, Пущан, Кирнево. Опорные пункты, имея круговую оборону, находились в тесной связи с определенными участками обороны, а в ряде мест являлись составной частью полосы обороны.

В тылу тактической зоны обороны находился г. Орша — большой узел шоссейных и железных дорог, который немцы считали и важнейшим узлом обороны на минском направлении. В пропагандистских целях они именовали Оршу воротами в Восточную Пруссию и ключом к Кенигсбергу.

Нам стало известно, что зимой 1944 г. Гитлер приказал превратить Оршу в неприступную крепость. Город был опоясан обводом в 2—3 траншеи, усиленные 40—50 дзотами и дотами. Каменные здания были приспособлены к обороне, улицы изрыты окопами и рвами.

Оборону укреплений на дальних подступах к Орше немецкое командование возложило на наиболее боеспособные дивизии 4-й армии, сведенные в 27-й армейский корпус. Сюда вошли 256-я пехотная, 25-я моторизованная и 78-я пехотная дивизии. Несмотря на систематические потери, численный состав первых двух дивизий составлял более 10 тыс. каждая. 78-я пехотная дивизия, занимавшая оборону на участке намеченного прорыва 11-й гвардейской армии, состояла из 16 тыс. человек, имела на вооружении более 220 орудий, 154 миномета, 535 ручных и станковых пулеметов [3] (сюда не входят средства усиления). 78-я пехотная дивизия являлась одним из лучших соединений армии противника. Ей фюрер присвоил наименование Баден-Вюртембергской дивизии [4]. Она была укомплектована по особым штатам и отличалась от пехотных дивизий тем, что ее штурмовые роты были усилены группой тяжелых пулеметов; в каждом полку имелись свои противотанковые средства ближнего боя — 15 групп «офенрор» с 2—3 аппаратами в каждой группе, в каждой роте — фаустпатроны. В дивизию входили батальон тяжелых минометов, дивизион штурмовых орудий и штурмовой батальон.

Накануне нашего перехода в наступление 78-я дивизия была усилена 480-м пехотным полком 260-й дивизии, 164-м и 57-м артиллерийскими полками резерва главного командования, 53-м минометным полком и 667-й бригадой штурмовых орудий [5].

[3] Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 5.
[4] Там же, ф. 358, оп. 5916, д. 636—640, л. 31.
[5] Там же, л. 89.

Об огневой мощи и тактической плотности обороны противника можно судить по следующим данным: оборонявшиеся на оршанском направлении на участке Осинстрой — Михайловка (25 км) 78-я и 25-я дивизии имели 120 штурмовых орудий и 80 танков, им были переданы для усиления из резерва 78 орудий и 80 зенитных орудий [6].

В качестве тактических резервов на участке 78-й дивизии могли быть использованы: на позициях первой полосы обороны — штурмовой и запасный батальоны из района Выдрицы; 5-й дивизион штурмовых орудий и 501-й танковый и железнодорожный батальоны на позициях второй полосы.

Оперативные резервы составляли 14-я пехотная дивизия, находившаяся в районе Смоляны (20 км северо-западнее Орши) и части 286-й охранной дивизии — в районе Орши.

Из глубины можно было ожидать подхода до пяти охранных полков, которые несли службу охранения в районах Толочина, Борисова и др.[7]

В результате большой и трудной работы, творческого осмысливания всех сведений в штабе армии мы перед наступлением довольно точно знали дислокацию войск и систему оборонительных сооружений противника. Для нас было ясно, что армия впервые сталкивается с такой мощной обороной врага, хотя в ходе войны нам не раз приходилось прорывать оборонительные рубежи.

На основании всестороннего и тщательного изучения противника, характера местности мы пришли к заключению, что главный удар необходимо наносить в центре оперативного построения армии в направлении Остров-Юрьев, Орехи, Выдрица. Вспомогательный удар — вдоль Минской автострады. На правом фланге на широком фронте мыслилось наступлением частей 152-го укрепленного района сковать противника, чтобы не дать ему возможности снимать свои части для отражения нашего наступления на главном направлении. Эшелон развития прорыва — танковый корпус — следовало ввести после овладения первой полосы обороны противника.

5 июня я с членом Военного совета генералом П. И. Куликовым и начальником штаба генералом И. И. Семеновым прибыли в штаб фронта для доклада Военному совету решения на прорыв и плана операции. Штаб располагался в лесу в районе Красное.

В докладе я охарактеризовал положение противника, построение его обороны в тактической зоне, главным образом в полосе Минской автострады, и сделал вывод о том, что на этом направлении вряд ли удастся одним ударом прорвать всю тактическую зону обороны врага. Не исключена возможность, что придется войскам армии «прогрызать» одну за другой его позиции. Вни-

[6] Там же, д. 636—640, лл. 97—99.
[7] Архив МО СССР, ф. 538, оп. 2593, д. 223, л. 6.

мательно изучив схему оборонительных сооружений противника, определив расстояние между позициями и оборонительными полосами врага, генерал-полковник Черняховский спросил:

— Почему главный удар наносится в направлении Остров-Юрьев, Выдрица? Ведь это примерно 10 км севернее автострады.

Я доложил:

— В районе Остров-Юрьев находится стык между 256-й пехотной и самой боеспособной 78-й пехотной дивизиями противника, т. е. наиболее слабое место в обороне врага. Выделенное количество снарядов для артиллерии и предполагаемое количество самолето-вылетов бомбардировочной авиации недостаточны для того, чтобы разрушить оборонительные сооружения и подавить систему артиллерийско-пулеметного огня и живую силу противника одновременно на всю глубину первой полосы обороны на других участках, где более сильная оборона, нежели на выбранном нами направлении.

Вырабатывая это решение, мы не знали замысла фронтовой операции и, кроме того, видимо, довлели предыдущие неудачные попытки наступления войск Западного фронта в направлении Минской автострады.

— Вот последнее, о чем вы доложили, совершенно правильно,— обращаясь ко мне, сказал генерал Черняховский.— Чтобы вы поняли роль и место вашей армии во фронтовой операции,— продолжал Иван Данилович,— я кратко изложу замысел фронтовой операции, причины предыдущих неудач. Вам надо хорошенько эти причины изучить, а не судить только по внешним факторам — «вмятины» в обороне врага, наши сгоревшие танки и т. д.

Внимательно слушая командующего, я подумал, что планируется глубокая операция, теория которой еще в 30-х годах разрабатывалась в Красной Армии.

Много еще говорили о замысле операции и о причинах предыдущих неудач...

Генерал Черняховский произвел на меня благоприятное впечатление. Это был умный, вдумчивый полководец. В его оперативных суждениях чувствовался размах и полет мысли. Он всегда внимательно прислушивался к мнению своих подчиненных. Таким он навсегда остался в моей памяти.

Затем командующий фронтом предложил начальнику штаба кратко ознакомить нас с планированием операции фронта.

Генерал-лейтенанта Александра Петровича Покровского я давно знал. Еще в 20-е годы мы с ним вместе учились в Военной академии им. Фрунзе. Однако на войне встретились впервые. Это высокообразованный, с широким военно-оперативным кругозором штабной генерал. Трудолюбивый и щепетильный до мелочей, он с ювелирной точностью отшлифовывал планы каждой операции. Все у него обычно было продумано, взвешено, рассчитано. У нас с ним, так же как и с Черняховским, быстро установилось общее взаимопонимание.

Фронтовая операция, начал изложение плана Александр Петрович тихим, но четким голосом, планируется на глубину 150—160 км. Ваша армия получила задачу на всю глубину операции. Глубина ближайшей задачи армии 35—40 км. На ее выполнение отводится три дня. Армия должна будет прорывать оборону противника на участках протяжением 10—11 км. При выполнении ближайшей задачи среднесуточные темпы наступления войск армии — 12—15 км и дальнейшей — около 20 км. Темп наступления подвижных войск фронта намечается в 30—35 км в сутки. Одной стрелковой дивизией армия должна организовать наступление из района Мошкова в направлении Барань, Новоселье для содействия 31-й армии в овладении г. Орша. На правом фланге силами 152-го укрепленного района, продолжал он, с началом наступления свертывать боевой порядок противника в направлении Бабиновичей. Это же будет делать и 5-я армия ударом одной дивизии с севера на Бабиновичи.

Ориентировка Военного совета фронта дала нам возможность предвидеть перспективу развития хода боевых действий, в соответствии с этим наметить направление главного удара и спланировать операцию армии на всю глубину — до рубежа р. Березины.

Здесь же хочется сказать и о члене Военного совета фронта Василии Емельяновиче Макарове, который принимал активное участие в обсуждении плана операции. Внешне суровый, генерал был человеком общительным и сердечным. Его партийности и принципиальности могли поучиться многие командиры и политработники. Обладая большим практическим опытом партийной работы, Макаров всегда готов был помочь в решении любых практических вопросов.

Вечером, прибыв в штаб армии, я зашел в оперативный отдел, где находились начальник штаба, командующие и начальники родов войск. Начальнику штаба я сказал, что теперь мы вполне готовы к выработке нового плана операции, но сегодня ограничимся только тем, что нанесем на карту решение на прорыв: направление главного и вспомогательного ударов, примерную группировку наших войск. Завтра же с рассветом на рекогносцировке обороны противника уточним с командирами корпусов все детали прорыва и после этого можно приступить к составлению нового плана.

Я обратил внимание начальника штаба на следующие особенности предстоящей операции. Фронт имеет мощные огневые средства для прорыва обороны противника и развития операции в глубине. Об этом можно судить по нашей армии. На участке прорыва мы будем иметь около 180 орудий и минометов на один километр фронта, а на направлении главного удара — более 250 стволов. В ночь перед прорывом на главном направлении по первой позиции противника намечено нанести удар бомбардировочной авиацией. Эшелон развития прорыва армии — 2-й гвар-

дейский танковый корпус — имеет около 250 танков и самоходных орудий.

Затем я предложил начальнику оперативного отдела И. И. Ледневу, который только накануне и, надо сказать, вполне заслуженно получил звание генерал-майора, нанести на карту замысел решения на прорыв обороны противника и оперативное построение войск армии. Главный удар нанести в полосе Минской автомагистрали в направлении Толочина, Борисова. Как впоследствии выяснилось, для противника не был неожиданным наш главный удар именно в этом направлении. Об этом свидетельствовало и показание пленного командира 78-й дивизии генерал-лейтенанта Г. Траута: «Направление главного удара наступления противника предполагалось, как и в предшествующих боях, вдоль автострады с обеих сторон Нового Села» [8]. Прорыв обороны противника, продолжал я, наметить на участке 7,5 км — Осинстрой, Кириево. Создать ударную группировку из частей 8-го и 16-го стрелковых корпусов, имея на один километр фронта 160—250 орудий и минометов. Соответственно обеспечить удар бомбардировочной и штурмовой авиацией на всю тактическую глубину обороны. На вспомогательном направлении — Остров-Юрьев, Гришаны, Смоляны — на участке 3—4 км будет наносить удар 16-й стрелковый корпус, имеющий 130—140 орудий и минометов на один километр фронта. На правом фланге корпуса частями 152-го укрепленного района наступать из района южнее оз. Ситнянского в направлении Самостойка, Украище, свертывая фронт противника на северо-запад. Оперативное построение армии следующее: все три стрелковых корпуса в линию, имея в первом эшелоне четыре дивизии и части укрепленного района; во втором эшелоне — тоже четыре и в армейском резерве — 83-я дивизия. 2-й гвардейский танковый корпус составляет эшелон развития прорыва армии.

На второй день с рассветом начали рекогносцировку. Здесь же на местности были указаны направления ударов, намечены участки прорыва и поставлены задачи корпусам.

Принятое мною решение выглядело следующим образом.

На левом фланге армии — на направлении главного удара — наступает 36-й гвардейский стрелковый корпус (командир генерал-майор П. Г. Шафранов) в составе 16, 18 и 84-й гвардейских стрелковых дивизий, двух тяжелых танковых, двух самоходно-артиллерийских и огнеметного танкового полков. Корпус должен прорвать оборону противника на участке 5 км — Новое Село, Кириево, разгромить части 78-й пехотной дивизии, а затем, развивая успех, обеспечить ввод в прорыв 2-го гвардейского танкового корпуса на рубеже Забежница, Шалашино и к исходу дня выйти на фронт Ступаки, Макарово.

[8] Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 57.

В центре — 8-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора М. Н. Завадовского (5-я и 26-я гвардейские стрелковые дивизии) с 120-й танковой бригадой и 1435-м самоходно-артиллерийским полком прорывают оборону противника на участке Осинстрой, Новое Село (по фронту 2,5 км), имея задачу совместно с частями 36-го корпуса разгромить 78-ю пехотную дивизию, к исходу дня выйти на линию хут. Брюховские, западнее Выдрицы.

На правом фланге армии 16-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерал-майора Я. С. Воробьева (1, 11 и 31-я гвардейские стрелковые дивизии) с частями 152-го укрепленного района получили задачу прорвать оборону противника ударной группой укрепленного района в составе четырех батальонов на участке оз. Зеленское, Озерище и частями 31-й стрелковой дивизии — Остров-Юрьев, Осинстрой; разгромить части 256-й пехотной дивизии врага и к исходу дня выйти на рубеж Самостойка, Еленцы, хут. Брюховские.

Командиру 2-го гвардейского танкового корпуса генерал-майору танковых войск А. С. Бурдейному приказывалось ввести корпус в прорыв с рубежа Забежница, Шалашино. Его задача дня заключалась в прорыве обороны противника вдоль минского шоссе на глубину 20—25 км и овладении тыловым рубежом по р. Оршице, на участке Обухово, Езоповщина.

Соответствующие задачи получили и артиллеристы, авиаторы и начальник инженерных войск.

Во время рекогносцировки мы учитывали возможность упорного сопротивления противника на направлении минского шоссе и как результат его замедленное продвижение 36-го гвардейского стрелкового корпуса. Командиру 8-го гвардейского стрелкового корпуса было дано указание использовать лесистую местность к северу от линии Выдрица, Заволны для обхода левого фланга частей противника, оборонявшегося на участке 36-го гвардейского стрелкового корпуса, и нанесения удара с севера на юг.

☆

Штаб армии напряженно работал над составлением плана операции. К разработке плана и составлению документации был допущен строго ограниченный круг офицеров. Направляемые в штаб фронта оперативные документы писались только от руки, соединениям и частям все указания давались устно, причем, как правило, лично тому, кого это непосредственно касалось. Телефонные переговоры и работа радиостанций были категорически запрещены.

Утром 9 июня на КП армии прибыли представитель Ставки начальник Генерального штаба маршал А. М. Василевский, генерал-полковник Черняховский и генерал-лейтенант Макаров.

Александр Михайлович Василевский предложил доложить о состоянии войск армии и проведенной работе по подготовке операции. Я доложил, что к утру 11 июня в район сосредоточения выйдут последние две дивизии — 18-я и 26-я гвардейские стрелковые, что на этом закончится полная передислокация войск армии, все командиры корпусов, дивизий и их штабы в соответствии с данными им указаниями уже в течение двух-трех дней изучают на участках прорыва обстановку и подрабатывают решения.

Подойдя к карте, на которой был изображен план операции, я изложил замысел плана, решение на прорыв обороны противника и предполагаемый ход боевых действий. Александр Михайлович, показывая карандашом на направления главного и вспомогательного ударов, предложил направление наступления 16-го гвардейского стрелкового корпуса в первый день спустить несколько южнее — на Выдрицу, чтобы сблизить оба удара в глубине вражеской обороны. Наступление частей 152-го укрепленного района нарастить ударом 11-й гвардейской стрелковой дивизии, чтобы быстрее совместно с соседом окружить и разгромить в районе западнее Бабиновичей 256-ю пехотную дивизию противника.

Представитель Ставки уточнил ряд вопросов по боевым действиям артиллерии и авиации, а затем, обращаясь к Черняховскому и Макарову, спросил: «Есть еще указания Военному совету армии?» Иван Данилович ответил, что все его предыдущие указания учтены и отражены в плане. Здесь же командованием фронта план операции был утвержден. Маршал Василевский его одобрил.

Выехали на передний край, на участок прорыва. На НП командира 88-й дивизии маршал, разглядывая в стереотрубу сложную оборонительную систему противника на направлении главного удара армии, сказал: «Прочно и искусно укрепились немцы на белорусской земле». Уточнив ряд деталей обороны, А. М. Василевский заслушал решения на прорыв командиров 36-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов. Особенно его интересовало, что в обороне врага будет разрушено и подавлено артиллерией и авиацией, как будет организовано взаимодействие пехоты с танками и артиллерией.

После ряда практических указаний маршала мы отправились на НП командира 192-й дивизии. Здесь нас встретили командир 16-го гвардейского стрелкового корпуса и комендант укрепленного района. Тщательно ознакомившись с участком прорыва и решением командира корпуса, А. М. Василевский дал указание генералу Воробьеву о нацеливании удара 31-й гвардейской стрелковой дивизии на Выдрицу и наращивании наступления частей укрепленного района ударом 11-й гвардейской стрелковой дивизии. Закончив работу на участке прорыва, выехали в район сосредоточения войск армии.

В пути Александр Михайлович положительно отозвался о командирах корпусов и их работе. Генерал Шафранов, сказал маршал,— волевой командир, спокоен, нетороплив, рассудителен и тверд в своих решениях, видно, оперативно-тактически подготовлен, хорошо знает применение артиллерии. Я доложил, что он с осени прошлого года командует корпусом, в сражении на Курской дуге успешно командовал 16-й гвардейской стрелковой дивизией. Сам он артиллерист, но с командованием общевойсковым соединением справляется хорошо. Генерал Завадовский только в этом году после госпиталя назначен на должность комкора. Ранее командовал 18-й дивизией нашей армии, а генерал Воробьев, сказал я,— старый командир корпуса.

Прибыли в 99-й гвардейский стрелковый полк 31-й гвардейской стрелковой дивизии. Полк обедал. Направились в одну из рот. Здесь нас окружили солдаты: один из них, обращаясь к А. М. Василевскому, сказал: «Товарищ маршал! Время обеденное, просим пообедать с нами». Александр Михайлович ответил: «Спасибо за приглашение, конечно, пообедать надо. А откуда вы меня знаете?» Тогда другой солдат объяснил: «Хоть вы и в комбинезоне, но мы сразу же узнали вас. Мы москвичи, бывшие ополченцы и не один раз видели вас на фронте от Москвы и до Белоруссии».

Все уселись под березкой, и сразу же к нам потянулись десятки рук с котелками, наполненными вкусным солдатским борщом и гречневой кашей.

Подошел командир полка полковник К. Г. Кузнецов и, несколько смущенный, пытался доложить о состоянии полка.

После обеда А. М. Василевский с группой прибывших с ним генералов тщательно проверил боевую подготовку полка, беседовал с офицерами о боевых действиях стрелковых подразделений. Было вскрыто немало недочетов в их выучке. В конце проверки был собран командный состав полка. Маршал сделал разбор подготовки, дал указание провести с каждой ротой и батальоном два-три тактических учения с боевой стрельбой и потребовал устранить недостатки.

Направились в 84-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Здесь уже нас ожидал командир дивизии генерал Г. Б. Петерс, который доложил маршалу о ходе боевой подготовки в частях. Дивизия одной из первых прибыла в район сосредоточения и сразу же приступила к учебе. Пошли смотреть батальонное тактическое учение с боевой стрельбой, которым руководил командир 247-го полка майор Я. М. Демченко. Учение Александру Михайловичу понравилось. Обращаясь ко мне, он сказал: «Только так надо учить войска в оставшееся до начала операции время».

Поздно вечером возвратились в штаб армии. Здесь нас ожидали командиры корпусов, дивизий, бригад и их заместители по политической части. Маршал Василевский тепло поздоровался с присутствующими.

— Я приказал вас собрать, чтобы дать указание о подготовке прорыва обороны противника на оршанском направлении. Задачи вам будут поставлены командованием армии в соответствующее время.

— На направлении автострады Москва — Минск,— начал свои указания командующий фронтом,— противник подготовил особо прочную в инженерном отношении, глубоко эшелонированную оборону. Условия местности способствуют его обороне и усложняют наш прорыв. На этом направлении перед армией серьезный враг: 78-я пехотная дивизия — упорная и «избалованная» дивизия. «Избалованная» потому, что ее до сих пор мало били.

Операция по прорыву — это артиллерийская операция [9]. Прежде всего надо изучить систему обороны и группировку врага; вскрыть его пулеметно-артиллерийскую систему огня; выбрать наиболее важные огневые точки; установить, какие именно траншеи заняты противником и какие являются ложными; найти основные опорные пункты во всей системе обороны, с подавлением которых нарушилась бы целостность вражеской обороны.

Затем генерал Черняховский дал ряд указаний по организации боевых действий артиллерии и подготовке прорыва в целом. Не медлить с пристрелкой, начинать ее завтра же и проводить согласно установленному режиму огня, сказал командующий фронтом. Срок полной готовности артиллерии генерал Черняховский установил 15 июня.

Подводя итоги работы этого дня, маршал Василевский отметил: «Армия произвела отличное впечатление, но в связи с перегруппировкой на новое направление подготовительная работа у вас, особенно по артиллерии, несколько отстает от других армий» [10].

Этот день был не из легких, но его события имели для нас большое положительное значение. Указание маршала Василевского и Военного совета фронта убедили нас в правильности решения и плана операции армии, подготовка к ней стала представляться еще конкретнее. Все это мобилизовало руководство армии на предстоящую большую работу.

☆

На второй же день во всех звеньях командования соединений и частей развернулась подготовка к проведению прорыва обороны противника. Прежде всего в течение 10 и 11 июня командиры корпусов с командирами дивизий и командирами частей усиления провели рекогносцировку участков прорыва. Вначале на местности каждой дивизии была поставлена задача и

[9] Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 5.
[10] «Военно-исторический журнал»», 1966, № 2, стр. 73.

указано направление главного удара. Затем тщательно изучалась оборона противника. Необходимо было выбрать наиболее важные цели, отличить занятые траншеи от ложных, найти основные опорные пункты, ключевые позиции вражеской обороны. Мы понимали, что при том количестве боеприпасов и огневых средств, которое было запланировано на артиллерийскую подготовку, невозможно полностью разрушить все траншеи и огневые точки противника. Но подавить и уничтожить наиболее важные цели, разрушить основные опорные пункты и тем самым нарушить целостность системы вражеской обороны — такая задача для нашей артиллерии была выполнима.

Организация взаимодействия всех родов войск являлась следующим важным вопросом, поставленным на повестку дня во время рекогносцировки. Необходимо было тщательно отработать вопросы времени, местности, направления удара для каждого соединения и рода войск. В решении этих вопросов и заключалась организация взаимодействия.

12 и 13 июня такая же работа была проведена командирами дивизий с командирами полков.

Отработанные на рекогносцировках вопросы взаимодействия войск в дальнейшем детализировались и оформлялись штабами всех степеней в виде таблиц боя и таблиц взаимодействия.

При организации взаимодействия было обращено особое внимание на увязку совместных действий между пехотой, артиллерией и танками, с одной стороны, и авиацией — с другой. С этой целью 14 июня командование армии провело занятие с командирами корпусов, дивизий и всех авиационных соединений и частей, поддерживавших наступление армии. Занятие проводилось в форме докладов: командующего 1-й воздушной армией генерал-полковника Т. Т. Хрюкина о действиях воздушных сил в период прорыва и бое в глубине; начальника штаба армии об оценке противника и группировке наших войск; командующего артиллерией армии о группировке вражеской артиллерии и порядке взаимодействия между нашей артиллерией и авиацией.

Занятие осуществлялось на рельефном плане участка предстоящих действий и во многом помогло уяснить командирам стрелковых соединений порядок авиационного наступления, а командирам авиационных частей — задачи пехоты и порядок развития операции.

После занятия командиры стрелковых и авиационных частей выехали на передний край и на местности окончательно уточнили все вопросы взаимодействия.

В соответствии с принятым решением войска армии готовили плацдарм для наступления. К началу операции на переднем крае было отрыто необходимое количество траншей для укрытия всех подразделений первого и второго эшелонов, полностью подготовлены огневые позиции артиллерии и минометов. В выжидательных и исходных районах все танки и автомашины были

укрыты в аппарелях и котлованах. Построены командные и наблюдательные пункты для командиров и штабов всех степеней.

В период с 7 по 13 июня была выведена на позиции вся артиллерия усиления — 2, 20-я артиллерийские, 7-я гвардейская минометная дивизии, 226-й дивизион особой мощности и ряд других частей.

С 13 по 15 июня полностью вывели на позиции дивизионную, корпусную и армейскую артиллерию.

На сотнях артиллерийских наблюдательных пунктов, расположенных в самых, казалось бы, неожиданных, скрытых местах, командиры батарей, дивизионов и групп тщательно изучали свои цели. Пристрелку начали с 11 июня, не нарушая режима огня предшествовавших дней.

Кстати замечу, что выдвижение артиллерии в позиционные районы в течение столь короткого срока — шесть суток — проходило с «нарушением маскировочной дисциплины некоторыми частями и соединениями 5-го артиллерийского корпуса прорыва» [11]. Поэтому «до середины июня,— как показал взятый в плен командир 78-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Г. Траут,— было установлено перед участком дивизии от Днепра до болотистой местности Веретея (район Остров-Юрьев.— *К. Г.*) ...до 700 стволов артиллерии» [12].

Политические органы вместе с партийными организациями и командирами провели в войсках большую партийно-политическую и организационную работу в период подготовки операции. К началу наступления во всех стрелковых ротах и артиллерийских батареях армии были созданы партийные организации, состоявшие из 6—19 коммунистов [13]. Всего было 646 первичных, 1137 ротных и им равных парторганизаций. В составе армии с приданными частями усиления к началу операции насчитывалось 27 182 коммуниста и 21 550 комсомольцев [14]. При общей численности армии более чем 120 тыс. человек [15] коммунисты и комсомольцы составляли около 40%. Военный совет и политотдел армии уделяли большое внимание укреплению низовых партийных организаций, правильной расстановке коммунистов в подразделениях, воспитанию боевитости и идейной вооруженности. К началу наступления коммунисты и комсомольцы составляли основное цементирующее ядро войск армии.

Командиры и политработники, партийные и комсомольские организации проявляли особую заботу о подготовке молодого пополнения к предстоящим боям. Молодых воинов надо было не только ввести в строй, но и приобщить к гвардейской славе,

[11] «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4. М., 1962, стр. 170.
[12] Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 56.
[13] Там же, ф. 358, оп. 5938, д. 77, л. 229.
[14] Там же, ф. 358, оп. 5338, д. 771, лл. 205 и 221.
[15] Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2628, д. 48, л. 302.

сделать их хранителями гвардейских традиций армии. Сознание принадлежности к гвардейской части имеет большое воспитательное значение. Оно выражается не только в ношении знака «гвардия». Воины-гвардейцы знают боевой путь своей части, они беззаветно преданы Коммунистической партии и народу, отличаются высоким наступательным порывом, умением и готовностью героически сражаться за Родину до полной победы над врагом.

В результате умело организованной партийно-политической работы каждый боец и весь личный состав в целом понимали цели и задачи предстоявшего наступления и стремились как можно лучше подготовиться к решающим боям по очищению Советской Белоруссии от противника.

В течение двух ночей непосредственно перед общим наступлением (21 и 22 июня) авиация 1-й воздушной армии производила сильные бомбовые удары по переднему краю и в глубине обороны противника. Под грохот рвущихся бомб мы выдвигали ночами на исходные позиции стрелковые дивизии, части 2-го гвардейского танкового корпуса и другие отдельные танковые части.

Саперы в эти ночи усиленно делали проходы в минных полях — наших и противника, снимали проволочные заграждения. Было проделано 150 проходов для пехоты шириной 10—15 м и 33 прохода для танков шириной 30—40 м. На наших минных полях было снято до 10 тыс. мин, а на полях противника — более 700. В минные поля немцев, созданные между линиями траншей, проникнуть удавалось редко. Мы рассчитывали сделать там проходы уже в ходе боя.

22 июня четыре усиленных батальона начали разведку боем. Их состав был укомплектован из дивизий второго эшелона. Для артиллерийской поддержки каждого батальона выделялся полк дивизионной артиллерии. Задача разведбатальонов состояла в том, чтобы проверить и уточнить на переднем крае и в глубине обороны противника огневую систему, систему инженерных препятствий и заграждений, а также захватить пленных. После мощного 15-минутного артиллерийского налета по переднему краю и опорным пунктам разведбатальоны перешли в атаку и ворвались в первую траншею. Были захвачены пленные, которые подтвердили наши сведения о группировке врага. Противник, стремясь восстановить положение, предпринял несколько контратак, поддержанных мощным артиллерийским и минометным огнем. Во время контратак были засечены на всем фронте 34 артиллерийско-минометные батареи [16].

В 18 часов 30 минут, когда полностью выяснились результаты разведки боем, я подписал боевой приказ на прорыв обороны противника. В приказе были изложены все те указания,

[16] Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 20.

которые давались устно во время личных встреч в разное время при подготовке прорыва.

Время начала артиллерийской подготовки было назначено на 6 часов утра 23 июня. Начало общей атаки — 8 часов 50 минут.

В ночь на 23 июня армия заканчивала последние приготовления к большому летнему наступлению на белорусской земле.

С вечера активность нашей авиации резко возросла. В воздух поднялись свыше 250 бомбардировщиков, которые сделали в течение ночи около 350 самолето-вылетов, нанося удары по первой оборонительной полосе противника на участке прорыва.

В это время под прикрытием удара авиации войска армии заняли исходное положение для прорыва, имея следующий боевой порядок в корпусах.

16-й гвардейский стрелковый корпус имел в первом эшелоне 31-ю гвардейскую стрелковую дивизию, 1-ю и 11-ю гвардейские стрелковые дивизии — во втором эшелоне;

8-й гвардейский стрелковый корпус — 26-ю гвардейскую стрелковую дивизию в первом и 5-ю — во втором;

36-й гвардейский стрелковый корпус — две дивизии — 84-ю и 16-ю гвардейские стрелковые в первом и 18-ю гвардейскую стрелковую дивизию во втором эшелоне.

В армейский резерв была выведена 83-я дивизия и сосредоточена в полосе наступления 8-го гвардейского стрелкового корпуса.

Тактическая плотность на направлении главного удара для дивизии определялась участком в 2,5 км, на вспомогательном — 4 км.

Известно положение, что наступающий должен сосредоточить подавляющие силы и средства на участке главного удара.

Битые немецко-фашистские генералы в своих мемуарах жалуются на то, что их поражение в Белорусской операции зависело от большого превосходства сил русских. Так, генерал К. Типпельскирх пишет: «13 июля командование группы армий «Центр» констатировало, что... 16 немецким дивизиям будут противостоять 160 русских дивизий» [17]. Но Типпельскирх умалчивает о том, что в начале операции группа армий «Центр» имела 63 дивизии, а в четырех наших фронтах «фактически наступали 124 дивизии» [18]. Ему вторит генерал-полковник Г. Фриснер: «... при соотношении сил 1 : 8 (т. е. нашем восьмикратном превосходстве.— *К. Г.*) вести оборонительные бои долгое время нельзя. Если до сих пор... удавалось, то причину следует искать... в опытности руководства» [19]. Но ни один из них не указывает состав дивизий, видимо, хорошо зная большую разницу в численном составе немецких и советских дивизий.

[17] *К. Типпельскирх.* История второй мировой войны. М., 1956, стр. 449.
[18] «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 4, стр. 157—163.
[19] *Г. Фриснер.* Проигранные сражения. М., 1966. стр. 32.

На участке прорыва 11-й гвардейской армии оборонялась 78-я пехотная дивизия. Позже при допросе взятый в плен командир этой дивизии Г. Траут сказал: «...дивизия к началу русского наступления насчитывала всего 16 тыс. человек... После того как мне стало известно о готовящемся наступлении на участке перед моей дивизией, ко мне прибыло пополнение: один полк на левый фланг, разведывательный батальон на правый фланг» [20]. Если к составу дивизии прибавить приданный полк в количестве 1200—1500 человек и разведывательный батальон —400—500 человек, то легко определить, что на участке прорыва нашей армии немцы имели около 18 тыс. человек.

На этом же направлении мы имели четыре дивизии общей численностью 28—29 тыс. человек. Следовательно, наше превосходство над противником в пехоте на участке прорыва было весьма незначительным. Ввод дивизий второго эшелона также не мог значительно увеличить силы армии, учитывая состав оперативных резервов противника — 14-ю пехотную, 286-ю охранную дивизии и целый ряд отдельных охранных и специальных частей.

В артиллерии мы имели бесспорное превосходство, хотя количество боеприпасов явно не соответствовало мощности обороны. Наличие 22 танков и самоходных орудий на один километр фронта должно было восполнить недостаток боеприпасов. Но болотистый характер местности и сплошные противотанковые минные поля как перед передним краем, так и в глубине обороны значительно снижали эффективность действий танков.

В ночь перед боем следовало отдохнуть. Несколько раз я пытался вздремнуть на раскладушке наблюдательного пункта, но тщетно. Одолевали думы об одном, главном — как сумеем завтра оправдать доверие партии, народа.

Вдруг я уловил нарастающий гул артиллерийской канонады. Сразу возникла мысль — враг стремится сорвать подготовку наступления наших войск. Смотрю на часы — стрелка показывает 3 часа утра. Выхожу из блиндажа. Артиллерийский гул слышен юго-западнее НП, т. е. на направлении нашего главного удара. Северо-западнее — тишина, только кое-где затрещит короткой очередью пулемет, да небо озарится осветительными ракетами.

Но тут из глубины наша тяжелая артиллерия открыла мощный огонь. Командующий артиллерией армии докладывает, что ведет огонь армейская контрбатарейная группа в составе четырех тяжелых пушечных артиллерийских бригад. На этом направлении противник имеет 13—15 артиллерийских дивизионов, но огонь ведут не более 10—12 батарей.

Вскоре артиллерийская дуэль прекратилась.

Выясняю у командира 36-го гвардейского стрелкового корпуса результат артиллерийского налета противника. Генерал Шафранов сообщил, что артиллерия противника вела огонь по нашим

[20] Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 58.

траншеям и артиллерийским батареям. Всего было выпущено до двух тысяч снарядов. Имеются потери от прямых попаданий. Выведено из строя 5—6 артиллерийских батарей. К этому времени занятие исходного положения частями корпуса было полностью закончено; воины находились в укрытиях — блиндажах и щелях.

Тут же по ВЧ докладываю командующему фронтом. Оценив создавшееся положение, генерал Черняховский сказал, что, видимо, противник знает о готовящемся нашем наступлении. «Неужели внезапность не удастся?» — подумал я.

Впоследствии командир 78-й немецкой дивизии показал: «Перед началом наступления, которое ожидалось с 20 июня (22 июня предполагался день наступления), обстановка прояснилась...» [21]

☆

На вышке наблюдательного пункта все напряженно смотрели в бинокли вдаль, в глубину обороны противника. Вдруг звонок ВЧ. Генерал Черняховский спрашивает:

— Как ведет себя противник, Кузьма Никитович, как у вас видимость?

Докладываю:

— В предрассветном редеющем тумане все ярче вырисовывается передний край противника. Но глубина еще слабо просматривается.

— Не следует ли перенести начало артподготовки до улучшения видимости? — спрашивает Иван Данилович.

— Это было бы хорошо, но сейчас 5 часов 30 минут. Поэтому откладывать начало артподготовки не нахожу возможным, ибо вся артиллерия армии подготовлена открыть огонь точно в 6 часов. Пока мои новые распоряжения дойдут до командиров батарей, начнется артиллерийская подготовка. Этим я ее могу только дезорганизовать.

— Значит нельзя? — переспрашивает командующий фронтом.

— Нельзя,— отвечаю я.

— Тогда начинайте в установленное время.

На всем фронте стояла настораживающая тишина. Генерал Куликов и дежурный офицер оперативного отдела подполковник А. А. Данилевич не отрывали глаз от медленно ползущих часовых стрелок. Без десяти минут шесть позвонил командующий артиллерией. В телефонной трубке несколько взволнованный голос генерала Семенова:

— Можно начинать в указанное время?

— Да! — ответил я.

Раздался первый залп «катюш». Это был сигнал командующего артиллерией фронта о начале артиллерийской подготовки. И воздух дрогнул... Более 1800 орудий и минометов открыли

[21] Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 57.

огонь по вражеской обороне. Ураганный огонь проносился над головой. И тут же были видны частые взрывы вдоль всего фронта и в глубине обороны врага. С помощью стереотрубы мы видели, как сквозь дым и пыль летели комья земли, бревна, а то и целые деревья. В ушах — непрекращающийся гул от сотен орудий.

Вслед за огневым налетом по графику огня следовал период молчания — 30 минут. Эта пауза необходима была для того, чтобы дать рассеяться дыму и пыли после огневого налета и затем вести прицельный огонь на разрушение и подавление запланированных целей.

Пауза показалась какой-то необычно тихой, но вскоре ее нарушили частые разрывы вражеских снарядов — это отвечал противник.

Для меня стало ясно, что внезапность удара не удалась. Противник сумел после своего ночного огневого удара увести артиллерию на позиции в глубь обороны. Но вот наша артиллерия перешла на подавление, и огонь противника стал постепенно слабеть.

Более полутора часов непрерывного артиллерийского огня по укреплениям противника ослабили его оборону, нанесли ему серьезные потери.

В 8 часов 20 минут около 300 бомбардировщиков, а в 8 часов 45 минут 250 штурмовиков начали обработку первой позиции и ближайшей глубины врага.

Но ведь никакая артподготовка и авиационный удар не могут полностью уничтожить вражеские огневые точки. С понятным напряжением мы ожидали первых донесений о выходе в атаку пехоты.

В 8 часов 50 минут пехота с танками пошла в атаку, сопровождаемая штурмовиками с воздуха. Атака пехоты на всех участках наступления началась в хорошем темпе. Уже в первый час были заняты передовые траншеи первой позиции обороны. Но вскоре враг, приведя себя в порядок после нашего почти трехчасового артиллерийского удара, уцелевшими огневыми точками открыл ураганный пулеметно-артиллерийский огонь. Сколько их уцелело, трудно определить, но даже если только четвертая часть огневых средств еще способна вести огонь, все равно он должен был быть достаточно плотным. Это подтверждали первые же донесения из корпусов и дивизий. Особенно яростное сопротивление оказывали части 78-й дивизии. Судя по рассказу генерал-лейтенанта Г. Траута, он отчетливо понимал значение обороняемого участка вдоль автомагистрали Москва — Минск и не жалел сил и средств на его защиту. Он понимал, что прорыв наших войск грозит тяжелыми последствиями не только для его хваленой дивизии...

На участках прорыва 8-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов, т. е. на направлении главного удара, в дальнейшем

темп атаки резко замедлился, бой принял затяжные формы, и в лучшем случае нам удалось частично прорвать первую позицию.

Генерал Шафранов объяснил причины таких действий тем, что в период артподготовки хорошо наложили огни по траншеям первой позиции. Пленные немецкие офицеры, доложил он, говорят, что от нашего артиллерийского огня их подразделения буквально таяли на глазах. Но с задачами разрушения и подавления системы обороны противника в глубине артиллерия не справилась, потому что при бое за вторую позицию нашей пехоте и танкам противостояло множество неуничтоженных пулеметов, орудий и минометов врага.

Видимо, подумал я, в динамике боя помощь стрелковым частям армейской и корпусной артиллерией приходила часто с опозданием, а огонь из-за сложности целеуказаний ложился неточно. В этом слабость централизованного управления. Очень возможно, что излишняя централизация управления артиллерией сыграла определенную роль в неудаче действий 36-го гвардейского стрелкового корпуса.

Дальше выяснилось, что и танки понесли серьезные потери как от огня противотанковых орудий, так и от мин, которые оказались между первой и второй линиями траншей. Немцы очень искусно укрывали свои штурмовые орудия (самоходки) в специально вырытых аппарелях, траншеях или придорожных кустах. И как только танк подставлял борт — немедленно с короткой дистанции получал снаряд. Бортовую броню наших танков «фердинанды» пробивали на дистанции прямого выстрела, имея на вооружении мощную 88-мм пушку.

Чтобы лучше понять обстановку на направлении главного удара, я выехал в 16-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которой командовал опытный и смелый генерал-майор Е. В. Рыжиков.

Дивизия при поддержке танков и самоходных орудий начала наступление, преодолела с ходу полосу заграждений перед передним краем и заняла первую линию траншей. Затем 49-й и 46-й полки заняли вторую линию траншей, а 43-й полк овладел сильным опорным пунктом Кириево. Взаимодействие между пехотой и танками было хорошее. Они успешно преодолевали минное поле между первой и второй линиями траншей. Но на подступах к третьей встретилось еще одно минное поле, и довольно обширное. Несколько танков подорвалось. Танкисты стали искать под огнем врага обходы; сгорело еще несколько машин.

Пришлось под огнем противника разминировать проходы в минном поле, помогать пехоте огнем, маневрируя на ограниченном пространстве. В это время по танкам с невыявленных позиций открыли огонь десятки артиллерийских орудий. Враг даже пытался добросить из ближних окопов до танков фаустпатроны. 35-й танковый полк и действовавший совместно с ним

345-й самоходно-артиллерийский полк потеряли большую часть танков и самоходных орудий.

Части 8-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов в первой половине дня задачу не выполнили. Атака захлебнулась. Необходимо было заново пробивать вторую позицию противника артиллерийской подготовкой.

В это время на направлении вспомогательного удара части 16-го гвардейского стрелкового корпуса и 152-го укрепленного района прорвали на двух участках вражескую оборону. Особенно успешно развивалось наступление 31-й гвардейской стрелковой дивизии. Ее полки поднял в атаку смелый и решительный командир дивизии генерал И. К. Щербина еще до окончания артиллерийской подготовки. С переносом артиллерийского огня вглубь полки дружно атаковали передний край противника. Продвигаясь вслед за огневым валом и не встретив значительного сопротивления на переднем крае обороны, они преодолели одну за другой три траншеи противника. Вражеская пехота, не успев оправиться от удара нашей артиллерии, не смогла оказать организованного сопротивления и была в траншейном бою частично уничтожена, оставшиеся в живых гитлеровцы были взяты в плен. Уже к 10 часам, т. е. в течение первого часа боя, части дивизии продвинулись вперед на 2,5—3 км, овладели опорным пунктом обороны Остров-Юрьев и вышли к поселку № 5. Здесь они встретили организованное сопротивление противника. Успех решил умелый маневр 99-го стрелкового полка под командованием полковника К. Г. Кузнецова. Не ввязываясь в бой за поселок, полк вышел на узкоколейку западнее упомянутого поселка и, сбивая небольшие подразделения противника, успешно продвигался в направлении Брюховские. Наступление подразделений полка поддерживала артиллерия 64-го гвардейского артиллерийского полка, которым командовал подполковник И. С. Бурденко.

Вскоре из полученных донесений выяснилось, что 31-я гвардейская стрелковая дивизия прорвала оборону противника на участке шириной в 3 и глубиной 5 км, а батальоны 152-го укрепленного района — оборону на фронте до 3 и в глубину около 2 км.

Я с начальником штаба и командующим артиллерией тщательно разобрался в создавшемся положении на участках прорыва корпусов. Необходимо было или продолжать прорывать вторую позицию обороны на направлении главного удара, как было намечено планом, или перенести основные усилия армии на вспомогательное направление для развития успеха. Танковый корпус следовало ввести в сражение на том направлении, где будет прорвана тактическая оборона противника и войска армии выйдут на оперативный простор. Для нас было ясно, что нельзя было действовать шаблонно и слепо подчиняться ранее разработанному плану.

Доложив командующему фронтом предложение о переносе усилий войск армии с главного направления на вспомогательное, мы получили его одобрение. И. Д. Черняховский дал также указание танковый корпус готовить к вводу в прорыв на правом фланге армии.

Таким образом, в сложившейся обстановке было решено перенести направление главного удара армии к северу, в полосу 16-го гвардейского стрелкового корпуса. Удар наносился смежными флангами 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов в общем направлении на Выдрицу в обход с севера оршанской группировки противника с тем, чтобы ударом во фланг и тыл сломить ее сопротивление перед фронтом 36-го гвардейского стрелкового корпуса. С этой целью имелось в виду в середине дня ввести в бой на этом направлении дополнительно три дивизии, а также переключить сюда основную группировку артиллерии армии, танков и авиации. Командирам корпусов мною были поставлены задачи в соответствии с принятым решением и отданы необходимые распоряжения по организации обеспечения боевых действий войск в лесисто-болотистом районе. Особенно много пришлось потрудиться саперам и дорожникам, которые под руководством полковника М. Г. Григоренко прокладывали дороги для наступавших частей.

Для управления войсками организовали новый передовой НП в районе Остров-Юрьев, куда я выехал с начальником оперативного отдела, командующим артиллерией и группой офицеров штаба.

Начавшееся наступление успешно развивалось.

Части 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов прорвали оборону противника и, уничтожая очаги сопротивления врага, к исходу дня подошли к крупному опорному пункту обороны противника Выдрице.

Как впоследствии выяснилось, немецкое командование не допускало и мысли, что направление главного удара будет перенесено на это направление и наступление будет развиваться на лесисто-болотистой, труднопроходимой местности.

На левом фланге армии во второй половине дня части 36-го гвардейского стрелкового корпуса возобновили наступление, но и на этот раз большого успеха добиться не удалось. В течение дня корпус продвинулся всего на 2—3 км, хотя его воины проявили немало героизма и мастерства.

Надолго в моей памяти сохранились многие героические подвиги воинов армии. Вот некоторые из них.

Во время боя за Центральный поселок пятая рота 95-го стрелкового полка 31-й гвардейской стрелковой дивизии была встречена шквальным пулеметным огнем противника. Наступление роты задержалось. Тогда командир взвода младший лейтенант коммунист Иван Абрамович Шевченко и сержант комсомолец Барий Гаппевич Шавелиев бросились на дзот и забро-

сали его гранатами. Вражеский пулемет умолк. Рота дружно атаковала противника, в результате боевая задача была выполнена.

Командир восьмой роты 17-го стрелкового полка старший лейтенант коммунист Н. А. Гутерман при наступлении в районе Выдрицы в напряженный момент боя, когда рота была остановлена массированным огнем противника, выскочил вперед и с возгласом «Гвардейцы, за мной!» повел роту в атаку, но, не достигнув вражеских позиций, был убит. Тогда парторг роты старшина Полетаев принял командование ротой на себя и продолжал успешно руководить боем.

При взятии Кириево частями 16-й гвардейской стрелковой дивизии командир тяжелого танка 63-го танкового полка прорыва коммунист Антонов первым ворвался в расположение противника, поджег вражеский «фердинанд», подавил минометную батарею и истребил до взвода гитлеровцев. Будучи раненным, Антонов не покинул поля боя, продолжал выполнять боевую задачу [22].

В этот трудный для нас день, от которого во многом зависело наше дальнейшее продвижение вперед, войска армии в центре прорвали оборону противника на глубину 10 км, расширив участок прорыва до 8—10 км, и заняли выгодное охватывающее положение с севера главной группировки противника, оборонявшей оршанское направление. Это позволило в дальнейшем в основе действий армии иметь обходный маневр с севера с одновременным наступлением вдоль Минского шоссе.

Наступавшая южнее нас 31-я армия в этот день продвинулась на незначительное расстояние, но 5-я армия, наступавшая севернее, достигла крупного успеха. Она прорвала фронт шириной до 35 км и продвинулась в глубину на 10 км.

В ночь на 24 июня соединения 11-й гвардейской армии вели разведку боем, а частью сил продолжали наступление. Замысел дальнейшего наступления заключался в том, чтобы развить успех прорыва первого дня на глубину до тылового рубежа обороны противника — р. Оршицы.

Противник в течение ночи получил подкрепления. Правда, они не восполнили его потери, понесенные в течение первого дня нашего наступления. Сопротивлялся противник, как и вчера, упорно, нередко до последнего солдата.

В течение второго дня наступления войска 16-го гвардейского стрелкового корпуса окружили и уничтожили часть сил 78-й пехотной и 14-й дивизий и, продвинувшись на 10—12 км, к исходу дня силами 11-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерала Н. Г. Цыганова заняли район Заозерья.

Вторым районом, где в течение всего дня происходили ожесточенные бои, был укрепленный район Выдрица. Сюда противник

[22] Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5938, д. 77, л. 230.

ввел 53-й полк 14-й пехотной дивизии и 44-й полк 286-й охранной дивизии.

Выдрица, являясь мощным опорным пунктом в системе немецкой обороны, в этот день приобрела особо важное значение для противника. Здесь уже наметился глубокий обход нами левого фланга группировки, действовавшей в полосе автострады и южнее.

В район Выдрицы упирался заходящий правый фланг 8-го и левый фланг 16-го гвардейских стрелковых корпусов. В этих условиях потерять Выдрицу для противника значило бы открыть путь наступления нашим частям на Оршу. В результате ожесточенных боев этот район был обойден нашими войсками с севера и юга. Однако овладеть им не удалось.

8-й гвардейский стрелковый корпус, прорвав в глубине оборону противника, вышел на фланг и в тыл его группировки, упорно оборонявшейся в полосе Минского шоссе. На левом фланге армии части 36-го гвардейского стрелкового корпуса продолжали вести упорные бои и лишь к вечеру продвинулись на 5 км.

Таким образом, в результате двух отдельных вклинений в оборону врага образовался один общий прорыв, достигавший к концу дня 30 км по фронту и 15 км в глубину. Начала основательно трещать вся система обороны врага северо-восточнее Орши. Но все же его части упорно продолжали удерживать тыловой рубеж и часть промежуточных позиций.

Успешные наступательные бои вызвали новый подъем политической активности личного состава армии. Об этом свидетельствует, например, такой факт: только за первые два дня боя свыше двух тысяч бойцов и командиров подали заявления с просьбой о принятии их в партию [23].

Подводя итоги боев 24 июня, нельзя не вспомнить о подвиге рядового гвардейца Юрия Смирнова из 77-го полка 26-й гвардейской стрелковой дивизии, широко известном в нашей стране. Нас уже не удивляли убийства советских военнопленных фашистскими извергами. Но когда член Военного совета армии генерал-майор Куликов и заместитель начальника политотдела полковник К. Е. Захаренко, который был на месте преступления, принесли на КП акт, составленный комиссией, и показали мне, я долго не мог успокоиться. Сотворили это злодеяние изверги из той же самой хваленой 78-й дивизии, недаром ее хвалил сам Гитлер. Зверствами над раненым Юрием Смирновым эта дивизия тоже «прославила» себя на века.

Вот что произошло.

В районе д. Шалашино Юрий Смирнов был тяжело ранен и упал с брони танка во время атаки деревни. Раненого воина фашистские изверги взяли в плен. Применяя изощренные пытки, они стали допрашивать его. Но отважный боец ничего им

[23] Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5938, д. 77, л. 199.

не сказал. Тогда палачи распяли избитого гвардейца на стене блиндажа. В лоб, ладони и ступни ног вбили гвозди. Смирнов погиб, свято выполняя воинскую присягу. Так его прибитым к стене штабного блиндажа и нашли наступавшие гвардейцы.

Страшный акт о зверствах был напечатан во всех газетах армии и фронта, вызвав волну гнева и ненависти к подлым фашистским захватчикам. Гвардейцы давали священную клятву отомстить врагам за все их злодеяния, содеянные на советской земле.

Ю. В. Смирнову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Уже в первые утренние часы боя 25 июня для нас стало ясно, что части 256, 260, 14 и 78-й пехотных и 286-й охранной дивизий, 342-й и 931-й охранные полки противника безуспешно пытаются остановить продвижение 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов на своем тыловом рубеже обороны [24]. Их наступавшие части, используя превосходство в маневре, ломали сопротивление врага, обходили очаги сопротивления и опорные пункты обороны для последующих ударов во фланг и тыл. Прерывчатая оборона противника позволила наступавшим широко применять маневр обхода и охвата флангов обороняющегося врага.

78-я пехотная дивизия противника вынуждена была отходить под ударами войск наших соединений. К концу дня она перестала существовать как организованное воинское соединение. Правда, ее командир убежал, в плен он попал несколько позже, но дивизия уже была разбита. Когда я впоследствии прочел его изложение событий при допросе, то лишний раз убедился, что действовали мы правильно. Г. Траут — опытный генерал, понимавший толк в военном деле. В ряде пунктов своих показаний он дал правильную оценку обстановки. Он говорил, что тяжелое положение, в котором сразу же оказались войска группы армий «Центр», объясняется отсутствием значительных резервов и удачно выбранным русскими направлением главного удара. Критикуя свои ошибки и промахи своих начальников, Траут считал, что немецкие части слишком долго держались на переднем крае, несмотря на удары с флангов и даже с тыла. Это привело к тому, что, не имея сильных резервов, наш оборонительный фронт, свидетельствовал Траут, потерял способность к сопротивлению и стал откатываться под непрерывными ударами русских, которые неумолимо добивали как ослабленные части передовой линии, так и прибывающие резервы [25].

Первый трехдневный этап наступательных боев армии закончился. Прорвав фронт шириною в 40 км и на глубину более 25 км, мы лишили противника крупных оборонительных рубежей.

[24] Там же, оп. 5916, д. 636, л. 90.
[25] Там же, ф. 341, оп. 2593, д. 505, л. 100.

Впереди могли быть только отдельные очаги сопротивления и города.

Основными положительными моментами прорыва, определившими его успех, являлись тщательная подготовка прорыва и правильно выбранное направление главного и вспомогательного ударов. Главный удар наносился на наиболее важном участке противника, прорыв которого означал крушение всей обороны. Стремясь во что бы то ни стало удержать этот участок, противник бросил на него все имевшиеся резервы и таким образом дал возможность осуществить прорыв на направлении вспомогательного удара.

Вспомогательный удар был нанесен на участке, не допускавшем использования крупных сил пехоты и танков и поэтому сравнительно слабо укрепленном противником. Кроме того, этот удар позволял использовать лесной массив для обхода основной группировки врага с севера, что и было положено в основу всех дальнейших действий армии.

Успех был решен не столько массой сосредоточенного артиллерийско-авиационного огня, сколько искусством маневра в действиях 16-го, а затем и 8-го гвардейских стрелковых корпусов, а также своевременным переключением основных усилий армии на направление выявившегося успеха вспомогательного удара. В этом, в частности, проявилось искусство оперативного руководства войсками армии. Наличие мощного второго эшелона армии — пяти дивизий, т. е. больше половины стрелковых войск,— позволило маневрировать на поле боя и решительно развивать успех в том или ином направлении.

Непрекращавшиеся упорные действия левофланговых дивизий армии в конце концов привели к огромным потерям противника, сломили его сопротивление и вынудили к поспешному отходу, с другой стороны, они стянули на этот участок основные силы противника и обеспечили успех правого фланга армии.

Боевые действия армии 23—25 июня являлись примером развития частного успеха в оперативный прорыв. Небольшие вклинения в оборону противника вводом в бой вторых эшелонов корпусов в первый же день были расширены и углублены.

Прорыв обороны противника на всю тактическую глубину, т. е. на 25 км, вместо двух дней, намеченных по плану, был проведен в три дня. Это объясняется в первую очередь прочностью немецкой обороны, а также упорным сопротивлением одной из лучших дивизий немцев и вводом в бой оперативных резервов противника в составе не менее трех дивизий. Но на замедленный ход прорыва оказали большое влияние также некоторые недочеты в его планировании и проведении. На направлении вспомогательного удара следовало бы создать более сильную группировку, что первоначально было сделано, но затем отменено. Недостаточно подавлялась артиллерией оборона противника в глубину. В основном огни были наложены на глубину двух ки-

лометров, вследствие чего части противника, занимавшие вторую позицию, при артподготовке не были подавлены и встретили наши войска губительным огнем. Нарушилось взаимодействие танков с самоходной артиллерией, вследствие чего танки несли большие потери и не оказали должной поддержки пехоте. И, наконец, следует указать на недостаточное маневрирование стрелковыми подразделениями и техникой, а также несвоевременное наращивание ударов внутри дивизий и особенно полков.

Наш успех прорыва обеспечивался успехами наступления войск всего 3-го Белорусского фронта, а 11-я гвардейская обеспечивала успех фронта. Такова оперативная взаимосвязь.

☆

В результате прорыва обороны противника к исходу 25 июня создались благоприятные условия для развития оперативного преследования противника с рубежа р. Оршицы.

Правее нас успешно действовала 5-я армия, продолжала наступление уступом вперед и, продвинувшись в этот день на 20 км, правофланговыми частями освободила Алексиничи. Введенная в бой в полосе армии конно-механизированная группа в общем направлении на Холопеничи к исходу дня захватила Сенно. 31-я армия, наступавшая левее уступом назад, отставала. В то время как 11-я гвардейская армия вышла на шоссе Витебск — Орша, 31-я армия находилась в 15—18 км восточнее Орши, в районе Дубровно. Левый фланг нашей армии оставался необеспеченным.

Мы понимали возможность контрудара противника во фланг армии из района Орши, который вплотную примыкал к левой разграничительной линии нашей армии. В сложившейся обстановке перед командованием армии встал вопрос: что делать дальше? Продолжать преследование противника, не обращая внимания на Оршу и отставание 31-й армии? Но в этом случае левый фланг армии оставался под угрозой вражеского контрудара со стороны Орши. А если переключить основные усилия на овладение районом Орши, содействуя этим 31-й армии и обеспечивая свой левый фланг? При этом положении мог быть упущен выгодный момент для преследования противника, который не дал бы возможности противнику использовать время для приведения в порядок отходящих частей и подтягивания резервов.

После некоторого раздумья мной было принято решение: двумя стрелковыми корпусами (16-м и 8-м гвардейскими) преследовать отходящего противника севернее Минского шоссе, в направлениях Обольцы, Коханово. Одновременно 2-му гвардейскому танковому корпусу была поставлена задача, сосредоточившись к 4 часам 26 июня в районе Стайки, Межево, наступать вдоль Минской автострады до рубежа р. Адров и в дальнейшем, дей-

ствуя в юго-восточном направлении, к исходу дня овладеть Старосельем.

36-му гвардейскому стрелковому корпусу предписывалось к исходу 26 июня освободить Оршу, хотя она находилась в полосе действия 31-й армии. Дальше медлить со взятием Орши нельзя было. Город обороняли остатки 215-го и 195-го полков 78-й пехотной, части 14-й пехотной, 286-й охранной дивизий и ряд отдельных частей и специальных подразделений [26].

Утром я выехал вначале на КП 2-го гвардейского танкового корпуса, который к 11 часам вышел в район железнодорожной станции Погост (15 км западнее Орши), успешно наступая на Коханово. Здесь я увидел потрясающую картину. На путях железнодорожной станции стояло несколько товарных эшелонов, битком набитых нашими советскими людьми, которых фашисты хотели угнать в рабство. У каждого из них на груди и спине был нашит на белом куске материи большой личный номер. Для фашистов советские люди уже не были людьми, их считали «номерами». С какой незабываемой радостью, со слезами на глазах они обнимали наших танкистов, благодаря их за освобождение из неволи.

Разобрались с Бурдейным в обстановке. Генерал Бурдейный, опытный, с большим оперативным кругозором командир, понял необходимость повернуть одну танковую бригаду на восток и нанести удар во взаимодействии с частями 36-го гвардейского стрелкового корпуса по юго-западной окраине Орши.

Затем я прибыл на КП 36-го гвардейского стрелкового корпуса. 16-я гвардейская стрелковая дивизия корпуса в первой половине дня с боем подошла к рубежу на р. Поганице (3—5 км севернее Орши). Но непосредственно перед Оршей командир корпуса допустил некоторое промедление, начав перегруппировку войск, вместо того чтобы с ходу стремительно штурмовать город. Пришлось вмешаться и приказать генералу Шафранову не позже 18 часов начать атаку Орши во взаимодействии со 2-м гвардейским танковым корпусом.

Штурм города начался в 18 часов 20 минут после 30-минутной артиллерийской подготовки и сильной авиационной бомбежки в течение двух часов.

84-я гвардейская стрелковая дивизия наносила удар с запада и северо-запада, 16-я гвардейская стрелковая дивизия — с севера, на нее в дальнейшем легла основная тяжесть уличных боев. Эти направления являлись наиболее выгодными для наступления, учитывая, что восточная часть города была более укрепленной.

Таким образом, Орша охватывалась одновременно с разных направлений, что вынуждало противника разбрасывать силы.

В ходе боев на подступах к Орше и в самом городе противнику было нанесено тяжелое поражение. Лучшие и наиболее пол-

[26] Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 68.

покровные его дивизии — 25-я моторизованная, части 256, 14, 299-й и остатки 78-й штурмовой пехотных дивизий — были разгромлены [27]. Нами были захвачены значительные трофеи, в том числе 37 орудий, 13 танков и бронемашин, 154 тягача и автомашины, 23 разных военных склада и много другого военного имущества [28].

К часу ночи 27 июня части 11-й гвардейской и 31-й армий полностью очистили Оршу от противника [29].

В результате разгрома оршанской группировки войск противника были созданы условия для стремительного продвижения в направлении Борисов, Минск. Части 8-го и 16-го стрелковых корпусов к выполнению этой задачи приступили уже в ночь на 26 июня.

Противник предпринял попытку оторваться от наших войск. Но это ему не удалось. В течение суток наши войска разгромили на Минском шоссе пять отдельных колонн противника и взяли в плен до 2 тыс. человек, трофеями стали 30 исправных орудий, 45 минометов, 60 пулеметов. На обочинах шоссе и в кюветах валялось много разбитой боевой техники и трупов немцев.

Нельзя не сказать о действиях в этот день 2-го гвардейского танкового корпуса, который был введен в прорыв утром, к исходу дня вышел в район Коханова и к утру следующего дня овладел Старосельем. В этом районе части корпуса в течение 27 июня вели бой с противником, пытавшимся пробиться к Минскому шоссе.

Итоги четвертого дня наступления были хорошими. Войска армии освободили значительную территорию, очистили от врага Оршу, противнику был нанесен серьезный урон в живой силе и технике.

Заканчивался второй этап операции, в котором войска армии полностью выполнили свою задачу, выйдя на рубеж Обольцы, Перевалочная (6 км западнее Коханова).

Бои 27—28 июня не отличались особыми событиями. Все стало «обычным» — враг отступал, мы его били, иногда громили даже крупные группы, насчитывавшие 500—1000 человек. Но чаще всего добивали небольшие подразделения, имевшие незначительное количество артиллерии и минометов, а некоторые — танки и штурмовые орудия.

В облаках пыли, обливаясь потом в нестерпимой жаре, шагали форсированным маршем гвардейцы, преследуя врага. Впереди колонны каждой дивизии — стрелковый полк, имеющий передовой батальон пехоты с саперами на автомашинах, усиленный танками, самоходными орудиями и артиллерией на механизированной тяге.

[27] Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 102.
[28] Там же, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 70.
[29] Там же, л. 71.

К исходу дня 28 июня наступавшие дивизии 8-го и 16-го гвардейских стрелковых корпусов вышли на рубеж Обчуга, Бобр. В районе Бобра 83-я гвардейская стрелковая дивизия генерала А. Г. Маслова разгромила отряд противника численностью до 600 человек. Среди взятых в плен немцев был командир 95-й пехотной дивизии генерал-майор Михаэлис. 2-й гвардейский танковый корпус в этот день, форсировав р. Друть, вел бой западнее Круглого в полосе 31-й армии, обеспечивая левый фланг армии. Крупная могилевская группировка противника еще не была разгромлена.

За первые три дня преследования противника войска армии с боями прошли на запад до 90 км. Местное население горячо встречало нас, со слезами радости благодарило советских воинов за освобождение.

На третьем этапе армейской операции темп наступления в основном был тот же, что и на втором. Но здесь имелась особенность — форсирование Березины. Березина — это, конечно, серьезная водная преграда для наступавших войск. Пойма реки имеет ширину 1—2 км, притом она заболоченная, что представляло большие трудности для танков и артиллерии. Кроме того, немцы еще задолго до начала нашего наступления создали по ее западному берегу сильный оборонительный рубеж, состоявший из двух-трех линий траншей полного профиля с большим количеством площадок для пулеметов, огневых позиций для минометов и артиллерии, прикрыв его на всем протяжении полосой инженерных заграждений.

Все пространство поймы простреливалось многослойным пулеметным огнем. Удержанию сильных узлов обороны на Березине — Борисова, Нового Борисова, м. Зембин — немецкое командование придавало большое значение. 28 и 29 июня в полосу наступления нашей армии на рубеж р. Березины к немцам прибыло подкрепление: 13-й моторизованный полк и разведотряд 5-й танковой дивизии, 531, 350-й и 53-й отдельный охранные полки, 2, 24-й и 26-й полицейские полки, 362-й строительный батальон, 28-й бронепоезд, 11-й артдивизион резерва Главного командования, 514-й железнодорожный строительный батальон для разрушения железных дорог и мостов и ряд других частей [30]. Всего вместе с остатками частей 256, 14-й пехотных и 286-й охранной дивизий противник собрал в полосе нашего наступления до четырех-пяти дивизий. А это уже была серьезная сила, учитывая, что советским войскам предстояло наступать по открытой местности, а противник засел в укреплениях. Именно этот рубеж являлся наиболее сильным и удобным для обороны, на нем немцы хотели остановить наше наступление.

Было решено форсировать Березину с ходу на фронте около 50 км — оз. Палик, Новоселки. Мы считали, что на таком широ-

[30] Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 645—649, л. 119.

ком участке противник не сможет создать сплошного фронта обороны; враг будет группировать свои войска у бродов и переправ, создавая предмостные укрепления. Следовательно, необходимо их обходить, с ходу форсируя реку и расширяя плацдармы.

Всю подготовку к форсированию проводили на ходу и в быстром темпе: на коротких привалах инструктировали командиров частей и подразделений; обучали бойцов форсированию на подручных средствах; инженерные части готовили понтоны, лодки, материал для плотов и гатей. Аэрофотосъемка показала, что вблизи реки крупный лес вырублен.

Мы потребовали от командиров частей и соединений ускорить темп наступления, сильнее наращивать удары. При неравномерном наступлении по фронту могло случиться, что наши войска прорвутся к реке раньше противника, но бояться этого, учили мы, не следует. Части врага, оставшиеся на восточном берегу, уже не смогут принять участие в бою на западном. Следует при этом учитывать и моральный фактор.

Дивизии 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов вечером 29 июня уже находились в 20—25 км от Березины и г. Борисова. 2-й гвардейский танковый корпус передовыми отрядами подходил к Ухвале. С рассветом следующего дня войска армии возобновили преследование противника, имея группировку в соответствии с предстоящей задачей форсирования Березины.

Корпусам была поставлена задача на форсирование Березины.

Командование армии заблаговременно провело мероприятия, обеспечивавшие наведение переправ через реку. С 26 июня в войска подвозились переправочные средства, армейские инженерно-саперные и части усиления резерва Главного командования выводились на уровень стрелковых дивизий первого эшелона корпусов. Был разработан план форсирования и строительства переправ.

В середине дня 30 июня передовые отряды 31, 1, 83 и 26-й гвардейских стрелковых дивизий с боями прорвались к реке. Инженерно-саперные подразделения с передовыми отрядами начали подготовку к форсированию. В это время передовые части 5-й дивизии вели тяжелые бои на рубеже р. Схи, в 2—3 км восточнее Борисова.

В 16—17 часов дня, после 30-минутной артиллерийской подготовки и удара бомбардировщиков с воздуха, дивизии первого эшелона армии начали форсирование Березины. Многие полки поздно вечером были уже полностью на том берегу и продолжали преследование противника. В дальнейшем части 16-го гвардейского стрелкового корпуса форсировали р. Гайну и к 2 часам 1 июля овладели мощным опорным пунктом Ляховка. Хуже обстояло дело в районе Борисова, который был сильно укреплен немцами. Природные условия здесь благоприятствовали противнику,

особенно трудно было частям 5-й гвардейской стрелковой дивизии преодолеть заболоченную долину р. Схи на подступах к Борисову. Сбив противника с рубежа Схи и южнее, дивизия поздно вечером атаковала врага на восточной окраине города. Начались ожесточенные уличные бои, часто доходившие до рукопашных схваток. Нашей пехоте приходилось трудно, потому что не было поддержки танков и недоставало артиллерии сопровождения, танки и дивизионная артиллерия не могли следовать со стрелковыми полками, так как переправы к тому времени не были подготовлены. Главным оружием пехоты были автомат и ручная граната, а также батальонные и полковые орудия.

В связи с затяжными боями в городе генерал Завадовский изменил направление наступления 83-й гвардейской стрелковой дивизии, уже переправившейся на западный берег, и нацелил ее на северо-запад, в тыл борисовской группировки противника. Таким образом, теперь уже 5-я и 83-я гвардейские стрелковые дивизии вели наступление на Борисов одновременно с севера, востока и юга.

Бой за город длился более четырех часов, и только к 3 часам ночи 1 июля 5-я гвардейская стрелковая дивизия во взаимодействии с 83-й гвардейской стрелковой дивизией и 31-й стрелковой дивизией 31-й армии полностью овладела им[31]. Немцы понесли большие потери: сотни солдат и офицеров были взяты в плен, захвачено 30 орудий, 11 танков и штурмовых орудий, 42 пулемета.

Каждый день боев свидетельствовал о героизме и отваге наших гвардейцев. На подступах к Борисову 12-й стрелковый полк 5-й гвардейской стрелковой дивизии атаковал опорный пункт, который удерживал крупный отряд противника. Атака была поддержана огнем артиллерии. В рукопашном бою участвовал весь личный состав двух стрелковых батальонов, в том числе ездовые и повара. Стремительными и умелыми действиями наших подразделений вражеский отряд в течение 30—40 минут был разбит, потерял 900 человек убитыми и 105 пленными. Полк захватил 40 пулеметов, 12 минометов, 11 орудий, сотни винтовок и автоматов. Мужественно действовала группа бойцов во главе с заместителем командира полка по строевой части подполковником Н. Ф. Бо́рис. Он расстрелял из пистолета шестерых гитлеровцев. Когда кончились патроны, Бо́рис выхватил у немца винтовку и штыком заколол еще четверых врагов.

Командир 2-го батальона этого же полка капитан Сомович вместе со своим связным рядовым Перепелко и группой бойцов ворвались в гущу врагов и огнем автоматов уничтожили до 40 вражеских солдат.

Отделение сержанта Строева, стремительными действиями прижав к топкому болоту до 70 вражеских солдат, в короткой

[31] Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 86.

схватке уничтожило эту группу. Другую группу солдат численностью до 200 человек истребила 2-я стрелковая рота под командованием старшего лейтенанта Осипова [32].

Выход на рубеж Березины и ее форсирование были успешно выполнены армией в течение восьми суток вместо предусмотренных планом операции десяти. За это время армия с боями продвинулась более чем на 150 км. Введенные противником в сражение на р. Березина, в районе Борисова, резервы были разгромлены.

Успешное форсирование Березины и овладение Борисовом резко изменило на этом направлении оперативную обстановку в нашу пользу. Перед войсками 11-й гвардейской армии были открыты пути на запад для стремительного преследования врага.

Утром 1 июля внезапно прибыл на КП армии командующий фронтом. Выслушав мой краткий доклад о положении войск, он предложил мне немедленно выехать с ним в район переправы через Березину у Борисова. Едем по Минскому шоссе. С обеих сторон дороги, в поле видимости, в лесах и перелесках стоят многочисленные колонны замаскированных танков, самоходных орудий, бензозаправщиков и грузовые автомашины 5-й гвардейской танковой армии. Генерал Черняховский, показывая на эти колонны, недовольным тоном сказал, что вот они стоят уже второй день, а ведь танк лейтенанта П. Н. Рака еще вечером 29 июня прорвался через Березину в Борисов по заминированному мосту. Отважные танкисты вели бой несколько часов в городе, не получая подкреплений, так как мост через Березину противник взорвал.

Забегая вперед, скажу, что за героический подвиг гвардии лейтенанту П. Н. Раку и экипажу танка — комсомольцам гвардии сержантам А. А. Петряеву и А. И. Данилову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза [33].

А тогда я смотрел на Черняховского и чувствовал, что Иван Данилович как бывший танкист тяжело переживает: ведь более 500 танков и самоходных орудий стоят в бездействии, упершись в Березину. Затем, видимо, не выдержав, командующий сказал, что танковая армия была введена в прорыв [34] с рубежа железной дороги Витебск, Орша только 26 июня и в этот день захватила Толочин, но в последующем армия не проявила должной маневренности, излишне привязала свои действия к Минской автостраде [35], наступала на линии армейских эшелонов развития операции (2-й гвардейский танковый корпус и конно-механизированная группа), а при подходе к Березине двигалась на уровне общевойсковых армий. Затем, несколько помедлив, он отметил,

[32] Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5938, д. 77, л. 275.
[33] «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 4, стр. 180.
[34] Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 216, л. 6.
[35] Там же, д. 505, л. 110.

что армия не сумела сразу выйти на маневренный простор и поэтому как эшелон развития фронтовой операции не сыграла своей роли.

У взорванного моста генерала армии Черняховского встретил командующий танковой армией маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров. Через несколько минут приехал маршал Василевский. Поздоровавшись с нами, он сразу же направился к мосту. Командир 2-й гвардейской инженерно-саперной бригады полковник Г. Т. Соколов доложил, что части бригады к исходу дня закончат строительство низководного моста грузоподъемностью 60 т и наплавного моста грузоподъемностью 30 т. Строительству сильно мешает авиация противника, доложил комбриг; только час назад бригаду бомбила группа из 30—35 бомбардировщиков.

Затем, обращаясь ко мне, Александр Михайлович спросил, сколько строится переправ.

— Семь,— доложил я.

— А где в настоящее время находятся части армии?

— После форсирования реки дивизии 16-го гвардейского стрелкового корпуса продвинулись примерно на 15 км и сейчас наступают западнее Зембина; 8-й гвардейский стрелковый корпус форсирует р. Гайне; 2-й гвардейский танковый подходит к району Струпень, Семеньковичи.

Маршал Василевский обратился к Черняховскому:

— Необходимо вне всякой очереди переправить части танковой армии и потребовать от нее освободить Минск не позже исхода завтрашнего дня. Немедленно прикройте строительство переправ истребителями и зенитной артиллерией.

Было видно, что маршал недоволен создавшимся положением с танковой армией на Березине. Вскоре он уехал.

Мы с командующим фронтом объехали все переправы и проверили ход их строительства. И. Д. Черняховский приказал немедленно организовать из частей 1-й Московской гвардейской стрелковой дивизии отряд на автомашинах и направить его к Минску для усиления 2-го гвардейского танкового корпуса.

— Бурдейный должен завтра же к исходу дня ворваться в Минск, после чего корпус будет переподчинен 31-й армии.

3 июля «2-й гвардейский танковый корпус... ворвался в Минск с востока. В это же время к городу подошли передовые отряды 11-й гвардейской армии...» [36]

☆

После форсирования Березины 11-й гвардейской армии была поставлена задача, наступая в направлении Гайна, Красное, к исходу 4 июля освободить Молодечно, Городок (Грудек). Ставя

[36] «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 4, стр. 180.

задачу армии, командующий фронтом потребовал стремительно развивать наступление, чтобы отрезать противнику пути отхода от Минска на северо-запад — на Вильнюс.

Штаб армии составил графический план четвертого этапа операции, рассчитанного на четверо суток при среднем темпе преследования противника 30—35 км в сутки. Задача могла быть выполнена только при максимальном напряжении сил, искусном вождении частей их командирами и штабами, а также умелой организации боя.

К выполнению поставленной задачи войска армии приступили в ходе продолжавшегося преследования противника. Перед 8-м гвардейским стрелковым корпусом отходила большая часть вражеских сил, разбитых и отброшенных от Березины к западу. Стремясь оторваться своими главными силами от преследования, противник вел сдерживающие арьергардные бои, оказывая в ряде случаев упорное сопротивление. Но, несмотря на это, уже 2 июля был освобожден г. Логойск, а 3 июля — Радошковичи. В этот же день войска фронта овладели Минском.

С 4 июля боевые действия противника в полосе наступления армии характеризовались возросшим сопротивлением в районе Красное, Городок, Молодечно, Крево. Этот район являлся как бы предпольем заблаговременно укрепленного рубежа по р. Ошмянка, м. Боруны, Богданув. На этом рубеже враг предпринял еще одну попытку остановить наступление 11-й гвардейской армии.

На 4 июля войскам армии ставилась задача к исходу дня овладеть Молодечно, Городок и выйти на рубеж 5—8 км западнее. Рубеж Красное, Городок оборонялся усиленными арьергардами противника в составе 4—5 батальонов пехоты с танками и артиллерией. Силы противника в м. Красное достигали полка пехоты, 12—15 танков и 2—3 артиллерийских дивизионов.

С утра 16-й гвардейский стрелковый корпус начал наступление двумя дивизиями на м. Красное и Городок. В первой половине дня части корпуса, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, вышли на рубеж в 3—4 км южнее Красного и восточнее Городка. Дивизии вели фронтальное наступление, но были остановлены мощным артиллерийско-минометным огнем и контратаками танкового полка 5-й танковой дивизии противника. Командир корпуса ввел в бой 11-ю гвардейскую стрелковую дивизию второго эшелона в стыке между 31-й и 1-й гвардейскими стрелковыми дивизиями в направлении Улановщизна, Рагозы. Поздно ночью частям корпуса удалось овладеть этими опорными пунктами врага. При этом было уничтожено 9 танков, из них 5 «тигров», 13 полевых и 7 штурмовых орудий, до 40 пулеметов и много живой силы противника. На левом фланге армии в этот день части 8-го гвардейского стрелкового корпуса, преодолевая незначительное сопротивление врага, продвинулись до 30—35 км и вышли на рубеж южнее м. Городок.

4 июля усилилось сопротивление противника в полосе наступления 16-го гвардейского стрелкового корпуса на направлении Молодечно — крупного узла железных и шоссейных дорог, оперативное значение которого определялось еще и тем, что через него осуществлялось взаимодействие немецких войск, действовавших на направлениях Вильнюс и Лида.

Командование армии увеличило средства артиллерийского и танкового усиления 16-го гвардейского стрелкового корпуса, выделив ему дополнительно две артиллерийские бригады и два танковых полка.

Разведкой боем и показаниями пленных было установлено, что Молодечно обороняют части 5-й танковой, 14-й пехотной дивизий и различные специальные части и подразделения [37].

5 июля с утра войска армии возобновили наступление, и в 14 часов части 16-го гвардейского стрелкового корпуса во взаимодействии с частями 3-го гвардейского кавалерийского и 29-го танкового корпусов ударом с востока и юга штурмом овладели Молодечно, истребив большую часть гарнизона противника.

Молодечно было освобождено столь стремительно, что немцы не успели даже взорвать склады, в том числе склад жидкого топлива с 500 т горючего. В горючем мы очень нуждались. Теперь наши танки, самоходки, тягачи могли более двух суток воевать на трофейном горючем. Было захвачено много ценного имущества, включая боеприпасы.

В этот же день части 3-го гвардейского танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии заняли г. Воложин.

☆

Пятый этап наступления — с 7 по 12 июля — был примерно таким же по темпам, как и четвертый,— 20—25 км в сутки. Но сопротивление противника все возрастало. Фашистская авиация стала сильнее бомбить войска армии, делая в сутки по 100 и более самолето-вылетов.

Армии предстояло наступать на противника, оборонявшего рубеж Жупраны, р. Ошмянка, м. Боруны, Богданув. Расположенные в тылу крупные населенные пункты Ошмяны, Гольшаны и Трабы также были противником заблаговременно подготовлены к обороне. Правда, здесь оборона была значительно слабее той, которую войска армии прорвали восточнее Орши.

К исходу 6 июля противник подтянул на этот рубеж, кроме ранее действовавших и отходивших с Березины частей 286-й охранной дивизии, трех отдельных охранных, трех полицейских полков и двух специальных отдельных батальонов, 170-ю и 707-ю пехотные дивизии, боевую группу Мюллера (трехполкового состава), 7-ю и 5-ю танковые дивизии. Всего перед фронтом армии действовало до 4—5 пехотных и 2 танковых дивизий общей чис-

[37] Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 120.

ленностью 35—40 тыс. человек, 100—120 танков и 3—4 артиллерийских полка [38].

Корпусам были поставлены задачи с ходу прорвать оборонительную полосу противника и, развивая успех, в течение 7 июля продвинуться на запад на 20—25 км.

Наступление началось в 11 часов после 30-минутной артподготовки и удара авиации. Противник упорно и активно оборонялся на всем фронте. Особенностью его обороны было использование танков в боевых порядках пехоты. При бое за передний край и в глубине танки действовали из засад, во всех случаях они контратаковали совместно с пехотой, придавая ей устойчивость и усиливая ее удар. Преодолевая упорное сопротивление противника, войска армии к 14 часам прорвали на всем фронте передний край обороны врага. В дальнейшем противник интенсивным огнем пулеметов, артиллерии и минометов остановил продвижение наших частей. Но в 18 часов, когда дивизии 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов были усилены подошедшей артиллерией РГК, бой возобновился с новой силой. После короткой, носившей характер мощных огневых налетов артподготовки, части корпусов вновь перешли в наступление. Огневая активность противника в результате нашей артподготовки значительно снизилась.

К исходу дня дивизии обоих корпусов, продвинувшись на глубину 8—10 км, вышли к м. Ошмяны и Гольшаны.

Таким образом, уже вечером полностью определился успех наступления армии. Противник, оборонявшийся крупными силами на укрепленном рубеже, был сбит на всем фронте. Боевые действия с вечера развивались в глубине, где враг не располагал уже выгодными, заранее подготовленными позициями, в лучшем случае он имел траншеи в районах крупных населенных пунктов и узлов дорог. Войска армии уже не были стеснены в свободе маневра и усилили темп наступления. Поздно ночью были заняты укрепленные опорные пункты немцев Ошмяны, Гольшаны. Армия продвинулась на глубину до 15 км.

Немецкое командование рассчитывало задержать продвижение наших войск и восстановить сплошной фронт обороны, но эти надежды врага не оправдались. В боях 7 июля были разбиты подтянутые к фронту резервы противника.

Складывалась благоприятная обстановка для дальнейшего преследования гитлеровцев. До Немана — крупной водной преграды и естественного рубежа обороны — у противника не было заблаговременно подготовленных оборонительных рубежей.

С раннего утра 8 июля войска армии возобновили преследование противника в общем направлении на Варену, Алитус.

9 июля на КП армии в район Больших Солечинок прибыли генералы Черняховский и Покровский. Мы стали обсуждать план

[38] Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 645—649, л. 23.

и сроки подхода к Неману и форсирования реки. Я доложил, что форсировать следует с ходу и на широком фронте, как и Березину, но, учитывая, что на Немане нет пешеходных бродов, глубина достигает 2—3 м, течение быстрое, войскам придется труднее, чем при преодолении Березины. Командующий фронтом и начальник штаба также считали, что форсировать надо с ходу. Иван Данилович поставил армии задачу: к исходу дня 13 июля главными силами армии форсировать р. Неман на фронте Алитус, иск. Друскининкай [39].

Основной задачей шестого этапа наступления — с 13 по 19 июля — являлось: подход к Неману, форсирование реки, захват и закрепление плацдарма на его западном берегу.

На коротких привалах командиры показали бойцам, как форсировать реку на подручных средствах, выявили всех умеющих плавать. Командирам мы сообщили, что на западном берегу у противника, безусловно, имеются укрепления, но, поскольку пойма реки неширокая, командование с правого берега дает возможность орудиям, поставленным на прямую наводку, быстрее давить огневые точки противника на противоположном берегу.

Перед форсированием Немана в частях и подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания с повесткой дня: «Об организующей роли коммунистов и комсомольцев в обеспечении боевой задачи по стремительному форсированию р. Неман». С докладами выступили передовые командиры, политработники, лучшие воины. Патриотические выступления участников собраний были проникнуты единой мыслью — отлично выполнить боевое задание, обеспечить ведущую роль коммунистов в бою. Рядовой четвертой стрелковой роты 40-го гвардейского полка Саватеев, кандидат в члены партии, сказал: «Как бы ни было трудно, мы, коммунисты, должны показать пример всему личному составу в стремительном преодолении реки. Я заверяю командование, что буду первым переплывать Неман» [40]. На комсомольском собрании рядовой второй пулеметной роты этого полка Никонов, обращаясь к командиру батальона, сказал: «Товарищ майор, я буду первым форсировать Неман. Заверяю вас, что эту боевую задачу выполню с честью» [41]. В этих простых словах была выражена общая мысль всех воинов. И за словами следовали дела.

Для подготовки переправ все инженерно-саперные части, как армейские, так и приданные с десантно-переправочными средствами, двигались в первом эшелоне армии.

Во время продвижения с боями частей армии к Неману (12 и 13 июля) общая обстановка была сложная.

Немецко-фашистское командование, придавая большое значение удержанию рубежа по Неману, усилило группировку своих

[39] Архив МО СССР, ф. 358, оп. 44 047, д. 9, л. 136.
[40] Там же, оп. 5938, д. 77, л. 282.
[41] Там же.

войск в полосе наступления армии. Разведкой был установлен подход новых соединений противника — 131-й пехотной дивизии, боевой группы «Восточная Пруссия» и 1072-го гренадерского полка. Это были полнокровные части и соединения. 131-я дивизия, например, имела в своем составе 12 тыс. человек. Всего у противника 13 июля было 4—5 пехотных и 2 танковые (5-я и 7-я) дивизии, боевая группа Мюллера, несколько охранных и полицейских полков [42]. Эти силы могли бы воспрепятствовать форсированию нами Немана, если бы они успели организованно отойти и занять оборону на западном берегу реки.

В это время правый сосед — 5-я армия, оттянувшая основные силы на свой правый фланг (вильнюсско-каунасское направление), несколько отставала левым флангом. Правда, 31-я армия подошла к железной дороге Вильнюс — Гродно, а части кавалерийского корпуса начали бои за Гродно. Фронт нашей армии с сильно вытянутым правым флангом растянулся. 31-я дивизия к концу дня 12 июля находилась от реки в 3—5 км, дивизии же 8-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов еще дрались в районе Варена и южнее, т. е. в 30—40 км от реки.

Мы принимали меры к усилению нашего левого фланга танками и артиллерией. 36-й гвардейский стрелковый корпус из второго эшелона ввели в первый в стыке 8-го и 16-го гвардейских стрелковых корпусов и поставили ему задачу наступать в направлении на Мешкасалис.

В результате ряда мероприятий ко времени форсирования Немана левофланговый 8-й гвардейский стрелковый корпус был вытянут вперед и форсировал реку в течение первых же суток после начала форсирования на правом фланге.

Центр армии сильно отставал, но, как оказалось, в этом была своя выгодная сторона. Значительные силы противника, медленно отходившие перед 36-м гвардейским стрелковым корпусом и находившиеся в момент форсирования на восточном берегу реки, не приняли участия в бою в наиболее ответственный момент — при переправе. Войска армии, неотступно преследуя врага, вышли к Неману на флангах раньше, чем основные силы противника в центре отошли на противоположный берег. Этим было создано преимущество оперативного положения армии по сравнению с противником.

Приказ на форсирование 13 июля корпусам был дан в первой половине дня 12-го. 16-й гвардейский стрелковый корпус должен был форсировать Неман на двух участках — севернее и южнее Алитуса и овладеть этим городом. Южнее, в районе Немунаитиса, форсировали Неман дивизии 36-го гвардейского стрелкового корпуса. 8-й гвардейский стрелковый переправлялся на левом фланге армии также на двух участках. Затем ударами в юго-западном и северо-западном направлениях он должен был окру-

[42] Там же, оп. 645—649, д. 5916, л. 53.

жить и уничтожить противника в излучине реки западнее м. Меркино.

Таким образом, войска армии должны были форсировать Неман на участке протяжением более 50 км.

В этом же приказе было сказано, что артиллерийскую подготовку необходимо провести в течение 20 минут. На весь день боя фронт выделил для армии половину боекомплекта — это очень мало. На артскладах армии запасов не было. Снабжение производилось с железнодорожных летучек. Тылы не успевали двигаться за стремительно наступавшими войсками. Правда, командующий фронтом обещал поддержать авиацией.

13 июля все пять дивизий первого эшелона армии в разное время вышли к берегам Немана и начали подготовку к форсированию.

Я находился на НП армии юго-восточнее Алитуса и наблюдал за частями 31-й и 1-й гвардейских стрелковых дивизий, подходившими к петляющему руслу реки. Непосредственно на берегу действовали передовые отряды, саперы монтировали плоты и устраивали паромно-десантные пункты. Дежурный офицер оперативного отдела уточнял на местности и наносил на карту исходное положение частей и время подхода к реке. Начальник оперативного отдела часто приносил шифровки и докладывал положение войск. Это была внешне спокойная деловая работа. Но на душе неспокойно. Да оно и понятно — стремительное форсирование крупной реки с ходу — самый трудный вид боя. И начался он еще сложнее, чем на Березине.

Вот командир правофлангового корпуса докладывает, что части 31-й гвардейской стрелковой дивизии пока безуспешно пытаются форсировать реку. Противник артогнем разбивает плоты еще до посадки на них войск. Дивизия переправила на подручных средствах только один батальон 95-го и роту 97-го стрелковых полков. Батальон закрепился и отбивает ожесточенные контратаки. Артиллерия с берега помогает ему, сожгла несколько танков, но контратаки следуют одна за другой. Комдив просит разрешения прекратить форсирование до наступления темноты. Эту картину боя я и сам вижу. Чтобы помочь частям дивизии, приказал авиации подавить батареи противника. Скрепя сердце, разрешаю прекратить до темноты переправу, надеясь, что гвардейцы удержат захваченные плацдармы.

Поздно вечером уточняю обстановку. Три дивизии правофлангового 16-го гвардейского стрелкового корпуса готовы к переправе и уже начинают ее. Две дивизии 8-го гвардейского стрелкового корпуса тоже к утру начнут форсировать на левом фланге армии. Средняя часть фронта, где наступает 36-й гвардейский стрелковый корпус, еще далеко от реки и едва ли даже в первой половине дня начнет форсирование.

Немцы немного стреляют и жгут массу ракет, тем самым облегчая работу нашим саперам. Слева в тылу в ряде мест слы-

шен артиллерийско-минометный огонь. Это наши добивают застрявшие на восточном берегу немецкие части. Сзади нарастает гул многих моторов — летят наши бомбардировщики в сопровождении истребителей. Со стороны 16-го гвардейского стрелкового корпуса слышен мощный артиллерийский налет — он начал переправу. Уточняю снова у генерала С. С. Гурьева (сменившего Воробьева) обстановку. Докладывает, что 31-я гвардейская стрелковая дивизия возобновила форсирование, прерванное днем. Все три полка дивизии переправляются и каждый уже расширяет свой плацдарм, сейчас начнут движение вперед. Немцы контратакуют, но все их атаки отбиты. Артиллерия давит фашистские батареи, их огонь явно слабеет.

К 10 часам 14 июля главные силы 31-й гвардейской стрелковой дивизии генерала И. Д. Бурмакова (вступил в командование дивизией вместо раненого генерала И. К. Щербины) уже были на западном берегу. Остальные две дивизии корпуса к этому времени тоже захватили плацдармы и с боем расширяли их. Противник пытался севернее Алитуса сбросить в реку части 1-й гвардейской стрелковой дивизии. Завязались ожесточенные бои. А 11-я гвардейская стрелковая дивизия южнее города переправлялась уже при меньшем сопротивлении противника, который, видимо, не ожидал на этом участке атаки. Правда, к вечеру и на ее плацдарме начались сильные контратаки. В итоге боев 16-го гвардейского стрелкового корпуса 14 июля все его дивизии заняли плацдарм на западном берегу Немана на фронте до 25 км и продолжали расширять его в глубину, продвинувшись на 2—4 км.

26-я и 5-я дивизии 8-го гвардейского стрелкового корпуса вышли к реке только к 12 часам того же дня и уже в 14 часов начали форсирование. Артиллерия, поставленная на прямую наводку, хорошо помогла первым частям занять западный берег. К 19 часам начались ожесточенные контратаки немцев, но к этому времени обе дивизии сумели переправить артиллерию с достаточным количеством боеприпасов. Все контратаки были отбиты.

Таким образом, пять дивизий уже были на западном берегу вместе со своей артиллерией. Шестая дивизия только приступила к переправе, а остальные пробивались к реке. Центр армии — 36-й гвардейский стрелковый корпус — отставал и начал переправу только 15 июля утром.

Весь день 15 июля шли бои за расширение и углубление плацдармов. В первой половине дня г. Алитус полностью был очищен от противника. Немцы организовали несколько сильных контратак пехоты и танков, которые были отбиты. Несколько раз налетала фашистская авиация, дважды выводила из строя понтонные мосты, но героические саперы быстро восстанавливали их.

Неплохо в этот день действовали артиллерия и авиация, быстро подавляя фашистские батареи, огонь которых весьма мешал при переправе войск и техники. Если бы врагу удалось длитель-

ное время вести огонь по пристрелянным переправам, то нам не избежать бы больших потерь. Но ему не удавалось это делать. Только немцы займут огневую позицию и откроют огонь, как тут же наши батареи начинают давить противника.

В течение дня и вечером переправились все части 36-го гвардейского стрелкового корпуса. При подходе к берегу корпус разгромил несколько частей врага, который вынужден был отступить, бросив значительную часть техники. Очень напряженный был день. Но гвардейцы действовали геройски.

Когда третий батальон 12-го полка 5-й гвардейской стрелковой дивизии подошел к Неману, заместитель командира батальона по политчасти капитан Янин, призвав бойцов следовать за ним, первым бросился в воду и переплыл на западный берег. За ним переправились все воины батальона и, преодолевая пулеметный и минометный огонь противника, с ходу атаковали врага, чем обеспечили успех другим подразделениям полка.

Пятеро бойцов 31-й гвардейской стрелковой дивизии во главе с комсоргом роты младшим сержантом Овчинниковым первыми в дивизии переправились через реку на сколоченном ими же плоту. Захватив на берегу небольшой плацдарм, они окопались и отразили атаку немцев, уничтожив десять солдат и взяв двоих в плен. Озлобленные немцы еще три раза атаковали храбрецов, пытаясь сбросить их в реку. Но все атаки были отбиты. Пятеро воинов продержались до подхода своих подразделений, помогли им занять оборону, а потом успешно дрались за расширение плацдарма [43].

16 июля противник наращивал удары, пытаясь остановить войска армии, а в ряде случаев даже сбросить наши части в реку. У немцев за эти дни появились новые части и соединения. Немецко-фашистское командование лихорадочно снимало дивизии с других фронтов и сквозь партизанские заслоны перебрасывало их на рубеж р. Неман (в районы Алитуса, Друскининкая), наращивая сопротивление. Активность авиации врага несколько снизилась. Наша ПВО стала действовать более организованно, она была усилена новыми частями и боеприпасами.

Этот факт был особенно важен, так как в войсках стал остро ощущаться недостаток зенитных снарядов.

Трехдневные бои — 17—19 июля — не дали желаемых результатов. Продвижение вперед было незначительным, но плацдармы на западном берегу мы удерживали твердо. Переправы тоже действовали почти нормально.

За шесть дней наступления (с 13 по 18 июля) войска армии с учетом боевых действий 36-го гвардейского стрелкового корпуса восточнее Немана продвинулись на 40 км, доведя общую глубину наступления с начала операции до 480 км [44].

[43] Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5938, д. 77, лл. 282—283.
[44] Там же, оп. 5916, д. 645—649, л. 85.

К этому времени войска 3-го Белорусского фронта полностью выполнили поставленную перед ними Ставкой Верховного Главнокомандования задачу.

Военный совет фронта разрешил 11-й гвардейской армии перейти к временной обороне с 20 по 28 июля.

Вне всякого сомнения, такая оперативная пауза была выгодна и для противника, который за восемь дней существенно увеличил свои силы. Но иного выхода у нас не было. Когда в батальонах оставалось по две, а то и по одной роте, наступать было уже невозможно.

Отдых войскам был очень нужен, пополнения — тоже. А их мы получили совсем немного. В ряде дивизий и после пополнения не было более 5 тыс. человек. И только в немногих насчитывалось по 6000—6300 человек. Боеприпасов мы тоже получили мало. Задачи же стояли перед нами большие.

☆

28 июля — 4 августа осуществлялся седьмой этап армейской наступательной операции, который мы начинали уже с неманского плацдарма. Организационно армия оставалась в прежнем составе, но 2-й гвардейский танковый корпус уже и раньше действовал на другом участке фронта, а теперь еще и 20-ю артиллерийскую дивизию переподчинили другой армии.

Силы противника к началу и в ходе седьмого этапа операции в значительной степени увеличились.

Задача армии заключалась в следующем: во взаимодействии с 31-й и 33-й армиями (33-я армия, введенная в бой между 11-й гвардейской и 5-й, получила другое направление — каунасское) уничтожить противостоящего противника и к исходу второго дня наступления выйти на линию озер Жувинты, Симно, Гилуйце, Дусь, Пасерники; в дальнейшем, стремительно развивая наступление на Калвария, Вижайны, к исходу шестого — восьмого дня выйти на государственную границу СССР с Восточной Пруссией на участке Виштитис, Мирунскен (западнее г. Филипув).

Глубина этой задачи 80—85 км. Учитывая же, что противник в этой глубине имел один основной и два промежуточных заблаговременно подготовленных оборонительных рубежа, а также предполье перед пограничными укрепленными районами западнее Калвария, Шиплишки, можно считать, что это был не этап операции, а по существу новая армейская операция.

28 июля после мощной, но короткой артиллерийской подготовки войска армии снова перешли в наступление.

Противник на занимаемом рубеже оказал упорное сопротивление. Огневыми налетами, проводившимися нередко 8—10 дивизионами артиллерии одновременно, а также контратаками враг стремился задержать продвижение наших частей. На правом

фланге армии в полосе наступления частей 16-го гвардейского стрелкового корпуса немецко-фашистское командование ввело два свежих пехотных полка (340-й и 362-й) 196-й пехотной дивизии, прибывшей из Норвегии. Авиация противника беспрерывно группами в 15—20 самолетов бомбила боевые порядки частей армии. Несмотря на это, войска армии в этот день прорвали рубеж обороны на участке протяжением более 20 км и в глубину до 7—9 км.

В результате последующих боев войска 11-й гвардейской прорвали промежуточный рубеж восточнее Симняса и к утру 30 июля подошли к занятому противником рубежу обороны на линии озер. Гитлеровцы дополнительно ввели в бой четыре пехотных полка из состава 196-й и 170-й пехотных дивизий и два полка 5-й танковой дивизии, но наши войска прорвали и этот заблаговременно подготовленный оборонительный рубеж.

Таким образом, войска, продвинувшись вперед более чем на 30 км, выполнили ближайшую задачу армии, правда, в три дня вместо двух дней по плану.

Прорвав рубеж обороны, части армии снова начали преследование противника, сбивая его арьергарды и преодолевая огневое сопротивление. Враг упорно сопротивлялся, цепляясь за каждую высоту, узел дорог, населенный пункт. Да это и понятно — за спиной сопротивлявшихся войск границы рейха.

К исходу 1 августа части армии с боями продвинулись на 25—35 км, освободив более 100 населенных пунктов, в том числе г. Калвария. Правым флангом армия вышла к заблаговременно укрепленному рубежу противника западнее и северо-западнее Калварии. Части левофлангового 8-го гвардейского стрелкового корпуса вели бой на линии Полюнце — Видугеры, находясь в 10—12 км восточнее рубежа обороны гитлеровцев.

Рубеж западнее Калварии готовился противником в спешном порядке. Как впоследствии выяснилось, в полосе наступления армии на оборонительных укреплениях работало более 20 тыс. местных жителей, помимо инженерных и строительных частей фашистской армии. На этом рубеже мы уже встретили доты, дзоты и особенно много бронеколпаков для пулеметов, располагавшихся в шахматном порядке по 10—12 на один километр фронта. По расчетам немецко-фашистского командования, он должен был прикрыть ближние подступы к границам Восточной Пруссии. Начались ожесточенные бои по прорыву рубежа. Придавая большое значение его удержанию и надеясь остановить на нем продвижение войск армии, противник в период со 2 по 4 августа ввел здесь дополнительно 5-ю танковую дивизию в полном составе, разведывательный отряд и танковое подразделение 20-й танковой дивизии. Одновременно с этим увеличилось количество действовавших артиллерийско-минометных батарей, в том числе тяжелой артиллерии и шестиствольных минометов. Возросла активность обороны противника. Так, 2 августа войска армии отра

зили 14 контратак, в каждой из них участвовало около 2 полков пехоты, 25 танков, 17 штурмовых орудий. 3 августа уже было отбито 25 контратак, в которых в общей сложности участвовало до 60 танков и 35 штурмовых орудий. Примерно такое же количество контратак и той же силы противник провел и 4 августа.

Резко возросла активность вражеской авиации. Об упорстве обороны противника свидетельствуют и его потери. В течение трех дней боев (2—4 августа) войсками армии уничтожено: танков и штурмовых орудий — 42, полевых орудий и минометов — более 60, захвачено в плен 320 солдат и офицеров.

Войска армии в этих боях проявили огромное упорство в достижении поставленных задач. Результатом явился быстрый захват 11-й гвардейской и 33-й армиями сильно развитого долговременного оборонительного рубежа противника западнее Калварии, восточнее Вилкавишкиса [45].

За 8 дней ожесточенных боев мы продвинулись на 65—70 км.

Выход на ближайшие подступы к границам Восточной Пруссии завершил последний этап операции армии. Войска заняли исходное положение для нанесения удара по Восточной Пруссии. Такой удар с прорывом пограничных укрепленных районов потребовал оперативной паузы, которая и началась с переходом войск армии 6 августа к временной обороне.

Так закончилась для нас армейская наступательная операция с рубежа восточнее Орши и до ближних подступов к границе Восточной Пруссии.

В итоговых оценках нашей армейской операции необходимо отметить, что 11-й гвардейской армии удивительно «везло» на командный состав всех категорий. Командиры корпусов, дивизий, полков и весь остальной командный состав, включая и работников управления армии, хорошо справлялись с делом. По ходу событий мы оперативно вмешивались в боевой процесс и помогали быстрее устранять недостатки. Новое, положительное в практике командирского руководства мы делали достоянием всего командного состава армии, стараясь почаще учить людей на конкретных примерах. Понятно, что не забывали и о своей личной учебе. Если ты учишь других, то и сам должен учиться у подчиненных, тщательно анализируй все хорошее и плохое из повседневной практики.

За 43 дня армия прошла с боями около 550 км. Противник отнюдь не бежал, он дрался, цепляясь за каждую удобную позицию.

За время армейской операции нами было захвачено более 26 тыс. пленных солдат и офицеров, 55 танков и штурмовых орудий, 269 орудий разных калибров, 248 минометов, 623 пулемета, уничтожено 250 танков и штурмовых орудий, 598 орудий

[45] Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 155.

разных калибров, 590 минометов и 2386 пулеметов [46]. Мы почти полностью уничтожили четыре пехотные дивизии и ряд отдельных частей, нанесли серьезное поражение пяти дивизиям, в том числе двум танковым и ряду отдельных специальных частей.

Совершенно очевидно, что такой успех был достигнут в результате правильного руководства боями во всех звеньях, высокой боевой выучки и крепкого морального состояния войск. Наше небольшое превосходство над врагом в людях и технике было использовано правильно, с реальным учетом всех возможностей. А это очень важно. Неиспользованные возможности — крупный просчет в руководстве войсками. Думается мне, что мы все-таки в большинстве случаев избежали такого недочета.

Армия с ходу форсировала две крупные реки, прорвала ряд оборонительных рубежей, ликвидировала многие узлы сопротивления. Во всех этих боях было проявлено разумное сочетание мощного фронтального удара с искусством маневра, правильно, творчески использовались вторые эшелоны. От того, как мы планировали по времени и месту ввод в бой второго эшелона, во многом зависел весь бой, операция. В нашей подготовке к боям мы много уделяли внимания этому вопросу и, полагаю, недаром.

В стремительном наступлении командный состав всех степеней и рангов хорошо выполнял требования нашего полевого устава о неотступном преследовании противника с предельным напряжением сил. Враг неоднократно пытался оторваться от наших войск, но мы наносили систематические удары не только по арьергардам, но и по флангам отступавших войск. Мы нередко организовывали параллельное преследование, били и по флангам боевых порядков противника, а в ряде случаев окружали его войска. При параллельном преследовании мы упреждали врага в выходе на Березину и Неман, заставляя его драться в невыгодных для него условиях.

Передовые отряды пехоты, посаженные на автомашины и усиленные танками, самоходной и полевой артиллерией на автотяге, хорошо оправдали себя. Они вырывались вперед, захватывая важные рубежи, узлы дорог, переправы. Передовые отряды существенно мешали противнику организовать планомерный отход и оборону на выгодных ему рубежах.

Форсирование рек с ходу — очень трудный вид боя. Но это давало нам ряд выгодных положений, срывая попытки противника создать прочную оборону на рубежах рек. Подготовку к форсированию рек мы проводили буквально на ходу.

Личный состав армии творчески изучал боевой опыт Великой Отечественной войны, что во многом способствовало успеху. Воинская зрелость базировалась на постоянном изучении марксистско-ленинской теории, которая помогала нам более успешно осваивать боевой опыт. Диалектика — великая сила везде, а в военном

[46] Архив МО СССР, ф. 358, оп. 2593, д. 223, л. 54.

деле особенно. Диалектический подход к оценке своих сил и возможностей, к анализу сил противника в самом широком плане, включая и возможности его командных кадров, помогал нам выбирать наиболее выгодные варианты боя. Коммунистическая партия всегда заботилась и заботится сейчас о том, чтобы в учебных заведениях и в процессе повседневной командирской учебы готовили не просто военного специалиста, а командира-марксиста, творчески осмысливающего свои поступки, идейно убежденного в правоте своего дела.

Хочется отметить еще одну важную особенность в действиях войск армии. Речь идет о гибком реагировании на все тактические и технические новшества, применяемые противником, который тоже экспериментировал. Все новое в действиях противника сразу же бралось на учет, и принимались соответствующие контрмеры.

Операция дала большой боевой опыт всему личному составу армии, который пригодился в последующих боях в Восточной Пруссии.

Прошли годы, а события того времени не меркнут в памяти. Как живые стоят перед глазами воины, которые отдали свою жизнь за Родину в этой тяжелой и славной операции. С благодарностью вспоминаю родных мне гвардейцев 11-й, которые проявили в этих боях мужество и воинское мастерство. Сожалею только о том, что пока еще мало написано об их славных делах, о героических подвигах, которые совершали гвардейцы во имя нашей великой Родины.

МАРШАЛ АРТИЛЛЕРИИ

В. И. КАЗАКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ КОМАНДУЮЩЕГО АРТИЛЛЕРИЕЙ ФРОНТА

Борьба за освобождение Белоруссии началась в сентябре 1943 г., после того как были разгромлены немецко-фашистские армии на Курской дуге. Войска Центрального фронта форсировали приток Днепра р. Сож южнее Гомеля и вступили на землю Белоруссии. Центральным фронтом командовал генерал армии Константин Костантинович Рокоссовский. Я командовал артиллерией фронта.

Из крупных артиллерийских соединений в наступлении наших войск между реками Сож и Днепр и в последующих боях активно, с большим успехом действовал 4-й артиллерийский корпус прорыва. Им командовал генерал Н. В. Игнатов. Корпус прикрывал огнем войска 65-й армии, форсировавшие Днепр севернее Лоева. Чтобы у читателя возникло представление о характере первых боев артиллеристов на белорусской земле, приведу один из наиболее запомнившихся эпизодов.

Батарея 279-го артиллерийского полка под командованием гвардии капитана Петра Чудинова. сопровождая пехоту, форсировала Днепр и, заняв свое место на плацдарме, начала окапываться. Враг предпринял контратаку. Тогда Чудинов выдвинул орудия батареи в боевые порядки пехоты, чтобы помочь пехотинцам вести по врагу огонь прямой наводкой. С «тиграми» и

«пантерами» батарея уже имела дело на Курской дуге, и потому артиллеристы смело вступили с ними в бой.

На левом фланге фашистам удалось вклиниться в оборону нашего стрелкового батальона. Там стояло одно орудие батареи, которое сумели захватить вражеские автоматчики. Чудинов никак не мог примириться с этим, тем более что фашисты начали это орудие поворачивать против наших подразделений. Приказав расчетам продолжать вести огонь по танкам, Чудинов собрал группу из телефонистов, ящичных и ездовых, вооруженных автоматами, и направил их против гитлеровцев. Рывок был стремительный и ошеломляющий. Орудие удалось сразу же отбить. Но в этот момент шальная пуля смертельно ранила отважного воина Петра Чудинова.

За подвиг, совершенный при форсировании Днепра, и стойкость, проявленную в бою за удержание плацдарма, Петру Алексеевичу Чудинову присвоено звание Героя Советского Союза.

20 октября 1943 г. по решению Ставки Верховного Главнокомандования Центральный фронт был переименован в Белорусский (в феврале 1944 г. он стал 1-м Белорусским).

10 ноября 1943 г. войска Белорусского фронта начали Гомельско-Речицкую наступательную операцию. 18 ноября наши войска освободили Речицу, а 26 ноября — Гомель, и сюда вернулось законное правительство белорусского народа. Заведующий административным отделом ЦК партии М. И. Прохоров прибыл из Москвы в Гомель, чтобы подыскать и подготовить помещение для белорусского правительства. Но во всем городе уцелело лишь здание, в котором когда-то находился дом для престарелых. В Гомель прибыло и командование Белорусского фронта.

Штаб фронта уступил свое помещение белорусскому правительству, где разместились наркоматы. ЦК Коммунистической партии Белоруссии и Совнарком БССР расположились в Ново-Белице, в здании бывшего туберкулезного диспансера.

Нам стало известно, что в Озаричах фашисты устроили лагерь, где томилось более 30 тыс. советских людей, большинство из которых были заражены сыпным тифом. Враг рассчитывал таким образом распространить сыпной тиф в наших войсках.

Первый секретарь ЦК партии Белоруссии П. К. Пономаренко и командующий фронтом К. К. Рокоссовский наметили мероприятия по оказанию медицинской помощи этим людям. Была создана правительственная комиссия, которую возглавила заместитель председателя Верховного Совета Белорусской ССР Н. Г. Грек, в ее работе участвовал и нарком внутренних дел БССР С. С. Бельченко. Штаб фронта выделил в распоряжение комиссии автотранспорт, медицинских работников, медикаменты, продовольствие. Сыпной тиф не распространился.

Памятным для меня остался и митинг в Гомеле, посвященный освобождению города. После митинга по требованию населения были публично преданы народной каре предатели белорус-

ского народа. Среди собравшихся находились члены правительства БССР и командование фронта.

27 декабря 1943 г. газеты опубликовали следующее сообщение ТАСС: «26 декабря в г. Гомеле состоялся митинг, в котором приняли участие жители города и колхозники из близлежащих сел и деревень.

На митинге выступили генерал-лейтенант Телегин (он был тогда членом Военного совета нашего фронта.— *В. К.*), секретарь Гомельского обкома партии тов. Жиженков, начальник Гомельского соединения партизанских отрядов тов. Барыкин и другие...» Заканчивалось сообщение словами: «Были приняты приветствия Центральному Комитету Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии и командующему Белорусским фронтом генералу армии Рокоссовскому».

☆

К концу мая 1944 г. войска 1-го Белорусского фронта обороняли рубеж по р. Друть от Хомичи до Рогачева, далее по р. Днепр до Жлобина, устье р. Птичь, по правому берегу р. Припять до Ратно, восточнее Ковеля, Верба. Протяженность линии фронта составляла 700 км. К югу от Владимира-Волынского действовал 1-й Украинский фронт.

Правое крыло 1-го Белорусского фронта — 3, 48, 65, 28-я армии, 1-й механизированный, 4-й гвардейский кавалерийский, 1-й гвардейский и 9-й танковые корпуса, Днепровская военная флотилия, действуя к северу от р. Припять,— занимало выгодное оперативное положение по отношению к группировке противника, оборонявшейся в районе Бобруйска, охватывая ее силами 65-й и 28 армий с юго-востока.

Южнее р. Припять, от Багримовичей до Ратно, на широком, более чем 360-километровом фронте действовали войска 61-й армии.

Южнее Ратно, вплоть до разграничительной линии (Костополь, Рожище, Юзефув) с 1-м Украинским фронтом, занимали рубеж обороны 70, 47, 8-я гвардейская и 69-я армии левого крыла 1-го Белорусского фронта, за которым располагались и основные резервы фронта: 1-я польская армия, 8-й гвардейский и 11-й танковые, 7-й гвардейский кавалерийский корпуса и другие соединения.

В составе фронта находилась 16-я воздушная армия и управление 6-й воздушной армии, которое должно было объединить ряд авиационных соединений и частей и управлять ими в ходе боевых действий войск левого крыла фронта.

Оперативное положение фронта позволяло силами правого крыла осуществить наступление на бобруйском направлении, а армиями левого крыла, значительно выдвинутого к западу, нанести глубокий удар на люблинском направлении и в обход брестской группировки с юго-востока.

Такова была общая обстановка на 1-м Белорусском фронте, когда он получил задачу осуществить наступление в Белоруссии.

Согласно разработанному плану Белорусской операции, наш фронт получил приказ правым крылом разгромить вражескую группировку в районе Бобруйска и выйти в районе Пуховичи, Слуцк, Осиповичи.

По решению командующего фронтом войска правого крыла фронта должны были прорвать оборону противника на двух участках: севернее и юго-западнее Бобруйска — и, развивая наступление по сходящимся направлениям, окружить и уничтожить группировку противника в районе Бобруйска и выйти главными силами в район Пуховичи, Осиповичи, Слуцк. Частью сил войска фронта должны были содействовать войскам 2-го Белорусского фронта в разгроме группировки противника в районе Могилева. Для выполнения этих задач были созданы две ударные группировки. Правая — в составе 3-й и 48-й армий имела задачу прорвать вражескую оборону на 12-километровом участке фронта от Озеране до Рогачева и наступать в общем направлении на Бобруйск, Осиповичи. Для развития успеха наступления этой группировки планировалось использовать соединения 9-го танкового корпуса с задачей выйти в районе Бобруйска и отрезать пути отхода противника на север.

Из данных разведки нам было известно, что на бобруйском направлении противник создал прочную, хорошо развитую в инженерном отношении оборону. Наиболее подготовленной была главная полоса обороны противника. Она состояла из двух, а местами из трех позиций, оборудованных траншеями полного профиля, соединенными между собой ходами сообщения. Общая глубина главной полосы обороны составляла 3—5 км, а местами — 6—7 км. Вторая полоса обороны, проходившая на удалении 8—12 км от переднего края, была подготовлена несколько слабее, чем главная.

В глубине своего расположения противник проводил оборонительные работы по рекам Днепр, Друть, Березина, а также по линии Минск, Слуцк.

Значительная часть населенных пунктов в полосе предстоявших действий войск правого крыла фронта была приспособлена к обороне. Бобруйск был превращен в мощный узел сопротивления.

К началу операции перед правым крылом 1-го Белорусского фронта противник имел 12—14 дивизий. Превосходство над противником на нашей стороне по всем основным показателям было в 3 и более раз.

Что касается артиллерии, то о ней я расскажу несколько подробнее. Ее количество в войсках правого крыла фронта составляло: орудий ПТО (45—57 мм) — 1444, полевых орудий (от 76 мм и выше) — 3769, минометов (82—120 мм) — 3792, установок реактивной артиллерии — 749 и зенитных орудий — 762. Вся эта

масса артиллерии находилась, как известно, в артиллерийских частях и соединениях. Всего в войсках правого крыла фронта имелось: артиллерийских дивизий — 4, зенитных артиллерийских дивизий — 4, отдельных артиллерийских бригад — 7, отдельных истребительно-противотанковых бригад — 4, отдельных минометных бригад — 1, отдельных артиллерийских полков — 4, отдельных истребительно-противотанковых артиллерийских полков — 7, отдельных зенитных артиллерийских полков — 4, отдельных минометных полков — 6, гвардейских минометных дивизий реактивной артиллерии — 1, отдельных минометных полков реактивной артиллерии — 11.

Таким образом, у меня, как у командующего артиллерией фронта и у штаба артиллерии было немало забот.

Ведь 53 артиллерийских соединения и части только здесь, на бобруйском направлении, находились в нашем распоряжении, не меньшее количество их было и на левом крыле фронта[1]. Но, поскольку наступление на бобруйском направлении должно было начаться значительно раньше, мы, естественно, немедленно приступили к подготовке Бобруйской операции.

Итак, решение на операцию было принято, мы его хорошо усвоили, теперь нужно было использовать все возможности, чтобы обеспечить его выполнение в установленные сроки и с наименьшими потерями. Успешное выполнение этих задач в первую очередь зависело от того, насколько умело мы организуем артиллерийское обеспечение операции.

Подготовка артиллерии к прорыву и преодолению мощной обороны противника складывалась из разведки, учета и распределения артиллерийских средств по армиям исходя из их задач, создания артиллерийских группировок, организации управления, боевой подготовки всего личного состава артиллерийских частей и соединений.

В основу решения командующего фронтом по распределению артиллерии между армиями был положен доклад штаба артиллерии, основанный на данных разведки, подробном анализе и расчете потребности артиллерийских средств для подавления огневой системы и разрушения оборонительных сооружений противника на участках прорыва фронта.

Военный совет утвердил следующий план распределения артиллерии. Армии, наносившие главные удары, получили 60% орудий и минометов РГК и 94% реактивной артиллерии РГК. С учетом войсковой артиллерии здесь было сосредоточено 60% артиллерии фронта.

Как создавались артиллерийские группировки? Например, в 65-й армии начальник штаба артиллерии полковник Г. Гусаров создал стройную систему артиллерийских групп и артиллерийско-противотанковых резервов во всех звеньях от армии до стрелко-

[1] «Военно-исторический журнал», 1964, № 6, стр. 75.

вой дивизии. Была привлечена артиллерия из вторых эшелонов для участия в артиллерийской подготовке. При этом предполагалось использовать не только артиллерийские полки стрелковых дивизий второго эшелона, но и их отдельные истребительно-противотанковые дивизионы и даже батарею 120-мм минометов из стрелковых полков.

А в 28-й армии командующий артиллерией генерал-майор артиллерии П. Петропавловский использовал большую часть артиллерии РГК в составе стрелковых корпусов и дивизий. В армии была создана только одна армейская группа артиллерии дальнего действия, состоявшая из двух бригад. В стрелковых корпусах были организованы сильные группы артиллерии разрушения и группы гвардейских минометов. В стрелковых дивизиях первого эшелона создавались группы поддержки пехоты по числу стрелковых полков и артиллерийско-противотанковые резервы. В стрелковых полках первого эшелона 82-мм минометы объединялись в минометные группы или так называемые сводные батальоны. Батареи 120-мм минометов стрелковых полков дивизий — в дивизионы. Как и во всех других случаях, 45- и 76-мм орудия полковой артиллерии сводились в группы орудий для стрельбы прямой наводкой.

Создавая мощные артиллерийские группировки, командование стремилось обеспечить тесное их взаимодействие с поддерживаемыми ими пехотой и танками.

Наряду с артиллерийскими группами полевой артиллерии организовывались армейские зенитно-артиллерийские группы, каждая в составе одной зенитно-артиллерийской дивизии РГК и одного армейского полка. Зенитно-артиллерийская группа в составе одной дивизии РГК и двух полков была создана в конно-механизированной группе генерала И. А. Плиева. Кроме того, в полосе фронта действовал 4-й корпус ПВО страны, который совместно с нашими средствами ПВО прикрывал тыловые объекты фронта.

Каждая армия, входившая в состав войск правого крыла 1-го Белорусского фронта, получила столько артиллерии, сколько требовалось ей для решения боевых задач. Так, в 65-й армии на участке прорыва было сосредоточено 207, в 3-й армии — 209, в 28-й — 225 орудий и минометов на один километр фронта.

Характер местности, изобиловавшей крупными лесными массивами, создавал большие трудности в организации и ведении артиллерийской разведки. На большинстве участков фронта оборона противника с наземных наблюдательных пунктов не просматривалась. В связи с этим мы организовали широкую сеть наблюдательных пунктов, оборудованных на деревьях или на специально построенных вышках. Большое распространение получили также подвижные наблюдательные пункты. Артиллерийские разведчики входили в группу общевойсковых и инженерных разведчиков, действовавших в расположении противника.

Помимо войсковой артиллерийской разведки, в полосах правого крыла фронта действовали три разведывательных артиллерийских дивизиона пушечных бригад и два корректировочно-разведывательных авиационных полка.

С 5 июня в состав фронта начали прибывать новые части артиллерийской инструментальной разведки, и мы сумели на направлениях главных ударов развернуть семь отдельных разведывательных артиллерийских дивизионов. Фронту были приданы еще два воздухоплавательных дивизиона аэростатов наблюдения.

В результате колоссальной и кропотливой работы всеми видами разведки было обнаружено около 3 тыс. различных целей (не считая районов сосредоточения живой силы и боевой техники), в их числе: артиллерийских батарей — 233, минометных — 113, отдельных орудий и минометов — 103, дзотов — 154, блиндажей — 237, наблюдательных пунктов — 106, пулеметов — 1750. Кроме того, в армиях было разведано большое количество траншей, ходов сообщения и проволочных заграждений. Например, разведчики 3-й армии выявили пять линий траншей общей протяженностью в 81,5 км, ходов сообщения — 33,3 км, проволочных заграждений — 13,5 км.

Эти цифры красноречивее слов свидетельствуют о весьма деятельной, обширной и трудоемкой работе подразделений артиллерийской разведки, которая вскрыла группировку артиллерии противника и определила координаты наиболее важных целей.

Подразделения топографической службы развили опорную сеть на площади в 754 кв. км, подали в районы боевых порядков артиллерии 846 опорных точек и произвели привязку к местности более 500 огневых и наблюдательных пунктов артиллерийских частей и соединений.

98-й отдельный корректировочно-разведывательный авиационный полк в подготовительный период произвел 236 самолетовылетов, во время которых производил аэрофотосъемки, визуальную разведку, корректировку огня артиллерии. Два раза была осуществлена аэрофотосъемка обороны противника в общей сложности на площади более чем 3 тыс. кв. км. Дешифрирование аэрофотоснимков позволило установить местонахождение 146 артиллерийских батарей, 99 подготовленных огневых позиций, 61 минометной батареи, 13 зенитных батарей и 102 отдельных орудий.

Дешифрирование аэрофотоснимков дало возможность составить точные карты с нанесенными на них данными воздушной разведки, которые рассылались в артиллерийские части до командиров батарей включительно. Их использовали для подготовки исходных данных для стрельбы по разведанным целям. Эти карты помогали штабам при анализе разведывательных данных, полученных от подразделений других видов разведки.

Весьма ценными данными, особенно в условиях лесной местности, снабжала штабы и визуальная воздушная разведка, ко-

торая обнаружила около 2 тыс. различных целей (1297 автомашин, 150 танков, 12 железнодорожных эшелонов, 18 переправ и большое количество живой силы, сосредоточенной в разных районах).

Все это позволило вскрыть оборону противника достаточно полно. Артиллерия получила необходимые данные для подготовки точного и эффективного огня.

Но, чтобы точно поразить все разведанные цели, необходимо было их еще и пристрелять. Причем сделать это надо было так, чтобы противник не догадался. С этой целью артиллеристы производили пристрелку за несколько дней до начала операции, однако режим огня в дни пристрелки ничем не отличался от огневой деятельности в предыдущие дни.

Орудийные расчеты готовили огневые позиции. Офицеры изучали поле боя, определяли цели, которые необходимо было уничтожить с началом наступления, увязывали взаимодействие с общевойсковыми и танковыми подразделениями. За два дня до наступления ночью вся артиллерия была выведена в исходное положение и заняла огневые позиции.

Артиллерийское наступление в армиях планировалось на основе документов, разработанных штабом артиллерии фронта и утвержденных Военным советом. Одним из этих документов был график артиллерийской подготовки, предусматривавший 15-минутный огневой налет, затем 90-минутное разрушение, далее 20-минутный огневой налет. Таким образом, наиболее длительным был период разрушения.

Такое решение было принято потому, что оборона противника располагала весьма большим количеством оборонительных сооружений, которые предстояло разрушить, иначе невозможно было развивать успешное наступление. Построение артиллерийской подготовки было очень простым. Два мощных огневых налета в начале и в конце артиллерийской подготовки с достаточно продолжительным периодом разрушения между ними позволяли надежно подавить противника и разрушить его основные оборонительные сооружения. При этом последний огневой налет планировалось вести с нарастающим темпом, чтобы способствовать успешному проведению атаки.

Штаб артиллерии дал конкретный расчет расхода снарядов на каждые 5 минут последнего огневого налета. Если на орудие отпускалось 40 снарядов на весь последний огневой налет, то в течение четырех пятиминуток надо было расходовать соответственно 4, 8, 12 и 16 снарядов. Это указание было выполнено во всех армиях правого крыла фронта.

На нашем фронте впервые поддержка атаки планировалась двойным огневым валом. С этим методом, не предусмотренным правилами стрельбы, в войсках были знакомы недостаточно, поэтому штабу артиллерии фронта пришлось разработать подробную инструкцию организации и проведения такой поддержки.

Сущность этого нового метода поддержки атаки заключалась в том, что с окончанием артиллерийской подготовки огонь открывался не по одному, а одновременно по первым двум основным оборонительным рубежам противника. Для этого создавались две группы артиллерии, из которых первая вела огонь как при одинарном огневом вале — по всем основным и промежуточным рубежам и с расходом снарядов, предусмотренным правилами стрельбы. Вторая группа с началом атаки открывала огонь по второму основному рубежу и вела его до приближения огня первой группы к этому рубежу. С переносом огня первой группы артиллерии с последнего промежуточного на второй основной рубеж огонь второй группы переносился на третий основной рубеж, минуя промежуточные, и так продолжалось до последнего рубежа.

Применение этого метода планировалось на большей части участков прорыва. И только на вспомогательных направлениях или там, где не позволяли условия местности, поддержку атаки предполагалось осуществить методом последовательного сосредоточения огня.

После прорыва обороны противника развитие наступления в ее глубине наша артиллерия обеспечивала тем, что подавляла артиллерию и резервы противника, помогала отбивать его контратаки или, когда требовалось, вела сосредоточенный и массированный огонь по новым участкам или объектам в зависимости от выхода нашей пехоты и танков на тот или иной рубеж.

Чтобы артиллерия без задержки перемещалась вслед за пехотой и танками, которым она своим огнем прокладывала путь, приходилось четко руководить ее передвижением. Для этого в помощь артиллеристам выделялись специально созданные команды саперов.

В полосе наступления 65-й армии имелась только одна улучшенная дорога, до предела загруженная войсками, и две гати ограниченной проходимости. Организацией перемещения боевых порядков артиллерии и других войск в ходе наступления специально занимался Военный совет армии. Согласно его указаниям была разработана четкая система комендантской службы и службы регулирования, определена последовательность перемещения войск. Так, с наступающими частями и подразделениями дивизий 18-го и 105-го стрелковых корпусов следовали орудия сопровождения, самоходная артиллерия, танки непосредственной поддержки пехоты, далее двигалась дивизионная артиллерия, бригады 26-й артиллерийской дивизии, полки полевой реактивной артиллерии, истребительно-противотанковые артиллерийские и минометные полки. Подобный порядок соблюдался и на других участках наступления.

Во всех случаях без задержки пропускались штабы частей и соединений, подразделения связи, машины офицеров связи и командования. На всех переправах, гатях и перекрестках выстав-

лялись регулировочные посты и назначались коменданты. Чтобы избежать «пробок», на труднопроходимых участках дорог в распоряжение комендантов выделялись специальные команды, получавшие определенные права.

После образования широкой бреши в обороне противника в прорыв вводились, согласно плану, подвижные группы — танки с мотопехотой и конно-механизированные части. Их ввод в прорыв прикрывала и сопровождала артиллерия.

Намечалось это делать так. Как только танки займут исходный рубеж, удаленный от переднего края на 3 км, по установленному сигналу артиллерия открывает огонь по указанным в плане участкам перед фронтом движения танков и окаймляет их фланги постановкой неподвижного заградительного огня. Аналогичный порядок действий артиллерии предусматривался и при выходе танков на два последующих рубежа, последний из которых был удален от переднего края на 10 км. На этом рубеже артиллерийское обеспечение ввода в прорыв танкового корпуса заканчивалось и дальнейшее обеспечение движения танков возлагалось на авиацию. Или другой пример: в 28-й армии конно-механизированная группа вводилась в прорыв двумя колоннами. Для обеспечения их ввода в каждой полосе выделялось по три артиллерийских полка стрелковых дивизий и по три полка РГК. Кроме того, в обеих полосах к артиллерийскому обеспечению ввода в прорыв подвижной группы привлекалась армейская группа артиллерии дальнего действия в составе двух пушечных бригад.

Своевременному и организованному развертыванию артиллерии в намеченных районах во многом способствовало то, что артиллерийские штабы всех степеней в подготовительный период отрекогносцировали и распределили огневые позиции и наблюдательные пункты для вновь прибывающих частей, произвели топографическую привязку и даже их инженерное оборудование. Кроме того, была широко организована служба проводников, хорошо изучивших маршруты движения и районы боевых порядков.

Выполнение огневых задач артиллерией основано на коллективных действиях воинов — огневиков, разведчиков, связистов, вычислителей, водителей, а в зенитной артиллерии — операторов радиолокационных станций.

Повышение боевой выучки каждого специалиста и слаженности при выполнении задач целым подразделением — вот задача, над которой мы деятельно трудились, чтобы подготовить личный состав к предстоящим боевым действиям.

Сокращение времени на подготовку сосредоточенного и массированного огня в условиях скоротечного боя имеет очень большое значение. Насыщение войск новейшей техникой и механизированным транспортом повышает маневренность целей, по которым артиллерия ведет огонь. Они способны быстро перемещаться с одной позиции на другую. Естественно, чем быстрее артиллерия откроет огонь, тем выше его эффективность, тем больше целей

он накроет. Поэтому артиллеристы постоянно учились быстро и сноровисто действовать у орудий, подготавливать и вести точный огонь в зависимости от обстановки, а также по требованию пехоты и танков в процессе развития наступления в глубине обороны и при отражении контратак пехоты и танков противника. При этом очень важно было добиваться, чтобы танк или другая цель поражались первым же выстрелом.

В ходе подготовки к операции со всем командным составом и штабами подробно отрабатывались все элементы планирования артиллерийского наступления, вопросы организации управления артиллерией в динамике боя, взаимодействия артиллерии с пехотой и танками.

Готовя части и подразделения к предстоящей операции, мы провели практические занятия на местности. Например, в 65-й армии в период с 29 мая по 2 июня во всех соединениях были проведены двусторонние учения стрелковых подразделений с участием артиллерийских подразделений. На этих занятиях были выявлены существенные недостатки, главным образом в организации взаимодействия в ходе наступления. Командиры частей и подразделений кропотливо работали в оставшееся до начала операции время, чтобы устранить эти недостатки. Большую роль сыграли учения с боевой стрельбой, имевшие целью отработать технику сопровождения пехоты огневым валом.

Чтобы лучше организовать взаимодействие между родами войск, в стрелковых корпусах и дивизиях были проведены с командирами всех степеней занятия на ящиках с песком, на которых с большим искусством были воспроизведены местность района предстоящих действий, оборона противника и боевые порядки наших войск. На занятиях детализировались и конкретизировались отдельные вопросы плана операции, были уточнены задачи и действия различных родов войск в разные периоды наступления, разобраны способы преодоления некоторых узлов сопротивления противника и отражения его контратак. Подобные занятия послужили хорошей подготовкой к последующей организации взаимодействия непосредственно на местности во всех командных инстанциях.

Для достижения тесного взаимодействия в ходе боя командиры артиллерийских подразделений размещали свои наблюдательные пункты на командных пунктах командиров стрелковых подразделений, а в боевые порядки пехоты высылали передовых артиллерийских наблюдателей, снабженных радиостанциями. При организации взаимодействия с танкистами были согласованы схемы огня по обеспечению ввода в прорыв танков, установлены общие ориентиры и сигналы вызова и прекращения огня. Для корректирования огня в танках размещались артиллеристы-наблюдатели.

Было организовано четкое взаимодействие артиллерии с авиацией. Артиллерийские и авиационные штабы после ознакомле-

ния с боевыми задачами устанавливали очередность их выполнения артиллерией и авиацией по месту и времени. Артиллерия, как правило, получала задачи на уничтожение и подавление противника в пределах главной полосы, а авиация — в тактической зоне обороны противника. Взаимодействие артиллерии с авиацией выражалось еще и в том, что для ее обеспечения на армейские артиллерийские группы дальнего действия возлагалось подавление зенитной артиллерии противника.

Чтобы управлять артиллерией, требуется надежная и безотказная связь. Она была налажена во всех звеньях сверху донизу с таким расчетом, чтобы информацию снизу можно было получать все время, доводить ее до частей и оперативно осуществлять управление как огнем, так и передвижением вперед и на угрожаемые участки в случае контратак противника. Связаны были между собой проводами и по радио штабы, штабы — с наблюдательными пунктами, командиры стрелковых соединений и полков — с артиллерийскими командирами. В результате имелась возможность в ходе развития операции в целом и в процессе боев отдельных соединений усиливать артиллерией те направления, которые в этом нуждались особенно остро и в первую очередь.

К началу операции снарядов было запасено вполне достаточно, причем их подвезли на такое расстояние, чтобы быстро доставлять на огневые позиции.

Вот какую огромную работу провели артиллерийские войска для подготовки Бобруйской операции.

В ночь на 24 июня наша авиация провела обработку обороны противника на направлениях главных ударов армий. Ночная авиация одиночными самолетами нанесла бомбовые удары по аэродрому в Бобруйске и по живой силе врага в отдельных районах в 5—30 км от переднего края.

Вслед за авиационной была проведена артиллерийская подготовка в полном соответствии с графиком. В 3-й и 48-й армиях она началась в 3 часа 55 минут, а в 65-й и 28-й армиях — в 4 часа 55 минут. Это было самое выгодное время, поскольку наибольшее количество пехоты противника обычно находится в первых траншеях перед рассветом. В результате удачно выбранного времени, высокой плотности и точности огня артиллерийская подготовка оказалась очень эффективной. Мощный огонь тысяч орудий и минометов потряс оборону противника, поражая засевших в траншеях солдат и офицеров, разрушая блиндажи и дзоты. Огневые средства, артиллерийские и минометные батареи были надежно подавлены, а управление вражескими войсками нарушено. Это позволило нашей пехоте беспрепятственно продвигаться вперед в начале наступления.

В траншеях и опорных пунктах валялось множество трупов вражеских солдат, на огневых позициях виднелись разбитые орудия.

Захваченные в плен немецкие солдаты и офицеры говорили о губительном огне нашей артиллерии, о больших потерях в их подразделениях и частях, о нарушении управления войсками во всех звеньях.

Но не только пленные свидетельствовали о мощи нашей артиллерийской подготовки, не менее подробно об этом рассказывали нам и местные жители. Например, они рассказали, что в зоне действий 48-й армии все население ближайших деревень было мобилизовано на уборку трупов. Всю ночь на подводах и автомашинах вывозили раненых. Всего в полосе прорыва 48-й армии прошло до 200 подвод и до 100 автомашин с ранеными.

Уже после первого огневого налета, в период разрушения, наша артиллерия выполняла задачи, не подвергаясь огневому воздействию со стороны врага.

Интересно отметить, что на артиллерийскую подготовку было израсходовано значительно меньше боеприпасов, чем предусматривалось планом. Так, в 65-й армии было израсходовано 99,7 тыс. вместо запланированных 165,7 тыс. снарядов и мин. Примерно такое же положение наблюдалось и в других армиях фронта. Это результат стремления артиллеристов вести огонь возможно точнее.

Когда пехота и танки дружно двинулись в атаку, артиллерия поддержала их двойным огненным валом. Такая поддержка атаки дала хорошие результаты. Во всех армиях пехота и танки продвигались быстрее, чем было рассчитано, и поэтому продолжительность ведения огня по основным рубежам несколько сократилась, а по некоторым промежуточным рубежам огонь не велся совсем.

В результате и в этом периоде артиллерийского наступления расход боеприпасов оказался почти вдвое меньше, чем было запланировано. В некоторых армиях расход снарядов и мин всех калибров составил чуть более 50%.

В обеих правофланговых армиях фронта наступление замедлилось в связи с необходимостью переправиться через р. Друть и преодолеть заболоченную пойму реки. К исходу дня наступления переправились на западный берег р. Друть артиллерийские полки всех стрелковых дивизий, 479-й минометный полк, один самоходно-артиллерийский полк и несколько подразделений легкой 22-й артиллерийской дивизии. В ночь на 25 июня большая часть этой дивизии переправилась через р. Друть и захватила плацдарм на ее западном берегу. На этом рубеже противник начал оказывать упорное сопротивление, переходить в контратаки силою от одного до двух батальонов. Огнем артиллерии и решительными действиями стрелковых частей и соединений все атаки противника были отбиты, но темп наступления замедлился.

На другом участке успешно действовал 18-й стрелковый корпус 65-й армии, который уже к 13 часам овладел опорными пунктами Раковичи и Чернин, углубившись в расположение против-

ника на 5—6 км. С целью развития успеха в образовавшийся прорыв из района Черныша был введен 1-й гвардейский танковый корпус, который к исходу дня продвинулся на глубину до 20 км и вышел в район Кнышевичей. Следовавшие за ним соединения 18-го корпуса продвинулись на глубину до 11 км и выполнили задачу дня.

В связи с высокими результатами артиллерийской подготовки и активной поддержки атаки к моменту ввода в прорыв танкового корпуса противник не смог оказать организованного сопротивления. Поэтому для обеспечения ввода в прорыв танков не потребовалось вызывать огонь артиллерии, выделенной для этой цели.

Особые трудности возникли на некоторых участках при перемещении боевых порядков артиллерии. В первые же часы наступления начала передвигаться вперед дивизионная артиллерия, но из-за неисправности мостов, отсутствия гатей ее движение несколько задержалось. Артиллеристы сами ремонтировали мосты, подвозили лес и строили гати, через трудные участки тянули орудия на руках, а затем неудержимо стремились вперед на разгром врага.

С утра 25 июня наши войска после 45-минутной артиллерийской подготовки возобновили наступление. В полосе 3-й армии с целью завершения прорыва обороны противника был введен в сражение 9-й танковый корпус. Отбивая многочисленные контратаки, войска армии завершили к исходу дня прорыв главной полосы обороны на правом берегу р. Друть и продвинулись на глубину до 10 км.

В полосе 48-й армии особенно упорное сопротивление противник оказал в районе Николаевки, прикрываемой сильным опорным пунктом, организованным на господствующей высоте в большом каменном здании с толстыми стенами и прочными подвалами. Здесь находилось орудие и много станковых и ручных пулеметов. Фланкирующим огнем противник сдерживал продвижение наших подразделений. Сломить в этом месте вражеское сопротивление могла только артиллерия. Несколько 152-мм орудий, стреляя прямой наводкой, разрушили во многих местах стены здания, но пулеметный огонь из подвалов не прекращался. Только после того как командующий артиллерией армии генерал-майор И. И. Тимотиевич приказал сосредоточить здесь сильный огонь, опорный пункт пал.

Армейская артиллерийская группа дальнего действия с помощью летчиков-наблюдателей произвела несколько огневых налетов по дорогам и мостам в районах, удаленных от переднего края на 6—8 км. Колонны автомашин и боевой техники противника, двигавшиеся на Бобруйск, понесли большие потери. На дорогах образовались «пробки». Бросая боевую технику, автомашины и разное военное имущество, враг в панике отступал на северо-запад.

Войска 65-й армии при непрерывной поддержке артиллерии продвинулись в северном и северо-западном направлениях на 20—25 км и очистили от противника более 40 населенных пунктов. Значительного успеха добился 1-й гвардейский танковый корпус генерала М. Ф. Панова с приданной ему 3-й гвардейской истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой. Его передовые части овладели Язвенцами, расположенными в 30 км от переднего края. Непрерывную поддержку наступающим войскам армии оказывали части 4-го артиллерийского корпуса прорыва, перемещавшиеся за наступающей пехотой.

В итоге двухдневных боев на участках главных ударов всех четырех армий правого крыла фронта вражеская оборона была прорвана. Противник, понеся большие потери, начал поспешное отступление, преследуемый нашими войсками. В ознаменование прорыва вражеской обороны на бобруйском направлении столица нашей Родины — Москва салютовала войскам 1-го Белорусского фронта 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

На третий день операции наступление всех армий развивалось еще более успешно. 9-й танковый корпус генерала Б. С. Бахарова начал охватывать Бобруйск с севера, а 1-й гвардейский танковый корпус вышел к юго-западной окраине города.

В этих боях отличилась самоходная батарея под командованием старшего лейтенанта Ф. Сычева. Сопровождая танки, батарея уничтожила до 200 солдат и офицеров, 5 артиллерийских батарей, 20 автомашин, 30 огневых точек, 5 наблюдательных пунктов, захватила 2 тяжелые минометные батареи. Экипаж самоходного орудия под командой младшего сержанта Л. Тверетинова уничтожил 117 солдат и офицеров противника, 3 дзота, 5 ручных пулеметов, 2 бронепаровоза, захватил в плен 15 солдат и офицеров.

Действия артиллерии в прошедшие дни отличались большим разнообразием решаемых ею огневых задач. Артиллерия сопровождения непрерывно и активно поддерживала пехоту и танки огнем прямой наводкой, перемещаясь непосредственно в ее боевых порядках. Артиллерия, действовавшая с закрытых огневых позиций, как правило, успевала перемещаться вслед за продвигающимися вперед войсками и оказывать им серьезную помощь сосредоточенным и массированным огнем.

Весьма многообразные задачи выполняла в ходе боя истребительно-противотанковая артиллерия. Так, 25 июня действующий в составе 3-й армии 1959-й полк 41-й истребительно-противотанковой бригады занимал позицию на правом фланге армии, прикрывая шоссе Могилев — Бобруйск; 1958-й полк этой бригады поддерживал части 46-го стрелкового корпуса с закрытых позиций, а 1960-й полк сопровождал их, действуя непосредственно в боевых порядках пехоты.

Наряду с непосредственной поддержкой наступающих пехоты и танков артиллерия обеспечивала форсирование водных преград.

25 и 26 июня артиллерия отразила несколько контратак противника. Особенно большую помощь оказала артиллерия частям 105-го стрелкового корпуса при овладении ими сильным опорным пунктом противника в Паричах. Сосредоточив в этом районе огонь нескольких артиллерийских бригад и полков, наши войска в упорном бою овладели узлом сопротивления.

С утра 27 июня массированным огнем 4-го артиллерийского корпуса и штатной артиллерии 3-го гвардейского стрелкового корпуса было обеспечено успешное форсирование р. Птичь, а затем и освобождение г. Глусска на правом ее берегу, откуда противник оказывал упорное сопротивление.

27 июня наши войска продолжали успешное преследование разбитых вражеских частей. К исходу дня они в основном окружили бобруйскую группировку противника — пять пехотных и одну танковую дивизии противника и с утра следующего дня начали бои по ее уничтожению.

С этой целью 356-я стрелковая дивизия, находившаяся в резерве, совершив 70-километровый марш, к 12 часам 28 июня развернулась северо-западнее Бобруйска, полностью замкнув кольцо окружения.

Противник во второй половине дня четыре раза предпринимал контратаки группами до 400 человек, но каждый раз, неся большие потери, вынужден был отходить. Командующий артиллерией дивизии полковник Зенченко выдвинул в боевые порядки пехоты 57 орудий всех калибров для стрельбы прямой наводкой. Это сыграло большую роль как в отражении контратак, так и в последующих уличных боях за овладение городом.

В ночь на 29 июня противник предпринял попытку вывести из Бобруйска окруженный гарнизон. Собрав силы, он сумел произвести на одну из наших частей огневой налет и провести контратаку. В результате около 600 фашистов прорвались на огневые позиции нашей артиллерии. Были выведены из строя расчеты двух орудий. Их место заняли офицеры, продолжавшие вести уничтожающий огонь.

Техник-лейтенант Капустин был два раза ранен, но не отошел от орудия. Стойкость и мастерство помогли артиллеристам отбить контратаку врага, при этом было уничтожено до 400 гитлеровцев. Другую нашу батарею контратаковала пехота на бронетранспортерах, поддержанная штурмовыми самоходными орудиями «фердинанд». И эта контратака под руководством старшего лейтенанта Полякова была успешно отражена. Враг потерял самоходное орудие, два бронетранспортера, восемь автомашин и до 80 солдат и офицеров.

Противник не раз предпринимал отчаянные попытки вырваться из окружения. Его артиллерия вела огонь отдельными противотанковыми орудиями и минометами. Всего за день боя наша артиллерия участвовала в отражении 20 контратак противника. Наконец, его сопротивление было сломлено, и наши части к исхо-

ду 29 июня полностью овладели городом и железнодорожной станцией Бобруйск. В тот же день, когда войска 1-го Белорусского фронта заканчивали разгром окруженной под Бобруйском вражеской группировки, командующему фронтом Константину Константиновичу Рокоссовскому было присвоено звание Маршала Советского Союза. Все воины фронта восприняли это сообщение с большой радостью.

В ходе Бобруйской операции артиллерия помогала пехоте не только в огневом обеспечении, но и в быстрой переброске. Так, по инициативе командиров 75-й легкой и 77-й гаубичной артиллерийских бригад, поддерживавших наступление 18-го стрелкового корпуса, пехота была посажена на автомашины (тягачи) и даже на орудия. Благодаря этому она сумела быстро приблизиться к южной и восточной окраинам г. Осиповичи. В завязавшихся уличных боях артиллерия этих бригад вела огонь прямой наводкой. К исходу дня пехотинцы полностью очистили г. Осиповичи от противника.

Вражеской группе численностью в 5 тыс. человек удалось прорваться из окружения из-под Бобруйска и двинуться к Осиповичам. Врагу очень важно было вернуть этот значительный узел коммуникаций, воспользоваться его аэродромом, чтобы обеспечить посадку своих самолетов.

В числе войск, оборонявших освобожденный г. Осиповичи, находилось несколько батарей 297-го гвардейского зенитного полка. В течение 29—30 июня противник мелкими группами атаковал наши позиции в Осиповичах. Острая схватка произошла в районе аэродрома, где находилась четвертая батарея зенитного артполка. Ее атаковал вражеский батальон, приблизившись к орудиям на 20—30 метров. Телефонист батареи ефрейтор Михаил Абросимов призвал товарищей отразить вражескую атаку. Все, кто был вооружен автоматами и гранатами, участвовали в схватке. Порыв наших артиллеристов был настолько велик, что противник не выдержал. М. Р. Абросимов в рукопашной схватке, подобно сказочному русскому богатырю, налево и направо разил фашистов. Отважный воин был смертельно ранен, а возле него валялось 17 трупов врага. Все наши орудия остались на местах. Много было захвачено пленных. Михаилу Романовичу Абросимову 22 августа 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза.

Завершив Бобруйскую операцию, войска фронта преследовали врага на барановичском и минском направлениях. Конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева, выдвинувшаяся вперед, завязала бои за г. Слуцк. Действовавшая совместно с ней 1-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада под командованием гвардии полковника И. М. Вахромеева отбила несколько контратак врага и поддержала передовые части группы в уличных боях. Смелым маневром и быстрым развертыванием подразделения 1318-го истребительно-противотанкового артилле-

рийского полка захватили мост через р. Случь и удерживали его до подхода наших основных сил. 30 июня Слуцк был освобожден.

Артиллерия, сопровождавшая наступавшие подразделения, всегда была готова к отражению контратак пехоты и танков противника. Враг, отступая под натиском наших войск, пытался иногда задержаться на каком-нибудь выгодном промежуточном рубеже. Но чтобы занять его, ему требовалось некоторое время. А это время он мог выиграть, задерживая наше наступление, выставляя заслоны или контратакуя. Одну из таких контратак мужественно и умело отразил огневой взвод, которым командовал лейтенант Николай Павлович Лещенко. Взвод входил в одну из батарей 1318-го истребительно-противотанкового полка, действовавшего в составе конно-механизированной группы генерал-лейтенанта И. А. Плиева.

Взвод активно проявил себя при освобождении г. Слуцка. Сопровождая кавалеристов, бойцы взвода уничтожали пулеметы и минометы врага, которые мешали продвижению вперед наступавших. После освобождения Слуцка наши войска устремились дальше на запад.

Стараясь не отставать, взвод в составе двух орудий двигался в быстром темпе. И вдруг на окраине Несвижа тягач одного из орудий был обстрелян фашистским танком и загорелся. Здесь и проявилось высокое благородство Лещенко, его верность законам войскового товарищества. Приказав расчету второго орудия немедленно открыть огонь, он с замковым Зимовцом бросился спасать товарищей, находившихся в горящем тягаче. Когда часть раненых была вынесена в укрытие, ранило Зимовца. На тягаче второго орудия всех раненых эвакуировали в тыл. Николай Лещенко подсчитал: у него есть одно орудие без тягача и шесть артиллеристов. Не много осталось от взвода, но пока есть орудие, есть люди, есть снаряды, надо драться, выполняя боевую задачу.

Из г. Несвижа вышла группа вражеских танков и двинулась в направлении огневой позиции орудия Лещенко. Лейтенант тут же отдал распоряжения: гранаты применять, только когда танки приблизятся метров на 25—30, огонь из автоматов вести по пехоте, и только прицельный, затем приказал рядовому Гришаеву стать к орудию в качестве заряжающего. Сам же он исполнял обязанности наводчика, остальные во главе со старшим сержантом Вовчеком остались в окопе с автоматами и гранатами наготове.

Внимательно наблюдал Лещенко через панораму за приближающимся танком, стараясь точнее определить расстояние до него. 200 м, 150. Можно стрелять. Гришаев досылает в ствол снаряд. Гремит выстрел. Но снаряд, попав в танк, срикошетил. Из танка дали в ответ пулеметную очередь. Второй снаряд, выпущенный Лещенко, угодил в уязвимое место, и танк запылал. Тут же офицер навел орудие на второй танк. Выпущены два снаряда,

и он тоже горит. Остальные танки продолжали движение и на ходу вели огонь из орудий и пулеметов. О щит дробно стучали пули и осколки. Рядом рвались снаряды. Пока лейтенант вел единоборство с танками, артиллеристы, сидевшие в окопах, под командой сержанта Вовчека вели упорную борьбу с вражеской пехотой.

Лещенко уже подбил третий танк. А Вовчек в это время гранатой уничтожил сидевших на броне пехотинцев. Остальные танки продолжали двигаться, будто их гнал кто-то, кого они не осмеливались ослушаться.

— Ну что же. Ползите, гады! — крикнул в сердцах Лещенко, продолжая посылать снаряды по танкам. Скоро загорелся четвертый танк. Пятую машину Лещенко расстрелял, когда она подошла метров на 35 к огневой позиции.

Это был тяжелый бой одного орудия против восьми танков. Лишь три из них уцелели, повернув вспять.

Наградой за этот подвиг Николаю Павловичу Лещенко был Указ Президиума Верховного Совета СССР 25 сентября 1944 г. о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Боевые награды получили старший сержант Вовчек и все остальные участники этого памятного боя.

В результате семидневных боев (с 24 по 30 июня 1944 г.) войска правого крыла нашего фронта прорвали вражескую оборону на 200-километровом фронте, окружили и разгромили в районе Бобруйска основные силы 9-й армии врага и, продвинувшись на 100—125 км, создали благоприятные условия для развития наступления на Минск и Барановичи. Продолжая преследовать врага, наши войска перерезали дорогу Минск — Барановичи, за сутки до освобождения Минска перерезали железные дороги, ведущие от Минска на северо-запад и на юго-запад. 3 июля столица Белоруссии была полностью освобождена от врага.

За это время огнем артиллерии и других родов войск было уничтожено: танков и самоходных орудий — 248, орудий и минометов разных калибров — 2872, пулеметов — 3850, автомашин — 8435, радиостанций — 115, самолетов — 48, живой силы — более 63 тыс. человек. Кроме того, в ходе операции огнем артиллерии было подавлено около 1500 различных целей и отражено большое количество контратак противника.

Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта успешно продолжали развивать наступление в западном и юго-западном направлениях. В это же время началась деятельная подготовка к Люблинско-Брестской операции на левом крыле фронта.

☆

Подготовка к Люблинско-Брестской операции свелась прежде всего к тому, чтобы высвободившуюся после осуществления Бобруйской операции артиллерию перебросить с правого крыла фрон-

та на левый. Но об этом подробнее я расскажу ниже. Вначале о том, что собой представляла эта операция и каковы были ее характерные особенности.

Она была фронтовой операцией, составлявшей одну из частей общей стратегической Белорусской операции.

Местность, по которой наступали войска нашего фронта, с множеством лесов, перелесков, болот, порой непроходимых, рек и речушек. Действовать в таких условиях, особенно артиллерии, можно было, только придерживаясь дорог. А это в какой-то степени ограничивало маневренность войск. Однако выгодные для обороны условия местности немецко-фашистское командование использовало не везде. На некоторых участках оно подготовило три оборонительные полосы, первая из которых имела глубину от 3 до 6 км. Многие населенные пункты, находившиеся в первой, главной полосе, были использованы как опорные пункты обороны. Очень сильно была подготовлена также полоса, которую преодолевали наши войска вдоль левого берега Западного Буга, от Бреста до Устилуга. Она состояла из узлов сопротивления и опорных пунктов, внутри которых имелись траншеи, доты и дзоты. С фронта и с флангов многие узлы сопротивления и опорные пункты были прикрыты проволочными заграждениями и минными полями.

В условиях лесисто-болотистой местности противник часто применял отдельные танки и самоходные орудия для ведения огня из засад, а также в ходе контратак. Поэтому большая часть нашей истребительно-противотанковой артиллерии выдвигалась вперед и действовала вместе с передовыми отрядами.

Нашему фронту предстояло силами правого крыла и центра продолжать преследование врага, а войсками левого крыла перейти в наступление, двигаясь в обход Брестского укрепленного района с севера и юга, разгромить врага и выйти на широком фронте к р. Висле.

На левом крыле фронта у нас было много артиллерии — 32 полка, в которых насчитывалось до 1000 орудий и минометов, однако для проведения операции этого было недостаточно. Поскольку дополнительных артиллерийских средств мы не получали, усилить артиллерией ударные группировки на левом крыле фронта можно было лишь за счет переброски ее с правого крыла; сделать это, конечно, необходимо было быстро и скрытно.

В первую очередь перебросили на левое крыло 4-й артиллерийский корпус прорыва, заодно с ним шесть отдельных артиллерийских бригад, семь полков и два отдельных артиллерийских дивизиона особой мощности — всего 56 полков, насчитывавших в своем составе 965 орудий и минометов, 428 рам и 96 установок реактивной артиллерии. Кроме того, для ведения воздушной разведки перебрасывались два воздухоплавательных дивизиона аэростатов наблюдения и отдельный корректировочно-разведывательный авиационный полк.

Перегруппировка такого большого количества артиллерийских частей потребовала проведения точной и кропотливой работы по составлению графика их передвижения, определению маршрутов, обеспечению транспортом, горючим и всем необходимым.

В результате такой великолепной рокировки артиллерии с одного крыла на другое заранее была создана очень сильная группировка для первоначального удара по врагу. Для переброски такого количества боевой техники потребовалось 70 железнодорожных эшелонов и 35 тыс. автомашин. На участке прорыва вражеской обороны была сосредоточена артиллерия, плотность которой на 1 км фронта составила 180—240 орудий.

Люблинско-Брестская операция была проведена с 18 июля по 29 августа 1944 г. Она, как и предыдущие операции, началась артиллерийской канонадой.

18 июля вся сосредоточенная на участке прорыва артиллерия произвела в течение 30 минут интенсивную обработку обороны противника. Удар был очень сильный, и в течение первого же дня наши войска прорвали главную полосу обороны врага на всю ее глубину. Им удалось с ходу форсировать р. Выжувку, захватить небольшие плацдармы на ее берегу и вклиниться во вторую полосу обороны. На этих плацдармах оказались и артиллерийские подразделения стрелковых дивизий. Ночью плацдармы были расширены, и это позволило преодолеть реку на более широком фронте.

Наступление в последующие дни развивалось еще более успешно. Скоро наши войска преодолели вторую полосу вражеской обороны и к исходу третьего дня наступления вышли к р. Западный Буг.

С утра 21 июля после короткого, но мощного огневого налета артиллерии по траншеям и узлам сопротивления противника наши войска с ходу форсировали реку, значительно расширили плацдармы, а на некоторых участках продвинулись до 12 км.

Артиллерийское обеспечение форсирования и дальнейшего наступления пехоты осуществлялось преимущественно огнем орудий, выделенных для стрельбы прямой наводкой, расположенных на восточном берегу реки и на плацдармах. Части артиллерии усиления, вооруженные орудиями крупных калибров, поддерживали действия войск массированным огнем по узлам сопротивления и опорным пунктам в глубине вражеской обороны. С захватом плацдармов артиллерия начала переправляться через Западный Буг по исправным мостам, захваченным у противника, а также на подручных средствах, понтонах и даже вброд в мелких местах.

Переправившиеся через реку артиллерийские части немедленно занимали боевые порядки и своим огнем содействовали успешному продвижению пехоты. Все усиливавшийся огонь артиллерии и активные действия авиации по вражеским коммуникациям и тылам не дали противнику возможности привести потрепан-

ные части в порядок, организовать управление войсками и оказать значительное сопротивление нашим частям.

Противник продолжал отходить как перед войсками левого, так и правого крыла фронта, боясь попасть в окружение. С этого времени преследование врага разделилось как бы на три направления: брестское, седлецкое, люблинское.

24 июля над г. Люблином взвился алый стяг нашей Родины. Большую роль в обеспечении боевых действий сыграли орудия непосредственного сопровождения, которые, следуя в боевых порядках пехоты, вели огонь по огневым точкам и живой силе противника с коротких остановок прямой наводкой. Болотистая местность и плохое состояние дорог во многих местах крайне затрудняли действия артиллерии. Однако при подготовке к наступлению эти обстоятельства учли и приняли необходимые меры. В артиллерийских частях заготовили щиты и маты, с помощью которых можно было преодолевать болотистые участки. Кроме того, в состав артиллерийской разведки пути, двигавшейся непосредственно за боевыми порядками пехоты, были включены ремонтные команды, восстанавливавшие мосты и труднопроходимые участки дорог. Таким образом, артиллерия не отставала от пехоты и постоянно оказывала ей надежную огневую поддержку.

Завершив форсирование р. Западный Буг, войска левого крыла перерезали шоссе и железную дорогу Брест — Бяла-Подляска и соединились с войсками правого крыла фронта. Взламывая дальше оборону противника, советские войска упорно продвигались вперед. К исходу дня они овладели тремя высотами и населенными пунктами Вычулки и Крушина, отбросив фашистов на третью позицию, основу которой составляли внешние форты крепости Брест. Но враг продолжал упорно и остервенело сопротивляться, нередко переходя в контратаки. Наиболее сильную контратаку фашисты предприняли из района высоты 145,1, за которую развернулись особенно упорные бои.

Исключительный героизм проявил комсорг седьмой батареи 31-го гвардейского артиллерийского полка наводчик И. П. Гуров. Его тяжело ранило, но он не ушел с поля боя и заменил вышедшего из строя командира орудия. Под его руководством расчет отразил все контратаки врага, уничтожил несколько танков, бронетранспортеров и истребил много живой силы.

За мужество и отвагу, проявленные в боях под Брестом, ефрейтору Ивану Петровичу Гурову присвоено звание Героя Советского Союза.

Прорыв третьей позиции врага дался нелегко. Трое суток продолжались здесь ожесточенные бои. Наши войска несли потери, но были полны решимости освободить советский город. В этих боях отлично проявили себя воины 31-го артиллерийского полка. Большая часть их пушек находилась в боевых порядках пехоты, вела огонь прямой наводкой и наносила врагу невосполнимый урон.

Младший сержант В. А. Макаров обнаружил расположение двух пулеметов, дзота, 75-миллиметрового орудия и двух минометов. Артиллеристы уничтожили все эти цели. Радиотелеграфист 2-го дивизиона младший сержант В. Ф. Куликов с радиостанцией находился в 200 м от немцев. Он корректировал огонь батареи. Гитлеровцы обстреляли его. Осколком снаряда разбило микрофон. Быстро заменив его, Куликов продолжал работу.

Смело и решительно действовали штурмовые группы. Используя огонь артиллерии и минометов, они просачивались через боевые порядки врага, блокировали доты и дзоты, а затем подрывали их. А вечером 27 июля несколько наших подразделений полностью овладели высотой 145,1. Третья позиция противника на этом участке была прорвана. Как только появились признаки того, что враг оставляет Брест, подразделения немедленно перешли в преследование, сбили заслоны, оставленные на четвертой позиции, и с ходу ворвались в город. Разрозненные группы противника, прикрывавшие отход своих войск, оказали слабое сопротивление. Стремительно преследуя их, наши части очистили южную половину города и крепость и вышли на р. Буг. Благодаря смелым и решительным действиям удалось предотвратить взрывы многих зданий и сооружений города, а также железнодорожного моста через Буг. 28 июля старинный город и крепость Брест были полностью освобождены.

К исходу 29 июля окруженная в районе Бреста группировка противника была полностью ликвидирована.

Все это время артиллеристы участвовали в отражении контратак врага, которые он предпринимал непрерывно, стараясь сдержать наш натиск. Но это ему не удалось. Скоро наши войска форсировали Вислу в нескольких местах и захватили на ней важные плацдармы в районах Пулавы и Магнушева. С выходом наших войск на Вислу и захватом плацдармов на ее западном берегу закончилась Люблинско-Брестская операция, завершилось освобождение Белоруссии. Боевые действия были перенесены на территорию Польши.

И опять не могу обойтись без цифр. Прорвав вражескую оборону западнее г. Ковель, наши войска расширили прорыв до 300 км и продвинулись в глубину на 160—240 км. При этом шесть гитлеровских дивизий были полностью разгромлены, а остальные войска врага понесли тяжелые потери. Огромный урон противнику нанесла артиллерия. По далеко не полным данным, за время операции ее огнем было уничтожено и подавлено около 4,5 тыс. различных целей, в том числе более 1 тыс. артиллерийских и минометных батарей и отдельных орудий и минометов, более 2 тыс. пулеметов, 200 оборонительных сооружений, около 100 танков и самоходных орудий. Кроме того, от огня артиллерии противник потерял только убитыми около 20 тыс. солдат и офицеров. И все это не считая потерь, нанесенных противнику при отражении его многочисленных контратак и контр-

ударов. С 18 июля по 29 августа артиллерия трех армий, действовавших на главном направлении, израсходовала около 1 млн. 700 тыс. снарядов и мин всех калибров.

В честь победы наших войск под Бобруйском, Минском, Люблином, Брестом и другими городами Белоруссии в столице нашей Родины гремели торжественные артиллерийские залпы.

☆

В этих кратких воспоминаниях я хочу посвятить несколько страничек командующему фронтом К. К. Рокоссовскому.

С именем Рокоссовского, как известно, связано много славных, выдающихся побед наших войск в годы Великой Отечественной войны. Именно тогда с необыкновенной силой проявились военное дарование и полководческий талант Рокоссовского, удивительно простого, скромного, бесконечно любящего людей военачальника.

Мне выпала доля начиная с 1941 г. и почти до конца Великой Отечественной войны служить под непосредственным командованием К. К. Рокоссовского. Я твердо знаю, что каждый, кому, как и мне, довелось работать с ним, на всю жизнь проникся к нему глубочайшим уважением, а главное — научился у него многому хорошему. Чем же Константин Константинович привлекал к себе людей, что тянуло их к нему, вызывало большую солдатскую любовь?

О Рокоссовском наш народ многое слышал, многое знает. Старшее поколение не забыло, как громко и значительно звучало во время войны его имя! Мне же хочется здесь поведать о том, что было хорошо известно только тем, кто близко сталкивался с ним в годы войны.

Первая моя встреча с К. К. Рокоссовским произошла глубокой ночью 22 июля 1941 г. Тогда штаб 7-го механизированного корпуса, начальником артиллерии которого я был, получил приказ войти в подчинение Рокоссовского и составить штаб группы войск, которой он тогда командовал.

Эта встреча оставила в наших сердцах неизгладимое впечатление. Константин Константинович совсем не был похож на тех командармов, с которыми нам уже довелось иметь дело на фронте. У некоторых из них можно было наблюдать повышенную нервозность. Рокоссовский же, несмотря на очень тревожную и напряженную обстановку, был сдержан, внешне спокоен, и все, о чем он говорил, звучало просто, будничпо, деловито. Выводы же он делал ясные, немногословные, определенные. Их логика была неопровержима. И такому командующему сразу начинали верить. Внешность Константина Константиновича также была примечательна: высокий, стройный и всегда подтянутый, он сразу располагал к себе открытой улыбкой и мягкой речью.

В августе 1941 г. К. К. Рокоссовский был назначен командующим 16-й армией, полковник М. С. Малинин — начальником

штаба армии, а я — начальником артиллерии. С тех пор мы трое были неразлучны до ноября 1944 г. Я был с ним на Брянском, Донском, Центральном и Белорусском фронтах.

Мы не раз имели возможность убедиться, что наш командующий — личность незаурядная. В те тяжелые для Родины месяцы К. К. Рокоссовский не раз попадал в весьма критическое положение и должен был принимать решения в крайне запутанной обстановке. И каждый раз мы имели возможность убедиться, как хладнокровен и невозмутим этот человек. Его самообладание вызывало изумление. Эти его качества благотворно влияли на всех работников штаба, создавая атмосферу уверенности, внося четкость и организованность в его боевую деятельность, в руководство войсками. Это же передавалось по каким-то невидимым нитям подчиненным. В его присутствии никак невозможно было проявить признаки беспокойства или, что еще хуже, растерянности.

Константин Константинович обладал и другими драгоценными качествами, которые имели огромное влияние на окружающих и в постоянстве которых мы неоднократно убеждались. Он был необыкновенно прост и неподдельно скромен, чуток и справедлив. Будучи безусловно очень строгим и требовательным начальником, он никогда не был груб с подчиненными, не прибегал к брани. Особенно поражала в нем способность воздействовать на провинившихся, ни в какой мере не унижая их.

О деятельности К. К. Рокоссовского можно рассказать много интересного и поучительного, но сделать это в кратких заметках просто невозможно. Поэтому я приведу несколько эпизодов, в которых перед читателем предстанет К. К. Рокоссовский таким, каким мы его знали в годы войны.

Помню, летом 1943 г., проверяя состояние обороны войск, мы приехали в 280-ю стрелковую дивизию. Многое из того, что требовал командующий, здесь еще не было сделано. Командир дивизии генерал-майор Д. Н. Голосов, чувствуя свою вину, смущенно и несколько растерянно отвечал на вопросы Рокоссовского.

За такие огрехи, которые мы обнаружили в 280-й стрелковой дивизии, другой командующий учинил бы ее командиру сильнейший «разнос». Человеку, мало знавшему К. К. Рокоссовского, могло даже показаться, что все обойдется благополучно, командующий внешне ничем не проявлял недовольства. Видимо, такая мысль возникла и у командира дивизии. Подошло время обеда. Мы направились к командному пункту дивизии. Генерал Голосов, ободренный «спокойствием» командующего, пригласил его и всех нас пообедать. Пригласил... и сразу же пожалел об этом.

Константин Константинович ответил:

— У командира дивизии, у которого столько беспорядков, обедать никак невозможно. Сначала наведите порядок в дивизии, а потом уже приглашайте нас на обед.

Рокоссовский, приложив руку к козырьку фуражки, повернулся и зашагал к своей машине. Это было тяжелее наказания.

Во время Курской битвы летом 1943 г. К. К. Рокоссовский командовал Центральным фронтом.

В 5 часов 50 минут 5 июля, когда после 80-минутной артиллерийской и авиационной подготовки вражеские войска перешли в наступление, члены Военного совета и начальники родов войск, проведя бессонную ночь, собрались у Рокоссовского, ожидая его указаний. Но вместо распоряжений К. К. Рокоссовский спросил, уверены ли мы в своих планах и в полной готовности подчиненных войск выполнить задачу, выпавшую на их долю. Получив положительный ответ, он как-то очень по-домашнему сказал нам:

— Ну, раз так, то я советую всем часика два отдохнуть. А то если мы будем бодрствовать, то наверняка не удержимся и начнем дергать командармов, то и дело запрашивая обстановку. А ведь им самим нужно еще во всем разобраться, проанализировать донесения соединений, оценить обстановку. На все это уйдет немало времени. Можете не сомневаться, как только им все станет ясно, они сами доложат. Так что я иду спать и всем советую поступить так же.

Разговор был окончен, и все разошлись. Не знаю, сумел ли Константин Константинович заснуть в тот предутренний час, однако одно достоверно: его телефон молчал до тех пор, пока не начали поступать доклады командармов о ходе боевых действий. Да, наш командующий обладал завидной выдержкой, которой мы не переставали изумляться и восхищаться. Командармы ему были благодарны за это. Но никто не знал, какого напряжения воли и нервов стоило Рокоссовскому это спокойствие, так благотворно действовавшее всегда на окружающих.

Вслед за Курской битвой последовали новые, теперь уже только наступательные операции, в том числе и Белорусская. Этой операции предшествовал период некоторого затишья, во время которого произошло такое событие.

Задолго до проведения Белорусской операции южнее нас действовал 2-й Белорусский фронт первого формирования. В его полосу входили Пинские болота, а на левом крыле находился г. Ковель, сильно укрепленный противником. И вот в последних числах марта 1944 г. Ставка решила расформировать 2-й Белорусский фронт, а его полосу вместе с действующими в ней войсками передать нашему, 1-му Белорусскому фронту.

В г. Сарны, где располагался штаб 2-го Белорусского фронта, специальным поездом выехала группа генералов и офицеров всех родов войск и служб, возглавляемая К. К. Рокоссовским. В этот период бендеровские бандиты рвали линии связи, уничтожали из засад наших связистов, пытавшихся восстановить их. Поэтому к нашему приезду в Сарны штаб фронта располагал сведениями о состоянии войск двух-, пятидневной давности.

Связь с войсками не работала, за последние дни ни один офицер штаба 2-го Белорусского фронта не выезжал в армии для выяснения обстановки.

К. К. Рокоссовский приказал начальнику ВОСО фронта генералу А. Г. Чернякову к утру следующего дня подать на ст. Сарны бронепаровоз с двумя броневагонами. И вот оперативная группа, возглавляемая Рокоссовским, благополучно появилась в штабах 47-й и 69-й армий, действовавших под Ковелем. С приездом К. К. Рокоссовского за очень короткий срок наладили твердое управление войсками, благодаря чему удалось избежать многих неприятностей со стороны противника.

Тогда же было принято и осуществлено еще одно смелое решение, которое было возможно, пожалуй, только при таком командующем, как Рокоссовский. С правого крыла фронта под Ковель, на расстояние около 1000 км, в условиях снежных заносов перебросили походным порядком три противотанковые бригады и одну зенитную артиллерийскую дивизию (всего 13 полков) для усиления обороны войск 47-й и 69-й армий.

Помню, когда мы предпринимали эту безусловно сложную переброску артиллерии, кое-кто говорил, что это безумие: если части и проделают этот тяжелый марш, то затратят на него очень много времени и их техническое состояние окажется небоеспособным. А Рокоссовский, глубоко веря в своих артиллеристов, подписал боевое распоряжение. И к чести командования и личного состава этих частей, особенно большой армии водителей, марш был совершен во всех отношениях блестяще. Дальнейший ход боевых действий показал, что своевременная переброска под Ковель такого артиллерийского усиления избавила нас от многих тяжелых последствий.

Умно и с величайшим тактом К. К. Рокоссовский поправлял не всегда удачные решения командующих армиями, отнюдь не задевая их самолюбия. Он так вел разговор, что побуждал командармов самих отказываться от неудачных решений.

В период распутицы командующий 48-й армией генерал П. Л. Романенко решил провести частную операцию с целью занять более выгодные позиции на одном из участков фронта. К. К. Рокоссовский разрешил на время операции придать 48-й армии из своего резерва 4-й артиллерийский корпус прорыва под командованием генерала Н. В. Игнатова. Накануне назначенного дня наступления, когда все было уже спланировано, выяснилось, что некоторые части корпуса еще находятся на марше и никак не могут успеть вовремя прибыть в назначенные им районы. В связи с этим командующий артиллерией армии генерал И. И. Тимотиевич доложил командарму, что артиллерия из-за распутицы запаздывает и поэтому необходимо отложить операцию на два-три дня. Генерал Романенко заявил, что он не привык отменять своих решений и начнет наступление в назначенный день. Твердость и постоянство — вообще-то хорошие качества, но он потре-

бовал «во что бы то ни стало» обеспечить своевременную и полную готовность артиллерии. Командующий артиллерией армии и офицер штаба фронта, посланный нами для оказания помощи в планировании и контроля, прекрасно понимали, что на подтягивание отставшей артиллерии потребуется не меньше двух дней. Понимали они и то, что, если наступление начнется без надежной артиллерийской подготовки и последующей поддержки, которые они спланировали, трудно рассчитывать на успех. Все это приведет к большим и неоправданным потерям.

Офицер штаба артиллерии фронта в тот же вечер связался со мной по ВЧ, доложил о положении дела. Я немедленно отправился к Рокоссовскому и рассказал обо всем. Он тут же вызвал к телефону Романенко.

Константин Константинович начал разговор в своей обычной манере, очень ровно и дружелюбно.

— Добрый вечер, Прокопий Логвинович, как идут у вас дела?

— Все в порядке, товарищ командующий,— бодро ответил Романенко,— как я вам и докладывал, начну завтра в назначенное время.

— Ну, а наши артиллеристы не подведут? Как выглядит корпус Игнатова?

— Да, только у него одного не все благополучно. Некоторые его бригады еще не подошли. Но я приказал, чтобы к утру они все были на месте в полной готовности к открытию огня по плану.

— А зачем вы их торопите, Прокопий Логвинович? Ведь дороги-то сейчас тяжелые, сами знаете какие. Я бы на вашем месте перенес срок.

— Так вы разрешите, товарищ командующий, дня на два отложить операцию?

— Да хотя бы и на пять! Это же ваша частная армейская операция, в которой мы не связываем вас жесткими сроками. А своя рука — владыка.

— Благодарю, товарищ командующий. Мы в штабе все подсчитаем, и тогда я доложу вам о своем решении.

— Не возражаю, Прокопий Логвинович. Доброго здоровья. Желаю успеха.

Константин Константинович положил трубку. Его глаза как-то очень мягко, чуть лукаво улыбались.

Войска 48-й армии хорошо подготовились и успешно выполнили операцию. А генерал Романенко, видимо, так и не догадался, не почувствовал, что Рокоссовский звонил ему с одной-единственной целью — помочь принять правильное решение.

Вот так, без шума и крика, без угроз и разносов Константин Константинович умел искусно направлять действия командармов, всегда щадя их самолюбие. За это командармы и войска дарили своему командующему фронтом любовь и преданность,

подкрепляя их постоянной готовностью выполнить его приказ, каких бы великих трудов это ни стоило.

Рокоссовский приказал — значит будет исполнено наилучшим образом!

☆

Бои по освобождению Белоруссии от немецко-фашистских оккупантов остались в моей памяти как великое событие. И если в этих страничках воспоминаний я сумел хоть в какой-то степени передать тот замечательный порыв, с каким мы выполняли боевые задания на фронте по освобождению белорусской земли, буду считать, что свой долг я выполнил.

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК

И. И. ЛЮДНИКОВ

39-я АРМИЯ В БОЯХ ЗА ВИТЕБСК

ПОДГОТОВКА К БОЛЬШОМУ НАСТУПЛЕНИЮ

К моменту получения приказа на проведение Белорусской операции войска 39-й армии, вышедшие поздней осенью 1943 г. на подступы к Витебску, занимали оборону на рубеже Кончани, Пушкари, Заболотники, Шарки, укрепляли свои позиции.

Следует сказать, что в феврале 1944 г. армия пыталась освободить Витебск, но эта попытка закончилась безрезультатно. Соединениям армии не удалось прорвать оборону противника и выполнить задачу. Наступление, несколько раз возобновлявшееся, из-за значительных недочетов во взаимодействии войск и сильной обороны врага было остановлено, и войска армии, понесшие в боях значительные потери, перешли к обороне.

С февраля 1944 г. в полосе действий армии наступило относительное затишье. Ни одна из сторон не предпринимала серьезных попыток перехода к решительным действиям.

Гитлеровское командование считало Витебск основным опорным пунктом на левом крыле группы армий «Центр» и стремилось любыми мерами удержать его. Противник создал здесь оборонительные рубежи, связанные между собой системой отсечных позиций, с большим умением использовал особенности пересеченной местности.

Я прибыл с 1-го Украинского фронта с должности командира корпуса на должность командующего 39-й армией 1 июня 1944 г. В этот же день командующий 3-м Белорусским фронтом генерал-полковник И. Д. Черняховский вручил мне частную директиву Военного совета фронта на наступление и приказал приступить к подготовке Витебской операции.

Войскам армии приказывалось: силами 5-го гвардейского стрелкового корпуса (три дивизии) и двумя дивизиями — 251-й и 164-й — нанести удар с фронта Макаров, Языково в общем направлении Пересочна, Плиссы, Гнездиловичи, соединившись с войсками 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта в районе севернее Островно, окружить и уничтожить противника в районе Витебска и освободить город. Частью сил армия должна была продолжать наступление в направлении Бешенковичей.

Сосед справа — 43-я армия (командующий генерал-лейтенант А. П. Белобородов), во взаимодействии с войсками которой 39-й армии предстояло уничтожить врага в районе Витебска, должен был нанести удар своим правым флангом, прорвать оборону противника на участке Ново-Игуменщина, Тошник (30 км северо-западнее Витебска) и, разгромив шумилинскую группировку противника, выйти к Западной Двине в районе Гнездиловичи и западнее. В последующем армии надлежало захватить плацдарм на правом берегу Западной Двины, а частью сил развивать наступление в сторону Витебска, содействуя 39-й армии в уничтожении сил противника в этом районе.

Таким образом, основная задача 39-й армии по директиве фронта заключалась в окружении и уничтожении совместно с войсками 43-й армии витебской группировки противника и освобождении города. Срок готовности войск к переходу в наступление был определен 22 июня 1944 г.

Я должен был в короткое время изучить обстановку и принять решение на наступление. Для меня же здесь все было ново. В первую очередь нужно было изучить театр боевых действий, противника и состояние своих войск. Поэтому мне вместе с ответственными работниками штаба, а также командирами соединений пришлось провести несколько рекогносцировок, на которых были изучены не только условия местности, но и подробное расположение противника и особенности организации атаки позиций врага.

5 июня 1944 г. мы провели последнюю рекогносцировку, во время которой были уточнены многие вопросы подготовки к предстоящим действиям.

Уточнив выбор участка нанесения главного удара, я принял решение на наступление и определил задачи корпусам и некоторым дивизиям. В общих чертах оно выглядело следующим образом.

39-я армия, имея ударную группировку на левом фланге, наносила удар в общем направлении Песочна, Островно. В после-

дующем войскам армии надлежало частью сил развивать наступление на Бешенковичи, а остальными силами завершить во взаимодействии с соединениями 43-й армии уничтожение окруженного противника в районе Витебска.

Главный удар наносился 5-м гвардейским стрелковым корпусом, прорывавшим оборону на участке в 6 км между населенными пунктами Перевоз — Кузменцы. На этом участке сосредоточивалась подавляющая часть штатной и приданной артиллерии, в том числе артиллерийские полки дивизий второго эшелона и соседних.

На остальном участке полосы действий армии протяженностью в 44 км развертывались две стрелковые дивизии, которые должны были прочно удерживать занимаемые позиции и своими действиями на отдельных участках сковать силы противника, не позволив ему перебрасывать войска на другие направления.

Решительное сосредоточение сил и средств на главном направлении наступления армии в условиях отсутствия у нас общего превосходства сил и средств обеспечивало мощный первоначальный удар. В такой сложной и своеобразной обстановке это был, пожалуй, единственный путь резкого изменения соотношения сил и средств в нашу пользу, который обеспечивал успешное ведение наступления.

Необходимо отметить, что это решение было в определенной степени рискованным. Действительно, на фронте в 44 км, седлая шоссе Витебск — Смоленск, оборонялись всего две дивизии 84-го стрелкового корпуса (158-я стрелковая — 24 км, 262-я стрелковая — 20 км) с ограниченным количеством артиллерии и без танков. Слабую оборону этих частей враг мог прорвать без особых усилий, если бы он своевременно выявил направление главного удара наших войск. Кроме того, противник имел возможность перегруппировать силы и средства к участку прорыва и ликвидировать здесь созданное нами превосходство. Поэтому, чтобы обеспечить выгодное соотношение сил на участке прорыва, требовалось сохранить в тайне замысел операции, обеспечить развитие ее в высоких темпах наступления, а также всемерно активизировать боевые действия соединений 84-го стрелкового корпуса. С этой целью были проведены мероприятия для дезориентации противника, у которого должно было создаться впечатление, что наши войска якобы готовятся к наступлению в направлении большака Сураж — Витебск.

Исходя из оценки обстановки и задачи армии, было решено операцию провести в два этапа. Основные задачи первого этапа: прорыв обороны противника на узком, шестикилометровом участке на всю ее тактическую глубину, развитие наступления в оперативной глубине и выход на пути отхода основной группировки противника, сосредоточенной в районе Витебска. Продолжительность этапа — два дня. На втором этапе предполагалось

создать плотное окружение витебской группировки противника, расчленить ее и уничтожить по частям в районах Витебска и лесов западнее города. Одновременно предусматривалось наступление ограниченными силами в направлении Бешенковичей. Продолжительность этапа — три дня.

Опыт подсказывал, что боевая подготовка войск является одной из важнейших задач подготовки войск к наступлению. Известно, что причина многих неудач в прошедших боях заключалась в плохой организации и как следствие этого в частной потере взаимодействия в подразделениях, особенно в батальонах. Стрелковые роты батальонов и средства их усиления не умели действовать согласованно и не понимали друг друга, что неизбежно вело к большим потерям и замедляло темп наступления. Нарушение взаимодействия в батальонах неизбежно приводило к потере его в полках и дивизиях. Поэтому мы считали, что устранение указанных недостатков является одной из основных задач обучения войск. С этой целью большое внимание в ходе тактической подготовки было обращено на отработку взаимодействия между пехотой и артиллерией. Наряду с этим каждое подразделение, каждый солдат и офицер обучались конкретным действиям, которые им предстояло вести в бою. При этом особенно мы стремились достичь высокого и непрерывного темпа наступления.

Партийно-политическая работа в войсках армии в период подготовки к наступлению велась, как и раньше, с целью воспитания у личного состава и офицеров высокого политико-морального духа, чувства патриотизма, беззаветной преданности Родине и Коммунистической партии. Без высокого политико-морального состояния войск не может быть победы.

Военный совет армии, ставя задачи по идейно-политическому воспитанию воинов перед политорганами, партийными и комсомольскими организациями, перед офицерским составом, указал, что от качества их работы целиком зависят будущие успехи армии в предстоящем наступлении. Особое внимание коммунистов, командиров и политработников обращалось на работу среди пополнения. Работа с вновь прибывшими воинами начиналась уже на станции выгрузки.

В дивизиях пополнение встречали лично командиры дивизий и начальники политотделов, а в полках — командиры полков и их заместители по политчасти. Проводились митинги, на которых выступали командиры и политработники, ветераны дивизии, бывалые воины, в индивидуальных беседах с воинами разъяснялись боевые задачи. В торжественной обстановке вручалось оружие. Это имело огромное воспитательное значение. В гвардейских частях вновь прибывшие бойцы приводились к гвардейской клятве. В торжественной обстановке им вручался знак «Гвардия».

В период подготовки во всех частях и соединениях прошли собрания партийного актива, партийные и комсомольские собрания в первичных организациях, на которых обсуждался вопрос

о работе с новым пополнением. Это привлекло внимание коммунистов и комсомольцев к одному из решающих участков партийно-политической работы в обеспечении успеха в предстоящих боевых действиях.

В результате кропотливой работы политотдела армии и политотделов соединений к началу наступления не оставалось ни одной роты без полнокровной партийной организации. К 20 июня 1944 г. было вновь создано 48 первичных и 170 ротных и равных им партийных организаций, принято в партию 1704 человека. К началу наступления в рядах партийных организаций 39-й армии насчитывалось 17 202 члена и кандидата ВКП(б). Комсомольцев было более 50 тыс.

За два-три дня до начала наступления политотдел совместно со штабом армии разработали и разослали в части листовки-памятки бойцу и сержанту по действиям в наступательном бою и по форсированию водной преграды. Листовки, в которых давались практические советы, читались всеми с большим интересом. Офицеры эффективно использовали их для обучения подчиненных.

Большая организационная работа, проведенная полевым управлением армии, командирами соединений, частей и штабами всех степеней, дала заметные результаты: высокая боевая готовность войск, глубокое знание своих задач каждым солдатом и офицером, а также четко отработанное взаимодействие подразделений всех родов войск.

За несколько дней до наступления представитель Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А. М. Василевский лично проверил готовность 39-й армии к наступлению и дал ей положительную оценку.

Таким образом, организаторская работа командования, штаба армии и политотдела по подготовке войск к проведению наступательной операции имела исключительно важное значение для ее осуществления.

НАСТУПЛЕНИЕ НАЧАЛОСЬ

В ночь на 23 июня саперы проделали проходы в заграждениях противника. Чтобы скрыть от противника направление главного удара армии, эти работы велись саперами одновременно на участке прорыва и на вспомогательном направлении. На главном направлении было сделано 67 проходов, на вспомогательном направлении — 62.

К утру 23 июня вся подготовка к наступлению была завершена. Войска 39-й армии ждали сигнала к атаке.

В 6 часов 23 июня мощным пятиминутным огневым налетом по траншеям противника и позициям его артиллерии на всю глубину обороны началась артиллерийская подготовка прорыва.

В последующем артиллерийская подготовка атаки также велась по разработанному графику. Артиллерийская поддержка атаки пехоты и танков до рубежа р. Лучесы была спланирована методом огневого вала и организовывалась в масштабе стрелковой дивизии. Рубежи подавления с учетом развития траншей и ходов сообщения назначались через 200—250 м, перенос огня разрешалось производить по сигналам командиров батальонов первого эшелона только при подходе пехоты на 200 м к линии разрывов своих снарядов. Эти сигналы для переноса огня дублировались на командных пунктах полков и дивизий.

Меткий огонь по хорошо разведанным и точно установленным целям разрушал оборонительные сооружения противника и подавлял его огневые точки. Особенно эффективным оказался огонь на подавление артиллерийских батарей. В начале артиллерийской подготовки вражеская артиллерия пыталась вести ответный огонь, но вскоре, по мере подавления наблюдательных пунктов и его батарей, интенсивность огня заметно снизилась, а затем огонь почти полностью прекратился.

Активное участие в нашей артиллерийской подготовке приняли танки и самоходно-артиллерийские установки. Они вышли на заранее подготовленные огневые позиции и огнем прямой наводкой уничтожили цели, указанные им еще в ходе подготовки к наступлению.

Во время артиллерийской подготовки детали мостов, а также НЛП [1] были подвезены на автомашинах на исходные позиции и подготовлены к следованию вслед за первым эшелоном наступающих войск.

За результатами огня, а также за действиями противника велось тщательное наблюдение со всех наблюдательных пунктов. Командир 1-го батальона 61-го гвардейского стрелкового полка майор Федоров в ходе наблюдения установил, что перед фронтом батальона противник начал отвод своих подразделений из первой траншеи. Несмотря на то, что до конца артиллерийской подготовки оставался еще час, он по собственной инициативе решил атаковать противника немедленно. Его соседи также перешли в наступление мелкими группами и овладели первой траншеей.

Командир 5-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор И. С. Безуглый доложил мне по телефону о том, что стрелковые подразделения на отдельных участках уже овладели первой траншеей.

Такое внезапное начало действий на участке главного удара позволило мне отдать приказ о немедленном переходе в атаку главных сил армии, а в связи с этим и об изменении плана артиллерийской подготовки.

Командующий армией не вправе был изменять план артиллерийской подготовки и время начала атаки, утвержденные

[1] Наплавной легкий парк.

командующим войсками фронта, но я был уверен в успехе, и это позволило принять смелое и ответственное решение начать атаку раньше намеченного срока. Командующему артиллерией армии было приказано дать указание всей артиллерии через 15 минут перейти к поддержке атаки. По сигналу с наблюдательных пунктов командиров соединений и частей войска армии перешли в атаку.

Стрелковые подразделения, поддержанные огнем артиллерии, танков и самоходно-артиллерийских установок, стремительным броском преодолели первую и вторую траншеи противника. Взаимодействие всех элементов боевого порядка было исключительно четким. Дни напряженной учебы не пропали даром. Солдаты, сержанты и офицеры вели бой в высоком темпе и показали хорошую тактическую выучку.

Ранее организованные группы захвата мостов, двигавшиеся в боевых порядках батальонов первого эшелона, сразу же после захвата второй траншеи устремились к мостам и скрытно вышли к р. Лучесе. Некоторые группы прорвались на противоположный берег реки и завязали бой с охранявшими мосты саперами противника.

Действия этих небольших сводных отрядов были поддержаны огнем танков и самоходно-артиллерийских установок с правого берега р. Лучесы, а также передовыми подразделениями стрелковых батальонов, переправившихся на противоположный берег на подручных средствах.

Коммунисты и комсомольцы наступали в первых рядах, показывая образцы героизма.

Всей армии стало известно имя комсорга 1-го батальона 61-го гвардейского стрелкового полка 19-й гвардейской стрелковой дивизии лейтенанта Михаила Ивановича Дружинина, который с группой солдат захватил мост через р. Лучесу и не дал немцам подорвать его. Рискуя жизнью, он первым ворвался на мост, перерезал провода, идущие к фугасам, заложенным под мостом, расстрелял в упор из автомата охрану моста, увлек за собой на противоположный берег двух бойцов и оборонял мост, отражая контратаки противника, до подхода наших подразделений.

Танковый взвод 2-й танковой роты под командованием лейтенанта Галактионова первым вышел к 60-тонному мосту через р. Лучесу и захватил его. Командир первой батареи старший лейтенант Овчинников и командир второй батареи старший лейтенант Калеберденко лично разминировали 24-тонный мост и вывели свои батареи на противоположный берег реки. В ходе короткого боя удалось захватить три исправных моста под грузы 60, 24 и 9 тонн. По ним сразу же начали переправляться основные силы 28-й гвардейской танковой бригады, самоходно-артиллерийские установки и артиллерия.

Захваченные мосты полностью обеспечивали переправу основных сил 5-го гвардейского стрелкового корпуса. В связи с этим

отпала надобность наводить дополнительные мосты, а освободившиеся инженерные подразделения начали расширять проходы в минных полях и улучшать дороги, испортившиеся вследствие обильных дождей.

Стрелковые подразделения после овладения второй траншеей быстро вышли на восточный берег р. Лучесы и уже в 9 часов 30 минут приступили к форсированию ее на всем фронте. Действия передовых подразделений поддержала артиллерия — десятиминутным огневым налетом по третьей траншее противника, расположенной на противоположном берегу реки, а также танки, самоходно-артиллерийские установки — огнем прямой наводки.

Преодолев третью траншею, лишь частично занятую отходящими подразделениями 197-й пехотной дивизии врага, наступавшие соединения 5-го гвардейского стрелкового корпуса вышли в район основных артиллерийских позиций противника, захватили 23 орудия, из них 18 — калибра 105 и 155 мм, пленив и частично уничтожив орудийные расчеты.

Соединения 5-го гвардейского стрелкового корпуса, преследуя отходящего противника и не встречая с его стороны сильного сопротивления, продолжали стремительно продвигаться в глубину вражеской обороны. К 13 часам 23 июня войска продвинулись на глубину 8 км и, захватив ст. Замосточье, перерезали железную дорогу Витебск — Орша. Таким образом, главная полоса обороны противника была прорвана на всю ее глубину, и задача первого дня операции выполнена.

Успех был достигнут благодаря внезапному нанесению удара по противнику и высокому политико-моральному состоянию личного состава войск армии. Все — от генерала до солдата — четко знали свою задачу, а поэтому наступление велось без пауз и задержек, при полном напряжении сил и четком взаимодействии родов войск и элементов боевого порядка. Даже кратковременные срывы во взаимодействии быстро ликвидировались ответственными за это командирами.

В тактическом отношении весьма важным было то, что удалось захватить у противника три исправных моста, по которым быстро смогли переправить танки, тяжелые орудия, вторые эшелоны, резервы. Своевременный ввод их в бой нарушил все планы противника, и он не мог даже частично задержать наши войска на таком выгодном рубеже для него, каким являлась р. Лучеса.

Захваченный в плен командир 197-й пехотной немецкой дивизии следующим образом оценил действия войск 39-й армии при прорыве обороны противника: «Наши войска не выдержали сокрушительных ударов русских и стали отступать, не имея на то приказа. Русские преследовали нас, расчленяли наши полки и наносили им тяжелый урон. Наше положение ухудшалось с каждой минутой. Полки таяли буквально на глазах. Солдаты бросали орудия, транспортные средства, боеприпасы, военное иму-

щество и даже личное оружие и, как безумные, разбегались...»[2]

Успешному ведению боя на главном направлении армии в немалой степени способствовали активные боевые действия частей и соединений 84-го стрелкового корпуса.

Одновременно с дивизиями 5-го гвардейского стрелкового корпуса перешли в наступление два полка 262-й стрелковой дивизии, которые под прикрытием дымовой завесы ворвались в первые траншеи противника. 158-я стрелковая дивизия, действуя отдельными небольшими отрядами в направлении Витебска, атаковала врага и к исходу 23 июня вышла на шоссейную дорогу Витебск — Сураж.

Большую роль в боевых действиях 84-го стрелкового корпуса сыграло умелое использование дымовых завес. Утром 23 июня в полосе наступления корпуса было поднято шесть дымовых завес. Ими удалось отвлечь внимание противника от истинного направления главного удара наших войск, вынудить его открыть интенсивный ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь по районам задымления.

Только спустя два-три часа после начала наступления войск армии противник установил направление нашего главного удара. Но к этому времени соединения 5-го гвардейского стрелкового корпуса уже завершили прорыв главной полосы обороны, и предпринятые противником меры по оказанию помощи обороняющимся частям 197-й пехотной дивизии не могли существенно повлиять на изменение обстановки, так как для их выполнения у него не было времени.

В результате успешного наступления войск армии к 13 часам 23 июня сложилась следующая обстановка. Главные силы 53-го армейского корпуса врага все еще занимали оборону восточнее Витебска. Против них вели демонстративные действия отдельные части и подразделения 84-го стрелкового корпуса. Ударная группировка 39-й армии, прорвав главную полосу обороны противника, заняла охватывающее положение по отношению к витебской группировке немцев. Перед нами действовали разрозненные подразделения 197-й пехотной дивизии без тяжелого вооружения и танков, почти лишенные всякого управления.

Чтобы добиться наибольшего успеха, мною была поставлена задача соединениям 5-го гвардейского стрелкового корпуса стремительно продолжать наступление и уже сегодня выполнить задачу следующего дня.

Действия 19-й и 91-й гвардейских стрелковых дивизий поддерживали танковые батальоны 28-й гвардейской танковой бригады, введенной в бой на западном берегу р. Лучесы. Для обеспечения правого фланга участка прорыва вводилась в бой 164-я стрелковая дивизия с задачей наступать параллельно железной дороге Орша — Витебск, выйти в тыл оборонявшимся войскам

[2] Архив МО СССР, ф. 394, оп. 9072, д. 162, л. 3.

противника в районе Перевоза и отразить возможные контратаки танков и пехоты врага с витебского направления. Дивизия усиливалась 957-м самоходно-артиллерийским полком и 610-м истребительно-противотанковым армейским артиллерийским полком.

На левом фланге 5-го гвардейского стрелкового корпуса вводилась в бой перешедшая в подчинение корпуса 251-я стрелковая дивизия с задачей к исходу второго дня операции овладеть районом совхоза Ходцы.

Танковые подразделения 28-й гвардейской танковой бригады в 21 час перерезали большак Витебск — Мокшаны, а к исходу 23 июня все части и соединения выполнили поставленные перед ними задачи на вторые сутки наступления и прошли с боями в среднем около 15 км. Армия одержала большую победу, и это хорошо понимал каждый солдат.

В ночь на 24 июня наступление продолжали небольшие отряды, выделенные от полков и дивизий, а основные силы подтягивали артиллерию, пополняли боеприпасы и готовились с утра 24 июня возобновить наступление. Кроме того, проводилась частичная перегруппировка войск армии. 17-я гвардейская стрелковая дивизия выводилась из боя и сосредоточивалась на правом фланге участка прорыва для удара в северо-западном направлении по путям отхода витебской группировки немцев. С подобной же целью на это направление выводились 28-я гвардейская танковая бригада и 957-й самоходно-артиллерийский полк армии.

К исходу 23 июня части сил 197-й немецкой пехотной дивизии был нанесен значительный урон. Оставшиеся в живых солдаты и офицеры разбежались по лесам и уже не представляли никакой военной силы.

К этому времени правофланговые соединения 43-й армии, успешно отразив все контратаки врага, продвинулись вглубь на 16 км и расширили прорыв совместно с действующими правее войсками до 50 км.

Войска 1-го Прибалтийского фронта нанесли поражение дивизиям 9-го немецкого армейского корпуса и уже в первый день наступления вынудили их к поспешному отступлению на юго-запад. Чтобы не дать противнику организовать новый оборонительный рубеж на Западной Двине, командование 1-го Прибалтийского фронта выдвинуло сильные передовые отряды на автомашинах, усиленные танками, с задачей с ходу захватить плацдарм на правом берегу реки и завершить окружение.

Перед немецко-фашистским командованием возникла реальная угроза обхода и окружения группировки войск, сосредоточенной в районе Витебска. Не имея тактических, а по существу и оперативных резервов, противник смог использовать только 280-й пехотный полк 95-й пехотной дивизии. Этих сил явно недоставало даже для того, чтобы остановить продвижение левофланговых соединений 39-й армии. Части 4-й авиаполевой дивизии, оборонявшиеся севернее Витебска, выводились в район южнее

города для нанесения удара по правому флангу наших наступавших войск. Одновременно начался отвод частей 6-й авиаполевой и 206-й пехотной дивизий на западную окраину Витебска. Части 56-й и 246-й пехотных дивизий под ударами войск 43-й армии отходили в южном направлении. Как стало впоследствии известно, немецко-фашистское командование рассчитывало, что наши соединения смогут выйти на коммуникации 53-го армейского корпуса только к исходу третьего дня операции.

Так, командир 53-го армейского корпуса генерал пехоты Гольвитцер, взятый в плен, при допросе его на мой вопрос, почему он не отводил войска на второй день операции 24 июня, ответил: «Я отдал распоряжение во второй половине дня 24.6 отводить тылы. Но мне доложили, что советские войска перерезали пути отхода из Витебска и вышли к южному берегу реки Западная Двина. Я полагал по опыту прошедших операций, что ваши войска могут выйти к исходу третьего дня на этот рубеж, но я ошибся».

Таким образом, противник стремился в течение 24 июня хотя бы частично приостановить наступление наших войск, выиграть время для отвода своих дивизий в район Витебска, а в последующем организованно отойти на запад, избежав окружения.

О результатах боевых действий 39-й армии примерно в 23 часа я доложил подробно командующему войсками 3-го Белорусского фронта генерал-полковнику И. Д. Черняховскому, который одобрил действия войск. Однако командующему армией было сказано, правда не в форме упрека, что армия не использовала полностью отведенного времени на артиллерийскую подготовку и раньше времени перешла в атаку. «Вы должны,— сказал И. Д. Черняховский,— глубоко осознать принятое вами решение».

Около 2 часов ночи 24 июня я доложил о результатах действий войск армии за первый день наступления представителю Ставки Верховного Главнокомандования Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому. Маршал А. М. Василевский поздравил весь личный состав армии с достигнутыми успехами и пожелал 39-й армии еще больших успехов. Его поздравления и пожелания сразу же были переданы во все соединения армии.

В 6 часов 24 июня главные силы армии возобновили наступление по всему фронту. Окрыленные достигнутым успехом, уверенные в своих силах, части и соединения перешли к преследованию врага, упреждая его попытки оказать серьезное сопротивление на выгодных природных или заранее подготовленных рубежах.

Соединения 5-го гвардейского стрелкового корпуса еще в середине дня во встречных боях разгромили подразделения 280-го пехотного полка 95-й пехотной дивизии и вышли на шоссейную дорогу Витебск — Островно — совхоз Ходцы, перерезав тем самым пути отхода витебской группировки противника на юго-запад.

91-я гвардейская стрелковая дивизия (командир полковник В. И. Кожанов) во взаимодействии с 735-м самоходно-артиллерийским полком под командованием подполковника С. Т. Косарева к исходу дня завязала бой за м. Островно — важнейший узел дорог на путях отхода витебской группировки противника.

19-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал полковник П. Н. Бибиков, к исходу дня обошла с юга Гнездиловичи — узел дорог на левом берегу Западной Двины, выйдя юго-западнее его.

251-я стрелковая дивизия генерал-майора А. А. Вольхина вышла на рубеж группы озер в районе совхоза Ходцы и обеспечивала левый фланг армии от возможных ударов резервов противника с юга.

84-й стрелковый корпус с утра второго дня операции своими главными силами также перешел в наступление. Его 158-я стрелковая дивизия (командир полковник Д. И. Гончаров) в 21 час подошла к Витебску и завязала бой с противником на северо-западной окраине города.

262-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора З. Н. Усачева силами двух полков овладела опорным пунктом противника Перевоз и к исходу дня продвинулась на 4—6 км в направлении Витебска.

164-я стрелковая дивизия полковника Г. И. Синицына, наступая в направлении Витебска, к 19 часам вышла к оз. Городно, где отразила контратаку двух батальонов пехоты с 10 танками и самоходными орудиями противника с большими для него потерями.

17-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор А. П. Квашнин, во взаимодействии с 28-й гвардейской танковой бригадой под командованием полковника Е. М. Ковалева в 17 часов 30 минут нанесли удар из района Песочно в северном направлении, овладели рядом важных населенных пунктов и в 21 час 24 июня подошли к шоссейной дороге Витебск — Гнездиловичи. Наши танки вышли на шоссе в то время, когда огромная колонна автомашин и повозок противника спешила на юго-запад, чтобы выскочить из «котла». Танкисты повели машины в атаку. Геройски действовал командир танковой роты гвардии старший лейтенант Куликов. Огнем и гусеницами он уничтожал немецкие автомашины, повозки, солдат и офицеров. Видя отвагу командира, самоотверженно сражались с врагом все гвардейские экипажи роты. Танк гвардии лейтенанта Рымаря уничтожил 12 автомашин и несколько десятков гитлеровцев. Гвардии лейтенант Петров своим танком раздавил три орудия противника, вездеход и истребил много живой силы.

Противник яростно сопротивлялся. В бою загорелся танк командира роты, но гвардии старший лейтенант Куликов продолжал сражаться. Его машина, объятая пламенем, с еще большей яростью обрушилась на врага.

Немецкая колонна не ушла, отважные воины-танкисты полностью разгромили ее. В эту победу был вложен ратный труд, душа и сердце командира-большевика гвардии старшего лейтенанта Куликова. Он сгорел в танке, погиб и весь экипаж, но выполнил свой долг до конца.

Дивизия главными силами закрепилась на шоссе, перерезав последний удобный путь отхода противника на запад, а частью сил нанесла удар в северном направлении и к исходу дня вышла к Западной Двине.

В течение второго дня операции части и соединения армии продвинулись на запад на глубину 15—20 км, отразили все попытки противника задержать наше продвижение и по существу выполнили задачу третьего дня операции.

Войска ударной группировки 1-го Прибалтийского фронта в течение 24 июня расширили прорыв до 30 км в глубину и до 90 км по фронту, вышли на 50-километровом участке на правый берег Западной Двины и захватили на противоположном берегу реки пять небольших плацдармов. В тот же день 60-й стрелковый корпус 43-й армии выдвинулся в район населенного пункта Гнездиловичи, в тыл витебской группировке противника, и оказался в 3—5 км от наступавших навстречу войск 5-го гвардейского стрелкового корпуса 39-й армии. Над витебской группировкой врага нависла угроза окружения.

Левофланговым частям удалось прорвать оборону севернее Витебска и, углубившись на юг, выйти в район Касалапинки в 8 км севернее города. У 4-й и 6-й авиаполевых, 206-й и 246-й пехотных дивизий и остатков 197-й пехотной дивизии противника оставался лишь узкий коридор, проходивший по бездорожью и дважды пересекавший Западную Двину, который использовать как путь отхода войск практически было невозможно.

Задача по окружению витебской группировки врага была блестяще выполнена войсками 39-й и 43-й армий.

Командование 53-го немецкого армейского корпуса, видя, что все пути отхода на запад перерезаны нашими войсками, решило нанести ряд ударов, чтобы прорвать фронт окружения. Для этого на юго-западной окраине Витебска сосредоточились части 6-й авиаполевой и 206-й пехотной дивизий и разрозненные подразделения других полков и дивизий. В районе Островно и лесов, находившихся севернее, группировались части и подразделения 4-й авиаполевой и 246-й пехотной дивизий. Обе группировки с утра 25 июня должны были нанести удар по сходящимся направлениям на совхоз Ходцы и далее на юго-запад и соединиться с войсками, отходившими на запад. Противник группировал отряды в составе одного-двух полков, которые усиливались танками и самоходно-артиллерийскими установками. Атаки отрядов намечалось поддержать огнем артиллерии.

Однако немецкое командование ставило перед своими войсками нереальные задачи, так как юго-западнее Витебска успешно

наступала 5-я армия, а в ее полосе для развития успеха вводилась танковая армия и ряд других подвижных соединений. Очевидно, командование противника не знало или неправильно оценивало общую оперативную обстановку. Попытка вывести из окружения витебскую группировку оказалась сорванной активными действиями наших войск.

Проанализировав сложившуюся обстановку, я принял решение: частью сил нанести удар в направлении Гнездиловичей и соединиться с войсками 43-й армии. Перед основными силами армии поставил задачу расчленить окруженного противника на две части, отразить его контратаки и продолжать сжимать фронт окружения. При этом одной дивизией следовало обеспечить левый фланг наступавших войск. В соответствии с принятым решением были поставлены боевые задачи соединениям армии.

Еще ночью дивизии приступили к их выполнению.

91-я гвардейская стрелковая дивизия после неудачной попытки с ходу овладеть м. Островно оставила здесь небольшой заслон, а основные силы перегруппировала на свой правый фланг. Нанеся удар двумя полками в направлении Дорогокупова, она овладела этим населенным пунктом и вышла к Западной Двине севернее его. В результате боя разрыв между двумя окруженными группировками на участке армии увеличился до 10—12 км. После этого части дивизии нанесли удар в направлении восточной окраины Островно.

19-я гвардейская стрелковая дивизия основными силами нанесла удар в северном направлении, овладела Гнездиловичами и соединилась в этом районе с войсками 43-й армии. Кольцо окружения замкнулось полностью. Окруженная группировка противника состояла из пяти дивизий и частей усиления общей численностью около 35 тыс. солдат и офицеров. В последующем основные силы 19-й гвардейской стрелковой дивизии приступили к очистке лесов восточнее Гнездиловичей, а 54-й гвардейский стрелковый полк нанес удар в направлении западной окраины м. Островно.

251-я стрелковая дивизия овладела совхозом Ходцы и небольшими отрядами заняла дефиле между оз. Сарро и другими озерами, обеспечивая левый фланг армии от возможных ударов противника с юга.

158-я стрелковая дивизия в ходе уличных боев овладела восточной частью Витебска и вышла к Западной Двине.

262-я стрелковая дивизия, преодолевая упорное сопротивление, завязала бои за южные окраины Витебска.

Наиболее тяжелые и упорные бои развернулись юго-западнее Витебска в полосах наступления 17-й гвардейской и 164-й стрелковых дивизий. В этом районе сосредоточились основные силы окруженного противника, который предпринял несколько ожесточенных контратак силами до двух полков при поддержке танков, самоходно-артиллерийских установок и огня артиллерии.

Всего в течение 25 июня противник предпринял 18 контратак с целью выхода из окружения.

Большое значение для успешного отражения контратак противника имело то, что еще накануне 17-я гвардейская стрелковая дивизия получила на усиление 28-ю гвардейскую танковую бригаду и 279-й гвардейский стрелковый полк 91-й гвардейской стрелковой дивизии. В стыке между ней и 164-й стрелковой дивизией вел бой 2-й гвардейский мотоциклетный полк, переданный армии из резерва командующего фронтом. Части и подразделения указанных дивизий прочно удерживали занимаемые рубежи и отразили все атаки противника, а на отдельных направлениях продвинулись вперед, сжимая кольцо окружения.

В первой половине дня на этом участке фронта сосредоточилось много нашей артиллерии, которая своим массированным огнем уничтожала и подавляла противника.

В 16 часов 25 июня по заявке командования 39-й армии бомбардировочная и штурмовая авиация 1-й воздушной армии нанесла удар по скоплению войск противника юго-западнее Витебска. Так как в этом районе сосредоточилось большое количество войск и техники врага, почти каждая бомба и пуля находили себе цель. Вначале бомбометание проводилось со средних высот, но спустя полчаса после подавления зенитных батарей противника бомбардировщики и штурмовики перешли к действиям на малых высотах, и эффективность их ударов заметно увеличилась.

Таким образом, к исходу третьего дня операции витебская группировка немцев была не только окружена, но и расчленена на две части. Все попытки противника прорваться из окружения успеха не имели.

В боях за Витебск в первых рядах отважно дрались коммунисты и комсомольцы. Комсорг 2-го батальона 881-го полка 158-й стрелковой дивизии младший лейтенант Антон Васильевич Жучкин заметил, что на правом фланге батальона одна рота залегла под сильным пулеметным огнем противника. Он устремился туда и, поднявшись во весь рост под огнем противника, с криком «Ура!» бросился вперед. Все бойцы поднялись в атаку. Рота успешно продолжала наступать.

В этом бою младший лейтенант А. В. Жучкин погиб смертью храбрых. Над его телом бойцы поклялись еще беспощаднее бить врага. О подвиге мужественного офицера сразу же сообщили во все роты, выпустив боевой листок-«молнию», а вечером комсомольское бюро полка написало письмо его родным.

Первым в полку водрузил красный флажок в Витебске комсорг 1-го батальона 881-го стрелкового полка младший лейтенант Сергей Митрофанович Якушин. Весть об этом быстро разнеслась по полку. За два часа напряженных боев бойцы отбили у врага четыре квартала, 16 других воинов поставили свои флажки на отвоеванных объектах в городе.

Бойцы 1-го батальона 881-го стрелкового полка ворвались на Смоленскую улицу и обнаружили труп пятнадцатилетней девочки, которую немцы изнасиловали, а затем зверски замучили. Узнав об этом, воины с еще большим упорством вели бой, жестоко мстя врагу.

В боях за Витебск геройски сражался комсомолец, член бюро ВЛКСМ сержант Комолов из 875-го стрелкового полка.

Во время боя на Смоленской улице сержант Комолов вступил в схватку с группой немцев, 8 солдат из которой взял в плен. Отведя пленных на командный пункт батальона, он захватил с собой двух бойцов и снова вернулся на эту улицу. В одном из зданий сержант Комолов обнаружил группу немецких солдат с пулеметом. Подобравшись к дому, он метнул туда одну за другой 5 гранат, уничтожив при этом 6 немцев и пулемет. Будучи ранен в голову, он продолжал бой, одним из первых ворвался на мост и помог спасти его от взрыва. Только после этого отважный комсомолец позволил отвести себя в медсанбат.

Боевые действия не прекратились и с наступлением темноты. В 3 часа 30 минут 26 июня части 158-й стрелковой дивизии после мощного огневого налета форсировали Западную Двину и ворвались в центр города.

Саперный взвод 875-го полка 158-й стрелковой дивизии в составе 12 человек во главе с командиром взвода старшим сержантом Федором Тимофеевичем Блохиным следовал в боевых порядках полка, ведущего уличные бои в городе, и имел задачу разминировать улицы.

Вырвавшись вперед, взвод незаметно для противника подошел к охранявшемуся командой из 8 немецких саперов заминированному высоководному мосту через Западную Двину на Смоленской улице. Завязался бой. В результате 15-минутной схватки, перешедшей в рукопашную, наш саперный взвод уничтожил немецкую охрану моста. Сам Ф. Т. Блохин бросился к воде, перерезал провода, идущие от подрывной машинки к фугасам, и с ефрейтором Михаилом Игнатьевичем Кузеновым извлек электродетонатор и захватил подрывную машинку. Впоследствии при разминировании моста саперы извлекли до двух тонн взрывчатки. Так группа отважных саперов под командованием старшего сержанта Ф. Т. Блохина предупредила взрыв моста. За проявленный героизм старший сержант Ф. Т. Блохин был удостоен звания Героя Советского Союза, а ефрейтор М. И. Кузенов награжден орденом Отечественной войны I степени.

К 6 часам 26 июня войска 39-й и 43-й армий полностью очистили Витебск от противника. В ходе боев за город они захватили большое количество пленных, военной техники и 52 склада с различным военным имуществом.

Части 262-й стрелковой дивизии во взаимодействии со 158-й стрелковой дивизией, преодолевая ожесточенное сопротивление немцев, в течение ночи очистили от противника южные окраи-

ны города и к утру, развернувшись фронтом на запад, блокировали с востока основную группировку окруженного противника.

Немецко-фашистское командование, не добившись успеха в течение 25 июня, изменило тактику действий.

Группировка, окруженная в районе Островно, используя условия лесистой и резкопересеченной местности, а также разрывы в боевых порядках наших войск, прекратила организованные атаки и пыталась выйти из окружения ночью, группами в составе не более роты каждая. Эти группы нащупывали слабые места в нашей обороне и разрывы в боевых порядках, просачивались через них по лесам и болотам, выходили на большак Островно — совхоз Ходцы, где объединялись в отряды.

Группировка, расположенная юго-западнее Витебска, также перешла к другой тактике действий. Продолжая в течение ночи контратаковать наши войска в различных направлениях небольшими отрядами при поддержке танков и артиллерии, противник готовил мощный удар на узком участке фронта по оборонявшимся подразделениям 48-го гвардейского стрелкового полка 17-й гвардейской стрелковой дивизии. Для этой цели немецкое командование объединило разрозненные остатки подразделений различных частей и соединений в отряды по 1000—2000 человек, каждый из которых усиливался 10—15 танками и штурмовыми орудиями, и подтянуло к участку прорыва 10 артиллерийских батарей.

В предрассветные часы после мощной артиллерийской подготовки противник перешел в атаку. Бой принял исключительно упорный и затяжной характер. Немцы дрались с отчаянием обреченных, неся огромные потери в живой силе и технике, их контратаки следовали одна за другой.

Части 17-й гвардейской и 164-й стрелковых дивизий, а также 2-й гвардейский мотоциклетный полк проявили в этом бою мужество и упорство. На многих участках огневые бои перерастали в рукопашные схватки, во время которых гвардейцы показали силу русского штыка. Артиллеристы метким огнем поддерживали бой стрелковых подразделений. Неоднократно противнику удавалось проникать в расположение нашей артиллерии, однако и в этих случаях артиллерия вела огонь прямой наводкой, и враг нес еще большие потери. Особенно успешно отражали атаки гвардейские минометные полки.

Командир 2-го дивизиона 555-го армейского минометного полка майор Цветков, не имея возможности вести огонь из-за отсутствия боеприпасов, встал во главе группы солдат-минометчиков и повел их в атаку.

Заместитель командира по политчасти 555-го армейского минометного полка подполковник Шарип Халиевич Хабибулин, сопровождая автомашины с боеприпасами, в районе д. Хамишево встретил колонну автомашин противника. Группой солдат, следовавших с боеприпасами, и шоферов подполковник Ш. Х. Хаби-

булин организовал нападение на автоколонну противника. В результате короткого боя транспортная колонна врага была разгромлена. На месте боя он оставил 30 автомашин с военным имуществом и около 50 трупов, 24 немецких солдата наши воины взяли в плен.

К полудню противнику удалось несколько потеснить 48-й гвардейский стрелковый полк. Образовалась брешь, через которую прорвалось около 5000 вражеских солдат и офицеров. Дальше они направлялись через лесной массив, прилегающий к оз. Мошно.

Для того чтобы закрыть образовавшуюся брешь в расположении наших войск и не позволить через нее противнику выводить из окружения свои части, 2-й гвардейский мотоциклетный полк и части 17-й гвардейской и 164-й стрелковых дивизий предприняли контратаку, разбили немецкие отряды прикрытия и к 14 часам 26 июня закрыли образованный немецко-фашистскими войсками коридор.

Еще 25 июня мною были приняты меры по сосредоточению дополнительных сил и средств к району окружения вражеской группировки. 91-я гвардейская стрелковая дивизия, оставив один полк в районе севернее м. Островно, главными силами двигалась к Витебску. 251-я стрелковая дивизия также имела задачу к утру 26 июня выйти в район юго-восточнее города. Однако обе дивизии на марше столкнулись с противником, прорвавшимся из района м. Островно. Завязались упорные встречные бои, в ходе которых немецкие части были уничтожены. Поэтому в связи с непредвиденной задержкой обе дивизии не смогли выйти в назначенные для них районы к утру 26 июня и принять участие в отражении контратак главной группировки окруженного противника.

Два полка 63-й стрелковой дивизии и 184-я стрелковая дивизия, переданные в оперативное подчинение 39-й армии из состава 5-й армии, в середине дня 26 июня подходили к месту окружения неприятеля. Эти части и соединения после прорыва окружения юго-западнее Витебска получили задачу не допустить дальнейшего продвижения противника в направлении совхоза Ходцы. С юга и востока лесной массив в районе оз. Мошно блокировался 184-й стрелковой дивизией и двумя полками 63-й стрелковой дивизии, с запада — 251-й стрелковой дивизией. Два полка 91-й гвардейской стрелковой дивизии усилили оборону подразделений 17-й гвардейской и 164-й стрелковых дивизий.

В итоге боев к исходу 26 июня противник оказался расчлененным уже на три обособленные группировки, каждая из которых надежно блокировалась нашими войсками. Все дальнейшие его попытки прорвать кольцо окружения успеха не имели и лишь увеличили потери. За день боя немцы потеряли только убитыми около 5000 солдат и офицеров. Кроме того, наши войска взяли в плен 2500 человек. Успешные действия войск армии в тече-

ппе 24—26 июня создали благоприятные условия для полного уничтожения окруженной группировки противника.

Вечером 26 июня войскам армии мною была поставлена задача в течение суток ликвидировать окруженную группировку. Для этого по сигналу все части и соединения перешли в атаку. Вся артиллерия ставилась на прямую наводку, а с началом атаки ей надлежало неотступно следовать за пехотой.

В течение ночи на 27 июня войска провели необходимую перегруппировку сил и средств и к утру сосредоточились на выгодных рубежах, готовые к переходу в наступление.

В 9 часов после залпа реактивной артиллерии и короткого огневого налета всей артиллерии войска армии перешли в атаку. Наступление велось успешно. В 11 часов 45 минут командование армии предъявило ультиматум, и уже в 12 часов 27 июня противник поднял белый флаг, прекратил организованное сопротивление и капитулировал. Однако ликвидацию отдельных сопротивляющихся групп, «прочесывание» лесов части и соединения продолжали до 14 часов.

Таким образом, к середине дня 27 июня войска 39-й и часть сил 43-й армии полностью ликвидировали окруженную витебскую группировку противника, имевшую в своем составе 4-ю и 6-ю авиаполевые, 206, 246, 197-ю пехотные дивизии, а также части усиления и поддержки.

Противник потерял несколько тысяч солдат и офицеров убитыми. Кроме того, войска армии взяли в плен более 19 тыс. вражеских солдат и офицеров, а также захватили и уничтожили большое количество вооружения, боевой техники и военного имущества.

За четыре дня боев соединения и части армии продвинулись на запад на 36 км, освободили от немецко-фашистских захватчиков 447 населенных пунктов, а совместно с 43-й армией — крупный административный и промышленный центр Белоруссии г. Витебск. 39-я армия раньше указанного срока с честью выполнила боевую задачу, поставленную перед ней командующим 3-м Белорусским фронтом.

Какие же уроки и выводы можно сделать из опыта подготовки и проведения Витебской операции?

Я остановлюсь лишь на самом существенном.

К лету 1944 г. Красная Армия уже накопила большой опыт по окружению и уничтожению противника в ходе наступления. Классическими примерами окружения крупных группировок противника являлись Сталинградская битва и Корсунь-Шевченковская операция. Боевой опыт, полученный при их осуществлении, был полностью использован в ходе подготовки и проведения Белорусской операции.

Одна из особенностей этой операции состоит в том, что окружение и уничтожение противника осуществлялось относительно небольшими силами, в нем участвовало лишь две армии, а бое-

вые действия по окружению и уничтожению противника проводились в исключительно короткие сроки. Окружение и разгром 53-го армейского корпуса явился одновременным процессом и длился всего четыре дня.

Особенностью этой операции являлось также то обстоятельство, что одновременно с окружением проводилось расчленение и уничтожение противника.

Имелся и ряд других специфических черт операции, нашедших свое отражение, в частности, в замысле операции, а также при ее проведении.

Так, окружение и уничтожение соединений 53-го армейского корпуса противника в районе Витебска планировалось и осуществлялось нашими войсками в тактической зоне обороны. В связи с этим глубина армейской наступательной операции не превышала 50 км. А для того чтобы перекрыть пути отхода противника, войскам 39-й армии следовало пройти с боями около 35 км. Другие же армии 3-го Белорусского фронта (5-я, 11-я гвардейская и 31-я армии), задача которых заключалась в стремительном развитии успеха, должны были продвинуться на глубину 120—150 км.

В Витебской операции окружение и уничтожение значительной по силам группировки противника осуществляли стрелковые соединения при поддержке артиллерии и при очень ограниченном количестве бронетанковых войск (всего одна танковая бригада и два самоходно-артиллерийских полка). Безусловно, это снижало возможности войск по темпам наступления, однако, как уже мог убедиться читатель, не явилось препятствием для успешного выполнения задачи, стоящей перед армией.

Кроме того, действия войск армии характерны тем, что, выйдя на пути отхода немецких частей западнее Витебска, она вынуждена была отражать многочисленные контратаки врага, стремившегося вырваться из окружения, и, следовательно, приняла на себя основную тяжесть борьбы с окруженным противником.

Все рассмотренные нами обстоятельства серьезно осложняли борьбу. Заслуга солдат, офицеров и генералов состоит прежде всего в том, что они творчески и самоотверженно решали боевые задачи. Этим во многом объясняется, почему 39-я армия завершила операцию в короткие сроки и с минимальными для себя потерями.

Конечно, в настоящее время нельзя слепо копировать опыт минувшей войны. При анализе и применении на практике теоретических и практических положений, которые были выдвинуты и разработаны в ходе прошлой войны, необходимо исходить в первую очередь из новых возможностей войск и средств вооруженной борьбы. Но при этом следует учитывать, что новое в оперативном искусстве и тактике — это диалектическое продолжение нашего боевого опыта Великой Отечественной войны. В этой

связи изучение Витебской операции поможет более глубоко осмыслить происшедшие в военном искусстве изменения, проследить тенденции его развития.

С точки зрения военного искусства наибольший интерес для изучения представляют те факторы, которые обеспечили ведение наступления в высоком темпе и достижение решительных целей в операции.

Прежде всего командование армии выполнило указание Ставки и приказ командующего 3-м Белорусским фронтом — окружить и уничтожить во взаимодействии с 43-й армией 1-го Прибалтийского фронта противника в витебском выступе, а не выталкивать его оттуда. Для этого оно поставило перед войсками решительную цель — окружить и уничтожить основные силы 53-го армейского корпуса противника в районе Витебска. Поскольку командование фронта определило участок прорыва, указало направление главного удара армии и срок, к которому нужно окружить и уничтожить витебскую группировку противника и выйти в район Бешенковичей, командованию 39-й армии надлежало сосредоточить здесь необходимые силы и средства, организовать наступление, избрать форму маневра силами, определить оперативное построение армии и боевой порядок соединений, а также обеспечить подготовку войск, управление ими и подвоз материальных средств.

Осуществление удара на левом фланге армии было связано с некоторыми трудностями. Вначале следовало ликвидировать плацдарм противника глубиной 2—3 км на восточном берегу р. Лучесы и уже в ходе наступления форсировать эту реку. Болотистая и труднопроходимая для всех видов техники местность ограничивала маневр, особенно танков и артиллерии. Требовалось очень тщательно подготовить части и подразделения к форсированию водной преграды и к наступлению на этой местности. Но противник, очевидно, переоценивал защитные свойства местности и недооценивал последствия перехода наших войск в наступление на данном направлении. Поэтому оборонительные сооружения его были здесь менее развиты, чем под Витебском, и резервы явно недостаточны.

Сухая погода, установившаяся в июне, значительно улучшила проходимость местности и дорог. И главное, что определило целесообразность нанесения удара армией в этом направлении, заключалось в том, что в случае прорыва обороны противника ее войска сразу же выходили во фланг и тыл основной группировки 53-го армейского корпуса, оборонявшего витебский выступ.

Для прорыва обороны противника предусматривалось сосредоточение превосходящих сил и средств на направлении главного удара. Пять дивизий из семи, имевшихся в армии, все танковые части были стянуты к участку прорыва шириной 6 км.

Надежное подавление обороны противника — самая важная предпосылка успешного ее прорыва. Во время Великой Отечест-

венной войны для этого использовали артиллерию и авиацию. Например, в Витебской операции на участке прорыва 39-я армия имела 142 орудия и миномета на один километр. В некоторых операциях плотность достигала 300 орудий и минометов на один километр. В то время артиллерия являлась основным средством подавления обороны противника, и для успеха прорыва приходилось сосредоточивать большие массы ее.

Командование придавало большое значение не только обеспечению превосходства на главном направлении в силах и средствах, но и внезапности нанесения удара. Потеря внезапности неминуемо привела бы к срыву наступления и стоила бы огромных потерь в людях и боевой технике.

При планировании Витебской операции Военный совет армии учитывал, что успех наступления наших войск в решающей степени будет зависеть от темпа его ведения. Достижение высокого темпа наступления, особенно в ходе прорыва обороны противника, было трудной, но выполнимой задачей. Этот темп зависел от четкого взаимодействия всех родов войск, элементов оперативного построения армии и боевых порядков соединений и частей.

При детальном изучении обороны противника и местности на направлении главного удара выявился ряд естественных и искусственных препятствий, которые могли снизить темп продвижения. Некоторые из них могли остановить продвижение на несколько часов. Основным препятствием являлась р. Лучеса. Чтобы избежать задержки, стрелковые подразделения для ее форсирования заранее подготовили подручные средства и провели ряд практических занятий во время подготовительного периода. В дивизиях имелись специально подготовленные отряды по захвату мостов противника, а на случай их разрушения инженерные части подготовили детали для четырех мостов различной грузоподъемности.

Так как местность в районе проведения операции была лесистой, в каждом полку готовилось по одному батальону для действия в лесах. Для сохранения непрерывности в наступлении все части и подразделения готовились к действиям ночью.

Практика создания и обучения специальных команд и подразделений для выполнения определенных задач оправдала себя в ходе наступления и в значительной степени повысила его темп. Достаточно указать на отряды по захвату мостов, удачные действия которых позволили преодолеть р. Лучесу без пауз и остановок.

Проведение в жизнь подобных мероприятий обеспечивало наступление стрелковых частей и соединений армии с темпом 15—20 км в сутки. Это был высокий темп для того времени, особенно если учесть, что наступление вели стрелковые подразделения, действовавшие в пешем строю. Они прорывали глубоко эшелонированную, подготовленную оборону противника на местности с большим количеством рек и речек, болот и лесных массивов.

Успех наступательной операции во многом зависел от качества подготовки частей и соединений к боевым действиям. Главное внимание в боевой подготовке войск армии уделялось тактической выучке батальона, и это вполне оправдало себя.

Все батальонные учения в 39-й армии проводились с участием артиллерии, саперов, танковых частей, причем именно тех подразделений, которые должны были взаимодействовать с батальонами в предстоящем наступлении. Этим по существу заранее, в ходе подготовки к боевым действиям, создавались своеобразные боевые группы, основу которых составлял стрелковый батальон. Во время занятий и учений эти группы тщательно отрабатывали все вопросы взаимодействия, изучали боевые возможности всех боевых средств, учились понимать друг друга, в результате чего у офицеров выработалось чувство локтя и коллективной ответственности за ход и исход боя.

Успех Витебской операции в значительной степени был предрешен наличием хорошо организованной и непрерывной разведки, носившей, как правило, исключительно активный характер. Главное внимание уделялось разведке боем, действиям поисковых групп стрелковых частей и соединений, а также поисковым группам родов войск. Значительное место занимала и воздушная разведка.

Благодаря постоянному вниманию, уделяемому разведке командованием армии, командиры соединений и частей всегда имели полные и точные данные о противнике и местности. Глубокий анализ полученных данных позволил выявить сильные и слабые стороны в обороне врага и на этой основе правильно решить основные вопросы замысла операции.

Отличительная особенность Витебской операции состоит и в том, что она развивалась по плану, но несколько с опережением его сроков. Это указывает на высокое качество планирования, его соответствие реально сложившемуся соотношению сил и средств и на точную оценку боевых возможностей соединений армии. Точное и тщательное планирование в свою очередь являлось одним из условий, обеспечивающих успех операции. Однако командование армии не рассматривало план как догму и в отдельных случаях вносило в него коррективы.

Как уже говорилось, из-за начавшегося отхода немцев отдельные подразделения перешли в атаку, не ожидая конца артиллерийской подготовки. Командование армии быстро учло сложившиеся условия, приняло решение сократить артиллерийскую подготовку и перейти в атаку всеми силами армии. В первый же день боя, когда наметился большой успех при прорыве главной полосы обороны противника, командование изменило задачу — к исходу первого дня приказывалось выполнить задачу второго дня операции.

Успех боевых действий в значительной степени зависел от умения предвидеть ход наступательной операции. В ходе войны

командный состав армии хорошо изучил военное искусство и возможности врага. Это наряду с другими факторами позволяло своевременно срывать все попытки противника парировать удары наших войск в ходе наступления.

По опыту прошлых боев командиры подразделений, частей и соединений знали, что неприятель обычно наносит контрудары под основание участка прорыва с целью закрыть образовавшуюся брешь в своей обороне. Поэтому своевременный ввод в бой резервов и вторых эшелонов имел решающее значение в срыве контратак противника. Так, вводом в бой во второй половине дня 23 июня 164-й стрелковой дивизии, усиленной танко-самоходным и истребительно-противотанковыми полками, войска армии сорвали контратаку врага, предпринятую им утром 24 июня.

Однако нельзя полагать, что планом операции можно все предусмотреть. Встречаются неточности и просчеты или какие-либо другие упущения, которые иногда трудно предвидеть. 25 июня произошло неожиданное столкновение 91-й гвардейской и 251-й стрелковых дивизий с частями противника в районе совхоза Ходцы, куда они вышли, вырвавшись из окружения. Дивизии, ввязавшись в бой с этими немецкими частями, опоздали с выходом в назначенные им районы, а это привело к тому, что часть сил из главной группировки противника юго-западнее Витебска (около 5 тыс.) в середине дня 26 июня прорвалась из окружения и вышла в район оз. Мошно, где и была пленена. Противник не знал положения наших войск, метался в агонии, наталкиваясь на наши войска при попытке выйти из окружения.

Большое значение командование армии при наличии ограниченных сил придавало широкому маневрированию ими с целью наращивания силы удара в ходе боевых действий или отражения ударов противника. Роль маневра в наступлении можно проследить на примере действий бронетанковых частей армии.

В начале наступательной операции усилия всех танковых частей направлялись на осуществление прорыва подготовленной обороны противника. Однако к исходу дня выявилась угроза нанесения контрудара противником на правом фланге участка прорыва. Для парирования этого удара 28-я гвардейская танковая бригада и 957-й самоходно-артиллерийский полк перегруппировались в район Борисовки, Ступище. Во второй половине дня 24 июня, когда контратакующая группировка оказалась разгромленной, танковая бригада перегруппировалась в район Бутяжи для удара совместно с 17-й гвардейской стрелковой дивизией в направлении Комары (по тылам основных сил 53-го армейского корпуса). К исходу 24 июня бригада эту задачу выполнила, заняла рубеж Рудаки, Комары с целью отразить попытки противника вырваться из окружения.

735-й самоходно-артиллерийский полк дважды осуществлял перегруппировку вдоль фронта армии. Так, в ночь на 24 июня он совершил марш из населенного пункта Позняки в район Пе-

сочны для нанесения удара в направлении Островно. После того как лобовая атака населенного пункта не удалась, полк совместно с главными силами 91-й гвардейской стрелковой дивизии перегруппировался восточнее и нанес удар во фланг главной группировки противника.

Таким образом, несмотря на крайне ограниченное количество танковых частей в армии, они каждый раз участвовали в наиболее важных ударах по противнику. Продуманный маневр танковыми частями позволил полностью использовать в операции их большую ударную силу.

В ходе подготовки к наступлению командующий армией занимался и решением на первый взгляд кажущихся мелкими вопросов, которые могли оказать существенное влияние на ход операции. Так, подготовка отрядов по захвату мостов противника в составе полутора-двух взводов смешанного состава на фоне огромного комплекса мероприятий, проводимых армией, была настолько мелким и незаметным мероприятием, что ее казалось возможным возложить на одного командира батальона или полка. Однако, учитывая важность выполняемой этими отрядами задачи, их тактической выучкой занимались опытные офицеры и генералы, и в том числе командующий армией. В дальнейшем удачные действия этих отрядов обеспечили выигрыш времени и способствовали повышению темпа наступления.

Из опыта прошлых операций вытекало, что основной причиной нарушения взаимодействия между пехотой и артиллерией была потеря связи между командными и наблюдательными пунктами этих родов войск. Чтобы исключить подобные случаи в этой операции, пехотные и артиллерийские командиры имели совместные командные и наблюдательные пункты.

Часто при наступлении по неразведанной местности танки и самоходно-артиллерийские установки застревали в болотах, небольших речках и ручьях. Чтобы избежать этого нежелательного явления, необходимо было тщательно изучить местность. Для этой цели в ходе подготовки операции каждый полк и бригада построили по два самостоятельных наблюдательных пункта и пропустили через них мелкими группами все танковые экипажи. Детальное изучение местности танкистами дало свои результаты: во время наступления все машины довольно легко проходили по заболоченной местности.

Подобным же образом решались и другие вопросы, связанные с ведением наступательного боя. Каждый из них составлял какой-то небольшой штрих в общей системе мероприятий армии, но в сумме эти мероприятия во многом определили успешные действия наших войск по разгрому 53-го армейского корпуса.

Военное искусство командира нельзя сводить только к определению основных вопросов, являющихся содержанием его решения на бой. Это главная часть его работы, но не только она определяет успех боя. Необходима большая организационная

работа, в ходе которой следует доводить до исполнителя принятое решение и проводить в жизнь ряд мероприятий, больших и малых по объему, но подчас одинаковых по значению достигаемого оперативного или тактического результата. Поэтому в ходе подготовки к наступлению нельзя отбрасывать «мелкие» вопросы, надо внимательно в них разобраться, определить те из них, которые могут иметь существенное значение, и решить их с учетом более качественного и быстрого выполнения боевой задачи.

Успех наступательной операции был предопределен большой, многообразной и непрерывной партийно-политической работой, которую инициативно в ходе всех боевых действий проводили политорганы, партийные и комсомольские организации.

Стремительность окружения и разгрома немецких войск сказалась на формах проведения партийно-политической работы в ходе четырехдневных боев. Преобладали короткие совещания, выпуск листков-«молний», передача по цепи сведений о проявленной храбрости и геройстве воинов части, о приказах Верховного Главнокомандующего и сообщениях Совинформбюро. Огромную роль в бою играл личный пример коммунистов и комсомольцев.

В условиях динамично развивавшихся событий от каждого коммуниста и комсомольца требовалось проявление личной инициативы и оперативности. Ротные партийные и комсомольские организации обеспечивали в ходе боя авангардную роль коммунистов и комсомольцев.

В дни боев непрерывно проводилась работа по приему в ряды партии. В Коммунистическую партию вступали лучшие воины, проявившие мужество и отвагу в боях с врагом.

Политико-моральное состояние наступавших войск было неизменно высоким и улучшалось по мере приобретения боевого опыта бойцами, сержантами и офицерами, впервые участвовавшими в бою и составлявшими значительный процент по отношению ко всему личному составу.

Подъем политико-морального состояния личного состава отмечался при отражении бешеных контратак немцев, когда они, узнав об окружении, стремились вырваться из него. Наши подразделения прочно удерживали свои позиции и, как правило, в рукопашной завершали уничтожение атаковавшего их противника.

Бои под Витебском носили стремительный характер, распадались на отдельные, подчас изолированные друг от друга очаги борьбы. В течение одного дня полку или дивизии ставилось несколько боевых задач, обстановка менялась чрезвычайно быстро. В этих условиях политработники должны были умело, самостоятельно, инициативно и безошибочно действовать, своевременно перестраиваться. Партийные кадры оказались достаточно опытными для решения этой задачи. Высокое политико-моральное состояние и воинское мастерство солдат, офицеров и генералов явились основными условиями победы, одержанной войсками 39-й армии над противником.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ

П. И. БАТОВ

65-я В БОЯХ ЗА БЕЛОРУССИЮ

НАЧАЛО ОСВОБОЖДЕНИЯ

В ходе летне-осенних наступательных операций 1943 г. войска Центрального [1] фронта под командованием К. К. Рокоссовского, преодолев сопротивление врага на рубежах рек Десны и Сожа, 16 октября форсировали Днепр, захватили на его правом берегу, южнее Лоева, плацдарм оперативного значения.

Активное участие в этих боях принимала и 65-я армия, войсками которой в ту пору довелось мне командовать. Армия во взаимодействии с 48-й армией генерала П. Л. Романенко после форсирования Десны, освобождения Новгород-Северского вела напряженные бои на гомельском направлении.

Преодолевая лесные массивы, множество болот и заболоченных участков, ведя тяжелые бои с отходившими немецко-фашистскими войсками, главные силы нашей армии к концу сентября вышли к р. Сож.

Вечером 28 сентября 1943 г. 19-й стрелковый корпус под командованием весьма опытного и волевого генерала Д. И. Самар-

[1] С 20 октября Центральный фронт был переименован в Белорусский.

ского с ходу начал форсировать Сож у д. Ново-Терешковичи, захватил плацдарм и завязал бои за его расширение.

Частям корпусов генералов И. И. Иванова (18-й стрелковый корпус) и Ф. М. Черокманова (27-й стрелковый корпус) тоже удалось овладеть небольшими плацдармами.

В результате ожесточенных боев на сожском плацдарме войска армии разгромили сильные узлы сопротивления врага: Стар. Дятловичи, Черпинье, Нов. Дятловичи, Шерпиловка, Карповка — и нанесли гитлеровцам существенный урон.

Утром 7 октября 1943 г., когда наши части вели бои за расширение плацдармов, начальник штаба фронта генерал-полковник М. С. Малинин передал мне новое решение командующего войсками фронта генерала армии К. К. Рокоссовского: «Продолжать вести бои в междуречье (между Сожем и Днепром.— *П. Б.*) силами корпуса Самарского. Главными силами армии — двумя стрелковыми корпусами с армейскими частями — выйти на направление Лоев, Радуль, где быть в готовности форсировать Днепр». На этом направлении оборонялась 55-я стрелковая дивизия 61-й армии.

Новая задача, связанная с маневром главных сил армии на другое направление, естественно, вызвала у командования большую озабоченность. Требовалось в короткие сроки скрытно от противника вывести из боя 18-й и 27-й стрелковые корпуса, совершить в ночное время марш-маневр на расстояние 35—40 км, изучить вражескую группировку на новом направлении, всесторонне подготовить войска армии к форсированию водного рубежа, материально и технически обеспечить армейскую операцию.

Штабы и политорганы соединений включались в подготовку к выполнению столь почетной для армии и в то же время весьма сложной и трудной задачи. Инициативный, творческий коллектив офицеров и генералов под непосредственным руководством Военного совета армии, при большой помощи штаба и начальников родов войск фронта успешно справился с разработкой плана армейской наступательной операции.

В ночь на 8 октября два стрелковых корпуса передовыми полками начали марш-маневр к Днепру, в район Лоев, Радуль. Тем временем корпус генерала Д. И. Самарского в составе 140, 162, 354 и 37-й гвардейской стрелковых дивизий, усиленный 246-й стрелковой дивизией из резерва армии, продолжал упорно и настойчиво драться за расширение сожского плацдарма. И внешне казалось, что здесь по-прежнему сосредоточены большие силы. По дорогам к фронту 19-го стрелкового корпуса на правое крыло армии двигались машины с зажженными фарами, а когда повисало черное покрывало ночи, вспыхивало множество горящих костров. Уже стояли холодные октябрьские ночи. Но у костров мало кто грелся. Они разжигались для введения в заблуждение противника и его системы наблюдения: пусть по-

прежнему считает, что в междуречье большое сосредоточение наших войск.

Для скрытия перегруппировки войскам были отданы строжайшие указания и установлен жесткий контроль за выполнением следующих требований: при смене частей 55-й стрелковой дивизии тщательно изучить поведение, быт, ведение боевых действий частями этой дивизии с тем, чтобы прибывшие вместо нее части в поведении и характере боевых действий ничем не отличались от частей 55-й стрелковой дивизии; прибывшие на смену войска должны подносить патроны, питание, а также осуществлять эвакуацию, пользуясь теми же дорогами, ходами сообщения и траншеями, что и смененные части; в междуречье — в полосе 19-го стрелкового корпуса — сменяемым частям оставить по нескольку орудий каждой артиллерийской системы с правом ведения огня в прежнем режиме; радиосеть управления армия — корпус — дивизия обозначать действующей с прежним режимом работы, для чего использовать радиосредства из армейского резерва.

Одновременно с началом движения передовых частей 18-го и 27-го стрелковых корпусов в новый район сосредоточения я вместе с командующим артиллерией генералом И. С. Бескиным, начальником инженерных войск армии генералом П. В. Швидким, офицерами оперативного, разведывательного отделов, отдела связи, управления тыла и политотдела убыл на рекогносцировку в новую дополнительную полосу армии, на участок 55-й стрелковой дивизии 61-й армии.

В ходе работы на местности мы посетили соседа — командующего 61-й армией генерала П. А. Белова, его штаб, где получили информацию об обстановке. На основании разведывательных данных штаба 61-й армии стало известно, что на противоположном берегу Днепра немцы имели около 18 пехотных батальонов, свыше 90 станковых пулеметов, до 300 орудий и минометов. Их оборона состояла из двух линий траншей с ходами сообщений полного профиля: первая сплошная траншея — у уреза воды, вторая — по высокому правому берегу.

Населенные пункты и отдельные постройки были тщательно приспособлены к обороне, особенно д. Щитцы на крутом берегу реки.

Возвратившись от соседа поздно ночью, мы подвели итоги проделанной работы. После оценки обстановки я принял предварительное решение: форсировать Днепр во всей полосе крупными силами с тем, чтобы овладеть противоположным берегом сразу же в нескольких местах.

Для обеспечения успеха форсирования намечалось ошеломить гитлеровцев внезапным массированным ударом артиллерии и авиации и не дать им возможности оказать сопротивление до тех пор, пока сильные штурмовые батальоны первого эшелона дивизий не захватят плацдармы на противоположном берегу.

Артиллерийскую подготовку предусматривалось начать 5-минутным огневым налетом по траншеям, выдвинутым к урезу воды, и по артиллерийским батареям в главной полосе обороны. После этого планировался 30-минутный методический огонь орудий, выставленных для стрельбы прямой наводкой по целям, расположенным в непосредственной близости от правого берега Днепра, а также огонь орудий калибров 122—152 мм по наиболее мешающим форсированию вражеским батареям. Артиллерийская подготовка завершалась 5-минутным огневым налетом по всем целям на подступах к переднему краю главной полосы и в ее глубине.

Об этом решении в 14 часов 8 октября я доложил командующему войсками фронта. Ответ от К. К. Рокоссовского последовал незамедлительно: «Согласен. Немедленно выезжайте на НП Белова».

Через два часа мы уже были на НП командующего 61-й армией. Среди большой группы генералов и офицеров управления фронта стоял К. К. Рокоссовский в накинутой на плечи бурке.

— Докладывайте,— сказал он, поздоровавшись с прибывшими генералами и офицерами штаба 65-й армии, начальниками родов войск и служб.

— Два стрелковых корпуса трехдивизионного состава каждый главными силами снимаются с занимаемых ими позиций сегодня ночью. В их полосе на сожском плацдарме остается 246-я стрелковая дивизия для прикрытия перегруппировки и обороны на широком фронте. Головные полки этих корпусов после совершения марша в ночное время уже сосредоточились в указанном им районе. Подготовка войск к форсированию Днепра развернута. Форсирование намечено осуществить после ускоренной подготовки на седьмые сутки,— доложил я кратко командующему войсками фронта.

— Как ваше мнение, Павел Алексеевич? — спросил К. К. Рокоссовский Белова.

— Я не вправе возражать против принятого решения.

Рокоссовский усмехнулся и сказал:

— Я вас понимаю, Павел Алексеевич. Но согласитесь, что время упущено. Противник организовал настоящую оборону. Будем действовать наверняка и только так. Ваша задача, Павел Иванович,— обращаясь ко мне, продолжал он,— форсировать Днепр в полосе Лоев — Радуль, прорвать оборону немцев на западном берегу реки и ударом в направлении Колпень, Надвин, Демехи выйти главными силами армии к концу третьего дня наступления на рубеж Ветхин, Новый Барсук. Решение оставить за Сожем 246-ю дивизию с подчинением Самарскому считаю правильным. Самарскому пока придется тяжело, но зато он и армия Романенко помогут нам лучше замаскировать перегруппировку войск на лоево-радульское направление.

Тем временем передовые части корпуса, совершив ночной марш, сосредоточились в лесах на направлениях, которые им были

указаны. По-прежнему на берегу, откуда открывался вид на Лоев, царила обычная, привычная тишина, и немцы, охранявшие подступы к Днепру, наблюдали за размеренным поведением и боевой жизнью 55-й стрелковой дивизии... Но вместо частей этой дивизии в окопах и траншеях уже сидели бойцы 106-й стрелковой дивизии полковника М. М. Власова, 193-й стрелковой дивизии полковника А. Г. Фроленкова, 69-й стрелковой дивизии генерала И. И. Санковского.

Перегруппировкой войск в район Лоев, Радуль решался основной вопрос наступления — создание превосходства в силах на избранном направлении главного удара. Раньше здесь на 20-километровом фронте действовала и оборонялась одна 55-я стрелковая дивизия. Теперь на этом участке в первом эшелоне мы поставили четыре дивизии и 602 орудия и миномета.

Основные силы стрелковых корпусов сосредоточивались в выжидательных районах на удалении до 3 км, а вторые эшелоны располагались в 6—7 км от берега реки. Переправочные средства подготавливались в лесных массивах.

После утверждения решения командующим фронтом 11 октября были уточнены задачи стрелковым корпусам. 27-й стрелковый корпус генерала Ф. М. Черокманова должен был форсировать Днепр в районе Каменка, остров Харвенков, овладеть рубежом Козароги, Колпень и далее наступать на Ветхин; 18-й стрелковый корпус генерала И. И. Иванова — на участке населенных пунктов Лопатин, Радуль, овладеть рубежом Колпень, р. Песоченка, а затем выйти на рубеж населенного пункта Возок, р. Брагинка.

В лесах, где сосредоточивались главные силы корпусов армии, шла напряженная подготовка войск. Движение на направлениях предстоявшего форсирования регулировалось специально дежурившими офицерскими патрулями и постами. Внешне здесь было, как и прежде, тихо и безлюдно. На озерах и прудах вдали от переднего края дни и ночи штурмовые батальоны учились форсировать речные преграды.

Внезапность и успех форсирования обеспечивались удачным выбором участков переправ и времени начала форсирования, строгой дисциплиной. Политорганы, партийные и комсомольские организации в период подготовки провели большую работу по разъяснению приказа Верховного Главнокомандующего о присвоении звания Героя Советского Союза тому, кто первым форсирует Днепр, а также значения форсирования Днепра. Коммунисты и комсомольцы были расставлены на самых ответственных участках. Им выдавались красные флажки для водружения на правом берегу реки. Из местных рыбаков политорганы помогли подобрать надежных проводников.

В один из таких напряженных дней к группе генералов и офицеров штаба армии на участке 69-й дивизии генерала И. А. Кузовкова подошел местный житель из д. Лопатин рыбак Павел

Абрамович Саенко в полной парадной форме. На нем была выцветшая от времени солдатская фуражка, гимнастерка с аккуратно положенными заплатами, на которой как-то особенно выделялись четыре георгиевских креста. П. А. Саенко отрекомендовал себя вахмистром сверхсрочной службы русской армии.

От него мы узнали, что ширина Днепра в этом районе 400 м, глубина 8—10 м, для переправы на плотике потребуется до 40 минут...

40 минут! Если в 6 часов 30 минут начать отвал от левого берега первой волны десанта, то штурмовые батальоны дивизий первого эшелона причалят к тому берегу в 7 часов 10 минут. Это будет время рассвета. Без суеты в штурмовых батальонах и при твердом знании каждым своего места и своего «маневра» вражеская оборона сможет обнаружить десант у берега — это уже начало успеха форсирования.

В ходе огромной созидательной работы по подготовке операции десятки и сотни вопросов вставали в сознании каждого командира и военачальника. Но больше всего волновала мысль: а вдруг гитлеровцы знают о готовящейся операции, но до поры до времени скрывают это?

Подготовкой к форсированию каждый день интересовался командующий фронтом. Он принимал все меры, чтобы помочь армии выполнить сложную задачу. Без нашей просьбы нашел нужным усилить корпус Самарского артиллерией. Активность корпуса возросла, что заставило гитлеровцев подтянуть в междуречье Сож — Днепр еще одну дивизию из оперативных резервов.

В ночь перед форсированием на КНП царило оживление. С особым старанием работали офицеры-операторы, разведчики, артиллеристы, партийный актив штабной парторганизации. Поступили последние донесения о готовности войск к началу форсирования Днепра и прорыва немецкого «Восточного вала».

В 6 часов 30 минут 16 октября штурмовые батальоны 106, 193, 149, 69-й стрелковых дивизий при поддержке артиллерии и штурмовой авиации в шести пунктах приступили к форсированию Днепра. Через полчаса они уже высадились на правый берег и завязали бой за плацдарм. После короткой рукопашной схватки группы и отряды из штурмовых батальонов штурмом овладели первой траншеей.

В ходе форсирования бойцы, сержанты и офицеры проявили отвагу и массовый героизм. Вот некоторые примеры.

Первые группы бойцов первого батальона 883-го стрелкового полка под командованием майора Нестерова переплыли Днепр на лодках, не замеченные противником. Это решило успех. Внезапная высадка передовых отрядов вызвала панику среди гитлеровцев. Они открыли сильный, но беспорядочный огонь по переправе. Однако было уже поздно. Сотни снарядов и мин падали в воду. Иногда плоты и лодки переворачивались, и бойцы ока-

зывались в ледяной воде. Но ничто не могло остановить их порыв, стремительность и быстроту.

Геройски действовал начальник артиллерийской разведки полка Дьячков. Он находился на самых трудных и опасных участках, выявлял огневые точки — пулеметы, минометные батареи — и тут же сообщал своим артиллеристам. Смелость и отвагу проявил парторг Цымбал. Он первым ворвался в траншею, очистил ее от врага и проложил путь всему батальону. Немцы упорствовали, стремясь сбросить наших бойцов в Днепр. Но своей цели они не достигли. Дружным ударом батальон Нестерова отражал контратаки и упорно, настойчиво продвигался вперед, занимая все более выгодные позиции. Появились раненые. Майор медслужбы Автономов, переправившись с передовым отрядом, умело организовал помощь и эвакуацию раненых. Ему деятельно и смело помогал младший лейтенант медицинской службы Будько. Мужественные бойцы майора Нестерова, ломая ожесточенное сопротивление врага, расширяли захваченный плацдарм.

В полосе 18-го стрелкового корпуса с самого начала обозначился успех в 69-й стрелковой дивизии. Десантные группы второго батальона 120-го полка организованно отчалили от берега. Вместе с солдатами в первом рейсе пошли командир батальона капитан И. З. Кулешов, заместитель командира полка по политической части А. В. Сидоров и заместитель начальника политотдела дивизии Б. Т. Пищекевич.

На самой реке было спокойно. Дул слабый ветер, и дымовая завеса, поставленная с острова, удачно прикрывала лодки. Вражеская оборона начала обстрел, когда они уже подплывали к западному берегу. С лодок ответили автоматным и пулеметным огнем. Капитан Кулешов по радио запросил артиллерийскую поддержку, указав несколько целей, подлежавших уничтожению в первую очередь.

В ту же минуту часть корпусной артиллерийской группы и дивизионная артиллерия накрыли вражескую траншею на участке форсирования 69-й стрелковой дивизии. Десятиминутный артналет ослабил огонь противника. Все лодки батальона Кулешова почти одновременно подошли к берегу. Десант высадился, с ходу атаковал немецкое боевое охранение, выбил из траншей и начал продвигаться к прибрежным высотам. А реку уже пересекли лодки второй очереди. Комдив спешил, пока еще не совсем рассвело, нарастить силы для надежного захвата плацдарма. С высоты Щитцов немцы могли каждую минуту открыть прицельный огонь по реке, и тогда переправляться будет невозможно.

Бой за рекой разгорался. Отчаянно жестокий, как это бывает при действиях десантов. Пройдет некоторое время, и на плацдарме войдут в силу законы организации и управления. Появятся опергруппы, а затем штабы соединений, переправится артиллерия... Но в первые часы после высадки все решает доблесть и мастерство тех немногих людей, которые зацепились за берег.

Бросок через Днепр удался. К 10 часам 16 октября мы могли доложить командующему войсками фронта, что на западном берегу закрепились четыре батальона. Наступила ночь — наша союзница. Под прикрытием темноты по всему 20-километровому фронту началась усиленная переправа войск для усиления первого эшелона.

К исходу 17 октября главные силы 18-го и 27-го корпусов переправились на западный берег и овладели сильными опорными пунктами — Лоев, Крупейки, Щитцы, Бывалки.

Неоценимый вклад в успешное форсирование Днепра внесли инженерно-саперные и понтонные части под руководством мужественного и опытного генерала П. В. Швидкого, авиация 16-й воздушной армии и особенно 299-я штурмовая дивизия (командир полковник И. В. Крупский).

Герои Днепра не забудут и большую помощь местных жителей прибрежных сел и населенных пунктов Белоруссии и Украины. Потомственные рыбаки, бывшие матросы речных судов, лесосплавщики, лесорубы — все они отлично знали Днепр. Хотелось бы отметить братьев Савельевых, Станкевича, Волохина, братьев Новгородских.

В ходе пятидневных упорных наступательных боев 18-й и 27-й стрелковые корпуса, сломив упорное сопротивление немецко-фашистских войск, прорвали их оборону и овладели весьма важным плацдармом, имевшим 20 км по фронту и 13 км в глубину.

Успех войск армии создал реальную угрозу глубокого флангового удара по немецко-фашистской группировке, оборонявшейся в междуречье Сож — Днепр. Немецкое командование, предвидя это, вынуждено было начать отход на западный берег Днепра. Войска правого фланга армии (19-й стрелковый корпус), обнаружив отход врага из междуречья, в 19 часов 30 минут 20 октября начали преследование. В течение ночи 37-я гвардейская стрелковая дивизия своими главными силами, преодолев сопротивление арьергардов противника, успешно форсировала Днепр и с боем овладела Стародубкой, Исаковичами и пос. Соловьевым.

Для развития обозначившегося успеха и преследования гитлеровцев командир корпуса генерал Д. И. Самарский ввел в бой и 354-ю стрелковую дивизию. Общий плацдарм на западном берегу Днепра значительно расширился. Выход войск армии на правый берег Днепра создал прямую угрозу всей гомельской группировке немецко-фашистских войск.

За успешное форсирование Днепра и закрепление захваченного плацдарма Указом Президиума Верховного Совета СССР 183 генералам, офицерам, сержантам и рядовым армии присвоено высокое звание Героя Советского Союза, в том числе: И. И. Иванову, И. А. Кузовкову, И. З. Кулешову, А. В. Сидорову, Б. Т. Пищекевичу, А. Г. Фроленкову, С. А. Руденко, А. Г. Ни-

конову, В. Ф. Нестерову, Е. Д. Волкову, И. А. Мордасову, И. Р. Косяку, И. В. Цымбалу и др. Многие воины были награждены орденами и медалями.

Правительство Белоруссии, партийные и советские организации Гомельской и Черниговской областей в честь героев форсирования Днепра воздвигли величественные монументы в Лоеве и Радуле, увековечив подвиг воинов 65-й армии.

В ночь на 20 октября командующий фронтом приказал временно до получения резервов наступление войск армии приостановить, стойко удерживать занятый плацдарм. Все дивизии вывести в первый эшелон. Штабы подтянуть к войскам. На плацдарме подготовить районы для сосредоточения четырех-пяти новых танковых, кавалерийских и артиллерийских корпусов.

Размеры плацдарма позволяли разместить на нем крупные силы и средства, предназначенные для развития дальнейшего наступления.

Наш сосед справа — 48-я армия генерала П. Л. Романенко создала группировку войск для охвата Гомеля с юга. Сосед слева — 61-я армия, которой командовал генерал П. А. Белов, правофланговыми частями вышла на правый берег Днепра, захватила сильный опорный пункт Бывалки, надежно прикрыв левый фланг 65-й армии.

Выход на правый берег Днепра и сосредоточение крупной группировки советских войск на плацдарме южнее Лоева не могли остаться не замеченными противником. Немецко-фашистское командование, почувствовав угрозу флангового удара, отвело войска из междуречья Сож — Днепр, тем самым усилило прикрытие крупного узла сопротивления в Речице.

В армии развернулась напряженная подготовка к новой наступательной операции. Политорганы и парторганизации частей и соединений широко популяризировали наши успехи. С быстротой молнии распространилось сообщение об Указе Президиума Верховного Совета СССР.

Все это способствовало еще большему повышению наступательного порыва войск армии.

Во всех соединениях и частях армии с офицерами проводились подробные разборы операции по форсированию Днепра с прорывом оборонительного рубежа противника, именовавшегося «Восточным валом». Анализ боевых действий войск армии на Днепре позволял наиболее полно учесть недостатки, выявившиеся в процессе наступления частей и соединений, а также наилучшим образом использовать накопленный положительный опыт в ходе предстоящей операции, вошедшей в историю Великой Отечественной войны под названием Гомельско-Речицкой.

Проводилась большая работа также по перегруппировке и сосредоточению войск, рекогносцировке направлений будущего наступления, организации взаимодействия и использованию родов войск.

В 20-х числах октября для оказания помощи и проверки хода подготовки войск армии к предстоявшему наступлению на окраину Лоева, где размещался командный пункт армии, прибыл с группой генералов и офицеров командующий войсками фронта генерал К. К. Рокоссовский. К назначенному сроку прибыли также командующие 48-й и 61-й армиями.

На столе — большая оперативная карта. Красные стрелы показывают направление ударов. После прорыва надвинских позиций войскам армии надлежало наступать вдоль западного берега Днепра, овладеть Речицей; вторым ударом на юго-запад во взаимодействии с 61-й армией освободить города Василевичи и Калинковичи.

— Выполнив этот замысел,— указывал К. К. Рокоссовский,— ваши войска выйдут в Полесье, лишат гомельскую группировку немцев основных коммуникаций и поставят ее под угрозу окружения. Четырех корпусов для решения такой задачи вам не хватит. Поэтому я передаю вам основные фронтовые резервы. Получите два кавалерийских, два танковых и один артиллерийский корпус прорыва. Все эти силы предназначены для развития успеха после прорыва надвинских позиций. Их имелось в виду сосредоточить на плацдарме во втором эшелоне армии. На их перегруппировку требовалось около 20 суток.

Оценивая группировку противника, К. К. Рокоссовский пришел к выводу, что прорыв надвинских позиций обеспечивает нашим войскам необходимые условия для разгрома обороны врага в полосе Белорусского фронта. Развивая эту мысль, он сказал, обращаясь, в частности, к командующим армиями Белову и Романенко:

— Мы рассчитывали, что прорыв вражеской обороны на берегу Днепра откроет путь непрерывному наступлению. Не получилось. Противник стянул на надвинские позиции пять дивизий. Он оказался более мобильным, чем мы ожидали. Но он в свою очередь допускает еще более грубую ошибку. Гитлеровцы не приняли систему жесткой обороны, они непрерывно наносят контрудары и контратаки, рассчитывая сбросить наши войска с плацдарма. Я считаю, что это пока нам выгодно. Как вы, товарищи, думаете?

— Бесспорно,— согласился командующий 61-й армией генерал Белов.— Надо стоять на месте, перемолоть вражеские резервы. Затем удар, прорыв, и перед 65-й армией может открыться перспектива выхода на оперативный простор.

— Да, перспектива очень заманчивая,— подтвердил командующий 48-й армией генерал Романенко.

— Вот именно! — продолжал командующий фронтом.— Если 65-я, а к этому основания есть, и я в это верю, прорвет надвинские позиции, то гомельская группировка немцев окажется под реальной угрозой полного разгрома. Но для этого удара армия должна иметь крупные резервы.

— Конечно, конечно,— единодушно поддержали Белов и Романенко.

— Значит, договорились. Мнение у нас единое. Желаю вам успеха — ни пуха ни пера!

Получив разрешение и попрощавшись, командующие 61-й и 48-й армиями убыли на свои командные пункты, а К. К. Рокоссовский начал знакомиться с результатами проверки войск 65-й армии, их готовности к выполнению предстоящей боевой задачи. После чего выехал в один из корпусов резерва Белорусского фронта.

Задача ясна. Началась целеустремленная подготовка к новому удару по врагу. Армия вдруг разбухла до девяти корпусов. Случай редкий в военной практике. Только сплоченный и владеющий опытом коллектив офицеров и генералов мог справиться с руководством такой массой войск, с организацией, планированием и обеспечением и оправдать оказанное доверие. Полевому управлению армии пришлось много и напряженно потрудиться, чтобы принять и разместить на плацдарме столь большое количество войск. Вспоминаю эти горячие дни с чувством признательности к боевым товарищам.

На плацдарм непрерывным потоком каждую ночь шли войска. Первым сосредоточился 1-й гвардейский Донской танковый корпус под командованием генерала М. Ф. Панова. Во всех последующих боях армии этот корпус почти всегда участвовал. Формально он должен был комплектоваться техникой, людьми за счет резервов фронта, но мы часто отдавали корпусу лучших командиров и бойцов из армейских гвардейских частей. Наша армия многим обязана гвардейцам-танкистам этого корпуса. С генералом Пановым мы сошлись близко и быстро. Это был скромный человек. Он никогда не подчеркивал, что командует корпусом резерва фронта. На его военный и политический опыт можно было смело положиться.

Вместе с М. Ф. Пановым мы проверяли сосредоточение частей и соединений корпуса, маскировку танков, уточняли взаимодействие при прорыве тактической зоны обороны немцев, знакомили командиров танковых бригад с командирами стрелковых соединений, в полосе которых танковым бригадам предстояло войти в прорыв. Больше всего нам нравилось, что танкисты никогда не стремились получить от стрелковых частей для танковых бригад корпуса готовенький, «чистый» прорыв. Они понимали, что такого в природе не существует, и всегда своими активными действиями стремились помочь пехоте, использовали каждый ее успех для завершения наметившегося прорыва во вражеской обороне и развития наступления. Офицеры-танкисты корпуса Панова в ходе наступления выезжали в стрелковые дивизии, выясняли обстановку на поле боя, вели разведку в интересах корпуса, стрелковых частей и соединений, координировали их действия.

Вскоре на плацдарм вышли части и соединения 9-го танкового корпуса под командованием генерала Б. С. Бахарова, а за ними и другие войска.

Враг чувствовал, что советские войска готовятся продолжать наступление. Немецкая артиллерия день и ночь вела интенсивный огонь по нашим боевым порядкам. На отдельных участках немцам удавалось нанести нашим частям чувствительные потери. В один из таких дней в полосе 2-го гвардейского кавалерийского корпуса противник силами до пяти полков пехоты с танками при поддержке артиллерии и авиации нанес сильный контрудар и заставил наших кавалеристов отойти на 2—3 км. В 69-й дивизии накануне наступления был огнем немецкой артиллерии накрыт наблюдательный пункт артиллерийского дивизиона. Погиб его командир, храбрый артиллерист майор М. Я. Сорокин. В 1939 г. инженер Михаил Яковлевич Сорокин вступил в партию. Службу в армии начал после окончания Киевского артиллерийского училища и быстро завоевал уважение командиров и любовь всех подчиненных. Недаром к берегам Днепра майор Сорокин пришел награжденным орденами Отечественной войны и орденом Александра Невского. За отличные действия при форсировании Днепра он был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

В результате напряженной работы командиров и штабов всех степеней и целеустремленной боевой подготовки всего личного состава соединений, частей и подразделений войска 65-й армии хорошо подготовились к предстоявшему наступлению и лишь ждали сигнала к началу боевых действий.

Наступление началось в 11 часов утра 10 ноября 1943 г. Ему предшествовала 40-минутная артиллерийская подготовка. Решительным ударом войска армии, прорвав сильно укрепленную оборону немцев, успешно продвигались вперед. За два часа боя были разгромлены шесть сильных опорных пунктов противника в тактической зоне обороны. Немецко-фашистские войска, опираясь на хорошо подготовленную оборону, оказывали упорное сопротивление, часто применяя контратаки. Через четыре часа после начала атаки пехоты был введен в бой 1-й гвардейский танковый корпус. Его танки, сокрушая тщательно подготовленную оборону немецко-фашистских войск, успешно продвигались вперед.

По данным фронтовой и армейской разведки и сведениям, полученным от белорусских партизан, стало известно о сосредоточении в ближайшем тылу врага, особенно в районе ст. Демехи и г. Речицы, отходящих из-под Гомеля значительных сил противника. К утру эта группировка войск могла занять оборону на новом оборонительном рубеже, и тогда войска нашей армии вновь встретились бы с организованным сопротивлением. Нужно было не допустить этого, упредить врага вводом в бой новых оперативных резервов.

Используя успех ранее введенного в бой 1-го гвардейского танкового корпуса, действовавшего совместно с кавалерийским корпусом генерала М. П. Константинова, 16 ноября в полосе 18-го стрелкового корпуса в прорыв были введены 9-й танковый корпус генерала Б. С. Бахарова и 2-й гвардейский кавалерийский корпус, которым командовал генерал В. В. Крюков. Во избежание излишних потерь конницы от огня и танков противника кавалерийские части при вводе их в бой следовали за танковыми бригадами корпусов. Танкисты уничтожали боевую технику врага, а кавалеристы уничтожали пехоту немцев и ее огневые средства. Дивизии стрелковых корпусов после выхода танков и кавалерии в оперативную глубину обороны врага свертывались в колонны и вступали в бой лишь в тех случаях, когда требовалось уничтожить отдельные, разрозненные группировки противника. Такое оперативное построение и боевые порядки войск способствовали высоким темпам наступления. Одновременно с успешными действиями подвижных войск соединения 19-го стрелкового корпуса, используя их успех, атаковали опорный пункт противника на ст. Демехи и разгромили там крупный гарнизон, уничтожив 1900 солдат и офицеров, 27 танков, 15 орудий. Были захвачены трофеи: 477 грузовых машин, 8 легковых, 25 орудий, 7 самоходных орудий, 25 не разгруженных с железнодорожных платформ исправных танков и большое количество железнодорожных эшелонов с имуществом и боеприпасами.

Генерал Панов сообщил, что на отдельных участках немецко-фашистские войска оказывают сильное сопротивление. «Отражаем контратаки танков и продолжаем идти вперед»,— доложил он. Организованно и стремительно действовал также корпус генерала Бахарова. Командиры танковых корпусов отлично понимали общий замысел операции. Танкисты громили технику противника, а кавалеристы — вражескую пехоту. Конница не отставала от танков, очищала территорию Белоруссии от остатков разгромленных немецких частей. Коннице было трудно вести уличные бои против врага, обладавшего сильным автоматическим оружием. В таких случаях командиры кавалерийских дивизий блокировали опорные пункты врага до подхода стрелковых частей, которые и довершали дело.

Глубоко вклинившись за ночь в тыл противника, танковые и кавалерийские части перерезали железную и шоссейную дороги, ведущие из Гомеля на Калинковичи. Немецко-фашистские войска, отходившие из-под Гомеля на Калинковичи, встретив наши танки и кавалерию, повернули назад на Речицу. Они, видимо, рассчитывали вновь переправиться на восточный берег Днепра и соединиться с главными силами гомельской группировки, для которой теперь оставался единственный путь отступления — через Полесские болота. Но за Днепром к Речице уже подходили стрелковые корпуса 48-й армии. Путь врагу был отрезан.

Речица не входила в полосу наступления 65-й армии. Но создалась благоприятная обстановка для глубокого маневра и удара по группировке немецких войск в городе с тыла, поскольку 19-й стрелковый корпус, используя успех танкового корпуса, вырвался далеко вперед и совместными действиями с партизанским соединением И. П. Кожара освободил более 40 населенных пунктов севернее Демехи.

Соединение белорусских партизан генерал-майора Кожара в то время вело активные наступательные действия и очистило от немецко-фашистских войск значительную территорию вдоль рек Шибенка и Днеприк. Встреча действующей армии и партизан в этом районе благоприятствовала дальнейшим боевым действиям. Партизаны надежно прикрыли левый фланг армии и сообщили нам важные сведения о гарнизоне немцев в Речице. Благоприятным было и сообщение о переправе через Днепр всех четырех дивизий 19-го стрелкового корпуса. В этих условиях упустить возможность наступления на Речицу было непростительно.

У нас созрел следующий план разгрома немецкого гарнизона в Речице. Партизанское соединение Кожара перерезает дорогу Озерще — Горваль и преграждает пути отхода противнику. Для решения этой задачи выделялись две партизанские бригады, находившиеся в районе Береговая, Слобода, Глыбов. Две танковые бригады 1-го гвардейского танкового корпуса во взаимодействии с частями 37-й гвардейской и 162-й стрелковых дивизий наносят удар по Речице с северо-запада. С востока на город наступал стрелковый корпус соседней 48-й армии.

— Решение считаю правильным,— одобрил Рокоссовский, выслушав доклад.— Действуйте без промедлений. Мы предполагали, что создастся такая обстановка.

Части армии совместно с 48-й армией освободили Речицу, не дав врагу разрушить город, захватили трофеи и пленных. Внезапный удар по городу с тыла позволил войскам 65-й армии вместе с левофланговыми соединениями 48-й армии при надежном обеспечении наших действий со стороны партизанского соединения Кожара окружить и пленить вражескую группировку войск. Лишь незначительной части сил врага удалось уйти на запад. Над Речицей снова развевался красный флаг, водруженный на здании педагогического техникума — самом высоком в городе — старшиной роты 194-го стрелкового полка А. Морозовым, который одним из первых ворвался в город.

Горячий отклик в войсках армии вызвал приказ Верховного Главнокомандующего от 17 ноября 1943 г. о присвоении почетного наименования «Днепровских» 106, 193-й дивизиям, 143-му и 128-му минометным полкам, 61-му отдельному понтонно-мостовому батальону и 14-й Новгород-Северской армейской стрелковой бригаде. За этой радостной вестью последовала вторая: на следующий день приказом Верховного Главнокомандования за умелые и успешные действия по овладению г. Речица вось-

ми соединениям и частям армии было присвоено почетное наименование «Речицких».

Центральный Комитет компартии Белоруссии, Совнарком и Президиум Верховного Совета БССР 11 декабря горячо поздравили личный состав 37-й гвардейской дивизии с одержанной победой и присвоением ей почетного наименования «Речицкой», пожелав воинам новых успехов в боях с немецкими захватчиками.

Перед правым флангом войск армии в результате достигнутого успеха на речицком направлении образовался почти полностью открытый фронт. На отдельных рубежах оборонялись лишь разрозненные группы противника. 19-й стрелковый корпус, успешно продвигаясь вперед, вскоре вышел на правый берег Березины и начал действия в направлении Паричей. Войска армии вступили в полосу Полесских болот.

Наступление продолжалось. С минуты на минуту ожидалось донесение об освобождении д. Василевичи и железнодорожной станции Василевичи — сильных опорных пунктов в системе обороны немецко-фашистских войск.

В разгар этих боев позвонил по ВЧ К. К. Рокоссовский и сообщил, что к нам в армию выехал маршал Буденный. Его заинтересовали успешные действия конницы, действовавшей в составе 65-й армии.

Часа через три Семен Михайлович уже был на нашем командном пункте.

— Чем порадуешь, командарм 65-й?

— Кавалеристы у нас, товарищ маршал, отлично поработали в этой операции. Они вместе с танковыми корпусами вырвались вперед на 60 км и в настоящее время ведут бой на подступах к Василевичам.

С. М. Буденный внимательно изучил оперативную карту, на которой стрелами были обозначены действия конницы. Он много расспрашивал о положении в войсках, об их обеспеченности и нуждах армии. Кавалерийские корпуса наступали хорошо, умело взаимодействуя с танковыми и стрелковыми. Маршал был доволен, но, как иногда бывает, случилось непредвиденное. Донесение о том, что 2-й гвардейский кавалерийский корпус овладел ст. Василевичи, оказалось неверным. В действительности был освобожден лишь населенный пункт Василевичи, а станция находилась еще в руках противника. В сводке Совинформбюро уже было объявлено об освобождении станции.

Узнав о случившемся, позвонил Рокоссовский и сказал мне:

— Имейте в виду, я не привык опровергать сводки Совинформбюро.

Столь необычный случай требовал личного вмешательства, разбора и расследования на месте...

На окраине д. Василевичи разместился штаб кавалерийского полка.

— Где командир дивизии?

Один из офицеров повел нас по темной улице к комдиву. Он сидел за столом над картой. Рядом начальник штаба, начальник политотдела и несколько офицеров.

— Товарищ командующий, ошибку исправляем,— опередив мой вопрос, сказал комдив.— Разведка закончена. На ст. Василевичи небольшие силы противника. Два полка направлены в обход с севера. Атакуем станцию ночью.

Несколько сконфуженный вид комдива вызывал сожаление. Гнев как-то сразу погас. Позднее комкору было приказано разобрать этот случай неправдивого донесения, дать правильную оценку ему и виновных наказать своей властью.

К рассвету станция была взята внезапным ударом и без потерь.

Семен Михайлович усмехнулся, когда я ему рассказал эту историю.

В боях на ближних подступах к Василевичам отличились разведчики 149-й стрелковой дивизии полковника А. А. Орлова. Разведгруппе лейтенанта В. И. Смелого была поставлена задача захватить «языка». Действуя в тылу врага, разведчики встретили в районе населенного пункта Малодуша обоз противника из восьми подвод, открыли огонь. Но пленного захватить не удалось, ни одного фашиста не осталось в живых. Забрав документы убитых, разведчики в ночь на 19 ноября продолжали свой путь в район Первомайска и на дороге обнаружили на привязи четырех лошадей. Организовали засаду. Через некоторое время к лошадям подошли два немца. Один их них, оказавший отчаянное сопротивление, был убит, другой взят в плен. С «языком», документами и лошадьми к рассвету 20 ноября разведчики без потерь возвратились в свою часть.

В течение ноября войска армии, преодолевая вражеское сопротивление, продолжали наступление. За полтора месяца боев на правобережье Днепра немецко-фашистским войскам было нанесено крупное поражение: уничтожено 22 850 гитлеровцев, 375 орудий и минометов, 258 танков и самоходных орудий, 34 бронетранспортера, бронепоезд и много другой техники врага, захвачено 53 танка и самоходных орудий, 4 бронетранспортера, 249 орудий и минометов, до 1000 автомашин, 53 различных склада, взято в плен 511 солдат и офицеров противника. Войска 65-й армии освободили более 300 населенных пунктов Белоруссии, среди которых города Лоев, Речица, Василевичи, поселки Ветхинь, Короватичи, Шацилки, Здудичи и др.

Наступление войск армии по всему фронту развивалось успешно, особенно на правом фланге 19-го стрелкового корпуса, войска которого подходили к Полесским болотам. Но в начале декабря обстановка, особенно на левом фланге армии, стала изменяться к худшему. Опираясь на сильные опорные пункты Калинковичи — Мозырь, немецкое командование стянуло сюда круп-

ные резервы. Можно было предположить, что оно замышляет контрудар. В связи с этим было решено сосредоточить на левом фланге сильную группировку войск и во взаимодействии с 61-й армией нанести удар на Калинковичи, сорвать замысел врага и объединенными усилиями освободить от немецких захватчиков Мозырь — Калинковичи. В состав нашей ударной группировки был включен вновь созданный 95-й корпус под командованием генерала И. А. Кузовкова, который из района Новинки — Нахов — Василевичи должен был наносить удар на Калинковичи, для этой цели корпус и перебрасывался с правого фланга войск армии на левый.

Однажды в период перегруппировки войск и подготовки операции позвонил командующий фронтом:

— Какие силы и средства действуют у вас на паричском направлении? Верно, что ваши войска бросили без прикрытия ранее захваченный предмостный опорный пункт у взорванного моста через Березину и Шацилки?

Внимательно слушая К. К. Рокоссовского, я подумал, что в связи с уходом из состава армии в резерв Ставки танковых корпусов Панова, Бахарова, кавалерийских корпусов Крюкова и Константинова и на доукомплектование 27-го стрелкового корпуса командующий фронтом, видимо, хочет уточнить новую группировку войск армии. Я начал доклад с положения главной группировки на левом фланге — на калинковичском направлении. О войсках правого фланга доложил, что наступление там идет успешно и в районе населенного пункта Гомза установлена связь с белорусскими партизанами соединения В. И. Козлова.

Говоря о партизанах, я привел следующий пример: 8 декабря 1943 г. в штабе 37-й гвардейской дивизии в д. Николаевке Паричского района состоялось совещание представителей партизанских соединений и штаба армии, в котором приняли участие заместитель командующего 65-й армии, командир 19-го стрелкового корпуса, командир 37-й гвардейской стрелковой дивизии, начальник политотдела этой дивизии и начальник штаба одного из соединений партизанских отрядов Минской области Г. Гнусов с группой оперативных работников. Участники совещания договорились о совместных боевых действиях. Минский подпольный обком партии обещал Военному совету армии пополнить личный состав за счет партизанских соединений. 10 декабря обком обязал подпольные райкомы партии выделить партизан и направить их на пополнение в 65-ю армию. В течение нескольких дней к нам прибыло свыше 10 тыс. человек. Кроме того, командование армии регулярно получало разведывательные данные от Минского партизанского соединения.

Выразив удовлетворение по поводу хорошего взаимодействия армии с партизанами, командующий обратил мое внимание на то, что наступление на таком широком фронте, как у нас, чревато большой опасностью.

— Вы хотите разделить участь самсоновской армии? Он тоже в 1914 г. очертя голову рвался вперед и напоролся на контрудар. Разведку плохо ведете... В районах Шацилки, Паричи, Пружинище сосредоточиваются крупные силы врага. Немедленно примите меры к надежному прикрытию правого фланга и обеспечению стыка с 48-й армией.

По тону командующего я понял, что мы допустили большой просчет, оставив свой правый фланг недостаточно защищенным. Мы срочно стали перегруппировывать на правый фланг силы и средства. Тем временем гитлеровцы, сосредоточив против правого фланга 65-й армии три пехотные и две танковые дивизии, решили срезать образованный нашими войсками паричский выступ и выйти на рубеж железной дороги и шоссе Жлобин — Калинковичи.

В районе так называемого паричского клина находились 37-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала Е. Г. Ушакова с артиллерийской бригадой полковника С. Г. Колесникова и часть сил 60-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник А. В. Богоявленский. Мы срочно перегруппировали на правый фланг армии 95-й корпус в составе двух дивизий, а следом за ним и 44-ю гвардейскую дивизию, но к моменту нанесения контрудара эти войска занять рубеж не успели. Войска 48-й армии основные усилия сосредоточили в междуречье Днепра и Березины, наступая на Жлобин. Таким образом, правый фланг 65-й армии оказался значительно ослабленным. По нему-то и нанес противник 20 декабря контрудар силами трех пехотных и двух танковых дивизий, спешно переброшенных из Бобруйска и других районов. Враг бросил в бой на этом направлении до 300 танков и потеснил части 37-й гвардейской и 60-й стрелковых дивизий, 46-й артиллерийской бригады. В полуокружении оказался штаб 95-го корпуса. Только благодаря решительным и смелым действиям командира корпуса генерала И. А. Кузовкова управлению корпуса ночью удалось выйти из окружения.

Войска 95-го корпуса приняли на себя всю силу вражеского контрудара. Исключительную стойкость в этих боях проявили воины 37, 44-й гвардейских дивизий, 172, 60-й стрелковых дивизий и артиллерийских дивизий артиллерийского корпуса генерала Н. В. Игнатова. Особенно тяжелая обстановка сложилась в районе Шацилок. Здесь был открытый фланг, и немцы заходили нам в тыл. Войска армии на правом фланге с тяжелыми боями отошли на отдельных участках на 25—30 км.

25 декабря 1943 г. гитлеровцы еще раз пытались прорвать оборону 95-го корпуса вдоль железной дороги на Калинковичи, но были встречены плотным массированным огнем артиллерийской дивизии под командованием полковника А. И. Снегурова, имевшей на вооружении преимущественно реактивные установки. Удар артиллеристов был настолько сильным, что гитлеровцы останови-

лись в первые же минуты атаки. В этот день произошел перелом. Натиск врага заметно ослабевал. Надо отдать должное и соседу справа — 48-й армии, которая оказала нам помощь, приняв на себя удар вражеских сил в своей полосе. 23—25 декабря она также вела тяжелые бои на своем левом фланге и не допустила вражеские силы в тыл 65-й армии.

В боях за паричский клин было уничтожено более 7 тыс. вражеских солдат и офицеров, сожжено и подбито 156 танков. Основной цели контрудара — захвата железной дороги и шоссе Калинковичи — Жлобин противнику так и не удалось достичь.

Во время боевых действий в районе Паричей и южнее большую помощь войскам армии оказывали партизаны Полесья, прочную связь с которыми армия начала налаживать еще на днепровском плацдарме. 2 ноября 1943 г. летчики армейской авиаэскадрильи старший лейтенант В. Н. Бестужев со штурманом старшим лейтенантом Г. В. Гладышевым, лейтенантом Сопко впервые вылетели для установления связи в партизанский край.

Всего за ноябрь 1943 г. летчики эскадрильи совершили десять вылетов для взаимного обмена разведданными о противнике на фронте и в тылу.

Благодаря взаимодействию армии с партизанами между опорными пунктами врага в Паричах и Озаричах с начала декабря начали функционировать так называемые партизанские ворота. Это была небольшая, шириною в несколько километров брешь в обороне противника, через которую в партизанскую зону перебрасывали оружие, боеприпасы, радиоаппаратуру, почту и все необходимое для боевых действий народных мстителей. Эти «ворота» широко использовались армейскими разведывательными группами и связными. Через эти же «ворота» в армию прибывало пополнение с оккупированной врагом территории.

В начале января 1944 г. наша 65-я армия получила задачу частными операциями восстановить утраченное положение на паричском направлении и одновременно приступить к подготовке калинковичской операции. Совместно с войсками 61-й армии нам предстояло разгромить группировку немцев в районе Калинковичей, выйти за линию железной дороги Калинковичи — Михневичи и далее к р. Припять.

За несколько дней и ночей на это направление были подтянуты с правого фланга армии основные силы артиллерийского корпуса прорыва генерала Игнатова и часть дивизий армейского резерва. Гитлеровцы также усилили свою группировку. Командующий фронтом, находясь вместе с нами на НП под Калинковичами, оценив группировку немецких войск, предупредил, что, по данным разведки, на главном направлении, где должна наступать наша 162-я дивизия полковника С. И. Черняка, гитлеровцы имеют превосходство в силах за счет вновь подошедших оперативных резервов; очевидно, враг догадывался о наших планах боевых действий по освобождению Калинковичей.

— Мы должны перехитрить противника,— сказал К. К. Рокоссовский.— За ночь надо передвинуть основные силы на 8—10 км влево от намеченного ранее участка главного удара и утром, а лучше с рассветом, нанести удар с нового направления.

Командующий фронтом выслушал мнение генералов и офицеров. Все единодушно подтвердили, что при большом напряжении переброска войск и подготовка к удару за одну ночь возможна.

Войска получили новый приказ. Дивизия полковника Черняка с наступлением темноты демонстративно повела атаку на своем направлении. Тем временем главные силы армии, в том числе большая часть артиллерии, совершили марш вдоль фронта в район Макановичей. К рассвету три стрелковые дивизии и несколько полков артиллерии прорыва заняли исходное положение для нанесения главного удара.

8 января после 40-минутной артиллерийской подготовки войска армии перешли в наступление. 75-я гвардейская стрелковая дивизия генерала В. А. Горишнего овладела Домановичами и наступала на Тарканы. 132-я стрелковая дивизия освободила пос. Авангард, 1-й гвардейский танковый корпус вышел в район Кощичей. Бойцы 3-й роты мотострелковой бригады под командованием лейтенанта Морозова первыми ворвались на северную окраину д. Козловичи. По наступавшим застрочил вражеский пулемет, появились раненые и убитые. Рота залегла. Фашистский пулеметчик, укрывшись за сараем, не давал бойцам подняться в новую атаку. Тогда пулеметчик роты рядовой А. Титовец пополз по-пластунски вдоль залегшей цепи, обнаружил вражескую огневую точку, меткой очередью уничтожил ее. По Титовцу неожиданно открыл огонь вражеский пулемет с бронетранспортера. Одна из пуль ранила бойца в голову.

— Не уйдешь, зверюга! — стиснув зубы, воскликнул храбрый воин и припал к пулемету. Еще одна меткая очередь бронебойными и зажигательными пулями — и вражеский бронетранспортер загорелся. Из него выскочили три гитлеровца, но тут же были уложены наповал отважным пулеметчиком. Подвиг Титовца окрылил роту. Воины поднялись на новую атаку. Гитлеровцы не выдержали и отступили. Еще один населенный пункт был очищен от врага.

На батальон Героя Советского Союза И. З. Кулешова противник бросил 20 танков. Наши стрелковые подразделения не дрогнули и смело вступили в бой. Младший сержант Михалев связкой гранат подбил два танка. Храбро сражались и другие бойцы, но силы были неравными. Все ближе подползали бронированные чудовища, за которыми наступала пехота. Положение стало критическим. Вдруг из-за высоты по наступавшим фашистским танкам ударили орудия. Это танкисты 255-го армейского танкового полка полковника Мухина подоспели к батальону Кулешова на выручку. Оставив на поле боя 11 танков, гитлеров-

цы отступили. Громкое «ура» слилось с ревом двигателей наших атакующих танков. Так, взаимодействуя со стрелковыми подразделениями, 255-й Севский армейский танковый полк, взломав оборону врага, уверенно продвигался вперед и только за два дня наступления уничтожил 8 танков и 2 орудия врага, потеряв своих 3 танка.

Эти дни изобиловали примерами боевой инициативы, отваги и доблести воинов. Как всегда, коммунисты и комсомольцы были впереди при выполнении боевых задач. Воины хорошо помнили героическое сражение при форсировании Днепра и прорыв «Восточного вала» немцев, где среди 183 воинов, удостоенных высокого звания Героя Советского Союза, было 155 коммунистов и 20 комсомольцев, и эти заветные боевые традиции хранили всегда и везде.

На рассвете 14 января 1944 г. войска 65-й армии во взаимодействии с частями 61-й армии и при содействии 1-го гвардейского танкового корпуса освободили Калинковичи и вышли к р. Припять, перерезав железную дорогу Калинковичи — Коцевичи. Одновременно наш сосед слева — 61-я армия овладела г. Мозырь. Таким образом, за семь дней наступления войска 65-й армии продвинулись на 25—35 км, освободили свыше 90 населенных пунктов, уничтожили до 10 тыс. и взяли в плен 250 солдат и офицеров противника. 20 января после упорного боя войска армии овладели одним из наиболее сильных опорных пунктов врага — Озаричи.

На правом фланге армии немецко-фашистские войска не предпринимали активных действий и перешли к обороне выгодного по условиям местности рубежа, но здесь свирепствовал другой, не менее коварный враг — сыпной тиф. Эпидемия вспыхнула и в дивизиях 19-го стрелкового корпуса.

В болотах севернее Озаричей в марте 1944 г. разведчики 37-й гвардейской стрелковой дивизии обнаружили созданные гитлеровцами три лагеря смерти, где томились и умирали тысячи мирных советских граждан. Создание этих лагерей — одно из самых мерзких злодеяний фашистских захватчиков, совершенных в годы войны на белорусской земле... Разведчики донесли, что в окрестностях, на болотах, они видели лагеря, где за колючей проволокой на холоде, без всяких укрытий находятся женщины, дети, старики. Страшно смотреть, рассказывали они, на их мученья. 37-я гвардейская стрелковая дивизия стремительным ударом отбила наших страдающих людей. Немецкое командование не давало приказа уничтожить заключенных этих лагерей. Оно ставило другую цель. Гитлеровцы знали, что русские солдаты бросятся к замерзающим детям, старикам, женщинам, обнимут их... и заразятся, потому что все загнанные в лагеря люди в большинстве своем были заражены сыпным тифом. Несколько раньше вместе со здоровыми узниками за колючей проволокой были умышленно размещены 275 больных сыпным тифом, кото-

рых гитлеровцы свозили сюда из Гомельской и Полесской областей.

Правительственная комиссия Белорусской ССР, армейская комиссия при строгом всестороннем расследовании установила, что войска 65-й армии спасли от неминуемой гибели 33 тыс. женщин, стариков и детей. Вот одно из сотен показаний свидетелей тягчайшего преступления немецко-фашистской военщины.

— Задолго до открытия лагеря,— рассказала Татьяна Евгеньевна Решетко, жительница д. Замошки,— гитлеровцы рыскали по деревням и искали больных тифом. Я в то время лежала дома с высокой температурой. Фашисты меня и многих других в таком же состоянии доставили в лагерь смерти Озаричи, рассчитывая, что от нас заразятся тифом здоровые узники.

Учительница из Жлобина Екатерина Маз добавила:

— 22 февраля в городе был объявлен приказ об эвакуации населения. На другой день фашисты согнали тысячи местных жителей в один квартал, оцепили и более двух недель держали без пищи. 10 марта нас загнали в товарные вагоны и повезли на станцию Останковичи, а оттуда пешком погнали в лагерь смерти Озаричи. По дороге за малейшее отставание от колонны конвоиры расстреливали. В нашей колонне были расстреляны 90-летний старик и его жена Ленские, которые уже не могли идти. Все продукты, даже у больных и детей, были отобраны. После дороги нас загнали в болото, окруженное колючей проволокой. Охрана лагеря запрещала даже разжигать костры. Измученные, больные люди лежали под открытым небом. Уже в первую ночь после нашего прибытия в лагерь многие замерзли и умерли. В лагере не было питьевой воды. Женщины, пытаясь выйти за колючую проволоку и найти глоток воды для детей, подрывались на минах. В лагере голодали все — дети, женщины, старики. В пищу употребляли корни, кору деревьев, подснежную траву. Несколько раз фашисты привозили хлеб в буханках и разбрасывали у колючей проволоки. Истощенные, голодные люди бросались за ними и подрывались на минах.

Смертность в лагере росла день ото дня. Полностью вымерли здесь семьи Степановичей, Гончаровых, Алешкиных, Пинчуков, Клинских и многих других. Хоронить трупы запрещалось, и они лежали на территории лагеря по нескольку суток...

Воины-освободители, не раз смотревшие смерти в глаза, содрогнулись при виде чудовищных злодеяний и поклялись жестоко отомстить за все страдания мирных советских людей. Военный совет армии принял меры по оказанию освобожденным из лагерей смерти необходимой помощи. В населенных пунктах Воловичи, Корени, Марковичи и других были оборудованы приемные и питательные пункты, бани, дезинфекционные камеры. 11 армейских госпиталей под руководством начальника санотдела полковника медицинской службы В. А. Колодкина оказывали помощь тяжелобольным.

7 апреля 1944 г. Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии и правительство Белорусской ССР направили Военному совету по этому поводу письмо, в котором говорилось: «Правительство Белорусской ССР и ЦК КПБ выносят благодарность рядовому, сержантскому, офицерскому составу и генералам 65-й армии за освобождение 33 тыс. мирного белорусского населения из гитлеровских концентрационных лагерей и спасение их от смерти. Ваша помощь освобожденному населению продовольствием, обмундированием, забота о размещении и медицинском обслуживании свидетельствуют о глубокой и неразрывной связи героической Красной Армии с советским народом. Правительство Белорусской ССР и ЦК Коммунистической партии Белоруссии желают вам новых боевых успехов в борьбе за окончательную победу над фашистскими захватчиками».

Наступила весна 1944 г. Действовать в условиях лесисто-болотистой местности в распутицу становилось все труднее. Фронт 65-й армии растянулся от Березины до Припяти. К 20 апреля войска армии достигли рубежа Ракшин, Пружинище, оз. Дикое и левым флангом вышли к р. Птичь у Копаткевичей. На этом рубеже дальнейшее наступление армии было временно приостановлено. Наступила пора всесторонней подготовки войск, штабов, тылов к решающему сражению за полное освобождение Белоруссии от немецких захватчиков.

ПОЛНОЕ ИЗГНАНИЕ ВРАГА ИЗ БЕЛОРУССИИ

Немецко-фашистское командование за время оккупации территории Белоруссии, зверски эксплуатируя население городов и сел, создало сильную глубокую оборону против войск 1-го Белорусского фронта [2].

Во второй половине мая командующий фронтом вызвал в Гомель на Военный совет фронта всех командармов и объявил нам о принятом Верховным Главнокомандованием решении на проведение наступательной операции по освобождению Белоруссии.

Затем он объявил нам свое решение, согласно которому войска 1-го Белорусского фронта должны были прорвать немецкую оборону двумя ударными группировками, действовавшими по сходящимся направлениям. С востока на Бобруйск, Осиповичи наступали 3-я и 48-я армии, в прорыв вводился 9-й танковый корпус. С юга наносился удар на Бобруйск — Осиповичи — Глусск 65-й и 28-й армиями и конно-механизированной группой генерала И. А. Плиева, здесь же вводился 1-й гвардейский танковый корпус, который вместе с соединениями 9-го танкового корпуса должен был перерезать пути отхода немцев на запад.

[2] 17 февраля 1944 г. Белорусский фронт был переименован в 1-й Белорусский фронт.

Замысел был понятен. Во многом совпадал с нашими наметками решения на действия в направлении Бобруйска. Эти варианты мы неоднократно проигрывали на командно-штабных учениях в звене штаб армии — штаб корпуса, и теперь нам это хорошо помогло при уяснении задачи 65-й армии в предстоявшем наступлении фронта. Рокоссовский установил сроки планирования армейских операций и предложил возвращаться на свои командные пункты.

Настроение у нас было приподнятое. Радовало, что недалеко время, когда войска снова пойдут вперед. Этого момента ждали давно. Близка государственная граница Родины. Еще одно мощное и решительное усилие — и вступит советский солдат на землю врага! Этим все жили тогда...

За пять месяцев пребывания в обороне состав 65-й армии сильно изменился. После ухода 95, 27 и 19-го стрелковых корпусов в армии остались: 18-й стрелковый корпус, им по-прежнему командовал генерал Иван Иванович Иванов, получивший за бои на Днепре звание Героя Советского Союза, в состав корпуса входили три дивизии: 69, 37-я гвардейская и вновь прибывшая, знаменитая еще со времен гражданской войны 15-я Сивашская стрелковая дивизия (ею командовал полковник К. Е. Гребенник, энергичный, волевой, с большим боевым опытом офицер); 105-й стрелковый корпус, которым командовал генерал Дмитрий Федорович Алексеев, бывший командир 354-й стрелковой дивизии, проявивший не раз в боях доблесть, мужество и знания. Начальником штаба корпуса был назначен полковник Н. М. Горбин из управления армии. Оба они быстро сработались.

105-й корпус был трехдивизионного состава: родная 354-я дивизия, 193-я Днепровская дивизия, которой командовал Герой Советского Союза А. Г. Фроленков, и новая для нас 75-я гвардейская стрелковая дивизия, прославившаяся под Сталинградом, на Курской дуге и на Днепре, которой командовал генерал В. А. Горишний.

Несколько позднее, когда войска армии находились под Бобруйском, к нам прибыл 46-й стрелковый корпус генерала К. М. Эрастова.

В этом составе 65-я армия прошла весь остальной боевой путь вплоть до победного завершения Великой Отечественной войны. За отличные боевые действия и одержанные успехи эти три корпуса 27 раз были отмечены приказами Верховного Главнокомандующего, 321 воин был удостоен звания Героя Советского Союза. По моему глубокому убеждению, самыми яркими страницами в истории 65-й армии являются Сталинградская операция, форсирование Днепра, Белорусская и Висло-Одерская операции.

Перед наступлением на Бобруйск наша армия стояла в лесной полосе с множеством широких рек, с поймами, каналами и топ-

кими болотами. Места исключительно трудные для маневра. Немецкое командование широко использовало эти особенности и создало на направлении нашего вероятного наступления сильную, глубоко эшелонированную оборону полевого типа. Однако в системе немецкой обороны были и слабые стороны. Наша армейская, войсковая разведка и штаб армии их обнаружили. Противник, находясь в белорусских болотах, видимо, был убежден, что все участки местности, заштрихованные на картах, непроходимы для войск и что активные действия с нашей стороны возможны лишь на паричском направлении. Исходя из таких предположений и была построена оборона врага. На одних участках — сильная, на других, в частности на заболоченной местности,— слабая. Мы должны были выработать совершенно неожиданное для врага решение. Наиболее заманчивым было паричское направление, поскольку по условиям местности там могли действовать все рода войск, кроме того, на нем не было серьезных водных препятствий. Но на этом направлении нельзя было ожидать быстрого продвижения наших войск при наступлении, так как все господствующие высоты находились у врага, а плотность его огневых средств оставалась высокой. Поэтому наше внимание все больше привлекали болота и заболоченные участки на левом фланге и в центре оперативного построения армии, в полосе обороны 18-го стрелкового корпуса. Мы занимались изучением этого направления, наряду с другими, задолго до вызова в Гомель на Военный совет.

Однажды по окончании командирской рекогносцировки в полосе обороны 37-й гвардейской стрелковой дивизии, когда мы, сидя у тлевшего костра среди солдат, беседовали о том, как преодолеть эти «гиблые» места, среди присутствовавших послышался голос...

— Пройти по ним можно,— сказал пожилой солдат.— Я здешний и знаю — пройти можно. По этим топям мы в «мокроступах» ходили.— И пояснил:

— Лыжи из лозы. Ноги в трясине не тонут, и шагаешь легко, грязь в решетках не задерживается.

— Сможешь сделать десяток на завтра?

— Раз надо, сделаем.

После тщательной разведки было решено строить гати, заготавливать лозу, маты, мостики, бревенчатые настилы по ширине проезжей части дороги.

Начальник инженерных войск генерал П. В. Швидкой, начальник разведотдела штаба армии И. К. Никитин горячо восприняли идею преодоления болот и заболоченных участков местности в полосе армии.

— Если подтвердится, что по болоту могут пройти люди, значит найдем способ провести боевую технику,— утверждал генерал Швидкой.

Ночью разведчики в «мокроступах» начали освоение одного из участков болота. Каждый из них нес два-три соломенных мата для подстилки в очень топких местах. На болотах у немцев не было сплошного фронта обороны. Она строилась по принципу отдельных опорных пунктов, расположенных на сухих местах, возвышенных участках, имевших между собою лишь огневую связь. Разведка двигалась осторожно. Офицеры инженерного отдела штаба армии шли замыкающими и через определенные промежутки измеряли глубину топи. Отряд гвардейцев незамеченным вышел за передний край обороны немцев. Трое солдат подкрались с тыла к опорному пункту немцев и захватили в плен часового, дремавшего у пулемета.

Данные разведки, опрос пленных подтвердили наши предположения: немцы исключали возможность наступления большими силами на этом направлении и имели здесь очень слабую оборону. Топи были проходимы для людей, а если проложить гати, то и для всех видов техники. Так исподволь началась широкая подготовка операции, которую впоследствии, во время проигрыша ее на ящике с песком, представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал Г. К. Жуков назвал «инженерной операцией».

Генерал П. В. Швидкой с инженерами произвели тщательные расчеты, построили на топях в тылу наших войск гати особой прочности и предложили их испытать. Члены Военного совета армии генерал Н. А. Радецкий и полковник Г. Е. Гришко, начальники родов войск, представители штаба фронта прибыли на место. Командующий бронетанковыми и механизированными войсками генерал А. Ю. Новак вместе с инженерами танковой службы и лучшими механиками-водителями танков проверили подготовку машин. Для безопасности соединили танки стальными тросами, все щели в нижней части машин закрыли масляными тряпками, паклей, верхние люки открыли...

— Разрешите начать? — обращаясь ко мне, спросил генерал Швидкой, когда проверка материальной части закончилась.

— Начинайте!

Медленно пошла первая машина. Она как будто балансировала, накреняясь то вправо, то влево. Не прошло и 15 минут, как танк, преодолев топь, выполз на твердый грунт.

— Можно второй?

— Продолжайте!

— Добавь скорость! — скомандовал генерал Новак.

Три машины преодолели болото, затем пошли по гати обратно. Танкисты вытирали крупные капли пота. Лица радостные, в глазах задорный огонек.

Я был твердо уверен, что главный удар через топи и болота принесет успех. Новак спросил:

— Согласится ли с нашим предложением командующий фронтом?

— Постараемся доказать и убедить фактами, а это будет зависеть от вас, Анатолий Юльевич, и от инженерных войск. Готовьтесь показать на большем числе танков преодоление топей Рокоссовскому... Если же наш замысел будет отвергнут, то и вспомогательный удар, нанесенный через болота, выведет наши войска в тыл вражеской обороны, поможет быстрее прорвать ее.

Строительство гатей началось без промедления. Работали все инженерные части и многие стрелковые части из второго эшелона. Каждую ночь на болотах ложилось несколько десятков метров бревенчатых колейных путей. На отдельных участках, где глубина топи доходила до полутора метров, укладывали бревна слоями. Осмотр первых стометровок колейных путей показал, что бревна под ногами перекатываются. Генерал Швидкой доложил, что так и должно быть.

— Пока железными скобами мы умышленно не крепим. Начнут забивать, фрицы засекут по звуку и накроют огнем, а главное, догадаются о наших сооружениях. Планируем забивку скоб на период артиллерийской подготовки.

— Сколько времени потребуется для забивки?

— Полтора часа.

Командующий артиллерией И. С. Бескин сообщил нам, что, учитывая характер инженерных сооружений немцев на его переднем крае, следует произвести артподготовку в течение полутора часов.

Таким образом, были выяснены весьма важные детали предстоящего боя.

25 дней и ночей войска армии готовились к наступлению. Подготовка проводилась в строгой тайне. Все боевые документы писались только от руки и только в одном экземпляре. Переговоры по телефону, касавшиеся предстоящего наступления, были запрещены. О планах операции в полном объеме знал строго ограниченный круг лиц.

С целью дезинформации противника даже в самый горячий период подготовки к наступлению войска производили оборонительные работы, а сосредоточение частей и соединений, строительных материалов в заданные районы проводилось только ночью. Днем же, наоборот, совершались ложные передвижения танков, артиллерии и пехоты в тыл. Тем самым создавалась видимость сосредоточения наших главных сил на второстепенных — паричском и озаричском направлениях. Разведка и расчистка минных полей противника производились, как правило, на всем фронте, при этом вражеские мины не снимались, а лишь обезвреживались.

План армейской операции по директиве командующего фронта К. К. Рокоссовского нужно было представить на утверждение в штаб фронта 8 июня. У нас к этому времени вся подготовка была завершена, и мы могли продемонстрировать реальные возможности избранного варианта направления главного удара.

В первых числах июня на рассвете на КП армии в лес близ д. Просвет неожиданно приехали маршал Г. К. Жуков с командующим фронтом К. К. Рокоссовским в сопровождении нескольких офицеров из штаба фронта.

Первый вопрос представителя Ставки Г. К. Жукова:

— Когда последний раз были в войсках?

— Ночью.

— Где?

— В корпусе Иванова, на участке 69-й стрелковой дивизии.

— Покажите на карте.

— Вот, в этом районе болот...

— Можно проехать?

— Местность открытая, периодически обстреливается.

— Едем сейчас!

Что за срочность — этого, конечно, не спросишь. Но ехать днем под огнем артиллерии небезопасно, кроме того, было опасение, что немцы могут обнаружить рекогносцировку и тогда будет скомпрометирован наш план армейской подготовки главного направления удара.

— Если решено ехать, товарищ маршал, то весьма ограниченному кругу лиц. Интервал между машинами в две-три минуты.

...От опушки лесного массива пошли пешком и вскоре укрылись в ходах сообщений. Солнце еще не поднялось высоко над горизонтом. Прохладно, дает себя знать болотная сырость. Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский одеты в черные кожаные регланы. Да, не совсем подходящая для переднего края одежда!.. Я шел впереди. На душе было тревожно. К счастью, немцы вели себя спокойно. Изредка пулеметные очереди перекликались. Рапорт командиров подразделений переднего края. Короткий приказ: оставаться на местах, заниматься своим делом.

Первая траншея. Жуков и Рокоссовский наблюдают в бинокль, оценивают местность и тактическую глубину немецкой обороны. Мелькнула мысль: «Ищут направление главного удара для войск армии и фронта». Если так, то мы не зря здесь поработали!..

Пошли на другой пункт наблюдения. По пути Рокоссовский расспрашивал, почему я бываю в войсках больше и чаще в районе болот, чем в районе Паричей?

— И там тоже бываю, товарищ командующий.

— Не хитрите,— засмеялся Константин Константинович,— здесь вы бываете почти каждую ночь. Неспроста?

— И вы неспроста приехали в район болот...

— Скажите, как рассматриваете возможность действия войск в районе Паричей? — спросил Г. К. Жуков.

Я высказал все наши соображения о том, что неожиданный удар в направлении Паричей вряд ли будет возможен. Именно там немцы нас и ждут. Это подтверждается также данными разведки. Район болот, на котором мы сейчас были, немцы считают

непроходимым для крупных сил. Мы думаем, сказал я, здесь выгоднее нанести главный удар силами армии.

— Каковы реальные возможности?— задал вопрос Рокоссовский.

Все накопленные в армии сведения о местности и о противнике были доложены.

— Вы понимаете, какая работа предстоит, чтобы превратить эти болота в проходимые участки?

— Да. Кое-что уже сделали.

— Что конкретно?

— За два месяца заготовили достаточно гатей, частично уложили их в болота и замаскировали.

— А о танках подумали?

— Разрешите показать, как это будет выглядеть.

...Танкодромы на болотах! Танк за танком преодолевали топи. Так продолжалось часа полтора. Преодоление болот с помощью построенных гатей заметно пришлось по душе как Г. К. Жукову, так и К. К. Рокоссовскому. Мероприятия, проделанные войсками армии по подготовке к наступательной операции, получили полное одобрение. Представленный мною план армейской наступательной операции был утвержден командующим фронтом.

Оперативная группа представителя Ставки Верховного Главнокомандования разместилась на территории КП 65-й армии в 29 блиндажах. Близ командного пункта армии, в тени густых деревьев, мы построили макет полосы наступления. Состоялось проигрывание предстоящих боевых действий с руководящим составом корпусов и дивизий. У ящика с песком вместе с офицерами и генералами армии работали Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский и генералы из их оперативных групп.

Порядок проигрыша на макете в виде военной игры у нас в штабе давно был выработан, таким же он оставался и на этот раз. Я, как командарм, перед группой подчиненных генералов и офицеров оценил обстановку перед фронтом войск своей армии и соседних армий, объявив решение, поставил задачи соединениям армий, определил оперативное построение войск для выполнения ближайшей и дальнейшей задач. Распределяются средства усиления по соединениям, ставятся задачи родам войск и определяется взаимодействие между ними на всю глубину операции. После этого каждый командир соединения докладывает свое решение в присутствии всей группы участников проигрыша. Новое на проигрыше в этот раз состояло в том, что, помимо утвержденного плана, был доложен второй — ускоренный план-вариант.

Идея плана в двух вариантах родилась во время одной из бесед с маршалом Жуковым о перспективах наступления на участке 18-го стрелкового корпуса. Он тогда заметил: «Наступление, возможно, будет развиваться стремительно, армия выйдет к Бобруйску не на восьмые, а на шестые сутки или даже раньше.

Учтите это и спланируйте два варианта — ускоренный и обычный».

Главный удар намечался, как уже было сказано, через болота, где оборона немцев была слабее. Отсюда представлялась возможность ввести танковый корпус и вторые эшелоны стрелковых дивизий в первый же день боя. В этом и заключалась суть ускоренного варианта. Как только стрелковые части преодолеют первую линию немецкой обороны, вводится в бой танковый корпус М. Ф. Панова. Танкисты без больших потерь сами прорвут вторую линию обороны; противник не имеет за болотами ни крупных резервов, ни мощного огня артиллерии.

На проигрыше ускоренный вариант привлек общее внимание. Командир 1-го гвардейского танкового корпуса вместе с командиром 18-го стрелкового корпуса работали на макете, изучая данные наземной, воздушной и агентурной разведки. Генерал Попов выразил уверенность, что танки в прорыв смогут войти в первый день операции. Начальнику инженерных войск генералу П. В. Швидкому уйма вопросов: каков порядок переправы танков, артиллерии; точен ли расчет на прочность гатей; как расставлены силы инженерных войск? Швидкой едва успевал отвечать. В это время Г. К. Жуков и заметил: «Это похоже на инженерную операцию».

Проигрыш прошел успешно и с большой пользой для участников. Рокоссовский высоко оценил работу штаба армии и начальников родов войск.

Итак, в Белорусской операции наша армия наносила удар на двух направлениях. В первом эшелоне действовали два корпуса: справа, под Паричами,— 105-й стрелковый с задачей сковать противника, создать видимость лобового удара; слева — на главном направлении — 18-й стрелковый. Второй эшелон— три стрелковые дивизии, непосредственно подчинявшиеся командующему армией, и находившийся в оперативном подчинении армии 1-й гвардейский танковый корпус. Наступлению главных сил армии предшествовала демонстрация удара в районе Паричей. Происходило это следующим образом. 23 июня 1943 г. три усиленных батальона после короткого огневого налета артиллерии атаковали передний край немцев. Завязался ближний бой. Действия батальонов, помимо демонстрации наступления в направлении Паричей, носили характер разведки боем, поскольку нужно было вскрыть и засечь новые огневые средства противника, которые не были выявлены ранее.

— Дмитрий Федорович, как ведет себя противник? — спросил я у командира 105-го стрелкового корпуса.

— Подтягивает ближние резервы, появилось несколько танков, замечено усиление пехотой на переднем крае.

— Ну, вот и хорошо. Завтра накроем огнем.

На болотах же, в 18-м стрелковом корпусе И. И. Иванова, немцев атаковал лишь один батальон, и бой здесь вскоре затих.

В ходе боя трех передовых разведывательных батальонов специально выделенные офицеры штаба армии и штабов корпусов с наблюдательных пунктов вели наблюдение за полем боя, в последний раз уточняя данные об обороне и системе огня противника.

В ночь на 24 июня бомбардировочная авиация дальнего действия соединений маршала А. Е. Голована подвергла сильной бомбардировке передний край обороны и особенно районы Паричи, Селище, Гомза Секиричи, Чернин. В результате налета авиации в расположении противника возникло большое число очагов пожара.

Точно в 7 утра 24 июня с началом артиллерийской и авиационной подготовки пехота и танки непосредственной поддержки пехоты начали занимать исходное положение в полосе 18-го стрелкового корпуса. В 9.05 части корпуса стремительно атаковали передний край немцев и ворвались в первую траншею. Благодаря решительным и смелым действиям 69, 37-й гвардейской и 15-й Сивашской стрелковых дивизий уже в первой половине дня создались благоприятные условия для ввода в бой танкового корпуса и развития обозначившегося успеха.

Дивизии первого эшелона овладели сильными опорными пунктами обороны немцев: Раковичи, Николаевка, Петровичи, Секиричи. Успешно вступила в бой 75-я гвардейская стрелковая дивизия, которая, наступая на Селище, расширила прорыв к правому флангу в сторону 105-го стрелкового корпуса на 9 км. В 13 часов 24 июня после доклада обстановки К. К. Рокоссовскому мною было принято решение на ввод в бой 1-го гвардейского танкового корпуса из района сосредоточения Дуброва для развития успеха первого эшелона войск армии.

Танковый корпус в 16 часов с рубежа Раковичи, Петровичи под прикрытием огня артиллерии и фронтовой авиации генерала С. И. Руденко вошел в прорыв. Сильным ударом в общем направлении на Гомза, Кнышевичи танки вышли на тылы немцев, уничтожили артиллерию. Используя наступление танкового корпуса, стрелковые дивизии успешно продвигались вперед: 75-я гвардейская стрелковая к исходу дня вела бой на подступах к Грабичам, введенная в бой 354-я дивизия овладела д. Забродки, 69-я стрелковая дивизия освободила Чернин, 37-я гвардейская стрелковая вышла на рубеж западнее Чернин, Глинище, 15-я Сивашская стрелковая дивизия к исходу дня вела бой на подступах к Секиричам.

Таким образом, к исходу первого дня наступления войска 65-й армии полностью прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника. За день боя было уничтожено до 1700 солдат и офицеров, 19 орудий, 35 минометов, 85 пулеметов, 17 автомашин, разрушено 27 дзотов и 25 блиндажей.

25 июня войска армии продолжали наступление по ускоренному варианту. К исходу второго дня они углубились в оборону

немцев на 30 км. Танки 1-го гвардейского танкового корпуса перерезали железную дорогу у Орсичей, а 17-я танковая бригада корпуса вышла к Березине у Дражнина. Пути отхода паричской группировке немцев на север были отрезаны.

Упорное сопротивление противника, отошедшего к Паричам, неожиданно создало угрозу с фланга 18-му стрелковому корпусу, быстро продвигавшемуся к Бобруйску. Неоценимую услугу и помощь в разгроме немцев в районе Гомзы оказали партизанские соединения Белоруссии. Они нанесли сокрушительный удар по всем железнодорожным и шоссейным коммуникациям, дезорганизовали работу транспорта и тем самым не позволили немцам маневрировать оперативными резервами. В ночь на 20 июня партизаны подорвали свыше 40 тыс. рельсов.

Впоследствии начальник транспортной службы гитлеровской армии полковник Герман Теске вынужден был признать: «В ночь перед общим наступлением русских на участке группы армий «Центр» в конце июня 1944 г. мощный отвлекающий партизанский налет на все важные дороги на несколько дней лишил немецкие войска всякого управления» [3].

В течение 26 и 27 июня части 105-го стрелкового корпуса непрерывно вели тяжелые бои с немцами и медленно сжимали кольцо окружения в районе Паричей. Части корпуса, выполняя приказ, смело и решительно с нескольких направлений ворвались в Паричи и после непродолжительных боев в 18 часов 27 июня овладели важным опорным пунктом врага. Ликвидировав этот опорный пункт, части корпуса перешли к преследованию отходящих частей противника в направлении Бобруйска. Уже в первой половине дня 28 июня 105-й стрелковый корпус завязал бой за Бобруйск.

А в это же время соединения 18-го стрелкового корпуса, используя успех 1-го гвардейского танкового корпуса, продолжали развивать наступление на северо-запад. 27 июня они перерезали шоссе Бобруйск — Слуцк в районе Глуши и к исходу дня вышли на рубеж Корытино, Симоновичи. Учитывая ослабевшее сопротивление врага, командир корпуса генерал Иванов по своей инициативе выделил два подвижных отряда и на автомашинах выбросил их вперед с целью освобождения г. Осиповичи, важного железнодорожного узла, связывающего магистрали Бобруйск — Минск и Могилев — Слуцк.

Стремительным ударом подвижный отряд 69-й стрелковой дивизии под командованием капитана Рубашкина ворвался в город. Гарнизон немцев, ошеломленный внезапностью и дерзким ударом наших автоматчиков, поддержанных четырьмя самоходками, растерялся и в панике бежал из города. Вскоре к Осиповичам подошел подвижной отряд 37-й гвардейской стрелковой дивизии, а за ним вошли в город главные силы 69-й стрелковой дивизии и 251-й

[3] «Вестник АПН», № 22—23.

танковый полк. Части 69-й стрелковой дивизии полностью очистили город от мелких групп противника к утру 28 июня. Освобождению г. Осиповичи во многом способствовал 1-й гвардейский танковый корпус, который обошел 27 июня Бобруйск с севера и отрезал все пути бобруйской группировке немцев на запад и северо-запад.

Завершив окружение бобруйской группировки немцев, войска армии совместно с подошедшими передовыми частями и соединениями 48-й и 3-й армий начали сжимать фронт окружения вокруг Бобруйска. Утром 28 июня части 105-го стрелкового и 1-го гвардейского танкового корпусов при мощной поддержке авиации приступили к уничтожению противника в самом Бобруйске. Немцы располагали здесь большим количеством танков, самоходных орудий, артиллерией и неоднократно контратаковали наши части, пытаясь вырваться из «котла», но безрезультатно. Тогда вражеский гарнизон стал готовиться к решающему прорыву в северо-западном направлении. Были сформированы ударные штурмовые офицерские батальоны, и в час ночи 29 июня под прикрытием сильного огня всех видов артиллерии они повели группу войск численностью 10—15 тыс. человек с танками и 12 самоходными орудиями на прорыв из окружения на участке нашей 356-й стрелковой дивизии.

Впереди колонны офицерского состава шли самоходные орудия и танки, гитлеровцы яростно атаковали боевые порядки дивизии и мотострелковой бригады танкового корпуса, но встретили жестокий отпор. Потеряв около тысячи человек убитыми, противник откатился в исходное положение. Утром гитлеровцы вновь атаковали части 356-й дивизии. За три часа боя частями дивизии и бригадой танкового корпуса было уничтожено более тысячи немецко-фашистских солдат и офицеров и 14 танков. Лишь ценой огромных потерь отдельным группам противника на этот раз удалось вырваться из окружения, однако уйти далеко они не смогли. Группа немецко-фашистских войск численностью до 8 тыс. человек была зажата 356-й дивизией и 1-й мотострелковой бригадой в лесах юго-восточнее Сычкова и полностью уничтожена.

В этих боях исключительный героизм проявили зенитчики зенитно-артиллерийской батареи под командованием старшего лейтенанта К. Ромашова. Из Бобруйска в леса южнее Осиповичей прорвалась группа гитлеровцев, состоявшая примерно из 1500 солдат и офицеров. О приближении фашистов зенитчикам сообщили местные партизаны. Для уточнения данных командир батареи выслал разведку. Она встретилась с дозором противника, внезапно напала на него и захватила пленного. На допросе пленный показал, что группа идет на соединение с осиповичским гарнизоном.

Во второй половине дня 30 июня колонна гитлеровцев вышла из леса и, не заметив тщательно замаскированных орудий

батареи Ромашова, двинулась прямо на огневые позиции зенитной батареи. Грянули орудийные залпы. Гитлеровцы были ошеломлены. Оставив на поле боя много убитых и раненых, они бросились обратно в лес. Однако ровно через 40 минут под прикрытием минометного и пулеметного огня вновь бросились в атаку. Вот уже примерно 15 м отделяют фашистов от зенитчиков. В ход были пущены автоматы, гранаты, и атака врага снова захлебнулась. А в это время к зенитчикам подошло подкрепление. Потеряв свыше 200 человек, оставшиеся в живых гитлеровцы сдались в плен.

На рассвете 29 июня соединения 105-го стрелкового корпуса при поддержке Днепровской военной флотилии, действовавшей на стыке 65-й и 48-й армий вдоль Березины, совместно с частями 3-й и 48-й армий начали решительный штурм Бобруйска и к исходу дня полностью овладели им.

Большую помощь наземным войскам в боях за Бобруйск оказала авиация, особенно при ликвидации попытки противника вырваться из окружения.

Город лежал в развалинах. Гитлеровцы взорвали электростанцию, вокзал, типографию, все промышленные предприятия, разрушили сотни жилых домов. В последний момент нашим саперам удалось спасти несколько заминированных врагом зданий, в том числе городскую больницу.

В боях за Бобруйск и на подступах к нему войсками армии было уничтожено 17 тыс. солдат и офицеров, захвачено 12 железнодорожных составов с продовольствием и боевой техникой, свыше 400 орудий, более 500 автомашин, 60 танков. Только 29 июня было захвачено в плен 10 тыс. гитлеровских солдат и офицеров.

Войска 65-й армии, действуя по ускоренному варианту, полностью выполнили свою задачу, вышли к Бобруйску не на шестые сутки, а на четвертые, перерезали пути отхода бобруйской группировке на запад и северо-запад, на пятые сутки овладели Осиповичами.

Здесь мне хочется упомянуть о факте, какие нередко бывают на войне, когда в ответственнейший период сражения вдруг требуется вывести из боя самое сильное соединение и отправить его на другой участок фронта.

В таких случаях бывает всегда трудно, но обстановка этого требует.

Во время ликвидации окруженной бобруйской группировки для нашей армии обстановка неожиданно усложнилась: 28 июня позвонил Рокоссовский.

— Немедленно выводите из боя танковый корпус для получения новой задачи.

— Но в Бобруйске обстановка чрезвычайно сложная. Если мы, товарищ командующий фронтом, уберем танки, враг может прорваться из окружения и уйти.

— Знаю,— ответил Рокоссовский.— Завтра с утра поможем штурмовой авиацией. А пока корпус Панова немедленно выведите. По приказу Ставки он пойдет на Минск.

Позднее выяснилось следующее.

Войска 1-го и 3-го Белорусских фронтов завершили прорыв, охватив с севера и юга 4-ю немецкую армию. Им Ставка поставила задачу окружить и разгромить основные силы этой армии и не позднее 7—8 июля освободить Минск. Вот туда и уходил 1-й гвардейский танковый корпус.

Конечно, нам пришлось принять ряд энергичных мер, чтобы восполнить, хотя бы частично, уход такой большой силы, какой являлся любимый нами танковый корпус. Но мы были все же довольны, что корпус пошел освобождать столицу родной Белоруссии.

После освобождения Бобруйска армия снова собралась в кулак. Оба наши корпуса, преследуя противника, стремительно продвигались на Барановичи, темп продвижения был необычайно высок — 30—40 км в сутки. Политорганы, партийные организации довели успехи войск нашей и соседних армий до всего личного состава частей. Подъем был велик, стремительность действий возросла. Все знали, что недалеко то время, когда коварный враг будет полностью изгнан с территории Белоруссии.

Освобожден Слуцк. Занят Несвиж...

В то время как 48-я армия перерезала коммуникации минской группировки и перехватывала путь на Барановичи, мы должны были взять этот крупный железнодорожный узел, способствуя тем окружению 4-й немецкой армии.

К исходу 1 июля передовые части армии вышли на рубеж Белая Лужа, Шишицы, Гресск, Василинки и перерезали шоссе Минск — Слуцк. 4 июля они достигли рубежа Николаевщина, Погорельцы. В тот же день части 65-й армии и наступавшего справа вдоль Минского шоссе 9-го танкового корпуса соединились в районе Столбцов и продолжали преследование противника вдоль шоссе на Барановичи. Слева наступали части соседнего 3-го гвардейского стрелкового корпуса 28-й армии. Освободив в течение трех дней наступления более 100 населенных пунктов, армия подошла к Барановичам.

Днем 7 июля развернулись боевые действия 105-го стрелкового корпуса на южной окраине Барановичей, к утру подошли еще три дивизии 18-го стрелкового корпуса, среди них 15-я Сивашская стрелковая дивизия полковника Гребенника. Она первая завязала уличные бои с фашистами в Барановичах. Вместе с Гребенником находился член Военного совета армии Н. А. Радецкий, который объявил решение Военного совета о назначении начальником гарнизона города генерал-майора К. Е. Гребенника, а комендантом — майора М. К. Горбачева, бывшего до войны секретарем Барановичского обкома комсомола. Перед Горбачевым была поставлена задача; после освобождения Барановичей

оказать населению города помощь в налаживании нормальной жизни. Из 60 тыс. человек, проживавших в городе до войны, в живых осталось 4230. Через несколько дней после установления в городе Советской власти М. К. Горбачев вернулся в свою армию.

Приказом Верховного Главнокомандующего многим частям и соединениям 1-го Белорусского фронта было присвоено почетное наименование «Барановичских», в том числе 44-й гвардейской дивизии, 57-й армейской артиллерийской бригаде, 251-му танковому армейскому полку, 129-му полку связи, 461-му линейному батальону связи.

Прошло 20 дней и ночей с начала Белорусской операции. Войска 65-й армии за это время взяли в плен свыше 20 тыс. гитлеровцев, уничтожили и захватили более 1500 орудий и минометов, 10 тыс. автомашин и много другой техники.

За достигнутые успехи и одержанную победу над немецкими захватчиками в Бобруйской операции сотни воинов 65-й армии были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Командующий армией был награжден орденом Кутузова I-й степени и повышен в звании. Кроме того, приказом Верховного Главнокомандующего он был награжден ценным подарком — наручными золотыми часами, врученными ему Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым в ходе операции.

Наступление продолжало успешно развиваться. Впереди были новые задачи, новые сражения.

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
ТАНКОВЫХ ВОЙСК

В. Т. ОБУХОВ

3-й ГВАРДЕЙСКИЙ СТАЛИНГРАДСКИЙ МЕХАНИЗИРОВАННЫЙ КОРПУС В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ

Среди битв и сражений Великой Отечественной войны, в которых мне довелось участвовать, бои по освобождению Белоруссии летом 1944 г. я вспоминаю с особой теплотой и волнением. Ведь в Белоруссии я служил до войны, будучи с конца 1939 г. и почти весь 1940 г. начальником Борисовского кавалерийского училища, преобразованного затем в танковое. В конце 1940 г. меня назначили командиром отдельной танковой бригады, входящей в состав войск Белорусского военного округа, а в феврале 1941 г. я вступил в командование 26-й танковой дивизией, с которой начиная с 24 июня того года пришлось отражать натиск превосходящих сил немецко-фашистских войск в районе Минска, под Смоленском в июне — июле 1941 г. В трудных условиях отхода мы поклялись, что вернемся на белорусскую землю и освободим ее во что бы то ни стало от гитлеровских поработителей.

И вот, наконец, в июне 1944 г. наступила пора для осуществления нашей клятвы. На войне редко так случалось, что вновь приходил в те же места. Мне довелось вернуться в Белорус-

сию в составе войск освободителей, когда наша армия стала располагать всем необходимым — и опытом, и техникой — для изгнания немецко-фашистских полчищ с захваченных ранее советских территорий.

Весной 1944 г. я уже командовал 3-м гвардейским механизированным корпусом, с которым прошел немалый боевой путь, участвуя в боях на Курской дуге, в освобождении Левобережной Украины и форсировании Днепра в районе Канева.

Незадолго перед Белорусской операцией корпус доукомплектовывался, находясь в резерве Ставки Верховного Главнокомандования.

В 20-х числах мая 1944 г. был получен устный приказ маршала бронетанковых войск Я. Н. Федоренко корпусу перейти в подчинение командующего войсками 3-го Белорусского фронта. Необходимо было части и соединения корпуса перевезти по железной дороге и сосредоточить в районе, расположенном 35—40 км западнее Смоленска.

28 мая началась отправка первых эшелонов, в которые в основном грузилась гусеничная техника и тяжелое вооружение. Колесный транспорт частей, в том числе и штаба корпуса, следовал своим ходом.

Для руководства и контроля за отправкой остальных эшелонов и доклада об этом в Москву в прежнем районе дислокации корпуса были оставлены заместитель командира корпуса генерал-майор танковых войск Д. П. Белый и от оперативного отдела старший лейтенант А. П. Курков.

Погрузка в эшелоны и переброска корпуса в новый район сосредоточения совершались скрытно в ночное время. Танки на платформах тщательно маскировались. На маршрутах движения колонн, следующих своим ходом, были организованы контрольно-пропускные пункты, которые наблюдали за светомаскировкой и порядком движения.

Несмотря на трудности с подвижным составом, перегрузку железных дорог из-за большого количества войск и различных материальных средств для них, перевозка корпуса по железной дороге и следование его частей своим ходом в новый район сосредоточения прошли организованно.

Разгрузка эшелонов производилась западнее Смоленска, в районах станций Велино, Тишино и Катынь, с целью маскировки — главным образом на разъездах. Первый эшелон прибыл в район выгрузки 31 мая, а последний — 14 июня.

С прибытием в новый район сосредоточения я сразу же вместе с заместителем командира корпуса по политической части полковником А. Ф. Андреевым поехал в штаб фронта для представления командующему генерал-полковнику Ивану Даниловичу Черняховскому.

До этого мы много слышали о нем как о молодом и талантливом военачальнике, который уже прославился на фронтах Ве-

ликой Отечественной войны, но лично встречаться с ним мне не приходилось.

Иван Данилович встретил нас просто, но в то же время официально.

Танкист по образованию, он большое внимание уделял подвижным войскам. В ходе нашего доклада командующий интересовался состоянием, укомплектованностью корпуса, его боевым прошлым. В заключение он сказал:

— Главное для вас сейчас — осуществить скрытную выгрузку и сосредоточение корпуса в новом районе. Немцы внимательно следят за прибытием подвижных войск и по ним узнают о подготовке новых операций и направлении главных ударов. Поэтому примите самые строгие меры, чтобы не раскрыть местонахождение вашего корпуса. Тщательная маскировка расположения, никакого движения днем, особенно танков и машин, занятия проводить с танками методом «пеший по-танковому» только в ночное время. В штабах проведите тренировки и игры на картах. Штаб фронта будет контролировать вас и окажет корпусу необходимую помощь.

Я спросил: сколько времени, хотя бы ориентировочно, отводится корпусу на подготовку к боевым действиям и какую задачу ему предстоит выполнять?

— Конкретную задачу вы получите позже, а пока готовьте корпус к действиям при вводе в прорыв и развитии наступления в оперативной глубине. У вашего корпуса, как мне известно, есть уже достаточный опыт в этих видах боевых действий. Сколачивайте и готовьте части и соединения корпуса для ведения стремительных наступательных действий. Для непосредственной же подготовки к выполнению боевой задачи вам времени будет отведено очень мало. Как только корпус закончит сосредоточение, я постараюсь побывать у вас, познакомиться лично с командирами и штабами, проверю готовность корпуса к предстоящему наступлению. До этого держите связь с командующим бронетанковыми и механизированными войсками фронта генералом Родиным и штабом фронта и информируйте нас о ходе сосредоточения и боевой подготовке частей и соединений корпуса.

Распрощавшись с Черняховским, я побывал в различных отделах и управлениях штаба фронта, в том числе и у генерала А. Г. Родина, с тем чтобы установить взаимодействие по всем организационным, хозяйственным и оперативным вопросам. Затем мы вернулись в расположение корпуса. Необходимо было срочно отдать многие распоряжения и в первую очередь о скрытности сосредоточения и маскировке прибывающих частей.

Огромную напряженную работу проделал в этих условиях штаб корпуса, руководимый начальником штаба полковником Сидоровичем. Георгий Степанович в корпусе находился сравнительно недавно — с весны 1944 г. Но уже за этот небольшой период сумел хорошо изучить личный состав штаба и целеустремленно

готовить его к работе в любых условиях обстановки. Все это пригодилось в ходе подготовки и осуществления наступления в Белоруссии.

Немало потрудился и партийно-политический аппарат, руководимый таким опытным политработником, как заместитель командира корпуса по политической части полковник Артем Филиппович Андреев. С ним мы уже хорошо сработались, между нами установилось полное взаимопонимание, теплые товарищеские отношения, полный контакт.

Руководящий состав корпуса представлял собой вполне работоспособный коллектив офицеров и генералов, могущих управлять частями и соединениями в высокоманевренных и подвижных формах боя, которые предстояло вести корпусу в готовившейся операции. Корпус являлся крупным соединением бронетанковых и механизированных войск. Со времени его формирования осенью 1942 г. и участия в контрнаступлении по окружению сталинградской группировки немецко-фашистских войск в организационно-штатной структуре корпуса произошли значительные изменения. Если тогда в нем из основных частей было три механизированные бригады с входящими в их состав танковыми полками и два отдельных танковых полка, подчиненных непосредственно командиру корпуса, то в дальнейшем, кроме механизированных бригад, в корпус была организационно включена танковая бригада, два самоходно-артиллерийских полка. Улучшились средства управления, увеличилось количество полевой артиллерии и автотранспорта.

Таким образом, механизированный корпус перед Белорусской операцией стал обладать большей ударной силой, пробивной способностью и маневренностью. В нем на 27 мая насчитывалось 16 090 человек, 240 танков, 42 самоходно-артиллерийские установки, 99 бронемашин и бронетранспортеров, 255 орудий и минометов различных систем и калибров, 18—37-миллиметровых зенитных пушек, 1223 автомашины и много другой техники и стрелково-пулеметного вооружения [1].

Следует также отметить, что и в составе подвижных войск фронта в предстоящей операции также произошли количественные и качественные изменения. Так, в Сталинградском фронте перед контрнаступлением из крупных подвижных соединений находились лишь один механизированный, кстати сказать, наш корпус, один танковый и один кавалерийский корпус. В Белорусской же операции только в составе войск 3-го Белорусского фронта из подвижных войск были одна танковая армия более совершенной, чем под Сталинградом, организации, танковый, механизированный и кавалерийский корпуса. Если тогда для осуществления прорыва из нашего корпуса вследствие общего недостатка танков непосредственной поддержки пехоты в стрелковые диви-

[1] Архив МО СССР, ф. 605, оп. 64 615, д. 6, л. 1.

зии временно включались отдельные корпусные танковые полки, что в значительной степени ослабляло ударную силу корпуса непосредственно при вводе его в прорыв, то в Белорусской операции в качестве танков непосредственной поддержки пехоты использовалось большое количество отдельных танковых и самоходно-артиллерийских полков и бригад, специально предназначенных для этой цели.

Всего в Белорусской операции в войсках четырех наших фронтов принимали участие две танковые армии (2-я и 5-я гвардейская), пять отдельных танковых, два отдельных механизированных корпуса, 16 отдельных танковых бригад, 39 танковых полков и более 70 полков самоходной артиллерии.

Все это говорило о том, как выросла наша танковая мощь в наступательных операциях, как изменился количественный и качественный состав, в том числе и нашего корпуса.

В новый район сосредоточения корпус прибыл без потерь в материальной части и людях.

Начиная с 31 мая и вплоть до 14 июня каждую ночь приходили эшелоны с войсками корпуса и грузами. Боевая техника и вооружение быстро разгружались с платформ и вместе с личным составом скрытно следовали в назначенные районы, главным образом в леса, где техника рассредоточивалась, тщательнейшим образом укрывалась и маскировалась.

Командиры и штабы бригад и полков сразу же по прибытии приступали к организации и проведению боевой учебы в соответствии со специально разработанным штабом корпуса планом. Личный состав одновременно с боевой подготовкой занимался обслуживанием материальной части боевых машин и вооружения, готовя их к наступлению. Во время отдыха люди размещались в машинах, землянках или просто в шалашах. На основе отданного по корпусу приказа с целью соблюдения скрытности расположения в дневное время запрещалось подразделениям выходить за пределы леса. В расположении частей допускалось движение только одиночных машин, и то лишь ночью, при тщательном выполнении требований светомаскировки. Этим же приказом запрещалось разводить костры. За соблюдением всех мер маскировки и порядка в районе сосредоточения корпуса и для предотвращения возможного проникновения к нам вражеских лазутчиков были организованы подвижное и неподвижное охранение и комендантская служба, которые вполне оправдали себя. В результате всех принятых мер сосредоточение корпуса было осуществлено скрытно и своевременно. Как нам стало потом известно из опроса пленных, немецко-фашистскому командованию не удалось узнать о прибытии на фронт к началу операции нашего соединения.

В ходе подготовки корпуса к предстоящим боям 12 июня представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза А. М. Василевский вызвал меня и командира 3-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта

Н. С. Осликовского в штаб 3-го Белорусского фронта. В присутствии командующего войсками фронта генерала И. Д. Черняховского, начальника штаба фронта генерал-лейтенанта А. П. Покровского и своего помощника генерал-лейтенанта М. И. Потапова маршал А. М. Василевский ознакомил нас с обстановкой, особенностями и характером задач, которые командующий фронтом возложил на наши корпуса. Следует сказать, что штаб фронта уже сообщил нам о поставленных задачах и пояснил их.

На основе решения командующего войсками 3-го Белорусского фронта из 3-го гвардейского механизированного и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов на период предстоящей операции образовывалась конно-механизированная группа, составлявшая подвижную группу фронта, общее руководство которой возлагалось на генерал-лейтенанта Н. С. Осликовского, как общевойскового начальника. Конно-механизированной группе была поставлена очень ответственная задача. Она должна была войти в прорыв, действуя в полосе наступления 5-й армии с рубежа р. Лучесы, развивать наступление на Сенно, Холопеничи и не позднее шестого дня операции овладеть переправами на р. Березине севернее и южнее оз. Палик [2].

Для сравнения с темпами наступления и временем выхода войск 5-й армии можно отметить, что она должна была выйти к р. Березине своими частями и соединениями, согласно поставленной задаче, лишь к исходу десятого дня операции, т. е. наступать с темпами в два раза меньшими; нам предписывалось действовать в отрыве от главных сил армии и других объединений фронта. Забегая вперед, следует заметить, что в действительности 5-я армия генерала Крылова наступала значительно быстрее, нежели это планировалось.

В целом конно-механизированная группа должна была достичь очень важных, крупных по своему оперативному значению целей, а именно — первой из войск фронта форсировать р. Березину и выйти на фланг и тыл основным силам немецко-фашистских группировок, действовавших на оршанско-минском направлении.

Маршал А. М. Василевский подчеркнул важность задачи конно-механизированной группы.

— Я знаю ваш корпус, товарищ Обухов, по боям под Сталинградом. Вы еще не были в корпусе, но многие его теперешние командиры участвовали в боевых действиях и получили богатый опыт. Корпус первым вышел на соединение с 4-м танковым корпусом, действовавшим с другого направления, и вместе с ним создал кольцо окружения вокруг сталинградской группировки немецко-фашистских войск. Затем корпус отличился в боях севернее Котельникова и при развитии наступления в направлении

[2] Архив МО СССР, ф. 326, оп. 5047, д. 544, лл. 43, 44.

Ростова-на-Дону. При вашем командовании корпус хорошо справился в выполнением задач в ходе наступления в составе войск Воронежского фронта летом 1943 г. Так что у корпуса богатый боевой опыт, особенно по действиям в оперативной глубине. Думаю, что и в этой операции его части и соединения будут верны боевым традициям и с честью справятся с возложенными на них задачами.

Я заверил представителя Ставки, что личный состав корпуса оправдает доверие и выполнит свой воинский долг, не уронит высокого звания гвардейцев-сталинградцев и преумножит славу, добытую корпусом в прежних боях. Мы понимаем всю сложность и ответственность задач, которые выпали на долю нашего корпуса.

Маршал Василевский еще раз напомнил о необходимости всесторонней подготовки личного состава, техники и вооружения к предстоящим действиям в сложных условиях лесисто-болотистой местности и в заключение сказал:

— Если весь этот план операции будет осуществлен в положенный срок и вы со своим корпусом оправдаете наши надежды, то мне ничего не остается, как заранее поздравить вас со званием Героя Советского Союза.

Я очень смутился и попытался ответить, что не за «Героя» воюю и что важнее всего служение Отчизне и долг коммуниста, но А. М. Василевский дружески похлопал меня по плечу и ответил:

— Ну, ну! Не скромничайте! Многие ваши товарищи танкисты уже давно «Герои», а вы столько воюете и достаточно сделали для Родины. Поэтому и вам пора уже быть Героем Советского Союза, но только после того, как еще раз поработаете на славу. Желаю успехов!

Получив ряд конкретных указаний от командующего войсками фронта по подготовке корпуса к вводу в прорыв и взаимодействию с другими частями и соединениями, участвовавшими в прорыве и обеспечивавшими наступление в оперативной глубине, я покинул штаб фронта.

При активном участии моих ближайших помощников мною быстро было принято решение, которое довели до руководящего состава бригад и отдельных частей. Работали все очень дружно и напряженно, не зная отдыха ни днем, ни ночью.

Как сообщил командующий войсками фронта генерал-полковник И. Д. Черняховский при нашей первой встрече, на всю подготовку корпуса к вводу в прорыв нам отводилось всего лишь двое суток. И в этот короткий срок были организованы с командирами частей и соединений корпуса рекогносцировки маршрутов выдвижения вплоть до переднего края, изучена по разведсхемам и аэрофотоснимкам оборона противника, согласованы вопросы взаимодействия внутри корпуса, а также с частями и соединениями 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и 5-й

армией, решены вопросы, касающиеся обеспечения боевых действий в предстоящей операции.

О принятом решении и обо всех проведенных мероприятиях 14 июня мною было доложено командующему войсками фронта, а уже к вечеру этого же дня я получил его устный приказ о переходе корпуса в выжидательный район, расположенный в лесах вокруг населенного пункта Упа. Переход на расстояние 76—90 км осуществлялся в течение двух ночей по двум маршрутам, подготовку которых осуществил 62-й гвардейский отдельный саперный батальон под командованием Героя Советского Союза майора Г. Г. Гоциридзе.

Обстановку в ходе совершения марша, а затем и действия соединений и частей корпуса в процессе операции описал участник боев А. М. Самсонов в книге «От Волги до Балтики».

«Ночи в ходе марша выдались темные, безлунные. Тишина лесов нарушалась громыханием гусениц танков и самоходных орудий, напряженным рокотом моторов, человеческими голосами. Иногда где-то высоко раздавался гул мотора — это пролетал самолет противника с целью разведки». Именно в таких условиях проходил марш.

Части корпуса двигались рассредоточенно, с тщательным соблюдением правил светомаскировки. Хорошо организованная комендантская служба и специально выделенные на маршруты офицеры штаба корпуса и бригад строго следили за порядком движения и за соблюдением установленных правил светомаскировки. Поэтому переход в выжидательный район прошел скрытно и противнику не удалось установить место сосредоточения корпуса.

В выжидательном районе завершалась подготовка корпуса к боям. Экипажи танков и самоходных установок, расчеты орудий и минометов, водители машин, автоматчики, связисты, саперы и все другие воины-гвардейцы тщательнейшим образом осматривали и готовили технику и вооружение, памятуя о том, что от ее безотказности в работе в конечном счете зависит успех боевых действий. Из штаба корпуса по частям и бригадам были разосланы карты, фотосхемы и другие документы, обеспечивавшие подготовку корпуса к боевым действиям. Однако по вопросам выполнения конкретной задачи ввода в прорыв переписки никакой не велось, а все делалось главным образом на основе устных распоряжений и указаний.

Из выжидательного района вплоть до переднего края с целью изучения маршрутов выдвижения, исходного района для ввода в прорыв и характера обороны противника в пределах видимости были организованы рекогносцировки местности до командиров взводов включительно. Они проводились под видом изучения направлений возможных контрударов корпуса в обороне, а чтобы не видно было формы танкистов, отправляясь на эти работы, гвардейцы снимали погоны или переодевались в общевойсковую форму.

16 июня в район расположения корпуса прибыли командующий фронтом генерал-полковник И. Д. Черняховский, командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-лейтенант А. Г. Родин, командир 3-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Н. С. Осликовский, а также представитель от 1-й воздушной армии. Командующий фронтом побывал в некоторых частях и лично проверил готовность корпуса к выполнению поставленной задачи, отдав при этом дополнительные указания. В его присутствии были окончательно согласованы все вопросы взаимодействия с 3-м гвардейским кавалерийским корпусом и с авиацией, обеспечивавшей ввод в прорыв и осуществлявшей непосредственную поддержку и прикрытие при действиях в оперативной глубине.

19 июня был получен приказ о переходе корпуса в ночь с 21 на 22 и с 22 на 23 июня в исходный район для ввода в прорыв. Этот район находился в лесах у населенных пунктов Гряда, Видоея, Колесниково, Иванькино. К этому же времени корпусу окончательно уже была сформулирована задача, которая заключалась в следующем:

«3-му гвардейскому механизированному Сталинградскому корпусу из исходного района быть готовым по сигналу войти в прорыв на участке: Заворотье, Высочаны и действовать в общем направлении: Шпитки, Стриги, Сенно по двум маршрутам:

№ 1 — Иванькино, Бураки, Осиновка, Лучковская, Мошканы, Мелешки.

№ 2 — ст. Крынки, Высочаны, Лучеса, Шатки, Кичино, Стриги, Студенка, Сенно.

Ближайшая задача — во взаимодействии с 3-м гвардейским кавалерийским корпусом уничтожить противостоящего противника и овладеть Богушевское; в дальнейшем к исходу первого дня операции главными силами овладеть районом Молчаны, Мельковцы; передовые отряды иметь на участке: Мошканы, Стриги» [3].

В соответствии с конкретно поставленной задачей мною было уточнено ранее принятое решение — в исходный район корпусу перейти по трем маршрутам и к 3.00 23 июня полностью сосредоточиться в этом районе, находясь в готовности к вводу в прорыв.

Выдвижение и непосредственно ввод в прорыв предполагалось осуществить по двум маршрутам, имея в правой колонне в первом эшелоне 9-ю, за ней 7-ю гвардейские механизированные бригады, в левой колонне — соответственно 8-ю гвардейскую механизированную и 35-ю гвардейскую танковую бригады. От головных бригад приказывалось выслать передовые отряды в составе усиленных мотострелковых батальонов; основную группировку сил и средств иметь в левой колонне.

[3] Архив МО СССР, ф. 105, оп. 64 615, д. 8, л. 6, 7.

В соответствии с уточненным решением задачи уже в полном объеме были доведены до всех исполнителей, включая командиров батальонов. Таким образом, корпус полностью был подготовлен для ввода в прорыв и действий в оперативной глубине в соответствии с отводимой ему ролью и поставленными задачами.

☆

Перед началом артиллерийской и авиационной подготовки я с небольшой оперативной группой находился на наблюдательном пункте командующего 5-й армией генерал-лейтенанта Н. И. Крылова. Командиры 7-й и 9-й гвардейских механизированных бригад были посланы на наблюдательный пункт командира 72-го стрелкового корпуса, в полосе которого должны были вводиться в прорыв эти бригады. С этой же целью командиры 8-й гвардейской механизированной и 35-й гвардейской танковой бригад находились на наблюдательном пункте командира 65-го стрелкового корпуса.

В эту последнюю перед наступлением ночь с 22 на 23 июня почти никто не спал. Необходимо было еще и еще раз все проверить, чтобы не было никаких срывов в намеченных планах.

Корпус, как и при выходе в выжидательный район, в полном порядке, скрытно, к 3.00 всеми силами занял исходный район, о чем доложили мне командиры бригад, а я соответственно доложил командующему фронтом и командиру 3-го гвардейского кавалерийского корпуса. Мы с волнением и нетерпением ждали рассвета и назначенного часа артиллерийской и авиационной подготовки. К этому времени как будто все затаилось. Казалось, что противнику удалось узнать о нашем наступлении и он только ждет момента, чтобы обрушиться на нас всей мощью огня. С нашей же стороны замерли тысячи орудий и минометов, готовые все смешать на своем пути, прокладывая путь атакующим пехоте и танкам. В нашей группе офицеры разговаривали вполголоса, как бы боясь нарушить общую тишину, лишь изредка обменивались негромкими замечаниями, стараясь не мешать офицерам и генералам из армии Н. И. Крылова. Ведь мы-то пока наблюдатели, а 5-й армии предстоит горячий денек — надо прорвать главную полосу обороны противника и расчистить путь конно-механизированной группе для броска вперед. На картах и схемах у нас нарисованы стрелы, похожие на те, которые выпускают из туго натянутой тетивы лука. И мне представилось, что все мы со своими нервами тоже как бы натянутая изо всех сил тетива лука и стрела, готовая вонзиться по сигналу в сердце врага.

Наконец ровно в 5 часов, как только рассвело и солнце начало выплывать из-за горизонта, ударил гром орудий и минометов, полыхнули молнии «катюш», и там, где был противник, поднялись фонтаны земли, огня и все заволокло пылью. В воздухе

показались армады советских штурмовиков и бомбардировщиков, вокруг которых, как пчелы, кружились прикрывавшие их истребители.

Сердце радостно забилось. Началось еще одно большое наступление, в успехе которого никто не сомневался.

Вслед за артиллерийской и авиационной подготовкой поднялась в атаку пехота, которая вместе с танками непосредственной поддержки ворвалась на передний край противника. Бой шел вначале в первой, затем во второй и последующих траншеях. Враг сопротивлялся ожесточенно. Подразделения и части 5-й армии продвигались медленно, отвоевывая у противника каждый окоп, каждый рубеж в обороне. К исходу 23 июня войскам 5-й армии удалось захватить Савченки, Николаево, Пущаево, Понизовье, Рудаки, Новый Стан, Бостон, продвинувшись на 10—11 км в глубь территории. Но полностью создать условия для ввода в прорыв конно-механизированной группы в этот день не удалось. Поэтому командир 3-го гвардейского кавалерийского корпуса приказал к 4.00 24 июня нашему корпусу занять новый исходный район: Слободка-1, Старобобылье, Осиповка, Александрово-Шпурово, Механики, Высочаны.

Условия для выдвижения корпуса сложились очень сложные. Дороги были разбиты, особенно мосты, после прохождения войск 5-й армии. Прошел дождь. Ночью двинулись вперед тылы, штабы, меняла огневые позиции артиллерия, которая участвовала в поддержке наступления. Все стремились на запад, стараясь не отставать от передовых частей. Колонными путями двигаться было нельзя из-за лесистой и во многих местах заболоченной местности. Поэтому движение проходило только по дорогам в сторону фронта. На перекрестках и переправах даже через небольшие ручьи образовались пробки. Противник по скоплениям наших войск вел огонь дальнобойной артиллерией и наносил удары авиацией. Вследствие указанных причин корпус с трудом вышел в новый исходный район только к 7 часам утра 24 июня. Несмотря на все трудности, настроение личного состава было приподнятым. Все ожидали сигнала к действиям, который мог поступить в любую минуту.

Наконец, около 10 часов меня вызвали на наблюдательный пункт фронта, который находился недалеко от наблюдательного пункта командующего 5-й армией. На наблюдательном пункте фронта, кроме командующего и других генералов и офицеров, находился маршал А. М. Василевский, который после моего доклада спросил:

— Ну как, танкисты, заждались? Не пора ли вас вводить в дело? Что думает об этом сам командир корпуса?

— Части и соединения корпуса готовы к выполнению поставленной задачи. Хотя пехота еще и не вышла к р. Лучесе, как намечалось, но обстановка для ввода в прорыв корпуса благоприятная.

— Иван Данилович,— обращаясь к Черняховскому, сказал маршал Василевский,— тогда давайте сигнал на ввод в действие конно-механизированной группы. Генерал Обухов своим частям подаст сигнал прямо отсюда. Связь у вас есть?— спросил меня маршал.

— Так точно, со мной находится недалеко отсюда оперативная группа со средствами радиосвязи. Я буду управлять выдвижением со своего наблюдательного пункта.

— Действуйте! И главное, не задерживайтесь в боях с мелкими группами противника. Быстрее продвигайтесь в глубину. Ждем ваших первых докладов.

Ровно в 11 часов мною был дан сигнал на начало действий, и корпус двинулся в образовавшуюся в обороне противника горловину прорыва, чтобы обогнать нашу пехоту и выполнить поставленную задачу по развитию успеха наступления в оперативную глубину.

Мимо нашего наблюдательного пункта проходил маршрут левой колонны. Вскоре показалась главная походная застава, затем основной состав передового отряда и все силы 8-й гвардейской механизированной бригады под командованием полковника С. Д. Кремера. Грозно двигались танки, самоходно-артиллерийские установки, «катюши», артиллерия и минометы. На автомашинах и десантом на танках расположились автоматчики, готовые в любую минуту вступить в бой. Наша разведка еще с вечера действовала в боевых порядках стрелковых корпусов 5-й армии и периодически информировала меня об обстановке. С началом движения корпуса в прорыв ей была поставлена задача выйти в глубину обороны противника и дать сведения о его резервах. Помощник начальника разведки молодой, энергичный старший лейтенант И. Л. Шамис, находившийся со мной в группе, попросил разрешения выдвинуться вперед на бронетранспортере с головными частями, чтобы лично разобраться в обстановке. Разрешение было дано; я потребовал по радио доносить обо всем. Заместитель начальника оперативного отдела майор М. И. Семенов непрерывно совместно с другими офицерами-оперативниками работал на радиостанциях, собирая сведения об обстановке и всех действиях корпуса.

Генерал-майор артиллерии С. Ф. Барышев, командующий артиллерией корпуса, в совершенстве зная свое дело, спокойно и неторопливо уточнял задачи подчиненным ему частям и согласовывал с соединениями 5-й армии вопросы артиллерийского обеспечения ввода в прорыв. В общем работа закипела.

Поступили первые донесения о нарушении выдвижения корпуса. Отклонившиеся от своих направлений две кавалерийские дивизии корпуса генерала Осликовского пересекали маршруты левой колонны. Пришлось докладывать генералу Осликовскому и вместе устранять трудности, которые могли внести дезорганизацию в процесс выдвижения и ввода в прорыв.

С нетерпением ждем докладов от передовых частей. Наконец к вечеру стали поступать сведения о том, что наши подразделения обогнали пехоту. Это произошло на р. Оболянке на глубине 21—22 км от бывшего переднего края обороны противника.

В 21 час передовые отряды бригад вошли в соприкосновение с гитлеровцами.

На направлении наступления 8-й гвардейской механизированной бригады враг оказывал ожесточенное сопротивление, и бои начали принимать затяжной характер. Действовавший в передовом отряде 3-й мотострелковый батальон под командованием майора И. И. Кукурченко совместно со второй танковой ротой 44-го танкового полка А. Л. Бондаренко и самоходками из полка Г. Г. Шукакидзе вел упорный бой за д. Кичино. Героически сражались гвардейцы, особенно сержанты Михайлов, Черноусов, Алтушкин и многие другие. Командир танковой роты старший лейтенант К. Е. Стороженко повел танкистов в атаку, но его танк был подбит. Сам он получил ранение. Еще несколько танков и самоходно-артиллерийских установок было подбито и сожжено.

Командир бригады полковник С. Д. Кремер, прибывший к месту боя передового отряда, принял решение развернуть все силы бригады, которая в течение ночи, отбивая ожесточенные контратаки пехоты и танков противника, медленно продвигалась вперед.

Более благоприятная обстановка сложилась на направлении наступления 9-й гвардейской механизированной бригады. Здесь был обнаружен стык в боевых порядках противника, в который устремился передовой отряд бригады под командованием подполковника А. Ф. Соколова. Вслед за передовым отрядом устремилась в глубину расположения врага и вся бригада. Надо отметить, что командир бригады полковник П. И. Горячев правильно оценил сложившуюся обстановку и сумел ее использовать для осуществления стремительного маневра. Этот маневр предопределил успешные действия не только бригады, но и всего корпуса. Пройдя в течение ночи более 45 км, бригада на рассвете 25 июня вышла в тыл противнику и завязала первый крупный бой за опорный пункт Сенно.

Для обороны его немецко-фашистское командование использовало батальон пехоты, усиленный полевыми орудиями, тремя самоходными установками, несколькими танками и батареей минометов. Это, видимо, было все, что сумел собрать противник в течение ночи. Как опорный пункт Сенно был подготовлен к обороне заранее. Вдоль дорог, идущих к этому населенному пункту, были воздвигнуты дерево-земляные заборы толщиной до 1,5 м с приспособлением для ведения огня из амбразур. Впереди них была вырыта сеть окопов с ходами сообщения, подходы к которым прикрывались проволочными заграждениями. В глубине населенного пункта, в районе церкви, гитлеровцы создали узел обороны с круговым сектором обстрела, прилегающие каменные здания они приспособили для длительной уличной борьбы.

В целом опорный пункт, созданный в Сенно, прикрывал пути на северо-запад, запад и юго-запад.

При обороне Сенно выгодные условия для противника создавались тем, что местность вдоль дорог заболоченная. Учитывая это, гитлеровцы расположили свои огневые средства с таким расчетом, чтобы простреливать все подступы к населенному пункту, особенно открытые пространства и дороги.

В бою за овладение Сенно принял участие передовой отряд, выделенный из состава 9-й гвардейской мехбригады,— мотострелковый батальон, усиленный танками 45-го танкового полка, двумя батареями 1823-го полка самоходных орудий СУ-85, минометной батареей и артиллерийским дивизионом бригады.

Используя ночную темноту, танковые подразделения обошли Сенно, выйдя к его южной, восточной и западной окраинам. Перед рассветом минометчики и артиллеристы произвели внезапный огневой налет на противника. Под прикрытием огня устремились в атаку танки и самоходные орудия, на которых находился десант автоматчиков. Атакующие подразделения с трех сторон ворвались в населенный пункт и завязали уличные бои. Два взвода первой танковой роты 45-го танкового полка обошли Сенно с запада и вышли на пути отхода противника. Последний пытался отойти на восток, но тут попал под удар передового отряда 8-й гвардейской мехбригады. Бросив обозы и технику, часть гитлеровцев разбежались по лесам, а остальные были уничтожены или попали в плен.

Внезапность и стремительность атаки при поддержке массированного огня артиллерии и минометов обеспечили быстрый захват такого важного опорного пункта, как Сенно. Героизм и отвагу в этом бою проявили все гвардейцы, находившиеся в составе передового отряда, и те, кто затем прибывал в этот район.

Хочется привести по этому поводу очень интересный случай, о котором, правда, уже упоминалось в книге А. М. Самсонова «От Волги до Балтики», но о нем следует рассказать еще раз. Мне на другой день после освобождения Сенно доложили о героизме повара Н. Ф. Денисова, который во время боя за этот населенный пункт поехал набрать воды для приготовления завтрака. Надо было, несмотря на бой, своевременно накормить своих самоходчиков из полка Шукакидзе, действовавших совместно с передовым отрядом 9-й гвардейской механизированной бригады. Неожиданно Денисов по дороге натолкнулся на ехавшего навстречу немецкого мотоциклиста и двух всадников. «Хэнде хох!» — крикнул им Денисов. Гитлеровцы пытались спастись бегством. Денисов и шофер машины, к которой была прикреплена кухня, стали их преследовать. Мотоциклист свалился в кювет, и Денисов на ходу прошил его очередью из автомата. Гитлеровские кавалеристы, спешившись, бросились убегать по полю, но и их настигли пули нерастерявшегося Денисова. И так происходило всюду, где гвардейцы встречались с фашистами.

В бою за Сенно противник потерял 4 «пантеры», 3 легких танка, артиллерийскую батарею, до 70 автомашин. Потери убитыми и ранеными составили около 400 человек, 26 солдат и офицеров было взято в плен. Наши потери составили: 23 убитых, 58 раненых, сгорело 12 автомашин, было разбито одно 57-миллиметровое орудие.

Значение овладения опорным пунктом Сенно трудно переоценить. Действия передового отряда и выход всей 9-й гвардейской механизированной бригады в этот район поставили противника в трудное положение. Пути отступления его войск, в том числе и оказывавших сопротивление перед фронтом 8-й гвардейской мехбригады, наступавшей на левом фланге корпуса, были отрезаны. Это повлияло на всю обстановку в полосе не только конно-механизированной группы, но и 5-й армии. О том, как оценивало немецко-фашистское командование захват нашими войсками Сенно, можно судить по высказываниям, в частности Гахенгольца [4]: «24 июня до кризисного состояния обострилось положение на участке 3-й танковой армии: противник, форсировавший реку Лучесу, прорвал боевые порядки отходящих на северо-запад арьергардных частей 53-го армейского корпуса и отбросил далеко назад смежные фланги 6-го и 9-го армейских корпусов, так что между ними образовалась брешь до 40 км.

Еще хуже получилось на севере, где новый оборонительный фронт 6-го армейского корпуса у Богушевского, охваченный и прорванный войсками 3-го Белорусского фронта, был полностью сокрушен и отброшен к автомагистрали западнее Орши. Противник получил здесь полную свободу действий в южном и западном направлениях, в силу чего возникла опасность охвата основных сил 9-й армии и всей 4-й армии.

Севернее автострады на участке Орехи подвергся удару оршанский плацдарм. Входивший в 4-ю армию 6-й армейский корпус ударом *танкового* (курсив наш.— *В. О.*) тарана 3-го Белорусского фронта был полностью разбит, так что противник через Смоляны сумел приблизиться к автостраде. 3-й Белорусский фронт достиг своей первой оперативной цели, овладев междуречьем Западной Двины и Днепра, и использовал образовавшуюся широкую брешь южнее Витебска для того, чтобы нанести *глубокий удар своими подвижными соединениями через Сенно во фланг* 4-й армии» (курсив наш.— *В. О.*).

Как видно из сказанного, овладение именно нашим корпусом Сенно поставило противника в трудное положение. Поэтому он в первую очередь бросил в этот район свою авиацию. На 9-ю гвардейскую мехбригаду и другие части корпуса обрушились удары фашистских стервятников, которые почти непрерывно в течение 25 и 26 июня висели в воздухе. Горели подожженные гитле-

[4] «Entscheidungsschlachten der Zweiten Weltkrieges». Frankfurt/Main, 1960, S. 462–463.

ровцами машины, было убито и ранено много воинов. Так, утром 26 июня были тяжело ранены командир 62-го саперного батальона ветеран корпуса Герой Советского Союза майор Г. Г. Гоцридзе, военврач капитан А. Н. Агапова и др. Командир роты старший лейтенант Холодков и два водителя автомашин были убиты.

Понимая важность выхода в район Сенно наших войск, командующий 3-м Белорусским фронтом потребовал от конно-механизированной группы, и особенно от нашего корпуса, с целью облегчения наступления наших войск в направлении Орши, Борисова нанести короткий удар частью сил на юг для дальнейшего охвата противника и выхода в тыл его главных сил, перерезая железные и шоссейные дороги. Это вызывалось тем, что действовавшие на этом направлении наши войска продвигались медленно, с упорными боями. Одновременно было приказано ускорить наступление на запад и расширить фронт действий корпуса, для чего я принял решение нанести удар в направлении Сенно, Лукомль силами 7-й гвардейской механизированной бригады, которая и овладела населенным пунктом Лукомль к исходу 26 июня совместно с 9-й гвардейской механизированной бригадой, успешно продвигавшейся в направлении Толпино, Черея. 8-я гвардейская механизированная бригада к этому времени освободила населенные пункты Обчуга, Бобр, перерезав железную дорогу, идущую на Борисов из Орши.

35-я гвардейская танковая бригада пока оставалась в резерве и прикрывала наступавшие бригады с тыла.

Надо сказать, что с появлением нашего корпуса в тылу противника моральное состояние его войск очень упало. Большие группы врага, потерявшие управление и деморализованные прорывом не только нашего корпуса, но и других подвижных соединений по хорошим дорогам в тыл, пытались по проселочным дорогам и колонным путям лесами отходить на запад. Большой опасности они для нас не представляли, но хлопот доставляли много.

Так, рано утром 26 июня при переезде с севера на юг в район Черея колонна штаба корпуса, в которой находился и я со своей оперативной группой, была атакована большой группой пехоты при поддержке 25—30 танков, прорывавшихся с востока на запад. В нашей колонне было всего 10 легких танков первого мотоциклетного батальона, которые и развернулись вместе с личным составом штаба корпуса для отражения атаки.

В другой бы обстановке штаб корпуса мог быть разгромлен, но в данном случае этого не произошло. Немцы лишь разрезали нашу колонну на две части, и мы долгое время наблюдали, как через дорогу сплошным потоком бежали толпы солдат, двигались машины, упряжки лошадей. Захваченные пленные подтвердили, что главной целью этого боя был быстрый прорыв через дорогу, по которой следовала наша колонна. Всего прошло около двух полков пехоты с танками, артиллерией и тылами.

Этот факт говорит о том, какое огромное моральное воздействие на противника оказывали успешные действия наших подвижных войск. Для себя я сделал вывод на будущее: всегда при штабе корпуса иметь корпусной резерв.

Упорные бои развернулись сзади нас, где наступали войска 5-й армии. Враг там ожесточенно сопротивлялся. Перед нашим же корпусом в основном в оперативной глубине действовали разрозненные подразделения, которые оказывали ожесточенное сопротивление лишь до того момента, как их обойдут наши подразделения с флангов и тыла.

За счет высокой маневренности и подвижности корпус достигал больших успехов, не имея часто превосходства над противником. После обхода его группировок многие части и подразделения врага сдавались в плен. У нашего корпуса появилось большое количество пленных, которых девать было некуда. Доходило до комических случаев, когда даже небольшие группы солдат, прочесывавшие близлежащие леса, возвращались с толпами пленных, которые могли бы в другой обстановке легко разбежаться. Потеряв всякую ориентировку и наталкиваясь всюду на наши прорывавшиеся по дорогам танки, колонны автомашин и артиллерии, гитлеровцы искали, кому бы сдаться в плен, так как видели безнадежность своего положения.

Части и соединения корпуса действовали уверенно, личный состав обладал высокими морально-боевыми качествами и был в курсе всей обстановки. Этому способствовали хорошо организованное управление и связь, которой руководил бессменный начальник связи корпуса подполковник Андрей Иванович Белов, ныне маршал войск связи. В подвижных боях, которые при действиях в оперативной глубине вел корпус, было создано несколько групп управления.

На направлении главного удара находился я с оперативной группой, в которую входили: заместитель начальника оперативного отдела, начальник разведки или его заместитель, командующий артиллерией корпуса, представитель от поддерживающей авиации, все с одним-двумя офицерами, а также офицеры связи от бригад и корпуса.

На другом направлении с небольшой группой офицеров находился мой заместитель генерал-майор Д. Н. Белый.

Начальник штаба корпуса полковник Г. С. Сидорович возглавлял штаб, который развертывал командный пункт за бригадами первого эшелона корпуса.

В отдельные моменты, когда бригады далеко отрывались от командного пункта корпуса, между моей оперативной группой и штабом высылалась промежуточная группа штаба с радиостанцией для связи со штабом фронта, радиостанцией для связи со штабами бригад и еще одной радиостанцией для связи со мной и со штабом корпуса. Эту группу обычно возглавлял майор Щукин — помощник начальника оперативного отдела. На него возла-

галась обязанность принимать информацию, особенно в период, когда перемещался штаб корпуса или я, и обеспечивать надежную связь с бригадами в случае, если не обеспечивалась их связь со штабом корпуса. На ночь обычно все оперативные группы и штаб корпуса съезжались в одно место для подготовки распоряжений на следующий день. Заместитель командира корпуса по тылу полковник В. А. Шаров возглавлял тыловой пункт управления и уверенно направлял работу тыловых подразделений и учреждений.

Большую роль в управлении частями корпуса и в обеспечении информации об обстановке играли офицеры связи корпуса и бригад. Во фронте находился от нас майор В. Г. Кублицкий, в 5-й армии — майор Е. Филиппов, в штабе конно-механизированной группы — старший лейтенант А. П. Курков. Все офицеры связи не менее двух раз в сутки прибывали в штаб корпуса и информировали об обстановке на участках наших соседей, передавали распоряжения, донесения и сводки. Это позволяло быть в курсе обстановки на всем фронте действий.

☆

Выйдя на оперативный простор, корпус наращивал темпы наступления. Перед частями корпуса действовали разрозненные подразделения 299, 96, 197 и 14-й пехотных дивизий противника и небольшие отряды изменников Родины — власовцев [5]. Враг отходил на Лепель и Борисов, очевидно, с целью занятия обороны по р. Березине.

В сложившейся обстановке корпус получил задачу развить наступление в направлении на Лукомль, Краснолуки, Волоки, Плещеницы с задачей выйти к Березине, форсировать ее не позднее 28 июня на участке Липск, Зембин и овладеть районами Литвичи, Папов-Орлово, Дальковичи.

Поставленная задача требовала прекратить наступление в южном и юго-западном направлениях и повернуть корпус строго на запад, чтобы по кратчайшим направлениям быстрее выйти к Березине и форсировать ее с ходу. Для этого мною было решено ввести в бой в направлении Черея, севернее Брод, 35-ю гвардейскую танковую бригаду, усилив ее 129-м минометным полком, 334-м отдельным гвардейским минометным дивизионом, 743-м истребительно-противотанковым дивизионом, двумя батареями 1705-го зенитного полка. Таким образом, на этом направлении с учетом 9-й гвардейской механизированной бригады была создана главная группировка корпуса. С целью обеспечения правого фланга этой группировки перед командиром 7-й гвардейской мехбригады полковником М. И. Родионовым с двумя дивизионами 326-го минометного полка, приданного корпусу на усиление, была постав-

[5] Архив МО СССР, ф. 605, оп. 646 115, д. 6, л. 20.

лена задача овладеть г. Лепель и удерживать его до подхода частей и соединений 1-го Прибалтийского фронта. 9-й гвардейской мехбригаде с 1823-м самоходно-артиллерийским полком и ротой 62-го саперного батальона было приказано наступать в направлении Черея, Рудня, левее 35-й гвардейской танковой бригады.

8-я гвардейская механизированная бригада из района Бобр была повернута также для наступления к Березине и форсирования ее в районе Броды.

С утра 27 июня основные силы корпуса повели решительное наступление к Березине. Для захвата переправ были высланы передовые отряды бригад в составе усиленных батальонов.

От 35-й гвардейской танковой бригады в передовом отряде действовали первый танковый батальон с ротой автоматчиков, который к исходу 27 июня овладел д. Мостище; главные силы бригады достигли Трояновки. Рано утром на рассвете 28 июня передовой отряд с ходу форсировал Сергуческий канал и к 9 часам вышел к Березине. Первым вырвался к реке бронетранспортер разведвзвода во главе с начальником разведки капитаном С. Г. Прозоровым, который для разведки реки привлек белорусских партизан, присоединившихся к бригаде в ходе ее наступления на подступах к Березине. Вместе с передовыми частями бригады партизаны принимали участие в постройке переправ. Всеми работами руководил лично командир бригады Герой Советского Союза генерал-майор Ази Ахадович Асланов. Он обладал большой личной храбростью, военной сообразительностью, поэтому не случайно генерал Асланов командовал основной ударной силой корпуса — 35-й гвардейской танковой бригадой.

Выйдя к р. Березине, бригада приступила к ее форсированию на подручных средствах, одновременно командир приказал начать строить мост. Как только мост был готов, Асланов первым на легковой машине переехал на западный берег реки. Вслед за ним переправилась еще одна машина, затем бронетранспортер с разведчиками и две машины с противотанковыми пушками. Но когда попытались переправляться через мост танки, первый же из них погрузился в воду вместе с мостом. Мост оказался недостаточной грузоподъемности.

Как раз к этому времени я прибыл на переправу 35-й гвардейской танковой бригады.

Асланов, возвратившийся на лодке на восточный берег, доложил мне о постигшей их неудаче.

— Стройте новый мост, да покрепче, чтобы выдержал танки,— приказал я. Работа быстро закипела. Правда, не так-то легко было построить мост из подручных средств.

Я приказал затопить на середине реки два-три танка, использовав их в качестве мостовых опор. Это помогло быстро навести мост и переправить все танки бригады. Позднее танки были извлечены из реки и введены в строй.

К исходу 28 июня на участке этой бригады удалось переправить, пока строили мост, на всевозможных вспомогательных средствах личный состав и часть машин батальона автоматчиков, разведвзвода, а затем по мосту прошли штаб бригады, машины роты управления и взвод танков. Остальные танки оставались без горючего и находились в лесу в двух километрах юго-западнее населенного пункта Пристань.

На других участках форсирование Березины осуществлялось следующим образом.

Вечером 28 июня передовой отряд 9-й гвардейской механизированной бригады вышел к реке в районе Рожно и завязал бой с находящимся здесь противником. Продолжая бой в течение всей ночи, гвардейцы-автоматчики утром следующего дня перешли реку вброд, некоторые, используя подручные средства, переправились вплавь. На западном берегу был закреплен плацдарм.

К 12 часам 28 июня саперы в районе Нивки при помощи мотострелковых подразделений построили низководный деревянный мост. По нему начали переправляться подошедшие главные силы 9-й гвардейской мехбригады. Но вскоре этот мост был разрушен налетевшей авиацией противника.

В течение 28 и 29 июня при форсировании Березины сложилось тяжелое положение, несмотря на массовый героизм воинов, которые, не щадя своей жизни, под огнем врага, на подручных средствах и вплавь форсировали реку. Но надо было переправить технику и вооружение. Имевшиеся здесь ранее мосты были противником разрушены. Понтонно-переправочных средств в корпусе не было, а строящиеся под огнем противника переправы разрушались вражеской авиацией, особенно на участке Бобцы, Ускромье, где осуществляли форсирование 9-я гвардейская механизированная и 35-я гвардейская танковая бригады.

Более благоприятные условия для форсирования Березины сложились на участке 8-й гвардейской мехбригады. Она наступала с приданной ротой 62-го саперного батальона и другими частями усиления на левом фланге корпуса и вышла к реке в районе Броды. Здесь, несмотря на действия вражеской авиации, была построена переправа для танков и автотранспорта. Основные силы бригады форсировали Березину; переправы продолжали действовать.

Учитывая это, 29 июня мною было приказано всем переправившимся частям корпуса сосредоточиться в районе Броды и осуществить там переправу по уже наведенным мостам; там же сосредоточить все имеющиеся зенитно-артиллерийские средства и прикрыть переправы от ударов противника с воздуха.

Форсировавшим Березину подразделениям и частям было приказано продолжать безостановочное наступление на западном берегу. Но в корпусе сложилось трудное положение с горючим. Надо было ждать, пока оно будет подвезено из фронтовых баз,

так как в тылах корпуса его уже не было. Ведь корпус за 5 дней непрерывных боев продвинулся в глубь территории противника на 180 км, считая по прямой. Он первым из соединений Красной Армии форсировал Березину и выходом севернее Борисова создал благоприятные условия для форсирования реки другими войсками фронта.

К тому же 7-я гвардейская механизированная бригада, действуя на отдельном направлении, утром 29 июня совместно с частями 1-го стрелкового корпуса с ходу захватила г. Лепель, чем способствовала выполнению задач нашими соседями — 1-м Прибалтийским фронтом.

Успех корпуса во многом зависел помимо удачно выбранного направления действий от инициативных и смелых действий личного состава частей и соединений.

После форсирования Березины особую находчивость и героизм проявил командир 35-й гвардейской танковой бригады генерал-майор А. А. Асланов. Еще 28 июня он с небольшой группой автоматчиков на автомашинах, с двумя противотанковыми пушками, с тремя танками, так как для других не было горючего, продолжал наступление на западном берегу. С ним находились начальник политотдела подполковник Ф. А. Зайнулин и начальник штаба бригады подполковник М. Ф. Львицин.

В течение 29 июня Асланов во главе небольшого отряда, организовав взаимодействие с партизанами из бригады «Народные мстители», вел наступление в направлении Мстиж, Прилепы, а утром 30 июня внезапным ударом группа овладела районным центром г. Плещеницы. Передовой отряд 8-й гвардейской мехбригады к вечеру 30 июня освободил м. Зембин, куда затем ночью вышли главные силы бригады, создав угрозу выхода в тыл борисовской группировке немцев.

Успешно действовали и другие части корпуса после форсирования Березины. В течение 1 июля была закончена полностью переправа через реку всех остальных частей и соединений корпуса, в том числе и 7-й гвардейской механизированной бригады.

Вечером в штабе корпуса была получена радиограмма от Верховного Главнокомандующего следующего содержания:

«Командиру 3-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса гвардии генерал-лейтенанту танковых войск Обухову.

Благодарю Вас и личный состав вверенного Вам корпуса за отличную работу. Уверен, что в дальнейшем корпус так же смело и с уверенностью будет выполнять боевую задачу».

Одновременно мы узнали о приказе Верховного Главнокомандующего войскам 3-го Белорусского фронта, в котором объявлялась благодарность за успешное форсирование Березины наряду с другими соединениями и нашему корпусу.

Телеграмма и приказ Верховного Главнокомандующего были

доведены до всего личного состава и вызвали новый подъем и вдохновение.

Теперь корпусу требовалось нанести удар на Красное и Молодечно и перерезать пути отхода крупных группировок немецко-фашистских войск.

Но в выполнении этой задачи действия корпуса сковывали забитые тылами кавалерийских дивизий дороги и некоторые неудачные распоряжения командующего конно-механизированной группой, в частности его указание об оставлении 8-й гвардейской мехбригады в районе Зембина и других населенных пунктах до подхода кавалерии.

Пришлось обратиться к командующему фронтом генерал-полковнику И. Д. Черняховскому со следующей телеграммой:

«Действия корпуса сковываются кавалерией. Беру инициативу на себя».

Вскоре от командующего поступил ответ, что моя инициатива одобрена и я могу действовать самостоятельно.

Корпус, пополнившись горюче-смазочными материалами и боеприпасами, продолжал дальнейшее наступление.

35-я гвардейская танковая бригада нанесла стремительный удар на запад и совместно с партизанской бригадой «Народные мстители» с ходу овладела в середине дня 2 июля областным городом Вилейка, захватив большие трофеи: несколько железнодорожных эшелонов с боеприпасами и разными военными грузами, склады с продовольствием и вещевым имуществом. В бою за Вилейку было уничтожено около 400 гитлеровских солдат и офицеров и свыше 200 взято в плен. Бригада имела незначительные потери. Захват Вилейки оказался неожиданным не только для противника, но и для командования фронта. Днем поступила радиограмма из штаба фронта с приказом овладеть к исходу 2 июля г. Вилейка, в то время как генерал Аслапов в 15 часов уже донес мне о взятии этого города. В ответ на мой доклад о взятии Вилейки командующий фронтом просил передать благодарность личному составу корпуса за проявленную инициативу. 35-я гвардейская танковая бригада и дальше действовала так же успешно. К вечеру 2 июля ее передовой отряд форсировал р. Вилию в районе Рыбаки.

7-я гвардейская мехбригада к исходу 2 июля овладела населенным пунктом Нарочь, а передовым отрядом переправилась через р. Вилию в районе д. Светланы. Очень сложную и важную задачу в этот день выполняла 9-я гвардейская мехбригада, которая должна была освободить г. Красное и отрезать путь отхода немецко-фашистским войскам по Минскому шоссе. Бригада в течение 2 и 3 июля трижды захватывала, но затем оставляла этот населенный пункт под натиском превосходящих сил, но оборону на Минском шоссе бригада удерживала до подхода частей 3-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Особенно отличился в боях за г. Красное командир танковой

роты старший лейтенант Г. Г. Кияшко. Его рота была придана на усиление мотострелковому батальону, действовавшему в качестве передового отряда от 9-й гвардейской механизированной бригады.

Танкисты во главе с Кияшко первыми ворвались в город и продолжительное время удерживали часть его, оказавшись даже в окружении. Только после того, как все машины роты оказались подбитыми, он вывел роту из окружения. В этом бою противнику были нанесены большие потери. За мужество и отвагу старшему лейтенанту Г. Г. Кияшко было присвоено звание Героя Советского Союза.

8-я гвардейская механизированная бригада в течение 2 июля находилась в резерве. Однако обстановка потребовала выделить часть ее сил для овладения г. Молодечно.

Командир бригады полковник Кремер выделил 1-й мотострелковый батальон под командованием капитана А. М. Салтыкова, усилив его пятью танками, батареей артиллерийского дивизиона и ротой 120-мм минометов. Для этой же цели я направил в район боя первый гвардейский мотоциклетный батальон во главе с его командиром майором П. М. Кириченко.

Утром 3 июля сводный отряд ворвался в г. Молодечно и с боем овладел им. Но подошедшие превосходящие силы противника, отходившие по Минскому шоссе, атаковали сводный отряд, который вынужден был оставить город и занять оборону западнее, оседлав шоссе Вилейка — Молодечно. В 20 часов 4 июля сводный отряд сдал свой район обороны прибывшим частям 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и присоединился к главным силам корпуса.

С выходом в район Красное и Молодечно 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и других войск фронта основные усилия нашего корпуса направлялись на развитие наступления в направлении Вилейка, Сморгонь. Действия его частей и соединений в этот период характеризовались ударами по отдельным направлениям с осуществлением широкого маневра по обходу и охвату опорных пунктов, если не удавалось их захватить с ходу внезапной атакой.

Надо сказать, что внезапность и стремительность в действиях всюду оправдывали себя. Но стремительность продвижения корпуса в ряде случаев задерживалась не столько сопротивлением противника, сколько отсутствием горюче-смазочных материалов и других запасов. Сказывался большой отрыв от фронтовых баз снабжения, а все подвижные запасы в корпусе были уже израсходованы. Так было после форсирования корпусом Березины, такое же положение сложилось и ко 2 июля. Например, 35-я гвардейская танковая бригада после освобождения г. Вилейки вынуждена была из-за отсутствия горюче-смазочных материалов основными силами оставаться некоторое время на месте и занимать оборону. То же самое было и в других бригадах. Правда,

командованием фронта принимались все необходимые меры по обеспечению корпуса запасами материальных средств. Вслед за нами были брошены фронтовые батальоны подвоза горюче-смазочных материалов, но они где-то задерживались. Да и нас не так-то легко было догнать, когда мы продвигались по 50—60 км в сутки, а в отдельные дни и более. Тогда в районе Вилейки нам начали доставлять горючее по воздуху, сбрасывая его с самолетов в бочках, а также посадочным способом.

Пополнившись горюче-смазочными материалами и боеприпасами, корпус повел наступление на Сморгонь. Для захвата этого города были привлечены 35-я гвардейская танковая и 7-я гвардейская механизированная бригады. 9-я гвардейская мехбригада действовала южнее, а 8-я пока оставалась в резерве. Мы уже упоминали, что еще к исходу 2 июля передовым отрядом 35-й гвардейской танковой бригады был захвачен небольшой плацдарм на р. Вилии в районе Рыбаки, а передовым отрядом 7-й бригады — плацдарм в районе Светланы. Пока бригады приводили свои главные силы в порядок, с плацдармов велась разведка и там шли бои с отходящими частями.

Особенно отличились, действуя на плацдарме 35-й гвардейской танковой бригады, танкисты взвода, которым командовал лейтенант М. И. Шуйдин, ныне известный артист цирка. Танкисты, несмотря на превосходящие силы врага, удерживали занимаемые позиции и подбили несколько танков и самоходно-артиллерийских установок противника.

Штурм г. Сморгонь начался утром 4 июля. Его оборонялп значительные силы врага. По показаниям пленных, в городе находилось до двух батальонов пехоты, 18 танков типа Т-III и Т-IV, три «тигра», три «фердинанда», семь-восемь артиллерийских батарей, два дивизиона минометов.

Мне довелось наблюдать за боями по овладению этим городом, находясь на наблюдательном пункте командира 35-й гвардейской танковой бригады генерала Асланова.

В этом бою внимание противника Аслапов отвлек ложным маневром части сил бригады, в частности, направив в обход с юго-запада танковый взвод младшего лейтенанта А. А. Щеглова и роту автоматчиков. Основные же силы бригады по лощине обошли город с юго-востока. Смело и решительно действовали артиллеристы истребительно-противотанковой батареи старшего лейтенанта И. И. Битюцкого и автоматчики батальона под командованием майора Г. М. Астанина. Артиллеристы вели огонь прямой наводкой, не отставая от танков. В этом бою батарея Битюцкого уничтожила шесть орудий. Танкисты, поддержанные огнем батареи, устремились на врага. Впереди была рота лейтенанта К. М. Карпухова, которая вместе с автоматчиками ворвалась в восточную часть города. Затем главные силы бригады и партизаны бригады Г. Ф. Покровского ворвались в западную часть города.

Надо сказать, что партизаны после форсирования Березины были все время с корпусом. Они показывали неведомые для врага маршруты, по которым части корпуса прорывались в самые уязвимые места в расположении противника, действовали десантом на танках во всех боях. Народные мстители — подлинные патриоты своей Родины, они стремились быстрее освободить белорусскую землю от полчищ врага.

При овладении г. Сморгонь отличилась и 7-я гвардейская механизированная бригада. Она своевременно оказала помощь 35-й гвардейской танковой бригаде и нанесла удар по противнику с северо-востока и севера. Впереди ее боевых порядков атаковали танкисты танкового полка под командованием подполковника Н. К. Шалаева. Совместными усилиями двух бригад противник был разгромлен, и к 15 часам г. Сморгонь вновь стал советским.

С освобождением Сморгони — важного узла шоссейных дорог и железнодорожной станции — противник лишился возможности маневра своими резервами, кроме того, создавались благоприятные условия для нанесения удара нашими войсками по г. Вильнюсу.

К исходу 4 июля мною было приказано основные силы корпуса сосредоточить в районе Дегеси, Купарны, Сморгонь. Назревали новые бои по освобождению Литовской ССР, к которым также надо было тщательно подготовиться. В ходе этой подготовки 6 июля я узнал радостную весть — Указом Президиума Верховного Совета СССР мне было присвоено звание Героя Советского Союза. По этому случаю в корпусе была получена следующая телеграмма:

«Генерал-лейтенанту танковых войск Обухову.

Военный совет и политуправление фронта от всей души горячо поздравляют Вас, Виктор Тимофеевич, с присвоением Вам звания Героя Советского Союза. Правительство высоко оценило Ваши боевые заслуги перед советским народом. Желаем Вам новых боевых успехов в борьбе за нашу Родину, за великое дело Ленина.

Черняховский, Макаров, Хохлов, Казбинцев.
6 июля 1944 г.».

Высшая награда Родины — это было признание не только моих личных заслуг, но прежде всего признание того вклада, который внес корпус в освобождение Советской Белоруссии.

Говоря о роли 3-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса в Белорусской операции, следует отметить, что в составе 3-го Белорусского фронта в ходе наступления корпус был всегда впереди и решал очень крупные оперативные задачи. Он первым из войск фронта вышел к такому важному рубежу, каким являлась р. Березина. Появление корпуса в тылу врага обеспечило успех другим войскам фронта. Корпус на некоторых

этапах операции находился в большом отрыве от других войск. Этот отрыв достигал иногда 100 и более километров.

Даже по сравнению с 5-й гвардейской танковой армией корпус был значительно впереди нее. Например, в то время как армия вела бои в районе Борисова, части корпуса захватили г. Плещеницы, находящийся на западном берегу Березины. Города Красное и Молодечно первый раз захватили части корпуса, куда затем позже подошли соединения 5-й гвардейской танковой армии, в то время как наш корпус вышел на ближайшие подступы к Вильнюсу.

Справа и слева соседей у корпуса не было, и ему приходилось иногда оказываться в сложных условиях. Но, несмотря на это, корпус выполнял с честью все возложенные на него задачи. Корпус прославился в прошедших боях, и это стало возможно только благодаря мужеству и массовому героизму всего его личного состава.

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
А. С. БУРДЕЙНЫЙ

ТАЦИНЦЫ В БОЯХ ЗА БЕЛОРУССИЮ

Наступило лето 1944 г. Предстоящее крупное наступление предъявляло к нам, участникам Белорусской операции, высокие требования. Мы все понимали, что одного желания — скорее освободить наших братьев белорусов — мало. Нужна была кропотливая повседневная подготовка к длительным и напряженным боям. С этой целью мы проводили войсковые, командно-штабные специальные учения, на которых тщательно отрабатывали все задачи, связанные с вводом в прорыв, смелыми и решительными действиями танкистов в глубине.

Безусловно решающую роль в подготовке войск к предстоящим боям сыграл боевой опыт командиров, политработников, штабов, партийных и комсомольских организаций, всего личного состава, накопленный в прошедших боях.

Танкисты 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса с мая 1942 г. участвовали во многих крупных сражениях, весной и летом 1942 г. дрались с врагом под Харьковом, Старым и Новым Осколом, затем в оборонительных боях под Воронежем. В Сталинградской битве корпус наступал от Верхнего Мамона в направлении Тацинская. В этой операции он приобрел большой опыт действий в оперативной глубине, в отрыве от своих войск и в полном окружении противника. На Курской дуге с первого и до

последнего дня вместе со всеми войсками части корпуса вели непрерывные тяжелые оборонительные бои. Затем Западный фронт — Спас-Деменск, Ельня, Смоленск.

Корпус стал гвардейским, именным, орденоносным, а среди личного состава тысячи людей были награждены орденами, многие получили звание Героя Советского Союза. И, конечно, этот богатый опыт и славные традиции сплачивали личный состав корпуса, повышая его мощь, что так пригодилось на полях Белоруссии.

Опыт является хорошей базой для новых дел, но он не повторяется. Не только операция, но и бой ведется всегда в новых условиях, поэтому и наша подготовка проводилась с учетом конкретных условий. Одной из особенностей предстоящих боевых действий было то, что на территории БССР, в тылу врага, действовали крупные силы партизан и мы, как более маневренные и подвижные части войск, тщательно готовились к встрече с партизанами и совместным действиям.

Большое внимание уделялось подготовке частей, подразделений, экипажей, расчетов, отделений и корпуса в целом. И в этой операции корпус готовился к выполнению своей основной задачи — вводу в прорыв и действиям в оперативной глубине обороны противника, готовности вести бой с открытыми флангами, в отрыве от своих войск.

Незадолго до начала боев наш корпус получил молодое пополнение танкистов и новые танки — танковую колонну «Сибиряк», построенную на денежные средства трудящихся Иркутской области. Новое пополнение мы встретили тепло и заботливо. Командиры частей и подразделений, их заместители по политчасти, парторги беседовали с каждым молодым танкистом, выясняли степень его подготовки, определяли его место в танковом экипаже, расчете, отделении, в партийной и комсомольской организациях. С первых же дней опытные офицеры обучали новое пополнение меткой стрельбе, мастерству вождения машин, выполнению обязанностей в бою.

В эти дни состоялись многочисленные встречи ветеранов с молодыми воинами. Ветераны рассказывали об истории частей, боевых традициях, заслугах корпуса перед Родиной. Перед строем всей части при развернутом боевом знамени новому пополнению передавались боевые машины и оружие. Особенно торжественно происходила передача танков и оружия, принадлежавших погибшим героям-воинам. Так, танк «Боевая подруга» Героя Советского Союза Марии Октябрьской, незадолго до этого погибшей под Оршей, был передан молодому механику-водителю Галкину. Молодые воины получили танки погибших Героев Советского Союза М. Е. Нечаева, Ю. Н. Малахова, Н. С. Полежаева, чьи доблестные дела стали известны всему новому пополнению. Воины узнали, что в боях, происходивших зимой 1943 и весной 1944 годов на оршанском направлении, молодой офицер-танкист Николай

Обыскалов, чтобы дать возможность своим товарищам обойти противника с фланга, повел танк на опорный пункт немцев, с ходу раздавил противотанковую пушку и вызвал смятение в рядах врага. Противник открыл ураганный огонь, танк героя остался без пушки, но советский офицер не дрогнул, твердо управлял боевой машиной и грозно мчался на батарею фашистов. Но еще один вражеский снаряд настиг танк, и он загорелся. Николай Обыскалов на горящем танке продолжал мчаться к цели, поливая немецких артиллеристов свинцом из пулеметов, и на полном ходу пушку за пушкой раздавил всю батарею врага. Путь был расчищен, задача выполнена, но жизнь замечательного патриота Родины оборвалась в горящем танке. Николаю Обыскалову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. О его подвиге политотдел корпуса выпустил листовку «Слава бесстрашному танкисту Николаю Обыскалову!».

Торжественная передача танков и оружия обычно заканчивалась митингом. Новички клялись оправдать доверие, быть достойными советской гвардии и в предстоящих боях действовать, как их боевые товарищи — ветераны боев. Было принято подписанное каждым танкистом письмо трудящимся Иркутской области, в котором говорилось:

«Пусть каждый трудящийся вашей области знает, что гвардейцы-танкисты, получившие ваши танки, с честью умножат славу русского оружия. Мы клянемся вам, дорогие товарищи, на замечательных советских танках, построенных на ваши трудовые сбережения, беспощадно громить немецко-фашистских извергов до полного их уничтожения в их собственной звериной берлоге».

Все эти мероприятия безусловно подняли личную ответственность каждого танкиста за врученную ему боевую машину, за победоносный исход предстоявших боев. Забегая вперед, отмечу, что экипажи этих танков в боях за Минск и позднее за Кенигсберг действовали умело, дерзко и решительно.

В период подготовки в корпусе настойчиво проводились занятия и учения по организации прорыва обороны противника и умелым действиям в оперативной глубине его обороны. Особое внимание уделялось организации взаимодействия с войсками 11-й гвардейской армии под командованием К. Н. Галицкого, на которую возлагался прорыв глубокой обороны противника и обеспечение ввода в прорыв 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса. На занятиях с командирами авиационных частей 1-й гвардейской штурмовой дивизии подробно изучались вопросы взаимодействия соединений корпуса с авиацией, как, например, порядок вызова авиации, указание наземных целей для авиации и др.

В частях корпуса в результате большой подготовительной работы наблюдался огромный политический подъем и наступательный порыв, каждый танкист был уверен в победоносном исходе предстоявших боев. Политический подъем выразился и в том, что

в период подготовки к боям в ряды партии было принято 712 лучших бойцов и командиров, а комсомольцами стали 450 человек. Перед началом Минской операции в корпусе насчитывалось 2897 коммунистов и 3306 комсомольцев, что позволило иметь в каждой роте полнокровную партийную организацию. В экипаже каждого танка обязательно были коммунист и комсомолец.

И вот настал день наступления, которого все воины ждали с большим нетерпением. Каждый боец, сержант и офицер знали, что на корпус возложена почетная, но нелегкая задача совместно с войсками 11-й гвардейской и 31-й армий уничтожить оршанскую группировку врага.

В первый день наступления северная ударная группировка 3-го Белорусского фронта в составе 39-й и 5-й армий прорвала оборону противника и продвинулась на глубину до 20 км. На второй день, развивая успех южнее Витебска, войска фронта продвинулись на 10—16 км, 39-я армия при этом вышла в район северо-восточнее Подбданы, а 5-я армия освободила Богушевск.

Вечером 24 июня в районе восточнее Богушевска для развития достигнутого успеха 5-й армии в направлении Сенно в бой была введена конно-механизированная группа фронта. 26 июня по второму варианту была введена 5-я гвардейская танковая армия, которая повела наступление на Толочин, Борисов.

На оршанском направлении 11-я гвардейская и 31-я армии, составлявшие южную ударную группировку 3-го Белорусского фронта, встретили упорное сопротивление противника. За первый день операции они продвинулись на глубину 2—8 км. 24 июня в полосе наступления 11-й гвардейской армии обозначился успех, и ее войска овладели районным центром Бабиновичи.

В полосе наступления этой армии был введен в сражение 2-й гвардейский танковый корпус, на который возлагалась задача перерезать железную дорогу Орша — Лепель, перехватить Минскую автомагистраль и выйти в район западнее Орши.

Противник, пытаясь удержать Минскую автомагистраль и обеспечить левый фланг своей 4-й армии, перебросил в район Орши две свежие дивизии.

Танкисты 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса вместе с воинами 11-й гвардейской армии устремились на запад. Все мы испытывали огромное чувство радости, освобождая родную землю. Враг нес огромные потери, но не сдавался. Он цеплялся за каждый рубеж, огрызался всей мощью огня, пытаясь задержать наши войска.

В каждом освобожденном селе, городе, в каждом доме мы видели, какие тяжкие страдания пришлось испытать белорусскому народу в годы оккупации. Редко можно было встретить деревню, где бы сохранилась хата: везде лишь трубы от сгоревших жилищ да столбы с повешенными и расстрелянными стариками, женщинами и даже детьми. Враг никого не щадил. Все это вызывало стремление еще сильнее бить врага.

25 июня 1944 г. в освобожденной деревне Заозерье нами была найдена доска со следующей надписью:

«23 июня 1944 г. 9 часов утра. Здесь находится рабочий лагерь девушек. Из них: из г. Ярцево Яковлева Зина, Яковлева Галя и их мать Яковлева Мария, Соболева Вера, Титова Катя, ее сестра, из г. Горького. Горячий привет советским бойцам. Наш лагерь угоняют на запад. Спасите нас!»

Этот текст сразу же был сфотографирован и отпечатан в виде листовки-летучки. Вечером, если позволяла обстановка, в подразделениях проводились беседы. Танкисты горели желанием отомстить немецко-фашистским варварам.

В м. Тростянец воины увидели гигантские костры, в которых горели перемежаясь бревна и трупы советских людей. Свыше 700 человек было сожжено в этих кострах.

Танкисты поклялись отомстить врагу. Ужасная картина полыхающих костров была сфотографирована, а затем напечатана в листовках, разосланных в части.

Под Минском танкисты освободили эшелоны с советскими военнопленными и населением, увозимыми в Германию. Батальон гвардии майора Лоленко отбил у немцев 4500 человек, батальон гвардии капитана Мамалуй — 450. Встречи с освобожденными советскими людьми перерастали в митинги. Бывшие пленники срывали нагрудные и нарукавные немецкие знаки, предавали огню немецкие паспорта.

Политотдел корпуса в первые же дни боев выпустил листовку, в которой были слова: «Если ты видел пепел сел, ты не забудешь. Если ты видел слезы матерей, ты не простишь».

Но вернемся к ходу боевых действий частей корпуса.

В середине дня 26 июня корпус, обходя Оршу с севера и северо-запада, перерезал шоссейную и железнодорожные магистрали западнее города, форсировал р. Ардов, а 27 июня ударом с запада и юго-запада совместно с войсками 11-й гвардейской и 31-й армий освободил Оршу. К утру 27-го части корпуса овладели м. Староселье.

Староселье расположено юго-западнее Орши и стоит на стыке дорог. Враг, защищаясь от партизанских набегов, превратил его в своеобразную крепость: обнес колючей проволокой и высокой деревянной степой с бойницами, а прилегающую местность заминировал.

Танкисты 4-й гвардейской танковой бригады полковника О. А. Лосика и бойцы 4-й гвардейской мотострелковой бригады полковника М. С. Антипина внезапным ударом захватили этот населенный пункт со всем его гарнизоном.

Отрезанная с запада оршанская группировка противника устремилась на юг и юго-запад, стремясь во что бы то ни стало прорваться через наши боевые порядки. Немецко-фашистские захватчики к этому времени хорошо усвоили, что значит для них окружение, и поэтому, не считаясь ни с чем, шли в психиче-

скую атаку. Советские танкисты, мотострелки, артиллеристы вплотную подпускали врага и расстреливали его в упор. Целые сутки здесь шел тяжелый бой.

К вечеру 27-го противник собрал большое количество войск на узком участке с целью пробиться на запад и выйти из окружения. Но подразделения мотострелковой бригады уничтожали фашистских солдат и офицеров, а артиллеристы самоходно-артиллерийского полка под командованием подполковника Зотова в упор расстреливали атакующие танки и штурмовые орудия. Передние эшелоны врага пробиться не могли, а задние все подходили.

С наблюдательного пункта мы могли видеть, что на узком участке скопилось много техники и живой силы гитлеровцев. Ракетный дивизион майора Шилова в упор расстрелял из «катюш» эту плотную массу войск и техники.

В уничтожении окруженного врага участвовали и бесстрашные летчики 1-й гвардейской штурмовой дивизии. Пятерка за пятеркой налетали штурмовики, огонь их был очень сильный. Враг этих ударов просто не выдерживал. Надо отметить высокую боевую слаженность, взаимодействие летчиков этой дивизии с танкистами. Танкисты были уверены, что авиаторы всегда найдут их на поле боя, поймут, что надо делать, и нанесут удары по врагу именно там, где это необходимо для выполнения задачи.

Гитлеровцы бросили бо́льшую часть техники и военного имущества, а сами двинулись в леса, пробиваясь на запад. Группы их гибли под ударами наших войск и партизан на всех дорогах и тропах Белоруссии. Советские войска быстро продвигались на запад. Теперь для нас было важно не дать врагу остановиться на таком сильном рубеже, как Березина.

В ходе шестидневных боев войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов прорвали оборону противника более чем на 200-километровом фронте, разгромили его группировку в районе Витебск — Орша, составлявшую левое крыло группы армий «Центр», и, продвинувшись на 80—150 км к западу, создали условия для развития наступления войск 1-го Прибалтийского фронта на Полоцк, Свенцяны, а войск 3-го Белорусского фронта — на Молодечно и Минск с целью окружения и уничтожения 4-й немецкой армии.

Смелые и решительные боевые действия частей 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса позволили уже к исходу 28 июня выйти к Березине в районе Чернявки, но захватить здесь переправы с ходу нам не удалось. Противник прикрывал войсками все переправы и даже мелководные места. К тому же нам приходилось громить группы разгромленных дивизий врага, стремившихся проскочить на западный берег. Завязывался скоротечный, но ожесточенный бой. Добиться успеха врагу, как правило, в этих случаях не удавалось.

Одной из особенностей боевых действий в этот период являлось то, что противник двигался не только параллельными марш-

рутами, но передко и между боевыми порядками наших войск. В этой сложной обстановке гвардейцы-тацинцы так же успешно громили врага, как и в других, обычных условиях.

Приведу один пример. После освобождения м. Круглое 26-я гвардейская танковая бригада под командованием полковника С. К. Нестерова устремилась к Березине. Батальон этой бригады на некоторое время задержался в Круглом и оторвался от бригады, а затем начал ее догонять. При выходе из Круглого командир батальона гвардии майор И. Ф. Лоленко увидел, как большая колонна артиллерии, машин и самоходных орудий немцев с юга вытягивается на тот же маршрут, по которому только что прошли главные силы бригады. Лоленко немедленно доложил об этом по радио командиру бригады, а сам решил атаковать колонну с тыла.

Смелые и внезапные действия танкистов ошеломили врага. Имевшиеся у него самоходки оказались бессильными, так как находились среди гущи своих машин и артиллерии. Под ударами огня батальона Лоленко противник, оставив на месте большую часть своей техники, бросился на запад, но там главные силы бригады полковника Нестерова, предупрежденного майором Лоленко, встретили немцев сокрушающим огнем.

В боях подчас участвовали даже ремонтные подразделения корпуса. Было несколько случаев, когда разрозненные группы противника, неожиданно нападавшие на наши пункты сбора аварийных машин, уничтожались ремонтниками, которые на подбитых и требовавших ремонта танках уничтожали гитлеровцев.

27 июня приказом Верховного Главнокомандования всему личному составу корпуса за умелые боевые действия при освобождении г. Орши была объявлена благодарность.

Примеров массового героизма и отваги, проявленных в боях, за освобождение Орши, множество.

В районе Староселья, о котором я уже писал, экипаж комсорга 2-го танкового батальона 26-й гвардейской танковой бригады старшего сержанта Ясько протаранил 26 автомашин врага, уничтожил сотни солдат и офицеров противника, в том числе генерала.

Коммунист гвардии лейтенант Митт 26 июня, выполняя приказ командира роты по захвату переправы через р. Ардов, которую прикрывали несколько самоходных орудий и артиллерийская батарея противника, при поддержке огня роты танков смело атаковал врага, уничтожив два самоходных орудия. Но и его танк, не дойдя 200 м до переправы, был подбит и загорелся. В это время большая группа немецких солдат бросилась к мосту с целью проскочить через него и взорвать. Лейтенант Митт и механик-водитель комсомолец Зотов на горящем танке врезались в гущу вражеских солдат и уничтожили их. Горящий танк на полном ходу проскочил через мост, но на западном берегу взорвался.

Ценою жизни коммунист Митт и комсомолец Зотов захватили мост через р. Ардов и обеспечили переправу танковой части.

Лейтенанту Митту посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

На другой день в корпусной многотиражной газете было опубликовано стихотворение, посвященное подвигу героев:

Когда-нибудь о них напишут книги,
Их слава будет факелом пылать.
О подвигах бессмертных и великих
Расскажет детям вместо сказки мать.

Разгром витебско-оршанской группировки врага создал благоприятные условия для решения еще более сложных задач. В создавшейся обстановке Ставка Верховного Главнокомандования директивами от 28 июня поставила 3-му Белорусскому фронту следующую задачу. Войска фронта должны были с ходу форсировать Березину и стремительно развивать наступление в направлениях на Молодечно и Минск. Войска левого крыла фронта должны были во взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом не позднее 7—8 июля освободить Минск, войска правого крыла к этому же времени — Молодечно, с тем чтобы отрезать пути отхода противника из района Минска на северо-запад.

К 29 июня войска 3-го Белорусского фронта вели тяжелые бои на рубеже Березины, стремясь овладеть переправами, мостами, в первую очередь мостом в Борисове. Враг сосредоточил здесь максимум сил, и пробить брешь в его обороне было не так-то просто.

2-й гвардейский Тацинский танковый корпус наносил удар южнее автомагистрали Орша — Минск, в 30 км к югу от Борисова. Противник уже не мог иметь на этом участке сплошную оборону, что облегчало наши действия. К тому же основные районы дислокации партизанских отрядов находились южнее автомагистрали, что также создавало благоприятные условия для нас.

В ходе боевых действий командиры всех степеней и штабы всегда знали обстановку, в чем немалая заслуга наших разведчиков, которыми руководил начальник разведки корпуса подполковник В. М. Кузнецов. У м. Чернявка наша разведка обнаружила большой деревянный мост через Березину, по обеим сторонам которой немцы заняли оборону, подходы к мосту заминировали, а сам мост подготовили к взрыву и поджогу: на мосту стояли наполненные бензином бочки.

25-я танковая бригада, которой командовал полковник С. М. Булыгин, и 4-я танковая бригада завязали бой за этот мост. Враг успел подорвать и поджечь западную часть моста. Без саперов мы тут не могли обойтись. Командир 51-го саперного батальона майор Мельник получил задачу разминировать мост и восстановить его. Как это выполнить под огнем противника? Наши командиры умели организовать взаимодействие в ходе боя. Танкисты и артиллеристы открыли огонь по врагу, а саперы при-

ступили к работе. Командир отделения саперов старший сержант Е. В. Анисимов со своим отделением бросился на горящий мост и под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника сбил пламя и разминировал мост. За проявленный героизм и отвагу старшему сержанту Анисимову было присвоено звание Героя Советского Союза. Коммунист гвардии сержант Бибков со своим отделением саперов под сильным огнем противника быстро пробрался к берегу реки, а затем вплавь переправился на западный берег, разминировал подходы к мосту и обеспечил переправу всей части. Гвардии сержанту Е. А. Бибкову также было присвоено звание Героя Советского Союза. Боевыми действиями саперных подразделений руководил командир роты капитан Б. В. Овчинников, который также был удостоен звания Героя Советского Союза.

В боях за переправу на Березине отличился и коммунист гвардии лейтенант Пахомов. Рискуя жизнью, он проник к вражескому дзоту и пленил пулеметчиков, которые вели губительный огонь по нашим войскам.

Уже глубокой ночью мотопехота переправилась на подручных средствах и выбила врага с западного берега, но перебросить танки и артиллерию нам сразу не удалось. Надо было восстановить мост. Других средств переправы корпус не имел. Как всегда в таких случаях, нас выручили саперы. Саперный батальон под командованием майора Мельника в течение ночи обеспечил переправу танков на западный берег Березины. Мост длиной 600 м и высотой 8—12 м восстановить в течение короткого времени не было возможности. Саперы решили эту задачу просто, но оригинально: спилили полусгоревшие, частично взорванные сваи на разной высоте так, что когда положили опоры и настил, то получился крутой спуск на западную пойму реки. По пойме проложили колею из подручного лесоматериала, и боевая техника пошла. Такой спуск позволял двигаться только вперед на запад, так как в обратную сторону преодолеть крутой подъем было нельзя, да в то время это никому и не нужно было.

В течение дня 1 июля войска корпуса успешно переправлялись по этому внешне странно выглядевшему мосту, а командиры готовили задачи войскам по разгрому врага западнее Березины.

Здесь нам вновь оказали большую помощь партизаны. Всем известен огромный размах партизанского движения в Белоруссии. По указанию партии на территории республики были созданы партизанские части и соединения, непрерывно наносившие врагу ощутимые удары, ускорявшие ход победоносных событий. И вот здесь на берегах Березины местный житель взялся проводить нас в ближайший партизанский отряд. Нужно было не только восстановить связь с народными мстителями, но и выяснить возможность совместных действий. Все вопросы взаимодействия были отработаны начальником штаба корпуса полковником А. Ф. Караваном. Партизаны обеспечивали передвижение войск

через лесисто-болотистую местность и доставляли нам разведданные о группировке противника в районе Смолевичи — Минск.

1 июля мне довелось встретиться в этих лесах с партизанским отрядом 1-й Минской партизанской бригады, которой командовал Е. А. Иванов. Встреча была радостная, торжественная и трогательная. Я рассказал об обстановке на фронтах и задачах корпуса. Мне очень важно было знать обстановку западнее Березины до Минска, и, надо сказать, командир партизанского отряда сообщил очень ценные и исчерпывающие сведения. Он заверил меня, что от Березины до Смолевичей весь район находится в руках партизан, что дороги и мосты заминированы и прикрываются огнем партизан. Партизанский командир предоставил данные о расположении и характере обороны противника в районе Смолевичей и южнее, рассказал, где какие пункты имеют гарнизоны и каков их примерный состав. Все это было крайне важно для нас.

Мы договорились с Е. А. Ивановым о маршрутах движения войск и о подготовке этих маршрутов. Все это в значительной мере определило успех боевых действий корпуса на подходах к Минску, ибо корпусу предстояло двигаться по лесисто-болотистой местности, просеки и лесные дороги которой были заминированы партизанами.

В ночь на 2 июля корпус начал стремительное движение на запад через лесисто-болотистую местность партизанского района. После встречи с партизанскими руководителями не прошло и суток, но какую огромную работу они выполнили за это время! Все дороги и просеки, по которым осуществлялось движение войск, были разминированы, завалы расчищены. Партизаны и местные жители умело орудовали лопатами, топорами, ремонтировали мостики, укрепляли болотистые места. И это на всем протяжении от Березины до Смолевичей! Расстояние в 50—60 км мы прошли за несколько часов и уже в середине дня завязали бои за Смолевичи, где нас никак не ожидал противник.

Радостно встречало нас местное население. Во всех населенных пунктах, через которые проходили войска (Туровка, Замостье, Заболотье, Потичево, Колесник, Туры, Студенка и многие другие), жители выходили на улицы с хлебом-солью и выставляли столы с молоком, хлебом — всем, что у них осталось. Женщины плакали, дети махали цветами и бежали за танками, старики склоняли седые головы в знак глубокой благодарности советскому солдату за освобождение. Трудно описать эти волнующие встречи белорусского народа со славными воинами Красной Армии.

Все мы понимали, что нельзя задерживаться у этих гостеприимных столов. Время для танкистов — главное. Впереди столица Белоруссии — Минск, он ждет нас. Внезапный удар по врагу даже небольшими силами может привести к успеху. Это по собственному опыту знали все тацинцы, которые уже не раз, далеко отрыва-

ясь от своих войск, внезапными ударами громили более сильного врага.

Колонны танков, артиллерии и машин на большой скорости проходили через освобожденные села и поселки. Наш короткий, внезапный удар с юга по противнику в Смолевичах заставил его бросить все и откатиться к Минску, оставляя только заслоны на высотах, за естественными препятствиями. В этой обстановке каждая наша остановка или задержка были бы услугой врагу.

Вечером 2 июля жаркий бой разгорелся на рубеже Королев Стан, Городище, Старина, Волма. Противник встретил нас сильным огнем и поджег несколько танков 4-й гвардейской танковой бригады. Командир бригады полковник Лосик, молодой и энергичный офицер, принял смелое решение: несмотря на огромную усталость танкистов и уже наступившую темноту, атаковать и разгромить противника на этом рубеже и не дать ему возможности закрепиться восточнее Минска.

В 23 часа 4-я гвардейская танковая бригада атаковала гитлеровцев в Городище и почти полностью их уничтожила. Теперь уже пылали немецкие танки, бронемашины, далеко освещая всю местность.

25-я гвардейская танковая бригада атаковала врага севернее Королева Стана с целью отрезать ему пути и выйти в тыл противнику, оборонявшемуся на высотах западнее Королева Стана. 26-я гвардейская танковая бригада сбила заслоны противника в Волме и преодолевала хотя и маленькую, но очень коварную речушку Волма.

Теперь дорога на Минск была открыта. Нельзя было дать врагу ни минуты передышки, ни единой остановки. Но требовалось преодолеть смертельную усталость воинов. Надо было пополниться и боеприпасами, и горючим. Все это делалось в ходе боя. Офицеры и весь личный состав службы тыла во главе с полковником Г. Н. Гавриловым хорошо знали обстановку, не ждали, когда иссякнут запасы, использовали каждую возможность и непрерывно пополняли войска всем необходимым.

И вот только начал затихать орудийный огонь, огонь танков, как частям корпуса была поставлена боевая задача: в 2 часа ночи 3 июля продолжать наступление, разгромить врага восточнее Минска и овладеть городом. Чтобы довести задачи до всех командиров и солдат, в части были направлены офицеры штаба корпуса, политотдела во главе с исполняющим обязанности начальника политотдела полковником А. П. Чужайкиным, причем, как правило, времени у них было в обрез — всего 1—1,5 часа, да и то ночью.

Все мы представляли, насколько сложным является ночной бой. Особенно важно было тщательно продумать и организовать вопросы управления.

Пальма первенства в решении этой чрезвычайно ответственной и важной задачи принадлежала связистам. От того, наскольк-

ко будет бесперебойно и надежно работать связь, во многом зависел ход и исход предстоявшего боя.

Опережая несколько события, мне хочется отметить с большой благодарностью самоотверженный труд наших связистов, которыми управлял очень грамотный и способный начальник связи полковник Геллер. В самых трудных и тяжелых боевых условиях связисты не допускали нарушений связи. И на этот раз они оказались на высоте. Связь работала бесперебойно. Это давало возможность уверенно управлять войсками. Командиры, офицеры штабов и политорганов, как и прежде, блестяще справились со своей задачей.

4-й гвардейской танковой бригаде была поставлена задача разведкой установить, сумел ли противник занять оборону по восточной окраине Минска и какими силами. Эту задачу выполнял 1-й танковый батальон, которым командовал капитан Клочко. Приступив к выполнению приказа, уже в час ночи 3 июля командир батальона доложил, что его подразделения прорвались на восточную окраину и ведут бой с застигнутым врасплох врагом. В этом бою отличился первым ворвавшийся в Минск командир взвода Дмитрий Фролков. Ныне его танк возвышается на пьедестале в центре Минска. Дерзкие действия подразделения этого батальона стали известны всем частям и бригадам.

Командиры бригад — полковники Булыгин, Лосик, Нестеров, Антипин — блестяще использовали благоприятно сложившуюся обстановку. В 2 часа ночи все бригады и части корпуса перешли в наступление, а в 5 часов утра 4-я гвардейская танковая бригада первой ворвалась в Минск по центральной магистрали. Буквально через 15—30 минут вошли и остальные бригады: 25-я гвардейская танковая бригада — со стороны Лагойского шоссе, 26-я гвардейская танковая — через Слепянку. За 4-й гвардейской танковой бригадой последовала 4-я гвардейская мотострелковая. Вслед за танкистами вошли в город передовые части 31-й и 11-й гвардейской армий.

Южнее Минска врага громили войска 1-го Белорусского фронта. Его передовые части — 1-й гвардейский танковый корпус под командованием М. Ф. Панова ворвался в город с юго-востока.

Противник такого стремительного удара не ожидал. В это время колонны его пехоты и артиллерии выдвигались в восточном направлении, чтобы, как потом выяснилось, занять оборону по восточной окраине города. Опоздали! Вражеские колонны попали под огонь наших танков. Внезапные, смелые действия танкистов вынудили противника бросить все и спасаться бегством.

Разгром минской группировки и освобождение столицы Белоруссии были уже предрешены всем ходом боевых действий 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов. В это время к северу и северо-западу от города громили врага войска 5-й гвардейской танковой армии под командованием маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова, а с юга замыкал кольцо окружения группи-

ровки 1-й Белорусский фронт. 1-й гвардейский танковый корпус этого фронта ворвался в Минск с юго-востока. Корпусом командовал опытный командир генерал М. Ф. Панов.

Овладев Минском, советские войска окружили 100-тысячную группу врага, которая к 11 июля полностью была разгромлена.

Благодарная Родина высоко оценила самоотверженный ратный подвиг своих сыновей, наградив всех отличившихся воинов орденами и медалями. 17 танкистам было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Корпус в целом и все бригады были награждены орденом Красного Знамени, а шесть частей — другими орденами Советского Союза. 1695-му зенитно-артиллерийскому полку, 273-му минометному ордена Александра Невского полку, 401-му гвардейскому Краснознаменному самоходно-артиллерийскому полку, 51-му отдельному саперному батальону, 28-му гвардейскому ордена Александра Невского минометному дивизиону, 1500-му самоходно-артиллерийскому полку было присвоено почетное наименование «Минских».

В центре Минска воздвигнут замечательный обелиск в честь павших героев-воинов и партизан, у подножия которого жители столицы Белоруссии всегда бережно кладут цветы.

Теперь Минск неузнаваем. Из развалин и руин вырос замечательный город — гордость белорусского народа.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ТАНКОВЫХ ВОЙСК

М. Ф. ПАНОВ

МАНЕВР НА ОКРУЖЕНИЕ

Мне хочется поделиться воспоминаниями о боевых делах бойцов и командиров 1-го отдельного гвардейского Донского ордена Ленина и ордена Суворова Краснознаменного танкового корпуса, которым мне довелось командовать.

После напряженных боев наш корпус весной 1944 г. был выведен в резерв Ставки Верховного Главнокомандования для пополнения, но в оперативном отношении он продолжал находиться в подчинении 1-го Белорусского фронта. Наступил период подготовки к предстоящей Белорусской операции. Как известно, этот период чрезвычайно важен. Ведь от того, как будут подготовлены люди, техника и каково будет материально-техническое обеспечение, во многом зависит успех предстоящих боевых действий.

Срок готовности к наступлению для корпуса был установлен 10 июня 1944 г. В конце мая к нам начали поступать боевые машины, а в начале июня прибыли эшелоны с автоматчиками и мотострелками. Прибывшее пополнение срочно распределялось по частям; немедленно началась его боевая и политическая подготовка.

10 июня 1944 г. штаб фронта приказал: к утру 17 июня сосредоточиться в районе Страковичей, Давыдовки, Узножа (40 км

юго-западнее Жлобина) и поступить в оперативное подчинение командующего войсками 65-й армии [1].

Выход корпуса в новый район совершался комбинированным маршем. Боевые машины и наиболее тяжелые грузы перевозили по железной дороге, а личный состав и остальное имущество — на автотранспорте. Чтобы скрыть передислокацию корпуса от противника, погрузка в эшелоны производилась только ночью. Передвижение танков и автомашин совершалось по строго рассчитанному графику и также в ночное время. Контроль за дисциплиной марша осуществлялся офицерскими контрольными постами на рубежах регулирования и специально выделенными офицерами на подвижных средствах связи. Радиостанции были опечатаны. Во время дневок строго соблюдалась маскировка, район расположения войск тщательно охранялся.

По прибытии корпуса в район сосредоточения командующий войсками 65-й армии генерал-лейтенант П. И. Батов поставил ему задачу: с 44-й гвардейской стрелковой дивизией, 3-й гвардейской истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой, 345-м и 354-м самоходно-артиллерийскими полками войти в прорыв в полосе 18-го стрелкового корпуса с рубежа Раковичи, Николаевка и, наступая в направлении Чернин, Кнышевичи, выйти в район Моисеевка, Мохово, Городец (6-8 км западнее Паричи), в дальнейшем наступать в общем направлении на Бобруйск. Для поддержки корпуса были выделены: 2-я гвардейская штурмовая и 26-я авиадивизии, два полка 283-й истребительной авиадивизии [2]. Таким образом, корпусу предстояло действовать на направлении главного удара 65-й армии, составляя подвижную группу развития успеха.

По данным разведки, было известно, что в полосе предстоящих действий нашего корпуса обороняются части 35-й и 36-й пехотных дивизий. Противник располагал как тактическими, так и оперативными резервами. В оперативной глубине у немцев имелось до 100 танков 20-й танковой дивизии, дислоцировавшейся в районе Бобруйска. Кроме того, было выявлено 14 батарей полевой артиллерии и примерно 20 противотанковых орудий [3]. Это требовало непрерывного ведения наземной и воздушной разведки за передвижением вражеских резервов, чтобы своевременно уничтожать их по частям.

Оборона гитлеровцев была глубоко эшелонированной и довольно сильной в противотанковом отношении. Кроме главной полосы, она имела еще 4 рубежа в глубине, каждый из них с развитой сетью окопов, с проволочными и минными заграждениями. Населенные пункты в своем большинстве являлись опорными пунктами обороны.

[1] Архив МО СССР, ф. 659, оп. 206 394, д. 22, л. 139.
[2] Там же, л. 142.
[3] Там же.

Местность лесистая и болотистая: на протяжении 20 км — 6 болот шириной до двух километров, изрезанных 8—10-метровыми каналами с взорванными или подготовленными к взрыву мостами через них. Местами через болота проходили узкие длинные дамбы. Все это крайне усложняло развертывание и маневр танковых соединений.

В соответствии с поставленной задачей и сложившейся обстановкой мною было принято следующее решение: главный удар наносить левым флангом, имея боевой порядок в два эшелона и резерв. В соответствии с этим бригады получили задачи.

16-й гвардейской танковой бригаде с 345-м тяжелым самоходно-артиллерийским полком, 1-й батареей 1296-го самоходно-артиллерийского полка, 167-м саперным батальоном совместно с 44-й гвардейской стрелковой дивизией предписывалось наступать с рубежа Раковичи в направлении Чернин, Кнышевичи, овладеть населенными пунктами Михайловкой, Завичьем, отрезать путь отхода паричской группировке противника и быть в готовности наступать на Бобруйск.

1-я гвардейская мотострелковая бригада с 1001-м самоходно-артиллерийским и 455-м минометным полками должна была наступать с рубежа лес западнее Николаевки, овладеть населенными пунктами Гомза, Слободка и также быть готовой к наступлению на Бобруйск.

17-я гвардейская танковая бригада с 354-м тяжелым самоходно-артиллерийским полком, 3-й гвардейской артиллерийской противотанковой бригадой, двумя саперными ротами 121-го инженерно-саперного батальона имела задачу: наступать с рубежа лес северо-западнее Петровичей и во взаимодействии с 1-й гвардейской мотострелковой бригадой освободить деревни Секеричи, Романище. В последующем захватить Тумаровку, Малимоны и наступать на Бобруйск.

15-я гвардейская танковая бригада составляла второй эшелон корпуса. Она двигалась за 17-й гвардейской танковой бригадой и должна была из-за ее левого фланга развить наступление в направлении Черные Броды, ст. Пильня. 13-й гвардейский мотоциклетный батальон, 1296-й самоходно-артиллерийский полк и 43-й гвардейский дивизион минометов составили резерв командира корпуса [4].

Это решение обеспечивало мощный первоначальный удар по врагу, поскольку 70% танков находилось в первом эшелоне боевого порядка. Оно позволяло совершить обходный маневр, не подставляя главные силы корпуса под удар паричской группировки противника.

В период подготовки произошел такой эпизод.

На проигрыше предстоящих боевых действий с командирами соединений у командующего 65-й армии мне пришлось доклады-

[4] Архив МО СССР, ф. 659, оп. 206 394, д. 22, л. 143.

вать свое решение в присутствии представителя Ставки Маршала Советского Союза Г. К. Жукова и командующего фронтом генерала армии К. К. Рокоссовского. Решение было одобрено. Тогда я решил предложить использовать корпус несколько левее с той целью, чтобы обойти болота и действовать целым соединением, исключив тем самым возможность использования танков для непосредственной поддержки пехоты. Я положил свою карту на стол перед Г. К. Жуковым и изложил обстоятельно причины. Маршал внимательно выслушал.

— Сюда пойдут другие,— услышал я в ответ. Оказалось, что туда направлялась конно-механизированная группа. А затем Г. К. Жуков добавил: «Перед вами широкое поле для проявления инициативы». Из этого можно было заключить, что в процессе боя я могу в определенных пределах отклониться от заданного направления.

19 июня мы провели на рельефном плане занятие с командирами соединений, начальниками штабов и политорганов, командирами частей усиления. Цель занятий заключалась в том, чтобы уяснить поставленные задачи и обеспечить единство действий частей и соединений в бою.

В корпусе уже выработался свой метод проведения таких занятий. Вначале докладывалась реально сложившаяся обстановка и объявлялось решение командира корпуса. Затем в зависимости от полученной задачи каждый командир бригады докладывал свое решение. Проигрыш проводился на всю глубину задачи корпуса. Для этого по этапам создавалась обстановка, которая могла сложиться в результате ответных действий противника. Командиры оценивали обстановку и принимали соответствующее решение. Заслушивались и начальники родов войск и служб. Тут же отрабатывались вопросы взаимодействия, намечались способы управления войсками; все это отражалось в таблице взаимодействия.

Накануне операции подобные занятия командиры бригад провели со своими подчиненными.

В штабах корпуса и бригад в эти дни шла напряженная работа по планированию предстоящих боев, уточнению сведений о противнике и местности, подвозились материальные средства. Со штабом 18-го стрелкового корпуса была установлена радиосвязь.

Наш корпус обеспечивался горючим для танков — 2 заправками, для автотранспорта — 1 заправкой; боеприпасами для танков — 2,7, для артиллерии — 2,1, для стрелкового оружия — 1,5 боевых комплектов; продовольствием — 10 суточных дач [5].

В дни подготовки к операции во всех частях проводилась разносторонняя партийно-политическая работа. Укреплялись партийные и комсомольские организации. Издавались боевые листки, памятки, воинам разъяснялись их задачи. С каждым днем крепла наша дружба с тружениками тыла. Помню, мы получили письмо

[5] Архив МО СССР, ф. 659, оп. 81 131, д. 2, лл. 2, 3.

Ростовского обкома партии, шефствовавшего над корпусом. В нем рассказывалось о героической работе трудящихся области по восстановлению народного хозяйства, разрушенного фашистскими оккупантами, о стремлении колхозников вырастить высокий урожай. Ростовчане призывали воинов умножать боевую славу. Мы получили также сообщение о том, что танки, поступившие в корпус, построены на средства, собранные трудящимися Воронежской и Орловской областей. В частях в связи с торжественным вручением экипажам боевой техники состоялись митинги. В своих выступлениях воины выражали чувство признательности советским людям, оказывавшим всестороннюю помощь фронту.

Корпусная газета «Вперед на врага!» помещала в дни подготовок статьи об особенностях боевых действий в условиях лесисто-болотистой местности, рассказывала о героических подвигах бойцов и командиров в прошедших боях.

Проводилась в частях и соединениях и большая боевая подготовка.

В специально подобранных и оборудованных районах механики-водители днем и ночью учились преодолевать заболоченные участки, узкие гати и двигаться по колейным мостам. Штурмовые группы тренировались в захвате гатей и переправ. Экипажи танков и самоходно-артиллерийских установок, автоматчики учились обезвреживать миновзрывные заграждения. Части и подразделения заготовили большое количество бревен, фашин, бревенчатых колей, которые грузили на гусеничные тягачи, чтобы при необходимости их можно было быстро доставить к препятствиям.

И вот вся подготовительная работа закончена. Личный состав частей и соединений корпуса горит желанием сразиться с врагом, быстрее очистить нашу священную землю от фашистской нечисти.

Во второй половине дня 23 июня 1944 г. штаб корпуса получил телеграмму, в которой указывалось, что начало атаки — 7 часов 24 июня. Артподготовка должна была начаться в 4 часа 55 минут.

Коротка июньская ночь. Казалось бы, только что стемнело, но вот уже забрезжил рассвет и по верхушкам сосен скользнули первые лучи солнца. Над болотами и Березиной поднимался сизый туман. В лесу тишина. Только на передовой изредка слышалась пулеметно-минометная «перекличка» с противником. Командиры в последний раз проверили готовность подразделений к наступлению, солдаты окончательно подогнали снаряжение.

Близилось время артподготовки. В 300 м от нашего командного пункта на позициях стояла крупнокалиберная артиллерия. Орудийные расчеты заряжали пушки-гаубицы, готовились расчеты гвардейских минометов — «катюш». И вот уже раздалась команда: «Залп!» Взлетели реактивные мины с огненными хвостами и обрушились на врага. Тут же грянул гром артиллерийских орудий. В небе пронеслись самолеты. Со стороны противника донес-

лись мощные раскаты взрывов — это рвались снаряды, мины и авиационные бомбы. Земля гудела.

— Василий Сидорович! В порядке ли связь? — справился я у начальника штаба корпуса генерал-майора танковых войск Савченко.

— Да, все в боевой готовности. Командиры ждут сигнала на выдвижение в исходное положение.

— Пожалуй, самый раз. Подавайте сигнал.

С оперативной группой мы поехали на командный пункт командующего 65-й армией. Начальник штаба остался на КП. Я просил его доложить мне по телефону о выходе первого эшелона корпуса на исходные позиции и проследить за тем, чтобы разведчики бригад двигались в боевых порядках стрелковых частей, а с прорывом первой позиции немецко-фашистских войск вырвались вперед. Отряды обеспечения движения должны были выйти на свои направления и после пехоты восстанавливать маршруты бригад.

Через 10 минут мы уже были на наблюдательном пункте командарма. Павел Иванович Батов спокойно прохаживался между землянкой и большой сосной, на которой оборудовали и хорошо замаскировали площадку для наблюдения. В капонирах стояли машины с радиостанциями. Доложил:

— Товарищ генерал! Первый эшелон занимает исходное положение.

— А второй?

— Начнет движение по сигналу на ввод в прорыв.

— Хорошо. Согласен. Располагайтесь, Михаил Федорович. Время еще есть. Противник молчит. Он ошеломлен внезапным ударом.

Через 30 минут начальник штаба корпуса доложил, что исходное положение занято благополучно.

Во время артиллерийской подготовки, продолжавшейся 125 минут, в частях состоялись короткие митинги. На них читалось обращение Военного совета 1-го Белорусского фронта. Личный состав воспринял его с огромным воодушевлением. Под развернутыми боевыми знаменами гвардейцы клялись не жалеть сил и жизни для разгрома врага.

С наблюдательного пункта было видно, как артиллерия снова сосредоточила огонь по переднему краю противника. Еще один удар «катюш», и в атаку пошли наша славная пехота и танки непосредственной поддержки пехоты.

Занимая одну линию окопов за другой, части 18-го стрелкового корпуса к 14 часам 24 июня достигли рубежа ввода танкового корпуса в прорыв. Командарм приказал:

— Пора. Настало и ваше время, товарищ Панов. Вперед! Желаю удачи!

По радио передал условный сигнал: «Река течет». Повторил его трижды. Командиры бригад доложили, что сигнал приняли, приказ выполняется.

Головные танковые батальоны на полном ходу колоннами начали переходить по узким гатям и заболоченным участкам, затем развернулись и вступили в бой, ведя губительный огонь из пушек и пулеметов по противнику. На правом фланге успешно преодолели трудный участок пути два батальона танков 16-й гвардейской танковой бригады и начали переправляться тяжелые самоходно-артиллерийские установки. На левом фланге, где по бревенчатому настилу двигались танки 17-й гвардейской танковой бригады под командованием гвардии полковника Б. В. Шульгина, успел пройти только первый батальон. Перед головным же танком второго батальона разрывом снаряда разрушило настил, и танк медленно погрузился в трясину. Экипажу удалось выбраться через верхний люк, но путь для движения последующих танков был закрыт. Бригада оказалась разорванной.

Пришлось временно задержать переправу остальных танков 16-й бригады, освободив маршрут для выхода главных сил 17-й бригады на свое направление. Первому же ее батальону приказывалось не останавливаться, а совместно с 1-й гвардейской мотострелковой бригадой выполнять поставленную задачу.

Маневр с переменой маршрутов был проведен четко: 16-я и 17-я бригады вскоре вышли на свои направления. За это время мотострелковая бригада даже смогла решительно атаковать противника на своем направлении. Командир бригады радировал:

— Батальон Полякова уничтожил самоходное орудие типа «фердинанд», два таких же захвачены совершенно исправными. Овладел Глинищем и Заельницким мостом, продвигаюсь на Гомзу.

— Действуете правильно. Подтягивайте артиллерию и наращивайте темп наступления,— ответил я ему.

Летчики 2-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии под командованием генерала Г. О. Комарова уничтожали оставшиеся очаги сопротивления противника, подавляли его артиллерию.

Но вот досада — на правом фланге замедлилось наступление 16-й гвардейской танковой бригады. Оказывается, отступающие гитлеровцы взорвали дамбу и пройти теперь невозможно.

Гвардейцы-саперы из 121-го гвардейского саперного батальона под командованием подполковника Д. Ф. Гуддыма, работая под огнем врага, через час обеспечили переправу.

А пока велись работы на дамбе, командир 16-й гвардейской танковой бригады полковник П. А. Лимаренко перегруппировал силы, организовал массированный огонь по противнику с места 152-мм самоходно-артиллерийских установок. Затем бригада во взаимодействии с подошедшей 44-й гвардейской стрелковой дивизией энергичной атакой к 21 часу освободила д. Чернин.

Бои не прекращались и ночью. Преодолевая упорное сопротивление врага, части корпуса в ночных условиях овладели населенными пунктами Слободка и Романищи. Разведка донесла, что гитлеровцы начинают выводить части из района Паричей в западном направлении. Тогда мы решили 17-й гвардейской танко-

вой бригадой нанести удар на Тумаровку, Малимоны и отрезать противнику путь отхода. Остальными силами корпуса овладеть Черными Бродами и ст. Пильня, перерезать железную дорогу, идущую на Бобруйск. В дальнейшем наступать на север в направлении ст. Брожа, Глебова Рудня, чтобы окончательно отрезать пути отхода паричской группировке и создать условия для маневра на окружение всей бобруйской группировки гитлеровцев. Для этого потребовалось ввести в бой второй эшелон корпуса — 15-ю гвардейскую танковую бригаду.

Враг оказывал упорное сопротивление. Объяснялось это тем, что ст. Пильня являлась базой снабжения войск противника, действовавших в районе Паричей и южнее. В лесах вокруг станции находились склады с боеприпасами, продовольствием, вооружением и другим военным имуществом. Кроме отходившей 35-й пехотной дивизии, враг подтянул сюда свежие части: 728-й пехотный батальон, 1008-й охранный батальон, бронепоезд, до 20 танков 20-й танковой дивизии и три 305-мм орудия, доставленные из Бобруйска [6].

Вся тяжесть этих боев легла на 1-ю гвардейскую мотострелковую бригаду под командованием Героя Советского Союза гвардии полковника Г. Н. Филиппова и 15-ю гвардейскую танковую бригаду под командованием гвардии полковника К. Г. Кожанова. Оба офицера были опытными, храбрыми командирами, участниками боев на Волге, под Орлом.

Несмотря на большие трудности, наступление развивалось в высоких темпах. Противник потерял инициативу и вынужден был оставлять один населенный пункт за другим. К 15 часам 25 июня наши войска после короткой, но мощной артиллерийской подготовки овладели Черными Бродами и ст. Пильня, уничтожив много живой силы и техники противника. Были захвачены склады с различными боеприпасами, эшелон с продовольствием и бронепоезд.

В этом бою подвиг совершил экипаж танка гвардии лейтенанта Д. Е. Комарова. Вот как это было.

...Шел ожесточенный бой за ст. Пильня. Танк гвардии лейтенанта Комарова вырвался вперед и уничтожал пехоту врага. Гитлеровцам удалось поджечь машину. В это время Комаров увидел вражеский бронепоезд, пытавшийся отойти в свой тыл.

— Полный ход вперед! Бей по колесам! — скомандовал офицер механику-водителю. Сержант М. А. Бухтуев разогнал горящий танк и тараном сбил бронепоезд с рельсов, не дав ему уйти. Горящий танк замер возле него.

Указом Президиума Верховного Совета СССР танкисты Д. Е. Комаров и М. А. Бухтуев посмертно удостоены высокого звания Героя Советского Союза [7].

[6] Архив МО СССР, ф. 659, оп. 206 394, д. 22, л. 151.
[7] Архив МО СССР, ф. 659, оп. 492 484, д. 1, л. 101; оп. 382 864, д. 1, лл. 101, 102, 103.

Одновременно с освобождением ст. Пильня 16-я гвардейская танковая бригада во взаимодействии с 44-й гвардейской стрелковой дивизией, сломив сопротивление захватчиков, освободили д. Кнышевичи. Это произошло так.

Танковый взвод гвардии лейтенанта Н. И. Каменкина был послан в разведку. Фашисты, засевшие в Кнышевичах, открыли по нему артиллерийский огонь. Тогда находившийся в составе взвода парторг роты коммунит Коршунов призвал воинов: «Товарищи! У нас есть три грозные боевые машины. Освободим деревню!» Танки ринулись на противника и выбили его из населенного пункта. Взвод удерживал Кнышевичи до подхода главных сил бригады [8]. Этот пример инициативы коммунистов в бою политработники сразу же сделали достоянием всего личного состава корпуса.

После боев 16-я гвардейская танковая бригада перешла во второй эшелон корпуса. Части 44-й гвардейской стрелковой дивизии прикрывали танкистов со стороны паричской группировки. Впоследствии они перешли в резерв командующего 65-й армией.

17-я гвардейская танковая бригада своевременно вышла в район Тумаровки и преградила путь отхода паричской группировке врага.

1-я гвардейская мотострелковая и 15-я гвардейская танковая бригады, не задерживаясь в районе ст. Пильня, устремились к ст. Брожа и Глебовой Рудне. Им нужно было преодолеть 25—30 км лесисто-болотистой местности. Железнодорожный путь на участке Пильня — Брожа противник подготовил к взрыву: на каждом стыке рельсов прикрепил толовые шашки, по всему пути проложил запальный шнур. На маршруте, по которому наступала 15-я гвардейская танковая бригада, фашисты поставили поперек дороги тягачи, повозки, автоцистерны, зажгли все это, а обходы заминировали и оставили автоматчиков для прикрытия. Наши воины уничтожили автоматчиков и разминировали путь. Саперы извлекли 200 мин. Замысел врага был сорван.

В течение ночи гвардейцы-танкисты преодолели все препятствия и к утру 26 июня вышли в район Брожа, Глебова Рудня. Захватили мост через канал, соединяющийся с Березиной. Этим был окончательно отрезан путь отхода гитлеровцам из района Паричей. Создались условия для окружения бобруйской группировки.

При подходе к железнодорожной станции Брожа разведчики услышали громкие крики и плач детей. Завязался бой, в результате которого воинам батальона под командованием гвардии капитана И. Г. Кобякова из 1-й гвардейской мотострелковой бригады удалось отбить у врага 22 вагона с советскими детьми в возрасте 8—13 лет (преимущественно мальчики). Так были избавлены от фашистской кабалы около 700 советских детей.

[8] Архив МО СССР, ф. 659, оп. 75 643, д. 1, л. 250.

К середине дня 26 июня оперативная группа прибыла в район Брожи, а затем сюда же был переведен и весь командный пункт корпуса. 16-я гвардейская танковая бригада дислоцировалась также в этом районе. 17-я гвардейская танковая бригада в течение 25-го и первой половины 26 июня оставалась в районе Тумаровки, отбив семь яростных контратак врага. В 13 часов ей было приказано выйти в район д. Брожа.

Воспользовавшись близостью расположения, я собрал днем командиров и начальников политотделов бригад, кроме 17-й, и заслушал их краткие доклады о состоянии частей. Штаб корпуса организовал разведку и охранение, ведь мы находились в оперативной глубине обороны противника, далеко оторвались от своих войск, и поэтому требовалась особая бдительность. Я объявил о дальнейших действиях по окружению бобруйской группировки гитлеровцев. Мы намечали нанести главный удар в направлении Богушевки, ст. Мирадино, Сычкова, Шаткова, отрезать врагу пути отхода, а затем наступать на Бобруйск с запада и северо-запада. В соответствии с этим замыслом были поставлены задачи бригадам.

Такая личная встреча с руководящим составом бригад была очень полезна, поскольку наступал новый, очень важный этап боевых действий корпуса и необходимо было указать на положительные стороны и ошибки в предыдущих боях, надежнее организовывать взаимодействие. В присутствии командиров бригад решены были эти насущные вопросы.

В это же время шло пополнение горючим и боеприпасами, части приводились в порядок. В 18 часов бригады возобновили наступление. К рассвету 27 июня 1-я гвардейская мотострелковая бригада уже наступала на Киселевичи, а 16-я гвардейская танковая бригада овладела ст. Мирадино и д. Сычково. Удар был настолько стремительным и неожиданным, что фашисты буквально бросили все на дороге. Но они не могли смириться с потерей ст. Мирадино и д. Сычково, так как лишались путей, связывающих их с Минском.

Вражеская пехота при поддержке бронепоезда, шести штурмовых орудий и почти двух артиллерийских дивизионов перешла в контратаку на ст. Мирадино. Танкисты во взаимодействии с мотострелками отбросили гитлеровцев. Тогда враг решил проверить прочность наших боевых порядков в другом месте, контратакуя вдоль шоссейной дороги из Бобруйска на Сычково. Шел кровопролитный бой. Фашистские захватчики десять раз переходили в контратаку, но гвардейцы выстояли и удержали Сычково.

В боях за ст. Мирадино и Сычково было уничтожено 1179 вражеских солдат и офицеров, 76 пулеметов, 201 миномет, 40 пушек, 11 танков, 9 бронемашин, 151 автомашина, 146 мотоциклов, 5 самоходных орудий, 2 бронепоезда. Наши части захватили 11 пушек, 11 минометов, 79 пулеметов, самолет, 4 бронемашины,

128 автомашин, 120 мотоциклов, 180 железнодорожных вагонов, 4 паровоза, 10 складов с боеприпасами, продовольствием и вещевым имуществом. Было взято в плен 196 гитлеровцев [9].

Лишившись возможности вырваться из Бобруйска по железной и шоссейной дорогам, немцы устремились по дороге, идущей вдоль Березины в северо-западном направлении. Закрыть эту щель и захватить мост через Березину у Шаткова, куда устремился наступавший с востока 9-й танковый корпус, было приказано танковому батальону гвардии капитана Н. А. Изюмова с автоматчиками под командованием гвардии капитана И. И. Голоколенко. Капитан Изюмов собрал бойцов, разъяснил им задачу и призвал биться с врагами по-гвардейски.

Так они и сражались.

Пытаясь вырваться из окружения, гитлеровцы бросились вдоль реки к мосту через Березину. Дорога была запружена пехотой, кавалерией, повозками, машинами. Наши танкисты и автоматчики, открыв сильный огонь, ринулись наперерез захватчикам. Отбивая ожесточенные контратаки противника, они упорно продвигались к цели.

Вражеский снаряд, пробив броню машины, ранил в обе ноги капитана Изюмова. Истекающий кровью офицер не потерял мужества и самообладания. Он сполз на боеукладку и, приказав командиру орудия наблюдать за полем боя и докладывать обстановку, руководил боем по радио. Несмотря на сильный огонь вражеских батарей, защищавших подходы к мосту, гвардейцы прорвались к реке. В это время попавший в танк второй снаряд смертельно ранил в голову отважного офицера-коммуниста Н. А. Изюмова. Узнав о гибели любимого командира, дравшегося с гитлеровцами до последнего дыхания, танкисты и автоматчики с новой силой обрушились на противника. Они разгромили вражеские батареи и овладели мостом через Березину. Этим было завершено окружение бобруйской группировки фашистов и обеспечена переправа подходивших с востока танкистов 9-го танкового корпуса генерала Б. С. Бахарова.

Верный сын Советской Родины Н. А. Изюмов был одним из ветеранов корпуса. Он сражался с фашистскими захватчиками под Москвой, Сталинградом, на полях Орловщины и в лесах Белоруссии. За мужество и отвагу, проявленные при выполнении боевой задачи, Н. А. Изюмову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1944 г. было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Таким образом, 27 июня — гораздо раньше, чем предусматривалось планом фронта,— совместными действиями 1-го гвардейского и 9-го танковых корпусов фронт окружения вокруг бобруйской группировки противника был замкнут. Но окружить — еще не значит уничтожить.

[9] Архив МО СССР, ф. 659, оп. 206 394, д. 22, лл. 157,158.

Окруженный враг повышает свою активность, наращивает сопротивление. Бои обычно принимают ожесточенный характер. Так было и в Бобруйской операции. Фашисты противопоставили нашему корпусу четыре пехотные и одну танковую дивизии, заняв оборону на подступах к городу фронтом на запад и северо-запад.

Для усиления удара по Бобруйску 15-я гвардейская танковая бригада была переведена в район Сычкова. К исходу дня 27 июня она стремительно атаковала врага вдоль шоссе Сычково — Бобруйск и овладела д. Еловики.

В этом бою автоматчик старший сержант С. В. Тарасов заметил, что из блиндажа бьет станковый пулемет, мешающий продвижению роты. Он по-пластунски прополз метров 300 и бросил в блиндаж противотанковую гранату. Мощный взрыв — вражеский пулемет замолчал, а рота продвинулась вперед. За смелость и находчивость комсомолец С. В. Тарасов был награжден орденом Славы III степени [10].

Командир отделения автоматчиков гвардии старший сержант В. А. Косачев со своим отделением ворвался в лагерь военнопленных, захватил немецкого офицера — коменданта лагеря, разоружил охрану и освободил 180 советских граждан [11].

За ночь части пополнили запасы боеприпасов и горючего; с рассветом 28 июня корпус начал атаку Бобруйска. В первой половине дня наши танковые и мотострелковая бригады подошли к Бобруйску, овладели ст. Бобруйск и завязали уличные бои.

Вспоминается эпизод, который мог окончиться трагически. Около 10 часов 28 июня я выехал в 16-ю гвардейскую танковую бригаду. Вышел на опушку леса в 5 км западнее Бобруйска, чтобы разобраться в обстановке на поле боя. Метрах в 20 начиналось несжатое ржаное поле. Со мной находились адъютант и автоматчик. Мы обратили внимание, что в этом месте никто не стреляет. Не успел я осмотреться, как метрах в 40 от нас во ржи с криками поднимается цепь гитлеровцев с автоматами, без мундиров, с закатанными рукавами рубашек. По всему видно — пьяные офицеры.

В этот момент подоспевший заместитель начальника штаба бригады гвардии подполковник В. И. Стрюков открыл огонь по врагу из ручного пулемета и очень удачно. Адъютант и автоматчик бросили гранаты и открыли огонь из автоматов. Вражеская цепь залегла. Мы только слышали многоголосые стоны. Подошел танк штаба бригады и тоже открыл стрельбу по фашистам.

Потом выяснилось, что мы вышли в промежуток между 15-й и 16-й гвардейскими танковыми бригадами, в котором не было наших частей. Гитлеровцы и хотели проскользнуть в эту щель.

[10] Архив МО СССР, ф. 659, оп. 81131, д. 2, л. 80.
[11] Там же, оп. 75 643, д. 1, л. 242.

Если бы не подоспел подполковник В. И. Стрюков, не миновать бы нам рукопашной с превосходящими силами противника. Но, к счастью, все обошлось благополучно.

В середине дня стало известно, что из Минска на выручку бобруйской группировке спешно выдвигаются значительные силы гитлеровцев. В этой обстановке использование танкового корпуса в уличных боях за Бобруйск вряд ли было целесообразно. Но отвести корпус от Бобруйска было нельзя, так как стрелковые части еще не подошли.

В корпус прибыл командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-лейтенант танковых войск Г. Н. Орел и от имени командующего 1-м Белорусским фронтом приказал: бой за город не вести, по мере подхода стрелковых дивизий 65-й армии выводить бригады корпуса из боя, все усилия направить на разгром немецко-фашистских войск, двигавшихся из Минска.

Мною было принято решение: 17-ю гвардейскую танковую бригаду с полком истребительной артиллерии, самоходно-артиллерийским полком и саперным батальоном выслать в качестве передового отряда в направлении Осиповичи — Пуховичи с задачей захватить рубеж Пуховичи — Марьина Горка и удерживать до подхода главных сил корпуса, не допустив врага к окруженным войскам. Мотоциклетному батальону приказывалось продолжать разведку в том же направлении. Я с оперативной группой следовал за передовым отрядом. Начальник штаба корпуса должен был выводить бригады из боя и направлять их за 17-й гвардейской танковой бригадой.

Однако быстро осуществить этот маневр не представлялось возможным. 15-я и 16-я гвардейские танковые бригады под прикрытием 356-й стрелковой дивизии сравнительно быстро вышли из боя и сосредоточились в лесу западнее Сычкова. С большим трудом только к 3 часам 29 июня 1-й гвардейской мотострелковой бригаде удалось оторваться от противника.

Как только гитлеровцы обнаружили выход из боя танковых бригад, они при поддержке танков и самоходных орудий предприняли отчаянную попытку вырваться из окружения. Впереди пошли ударные батальоны из офицеров, изрядно для храбрости подвыпивших, а за ними двинулось из Бобруйска 16-тысячное войско. Враг теснил стрелковые части.

Пришлось силами мотострелковой бригады с 1001-м самоходно-артиллерийским и 455-м минометным полками образовать новое кольцо окружения врага на рубеже р. Волчанка. А затем силами 105-го стрелкового корпуса, 15-й и 16-й гвардейскими танковыми бригадами был нанесен мощный удар по бобруйской группировке. Бой длился 29 и 30 июня. Вражеская группировка была разбита.

Воины проявляли массовый героизм. Вот несколько примеров.

Командир танкового взвода коммунист лейтенант Н. А. Федо-

ров под сильным артиллерийским огнем противника разминировал мост и в числе первых ворвался в Бобруйск [12].

Старший лейтенант Г. В. Шаров с пятью автоматчиками умелыми действиями захватил в плен 250 гитлеровцев [13].

Самоходно-артиллерийская батарея под командованием коммуниста старшего лейтенанта Ф. П. Сычева уничтожила до 200 фашистских захватчиков, 5 артиллерийских батарей, 20 автомашин, 5 наблюдательных пунктов и захватила 2 тяжелые минометные батареи врага [14]. Гвардии младший сержант Л. А. Тверетинов вместе со своими товарищами уничтожил 117 вражеских солдат и офицеров, 3 дзота, 5 ручных пулеметов, подбил 2 бронепаровоза и взял в плен 15 гитлеровцев [15].

Мелкие группы гитлеровцев, разбежавшиеся по лесам, пытались прорваться на запад, но они были либо уничтожены, либо пленены. Только 1-я гвардейская мотострелковая бригада захватила в плен 2900 солдат и офицеров противника [16].

А тем временем к утру 29 июня 17-я гвардейская танковая бригада под командованием гвардии полковника Б. В. Шульгина, встретив на рубеже р. Свислочь (80 км северо-западнее Бобруйска) 12-ю немецкую танковую дивизию, с ходу форсировала реку вброд и овладела населенным пунктом Лапичи. Брод на Свислочи отыскал коммунист лейтенант Ф. Ф. Симаков. Он же первым и переправился, а за ним и вся рота коммуниста старшего лейтенанта П. А. Губанищева. При взятии Лапичей Губанищев вырвался вперед. Противнику удалось подбить командирский танк. Из экипажа уцелел только офицер. Он выбрался из изуродованной машины и огнем из автомата продолжал уничтожать фашистов. У Губанищева иссякли патроны, ему угрожал плен, но коммунист не сдался. Он сражался до конца и пал смертью храбрых. Когда бойцы нашли его тело, оно все было исколото ножами [17]. Танкисты поклялись отомстить за командира. Рота Губанищева надежно обеспечила переправу всей бригаде.

Итак, 29 и 30 июня корпусу пришлось вести бои с перевернутым фронтом, т. е. на внутреннем фронте в районе Бобруйска по уничтожению окруженной группировки, одновременно вести встречный бой с 12-й танковой дивизией противника на внешнем фронте в районе Лапичей. Оба фронта отстояли друг от друга на 80 км. В этом трудном и сложном бою наши командиры и штабы успешно справились с управлением войсками.

Конечно, рассредоточение сил и средств на два фронта ослабляет ударные возможности корпуса и усложняет управление боем. Поэтому танковый корпус целесообразнее было использо-

[12] Архив МО СССР, ф. 659, оп. 382 684, д. 1, л. 73.
[13] Там же, оп. 206 394, д. 22, л. 160.
[14] Там же, оп. 75 643, д. 1, л. 293.
[15] Там же, оп. 75 643, д. 1, л. 213.
[16] Там же, оп. 206 394, д. 22, л. 162.
[17] Там же, оп. 382 864, д. 1, л. 73.

вать на одном из фронтов окружения — либо на внутреннем, либо на внешнем. Выгоднее, конечно, на последнем.

После того как с бобруйской группировкой было покончено, главные силы корпуса (1-я гвардейская мотострелковая, 15-я и 16-я гвардейские танковые бригады со средствами усиления) подошли к Свислочи. 17-я гвардейская танковая бригада активными действиями сковывала противника в районе Лапичей. Остальные силы корпуса наносили удар в обход Свислочи в направлении Тальки, Марьиной Горки и овладевали рубежом Пуховичи, Марьина Горка. Это направление было выгодно тем, что главные силы корпуса выходили в тыл лапичской группировки гитлеровцев.

Незаметно для врага саперы подготовили переправы через р. Тальку, находившуюся на нашем пути. Ночью мы произвели внезапный мощный артиллерийско-минометный налет. Под прикрытием огня части переправились через реку и атаковали гитлеровцев.

Танковый батальон гвардии капитана К. И. Наумова, прикрываясь лесом, зашел фашистам в тыл, внезапно атаковал их и захватил железнодорожную станцию Талька. Этот маневр и стремительная атака в сочетании с метким огнем ошеломили врага, и он в панике бежал. Смелые и умелые действия батальона открыли дорогу для наступления главным силам. Гвардии капитан К. И. Наумов был удостоен высокого звания Героя Советского Союза [18].

Не выдержав нашего удара на рубеже р. Тальки, противник отступал в направлении Марьиной Горки, ведя сдерживающие бои и прикрываясь минно-взрывными заграждениями.

Сбивая заслоны гитлеровцев, танкисты 15-й гвардейской танковой бригады во второй половине дня 2 июля подошли к рубежу р. Титовки (Цитовки). Мост у Зацитовской Слободы оказался разрушенным, поэтому продвижение застопорилось. И тут большую роль сыграл батальон под командованием гвардии майора И. Г. Кобякова. Будучи в передовом отряде мотострелковой бригады, он буквально на плечах противника ворвался в с. Марьина Горка. Майор с несколькими автоматчиками захватил переправу, быстро разминировал ее, наши части смогли преодолеть по ней водную преграду.

Гвардии майор И. Г. Кобяков проявил себя исключительно смелым и решительным командиром. За смелость и героизм ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Иван Григорьевич Кобяков служит в Вооруженных Силах и по сей день. Он окончил после войны военную академию, стал генералом.

В Марьиной Горке наши части освободили 80 советских детей в возрасте 8—12 лет. Перед глазами гвардейцев предстали живые скелеты, обтянутые кожей, дети едва держались на ногах,

[18] Архив МО СССР, ф. 659, оп. 382 864, д. 1, л. 102.

посинели от большой потери крови. Оказалось, что гитлеровцы превратили детей в доноров. Изуверы брали детскую кровь для своих раненых, не считаясь с жизнью маленьких пленников.

Эта страшная картина еще больше усилила ненависть воинов к врагу и их стремление скорее изгнать гитлеровскую нечисть с советской земли.

Утром 3 июля 15-я гвардейская танковая бригада ударом с запада овладела д. Пуховичи, отбросив противника в северо-восточном направлении.

Таким образом, главные силы корпуса вышли в тыл 12-й танковой дивизии немцев, поставив ее под угрозу окружения. Остатки дивизии, преследуемые 17-й гвардейской танковой бригадой, начали поспешный отход в направлении Червеня (25 км северо-восточнее Пуховичей).

С рубежа Пуховичи, Марьина Горка танковый корпус перешел к преследованию фашистских захватчиков в направлении к Минску. В передовом отряде действовала 16-я гвардейская танковая бригада.

15-я гвардейская танковая бригада двигалась за передовым отрядом, мотострелковая — наступала левее, вдоль железной дороги, а 17-я — переходила во второй эшелон корпуса. В таком боевом порядке корпус стремительно двинулся вперед.

Гитлеровцы пытались задержать корпус на рубеже Владимировки, но наши части с ходу разбили врага и продолжали преследовать его. Тогда фашисты предприняли новую попытку затормозить движение гвардейцев — на Свислочи, у местечка Дукора, они подожгли мост. Ох, эта Свислочь! На пути из Бобруйска на Минск она четыре раза преграждала путь. Наши мотоциклисты успели потушить пожар, и танки переправились по мосту, отбросив противника в северо-восточном направлении.

Впереди — стык дорог, идущих из Могилева и Бобруйска на Минск. Кто раньше захватит его, тот и окажется в выгодном положении. Танкисты П. А. Лимаренко упредили фашистов.

В двух километрах от дороги были развернуты самоходно-артиллерийские батареи с автоматчиками. Под их прикрытием две гвардейские танковые бригады (15-я и 16-я) в 13 часов 3 июля с юга ворвались в Минск. Противник, преграждавший путь корпусу, был отброшен в «котел» восточнее столицы Белоруссии. В восточной части Минска уже вели бои войска 3-го Белорусского фронта.

Преследование противника завершилось успешно. За 5 часов с боями было пройдено 80 км. Столь высокий темп был достигнут благодаря большой ударной силе корпуса, глубокому построению его боевого порядка, непрерывному и четкому управлению боем со стороны командиров и штабов, своевременному упреждению противника при захвате выгодных рубежей и переправ на водных преградах, непрерывному ведению разведки на широком фронте.

В это время наш корпус уже вышел в полосу 3-го Белорусского фронта. Поэтому распоряжением штаба 1-го Белорусского фронта корпус к исходу дня 5 июля был сосредоточен в лесу 60 км южнее Минска.

В этот период армии правого крыла 1-го Белорусского фронта успешно развивали наступление. Танковые и механизированные корпуса своими ударами, как клиньями, дробили фронт противника на части и, заходя ему в тыл, не давали оседать на оборонительных рубежах. Ту же роль должен был дальше выполнять и наш корпус.

На него была возложена задача: упредить врага в выходе на р. Щару, не дать ему организовать там оборону. Но в результате значительных потерь, понесенных в предыдущих боях, в трех танковых бригадах насчитывалось 46 боеспособных танков. Они были сведены в одну 17-ю гвардейскую танковую бригаду. Полученную задачу пришлось выполнять одной танковой, мотострелковой бригадами и корпусными частями. В этом составе, наступая в общем направлении Несвиж, Молчадь, корпус форсировал р. Щару и овладел г. Слонимом во взаимодействии с 18-м стрелковым корпусом 65-й армии и конно-механизированной группой генерала И. А. Плиева.

При выполнении задачи особо отличился передовой отряд под командованием лейтенанта И. М. Сухомлина. Действуя впереди главных сил бригады, отряд должен был перерезать железную дорогу Лида — Барановичи, с ходу овладеть ст. Молчадь и к исходу 8 июля захватить мост через Щару у д. Скрунзе. Этим создавались условия для выхода наших частей в тыл гитлеровцев.

Глубокой ночью, собрав роту танков и десант автоматчиков по тревоге, офицер объяснил личному составу боевую задачу и повел отряд по маршруту. Благополучно переправились через реку, перерезали железную дорогу и направились к ст. Молчадь. На пути находился населенный пункт Мицкевичи. Дозор установил, что фашисты превратили его в противотанковый район.

Как здесь поступить? Атаковать в развернутом строю? Можно понести большие потери. Предположив возможность отхода на этом направлении остатков 4-й немецкой дивизии, лейтенант Сухомлин решил ввести гитлеровцев в заблуждение: сблизиться с ними в походной колонне ночью — с открытым командирским люком, с периодической сигнализацией фарами головного танка.

Так и было сделано. Вражеские артиллеристы, приняв машины передового отряда за свои, огня не открыли. Как только колонна вошла в расположение гитлеровцев, танки развернулись и, вдавив в землю пять орудий с их прислугой, без потерь прорвались на противоположную окраину д. Мицкевичи. А затем отряд овладел и Молчадью.

Внезапное появление советских танков вызвало среди фашистских вояк панику, они разбежались, бросив все эшелоны. Придя в себя, они вскоре предприняли отчаянную контратаку. Но наши

воины уже успели занять круговую оборону и встретили врага губительным огнем. Гитлеровцы девять раз пытались вернуть столь важную для них железнодорожную станцию, но всякий раз, неся большие потери, откатывались назад.

Через восемь часов подошли главные силы бригады, и фашисты здесь были окончательно разгромлены. Наступавшие уничтожили 3 самоходно-артиллерийских орудия, танк, 7 противотанковых орудий, 11 минометов, 26 автомашин с горючим и различными грузами, захватили 3 склада с боеприпасами и продовольствием, железнодорожный эшелон с боевой техникой, вооружением и награбленным гитлеровцами имуществом [19].

Наступление продолжалось. Отряд лейтенанта И. М. Сухомлина, стремительно продвигаясь в направлении Козловищины, захватил врасплох две отходящие артиллерийские батареи противника и разгромил их. На рассвете 9 июля отряд подошел к р. Щаре, но оказалось, что мост у д. Скрунзе взорван еще в 1941 г. Тогда отряд двинулся на Слоним, но в этом бою Сухомлин был тяжело ранен. Удачные действия отряда Сухомлина открыли путь на г. Слоним. За подвиги молодой офицер удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Орден Ленина и Золотую Звезду Героя ему вручил в Кремле лично Михаил Иванович Калинин. И. М. Сухомлин сейчас по-прежнему в армии, он полковник. Офицер непрерывно обогащает свои знания, защитил диссертацию, стал кандидатом военных наук.

Одновременно на Слоним продвигался передовой отряд мотострелковой бригады. Он отыскал брод через р. Щару у д. Кабаки. Саперный взвод под командованием старшего лейтенанта Ш. З. Шабайдулина приступил к оборудованию брода. В это время появилась немецкая легковая машина. Саперы, в том числе солдат А. Г. Попов (ныне инженер-майор), залегли в кустах по обе стороны дороги. Когда же машина подошла, они выбежали на дорогу и дали водителю сигнал остановиться, подкрепив его длинной автоматной очередью поверх машины. Дверца машины открылась, и из нее вышел начальник инженерных войск 9-й немецкой армии генерал-майор Аурил Шмидт.

На допросе он показал, что утром 9 июля выехал из Волковыска на рубеж р. Щары, чтобы проверить мосты и наметить оборонительные рубежи для занятия их войсками. Из показаний его стало ясно: штабу 9-й немецкой армии, находившемуся в Волковыске, неизвестно, что войска Красной Армии продвинулись так далеко на запад, связь между частями и соединениями армии потеряна. Выяснилось также, что штаб генерала А. Шмидта еще несколько дней назад попал в окружение советских войск. Самому Шмидту с несколькими офицерами тогда чудом удалось выбраться из окружения.

[19] Архив МО СССР, ф. 33, оп. 686 043, д. 84, л. 239.

— Может быть, в советском плену я встречу и мой штаб,— невесело заметил Шмидт [20]. Так отвоевался еще один фашистский генерал.

За период боев в тылу противника вспоминается такой эпизод. При подходе к Слониму наши разведчики доложили, что в районе Дятлова (60 км севернее Слонима) противник сбрасывает с самолета на парашютах какие-то грузы. В этот район немедленно был выслан мотоциклетный батальон. Преодолев сопротивление мелких групп противника, он захватил грузы. В них оказались боеприпасы и автомобильное горючее, в котором мы очень нуждались. Его мы использовали для заправки автомашин корпуса.

После освобождения г. Слонима корпус был выведен в резерв фронта.

Мне хотелось бы подвести некоторые общие итоги боевых действий корпуса в Белорусской операции.

Начав боевые действия 24 июня с рубежа, расположенного юго-восточнее Паричей, корпус завершил их 9 июля западнее г. Слонима. За это время с боями было пройдено около 650 км при среднем темпе наступления — 45—50 км в сутки, а при преследовании противника темп был еще выше. На первом этапе, когда корпус отрезал пути отхода бобруйской группировке врага в западном направлении, он прошел 100—115 км со средним темпом 30—35 км в сутки, отрываясь от стрелковых соединений на 30—40 км.

Корпусом был успешно применен такой тактический прием, как рассечение сплошного фронта противника на отдельные группировки с последующим уничтожением их по частям. Примером этому может служить выход 17-й гвардейской танковой бригады в район д. Тумаровки, а затем захват моста через канал у д. Глебова Рудня, когда полностью отсекалась паричская группировка гитлеровцев от бобруйской.

Следует отметить, что корпус при вводе в прорыв надежно обеспечивался армейской артиллерийской группой и артиллерией 18-го стрелкового корпуса, но с отрывом от стрелковых соединений он лишался этой поддержки и должен был обходиться своей и приданной артиллерией. При этом оказалось, что артиллерия использовалась преимущественно децентрализованно. Так, минометный полк, как правило, придавался мотострелковой бригаде, самоходно-артиллерийские полки — танковым бригадам, а весьма эффективный по тем временам дивизион реактивных гвардейских минометов использовался только по указанию командира корпуса. В оперативной глубине в распоряжении командира корпуса всегда сохранялся артиллерийский резерв, состоявший из одного полка самоходно-артиллерийских установок и одного полка истребительной противотанковой артиллерии. Резерв этот использовал-

[20] Архив МО СССР. ф. 659, оп. 206 394, д. 22, л. 170.

ся для отражения контратак танков противника, а также для подавления его противотанковой артиллерии.

В этой операции большую роль сыграли саперы корпуса. Достаточно назвать такие цифры: саперы сняли на дорогах 1790 противотанковых мин, благодаря чему за всю операцию был лишь один случай подрыва танка на мине противника; они разминировали 17 мостов общей длиной в 410 погонных метров, обезвредили 118 фугасов, построили заново 21 мост общей протяженностью в 136 м, усилили и восстановили 593 погонных метра мостов, способных пропускать грузы весом в 15—30 т, уложили около 600 м хворостяного настила на заболоченных участках. Почти все эти работы выполнялись под огнем противника.

Уже отмечалось, что корпус имел значительные потери в танках и самоходных установках: безвозвратно выбыли из строя 123 боевые машины (37%), требовали капитального ремонта 53 (16,5%), среднего ремонта 153 машины (46,5%). Выполнить столь большой объем работ силами ремонтных подразделений корпуса было, конечно, невозможно. Поэтому ремонтные органы фронта взяли на себя часть среднего ремонта и полностью капитальный.

Ремонтные подразделения корпуса вернули в строй после среднего ремонта 105 боевых машин и помогли экипажам осуществить текущий ремонт 133 машин [21]. В этой большой и напряженной работе хорошо проявили себя инженер-майор С. С. Инякин, капитан Ю. И. Грушев и бригадир ремонтной бригады солдат И. П. Струев.

В Белорусской операции командиры и штабы обогатили свой опыт организации ввода танкового корпуса в прорыв в сложных условиях лесисто-болотистой местности, приобрели ценные практические навыки в управлении войсками в различных видах боя и формах маневра в условиях глубокой операции.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1944 г. за успешное выполнение заданий командования в боях с фашистскими захватчиками, за овладение городом и крупным железнодорожным узлом Бобруйск и проявленные при этом доблесть и мужество награждены орденом Суворова II степени: 17-я гвардейская Орловская танковая Краснознаменная бригада, 15-я гвардейская Речицкая танковая Краснознаменная бригада и 1-я гвардейская Калинковичская мотострелковая бригада [22].

За успешно проведенные бои приказом Верховного Главнокомандующего от 10 июля 1944 г. трем корпусным полкам и саперному батальону было присвоено почетное наименование «Минских».

Присвоение почетных наименований «Минских» и награждение орденом Суворова было встречено гвардейцами с величай-

[21] Архив МО СССР, ф. 659, оп. 81 131, д. 2, лл. 45, 46.
[22] Там же, оп. 206 394, д. 22, л. 181.

шим подъемом и признательностью Коммунистической партии, Советскому правительству за оценку их ратного труда. Большое значение имело это и для воспитания нового пополнения на боевых традициях корпуса.

Еще раньше, осенью 1943 г., участвуя в Гомельско-Речицкой операции, войска корпуса во взаимодействии с соединениями 48-й и 65-й армий освободили г. Речицу. За эти бои корпус был награжден орденом Красного Знамени, а входившим в его состав 15-й и 16-й гвардейским танковым бригадам было присвоено почетное наименование Речицких.

В январе 1944 г. корпус активно участвовал в освобождении белорусского города Калинковичи, за что был награжден орденом Суворова II степени, а 15-я и 17-я гвардейские танковые бригады награждены орденами Красного Знамени. 1-й гвардейской мотострелковой бригаде было присвоено почетное наименование Калинковичской.

В боях за освобождение Белоруссии от фашистских оккупантов советские воины проявили массовый героизм. Постоянно ощущая поддержку и заботу советского народа, мудрое руководство Коммунистической партии, которая уверенно вела страну к победе над гитлеровскими захватчиками, воины день ото дня усиливали удары по врагу и изгнали его за пределы Советской Родины.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

Д. И. СМИРНОВ

121-й СТРЕЛКОВЫЙ КОРПУС В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ

В начале 1944 г. войска 121-го стрелкового корпуса, которыми мне довелось командовать в ту пору, участвовали в операции по овладению крупным опорным пунктом противника г. Жлобин. Операцию осуществляла 3-я армия.

Задача корпуса в этой операции заключалась в обеспечении от возможного флангового удара войск 3-й армии в ходе их наступления на город.

После подготовки и тщательного изучения местности, переднего края и глубины обороны противника войска 121-го стрелкового корпуса в ночь на 24 января заняли исходное для наступления положение и в течение дня продолжали готовиться к атаке. С наступлением темноты 25 января без единого выстрела корпус начал переправу по льду через Днепр. На рассвете 25 января части корпуса внезапно ворвались в первую траншею противника, уничтожили его и вышли на рубеж Тайманово, Могучий, Печеще, Земледелие.

По имевшимся у нас разведывательным данным, в районе г. Быхова находилась группировка противника, которая могла нанести удар по наступавшим нашим войскам. Учитывая эту опасность, я приказал выдвинуть на рубеж Тайманово — Комеричи фронтом на северо-запад противотанковую артиллерийскую

бригаду и отряд под общим командованием храброго и опытного командира полковника Н. М. Панкова.

Как и предполагалось, войскам корпуса в ходе выполнения задачи пришлось отразить ряд сильных контратак пехоты и танков противника в полосе р. Днепр — железная дорога Могилев — Жлобин.

По окончании Жлобинской операции 10 февраля 1944 г., на основании указаний высших инстанций, корпус передал освобожденную им от врага территорию войскам 3-й армии и вновь вернулся на левый берег Днепра, где приступил к подготовке летнего наступления с целью освобождения Белоруссии. Дивизии корпуса получили пополнение. В основном это были 18-летние юноши, почти не знавшие военного дела. Началась напряженная, регулярная работа по обучению нового пополнения. Ротные, батальонные и полковые учения с боевыми стрельбами во взаимодействии с танками и артиллерией составили содержание основной программы, по которой обучались молодые воины.

И вот я был вызван к командующему 50-й армией. Встреча проходила в полосе будущего наступления корпуса. Командарм Иван Васильевич Болдин подробно изложил замысел предстоящей Белорусской операции 2-го Белорусского фронта, существо которой заключалось в следующем: главный удар по могилевской группировке противника наносят войска 49-й армии под командованием генерал-лейтенанта Ивана Тихоновича Гришина. 50-я армия удерживает занимаемую ею полосу обороны и одновременно с этим должна быть готова перейти в наступление, имея один стрелковый корпус во втором эшелоне для ввода его в сражение или в полосе 49-й армии (северный вариант), или в полосе своей армии (южный вариант). Этим корпусом и являлся наш 121-й. В его состав входили: 238-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор Иван Данилович Красноштанов); 139-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Иосифа Константиновича Кириллова; 330-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник В. А. Гусев. С началом наступления корпусу были переданы из 49-й армии 144-я пушечная артиллерийская бригада, 81-й гаубичный артиллерийский полк, 325-й гвардейский минометный полк и армейские — танковые и артиллерийско-противотанковый полки, два саперных батальона. Авиационное и зенитное прикрытие войск корпуса должно было осуществляться распоряжением командующего армией. Особое внимание командиров соединений и приданных частей обращалось на тщательную маскировку во время движения и скрытое расположение войск в районах сосредоточения.

К утру 23 июня 1944 г. войска 121-го стрелкового корпуса вышли в свои районы сосредоточения, в леса южнее населенного пункта Дедня, 3—5 км восточнее р. Прони. А наступление главных сил 2-го Белорусского фронта уже началось. В связи с тем, что в первый день операции войска 49-й армии не вы-

шли к р. Басе, а продвинулись лишь на 8 км, на левом фланге армии со стороны чаусской группировки противника создалась угроза контрудара. Было совершенно ясно, что без уничтожения этой группировки неприятеля дальнейшее продвижение армии не может быть успешным. В этой обстановке командующий 2-м Белорусским фронтом приказал: «Для развития успеха с утра 24 июня 1944 г. ввести в бой 121-й стрелковый корпус по северному варианту, т. е. в полосе наступления 49-й армии».

В течение ночи на 24 июня 139-я стрелковая дивизия по заранее наведенным 62-м стрелковым корпусом мостам в полном составе перешла на западный берег р. Прони. В 15 часов части дивизии, поддержанные танками, артиллерией и авиацией, вступили в бой с противником, ломая его сопротивление, к исходу дня вышли к р. Басе и с ходу ее форсировали. К утру следующего дня подошла и 238-я стрелковая дивизия, которая также переправилась через реку. 330-я стрелковая дивизия в это время, взаимодействуя с частями 38-го стрелкового корпуса 50-й армии, вела бой за освобождение г. Чаусы.

К утру 27 июня 238-я и 139-я стрелковые дивизии главными силами вышли к Днепру, овладели Луполово и с ходу на подручных средствах начали переправу через Днепр: на бочках, воротах, бревнах, связанных в плоты, на рыбацких лодках и просто вплавь. Подразделения и части обеих дивизий с пулеметами, батальонными и полковыми минометами, батальонной и полковой артиллерией к 12 часам переправились через Днепр, но продвигаться дальше не смогли, так как были встречены сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем противника. К сожалению, мы не смогли вместе с пехотой переправить корпусную, армейскую артиллерию, гаубичные артиллерийские дивизионы стрелковых дивизий и танки. Для переправы всех этих средств усиления еще не было закончено строительство моста.

Но чтобы поддержать огнем переправившиеся части, мы выдвинули танки и пушки вдоль шоссе у Днепра на прямую наводку. Подтянута была также сюда и армейская артиллерийская бригада. Она заняла огневые позиции таким образом, что могла вести огонь не только с закрытых позиций, но при необходимости и перейти на стрельбу прямой наводкой. Поддержанные артиллерийским огнем, 238-я и 139-я стрелковые дивизии по пойме Днепра подошли вплотную к Могилеву. Не дожидаясь постройки моста, саперы и выделенные для этой цели нами части начали изготовлять плоты большой грузоподъемности, на которых и переправили дивизионную, противотанковую артиллерию, кроме гаубичной артиллерии дивизий, танков и армейской артиллерии.

К 17 часам части обеих стрелковых дивизий и противотанковая артиллерия заняли исходное положение для штурма Могилева. В 17.30 начался огневой налет. Обстрелу подверглись траншеи и окраины города, где сосредоточились основные силы

врага. Как только прозвучали последние артиллерийские залпы, поднялась в атаку пехота, поддержанная корпусной и армейской артиллерией и огнем танков прямой наводкой с восточного берега Днепра. Вначале атака развивалась успешно. Наши части захватили отдельные дома на окраине города, но дальнейшее их продвижение к центру было остановлено сильным пулеметно-минометным огнем противника.

Пришлось снова заняться организацией боя. Части были пополнены боеприпасами, уточнены задачи артиллерии и танкам. В 21 час после непродолжительной артиллерийской подготовки 238-я и 139-я стрелковые дивизии повторили атаку. К этому времени форсировали Днепр и части 330-й стрелковой дивизии полковника Гусева. На этот раз атака завершилась успешно. Войска трех стрелковых дивизий ворвались в центр Могилева. Всю ночь в городе шли ожесточенные уличные бои.

28 июня в 6 часов утра командиры дивизий генералы Красноштанов, Кириллов и полковник Гусев доложили, что город полностью очищен от врага, взято в плен свыше 3 тыс. солдат и офицеров, захвачен штаб 12-й немецкой пехотной дивизии во главе с ее командиром, а также комендант могилевского укрепленного района. На память приходят интересные подробности пленения командира 12-й пехотной дивизии.

Получив донесение об этом, я приказал доставить пленных на КП. И вот я увидел, как по направлению к командному пункту движется в пешем строю небольшая колонна военнопленных. Ее сопровождает небольшого роста, подтянутый, улыбающийся, с автоматом на груди, солдат. Это оказался 18-летний рядовой 837-го стрелкового полка 238-й стрелковой дивизии Федор Васильевич Ионов [1].

При подходе колонны Ионов доложил: «Товарищ генерал! Вот всех их я взял в плен». В группе находились генералы и около 20 офицеров штаба дивизии. Отсутствовали лишь начальник штаба дивизии и командующий артиллерией.

Ионов рассказал следующее: «Я хорошо знал, как нужно наступать в поле, там все видно и все понятно. Но вот когда мы ворвались в город, прямо скажу, растерялся. Со всех сторон стреляют: то с окна, то из переулка, то с чердаков. Я побежал в первый попавшийся подвал. Вбегаю и вижу — попал прямо немцам в лапы. Что мне было терять?! И тогда подумал: тебе, Ионов, теперь конец, и гитлеровцам должен быть конец. Выхватил из-за пояса гранату и бросил. А куда, сам не знаю. Гитлеровцы все остались живы, но взрыв сделал свое дело. «Хэнде хох!» — командую, в школе учил немецкий язык. Ну, они и подняли руки. Немцы не успели опомниться, как подошли наши солдаты, обезоружили их всех».

[1] В настоящее время он живет в д. Карповке Пестречинского района ТАССР.

Рядовой Ф. В. Ионов был награжден орденом Красного Знамени.

При форсировании Днепра местные жители оказывали Красной Армии всяческое содействие. В поселках Загрудное и Вильчицы, например, старик Петр Казначеев помог найти и собрать переправочные средства и вместе с солдатами переправил на правый берег много оружия и боеприпасов.

Хочется хотя бы коротко рассказать о некоторых наших героях.

Храбро сражались при форсировании Днепра бойцы и командиры 238-й стрелковой дивизии. В боях за д. Нижний Половинный Лог пал смертью храбрых коммунист Дудаков. Он повторил подвиг Матросова.

Командир конной разведки 830-го стрелкового полка 238-й стрелковой дивизии старший лейтенант Николай Иванович Яшин первым со своими бойцами форсировал Днепр в районе Могилева, воины ворвались в город и завязали рукопашную схватку; они удержали захваченный плацдарм и обеспечили переправу частям дивизии. Старший лейтенант Н. И. Яшин погиб на правом берегу реки смертью храбрых. За мужество и героизм ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Когда 1-й батальон 843 стрелкового полка 238-й стрелковой дивизии форсировал Днепр и вынужден был под сильным огнем противника залечь, санитарка Васильева первая поднялась в атаку и увлекла за собой бойцов батальона, командир которого погиб.

При форсировании Днепра отличились также 837-й стрелковый полк под командованием подполковника Разумова, 2-й батальон 843-го стрелкового полка, которым командовал майор Хвостиков. 6-я рота 837-го стрелкового полка под командованием лейтенанта Кравцова героически сражалась в уличных боях за г. Могилев. Отважно действовали и многие другие подразделения и воины славной 238-й стрелковой дивизии.

Не могу не отметить и подразделения и части 139-й стрелковой дивизии, в том числе полки под командованием полковника Гришаева и подполковника Петрова, батальоны капитана В. В. Фатина и капитана Филонова и многие другие. Капитану Валентину Васильевичу Фатину за героизм, проявленный в уличных боях за г. Могилев, присвоено звание Героя Советского Союза. Отважный воин погиб в боях спустя 20 дней после освобождения города.

Штурмом центра Могилева мастерски руководил заместитель командира 609-го стрелкового полка по политчасти подполковник Захаров.

Героически сражались в предместьях Могилева воины 330-й стрелковой дивизии, которая, освободив г. Чаусы и совершив 60-километровый марш, с боями форсировала Днепр и участвовала в боях за город.

1113-й стрелковый полк, которым командовал подполковник Яков Федорович Косовичев, освободил совхоз «Буйничи», стремительно вышел на шоссе Могилев — Минск и вместе с передовым отрядом 64-стрелковой дивизии уничтожил сотни немцев и большое количество боевой техники. Умело вел бой командир 2-го батальона старший лейтенант Гуревич. Бойцы этого батальона за четыре часа боя уничтожили до 500 немцев, пытавшихся вырваться из Могилева на Минск. Тут же, на месте боя, отличившимся были вручены награды. За умное, без потерь проведение боя и за разгром вражеской группировки, пытавшейся прорваться из Могилева, подполковнику Якову Федоровичу Косовичеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Звания Героя Советского Союза был удостоен за этот бой и сержант Иван Абрамович Калашников, который уничтожил вместе со своими товарищами много немцев и большое количество техники. В июле 1944 г. отважный сержант И. А. Калашников умер от ран.

В одном из донесений, сохранившемся в архиве, сообщается: помощник командира взвода 609-го стрелкового полка 139-й стрелковой дивизии, сержант Буянов и бойцы Малкоедов, Мельничук, Забродский, Туровцев окружили дом, в котором укрылась большая группа гитлеровцев, уничтожили более 30 из них, а остальных взяли в плен.

Освобождали Могилев белорусы, армяне, украинцы, и среди них немало Героев Советского Союза. Например, белорус Пантелей Данилович Юрченко, сержант, командир взвода, уроженец д. Соболевки Климовичского района Могилевской области, первым форсировал Днепр у железнодорожного моста; армянин Сурен Арцемесович Саркисян, ефрейтор, телефонист, уроженец с. Высокого Аштарского района Армянской ССР, переправившись через Днепр, обеспечил бесперебойную связь с подразделениями; русский Иван Ефремович Андреев, сержант, командир отделения саперного батальона, уроженец д. Вежки Судогоского района Ивановской области, первым переплыл Днепр и доставил с правого берега две лодки, на которых перевез штурмовую группу и обеспечил захват плацдарма; украинец Иван Семенович Пономаренко, рядовой, командир пулеметного расчета, уроженец с. Марьяновки Омской области, первым форсировал Днепр на сделанном им плоту и показал пример остальным.

За разгром 12-й немецкой пехотной дивизии и освобождение Могилева присвоено было и мне почетное звание Героя Советского Союза.

Среди удостоенных высокого звания Героя Советского Союза был заместитель командира батальона по политчасти 843-го стрелкового полка 238-й стрелковой дивизии Василий Григорьевич Карпенко, который возглавил пятую роту этого батальона и умело руководя ее действиями, дом за домом очищал от немцев. В. Г. Карпенко умер от ран в июле 1944 г.

Всего за героизм, проявленный в боях за Могилев, звания Героя Советского Союза удостоилось 28 солдат и офицеров.

Непосредственное участие в уличных боях за город принимали части 238, 139 и 330-й стрелковых дивизий 50-й армии, 199-й и 230-й стрелковых дивизий 49-й армии и 23-я танковая бригада.

Высокое звание Героя Советского Союза было присвоено также 64 солдатам и офицерам, форсировавшим Днепр севернее и южнее Могилева.

Родина салютовала доблестным героям 2-го Белорусского фронта, форсировавшим Днепр и освободившим города Могилев, Быхов и Шклов.

После овладения Могилевом войскам корпуса была поставлена задача, не ввязываясь в бой с противником, как можно быстрее выйти на реки Друть и Березина. Такая задача объяснялась тем, что к этому времени войска 1-го Белорусского фронта освободили Бобруйск и вышли на Березину, поэтому, чтобы не допустить отхода противника за Березину, войска 2-го Белорусского фронта обязаны были выйти к реке быстрее противника.

При выполнении этой задачи я, пожалуй, за всю войну не видел такого наступательного порыва у наших воинов, как в те дни. Июльская жара, сплошные леса и болота сильно затрудняли движение войск. Лошади в артиллерийских, минометных и пулеметных упряжках выбивались из сил и нередко останавливались. Тогда солдаты, офицеры снимали свои поясные ремни, делали лямки и помогали лошадям тащить орудия и минометы. При подходе к Березине в отдельные дни войска проходили по 30—35 км. Солдатские гимнастерки настолько были пропитаны потом и солью, что можно было, сняв гимнастерку, поставить ее. В успешном выполнении этих сложных задач большую роль играли командиры всех степеней, партийные и комсомольские организации, а также политработники частей и соединений.

Войска с боями успешно продвигались на запад и в первых числах июля, упредив врага, вышли на Березину. Враг понес значительные потери как в людях, так и в технике и шел за нашими войсками, стремясь прорваться из окружения, но, увы, этого сделать ему не удалось. Его тылы с боеприпасами и горючим были уничтожены или отрезаны от передовых частей. В результате противник бросил всю свою технику (танки, артиллерию, минометы) и продвигался колоннами с легким вооружением — винтовками, пулеметами. С таким вооружением, без танков и артиллерии прорвать наши боевые порядки было невозможно. Мы хорошо организовали прикрытие наших штабов и тыла. Штаб корпуса никогда за всю войну не подчинял себе артиллерийские батареи для своего обеспечения и обычно обходился своим комендантским взводом. Теперь пришлось пойти на такой шаг. Ведь стоило только остановиться на один-два часа, как у нас в тылу появлялись тысячные колонны противника,

и вот тогда вступали в дело артиллерийская батарея или наши знаменитые «катюши», которые прямой наводкой били по врагу, и он вынужден был сворачивать. Враг отходил куда-либо в сторону, а мы продолжали движение вперед. Для ликвидации окруженных, а вернее отрезанных войск противника командованием фронта были выделены 49-я армия и 38-й стрелковый корпус 50-й армии. Фронт окружения замкнулся. Обстановка была для нас сложной. Оказавшийся в наших тылах противник частично дезорганизовывал снабжение советских боевых частей боеприпасами и особенно горючим. Впереди у врага складов с горючим не оказалось, а наши тылы были частично отрезаны, да и не только тылы. Некоторые артиллерийские дивизионы на механической тяге оторвались от своих частей на 30—40 км, оказались в окружении и вели бои с противником.

Примерно 4—5 июля в расположение артиллерийского гаубичного дивизиона, при котором оказался и командир артиллерийского полка полковник Некрасов, вышел немецкий офицер с белым флагом в сопровождении солдат. Офицер был парламентером и передал, что в лесах юго-восточнее Минска, поблизости от населенного пункта Самохваловичи, находится важный немецкий генерал, который желает встретиться с советским генералом, равным ему по должности, и что разговор будет идти о капитуляции немецких войск. Полковник Некрасов доложил об этом по радио командиру дивизии и мне. Как и положено, я немедленно поставил в известность командующего армией и предложил ему направить для переговоров с немецким генералом начальника штаба корпуса.

В первой половине дня 8 июля на командный пункт штаба корпуса в д. Дзягино, западнее ст. Негорелое, был доставлен немецкий генерал. Им оказался командир 12-го армейского корпуса и временно исполняющий обязанности командующего 4-й немецкой армией генерал Мюллер. Он производил впечатление хмурого, подавленного человека, был неопрятно одет, небрит, с одним погоном, в грязных сапогах. Вместе с ним прибыл и его ординарец, ефрейтор, в руках которого была пишущая машинка с латинским шрифтом. Я через своего переводчика спросил генерала, желает ли он привести себя в порядок. Он ответил: «Да, благодарю вас». Пленного генерала отвели в отдельный дом. Я приказал, чтобы никто в дом не заходил.

После того как Мюллер привел себя в порядок, он вышел в сопровождении ординарца. Я предложил ему позавтракать. Налили стакан водки, он выпил его, налили еще, но он отказался, сказав, что в течение недели почти ничего не ел, кроме брусники и грибов. Я подумал: наконец-то ты узнал, что такое голод. По окончании завтрака приступили к деловому разговору. Я задал генералу вопросы:

— Где находятся ваши войска? Как вы предполагаете поставить их в известность о прекращении огня?

Мюллер ответил:

— У вас много наших военнопленных офицеров. Надо их посадить в машины и совместно с советскими офицерами отправить в предполагаемые районы сосредоточения немецких войск, чтобы принять их капитуляцию.

Я это предложение отверг, так как потребуется много времени, чтобы доехать до этих районов, ибо дороги плохие, много лесов и болот, не везде автомашины могут пройти, да и не следует тянуть время и проливать лишнюю кровь.

Мюллеру было предложено написать приказ или обращение к немецким войскам о капитуляции и сдаче в плен, а я предоставил бы в этом случае самолеты для их разбрасывания в тех районах, где примерно находятся немецкие войска. Мюллер согласился со мною и добавил, что он тоже не желает, чтобы проливалась кровь солдат и офицеров его армии. Вот текст этого приказа.

«Солдатам 4-й армии, находящимся восточнее реки Птичь. После недельных тяжелых боев и маршей наше положение стало безвыходным.

Мы выполнили свой долг. Наша боеспособность пала до минимума, и нет никакой надежды на снабжение.

Русские, по сообщению Верховного Командования, стоят у города Барановичи. Последние пути... нам перерезаны. Нет никакой надежды выбраться отсюда нашими силами и средствами, Наши соединения беспорядочно рассеяны. Колоссальное число раненых брошено без всякой помощи.

Русское командование заявило следующее:

а) раненые получат необходимую медицинскую помощь;

б) офицеры могут сохранить холодное оружие и ордена.

Предъявило требование: чтобы все без исключения предметы снаряжения и оружия были собраны и переданы в хорошем состоянии.

Пора кончать с бессмысленным кровопролитием. А посему я приказываю: немедленно прекратить бои.

Невельские подразделения по 100 и более бойцов под командованием офицеров и старших унтер-офицеров должны быть сконцентрированы по месту их нахождения.

Раненые должны быть присоединены к этим подразделениям. Должна быть обеспечена взаимная помощь, проявлена дисциплина и скорее совершена передача.

Этот приказ должен быть распространен всеми средствами как письменно, так и устно.

Генерал-лейтенант Мюллер» [2].

Приказ был продиктован ординарцу и отпечатан примерно в 150 экземплярах. Содержание приказа я доложил по телефону ге-

[2] Центральный Музей Советской Армии, № адм. учета 32 107, № по фонду 4/30 900.

нералу И. В. Болдину, который попросил доставить в штаб армии генерала Мюллера. Мюллер особенно настаивал, чтобы его приказ попал в расположение войск командира дивизии генерала Гольберга, поскольку если он не получит приказа за подписью командира 12-го армейского корпуса, то его дивизия будет сопротивляться. И тут же Мюллер указал на карте примерные места нахождения своих войск.

Я в беседе сказал Мюллеру: «Надо кончать войну, мы скоро подойдем к Берлину». Он мне на это ответил: «Генерал, мы тоже были у вас под Москвой, а теперь видите, где оказались». Мюллер, конечно, не мог не знать о геббельсовской пропаганде якобы нового оружия и, видимо, надеялся на это чудо. Допрашивать Мюллера о расположении войск и их состоянии было нецелесообразно, он даже сказал: «То, что я знал до вашего наступления на р. Проне, уже устарело. Вы все это прошли и знаете теперь не хуже меня, а лучше».

Я торопился доставить пленного в штаб армии. По прибытии в штаб армии на ст. Негорелое я коротко доложил о беседе с Мюллером, а отпечатанные экземпляры приказа сдал начальнику оперативного отдела армии полковнику А. П. Савченко. Командарм поблагодарил меня и наградил ручными часами.

После того как приказ Мюллера о капитуляции 4-й армии был разбросан, войска 50-й армии обезоружили и пленили около 20 тыс. солдат и офицеров. Бесспорно, приказ сыграл определенную роль, но если бы его не было, все равно задача была бы выполнена, только чуть позднее.

Войска нашего корпуса успешно продолжали продвигаться на запад, прошли недалеко от Минска, а впереди предстояло форсировать неоднократно водную преграду — Неман (река в полосе наступления корпуса имела ряд изгибов) и освобождать большой промышленный и областной центр г. Гродно. Это был последний крупный город на белорусской земле. Далее уже начиналась Польша. На подступах к Гродно находится небольшой городок Скидель, здесь и расположился штаб нашего корпуса.

К исходу дня 8 августа в штаб прибыл командующий армией И. В. Болдин. Он ориентировал меня в оперативной обстановке и уточнил боевую задачу войскам корпуса. Затем сказал: «Я бы хотел, чтобы корпус отличился при освобождении Гродно. Как думаешь использовать войска в этих боях?» Я знал, что, кроме нашей 50-й армии, в наступлении на Гродно будет участвовать и часть сил 3-го Белорусского фронта, поэтому предложил командарму следующий план: основными силами, т. е. двумя дивизиями и средствами усиления, форсировать Неман у населенного пункта Свислочь, примерно в 8 км от Гродно, после переправы наступать на западную окраину города, а частью сил во взаимодействии с 81-м стрелковым корпусом овладевать городом с востока. Для выполнения этой задачи я намеревался выделить усиленный передовой отряд с необходимым количеством

автотранспорта из состава 238-й стрелковой дивизии в составе: стрелкового батальона, гаубичного артиллерийского полка, дивизиона реактивных минометов и саперной роты. Начальником отряда назначался заместитель командира дивизии полковник Шепель. Отряд должен был выступить в 24.00 8 августа по шоссе Скидель — Гродно, с ходу захватить переправу на Немане и удерживать ее до подхода главных сил дивизии.

Командующий с моим предложением согласился и добавил, что при выполнении главными силами корпуса этой задачи наши действия необходимо согласовать с действиями подходивших частей 49-й армии нашего фронта.

Началась подготовка к операции. Соединения корпуса выходили в районы сосредоточения, пополнялись боеприпасами, отдыхали. Ведь войска уже около 50 дней с боями преследовали врага от Днепра до Немана, сильно устали и нуждались в отдыхе. Но предоставить такую возможность им мы не могли, так как нельзя было дать врагу передышку, возможность привести себя в порядок и встретить нас организованной обороной. Необходимо было продолжать неотступное преследование до полного уничтожения противника.

Передовой отряд выступил для выполнения задания и через каждый час условленными сигналами докладывал, где он находится. Примерно в 2—3 часа ночи 9 августа мы получили донесение от командира дивизии и офицера штаба корпуса майора Вараксина, который находился в отряде, о том, что отряд ведет бой с крупными частями противника.

Вот как это произошло. Выйдя на опушку леса, передовой отряд остановился на привал, и, по-видимому, было решено немного поспать, разведка же вперед не была выслана, в надежде, что впереди находятся наши части. Но их, к сожалению, не оказалось; они были в 4—6 км севернее. «Катюши», минометы и остальное вооружение все же на всякий случай было повернуто в сторону противника. Далее события развивались так. Один из шоферов гаубичного полка задумал закурить, но, к счастью, не оказалось у него спичек. Решил тогда у кого-то из товарищей попросить огонек. Видит впереди себя на поляне автомашины. Справа и слева — во весь рост рожь. Парень оказался из любознательных и решил пойти к шоферам закурить, но увидел, что машины не наши, а серые, и вся прислуга спит. Пушки стоят в затылок. Солдаты спят на пушках, машинах.

Оказалось, что это один из полков 50-й немецкой пехотной дивизии. Шофер быстро скрылся во ржи, побежал к своим и доложил командиру отряда полковнику Шепелю об увиденном. Впереди стояла колонна немецких пушек, около нее гитлеровская пехота.

Наши произвели огневой налет по вражеской пехоте и артиллерии. В стане противника возникла паника. В результате боя было уничтожено более тысячи гитлеровцев и вся их техника,

захвачено в плен свыше 300 солдат и офицеров и даже целый артиллерийский дивизион из 12 орудий и более сотни лошадей.

Вот что такое воевать без разведки и охранения.

Откуда же появились немецкие войска? В результате опроса пленных солдат и офицеров выяснилось, что 50-я немецкая пехотная дивизия с наступлением темноты по наведенным мостам через Неман перешла на восточный берег. Она имела задачу занять рубеж и обеспечить планомерный отход частей, ведущих бой восточнее Гродно. Выяснилось также, что дивизия только что сформирована в Восточной Пруссии и состоит из солдат в возрасте от 17 до 50 лет.

Получив сигнал от передового отряда о том, что он ведет бой, 238-я стрелковая дивизия форсированным маршем выступила ему на помощь. Главные силы дивизии, опираясь на боевые порядки отряда, организованно вступили в бой и почти полностью разгромили полк 50-й пехотной дивизии. К сожалению, не так успешно сложились боевые действия у армейского передового отряда, он понес значительные потери. Отряд нарвался на главные силы этой дивизии. Объединенными усилиями 238-й стрелковой дивизии и подошедших частей 81-го стрелкового корпуса противник был разгромлен и начал отход в направлении Гродно. Главные силы нашей армии, в том числе и 238-я стрелковая дивизия корпуса, вышли на восточный берег Немана, но форсировать с ходу реку не удалось. В то же время 380-я и 139-я стрелковые дивизии со средствами усиления успешно форсировали Неман у населенного пункта Свислочь и с боями продвигались к юго-западной окраине Гродно.

В приказе Верховного Главнокомандующего была отмечена 238-я стрелковая дивизия.

В Гродно вошли части 81-го стрелкового корпуса и некоторые части 3-го Белорусского фронта. А наш корпус во взаимодействии с войсками 49-й армии вел бои на подступах к Гродно с отходящими из города и его окрестностей войсками противника. Вскоре после этого 121-й стрелковый корпус был передан в состав 49-й армии. Признаться, нам было нелегко расставаться с боевыми друзьями, мы привыкли к командованию 50-й армии, полюбили ее командующего Ивана Васильевича Болдина, с удовольствием с ним работали. Но приказ есть приказ.

В составе новой армии корпусу предстояла нелегкая задача. В полосе наступления на нашем пути была старая русская крепость Осовец. Участники первой мировой войны в своих воспоминаниях писали, что крепость Осовец является очень крепким орешком и что кайзеровские войска осаждали ее очень продолжительное время. Нашим войскам она тоже принесла немало неприятностей. Чтобы подойти вплотную к крепости, нужно было преодолеть очень узкий коридор шириной не более 3 км, по обе стороны которого тянулись сплошные болота. В этот коридор попали все наши три дивизии, прежде чем подойти вплотную

к крепости. На нашем пути к крепости стояли два населенных пункта — Кнышин и Моньки, с тыла к которым примыкали две плотины. В случае взрыва котлована плотин местность оказалась бы затопленной и нашим войскам пришлось бы форсировать возникшую водную преграду. От успешного решения стоявшей перед 121-м корпусом задачи зависело продвижение главных сил 49-й армии и значительной части сил 50-й армии.

Бой начался ранним утром. Специально сформированный отряд из танков, самоходно-артиллерийских установок, пехоты и саперов под сильным артиллерийским огневым прикрытием ворвался в Моньки и Кнышин, не дав возможности противнику взорвать плотины. Вслед за отрядом главные силы корпуса в глубоком построении боевых порядков начали успешно продвигаться к крепости Осовец. На рассвете второго дня наступления крепость была занята 121-м стрелковым корпусом и частью сил 50-й армии. С фортов крепости мы могли видеть Восточную Пруссию — нас разделяла только болотистая р. Бобр.

В ночь перед атакой я оказался на наблюдательном пункте одной из дивизий. Противник методически обстреливал все подступы к крепости, снаряды рвались и справа и слева. Уточнив некоторые детали атаки с командиром дивизии, я решил уговорить командира зенитной дивизии открыть огонь по крепости. Дело в том, что, согласно существовавшим приказам и инструкциям, вести огонь из зенитных орудий по наземным целям не разрешалось, кроме как по танкам и самоходкам, да и то в тех случаях, когда они угрожали материальной части зенитных подразделений. Конечно, Осовец им никак не угрожал. Но я благодарен зенитчикам за то, что они согласились со мною, и их подразделения и части поддерживали нашу пехоту. «Грех» я взял на себя.

На этом рубеже и закончились боевые действия 121-го стрелкового корпуса по освобождению многострадальной белорусской земли.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

Н. А. АНТИПЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЫЛОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ОПЕРАЦИИ

В июне — августе 1944 г. Красная Армия наголову разбила немецкие войска в Белоруссии и, выйдя на реки Вислу, Неман, вплотную подошла к границам Германии.

За два месяца наступления наши войска продвинулись на запад на 550—600 км, в полосе до 1000 км, освободив территорию около 700 тыс. кв. км.

Войска израсходовали свыше 400 тыс. т боеприпасов, около 300 тыс. т горюче-смазочных материалов, примерно 500 тыс. т продовольствия и фуража.

Приведенные данные красноречиво говорят об огромном размахе Белорусской операции, о масштабе работы тыла — фронтового, армейского и войскового.

Наша страна выдержала большое экономическое напряжение, обеспечив наступавшие войска столь значительными ресурсами.

В этой статье мы рассмотрим лишь часть большой и многогранной работы тыла фронтов, участвовавших в освобождении Белоруссии, главным образом работу тыла 1-го Белорусского фронта, где автор был заместителем командующего фронтом по тылу.

Успех всякой боевой операции зависит от всесторонней и тщательной подготовки. Особенно большое значение имеет подготовка наступательной операции в тыловом отношении.

Принято считать, что подготовительный период наступательной операции берет начало с момента получения оперативной директивы Ставки и практически продолжается 20—30 суток. Однако такое понимание вопроса носит весьма условный, формальный характер. Опыт крупнейших операций Великой Отечественной войны показывает, что всякая последующая операция зарождалась и в известной мере обеспечивалась в период завершения предыдущей. С точки зрения тыла этот вывод совершенно бесспорный. После того как зимой 1943/44 г. наши войска вышли на рубеж Витебск, Жлобин, Ковель и далее на юг, непрерывно шла напряженная работа всех звеньев тыла, направленная на закрепление достигнутых результатов, а также на создание благоприятных условий для подготовки новой операции.

Для тыла никаких пауз, никакой передышки на протяжении всей войны не было.

Подготовка Белорусской операции в тыловом отношении велась на протяжении многих месяцев. Каждый фронт решал ряд задач военно-хозяйственного значения, в результате чего и можно было установить более или менее точную дату начала наступления.

Остановимся на некоторых из этих задач.

Еще в декабре 1943 г. распоряжением Совнаркома СССР некоторые фронты были сняты с централизованного снабжения хлебом, зернофуражом и сеном. Эти продукты фронты должны были сами заготавливать в отведенных им границах. Разумеется, не всюду складывались благоприятные условия для заготовок. Особенно трудная обстановка сложилась для войск Центрального фронта, переименованного в Белорусский и затем в 1-й Белорусский. Случилось так, что в течение июля, августа и сентября 1943 г., когда нужно было убирать зерновые, уборка не производилась вследствие непрерывных боевых действий. Большая часть хлеба осталась нескошенной. Осенью 1943 г. Совнарком СССР предложил Военному совету нашего фронта произвести заготовки зерновых на территории Орловской, Сумской, Черниговской, Гомельской областей, недавно освобожденных от противника. По-настоящему заготовки развернулись в декабре 1943 г. Военный совет фронта выделил для этой цели 27 тыс. солдат и сержантов, 1400 офицеров, 2000 автомобилей, несколько сот повозок. По каждой области и районам были назначены уполномоченные Военного совета. Широкое участие в работе приняли политические органы, партийные и комсомольские организации, печать, радио фронта.

Заготовка зерна в зимних условиях вылилась в грандиозную организационно-хозяйственную кампанию. Чтобы извлечь нескошенный хлеб из-под снега, потребовалось много граблей и

серпов. Да, именно граблей и серпов, ибо никакая другая техника не могла быть применена. Снег расчищали, срезали колосья, копнили и без задержки свозили на пункты обмолота. Несомненно, потери зерна были немалые, но борьба за каждый колосок велась решительная. По мере обмолачивания зерна все острее вставала проблема его хранения. Сколько-нибудь приспособленных хранилиц для зерна не было. Вымолачиваемое зерно имело влажность до 25% (при норме 12—14%), поэтому нам следовало принять особые меры, чтобы сохранить его от самовозгорания. Трудности уборки усугублялись еще и тем, что многие поля оказались заминированными.

К весне 1944 г. фронт заготовил 13 млн. 607 тыс. пудов хлеба, обеспечив свои потребности до августа 1944 г., т. е. на восемь месяцев. Больше того, создав значительные запасы хлеба, 1-й Белорусский фронт выделил трудящимся героического Ленинграда, только что освобожденного от немецкой блокады, 610 тыс. пудов зерна, которое было доставлено в город Ленина специальными поездами в сопровождении наиболее отличившихся в боях с фашистами героев войны.

Часть зерна перерабатывалась на муку и крупу, для этого в каждой армии и дивизии имелись походные мельницы. Одна мукомольная мельница давала до 10 т муки в сутки. Фронтовая походная мельница производила примерно 100 т муки в сутки.

Таким образом, фронт к началу Белорусской операции полностью решил хлебную проблему.

Кроме зерна, каждый фронт заготавливал много сена. Современному читателю станет яснее значение этого вопроса, если мы сообщим ему, что в четырех фронтах, участвовавших в данной операции, насчитывалось около 500 тыс. лошадей, которым ежедневно надо было выдавать 3 тыс. т зерна и 5 тыс. т сена. Если бы все продовольствие и фураж, заготавливаемые на месте, пришлось доставлять по железной дороге, то для этого потребовалось бы не менее 15 поездов в сутки, а это заметно отразилось бы на других перевозках. В период непосредственной подготовки операции каждый поезд, сэкономленный для перевозки войск или боеприпасов, имел большое значение.

В течение апреля и мая 1944 г. фронтам прибавилось работы в связи с паводками и весенней распутицей. На главных направлениях через реки были построены низководные и высоководные мосты, а также дублеры к ним; созданы крупные запасы леса и металлоконструкций для использования в ходе операции; отремонтированы шоссейные дороги и улучшены грунтовые, причем большая часть этих дорог была доведена непосредственно до войск.

По специальному плану подготовки к предстоящей операции каждый фронт осуществил такие мероприятия, как «смотр боевой техники», «смотр боевого коня», «смотр автотранспорта». Благодаря широкому привлечению к этим кампаниям солдат, сержан-

тов и офицеров, а также использованию печати и разнообразных форм наглядной агитации были получены весьма положительные результаты. 3-й Белорусский фронт провел перед операцией техническую конференцию по вопросам организации автомобильных перевозок, улучшения парковой службы, экономии горючего, организации ремонта, осуществил проверку квалификации 8 тыс. шоферов, а затем организовал курсы переподготовки 30% всего состава водителей.

Каждый фронт провел внутриармейские и общефронтовые хирургические конференции, что для того времени являлось своеобразным институтом теоретического обобщения накопленного опыта и повышения деловой квалификации молодых хирургов.

Военные советы фронтов и армий уделяли большое внимание работе медицинских учреждений, созданию благоприятных условий для лечения больных и раненых. Для медицинской службы 1-го Белорусского фронта особенно трудная обстановка сложилась весной 1944 г. Немецко-фашистское командование создало вдоль переднего края своей обороны перед правым флангом фронта целую сеть концентрационных лагерей, в которых было заключено свыше 35 тыс. советских граждан, больных сыпным тифом. Не исключено, что это была преднамеренная диверсия противника, ведь при проведении местных операций в апреле 1944 г., т. е. за два месяца до начала нашего наступления, противник оставил территорию, на которой были расположены эти лагеря. И вот огромная масса больных людей, измученных, завшивленных, голодных, полураздетых и разутых, с повышенной температурой, в том числе матери с детьми, направилась навстречу своим избавителям, надеясь на помощь во всем: в лечении, питании, обогреве, предоставлении одежды, а главное, больные люди нуждались в теплом, человеческом обращении. Непосредственные контакты с этими людьми грозили вспышкой эпидемии сыпного тифа среди войск.

Требовалось принять срочные и разносторонние меры как по линии тыла, так и партийно-политических органов — военных и гражданских. Была установлена густая сеть контрольно-пропускных пунктов для приема, осмотра и дальнейшей эвакуации освобожденных советских граждан. Соблюдался строжайший карантин. Положение усугублялось тем, что вся больничная сеть Полесья была полностью разрушена противником, а количество зарегистрированных сыпнотифозных очагов в войсковых тыловых районах 3, 48, 65 и 28-й армий 1-го Белорусского фронта составляло свыше 4 тыс. Военно-медицинская служба фронта и армий под руководством исключительно энергичного и инициативного начальника медуправления генерала А. Я. Барабанова и главного эпидемиолога фронта проф. Г. А. Знаменского хорошо справилась с этой задачей. Фронт выделил на борьбу с инфекцией несколько сот врачей, много медикаментов, белья, продовольствия.

Угроза распространения сыпнотифозной инфекции была предотвращена.

Вся большая организационная работа фронтового и армейского командования проводилась в тесном сотрудничестве с партийными и советскими органами Белоруссии и прифронтовых областей Российской Федерации. Секретарь ЦК КП Белоруссии П. К. Пономаренко как член Военного совета 1-го Белорусского фронта принимал непосредственное участие в руководстве многими организационно-хозяйственными мероприятиями, направленными на удовлетворение нужд фронтов в предстоящей операции. Ему же приходилось одновременно заботиться о восстановлении почти полностью разрушенного хозяйства Белорусской республики.

Период подготовки Белорусской операции совпал с весенне-полевыми работами, проводившимися на ранее освобожденной от противника территории. Нельзя было упустить ни одного погожего дня. Всем солдатам, офицерам, генералам ясно было, что каждый упущенный весенний день и каждый незасеянный гектар земли означают ухудшение и без того трудного продовольственного положения страны, а равно и самих войск. На призыв Центрального Комитета Коммунистической партии БССР и областных комитетов партии прифронтовых областей РСФСР об оказании посильной помощи в проведении весенне-полевых работ командование фронтов и армий горячо откликнулось.

Военный совет 5-й армии (командующий — генерал Н. И. Крылов, члены Военного совета — генерал И. М. Пономарев, полковник С. А. Деньгин) передал трудящимся Смоленщины несколько сот племенных лошадей, большое количество упряжи и другого имущества, очень нужного в народном хозяйстве; военнослужащие этой армии оказывали помощь местному населению в пахоте, в подвозе семенного материала и т. п. 31-я армия также принимала активное участие в весеннем севе и сенокошении. Военный совет этой армии (командарм — В. В. Глаголев, члены Военного совета — генерал Д. А. Карпенков, полковник П. А. Лахтарин) передал правительству БССР три подсобных хозяйства армии с несколькими тысячами гектаров засеянных земель, с большим количеством продуктивного скота, а также лесоматериал, заготовленный для строительства мостов.

Большую организующую и воспитательную роль в налаживании правильных взаимоотношений военного командования, особенно военных хозяйственников, с местными партийными, советскими и хозяйственными организациями сыграл член Военного совета 3-го Белорусского фронта Иван Сергеевич Хохлов [1]. Он умел разбудить у людей творческую инициативу в руководстве военным хозяйством, изыскании и использовании местных

[1] До начала Великой Отечественной войны И. С. Хохлов был Председателем СНК РСФСР.

ресурсов для нужд войск. Многие военно-хозяйственные работники и поныне с благодарностью вспоминают мудрые советы И. С. Хохлова, его чуткое и внимательное отношение к людям.

Войска 1-го Прибалтийского фронта также оказывали немалую помощь народному хозяйству в зоне своего расположения.

Военный совет 1-го Белорусского фронта вынес специальное решение «О мерах помощи со стороны фронта в восстановлении народного хозяйства Белорусской Советской Социалистической Республики» [2]. Это поистине волнующий документ, в нем — сила и глубина подлинно сыновней любви советских воинов к своему народу, своей отчизне. Только Красная Армия могла совершать столь чудесные мирные дела, борясь одновременно с фашистскими оккупантами.

«На долю Белоруссии выпала тяжесть с самого начала войны попасть под иго германского фашизма. Издевательства немцев над белорусами беспримерны в истории. Все, что создал белорусский народ за 25 лет Советской власти, подверглось уничтожению, сожжению и разграблению немецкими варварами». Так оценивал Военный совет 1-го Белорусского фронта положение в той части БССР, которая была освобождена от фашистских захватчиков к весне 1944 г.

Как выяснилось впоследствии, другая часть БССР, еще оккупированная, была еще более разорена. Целые районы республики были начисто стерты с лица земли. Тысячи, десятки тысяч детей, в основном детей белорусских партизан, бродили разутыми, раздетыми, истощенными в поисках крова, хлеба и тепла.

Перед Коммунистической партией и правительством Белоруссии в 1944 г. встала непомерно трудная задача — создать хоть сколько-нибудь сносные бытовые условия для освобожденных людей и приступить к восстановлению городов и сел на месте развалин и пепелищ.

Советские воины не могли оставаться безучастными к большому горю братьев-белорусов. И хотя шла война, и фронт сам во многом нуждался, но надо было изыскать внутренние возможности воинских частей, дивизий, армий, фронтов.

Теперь могут показаться «немасштабными» усилия военного командования и солдат для оказания помощи белорусам. Но по тем временам сделано было немало. Например, по решению Военного совета 1-го Белорусского фронта было выделено для весенней пахоты 45 тракторов с трактористами (машины обеспечивались горючим), команда специалистов с необходимым инструментом и запчастями для ремонта сельскохозяйственного инвентаря; построен высоководный мост через р. Сож в Гомеле. Военные строители отремонтировали большое количество квартир гражданам, оборудовали помещения под детские интернаты и ясли из общего расчета на 2 тыс. детей, обеспеченные кро-

[2] «Военно-исторический журнал», 1964, № 6.

ватями, постельными принадлежностями, одеялами, тумбочками, продуктами питания на год вперед. В селах построено 400 бань. Правительству Белоруссии был передан питомник с 300 племенными лошадьми и 2200 жеребятами. Было обследовано на сап 10 тыс. лошадей из хозяйств республики. Все граждане, заболевшие сыпным тифом, были госпитализированы. Воины фронта восстановили и оборудовали 15 больниц. На работу в местных больницах были направлены 10 врачей и 25 человек среднего медперсонала из нашего фронта. Мы отпустили для проведения весенней посевной 350 т керосина, 200 т дизельного топлива, 100 т солидола. Было восстановленно промышленно-коммунальных зданий общей площадью 25 тыс. кв. метров, передано 2500 кубометров лесоматериалов, тысячи повозок, несколько тысяч комплектов упряжи, дуг, большое количество гвоздей, столярного клея, бумаги, ученических тетрадей и многое другое.

Побольше запахать, побольше засеять! Для этого были выделены из ресурсов фронта сотни тонн зерна, картофеля.

В постановлении говорилось:

«Военный совет 1-го Белорусского фронта обязывает все армии, дивизии, отдельно стоящие воинские части, тыловые учреждения без ущерба для боевой деятельности войск оказать всемерную помощь в подготовке и проведении весеннего сева. Каждый трактор, каждая лошадь, если позволяет обстановка, должны быть использованы на пахоте и севе. Личный состав частей должен принимать активное участие в возделывании колхозных и индивидуальных огородов, в первую очередь семьям красноармейцев, офицеров и жертв немецких оккупантов. Военный совет обязывает генералов, офицеров и политорганы добиться, чтобы каждая крупная и мелкая часть, не находящаяся на нашей передовой линии, включилась в эту большую работу: пахота, сев, ремонт сельскохозяйственного инвентаря, колхозных построек, отдельных домов, принадлежащих вдовам, сиротам и т. д.»

Теперь, когда Белоруссия совершила фантастический скачок в развитии, когда она поражает всех своими «буйволами», «мазами», 40-тонными самосвалами, чудесными телевизорами, радиоприемниками, выдающимися достижениями в области науки, литературы и искусства, современному читателю могут показаться вовсе малозначительными приведенные выше цифры помощи советских воинов хозяйству республики в 1944 г. Но даже эта скромная помощь, думается мне, явилась какой-то частицей этого мощного фундамента, на котором держится современная экономика Белорусской республики.

Здесь лишний раз проявилась вся сила кровной связи армии и народа.

Непобедима страна, воспитавшая такую армию!

Все сказанное — совершенно необходимый и неизбежный пролог к рассказу о непосредственной подготовке и успешном проведении Белорусской наступательной операции.

Для лучшего понимания обстановки надо сказать, что еще раньше Ставка приказала командующему 1-м Белорусским фронтом принять войска 2-го Белорусского фронта, находившиеся на ковельском направлении. Для приема этих войск в район Ковеля выехали командующий фронтом К. К. Рокоссовский, начальник штаба фронта генерал М. С. Малинин, начальник тыла фронта генерал Н. А. Антипенко и другие лица. Эта поездка дала возможность лучше изучить условия базирования нового левого крыла фронта.

С принятием войск 2-го Белорусского фронта коренным образом изменилась вся конфигурация линии фронта: беря начало от г. Быхова, она проходила далее по Днепру, восточнее Жлобина, затем шла на юго-запад, пересекая Березину, потом снова поворачивала на юг, пересекая Припять, далее по южному берегу Припяти уходила далеко на запад к Ковелю и, обогнув последний с востока, снова шла на юг. 1-й Белорусский фронт имел по существу два совершенно самостоятельных операционных направления: одно — на Бобруйск, Барановичи, Брест, Варшаву; другое — на Ковель, Хелм, Люблин, Варшаву.

В скором времени в район Ковеля стали прибывать новые силы: 8-я гвардейская армия генерала В. И. Чуйкова, 2-я танковая армия генерала С. И. Богданова, 1-я польская армия генерала З. Берлинга, 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В. В. Крюкова и много всевозможных специальных частей.

Становилось ясно, что Ставка намеревается нанести главный удар силами южного крыла 1-го Белорусского фронта под основание минской группировки войск противника. Такие предположения и даже уверенность высказывало командование фронта неоднократно. Учитывая это, начальник тыла фронта не мог бездействовать в ожидании оперативной директивы, чтобы потом устраивать тыл соответственно этой директиве. Не хватило бы времени для этого. С согласия Военного совета фронта начальник тыла 1-го Белорусского фронта дал указание своему штабу и всем службам тыла начать сосредоточение сил и средств тыла на левом крыле фронта, использовав до максимума железнодорожное направление Коростень — Сарны — Ковель, несмотря на то что противник нещадно бомбил его.

В течение апреля и мая 1944 г. в районы Коростеня, Овруча, Сарны, Киверце переместились многие фронтовые склады, госпитальные базы, ремонтные органы, транспортные средства. Да и сам штаб фронта переместился из Гомеля в Овруч, чтобы удобнее было руководить войсками левого крыла фронта. Центральные органы тыла (ГАУ, ЦУПВОСО, УСГ, Упродснаб и др.) [3]

[3] Соответственно Главное артиллерийское управление, Центральное управление военных сообщений, Управление снабжения горючим, Управление продовольственного снабжения.

грузы для фронта, составлявшие десятки тысяч вагонов, направляли на левое крыло фронта.

В тот момент, когда мы считали, что войска левого крыла фронта вполне обеспечены в тыловом отношении для перехода в наступление, Ставка приняла решение нанести стратегический удар четырьмя фронтами на белорусском направлении, в связи с чем ведущее значение приобретало не левое, а правое крыло фронта.

Времени для подготовки удара оставалось 20—23 суток. Нетрудно понять всю остроту создавшегося положения для органов тыла. В кратчайшие сроки надо было «перекантовать» слева направо огромные ресурсы, завезенные ранее на левое крыло, и одновременно принять из центра новые оперативные и снабженческие поезда. Вместе с внутрифронтовыми перевозками среднесуточный темп железнодорожных перевозок 1-го Белорусского фронта на гомельском направлении достигал 50—60 пар поездов, тогда как пропускная способность этого направления не превышала 36 пар поездов в сутки.

Не менее сложная железнодорожная обстановка сложилась и на 2-м, 3-м Белорусских и 1-м Прибалтийском фронтах. Там тоже резко возросли оперативные и снабженческие перевозки, а количество и техническое состояние недавно восстановленных железных дорог не обеспечивали нужды фронтов. В этих условиях требовалось высокое мастерство со стороны органов ВОСО в руководстве железнодорожными перевозками. Надо отдать должное таким великолепным организаторам военных сообщений, как начальник ВОСО 1-го Белорусского фронта генерал А. Г. Черняков и начальник ВОСО 3-го Белорусского фронта генерал А. В. Добряков, которые с большим искусством управляли напряженными до крайности железнодорожными перевозками. Разумеется, фронтам крепко помогало Центральное управление военных сообщений во главе с генералом И. В. Ковалевым и его заместителем генералом В. И. Дмитриевым. От них во многом зависел ритм подачи поездов на фронты и принятия с фронтов порожняка.

И все же нам не удалось полностью осуществить переброску многих тыловых учреждений фронта ближе к войскам из-за нехватки подвижного состава, вернее, из-за высокой интенсивности перевозок.

Немалый урон наносила авиация противника, совершая массированные налеты на такие железнодорожные узлы, как Смоленск, Рославль, Гомель.

Наркомат путей сообщения делал все для быстрейшего восстановления разрушенных участков и организации самих перевозок. На некоторые направления прибыли ответственные представители НКПС: на 1-й Белорусский фронт — заместитель наркома путей сообщения Виктор Антонович Гарнык, оказавший фронту весьма существенную помощь в период оперативного сосредоточения на гомельском направлении. Вместе с ним мне пришлось

выполнять важнейшее задание командования фронта по пропуску поездов на фронт.

Командование фронта отлично понимало, что Ново-Белицкий железнодорожный узел не в состоянии пропустить в сторону Жлобина и Калинковичей все поезда, идущие из центра. Какую-то часть их надо было разгружать еще на дальних подходах к Ново-Белице, далее они должны были следовать своим ходом. Чтобы провести эту идею в жизнь, пришлось создать в Гомеле импровизированный штаб во главе с начальником тыла фронта. Сюда вошли и представители служб, не входивших в систему тыла: от отдела укомплектования, штаба артиллерии, командующего бронетанковыми и механизированными войсками и других. Трудно было достичь единогласия в вопросе о том, какой поезд пропустить через Ново-Белицкий мост, а какой разгружать на подходе к нему. Каждый представитель службы доказывал необходимость пропуска «своего» поезда возможно ближе к линии фронта, чтобы сэкономить моторесурсы, горючее и ускорить прибытие войск в заданный район. Военный совет фронта предоставил начальнику тыла фронта всю полноту власти в этом вопросе. Начальник тыла фронта одинаково был заинтересован и в экономии материальных средств, и в быстрейшем сосредоточении войск. Решая вопрос о выгрузке того или иного эшелона на ближних или дальних подступах, ему надо было позаботиться об условиях выгрузки и об обеспечении выгруженных войск продовольствием, горючим, медицинским обслуживанием и самое главное — хорошими грунтовыми дорогами для дальнейшего следования на фронт. Таким образом, одновременно решался целый комплекс сложных организационных вопросов. Фронт выгрузки составлял минимум 15—20 железнодорожных станций, оборудованных соответствующими трапами для техники и лошадей. Здесь были открыты отделения складов с горючим, продовольствием, развернуты госпитали для раненых и больных и т. д.

Как уже говорилось, положение усугублялось усилившимися авиационными налетами противника. В один из дней, когда мы с В. А. Гарныком находились в Гомеле, особенно сильный налет был произведен на железнодорожный мост у Ново-Белицы.

К счастью, мост уцелел, но в нескольких метрах от него сошел с рельсов паровоз от удара воздушной волны. За ним стоял длинный воинский эшелон. Надо было немедленно освобождать путь, так как каждую минуту мог повториться воздушный налет. А как поставить на рельсы перекосившийся паровоз? Ведь эта махина весит более ста тонн!

На помощь пришел замнаркома Гарнык.

— Если бы можно было собрать побольше людей с бревнами, я бы попробовал решить задачу без механизмов,— сказал Виктор Антонович.

За 15—20 минут мне удалось собрать более сотни солдат и офицеров из стоявших неподалеку поездов. В. А. Гарнык руко-

водил устройством подъемных рычагов из подручного материала. Он поставил в три цепочки людей с бревнами вокруг паровоза: одна линия упора проходила у самого низа паровоза, другая — чуть повыше, а третья — еще выше. Сам Гарнык подставил свои могучие плечи под передний крюк. Мне он поручил подавать команды: «раз-два, взяли!» И произошло чудо: громадная металлическая масса была приподнята и установлена на рельсы. Через несколько минут паровоз с поездом ушел дальше. Не прошло и получаса, как возобновились налеты на мост, но наша зенитная артиллерия работала настольно интенсивно, что бомбы с большой высоты ложились вдали от цели.

Важнейшим вопросом подготовки Белорусской операции было накопление боеприпасов и горючего. Ее уровень виден из следующей таблицы.

Таблица

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ФРОНТОВ К НАЧАЛУ БЕЛОРУССКОЙ ОПЕРАЦИИ

Виды материальных средств	1-й Прибалтийский фронт	3-й Белорусский фронт	2-й Белорусский фронт	1-й Белорусский фронт
Боеприпасы (в боекомплектах) . .	4,2	2,1	3,0	4,0
ГСМ (в заправках):				
авиационное горючее	9,2	6,2	10,4	4,0
автобензин	4,1	3,4	2,5	3,5
дизельное топливо	7,6	6,3	6,4	6,8
Продовольствие (в суточных дачах)	16	20	21	22

Из этих данных видно, что обеспеченность фронтов в целом была равномерной, если не считать некоторой нехватки боеприпасов на 3-м Белорусском фронте.

Напомним читателю, что заправки в те годы были совсем не те, что теперь. Если на современной заправке автомобиль пробегает 500, а то и 900 км, то тогда он проходил всего лишь 150 км, но это по прямой линии. А если принять во внимание довольно частые случаи работы моторов на месте, всевозможные объезды и заезды, то одной заправки едва хватало на 100 км. Командование фронтов не могло удовлетвориться таким наличием автобензина, в центр шли тревожные телеграммы. Но где взять горючее, если его и на тыловых базах было мало! К тому же с железнодорожными цистернами в стране было очень трудно, их не хватало. Встала проблема жесточайшей экономии горючего еще до начала наступления. Каждый фронт провел целый комплекс мероприятий в этом направлении. Сотни и тысячи машин были поставлены «на прикол», чтобы не расходовать горючее.

Проведена была массовая проверка карбюраторов, регулировка моторов, сведены до минимума холостые пробеги. Если учесть, что каждый фронт насчитывал по 50—60 тыс. автомобилей, то даже такие, казалось бы, мелкие мероприятия могли дать экономию тысяч тонн горючего.

Но самым эффективным способом экономии горючего было быстрейшее восстановление железных дорог и использование их всюду, где только возможно. Опытным путем мы установили, что каждые 100 км восстановленных железных дорог в сторону фронта давали экономию тысяч тонн горючего. Вот почему мы не жалели горючего для железнодорожных восстановительных войск. Да и не только горючего. Помогали им транспортом, добавочными продовольственными пайками, лишь бы люди трудились энергичнее, безостановочно. И они действительно работали самоотверженно, с полной отдачей сил и уменья.

На 1-м Белорусском фронте во главе железнодорожных войск стоял опытнейший специалист Герой Социалистического Труда генерал Николай Владимирович Борисов, который отлично понимал роль и значение возглавляемого им участка работы. Он, как и все коммунисты железнодорожных войск, всегда находился в авангарде восстановительных работ. Повторяю, мы все делали для этих войск, лишь бы быстрее пропустить поезда в сторону фронта.

В дни подготовки и проведения Белорусской операции начальник тыла Красной Армии Андрей Васильевич Хрулев осуществил интересное мероприятие с целью повышения заинтересованности фронтов в быстрейшей доставке горючего на фронт из отдаленных районов страны и возврата порожних цистерн. Он разрешил фронтам сформировать так называемые железнодорожные наливные вертушки по 20 50-тонных цистерн в каждой (поезд весом 1000 т). Они курсировали от фронтов до Кавказа и обратно. На каждой вертушке была команда солдат во главе с энергичным офицером, который принимал все зависящие от него меры как в пунктах налива, так и в пути. Эта практика вполне себя оправдала. Начальник вертушки находил способ информировать начальника тыла фронта с любого пункта, где находилась в данный момент вертушка и где возникали трудности в продвижении. С помощью ЦУПВОСО поезда с горючим быстрее доходили до фронтовых распорядительных станций.

Около 300 тыс. т горючего израсходовали четыре фронта на проведение Белорусской операции. Из них половина приходится на 1-й Белорусский фронт, что соответствовало и величине фронта, и глубине продвижения войск.

А как было с боеприпасами?

Вес одного боевого комплекта боеприпасов четырех фронтов составлял около 100 тыс. т, в том числе 1-го Белорусского фронта — 36 тыс. т, а на остальных — по 20—25 тыс. т. Всего было накоплено к началу операции около 400 тыс. т боеприпасов.

Планирование расхода боеприпасов и эшелонирования их не входило в компетенцию начальника тыла: этим занимались органы артиллерийского снабжения, подчиненные командующему артиллерией. Но так как начальник тыла нес прямую ответственность за подвоз боеприпасов, то мне не безразлично было — куда и сколько завозить боеприпасов. Ниже читателю станет яснее этот вопрос.

Как мы вскоре убедились, при планировании артиллерийского обеспечения Белорусской операции был механически, по шаблону использован опыт предыдущих операций, без учета новых условий и возросших возможностей. Скажем, битва под Курском имела свою специфику, в корне отличную от условий сражения в 1944 г. В 1943 г., находясь на Курской дуге в обороне, Центральный и Воронежский фронты стремились максимально обеспечить свою артиллерию боеприпасами на огневых позициях. Тогда мы заведомо знали, что противник со дня на день перейдет в наступление и нашей артиллерии предстоит выдержать натиск необычайной силы. В этом случае чем больше боеприпасов на огневых позициях, тем интенсивнее будет огонь артиллерии и устойчивее наша оборона.

Иное положение сложилось летом 1944 г. Инициатива находилась в наших руках. Количество и качество советской артиллерии возросло. Но принцип эшелонирования боеприпасов почему-то оставался прежним. Считалось за норму выложить на огневых позициях перед наступлением около двух боевых комплектов боеприпасов. Продолжительность артподготовки планировалась по-прежнему два часа. Иными словами, в основе планирования лежали шаблон и инерция. Как показал дальнейший ход событий, фактический расход боеприпасов оказался вдвое меньше запланированного. Это, конечно, хорошо. Противник был подавлен и разгромлен при меньшем количестве артиллерийского огня. Точнее сказать, огня было больше, чем прежде, но не такой продолжительности. Войска успешно перешли в наступление, артиллерия оставила прежние огневые позиции, перемещаясь вслед за войсками, а боеприпасы остались на месте, разбросанными более чем в ста точках. Попробуй, собери эту массу в условиях белорусских лесов, песков и полного бездорожья. По предварительным данным, их насчитывалось около одного боекомплекта, т. е. более 30 тыс. т, а артиллерии на новых рубежах стрелять было нечем. Вроде бы и неудобно просить Главное артиллерийское управление о подмоге, но пришлось. И получилось так, что боеприпасы со складов ГАУ (1500—2000 км) поступали на фронт раньше, нежели мы могли вывезти их из районов исходных позиций. Так образовалась искусственная нехватка боеприпасов в ходе наступления. Благо начальник ГАУ маршал артиллерии Н. Д. Яковлев не формально относился к просьбам 1-го Белорусского фронта, слал на фронт боеприпасы поезд за поездом, хотя и очень роптал при этом.

Совсем по-иному поступили артиллеристы на левом крыле фронта при переходе его в наступление 18 июля 1944 г. на ковельском направлении. Незадолго до этого в д. Мельница, в 20 км от Ковеля, было созвано совещание членов военных советов, начальников тыла и начальников артиллерийского снабжения армий левого крыла фронта, где начальник тыла 1-го Белорусского фронта выступил с докладом на тему «Некоторые уроки из опыта материального обеспечения войск в Бобруйской операции и задачи тыла армий левого крыла фронта». Вопрос о правильном эшелонировании боеприпасов перед началом наступления был центральным. Было решено не выкладывать на огневые позиции больше одного боекомплекта, а остальные держать вблизи от хороших дорог и транспортных средств. Получилось как нельзя лучше. Ни один снаряд не остался затерянным.

Из этого факта следует непреложный вывод, что проблема планирования расхода и эшелонирования боеприпасов на фронте не может решаться без участия начальника тыла. Представление о нем как о перевозчике уже тогда было несостоятельным.

Общий расход боеприпасов на Белорусскую операцию составил, как и предполагалось, свыше 400 тыс. т.

Что касается продовольствия, то в этом вопросе каких-либо осложнений ни в одном фронте не наблюдалось. Повсеместно отмечалось как достижение, что в ходе наступления снабженцы научились подавать горячую пищу до самых передовых частей.

Более сложным оказался вопрос продфуражного обеспечения конского состава. Требовалось огромное количество овса и сена. Но и эту задачу решили, несмотря на то что ежедневно требовалось овса и сена до 8 тыс. т. Четыре фронта израсходовали за период Белорусской операции 500 тыс. т продовольствия и фуража.

Таким образом, страна выделила на проведение Белорусской операции всевозможных материальных средств, включая и восстановительные материалы, более полутора миллионов тонн, что составляло около 2500 поездов.

Остановлюсь прежде всего на вопросе восстановления железных дорог.

По документам в каждом фронте значилось к началу Белорусской операции по 2—3 железнодорожные бригады; такого количества железнодорожных войск могло бы хватить, если бы техническое оснащение их было достаточным.

Протяженность железнодорожных коммуникаций в каждом фронте была более или менее одинаковая и не столь большая, как на 1-м Белорусском фронте, где три магистрали вместе с рокадными путями составляли около 4 тыс. км.

Темпы восстановления железных дорог в ходе наступления войск 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусских фронтов достигали 3—5 км в сутки, что было неплохо по тому времени. Хуже сложилась обстановка на 1-м Белорусском фронте. Здесь

к началу операции фактически была лишь одна железнодорожная бригада из трех значившихся по списку. Другая находилась в глубоком тылу и работала по заданию НКПС, а третья — имела только номер, но еще не была сформирована.

Наступление войск 1-го Белорусского фронта началось при наличии одной железнодорожной бригады.

Как же решалась задача восстановления железных дорог на 1-м Белорусском фронте?

В полосе наступления правого крыла фронта проходило два магистральных железнодорожных направления: более мощное и кратчайшее двухпутное: Калинковичи — Лунинец — Жабинка (458 км) и более длинное: Калинковичи — Жлобин — Бобруйск — Осиповичи — Барановичи (650 км). Так как восстановительных сил было мало, то возникли вопросы: какому из этих двух направлений отдать предпочтение? Куда бросить силы и средства? Первое, более мощное направление проходит по болотистой пойме р. Припять, пересекая ее многочисленные притоки. Все мосты и другие искусственные сооружения противник наверняка взорвет, думали мы. Восстанавливать их в условиях бездорожья будет крайне затруднительно. Другое, более длинное направление проходило по ровной, открытой местности с минимальным количеством искусственных сооружений. Рядом с железной дорогой шло шоссе, по которому удобно было подвозить строительные материалы.

Военный совет фронта принял решение восстанавливать второе направление.

Наибольшие неприятности встретились в тактической зоне обороны противника. Здесь разрушений железной дороги, проходившей вблизи и параллельно линии фронта на протяжении свыше 40 км, было значительно больше, чем мы предполагали. Не только верхнее строение, но и сама насыпь были разрушены. Противник превратил ее в сплошные ниши и укрытия для техники и людей. По существу заново пришлось строить полотно железной дороги. Вместо запланированных 5—6 км темп восстановления не превышал 1—1,5 км в сутки. Лишь на 12 сутки в ходе операции восстановление железной дороги было доведено до Бобруйска (50 км от исходного рубежа), а войска продвинулись за это время на 350—400 км. То был самый критический момент в работе тыла. Отрыв войск от баз снабжения достигал 400—500 км. Автотранспортных средств не хватало. Лишь после 15 июля 1944 г. наступило облегчение, когда поезда подошли к Бобруйску, затем пошли на Осиповичи и далее на запад.

Коренной сдвиг в темпах и качестве восстановления на 1-м Белорусском фронте наступил после 15 июля 1944 г. еще и потому, что в состав фронта прибыли дополнительно три железнодорожные бригады во главе с начальником Управления военно-восстановительных работ № 20 генералом Н. В. Борисовым.

Железнодорожные бригады, не имевшие своего автотранспорта, разгрузились в районе Жлобина, откуда до разрушенных участков оставалось 250—300 км. Несмотря на исключительные затруднения с автотранспортом и горючим, фронт выделил из своего резерва машины для переброски железнодорожных войск в районы восстановления, в результате чего восстановительные работы производились одновременно на 200-километровом участке. Восстановление велось встречным путем, что дало исключительно высокие средние темпы. Достаточно сказать, что ко времени выхода войск на Вислу железная дорога была восстановлена до Бреста, а затем после ускоренного восстановления железнодорожного моста через Буг поезда подошли к Седлецу.

Руководили железнодорожными войсками в каждом фронте испытанные специалисты, не раз проявившие незаурядные организаторские способности, волю и настойчивость в выполнении заданий командования. Среди них — упоминавшийся уже Герой Социалистического Труда генерал Н. В. Борисов, генерал Ф. Н. Доронин, генерал А. П. Смирнов (3-й Белорусский фронт), полковник П. И. Бакарев (2-й Белорусский фронт) и др.

Большую помощь фронтам оказывали гражданские железнодорожники, которые немало потрудились во имя победы над ненавистным врагом. Во главе их стояли самоотверженные и энергичные руководители: начальник Калининской железной дороги А. М. Васильев, начальник Западной дороги В. П. Егоров, начальник Белорусской дороги Н. И. Краснобаев, начальник Ковельской дороги Петров. Машинисты, поездные бригады, преодолевая огромные трудности фронтовой обстановки, доводили поезда непосредственно до войск, нередко подвергаясь воздушному нападению и артиллерийскому обстрелу. Не обходилось, к сожалению, без жертв.

На освобожденной части Польши (восточнее Вислы) было захвачено значительное количество вагонов и паровозов западноевропейской колеи. Органы ВОСО фронта без промедления с помощью польских железнодорожников организовали использование этого подвижного состава. Вторые пути, а также рокадные пути не стали перешивать на союзную колею, и по пим пошли грузы как военные, так и народнохозяйственные, столь, необходимые в то время.

В ходе Белорусской операции значительная нагрузка легла на автомобильный транспорт. В связи с этим возникло много задач по дорожному строительству.

В 1944 г. в центральной части Белоруссии густота сети автомобильных дорог составляла 15—20 км на каждые 100 кв. км площади, в том числе 3 км шоссейных дорог и 10—15 улучшенных грунтовых дорог. А в полосе наступления 1-го Белорусского фронта густота сети автомобильных дорог была вдвое меньше. Протяженность автомобильных дорог в полосе каждого фронта составляла в среднем 1500 км. Потребовались огромные уси-

лия дорожных войск, чтобы обеспечить интенсивное движение автотранспорта.

Техническая оснащенность дорожных войск была низкой. Механовооруженность одного рабочего не превышала тогда двух лошадиных сил против 30—40 лошадиных сил в наше время. В годы войны автогрейдер был мечтой многих дорожников; чаще всего пользовались грейдером на тракторной тяге, а то и на конной. Ручной труд в дорожном строительстве применялся довольно широко, что, естественно, вело к увеличению численности личного состава тылов.

Тем не менее дорожные войска показывали сравнительно высокую производительность труда благодаря накопленному опыту. Они с небывалым мастерством и скоростью воздвигали мосты через крупные реки, встречавшиеся в полосе наступления. Наиболее широко применялось тогда строительство низководных мостов с целью быстрейшего пропуска войск и транспорта. Обычно один такой мост возводился силами нескольких батальонов за два-три дня. В ходе Белорусской операции зародилась идея совмещения специальностей дорожника и мостовика. Многие солдаты дорожной службы овладели мостостроительными специальностями, и это намного ускоряло восстановительные работы.

Еще более содействовала успеху восстановления дорог и мостов дружная, согласованная работа дорожных и инженерных войск, оснащенных более передовой техникой. Были дни, когда их механизмы простаивали из-за отсутствия работ в войсковых районах. Начальник инженерных войск 1-го Белорусского фронта генерал А. И. Прошляков всегда шел навстречу дорожникам, оказывая им помощь во всем. В свою очередь начальник дорожных войск фронта генерал Г. Т. Донец своими батальонами помогал строительству инженерных сооружений.

Согласованная работа дорожных и инженерных войск отмечалась и на других фронтах.

В ходе наступления большое внимание уделялось дорожно-эксплуатационной службе. На фронтовых и частично на армейских дорогах были открыты питательные пункты, медпункты, пункты технической помощи, заправки ГСМ, сбора тары и загрузки ею обратного порожняка и др. Все это облегчало быт водителей, ускоряло производство технических осмотров и ремонтов машин, содействовало успешному пробегу всего нашего автотранспорта.

В составе каждого из четырех фронтов в 1944 г. насчитывалось автомобилей разного назначения от 40 до 70 тыс. Из них транспортных машин было примерно 11%.

1-й Белорусский фронт имел 70 тыс. автомобилей, в том числе транспортных 8 тыс. Преобладающее число транспортных машин находилось во фронтовом резерве, что диктовалось, с одной стороны, маневренным характером операции, с другой — нехваткой машин. В ходе быстро меняющейся обстановки начальник

тыла фронта имел возможность более гибко реагировать на запросы той или иной армии. Поэтому фронтовое командование, как правило, оставляло в своем резерве 70—75% всех транспортных машин.

Основной задачей автомобилистов в период подготовки Белорусской операции было доведение машин до высокой технической готовности. Практически это означало безремонтный пробег каждой машиной не менее 5 тыс. км. К началу операции коэффициент технической готовности автомобильного парка составлял в каждом фронте 92—95%, что считалось вполне удовлетворительным в годы войны, так считается это и в наши дни.

Общая грузоподъемность фронтового и армейского автотранспорта четырех фронтов равнялась 26 тыс. т.

А сколько тонн грузов предстояло подвозить ежедневно в войска? По опыту предшествовавших операций войскам нужно было подвозить в сутки одну десятую боевого комплекта боеприпасов, одну четверть заправки горючего, одну суточную дачу продовольствия. Вместе с другими материальными средствами все это составляло около 15 тыс. т для четырех фронтов. Пробег машины в летних условиях планировался в 200 км. Следовательно, наличным автотранспортом регулярный подвоз материальных средств обеспечивался на глубину до 250 км, в чем легко убедиться, произведя небольшой расчет.

При среднем темпе наступления 15—16 км (как предусматривалось по плану) и при известном перенапряжении сил водителей бесперебойный подвоз мог осуществляться в течение 12—14 суток. После этого, если не вступали в строй железные дороги, неизбежно наступал кризис в работе тыла.

Выше мы показали, что железные дороги в полосе 1-го Белорусского фронта вступили в строй лишь на 20-е сутки наступления. Не случайно, что этот фронт в период между 10 и 25 июля 1944 г. испытывал небывалые трудности со снабжением действующих войск. В эти дни растяжка грунтовых коммуникаций достигала 400 км, или 800 км в оба конца.

Чтобы ослабить в какой-то мере напряжение с перевозками, пришлось мобилизовать и войсковой автотранспорт, отвлекать который обычно не рекомендовалось. Но и это не помогло. Не хватало бензина. Автомашина расходовала 7—8 заправок, чтобы сделать один рейс с боеприпасами или горючим.

Созданных запасов нам хватило ненадолго. Если бы в 1944 г. мы имели больше горючего, то даже то количество автотранспорта, которым располагали фронты, могло обеспечить первоочередные нужды наступавших войск.

Нельзя не отметить самоотверженную работу водителей машин. Как уже упоминалось, мы планировали среднесуточный пробег автомобиля в 200 км. Практически же, если не было перебоев с горючим, наши доблестные водители могли «выжимать» до 400—500 км в сутки. Так, водители Чогуб, Домашов,

Шмаль, Песчерин, Гладышев, Иванов, Лаврухин, Воронов из 57-го автомобильного полка 18-й автомобильной бригады в отдельные дни утраивали пробег своих машин. Машины взвода лейтенанта Летуня из 56-го автомобильного полка той же бригады прошли за сутки 400 км и доставили боеприпасы. Вся рота старшего лейтенанта Жума ежесуточно совершала пробег в среднем 430 км. Таких примеров множество. Конечно, длительное время такого напряжения не выдержать, но советские воины, движимые сильными патриотическими чувствами, совершали, казалось бы, невозможное.

И не только самоотверженный труд водителей решал вопрос. Не менее важное значение имела организация использования автомобильного транспорта. Опыт работы 18-й автомобильной бригады (впоследствии Барановичской) под командованием полковника Б. Н. Кугутова подтверждает значение высокой организованности перевозок. Среднесуточный пробег этой бригады на протяжении всей операции достигал 350 км. Борис Николаевич Кугутов так организовал отдых водителей, техосмотр и заправку машин в пути, своевременную погрузку и разгрузку, что автотранспорт бригады работал с высокой ритмичностью и минимальными простоями. Однако мы не можем сказать, что простоев на фронте было немного. К примеру сказать, на 1-м Белорусском фронте автотранспорт простаивал временами очень подолгу из-за отсутствия погрузочно-разгрузочных механизмов. В основном погрузочные работы выполнялись вручную. Простой автотранспорта за период Белорусской операции только по 1-му Белорусскому фронту составил 3254 машино-дня. А ведь сколько звонких лозунгов и красочных плакатов читали мы перед войной о пользе механизации погрузочно-разгрузочных работ, сколько демонстрировалось механизмов, которые рекомендовалось внедрить в практику. Увы, этого не оказалось на фронте. Да и условия хранения имущества на фронте (земляные укрытия, овраги, леса) не всегда позволяли применить городскую механизацию, рассчитанную на асфальтовые дорожки. Эта проблема в минувшей войне не была решена.

Известный интерес представляет вопрос о принципах управления автотранспортом на опыте данной операции. В газетах и журналах военного времени немало было высказываний в пользу как централизованного, так и децентрализованного метода. Последний означал в то время «раздачу» фронтового автотранспорта «потребителям», т. е. артснабжению, медицинскому управлению, инженерным войскам, армиям и т. д. Казалось бы, раздал всем понемногу, удовлетворил запросы самых «беспокойных» претендентов и живи себе спокойно,— все равно ничего в резерве не осталось. Увы, жизнь никого не пощадит за промахи на войне. Сколько бы ты ни доказывал в критический момент, что весь транспорт отдал в распоряжение артиллеристов, те же артиллеристы тебе не простят этого. Им нужны боеприпасы, а транс-

порта не хватает. И виноват во всем будет тот же начальник тыла.

И тут обнаруживается вся несостоятельность метода децентрализованного управления транспортом. Любая попытка собрать в кулак розданный автотранспорт — бесполезна. Он «бродит» по территории в несколько сот тысяч квадратных километров, и никакие патрули не могут уловить его.

Иное дело — централизованное управление автотранспортом, особенно когда его мало. Любой ценой держать его в руках начальника тыла! И чем его меньше, тем неукоснительнее должен быть соблюден этот принцип. Нет сомнения, что держать в руках столь значительную массу машин — дело нелегкое, оно требует от штаба тыла много внимания, хлопот, неизмеримо повышает ответственность начальника тыла за своевременную подачу на фронт всего необходимого. Это бесспорно так. Но ведь для того ты и начальник, чтобы отвечать за порученное дело.

И еще несколько слов о ремонте автомобилей в ходе Белорусской операции. Кажется маловероятным, что к концу этой операции техническое состояние автомашин осталось таким, каким оно было к началу операции. Между тем это факт. И тут решающую роль сыграла организация ремонта, новый технологический подход к решению этой проблемы.

Приведем один документ.

«Ко времени проведения Белорусской операции на 1-м Белорусском фронте почти все автомобили отечественного производства (ГАЗ и ЗИС) работали на поршнях, поршневых кольцах и пальцах собственного фронтового производства. Подавляющее большинство их двигателей было загильзовано гильзами собственного литья и собственной обработки. На фронте изготовлялись почти все шкворни, втулки шкворней и рессор, рессорные пальцы, значительная часть бензопроводов ГАЗ-АА, текстропные ремни вентиляторов».

К началу этой операции авторемонтная служба фронта располагала не только большим количеством запчастей собственного производства, но и специализированными мастерскими по производству капитальных ремонтов двигателей. Так, рембоезд № 3 выпускал в месяц 60 капитально отремонтированных двигателей (в четырехцилиндровом исчислении).

В ходе наступления агрегатная обменная база следовала по маршруту Жлобин — Бобруйск — Барановичи — Гайновка, снабжая отдельные ремонтно-восстановительные батальоны правофланговых армий отремонтированными моторами в обмен на ремонтный фонд.

Об этом пишет полковник запаса Б. Л. Соломянский — один из видных специалистов автомобильной службы фронта периода Великой Отечественной войны.

К этому можно добавить, что даже для машин иностранных марок изготовлялись на фронте всевозможные запчасти, что в

большей степени освободило наше государство от зависимости в этом вопросе.

Война многому научила. Фронтовые ремонтные органы имели свои передвижные вагранки, формовочный инструмент, шлифовальные станки высокой точности, лабораторную аппаратуру для проверки качества стали, чугуна, ферросплавов и т. д. Вагранка, построенная фронтовыми специалистами, давала 2—2,5 т жидкого металла в час. В этом большая заслуга военных инженеров Кругляка, Данкевича, Лихтенштейна и др.

Белорусам небезынтересно знать, что в 1944 г. в Слобудке (возле Пружаны) в помещениях разрушенных конюшен бывшего кавалерийского полка был оборудован полевой авторемонтный завод, где с помощью академика И. П. Бардина при личном участии профессоров Ф. М. Гальперина, М. Г. Лозинского, В. П. Гречина была налажена высокочастотная закалка коленчатых валов, что в те годы было новинкой в машиностроении. Названный завод в Пружанах так и остался там до конца войны. Военный совет фронта в качестве дара передал завод правительству Белоруссии.

За большую работу по техническому оснащению авторемонтных органов Военный совет 1-го Белорусского фронта наградил профессоров Гальперина, Лозинского и Гречина орденами Красной Звезды.

Среди инициаторов и организаторов внедрения новейших способов обработки металла, массового изготовления запчастей к автомашинам на 1-м Белорусском фронте по праву ведущее место принадлежит Б. Л. Соломянскому, работающему ныне в промышленности Грузии.

В момент наибольшей растяжки коммуникации (15—25 июля 1944 г.) и в связи с глубоким вторжением в тыл противника конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева командованию 1-го Белорусского фронта пришлось использовать авиацию для подачи грузов по воздуху.

Самолеты По-2 доставляли горючее группе Плиева в район севернее Бреста, перелетая через боевые порядки противника. Один самолет поднимал около 200 кг. За 2—3 рейса в сутки 30 таких самолетов доставляли до 15 т горючего. Для положения, в котором находилась конно-механизированная группа, даже такое небольшое количество имело неоценимое значение.

В эти же дни по приказу Верховного Главнокомандующего на аэродромы 1-го Белорусского фронта прибыло 40 самолетов с задачей помочь фронту в подаче грузов в войска. Это было неожиданностью, и тыл фронта не был готов к немедленному использованию такого мобильного транспорта, как авиация. Склады с горючим, с боеприпасами дислоцировались, как правило, далеко от аэродромов. Пришлось в срочном порядке подвозить за десятки километров в специальной таре горючее для погрузки на самолеты. Прошло два-три дня, пока достигли необходимой четкости

в использовании транспортной авиации. За несколько дней было доставлено по воздуху в войска около 60 т различных видов горючего. Это дало возможность ударным группировкам фронта безостановочно преследовать врага. Несколькими днями позже наладилось снабжение войск с помощью железнодорожного подвоза, и трудности остались позади.

Опыт использования транспортной авиации в наступлении впоследствии был тщательно изучен и успешно реализован в Висло-Одерской операции.

Что касается использования водных коммуникаций, то в ходе операции было отправлено по р. Березине из Бобруйска несколько барж с ранеными и продовольствием. Днепро-Бугский канал был настолько разрушен, что воспользоваться им пришлось лишь после завершения Белорусской операции.

Соседние фронты также небольшое количество грузов перевезли по Днепру и Неману.

Госпитальная база фронта насчитывала в своем составе 120 тыс. коек (не считая армейской). Из них 70 тыс. коек было в госпиталях на правом фланге и 50 тыс.— на левом. На других фронтах, участвовавших в этой операции, емкость ГБФ составляла 60—80 тыс. коек.

Медицинское обеспечение войск 1-го Белорусского фронта в ходе наступления сопровождалось большими трудностями. Причиной тому был прежде всего большой отрыв фронтовой госпитальной базы правого крыла фронта еще до начала операции.

Из-за нехватки железнодорожного и автомобильного транспорта десятки фронтовых госпиталей оставались незадействованными в районах Злынки, Ново-Зыбкова, Унечи (200—250 км от войск), тогда как передовая госпитальная база фронта, а также армейские ППГ оказались переполненными ранеными.

Наиболее острое положение создалось в самом конце операции, когда войска вышли на Вислу и завязались ожесточенные бои за удержание и расширение плацдармов на левом берегу реки. Санитарные потери здесь резко возросли. Если взять эти потери с 24 июня по 3 августа 1944 г. (период наступательных действий 1-го Белорусского фронта) за 100%, то за последующий месяц (период борьбы за удержание плацдармов) они удвоились. Маневр медицинскими учреждениями за счет левого крыла фронта значительно разрядил обстановку, но положение оставалось напряженным до той поры, пока не были передислоцированы резервные госпитали из глубины тылового района фронта. Лишний раз пришлось убедиться в том, что перед началом глубокой наступательной операции госпитальная база фронта должна быть максимально приближена к войскам.

От медицинской службы фронтов потребовалось немало усилий для организации медицинского обслуживания раненых военнопленных, оставшихся после ликвидации окруженных группировок противника в районах Минска, Бобруйска и др. В тех же

районах сложилась крайне опасная эпидемиологическая обстановка летом 1944 г. из-за незахоронения множества трупов. Этому вопросу командование фронтов и армий уделило большое внимание, и угроза вспышки эпидемии была предотвращена.

В целом медицинское обеспечение войск всех четырех фронтов в Белорусской операции протекало более успешно и организованно, нежели в предыдущих операциях. Да и размеры санитарных потерь также уменьшились, что свидетельствует о возросшем воинском мастерстве как командиров, так и рядовых солдат Красной Армии.

☆

Управление оперативным тылом в Белорусской операции, как уже видно из предыдущего, осуществлялось в сложной обстановке.

Важнейшим элементом управления является планирование. Мы понимали, что чем глубже и всестороннее спланированы мероприятия по тылу перед началом операции, тем успешнее будет протекать работа тыла в ходе операции. Фактор предвидения имеет исключительное значение при этом. Знать глубину предстоящей операции, группировку и характер действий своих сил, иметь хотя бы общее представление об экономике, физико-географических особенностях местности, занимаемой противником,— все это крайне важно, без этого трудно найти правильное решение организационных вопросов тыла.

Сама наступательная операция 1-го Белорусского фронта носила наименование «Бобруйская». Затем по мере развития наступления были проведены Пинская, Барановичская, Брестская и другие операции. Для оперативного тыла задача обеспечения наступательных действий на глубину 200—300 км трудностей не составляла.

В действительности же войска 1-го Белорусского фронта в данной операции продвинулись на 600 км, выйдя на Вислу и захватив плацдармы на западном берегу ее, где бои приняли наиболее ожесточенный характер. Такой глубины операции при первоначальном планировании командование фронта, особенно руководство тылом фронта, не предусматривало, в результате чего фронт к началу операции имел лишь то количество материальных средств, транспортных и других ресурсов, которого должно было хватить на глубину 200—300 км.

Опыт тылового обеспечения Белорусской операции выдвигает два непременных условия:

начальник тыла не должен ограничивать свои плановые мероприятия рамками оперативного планирования, а предусматривать возможность более глубокого и успешного развития боевых действий, обеспечивать которые тыл обязан во всех случаях;

начальник тыла должен считать непреложным законом — сохранение до конца операции в руках начальника тыла опреде-

ленного минимума резервных сил и средств тыла (транспорт, горючее, свободную коечную емкость в госпиталях, резерв наиболее ходовых калибров боеприпасов, создание некоторого запаса затаренных грузов для транспортирования по воздуху и др.).

Как в Белорусской, так и в некоторых других наступательных операциях уделялось наибольшее внимание обеспечению первых этапов наступления (прорыв, преодоление ближайшей оперативной глубины обороны противника) и совсем недостаточно разрабатывались мероприятия по обеспечению завершающего этапа операции. Действительный ход событий потребовал коренного пересмотра такой практики. Планирование тылового обеспечения должно охватывать все этапы операции вплоть до полного ее завершения.

И тут возникает вопрос: что значит завершение наступательной операции? Теория военного искусства четко определяет содержание этого понятия: концом наступательной операции надо считать не только выход войск на заданный (конечный) рубеж, но также удержание этого рубежа, расширение плацдарма (если он есть), создание благоприятных условий для подготовки последующей операции.

Задачи оперативного тыла в этом случае значительно расширяются. Как уже говорилось, прежде всего — сохранение резервов тыла. Восстанавливать ресурсы, удерживать в своих руках порой очень небольшие резервы — дело большого искусства и даже мужества. Нажим на начальника тыла с разных сторон бывает настолько велик, что надо иметь немалую выдержку, чтобы не раздать все до последней единицы.

А раздать все — значит обречь себя на положение беспомощного созерцателя надвигающихся событий. Следовательно, хоть минимум резервных сил и средств в руках начальника тыла — таков непреложный вывод из опыта Белорусской операции.

Маневр материальными средствами из глубины в ходе наступления всегда реальнее, действеннее, нежели безнадежная попытка маневрировать по фронту, т. е. путем переброски их из одной армии в другую.

Штаб тыла фронта, как орган управления тылом 1-го Белорусского фронта, оставался в с. Народичи, в 20 км от Овруча, где размещался штаб фронта. На правом крыле фронта в ходе наступления находился командующий фронтом со своей оперативной группой, а также оперативно-тыловая группа в количестве пяти-шести человек во главе с начальником штаба генералом М. К. Шляхтенко и членом Военного совета фронта по тылу генералом К. Ф. Телегиным. Такой порядок управления тылом фронта сохранился до конца операции.

Больше всего беспокоил тогда вопрос с горючим. Запасы его быстро таяли, а то, что находилось в пути, очень медленно продвигалось к фронту.

И еще несколько слов о работе трофейной службы.

После битвы под Курском трофейные органы фронта долгое время были заняты сбором подбитой техники и отправкой ее на металлургические заводы страны. До весны 1944 г. продолжалась эта трудная работа, и к началу Белорусской операции многие трофейные части фронта оставались в глубоком тылу.

По-новому поставлены были задачи перед трофейными органами в связи с успешным проведением Белорусской операции. Прежде всего они должны были взять под охрану имущество, предприятия, всевозможные ценности, оставляемые противником в ходе поспешного отступления. Не допустить разбазаривания, безучетного использования этого имущества воинскими частями и местным населением — такова была задача передовых трофейных подразделений, продвигавшихся вместе с дивизиями первых эшелонов. Особенно положительные результаты дала такая практика при захвате крупных складов противника в районе Осиповичи, Барановичи, Брест, Люблин, Седлец. Тысячи тонн продовольствия, фуража были оприходованы и обращены на плановое снабжение войск.

☆

Органы тыла провели большую организационно-хозяйственную работу по обеспечению грандиозного наступления Красной Армии летом 1944 г.

Самоотверженный труд людей, находившихся в системе тыла от роты до фронтового управления, явился результатом глубокого партийно-политического воспитания их в духе безграничной преданности Родине, постоянной готовности к полному самопожертвованию во имя победы над ненавистным врагом. Коммунисты системы тыла практическими делами на любом участке показывали свою авангардную роль и всегда служили добрым примером выполнения священного долга перед партией, перед Родиной.

Тысячи и тысячи солдат, офицеров, генералов тыла вместе со всеми доблестными войсками Красной Армии внесли достойный вклад в освобождение Белоруссии от фашистского ига.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

А. У. ТАРАСЕНКО

...И ВНОВЬ ОЖИВАЮТ СТАЛЬНЫЕ СЕРДЦА

(ТАНКИСТЫ-РЕМОНТНИКИ 3-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА В ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»)

Давно улеглась пыль на дорогах войны, смолк рев моторов, затих гул артиллерийских канонад. Победа увенчала народный подвиг. Бессильно прошелестели фашистские штандарты, поверженные в прах на Красной площади Москвы. Война закончилась, а история идет своим путем.

И чем дальше уходят тяжкие военные годы, тем все яснее мы различаем то, чего не могли рассмотреть в дыму и пламени боев. Это обстоятельство помогает полновеснее и глубже освещать все стороны боевой страды советских воинов в годы минувшей войны.

В нашей литературе много книг посвящено героическим боевым делам летчиков, танкистов, пехотинцев, моряков, совершивших незабываемые подвиги в смертельной схватке с врагом, многие из них запечатлены в бронзе и камне. Многие герои войны еще ждут своих авторов. Советский народ не забывает и никогда не забудет подвиги, совершенные героями во имя свободы, во имя счастья людей на земле.

Нельзя совершить новые подвиги, не зная подвигов, совершенных в прошлом. Нам представляется, что настало время опи-

сать огромный и неоценимый труд многих десятков тысяч воинов-ремонтников: танкистов, авиаторов, автомобилистов и других специалистов. Эти достойные славы русских умельцев скромные труженики войны поистине совершили ратный подвиг в борьбе за вторую жизнь подбитых, полусожженных танков, самолетов, автомобилей. Сотни, тысячи боевых и колесных машин, застывших на поле боя и искалеченных вражескими снарядами, бомбами, минами, в результате самоотверженного, героического труда ремонтников снова становились в строй и шли в бой. Днем и ночью, в леденящую стужу и в жару, в тылу своих войск и под огнем противника, непосредственно на поле боя непрерывно шла поистине титаническая работа.

Панорамная картина этого удивительного по своей напряженности и результатам ратного труда ремонтников еще ждет своего полного описания. Испытывая желание внести хотя бы небольшую лепту в эту работу, я сделал попытку в краткой статье рассказать о танкистах-ремонтниках 3-го Белорусского фронта, об их нелегком труде в период освобождения нашими войсками Белоруссии.

Автор этих строк в то время возглавлял отдел ремонта и эвакуации управления командующего бронетанковыми и механизированными войсками 3-го Белорусского фронта и вместе с другими офицерами занимался вопросами ремонта и восстановления танков.

После зимних боев 1944 г. на витебском направлении войска 3-го Белорусского фронта перешли к обороне и приступили к перегруппировке сил с целью подготовки к новой наступательной операции. Бронетанковые части и соединения были выведены в армейский или фронтовой резерв для доукомплектования боевой техникой и личным составом, после чего в соответствии с утвержденным планом перегруппировок войск фронта в течение апреля — мая 1944 г. выводились в новые районы. Отдельные танковые бригады и танко-самоходные полки, насчитывавшие в своем составе 362 боевые машины, совершили марш из-под Витебска в район Орши общей протяженностью 150 км. Машины двигались в ночное время по раскисшим дорогам и заболоченным участкам. Это привело к тому, что у многих из них были сожжены главные фрикционы, а некоторые вышли из строя из-за чрезмерных перегрузок силовых установок.

Перед танко-ремонтной службой фронта встала неотложная задача как можно быстрее восстановить вышедшие из строя танки. С этой целью были использованы все ремонтные подразделения частей, а также некоторая часть ремонтных средств фронтового подчинения. Однако из-за острой нехватки запасных частей, узлов и агрегатов график выхода танков из ремонта не выдерживался. Личный состав ремонтных частей и офицеры ремонтного отдела приложили много усилий, проявили большую изобретательность, чтобы восстановить машины.

По мере поступления недостающих запасных частей темпы ремонтных работ нарастали, отремонтированные танки все быстрее и быстрее стали возвращаться в свои части.

Начиная с первой половины мая 1944 г. из резерва Ставки Верховного Главнокомандования в состав 3-го Белорусского фронта стали прибывать железнодорожным транспортом бронетанковые и механизированные войска. В стрелковые корпуса прибыло по одному легкому самоходно-артиллерийскому полку СУ-76. Тяжелые танковые полки прорыва и тяжелые самоходно-артиллерийские полки (ИСУ) разгрузили на железнодорожных станциях Выдрея и Гусино, они, как позднее стало известно, предназначались для усиления войск, действовавших на оршанском и богушевском направлениях.

Танковые и механизированные соединения после выгрузки сосредоточились в районах узлов шоссейных и грунтовых дорог.

2-й гвардейский танковый Тацинский корпус под командованием генерала А. С. Бурдейного вначале сосредоточился в районе Старые Ватеки, Никулино, Красная Горка, ст. Катынь, а затем в течение четырех ночей был выведен в новый выжидательный район: Застенки, Красное.

Корпус выдвигался побригадно, имея в своем распоряжении лишь одну дорогу. Чтобы осуществить этот марш скрытно, потребовалась тщательная подготовка личного состава, материальной части и особенно службы регулирования. К чести командования корпуса, командиров бригад и их штабов задача была выполнена в назначенные сроки. 20 июня командир корпуса доложил в штаб фронта о полном сосредоточении корпуса в заданном районе.

3-й гвардейский механизированный Сталинградский корпус, которым командовал генерал В. Т. Обухов, выгрузился на станциях Велино, Тишино, Лелеквинская (в среднем в сутки прибывало по 3—4 эшелона) и сосредоточился в лесах вдоль автострады Москва — Минск, в районе населенных пунктов Архиповка, Светцы, Велино.

5-я гвардейская танковая армия — командующий армией маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров — выгрузилась на пяти железнодорожных станциях в районе Смоленска и сосредоточилась в лесах 10—15 км севернее Смоленска, в районе автострады Москва — Минск, а к 21 июня 1944 г. выдвинулась в район лесов северо-восточнее ст. Гусино, расположив танковые корпуса вдоль шоссейных дорог Москва — Минск и Смоленск — Витебск.

О прибытии танковых и механизированных соединений в состав фронта осведомлен был ограниченный круг лиц. На все виды довольствия прибывающие части и соединения ставились лично начальниками управлений и отделов фронта. Маскировка районов сосредоточения и выжидательных районов, по указанию штаба фронта, контролировалась с воздуха.

Сосредоточение бронетанковых войск фронта в заданных им районах было закончено к 21 июня 1944 г.

Отдельные танковые бригады, танковые и танко-самоходные полки, ранее входившие в состав фронта, к этому времени были полностью укомплектованы материальной частью, восстановленной ремонтными средствами силами всех частей фронтового подчинения.

Бронетанковые войска, прибывшие из резерва Ставки Верховного Главнокомандования, в основном были укомплектованы новой материальной частью, за исключением 5-й гвардейской танковой армии, которая имела до 40% танков и самоходных установок, бывших в боях и требовавших тщательного обслуживания и ремонта.

По решению командующего 3-м Белорусским фронтом для прорыва обороны противника были созданы две ударные группировки. Одна, состоявшая из 39-й и 5-й армий и конно-механизированной группы (3-й гвардейский механизированный и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса), должна была прорвать оборону противника на участке от Карповичей до Высочан и, развивая удар на Гнездиловичи и Сенно, во взаимодействии с войсками 1-го Прибалтийского фронта разгромить группировку противника в районе Витебска, овладеть на третий день операции Витебском и выйти на рубеж оз. Сарро, Яново. В полосе наступления 5-й армии должна была вводиться в прорыв конно-механизированная группа. Эта группа в ночь на второй день операции должна была быть готова войти в прорыв с рубежа р. Лучесы, а затем, развивая успех в направлении Сенно, Холопеничи, захватить на шестой день операции переправы на Березине северо-западнее Борисова.

Другая ударная группировка фронта в составе 11-й гвардейской и 31-й армий получила задачу прорвать вражескую оборону на участке от Остров-Юрьев до Загвоздино и, наступая главными силами вдоль Минской автострады на Борисов, а частью сил на Оршу с севера, на третий день операции освободить Оршу и выйти на линию Яново, Орша. 2-му гвардейскому танковому Тацинскому корпусу, входившему в состав 11-й гвардейской армии, ставилась задача наступать в общем направлении на Староселье и на шестой день операции выйти на р. Березину в районе Чернявки, перехватив коммуникации оршанской группировки противника с запада. Осуществление ввода в прорыв 5-й гвардейской танковой армии планировалось по двум направлениям. По первому варианту она должна была войти в прорыв в стыке 11-й гвардейской и 31-й армии и наступать вдоль Минской автострады на Борисов. По второму варианту ввод ее в прорыв намечался в полосе 5-й армии для наступления на Богушевск, Толочин и далее на Борисов.

Темпы наступления подвижных войск фронта определялись в 30—35 км в сутки.

Всего во фронте имелось 1810 танков и самоходно-артиллерийских установок.

Большое насыщение войск фронта танками и самоходными установками требовало от нас, офицеров ремонтной службы, организации бесперебойного и надежного технического обслуживания всей этой массы боевой техники в ходе наступательного боя.

Перед ремонтно-эвакуационными частями и подразделениями стояли сложные задачи, поскольку техническое обеспечение танков и самоходно-артиллерийских установок необходимо было осуществлять в условиях быстрого продвижения войск и на большую глубину.

Опыта организации технического обеспечения столь крупных танковых масс в ходе крупных наступательных операций у нас не было. Что же касается зимних боев 1944 г. нашего фронта, то, как известно, они не получили своего развития, и это, естественно, наложило отпечаток и на организацию ремонта и эвакуации бронетанковой техники. В условиях небольшого продвижения войск тылы частей, соединений и объединений, как правило, располагались недалеко от своих частей. Растяжка путей эвакуации поврежденных танков была невелика. Ремонтные части имели возможность продолжительное время работать на одном месте. В таких условиях были четко отработаны все вопросы технического обеспечения и взаимодействия во всех звеньях от танковой бригады до армии и фронта.

В предстоявшей операции, помимо учета накопленного опыта, необходимо было исходя из конкретной обстановки выработать новые организационные формы службы технического обеспечения боя. В связи с тем, что фронт имел две ударные группировки войск, было принято решение все ремонтно-эвакуационные средства фронта и средства, прибывшие из резерва Ставки Верховного Главнокомандования, объединить в два ремонтных центра по одному для каждого из направлений, на которых должны были действовать ударные группировки. Один — на оршанском направлении в районе ст. Красное и второй — на богушевском направлении в районе ст. Крынки.

Часть ремонтно-эвакуационных средств была придана армиям для непосредственного обслуживания танковых частей. Во главе ремонтных центров были поставлены опытные организаторы ремонтно-эвакуационной службы, старшие помощники начальника ремонтно-эвакуационного отдела фронта: на оршанском направлении — инженер-подполковник В. А. Бессонов и на богушевском — инженер-майор С. П. Шанин.

Распределяя ремонтно-эвакуационные средства фронта по направлениям, мы исходили из наличия танков на данном направлении и из ориентировочного расчета предполагаемых потерь. Расчет потерь основывался на опыте предыдущих боев войск фронта под Белевом, Сухиничами, Ржевом, Спас-Деменском и Витебском, в которых танковые части прорывали глубоко эшелонированную

оборону противника. Опережая несколько события, следует заметить, что принятые нами предполагаемые потери на 85—95% совпали с действительными потерями танков и САУ за летнюю операцию.

Поскольку создание ремонтных центров было делом новым, необходимо было четко определить их функции. С этой целью 10 июня 1944 г. командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-лейтенант А. Г. Родин утвердил разработанное отделом ремонта и эвакуаций положение о ремонтном центре. Оно вносило ясность в систему работы ремонтно-эвакуационных средств фронта и армий, определяло функции и взаимоотношения, права и обязанности их работников.

Для войсковых частей были разработаны положения о ремонтно-эвакуационной группе танковой бригады, полка и положение о пункте наблюдения и связи.

Одновременно с отработкой системы организации эвакуации и ремонта была создана новая форма отчетности, наиболее полно отвечавшая требованиям организации ремонта и эвакуации танков. Схема организации службы сбора донесений и связи в звене от танкового батальона до помощника командующего по ремонту и снабжению бронетанковых и механизированных войск фронта была согласована с начальником штаба бронетанковых и механизированных войск фронта, причем было предусмотрено использование каналов оперативной связи.

Накопленный нами опыт подсказывал, что подчинение основной массы ремонтных частей фронту, как правило, давало наибольший эффект и поэтому являлось наиболее приемлемой формой использования ремонтных средств.

Создавая такую систему организации ремонтно-эвакуационной службы, мы исходили из следующего. В первые 5—6 дней операции, т. е. когда еще не сосредоточен ремонтный фонд, ремонтные части фронта целесообразно использовать для усиления ремонтных подразделений войсковых частей. Затем по мере сосредоточения ремонтного фонда на сборных пунктах аварийных машин (СПАМ) ремонтные части приступают к ремонту обезличенных танков, из которых создается затем резерв командующего фронтом. То же самое можно сказать и об использовании эвакосредств.

Правда, претворение в жизнь всей этой системы ремонта и эвакуации требовало постоянного и действенного руководства со стороны офицеров ремонтно-эвакуационного отдела фронта непосредственно на местах с тем, чтобы вовремя реагировать на изменения в обстановке и своевременно принимать соответствующие решения.

Весной 1944 г. почти одновременно с командующим 3-м Белорусским фронтом генерал-полковником Иваном Даниловичем Черняховским прибыл на должность помощника командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта по ремонту

и снабжению инженер-полковник Н. М. Зиновьев — опытный инженер-танкист и хороший организатор. В период подготовки Белорусской операции и в ходе ее он успешно руководил организацией и работой всей ремонтно-эвакуационной службы фронта. И в том, что эта служба четко и бесперебойно работала на протяжении всей операции, большая заслуга и Н. М. Зиновьева.

В течение мая и первой половины июня 1944 г. ремонтные части фронта напряженно трудились над восстановлением вышедшей из строя материальной части в ходе зимних боев в районе Витебска.

Но не только этим занимались ремонтные части. Ведь нужно было еще ремонтировать большое количество материальной части прибывших во фронт частей и соединений. Поэтому окончание работ по ремонту танков и самоходных установок, участвовавших в зимних операциях фронта, являлось для значительной части ремонтных баз одновременно и началом большой работы по подготовке танков и тягачей к предстоявшим летним наступательным боям.

Естественно, что в таких условиях, несмотря на чрезвычайно напряженный труд ремонтников, ряд ремонтных частей смог закончить работу лишь за день до начала наступления. Так, 15-я подвижная ремонтная база закончила изготовление тягачей для 256-го эвакоотряда только к 22 июня 1944 г. А 22-й армейский Краснознаменный ремонтно-восстановительный батальон к этому сроку завершил ремонт последних танков для 2-й гвардейской танковой бригады. Личный состав батальона особенно много потрудился для того, чтобы в короткий срок укомплектовать это соединение танками Т-34. Дело в том, что вначале комплектование бригады планировалось осуществить новыми танками из резерва Верховного Главнокомандования, но за неделю до начала наступления мы получили приказ пополнить бригаду за счет выходящих из ремонта танков. Задача была очень трудная, как и многие сложные задачи, однако ее выполнили в срок. Особая трудность выполнения этой и подобных ей задач заключалась в том, что в сжатые до предела сроки необходимо было отремонтировать и ввести в строй большое количество боевых машин, но прежде чем их ремонтировать, нужно было подбитые и полусожженные танки буквально с боем вырывать с нейтральной зоны тягачами, главным образом в ночное время, а уж потом вдыхать в них вторую жизнь.

Почти так же обстояло дело и с укомплектованием 213-й танковой бригады. Последние шесть танков Т-34 в бригаду были доставлены из ремонта уже на выжидательные позиции и поставлены в аппарели.

Танкисты-ремонтники работали с нечеловеческим напряжением сил, без сна, без отдыха, они с честью выполняли возложенные на них задачи. Готовясь к наступлению, ремонтные бригады ремонтировали и свои походные мастерские, доукомплекто-

вывали их оборудованием, инструментом и специальными приспособлениями. Часть ремонтников была переключена на сбор и подготовку крепежа, нормалей, запасных частей и агрегатов первейшей необходимости, снятых с танков безвозвратных потерь.

Одновременно осуществлялась подготовка ремонтно-эвакуационных средств к предстоящему наступлению.

Для эвакуации тяжелозастрявших танков на обоих оперативных направлениях с разрешения Главного управления ремонта танков Красной Армии были сформированы из 256-го эвакоотряда 257-й и 256-й эвакоотряды, которые доукомплектовали положенным им по штату личным составом, тягачами и специальным такелажным оборудованием. Наряду с подготовкой тракторного парка фронтовых эвакосредств шла подготовка эвакосредств танковых частей и соединений. Всем танковым бригадам и полкам было приказано своими силами изготовить тягачи, используя с этой целью непригодные для восстановления танки. В результате всей этой работы 15 июня танковые бригады фронта были в той или иной степени укомплектованы эвакосредствами.

По опыту мы знали, что техническое обеспечение танковых и механизированных войск в предстоящем наступлении во многом будет зависеть от правильного сосредоточения и распределения запасных частей и агрегатов. Они должны быть сосредоточены на главном направлении действий войск фронта и максимально приближены к танковым и ремонтным частям. Количество запасных частей и агрегатов, как уже упоминалось, определялось количеством участвовавших в операции танков и предполагаемыми потерями.

Учитывая это обстоятельство, а также то, что фронтовые базы обеспечения ремонта находились на удалении до 100 км от района расположения ремонтных частей, необходимо было организовать промежуточные базы снабжения агрегатами, запасными частями и материалами. С этой целью на оршанском направлении в районе ст. Красное была развернута летучка 105-го склада [1], где сосредоточили детали, узлы, агрегаты и материалы первейшей необходимости. Сам 105-й склад бронетанкового имущества находился в Смоленске. Там же дислоцировался 118-й подвижный танкоагрегатный ремонтный завод. Начальником этого завода был инженер-подполковник А. А. Смоляр — спокойный, неторопливый, энергичный, хорошо знающий ремонтное дело инженер. На богушевском направлении также имелась летучка, максимально пополненная запасными частями и агрегатами.

...Была пополнена. За этой скупой фразой кроется огромный труд, удивительная изобретательность и находчивость всего личного состава ремонтных частей, изыскавших и использовавших

[1] Летучка — место хранения запасных частей, агрегатов и других материалов, доставленных автотранспортом или по железной дороге из какого-либо склада или базы к войскам.

все, какие только можно было, возможности для создания фонда запасных частей и агрегатов.

В период подготовки операции сложилось крайне тяжелое положение с запасными частями, материалами и особенно агрегатами, так как после зимних боев во время напряженной работы всех ремонтных средств по укомплектованию танковых частей отремонтированными танками (апрель — июнь 1944 г.) были израсходованы в основном все запасы. Значительно уменьшилась возможность получения оборотного фонда агрегатов и за счет разборки танков из числа подбитых и сожженных в зимних боях танков. А пополнение из центра не поступало.

Вспоминается такой эпизод. Для определения количества запчастей и агрегатов на наших фронтовых базах 10 июня я приехал в Смоленск на 105-й склад, начальником которого был инженер-майор Н. М. Люблинский.

Из докладов начальника склада мне уже было известно, что запчастей на складе мало, но то, что я увидел, превзошло самые худшие предположения. Склад был пуст. А нам предстояло восстанавливать танки, да еще в условиях, когда выход боевых машин из строя предполагался значительно большим, чем в предыдущих операциях.

Из склада я поспешил в 118-й подвижный танкоагрегатный ремонтный завод. Этот завод я хорошо знал, поскольку мне довелось его формировать и быть его первым начальником. Но и завод тоже ничем не мог порадовать.

Наличие агрегатов на складе и заводе видно из следующих таблиц [2].

С таким оборотным фондом агрегатов не представлялось возможным успешно выполнить стоявшие перед нами, ремонтниками, задачи.

Требовались срочные действенные меры для того, чтобы выправить создавшееся положение. Было решено сформировать два отряда, которые должны были разбирать танки из числа безвозвратных потерь, иными словами, те танки, которые не могли быть восстановлены. Укомплектование отрядов было произведено за счет личного состава 105-го склада и ограниченно-годных танкистов из учебного танкового полка фронта. Все, что можно было в какой-то степени еще использовать, снималось с разбитых танков, приводилось в порядок и направлялось в ремонтные части. Такой источник снабжения агрегатами и запасными частями в некоторой мере спасал положение, его удельный вес достиг особенно большого значения в ходе операции.

Планируемое поступление запасных частей и агрегатов из довольствующих управлений центра задерживалось, по железной дороге они стали поступать на фронт только в июле, т. е. когда операция уже была в полном разгаре.

[2] Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2658, д. 158, л. 12.

Таблица 1

РЕМОНТНЫЙ ФОНД 105-ГО СКЛАДА БРОНЕТАНКОВОГО ИМУЩЕСТВА

Агрегаты	Для Т-34	Для СУ-76
Двигатели	16	2
Коробки передач	2	1
Бортовые передачи	21	73
Катки опорные	12	43
Катки поддерживающие	—	121
Ведущие колеса	31	—

Таблица 2

РЕМОНТНЫЙ ФОНД 118-ГО ПОДВИЖНОГО ТАНКО-АГРЕГАТНОГО РЕМОНТНОГО ЗАВОДА

Агрегаты	Для Т-34	Для СУ-76
Двигатели	43	19
Коробки передач	67	—
Главные передачи	—	59
Бортовые передачи	—	62

В подготовительный же период шла напряженная и кропотливая работа во всех звеньях инженерно-технической службы — от танковой роты до армии фронта. Велико было наше желание обеспечить бесперебойный ремонт и восстановить материальную часть бронетанковых и механизированных войск фронта в предстоящей операции.

Офицеры управления командующего БТ и МВ фронта дневали и ночевали в войсках, решая на местах вопросы подготовки боевых машин, танковых экипажей, ремонтно-эвакуационных средств.

Я приезжал в штаб фронта лишь для того, чтобы доложить командующему БТ и МВ, а чаще члену Военного совета фронта по тылу генералу И. С. Хохлову о ходе подготовки к наступлению. Он держал под неослабным вниманием всю нашу работу. Внимательный и вместе с тем требовательный, И. С. Хохлов был хорошим наставником в работе. Глубоко вникая в существо работы, он умел развить в каждом из нас инициативу и изобретательность, качества, столь необходимые в нашей работе.

Помню, как однажды, уже в ходе операции, при очередном докладе о состоянии бронетанковой техники и ходе ее ремонта

И. С. Хохлов высказал желание посмотреть танки безвозвратных потерь и приказал мне вместе с ним выехать в район наибольших потерь. Приехали на место рано утром. Все сожженные танки — немые свидетели ожесточенных сражений — остались на рубеже боя. Насчитав более 20 сожженных «тридцатьчетверок», мы внимательно осмотрели некоторые из них, чтобы определить, что же можно использовать. Обгоревшие корпуса совсем еще недавно грозных машин теперь напоминали груду металла, годного лишь для переплавки. Горело все. На некоторых машинах от взорвавшихся внутри снарядов были сорваны башни, зияли черными дырами развороченные корпуса. Ремонтникам здесь делать нечего, сокрушенно качая головой, сказал И. С. Хохлов. И все же кое-что мы решили взять для ремонта вышедших из строя танков.

Одним из важных вопросов танко-технической службы во фронте являлся контроль за качеством подготовки машин к действиям. Каждый танк, каждая «залеченная» самоходно-артиллерийская установка тщательно осматривались, тут же на месте принимались необходимые меры для устранения обнаруженных дефектов. Так, например, во время контрольно-технических осмотров материальной части в 28-й гвардейской отдельной танковой бригаде на 14 танках были обнаружены и устранены различные неисправности, а во 2-м гвардейском танковом Тацинском корпусе на 53 танках, прошедших по 120—150 км, произошло самопроизвольное отвертывание гайки штока подвески опорных катков. Своевременное выявление этого серьезного дефекта и принятые меры по его устранению предупредили массовый выход танков из строя по техническим причинам.

Таковы были будни танкистов-ремонтников. Крупные мероприятия и технические «мелочи» — все входило в их повседневную работу, от которой во многом зависела боеспособность бронетанковых и механизированных войск фронта в предстоявшем наступлении на земле многострадальной Белоруссии.

Нельзя не упомянуть и о таком важном факторе, как высокая боевая выучка и хорошая техническая подготовка механиков — водителей танков и самоходно-артиллерийских установок.

Роль этих воинов-кормчих в бою трудно переоценить. От их действий так же, как, например, от действий пилота, во многом зависел ход и исход боя. Чем опытнее механик-водитель, тем больше можно было рассчитывать на успех, чем лучше он подготовлен в техническом отношении, тем больше живучесть машины. Вот почему мы особое внимание уделяли подготовке механиков-водителей, целью которой было приобретение ими практических навыков для проведения регулировочных работ на танках, их обслуживания и устранения мелких неисправностей с помощью возимого на танках ЗИПа, а также отработка всевозможных приемов вождения танков в лесисто-болотистой местности и самовытаскивания их.

Помощник командующего БТ и МВ 11-й гвардейской армии по ремонту и эксплуатации бронетанковой техники подполковник М. В. Шевандо, вспоминая те дни, дни напряженной работы в войсках при подготовке к операции, рассказывал: район боевых действий танковых частей армии характерен резко пересеченной местностью, наличием болот, торфяников, отсутствием путей обхода, густой системой минных полей и противотанковой артиллерии, все это приходилось учитывать офицерам инженерно-технической службы армии, как при подготовке материальной части, так и, особенно, экипажей танков. К началу боевых действий запас моторесурсов по танковому парку армии составлял 100—150 моточасов, а 120-я танковая бригада и 63-й гвардейский танковый полк прорыва имели запас хода 70—80 моточасов. В период подготовки частей к боевым действиям с личным составом танковых экипажей были проведены занятия по правилам эксплуатации и обслуживания машин в полевых условиях, регулировкам основных агрегатов и узлов машин, подготовка танка к бою и после боя, вождение машины в лесисто-болотистой местности и практическое применение самовытаскивания. На операцию был разработан план технического обеспечения и доведен до каждой части.

Сделано было много, мы были уверены в том, что наш труд увенчается успехом. Вместе с тем нас беспокоило то, что ремонтных и особенно эвакуационных средств в фронте все же было недостаточно. Ведь нужно было обеспечить 1810 танков и САУ. Предполагалось, что на богушевском направлении будет участвовать в первом эшелоне 689 танков и самоходных установок, для них выделялась лишь одна эвакорота в составе 10 тихоходных тракторов марки ЧТЗ-6 и двух танковых тягачей Т-34.

Аналогичная картина была и на оршанском направлении.

Выделенные фронту Ставкой ремонтные и эвакуационные части (125-й отдельный ремонтно-восстановительный батальон, 343, 225 и 138-я подвижные ремонтные базы, 11-я эвакуационная рота и 75-й сборный пункт аварийных машин) к началу операции не прибыли. Это вызвало необходимость перераспределить имевшиеся во фронте ремонтные и эвакуационные части и подразделения. В частности, 6-я подвижная ремонтная база, ранее входившая в состав армейской ремонтно-эвакуационной группы, была передана в подчинение начальника оршанского ремонтного центра.

Подготовительный период операции подходил к концу.

В напряженной работе мы не замечали, как летели дни. И вот наступило время сверки часов. Приближалось начало атаки. Это была третья годовщина войны. Вспоминал я тяжелые бои 20-й армии Западного фронта и в частности кровопролитные сражения 5-го и 7-го механизированных корпусов в июле 1941 года. Да это и понятно, видимо каждый, кто находился теперь на этом направлении, помнит, где он тогда был и что делал. Было отрадно сознавать, как спустя три года поменялись мы ролями. Немцам

здесь приходилось туго, и это чувство становилось всеобщим и радостным.

С утра 22 июня была проведена разведка боем передовых батальонов. Действия этих батальонов были поддержаны танками, артиллерией и авиацией, им удалось в ходе боя на отдельных участках вклиниться в оборону врага на глубину 0,5—1,5 км и местами овладеть первой позицией главной полосы обороны противника. Особенно успешно действовали передовые батальоны на богушевском направлении. Захватив небольшие плацдармы на р. Суходровке, они в ночь перед наступлением навели переправы через эту реку для танков, артиллерии и автотранспорта.

В ночь на 23 июня была проведена предварительная авиационная подготовка по выявленным опорным пунктам и артиллерии противника. А с утра 23 июня в воздух взвились сигнальные ракеты, и наша артиллерия, минометы и гвардейские реактивные установки открыли огонь. Почти трехчасовая артиллерийская подготовка возвестила о начале наступления войск нашего фронта.

Я наблюдал артиллерийскую подготовку, находясь на командном пункте 120-й танковой бригады на оршанском направлении. Это было незабываемое зрелище. Тысячи орудий, минометов и реактивных установок обрушили на врага тонны смертоносного металла. Гром артиллерийских раскатов сливался в единый сплошной гул. В воздухе шли наши самолеты, участвовавшие в авиационной подготовке. Но вот ракеты прочертили утреннее небо. Пехота и танки, прижимаясь к мощному огневому валу нашей артиллерии, двинулись вперед, на штурм обороны немецко-фашистских войск.

Весь передний край обороны противника был перепахан разрывами снарядов и бомб в период артиллерийской и авиационной подготовки. Войска фронта, преодолевая сопротивление врага, начали продвигаться вперед.

Наступление развивалось успешно, танковые и механизированные соединения быстро продвигались в оперативной глубине обороны противника, но, разумеется, с каждым днем прибавлялось работы танкистам-ремонтникам.

Мы стремились как можно лучше организовать ремонт и восстановление боевых машин. Ведь пополнение танковых полков и бригад шло главным образом за счет восстанавливаемых машин, новые танки почти не поступали. От быстроты ремонта бронетанковой техники во многом зависела боеспособность наступавших танковых частей и соединений. Восстанавливая подбитые танки, ремонтники трудились по 18—20 часов в сутки, стремясь как можно быстрее вернуть боевую машину в строй.

Здесь уместно заметить, что основная масса выведенных из строя танков и самоходно-артиллерийских установок, как правило, восстанавливалась в действующей армии, на фронтах, а не в стационарных условиях на заводах. Вот некоторые обобщенные

данные. В период Великой Отечественной войны непосредственно на фронтах восстанавливалось более 90% всех танков, требовавших ремонта, в том числе и текущего, до 95—98% — среднего и до 60—65% капитального ремонта. Стационарные ремонтные заводы к концу войны выполняли лишь 8% объема всех работ по ремонту танков, а заводы промышленности — до 0,2%.

Удельный вес в выполнении общего объема работ по ремонту танков в минувшую войну составил: ремонтных подразделений танковых частей — 40—45%; ремонтных частей танковых соединений и армий — 20—30% и фронтовых ремонтных средств до 30—40%. Последними восстанавливалось до 30—40% танков, требовавших среднего ремонта.

Правильное использование эвакуационных и ремонтных средств с целью быстрейшего восстановления поврежденных машин, как было нами запланировано в ходе подготовки операции, обеспечивалось начальниками ремонтных центров, получавших через офицеров связи точные сведения о степени повреждений и местах нахождения вышедших из строя боевых машин. Это позволяло правильно сосредоточивать усилия ремонтно-эвакуационных средств на более важных объектах.

В первую очередь восстанавливались машины, требовавшие текущего и легкого среднего ремонта. По мере продвижения войск бригадные сборные пункты аварийных машин перерастали во фронтовые, где ремонт танков обезличивался. Отремонтированные машины не возвращались в свои части, а по мере их накопления распоряжением командующего фронтом передавались на укомплектование танковых частей, понесших в боях наибольшие потери.

Спустя несколько дней после начала наступления, когда темпы продвижения наших войск резко возросли, организованная нами и хорошо действовавшая до этого система ремонта и эвакуации уже не могла обеспечить выполнение стоявших перед нашей службой задач. Пункты технического наблюдения оторвались от своих частей и практически утратили свое значение. Данные о количестве и местах нахождения вышедших из строя танков поступали с большим запаздыванием. Эвакуаторы и ремонтники вынуждены были разыскивать подбитые и застрявшие танки, теряя драгоценное время. Штабы бронетанковых и механизированных войск армий быстро перемещались за наступающими войсками и также не могли снабжать нас необходимой информацией о потерях материальной части.

Руководство армейскими ремонтно-эвакуационными группами со стороны помощников командующих БТ и МВ армий по ремонту и снабжению стало недостаточно оперативным, оно сводилось лишь к приказаниям о передислокации на новые места ремонтно-эвакуационных средств с тем, чтобы они не отрывались от наступающих войск. На деле это приводило к тому, что эти средства больше передвигались, нежели работали.

Ремонтно-эвакуационные средства не успевали передвигаться вслед за наступающими войсками. Например, когда наши передовые части находились в районе Борисова, 53-я эвакуационная рота была еще в районе Орши, а 69-я эвакуационная рота — в м. Черея. Конечно, при таком положении не могло быть и речи об их эффективном использовании армейским аппаратом.

Встал вопрос об изменении ранее принятой организации ремонта и эвакуации, так как основная часть танков, поврежденных артиллерийским и другим огнем противника, могла остаться в глубоком тылу, а ремонтно-эвакуационные средства ремонтных центров были явно недостаточными для их ремонта и эвакуации. Было принято следующее решение: ремонтно-эвакуационные части вывести из армейского подчинения и подчинить их начальникам фронтовых ремонтных центров. На богушевском направлении были переданы 15-я и 22-я подвижные ремонтные базы и 69-я эвакуационная рота и на оршанском — 53-я эвакуационная рота.

Таким образом, армейские ремонтно-эвакуационные группы были ликвидированы. Исключение пока составляла 11-я гвардейская армия, у которой оставались в подчинении 26-я подвижная ремонтная база и 49-й сборный пункт аварийных машин, прибывшие во фронт вместе с армией.

С этого периода ремонт и эвакуация поврежденных танков и самоходных установок четко определялись по объему работ. Ремонтные подразделения танковых частей и соединений восстанавливали танки продолжительностью до одних-двух суток, корпусов и армий — от двух, иногда до пяти суток. Все машины, требовавшие продолжительного ремонта, оставались либо на месте выхода их из строя, либо, где это было возможно, сосредоточивались по нескольку машин вместе с эвакуационными средствами войск.

В задачу ремонтных центров в этот период входило: сосредоточение ремонтного фонда танков для фронтовых ремонтных средств; эвакуация и отправка машин для ремонта на заводы промышленности; разборка боевых машин из числа безвозвратных потерь.

Начальники ремонтных центров, каждый на своем направлении, осуществляли непосредственное руководство ремонтными и эвакуационными частями, находившимися в их подчинении.

Эвакуация ремонтного фонда и очередность буксировки машин той или иной марки проводились исходя из необходимости планомерной загрузки ремонтных частей. Нередко в связи с этим эвакуация поврежденных машин осуществлялась на большие расстояния, но это было вполне оправданно, так как при такой системе все ремонтные части своевременно получали ремонтный фонд.

В процессе разборки списанных машин на запчасти в первую очередь снимались те детали и агрегаты, в которых в данный

момент ощущался наиболее острый недостаток, а затем уже — все остальные, годные для дальнейшего использования.

В зависимости от обстановки по указанию начальника ремонтного центра использовались и средства подвоза. В этом состояли в основном преимущества централизованного руководства ремонтом, эвакуацией и обеспечением необходимыми запасными частями и материалами из единого центра.

Запаздывание ремонтно-эвакуационных частей Ставки и все возраставшие боевые потери танков в ходе боев заставили нас внести в расстановку средств дополнительные коррективы, которые касались в первую очередь изменений в группировке ремонтно-эвакуационных средств.

К концу первого этапа операции, т. е. к 4 июля, границы и состав 3-го Белорусского фронта несколько изменились. Нам была передана из 2-го Белорусского фронта 33-я армия. Это обстоятельство необходимо было учесть и ремонтникам в своей работе. На втором этапе операции войскам фронта предстояло завершить ликвидацию окруженной восточнее Минска группировки противника, а главными силами не позднее 10—12 июля овладеть рубежом Вильнюс, Лида. В дальнейшем они должны были выйти на Неман и захватить плацдарм на его западном берегу. Выполнить эти новые задачи при прежней группировке ремонтно-эвакуационных частей нельзя было. После проведения ряда организационных мероприятий к 3 июля 1944 г. ремонтно-эвакуационные части нашего фронта располагались следующим образом.

Правое направление (бывшее богушевское): на ст. Крынки имелась летучка 105-го склада, демонтажный отряд и филиал 47-го сборного пункта аварийных машин; в Богушевске — 15-я подвижная ремонтная база, две бригады 22-й подвижной ремонтной базы, 256-й эвакоотряд, отделение 47-го сборного пункта аварийных машин; в районе м. Черея — штаб ремонтного центра, 22-я подвижная ремонтная база, бригада 15-й подвижной ремонтной базы, 69-я эвакорота, 47-й сборный пункт аварийных машин.

Левое направление (бывшее оршанское): на ст. Красное — летучка 105-го склада; в районе ст. Осиновка — штаб ремцентра, 22-й армейский Краснознаменный ремонтно-восстановительный батальон, 6-я подвижная ремонтная база, 68-я эвакорота, 69-й сборный пункт аварийных машин, 257-й эвакоотряд и демонтажный отряд.

Такая расстановка средств была произведена исходя из наличия ремонтно-эвакуационного фонда.

4 июля в наше распоряжение прибыла 343-я подвижная ремонтная база, которой командовал инженер-майор А. А. Сиротkин. Это был опытный инженер, работавший ранее начальником цеха по капитальному ремонту танковых моторов. Как хороший организатор ремонтного дела был выдвинут на самостоятельную работу, с которой успешно справлялся. Эту базу мы также расположили на ст. Осиновка.

5 июля из района ст. Красное на ст. Крупки передислоцировался 55-й сборный пункт аварийных машин, туда же вскоре прибыла и 53-я эвакорота и прибывший из резерва Ставки Верховного Главнокомандования 125-й отдельный ремонтно-восстановительный батальон майора Добровольского. 8 июля в этот район передислоцировался также штаб ремонтного центра. Здесь же была организована новая летучка 105-го склада.

55-й сборный пункт аварийных машин организовал филиалы на станциях Кохановo, Бобр и Приямино. На них уже были сосредоточены выбывшие из строя танки. В основном это было сделано 53-й эвакоротой, но и сами части стянули сюда некоторое количество подбитых танков.

Утром 9 июля я прибыл в ремонтный центр Бессонова на ст. Осиновка в 125-й Краснознаменный ремонтно-восстановительный батальон, который прибыл к нам из состава 4-го Украинского фронта.

Батальон был хорошо укомплектован подвижными ремонтными и грузоподъемными средствами. Личного состава в батальоне было 189 человек, из них 23 офицера. 139 человек уже были награждены орденами и медалями за свою прошлую успешную работу. Одним словом, батальон представился хорошо сколоченным ремонтным организмом, имевшим большую практику по ремонту танков в боевой обстановке.

Итак, с начала второго этапа операции работа была организована по оси движения наступавших войск фронта.

Войска двигались все дальше на запад, оставляя у себя в тылу маленькие и большие группы противника. Одни из них разбредались по лесам с целью прорваться к своим, другие, потеряв эту надежду, выходили из лесов на дорогу и сдавались в плен. Но были и такие группы противника, которые шли с танками и артиллерией, нападали на тыловые части и гарнизоны.

Иными словами, обстановка продолжала оставаться сложной. Неровен час, можно было подвергнуться ударам этих вражеских групп. В ряде мест в тылу в это время было опаснее, нежели в боевых порядках войск. Нередко жертвами таких нападений немцев в тылу становились офицеры и рядовые ремонтно-эвакуационных частей. Особенно это часто случалось там, где ремонтировались одиночные танки непосредственно на местах, где они были подбиты.

Быстрое продвижение войск привело к большому отрыву ремонтных и эвакуационных частей армейского и фронтового подчинения от переднего края, порой доходившему до 200—400 км. Установленный порядок связи нередко нарушался. Начальники ремонтных центров часто не знали, где находится штаб фронта и не могли поэтому регулярно являться для доклада о ходе ремонта и эвакуации к помощнику командующего БТ и МВ фронта инженер-полковнику Зиновьеву.

Нужны были надежные средства связи. При помощи члена Военного совета фронта И. С. Хохлова нам был выделен самолет По-2.

Теперь я, как начальник ремонтно-эвакуационного отдела БТ и МВ фронта, получил возможность более оперативно руководить ремонтными центрами и ремонтными подразделениями войск. «Кукурузник» позволил экономить время, а это имело очень большое значение в обстановке столь большой разбросанности ремонтных и эвакуационных средств в полосе действий фронта. Теперь мы знали, что где делается, и более четко в связи с этим представляли весь объем работ. Правда, ежедневные полеты на По-2 не были столь безобидным занятием, как это кажется на первый взгляд. Нередко в воздухе появлялись вражеские истребители, но наш молодой летчик был мастером своего дела, он умело пользовался преимуществом низкого полета и, искусно маневрируя, уходил от преследования.

Ежедневные доклады И. С. Хохлову о состоянии бронетанковой техники и ходе ее ремонта стали регулярными.

Обычно я возвращался из войск в штаб БТ и МВ фронта к 21 часу. К этому времени поступали донесения от частей и армий о состоянии бронетанковой техники за истекшие сутки. К 24 часам или около этого данные обрабатывались и докладывались инженер-полковнику Н. М. Зиновьеву и командующему БТ и МВ генералу А. Г. Родину. Затем примерно в час ночи данные докладывались члену Военного совета фронта И. С. Хохлову. Доклады часто затягивались. Иван Сергеевич, как всегда, вникал во все детали хода работы. Особенно тщательно рассматривался план ремонта, который составлялся на десять дней для каждой ремонтной части с указанием номера ремонтируемой машины. Здесь же делались первые прикидки, куда, кому и сколько подавать отремонтированных танков и самоходных установок.

Окончательное решение о распределении готовых танков по частям принимал лично командующий фронтом И. Д. Черняховский, на докладе у которого и я бывал не раз. Тот, кто встречался с Иваном Даниловичем, не может не испытывать к нему большого уважения за его светлый ум и волю. Не было человека на 3-м Белорусском фронте, который пользовался бы столь большой любовью, как Иван Данилович.

Отремонтированные танки в целях экономии моторесурсов отправлялись в назначенные районы на специальных прицепах, буксируемых мощными автотягачами. Нередко эти танки с ходу вступали в бой. Так было и в бою за Вильно, когда доставленные сюда 32 танка ИС сразу вступили в бой, что помогло успешно завершить сражение за город.

Пополнение бронетанковых войск фронта отремонтированными танками и самоходно-артиллерийскими установками играло первостепенную роль для боеспособности танковых частей и соединений, так как, как уже упоминалось, в ходе операции фронт

новой материальной части из резерва Ставки Верховного Главнокомандования не получал.

Командующий фронтом все время требовал усилить свежими силами то или иное направление, и, как всегда, резервом для этих целей были отремонтированные танки. Это был постоянный и неиссякаемый резерв фронта.

Генерал И. Д. Черняховский всегда с большой заботой относился к танкистам-ремонтникам, высоко ценил их труд, многих отметил он орденами и медалями. С ним легко было решать все наши вопросы, так как, будучи танкистом, он прекрасно понимал нужды этой службы и ее значение для успешного исхода операции.

Вспоминая тяжелые оборонительные бои под Воронежем в 1942 г., в бытность его командиром корпуса, И. Д. Черняховский писал, что к концу дня изнурительного боя не оставалось ни одного неповрежденного танка. Казалось, назавтра корпус будет небоеспособен. Но за ночь ремонтники буквально из-под носа противника вытаскивали из нейтральной полосы подбитые танки, чудом восстанавливали их, и к утру части снова были готовы к бою.

Так и в Белорусской операции ремонтникам приходилось проделывать огромную работу, разница лишь в том, что подбитые танки оставались на нашей территории и их не нужно было вытаскивать из-под носа противника.

Для того чтобы впечатление от организации и осуществления ремонта танков и самоходно-артиллерийских установок было более полным, я в кратких чертах опишу работу ремонтной точки, организованной на ст. Осиновка и входившей в состав оршанского ремонтного центра.

Железнодорожная станция Осиновка расположена в непосредственной близости от шоссейной магистрали Москва — Минск на бывшей оси движения южной группировки войск фронта. До начала наступления наших войск она находилась в глубине вражеской обороны примерно в 16 км от переднего края гитлеровцев. В ходе прорыва обороны противника с 23 по 26 июня 1944 г. в районе ст. Осиновка (в радиусе 15—20 км от нее) было подбито и вышло по другим причинам из строя до 70 наших танков и самоходно-артиллерийских установок. Кроме того, в этом же районе находилось 40 танков, потерянных в осенне-зимних боях. Машины требовали среднего и капитального ремонта и подлежали эвакуации. После тщательного осмотра было определено, что 61 танк может быть отремонтирован нашими средствами, 8 машин подлежали разборке на запчасти и 41 машина — отправке на заводы промышленности.

27 июня на ст. Осиновка мы направили 69-й сборный пункт аварийных машин, которым командовал капитан И. А. Жупинский, 68-ю эвакороту под командованием капитана Кирпикова, 257-й эвакоотряд для эвакуации тяжелозастрявших танков, во главе которого стоял опытный командир капитан И. М. Корчагин,

6-ю подвижную ремонтную базу, командир базы майор Пушкин, и отряд по разборке танков безвозвратных потерь. С этого дня началась плановая эвакуация боевой техники на площадку, организованную 69-м сборным пунктом аварийных машин.

В результате работы эвакуаторов 6-я подвижная ремонтная база уже 29 июня была загружена работой на 12—15 дней. Но не только эта база, кстати сказать, одна из наиболее сплоченных и старейших на нашем фронте, начала ремонт танков. Здесь же, на ст. Осиновка, приступила к работе 343-я ремонтная подвижная база и 22-й армейский Краснознаменный ремонтно-восстановительный батальон.

С 28 июня по 15 июля этими ремонтными частями, в которых в общей сложности насчитывалось 25 монтажных бригад, был отремонтирован 61 танк, причем 38 танков прошли капитальный ремонт и 23 — средний.

Если учесть, что капитальный ремонт составлял 60% от общего количества отремонтированных машин, то средняя выработка одной монтажной бригады за 13 дней работы равнялась 4,5 средним ремонтам танков Т-34. Эта цифра свидетельствует об исключительно высокой производительности труда монтажников, хорошей организации работы, уплотнении рабочего дня и хорошем материально-техническом обеспечении. Что касается последнего, то следует заметить, что первой предпосылкой к увеличению производственной деятельности монтажников является достаточное обеспечение бригад ремонтным фондом.

В данном случае каждая ремонтная бригада была в среднем обеспечена 2—3 машинами ремонтного фонда. Это явилось важнейшим фактором, определившим успешную работу ремонтных частей, исключало простои бригады из-за недостачи запчастей и агрегатов, поступавших в плановом порядке.

Если ремонт танков производился в отрыве от базы, например, ремонт одиночной машины на том месте, где она была выведена из строя, то трудности всегда заключались в проведении спецработ, таких, как сварочные работы, ремонт вооружения и радиооборудования, слесарно-механические работы, так как потребность в этих работах возникала в ходе ремонта почти одновременно во всех монтажных бригадах. Удовлетворить эту потребность силами одной ремонтной части в короткие сроки было невозможно. В таких случаях ремонт вооружения производили бригады, высылаемые артиллерийским управлением фронта, а радиоремлетучки, присланные из Главного управления ремонта танков Красной Армии, занимались ремонтом радиооборудования.

Подобное кооперирование спецпальных работ и грузоподъемных средств способствовало успешной организации ремонта, максимально приближая его к поточному методу. Так, в 22-м армейском Краснознаменном ремонтно-восстановительном батальоне в течение первого дня были подготовлены к снятию коробки передач и двигатели на всех ремонтируемых машинах. На следующий

день на площадке батальона работали три крана, причем два крана использовались для постановки танков на козлы. В течение первых трех дней работы все машины были демонтированы и вывешены, что дало возможность сократить время на ремонт ходовой части более чем в три раза. Особой организованностью и старанием в работе отличался личный состав ремонтной роты, командиром которой был капитан Г. И. Плакатин — ветеран батальона, искусный ремонтник-рационализатор и хороший командир организатор. Дальнейшие ремонтные работы проводились в порядке очередности.

Надо отметить хорошую организаторскую работу командира этого батальона майора Пучнина, волевого, требовательного к себе и подчиненным командира, умевшего будить инициативу у личного состава и мобилизовать его на успешное выполнение задач, которые батальон всегда успешно выполнял.

Имевшийся в распоряжении начальника ремонтного центра отряд по разборке танков безвозвратных потерь добавлял ремонтным частям снятые с разобранных машин детали и агрегаты. В этом было одно из больших преимуществ комплексной работы ремонтных и эвакуационных частей.

Ремонт и эвакуация на осиновском ремонтном кусте были закончены к 15 июля, на ст. Крупки — к 23 июля. К этому времени были подготовлены новые ремонтные точки в Борисове и Минске. Штаб ремцентра переместился в Борисов.

Снабжение запасными частями и агрегатами теперь непосредственно осуществлялось со 105-го склада фронта, переехавшего из Смоленска в Минск. Одновременно действовала и летучка склада на ст. Крупки, обслуживавшая правое и левое направления.

К концу ликвидации 100-тысячной группировки немцев западнее Минска во 2-м гвардейском Тацинском танковом корпусе создалась сложная обстановка с ремонтом танков. Инженер-полковник Иван Михайлович Шапкин, заместитель командира корпуса по технической части, стал подавать тревожные сигналы о бедственном положении с ремонтом танков. Шапкина я знал хорошо по совместной работе в управлении командующего БТ и МВ фронта. Это был энергичный, волевой и хорошо знающий нашу службу офицер, одним словом, это был не новичок на фронте.

Из общей обстановки действий войск на фронте мне было известно, что в результате стремительных и решительных боевых действий, танковый корпус понес до 40 процентов потерь в танках. Необходимо было выехать на место и уточнить техническую обстановку с целью оказания помощи. Шапкина нашел в 158-й подвижной ремонтной базе корпуса, где он строго выговаривал ремонтникам, которые и без того работали с большим напряжением.

— Что случилось, Иван Михайлович? — обратился я к Шапкину.

— Во-первых, здравствуй, Александр Ульянович,— ответил он,— а что касается случившегося — сейчас разберемся.

В корпусе, действительно, порядком собралось ремонтного фонда и для его восстановления не хватало корпусных средств. Дело усугублялось еще и тем, что ремонтные подразделения танковых бригад необходимо было отрывать от ремонта для оказания помощи экипажам в обслуживании сильно изношенных танков. Становилось очевидным, что необходимо усилить ремонтные средства корпуса за счет фронта. Было принято решение придать 138-ю подвижную ремонтную базу, прибывшую из Ставки, во фронт. Иван Михайлович полностью был удовлетворен. Тепло и сердечно простившись с И. М. Шапкиным, я уехал на богушевское направление.

К 1 августа все танки и самоходно-артиллерийские установки, вышедшие в ходе боев из строя и находившиеся в полосе действий войск фронта на всем пространстве от бывшего переднего края противника и до Березины, были эвакуированы, отремонтированы и частично разобраны на запчасти.

В дальнейшем система организации ремонта и эвакуации танков была перестроена с таким расчетом, чтобы охватить ремонтом и эвакуацией весь район от Борисова до Каунаса по всей глубине. С этой целью оршанское и богушевское направления были объединены в одно. Танковые части теперь действовали на сравнительно узком участке фронта и необходимость в двух параллельно действовавших ремонтных центрах отпала.

В распоряжение фронта из резерва Ставки ВГК прибыли новые ремонтно-эвакуационные части: четыре подвижные ремонтные базы, отдельный ремонтно-восстановительный батальон, три эвакороты и сборный пункт аварийных машин.

Встал вопрос о работе двух ремонтных центров на одном направлении, но в двух эшелонах. Это решение вызывалось обстановкой и значительно увеличившимся количеством ремонтно-эвакуационных средств, управление которыми теперь с единого центра было бы громоздким.

Районы действия ремонтных центров были распределены следующим образом. Тыловой ремонтный центр охватывал пространство от Борисова до Вильно, включая города Богданув, Радошкавичи, Кобыльник, Вилейки, Лида, Гродно. Головной ремонтный центр — от Вильно до передней линии, включая города Жосли, Ионава, Кедайны, Каунас, Мариамполь.

Наличие во фронте к этому времени пяти эвакорот и двух эвакоотрядов позволило ремонтным частям фронта работать исключительно на сосредоточенном ремонтном фонде. Каждая ремонтная часть работала в основном на одной-двух точках, лишь иногда ремонтные бригады выезжали к танкам, находившимся на большом удалении, когда считалось нецелесообразным посылать эвакуационные тракторы, техническое состояние которых к этому времени было на пределе.

Особенно хочется отметить напряженную и плодотворную работу эвакуационных частей, которые на своих тихоходных тракторах бороздили поле боя и собирали поврежденные танки и самоходные установки. Так, 68-я эвакорота под командованием капитана Сарычева эвакуировала 321 машину, из них командиром 2-го тракторного взвода лейтенантом С. М. Лукашевым вывезена 151 машина. Тракторист этого взвода рядовой А. С. Шестопалов эвакуировал 49 машин.

69-я эвакорота, которой командовал майор И. Е. Карпиков, эвакуировала 402 танка и самоходно-артиллерийские установки.

75-я эвакорота, командир роты капитан Степура, эвакуировала 211 танков и 225 автомашин. Особенно хорошо работали в этой роте старший сержант А. С. Мелешенко, эвакуировавший 35 танков, из них 8 из-под огня противника, а также сержант А. Ф. Омельченко и красноармеец В. А. Покачура.

257-й отряд, специализировавшийся на эвакуации тяжелозастрявших танков, во главе с капитаном И. М. Корчагиным вытащил более 80 тяжелозастрявших танков и самоходно-артиллерийских установок, в том числе 25 полностью затонувших.

1-я эвакорота под командованием старшего лейтенанта Р. Е. Половко эвакуировала 354 боевые машины. Трактористы первого класса этой роты рядовой И. А. Беззубко вывел 60 танков, рядовой И. Д. Пузенко — 52 танка, рядовой В. И. Зеленский — 55 танков.

75-й сборный пункт аварийных машин под командованием капитана Айвазовского принял от частей и соединений 978 танков и самоходно-артиллерийских установок, из них 710 отгрузил на заводы промышленности.

69-й сборный пункт аварийных машин капитана Жупинского принял от частей 538 танков, из них отгрузил на заводы промышленности 246 [3].

Общая схема организации ремонта и эвакуации на последнем этапе операции оставалась без изменения. Как и прежде, вперед выдвигались эвакосредства, сосредоточивавшие в определенных местах вышедшие из строя боевые машины, затем прибывали ремонтные части и приступали к их ремонту.

В течение августа и до 15 сентября шла передислокация ремонтно-эвакуационных частей с целью максимального их приближения к войскам. Основными районами сосредоточения ремонтно-эвакуационных частей являлись станции Мариамполь и Кальвария.

В заключение хотелось бы вкратце остановиться на некоторых наиболее важных, на наш взгляд, и поучительных сторонах организации ремонтно-эвакуационной службы 3-го Белорусского фронта в операции по освобождению Белоруссии.

[3] Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2658, д. 63, лл. 11, 43, 56, 114, 173, 201, 202.

Большая и кропотливая работа, проделанная танко-технической службой фронта в подготовительный период операции, позволила максимально использовать производственную мощность ремонтных и эвакуационных средств на всем протяжении операции. В период операции было отремонтировано много танков и самоходно-артиллерийских установок.

Более 50% отремонтированных и эвакуированных танков приходится на ремонтные подразделения войск — танковых полков, бригад и корпусов. Условия их работы в ряде случаев были более сложными, чем в ремонтных и эвакуационных средствах фронта, хотя бы потому, что они работали непосредственно в зоне боевых действий, часто на месте выхода машин из строя или в ближайшем укрытии, порой без достаточного обеспечения необходимыми запасными частями и материалами. Это был наш первый эшелон по восстановлению танков на полях сражений.

Благодаря четкой и напряженной работе всех звеньев ремонтно-эксплуатационных средств фронта к 2 сентября 1944 г. во фронте была полностью закончена эвакуация подбитых танков и самоходно-артиллерийских установок на всем протяжении от Витебска и Орши до границ Восточной Пруссии [4].

Успех работы по восстановлению боевой техники зависел в первую очередь от материально-технического обеспечения. Как уже упоминалось, в середине июля из центральных довольствующих органов начали прибывать железнодорожные эшелоны с агрегатами, запасными частями и материалами, предназначенными для ремонтных частей фронта.

Кроме того, по срочному запросу Военного совета фронта Главное управление ремонта танков Красной Армии направляло нам автотранспортом и самолетами наиболее дефицитные агрегаты и детали, чем оказало существенную помощь нашим ремонтным частям в своевременном ремонте танков. Так, 15 июля в Смоленск транспортным самолетом было доставлено 10 двигателей для тяжелых танков. Это обеспечило быстрый ремонт находившихся на ремонтной базе в Крупках тяжелых танков 14-го танкового полка. Получив эти машины, полк смог принять участие в боях за Каунас.

Особенно большая помощь была оказана фронту в августе 1944 г. Поступавшие в это время в ремонт танки требовали полной замены всех деталей и агрегатов ходовой части и трансмиссии (траки, пальцы, опорные катки, ведущие колеса, ленивцы, бортовые передачи, главные фрикционы, коробки передач и др.). Снятые с танков безвозвратных потерь агрегаты и детали также требовали ремонта и поэтому не могли быть использованы для ремонтируемых танков и самоходно-артиллерийских установок. Доставленные самолетами в Вильно и Ландворово детали и агре-

[4] Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2658, д. 158, л. 49.

гаты ходовой части и трансмиссии во многом помогли нам отремонтировать танки.

Всего за период наступления войск фронта в Белоруссии центральными довольствующими органами для фронта было направлено с запчастями, агрегатами и материалами: 87 железнодорожных вагонов, 138 грузовых автомобилей и 31 транспортный самолет. С 22 июня по 15 сентября 1944 г. было получено из центральных складов: двигателей 406, коробок передач 110, главных фрикционов 25, бортовых передач 137, опорных катков 763, траков 10 139, пальцев 18 542, приборов и других агрегатов 1243.

Большую роль в обеспечении ремонта и доставки на передний край отремонтированных машин сыграли выделенные фронту две роты автотягачей.

Как уже было сказано, максимально использовались и внутренние возможности фронта. Вот некоторые цифры. 118-й подвижный танко-агрегатный ремонтный завод с 23 июня по 15 сентября 1944 г. отремонтировал 676 агрегатов, в том числе 380 моторов, 127 коробок передач, 151 главных и бортовых фрикционов, 18 главных передач.

Большую помощь ремонтным частям оказали отряды по демонтажу танков безвозвратных потерь. По данным демонтажных отрядов фронта, в Белорусской операции процент годных деталей, снятых с танков безвозвратных потерь и могущих быть поставленными на ремонтируемые танки без предварительного их ремонта, составлял: двигатели 25, коробки передач 80, бортовые фрикционы 70, главные фрикционы 26, бортовые передачи 98, ходовая часть 23, опорные катки 13, ленивцы 60, гусеницы 50.

Чтобы более полно представить весь комплекс напряженной работы инженерно-технического состава бронетанковых войск летом 1944 г., необходимо хотя бы в самых общих чертах коснуться вопросов обслуживания боевой материальной части, так как здесь закладывались основы надежной ее работы, исключавшие преждевременный выход машин из строя по техническим причинам. При стремительном продвижении войск фронта, в условиях высокой температуры и сильной запыленности воздуха, механизмы танков, особенно их ходовая часть и двигатели, испытывали большую нагрузку и нуждались в частом техническом обслуживании. Пыль для танкистов стала самым опасным врагом, страдали люди и машины. Непрерывное выполнение боевых задач, преследование и уничтожение противника почти исключали возможность плановых технических осмотров материальной части в установленные сроки и в полном объеме.

В этих условиях офицерами технической службы организовывалось профилактическо-техническое обслуживание танков, хотя и в минимально необходимом объеме. В ходе операции основным видом технического обслуживания танков и самоходно-артиллерийских установок являлись ежедневное обслуживание и контрольные осмотры.

Ежедневное обслуживание осуществлялось во время сосредоточения танков в районах сбора и на больших привалах длительностью до 3—4 часов. Помимо заправки танков горючим и маслом, очищались воздухоочистители и устранялись мелкие неисправности.

Контрольные осмотры проводились экипажами танков под наблюдением и руководством заместителей командиров рот и батарей по технической части на малых привалах.

Для оказания помощи экипажам в регулировке механизмов и устранении технических неисправностей в отдельных случаях привлекались ремонтные средства частей.

Более полное техническое обслуживание танков и самоходных установок в объеме технических осмотров № 1 и 2 проводилось в редких случаях.

Как частный случай, для технического осмотра и обслуживания материальной части использовались задержки у переправ через водные рубежи. Например, части бронетанковых войск 31-й армии для технического обслуживания материальной части использовали время в ожидании переправы через Березину.

Значительное количество танков и самоходных установок за весь период операции ни разу не подвергалось техническому осмотру и обслуживанию в полном объеме, так как из-за высоких темпов продвижения времени для этих работ не оставалось.

Техническое обслуживание бронетанковой техники затруднялось не только недостатком времени, но и отсутствием необходимых запасных частей, особенно траков и пальцев траков гусениц, а также перебоями в обеспечении горюче-смазочными материалами. В ряде частей и соединений масло в системе двигателей в течение месяца не менялось ни разу.

Заслуживает внимания опыт организации технического обеспечения боя в 253-м инженерно-танковом полку. Для действия по прорыву обороны противника на витебском направлении полк был придан по-ротно танковым соединениям. В целях лучшего обеспечения каждой танковой роты из средств роты обеспечения полка были выделены три отделения технического обслуживания. В состав каждого отделения вошли танкоремонтная мастерская типа «А», три автомашины с боеприпасами и маслом и автоцистерна с дизельным топливом. Для этого силами полка были дополнительно оборудованы на транспортных автомашинах две автоцистерны, танкоремонтная мастерская, в качестве третьей танко-ремонтной мастерской была использована артиллерийская летучка. Специалистов по ремонту артиллерийского вооружения распределили по всем летучкам. Начальниками отделения технического обслуживания были назначены техник по ремонту артиллерийского вооружения и командиры отделений ремонтного взвода. Общее руководство ремонтом, эвакуацией и снабжением осуществлял заместитель командира полка по технической части, имевший в своем распоряжении электросварочный агрегат, кран-

стрелу на шасси студебеккера, машину с запасными частями и запасом горюче-смазочных материалов. Связь с ротами осуществлялась по радио и подвижными средствами связи.

Боевая материальная часть на протяжении всего периода операции работала с большим напряжением. Танковые части и соединения прошли с боями и обходными маневрами от 900 до 1300 км, что составляло в среднем от 30 до 50 км в сутки.

Выдержать такую нагрузку танки смогли лишь в результате огромной и напряженной работы почти шеститысячной армии ремонтников и эвакуаторов, обеспечивших ремонт, восстановление и максимальную живучесть всей бронетанковой техники фронта.

Наш ремонтно-эвакуационный отдел представлял собой хороший, работоспособный коллектив. Все офицеры отдела трудились с необыкновенной настойчивостью и глубоким пониманием выполняемых ими работ. Неиссякаемыми были их физические и моральные силы. Каждый из нас четко выполнял свои задачи и готов был исчерпывающе доложить техническую обстановку за свой участок. Работать мне с ними было легко и хорошо. Это прежде всего товарищи В. Бессонов, С. Шанин, В. Овчинников, К. Балашев, С. Южаков, Л. Николаев, Субботенко и другие. Они до конца выполнили свой долг перед Родиной в годы великих испытаний войны с немецко-фашистскими захватчиками.

Белорусская операция явилась большой школой для инженерно-технической службы и ремонтно-эвакуационных средств нашего фронта. Они успешно справились с возложенной на них задачей.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ

Г. П. СТОЛЯРОВ

МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛЕТНЕГО НАСТУПЛЕНИЯ 3-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА в 1944 г.

...Шли последние дни мая 1944 г. Еще никто из нас, офицеров военно-санитарного управления 3-го Белорусского фронта, не знал о состоявшемся решении Ставки Верховного Главнокомандования провести Белорусскую операцию. Еще ничем не отличались те летние дни от обычных фронтовых будней. Но уже по некоторым признакам чувствовалось, что скоро должны наступить какие-то важные изменения в обстановке на нашем фронте.

Такими признаками в первую очередь являлись прибытие в состав фронта новых соединений и оперативных объединений, а также усиленная эвакуация за пределы фронта раненых и больных, осуществляемая по инициативе Центра.

Выполняя свою повседневную работу помощника начальника лечебно-эвакуационного отдела управления, я, а также мои товарищи по работе все чаще прикидывали в уме возможные варианты своей деятельности в случае крупного поворота событий и поэтому находились в состоянии напряженного ожидания.

И когда в первых числах июня начальник военно-санитарного управления фронта генерал М. М. Гурвич получил от заместителя командующего 3-м Белорусским фронтом по тылу генерала

В. П. Виноградова указание немедленно развернуть подготовку всей медицинской службы фронта к обеспечению большого летнего наступления, мы не удивились, так как внутренне уже подготовили себя к этому событию.

Многие из нас начали войну в Белоруссии. Мы не забыли лето 1941 г., когда наши войска в тяжелых условиях неравной борьбы с врагом вынуждены были отступать из Белоруссии. Вместе с ними уходили на восток из объятого огнем Минска и многие офицеры нашего управления.

Теперь настало время освободить Белоруссию, вернуться в родные места, и от этой мысли наши сердца наполнялись радостью, а также гордостью за то, что нам одним из первых суждено это осуществить.

С таким настроением работники нашего управления приступили к выполнению поставленной задачи.

Десятки, сотни вопросов, больших и малых, нужно было предусмотреть, решить и осуществить. И надо прямо сказать, что в период подготовки огромной по своим масштабам и весьма скоротечной по срокам работы медицинская служба 3-го Белорусского фронта проделала многое и хорошо подготовилась к предстоящему наступлению.

Однако расскажем все по порядку.

Медицинская служба 3-го Белорусского фронта к лету 1944 г. уже имела богатый опыт по обеспечению войск фронта. Этот опыт позволял нам в сравнительно короткие сроки всесторонне спланировать медицинское обеспечение предстоявшего наступления войск фронта, а затем успешно осуществить все мероприятия, предусмотренные планом.

Основное внимание в плане уделялось лечебно-эвакуационному, противоэпидемическому и гигиеническому обеспечению и организации медицинского снабжения.

В разделе плана по лечебно-эвакуационному обеспечению были отражены все вопросы организации госпитальных баз армий и фронта в исходном перед наступлением положении и дальнейший маневр ими в ходе наступления. Особенно тщательно отрабатывалась организация выноса раненых с поля боя, вопросы оказания первой помощи и эвакуации раненых в медицинские подразделения войскового района, затем госпитали армий, фронта и в тыл страны.

В этом же разделе был установлен объем хирургической помощи раненым на различных этапах медицинской эвакуации, причем на войсковые и армейские этапы медицинской эвакуации возлагалось оказание исчерпывающей квалифицированной хирургической помощи всем раненым, исключая специализированную, не требующую немедленного вмешательства. На лечебные учреждения госпитальной базы фронта возлагались задачи в зависимости от удаленности расположения их от войск, а именно: на госпитальные базы первого эшелона — оказание квалифицирован-

ной хирургической помощи и временная госпитализация нетранспортабельных, а также оказание специализированной помощи раненным в голову, грудь, живот и суставы; на второй эшелон — лечение всех осложнений ранений, препятствующих эвакуации в глубокий тыл, подготовка к эвакуации и эвакуация подлежащих лечению в глубоком тылу.

Детально планировалось использование санитарного автомобильного транспорта, санитарной авиации и железнодорожного санитарного транспорта. План использования железнодорожных санитарных летучек, временных и постоянных военно-санитарных поездов составлялся совместно с управлением военных сообщений 3-го Белорусского фронта, в чем большую помощь оказал нам, медикам, его начальник генерал А. В. Добряков.

При планировании эвакуации раненых авиацией были свои особенности. Самолеты должны были не только транспортировать раненых, но и выполнять очень важную задачу по доставке в армии консервированной крови и кровезаменителей.

Проведение ряда мероприятий в подготовительный период встречало значительные трудности, так как медицинская обстановка в полосе 3-го Белорусского фронта была сложной. Так, санитарное состояние района расположения войск фронта было неблагополучным. Жилой фонд в значительной степени был разрушен противником при его отступлении, колодцы загрязнены или полностью приведены в негодность, население жило в землянках и шалашах, сараях, погребах. Уровень санитарного состояния городов снизился до пределов. Среди населения были вспышки сыпного тифа.

Однако, несмотря на крайне неблагоприятную санитарно-эпидемическую обстановку района расположения войск, инфекционной заболеваемости во фронте благодаря энергичным и всесторонним мероприятиям, проводимым противоэпидемической службой, по существу не было, и эпидемическое состояние войск фронта накануне наступательной операции было благополучным.

По сведениям, полученным от партизан, а также из опросов военнопленных нам стало известно, что в районе предстоящих наступательных действий наших войск, особенно в Витебской и Минской областях, имеются очаги заболеваний сыпным и брюшным тифом и дизентерией. Имелись инфекционные заболевания и среди солдат немецких частей. В лазареты Борисова и Минска поступали немецкие солдаты, больные брюшным тифом и дизентерией.

Все это требовало от медицинской службы особенно тщательной подготовки к проведению комплекса противоэпидемических мероприятий в войсках при их вступлении на вновь освобожденную территорию. Следует сказать, во всех армиях фронта работали противоэпидемические учреждения: санитарно-эпидемические отряды, отдельные дезинфекционные роты, инфекционные госпитали и др. В период подготовки операции армии 3-го Бе-

лорусского фронта были обеспечены противоэпидемическими средствами на месячный срок, необходимыми медикаментами и аппаратурой. В резерве фронта были сосредоточены подвижные противоэпидемические учреждения и инфекционные госпитали.

В войсках незадолго до начала операции была произведена полная санитарная обработка всего личного состава частей и соединений. Выдано чистое белье и произведена дезинфекция обмундирования. Это была чрезвычайно большая работа. Она потребовала огромных усилий медиков и хозяйственников, но полностью себя оправдала, так как способствовала улучшению санитарного состояния войск.

Расположение госпитальных баз фронта в начале лета 1944 г. осталось таким же, как к концу наступательных операций фронта в 1943 г., причем госпитальные базы были сильно загружены ранеными и больными и нам предстояло в сравнительно короткий срок максимально их освободить.

К началу подготовительного периода госпитальные базы фронта располагались: в районе Лиозно — под руководством ПЭП № 87, в районе Гусино — Смоленск — Ярцево — под руководством ФЭП № 1 и в районе Вязьма — Гжатск — под руководством ПЭП № 12.

План медицинского обеспечения операции войск фронта к 15 июня 1944 г. был полностью отработан.

Вскоре после этого в военно-санитарное управление 3-го Белорусского фронта, располагавшееся в д. Яново Смоленской области, прибыл начальник Главного военно-санитарного управления генерал Е. И. Смирнов. Он тщательно рассмотрел лечебно-эвакуационный план, внес некоторые дополнения, в целом план был одобрен, а затем и утвержден.

Выше уже говорилось о содержании разделов плана, нам остается лишь подчеркнуть основную суть его.

Лечебно-эвакуационный план предусматривал создание в период подготовки передовых фронтовых госпитальных баз в исходном положении, максимально приближенных к войскам, а в ходе операции — своевременное и максимальное выдвижение госпитальных баз фронта для обеспечения армейским госпитальным базам свободы маневра и возможности неотступно следовать за наступающими войсками.

Планом предусматривалось развертывание в исходном положении первого эшелона госпитальной базы фронта (передовой госпитальной базы) на двух эвакуационных направлениях в районах Лиозно и Гусино и второго эшелона — в районе Смоленск — Ярцево. Лечебные учреждения, расположенные в районе Вязьма — Гжатск, составили третий эшелон госпитальной базы фронта. Однако эвакуация раненых и больных в ходе операции на них не предусматривалась. Они предназначались для долечивания раненых и больных, оставшихся во фронте к началу операции.

Эвакуацию раненых из передовых госпитальных баз планировалось вести по железной дороге полностью экипированными и подготовленными к перевозке раненых санитарными летучками и временными санитарными поездами в госпитали ФЭП № 1, расположенные в Смоленске и Ярцеве.

Одним из важных разделов лечебно-эвакуационного плана фронта был раздел, предусматривавший маневр средствами медицинской службы. В основу этого маневра были положены этапы операции, определяемые по выходу наших войск на заранее определенные рубежи. Так, с выходом 11-й гвардейской и 31-й армий на рубеж Смоляны — Староселье предполагалось для них создать межармейскую госпитальную базу в Орше за счет пяти армейских госпиталей и восьми госпиталей фронтового подчинения, управление этой базой возлагалось на полевой эвакопункт № 12, передислоцируемый из Вязьмы.

Оставшиеся в Гжатске и Вязьме госпитали переподчинялись фронтовому эвакопункту № 1 в Смоленске.

Эвакуацию из армейской госпитальной базы до восстановления железной дороги предполагалось вести автосанитарной ротой фронта на ст. Гусино.

С выходом войск на рубеж Докучино — Крупки госпитальную базу из Орши предполагалось передислоцировать в г. Бобр и для освобождения подвижных госпиталей в Оршу передислоцировать мощный СЭГ и один ЭГ из Гусина, постепенно укрепляя эту базу госпиталями, перевозимыми по железной дороге из Вязьмы и Гжатска.

На правом фланге с выходом войск 39-й армии на рубеж Святогоры — Смоляны предполагалось создать в Витебске армейскую госпитальную базу 39-й армии. В последующем с выходом 39-й и 5-й армий на рубеж Бешенковичи — Будище планировалось создать межармейскую госпитальную базу в районе Сенно из госпиталей резерва этих армий и за счет высвобождения некоторых госпиталей в Витебске. Из района Сенно эвакуацию предполагалось вести на Витебск, где оставался один эвакоприемник и один эвакогоспиталь, способный организовать эвакуацию по железной дороге на Смоленск — Ярцево. Следует отметить, что создание межармейских баз в ходе операции вполне оправдало себя и имело положительное значение. Их создание диктовалось тем, что такая госпитальная база предназначалась для обеспечения двух армий (как в Орше, так и в Сенно) и позволяла обеспечить минимальными средствами весь объем специализированной помощи за счет госпиталей 39-й и 5-й армий и 3-го Белорусского фронта, объединенных в одну госпитальную базу под единым руководством.

Началась напряженная работа по организации медицинского обеспечения войск в предстоящей операции.

К 23 июня были созданы две передовые фронтовые госпитальные базы для приема раненых с двух эвакуационных направ-

лений: на ст. Лиозно под управлением полевого эвакуационного пункта № 87 (ПЭП-87), в госпитали которого планировалось проводить эвакуацию раненых и больных из 39-й, 5-й и частично 11-й гвардейской армий, и в районе ст. Гусино под управлением оперативной группы, выделенной фронтовым эвакуационным пунктом № 1 (ФЭП), находившимся в Смоленске. Эту госпитальную базу планировалось использовать для 31-й армии, частично 11-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий.

В период подготовки операции все раненые и больные, лечение которых требовало длительных сроков, были эвакуированы или в глубокий тыл страны, или в госпитали полевого эвакуационного пункта № 12 (ПЭП-12) в районе Гжатска и Вязьмы. В дальнейшем, когда эти госпитали были заполнены, эвакуация раненых в них не производилась.

Госпитали, входившие в состав ПЭП № 12, и само управление полевого эвакопункта предполагалось в ходе операции выдвинуть вперед и также использовать для усиления госпитальных баз. Разумеется, выдвижение госпиталей должно было осуществляться по мере их освобождения, которое происходило благодаря выписке поправившихся воинов в строй, эвакуации больных в тыл страны и концентрации оставшихся раненых в минимальном количестве госпиталей.

Как нам кажется, представляет интерес опыт передовой госпитальной базы в районе ст. Гусино. В период подготовки выяснилось, что количество коек в этой базе будет недостаточным. Тогда на машинах из района Пыжовки (из-под Вязьмы) был перевезен в район Гусина сортировочный эвакуационный госпиталь с приданными ему эвакопунктами и хирургическими полевыми подвижными госпиталями всего на 2500 коек.

Уже 21 июня госпиталь развернулся в 50 палатках и готов был принять 3500—4000 раненых.

Обе передовые госпитальные базы в Лиозно и Гусино находились на расстоянии 30—40 км от переднего края и имели 31% общего числа коек во фронте. Основная госпитальная база в районе Смоленска и Ярцева имела 49,3%, а тыловая фронтовая госпитальная база в районе Вязьмы и Гжатска — 19,7% от общего числа коек. По составу госпиталей госпитальные базы фронта располагали 59,5% эвакуационных госпиталей, 10,5% госпиталей для легкораненых и 21,5% хирургических полевых подвижных госпиталей, эвакоприемников, инфекционных госпиталей и 8,5% сортировочных эвакуационных госпиталей.

Резерв госпиталей был создан в каждом эшелоне; при этом основной резерв лечебных учреждений на 5500 коек был сосредоточен в районе первого и второго эшелонов госпитальной базы фронта. Здесь же был сосредоточен резерв фронтового военно-санитарного транспорта, на котором предусматривалось перемещение фронтовых госпиталей вслед за продвигающимися вперед войсками.

Директивой медицинского управления фронта были установлены следующие сроки лечения раненых и больных: в армейском районе — 15—20 дней, во фронтовом — 25—45.

Эвакуацию раненых в основном предусматривалось вести санитарным транспортом армейских и фронтовых автосанитарных рот (АСР).

В резерве начальника санитарного управления фронта оставалась автосанитарная рота, способная одновременно поднять до 800—850 раненых.

В каждой армии, кроме автосанрот, имелось по две конно-санитарные роты.

Имевшийся во фронте отряд санитарно-нартовых собачьих упряжек был повзводно придан армиям, в ходе наступления он обеспечивал более быстрый вынос раненых с поля боя.

Наряду с подготовкой медицинской службы во фронтовом звене шла интенсивная подготовка войсковой и армейской медицинской службы. В период с 1 по 22 июня все медико-санитарные батальоны и армейские госпитали были максимально освобождены от раненых и больных. Армейские госпитали к началу операции были приближены к войскам и находились в 15—25 км от линия фронта. До $^1/_3$ всех армейских госпиталей находилось в резерве начальников медотделов армий.

На основании расчетов потребности все части и медицинские учреждения были обеспечены необходимым количеством перевязочного материала, медикаментов, сывороток и подготовлен 15-дневный запас медицинского имущества для подвижных отделений полевых армейских санитарных складов.

Медицинское управление фронта принимало меры к укомплектованию войсковой, армейской и фронтовой медицинской службы личным составом. Так, по состоянию на 23 июня 1944 г. 39-я армия была укомплектована врачами на 97,8%, средним медицинским составом и санитарными инструкторами полностью, санитарами и санитарами-носильщиками — на 90%. Примерно так же к началу операции были укомплектованы и другие армии фронта.

К 23 июня в результате напряженного труда медицинских работников всех рангов мероприятия, предусмотренные планом медицинского обеспечения Белорусской операции, в основном были завершены и медицинская служба была готова выполнить поставленные перед нею задачи.

Прежде чем перейти к описанию медицинского обеспечения в ходе операции, хотелось бы остановиться на вопросе, который в период Великой Отечественной войны оценивался по-разному. Это вопрос о роли и значении сортировочного эвакуационного госпиталя. Как известно, это — мощное лечебно-эвакуационное учреждение, но оно, к сожалению, почти не располагало своим транспортом для передислокации и поэтому было малоподвижно. Однако эти госпитали в ходе войны сыграли положительную роль. Ниже я попытаюсь обосновать такую оценку.

Госпитальная база фронта объединяла ряд разнопрофильных госпиталей, поэтому важно было организовать эвакуацию раненых и больных по назначению, в зависимости от характера ранения или заболевания, что и являлось основным принципом лечебно-эвакуационного обеспечения на войне. Этот принцип не потерял своего значения и в настоящее время. Иными словами, организация эвакуации должна в любом случае обеспечить направление раненых и больных в то учреждение, где им будут оказаны специализированная медицинская помощь и лечение.

Кроме обычной работы любого полевого госпиталя, осуществляющего прием и лечение раненых и больных, сортировочный эвакогоспиталь имел дополнительные многообразные и сложные функции. Существовавшая организационно-штатная структура СЭГ позволяла ему осуществлять прием большого потока раненых и больных (говоря конкретно о СЭГ, в госпитальной базе в Гусине были случаи, когда в сутки поступало до 2000 раненых, иногда одновременно до 200) и оказать им высококвалифицированную хирургическую помощь любого профиля и в любом объеме. Опыт показал, что значительное количество поступавших раненых оставалось для дальнейшего лечения в отделениях госпиталя, а остальные направлялись по назначению в госпитали госпитальной базы фронта.

Одной из важных функций СЭГ было выделение потока легкораненых. Это имело и имеет исключительно важное значение для быстрейшего возвращения в строй солдат и офицеров.

Таким образом, СЭГ, на наш взгляд, в условиях минувшей войны полностью себя оправдал, а опыт его работы не потерял своего значения и в настоящее время. Что же касается одной из слабых сторон СЭГ — его малоподвижности,— следует заметить: этот недостаток, нам, как правило, удавалось преодолеть. Обычно по нашей просьбе для сортировочного эвакогоспиталя выделялся дополнительно автотранспорт, и он приобретал необходимую маневренность.

В этой связи я не могу не вспомнить добрым словом начальника автомобильного управления фронта полковника С. М. Чемериса и его заместителя инженер-полковника П. Р. Семенкевича, они всегда в трудную минуту помогали нам автотранспортом.

Дата 23 июня 1944 г. вошла в летопись Великой Отечественной войны. Ранним утром этого дня тысячи орудий и сотни наших самолетов обрушили свой смертоносный груз на головы гитлеровцев.

Прелюдией ураганного артиллерийского огня был удар «катюш». Затем пришли в движение танки и пехота. Сражение развернулось во всей полосе фронта.

...Первые бои, первые раненые. Батальонные, полковые и дивизионные пункты медицинской помощи развернули свою работу. По мере продвижения наших войск вперед эти медицинские подразделения оказывали медицинскую помощь раненым, проводили

эвакуацию, а сами следовали за своими частями и подразделениями. Постепенно вся система медицинского обеспечения была приведена в действие.

Вспоминая июнь 1941 г., когда буквально за отдельной машиной гонялись немецкие самолеты, теперь приятно было сознавать нашу возросшую мощь, особенно в авиации. Мне не раз в эти дни приходилось наблюдать, как удирали фашистские «юнкерсы» или разваливались на части в воздухе под ударами наших истребителей.

Правда, на войне бывает всякое, и в эти дни падали на землю не только вражеские, но и наши самолеты.

Я не случайно здесь высказываю свое отношение к авиации. Дело в том, что медицинские учреждения: госпитали, санитарные поезда и другие особенно сильно страдали от налетов авиации врага в период ее господства в воздухе.

Теперь же, в Белорусской операции, мы, медицинские работники, со спокойной душой готовились к передислокации многочисленных медицинских учреждений, не опасаясь, что они будут выведены из строя вражеской авиацией.

В связи с успехами наших войск, наступавших на витебском и оршанском направлениях, выяснилась необходимость, да это предусматривалось и нашим планом, осуществить маневр медицинскими учреждениями — 27 июня в г. Оршу была направлена группа госпиталей, находившихся в Гусино, Лиозно и Смоленске. Два дня спустя сюда же прибыло управление полевого эвакопункта № 12 из Вязьмы, которое стало руководить работой всех госпиталей, развернутых в Орше 27—30 июня.

Из-за сильных разрушений железных дорог на территории Белоруссии передислокация тыловых частей в основном осуществлялась автотранспортом. Выдвижение медицинских учреждений в Оршу было также произведено на автомашинах. Для этой цели использовалось 317 автомобилей, которые за двое суток прошли около 26 тыс. машино-километров.

Своевременное сосредоточение в Орше необходимого количества госпиталей фронтового подчинения позволило медицинским службам 11-й гвардейской и 31-й армий высвободить свои медучреждения и выдвинуть их ближе к войскам.

В течение первой недели наступления эвакуация раненых осуществлялась в передовые госпитальные базы в Лиозно и Гусино, загрузка которых в этот период составляла соответственно 76% и 62% штатного количества коек. Смоленская госпитальная база в это время работала сравнительно легко, ее нагрузка достигала не более 35,4% штатных коек. Интенсивно работал санитарный автотранспорт фронтовых автосанитарных рот, совершивших за этот период свыше тысячи машино-рейсов. В результате их напряженной работы армейские госпитали своевременно освобождались от раненых и получали возможность непрерывно следовать за войсками.

Санитарные летучки действовали только на участке ст. Лиозно — Смоленск, обеспечивая 39-ю армию. Санитарная авиация эвакуировала раненых из 11-й гвардейской, 31-й армий, танковых, механизированных и кавалерийских частей, за этот период доставила в госпитали армий до полутонны консервированной крови.

Наступление войск 3-го Белорусского фронта также характеризовалось быстрым продвижением подвижных соединений фронта, преследовавших противника. В то же время основным силам фронта предстояло форсировать крупную водную преграду — р. Березину.

Особенностью медицинского обеспечения наступления войск фронта в этот период являлась необходимость неотступного следования фронтовых госпиталей за армиями и своевременное создание передовых приемно-сортировочных баз, чтобы дать возможность армейским госпиталям двигаться за войсками, обеспечивать своевременную эвакуацию раненых и оказание им квалифицированной медицинской помощи.

В день освобождения Борисова (1 июля) в город прибыла оперативная группа полевого эвакуационного пункта № 87 (из Лиозно), а через два дня там же было четыре хирургических полевых подвижных госпиталя (ХППГ).

Минск, как известно, был освобожден 3 июля, и уже утром 4-го началась переброска госпиталей в Минск из Борисова и из Орши и Гусино. В результате к 6 июля в столице Белоруссии было сосредоточено значительное количество ХППГ и СЭГ с эвакоприемником.

Напряженно работали автосанитарные роты. Они перевозили раненых не только внутри госпитальных баз, но и между ними. Санитарные летучки доходили только до Орши, так как дальше железная дорога еще не была восстановлена. Санитарные самолеты эвакуировали раненых главным образом из подвижных частей.

Упорные бои, которые вели 5-я армия за Вильнюс и 11-я гвардейская армия за плацдарм на западном берегу Немана, привели к некоторому увеличению санитарных потерь.

Госпитали фронта в это время несколько отстали от войск, а госпитальная база в Минске оказалась на крайнем левом фланге фронта. Учитывая удобное по отношению к линии фронта расположение Молодечно, в нем к 8 июля было сосредоточено шесть ХППГ из Минска под управлением полевого эвакуационного пункта № 87.

Из-за значительных затруднений с железнодорожными перевозками на этом этапе по-прежнему большую роль в эвакуации раненых и переброске медицинских учреждений играл автосанитарный и попутный автомобильный транспорт.

Фронтовые автосанитарные роты осуществляли эвакуацию раненых из 5-й и 11-й гвардейской армий; вывоз раненых из подвижных частей и соединений производился санитарной авиацией.

Положение с эвакуацией раненых и загрузкой госпиталей облегчалось тем, что в Борисов, где создалось напряженное положение, прибыли санитарные летучки; кроме того, резко увеличилась эвакуация раненых в тыл страны из Смоленска постоянными военно-санитарными поездами.

Возможность проведения железнодорожной эвакуации из г. Борисова позволила резко уменьшить перегрузку лечебных учреждений, развернутых в нем, а осуществление эвакуации раненых за пределы фронта из Смоленска обеспечило наращивание мощности передовых госпитальных баз за счет высвобождавшихся госпиталей.

Нетрудно заметить, что основная роль как в эвакуации раненых, так и в перебросках медицинских учреждений принадлежала автотранспорту. Здесь следует сказать о некоторых характерных чертах Белорусской операции, таких, как огромный пространственный размах, большая растяжка путей подвоза и эвакуации, действия подвижных соединений в большом отрыве от своих войск. Эти особенности могут иметь место и в разработках современного военного искусства, поэтому опыт работы автотранспорта и санитарной авиации, выполнявших задачи медицинской службы фронта и в первую очередь задачи по эвакуации раненых в ходе Белорусской операции, нам кажется, заслуживает тщательного исследования и изучения.

Форсирование Немана и упорные бои за овладение плацдармами на его западном берегу во второй половине июля привели к увеличению потерь в войсках фронта. Фронтовые госпитали следовали за войсками, обеспечивая армейским госпиталям возможность своевременно выдвигаться вперед. В Вильнюсе и Лиде и затем в Каунасе были созданы передовые приемно-сортировочные базы.

На третий день после освобождения Вильнюса в город стали прибывать и развертываться госпитали. Довольно значительный поток раненых на Вильнюс вызвал необходимость принятия дополнительных мер. В течение 18 июля поездами и автомобильным транспортом из Гусино, Лиозно, Смоленска и Гжатска было переброшено в Вильнюс несколько госпиталей различного профиля и была создана мощная госпитальная база под управлением ПЭП № 87.

Для обеспечения войск левого крыла фронта в Лиде одновременно начала создаваться госпитальная база под управлением ПЭП № 12 (вскоре она была переведена в Ораны для обеспечения 11-й гвардейской и 31-й армий), а с 4 августа — госпитальная база в Каунасе.

В этот период с большим напряжением работали госпитальные базы в Вильнюсе и в Молодечно.

Перевозки раненых внутри госпитальных баз и между ними по-прежнему в значительной мере производились транспортом автосанитарных рот, располагавших к этому времени уже 959 авто-

машинами. Для того чтобы добиться максимального суточного пробега автомобилей, на большей части из них работало по два водителя. Эти скромные труженики войны, пренебрегая сном и отдыхом, без горячей пищи, сутками находились в кабинах своих машин, совершая по 400—500 км в сутки.

Эвакуация железнодорожным транспортом осуществлялась главным образом из госпитальных баз в Вильнюсе и Ораны. Регулярно для отправки раненых в глубокий тыл страны использовались постоянные военно-санитарные поезда.

Санитарная авиация эвакуировала раненых из 33-й и 39-й армий. В июле самолетами было доставлено в лечебные учреждения фронта и армий 4 т крови.

На протяжении всей Белорусской операции госпитальные базы фронта были достаточно мобильными, что обеспечивало своевременность высвобождения армейских госпиталей. О своевременном выдвижении госпитальных баз фронта свидетельствуют и большой процент раненых, которым были сделаны операции в госпиталях фронта, более низкая смертность от шока по сравнению с другими фронтами, более высокий процент переливания крови и др.

Следует отметить, что значительное число операций раненых с проникающими ранениями живота (65,3%) и груди (83,7%) делалось в медико-санитарных батальонах фронта. В январе 1942 г. эти цифры составляли соответственно 50,6% и 58,0%. Это свидетельствовало о возросших возможностях медицинской службы Красной Армии в деле хирургической помощи раненым в армейском и фронтовом звене.

Только госпитали фронтового подчинения в июле 1944 г. вернули в строй 42%, а в августе — 61% всех раненых. Эти цифры говорят о том, что медицинская служба фронта вполне справилась с поставленными перед ней задачами.

Картина работы медицинской службы нашего фронта в Белорусской операции не была бы полной, если хотя бы кратко не рассказать о противоэпидемическом обеспечении наступавших войск.

Мы уже упоминали, что еще в подготовительном периоде всеми звеньями медицинской службы фронта непрерывно велась санитарно-эпидемическая разведка, это же проводилось и в течение всей операции.

Как и следовало предполагать на основании данных санэпидразведки, освобожденные от противника районы оказались чрезвычайно неблагополучными по сыпному тифу. Всего было выявлено около 400 населенных пунктов с очагами сыпнотифозных заболеваний.

Проведение противоэпидемических мероприятий осложнялось тем, что за период оккупации немцы фактически полностью разрушили больничную сеть, особенно в сельских районах. Небольшие, плохо оборудованные больницы остались только в более

крупных населенных пунктах и городах. Все обнаруженные среди гражданского населения сыпнотифозные больные немедленно госпитализировались в восстанавливаемых больницах и инфекционных госпиталях фронта. В выявленных очагах был проведен комплекс необходимых противоэпидемических мероприятий. В войсках фронта при первой возможности проводилась санитарная обработка.

Благодаря принятым мерам случаи инфекционных заболеваний в войсках были единичны, и их госпитализация не представляла затруднений.

Обеспечение медицинским имуществом быстро продвигающихся частей и лечебных учреждений в ходе операции производилось из двух филиалов складов, которые перемещались перекатами вслед за армиями. Фронтовой склад за весь период операции передислоцировался дважды: из Смоленска — в Минск и далее в Вильнюс. Некоторое значение в обеспечении медицинским имуществом, особенно громоздким, имело захваченное в ходе боев трофейное медицинское имущество.

Успешное лечение раненых и быстрейший возврат их в строй во многом зависели от своевременного выноса и вывоза раненых с поля боя. В этом деле огромная роль принадлежала незаметным труженикам — санитарным инструкторам, санитарам и санитарам-носильщикам, выполнявшим героическую работу и нередко жертвовавшим жизнью для спасения раненых. Вот некоторые примеры.

Санитарный инструктор старшина медицинской службы Алексей Бондарев только в бою 4 июля 1944 г. вынес с поля боя 18 тяжелораненых бойцов и офицеров. Двигаясь ползком под пулеметным огнем, он заметил двух раненых воинов. Внезапно вблизи появились прорвавшиеся фашисты. А. Бондарев открыл по ним огонь и прижал их к земле. Несмотря на ранение, он продолжал стрелять.

Мужество и героизм проявил командир санитарного отделения санитарной роты 653-го стрелкового полка 220-й стрелковой дивизии старший сержант Н. Коробков. Вместе с бойцами отделения он вынес с поля боя и оказал первую помощь сотням солдат и офицеров. Командование высоко оценило его боевые заслуги, наградив орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги» за храбрость, четкую и образцовую работу на поле боя награжден санитарный инструктор санитарного взвода первого батальона 628-го стрелкового полка 174-й стрелковой дивизии старшина медицинской службы Х. Тугушев.

Лейтенант медицинской службы ордена Красной Звезды ХППГ № 5160, парторг госпиталя, старшая операционная сестра Ф. Максимова 21 раз отдавала свою кровь раненым. Ф. Максимова на-

граждена орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

Во время прорыва вражеской обороны на подступах к Витебску в одном из танков танковой роты 143-й танковой бригады находился старший лейтенант медицинской службы Морозов. Когда вражеский снаряд вывел танк из строя и все члены экипажа были ранены, старший лейтенант Морозов огнем из пулемета уничтожил до 20 фашистов.

Образцы героизма показали и медицинские работники госпиталей. В июне 1944 г. на один из госпиталей 31-й армии напала группа немцев численностью до 50 человек. Для отражения атаки майор Игнатенко и парторг госпиталя старший лейтенант Артамонов организовали из личного состава госпиталя боевую группу, в числе которой сражался рентген-техник Дмитриев. Он был все время в передовых рядах, первым поднялся в атаку против большой группы немцев, уничтожив двух немецких офицеров. В этом бою Дмитриев погиб, но его подвиг воодушевил госпитальный отряд, разгромивший гитлеровцев [1].

На ст. Орша при налете вражеской авиации было убито и ранено несколько медицинских работников терапевтического полевого подвижного госпиталя 31-й армии, среди них медицинская сестра старшина Е. Фальковская, медицинская сестра М. Маркина, рентген-техник старший лейтенант медицинской службы Н. Шацких и др.[2]

В выносе раненых с поля боя значительную роль сыграли санитарно-нартовые упряжки из отрядов санитарно-нартовых собак. Санитарно-нартовые упряжки служили как бы средством «малой механизации» при выносе раненых с поля боя. С помощью этих упряжек эвакуировались только тяжелораненые с переднего края в батальонные медицинские пункты и значительно реже — в полковые.

В большинстве соединений, где были упряжки, силами отрядов вывозилось до 70—100% тяжелораненых.

Санитарно-нартовые упряжки использовались в различных условиях местности, в разное время суток, нередко попадая под огонь противника. Особенно трудные условия были при форсировании водных преград — рек Вилии и Немана, в районе Красное, Сенно. Зачастую при контратаках противника многим вожатым упряжек приходилось вместе с бойцами боевых подразделений участвовать в их отражении.

Несмотря на высокий темп продвижения частей Красной Армии, все нартовые упряжки двигались вместе с санитарными ротами полков и санитарными взводами батальонов, выполняя свой нелегкий труд.

Таким образом, в ходе Белорусской операции имело место

[1] Архив ВММ, ф. 73, оп. 12 142, д. 1, л. 138.
[2] Там же, л. 94.

тесное взаимодействие армейских и фронтовых средств медицинской службы. Межармейские госпитальные базы создавались на короткий период времени за счет армейских и фронтовых госпиталей и подчинялись непосредственно военно-медицинскому управлению фронта. В дальнейшем эти базы или переставали функционировать, эвакуируя (передавая) всех раненых и больных в госпитальную базу фронта, или превращались в ее первый эшелон.

Такая тактика взаимодействия между армейскими и фронтовыми лечебными учреждениями являлась весьма целесообразной и в полной мере обеспечивала своевременность, непрерывность и последовательность в оказании медицинской помощи и лечении раненых и больных.

Создание новых передовых госпитальных баз фронта в ходе операции осуществлялось как за счет резервных госпиталей, так и госпиталей, освобожденных при свертывании тыловой госпитальной базы фронта.

Перед началом операции, так же как и во всех других медучреждениях, в подразделениях отрядов были проведены партийные и комсомольские собрания, на которых говорилось об авангардной роли коммунистов и комсомольцев. Коммунист Шабин заявил: «Мы идем в решительный бой с немецкими бандитами. Я как коммунист все отдам для быстрейшего разгрома врага и изгнания его с нашей земли. Призываю всех свято помнить военную присягу и честно выполнять свой долг перед Родиной».

И действительно, личный состав отряда проявил мужество и отвагу, выполняя свой долг. И если могут цифры хоть как-то наглядно показать этот труд, то их стоит здесь привести. Только с 15 июля по 20 августа этот отряд, имея 70 упряжек, прошел 12 450 км, в том числе 820 км переходами. Было вывезено около 5,5 тыс. раненых бойцов и командиров с их личным оружием. Этот героический труд вожатых оценен по заслугам: 16 человек было награждено правительственными наградами, в их числе Г. И. Карпов (вывез 193 человека, был ранен, но остался в строю), И. Ф. Гладкий (188 человек), Базилев (175 человек) и др.

☆

Еще один вопрос, имеющий исключительно важное значение в организации медицинского обеспечения,— вопрос управления. Надо сказать, что начиная уже с 1943 г. медицинскому управлению нашего фронта была придана телефонно-телеграфная станция, которая бесперебойно обеспечивала связь с начальниками медицинских отделов армий, управлениями эвакопунктов, ВОСО фронта, довольствующими управлениями и отделами, оперативным управлением фронта и командованием фронта. Начальник медицинского управления генерал-майор М. М. Гурвич пользовался связью для выяснения обстановки, нужд и запросов, пере-

давал с ее помощью решения, отдавал распоряжения. Эта форма управления способствовала наиболее оперативному руководству. Однако с началом операции и в ходе продвижения наших войск устойчивость связи иногда нарушалась, а командованию требовались ежедневные донесения о санитарных потерях, работе эвакотранспорта, загрузке госпитальных баз, четкости организации эвакуации по назначению. Для осуществления ежедневной связи из числа офицеров лечебно-эвакуационного отдела управления было выделено три офицера связи, которые ежедневно на самолетах У-2 летали в медотделы армий.

Необходимо подчеркнуть, что это не были офицеры связи в обычном понимании. Они являлись по существу представителями военно-медицинского управления фронта. Работа их проходила несколько своеобразно. Возвращаясь из армии, каждый из них вместе с начальником лечебно-эвакуационного отдела докладывал начальнику управления результаты поездки, которые тщательно изучались и анализировались. Например, при рассмотрении организации перевозок раненых внутри госпитальной базы выяснилось, что из госпиталей легкораненых без видимых причин велась эвакуация, что объяснялось недостатками в организации эвакуации по назначению. Все вопросы организации медицинского обеспечения подробно разбирались. На другой же день подобный разбор с конкретными фактами проводился офицером связи в армии.

Все материалы по армиям концентрировались и обобщались в лечебно-эвакуационном отделе медицинского управления фронта, там же велись оперативные карты, обстановка на которые наносилась ежедневно автором этих строк.

В лечебно-эвакуационном отделе собирались сведения о загрузке госпитальных баз фронта, их дислокации и составе, эвакуационной работе, положении санитарных поездов и санитарных летучек, о санитарном автотранспорте и санитарной авиации. Сосредоточивая эти сведения, отдел мог оперативно готовить решения для начальника медицинского управления фронта, являясь по существу штабом управления.

Не могу не отметить огромной работы офицеров связи Василия Ефимовича Хохрякова, Александра Павловича Степанова и Якова Борисовича Капилевича. Их труд был связан с большим напряжением сил и риском, так как в условиях быстро меняющейся обстановки даже розыск медотделов армий представлял известные трудности. За доблестный труд все они отмечены высокими правительственными наградами.

Медицинское обеспечение наступательной операции 3-го Белорусского фронта в июне — августе 1944 г. свидетельствует о большом значении четкого и своевременного составления детального плана медицинского обеспечения операции, своевременного проведения всех подготовительных мероприятий и маневра силами и средствами медицинской службы в ходе операции.

Слаженная и самоотверженная работа медицинской службы во многом способствовала успешному завершению операции по изгнанию фашистских захватчиков из Советской Белоруссии, и в этом проявились четкие действия личного состава военно-санитарного управления фронта и медицинских отделов армий. Большую организующую роль в решении сложных вопросов специализированной хирургической и терапевтической помощи сыграли главный хирург фронта генерал Станислав Иосифович Банайтис и главный терапевт фронта полковник медицинской службы Борис Вячеславович Ильинский.

В сплочении и мобилизации офицеров и служащих аппарата медицинского управления на решение этих задач важную роль сыграла партийная организация нашего управления. Все сложные вопросы обсуждались на партийных собраниях, где со всей партийной принципиальностью принимались решения, помогающие успешно выполнять сложные задачи.

Не узнать сейчас возрожденные из пепла и руин белорусские города и села. Они стали еще краше. На площадях многих из них высятся памятники — монументы на века, символизирующие подвиг советских воинов, освободивших многострадальную Белоруссию от немецко-фашистских захватчиков.

И когда случается стоять с обнаженной головой у этих монументов, испытываешь сложное чувство. С одной стороны — грусть, когда вспоминаешь боевых друзей, отдавших свои жизни за счастье и свободу белорусского народа, и с другой — гордость за работников медицинской службы, моих соратников по фронту, внесших своим самоотверженным трудом скромную лепту в общее дело победы над врагом на полях Белоруссии.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
И. В. КОВАЛЕВ

ТРАНСПОРТ В БЕЛОРУССКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

В 1944 г. экономика нашей страны еще более окрепла. Значительно возросло производство стали, добыча угля и нефти, увеличилось производство электроэнергии. Общий грузооборот всех видов транспорта возрос на 24% и составил 77% от грузооборота 1940 г. Но производство средств железнодорожного транспорта увеличилось незначительно. Это вызывало затруднения в восстановлении железнодорожных путей сообщения и осуществлении воинских перевозок.

Мне во время Белорусской операции довелось возглавлять Центральное управление военных сообщений, поэтому темой настоящих воспоминаний являются транспорт и вопросы, связанные с организацией воинских перевозок, восстановлением и ремонтом путей сообщения.

Обычно в литературе, освещающей Белорусскую операцию, начало ее разработки относят ко второй половине мая 1944 г., включая сюда и начало массовых воинских перевозок. Некоторые авторы считают началом подготовки операции окончание разработки операции в Генеральном штабе. Но если взглянуть шире на этот вопрос, то мы увидим, что подготовка любой круп-

ной операции берет свое начало задолго до завершения ее планирования, т. е. еще на том этапе, когда идет формирование соединений и частей, производятся для них оружие, боеприпасы и прочая военная техника и материальное снабжение. На этом этапе, как, впрочем, и на других, главная роль принадлежит Государственному Комитету Обороны, Верховному Главнокомандованию, плановым органам, а участвуют в этой работе Народный комиссариат обороны и многие другие народные комиссариаты, заводы, транспорт.

Следующий этап подготовки — после создания материальных условий для проведения операции; участвуют в нем Ставка Верховного Главнокомандования, Генеральный штаб и фронтовое командование. На этом этапе подготовки разрабатываются планы операции и сосредоточения основной массы войск, оружия, боеприпасов и других материальных средств, необходимых для обеспечения операции.

Прежде чем перейти к освещению Белорусской операции, необходимо кратко остановиться на основных вопросах обеспечения любой крупной операции в транспортном отношении.

Подготовка стратегической операции в транспортном отношении полностью обусловлена планом, размахом и способами ведения военных действий в ней. Она включает:

развитие путей сообщения и их пропускной способности до необходимого уровня; накопление транспортных средств — локомотивов, вагонов, автомобилей, речных и морских судов, транспортных самолетов в количествах, полностью обеспечивающих потребности в воинских перевозках в период подготовки и в ходе проведения операции;

организацию эксплуатации фронтовых участков и формирование стационарных и подвижных средств эксплуатации, способных обеспечить воинские перевозки на фронтовых дорогах; сооружение необходимого количества выгрузочных мест для всех видов войск и военной техники в районах предстоящего сосредоточения войск и грузов снабжения; разработку и проведение мероприятий по повышению живучести фронтовых и тыловых путей сообщения, организации технического прикрытия силами и средствами восстановления, а также средствами вооруженного прикрытия воздушного и наземного;

выбор направлений, подлежащих первоочередному восстановлению в ходе наступления войск;

планирование воинских перевозок с распределением всего объема их между разными видами транспорта по направлениям и срокам;

организацию технического и вооруженного прикрытия воинских поездов на всем пути их следования.

На техническое прикрытие для быстрого восстановления разрушенных авиацией противника транспортных объектов в напряженные месяцы войны привлекалось до 650 тыс. железнодорож-

ников, членов их семей и гражданского населения. Без подобных мер невозможно было обеспечить живучесть транспортной системы и непрерывность воинских перевозок. Подвижные зенитно-пулеметные взводы, сформированные ЦУПВОСО, сопровождали на фронт поезда, из них без потерь пришло 120 257 поездов. Они отразили 5852 атаки вражеской авиации, сбили свыше 160 самолетов, истребили и взяли в плен около 800 диверсантов. Эти взводы, на 90% укомплектованные 19—20-летними девушками, героически отбивали налеты противника, и мы не знаем случаев малодушия или дезертирства, хотя, сопровождая поезда с боеприпасами и горючим, девушки частенько буквально сидели на пороховой бочке.

☆

Для проведения Белорусской стратегической операции потребовалось свыше 440 тыс. вагонов для перевозки войск и грузов снабжения. Из них централизованные перевозки в звене Центр — фронт составили 308 411 вагонов, в том числе 193 411 вагонов оперативных и 114 800 вагонов снабженческих грузов. В составе оперативных перевозок, предназначенных для усиления 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов, из резерва Ставки были перевезены 8-я и 11-я гвардейские армии, 2-я и 5-я гвардейские танковые армии, 2-й гвардейский танковый, 3-й гвардейский механизированный, 3-й гвардейский кавалерийский корпуса, а также 2-я гвардейская и 51-я армии, переброшенные из Крыма. Указанным фронтам были доставлены из глубины страны вновь созданные и оснащенные новой военной техникой отдельные танковые и артиллерийские бригады и полки, артиллерийские минометные и инженерные соединения и части, большое количество маршевого пополнения и боевой техники.

Для усиления воздушных сил в стратегической операции было переброшено 11 авиационных корпусов и 5 авиационных дивизий, имевших в общей сложности 2978 самолетов. Кроме того, в воздушные армии фронтов было доставлено значительное количество самолетов для восполнения потерь в авиационных частях и соединениях.

В ходе Белорусской стратегической операции войсками было израсходовано свыше 400 тыс. тонн боеприпасов, около 300 тыс. тонн горючего, до 500 тыс. тонн продовольствия и фуража, а подано фронтам всего этого на 25—30% больше, чем было израсходовано.

Осуществление такого большого объема снабженческих перевозок требовало как в процессе планирования, так и в ходе выполнения их большой оперативности и четкости. Дело в том, что заявки от различных управлений Наркомата обороны поступали нерегулярно, иногда изменялись по нескольку раз в день. Это обстоятельство создавало большие трудности в работе ЦУПВОСО

и НКПС. Для того чтобы упорядочить заявки, по решению ГКО лимит вагонов, утвержденный транспортным комитетом ГКО, заранее распределялся ЦУПВОСО между довольствующими управлениями, которые обязаны были представлять заявки не позднее 20 числа предпланового месяца. Но и это решение нарушалось по причинам либо изменений в обстановке на фронтах, либо несостоятельности поставщиков продукции.

За ходом погрузки и продвижения каждого воинского эшелона и транспорта с грузами снабжения велся жесткий диспетчерский контроль, сводки составлялись и докладывались по оперативным перевозкам и снабженческим срочным —за каждые 6 часов суток, а по обычным — один раз в сутки. Регулярно (ежесуточно) составлялась карта-план, по которой можно было проследить за скоростью продвижения каждого поезда, изменением его направления в случае необходимости.

Для того чтобы создать и накопить вооружение, военную технику и другие виды материального обеспечения, сформировать, оснастить части и соединения и доставить все эти средства сначала в районы формирования частей и соединений, а затем на театр военных действий, потребовалась огромная транспортная работа. Только для экипировки одной стрелковой дивизии подавалось по железным дорогам 39—41 транспорт на расстояние от 500 и 2500 км. Затем все это перебрасывалось на театры военных действий. Без этой огромной работы, в которой участвовали миллионы людей, работающих в промышленности и на транспорте, невозможно было сосредоточить и прокормить несколько миллионов человек, создать и подвезти десятки тысяч орудий и минометов, тысячи танков, самоходных артиллерийских установок и самолетов.

Было создано значительное превосходство не только в людях и боевой технике, но также и по боеприпасам, горючему и другим видам снабжения. На фронт непрерывным потоком шли поезда с грузами, необходимыми для снабжения войск, готовившихся к освобождению Белоруссии. В среднем четырем фронтам ежедневно подавалось 90—100 поездов, из них до 30 поездов — 3-му Белорусскому и до 50 поездов — 1-му Белорусскому.

Совершенно очевидно, что подготовка Белорусской стратегической операции, как и других операций, начиналась задолго до окончательного оформления документов по ее планированию и проведению. Следует учитывать также и то обстоятельство, что во время подготовки Белорусской стратегической операции велись боевые действия на всем советско-германском фронте, которые требовали непрерывного пополнения частей и соединений людьми, оружием, боеприпасами, продовольствием и снаряжением, что в свою очередь требовало от работников транспорта больших усилий. Общий объем воинских перевозок в 1944 г. достиг наивысшей цифры за все время Великой Отечественной войны, составив 5 718 916 вагонов, или 126 589 поездов. Это примерно на

7 тыс. поездов больше, чем было перевезено за все годы первой мировой войны.

Для того чтобы осуществлять непрерывно воинские перевозки таких масштабов, необходимо было заблаговременно развивать военно-транспортный потенциал страны в соответствии с характером и способами ведения войны. Коммунистическая партия и Советское правительство всесторонне готовили страну, в том числе и транспорт, к обеспечению победы над любым империалистическим агрессором.

Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство еще в предвоенные годы уделяли много внимания подготовке транспорта приграничной зоны.

В развитии пропускной способности дорог Северо-Западного и Западного направлений с 1937 по 1940 г. мне довелось принимать непосредственное участие в качестве начальника Западной дороги, члена коллегии НКПС и начальника управления группы дорог Северо-Западного направления, связывающих столицу нашей Родины Москву с западной границей Советского Союза. Эти мощные железнодорожные магистрали обслуживали экономические нужды Белорусской Советской Республики, прибалтийских советских республик, а также обеспечивали оборонные потребности страны, в том числе и северо-западных границ СССР. В годы Великой Отечественной войны эти железные дороги, на которых трудились сотни тысяч замечательных советских людей, преданных делу социализма, стали базой партизанского движения, вписавшего в историю битвы за спасение нашей Родины от фашистских варваров незабываемые страницы.

До воссоединения с Советским Союзом (1940) республик Эстонии, Латвии, Литвы и областей Западной Белоруссии и Западной Украины пропускная способность наших железных дорог превышала возможности зарубежных стран в 2,5 раза, а выгрузочная — в 4 раза, что гарантировало Советским Вооруженным Силам упреждение в сосредоточении войск в случае возникновения угрозы войны.

После воссоединения из-за неразвитости сети путей сообщения в этих областях преимущество в новой приграничной зоне оказалось на стороне противника; в ходе начального периода войны все наши железные дороги Северо-Западного направления подверглись огромным разрушениям, и их пропускная способность снизилась против довоенного времени более чем в три раза. К началу Белорусской операции 1-й Прибалтийский фронт базировался на одну железную дорогу — Ржев — Великие Луки — Невель, с пропускной способностью 18 пар в сутки. 3-й и 2-й Белорусские фронты имели по одной железной дороге с пропускной способностью 20—24 пары поездов каждая. 1-й Белорусский фронт имел три железнодорожных направления: Почеп — Гомель — Жлобин; Бахмач — Гомель — Калинковичи; Коростень — Сарны — Ковель с общей пропускной способностью 40—48 пар поез-

дов в сутки [1]. Относительно низкая пропускная способность фронтовых дорог объяснялась невысокими темпами восстановления их к началу операции, что было вызвано крупными разрушениями и недостатком восстановительных материалов и сил. Имело место также опоздание переброски железнодорожных войск на некоторые направления, в чем немаловажную роль играли и соображения максимальной скрытности подготовки Белорусской наступательной операции.

Автомобильные дороги в Белоруссии были неразвиты. Если в центральной части густота сети автомобильных дорог составляла 15—20 км, в том числе с твердым покрытием около 5 км на 100 кв. км площади, то в полосе 1-го Белорусского фронта в два раза ниже. В ходе подготовки операции были восстановлены и приведены в полную готовность фронтовые железные дороги, отремонтированы и заново построены грунтовые дороги, сосредоточены силы и средства для технического прикрытия и восстановления дорог в ходе наступления наших войск. В среднем на каждый фронт приходилось 1300—1500 км дорог. В каждом фронте было 2—3 фронтовые, а в армиях — 2—3 армейские дороги.

За разработкой и проведением этих мероприятий следил лично И. В. Сталин. Он придавал подготовке транспорта к войне очень большое значение.

До начала Белорусской операции советские войска провели операцию по разгрому немецко-фашистских войск под Ленинградом и Новгородом силами Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом. Техническое прикрытие и восстановление путей сообщения в этой операции осуществляли 2, 6 и 10-е управления военно-восстановительных работ. В составе каждого из них было по 2—3 бригады железнодорожных войск и специальные формирования НКПС.

Затем войска нанесли удар на юго-западном направлении, где действовали 1, 2, 3 и 4-й Украинские фронты. На этом стратегическом направлении были сосредоточены и успешно действовали четыре военно-восстановительных управления, 11 бригад железнодорожных войск и крупные силы специальных формирований НКПС.

Остальные части железнодорожных войск и специальные формирования НКПС вели восстановительные работы на других фронтах, развивая пропускную способность тех 19 тыс. км железных дорог, которые были восстановлены в 1943 г. на 40—50% довоенной мощности. В этих условиях всякий раз, когда И. В. Сталин обращался к нам с вопросом, сколько бригад железнодорожных войск имеется в резерве и какие из них мы можем направить для восстановления железных дорог в ходе предстоящего

[1] «Военно-исторический журнал», 1964, № 6, стр. 39.

наступления и, в частности, Белорусской операции, мне приходилось отвечать, что в резерве нет ни одной железнодорожной бригады. Единственное, что мы могли сделать в таких случаях,— это снять бригады либо с тыловых объектов, либо с менее важного участка советско-германского фронта. Принимая то или иное решение, Сталин обязательно напутствовал указанием: «Примите строгие меры к скрытности переброски железнодорожных войск, по ним противник сразу же раскроет направление предстоящего главного удара». Изъятие железнодорожных войск из фронтов и тыловых объектов всегда вызывало возражение как со стороны командования фронтов, если бригады забирались от фронтов, так и со стороны НКПС, если они изымались из тыловых дорог. Мы никому из них не могли сказать, куда и для какой цели они изымаются. Обычно говорилось: в резерв для пополнения и дооснащения техникой, а нам в ответ, конечно, раздавались упреки, что мы недооцениваем обстановку и поэтому даем неправильные рекомендации.

Этими несколько длинными пояснениями я хочу ответить, в частности, уважаемому мною генерал-лейтенанту Н. А. Антипенко, который в своих мемуарах [2] упрекает руководителей ЦУПВОСО в том, что при распределении железнодорожных бригад по фронтам оно допускало уравниловку. Одной из существенных ошибок Ставки Верховного Главнокомандования была, по его мнению, запоздалая информация фронтовых органов тыла о начале предстоящих наступательных операций и запоздалая доставка фронту железнодорожных войск, которые предназначались для усиления восстановительных работ. Мы не можем согласиться с Н. А. Антипенко, поскольку здесь не было ни запоздалой информации, ни опозданий в доставке во фронты железнодорожных войск. Это происходило все по той же причине, о которой сказано выше: стремлении сохранить скрытность подготовки и отсутствие резервов [3].

Для того чтобы не допустить больших разрушений железных дорог, И. В. Сталин, заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г. К. Жуков и начальник Генерального штаба маршал А. М. Василевский, координировавшие операцию, и командующие фронтами предприняли ряд мер, направленных против намеченных противником планов по разрушению дорог, мостов, депо, станций и узлов. Для этих целей было дано задание воздушным армиям фронтов уничтожать немецкие путевые разрушители, расстреливать подрывников, выбрасывать парашютистов для захвата больших мостов и удержания их до прихода советских войск, такие же задачи были поставлены и перед партизанами.

Следует отметить, что, хотя количество налетов на все фрон-

[2] *Н. А. Антипенко.* На главном направлении. М., 1968.
[3] «Военные сообщения за 50 лет». М., 1967, стр. 309.

товые железные дороги и сократилось с 6915 в 1943 г. до 1161 в 1944 г., однако удары авиации противника направлялись главным образом на выгрузочные станции, а количество сброшенных бомб сохранилось на уровне 1943 г., составив 86 304 бомбы. Поэтому опасность поражения войск и уничтожения военной техники в процессе выгрузки была очень велика. Принятыми мерами маскировки, переноса выгрузки на промежуточные станции и т. д. безопасность выгрузки войск и военной техники в Белорусской операции была достигнута. Однако железнодорожные узлы и крупные станции значительно пострадали от налетов и наземных разрушений при отступлении немцев, и объем работ был очень велик.

На четырех фронтах, участвовавших в Белорусской операции, техническое прикрытие и восстановительные работы велись под руководством четырех управлений военно-восстановительных работ (УВВР). В состав УВВР-7 (начальник генерал-майор М. Т. Ступаков), приданного 1-му Прибалтийскому фронту, входили 6-я и 10-я бригады железнодорожных войск и спецформирования НКПС, 3-му Белорусскому фронту было придано УВВР-4 во главе с генерал-майором технических войск А. П. Смирновым — две железнодорожные бригады и спецформирования НКПС. На 2-м Белорусском фронте восстановительные работы и техническое прикрытие велись 9-м управлением военно-восстановительных работ во главе с полковником П. И. Бакаревым, в которое входила 4-я железнодорожная бригада и спецформирование НКПС.

На 1-м Белорусском фронте восстановительными работами руководило УВВР-1 во главе с генерал-майором технических войск Ф. Н. Дорониным. Этому управлению были приданы три железнодорожные бригады — 3, 5 и 45-я, спецформирования НКПС.

По решению Ставки Верховного Главнокомандования для обеспечения восстановительных работ в Белорусской операции были дополнительно направлены УВВР-20 и пять железнодорожных бригад. 3-му Белорусскому фронту были приданы 23-я железнодорожная бригада, 2-му Белорусскому — 8-я и 15-я и 1-му Белорусскому — УВВР-20, 1-я и 29-я железнодорожные бригады.

За время наступательной операции советские войска, сокрушая на своем пути упорно сопротивлявшуюся группу армий «Центр», продвинулись на запад на 550—600 км. Для того чтобы задержать темпы наступления наших войск, противник разрушал транспортные мосты, узлы, станции, пункты водоснабжения, депо и другие сооружения. Гитлеровцы минировали мосты, стрелочные переводы на станциях и железнодорожное полотно, выводили полностью из строя верхнее строение пути путеразрушителями «крюк». В районе действий 1-го Прибалтийского фронта на участке Полоцк — Идрица ими было подорвано 83% рельсов. На 3-м Белорусском прежде чем приступить к восстановлению пути, мостов и других объектов минерами железнодорож-

ных войск было обезврежено и уничтожено 63 тыс. мин и 1290 фугасов, большое количество бомб и снарядов [4].

В полосе наступления только 3-го Белорусского фронта противнику удалось разрушить 550 км главных путей, 227 км путей демонтировать и эвакуировать, подорвать 277 мостов и труб.

В ходе наступления на участке 3-го Белорусского фронта было восстановлено и перешито с европейской на союзную колею 2500 км главных и 1113 км станционных путей, восстановлено 267 больших и средних мостов, 59 пунктов водоснабжения, 9 депо, 21 тыс. километро-проводов связи, экипировочные устройства и другие объекты, без которых невозможно было эксплуатировать дорогу. Движение поездов было открыто до Орши и Вильнюса на четвертый день, до Минска — на шестой (после освобождения этих городов), до Каунаса — на пятый. Темпы восстановления составили в полосе наибольших разрушений 7 км, в полосе, где немцы отходили и не успевали полностью разрушать путь и особенно мосты, на восстановление которых требовало в 2,5 раза больше времени, чем на путь, темпы восстановления достигали 21—30 км в сутки.

В ходе наступления 1-го Белорусского фронта с 28 июня по 1 сентября было восстановлено и перешито 1709 км главных путей и восстановлено 367 мостов длиной 44 336 погонных метров. Темпы восстановления составляли 26—28 км в сутки. Однако отрыв восстановленных участков от наступавших войск достигал иногда 400 км, что сильно затрудняло подвоз боеприпасов и других средств. Для усиления темпов восстановления на направлении Минск — Барановичи 1-му Белорусскому фронту было направлено 20-е управление военно-восстановительных работ во главе с опытным, боевым генералом Н. В. Борисовым и две железнодорожные бригады.

В полосе наступления 2-го Белорусского фронта, продвигавшегося более низкими темпами, чем другие фронты, участвовавшие в освобождении Белоруссии, разрушения путей и мостов были еще сильнее, а темпы восстановления ниже.

Всего было разрушено 577 искусственных сооружений, участок пути Дравина — Могилев, разрушенный немцами на протяжении 56 км, восстанавливался 15 суток, а мост через Днепр у Могилева был восстановлен лишь на 28 сутки после его освобождения войсками фронта. Могилев был освобожден на 5 сутки после начала наступления войск фронта, а движение поездов к нему открыто на 18 сутки. Всего было восстановлено УВВР-9 1931 км главных и 471 км станционных путей. Темпы восстановления — от 2,5 до 7,2 км, а мостов — 20,6 погонных метров в сутки.

Отрыв восстановленных участков железных дорог в полосе 2-го Белорусского фронта достиг 400 км.

[4] *К. П. Терехин, А. С. Таралов, А. А. Томашевский.* Воины стальных магистралей. М., 1969, стр. 197.

Опыт Белорусской и других стратегических операций учит, что транспорт всегда должен соответствовать по своей мощности размаху перевозок и планируемым темпам наступления. На таком же уровне должны содержаться силы и средства восстановления транспорта, без которых на войне он не может действовать.

Важное место в управлении воинскими перевозками на фронтовых дорогах занимали подвижные средства эксплуатации — военно-эксплуатационные отделения (ВЭО), военно-эксплуатационные управления дорог фронта (ВЭУ) и локомотивные колонны со средствами их текущего ремонта.

Мы заранее разработали способы и методы управления фронтовыми дорогами и воинскими перевозками на них. Следует отметить, что эксплуатационные отделения и полки, созданные в предвоенные годы, и подвижные локомотивные колонны сыграли огромную роль в обслуживании фронтов. Вслед за наступающими войсками они выдвигались вперед на всю глубину стратегической операции, а затем по мере поступления кадров дорог с тыловых участков ВЭО передавали им уже освоенные участки, а сами готовились вместе с войсками к следующему броску вперед.

В четырех фронтах, участвовавших в Белорусской операции, было задействовано до 12 ВЭО, 6 эксплуатационных железнодорожных полков и 21 паровозная колонна.

Работу этих сил и средств координировали фронтовые военно-эксплуатационные управления. Их боевыми руководителями были крупные специалисты железнодорожного транспорта Виктор Антонович Гарнык, Вячеслав Петрович Егоров, Нил Иванович Краснобаев, являющиеся и поныне начальниками крупных железных дорог.

Фронтовые военно-эксплуатационные отделения вместе с наступавшими войсками дошли до Берлина. Они оказали помощь в налаживании управления транспортом в некоторых ныне социалистических странах.

Огромные размеры воинских перевозок в Белорусской стратегической операции, осуществлявшиеся по еще не полностью восстановленным железным дорогам, портам и аэродромам, вызвали большое напряжение в работе транспорта в целом.

В связи с неравномерностью грузовой работы, обусловленной характером войны, массовыми задержками подвижного состава под погрузкой и особенно под выгрузкой (органы тыла из-за нехватки автомобильного транспорта не торопились выгружать грузы снабжения, прибывающие к ним, превращали вагоны в подвижные склады на колесах), среднее время оборота грузового вагона в 1944 г. составляло 11,3 суток против 7,37 суток в 1940 г. При увеличении средней дальности перевозки по сравнению с 1940 г. на 12% время оборота вагона замедлилось на 60%, это означает, что на один и тот же объем погрузки примерно на 50% увеличилась потребность в вагонах, которых недоставало.

Транспортный комитет собирался два-три раза в неделю, чтобы распределить подвижной состав для обеспечения нужд фронта, военной, металлургической и угольной промышленности, без бесперебойной работы которых невозможно было разгромить противника. Наиболее острые вопросы, возникавшие довольно часто, докладывались И. В. Сталину. Он быстро схватывал суть вопроса и принимал решения, которые выполнялись всеми безоговорочно. В этом была их сила. Никто после этих решений не пытался замедлить их выполнение или изменить.

В мемуарной литературе часто проскальзывают высказывания о том, что те или иные командующие или представители Ставки на фронтах вмешивались непосредственно в руководство воинскими перевозками, связывались с НКПС и изменяли планы перевозок и сроки доставки. Такие же функции приписывают иногда органам тыла. Хочу сказать, что эти вольные толкования ничего общего не имеют с истиной. Все планы воинских перевозок, особенно в стратегических операциях, составлялись по заданию Генерального штаба небольшой группой высококвалифицированных офицеров и генералов ЦУПВОСО, на фронтах — соответственно штабом фронта и ВОСО. Планы воинских перевозок для обеспечения стратегических операций с указанием сроков сосредоточения доставки войск и средств снабжения внимательно рассматривались и утверждались лично Верховным Главнокомандующим. После одобрения им плана, независимо от того, что визы на планах он не ставил, да единых документов в целом на операцию в целях сохранения секретности и не оставлялось, никто не смел изменять сроки без его на то согласия. Однако изменения в планы иногда вносились противником, а не железнодорожниками, как о том пишет в своей очень хорошей книге генерал С. М. Штеменко [5]. В 1944 г. в ходе стратегических операций, в том числе и Белорусской, авиация противника совершила 1161 налет на железнодорожные узлы и станции выгрузочных районов, сбросив около 86 тыс. осколочно-фугасных и зажигательных бомб, что вызвало 272 перерыва движения поездов со средней продолжительностью 7 часов 12 минут каждого из них. Конечно, это замедляло доставку войск и грузов снабжения и в замедлении есть доля вины транспортников, однако большую часть ее следует взять на себя нам, военным, по всем законам призванным прикрывать от нападения противника пути подвоза и хотя бы выгрузочные районы. Замечательные, бесстрашные воины ПВО проявляли героические усилия в стремлении защитить транспорт и транспортников от фашистских бомб. Однако полностью закрыть небо им не удалось. На все наши крупные железнодорожные узлы, как Бологое, Великие Луки, Смоленск, Витебск, Орша, Минск, обслуживавшие Белорусскую операцию, противник в разное время сбросил до 1500—2000 бомб.

[5] *С. М. Штеменко.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968.

Мне довелось за время Великой Отечественной войны побывать в периоды сосредоточения и выгрузки наших войск почти на всех крупнейших узлах наших железных дорог — Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Кавказского стратегических направлений, и я хорошо знаю, как это влияло на их состояние, на скорость продвижения воинских поездов. От путей, строек, сооружений и связи на железнодорожных узлах и станциях ничего не оставалось в исправном состоянии после сильных налетов, обычно совершавшихся неоднократно и продолжавшихя с 21 часа вечера и до 5—6 часов утра. И казалось, что работа узла сорвана на неделю-две. Однако железнодорожник, восстановитель, вставал из укрытий, часто засыпанный землей, углем, но с непоколебимой волей выстоять, для того чтобы победить, и побеждал. С лопатами, ломами, костыльными молотками, с тачками бригады ПВО, железнодорожников, паровозников, путейцев, движенцев, связистов и их семьи устремлялись на разрушенные станционные пути, быстро засыпали воронки от взорвавшихся бомб весом в 500 и 1000 кг, укладывали шпалы, пришивали к ним рельсы, восстанавливали водоснабжение и связь, и узел снова вступал в строй, продолжал воевать. Первые поезда без экипировки пропускались через узел обычно уже через 2 часа после налета.

Что являлось общим для всех транспортников-воинов, в том числе и участников Белорусской операции? Их преданность делу социалистической Родины и бесстрашие. Паровозники, как ведущая сила на транспорте, не покидали своих паровозов ни в пути, ни на станциях при налетах противника, стрелочники, дежурные по станции, составители поездов, связисты, путевые рабочие не уходили со своих постов даже тогда, когда на их глазах горели их жилища, зачастую оставаясь на работе по две-три смены подряд.

Опыт транспортного обеспечения Белорусской операции свидетельствует о том, что роль транспорта в стратегических операциях, как и во всей войне, огромна, что состояние транспорта — его технических средств, пропускная и провозная способность важнейших стратегических направлений, количество, качество, техническая подготовка и моральный дух транспортников — эксплуатационников и восстановителей должны строго отвечать размаху, характеру и способам ведения задуманной операции. Они свидетельствуют также о том, что процесс транспортного обеспечения стратегических операций многогранен и сложен. Он органически связан с планированием и проведением их, и для того, чтобы управлять этим процессом, нужно быть компетентным во всем, короче говоря, нужна наука, помноженная на опыт. Без науки управления не может быть компетентного управления, нельзя эффективно использовать транспортные производственные мощности, невозможно рассчитывать на успешное обеспечение военных операций.

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Боевой состав войск 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов на 23 июня 1944 г.

Номера и наименования объединений	Номера и наименования стрелковых, кавалерийских и бронетанковых соединений и частей	Номера и наименования артиллерийских, авиационных и инженерных соединений и частей
	1-й ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФРОНТ	
4-я Ударная армия	83 ск (119, 332, 360 сд), 16 сд, 101 сбр; 171 отб, 60 одн брп	138 пабр, 587 иптап, 556 минп, 1624 зенап; 2 исбр.
6-я гвардейская армия	2 гв. ск (9 и 46 гв., 166 сд), 22 гв. ск (90 гв., 47, 51 сд), 23 гв. ск (51, 67 и 71 гв. сд), 103 ск (29, 270 сд); 34 гв., 143 тбр, 2 гв. 47 тп, 333 и 335 гв. сап	8 пад (26 и 27 гв. пабр), 21 адп (103 габр БМ, 64 и 94 тгабр, 55 габр, 66 лабр, 25 минбр), 4 пабр, 45 иптабр, 64, 283 гап, 38 гв. кап, 496 иптап, 295, 408 минп, 2 гв. мд (20 и 26 гв. мбр), 22 и 99 гв. мп, 39 зенад (1406, 1410, 1414, 1526 зенап), 46 зенад (609, 617, 618, 717 зенап), 1487 зенап; 10 шисбр, 29 исбр.
43-я армия	1 ск (179, 306, 357 сд), 60 ск (235, 334 сд), 92 ск (145, 204 сд), 156 сд, 155 УР; 10 и 39 гв. тбр, 105 тп, 377 гв., 1203 сап, 44 одн брп	28 гв. пабр (8 пад), 37 гв. пабр, 17 иптабр, 376, 480, 1224 гап, 759 иптап, 31 минбр, 118 минп, 17 гв. мбр (2 гв. мд), 39 гв. мп, 17 зенад (1267, 1276, 1279, 2014 зенап), 246, 1626 зенап, 221 озадн, 273, 312 очб, 106 пмб
3-я воздушная армия	—	11 иак (5 гв., 190 иад), 314 нбад, 211, 332, 335 шад, 6 гв. шап, 259 иад, 11 рап, 206 крап, 763 трап; 1556, 1557, 1558 зенап.
Соединения и части фронтового подчинения	154 сд; 1 тк (89, 117, 159 тбр, 44 мсбр, 1437, 1514 сап, 108 минп, 10 гв. мдн, 86 мцб, 1720 зенап), 46 омехбр, 119 тп, 272 мотоб-н.	26,34 гв. мп, 601, 1623, 1625 1714 зенап, 183, 622 озадн; 5 гв. мибр, 5 шисбр.

Приложения № 1 и № 2 составлены полковником В. В. Гуркиным.

Приложение № 1 (продолжение)

Номера и наименования объединений	Номера и наименования стрелковых, кавалерийских и бронетанковых соединений и частей	Номера и наименования артиллерийских, авиационных и инженерных соединений и частей
Всего во фронте: общевойсковых армий — 3 воздушных армий — 1	ск — 8 сд — 24 сбр — 1 ур — 1 тк — 1 отбр — 4 омехбр — 1 отп — 4 осап — 4 отб — 1 одп брп — 2	ад — 2 гв. мд — 1 оабр — 3 оап — 6 иптабр — 2 оиптап — 3 оминбр — 1 оминп — 4 гв. мп — 5 зенад — 3 озенап — 11 озадн — 3 иак — 1 бад — 1 шад — 3 иад — 3 ошап — 1 инжбр — 5

Примечание. В ходе операции в состав фронта вошли:
1. 1 июля 1944 г— 51-я армия: 1 гв. ск (87, 279, 347 сд), 10 ск (91, 216, 257 сд), 63 ск (77, 267, 417 сд), 3,15 и 64 гв. тп, 336, 346 гв., 1022, 1102, 1489, 1492 сап, 151 пабр, 764 иптап, 125 минп, 77 гв. зенап, 100 ск (21 гв., 28, 200 сд);
2. 8 июля — 2-я гв. армия: 11 гв. ск (2,32 и 33 гв. сд), 13 гв. ск (3, 24 и 87 гв. сд), 54 ск (126, 263, 346 сд); 32 гв. тп, 1402, 1490, 1491 сап; 150 пабр. 113 гв. иптап, 483 минп, 1530 зенап; 14 ск (239, 311, 378 сд);
3. 12 июля — 19 тк (79, 101, 202 тбр, 26 мсбр, 867, 1452 сап, 91 мцб, 179 минп, 368 гв. мдн, 1717 зенап);
4. 31 июля — 67 зенад (1982, 1986, 1990, 1994 зенап).

3-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ

11-я гвардейская армия	8 гв. ск (5,26 и 83 гв. сд), 16 гв. ск (1,11 и 31 гв. сд), 36 гв. ск (16, 18 и 84 гв. сд), 152 УР; 2 гв. тк (4,25, 26 гв. тбр., 4 гв. мсбр, 401 гв., 1500 сап, 273 минп, 28 гв. мдн, 79 мцб, 1695 зенап), 120 тбр, 35 и 63 гв., 148, 517 тп, 345 и 348 гв., 1435 сап.	117 габр БМ, 149 пабр, 1 гв. иптабр, 7 гв. мд (11 и 24 гв. мбр), 523, 1093, 1165 кап, 551 иптап, 545 минп, 42, 67, 317 гв. мп, 226, 245, 316 оадн ОМ, 402, 406 опадн, 34 зенад (1379, 1383, 1389, 1395 зенап), 48 зенад (231 гв., 1277, 1278, 2011 зенап), 1280 зенап; 2 гв. шисбр, 66 псбр.
5-я армия	45 ск (159, 184, 338 сд), 65 ск (97, 144, 371 сд), 72 ск (63, 215, 277 сд); 2 гв., 153 тбр, 337, 343 и 395 гв., 953, 954, 958 сап.	3 гв. адп (99 тгабр, 22 гв. пабр, 43 минбр), 15 гв. пабр, 16 гв, иптабр, 9 гв. мбр (7 гв. мд), 696 иптап, 283 минп, 95 и 326 гв. мп, 33 зенад (1378, 1710, 1715, 1718 зенап), 726 зенап; 4 шисбр.
31-я армия	36 ск (173, 220, 352 сд), 71 ск (88, 192, 331 сд), 113 ск (62, 174 сд); 213 тбр, 926, 927, 959, 1445 сап, 52 одн брп.	140 пабр, 43 иптабр, 83 гв. гап, 392, 570 кап, 529 иптап, 549 минп, 74 гв. мп, 66 зенад (1981, 1985, 1989, 1993 зенап), 1275, 1478 зенап, 525 озадн; 31 исб.

Приложение № 1 (продолжение)

Номера и наименования объединений	Номера и наименования стрелковых, кавалерийских и бронетанковых соединений и частей	Номера и наименования артиллерийских, авиационных и инженерных соединений и частей
39-я армия	5 гв. ск (17, 19 и 91 гв., 251 сд), 84 ск (158, 164, 262 сд); 28 гв. тбр., 735, 957 сап.	139 пабр, 610 иптап, 555 минп, 54 гв. мп, 621, 1481 зенап, 32 исбр.
5-я гвардейская танковая армия	3 гв. тк (3, 18 и 19 гв. тбр., 2 гв. мсбр, 376 гв., 1436, 1496 сап, 749 иптадн, 266 минп, 324 гв. мдн, 10 гв. мцб, 1701 зенап), 29 тк (25, 31, 32 тбр, 53 мсбр, 1223, 1446 сап, 108 иптап, 271 минп, 409 гв. мдн, 75 мцб), 14 гв. тп, 1 гв. мцб.	678 гап, 689 иптап, 76 гв. мп, 6 зенад (146, 366, 516, 1062 зенап); 377 оиб.
1-я воздушная армия	—	1 гв. бак (4 и 5 гв. бад), 3 и 6 гв., 113 и 334 бад, 213 нбад, 3 шак (307, 308 шад), 1 гв., 311 шад, 1 гв. иак (3 и 4 гв. иад), 2 иак (7 гв., 322 иад), 3 пак (265, 278 пад), 240, 303 пад, 47 гв., 10, 117 рап, 142 трап; 1551, 1552, 1553, 1565, 1600, 1602 зенап.
Соединения и части фронтового подчинения	3 гв. кк (5 и 6 гв., 32 кд, 1814 сап, 144 иптап, 3 гв. иптадн, 3 гв. мп, 64 гв. минадн, 1731 зенап); 3 гв. мк (7, 8 и 9 гв. мехбр, 35 гв. тбр, 1510, 1823 сап, 743 иптадн, 129 минп, 334 гв. мдн, 1705 зенап), 337 сап, 2 гв. мцп, 271 мотоб-н.	5 акп: 2 гв. адп (20 гв. габр БМ, 5 гв. габр, 6 гв., 114 пабр, 4 гв. лабр, 33 минбр), 20 адп (102 габр БМ, 93 тгабр, 60 габр, 53 пабр, 34 лабр, 20 минбр); 4 гв. пад (11, 12, 13 и 14 гв. пабр), 107 габр БМ, 8 гв. габр и 7 гв. лабр (3 гв. адп), 119 габр БМ, 20 зенад (1338, 1339, 1345, 1351 зенап), 1281, 1480 зенап, 64, 324, 500 озадн; 3 шпсбр, 13 мибр, 8 пмбр.

Всего во фронте: общевойсковых армий — 4 танковых армий — 1 воздушных армий — 1				
	ск — 11	мк — 1	ак — 1	зенап — 14
	сд — 33	отбр — 5	ад — 4	озадн — 4
	ур — 1	отп — 5	гв. мд — 1	бак — 1
	кк — 1	осап — 16	оабр — 5	шак — 1
	кд — 3	мцп — 1	иптабр — 3	иак — 3
	тк — 3	одн брп — 1	оап — 7	бад — 7
			оадп — 5	шад — 4
			оиптап — 5	иад — 8
			оминп — 4	орап — 3
			гв. мп — 8	инжбр — 7
			зенад — 6	пмбр — 1

Приложение № 1 (продолжение)

Номера и наименования объединений	Номера и наименования стрелковых, кавалерийских и бронетанковых соединений и частей	Номера и наименования артиллерийских, авиационных и инженерных соединений и частей
	2-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ	
33-я армия	70, 157, 344 сд, 154 УР; 6 одн. брп.	873 иптап, 538 минп, 1266 зенап
49-я армия	62 ск (64, 330, 369 сд), 69 ск (42, 222 сд), 76 ск (49, 199, 290 сд), 81 ск (32, 95, 153 сд); 42 и 43 гв. тбр, 233 тп, 334 и 342 гв., 722, 1196, 1197, 1444, 1902 сап, 1 одн брп.	31, 32 габр, 142, 143, 144 пабр, 2 кабр, 5, 13, 27 иптабр, 16, 55, 56 и 85 гв., 49, 81, 331, 472, 1231 гап, 41 гв., 517, 557 кап, 322 оадн ОМ, 593 иптап, 4 гв. мбр, 19 минбр, 77, 89, 100, 307, 325 гв. мп, 540, 544 минп, 47 зенад (1585, 1586, 1591, 1592 зенап), 49 зенад (1265, 1271, 1272, 2012 зенап), 1273, 1479 зенап, 4 озадн.
50-я армия	19 ск (324, 362 сд), 38 ск (110, 139, 385 сд), 121 ск (238, 380 сд), 307 сд; 1819, 1830 сап.	4 иптабр, 1099 кап, 1321 иптап, 481 минп, 1484 зенап.
4-я воздушная армия	—	325 нбад, 230, 233 шад, 229, 309 пад, 164 гв. рап, 209 крап; 1550, 1604 зенап.
Соединения и части фронтового подчинения	23 гв., 256 тбр, 1434 сап.	225, 341, 739, 1268, 1270, 1482, 1709 зенап, 490, 614 озадн; 1 гв. шисбр, 11, 34 и 50 исбр, 33 ибр с/н
Всего во фронте: общевойсковых армий — 3 воздушных армий — 1	ск — 7 отп — 1 сд — 22 осап — 10 ур — 1 одп брп — 2 отбр — 4	оабр — 6 зенад — 2 иптабр — 4 озенап — 13 оап — 13 озадн — 3 оадн — 1 бад — 1 оиптап — 3 шад — 2 омипбр — 1 иад — 2 оминп — 4 рап — 2 гв. мбр — 1 инжбр — 5 гв. мп.— 5
	1-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ	
8-я гвардейская армия	4 гв. ск (35, 47 и 57 гв. сд), 28 гв. ск (39, 79 и 88 гв. сд), 29 гв. ск (27, 74 и 82 гв. сд).	43 гв. пабр, 40 гв. кап, 266 иптап, 141 минп, 879 зенап; 64 исбр.

Приложение № 1 (продолжение)

Номера и наименования объединений	Номера и наименования стрелковых, кавалерийских и бронетанковых соединений и частей	Номера и наименования артиллерийских, авиационных и инженерных соединений и частей
3-я армия	35 ск (250, 323, 348 сд), 40 ск (129, 169 сд), 41 ск (120 гв., 269 сд), 46 ск (82, 108, 413 сд), 80 ск (5, 186, 283 сд); 9 тк (23,95, 108 тбр, 8 мсбр, 1455, 1508 сап, 218 минп, 286 гв. мдн, 216 зенап), 36, 40, 193, 223, 510 тп, 8 сабр, 340, 341 гв., 1812, 1888, 1899, 1900, 1901 сап.	122, 124 габр БМ, 44 пабр, 41, 44 иптабр, 295 гв., 1091 пап, 120, 584, 1071, 1311 иптап, 286, 475 минп, 35 гв. минбр, 16 гв. мбр (5 гв. мд), 37, 56, 94 и 313 гв. мп, 28 зенад (1355, 1359, 1365, 1371 зенап), 1284 зенап; 1 шисбр, 10 исбр, 7 пмбр.
28-я армия	3 гв. ск (50, 54 и 96 гв. сд), 20 ск (48 и 55 гв., 20 сд), 128 ск (61, 130, 152 сд), 119, 153, 161 УР; 30 гв. тп, 347 гв., 881, 1416, 1898 сап.	5 адп (100 габр БМ, 86 тгабр 9 габр, 24 пабр, 23 гв. лабр, 1 минбр), 12 адп (104 габр БМ, 89 тгабр, 32 габр, 41 пабр, 46 лабр, 11 минбр), 3 кабр, 377 пап, 530 иптап, 133 гв. минп, 22 гв. мбр (5 гв. мд), 62, 316 гв. мп, 607 зенап; 2 шисбр, 36 исбр.
47-я армия	77 ск (132, 143, 185, 234 сд), 125 ск (60, 76, 175 сд), 129 ск (165, 260 сд), 328 сд.; 68 тбр, 230, 259 тп, 298 гв., 1204, 1295, 1821, 1892 сап, 31, 59 одн брп.	6 адп (118 тгабр, 18 габр, 21 лабр, 2 минбр), 20 иптабр, 163 иптап, 460 минп, 75 гв. мп, 64 зенад (1979, 1983, 1987, 1991 зенап), 1488 зенап; 18 исбр.
48-я армия	29 ск (102, 217 сд), 42 ск (137, 170, 399 сд), 53 ск (17, 73, 96 сд), 194 сд, 115 УР; 42, 231 тп, 713, 1890, 1897 сап, 39 одн брп.	22 адп (63 габр, 59 пабр. 13 лабр), 68 пабр, 220 гв, иптап, 479 минп, 6, 84 гв, мп, 31 зенад (1376, 1380, 1386, 1392 зенап), 461 зенап; 57 исбр.
61-я армия	9 гв. ск (12 гв., 212 сд), 89 ск (23, 55 сд), 397, 415 сд; 40 одн брп.	38 гв. пабр, 60 гв. кап, 533 иптап, 547 минп, 1282 зенап; 38 исбр.
65-я армия	18 ск (37 и 44 гв., 69 сд), 105 ск (75 гв., 193, 354 сд), 15, 356 сд, 115 сбр; 1 гв. тк (15, 16 и 17 гв. тбр, 1 гв. мсбр, 1001, 1296 сап, 455 минп, 43 гв. мдн, 80 гв. зенап), 251 тп, 345 и 354 гв., 922, 925 сап.	26 ад (77 габр, 56 пабр, 75 лабр), 4 кабр, 30 гв., 147, 157 пабр, 3 гв. и 1 иптабр, 543 иптап, 315, 317 оаднОМ, 5 гв. мд (23 гв. мбр), 43, 92, 311 гв. мп, 143 гв. минп, 235 зенап; 14 исбр.

Приложение № 1 (продолжение)

Номера и наименования объединений	Номера и наименования стрелковых, кавалерийских и бронетанковых соединений и частей	Номера и наименования артиллерийских, авиационных и инженерных соединений и частей
69-я армия	25 ск (77 гв., 4,41 сд), 61 ск (134, 247, 274 сд), 91 ск (117, 312, 370 сд); 12 сабр, 1205, 1206 1221 сап.	10 набр (6 адп), 4 гв., 8, 40 иптабр, 22 иптап, 256 минп, 303 гв. мп, 24 зенад (1045, 1337, 1343, 1349 зенап), 594 зенап; 37 исбр, 41 мибр.
70-я армия	96 ск (38 гв., 1 сд), 114 ск (76 гв., 160 сд).	148 набр, 378 иптап, 136 гв. минп, 581 зенап; 48 исбр.
1-я польская армия	1,2,3,4 пд; 1 кбр; 1 тбр, 13 сап, осадн (б/п).	1 и 5 набр, 2 и 3 габр, 4 иптабр, 1 минп, 1 зенад, 1 озадн; 1 исбр.
2-я танковая армия	3 тк (50, 51, 103 тбр, 57 мсбр, 1219 сап, 728 иптадн, 234 минп, 126 гв. мдн, 121 зенап), 16 тк (107, 109, 164 тбр, 15 мсбр, 6 гв. тп, 1441 сап, 729 иптадн, 226 минп, 89 гв. мдн, 1721 зенап), 11 гв. тбр, 5 мцп, 87 мцб.	86 гв. мп
Конно-механизированная группа фронта	4 гв. кк (9 и 10 гв., 30 кд, 1815 сап, 152 гв. иптап, 4 гв. иптадн, 12 гв. мп, 68 гв. миндн, 255 зенап); 1 мк (19, 35, 37 мехбр, 219 тбр, 73, 294, 1822 сап, 41 гв. мдн, 273 мотоб — н, 1323 зенап).	—
6-я воздушная армия	—	242 нбад, 3 гв. шад, 336 иад; 72 рап, 93 крап, 713 трап; 1596 1597 зенап.
16-я воздушная армия	—	3 бак (241, 301 бад), 132 бад, 271 нбад, 4 шак (196, 199 шад), 2 гв., 299, 300 шад, 6 иак (273, 279 иад), 8 иак (215, 323 иад), 1 гв., 234, 283, 286 иад, 6 сак (221 бад, 282 иад), 16 рап, 98 крап; 325, 1560, 1601, 1610, 1611, 1612, 1974 зенап.
Днепровская военная флотилия	1, 2 и 3-я бригады речных кораблей, 3-я бригада траления, 1 и 2-й отдельные дивизионы бронекатеров.	

Приложение № 1 (окончание)

Номера и наименования объединений	Номера и наименования стрелковых, кавалерийских и бронетанковых соединений и частей	Номера и наименования артиллерийских, авиационных и инженерных соединений и частей
Соединения и части фронтового подчинения	2 гв. кк (3, 4 и 17 гв. кд, 1459 сап, 149 гв. иптап, 2 гв. иптадн, 10 гв. мп, 60 гв. миндн, 1730 зенап), 7 гв. кк (14, 15 и 16 гв. кд, 1816 сап, 145 гв. иптап, 7 гв. иптадн, 7 гв. мп, 57 гв. миндн, 1733 зенап); 8 гв. тк (58, 59 и 60 гв. тбр, 28 гв. мсбр, 62 гв. тп., 301 гв., 1817 сап, 6 гв. мцб, 269 гв. минп, 307 гв. мдн, 300 гв. зенап), 11 тк (20, 36, 65 тбр, 12 мсбр, 50 гв. тп, 1461, 1493 сап, 738 иптадн, 115 гв. мдн, 243 минп, 1388 зенап), 55 одн брп.	Управление 4 акп, 1070 иптап, 32 минбр. 2 гв. зенад (302, 303, 304, 306 гв. зенап), 3 гв. зенад (297, 307, 308, 309 гв. зенап), 12 зенад (836, 977, 990, 997 зенап), 13 зенад (1065, 1173, 1175, 1218 зенап), 65 зенад (1980, 1984, 1988, 1992 зенап), 221 гв., 1259, 1263 зенап, 13 гв., 27, 31, 615 озадн; 1 мибр, 24, 35 исбр.
Всего во фронте: общевойсковых армий — 10 танковых армий — 1 воздушных армий — 2	ск — 26 (5 гв) сд — 81 (12) сбр — 1 кк — 3 (3) кд — 9 (8) кбр — 1 ур — 4 тк — 6 (2) мк — 1 отбр — 3 (1) сабр — 2 отп — 11 (1) осап — 27 (6) мцп — 1 одн брп — 5 бр РК — 3	ак — 1 ад — 5 гв. мд — 1 оабр — 16 иптабр — 9 оап — 5 оиптап — 16 оадн — 2 оминбр — 2 оминп — 11 гв. мп — 15 зенад — 10 озенап — 17 озадн — 5 бак — 1 шак — 1 иак — 2 сак — 1 бад — 4 шад — 6 иад — 10 рап — 2 инжбр — 14 пмбр — 1

Примечание. В ходе операции в состав фронта вошли: 6 шак (197, 198 шад) и 13 иак (193, 194 иад) — 7.7.44 г.; 2 гв нбад — 14.7.44 г.; Управление 1 сак — 20.7.44 г.; 18 зенад (160, 166 и 270 гв.; 297 зенап) — 22.7.44 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Руководящий состав фронтов, армий, корпусов и дивизий, участвовавших в Белорусской операции

А) РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ ФРОНТОВ

Наименование должностей	1-й Прибалтийский фронт	3-й Белорусский фронт
Командующий войсками	Генерал армии БАГРАМЯН И. Х.	Генерал-полковник, с 26.6.44 г.— генерал армии ЧЕРНЯХОВСКИЙ И. Д.
Члены Военного совета	Генерал-лейтенант ЛЕОНОВ Д. С.;	Генерал-лейтенант МАКАРОВ В. Е.;
	Генерал-майор КУДРЯВЦЕВ В. Н.	Генерал-лейтенант и/с ХОХЛОВ И. С.
Начальник штаба	Генерал-лейтенант, с 28.6.44 г.— генерал-полковник КУРАСОВ В. В.	Генерал-лейтенант, с 23.8.44 г.— генерал-полковник ПОКРОВСКИЙ А. П.
Начальник политуправления	Генерал-майор ДРЕБЕДНЕВ М. Ф.	Генерал-майор КАЗБИНЦЕВ С. Б.
Начальник оперуправления	Генерал-майор БОБКОВ Ф. Н.	Генерал-майор ИГОЛКИН П. И.
Командующий артиллерией	Генерал-полковник артиллерии ХЛЕБНИКОВ Н. М.	Генерал-лейтенант артиллерии, с 15.7.44 г.— генерал-полковник артиллерии БАРСУКОВ М. М.
Командующий БТ и МВ	Генерал-майор т/в СКОРНЯКОВ К. В.	Генерал-лейтенант т/в, с 15.7.44 г.— генерал-полковник т/в РОДИН А. Г.
Начальник разведотдела	Полковник ХЛЕБОВ А. А.	Генерал-майор АЛЕШИН Е. В.
Начальник связи	Генерал-майор в/с БАБКИН К. А.	Генерал-майор в/с БУРОВ И. И.
Начальник инженерных войск	Генерал-лейтенант и/в КОСЫРЕВ В. В.	Генерал-лейтенант и/в БАРАНОВ Н. П.
Начальник тыла	Генерал-лейтенант и/с АНДРЕЕВ Д. И.	Генерал-лейтенант и/с ВИНОГРАДОВ В. П.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование должностей	2-й Белорусский фронт	1-й Белорусский фронт
Командующий войсками	Генерал-полковник, с 28.7.44 г.— генерал армии ЗАХАРОВ Г. Ф.	Генерал армии, с 29.6.44 г.— Маршал Советского Союза РОКОССОВСКИЙ К. К.
Члены Военного совета	Генерал-лейтенант МЕХЛИС Л. З.; с 28.7.44 г.— генерал-лейтенант СУББОТИН Н. Е.; Генерал-майор РУССКИХ А. Г.	Генерал-лейтенант, с 29.7.44 г.— генерал-полковник БУЛГАНИН Н. А.; Генерал-лейтенант ТЕЛЕГИН К. Ф.
Начальник штаба	Генерал-лейтенант БОГОЛЮБОВ А. Н.	Генерал-полковник МАЛИНИН М. С.
Начальник политуправления	Генерал-майор ОКОРОКОВ А. Д.	Генерал-майор, с 23.7.44 г.— генерал-лейтенант ГАЛАДЖЕВ С. Ф.
Начальник оперуправления	Генерал-майор КОТОВ-ЛЕГОНЬКОВ П. М.	Генерал-майор БОЙКОВ И. И.
Командующий артиллерией	Генерал-лейтенант артиллерии СОКОЛЬСКИЙ А. К.	Генерал-полковник артиллерии КАЗАКОВ В. И.
Командующий БТ и МВ	Генерал-майор т/в НЕЦВЕТАЙЛО Л. Я.	Генерал-лейтенант т/в ОРЕЛ Г. Н.
Начальник разведотдела	Генерал-майор ВИНОГРАДОВ И. В.	Генерал-майор ЧЕКМАЗОВ П. Н.
Начальник связи	Генерал-лейтенант в/с БОРЗОВ Н. А.	Генерал-лейтенант в/с МАКСИМЕНКО П. Я.
Начальник инженерных войск	Генерал-майор и/в БЛАГОСЛАВОВ Б. Ф.	Генерал-лейтенант и/в ПРОШЛЯКОВ А. И.
Начальник тыла	Генерал-лейтенант и/с НАЙДЕНОВ Н. А.	Генерал-лейтенант и/с АНТИПЕНКО Н. А.

Наименование объединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	командующие	члены военных советов
4-я Ударная армия (26.6—3.7.44 г. и с 20 по 29.8.44 гг.)	Генерал-лейтенант МАЛЫШЕВ П. Ф.	Генерал-майор БЕЛИК Т. Я.; полковник КУЗНЕЦОВ В. А.
2-я гвардейская армия (8.7—29.8.44 г.)	Генерал-лейтенант ЧАНЧИБАДЗЕ П. Г.	Генерал-майор ЧЕРЕШНЮК В. И.; полковник АЛЕКСАНДРОВ В. Д.
6-я гвардейская армия (весь период)	Генерал-лейтенант, с 28.6.44 г.— генерал-полковник ЧИСТЯКОВ И. М.	Генерал-майор АБРАМОВ К. К.; полковник КАСЬЯНЕНКО Г. Н.
8-я гвардейская армия. (весь период)	Генерал-полковник ЧУЙКОВ В. И.	Генерал-майор ПРОНИН А. М.; генерал-майор СЕМЕНОВ Д. П.
11-я гвардейская армия (весь период)	Генерал-лейтенант, с 28.6.44 г.— генерал-полковник ГАЛИЦКИЙ К. Н.	Генерал-майор т/в КУЛИКОВ П. Н.; полковник ГУЗИЙ В. Г.
3-я армия. (весь период)	Генерал-лейтенант, с 29.6.44 г.— генерал-полковник ГОРБАТОВ А. В.	Генерал-майор КОННОВ И. П.; генерал-майор п/с ПИНЧУК И. Д.
5-я армия (весь период)	Генерал-лейтенант, с 15.7.44 г.— генерал-полковник КРЫЛОВ Н. И.	Генерал-майор ПОНОМАРЕВ И. М.; полковник ДЕНЬГИН С. А.
28-я армия. (весь период)	Генерал-лейтенант ЛУЧИНСКИЙ А. А.	Генерал-майор МЕЛЬНИКОВ А. Н.; генерал-майор и/с ПЕЧЕРИЦА П. Л.
31-я армия (весь период)	Генерал-лейтенант, с 15.7.44 г.— генерал-полковник ГЛАГОЛЕВ В. В.	Генерал-майор КАРПЕНКОВ Д. А.; полковник ЛАХТАРИН П. А.; с 15.8.44 г.— полковник ЖУРАВЛЕВ И. В.
33-я армия (весь период)	Генерал-лейтенант КРЮЧЕНКИН В. Д.; с 9.7.44 г.— генерал-лейтенант МОРОЗОВ С. И.	Генерал-майор БАБАЙЧУК Р. П.; полковник ФУРСОВ И. С.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование объединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы		
	начальники штабов	начальники политотделов	начальники оперотделов
4-я Ударная армия (26.6—3.7.44 г. и с 20 по 29.8.44 г.)	Генерал-майор КУДРЯШОВ А. И.	Полковник БОРОЗДИН А. С.	Полковник СЕБИК С. Г.
2-я гвардейская армия (8.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор ЛЕВИН П. И.	Генерал-майор СЕРГЕЕВ А. Я.	Полковник МАРКОВ Г. М.
6-я гвардейская армия (весь период)	Генерал-майор ПЕНЬКОВСКИЙ В. А.	Полковник СОКОЛОВ Л. И.	Генерал-майор РЫБКО З. С.
8-я гвардейская армия.	Полковник БЕЛЯВСКИЙ В. А.	Генерал-майор СКОСАРЕВ М. А.	Полковник ТОЛКОНЮК И. А.
11-я гвардейская армия (весь период)	Генерал-майор СЕМЕНОВ И. И.	Полковник РОМАНОВ Д. Ф.	Генерал-майор ЛЕДНЕВ И. И.
3-я армия. (весь период)	Генерал-майор ИВАШЕЧКИН М. В.	Полковник, с 28.7.44 г.— генерал-майор АМОСОВ Н. Н.	Генерал-майор ГАРНИЧ Н. Ф.
5-я армия (весь период)	Генерал-майор ПРИХИДЬКО Н. Я.	Полковник ХВАТОВ Н. А.	Полковник СТРАХОВ В. И.
28-я армия. (весь период)	Генерал-майор РОГАЧЕВСКИЙ С. М.	Полковник ЕГОРОВ Н. В.	Полковник МАТВЕЕВ К. Т., с 10.8.44 г.— полковник ТКАЧЕВ А. Г.
31-я армия (весь период)	Генерал-майор ЩЕДРИН М. И.	Полковник РЯПОСОВ А. И.	Полковник ЕРАСТОВ М. И.
33-я армия (весь период)	Генерал-майор ПЕНЧЕВСКИЙ А. П.	Генерал-майор ПАША С. И.	Полковник ПЕРВЕНЦЕВ Г. Н.[1]

[1] С 12.8 по 20.8.1944 г. временно исполнял обязанности начальника штаба армии.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование объединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	командующие	члены военных советов
39-я армия (весь период)	Генерал-лейтенант ЛЮДНИКОВ И. И.	Генерал-майор БОЙКО В. Р.; полковник ЗОРИН Д. А.
43-я армия (весь период)	Генерал-лейтенант БЕЛОБОРОДОВ А. П.	Генерал-майор ШАБАЛОВ С. И.; генерал-майор ОСИН Н. Л.
47-я армия. (весь период)	Генерал-лейтенант ГУСЕВ Н. И.	Генерал-майор КОРОЛЕВ И. Н.; полковник КУЗЬМИН П. В.
48-армия. (весь период)	Генерал-лейтенант РОМАНЕНКО П. Л.	Генерал-майор ИСТОМИН Н. А.; генерал-майор ПРУДНИКОВ Ф. К.
49-я армия (весь период)	Генерал-лейтенант ГРИШИН И. Т.	Генерал-майор СЫЧЕВ В. А.; полковник БРАНТ Г. Р.
50-я армия (весь период)	Генерал-лейтенант БОЛДИН И. В.	Генерал-майор КАРАМЫШЕВ А. И.; полковник РАССАДИН А. Н.
51-я армия (1.7—29.8.44 г.)	Генерал-лейтенант КРЕЙЗЕР Я. Г.	Генерал-майор УРАНОВ В. И.; Генерал-майор ШЕМИОНКО И. И.
61-я армия. (23.6—30.7.44 г.)	Генерал-лейтенант, с 26.7.44 г.— генерал-полковник БЕЛОВ П. А.	Генерал-майор ДУБРОВСКИЙ Д. Г.; полковник ЖЕЛОБАНОВ А. Т.
65-я армия. (весь период)	Генерал-лейтенант, с 29.6.44 г.— генерал-полковник БАТОВ П. И.	Генерал-майор РАДЕЦКИЙ Н. А.; полковник ГРИШКО Г. Е.
69-я армия. (весь период)	Генерал-лейтенант КОЛПАКЧИ В. Я.	Генерал-майор ЩЕЛАКОВСКИЙ А. В.; полковник БОБРОВ Е. В.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование объединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы		
	начальники штабов	начальники политотделов	начальники оперотделов
39-я армия (весь период)	Генерал-майор СИМИНОВСКИЙ М. И.	Полковник ПЕТРОВ А. П.	Полковник САФОНОВ Б. М.
43-я армия (весь период)	Генерал-майор МАСЛЕННИКОВ Ф. Ф.	Полковник ТИТОВ С. П.	Полковник ТУРАНТАЕВ В. В.
47-я армия, (весь период)	Генерал-майор ФИЛИППОВСКИЙ М. С., с 25.7.44 г.— генерал-майор ЛУКЬЯНЧЕНКО Г. С.	Полковник КАЛАШНИК М. Х.	Полковник ПОВАЛИЙ М. И.
48-я армия, (весь период)	Генерал-майор ГЛЕБОВ И. С.	Полковник МИФТАХОВ А. Ш.; с 27.7.44 г.— полковник МИХАЛЬЧУК И. И.	Генерал-майор ДОЛГОВ И. А.
49-я армия (весь период)	Генерал-майор КИНОСЯН С. И.	Полковник ГОЛОВКИН В. Я.	Полковник ЛЕДНЕВ В. И.; с 5.7.44 г.— полковник ПОЛНЕР М. Л.
50-я армия (весь период)	Генерал-майор БРИЛЕВ Н. Г.	Полковник АЛЕКСАНДРОВ Н. М.	Полковник САВЧЕНКО А. П.
51-я армия (1.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор ДАШЕВСКИЙ Я. С.	Генерал-майор ЗЯБЛИЦИН Н. Т.	Полковник БОРОВИК М. И.
61-я армия, (23.6—30.7.44 г.)	Генерал-майор ПУЛКО-ДМИТРИЕВ А. Д.	Полковник КОТИКОВ А. Г.	Полковник ВЛАСОВ П. И.
65-я армия, (весь период)	Генерал-майор БОБКОВ М. В.	Полковник ГАНИЕВ Х. А.	Полковник ЛИПИС Ф. Э.
69-я армия, (весь период)	Генерал-майор ВЛАДИМИРСКИЙ А. З.	Полковник ВИШНЕВСКИЙ Н. А.	Полковник ВАРЮШИН М. П.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование объединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	командующие	члены военных советов
70-я армия, (весь период)	Генерал-полковник ПОПОВ В. С.	Генерал-майор САВКОВ А. А.; полковник САНАКОЕВ Г. Г.
1-я польская армия, (весь период)	Генерал-лейтенант БЕРЛИНГ З. М.	Генерал-майор ЗАВАДСКИЙ А. Л.
2-я танковая армия, (весь период)	Генерал-лейтенант т/в БОГДАНОВ С. И., с 23.7.44 г.— генерал-майор РАДЗИЕВСКИЙ А. И.	Генерал-майор т/в ЛАТЫШЕВ П. М.
5-я гвардейская танковая армия (весь период)	Маршал бронетанковых войск РОТМИСТРОВ П. А., с 8.8.44 г.— генерал-лейтенант т/в СОЛОМАТИН М. Д., с 18.8.44 г.— генерал-лейтенант т/в ВОЛЬСКИЙ В. Т.	Генерал-майор т/в ГРИШИН П. Г.; полковник СЫРОМОЛОТНЫЙ И. К.
1-я воздушная армия (весь период)	Генерал-лейтенант авиации ГРОМОВ М. М., с 2.7.44 г.— генерал-полковник авиации ХРЮКИН Т. Т.	Генерал-майор авиации ЛИТВИНЕНКО И. Г.
3-я воздушная армия (весь период)	Генерал-лейтенант, с 19.8.44 г.— генерал-полковник авиации ПАПИВИН Н. Ф.	Генерал-майор авиации БАБАК Н. П.
4-я воздушная армия (весь период)	Генерал-полковник авиации ВЕРШИНИН К. А.	Генерал-майор, с 19.8.44 г.— генерал-лейтенант авиации ВЕРОВ Ф. Ф.
6-я воздушная армия, (весь период)	Генерал-лейтенант авиации ПОЛЫНИН Ф. П.	Генерал-майор авиации ВЫВОЛОКИН А. Ф.
16-я воздушная армия, (весь период)	Генерал-полковник авиации РУДЕНКО С. И.	Генерал-майор авиации ВИНОГРАДОВ А. С.
Днепровская военная флотилия,	Контр-адмирал ГРИГОРЬЕВ В. В.	Капитан 1 ранга БОЯРЧЕНКО П. В.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование объединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы		
	начальники штабов	начальники политотделов	начальники оперотделов
70-я армия. (весь период)	Генерал-майор ЛЯПИН П. И.	Полковник МАСЛОВСКИЙ Я. Е.	Полковник ПЕНЧЕВСКИЙ А. П.
1-я польская армия. (весь период)	Генерал-майор КОРЧИЦ В. В.	—	Полковник СУРЖИЦ Д. Н.
2-я танковая армия. (весь период)	Генерал-майор РАДЗИЕВСКИЙ А. И.	Полковник, с 28.7.44 г. генерал-майор т/в МАТЮШИН Н. И.	Полковник БАЗАНОВ И. Н.[1]
5-я гвардейская танковая армия (весь период)	Генерал-майор т/в КАЛИНИЧЕНКО П. И.	Генерал-майор ШАРОВ В. М.	Полковник НИКОЛАЙЧУК А. М.
1-я воздушная армия (весь период)	Генерал-майор авиации ПРОНИН А. С.	Полковник ДУХНОВСКИЙ П. И.	Полковник АРИСТОВ П. Я.
3-я воздушная армия (весь период)	Генерал-майор, с 2.8.44 г.— генерал-лейтенант авиации ДАГАЕВ Н. П.	Полковник МОСКАЛЕВ М. М.	Полковник КОНДРАТЬЕВ А. И.
4-я воздушная армия (весь период)	Генерал-майор авиации УСТИНОВ А. З. с 11.7.44 г.— генерал-майор авиации АЛЕКСЕЕВ А. Н.	Полковник ЖМУЛЕВ Ф. И.	Полковник ОДИНЦОВ К. Н.
6-я воздушная армия. (весь период)	Генерал-майор авиации СТОРОЖЕНКО В. В., с 2.7.44 г.— генерал-майор авиации КОТЕЛЬНИКОВ П. Л.	Полковник ДРАЙЧУК Я. И.	Полковник КАДАЗАНОВИЧ В. А.
16-я воздушная армия. (весь период)	Генерал-майор, с 2.8.44 г.— генерал-лейтенант авиации БРАЙКО П. И.	Подполковник ВИХРОВ В. И.	Полковник БОЙКОВ А. И.
Днепровская военная флотилия.	Капитан 2 ранга БАЛАКИРЕВ К. М.	Капитан 1 ранга СЕМИН В. И.	Капитан 2 ранга КОЛЧИН Е. С.

[1] С 24.7.1944 г. временно исполнял обязанности начальника штаба армии.

Примечание. В воздушных армиях в графе «Члены военных советов» указываются заместители командующих армиями по политической части.

в) руководящий состав корпусов и дивизий

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
Стрелковые, танковые и артиллерийские корпуса:		
1-й гвардейский стрелковый (1.7—29.8.44 г.)	Генерал-лейтенант МИССАН И. И.	Полковник ВЫБОРНЫХ И. С.
2-й гвардейский стрелковый (весь период)	Генерал-лейтенант КСЕНОФОНТОВ А. С., с 21.8.44 г.— генерал-майор БАКСОВ А. И.	Полковник ОРЛОВ А. М., с 21.7.44 г.— полковник ВАСЕВ С. К.
3-й гвардейский стрелковый. (весь период)	Генерал-майор ПЕРХОРОВИЧ Ф. И.	Полковник БРАУДЭ Б. С., с 11.7.44 г.— полковник СВИРИН А. М.
4-й гвардейский стрелковый. (весь период)	Генерал-лейтенант ГЛАЗУНОВ В. А.	Полковник ЗОЛОТЫХ Г. А.
5-й гвардейский стрелковый (весь период)	Генерал-майор, с 15.7.44 г.— генерал-лейтенант БЕЗУГЛЫЙ И. С.	Полковник ЩУКИН Е. А.
8-й гвардейский стрелковый (весь период)	Генерал-майор, с 15.7.44 г.— генерал-лейтенант ЗАВАДОВСКИЙ М. Н.	Полковник РОДИОНОВ Н. С.
9-й гвардейский стрелковый. (23.6—30.7.44 г.)	Генерал-майор ПОПОВ М. А., с 29.7.44 г.— генерал-лейтенант ХАЛЮЗИН Г. А.	Полковник АКСЕЛЬРОД Г. М.
11-й гвардейский стрелковый (8.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор РОЖДЕСТВЕНСКИЙ С. Е., с 23.8.44 г.— генерал-майор АРУШАНЯН Б. И.	Полковник БАЗИЛЕВСКИЙ П. Л.
13-й гвардейский стрелковый (8.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор ЦАЛИКОВ К. А., с 22.7.44 г.— генерал-лейтенант ЛОПАТИН А. И.	Полковник ТАРТИН А. Д.
16-й гвардейский стрелковый (весь период)	Генерал-майор ВОРОБЬЕВ Я. С., с 8.7.44 г.— генерал-майор ГУРЬЕВ С. С.	Полковник МЕШКОВ В. В.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
22-й гвардейский стрелковый (весь период)	Генерал-майор РУЧКИН А. И.	Полковник ШЕЙКО А. Л.
23-й гвардейский стрелковый (весь период)	Генерал-лейтенант ЕРМАКОВ А. Н.	Полковник ФЕДОСОВ П. К.
28-й гвардейский стрелковый. (весь период)	Генерал-майор РЫЖОВ А. И.	Полковник БОРОДИН В. Н.
29-й гвардейский стрелковый. (весь период)	Генерал-лейтенант ФОКАНОВ Я. С., с 8.8.44 г.— генерал-майор ШЕМЕНКОВ Г. И.	Полковник ГЛАМАЗДА Н. А., с 11.8.44 г.— полковник КОПЫЛОВ С. С.
36-й гвардейский стрелковый (весь период)	Генерал-майор ШАФРАНОВ П. Г.	Полковник КУТИН Н. В.
1-й стрелковый (весь период)	Генерал-лейтенант ВАСИЛЬЕВ Н. А.	Полковник БОРИСОВ А. А.
10-й стрелковый (1.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор НЕВЕРОВ К. П.	Полковник ДРОБЯЩЕНКО И. Д.
14-й стрелковый (1.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор АРТЮШЕНКО П. А., с 10.8.44 г.— генерал-майор АРУШАНЯН Б. И., с 23.8.44 г.— генерал-майор РОЖДЕСТВЕНСКИЙ С. Е.	Полковник БРАГИН М. А.
18-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор ИВАНОВ И. И.	Полковник ВЕРЕЩАГИН И. Ф.
19-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор САМАРСКИЙ Д. И.	Полковник ПАТРУШЕВ Д. Н.
20-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор ШВАРЕВ Н. А.	Полковник РЫЖОВ А. И.
25-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор БАРИНОВ А. Б.	Полковник КРОПАЧЕВ А. М.
29-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор АНДРЕЕВ А. М.	Полковник МИТИН Д. Н.
35-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор ЖОЛУДЕВ В. Г., с 21.7.44 г.— генерал-майор ЧУВАКОВ Н. Е.	Полковник АЛЕКСАНДРОВИЧ И. И.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
36-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор ОЛЕШЕВ Н. Н., с 3.7.44 г.— генерал-майор ПРОВАЛОВ К. И.	Полковник ВОРОНИН В. И.
38-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор ТЕРЕШКОВ А. Д.	Полковник ПЕТРОВ М. И.
40-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор КУЗНЕЦОВ В. С.	Полковник ХМЫТЬЕВ И. П.
41-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор УРБАНОВИЧ В. К.	Полковник ПОТАПОВ И. Х.
42-й стрелковый. (весь период)	Генерал-лейтенант КОЛГАНОВ К. С.	Полковник ЛАЗАРЕВ А. П.
45-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор ГОРОХОВ С. Ф.	Полковник СЕМЕНОВ Ф. К.
46-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор ЭРАСТОВ К. М.	Полковник ОВЧИННИКОВ К. В.
53-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор ГАРЦЕВ И. А.	Полковник ШЕХОВЦЕВ А. Т.
54-й стрелковый (8.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор КЛЯРО И. В., с 20.8.44 г.— генерал-лейтенант КСЕНОФОНТОВ А. С.	Полковник ШУМИЛОВ Т. И.
60-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор ЛЮХТИКОВ А. С.	Полковник ВАСЯГИН С. П.
61-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор ГРИГОРОВСКИЙ И. Ф.	Полковник ВЛАСЕНКО И. А.
62-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор НАУМОВ А. Ф., с 4.8.44 г.— генерал-майор ВОРОБЬЕВ Я. С.	Полковник БОЙЦОВ В. И., с 24.8.44 г.— полковник МУРАШОВ А. В.
63-й стрелковый (1.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор БАКУНИН Ф. А.	Полковник ДАНИЛОВ В. В.
65-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор ПЕРЕКРЕСТОВ Г. Н.	Полковник ПОПКОВ К. И.
69-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор МУЛЬТАН Н. Н.	Полковник БУГАЕВ К. А.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
71-й стрелковый (весь период)	Генерал-лейтенант КОШЕВОЙ П. К.	Полковник ДУНАЕВ П. С.
72-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор КАЗАРЦЕВ А. И.	Полковник ЗЮЗИН А. И.
76-й стрелковый (весь период)	Генерал-лейтенант ГЛУХОВ М. И.	Полковник ЛЕСОВОЙ К. Е.
77-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор ПОЗНЯК В. Г.	Полковник ПИСАРЕНКО А. С.
80-й стрелковый. (23.6—5.8.44 г.)	Генерал-майор РАГУЛЯ И. Л., с 23.7.44 г.— генерал-майор БУТОРИН Т. И.	Полковник ГОЛЬДЕНШТЕЙН Я. В.
81-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор ПАНЮХОВ В. В., с 29.6.44 г.— генерал-майор ЗАХАРОВ Ф. Д., с 30.7.44 г.— генерал-лейтенант ТЮРИН А. А.	Полковник СВИРИДЕНКО И. Е.
83-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор СОЛДАТОВ Н. Л.	Полковник МОВШЕВ Г. С., с 21.7.44 г.— полковник ДЕМЧЕНКО Н. Т.
84-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор ПРОКОФЬЕВ Ю. М.	Полковник ПОПОВ И. Ф.
89-й стрелковый. (23.6—30.7.44 г.)	Генерал-майор ЯНОВСКИЙ А. Я.	Полковник ДАРОВСКИЙ П. А.
91-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор ВОЛКОВ Ф. А.	Полковник МАТВЕЕВ И. М.
92-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор ИБЯНСКИЙ Н. Б.	Полковник МОСКВИН В. Я.
96-стрелковый. (весь период)	Генерал-лейтенант ЧАНЫШЕВ Я. Д.	Полковник ТИЛЮПО Г. П.
100-й стрелковый (1.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор МИХАЙЛОВ Д. В.	Полковник СОБОЛЬ А. Ф., с 3.8.44 г.— полковник УГРЮМОВ Н. И.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
103-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор ФЕДЮНЬКИН И. Ф.	Полковник КОШЕЛЕВ С. Г.
105-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор АЛЕКСЕЕВ Д. Ф.	Полковник ДИДЕНКО Н. С.
113-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор ПРОВАЛОВ К. И., с 3.7.44 г.— генерал-майор ОЛЕШЕВ Н. Н.	Полковник ХОХЛОВ Б. Н.
121-й стрелковый (весь период)	Генерал-майор СМИРНОВ Д. И.	Полковник ИГНАТОВ М. Ф.
125-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор КУЗЬМИН И. К.	Полковник НИКИФОРОВ Ф. А.
128-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор БАТИЦКИЙ П. Ф.	Полковник ЛЕСЬ Н. С.
129-й стрелковый. (весь период)	Генерал-майор АНАШКИН М. Б.	Полковник ФОМИН Р. А.
2-й гвардейский кавалерийский. (весь период)	Генерал-лейтенант КРЮКОВ В. В.	Полковник ДРОБИЛЕНКО Т. Ф.
3-й гвардейский кавалерийский (весь период)	Генерал-лейтенант ОСЛИКОВСКИЙ Н. С.	Полковник ДОБРОШИН Д. С.
4-й гвардейский кавалерийский. (23.7—23.8.44)	Генерал-лейтенант ПЛИЕВ И. А.	Полковник КАРЕВ М. Ф.
7-й гвардейский кавалерийский. (весь период)	Генерал-майор, с 26.7.44 г.— генерал-лейтенант КОНСТАНТИНОВ М. П.	Полковник СТЕПАНЕНКО В. А.
3-й гвардейский механизированный (весь период)	Генерал-лейтенант т/в ОБУХОВ В. Т.	Полковник АНДРЕЕВ А. Ф.
1-й механизированный. (весь период)	Генерал-лейтенант т/в КРИВОШЕИН С. М.	Полковник КУПАРЕВ Г. И.
1-й гвардейский танковый. (весь период)	Генерал-майор т/в ПАНОВ М. Ф.	Полковник ЖУКОВ М. Г.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в опера ии	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
2-й гвардейский танковый (весь период)	Генерал-майор т/в БУРДЕЙНЫЙ А. С.	Полковник КРОПОТИН А. К., с 1.7.44 г.— полковник ЧЕРНЫШЕВ И. А.
3-й гвардейский танковый (весь период)	Генерал-майор т/в ВОВЧЕНКО И. А., с 11.8.44— генерал-лейтенант ПАНФИЛОВ А. П.	Полковник СЕДЯКИН И. В.
8-й гвардейский танковый. (весь период)	Генерал-лейтенант т/в ПОПОВ А. Ф.	Полковник ДЕРЕВЯНКИН И. Г.
1-й танковый (весь период)	Генерал-лейтенант т/в БУТКОВ В. В.	Полковник ЗАЙЦЕВ И. Д.
3-й танковый. (весь период)	Генерал-лейтенант т/в МИШУЛИН В. А., с 14.7.44 г.— генерал-майор ВЕДЕНЕЕВ Н. Д.	Полковник ЗАХАРОВ Б. И., с 18.7.44 г.— полковник ПЛОТНИКОВ И. Н.
9-й танковый. (весь период)	Генерал-майор т/в БАХАРОВ Б. С., с 17.7.44 г.— генерал-майор т/в ВОЕЙКОВ Н. И.	Полковник ГРИЩЕНКО И. Ф., с 21.7.44 г.— полковник ТУРАЕВ Г. А.
11-й танковый. (весь период)	Генерал-майор т/в РУДКИН Ф. Н., с 15.7.44 г.— генерал-майор т/в ЮЩУК И. И.	Полковник УСАЧЕВ Е. С.
16-й танковый. (весь период)	Генерал-майор т/в ДУБОВОЙ И. В., с 11.8.44 г.— генерал-майор т/в ТЕЛЯКОВ Н. М.	Полковник ВИТРУК А. Л.
19-й танковый (12.7—29.8.44 г.)	Генерал-лейтенант т/в ВАСИЛЬЕВ И. Д.	Полковник КИСТАНОВ Я. Д.
29-й танковый (весь период)	Генерал-майор т/в ФОМИНЫХ Е. И., с 27.7.44 г.— генерал-майор т/в МАЛАХОВ К. М.	Полковник СЕРЕНКО М. Ф., с 28.7.44 г.— подполковник ГРОМОВ Д. Г.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
4-й артиллерийский. (весь период)	Генерал-майор артиллерии ИГНАТОВ Н. В.	Полковник ПЕТРОВ Н. П.
5-й артиллерийский (весь период)	Генерал-лейтенант артиллерии САЛИЧКО Н. Ф.	Полковник ВЛАСОВ А. М.
Авиационные корпуса:		
1-й гвардейский бомбардировочный (весь период)	Генерал-лейтенант авиации УШАКОВ В. А.	Полковник УСАТЫЙ Ф. И.
3-й бомбардировочный. (весь период)	Генерал-майор авиации КАРАВАЦКИЙ А. З.	Полковник ДЕРГУНОВ А. П.
3-й штурмовой (весь период)	Генерал-майор авиации ГОРЛАЧЕНКО М. И.	Полковник МОЧЕНКОВ М. А.
4-й штурмовой. (весь период)	Генерал-майор, с 19.8.44 г.— генерал-лейтенант авиации БАЙДУКОВ Г. Ф.	Генерал-майор авиации БАКИН В. И.
6-й штурмовой. (7.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор авиации ТОКАРЕВ Б. К.	Полковник ТУПАНОВ П. М.
1-й смешанный. (20.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор авиации ВИНОГРАДОВ В. А., с 12.8.44 г.— генерал-майор авиации КРУПСКИЙ И. В.	Полковник ПИРКИН А. В.
6-й смешанный. (весь период)	Полковник, с 19.8.44 г.— генерал-майор авиации БОРИСЕНКО М. Х.	Полковник КОБЯКИН И. Д.
1-й гвардейский истребительный (весь период)	Генерал-лейтенант авиации БЕЛЕЦКИЙ Е. М.	Генерал-майор авиации ЮХИМЧУК И. И.
2-й истребительный (весь период)	Генерал-лейтенант авиации БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ А. С.	Полковник ЛОБАН Ф. М.
3-й истребительный (весь период)	Генерал-лейтенант авиации САВИЦКИЙ Е. Я.	Полковник АНАНЬЕВ Н. Д.
6-й истребительный. (весь период)	Генерал-майор авиации ДЗУСОВ И. М.	Полковник НИКУЛИН Д. И.
8-й истребительный. (весь период)	Генерал-майор авиации ЖЕРЕБЧЕНКО Ф. Ф.	Полковник ИВЛЕВ И. А.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
11-й истребительный (весь период)	Генерал-майор авиации ИВАНОВ Г. А.	Полковник ЛЕБЕДЕВ Н. Д.
13-й истребительный. (7.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор авиации СИДНЕВ Б. А.	Полковник НИКУЛЬШИН А. С.
Стрелковые дивизии:		
1-я гвардейская стрелковая (весь период)	Полковник ТОЛСТИКОВ П. Ф., с 21.7.44 г.— генерал-майор ПАСТРЕВИЧ А. И., с 4.8.44 г.— подполковник ПОРТНОВ С. И.	Полковник АКИМОВ В. Д.
2-я гвардейская стрелковая (8.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор САМОХВАЛОВ Н. С.	Полковник ПИЛИПЕНКО В. М.
3-я гвардейская стрелковая (8.7—29.8.44 г.)	Полковник ПОЛИЩУК Г. Ф.	Полковник ФИШМАН З. Л.
5-я гвардейская стрелковая (весь период)	Полковник ВОЛКОВ Н. Л.	Полковник ШЕРЕНГИН И. Г.
9-я гвардейская стрелковая (весь период)	Генерал-майор БАБАХИН Н. И., с 30.6.44 г.— полковник ВЕРБОВ Я. Я., с 22.7.44 г.— полковник САВЧУК В. И.	Подполковник КРАЙНЮКОВ И. И.
11-я гвардейская стрелковая (весь период)	Генерал-майор ЦЫГАНОВ Н. Г.	Полковник ПАСТУХОВ И. А.
12-я гвардейская стрелковая. (23.6—30.7.44 г.)	Полковник МАЛЬКОВ Д. К.	Полковник ЮХОВ А. И.
16-я гвардейская стрелковая (весь период)	Генерал-майор РЫЖИКОВ Е. В., с 21.8.44 г.— генерал-майор ВАСИЛЬЕВ Г. А.	Полковник КОТУНОВ А. А.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
17-я гвардейская стрелковая (весь период)	Генерал-майор КВАШНИН А. П.	Полковник ПШЕНИЧНЫЙ С. С., с 3.8.44 г.— полковник МАЛАХОВ К. Д.
18-я гвардейская стрелковая (весь период)	Полковник ДАНИЕЛЯН С. М., с 30.7.44 г.— полковник РЕВЕНКО В. К.	Подполковник, с 16.8.44 г.— полковник ХОЛОД М. Д.
19-я гвардейская стрелковая (весь период)	Полковник БИБИКОВ П. Н.	Подполковник ПЕКАРЕВ А. В.
21-я гвардейская стрелковая (1.7—29.8.44 г.)	Полковник, с 29.7.44.— генерал-майор АРТАМОНОВ И. И.	Полковник ТОЛСТОПЯТЕНКО А. Ф.
24-я гвардейская стрелковая (8.7—29.8.44 г.)	Полковник КОЛЕСНИКОВ Г. Я., с 19.7.44.— генерал-майор ЕРЕМЕНКО Я. Ф., с 11.8.44 г.— полковник ДОМРАЧЕВ П. Н.	Подполковник ЕРМОЛЕНКО Н. Д.
26-я гвардейская стрелковая (весь период)	Генерал-майор ЧЕРНОВ Г. И.	Подполковник СОТУЛЕНКО А. П., с 6.7.44 г.— подполковник БАРАНОВ В. П.
27-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор ГЛЕБОВ В. С.	Подполковник НИКАШИН Д. П.
31-я гвардейская стрелковая (весь период)	Генерал-майор ЩЕРБИНА И. К., с 7.7.44 г.— генерал-майор БУРМАКОВ И. Д.	Полковник РОЖДЕСТВЕНСКИЙ И. И.
32-я гвардейская стрелковая (8.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор ЗАКУРЕНКОВ Н. К.	Подполковник, с 16.8.44 г.— полковник ИСАЕВ П. М.
33-я гвардейская стрелковая (8.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор ВОЛОСАТЫХ П. М.	Подполковник ДОМНИКОВ В. М.
35-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор КУЛАГИН И. Я.	Подполковник ЖИЖИНОВ И. А.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
37-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Полковник МОРОЗОВ В. Л.	Полковник СМИРНОВ А. М.
38-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор СОЛОВЬЕВ Г. М.	Подполковник ВОЛОВИК М. П.
39-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Подполковник ШТРИГОЛЬ В. М., с 10.8.44 г.— полковник МАРЧЕНКО Е. Т.	Подполковник ОНИЩУК П. К.
44-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор БОРИСОВ В. А.	Полковник МЕЛЬНИКОВ А. В.
46-я гвардейская стрелковая (весь период)	Полковник ВАСИЛЬЕВ К. А.	Полковник ГУРЬЯНОВ С. П.
47-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Полковник ШУГАЕВ В. М.	Подполковник НИКОЛАЕВ Л. П.
48-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор КОРЧИКОВ Г. Н.	Подполковник МИТИН И. А.
50-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор ВЛАДЫЧАНСКИЙ А. С.	Подполковник ЛИПКИНД М. Л.
51-я гвардейская стрелковая (весь период)	Генерал-майор ЧЕРНИКОВ С. В., с 24.8.44 г.— полковник ПРЯХИН И. Ф.	Полковник ШКУРБА П. Г.
54-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор ДАНИЛОВ М. М.	Полковник МИТРОФАНОВ А. А.
55-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор ТУРЧИНСКИЙ А. П.	Подполковник НОЖЕНКО К. А.
57-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор ШЕМЕНКОВ А. А., с 15.8.44 г.— полковник ЗАЛИЗЮК П. И.	Подполковник ЛОБАНОВ А. К.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
67-я гвардейская стрелковая (весь период)	Генерал-майор БАКСОВ А. И., с 22.8.44 г.— генерал-майор ЕРЕМЕНКО Я. Ф.	Полковник БРОННИКОВ М. М.
71-я гвардейская стрелковая (весь период)	Генерал-майор СИВАКОВ И. П., с 9.8.44 г.— генерал-майор КУРОПАТЕНКО Д. С.	Полковник ЕГОРОВ В. Ф.
74-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор БАКАНОВ Д. Е.	Полковник КУТОВОЙ И. С.
75-я гвардейская стрелковая. (23.6—6.8.44 г.)	Генерал-майор ГОРИШНИЙ В. А.	Полковник БАГНЮК А. С.
76-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор КИРСАНОВ А. В.	Полковник ГНИЛУША П. Г.
77-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор АСКАЛЕПОВ В. С.	Полковник МЕДЕННИКОВ А. Ф.
79-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор ВАГИН Л. И.	Полковник ХРАПОВ В. А.
82-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор ХЕТАГУРОВ Г. И.	Подполковник ТРАВИН Д. Н.
83-я гвардейская стрелковая (весь период)	Генерал-майор МАСЛОВ А. Г.	Подполковник АСЛАМОВ В. И.
84-я гвардейская стрелковая (весь период)	Генерал-майор ПЕТЕРС Г. Б.	Полковник ЕВСЕЕВ П. П.
87-я гвардейская стрелковая (8.7—29.8.44 г.)	Полковник ТЫМЧИК К. Я.	Подполковник ЛИПЕЦКИЙ Д. С.
88-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор ПАНКОВ Б. Н.	Подполковник ПОДЧАЛЛО П. Л.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
90-я гвардейская стрелковая (весь период)	Генерал-майор ВЛАСОВ В. Е.	Подполковник ШАДУРА А. Д.
91-я гвардейская стрелковая (весь период)	Полковник КОЖАНОВ В. И.	Полковник ФИСУНОВ П. А.
96-я гвардейская стрелковая, (весь период)	Генерал-майор КУЗНЕЦОВ С. Н.	Полковник ЧЕПУРОВ Д. С.
120-я гвардейская стрелковая. (весь период)	Генерал-майор ФОГЕЛЬ Я. Я., с 15.7.44 г.— полковник ТЕЛКОВ П. С.	Подполковник АНОСОВ К. М.
1-я стрелковая, (весь период)	Полковник БАКУЕВ Л. А.	Подполковник, с 16.8.44 г.— полковник ТУТЫХИН А. Г.
4-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор ФУРТЕНКО П. С.	Подполковник СОФИНСКИЙ А. С.
5-я стрелковая, (весь период)	Полковник МИХАЛИЦИН П. Т.	Полковник УТКИН Д. М.
15-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор ГРЕБЕННИК К. Е.	Полковник КОВАЛЕВ Н. Г.
16-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор КАРВЯЛИС В. А.	Генерал-майор МАЦИЯУСКАС И. И.
17-я стрелковая, (весь период)	Подполковник, с 15.8.44 г.— полковник ЛУКИН А. П.	Подполковник СМИРНОВ П. П.
20-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор ИОСКЕВИЧ И. Ф., с 9.7.44 г.— полковник НЕСТЕРЕНКО И. Г.	Полковник КОЛЫВАНОВ М. И.
23-я стрелковая, (весь период)	Полковник БАСТЕЕВ И. В.	Подполковник ФРОЛОВ А. И.
28-я стрелковая (1.7—29.8.44 г.)	Полковник ФЕДОРОВ В. П.	Подполковник ШАПИРО М. Х.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
29-я стрелковая (весь период)	Полковник МАКАРЬЕВ А. К.	Подполковник ЧИСТИЛИН И. К.
32-я стрелковая (весь период)	Полковник ШТЕЙГЕР П. К., с 26.7.44 г.— полковник БЕЛОВ А. С.	Подполковник АННЕНКОВ Н. И.
41-я стрелковая. (весь период)	Генерал-майор ЧЕРНЯК С. И.	Полковник МОРОЗОВ А. И.
42-я стрелковая (весь период)	Полковник СЛИЦ А. И.	Полковник ИЛЬЯЩЕНКО М. В.
47-я стрелковая (весь период)	Полковник ЧЕРНОУС П. В.	Подполковник СТАВЧАНСКИЙ З. Ю. с 27.6.44 г.— подполковник ЖИДКОВ М. Ф.
49-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор БОГДАНОВИЧ П. К.	Полковник ИВАНОВ И. А.
51-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ХВОСТОВ А. Я.	Полковник ЛЕОНОВ Т. Г.
55-я стрелковая. (23.6—30.7.44 г.)	Полковник АНДРУСЕНКО К. М.	Полковник ИВУШКИН Н. Б.
60-я стрелковая. (весь период)	Генерал-майор ЧЕРНОВ В. Г.	Подполковник ПОГОРЕЛЫЙ С. П.
61-я стрелковая. (весь период)	Полковник ШАЦКОВ А. Г.	Подполковник ТОВМАСЯН С. А.
62-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор БОРОДКИН П. Г.	Полковник МИХЕЕВ М. Ф.
63-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ЛАСКИН Н. М.	Полковник КУЗЬМИН А. И.
64-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ШКРЫЛЕВ Т. К.	Полковник КИТАЕВ А. Ф., с 22.8.44 г.— подполковник БОЙЧЕНКО И. В.
69-я стрелковая. (весь период)	Генерал-майор САНКОВСКИЙ И. И.	Полковник КАРПИКОВ С. Я.

Приложение №2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
70-я стрелковая (весь период)	Полковник КОЛЕСНИКОВ М. М., с 22.7.44 г.— полковник КРАСНОВСКИЙ С. А.	Подполковник ГЕРАСИМЧУК Н. К., с 28.7.44 г.— подполковник ИЕВЛЕВ И. Д.
73-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор ЯСТРЕБОВ И. И.	Подполковник АНОХИН А. С.
76-я стрелковая, (весь период)	Полковник ВЫДРИГАН З. П., с 8.7.44 г.— полковник ГЕРВАСИЕВ А. Н.	Подполковник ВОЛКОВ А. Я., с 11.8.44 г.— подполковник ДОЛГОПОЛОВ В. А.
77-я стрелковая (1.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор РОДИОНОВ А. П.	Полковник МАЛЫШЕВ В. П.
82-я стрелковая, (23.6—6.8.44 г.)	Генерал-майор ПИСАРЕВ И. В.	Полковник СЕВАСТЬЯНОВ Г. Я., с 18.7.44 г.— полковник АБРАМОВ И. Ф.
87-я стрелковая (1.7—29.8.44 г.)	Полковник КУЛЯКО Г. П.	Полковник АНТОНОВ Т. Н.
88-я стрелковая (весь период)	Полковник КОВТУНОВ Ф. Т.	Подполковник ПОПКОВ И. И.
91-я стрелковая (1.7—29.8.44 г.)	Полковник СОБЯНИН Е. К.	Подполковник МАРТЫНОВ Г. С.
95-я стрелковая (весь период)	Полковник АРТЕМЬЕВ С. К.	Подполковник НЕСТЕРОВ А. И.
96-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор БУЛАТОВ Ф. Г.	Подполковник БАРЫКИН М. А.
97-я стрелковая (весь период)	Полковник ШИШОВ Ф. Ф., с 4.7.44 г.— полковник ЖЕКОВ-БАГАТЫРЕВ Ф. Х., с 22.8.44 г.— полковник ЦУКАРЕВ С. И.	Подполковник СЕРГЕЕВ Н. И.
102-я стрелковая, (весь период)	Полковник ПОГРЕБНЯК М. П.	Подполковник СОРОКИН К. Р.
108-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор ТЕРЕМОВ П. А.	Подполковник ЖЕГАЛОВ А. И.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
110-я стрелковая (весь период)	Полковник ГУЖАВИН В. А., с 16.7.44 г.— полковник ТАРАСОВ С. М.	Полковник КАНЦЕДАЛ П. Н.
117-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор КОБЕРИДЗЕ Е. Г.	Подполковник ЯРЕМЧУК Ф. Л.
119-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ХОРУН И. И., с 19.7.44 г.— полковник ТОРОПЧИН И. М.	Подполковник ШИШКИН В. А.
126-я стрелковая, (8.7—29.8.44 г.)	Полковник КАЗАКОВ А. И.	Полковник ГРИГОРЬЕВ Я. П.
129-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ПАНЧУК И. В.	Подполковник КОЦЕН Е. Г.
130-я стрелковая, (весь период)	Полковник СЫЧЕВ К. В.	Майор СЕМЕНОВ П. С.
132-я стрелковая, (весь период)	Полковник ЦВИНТАРНЫЙ Я. Г., с 21.8.44 г.— полковник СМИРНОВ П. В.	Подполковник ЛЯПИН Ф. С.
134-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор МАРЦИНКЕВИЧ В. П., с 31.7.44 г.— полковник БОЙЦОВ А. Г.	Полковник ЛУГОВОВ М. Т.
137-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор ЖАБРЕЕВ Ф. Н.	Полковник СЕМЕНОВ М. Е.
139-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор КИРИЛЛОВ И. К.	Подполковник ДВОСЬКИН М. И.
143-я стрелковая, (весь период)	Полковник ЗАИКИН М. М.	Полковник ГАРАНИН Ф. И.
144-я стрелковая (весь период)	Полковник ДОНЕЦ А. А.	Полковник ГУСАКОВ Н. Т.
145-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ДИБРОВА П. А.	Полковник НОВИКОВ П. М.
152-я стрелковая, (весь период)	Полковник КУЗИН А. М.	Подполковник МИХАЙЛОВ А. И.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
153-я стрелковая (весь период)	Полковник ЩЕННИКОВ А. А.	Подполковник РАЗГОНЮК Д. В.
154-я стрелковая (весь период)	Полковник СОЧИЛОВ Л. Т., с 12.7.44 г.— полковник МОСКАЛЕНКО А. П.	Подполковник ГРАНЦЕВ И. И.
156-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ГРЫЗЛОВ Ф. И.	Подполковник АЛЕКСЕЕВ Е. И.
157-я стрелковая (весь период)	Полковник КАТЮШИН В. А.	Полковник СЕРДЮК Е. М.
158-я стрелковая (весь период)	Полковник ГОНЧАРОВ Д. И.	Полковник МИХАЙЛОВ И. П.
159-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор КАЛИНИН Н. В.	Подполковник КОСТЮК Д. М.
160-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ТИМОФЕЕВ П. С.	Подполковник ХАЛИЛОВ Г. И.
164-я стрелковая (весь период)	Полковник СИНИЦЫН Г. И.	Подполковник ИГНАТЕНКОВ П. Т.
165-я стрелковая (весь период)	Полковник КАЛАДЗЕ Н. И.	Полковник СТОЛЯРОВ В. Д.
166-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор СВЕТЛЯКОВ А. И.	Подполковник КУРИННЫЙ Д. Е.
169-я стрелковая (весь период)	Полковник ВЕРЕВКИН Ф. А.	Полковник СЕРГЕЕВ М. Н.
170-я стрелковая (весь период)	Полковник ПУЗЫРЕВСКИЙ А. М., с 1.7.44 г.— полковник МАТРОНИН В. И., с 21.7.44 г.— полковник ЦЫПЛЕНКОВ С. Г.	Подполковник ГОРДЕЕВ В. П., с 3.8.44 г.— подполковник ВИСЛОВ И. М.
173-я стрелковая (весь период)	Полковник КЛИМАХИН С. Е.	Полковник КОСАЧЕВ А. И.
174-я стрелковая (весь период)	Полковник ДЕМИН П. И.	Подполковник УСТИНОВ Г. К.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
175-я стрелковая, (весь период)	Полковник ДРОЗДОВ И. П., с 8.8.44 г.— полковник ВЫДРИГАН З. П.	Подполковник АБРАМОВ А. К.
179-я стрелковая (весь период)	Полковник ШКУРИН М. М.	Полковник ШИШКИН Д. М.
184-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ГОРОДОВИКОВ Б. Б.	Полковник КАШУНИН А. Е.
185-я стрелковая, (весь период)	Полковник АКСЕНОВ С. И., с 7.7.44 г.— полковник ГЛУШКО А. В., с 11.8.44 г.— полковник СМИРНОВ Н. В., с 22.8.44 г.— полковник ШЕХТМАН З. С.	Полковник БЕЛЯЕВ С. А.
186-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор РЕВУНЕНКОВ Г. В.	Полковник КУДРЯВЦЕВ П. Г.
192-я стрелковая (весь период)	Полковник КОВАЛЕВСКИЙ А. М., с 2.7.44 г.— генерал-майор МАСКУТОВ Р. Г., с 22.8.44 г.— полковник ПОПОВ К. С.	Подполковник КИЦА П. И.
193-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор ФРОЛЕНКОВ А. Г.	Подполковник ОРЕХОВ Н. Д.
194-я стрелковая, (весь период)	Полковник ОПЯКИН П. П.	Подполковник АЙЗЕНШТАТ А. И.
199-я стрелковая (весь период)	Полковник ПОЯРОВ В. Я., с 17.8.44 г.— генерал-майор КОНОНЕНКО М. П., с 24.8.44 г.— генерал-майор МАСЛЕННИКОВ И. К.	Полковник КРЫМСКИЙ И. В.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
200-я стрелковая (1.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор КРАСНОВ И. А., с 15.7.44 г.— генерал-майор ЛЯШЕНКО Е. А.	Подполковник УСТИНОВ П. И.
204-я стрелковая (весь период)	Полковник БАЙДАК К. М.	Подполковник ТОЛСТОБРОВ А. Е.
212-я стрелковая, (23.6—30.7.44 г.)	Полковник КУЧИНЕВ В. Г.	Подполковник ОНОПРИЕНКО А. Е.
215-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор КАЗАРЯН А. А.	Полковник НОВОЖИЛОВ И. И.
216-я стрелковая (1.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор МАЛЮКОВ Г. Ф.	Полковник ВОЛОДАРСКИЙ Л. Г.
217-я стрелковая, (весь период)	Полковник МАССОНОВ Н. П., с 18.7.44 г.— генерал-майор СУРЧЕНКО А. И., с 31.7.44 г.— полковник ГРИГОРЬЯН Г. А.	Подполковник МИЗЕРНОВ С. Г., с 21.7.44 г.— подполковник ЖУЙКОВ Д. Н.
220-я стрелковая (весь период)	Полковник, с 15.7.44 г.— генерал-майор ПОЛЕВИК В. А.	Полковник КОВЫРИН И. П.
222-я стрелковая (весь период)	Полковник ЮРИН А. Н., с 4.8.44 г.— полковник САВЧУК Г. П.	Полковник ГУСЬКОВ М. Ф.
234-я стрелковая, (весь период)	Полковник ТУРЬЕВ С. И.	Подполковник ВАШКИН Ф. К.
235-я стрелковая (весь период)	Полковник ЛУЦКЕВИЧ И. Л.	Подполковник РУСОВ М. П.
238-стрелковая (весь период)	Генерал-майор КРАСНОШТАНОВ И. Д.	Подполковник ВИРАЧЕВ В. Н., с 22.8.44 г.— подполковник РЫБИН И. В.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
239-я стрелковая (1.7—29.8.44 г.)	Полковник ОРДАНОВСКИЙ А. Я., с 27.7.44 г.— генерал-майор ВВЕДЕНСКИЙ К. В.	Полковник ЧИЧИН Я. А.
247-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор МУХИН Г. Д.	Полковник СЛУХОВСКИЙ И. Н.
250-я стрелковая, (весь период)	Полковник ГРЕКОВ М. А., с 24.7.44 г.— полковник АБИЛОВ М. Р.	Подполковник КРЫЛОВ С. Н.
251-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ВОЛЬХИН А. А., с 12.7.44 г.— полковник БИРСТЕЙН Е. Я.	Подполковник СЕЛЕКТОР М. З., с 6.7.44 г.— полковник ПОРШАКОВ Г. М.
257-я стрелковая (1.7—29.8.44 г.)	Полковник МАЙКОВ А. Г.	Подполковник САРКИСЬЯН С. М.
260-я стрелковая, (весь период)	Полковник БУЛГАКОВ В. И.	Полковник КОЛУНОВ А. И.
262-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор УСАЧЕВ З. Н.	Полковник КУЛАЖЕНКО П. К.
263-я стрелковая (8.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор ПЫХТИН А. М.	Полковник АРТЮХИН Д. Я.
267-я стрелковая (1.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор ТОЛСТОВ А. И.	Подполковник БРОДОВИЧ М. А.
269-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор КУБАСОВ А. Ф.	Подполковник КУЗЬМИЧ А. М.
270-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор БЕЛЯЕВ И. П.	Полковник МЕЛЬНИКОВ И. В.
274-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор ШУЛЬГА В. П.	Подполковник ПЕТРОВ А. Т.
277-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ГЛАДЫШЕВ С. Т.	Подполковник БЕЛОУСОВ И. А.
279-я стрелковая (1.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор ПОТАПЕНКО В. С.	Подполковник СУГРОБОВ И. А.
283-я стрелковая, (весь период)	Полковник КОНОВАЛОВ В. А.	Подполковник КОВАЛЕНКО Т. А.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
290-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ГАСПАРЯН И. Г.	Полковник ПОЛЯКОВ И. М.
306-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор КУЧЕРЯВЕНКО М. И.	Полковник ГЕТМАНОВ Н. Я.
307-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ДАЛМАТОВ В. Н.	Полковник КЯРГИН А. В.
311-я стрелковая (1.7—29.8.44 г.)	Полковник ВЛАДИМИРОВ Б. А.	Подполковник ХИРНЫЙ В. И.
312-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор МОИСЕЕВСКИЙ А. Г.	Подполковник, ФИРСУНИН В. Я., с 22.8.44 г.— подполковник СУДАКОВ А. Н.
323-я стрелковая. (весь период)	Генерал-майор МАСЛОВ В. Т.	Полковник ЛЕБЕДЕВИЧ И. Н.
324-я стрелковая (весь период)	Полковник КАЗАК И. К.	Подполковник БАХТИН К. С.
328-я стрелковая, (весь период)	Полковник ПАВЛОВСКИЙ И. Г.	Подполковник МАРГУЛИС А. В.
330-я стрелковая (весь период)	Полковник ГУСЕВ В. А.	Подполковник ВЬЮГИН В. А.
331-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор БЕРЕСТОВ П. Ф.	Подполковник ШИЛОВИЧ П. М.
332-я стрелковая (весь период)	Полковник, с 29.7.44 г.— генерал-майор ЕГОШИН Т. Ф., с 2.8.44 г.— полковник САВЧЕНКО И. И.	Полковник БУЛАШОВ В. Н.
334-я стрелковая (весь период)	Полковник ГНЕДИН В. Т., с 16.7.44 г.— полковник КРАСНОВ Н. И.	Полковник УВАРОВ Ф. Л.
338-я стрелковая (весь период)	Полковник, с 15.7.44 г.— генерал-майор БАБАЯН А. Г.	Полковник ПОНОМАРЕВ А. А.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
344-я стрелковая (весь период)	Полковник ДРУЖИНИН Г. И.	Подполковник КОНАКОВ П. Т., с 22.8.44 г.— полковник ЕРЕМЕНКО А. П.
346-я стрелковая (8.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор СТАНКЕВСКИЙ Д. И.	Полковник ПАНТЮХОВ А. С.
347-я стрелковая (1.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор ЮХИМЧУК А. Х.	Полковник СЕМИГЛАЗОВ К. К.
348-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор НИКИТИН Н. А.	Подполковник КИЧИГИН М. А.
352-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор СТРИЖЕНКО Н. М., с 24.8.44 г.— полковник БУЛАНОВ Г. А.	Подполковник ГАЛАЛИХИН И. И.
354-я стрелковая, (весь период)	Полковник ВДОВИН С. А., с 29.6.44 г.— полковник ДЖАНДЖГАВА В. Н.	Подполковник БУЦОЛ В. К.
356-я стрелковая, (23.6—5.8.44 г.)	Генерал-майор МАКАРОВ М. Г.	Подполковник МАНУКЯНЦ М. С.
357-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор КУДРЯВЦЕВ А. Г.	Подполковник МИНИН А. А.
360-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ЧИННОВ И. И.	Полковник ПЕРШИН С. Г.
362-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ЕНШИН М. А.	Подполковник ЯКОВЛЕВ П. И.
369-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор ЛАЗАРЕНКО И. С., с 26.6.44 г.— полковник ГАЛАЙКО П. С.	Полковник СЕРЕБРИЙСКИЙ А. Д.
370-я стрелковая, (весь период)	Полковник КОРСУНЬ М. М., с 19.8.44 г.— полковник ГАВИЛЕВСКИЙ П. С.	Полковник МОСКАЛЕНКО И. М.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
371-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор АЛЕКСЕЕНКО В. Л., с 5.7.44 г.— полковник ЦУКАРЕВ С. И., с 24.8.44 г.— генерал-майор АЛЕКСЕЕНКО В. Л.	Полковник ЛЫТКИН И. И.
378-я стрелковая (1.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор БЕЛОВ А. Р.	Подполковник, с 16.8.44 г.— полковник РЕВЕНКОВ В. А.
380-я стрелковая (весь период)	Генерал-майор КУСТОВ А. Ф.	Полковник КОКОРИН М. А.
385-я стрелковая (весь период)	Полковник СУПРУНОВ М. Ф.	Полковник МИХАЙЛОВ А. М.
397-я стрелковая, (23.6—30.7.44 г.)	Полковник АНДОНЬЕВ Н. Ф.	Полковник ЗЯБЛОВ М. И.
399-я стрелковая, (весь период)	Генерал-майор КАЗАКЕВИЧ Д. В.	Подполковник ДУБЕНСКИЙ М. А.
413-я стрелковая, (весь период)	Полковник МУЛОВ И. В.	Подполковник ЗЮБИН А. М.
415-я стрелковая, (23.6—30.7.44 г.)	Полковник МОЩАЛКОВ П. И.	Полковник КУДРЯ А. Я.
417-я стрелковая (1.7—21.8.44 г.)	Генерал-майор БОБРАКОВ Ф. М.	Подполковник, с 16.8.44 г.— полковник ПАНИЧКИН И. К.
	Польские дивизии:	
1-я пехотная, (весь период)	Генерал-майор БЕВЗЮК В. М.	—
2-я пехотная, (весь период)	Генерал-майор СИВИЦКИЙ А. Ф.	—
3-я пехотная, (весь период)	Генерал-майор ГАЛИЦКИЙ С. С.	—
4-я пехотная, (весь период)	Генерал-майор КЕНЕВИЧ Б. А.	—

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
Кавалерийские дивизии:		
3-я гвардейская кавалерийская. (весь период)	Генерал-майор ЯГОДИН М. Д.	Полковник ФЕДОРОВ М. А.
4-я гвардейская кавалерийская. (весь период)	Генерал-майор МИЛЛЕРОВ Б. С.	Полковник АМИРАГОВ А. И.
5-я гвардейская кавалерийская (весь период)	Генерал-майор ЧЕПУРКИН Н. С.	Полковник ЖУРАВЛЕВ Н. А.
6-я гвардейская кавалерийская (весь период)	Генерал-майор БРИКЕЛЬ П. П.	Полковник СТЕПЧЕНКОВ А. А.
9-я гвардейская кавалерийская. (весь период)	Генерал-майор ТУТАРИНОВ И. В., с 8.7.44 г.— полковник ДЕМЧУК Д. С.	Полковник ХОРУЖЕНКО Д. П.
10-я гвардейская кавалерийская. (весь период)	Полковник ПОПРИКАЙЛО М. С., с 9.7.44 г.— полковник РЕВА Г. И.	Полковник ТИМОШЕНКО П. Н.
14-я гвардейская кавалерийская. (весь период)	Генерал-майор КОБЛОВ Г. П.	Полковник УЗАКОВ М.
15-я гвардейская кавалерийская. (весь период)	Генерал-майор ЧАЛЕНКО И. Т.	Подполковник БАБИЙ С. Т.
16-я гвардейская кавалерийская. (весь период)	Генерал-майор БЕЛОВ Г. А.	Полковник ПОКРОВСКИЙ М. И.
17-я гвардейская кавалерийская. (весь период)	Генерал-майор КУРСАКОВ П. Т.	Полковник АЛЕКСЕЕВСКИЙ Е. Е.
30-я кавалерийская. (весь период)	Генерал-майор ГОЛОВСКОЙ В. С.	Полковник КОРОТКОВ И. П.
32-я кавалерийская (весь период)	Генерал-майор КАЛЮЖНЫЙ И. П.	Полковник ВИНОГРАДНЫЙ В. В.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
Артиллерийские дивизии:		
2-я гвардейская прорыва (весь период)	Генерал-майор артиллерии ЯКОВЛЕВ И. А.	Полковник ТАРАСОВ П. А.
3-я гвардейская прорыва (весь период)	Генерал-майор артиллерии РОЖАНОВИЧ П. М.	Полковник БАБИЧ А. П.
4-я гвардейская пушечная (весь период)	Генерал-майор артиллерии КОЖУХОВ Л. И.	Полковник ДОЛИНИН И. А.
5-я прорыва. (весь период)	Генерал-майор артиллерии СНЕГУРОВ А. И.	Полковник ФОКИН П. И.
6-я прорыва. (весь период)	Генерал-майор артиллерии БИТЮЦКИЙ А. С.	Полковник КРЮЧКОВ И. Д.
8-я пушечная (весь период)	Полковник, с 22.8.44 г.— генерал-майор артиллерии СТЕПАНЕНКО П. Г.	Подполковник ЗАЙЦЕВ В. М.
12-я прорыва. (весь период)	Генерал-майор артиллерии КУРКОВСКИЙ М. Н.	Полковник ПЕТУХОВ А. Г.
20-я прорыва (весь период)	Генерал-майор артиллерии БЕЛЯКОВ М. П.	Полковник ЛЕБЕДЕВ В. И.
21-я прорыва (весь период)	Генерал-майор артиллерии САМБОРСКИЙ К. Н.	Подполковник БЕЛЯЕВ А. М.
22-я прорыва. (весь период)	Полковник ЗРАЖЕВСКИЙ Д. С.	Подполковник ВЕНИАМИНОВ Н. С.
26-я артиллерийская. (весь период)	Полковник, с 1.7.44 г.— генерал-майор артиллерии ФРОЛОВ Б. А.	Полковник КОНОВАЛОВ Н. Я.
1-я польская зенитная. (весь период)	Полковник ПРОКОПОВИЧ К. Ц.	—
2-я гвардейская зенитная. (весь период)	Полковник КОРЧАГИН П. И.	Подполковник РИВЛИН Я. С.
3-я гвардейская зенитная. (весь период)	Генерал-майор артиллерии СЕРЕДИН И. М.	Полковник ФИНКЕЛЬСОН З. Н.
6-я зенитная (весь период)	Полковник, с 22.8.44 г.— генерал-майор артиллерии МЕЖИНСКИЙ Г. П.	Подполковник ЧАБАН Т. Д.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
12-я зенитная, (весь период)	Полковник ПЕТРОВ А. Н.	Подполковник ГОРИН М. Л.
13-я зенитная, (весь период)	Полковник КОЧУБЕЙ В. М.	Подполковник КОНСТАНТИНОВ Е. В.
17-я зенитная (весь период)	Полковник ЕВДОКИМОВ А. А.	Подполковник ЗЛОБИН А. А.
18-я зенитная, (22.7—29.8.44 г.)	Полковник КАЛЬНИЧЕНКО С. А.	Подполковник ПОЛЬКОВ С. Е.
20-я зенитная (весь период)	Полковник КУЛИКОВ Д. А.	Подполковник ГРАБАР А. И., с 21.7.44 г.— майор, с 28.8.44 г.— подполковник БАРДАЧЕНКО В. Л.
24-я зенитная, (весь период)	Генерал-майор артиллерии ЛЯРСКИЙ И. Г.	Подполковник ШВАЛЬБЕ Л. М.
28-я зенитная, (весь период)	Полковник ДРАБКОВ Г. Е.	Подполковник БОРТНИК П. И.
31-я зенитная, (весь период)	Полковник БОГДАШЕВСКИЙ Ю. Г.	Подполковник КОРБУЛАКОВ П. Ф.
33-я зенитная (весь период)	Полковник ГАЦКО У. А.	Подполковник СМОЛИН Н. Ф.
34-я зенитная (весь период)	Полковник ШУЛЬГА П. С.	Подполковник БОГОМОЛОВ М. Ф.
39-я зенитная (весь период)	Полковник ГАЙДУКОВ С. И.	Подполковник ВОЛЫНКИН М. В.
46-я зенитная (весь период)	Полковник ХОМЧЕНКО В. А.	Полковник ШМАЯНКОВ Н. А.
47-я зенитная (весь период)	Полковник КОРОТКИХ И. М.	Подполковник ЕФРЕМЕНКО М. С., с 6.7.44 г.— подполковник ПАЛИЩУК Ф. Ф.
48-я зенитная (весь период)	Полковник БАРСКИЙ П. М.	Полковник НОВИЧКОВ Я. Г.
49-я зенитная (весь период)	Полковник КАМИНСКИЙ Н. И.	Подполковник БОРОВИН Н. Г.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
64-я зенитная. (весь период)	Полковник РОДИЧЕВ М. Д.	Подполковник НОЗДРОЧЕВ П. К.
65-я зенитная. (весь период)	Полковник САКИН А. В.	Подполковник ТРИБУШ М. П.
66-я зенитная (весь период)	Генерал-майор артиллерии САЗОНОВ С. С.	Майор КАРЦЕВ С. А.
67-я зенитная (31.7—29.8.44 г.)	Полковник ГУСЕЙНОВ Г. Э.	Майор, с 11.8.44 г.— подполковник ДАНЧЕНКО Т. С.
Минометные дивизии:		
2-я гвардейская минометная (весь период)	Полковник, с 22.8.44 г.— генерал-майор артиллерии БОГДАН М. Н.	Полковник СМИРНОВ М. Д.
5-я гвардейская минометная. (весь период)	Полковник ФАНТАЛОВ Г. М.	Подполковник ИВАНОВСКИЙ А. П.
7-я гвардейская минометная (весь период)	Генерал-майор артиллерии КАРСАНОВ К. Д.	Полковник КУВШИНОВ И. С.
Авиационные дивизии:		
3-я гвардейская бомбардировочная (весь период)	Генерал-майор авиации АНДРЕЕВ С. Н.	Полковник ДУБРОВИН Л. А.
4-я гвардейская бомбардировочная (весь период)	Генерал-майор авиации КОТЛЯР Ф. П.	Подполковник, с 16.8.44 г.— полковник ТЕПЕРСКИЙ П. М.
5-я гвардейская бомбардировочная (весь период)	Генерал-майор авиации САНДАЛОВ В. А.	Подполковник, с 16.8.44 г.— полковник ЛЕБЕДЕВ А. Я.
6-я гвардейская бомбардировочная (весь период)	Полковник ЧУЧЕВ Г. А.	Подполковник ЕВСТИГНЕЕВ А. Ф.
113-я бомбардировочная (весь период)	Генерал-майор авиации, с 19.8.44 г.— генерал-лейтенант авиации ЩЕРБАКОВ М. В.	Полковник АНТОНОВ В. М.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
132-я бомбардировочная, (весь период)	Генерал-майор авиации ФЕДОРОВ И. Л.	Подполковник СЕРДЮК М. С.
221-я бомбардировочная, (весь период)	Полковник БУЗЫЛЕВ С. Ф.	Полковник ПЛАХОТТЯ Ф. П.
241-я бомбардировочная, (весь период)	Полковник КУРИЛЕНКО И. Г.	Подполковник ШИБАНОВ А. А.
301-я бомбардировочная, (весь период)	Полковник ФЕДОРЕНКО Ф. М.	Полковник ЧУЯНОВ М. П.
334-я бомбардировочная (весь период)	Полковник СКОК И. П.	Полковник СОЛОВЬЕВ А. С.
1-я гвардейская штурмовая (весь период)	Полковник ПРУТКОВ С. Д.	Подполковник ГАРМАШ И. П.
2-я гвардейская штурмовая, (весь период)	Генерал-майор авиации КОМАРОВ Г. И.	Полковник БОГОВИЦКИЙ В. М.
3-я гвардейская штурмовая, (весь период)	Подполковник СМИРНОВ А. А.	Подполковник ДИНЕР Б. Я.
196-я штурмовая, (весь период)	Подполковник, с 2.7.44 г.— полковник ГРИЩЕНКО К. К.	Подполковник АРТЕМЬЕВ Н. М., с 11.8.44 г.— подполковник СКОТНИКОВ П. С.
197-я штурмовая, (7.7 —29.8.44 г.)	Полковник ТИМОФЕЕВ В. А.	Подполковник ДЬЯЧЕНКО И. М.
198-я штурмовая, (7.7—29.8.44 г.)	Полковник БЕЛОУСОВ В. И.	Подполковник ТЮРИН Д. И.
199-я штурмовая, (весь период)	Полковник ВИНОГРАДОВ Н. С.	Подполковник ШИПУНОВ А. Н.
211-я штурмовая (весь период)	Полковник КУЧМА П. М.	Подполковник ПУШКАРСКИЙ К. А.
230-я штурмовая (весь период)	Полковник, с 1.7.44 г.— генерал-майор авиации ГЕТЬМАН С. Г.	Полковник СМИРНОВ Б. Н.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
233-я штурмовая (весь период)	Полковник СМОЛОВИК В. И.	Подполковник ТЯПКОВ С. Ф.
299-я (с 19.8.44 г.— 11-я гвардейская) штурмовая. (весь период)	Генерал-майор авиации КРУПСКИЙ И. В., с 10.8.44 г.— подполковник ХРАМЧЕНКО В. П.	Полковник ДРОБИНСКИЙ М. М.
300-я штурмовая. (весь период)	Полковник КОВАЛЕВ Т. Е.	Подполковник СУЩИНСКИЙ А. Т.
307-я штурмовая (весь период)	Полковник КОЖЕМЯКИН А. Б.	Подполковник КОЛЕСНИКОВ Е. В.
308-я штурмовая (весь период)	Полковник ЧУМАЧЕНКО Л. К.	Подполковник ЛЯТЕНКОВ Д. И.
311-я штурмовая (весь период)	Полковник ВАСИЛЬЕВ В. В.	Полковник ФЕДОРЕНКО Н. К.
332-я штурмовая (весь период)	Полковник ТИХОМИРОВ М. И.	Подполковник ИВАНОВ Н. И.
335-я штурмовая (весь период)	Полковник АЛЕКСАНДРОВ С. С.	Подполковник КАЛУГИН И. Т.
1-я гвардейская истребительная. (весь период)	Полковник СУХОРЯБОВ В. В.	Подполковник АКИМОВ В. С.
3-я гвардейская истребительная (весь период)	Полковник СТАЛИН В. И.	Полковник ЯНЬКОВ А. И.
4-я гвардейская истребительная (весь период)	Полковник, с 2.8.44 г.— генерал-майор авиации КИТАЕВ В. А.	Подполковник ВОЛКОВ Н. Г.
5-я гвардейская истребительная (весь период)	Полковник РЫКАЧЕВ Ю. Б.	Подполковник НОВИКОВ И. М.
7-я гвардейская истребительная (весь период)	Генерал-майор авиации ЗАБАЛУЕВ В. М.	Подполковник БУЯНОВ В. Н.
190-я истребительная (весь период)	Подполковник, с 2.7.44 г.— полковник ФОКИН В. В.	Полковник ВОЛКОВ П. Г.

Приложение № 2 (продолжение)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
193-я истребительная, (7.7—29.8.44 г.)	Полковник МИРОНОВ С. И.	Полковник ЛАПИН Е. И., с 3.8.44 г.— подполковник РЕУТ В. В.
194-я истребительная, (7.7—29.8.44 г.)	Полковник ДЕМЕНТЬЕВ Ф. П.	Подполковник ПИМЕНОВ П. А.
215-я истребительная, (весь период)	Полковник ЯКУШИН М. Н.	Полковник ВИНОГРАДОВ П. А.
229-я истребительная (весь период)	Полковник ВОЛКОВ М. Н.	Полковник ЧУНАЕВ П. С.
234-я истребительная, (весь период)	Полковник ТАТАНАШВИЛИ Е. З.	Полковник ГОРШКОВ И. С.
240-я истребительная (весь период)	Полковник ЗИМИН Г. В.	Подполковник КОРОТКОВ Н. Ф.
259-я истребительная (весь период)	Полковник КУРБАТОВ Я. А.	Полковник САМАРИН В. И.
265-я истребительная (весь период)	Полковник КАРЯГИН А. А.	Подполковник ЗАХАРОВ Д. И.
273-я истребительная, (весь период)	Подполковник, с 2.7.44 г.— полковник ИСАЕВ Н. В.	Подполковник ЗЛОЙ М. С.
278-я истребительная (весь период)	Полковник ОРЛОВ К. Д.	Полковник КУЗЬМИН М. Н.
279-я истребительная, (весь период)	Полковник БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ В. Г.	Подполковник ТКАЧЕНКО Г. П.
282-я истребительная, (весь период)	Полковник БЕРКАЛЬ Ю. М.	Подполковник КОШЕЛЕВ А. С.
283-я истребительная, (весь период)	Полковник ЧИРВА С. Н.	Подполковник ШЕРОХИН Г. А.
286-я истребительная, (весь период)	Полковник ИВАНОВ И. И.	Полковник ГУЛЬТЯЕВ В. З.
303-я истребительная (весь период)	Генерал-майор авиации ЗАХАРОВ Г. Н.	Полковник БОГДАНОВ Д. М.

Приложение № 2 (окончание)

Наименование соединений и время их участия в операции	Воинское звание, фамилия и инициалы	
	Командиры	Начальники политотделов, заместители по политчасти
309-я истребительная (весь период)	Полковник ВУСС В. Н.	Полковник МАРЕНКОВ С. А.
322-я истребительная (весь период)	Полковник НОГА М. П.	Полковник НАРЫШНЫЙ А. В.
323-я истребительная, (весь период)	Полковник РЫБАКОВ П. П.	Подполковник ТЮРИН А. Д.
336-я истребительная, (весь период)	Полковник ГРАЩЕНКОВ С. П.	Подполковник ШИПКО Е. Т.
2-я гвардейская ночная бомбардировочная, (14.7—29.8.44 г.)	Генерал-майор авиации КУЗНЕЦОВ П. О.	Полковник СТАММ И. М.
213-я ночная бомбардировочная (весь период)	Генерал-майор авиации МОЛОКОВ В. С.	Подполковник СИРОТНИКОВ М. Л.
242-я ночная бомбардировочная. (весь период)	Полковник КАЛИНИН П. А.	Подполковник МАКАРОВ С. И.
271-я (с 19.8.44 г.— 9-я гвардейская) ночная бомбардировочная, (весь период)	Полковник РАССКАЗОВ К. И.	Подполковник ЖУРБЕНКО Ф. И.
314-я ночная бомбардировочная (весь период)	Полковник ПЛАХОВ С. Ф.	Подполковник ЗОЛИН С. П.
325-я ночная бомбардировочная (весь период)	Подполковник, с 2.8.44 г.— полковник ПОКОЕВОЙ Г. П.	Подполковник МОРОЗОВ Ф. Ф.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ад	— артиллерийская дивизия
адп	— артиллерийская дивизия прорыва
ак	— армейский корпус
ак	— артиллерийский корпус
акп	— артиллерийский корпус прорыва
бак	— бомбардировочный авиационный корпус
бад	— бомбардировочная авиационная дивизия
бап	— бомбардировочный авиационный полк
бр	— бригада
бр РК	— бригада речных кораблей
габр	— гаубичная артиллерийская бригада
габр БМ	— гаубичная артиллерийская бригада большой мощности
гап	— гаубичный артиллерийский полк
гв.	— гвардейский (ая)
гв. мбр	— гвардейская минометная бригада реактивной артиллерии
гв. мдн	— гвардейский минометный дивизион реактивной артиллерии
гв. мп	— гвардейский минометный полк реактивной артиллерии
зенад	— зенитная артиллерийская дивизия
зенап	— зенитный артиллерийский полк
иад	— истребительная авиационная дивизия
иак	— истребительный авиационный корпус
иап	— истребительный авиационный полк
инжбр	— инженерная бригада
инжбр с/н	— инженерная бригада спецназначения
исбр	— инженерно-саперная бригада
иптабр	— истребительно-противотанковая артиллерийская бригада
иптап	— истребительно-противотанковый артиллерийский полк
кабр	— корпусная артиллерийская бригада
кап	— корпусный артиллерийский полк
кд	— кавалерийская дивизия
кк	— кавалерийский корпус
крап	— корректировочно-разведывательный авиационный полк
лабр	— легкая артиллерийская бригада
мехбр	— механизированная бригада

мк — механизированный корпус
мпбр — минно-инженерная бригада
минбр — минометная бригада
миндн — минометный дивизион
минп — минометный полк
мк — механизированный корпус
мобр — мотострелковая бригада
мцб — мотоциклетный батальон
мцп — мотоциклетный полк

пбад — ночная бомбардировочная авиационная дивизия

оадн — отдельный артиллерийский дивизион
оадн ОМ — отдельный артиллерийский дивизион особой мощности
оап — отдельный артиллерийский полк
огв. мдн — отдельный гвардейский минометный дивизион реактивной артиллерии
одн брп — отдельный дивизион бронепоездов
озадн — отдельный зенитный артиллерийский дивизион
оиб — отдельный инженерный батальон
оиптдн — отдельный истребительно-противотанковый дивизион

осадн б/н — отдельный самоходно-артиллерийский дивизион без номера
пабр — пушечная артиллерийская бригада
пад — пушечная артиллерийская дивизия
пап — пушечный артиллерийский полк

пмбр — понтонно-мостовая бригада
пмб — понтонно-мостовой батальон
рап — разведывательный авиационный полк
сад — смешанная авиационная дивизия
сак — смешанный авиационный корпус

сап — самоходно-артиллерийский полк
сбр — стрелковая бригада
сд — стрелковая дивизия
ск — стрелковый корпус

тбр — танковая бригада

тгабр — тяжелая гаубичная артиллерийская бригада
тк — танковый корпус
тп — танковый полк
трап — транспортный авиационный полк

УР — укрепленный район

шад — штурмовая авиационная дивизия
шак — штурмовой авиационный корпус
шап — штурмовой авиационный полк
шисбр — штурмовая инженерно-саперная бригада

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрамов К. К. 59
Абросимов М. Р. 510
Аверченко В. И. 332, 333
Аверьянов К. А. 230
Автономов 555
Авхимович Н. Е. 407
Агапова А. Н. 600
Абдурахманов С. 297
Азимов Роза 335, 336
Аксенов А. Н. 337
Александров 125
Алексашин 235
Алексеев Д. Ф. 265, 572
Алексеев Д. Н. 241
Алексеев 442
Алексеенко В. Л. 283, 287, 289, 292, 294, 301
Алешин Е. В. 189
Алешкины 570
Алтушкин 597
Алхимов В. С. 296
Амосов Н. Н. 356
Анашкина С. 279
Андреев А. Ф. 586, 587
Андреев Д. И. 115, 118
Андреев И. Е. 650
Аникин 400
Анисимов Е. В. 619
Антипенко Н. А. 251, 259, 273, 658, 665, 733
Антипин М. С. 615, 622
Антонов 469
Антонович В. М. 169
Антонов А. И. 18—22, 23, 34, 35, 49, 50—52, 63, 64, 77, 83, 90, 91, 93, 97, 104, 106, 110, 114, 139, 217
Антошкин И. Д. 373
Артамонов 723
Асланов А. А. 177, 179, 307, 603, 605, 606, 608
Астапин Г. М. 608
Бабкин М. Н. 229
Баграмян И. Х. 22, 29, 45, 47, 58, 65—69, 73, 75, 77—79, 86—88, 92—94, 97—101, 106, 109, 126, 140, 311, 314, 320, 328, 423
Бажанов 123
Базилевич А. Н. 168
Базилев 724
Байдак К. М. 315
Байдуков Г. Ф. 372, 376, 386
Бакарев П. И. 673
Баксов А. И. 125
Балакин В. Е. 334
Балан Н. К. 169
Балашев К. 709
Банайтис С. И. 726
Барабанов А. Я. 251, 262, 661
Бардин И П. 678
Баринов И. П. 272
Барсуков М. М. 189, 196
Барышев С. Ф. 596
Баранов П. П. 197
Бардеев А. П. 221, 226
Барсуков М. М. 218
Барыкин 496
Батов П. И. 6, 25, 68, 141, 146, 147, 245, 252, 305, 360, 374, 375, 381, 385, 429, 549, 625, 629
Батырев П. М. 229
Баутин 239
Бахаров Б. С. 25, 30, 147, 148, 361, 385, 396, 508, 560, 561, 565, 634
Бачурин А. П. 286, 294
Бевзюк 146
Безуглый И. С. 302, 528
Беззубко П. А. 705
Бек 269
Белик И. Н. 177
Белик Т. Я. 59
Белков В. В. 337
Белобородов А. П. 6, 59, 62, 69—73, 86, 92, 94, 98, 100, 116, 117, 120—122, 124, 126, 128, 130, 311
Белов И. М. 57, 218
Белов П. А. 151, 169, 252, 551, 552, 557, 559
Белов 302
Белоусов К. Е. 218
Бельский И. А. 165
Белый Д. П. 586, 601 (Д. Н.)
Бельченко С. С. 495
Берлинг З. 36, 152, 153, 155, 665
Бершанская Е. Д. 221, 228
Бескин И. С. 551, 575
Беспоясов Е. И. 170
Беспятов А. И. 315, 326
Бессонов В. А. 687, 709
Бестужев В. Н. 567
Блажков Н. Н. 177
Блохин В. С. 176
Богданов С. И. 425
Бойко 401
Болдин И. В. 244
Болтнев 432
Бибиков П. Н. 534
Бибков Е. А. 619
Битюцкий И. И. 608
Блохин Ф. Т. 538
Бобков Ф. Н. 115, 124
Богданов С. И. 36, 152, 153, 665
Боголюбов А. Н. 26, 47
Богоявленский А. В. 566
Бойко В. Р. 55
Бойков А. Г. 170
Бокарев П. И. 734
Болдин И. В. 646, 654, 656

Бондарев А. 722
Бондаренко А. Л. 597
Борис Н. Ф. 478
Борисов Н. Б. 315, 322
Борисов Н. В. 669, 672, 673, 735
Боровик А. А. 168, 177
Брайко П. И. 250, 373, 389, 390
Брежнев Л. И. 5, 183
Брикель П. П. 179, 295
Бубун С. Ф. 177
Будай Г. В. 169
Буденный С. М. 563, 564
Будько 555
Булганин Н. А. 24, 47, 114, 262, 273
Булыгин С. М. 618, 622
Бумажков Т. П. 273
Бурба В. Т. 37, 38
Бурбак 400
Бурдейный А. С. 6, 32, 78, 85, 87, 89, 95, 97, 210, 308, 310, 455, 474, 611, 685
Бурлыга А. Н. 449
Бурмаков И. Д. 487
Бурназян А. И. 129
Буров И. И. 217
Буряченко С. Г. 288
Бутков В. В. 70, 73, 76, 84, 94, 116, 122—124
Бутлар 11
Бухтуев М. А. 264, 265, 631
Буш 45, 140
Бычков Л. Н. 286
Бэрроуз 42, 93, 96
Буянов 650

Вадюхин 271
Варышак 146
Василевский А. М. 5, 9, 19—23, 29, 31, 32, 35, 36, 40, 67, 71, 76, 79, 81, 87, 89, 90, 92, 93, 96, 98, 101, 106, 109, 110, 114, 119, 126, 127, 129, 133, 139, 195, 198, 200, 211, 299, 320, 322, 406, 441, 455, 457, 480, 527, 533, 589—591, 595, 596, 733
Василевский В. В. 176
Васильев А. М. 673
Васильев В. А. 169
Васильев Н. А. 62, 63, 100, 121, 315, 325
Васильева 649
Васягин С. П. 130
Ватутин Н. Ф. 138
Ваупшасов С. А. 273
Вахромеев И. М. 510
Вдовина Л. 279
Вербицкий 125
Веров Ф. Ф. 243
Вершинин К. А. 5, 26, 219, 369, 397
Вестфаль З. 11
Винников 431
Виноградов А. С. 251, 379
Виноградов 396
Вихров В. И. 251
Вицлебен 269
Вовчек А. 512
Вовченко И. Н. 210, 299
Войзудин И. Х. 305
Волков Е. Д. 557
Волков М. Н. 243
Волков Н. В. 315
Волохин 556
Волошин М. Е. 315, 322, 328, 335
Вольхин А. А. 534
Вольнец А. И. 170
Воробьев М. П. 114
Воробьев Я. С. 455, 456, 487
Воронов В. Ф. 241
Воронов Н. Н. 22, 114
Воронов 302
Воронов 676

Гавриленко И. М. 170
Гаврилов Г. Н. 621
Галаджев С. Ф. 142, 251, 252
Галактионов 529
Галиакметов Г. Р. 297
Галиев Х. Т. 333
Галицкий К. Н. 6, 13, 55, 60, 70—72, 74, 76, 78, 87, 89, 92, 96, 98, 100, 147, 200, 299, 446, 613
Галкин 612
Галустян 399
Галькевич Е. И. 247
Гальперин Ф. М. 678
Гаман 149, 265
Ганенко И. П. 407
Ганзенко С. Г. 169
Гарнык В. П. 666—668, 736
Гахенгольц 171, 599
Геллер 622
Гёппнер 269
Гёрасименко 125
Гетьман С. Г. 221, 233, 239
Гиммлер 269
Гитлер 9, 16, 35, 45, 126, 269, 470
Глаголев В. В. 55, 56, 71, 72, 74, 76, 87, 89, 95, 97, 98, 100, 101, 189, 200, 448, 662
Гладкий И. Ф. 724
Гладышев Г. В. 567
Гладышев С. Т. 283, 287, 289—291, 302
Глишник 125
Глуздовский В. А. 189
Глушнев 125
Гнусов Г. 565
Говоров Л. А. 49, 63
Голиков 93
Голованов А. Е. 27, 66, 67, 579
Головащенко И. И. 430, 435
Головской В. С. 434, 436
Голоколенко И. И. 634
Голосов Д. Н. 518
Голубев К. Д. 62
Гольберг 654
Гольвитцер 83, 533
Гончаров Д. И. 534
Гончаровы 570
Горбатов А. В. 6, 13, 25, 27, 30, 32, 68, 141, 146, 148, 210, 239, 244, 245, 341, 381, 383, 393
Горбачев М. К. 583, 584
Горбин Н. М. 572
Горбушин К. П. 217
Гордов 103
Горишний В. А. 568, 572
Горман З. 227
Горохов С. Ф. 293
Горячев П. И. 307, 597
Гофмейстер 264
Гоциридзе Г. Г. 592, 600
Гребенник К. Е. 572, 583
Гребеньков 400, 401
Грекова Н. Г. 495
Гречин В. П. 678
Григоренко М. Г. 468
Григорьев В. П. 47, 149
Гришаев 649
Гришаев 511
Гришин И. Т. 29, 68, 223, 646
Гришко Г. Е. 245, 574
Грицун Н. 306
Громадин 399
Громов М. М. 189
Грузенберг В. Ф. 356
Грушев Ю. И. 643
Гуддым Д. Ф. 630
Гудериан Г. 157, 172
Гурвич М. М. 710, 724
Гурсвич 650

Гуров И. П. 515
Гурьев С. С. 487
Гусев В. А. 646, 648
Гусев Н. И. 151, 152
Гутерман Н. А. 469
Гуща 146
Гущеня В. Н 178

Давтян 365
Дагаев Н. П. 59, 118, 123
Далматов В. Н. 344
Далидович А. Н. 168, 177
Данилевич А. А. 469
Даниленко 306
Данилов А. И. 479
Данкевич 678
Дементьев В. С. 297
Демин 399
Демченко Я. М. 457
Денисов Н. Ф. 598
Деньгин С. А. 662
Дернушков Ф. И. 176
Дерюго В. К. 176
Джеранян 442
Дзусов Н. М. 386
Дибров П. А. 315
Дин 42, 93, 94
Дмитриев В. И. 666
Дмитриев 723
Добровольский 699
Добряков А. В. 198, 666, 712
Долматов 182
Домашов 675
Донец Г. Т. 251, 674
Донец А. А. 293, 294, 301
Доронин Ф. Н. 673, 734
Дружинин М. И. 529
Дубровский Д. Г. 252
Дудаков 649
Дутов В. Н. 251
Духовной Е. Е. 288, 292, 301
Дьячков 555

Егоров А. И. 189
Егоров В. П. 673, 736
Егоров М. 181
Екимова А. 279
Елисеев Е. П. 6
Ельников П. Н. 288
Емельянов А. М. 339
Емельянов И. А. 283
Емельянов Н. А. 177
Еременко А. И. 77, 88, 94, 95, 98, 99, 100, 109
Еременко В. Г. 170, 177
Еремин М. П. 354, 355
Ермаков А. Н. 121, 124
Ермилов 435

Ефимов А. Н. 229
Ефремов 399

Жарков 400
Жиженков 496
Жижин Н. К. 251
Жгутов Е. Т. 328, 335
Жилин Б. А. 353, 354
Жилин 399
Жмулев Ф. И. 243
Жолудев В. Г. 25, 357, 360, 366, 368
Жуков Г. К. 5, 7—9, 15, 19, 49, 52—54, 65, 66, 97, 104, 109, 110, 114, 138, 143, 147, 172, 189, 190, 211, 212, 226, 262, 356, 357, 374, 382, 383—385, 388, 393, 406, 435, 574, 576, 578, 584, 627, 733
Жум 676
Жупинский И. А. 701, 705
Жучкин А. В. 537

Забродский 650
Завадовский М. Н. 455, 457
Завадский 145
Загришев А. В. 347
Зайнулин Ф. А. 605
Замятин Ф. 306
Заслонов К. С. 273
Захаренко К. Е. 470
Захаров Г. Ф. 26, 27, 29, 47, 51, 66, 140, 222, 304
Захаров М. В. 57, 189
Захаров Н. П. 314, 318, 329
Захаров 649
Затюня И. Н. 176
Зверев В. И. 449
Зеленский В. И. 705
Зенков М. М. 368
Зиборов Н. В. 169
Зимянин М. В. 407
Зиновьев Н. М. 689, 699, 700
Зиновьев 302
Зирка 365
Знаменский Г. А. 661
Зотов В. П. 260
Зотов 617
Зотов 616

Ибонский Н. Б. 62, 315, 330
Иванишко 125
Иванов А. П. 297
Иванов Б. 300
Иванов Б. А. 620
Иванов И. И. 550, 553, 556, 572, 576, 578, 580
Иванов С. Н. 169
Иванов 676
Ивашечкин М. В. 344, 356, 358, 362
Иващенко 247
Ивьяков В. 306
Игнатенко 723
Игнатов Н. В. 520, 521, 566
Иголкин П. И. 189
Изюмов Н. А. 634
Ильин Н. Г. 168
Ильинич М. И. 170
Ильинский Б. В. 726
Иноземцев Г. Н. 127
Инякин С. С. 643
Ионов П. П. 382
Ионов Ф. В. 648, 649
Исаев В. В. 243
Исаченко И. Ф. 307
Истомин Н. А. 245
Ищенко И. М. 329. 332, 333

Казаков В. И. 5, 13, 24, 25, 146, 250, 494
Казаков 400
Казарцев А. И. 285, 287, 288, 291, 293, 297, 303
Казбинцев С. Б. 189, 217, 609
Калашников П. А. 650
Калеберденко 529
Калинин Н. В. 289, 302
Калинин М. И. 39
Калинин П. З. 6, 246, 247, 285
Калинин И. П. 315
Калиниченко П. И. 218
Калюжный И. П. 296
Каменев Ф. И. 331, 332
Каменкин Н. П. 632
Камера И. П. 189
Кантария М. 181
Капилевич Я. Б. 725
Капуста 179
Капустин 509
Карабут И. Л. 233
Караван А. Ф. 619
Каравацкий А. З. 373, 386
Карасев В. А. 173
Карпенко В. Г. 650
Карпенков Д. А. 55, 662
Карпиков И. Е. 705
Карпов Г. И. 724
Карпоносов А. Г. 60, 61, 81

Карпухов К. М. 608
Касатонов И. М. 337, 338
Качур П. В. 368
Квашнин А. П. 291
Кейтель 406
Килюшек И. С. 331, 332
Кириллов А. С. 251, 377
Кириллов И. К. 646, 648
Кириченко П. М. 607
Кияшко Г. Г. 607
Клещев А. Е. 169, 273
Клинские 570
Клочко 622
Кобяков И. Г. 632, 638
Ковалев И. Г. 170
Ковалев Г. К. 173
Ковалев Г. В. 247
Ковалев Е. М. 534
Ковалев И. В. 6, 666, 727
Кожанов В. И. 534
Кожанов К. Г. 631
Кожар И. П. 273, 562
Кожевников М. Н. 388
Козаченко П. К. 234
Козлов В. П. 247, 273, 565
Козловский В. М. 168
Колесников С. Т. 566
Колмаков А. А. 314, 317, 329
Колодкин В. А. 570
Колпакчи В. Я. 37, 152, 153, 244, 245
Колтунов Л. И. 301
Комаров Г. И. 380, 395
Комаров Т. О. 630
Комаров Д. Е. 264, 265, 631
Комаров В. Т. 169
Комаров Ф. А. 296
Комолов 538
Конев И. С. 20, 39, 189
Коннов И. П. 349, 360, 362
Коновалов В. А. 345
Конопович И. С. 169
Константинов М. П. 152, 245, 561, 565
Корж В. З. 169, 273
Коробков Н. 722
Королев И. Г. 337
Королев Н. Ф. 273
Коротаев П. В. 223, 242
Коротков И. И. 318
Коротченко С. Д. 260
Корчагин И. М. 701, 705
Корчица В. 145
Коршунов 632
Косарев С. Т. 534
Косачев В. А. 635
Косовичев Л. Ф. 650
Косырев В. В. 115, 118
Косых М. М. 250, 382
Косяк И. Р. 557
Котляр 125
Кошевой П. К. 51
Кошук М. Н. 133
Кравцов 649
Кравченко 435
Крайко В. Е. 177
Краснобаев Н. И. 673, 736
Красноборова Е. 279
Красноштанов И. Д. 646, 648
Крейзер Я. Г. 51, 98, 100, 422
Кремер С. Д. 307, 596, 597
Кренов 400
Кривошапов К. С. 296
Кривошеин С. М. 257, 428
Крупский И. В. 373, 380, 401, 556
Кругляк 678
Крутий Я. А. 288, 290
Крылов Н. И. 55, 57, 61, 64, 70—72, 74, 78, 81, 87, 88, 95, 96, 98, 101, 200, 276, 417, 448, 590, 594, 662
Крюков В. В. 152, 245, 401, 561, 565, 665
Крюченкин В. Д. 96, 97, 210
Кубасов А. Ф. 346, 365
Кубе В., фон 246
Кублицкий В. Г. 602
Кугутов Б. Н. 676
Кудаковский Л. В. 315
Кудашев А. И. 176
Кудрявцев А. Г. 315
Кудряшов А. И. 59
Кузенов М. И. 538
Кузнецов В. М. 618
Кузнецов К. Г. 457, 467
Кузовков И. А. 553, 556, 565, 566
Кукурченко И. И. 597
Кулешов И. З. 555, 556, 568
Куликов В. Ф. 516
Куликов П. Н. 55, 451, 464, 470
Куликов С. А. 288, 290
Куликов 534, 535
Курасов В. В. 29, 57, 58, 81, 106, 115, 116, 118, 122, 123, 124, 130, 311, 312, 320
Курильчик Н. Д. 168
Куркин И. В. 294
Курков А. П. 586, 602
Курочкин П. А. 140
Кухаренко П. М. 168
Кутузов А. П. 368
Кучерявенко М. П. 123, 315, 325

Лаврухин 676
Лазутин В. Т. 218
Ласкин Н. М. 287, 289, 291, 292
Лахтарин П. А. 662
Лебедев В. В. 247
Лебедев Т. С. 335, 336
Лебедев С. А. 242
Левицкий П. А. 247
Левченко 347
Лейман Я. Я. 305
Ленин В. И. 6
Лепские 570
Летунь 676
Лещенко Н. П. 511, 512
Леонов В. В. 285, 301
Леонов Д. С. 29, 47, 93, 106, 114, 115, 118, 311, 314, 320
Лимаренко П. А. 630, 639
Лисевич Ф. И. 169
Лихтенштейн 678
Лобанок В. Е. 6, 273, 282, 285
Лобенко 400
Ловягин 400
Лозинский М. Г. 678
Локтионов И. В. 169
Лоленко И. Ф. 615, 617
Ломов Н. А. 217
Лопатин А. И. 318
Лопатин И. Т. 307
Лосик О. А. 615, 621, 622
Луговской Н. П. 315, 336, 337
Луев И. П. 286, 287, 291, 297, 305, 306
Лукашев С. М. 705
Луцкевич И. Л. 315, 328, 331
Лучинский А. А. 25, 29, 31, 51, 68, 141, 146, 147, 177, 257, 360, 381, 385, 429
Львицин М. Ф. 605
Львов А. В. 169
Лысенко 401
Любимцев 301
Люблинский Н. М. 691
Людников И. И. 6, 54, 56, 61, 70, 71, 74, 75, 78, 79, 85, 96, 100, 126, 200, 523
Лютцов 148
Люхтиков А. С. 62, 122, 130, 315

Ляхов Е. П. 177
Лященко 127

Маз Е. 570
Мазуров К. Т. 407
Макаревич 399
Макаров М. Г. 260
Макаров В. А. 576
Макаров В. Е. 29, 47, 83, 114, 189, 192, 278, 284, 453, 455, 456, 609
Макеев К. С. 223
Максименко П. Я. 154, 251
Максимов Ф. 722
Маланьин К. А. 6
Малахов Ю. Н. 612
Малинин М. С. 6, 24, 47, 143, 153, 178, 251, 273, 348, 387, 517, 550, 665
Малиновский Р. Я. 57, 189
Малышев В. А. 18
Малышев П. Ф. 92, 115, 117, 134
Мамалуй 615
Маркелов А. Г. 236
Маркина М. 723
Марфенков С. П. 290
Маршалл 93
Масленников Ф. Ф. 59, 126, 312—314, 323
Маслов А. Г. 476
Маслов В. Т. 366—368
Матвеев В. Г. 297
Матвеев 363
Матросов 649
Машеров П. М. 169
Машков 302
Мелешенко А. С. 705
Мельников В. В. 282
Мельник 618, 619
Мельничук 650
Меньшов В. Б. 314, 329
Мерецков К. А. 64, 189
Мерзляков И. Н. 177
Меркуль В. Т. 168
Мехлис Л. З. 26, 47, 189, 261
Миддельдорф Э. 172
Микоян А. И. 259
Минькович С. С. 307
Митрофанов 333
Митт 617, 618
Мисьон 442
Михайлов Д. В. 132
Михайлов И. В. 297
Михайлов 597
Михалев 568
Михалкович Ф. С. 169
Михаэлис 476
Мищенко Н. М. 328
Молотов В. М. 35
Молчан Т. А. 168
Молчанов П. А. 279, 286
Мордасов И. А. 557
Морозов А. 562
Морозов Д. К. 288, 290, 297, 306
Морозов 568
Морозов 723
Мочульский Р. П. 285
Мощалков П. П. 260
Мухин 568
Мысник Г. П. 177
Мюллер 88, 652, 653, 654
Мюллер-Бюлов К. 176
Мюллер 88, 482, 485

Надысев Г. С. 250
Наумов К. И. 638
Неделин М. Я. 173
Некрасов 652
Нестеров В. Ф. 554, 555, 557
Нестеров С. К. 617, 622
Нечаев М. Е. 612
Нигомаев Ш. Н. 169
Никитин И. К. 573
Николаев Г. Ф. 335
Николаев Л. 709
Николаева В. 279
Никонов А. Т. 556
Никонов Н. А. 337
Никонов 484
Новак А. Ю. 574, 575
Новгородские 556
Новиков А. А. 18, 22, 66, 67, 114, 189, 382, 387, 388, 393, 394
Новиков С. Ф. 168

Обузов В. Т. 60, 61, 86—88, 92, 95, 98, 100, 101, 182, 284, 295, 296, 307, 585, 596, 607, 609, 685
Обыскалов Н. 613
Овчинников Б. В. 619
Овчинников В. 709
Овчинников 529
Одинцов К. Н. 241
Октябрьская М. 612
Омельченко А. Ф. 705
Опарин 360
Орел Г. Н. 146, 251, 255, 636
Орлов П. А. 564
Орловский К. П. 273
Осин Н. Л. 314, 319
Осипенко И. П. 242
Осипов 479
Осликовский Н. С. 61, 72, 75, 76, 82, 92, 95, 98, 100, 182, 282, 285, 295, 296, 301, 589, 590, 593, 596
Островский И. И. 373

Павлов Н. И. 177
Палаженко А. П. 288
Панков Н. М. 646
Панов М. Ф. 6, 25, 30, 32, 33, 146, 210, 245, 257, 263, 267, 382, 397, 508, 559, 561, 565, 578, 622 — 624, 629
Папен Ф, фон 176
Папивин Н. Ф. 59, 115, 116, 118, 123, 130, 131, 330
Пахомов 619
Пенчевский А. П. 218
Пеньковский В. А. 59, 125
Первенцев Г. Н. 218
Перекрестов Г. Н. 288, 293, 298
Перепечков Н. И. 176
Пересыпкин И. Т. 22, 114
Петерс Г. Б. 457
Петров И. Е. 50, 140
Петров Н. П. 297
Петров 534
Петров 649
Петров 673
Петрова К. 279
Петропавловский П. 499
Петряев А. Н. 479
Печкуров 265
Песчерин 676
Пинчуки 570
Пищекевич Б. Т. 555, 556
Плакатин Г. И. 703
Плиев И. А. 6, 25, 30, 31, 147, 150, 151, 177, 257, 263, 382, 397, 428, 436, 499, 510, 511, 571, 640
Плотников И. 306
Плышевский Г. Н. 177
Подобудчик З. Ф. 177
Поздняков В. Г. 250
Покачура В. А. 705
Покровский А. П. 6, 29, 47, 57, 278, 452, 483, 590
Покровский Г. Ф. 176, 184, 608
Полетаев Н. С. 612
Половко Р. Е. 705
Полонейчик М. С. 176
Полторжицкий 146
Полынин Ф. П. 152, 372
Поляков 630
Пономарев И. М. 55, 305, 662

Пономаренко П. К. 10, 157, 246, 250, 251, 406, 495, 662
Пономаренко И. С. 650
Попов А. Г. 641
Попов В. С. 151, 152
Попов 431, 434
Попов 401
Поприкайло М. С. 436, 445
Поскребышев А. Н. 18, 19
Потанин А. 294
Потапенко П. З. 168
Потапов М. И. 590
Прихидько Н. Я. 55, 218, 278, 282
Прозоров С. Т. 603
Прокопюк И. А. 173
Прокофьев И. А. 258
Пронин А. С. 219
Пронькин Н. В. 169
Прохоров М. П. 495
Прохоров 127
Прочко И. С. 6
Прошляков Л. И. 251, 258, 354, 674
Прудников Ф. К. 245, 252
Прусак М. П. 176
Псурцев Н. Д. 217
Пузенко И. Д. 705
Пучнин 703
Пущин К. Ф. 176
Пщулковский 146

Радецкий Н. А. 245, 252, 375, 574, 583
Радзиевский А. И. 36, 154, 425
Разумов 649
Рак П. Н. 479
Ребров В. И. 377
Рейнгард 161
Репин А. К. 378
Решетко Т. Е. 570
Родин А. Г. 587, 593, 688, 700
Родионов М. И. 177, 602
Родкевич 146
Рожков И. М. 176
Рожков С. Я. 710
Розов Н. Н. 165, 169
Рокоссовский К. К. 5, 13, 22, 24, 25, 29, 47, 49, 50, 66, 88, 110, 135, 138, 181, 190, 208, 244, 248, 253, 263, 273, 304, 341, 343, 348, 352, 374, 375, 382, 387, 389, 429, 433, 442, 494—496, 510, 517—522, 549, 550, 552, 558, 559, 562, 563, 565, 568, 572, 575—579, 582, 627, 665
Романенко П. Л. 31, 68, 141, 142, 148, 245, 381, 393, 520, 521, 549, 552, 557—559
Романов А. В. 169
Романов И. К. 168
Романюк Н. И. 332
Ромашов К. 581
Ротмистров П. А. 5, 33, 71, 72, 78, 84, 87, 89, 98, 99, 101, 104, 200, 310, 404, 480, 622, 635
Рубашкин 580
Руденко И. П. 307
Руденко С. А. 556, 579
Руденко С. И. 5, 24, 25, 31, 155, 167, 228, 235, 250, 359, 371, 378
Рузвельт 35, 41, 42
Ручкин А. И. 62, 121, 125
Рыжиков В. Т. 301, 302
Рыжиков Е. В. 466
Рыжиков 271
Рыжков С. Я. 198
Рымарь 534

Саватеев 484
Савельева 556
Савченко В. С. 629
Савченко А. П. 654
Савченко 431
Садчиков П. Ф. 170
Саенко П. А. 554
Салтыков А. М. 607
Самарский Д. И. 550, 552 554, 556
Самсонов А. М. 592, 598
Санковский И. И. 553
Саркисян С. А. 650
Сарычев 705
Сафронов И. В. 315, 334
Сафронов 119
Сахатов 123
Сверчевский К. 145
Семенкевич П. Р. 717
Семенов И. И. 55, 218, 449, 451
Семенов М. И. 596
Семенов П. С. 449
Семенов 464
Семенин Н. А. 177
Семизоров В. В. 368
Сербу 434
Сергушкин А. И. 168
Серебряников Д. И. 339
Сиваков И. П. 127
Сидоров А. В. 555, 556
Сидорович Г. С. 587, 601
Сикорский С. И. 273
Симаков Ф. Ф. 637
Симиновский М. П. 55, 218
Симон В. П. 331
Синицин Г. И. 534
Синявский 432
Сироткин А. А. 698
Ситко И. П. 294
Скобова 125
Скориняков К. В. 115, 118, 123, 320
Скрипко Н. С. 66, 381, 383, 384
Смелый В. И. 564
Смирнов А. П. 673, 734
Смирнов В. И. 176
Смирнов Д. И. 645
Смирнов Е. И. 713
Смирнов Ю. В. 80, 470, 471
Смирнова Н. 279
Смоловик В. И. 231
Смоляр А. А. 690
Смольский Э. Л. 177
Снегуров А. И. 566
Собенников П. П. 347
Соболева В. 615
Соболь А. Г. 182
Соколов А. А. 294
Соколов А. Ф. 597
Соколов Г. Т. 480
Соколовский В. Д. 20, 138, 189
Соловьев Н. Е. 333
Соломенский Б. Л. 677, 678
Солтер А. П. 283
Сорока М. 354
Сорокин М. Я. 560
Сталин И. В. 17—19, 22, 33—35, 41, 42, 49—54, 58, 60—66, 69, 72, 75—78, 80, 83, 86, 90, 94, 97, 99, 104, 110, 114, 130, 139, 140, 211, 256, 257, 278, 410, 421, 732, 734
Станкевич 556
Старовойтов Н. Н. 176
Старостенко А. Н. 297, 306
Стахурский М. М. 250
Степанов А. П. 725
Степанов И. С. 170, 177
Степанов 431
Степановичи 570
Степура 705
Стерлигов Б. В. 382
Стечишин Н. К. 318
Столяров Г. Н. 176
Столяров Г. П. 710
Стороженко К. Е. 597
Стоцкий И. Т. 182
Стражевский В. 145
Строкин И. И. 247

Струев И. П. 643
Стрюков В. И. 635, 636
Ступаков М. Т. 734
Субботенко 709
Суворов В. И. 222
Сурганов Ф. А. 165, 407
Сухиничин 400
Сухомлин И. М. 640, 641
Сухорябов В. В. 380
Сысоев А. Д. 286
Сычев Ф. П. 508, 637

Таралов А. С. 735
Тараненко И. А. 243
Тарасенко А. У. 683, 704
Тарасов С. В. 635
Татаров Т. А. 177
Тверетинов Л. А. 508, 637
Телегин К. Ф. 6, 146, 244, 273, 350, 377, 378, 496, 681
Темиров А. Ш. 339
Теплинский И. А. 168
Теремов П. А. 148
Терехов К. П. 735
Терпеловский Б. Р. 356
Теске Г. 162, 171, 286, 580
Тетерин Н. Т. 177
Тимотиевич И. И. 507, 520
Тимошенко С. К. 189
Тимошенков Г. Н. 177
Типпельскирх К. 118, 234, 462
Титков И. Ф. 306
Титов Н. А. 337
Титов С. П. 313
Титова К. 615
Титовец А. 568
Тихомиров В. Н. 168
Тихомиров М. И. 331
Токмаков 401
Толкачев Н. К. 178
Томашевский А. А. 735
Траут Г. 454, 460, 463, 465, 471
Третьяков 302
Трифонов 125
Тугушев Х. 722
Турантаев В. В. 128, 315, 318, 325, 329
Туркель И. Л. 382
Туровцев 650
Турушев 127
Турчинский А. П. 401
Тутаринов И. В. 432, 434, 436
Тухачевский М. Н. 189

Уборевич Н. Н. 189
Удовиков Н. И. 319, 320
Украдыженко И. П. 125
Урбанович В. К. 25, 357
Усачев А. Ф. 279
Усачев З. Н. 534
Устинов А. З. 241
Утан 302
Ушаков В. А. 299
Ушаков Е. Г. 566

Файт, фон 246
Фалалеев Ф. Я. 54, 57, 61, 83, 321
Фальковская Е. 723
Фатин В. В. 649
Федоренко Я. Н. 18, 22, 114, 586
Федоров Н. Н. 170, 177
Федоров Н. А. 636
Федоров Ю. М. 283, 288
Федоров 528
Федотов В. Г. 337
Федюнинский И. И 245
Федюнькин И. Ф. 125, 127
Фенс Ф. 246
Филиппов Г. Н. 631
Филиппов Е. 602
Филоненко Н. П. 327
Филонов 649
Фирсович 151
Фогель И. Л. 177
Фогель Я. Я. 365
Фокин В. Н. 333, 334
Фоминых Е. И. 299
Френч 246
Фриснер Г. 462
Фроленков А. Г. 553, 556, 572
Фроликов Д. 622

Хазе 269
Хабибулин Ш. Х. 539
Харламов С. П. 229, 234
Харламов Ф. С. 307
Хватов Н. А. 279
Хвостиков 649
Хиттер 83, 302
Хлебников Н. М. 81, 115, 118, 120, 123, 130, 320
Хлебов А. А. 115, 122
Хлебтовский И. Ф. 444
Хлюстин П. А. 38
Хойзингер 172
Холодков 600
Хоружая В. З. 273
Хохлов И. С. 198, 609, 662, 663, 692, 693, 700
Хохряков В. Е. 725
Храпко Н. Б. 169
Хрулев А. В. 22, 27, 63, 114, 257, 261, 272, 669
Хрюкин Т. Т. 57, 73, 100, 189, 197, 200, 459
Худяков С. А. 378
Хут И. В. 168

Цветков 539
Целищевский В. И. 305
Целуйко А. Ф. 170
Цимбаленко В. Ф. 327
Цыганов Н. Г. 469
Цыкин А. 6
Цымбал 555, 557

Чанчибадзе П. Г. 81, 98, 422
Чапаев В. И. 118
Чемерис С. М. 717
Чепига В. П. 173
Червяков И. Г. 337
Черепанов М. В. 177
Черников С. В. 134
Чернышев С. Ф. 339
Черноусов 597
Черняк А. Г. 520
Черняк С. И. 567, 568
Черняков А. Г. 666
Черняховский А. Д. 301
Черняховский И. Д. 22, 47, 50, 53, 54, 60, 61, 64—69, 72—75, 77—79, 83, 86, 88, 92, 94—97, 101, 110, 140, 189—192, 198, 200, 201, 208, 209, 215, 277, 278, 284, 295, 299, 308, 310, 421, 452, 455, 456, 458, 464, 468, 479, 480, 483, 524, 533, 586, 587, 590, 591, 593, 596, 606, 609, 688, 700, 701
Черокманов Ф. М. 550, 553
Черчиль У. 35, 41, 42, 273
Чечнева М. П. 221, 228
Чижов 339
Чинков А. Ф. 325, 332, 333
Чирва С. Н.
Чистяков И. М. 1, 54, 57, 59, 61, 67, 69—71, 73, 86, 92, 98, 100, 115, 120, 122, 124, 125, 130, 132, 312, 321
Чкалов В. П. 372
Чогуб 675
Чудинов П. А. 495
Чупайкин А. П. 621
Чуйков В. И. 37, 152, 155, 424, 665
Чулицкий Н. Н. 307
Шабалов С.И.59, 311, 314, 324,
Шабайдулин Ш. З. 641
Шабанин 251
Шавелиев Б. Г. 468

Шалаев Н. К. 609
Шамис И. Л. 596
Шамшин И. А. 250, 251
Шангин Б. Г. 173
Шанина Р. 279
Шанин С. Н. 687, 709
Шапкин И. М. 703, 704
Шапошников Б. М. 51
Шаров В. А. 602
Шаров Г. В. 637
Шарохин М. Н. 58
Шафранов 457, 463, 468
Шацких Н. 723
Шашкин К. Ф. 177
Шверник Н. М. 18
Швец Г. Н. 169
Швидкой П. В. 551, 556, 573, 574
Шевандо М. В. 694
Шевченко И. А. 468
Шестеркин 433
Шестопалов И. Е. 705
Шестопалов Н. А. 177
Шилов 616
Шиошвили П. Ш. 315, 329
Шишов Ф. Ф. 289, 292
Шифрин А. Ш. 218
Шкурин М. М. 315, 322, 324, 325, 326
Шланаков Н. Г. 177
Шляхтенко М. К. 251, 681
Шмаль 676
Шмидт Аурия 641, 642
Шмидт 83
Шмырев М. Ф. 273
Штеменко С. М. 22, 26, 27, 212, 217, 225, 416, 737
Штиф 269
Шуба 176
Шуйдин М. И. 608
Шуканидзе Г. Г. 597, 598
Шульгин Б. В. 630, 637
Шуцкий Б. П. 170, 177

Щеглов А. А. 608
Щеглов Е. В. 62, 314, 317, 323, 329
Щедрин М. Н. 55, 218
Щербаков Р. Н. 170
Щербина Н. К. 467, 487
Щукин 602

Эрастов К. М. 572
Эренлейтер 246

Южаков С. 709
Юзьвяк 146
Юркевич Г. Д. 169
Юрковцев В. С. 177
Юрченко А. В. 297
Юрченко П. Д. 650
Юрьев А. Ф. 170

Якименко М. П. 176
Яковлев Н. Д. 22, 26, 114, 670
Яковлев Н. И. 173
Яковлева Г. 615
Яковлева З. 615
Яковлева М. 615
Яковлевич П. Г. 247
Якута 125
Якушин С. М. 537
Ярошевич 146
Ясько 617
Яшин Н. И. 649

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

Г. К. ЖУКОВ
РАЗГРОМ ФАШИСТСКИХ ВОЙСК В БЕЛОРУССИИ 15

А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ
ВОСПОМИНАНИЯ О БЕЛОРУССКОЙ ОПЕРАЦИИ 40

И. Х. БАГРАМЯН
ВОИНЫ-ПРИБАЛТИЙЦЫ В СРАЖЕНИЯХ ЗА БЕЛОРУССИЮ 109

К. К. РОКОССОВСКИЙ
НА НАПРАВЛЕНИИ ГЛАВНОГО УДАРА 138

П. К. ПОНОМАРЕНКО
ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ 157

А. П. ПОКРОВСКИЙ
3-Й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ В ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН» 184

К. А. ВЕРШИНИН
4-Я ВОЗДУШНАЯ АРМИЯ В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ 219

К. Ф. ТЕЛЕГИН
НА ЗЕМЛЕ БЕЛОРУССКОЙ 244

Н. И. КРЫЛОВ
НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ 276

А. П. БЕЛОБОРОДОВ
ВИТЕБСКИЙ «КОТЕЛ» 311

А. В. ГОРБАТОВ

3-Я АРМИЯ В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ 341

С. И. РУДЕНКО

16-Я ВОЗДУШНАЯ АРМИЯ В БЕЛОРУССКОЙ ОПЕРАЦИИ 371

П. А. РОТМИСТРОВ

УДАР НЕБЫВАЛОЙ СИЛЫ 404

И. А. ПЛИЕВ

НА ОСТРИЕ УДАРА 428

К. Н. ГАЛИЦКИЙ

ГВАРДЕЙЦЫ 11-Й В БОЯХ ЗА БЕЛОРУССИЮ 446

В. И. КАЗАКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ КОМАНДУЮЩЕГО АРТИЛЛЕРИЕЙ ФРОНТА 494

И. И. ЛЮДНИКОВ

39-Я АРМИЯ В БОЯХ ЗА ВИТЕБСК 523

П. И. БАТОВ

65-Я В БОЯХ ЗА БЕЛОРУССИЮ 549

В. Т. ОБУХОВ

3-Й ГВАРДЕЙСКИЙ СТАЛИНГРАДСКИЙ МЕХАНИЗИРОВАННЫЙ КОРПУС В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ 585

А. С. БУРДЕЙНЫЙ

ТАЦИНЦЫ В БОЯХ ЗА БЕЛОРУССИЮ 611

М. Ф. ПАНОВ

МАНЕВР НА ОКРУЖЕНИЕ 624

Д. И. СМИРНОВ

121-Й СТРЕЛКОВЫЙ КОРПУС В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ 645

Н. А. АНТИПЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЫЛОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ОПЕРАЦИИ 658

А. У. ТАРАСЕНКО

...И ВНОВЬ ОЖИВАЮТ СТАЛЬНЫЕ СЕРДЦА (ТАНКИСТЫ-РЕМОНТНИКИ 3-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА В ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН») 683

Г. П. СТОЛЯРОВ

МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛЕТНЕГО НАСТУПЛЕНИЯ 3-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА В 1944 Г. 710

И. В. КОВАЛЕВ

ТРАНСПОРТ В БЕЛОРУССКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ 727

ПРИЛОЖЕНИЯ 739

Приложение № 1

Боевой состав войск 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов на 23 июня 1944 г. 741

Приложение № 2

Руководящий состав фронтов, армий, корпусов и дивизий, участвовавших в Белорусской операции 748

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 786

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 788

ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ 1944

Издание второе, исправленное и дополненное

Утверждено к печати редколлегией серии «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах»

Редакторы *В. Я. Макаров, Г. И. Рыкова*
Художественный редактор *В. Н. Тикунов*
Художник *Н. Б. Старцев*
Художественный редактор *В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 25/XII 1973 г. Подписано к печати 9/IV 1974 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 50,65. Уч.-изд. л. 56,5. Тираж 40 000. Т-06528. Тип. зак. 3311.
Цена *3 р. 83 к.*

Издательство «Наука».
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
33	9 сн.	а передовые	когда передовые
651	2 св.	Свюза	Союза

Б 2.73-4

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“